

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
КОМИТЕТ НАУКИ**

**ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И ЭТНОЛОГИИ
ИМ. Ч. Ч. ВАЛИХАНОВА**

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ ИМ. А. Х. МАРГУЛАНА

История КАЗАХСТАНА

**С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО НАШИХ ДНЕЙ
В ПЯТИ ТОМАХ**

Алматы «Атамұра» 2010

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

АБЫЛХОЖИН Ж.Б., АЛДАЖУМАНОВ К.С. (ответственный редактор), АСЫЛБЕКОВ М.Х., БАЙПАКОВ К.М., БУРХАНОВ К.Н., ИСМАГУЛОВ О.И., КАПАЕВА А.Т., КОЗЫБАЕВ М.К., КОШАНОВ А.К., КУМЕКОВ Б.Е., КУЛ-МУХАММЕД М.А., МАЖИТОВ С.Ф. (главный редактор), НУРПЕЙС К.Н., САГАДИЕВ К.А., ТОКАЕВ К.К., ТУЙМЕБАЕВ Ж.К., ТУЛЕПБАЕВ Б.А.

ТОМ 4

**КАЗАХСТАН
В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД**

УДК 94 (574)
ББК 63.3 (2 к)
И 90

И90 История Казахстана (с древнейших времен до наших дней). В пяти томах. Том 4. — Алматы: «Атамұра», 2009. 768 с., табл., илл., карты.

ISBN 9965-34-997-5, т. 4

ISBN 5-7667-2984-7

Книга посвящена истории Казахстана в советский период — 1917–1985 гг. В томе освещены кардинальные изменения в общественно-политическом и экономическом развитии Казахстана с 1917 г. Авторы тома опирались на современные концепции отечественной историографии и общественнознания, а также зарубежной исторической науки. В книге рассмотрены вопросы истории периода двоевластия, а также истории установления Советской власти и Гражданской войны в Казахстане. Восстановлена также объективная истина истории движения казахских автономистов под эгидой Алаша и автономии Алаш-Орды. С новых концептуальных подходов освещены социально-экономические реформы Советской власти в начале 1920-х годов. Особое внимание в томе обращается к трагедии конца 20-х — начала 30-х годов XX в. Обобщены результаты проведения «культурной революции» в крае. Авторы обратили также внимание на проблемы истории массовых политических репрессий и депортации в Казахстан отдельных народов, этнических и социальных групп, осуществленных Советской властью в предвоенные годы и в период войны; освещены борьба казахстанцев на фронтах Великой Отечественной войны, восстановление народного хозяйства, развитие экономики и культуры республики в послевоенные десятилетия. При этом авторы обращали внимание на проблемы экстенсивного развития экономики республики как сырьевого придатка общесоюзного военно-промышленного комплекса, нанесшего непоправимый ущерб экологии и окружающей среды.

В качестве самостоятельной проблемы рассматриваются изменения в социальной структуре населения, процессы этнодемографических трансформаций, а также история миграции, ареалы расселения казахской диаспоры за рубежом.

Содержание тома основано на широкой источниковой базе. В нем использованы новые документы и сведения из отечественных и зарубежных архивов, материалы документальных сборников и статистических отчетов, периодической печати, а также материалы ранее закрытых архивных фондов.

Книга содержит таблицы, иллюстрации, карты, научный аппарат, указатели. Издание рассчитано на обществоведов, преподавателей вузов и школ, студентов, на всех интересующихся историей Республики Казахстан.

Редколлегия тома:

**Ж.Б. АБЫЛХОЖИН, К.С. АЛДАЖУМАНОВ, К.Н. БУРХАНОВ,
А.Т. КАПАЕВА, С.Ф. МАЖИТОВ**

И 0503020905-001 Без объявления, 2010
418(05)—2010

УДК 94 (574)
ББК 63.3 (2 к)

ISBN 9965-34-997-5, т. 4
ISBN 5-7667-2984-7

© «Атамұра», 2010

ПРЕДИСЛОВИЕ

Четвертый том пятитомной «Истории Казахстана с древнейших времен до наших дней» посвящен проблемам отечественной истории советского периода. Предшествующий третий том завершен историей свержения монархии в Российской империи и событиями Февральской революции 1917 г. в Казахстане. Хронологически четвертый том охватывает события с февраля 1917 года по 1985 год, когда с изменением курса в общественно-политической и экономической жизни Советского государства были заложены предпосылки развала СССР.

В томе освещены кардинальные изменения в общественно-политическом и экономическом строе бывшей Российской империи, наступившем после революции 1917 г. и охватившим все национальные окраины, в том числе и Казахстан. При этом авторы тома опирались на современные концепции отечественной историографии и общественно-знания, а также зарубежной исторической науки. Как известно, конец 1980-х — начало 90-х годов в обществе ознаменованы пересмотром ранее устоявшихся концепций истории Советского государства, классового подхода в исследовании исторических событий. Развал СССР, формирование суверенного государства Казахстан, рост национального самосознания народа, крах советской государственной системы и разрушение коммунистической идеологии коренным образом изменили положение исторической науки. Общественно-политические процессы в СССР 1980-х годов охватили в первую очередь сферу гуманитарных и общественных наук. Начало перемен в общественной и государственной жизни выдвинуло тогда на первый план исторические исследования, основанные на принципах объективной истины. Постепенно начинался отход от идеологизации науки, евроцентристских принципов в изложении и трактовке событий и фактов, изменилась методология исторических исследований с отказом от ущербной ориентации на классово-групповые приоритеты и однопартийность. При этом непреложным фактом развития исторической науки Казахстана стало положение о том, что государственное единство, национальное и духовное согласие должны формироваться под воздействием глубокого изучения исторических процессов. Все эти факторы ныне являются главными приоритетными направлениями исторических исследований.

В промежутке между февралем и октябрём 1917 г. в казахском обществе имело место стремление различных социальных слоев к актив-

ной политической жизни. Результатом этого стало появление различных политических партий и течений. В июле 1917 г. в г. Оренбурге на первом Всеказахском съезде состоялось организационное оформление партии «Алаш», которую возглавила казахская национальная интеллигенция. Оппонентом этой партии выступила просоциалистически настроенная партия «Уш жуз». Большевистской ориентации придерживались многие рабочие-тыловики и солдаты-фронтовики, возвратившиеся в Казахстан летом 1917 г. из прифронтовых линий Первой мировой войны. Большую агитационную работу среди народных масс, в особенности среди рабочих провели сами большевики. Подобным образом складывалась благоприятная почва для установления Советской власти, провозглашенной после свержения Временного правительства в Петрограде.

Однако с выстрелом крейсера «Аврора» жизнь казахского народа не изменилась в одночасье. Прокламировавшие в «Декларации прав народов России» идеи национального самоопределения и рассчитанные на короткий временной промежуток идеи пацифизма, оригинально обыгранные в «Декрете о мире», не спасли казахов от предстоящих социальных и политических преобразований советской эпохи.

Сквозь высоту времени и современное мировидение легко рассуждать о днях давно минувших. В историографии последнего десятилетия события Октября 1917 года получили разностороннюю оценку во всех странах бывшего СССР, особенно в самой России, где это событие имело наибольший размах. Исследователи различных мастей предлагали оценить это событие как «переворот», «глобальный эксперимент» и т.д. Некоторые договорились вплоть до полного отрицания этого события как исторического факта. Словом, новейшая историография особенно постсоветского пространства немало поэкспериментировала над тем, во что верило не одно поколение людей и не только на одной шестой части света. В то же время речь идет не об огромной массе фанатиков, а о конкретном человеке, личности, гражданине, который имеет право на стремление к совершенству, к идеалу. Быть может подобный подход может считаться банальным. Однако в сути своей он наиболее приемлемый и цивилизованный, лишен предвзятости и однобокости. Иначе трудно понять то, почему в претворении идей Октября участвовали люди с высоким умственным, интеллектуальным и организационным потенциалом. Правда с эпохи «перестройки» 1985 г. под сторонниками социалистической революции 1917 г. имелись в виду в основном пауперы, люмпены, аферисты и т.д.

В содержании четвертого тома нашли отражение концептуальные изменения в исследованиях по отечественной истории. Так, существенные изменения претерпели подходы в исследовании и изложении истории периода двоевластия после Февральской революции 1917 г., а также истории установления Советской власти и Гражданской войны в Казахстане. Восстановлена также объективная истина истории движения казахских автономистов под эгидой Алаша и автономии Алаш-Орды. С новых концептуальных подходов освещены социально-экономические реформы Советской власти в начале 1920-х годов. Особое внимание в томе обращается трагедии конца 20-х — начала 30-х годов

XX в., когда в ходе широкомасштабных экономических и политических реформ, в особенности силовой коллективизации, почти половина коренного населения Казахстана стала жертвой голода и покинула пределы республики. Обобщены результаты проведения «культурной революции» в крае. Противоречивость результатов этих преобразований отражена, с одной стороны, в итогах ликвидации неграмотности населения, развития сети народного образования, науки и культуры, с другой — избирательности в изучении культурного наследия прошлого, основанной на партийно-классовом подходе, преследовании и уничтожении выдающихся деятелей национальной интеллигенции и отлучении их творческого наследия от собственного народа. Авторы обратили также внимание на проблемы истории массовых политических репрессий и депортации в Казахстан отдельных народов, этнических и социальных групп, осуществленных большевистским тоталитарным режимом в предвоенные годы и в период войны.

Советский период истории Казахстана насыщен трагическими событиями и героическими усилиями народа во благо развития экономики, защиты страны: это борьба казахстанцев на фронтах Великой Отечественной войны, участие в партизанском движении и в трудовой армии, самоотверженный созидательный труд всего населения от мала до велика в интересах Победы, восстановления народного хозяйства, развития экономики и культуры республики в послевоенные десятилетия. При этом авторы обращали внимание на проблемы экстенсивного развития экономики республики как сырьевого придатка общесоюзного военно-промышленного комплекса, нанесшего непоправимый ущерб экологии окружающей среды.

В качестве самостоятельной проблемы рассматриваются изменения в социальной структуре населения, процессы этнодемографических трансформаций, а также история миграции, ареалы расселения казахской диаспоры за рубежом.

Содержание тома основано на широкой источниковой базе. В нем широко использованы новые документы и сведения из отечественных и зарубежных архивов, материалы документальных сборников и статистических отчетов, периодической печати, а также материалы ранее закрытых архивных фондов.

Текст четвертого тома написан следующими авторами: Предисловие — С.Ф. Мажитовым, К.С. Алдажумановым; Историография и источники — С.Ф. Мажитовым, К.С. Алдажумановым, Р.К. Нурмагамбетовой, К.Н. Нурпеисом, Р.М. Жумашевым, Б.М. Сужиковым, Ж.Б. Сулейменовым, К.Л. Есмагамбетовым; Главы первая и вторая — К.Н. Нурпеисом; Глава третья — Ж.Б. Абылхожиным (1, 3, 4), К.Н. Нурпеисом (2, 5); Глава четвертая — Ж.Б. Абылхожиным (1, 2, 3, 4, 5), К.С. Алдажумановым (5, 6); Глава пятая — М.Х. Асылбековым и Ж.М. Асылбековой; Глава шестая — Х.М. Абжановым (2, 3), А.Т. Капаевой (3); Глава седьмая — М.К. Козыбаевым (1), К.С. Алдажумановым (1, 3), Е.А. Кузнецовой, С.Д. Дильмановым (2); Глава восьмая — М.К. Козыбаевым (1, 2, 4), М.К. Козыбаевым, К.С. Алдажумановым (5, 6), П.С. Беланом (2), Н.Е. Едыгеновым (3), Т.Б. Балакаевым (4); М.К. Козыбаевым, С.Ф. Ма-

житовым (5); Глава девятая – Ж.Б. Абылхожиным (1), К.Н. Бурхановым, Б.Г. Аяганом, С.Ф. Мажитовым (2), Х.М. Абжановым, А.Т. Капаевой (3, 4); Глава десятая – Ж.Б. Абылхожиным (1, 2), К.Н. Бурхановым, Б.Г. Аяганом (3); Глава одиннадцатая – К.Н. Бурхановым (1), Ж.Б. Абылхожиным (1,3,4); А.Ш. Алтаевым (3); Б.Г. Аяганом (2); А.Т. Капаевой, Х.М. Абжановым (5); Глава двенадцатая – М.Х. Асылбековым, Ж.М. Асылбековой, В.В.Козиной; Глава тринадцатая – Г.М. Мендикуловой.

Иллюстрации к тому подготовили С.Ф. Мажитов, К.С. Алдажуманов, А. Шашаев, С. Рустемов, К. Алимгазинов. Карты-схемы подготовили К.С. Алдажуманов, А. Шашаев. Редакция текста и составительская работа проведена С.Ф. Мажитовым и К.С. Алдажумановым. Хронологический указатель составлен К.С. Алдажумановым и А.К. Омаровой. Указатели имен и историко-географических и топографических названий составлены К.С. Алдажумановым, А.К. Омаровой, Г.А. Омаровой, А.И. Кудайбергеновой и другими. В подготовке тома к печати участвовали Р.А. Бекназаров, Ж.А. Калиев, Л.Н. Нурсултанова, С.К. Рустемов. Координацию материалов и компьютерный набор тома провела А.Т. Саурыкова.

Редколлегия тома обращает внимание читателей на то, что транскрипция казахских имен и названий дана в нормах современной казахской лексики.

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКИ

1. ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ КАЗАХСТАНА В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

История Казахстана XX-го столетия по насыщенности событийным материалом, а, главное, по темпам идеологического наступления и попыткам освободиться от него, представляет собой один из основных разделов отечественного летописания. В историческом плане это, прежде всего, описание невиданного по долговременности эксперимента над человеческим обществом, а также оптимальной казахстанской модели выхода из этого состояния на уровень национально-государственного суверенитета. С другой стороны, отечественная историография советского времени, строго детерминированная в советско-марксистских схемах, не в состоянии дать адекватной мировоззренческой картины в соответствии с уровнем развития науки, поскольку она сама по себе являлась особым научно-политическим феноменом, вписанным в систему Советского государства и приспособленным к обслуживанию его идейно-политических потребностей. В первую очередь, это касается методологических подходов в толковании этапов советизации и модернизации на фоне возникших за последние десятилетия историософских направлений («информационного» (А. Тоффлер), «технотронного» (З. Бжезинский), «научно-рационалистического» (Ю. Хабермас), «технико-информационного» (Дж. Мартин, Т. Гувер), «цивилизационно-конфликтного» (С. Хантингтон) и т. д.).

В 1917 году казахи стали свидетелями и участниками двух революций – Февральской буржуазно-демократической и Октябрьской социалистической. Первая из них способствовала свержению монархии и власти русского царизма. Результатом Февральской революции стало и образование двоевластия, что для Казахстана имело немаловажное значение. Если в советской историографии деятельность Временного правительства однозначно окрашивалась в темные тона, то в условиях современной казахстанской историографической ситуации появилась возможность по-иному подойти к исследованию данной проблемы. В трудах ряда казахстанских ученых, в частности, академика М.К. Козыбаева¹, было обращено внимание на положительные для Казахстана результаты Фев-

ральской буржуазно-демократической революции и, в частности, деятельности Временного правительства.

Советский период истории ознаменован попыткой национальной консолидации под эгидой «Алаша» и Алаш-Орды и поражением движения казахских автономистов, послевоенным преодолением хозяйственной разрухи, наступившим вследствие Первой мировой войны, подавления восстания 1916 г., революций 1917 г. и Гражданской войны.

Октябрьская революция 1917 г. и последовавшая за ней Гражданская война 1918–1920 гг. стали определяющими в общественно-политической и экономической системе развития Казахстана. Ключевым моментом является образование казахской государственности, собирание земель и определение территориальных границ в составе советских республик. Поистине трагическими стали события, связанные с разрушением традиционной системы жизнеобеспечения казахов в 1920–1930-х гг. и включения республики в общий процесс социалистической реконструкции. Не умаляя значимость превращения бывшей восточной колонии Российской империи в индустриально развитую республику, нельзя умолчать о действительной цене данного переустройства, за которой стоят реальные люди и события.

Превращение Казахстана в одну из развитых национальных республик невозможно представить без учета роли всех наций и народностей, в том числе депортированных, обретших здесь свою вторую Родину. Велико значение казахстанского вклада в общую Победу над немецко-фашистскими захватчиками в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Историю республики 1950–1980-х гг., наряду с достижениями в сфере экономики, науки и культуры, невозможно представить без освещения проблем экологических катастроф Арала и Балхаша, Семипалатинского ядерного полигона, необратимых последствий «строек коммунизма».

Исходя из анализа современного развития казахстанской исторической науки, важно обратить внимание на наиболее актуальные проблемы истории Казахстана советского периода.

Изучение истории Октябрьской революции и Гражданской войны. Становление казахстанской исторической науки тесно связано с такими определенными событиями 1920-х годов XX в., как обретение национальной советской государственности и формирование казахстанской партийной организации. Все перипетии вышеназванных событий подробно рассмотрены в работе И.М. Козыбаева «Историография Казахстана: уроки истории» (А., 1990). Отметим основные этапы и формы организационного строительства научной отрасли республики. Первым научным учреждением по общественным наукам в Казахстане был Истпарт (Комиссия для собирания и изучения материалов по истории Октябрьской революции и истории Коммунистической партии), учрежденный постановлением Совета народных комиссаров (СНК) РСФСР от 21 сентября 1920 г., при Народном комиссариате просвещения (Наркомпросе), затем с 1 декабря 1921 г., при ЦК РКП(б) на правах отдела. Одним из первых в Казахском крае стал функционировать Семипалатинский истпарт, созданный 24 ноября 1921 г. Уже к 1924 г. губернские истпарты

действовали в Акмолинской, Актюбинской, Уральской, Кустанайской, Букеевской, Жетысуйской губерниях. Одновременно историю революционного движения на территории районов Казахстана, входивших тогда в состав Туркестанской АССР, изучал Туркестанский истпарт. Также в разработку данной проблемы внесли свой вклад Сибирский, Омский и другие подобные отделы и комиссии сопредельных регионов.

В 1920-х годах, как и прежде, научно-исследовательские работы велись учреждениями Академии наук. Однако, в отличие от прежних лет, данная работа имела более целенаправленный и масштабный характер.

Среди таких научных учреждений следует выделить Туркестанский и Сибирский отделы Комиссии по изучению национального состава России, которые занимались изучением численности и расселением казахов; антропологический отряд казахстанской экспедиции АН СССР; Государственную академию истории материальной культуры; музеи антропологии и этнографии, восточных культур. В это же время наблюдался рост и углубление деятельности Общества изучения Казахстана, наиболее крупным отделом которого был историко-этнографический. Координирующим работу обществоведческого направления, кроме истпарта, был Академический центр Наркомпроса КазССР, руководивший научной, просветительской и художественной деятельностью Наркомпроса.

Таким образом, в 20-х гг. XX в. были заложены основные научные и научно-организационные принципы изучения истории Казахского края. Данный процесс имел четко выраженный классово-идеологический, партийный характер, т.к. был тесно связан с формированием партийной организации в Казахстане. Именно этот фактор стал определяющим в выборе исторических сюжетов, в оценке роли и значения отдельных исторических личностей и целых событий и явлений и в последующие годы, вплоть до распада СССР. Поэтому первыми историческими работами стали публикации по революционной проблематике, истории Гражданской войны на территории Казахстана.

За редким исключением львиную долю печатной продукции 1920–1930-х годов составляют материалы мемуарного характера, принадлежавшие главным образом активным участникам борьбы за власть Советов и Гражданской войны, в дальнейшем ставшими видными работниками партийных и советских органов.²

Публикации вышеназванных авторов ценны тем, что в них содержатся интересные, малоизвестные широкому кругу исследователей, данные о социально-экономическом и политическом положении в Казахстане накануне 1917 года, об отношении различных слоев населения к двум революциям 1917 года, о вооруженном противостоянии «красных» и «белых» в 1918–1920 гг., приведены сведения о процессе становления местных Советов как органов государства «диктатуры пролетариата». Вместе с тем, в них делается попытка доказать тезис о том, что победа Октябрьской революции в центре и установление Советской власти на национальных окраинах России, в том числе и в Казахстане, являются закономерными явлениями, отвечающими

коренным интересам трудящихся и поэтому — теоретические взгляды и практические действия партии «Алаш» и правительства Алаш-Орды и их сторонников, направленные против коммунистической идеологии и конкретных действий Советской власти, являются антинародными и контрреволюционными.

В то же время А. Байтурсынов и ряд других лидеров Алаш-Орды утверждали обратное. Так, А. Байтурсынов в своей статье «Революция и киргизы», опубликованной в органе Народного комиссариата по делам национальностей (Наркомнац) РСФСР «Жизнь национальностей» (1919, 3 августа), писал: «Насколько понятна была киргизам (казахам — *авт.*) Февральская революция, настолько непонятной показалась им Октябрьская... С какой радостью встретили они первую революцию, с таким ужасом пришлось им встретить вторую». Это он объяснял тем, что Февральская революция освободила казахов «от гнета и насилий царского правительства и... подкрепила у них надежду осуществить свою заветную мечту — управляться самостоятельно. То, что вторая революция показалась киргизам непонятной, объясняется просто: у киргизов нет ни капитализма, ни классовой дифференциации; даже собственность у них не так резко ограничена, как у других народов: многие предметы потребления считаются у них общественным достоянием» (там же). Но такие мнения и взгляды не были доминирующими в официальной историографии Октябрьской революции и Гражданской войны и это продолжалось до конца 1980-х гг.

Не все публикации 1920—1930-х гг. равноценны как по своему содержанию, так и по охвату исторических событий. Многие из них посвящены отдельным, локальным районам Казахстана или отдельным событиям Гражданской войны и процесса установления Советской власти в Казахстане.

Одним из недостатков литературы 1920-х годов, как верно отмечал в свое время Т.Е. Елеуов, была слабая источниковедческая база. В то время документы Октябрьской революции и Гражданской войны не издавались. Нередко исследователи вынуждены были строить свои выводы без учета всей совокупности фактов, характеризующих процесс развития революции и Гражданской войны, а исходя из отдельных фактов, оказавшихся тогда доступными.³

Работа по изучению истории Октябрьской революции и Гражданской войны в Казахстане в известной степени активизировалась в 1940—1950-е годы, в особенности она стала целенаправленной после Отечественной войны.⁴ В обобщающих работах по истории Казахстана, изданных в 1943 и 1949 годах, а также во втором томе «Истории Казахской ССР (эпоха социализма)», были специальные главы, посвященные показу процесса победы Советской власти и Гражданской войны в крае.⁵ Появились первые сборники документов и материалов по истории Казахстана 1917—1920 гг.⁶ Исследовались история установления Советской власти в различных регионах Казахстана и ход Гражданской войны в них, а также особенности этих процессов.⁷ Появились первые работы, освещающие связь революции и аграрно-крестьянского вопроса и посвященные проблемам советизации казахского аула.⁸

Большинство работ, изданных по проблеме в 1940–1950-е гг., носили обзорный характер и главным образом публиковались в виде журнальных и газетных статей, в них было мало анализа и обобщений, источниковая база была очень слабой. В них недостаточно были использованы (вернее, вовсе не использовались) архивные источники, в первую очередь, материалы периодической печати на казахском языке. Поэтому многие страницы истории периода 1917–1920 гг. в Казахстане описывались по схеме изложения событий Октября и Гражданской войны в центральных районах России без учета местной (казахстанско-туркестанской) специфики.

Историки Казахстана и Средней Азии в 1960–1980-е годы добились значительных успехов в изучении истории двух революций и Гражданской войны. Особенно плодотворным были 1960–1970-е годы. В это время помимо многочисленных статей появились серьезные монографические работы, исследующие важные вопросы истории революции и Гражданского противостояния в Казахстане и Казахстанско-Туркестанском регионе в целом. В этой связи в первую очередь следует назвать монографии С.Н. Покровского, Т.Е. Елеуова, П.М. Пахмурного, В.К. Григорьева, А.С. Елагина, К. Нурпеисова, С.З. Зиманова,⁹ коллективный труд историков Казахстана и Средней Азии.¹⁰

Книга Т.Е. Елеуова для своего времени была капитальной монографией, в которой впервые в историографии республики исследован сложный и противоречивый процесс установления и укрепления Советской власти в Казахстане в целом.

В монографиях С.Н. Покровского, П.М. Пахмурного, В.К. Григорьева, А.С. Елагина, К. Нурпеисова дана картина борьбы за победу Советской власти в Семиречье (Жетысу) и в целом в Казахстане, освещены важные аспекты истории Гражданской войны и партизанского движения в 1918–1920 гг., показаны первые шаги социальной политики Советской власти в крае, раскрыты особенности советского строительства в городах и аульно-сельской местности, исследованы теоретические и практические аспекты образования казахской советской государственности.

В коллективной монографии «Победа Советской власти в Средней Азии и Казахстане», подготовка которой велась под руководством научного совета АН СССР и его секции по Средней Азии и Казахстану, по комплексной проблеме «Великая Октябрьская социалистическая революция» хронологически изложены события в различных национальных районах Среднеазиатско-Казахстанского региона по их административно-территориальному делению. Расширилась документальная база для изучения проблемы: были изданы сборники документов и материалов, летописи событий тех лет, воспоминания участников борьбы за власть Советов и Гражданской войны в Казахстане.¹¹

Продолжалась публикация серии брошюр об активных участниках борьбы за власть Советов в Казахстане, начатая в 1950-е годы.¹² В издательстве «Молодая гвардия» в Москве вышла книга Т. Какишева «Сакен Сейфуллин».¹³ Результаты исследований проблемы в 1960–1970-е гг. были опубликованы в виде четырех монографических глав в

4 томе «Истории Казахской ССР» (в пяти томах. Авторы разделов А.Н. Нусупбеков, К. Нурпеисов, С.Н. Покровский, А.С. Елагин и др.).¹⁴

В силу объективных и субъективных причин (противоречивость хода перестройки, начавшейся в середине 1980-х годов, реформа советской политической системы, сопровождавшаяся демократизацией общественной жизни и изменением критериев оценки истории советского периода) в 1980-е годы резко снизился интерес к изучению послеоктябрьского периода нашей истории в целом и проблем истории Октябрьской революции и Гражданской войны в частности. Одной из немногочисленных работ, опубликованных в 1980-е годы по теме «Октябрь в Казахстане», является монография К. Нурпеисова,¹⁵ в которой автор главное внимание обратил на более углубленную разработку таких сюжетов проблемы, как особенности двоевластия в Казахстане, соотношение общего (всероссийского) и частного (казахстанского) в противоречивом процессе превращения Советов Казахстана в органы восстания, а затем их становление как органов государственной власти и управления и их конкретной деятельности на начальном этапе хозяйственного и культурного строительства. Автор, как отмечали рецензенты, тщательно проанализировал структуру исполкомов областных и уездных Советов края, работу по ее совершенствованию, функциональные задачи основных отделов, выделил местные особенности в строительстве исполнительного аппарата, показал начало складывания новой системы суда.¹⁶

В то же время необходимо подчеркнуть, что вся литература 1960—1980-х годов, как и предшествующего периода, за редким исключением служила доказательством тезиса о том, что Великая Октябрьская социалистическая революция является главным событием XX века. В ней утверждалось, что борьба за власть Советов развивалась и победила как составная часть Октябрьской социалистической революции, совершенной под руководством российского рабочего класса и большевистской партии во главе с В.И. Лениным.

Утвердился также тезис, что вооруженная борьба в Казахстане в 1918—1920-е гг. представляла собой составную часть гражданской войны, навязанной Советской России иностранными империалистами и свергнутыми в результате победы Октябрьской революции эксплуататорскими классами.

Историография 1960—1980-х годов в анализе и оценке событий 1917—1920-х гг. в Казахстане руководствовалась ленинской партийной концепцией, наиболее отличительными чертами которой являются примат коммунистической идеологии и классовый подход в изучении вопросов истории революции и Гражданской войны в крае.

Процесс накопления исторических знаний по данной проблеме в советский период способствовал появлению обобщающих историографических работ. Однако следует отметить значительное отставание казахстанских исследований в этой отрасли по сравнению с общесоюзными.

Вопросы историографии Октябрьской революции и Гражданской войны в целом по СССР нашли концентрированное отражение в ряде работ ученых, объединенных научным советом по комплексной пробле-

ме «История Великой Октябрьской социалистической революции» АН СССР, бессменным руководителем которого многие годы являлся академик АН СССР И.И. Минц, а также в трудах сотрудников Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.¹⁷

Вопросам историографии проблемы Казахстана периода Октябрьской революции и Гражданской войны посвящен ряд специальных исследований. Одним из них является монография З.А. Алдамжарова.¹⁸ Этот труд написан на основе изучения, обобщения и критического анализа большого количества работ, опубликованных по названной проблеме в 1918–1982 гг. В нем в рамках марксистско-ленинской методологии отражены преемственность в познании истории установления и укрепления Советской власти в крае, непрерывный рост знаний о рождении нового общественного строя на территории Казахстана.

В монографиях Г.Ф. Дахшлейгера, С. Бейсембаева, П.М. Пахмурного и В.К. Григорьева дан историографический анализ литературы, посвященной теме «В.И. Ленин и Октябрь в Казахстане», а также вопросам партийного руководства борьбой масс за победу Советской власти.¹⁹

В исследованиях С.М. Кенжебаева, С.З. Зиманова, К. Нурпеисова и других рассмотрены отдельные историографические и источниковедческие проблемы советского и национально-государственного строительства в Казахстане в 1917–1920 гг.²⁰

По сравнению с историографическим изучением проблем установления и укрепления Советской власти в Казахстане историография Гражданской войны в крае специально не исследовалась. Во вводных разделах монографий С.Н. Покровского, А.С. Елагина, отдельных работ А.С. ТаKENOVA, В.К. Григорьева дается историографический обзор литературы по Гражданской войне 1918–1920 гг.²¹

Автор монографии о партизанском движении в Казахстане П.М. Пахмурный первую главу своей книги назвал «Некоторые вопросы историографии партизанского движения в Казахстане», где он сделал удачную попытку анализа и оценки работ по истории данного вопроса, опубликованных до 1965 года.²² К сожалению, со второй половины 1960-х годов в республике подобная работа по существу не проводилась, что объясняется отсутствием серьезных исследований по истории партизанского движения в крае, а имеющиеся по своему количеству и содержанию не заслуживали историографического обобщения.

Перелом в изучении истории революций 1917 г. и последующей Гражданской войны, как и других проблем истории советского периода, наступил в конце 1980-х–начале 1990-х годов, когда под влиянием демократических процессов в СССР исследователи получили возможность комплексного и объективного изучения событий. Этот период характеризуется появлением исследований нового концептуального характера, основанных на отказе от партийно-классовых принципов в изложении тех или иных явлений в отечественной истории. Так, в историографическое и источниковедческое изучение проблемы значительный вклад внесли М.К. Козыбаев и И.М. Козыбаев.²³ В своих работах М.К. Козыбаев, помимо прочего, обратил внимание исследователей на необходимость «в

контексте антиколониальной борьбы стран третьего мира определить наше отношение к политической доктрине» и конкретным действиям партии «Алаш».²⁴

И.М. Козыбаев в своих книгах попытался по-новому осмыслить путь, пройденный исторической наукой Казахстана за годы Советской власти.

При этом изложение исторических событий автор рассматривает во взаимосвязи с конкретными историческими условиями, характеризует взаимоотношения между исторической наукой и политикой, в динамике показывает изменения в науке, раскрывая причины возникновения механизма торможения в общественных науках и пути их проявления. С этих позиций И.М. Козыбаев оценивает отдельные труды по истории Октябрьской революции и Гражданской войны в крае.

На основе вышеназванных исследований и непосредственного изучения значительного количества статей, брошюр, монографий, тематических сборников (в первую очередь состоящих из воспоминаний участников борьбы за власть Советов и Гражданской войны) историографическое освоение темы «Октябрь и Гражданская война в Казахстане», на наш взгляд, можно разделить на четыре периода: первый — 1920—1930-е годы, второй — 1940—1950-е годы, третий — 1960—1980-е годы.

Как отмечалось выше, с конца 1980-х годов начинается качественно новый этап историографии Казахстана периода Октябрьской революции и Гражданской войны, связанный с пересмотром с новых позиций целого ряда важных вопросов истории Казахстана советского периода. Это в первую очередь, относится к истории движения Алаш и Алаш-Орды.

В советской историографии история Алаша и Алаш-Орды с конца 1920-х годов фактически выпала из истории национально-освободительного движения казахского народа в XX в. Все работы, опубликованные по истории Октябрьской революции и Гражданской войны в советский период, рассматривали деятельность Алаш-Орды лишь в отрицательном русле. Однако в этих работах содержится ценный фактический материал и надо констатировать, что их авторы были вынуждены следовать в русле официальной идеологии.

В советский период из историографии в первую очередь выпали труды самих участников движения Алаш, прежде всего — его лидеров. Между тем, анализ общественно-политического развития и перспектив Национального и мусульманского движения в Казахстане начала века получил освещение в трудах А. Букейханова, А. Байтурсынова, М. Дулатова, М. Чокаева и других.

Следует отметить, что в публикациях начала 1920-х годов отражены объективные тенденции в изучении истории Казахстана начала XX века. Основопологающим моментом в работах А. Байтурсынова, А. Кенжина, Г.Сафарова, Т. Рыскулова и ряда других авторов выступает приоритет конкретно-исторического подхода в изучении национально-освободительного движения, дифференцированного подхода при выяснении объективной роли казахской интеллигенции до 1917 г.²⁵

Переломный этап наступает в исторических исследованиях во второй половине 1920-х — начале 1930-х гг., связанный с усилением политического диктата правящего режима. Борьба с «буржуазно-националистической идеологией Алаш-Орды» стала определяющей установкой большевистской партии в изучении истории Алаша. В то же время до начала 1930-х годов основополагающим стал тезис об «объективно-революционной роли» алашского движения до Февральской революции и о «контрреволюционном его перерождении после».²⁶ Именно в этом ключе освещалась история Алаша и Алаш-Орды в работах А.К. Бочагова, Е. Федорова, П. Галузо и др., а также в сборнике документов «Алаш-Орда».²⁷

В 1933 г. в КазНИИ марксизма-ленинизма была инспирирована дискуссия, которой предписывалось «выявление контрреволюционной сущности Алаш-Орды и окончательное разоблачение ее гнусной, подлой роли в истории казахского народа». Определяющим в методологии изучения проблемы стало полное отрицание положения об «объективно-революционной роли Алаша в дореволюционный период». Публикация в 1935 г. работы С. Брайнина и Ш. Шафиро «Очерки по истории Алаш-Орды» свидетельствовала о полном утверждении классового метода освещения истории национально-освободительного движения в крае.

Период 1940-х — середины и конца 1980-х гг. характеризуется четко выраженной приверженностью к прежним оценкам и выводам. Несмотря на расширение источниковой базы по истории национально-освободительной борьбы, общее положение в рассмотрении данной проблемы характеризовалось стагнацией научной мысли.

Коренной перелом в изучении истории движения Алаш происходит в конце 1980-х — начале 1990-х годов. При этом следует обратить внимание на следующее: в этот период можно выделить два качественных среза, хронологически выпадающие на указанный этап. Первый срез (до 1991 г.) фиксирует концептуальные и теоретические установки, присущие традиционной марксистско-ленинской методологии. Несмотря на возрастание интереса, попытки выхода на новые объективные подходы в освещении истории Алаша в целом не меняли методологического качества историографии.

С 1991 г. начинается новый этап в изучении истории Алаша и Алаш-Орды. При этом становится очевидным осознание ненаучности господствовавших до сих пор методологических императивов, необходимость освоения нового теоретического аппарата и более совершенного концептуального инструментария.

Активизация исследовательской мысли и расширение источниковой базы благотворно отразились на качестве публикуемых работ. Наряду с проблемными статьями, дискуссионными материалами «круглых столов» научных конференций, семинаров появились труды обобщающего, монографического характера, энциклопедические словари, учебники, учебные пособия, документальные сборники, собрания сочинений лидеров движения.²⁸ Значительная часть работ вышла на казахском языке. В научных работах К. Нурпеисова, М. Кул-Мухаммеда,

М. Койгелдиева, Т. Омарбекова, В. Григорьева, Т. Какишева, С. Аккулыулы, А. Сармурзина и других освещались различные аспекты истории Алаша.²⁹ Персонифицированный характер большинства публикаций позволил посредством освещения неизвестных страниц жизни и деятельности А. Букейханова, А. Байтурсынова, М. Дулатова, Ж. Акпаева, А. Ермакова, М. Тынышпаева, М. Чокаева и многих других выявить социальную природу алашского движения, его политические ориентиры и возможности.

Существенным вкладом в расширение источниковой базы данной проблемы стало издание аннотированного библиографического указателя У. Субханбердиной газет «Казах», «Алаш», «Сарыарка» (1993), книги О. Абдиманова «Казак газеті» (Алма-Ата, 1993).

Значительный вклад в разработку проблем истории движения и партии «Алаш», а также участия в них национальной казахской интеллигенции внесли исследования М. Кул-Мухаммеда.³⁰

Высокую научную оценку получила впервые исследованная Т. Омарбековым проблема коллективизации и крестьянского движения 1929–1931 гг., относящаяся к «белым пятнам» в истории Казахстана³¹. В его монографии, посвященной трагедии казахского народа в 20–30 годы, впервые получили всестороннее освещение тяжелые последствия насильственной коллективизации и массового голода³².

М. Койгелдиев в соавторстве с Т. Омарбековым принял участие в написании совместного труда о политической и социально-экономической жизни республики и коллективизации.³³

Создание монографических исследований свидетельствует о качественно новом этапе в историографии данной проблемы. Монографии Д.А. Аманжоловой «Казахский автономизм и Россия: История движения Алаш» (М., 1994), К.Н. Нурпеисова «Алаш һәм Алашорда» (Алматы, 1995), М. Койгелдиева «Алаш қозғалысы» (Алматы, 1995), сборник документов и материалов «Движение Алаш» (А., 2004, 2005) и др. знаменуют собой новые подходы к истории национально-освободительного движения, определение роли и места казахской интеллигенции на переломных этапах развития общества.

Изучение истории национально-государственного строительства и образования Казахской советской социалистической республики. В советской историографии представлен обширный материал по проблеме «собирания казахских земель» на социалистических принципах строительства государства. Основываясь на марксистско-ленинской методологии развития нации и образования национальных государств в условиях существования социально-классовых антагонизмов, казахстанские исследователи сумели показать исторический процесс образования казахской советской государственности.

При этом следует отметить, что ценность данных исследований заключается в их документально обоснованной концепции закономерности данного процесса. Опираясь на широкий круг источников, с привлечением документов и материалов по древней и средневековой истории Казахстана, ученые-обществоведы сумели показать всю динамику разви-

тия истории формирования территории и границ Казахстана. Несмотря на определенный схематизм, характерный для многих трудов того времени, важно подчеркнуть научную и практическую ценность данных исследований, как фундаментальных трудов по одной из самых сложных проблем современности. Именно в этом разрезе следует рассматривать такие труды, как «История государства и права Советского Казахстана». Т. I (1917–1925 гг.) (Под ред. С.З. Зиманова, М.О. Биндера. — А-А., 1976); «Образование Казахской ССР». Сб. документов и материалов. (Под ред. С.Н. Покровского. — А-А., 1957); монографии А.Н. Нусупбекова «Объединение казахских земель в Казахской Советской Социалистической Республике». (А-А., 1953), В.К. Савосько. «Преобразование Казахской Автономной ССР в Союзную республику». (А-А., 1951); «Образование Казахской АССР». (А-А., 1957); «КПСС и Советское правительство о Казахстане. 1917–1977 гг.» Сб. документов и материалов. (А-А., 1978); «Декрет об Автономной Киргизской Социалистической Советской Республике» // В.И. Ленин о Казахстане. Сост. С.Б. Бейсембаев и др. (А-А., 1982); «В братской семье народов СССР. Документы и материалы. (1920–1937)». Сост. Х.Г. Айдарова и др. (А-А., 1972).

Уже к концу 1980-х гг. с введением в научный оборот значительного объема документальных материалов по проблеме государственного строительства в Казахстане исследователи рассматривали проблему в различных историко-правовых и этно-территориальных аспектах.

Значительный вклад в исследование данной проблемы внесли казахстанские ученые-этнографы. В их трудах научно обоснована концепция формирования этнической территории Казахстана, история ее заселения другими народами.³⁴

Фактически с 90-х гг. XX в. в исследовании истории государственного строительства происходят кардинальные перемены, связанные с приобретением суверенитета Казахстаном. Именно в это время, по справедливому замечанию академика М.К. Козыбаева, «проблемы межнациональных отношений, соблюдение суверенных прав народов вышли... за рамки чисто теоретических изысканий и приобрели характер острых политических споров».³⁵

Проявлением открытого великодержавного шовинизма стала статья А.И. Солженицина «Как нам обустроить Россию: посылки и соображения», а также выступления Л. Васильева, Г. Попова и др. с требованием возвращения земель казахстанского Алтая, северных областей и западных районов Казахстана. В это же время появились также лозунги о возрождении империи «великого Тимура». В связи с этим казахстанскими обществоведами была разработана научно обоснованная концепция территориальной целостности Казахстана, ее исторической закономерности. С публикацией таких работ, как «Протоколы Революционного комитета по управлению Казахским краем (1919–1920 гг.). Сб. документов» (А., 1993); «Национально-территориальное размежевание Сибири и Казахстана (1919–1922 гг.)» М.П. Малышевой (Семей, 1999); «Собрание сочинений» Т. Рыскулова (А., в 3 томах, 1996, 1998), а также работ по международному праву: «Сборник документов по международному пра-

ву». Т. 1. / Под ред. К. Токаева (А., 1998) и др. был расширен диапазон по изучению данной проблемы, выявлен и введен в научный оборот целый массив новых или малоизвестных источников, раскрывающих спорные вопросы территориального размежевания и формирования государственных границ.

Советская модель модернизации в Казахстане. К середине 1930-х гг. в связи с радикальными изменениями в промышленном облике республики, вследствие проведения широкомасштабного процесса индустриализации, заметно увеличилось число работ по истории промышленного и транспортного строительства. Характерной чертой историографии этой проблемы становится изучение отдельных предприятий республики, что явилось закономерным откликом на промышленное развитие казахстанских регионов.³⁶

К концу 1930-х гг. число работ по данной проблеме заметно увеличивается, при этом крупных монографических исследований еще не было. Основным видом научных работ являлись статьи, основная ценность которых заключалась в их фактическом материале.³⁷

В годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) большой вклад в развитие исторической науки Казахстана, в изучение актуальных проблем истории и экономики внесли находившиеся в эвакуации видные ученые Д.А. Баевский, С.В. Бахрушин, М.П. Вяткин, Н.М. Дружинин, М.П. Ким, А.М. Панкратова, А.П. Кучкин, С.В. Юшков. При их непосредственном участии в 1943 г. был создан фундаментальный труд «История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней». Несмотря на сокращение численности профессиональных историков, уже в конце войны заметна была тенденция к росту исследований по проблеме создания экономической базы социализма в Казахстане.³⁸

В первые послевоенные годы число исследований по проблеме увеличивается, при этом ученые-историки, обществоведы обращают внимание на изучение общих закономерностей и национальных особенностей развития республики в период промышленных преобразований. На основе нового конкретно-исторического материала в литературе этого времени констатируется тот факт, что «народное хозяйство Казахстана могло развиваться и двигаться вперед в органической связи с общим развитием народного хозяйства всего Советского Союза, на его основе и помощи».³⁹

К 1960–1970-м гг. XX в. заметным становится расширение проблематики изучения экономики, истории развития промышленности республики, связанное прежде всего с монографическими исследованиями А.Н. Нусупбекова, С.Б. Баишева, С.А. Нейштадта, Б.Н. Абишевой, М.Х. Асылбекова, Н.Г. Пана, С.Б. Нурмухамедова, В.К. Савосько, Р.Б. Сулейменова, А.Е. Ержанова и др. Одновременно с исследованием истории отдельных фабрик и заводов ученые обратились к вопросам формирования рабочих кадров, в том числе национальных.

При этом особо следует отметить фундаментальную монографию академика А.Н. Нусупбекова «Формирование и развитие советского рабочего класса в Казахстане» (А., 1966) и другие исследования ученого, где впервые в отечественной историографии подробно исследован про-

цесс подготовки квалифицированных рабочих в республике в 20–40-е гг. XX века.

История рабочего класса республики нашла отражение в таких обобщающих трудах, как «История Казахской ССР. Эпоха социализма» (А.-А., 1963, 1967); «Очерки истории Компартии Казахстана» (А.-А., 1963). Среди работ по данной проблеме следует отметить коллективную монографию «Рост индустриальных кадров рабочего класса в Казахстане (1946–1965 гг.)»⁴⁰ М.Х. Асылбекова, С.Б. Нурмухамедова, Н.Г. Пана. Следует также отметить монографическое исследование М.Х. Асылбекова «Формирование и развитие кадров железнодорожников Казахстана (1917–1970)» (А., 1973), где впервые проанализирован процесс подготовки кадров железнодорожного транспорта, в том числе национальных.

Появление вышеупомянутых работ существенно обогатило историографию проблемы. В них представлены количественные и качественные изменения, которые происходили в составе рабочих республики. При этом особое внимание обращено собственно индустриальным рабочим, занятым в промышленности, строительстве и на транспорте. Закономерным стало изучение темы формирования и развития отдельных отрядов рабочего класса республики, его культурно-технического уровня. Значительное место в исследованиях того времени занимают сюжеты, посвященные организации социалистического соревнования, трудовому энтузиазму рабочих.⁴¹

Большую роль в историографии проблемы промышленного строительства в Казахстане сыграли фундаментальные труды коллектива авторов: «Под знаменем ленинских идей (Из опыта партийного руководства борьбой за победу пролетарской революции и социализма в Казахстане». (А.-А., 1973 г.); «К социализму, минуя капитализм (Исторический опыт КПСС по социалистическому строительству в Средней Азии и Казахстане в 1917–1937 гг.)». (М., 1974). В них содержится значительный конкретно-исторический материал по руководству социалистическим строительством в республике в 1926–1937 гг. В 1987–1988 гг. группой авторов под руководством ныне академика Национальной Академии наук М.Х. Асылбекова издана «История рабочего класса Советского Казахстана» в 2-х томах, где на основе богатого фактического материала комплексно исследован процесс промышленного строительства и формирование рабочих кадров в Казахстане. В монографии С.К. Жакупбекова «История легкой индустрии» (А., 1984) рассмотрена история развития легкой промышленности Казахстана.

Однако следует отметить, что процесс накопления исторических знаний по данной проблеме был неразрывно связан с идейно-политическим руководством Компартии, поэтому история промышленного развития Казахстана, формирования национального отряда рабочего класса рассматривалась с позиции четко выраженной партийной установки. В историографических трудах указывалось, что «основная задача исследователей состоит в показе все возрастающей руководящей и направляющей роли партии, критике буржуазных фальсификаторов ленинской национальной политики КПСС».⁴²

Не случайно в советский период основной массив работ по проблеме представляла историко-партийная литература, наиболее полно отражавшая те концептуальные позиции и направления исследований того времени. Расширение источниковой базы обогащало фактологическую сторону изучения проблемы, однако жесткие рамки господствующей идеологии не позволяли проводить объективный анализ событий и явлений.

Наиболее рельефно вышеназванная тенденция проявилась в работах, посвященных истории коллективизации, считавшейся по большевистской концепции единственно возможной стратегией «социалистического переустройства аграрной сферы республики». В историографии данной проблемы, начиная с 1930-х гг. почти до конца 1980-х гг. господствовала единая концепция, положительно оценивавшая «социалистическую реконструкцию аула и села».

Следует отметить, что на начальном этапе подготовки аграрного сектора к радикальным преобразованиям в начале 20-х годов XX в. в литературе присутствовали две позиции по определению стратегии развития сельского хозяйства республики. Сторонники радикального направления, исходя из идей, что «аул Октябрем не тронут... до 1925 г.», «Октябрьский ураган пронесся мимо аула, мало задев его», считали необходимым перевод кочевого аула на оседлость в кратчайшие сроки. При этом рассматривали ликвидацию байства, как определяющее условие для реализации данной цели. Исходя из концепции о тормозящей роли кочевого и полукочевого хозяйства на пути социалистического переустройства аула, сторонники радикального направления считали, что только перераспределение средств производства (скота) позволит беднейшему населению стать середняками, а переход к оседлости — цивилизационным.⁴³

Сторонники альтернативного пути развития казахского аула, основываясь на объективном его анализе, считали недопустимым форсированное оседание коренного населения и ограничения экстенсивного скотоводства при отсутствии материально-технической базы и недостаточном развитии производительных сил. Не отрицая социального расслоения казахского крестьянства, они рассматривали возможность вытеснения байства экономическими методами. По словам С. Садвакасова, «в настоящее время страна ждет вовсе не потрясений, а творческой работы и ее спасут не новые экспроприации, а труд и наука».⁴⁴ Однако эта концепция была сразу же отвергнута, а ее приверженцев отнесли к буржуазным националистам.

Фактически до середины 1950-х гг. аграрная тематика в основном положительно оценивала итоги коллективизации и руководящей роли компартии в социалистическом переустройстве деревни и аула. Казахстанская историография базировалась на тех же концептуальных позициях, что и общесоюзная. Исследовательская работа характеризовалась увеличением числа многочисленных диссертаций, монографических трудов с привлечением новых материалов по осуществлению коллективизации сельского хозяйства, развитию колхозного движения в республике.⁴⁵

Вместе с тем в некоторых исследованиях (А.Б. Турсунбаев, А.П. Кучкин и др.) ставились вопросы об отдельных негативных последствиях, имевшихся в ходе массовой коллективизации, но в то же время не оспаривался основной вывод о необходимости этой меры.⁴⁶ Эта концепция на долгие годы оставалась доминирующей.

Литература 1960–1980-х годов характеризуется новым подходом к проблеме коллективизации. Был подвергнут критике ряд положений и вскрыты негативные явления в ходе ее проведения. Однако основное положение по вопросу перевода кочевого и полукочевого производства на социалистические рельсы не пересматривалось.⁴⁷ При этом трагедия голода 1930-х годов, тяжелые последствия разрушения традиционной структуры жизнеобеспечения казахского аула, сопротивление населения бесчеловечным методам осуществления коллективизации крестьянских хозяйств, восстания и бунты, охватившие почти всю республику, также оставались вне внимания исследователей. Протестное движение крестьянства по-прежнему оценивалось как «кулацко-байское сопротивление, бандитско-басмаческие выступления» и т.д.

Перелом наступил лишь в конце 1980-х годов. Деидеологизация исторического знания в конце 80-х гг. XX в. позволила выйти на интенсивный исследовательский поиск в области изучения истории Казахстана в советский период. Здесь уже наработан целый ряд достаточно объективных теоретико-концептуальных версий, освоен новейший научно-познавательный и методологический аппарат.

Впервые в казахстанской историографии уже в конце 1980-х гг. ученые Института истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова приступили к комплексному изучению трагических событий, связанных с силовой коллективизацией, раскулачиванием, политическими репрессиями, массовым голодом 1931–1933 гг., разрушением пастбищно-кочевого хозяйственного комплекса и всей традиционной агро-структуры.⁴⁸ Впервые в 1988 г. по инициативе академика М.К. Козыбаева была созвана Всесоюзная научная конференция «Коллективизация сельского хозяйства в Казахстане и республиках Средней Азии: опыт и проблемы», где были обсуждены причины и последствия трагедии 1920-х – начала 1930-х годов.⁴⁹

В результате работы специальной комиссии Верховного Совета РК (1991 г.) во главе с академиком М.К. Козыбаевым, в состав которой входили ученые К. Нурпеисов, Г.С. Сапаргалиев, Ж.Б. Абылхожин, К.С. Алдажуманов, М.К. Койгелдиев, Т.О. Омарбеков, М.Б. Татимов, В.К. Григорьев, Ю.И. Романов, М.Ж. Хасанаев и другие, были открыты ранее закрытые документы и воссоздана трагическая картина голода и политических репрессий 30-х годов. Параллельно, с начала 1990-х годов, начала разрабатываться история депортированных в Казахстан народов. Впервые в начале 1990-х гг. на государственном уровне были поставлены проблемы исследования и восстановления справедливости в отношении репрессированных и тех, кто пострадал в период коллективизации и массового террора. 14 апреля 1993 г. был принят ныне действующий Закон Республики Казахстан «О реабилитации жертв массовых политических репрессий».

Как известно, в советский период проблемы истории политических репрессий, массовой гибели населения в период коллективизации замалчивались, как и проблемы миллионов спецпереселенцев, депортированных в разные регионы СССР. После смерти И.В. Сталина и ухода с политической арены Л.П. Берия начавшийся в середине 1950-х годов процесс реабилитации жертв массовых политических репрессий не был доведен до конца. Мало того, в ходе реабилитации не были названы и вскрыты конкретные причины и обстоятельства, послужившие основой для массовых репрессий тысяч и тысяч простых людей, а также известных государственных и общественных деятелей, выдающихся представителей науки и культуры. Все это сводилось к расхожей фразе: «Они стали жертвами периода культа личности И. Сталина». Таким образом, в тот период не была дана оценка самому понятию «политические репрессии 1930-х годов», не была раскрыта реакционная сущность тоталитаризма, а о постановке проблемы сопротивления репрессивной политике режима, массовых крестьянских бунтах и восстаниях в районах сплошной коллективизации в конце 1920-х — начале 1930-х годов не было и речи. Кроме того, все участники внутренней оппозиции и различных фракций в верхних эшелонах ВКП(б) и советского правительства были отнесены к числу троцкистов, правых оппортунистов и других так называемых «антипартийных групп» и соответственно не подлежали никакой реабилитации. В том же положении оказались дела бывших участников небольшевистских партий и движений, в том числе и участников национально-освободительного движения Алаш и автономии «Алаш-Орда», «IV Всеукраинской Рады», «Милли Фирка», «Иттихат ва-Таракки» и многих аналогичных политических групп и формирований, функционировавших на национальных окраинах России в период революции 1917 года и Гражданской войны.

Более того, с середины 1960-х годов, после снятия Н.С. Хрущева с постов Первого секретаря ЦК КПСС и Председателя Совета Министров СССР, упоминание о политических репрессиях 1930–1950-х годов вообще исчезло со страниц печати и учебников. Таким образом, до конца 1980-х годов, когда демократические процессы охватили все регионы СССР, о проблемах истории политических репрессий, и в целом о голоде, о массовой гибели населения от голода, депортации целых народов и этнических групп и других трагических проблемах советского периода никакие научные разработки не велись.

Перелом наступил лишь в конце 1980-х годов, когда под давлением общественности на страницах периодической печати вновь появились публикации о жертвах политических репрессий, тогда же впервые был поставлен вопрос о восстановлении подлинной истории коллективизации сельского хозяйства и массовой гибели населения от голода.

В конце 1980-х годов по инициативе академика Б.А. Тулепбаева, в то время члена-корреспондента НАН РК К. Нурпеиса, ученых-историков М.К. Койгелдиева, В.К. Григорьева, литературоведа Т. Какишева и других впервые была обсуждена роль и место движения Алаш и Алаш-Орды в национально-освободительном движении казахского народа в начале XX в. Вскоре были реабилитированы Ш. Кудайбердиев, А. Бай-

турсынов, М. Дулатов, М. Жумабаев, Ж. Аймаутов и многие другие выдающиеся представители национальной культуры, лидеры и участники движения Алаш. Их творческое наследие после долгих лет вновь стало духовным достоянием народа, что вызвало широкий резонанс в общественном мнении. В реабилитацию их в политическом плане (а их уголовно-гражданские дела были прекращены за отсутствием состава преступления еще в начале 1960-х годов) много сил вложили государственные и общественные деятели республики, а также ученые, входившие тогда в состав комиссии ЦК Компартии Казахстана У. Джанибеков, А. Кекилбаев, М.К. Козыбаев, Ж.М. Абдильдин, Р.Б. Сулейменов, А.Т. Кайдаров, Р.Г. Сыздыкова, С.А. Каскабасов, С.С. Кирабаев и другие.

Благодаря деятельности специальной комиссии Верховного Совета Республики Казахстан (создана в ноябре 1991 г.), были подняты документы ранее закрытых архивов, в том числе и ОГПУ-НКВД, материалы «Особой папки» ЦК ВКП(б) и ЦК КП(б) Казахстана. Была дана оценка неправовым актам и постановлениям партийных и государственных органов, послуживших основой для проведения широкомасштабных политических репрессий и преследований населения в 1920–1930-е годы. Ныне результаты этой работы общеизвестны. Итоги работы комиссии были одобрены Верховным Советом, заключение комиссии опубликовано 21 и 22 декабря 1992 г. в республиканской печати.

В последующем на основе материалов работы комиссии был опубликован документальный сборник «Насильственная коллективизация и голод в Казахстане в 1931–1933 годах» (Алматы, 1998). На казахском языке вышли обстоятельные монографии К.Н. Нурпеисова «Алаш и Алаш-Орда», М. Койгелдиева «Движение Алаш» (Алматы, 1995), Т. Омарбекова «Казахстанская трагедия 20–30-х гг.» (Алматы, 1999), на русском языке – монография Ж. Абылхожина «Очерки социально-экономической истории Казахстана» (Алматы, 1999) и многие другие публикации.

Параллельно с начала 1990-х годов начала разрабатываться история депортированных в Казахстан народов. Ныне широко известны исследования и общественности книги Г.В. Кана, Г.Н. Кима о депортации корейцев. Вышли в свет книги и публикации других исследователей о спецпереселенцах (см.: «Депортированные в Казахстан народы: история и судьбы». Алматы, 1998; «Депортация народов и проблемы прав человека». Алматы, 1997 и др.).

Новым событием в историографии стал жанр исторических портретов персоналий периода репрессий и идеологических кампаний советского периода. Начало этому было положено в исследованиях С.Ф. Мажитова, который реабилитировал научные концепции историка Е.Б. Бекмаханова по вопросам национально-освободительного движения казахского народа.⁵⁰

Таким образом, в начале 1990-х годов впервые на государственном уровне были поставлены проблемы исследования и восстановления справедливости в отношении репрессированных, а также тех, кто пострадал в период коллективизации и массового террора 1930-х годов.

Составной частью исследуемой проблемы стали работы по изучению истории и деятельности главного управления лагерей НКВД на территории Казахстана. История лагерей стала объектом исследования в монографиях Д. Шаймуханова и С. Шаймухановой «КАРЛАГ» (Караганда, 1999), А.Р. Кукушкиной «АЛЖИР» (Караганда, 2000), С. Дильманова «Исправительно-трудовые лагеря НКВД–МВД СССР на территории Казахстана» (Алматы, 2002). Группой ученых (А. Росляков, Г. Молдаханова, А. Уразбаев, С. Орумбаев, Ж. Байсалбаева и др.) издана большая монография «История органов безопасности Казахстана» (Алматы, 2003), где обстоятельства политических репрессий 1920–1950-х годов показаны на большой документальной основе.

Следует отметить, что в исследовании истории политических репрессий, реабилитации их жертв широкую работу проводит казахстанское историко-просветительское общество «Адилет». С самого начала возникновения общество «Адилет» выступает инициатором проведения научных семинаров и конференций, издания документальных сборников и книг.

По линии «Адилет» в Алматы и ряде областей издана «Книга скорби – Азалы Кітап» – расстрельные списки 1920–1940-х годов. На сегодняшний день такие книги изданы по спискам г. Алматы, Алматинской и Жамбылской областей (3 выпуска 1996, 1999, 2004), Мангистауской области (1998), Актыубинской области в 3 частях (1997), где даны сведения о всех репрессированных, в том числе и расстрелянных. Издана «Книга скорби» по Карагандинской (2001), Восточно-Казахстанской, Костанайской областям (2002) и др.

Как известно, большой импульс исследованию проблем истории политических репрессий дал Указ Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева, когда 1997 г. проводился под девизом Года общенационального согласия и памяти жертв политических репрессий. Изучение истории политических репрессий выявило следующий важный аспект – сопротивление народа, в первую очередь национальной интеллигенции, незаконным актам и политике власти.⁵¹ В исследованиях Т. Омарбекова, К. Алдажуманова впервые представлены масштабы крестьянских восстаний и движения против насильственной коллективизации в 1920–1930-х годах. Проведены работы по созданию банка данных по репрессированным по всем областям Казахстана. Исследователем С.А. Жакишевой эти данные введены в единый электронный банк данных «Возвращенные имена» стран СНГ (г. Москва).

В советский период казахстанская историография на всем протяжении своего существования рассматривала «культурную революцию как составную часть социалистической революции, как важнейшую закономерность социалистического строительства». Изучение реального исторического процесса культурных преобразований в Казахстане было также подчинено представлениям о базисном процессе – строительстве социалистического общества. Концептуально главные цели культурного строительства в советский период определялись в соответствии с общепринятой трактовкой академика АН СССР М.П. Кима, в которую вносились и специфические условия Казахстана. Р.Б. Сулей-

менов сформулировал эти специфические условия как осуществление ленинских идей культурной революции в условиях некапиталистического развития: «Как показывает анализ исторического опыта культурной революции в республике, ей были присущи все основные черты, характерные для культурной революции вообще как одной из закономерностей социализма». Условия некапиталистического развития стали для казахстанской историографии основным направлением, в рамках которого происходило раскрытие вопросов осуществления множества конкретно-исторических задач культурной трансформации, осуществлявшейся как проблема ликвидации фактического неравенства в прошлом отсталых народов. Следовательно, непосредственные задачи строительства и создания единой системы школьного и высшего образования, ликвидация неграмотности взрослого населения, формирование сети научно-исследовательских учреждений, обучение и воспитание кадров партийного и хозяйственного звеньев, атеистическая пропаганда и другие проблемы преобразования образовательной и культурной сферы раскрывались как содержание некапиталистического развития в области культуры.

В процессе формирования научных представлений общества об истории культуры Казахстана советского периода можно выделить следующие этапы: *1-й этап* — 1917 г. — середина 1950-х гг., период начального изучения истории культуры и формирования источников. В эти годы не было создано исторических трудов по истории культуры указанного периода, соответствующих критериям современной науки. Практически отсутствовали кадры профессиональных историков культуры. Проблемы истории культуры были представлены на страницах периодической печати в выступлениях руководителей политических и государственных органов и самими участниками событий тех лет. *2-й этап* — вторая половина 1950-х — середина 1980-х гг. В эти годы сформировались научная инфраструктура историко-культурных исследований и кадры профессиональных историков культуры, которые создали крупные монографические исследования по истории культуры советского периода. Наряду с этим увидели свет и тематические публикации источников по истории культуры. Со второй половины 1980-х гг. начинается новый этап в развитии историографии культуры, связанный с началом кардинальных перемен в общественно-политической жизни и возвращением в историю культуры долгие годы запрещенных имен и духовного наследия основателей Алаш-Орды и их соратников, сыгравших роль «культурного фундамента нации»⁵².

В первые два десятилетия Советской власти исторические представления общества о культуре были отражены на страницах журналов и газет того времени. В них шел острый спор непримиримых сторонников и защитников казахской культуры с представителями «новой пролетарской социалистической культуры». Известные деятели культуры и образования, руководящие работники партийных и государственных органов излагали свое видение проблем и путей развития культуры, поиска вариантов ускоренного подъема культурной составляющей в жизни общества. Судьба национального историко-культурного наследия, место и роль поколения дооктябрьской интеллигенции Казахстана в новых условиях,

стремление казахской интеллигенции к укреплению автономных прав и начал в культуре — эти и другие важнейшие проблемы культурного развития нашли отражение в периодике тех лет⁵³.

В историко-культурной летописи 1920-х годов значительное место принадлежит деятельности Общества изучения Казахстана и Академического центра Наркомпроса, организованного в 1921 году и руководимого А. Байтурсыновым. Они объединяли в своих рядах немногочисленных энтузиастов, которые изучали историю, культуру, быт казахов. Доклады и сообщения, сделанные по итогам экспедиций, были посвящены не только историческим сведениям о Казахстане. В них авторы поднимали вопросы о путях развития народного образования, профессионального искусства, науки и здравоохранения.

Создание учебников и пособий на казахском языке было одной из главных задач Научной комиссии при Государственном ученом совете Наркомпроса Туркестанской республики в 1921—1922 гг.⁵⁴

В начале 1930-х гг. появились первые книги и брошюры, в которых раскрывались история народного образования, казахского театра, народной музыки.⁵⁵ Авторами этих публикаций по-прежнему были практические работники партгосорганов и деятели культуры. Они реально и во многом заинтересованно воспроизводили ход и проблемы реализации программы всеобщего населения, подготовку кадров для народного образования. Театральное искусство Казахстана и первые шаги его становления стали темой книги И. Джансугурова и Г. Тогжанова «Казахский национальный театр», увидевшей свет в 1933 г. В середине и второй половине 1930-х гг. культурная жизнь Казахстана продолжала освещаться органами культурно-просветительной и идеологической работы,⁵⁶ многие из руководителей которых вскоре стали жертвами репрессий 1937—1938 гг. Статьи и выступления Т. Жургенева, возглавлявшего Наркомпрос Казахстана в 1933—1937 гг., в том числе его книга «Культурная революция в Казахстане» (1935), написанная на основе доклада, с которым он выступал на I-м съезде участников культурного строительства, является к тому же и важным документальным источником истории культуры и образования тех лет.

В 1930-е годы происходит становление организационных структур историко-исследовательских учреждений и подготовки кадров профессиональных историков. Начал свою работу историко-археологический сектор Казахского филиала АН СССР (1932), Казахский филиал ИМЛ (1931), 1-й Коммунистический университет с аспирантурой. Научно-исследовательская работа начиналась также в Казахском пединституте (1928) и Казахском госуниверситете (1934).

Развитие научных исторических знаний по истории культуры советского периода продолжает формироваться в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. В изданной в 1943 г. «Истории Казахской ССР с древнейших времен...», а также в «Истории Казахской ССР» за 1949 г. (2 т.) в главе «Культурная революция в Советском Казахстане» впервые в обобщенном виде была дана оценка исторического пути и достижений просвещения и науки, литературы и печати искусства Казахстана за советские годы.

В период Великой Отечественной войны на страницах периодической печати появлялись многочисленные публикации партийных и советских работников, эвакуированных и казахстанских деятелей науки и культуры. Очевидцы событий воссоздавали в них картину культурной жизни Казахстана в годы войны⁵⁷. Созданная в 1942 г. Комиссия по сбору материалов по истории Великой Отечественной войны при ЦК КП(б) Казахстана уже в годы войны начала публиковать собранные материалы,⁵⁸ в которых получили отражение также и отдельные стороны деятельности интеллигенции в дни войны.

В эти годы вышел ряд содержательных научно-популярных работ, было положено начало систематическому сбору документов по истории культуры в годы войны, закладывались основы профессиональной историографии и источниковедения темы. Однако не все работы отвечали требованиям научных статей в современном понимании и в распоряжении авторов еще не было достаточно широкого круга источников. В силу незавершенности описываемых событий и трудностей военного времени эти работы не содержали широких обобщений и выводов, и требовалось известное время для накопления документального материала, исторического осмысления задач и проблем изучения истории культуры.

В течение двух послевоенных десятилетий в казахстанской историографии история культуры еще не стала предметом монографических исследований. В этот период вышел сборник статей «Культура Советского Казахстана» (1957), где авторы С. Баишев, К. Джармагамбетов, А. Закарин осветили развитие науки, литературы и школьного образования за 40 лет. В брошюре Г. Сапаргалиева⁵⁹ была показана роль государства в развитии школьного образования. В целом, в трудах этих авторов было положено начало содержательному и предметному изучению истории культуры Казахстана. Однако данные сдвиги носили скорее количественный, нежели качественный характер.

Вторая половина 1950-х гг. — начало нового этапа историографии культуры советского Казахстана. Существовавшая в те годы концепция отечественной истории обусловила изучение истории культуры как «совокупности достижений общества в области просвещения, науки, искусства и других отраслей духовной жизни», и что она «по своему содержанию меняется с каждым периодом развития общества».⁶⁰ Методология же изучения истории культуры сводилась к доказательству того, что «культурная революция в СССР, подготовленная завоеваниями Великой Октябрьской революции — скачок от культурной отсталости большинства населения страны к всеобщей высокой грамотности и созданию многочисленной новой, народной, социалистической интеллигенции», и что «она нашла свое выражение в создании нового, высшего типа культуры — социалистической культуры».⁶¹

История системы образования в отечественной историографии рассматривалась в качестве важнейшей составной части осуществления культурной революции и культурного строительства. Монографии, посвященные изучению этой проблематики, включали в себя разделы

о развитии школьного дела, вузовской системы, ликвидации неграмотности.

В 1960–1980-е годы теоретическая мысль историков культуры, несмотря на подновленные идейные установки и ограничения, базировалась на концептуальной основе предшествующего периода, ограниченной критике Сталина, неполной источниковой базе и «теории развитого социализма». Эти годы, несмотря на узость методологической базы исследований, были достаточно продуктивными. Были созданы по-настоящему большие и обобщающие труды по «истории культурной революции в СССР и союзных республиках». Эта тема стала магистральной в исследованиях истории культуры. В общесоюзном масштабе и в Казахстане во второй половине 1950-х – середине 1960-х годов вышло огромное количество монографий, брошюр, статей.⁶²

В 1961 г. вышла книга академика С. Байшева «Победа социализма в Казахстане: очерки по теории и истории вопроса», в которой специальный раздел посвящен истории культурной революции.

История развития культуры получила освещение в «Очерках истории Компартии Казахстана» (1963), «Истории Казахской ССР. Эпоха социализма» (1963, 1967 гг.), IV и V томах «Истории Казахской ССР», а также трехтомной «Истории государства и права Советского Казахстана», многотомной истории СССР (т. 7, М., 1967).

Следует отметить, что расширению спектра исторических исследований способствовал рост рядов историков-профессионалов, расцвет творчества которых пришелся на 1960–1970-е годы. Интенсивности научного поиска во многом содействовали решения Всесоюзного совещания историков (Москва, 18–21 декабря 1962 г.), а также публикация исторических источников. В середине 1960-х годов увидели свет первые тома сборников «Культурное строительство в Казахстане» (1918–1932 гг.) и «Казахстан в период Великой Отечественной войны Советского Союза» (1941–1945 гг.).⁶³

Состоявшаяся в мае–июне 1965 г. в Москве конференция по проблемам истории советской культуры способствовала дальнейшему углублению изучения истории «культурного строительства в СССР» и появлению обобщающих трудов о культурно-историческом процессе в Казахстане.⁶⁴

Крупным исследователем истории культуры Казахстана длительное время был академик Р.Б. Сулейменов. Его перу принадлежит большое количество книг и исследований, наиболее заметными из которых являются «Социалистический путь культурного прогресса отсталых народов (история строительства советской культуры Казахстана. 1917–1965 гг.)» в соавторстве с Х.И. Бисеновым, а также фундаментальная монография «Ленинские идеи культурной революции и их осуществление в Казахстане». В них, как писал сам автор, «предпринята попытка проследить путь культурного возрождения народов Казахской ССР за все годы Советской власти», а также «проследить и показать практическое воплощение в жизнь народами Казахстана ленинской идеи некапиталистического развития применительно к духовной культуре». ⁶⁵ Безусловно, в концептуальном плане эти исследования написаны в русле

господствовавшей идеологии советского времени. Тем не менее, в своих трудах Р.Б. Сулейменов на основе богатейшего фактического материала воспроизвел историю развития народного образования, науки и культуры с 1917 года до начала 1970-х годов. Многие положения его исследований не потеряли своей актуальности и сегодня.

История культуры Казахстана военного периода на широкой документальной основе рассмотрена в фундаментальных трудах академика М.К. Козыбаева.⁶⁶ Культура Казахстана этого периода представлена не только освещением вопросов партийного руководства этой сферой общественной жизни, но и как единый процесс деятельности народа и участия его во всенародном движении помощи фронту и тылу.

Вышедшие в 1970–1980 гг. работы А.К. Канапина и А.Д. Яндарова, Н. Джандильдина, К. Бейсембиева, М. Бурабаева и В. Черняка характеризуются в статье Р.Б. Сулейменова «Этапы изучения культурной революции в Казахстане»⁶⁷ как расширяющие и углубляющие наши представления о переменах в духовной жизни наших народов. Историки Казахстана вели также исследования по истории формирования интеллигенции, в том числе казахской, выявляя при этом, как им представлялось, специфические стороны этого процесса.⁶⁸

В эти же годы ученые, писатели, артисты, чьи судьбы неотделимы от истории нашей страны, обращаются к новым поколениям казахстанцев с воспоминаниями о прожитой жизни. Так, творческий путь и судьбы многих замечательных представителей интеллигенции Казахстана раскрывают историю культурного развития и становления форм современной культуры. Вместе с тем, они отражают индивидуальный вклад каждого в развитие отдельных жанров искусства и культуры в целом.⁶⁹

Опубликованные в разные годы воспоминания известных деятелей советской культуры, находившихся в годы Великой Отечественной войны в эвакуации в Казахстане, запечатлели атмосферу совместного труда и духовной жизни тех лет. Многообразие индивидуальных впечатлений авторов дает возможность расширить и обогатить наши представления об общей картине культурной жизни республики в тяжелейшие годы военных испытаний.⁷⁰ В целом же, исследования советского периода по истории культуры Казахстана в значительной степени морально устарели. В то же время работы данного направления сохраняют большую фактографическую значимость. Была проделана значительная работа по обобщению количественных данных и в научном обороте находится обширная источниковая база.

На рубеж конца 1980-х — начала 1990-х гг. (годы горбачевской гласности и демократизации) приходится 4-й этап историографии культуры. Как отмечалось выше, ЦК КП Казахстана принял в те годы постановления о реабилитации Ш. Кудайбердиева, Ж. Аймаутова, М. Жумабаева и других деятелей казахской культуры и тем самым в историю культуры возвратились имена всех ее участников и творцов. Эти имена долгие годы не упоминались или же были отнесены к противникам и врагам Советской власти. Были опубликованы произведения А. Байтурсынова, Ш. Кудайбердиева, программные документы партии «Алаш», работы М. Жумабаева, М. Дулатова, Ж. Аймаутова, К. Кеменгерова и др. В

целом, опубликованные источники представили совершенно отличную от прежней картину советского периода истории Казахстана. В новом свете предстала система партийно-государственного руководства культурой, взгляды и практическая деятельность на ответственных постах в Наркомпросе А. Байтурсынова, Т. Жургенева, отношение Ф. Голощекина к инакомыслию казахской интеллигенции, оценивавшему свое несогласие с курсом Казкрайкома в сфере культуры как защитный национализм, направленный на сохранение языка и культурной самобытности.

Как сказано выше, изучение историографии исторической науки Казахстана в 1920—1930-е гг. было предпринято в книге И.М. Козыбаева «Историография Казахстана: уроки истории» (1990).⁷¹ Кроме воссоздания на основе архивных источников важных этапов истории исторической науки, книга вместе с тем содержит источники по истории культуры и ее судьбе в 1920-е годы. С новых концептуальных позиций рассмотрены проблемы историографии культуры в монографии Р.М. Жумашева «Историография культурного строительства в Казахстане» (Караганда, 2003). Истории культуры Казахстана посвящена обстоятельная монография А.Т. Капаевой «Культура и политика» (Алматы, 2004), в которой рассмотрена государственная политика Советской власти в области культуры в Казахстане в 1946—1991 годах.

Изучение проблем Великой Отечественной войны, участие казахстанцев на фронтах и в тылу. Историография Казахстана периода Великой Отечественной войны в советские годы была частью общесоюзной и потому рассматривалась как в общих трудах,⁷² так и в специальных работах, анализировавших литературу по истории республики военных лет.⁷³

В годы Советской власти историческая наука в изучении минувшей войны прошла два периода развития. Первый охватывает труды, изданные с начала войны до XX съезда КПСС, второй — от развенчания культа личности И.В. Сталина до распада СССР. В каждом периоде решались присущие им задачи. Отличались они и степенью доступности архивов, зарубежных изданий, свободы выбора тематики исследований.

Работам историков Казахстана о войне с фашистской Германией, созданным тогда, присущи достижения и недостатки общесоюзной историографии, но имелись и отличия. В какой-то мере была естественной узость географических границ исследований, но их тематическая ограниченность, а нередко — и недостаточная глубина проникновения в суть изучаемых явлений и процессов, снижали их научную ценность. Но сказались в этом скорее не уровень квалификации исследователей, а действие неофициальных запретов вторгаться в тематику «союзной юрисдикции» и недоступность многих документов военного времени.

Первой заботой историков в начавшейся войне стал сбор и систематизация документов и материалов. Уже в начале 1942 г. в Институте истории АН СССР приступила к работе специальная комиссия по истории Великой Отечественной войны, а с 1943 г. — военно-исторический сектор. С мая 1942 г. в Генштабе Советской Армии работал отдел, который в

марте 1944 г. был преобразован в Управление по использованию опыта войны, сделавшее немало и для исторической науки.

В 1943 г. Комиссия по сбору материалов по истории войны была создана и в Казахстане. По неполным данным, в республике за годы войны было опубликовано около 150 книг, брошюр и журнальных статей, посвященных данной тематике.⁷⁴ Все они носили агитационно-пропагандистский характер. Среди них выделяются произведения о работе отдельных отраслей экономики, передовых предприятий и районов, выдающихся мастерах своего дела. Формы и методы работы государственных и общественных организаций в условиях военного времени освещали секретари ЦК КП(б)К Н.А. Скворцов, Ж. Шаяхметов, М. Абдыкалыков, председатель СНК КазССР Н.Д. Ундасынов и другие. Тогда же были сделаны первые обобщения о вкладе республики в борьбу с германским фашизмом.⁷⁵

С окончанием войны появились исследования по истории войны. По СССР за 1946–1955 гг. было опубликовано около 1200 книг, брошюр и журнальных статей. Среди публикаций первого послевоенного десятилетия выделяются работы А. Нусупбекова, О. Малыбаева и Г. Абишева. А. Нусупбекову первому удалось привлечь некоторые документы архивов и на этой основе создать более содержательную картину жизни республики в грозные годы. О. Малыбаев начал изучение дружбы народов как одного из важнейших слагаемых Победы. Г. Абишев, продолжая эту тему, показал героические дела воинов-казахстанцев в боях за Родину.⁷⁶ Этим трудам были присущи и недостатки, характерные для обществоведческих произведений того времени.

Заметный след в историографии оставили воспоминания тружеников тыла и фронтовиков, впервые увидевшие свет именно в первое послевоенное десятилетие.⁷⁷ Было положено начало пропаганде имен и подвигов выдающихся воинов. Среди первых изданий такого рода – сборник «Герои Советского Союза – казахстанцы», в который вошли биографические сведения, выписки из наградных листов и других документов и материалов военных лет. Увидели свет и работы об отдельных героях – генерале И.В. Панфилове, М. Габдуллине, В. Клочкове и других, а также о тех, кто званием Героя Советского Союза был отмечен дважды – Т.Я. Бигельдинове, Л.И. Беде, С.Д. Луганском, И.Ф. Павлове.⁷⁸

Первым комплексным исследованием по истории республики в годы войны явилась монография Г. Абишева «Казахстан в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», защищенная в 1959 г. в качестве докторской диссертации. Автор подвел итоги своей многолетней работы и дал широкую и яркую картину событий на фронте и всех сторон жизни республики в те годы. Книга получила высокую оценку общественности, но одновременно был отмечен ее описательный характер, отрицание или сглаживание негативных моментов и трудностей, что в известной мере принижало величие подвига народа.⁷⁹

После XX съезда КПСС, развенчавшего культ личности И.В. Сталина, расширились возможности работы исследователей в архивах, что облегчило и ускорило процесс подготовки монографий и обобщаю-

щих трудов. В конце 1950-х — начале 1960-х годов выходят 6-томная «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг.» и 12-томная «История Второй мировой войны 1939—1945 гг.». Возросло количество публикаций по проблемам истории героических усилий тружеников тыла, разных отраслей народного хозяйства и регионов Союза и республики, а также отдельных предприятий. Глубже стали освещаться проблемы дружбы народов, единства фронта и тыла, духовной жизни, культуры и науки. Только в Казахстане к 20-й годовщине Победы было издано 8 книг, 24 брошюры и опубликовано более 200 научных статей.⁸⁰

Из вышедших тогда работ выделяются книги В.Я. Басина, Л.А. Пинегиной и С.А. Федюкина.⁸¹ Но и в них имелись недочеты, в какой-то мере воспроизводившие уровень и дух изданий предыдущего периода. Решению одной из труднейших проблем военного времени — проблеме кадров, в первую очередь кадров массовых профессий для промышленности и транспорта — посвятили свои труды Ф.К. Михайлов и К.Ю. Оразов.⁸² Появились специальные работы о важнейших половозрастных группах тружеников тыла — о женщинах и молодежи, составлявших подавляющее большинство рабочих коллективов.⁸³

Активность и эффективность труда историков минувшей войны нарастала. К 1970 г. в республике было издано уже около 900 книг, брошюр, научных и научно-популярных статей, исследовавших работу ряда отраслей индустрии и крупнейших предприятий Казахстана.⁸⁴

Огромный вклад в разработку проблем истории и историографии Казахстана военного времени внес академик М.К. Козыбаев. Его монографии «Компартия Казахстана в период Великой Отечественной войны» (Алматы, 1964), «Казахстан — арсенал фронта» (Алматы, 1970), «Во имя победы» (в соавторстве с Н. Едыгеновым, Алматы, 1998) и другие исследования получили высокую оценку научной общественности.

Сводным обобщающим трудом по истории сельских тружеников стала монография Т.Б. Балакаева «Колхозное крестьянство Казахстана в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.», изданная в 1971 г. Написанная на материалах архивов, статорганов и периодики тех лет, а также на воспоминаниях ветеранов-колхозников и организаторов производства, она создала широкое полотно жизни аула и села, показала формы взаимоотношений сельских тружеников с горожанами, состояние государственной, кооперативной и рыночной торговли, их соотношение, уровень цен в разные годы войны.

Более обстоятельно разрабатывались проблемы истории рабочего класса и индустриального развития в годы войны в таком обобщающем труде, каким является «История рабочего класса Казахстана» в двух томах, второй том которого был посвящен истории 1938—1945 гг. Ценными явились и работы В.М. Савченко о материально-бытовых условиях жизни населения в те годы. До него авторы в лучшем случае ограничивались констатацией тяжести этих сторон жизни горожан и сельчан.⁸⁵

Отдельные работы посвящены состоянию здравоохранения и деятельности госпиталей в нашей республике. Это — сводные труды Р.И. Самарина и А.Р. Чокина по истории здравоохранения и санитарно-эпидемиологической службы Казахстана и М.А. Жакуповой о приеме, размещении и лечебной деятельности госпиталей.⁸⁶

С 1960-х годов началось специальное исследование научной и культурной жизни, деятельности системы народного образования. Одной из первых публикаций по такой тематике была статья академика К.И. Сатпаева, за нею последовала статья М.К. Козыбаева о содружестве ученых научных центров СССР с казахстанскими коллегами по повышению использования сырьевых ресурсов и производственных мощностей республики на нужды обороны. Работы Ш. Есенова, Р.Б. Сулейменова, Н. Едыгенова, А. Бисенбаева подвели итоги развития академической науки за годы войны.⁸⁷ Жизни школ, учебной, воспитательной и трудовой деятельности учителей и учащихся посвятили свои труды А. Шарипов и А. Сембаев, в разные годы возглавлявшие наркомат просвещения Казахстана, исследователи Н. Итбаев и др.⁸⁸

Активно разрабатывались вопросы истории культуры, литературы и искусства военных лет в работах Л.Ш. Башировой, Р.М. Жумашева, З.Х. Наурузбаевой, С.А. Куандыковой и др. В них авторы показывали взаимодействие, взаимовлияние и взаимообогащение культур, специфику работы культурно-просветительных учреждений в годы войны. Появились также исследования о взаимопомощи народов Казахстана и населения конкретных республик и регионов Союза.⁸⁹

Расширению тематики, более полному освещению истории республики, вводу в научное обращение новых, и часто очень ценных сведений, способствовали труды об отдельных регионах и областях.⁹⁰ Сформировалось направление в литературе о войне, исследующее проблемы перемещения миллионов людей, материальных и духовных ценностей из прифронтовых районов страны на восток.⁹¹

Должное внимание историки уделили также различным видам и формам выражения единства фронта и тыла, одного из важнейших составляемых победы. В наиболее полном объеме эти вопросы осветили К.И. Желтякова в содержательном очерке, а также Т.Б. Балакаев и К.С. Алдажуманов в специальной монографии.⁹²

Значительное место в историографии проблемы заняла историко-партийная тематика. Как известно, милитаризованная Компартия, ее отряды в союзных республиках, вооруженные опытом Гражданской войны, приспособленные мобилизовывать массы в сложных экстремальных условиях, стали организаторами тыла. Как отмечалось выше, наиболее комплексно исследована деятельность Компартии Казахстана военных лет по созданию слаженной военной экономики в монографиях М.К. Козыбаева. Вопросы военно-организаторской работы коммунистов республики исследованы в монографии З.Ш. Кашкенбаева.⁹³

В значительной мере раскрыта деятельность государственных органов в сводном труде «История государства и права Советского Казахста-

на 1941–1945 гг.». Освещению роли всех звеньев Советской власти в те годы посвящена и монография С. Каймолдина.⁹⁴

В 1970–1980-е гг. огромное значение придавалось к исследованию истории развития народного хозяйства восточных районов СССР, динамики перебазирования производительных сил в восточные регионы, ускоренного освоения богатств Казахстана, среднеазиатских республик, Сибири и Дальнего Востока⁹⁵. В монографии Г. Докучаева и М. Козыбаева «Осуществление ленинских идей развития производительных сил» прослеживалось своеобразие экономического развития в различных районах страны, изменений в социальной структуре советского общества в целом, регионов, внутри отдельных классов и слоев. В ряде работ в обобщенном виде был показан вклад восточных районов страны, в том числе Казахстана и республик Средней Азии в достижение экономической победы.⁹⁶

Актуальные проблемы развития и укрепления советского, в том числе казахстанского тыла, получили отражение в таких коллективных обобщающих трудах, как «История советского рабочего класса. Рабочий класс СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны. 1938–1945 гг.» (М., 1984), «Советский тыл в первый период Великой Отечественной войны» (М., 1988), «Во главе защиты советской Родины» (М., 1974, 1984), в написании которых принимал участие академик М. Козыбаев.

Большое внимание обращалось публикации документов военного времени. В 1964–1968 гг. был издан сборник документов и материалов по истории республики в военные годы, в который впервые были включены документы из Центрального архива Министерства обороны СССР (ныне Российской Федерации).⁹⁷ Заметным событием явилось и создание в 1968 г. двухтомного сборника очерков о 447 Героях Советского Союза — казахстанцах, а также книги о кавалерах Ордена Славы трех степеней.⁹⁸ П.С. Белану удалось установить, что к настоящему времени число кавалеров Золотой Звезды — казахстанцев составляет около 520 человек, из которых 497 удостоены звания Героя за подвиги на фронтах Великой Отечественной войны.⁹⁹ Установлено общее количество полных кавалеров ордена «Славы». Ныне их перечень составляет 110 человек.¹⁰⁰

Историками республики проделана определенная работа и по исследованию истории участия воинов-казахстанцев в отдельных операциях и сражениях или на отдельных стратегических направлениях. Именно в таком плане написали свои труды зачинатели ее историографии А.Н. Нусупбеков, Г.А. Абишев¹⁰¹ и другие.

Плодотворно поработал над сбором материалов и публикацией очерков и статей о казахстанцах — защитниках Брестской крепости известный журналист Н.А. Шахов.¹⁰² Об участии воинов-казахстанцев в битве за Москву довольно обстоятельно исследовали А.Н. Нусупбеков и А. Мухамеджанов. В своей монографии «Казахстанцы в битве под Москвой» (Алматы, 1968) А. Мухамеджанов на основе архивных документов Министерства обороны СССР воспроизвел участие войсковых соединений, сформированных в Казахстане летом и осенью 1941 г. в обороне Москвы. Появились также исследования о казахстанцах, сражавшихся у

стен Ленинграда,¹⁰³ и в Сталинградской битве. Среди них статьи историка-фронтовика Х. Адильгереева, журналиста-фронтовика В. Скоробогатова, а также исследования К. Доскалиева, Б. Далабаева и П.С. Белана.¹⁰⁴

Живой интерес общественности вызывали публикации о повышении роли республики, в особенности ее западных районов, в моральной и материальной поддержке войск сталинградского направления во время битвы на Волге. Это относится к статьям П.С. Белана и П.Р. Букаткина о борьбе с налетами вражеской авиации на железнодорожные станции и разъезды магистрали Урбах—Астрахань, к книге К. Доскалиева «Город-герой и Казахстан».¹⁰⁵

Курская битва стала предметом исследования академика С.Н. Покровского. Вклад казахстанцев в освобождение Украины, Белоруссии, Прибалтики и стран Европы и Азии освещен в работах Г. Абишева, К.Е. Стамбекова, А.С. Алданазарова, П.С. Белана и других авторов.¹⁰⁶

Бесспорным достижением явилось зарождение жанра исторических очерков о боевом пути соединений и частей Советской Армии, сформированных в нашей республике. К настоящему времени сложилась довольно обширная и содержательная библиотека книг и очерков о 8, 27, 30, 72, 73-й гвардейских, 8, 118, 310, 312, 314, 387, 391-й стрелковых дивизиях и 756-м стрелковом полке.¹⁰⁷ Казахским национальным 96, 105 и 106-й кавалерийским дивизиям, 100 и 101-й стрелковым бригадам посвятили свои исследования Т. Балакаев, К. Алдажуманов, К. Аманжолов.¹⁰⁸ Боевые дела обеих стрелковых бригад (кавалерийские дивизии были расформированы с передачей личного состава в ранее созданные соединения до вступления в бой) также были описаны в статьях П.С. Белана, А.Б. Тасбулатова, ветерана 100-й казахской национальной стрелковой бригады С.С. Джиенбаева.¹⁰⁹

С началом перестройки в СССР (1985) проблемы истории Советского Союза, Великой Отечественной войны и участия в ней бывших союзных республик получили новый импульс развития. До минимума сократился перечень закрытых тем и вопросов, расширен доступ к архивным фондам, усилился обмен литературой и информацией исследователями. С начала 1990-х годов публикации по истории войны сократились количественно, но вместе с тем в России и других странах появились крайне негативные суждения о характере войны, попытки уравнивания воюющих сторон, которые не имели под собой реальной почвы.

Вместе с тем, в ходе критического освоения историографического наследия были решены и некоторые важные проблемы и вопросы предвоенного времени и военных лет. Вначале на «круглых столах» и научных конференциях, а затем в периодике и книгах рассмотрению подверглись более основательно вопросы о репрессиях 1930-х годов, об издержках и жертвах сверхускоренных методов индустриализации и коллективизации, о депортации народов Крыма, Кавказа, Поволжья, а еще раньше Дальнего Востока, западных районов Украины, Белоруссии и Прибалтики в восточные районы, в том числе и в республику, об использовании принудительного труда в Казахстане. Так в исследованиях М.К. Козыба-

ева («История и современность». Алматы, 1990; «Актандактар ақиқаты». Алматы, 1992), К.С. Алдажуманова и других («Депортированные в Казахстан народы: время и судьбы». Алматы, 1998), наряду с историей депортации в Казахстан репрессированных народов, этнических групп и социальных слоев, специально рассматривались проблемы участия населения республики в Трудовой армии военного времени.

Продолжалась начатая еще в советские годы работа по подготовке к изданию Всесоюзной «Книги памяти». В Казахстане издано 66 томов из 97 запланированных. Получили подтверждение сведения о потерях Советской Армии, определенные специальной комиссией Генштаба и ученых. Впервые были определены прямые потери по Казахстану: они составили, по собранным к настоящему времени данным, 602939 человек. Удалось уточнить и количество казахстанцев, мобилизованных на фронт. Вместе с теми, кто проходил действительную службу в армии в предвоенное время, их было около 1374 тыс. человек.

Огромная работа по исследованию участия казахстанских войсковых соединений на фронтах войны проделана доктором исторических наук П.С. Беланом. Его монографии об участии казахстанцев в обороне Ленинграда, освобождении оккупированных территорий СССР, в том числе Украины, Молдавии, Белоруссии и стран Прибалтики, в завершающих сражениях войны получили положительную оценку общественности. Обобщенную картину участия казахстанцев в боях на советско-германском фронте и на Дальнем Востоке, и особенно боевого пути сформированных в республике частей и соединений Советской Армии, дает монография П.С. Белана «На всех фронтах», изданная к 50-летию Великой Победы. В том же году вышла и книга М.К. Козыбаева и Н.Е. Едыгенова «Труд во имя Победы», посвященная индустриальному развитию и героическому труду рабочих промышленности республики в военные годы. Она ввела в научное обращение немало новых, ранее неизвестных сведений из архивов. В ней показаны как источники и формы подготовки новых кадров, так и роль принудительного труда, в том числе в трудовой армии.

В условиях суверенного Казахстана исследователи активно разрабатывают различные проблемы историографии советского периода. При этом появились и обобщающие работы по зарубежной казахистике, о чем свидетельствуют исследования К.Л. Есмагамбетова, Р.М. Таштемхановой¹¹⁰ и других. Проблемы историографии культуры получили освещение в исследованиях Р.М. Жумашева, А.Т. Капаевой.¹¹¹ С новых концептуальных позиций рассматривается историография советской модернизации Казахстана в работах О.Х. Мухатовой, Р.Ж. Кадысовой¹¹² и других. Поиски по всем направлениям отечественной истории и историографии продолжаются.

Таким образом, в Казахстане сделано немало в исследовании проблем истории советского периода. Однако многое еще предстоит изучить и переосмыслить и основное внимание при этом уделить вводу в науку ранее закрытых документов и материалов. А на этой основе пересмотреть устоявшиеся выводы и обобщения, освободить их от идеологических штампов прошлого и столь же идеологически окрашенных лжеinovаций настоящего.

2. ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КАЗАХСТАНА СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА В ЗАПАДНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Современная зарубежная историография Казахстана представлена общими работами по теории и практике советской национальной политики; исследованиями по истории, этнографии и культуре народов Средней Азии и Казахстана, включая докторские диссертации; а также дневниками и воспоминаниями иностранных очевидцев событий в регионе. Важным ее компонентом являются публикации, посвященные критическому анализу методологии и методики исследований казахстанских авторов, справочно-библиографические пособия, содержащие обширные научные комментарии и описания трудов и личных архивов А. Букейханова, А. Байтурсынова, М. Чокаева, А. Заки Валиди Тогана, Т. Рыскулова и др. лидеров освободительной борьбы тюркоязычных народов бывшей Российской империи, а также текстов программ, резолюций и решений политических партий.¹¹³ К ним относятся программные документы первого и второго Всероссийских съездов мусульманских народов России (май и июль 1917 г.), Мусульманского военного съезда, партии младобухарцев, партии «Мусават» (Азербайджан), Тюркской партии федералистов, партии «Милли-Фирка» (Крым), партии «Ерк» (Туркестан), партии «Алаш» (Казахстан).

До начала 90-х гг. XX столетия традиционным направлением западной историографии являлось изучение проблем, связанных с осмыслением роли и места Октябрьской революции в исторической судьбе нерусских народов Российской империи, отношением местного мусульманского общества к навязываемым извне социально-политическим и экономическим институтам и ценностным ориентациям, «интеллектуальным брожением» в среде казахских лидеров в 20–30-х гг. XX века.

Истоки зарубежной историографии темы установления Советской власти на национальных окраинах, в том числе и в Казахстане, берут свое начало в многочисленных материалах, публиковавшихся в периодической печати США, Великобритании, Германии, Франции и других государств, выступления государственных и общественных деятелей, в которых находили отражения столкновения различных точек зрения на события в России в 20-х гг. XX века.

В значительной своей части публикации тех лет¹¹⁴ носят описательный, эмпирический характер, но все же в них можно выделить отдельные оценочные моменты и тенденции, которые получили затем дальнейшее развитие, сыграв определенную роль в формировании историографических концепций проблемы. Сказанное в первую очередь относится к работам американского публициста Уильяма Чемберлина «Русская революция» (в 2-х тт.), «Советская Россия», «Железный век России»,¹¹⁵ отличающиеся широким охватом источников, интересом к теме участия народных масс в революции. Анализируя события в России в период от февраля до октября 1917 г., он впервые указывает на четыре мощных движения, окончательно уничтожившие как царизм, так и послефевральский режим: это гигантское брожение в армии; стремление крестьянства получить землю; борьба рабочих за

увеличение заработной платы и сокращение рабочего дня, установление контроля над производством; борьба нерусских национальностей за достижение автономии. Чемберлин, как очевидец событий 1920–1930-х гг., отмечает значительную, если не решающую роль австро-венгерских и др. военнопленных, которых советские историки называли «зарубежными интернационалистами» в установлении и упрочении Советской власти в Средней Азии и Казахстане, разгроме басмачества; он отрицает версии об «освободительной миссии» пролетариата, классовом характере расстановки политических сил в регионе в первые два десятилетия после Октябрьского переворота. Тем самым, вслед за французским историком Ж. Кастанье,¹¹⁶ Чемберлину удалось обосновать тезисы об антидемократической природе и сущности Советской власти на национальных окраинах; о пропасти, пролегшей между основными потоками революционного процесса в России в 1917–1920 гг.

В 50-е годы XX в. на передний план выдвигаются историки, взявшие на вооружение концепции, сформированные на основе оценки политического строя СССР как тоталитарного. Оно сопровождалось процессом становления новой научной дисциплины — советологии, включавшей в себя, в частности, комплексное изучение республик Средней Азии и Казахстана. В рамках данного регионального исследования появились и написанные с позиции тоталитарной теории труды Р. Смаль-Стоцкого «Национальная проблема Советского Союза и русский коммунистический империализм» (1952), В. Коларца «Россия и ее колонии» (1953), О. Кэроу «Советская империя: тюрки Средней Азии и сталинизм» (1953), Р. Пайпса «Образование Советского Союза: коммунизм и национализм» (1954), А. Парка «Большевизм в Туркестане. 1917–1927» (1957), Ч. Хостлера «Тюркизм и Советы: тюркские народы и их политические чаяния» (1957), В. Монтея «Советские мусульмане» (1957), С. Зеньковского «Пантюркизм и ислам в России» (1960), Дж. Уилера «Современная история Советской Средней Азии» (1964), «Народы Советской Средней Азии» (1966) и др.

Научным вкладом авторов этих работ в историографию проблемы явилась всесторонняя разработка концепции «пролетарского колониализма», опиравшейся на такие факты и явления, как социально-экономическая и политическая отсталость края, где во многих его районах господствовали патриархально-феодалные отношения. В связи с этим А. Парк, С. Зеньковский, Дж. Уилер обратили внимание на политическую пассивность и неподготовленность казахов для восприятия идей пролетарской революции.

В своей новой работе «Русская революция» Пайпс, как один из последовательных приверженцев тоталитарной модели, отстаивает тезис о неизменности русской колониальной политики в отношении мусульманских народов в силу постоянства русской национальной традиции и российской политической культуры.¹¹⁷

Таким образом, основные доводы авторов концепции «пролетарского колониализма» сводятся в целом к утверждениям о том, что: а) революция была совершена партией русских большевиков, которая

навязала себя всем национальностям Российской империи; б) никакого компромисса или союза между русскими рабочими, украинскими крестьянами, узбекскими хлопкоробами и казахскими скотоводами не было и не могло быть, поскольку они преследовали различные цели во всех трех российских революциях; в) несмотря на отсутствие социальной базы, большевики смогли одержать верх благодаря повсеместному истреблению оппозиционных политических сил в лице дашнаков в Армении, мусаватистов в Азербайджане, Шуро-и-Ислама в Туркестане и Алаш-Орды в Казахстане; г) «руководство» пролетариатом национально-освободительной борьбой крестьянства мусульманских окраин делало равенство народов простой формулой, поскольку у среднеазиатских народов не было собственного пролетариата; д) в период так называемой «пролетарской революции» и Гражданской войны казахи и др. мусульманские народы оставались равнодушными наблюдателями, так как они не понимали ни целей и задач Октября, ни его «исторического значения»; е) социальной базой революции в крае являлись внутренние колонизаторские элементы, служащие, бывшие военнопленные, для которых национальные интересы местного населения были абсолютно чужды.

В последующие годы концепция «пролетарского колониализма» обставлялась новыми доводами за счет углубленного изучения отдельных ее аспектов (выяснения общего и особенного, интернационального и национального, социального и этнического в революции) в работах Э. Олуорда, А. Беннигсена, Э. Уимбуша, Т. Хэммонда, Х. Сетона-Уотсона, Э. Каррера д'Анкос, Г. Симона, Д. Гейера, А. Каппелера и др.¹¹⁸

С переходом на рубеже 60–70-х гг. XX в. ряда историков на более динамичную историко-социологическую концепцию модернизации, а также другие теории социального развития, прежде всего идущие от французской школы «Анналов», значительно раздвинулись тематические и географические рамки зарубежных исследований по истории Казахстана. Так, представители «новой исторической школы» Дж. Кип, Р. Петибридж, Р. Суни, М. Ферро, Р. Пирс, Ц. Хасегава, Д. Рэлей, Д. Гейер в своих трудах обратились к более глубинным причинам (социальным, политическим, профессиональным, этническим и др. факторам) исторического процесса.¹¹⁹

Новые концептуальные подходы к проблеме не внесли однако существенных корректировок в оценку зарубежными авторами социальной природы Октябрьской революции на национальных окраинах, в том числе и в Казахстане, о чем свидетельствует одно из последних обобщающих исследований – работа профессора Колгейтского университета (США) М.Б. Олкотт «Казахи».¹²⁰

Она категорически не согласна с официальной версией традиционной историографии об имевшем месте массовом энтузиазме казахов, якобы приветствовавших новости о победе русских большевиков в крае в ходе изнурительной Гражданской войны.

Аналогичная точка зрения по вопросу об отношении местного населения Туркестана и Степного края к Октябрьской революции 1917 г. аргументирована также в статье «Мустафа Чокайулы (Чока-

ев)», опубликованной в журнале «Общества по изучению Средней Азии» в 1986 г., а также изданных этим научным центром в 1985 г. работах «Казахи о русских до 1917 г.» и «Революция глазами мусульманских большевиков». ¹²¹

«Большевистская революция, — пишет Уоррен Уолш (США), — представляла собой серию конвульсий, продлившихся до 1921 года. То, что традиционно называют «Гражданской войной», было просто продолжением революции». ¹²²

Рассмотрение зарубежными авторами Гражданской войны в России как неизбежного следствия «Октябрьского путча» (Р. Даниэльс, М.К. Дзевановский, Д. Футмэн, Ш. Фитцпатрик и др.) ¹²³ служит основным методологическим ключом в оценке событий в Казахстане в период 1918–1920 годов. Для большинства казахов, разбросанных по обширной степи и далеких от политических бурь, начавшихся с петроградского штурма Зимнего дворца, она была прежде всего войной одних русских против других, войной непонятной, загадочной.

Основные компоненты современных зарубежных историографических концепций проблемы содержатся в работах французского дипломата и историка Жозефа Кастанье, ¹²⁴ очевидца событий 1917–1918 гг. в Ташкенте. На формирование взглядов французского ученого оказал влияние М. Чокаев, находившийся в 1920–1930-х годах в Париже в эмиграции. ¹²⁵

Из числа работ, опубликованных в 1920-х и 1930-х годах, большой научный интерес для историков представляет дневник офицера Общества Красного Креста Дании А. Бруна, посетившего Туркестан в 1919 г. по делам австро-венгерских военнопленных, статей Паула Олберга «Русская политика в Туркестане», Георга Кляйнова «Национальная политика в Советском Союзе». ¹²⁶ Последняя, опубликованная в «Остойропа», в 1975 г. была перепечатана в связи 50-летним юбилеем журнала. В них освещаются малоизвестные страницы истории Гражданской войны, которые позволяют по-новому подходить к оценке действий красноармейских отрядов в регионе.

В последующие периоды западные ученые осваивали новые пласты истории Казахстана 20-х годов; прежде всего за счет привлечения новых источников значительно расширилась тематика их исследований. Вдобавок к традиционным советским источникам (Г. Сафаров. «Колониальная революция». 1921; Ю. Козловский. «Красная Армия в Средней Азии». 1928 и др.) исследователи обратились к изъятым из научного оборота публикациям, таким как «Басмачество в Локае» (М.-Л., 1929), «Красная Армия в освещении современников, белых и иностранцев, 1918–1924 гг.», (М.-Л., 1925), «Национальные части Красной гвардии и Красной Армии в Средней Азии» (Ташкент, 1933).

В результате в современной зарубежной историографии утвердилась «компромиссная» точка зрения на проблему об отношении коренного населения к Советской власти. Она была выражена редакцией оксфордского журнала «Среднеазиатское обозрение» в статье «Красная Армия в Туркестане в 1917–1920 гг.». «Мусульмане служили в рядах Красной Армии, — говорится в ней, — но их численность была невелика». ¹²⁷ Соот-

ветственно, не они определяли ход, характер и направление боевых действий в регионе. Подспудным планом большевиков в ходе Гражданской войны были ликвидация национально-государственных образований народов Средней Азии и Казахстана (Алаш-Орды, Кокандской автономии), удержание их в сфере своего господства в рамках «единой и неделимой России». Классовые цели и задачи, выдвигавшиеся в ходе революции на этнической русской территории, отодвигались на второй план на национальных окраинах. Подобная метаморфоза с Советской властью в регионе не могла не пробудить национального самосознания тюркоязычных народов. Исследования с данных методологических позиций привели к возрождению интереса к басмаческому движению, которое, после классического труда Ж. Кастанье в 1920-х годах,¹²⁸ было в какой-то степени предано забвению в зарубежной историографии.

Разработкой проблем, связанных с возникновением, социальной базой и причинами поражения басмачества, в 1970–1980-х годах в контексте несовместимости большевизма и ислама активно занимались Г. Массел, Э. Каррер д'Анкос, А. Беннигсен, Ш. Лемерсье-Келькеже, С. Уимбуш, Г. Брэкер. Ряд комплексных исследований о басмачестве опубликован в «Среднеазиатском обозрении» («Басмачество. Движение сопротивления среднеазиатских народов в 1918–1924 гг.»; «Джунаидхан – король Каракумских степей»; «Иностранные военнопленные в Туркестане» и др.).

Последние исследования зарубежных историков (М. Олкот, М. Броксап, Г. Фрезер) позволили на новой источниковой базе обосновать тезис о басмачестве как об антиколониальном выступлении народов Туркестана, в котором «чувство их культурной и религиозной идентичности получило новый импульс».¹²⁹

Проявляется интерес к личности и деятельности Энвера-паши, непосредственно сражавшегося в рядах басмачества и отдавшего свою жизнь в борьбе за единство тюркских народов.¹³⁰

Многолетние усилия зарубежных историков постичь движущие силы и цели басмаческого движения, повстанческие очаги которого иногда сливались, охватывая чуть ли не всю Среднюю Азию и юг Казахстана, завершились изданием в 1986 году специальной монографии «Басмачи и большевики», принадлежащей перу сотрудника Принстонского университета (США) Э. Дейли.¹³¹

В исследовании, наряду с упомянутыми выше работами по проблеме, использована находящаяся в архивах Гуверовского института (США) «коллекция материалов Т. Рыскулова», включающая в себя приказы Чрезвычайной комиссии ЦИК и Совнаркома Туркестанской республики; приказы командующего войсками Ферганского фронта; книгу самого Т. Рыскулова «Революция и коренное население Туркестана» (Ташкент, 1925); доклады комиссий ТурЦИКа о борьбе с басмачеством съездам Компартии Туркестана; статью В. Куйбышева «Басмаческий фронт» («Жизнь национальностей», № 16/73, июнь 1920 г.). Впервые введен в научный оборот ценный и разнообразный материал из неопубликованных рукописей эмигранта Анатолия Маркова «Энциклопедия белого движения: вожди, партизаны, фронты, походы и

народные восстания против Советов в России» (тт. II–IV) и из докторской диссертации Уильяма Клемма «Очерк революционных событий в русской Средней Азии» (1922 г.).

Творческое осмысление этих источников и литературы позволило автору выйти за рамки традиционного описания военно-политических аспектов истории басмачества и наиболее полно и достоверно указать на социально-экономические причины его. Истоки басмаческого движения Дейли ищет в антиколониальном восстании народов Средней Азии и Казахстана 1916 г., обезземеливании казахских и кыргызских шаруа. В этом ряду указываются и такие факторы, как шовинистическая политика Туркестанского правительства, состоявшего в основном из русских; осквернение религиозных чувств и обнищание коренного населения.

Вслед за П. Олбергом автор отмечает, что лишь само присутствие Красной Армии служило дестабилизирующим фактором. В целом же Дейли объясняет возникновение басмачества как выражение естественного неприятия местным населением социальных порядков, основанных на чуждой им теории.¹³²

К концу Гражданской войны традиционное общество казахов было уже разрушено и за короткое время во многих районах Казахстана дважды имел место массовый голод. Ряд материалов о масштабах голода 1918 и 1921 годов среди местного населения опубликован в периодической печати США и европейских стран. Ценными источниками о событиях того периода являются дневники австрийца Г. Криста и англичанина Р. Фокса, проезжавшего в 1922–1923 гг. по торговым делам из Оренбурга до Актюбинска и далее до Аральского моря.¹³³

Некоторое внимание историков привлекла деятельность массовых организаций казахских шаруа («Кошчи», «Жарлы» и др.), земельно-водные реформы (Х. Сетон-Уотсон, Э. Карр, Я. Матли).¹³⁴ Ими отмечаются противоречивость аграрной политики большевиков, нежелание их вернуть казахам отобранные переселенцами земли.

В. Конолли видит главную цель аграрных реформ 1921–1922 гг. в том, что с их помощью Советская власть хотела привнести в мусульманское общество социальную напряженность, что эти реформы послужили своего рода прелюдией к другим аграрным преобразованиям.¹³⁵

Общественно-политическая ситуация в Казахстане накануне коллективизации в книге М. Олкотт характеризуется борьбой между немногочисленной казахской интеллигенцией, выступавшей за ликвидацию колониального наследия во всех сферах жизни, и местным аппаратом Советской власти, нуждавшейся в лояльном отношении казахов к новому порядку и поддержке задуманной ею программы социальных и экономических преобразований. Но большевики не могли удовлетворить нужды коренного населения, не ущемив интересы русских колонистов. Одним словом, пишет Олкотт, по различным причинам лидеры тогдашней Компартии не проявили понимания вопроса о тяжелых культурных и социальных последствиях предстоящих тогда экономических экспериментов в Степи. Но сами казахи, как и другие среднеазиатские народы, вполне осознавали сущность мер по экономической трансформации

их общества как непосредственную угрозу своим вековым традициям и культуре.¹³⁶

Зарубежными историками (Е. Бэкон, Э. Шихи, И. Виннер, Х. Нейберт, Э. Гизе и др.)¹³⁷ всесторонне обоснован тезис о принудительном характере и абсурдности седентаризации скотоводов-кочевников и полукочевников за короткое время даже с точки зрения экономической целесообразности.

Причины трагедии казахов в связи с переводом их на оседлость Л. Крадер (США) усматривает в том, что традиционное казахское общество представляет собой синтез социальной организации их членов и системы производства; единое и гомогенное целое.¹³⁸ Э. Шихи, В. Конолли (Англия) отмечают рациональность в тех условиях традиционного кочевого хозяйства и с точки зрения ориентированности его мотивации на удовлетворение биологических и социальных потребностей, а не на развитие производства ради производства.

Усилия зарубежных исследователей сосредоточивались на изучении трагического опыта коллективизации, «принесшей с собой опустошение в Среднюю Азию и Казахстан» (В. Конолли). Коллективизация сельского хозяйства и насильственное развитие тяжелой промышленности, указывает Сетон-Уотсон, легли тяжелым бременем на плечи всех граждан страны; но особо суровыми методами они осуществлялись в Украине и Казахстане.

Картина произвола и насилия в ходе коллективизации достоверно и с глубокой эмоциональностью описана в воспоминаниях американского горного инженера Джона Литлпейджа «В поисках советского золота». Они читаются как документальная повесть о трагедии казахского народа в 1930-х годах. «Мы часто видели дым, медленно протягивающийся с руин саманных домов, где раньше жили скотоводы, — пишет он. — Дома были сожжены во время битвы между номадами и коммунистическими уполномоченными. Они продолжали гореть в течение месяцев в бескрайних степях то там, то здесь».¹³⁹

М. Олкотт в статье «Кампания коллективизации в Казахстане» отмечает, что меры по коллективизации хозяйств казахских шаруа в 1930 г. встретили всеобщее и упорное сопротивление народа. Партийная организация республики, ее лидеры Ф. Голощекин и И. Курамысов были вынуждены искать «козлов отпущения», чтобы свалить на них вину за насилия и разрушения в крае. Ими стали прежде всего А. Байтурсынов и другие лидеры Алаш-Орды.

Первые сигналы о бедствиях, охвативших многие районы Казахстана, появились уже в 1933–1934 гг. в американской периодической печати («Нью-Йорк Таймс» и др.). Статьи, освещавшие трагедию 1930-х гг., публиковались в «Манчестер Гардиан», «Дейли Телеграф», «Матен», «Фигаро», «Нойе Цюрихер Цайтунг», «Газетт де ла Лозанн», «Стампа».

Среди западных публикаций о массовом голоде, охватившем казахские аулы в 1930-х гг., следует выделить книгу Р. Конквеста «Жатва скорби: советская коллективизация и террор голодом», вышедшую в Лондоне в 1986 г. Автор придерживается высказанной ранее Х. Сетоном-Уотсо-

ном точки зрения о том, что голод среди казахов являлся продуктом специально организованной кампании под видом коллективизации.

На основе известных к тому времени данных Конквест впервые в западной историографии попытался определить численность казахов, погибших в результате голода, в ходе конфискации байских хозяйств и др. репрессивных мер Советской власти.¹⁴⁰

Первопричины трагедии 1932–1934 гг. автор видит не столько в экономических и политических просчетах, сколько в полном непонимании большевиками человеческих культур и их природы. Конквест считает: причины и обстоятельства, благодаря которым произошло это огромное человеческое и экономическое бедствие, аналога чему невозможно обнаружить в анналах ни одного другого колониального режима, заслуживает более пристального и предпочтительного внимания среди всех подобных событий, когда-либо представлявших интерес для исследователей.

Трагедия казахов, считают западные историки, усугублялась еще политикой индустриализации, которая осуществлялась за счет перекачки капитала из сельского хозяйства в промышленность. Каковы бы ни были впечатляющие материальные успехи среднеазиатских народов, указывают они, цена, уплаченная за них и выраженная в категориях человеческих усилий, чрезмерно велика. Подробное описание истории индустриализации дано в трудах одного из ведущих английских среднеазиистов В. Конолли.¹⁴¹ В ее статье «Развитие промышленности в Советской Азии» (1941) рассматриваются важнейшие индустриальные объекты в Казахстане: Карагандинское угольное месторождение, медные копи Балхаша, рудники Жезказгана, полиметаллические залежи в Риддере и предприятия в Чимкенте. Уже тогда Конолли понимала, что за всеми этими «успехами» стояла трагедия казахского народа, что и зафиксировала она достаточно убедительно, сославшись, в частности, на материалы, полученные путем опроса от беженцев из Казахстана в Китае, Монголии, Афганистане, Иране и др. странах.

В своем основном труде «За Уралом», несмотря на неполноту статистических материалов и исследований по проблемам планирования, финансирования и модернизации, которыми к моменту издания книги могла располагать Конолли, ей удалось нарисовать широкую панораму экономического развития Казахстана, четко выделить основные его направления и черты. В целом индустриализация республик Средней Азии и Казахстана, отмечает автор, достигнута за счет сталинского террора, голода и вынужденной миграции населения в города.

Основным итогом незавершенной индустриализации Казахстана, в процессе которой столкнулись экономические императивы экстенсивно развивавшегося советского общества и ценности традиционного общества, явилось превращение республики в сырьевой придаток России. Западными историками аргументирован, соответственно, вывод о том, что модернизация казахского общества могла быть при естественном ходе исторического процесса менее болезненной и более эффективной.

Ведется изучение истории культурного строительства в Казахстане. Но оно до начала 1990-х гг. в целом сводилось к выяснению целей, задач и итогов «культурной революции». ¹⁴²

Большинство научно-исторических работ по вопросам культурного строительства в Казахстане написано авторами, ориентирующимися на теорию советского колониализма (А. Беннигсен, А. Парк, Р. Пайпс, М. Ривкин, В. Конолли и др.). Они видят прямую связь между социально-экономическими мероприятиями Советского государства в регионе с его политикой русификации: советизация, индустриализация, коллективизация, русификация — такова последовательность событий. Р. Хилл в работе «Советский Союз: политика, экономика и общество от Ленина до Горбачева» считает «навязывание образованной элитой своих ценностей» отставшим в своем общественном развитии народам неизбежным следствием колониальной политики, не по своей доброй воле приводящей к модернизации отдельных сфер духовной жизни и отраслей экономики. «Обеспечивая экономическое развитие народов, — пишет автор книги, — советское правительство последовательно размывает и разрушает традиционную культуру их, тем самым навлекая на себя обвинение в обречении этих народов к примитивному образу жизни и, возможно, эксплуатации их в пользу русских». ¹⁴³ Но это, по его мнению, представляет собой один из вариантов дилеммы, с которой сталкиваются правительства всех стран, переживающих модернизацию.

Таким образом, сторонники теорий советского колониализма, тоталитаризма и модернизации расходятся лишь в своих исходных позициях. Одни придерживаются точки зрения о том, что процесс модернизации подрывает духовные начала и моральный базис народа, поэтому культура неизбежно подвергается изменениям и влияниям. Другие (сторонники первых двух теорий) в объяснении взаимоотношений культуры и общественного развития исходят из культурного детерминизма, признающего независимость духовных явлений, общественного сознания. Свои исходные теоретические позиции западные историки стремились проиллюстрировать на примере развития школьного образования как важнейшей сферы культуры, где, по их мнению, существовала неразрешимая дилемма между целями и объективными результатами политики Советского государства (Р. Видмайер, Г. Бэрман, Н. де Витт и др.). ¹⁴⁴ Но опять же долгое время усилия ученых Запада не выходили за рамки темы советской политики в сфере образования на различных этапах его развития.

Вопрос о последствиях и целях введения русской графики получил основательное освещение в трудах ряда ведущих зарубежных историков (Дж. Уилер, М. Ривкин, С. Данн и Э. Данн, П. Хенце, С. Матушевский и др.). ¹⁴⁵ Основной вывод их исследований сводится к тому, что смена графики причинила огромный ущерб духовной культуре народов Средней Азии и Казахстана. Ими отмечается, что путем введения новой графики советские лидеры преследовали далеко идущие цели: а) отдалить народы региона от зарубежных мусульман и сблизить их с русской культурой для последующей ассимиляции; б) оторвать от общетюркских корней культуры, которые могли служить фундаментом для пантюркизма, в чем русские всегда видели угрозу своему господству в регионе; в) облегчить втор-

жение русских слов и терминов в казахский и др. языки взамен арабских и персидских.

Командно-бюрократическая система в СССР, в основе которой лежал примат политики над экономикой, государства над обществом, интересов Центра над насущными потребностями периферии, способствовала дальнейшему углублению уродливых тенденций экономического развития Казахстана в довоенный период.

Понимание перспектив этих тенденций имело для западных специалистов принципиальное значение, поскольку оно затрагивало вопрос об эффективности экономической системы и будущности политического строя СССР. В зависимости от ответа на него западные историки и экономисты разделились на «оптимистов» и «пессимистов», придерживавшихся диаметрально противоположных позиций. Первых отличают вера в «жизненность» идеалов Октября и, соответственно, акцентирование на экономическом прогрессе народов Средней Азии и Казахстана, позитивная оценка перехода их к современным формам экономики (Р. Меллор, И. Короповецки, Г. Шредер, Г. Шаффер, Р. Мантинг, У. Мандель, А. Макейли, Л. Бланшар и др.).

Если данное историографическое направление объединяло в своих рядах отдельных сторонников социальной истории, то «пессимисты» состояли в основном из приверженцев теорий тоталитаризма и советского колониализма. Последние отстаивали тезисы о неминуемом крахе советского общественного строя. Еще в самом начале разработки проблем экономического развития Казахстана они указывали на односторонний характер этого процесса, ориентированность его на обслуживание промышленных очагов России (З. Мясковский, Г. Вагенленер, Л. Ботт, В. Катков и др.).¹⁴⁶

Вплоть до распада Советского Союза освещение экономического развития Казахстана в зарубежной историографии по-прежнему велось: а) в рамках модели «центр—периферия», предусматривающей антагонистический характер экономических интересов Европейской России и восточных республик СССР; б) в русле закономерности роста национального самосознания народов Средней Азии и Казахстана, вызванного их протестом против грабежа природных ресурсов региона в пользу центра-метрополии, экономической эксплуатации и колонизации.

Не отрицая индустриальный характер экономического развития Казахстана, М. Олкотт обращает однако внимание на то, что промышленность до сих пор «контролируется в основном русскими». «Сегодня, хотя Казахстан стал республикой с угледобывающей промышленностью и индустриальной базой,— пишет Олкотт,— сельское хозяйство все еще остается жизненно важной сферой экономики для 75 процентов трудоспособного местного населения».¹⁴⁷ Выключенность казахов из индустриального труда, считает Олкотт, создала ситуацию, при которой наиболее глубокие изменения в казахском обществе имели место не вследствие индустриализации и дальнейшего промышленного развития, а в результате освоения целинных земель.

Освоение целинных и залежных земель вызвало на Западе целый поток литературы, в которой представлен широкий спектр взглядов как

историков, так и ученых-агрономов, почвоведов, экономистов и др. В работах Дж. Клири, Э. Стивенсона (США), О. Шиллера, Г. Рауха, Х. Финдейзена (ФРГ), написанных в первые же годы целинной кампании, предпринимались попытки анализа экономической целесообразности и методов расширения посевного фонда в Казахстане, выявить отношение местного населения к очередному партийному решению, принятому без его ведома и участия.¹⁴⁸

По мере развития историографии проблемы в ней сформировались два основных направления, представители которых пытались объяснить целинную кампанию экономическими или политическими мотивами. Так, О. Шиллер, А. Ноув считают, что целинной кампании предшествовал затяжной кризис колхозной системы, который мог быть разрешен двумя путями. Первый заключался в интенсификации сельскохозяйственного производства в старых земледельческих районах, что потребовало бы значительных инвестиций. Второй путь развития предусматривал освоение целинных и залежных земель в Казахстане и Сибири.

Р. Лэйрд, Дж. Чэпел, Дж. Уилер, М. Макколи, М. Рае, Н. Рязановский, т.е. подавляющее большинство исследователей данной темы, усматривают в освоении целинных земель в Казахстане продолжение переселенческой политики царизма, стремившегося таким способом увековечить колонизацию Казахской степи. Советы, утверждают они, стремились решить попутно ряд задач: заселить славянами и укрепить приграничные с Россией территории, русифицировать национальные окраины. Одним словом, по мнению «Форин аффез» — органа внешнеполитических ведомств США, освоение целины явилось очередным мероприятием в ряду существовавшего в СССР «тщательно планируемого и политически мотивированного расселения русских в союзных республиках», которому «больше всего был подвергнут Казахстан».¹⁴⁹

Описывая в целом состояние экономики Казахстана накануне распада Советского Союза, западные исследователи обращают внимание на неотрегулированность экономических отношений внутри агропромышленного комплекса, в силу чего значительная часть накоплений, созданных трудом колхозников, оседала в промышленности. Таким способом осуществлялась скрытая эксплуатация сельского населения республики, 60–70 процентов которого до сих пор составляют казахи. Неблагоприятные тенденции в развитии экономики Казахстана в 1980-х гг. нашли свое отражение в работах М. Гольдмана, М. Олкотт, Д. Хоскинга, Т. Коултона и др.¹⁵⁰ Они указывают, что негативные процессы, затормозившие социально-экономическое развитие республики, были связаны с особенностями структуры ее промышленности, экстенсивным характером развития народного хозяйства, медленными темпами научно-технического прогресса.

Среди причин распада страны (жесточайшая централизация в экономике и политике, неэффективность действия экономических и политических рычагов, нарастание бюрократии и др. негативные явления),¹⁵¹ многие зарубежные исследователи указывают на нерешенность национального вопроса в СССР. Со времени своего образования Со-

ветский Союз представлял собой колониальную империю, державшуюся на социальной демагогии и насилии.¹⁵² В условиях усиливающихся русификации и ассимиляционных процессов взрыв национальных чувств был неизбежен. В. Конолли еще в 1974 г. в «Эйшн аффез» писала: «Нет ничего невероятного в возможности советского ухода из Средней Азии, если это будет вынуждено ростом тюркского национализма».¹⁵³

В 1988 г. в США по инициативе Р. Конквеста состоялась международная конференция советологов на тему «Последняя империя», на которой обсуждался вопрос о влиянии национального фактора на будущее Советского Союза.¹⁵⁴

Ряд основательных исследований, посвященных политическим аспектам советской национальной политики, осуществили в 1970–1980-х гг. З. Бжезинский и другие ученые. В них они выявили серию идентичных структурных характеристик, которые связывали Советское государство с его царским имперским прошлым.¹⁵⁵

В статье «Советская политика: от будущего к прошлому?» З. Бжезинский указывает, что в любом случае «национальная проблема в СССР прямо связана с проблемами социальных изменений в нем». Он прогнозировал, что национальный вопрос в Советском Союзе являлся «основным препятствием на пути постепенной эволюции советского общества» и что даже в будущем этот вопрос «может выступать в качестве фатального противоречия в политической эволюции страны».¹⁵⁶ Вывод о взаимообусловленности национального вопроса с социально-экономическими и политическими изменениями в СССР Бжезинский подтвердил и в последующих своих работах. В книге «Великий провал», изданной уже накануне распада Советского Союза, он подытоживает: «Кроме баллистической ракеты и космической техники, СССР не смог создать эффективную экономическую систему, которая была бы в состоянии производить конкурентноспособную продукцию на мировом рынке. Экономическая стратегия Советов повинна в том, что богатые природными ресурсами Средняя Азия и Казахстан продолжают оставаться отсталым регионом. Колониализм не сможет сделать ни один народ процветающим».¹⁵⁷

События второй половины 1980-х гг., в частности, восстание казахской молодежи в декабре 1986 г., во многом подтвердили прогнозы зарубежных среднеазиистов. Беннигсен в одной из своих последних работ по поводу декабрьских событий в Алматы и других городах республики пишет: «После событий 1986 г. бывшая пассивная ксенофобия стала уступать место насильственной межэтнической борьбе, основанной на оппозиции мусульманских националов их «русскому старшему брату»».¹⁵⁸

На события в декабре 1986 г. в Казахстане откликнулись во многих странах мира. Б. Керблай, М. Лавинь (Франция), У. Хальбах, Р. Шарф (ФРГ), Э. Уимбуш (Англия), М. Олкотт (США) еще раз пытались соотнести свои научные прогнозы о будущем среднеазиатских республик с факторами, приведшими к мощному взрыву национального пробуждения казахского народа.¹⁵⁹

Э. Каррер д'Анкос, отозвавшаяся на декабрьские события в Алматы позднее, уже после распада Советского Союза, видела в них роль детона-

тора. Анализируя половинчатые реформы, которые хотел осуществить Горбачев во второй половине 1980-х гг., она пишет: «Самым примечательным событием того периода явилось восстание в декабре 1986 г. в Алматы... Оно вызвало цепную реакцию выступлений в Ташкенте, Вильнюсе, Тбилиси и других городах». ¹⁶⁰

Анализ событий, предшествовавших непосредственно распаду мировой сверхдержавы (М. Олкотт, Б. Нахайло, Г. Симон и др.), ¹⁶¹ вылился в подытоживание итогов деятельности и самой советологии, научная состоятельность которой была доказана самим временем. В связи с уходом с исторической сцены Советского Союза как объекта исследования перестала существовать и сама советология. ¹⁶² Распад СССР, по словам Г. Симона, «последней колониальной империи», завоевание составлявшими ее республиками национальной и государственной независимости, расширение научных и культурных контактов между Казахстаном и зарубежными странами вносят существенные коррективы в методологию и структуру исследований зарубежных авторов. Вместо самих терминов «советология» и «советологические центры» возникают новые понятия, отражающие сегодняшнюю реальность. Выступая на международной конференции «Советская внешняя политика; 1971–1991 годы, ретроспектива», состоявшейся в феврале 1992 г. в Москве, профессор Стэнфордского университета (США) Александр Даллин заявил: «... время ставит перед нами новые вопросы: меняется ли тоталитарный режим? Возможен ли мирный переход от одного строя к другому? Наконец, массу вопросов ставит Содружество независимых государств». ¹⁶³

В поисках ответа на эти и другие вопросы историками и политологами обстоятельно изучены основные причины и факторы, приведшие советскую империю к внезапному крушению, ее достижения и провалы во внешней и внутренней политике. Старший научный сотрудник корпорации РЭНД Г. Фуллер по этому поводу писал: «Как и повсюду в мире, колониализм в Средней Азии в лучшем случае был противоречивым благодеянием. Он принес в регион железные дороги, оседлое земледелие и некоторое образование. Однако ни цари, ни большевики не проявили понимания региона или желания помочь ему в политической и экономической модернизации». ¹⁶⁴

Конкретизация данного концептуального подхода к оценке итогов советского правления в Средней Азии и Казахстане нашел отражение во многих работах западных исследователей начала 1990-х годов ¹⁶⁵. П. Гобль, М. Олкотт, Г. Глисон, С. Клотцли, Р. Фердинанд, Я. Бреммер, Г. Велт, Дж. Кричлоу и др. отметили тяжелое наследие (сырьевой характер экономики Казахстана, экологические проблемы, нехватка кадров и финансовых средств), оставленное империей казахстанцам. ¹⁶⁶

Приобретение Казахстаном государственного суверенитета привело к кардинальному избавлению ученых от идеологических препон, изменениям в структуре и тематике западных исследований истории и культуры казахского народа. Как в западноевропейской, так и американской историографии идет процесс переориентации на современные проблемы молодого государства.

В целом историографический анализ показывает, что магистральными линиями в подготовке будущих исследований и материалов по истории Казахстана в XX-м веке могли бы послужить следующие последовательные этапы развития республики в советский период:

- Национальная политика Советского государства.
- Казахская национальная идея и рост национального самосознания в условиях тоталитаризма.
- Процессы деэтнизации в условиях социализма.
- Попытки создания советской цивилизации.
- Распад СССР: новые альтернативы.

В целом, за 70-летний период развития народы СССР приобрели трагическое знание тоталитарного опыта. В этом отношении как для России и других республик важно понять не только сущность большевизма, но и глубинные источники угнетения как гарантии того, что развивающиеся ныне суверенные государства в своем развитии пойдут по пути реальной демократии.

3. ИСТОЧНИКИ

Сбор источников по истории Казахстана советского периода и их использование в научно-публикаторских целях берет начало со времени окончания Гражданской войны (1918–1920 гг.) и перехода к мирному строительству. Вначале производился сбор материалов периодической печати и образцов официальных документов. В августе 1921 года Академический центр Народного комиссариата просвещения Казахской АССР под руководством А. Байтурсынова выступил с инициативой собирания, изучения и пропаганды письменных источников по истории и культуре страны.

Образованный осенью того же года Центральный государственный архив КазССР приступил к целенаправленному и планомерному комплектованию архивохранилищ документами от организаций и учреждений. Казахское бюро Истпарта (Комиссии по изучению истории РКП(б) и Октябрьской революции), созданное в ноябре 1922 года, начало собирать документы, имеющие историческое значение и воспоминания непосредственных участников революционных событий.

В годы революции, Гражданской войны и в первые годы Советской власти многие исторические источники были безвозвратно потеряны, испорчены, расхищены, уничтожены. Большая часть источников оказалась за пределами Казахстана. В 1925 году ценнейшие архивные источники были оставлены в Оренбурге при переезде столицы Казахстана в Кзыл-Орду. Определенные потери и порча источников произошли в 1928–1929 годах при перебазировании архивных учреждений из Кзыл-Орды в Алма-Ату. Значительное число документальных раритетов по истории Южного Казахстана, Семиречья и Сырдарьинс-

кой области остались в Ташкенте и составили государственное имущество Узбекистана.

Архивные учреждения республики, преодолевая объективные и субъективные трудности, проделали большую работу по организации централизованного сбора и хранения, а также изучения и публикации письменных источников. По мере становления и укрепления единой архивной сети в республике накапливалась и приумножалась документальная база исторической науки.

В 1927–1929 годах при Истпарте республики был создан специализированный архив для хранения партийных документов. Впоследствии это учреждение стало называться архивом Института истории партии при ЦК Компартии Казахстана — филиала Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (в обиходе — партархив). С 14 января 1994 г. это учреждение носит название Архива Президента Республики Казахстан. Накануне 10-летнего юбилея Октябрьской революции (1927) Истпарт под руководством С. Сейфуллина собрал около 100 воспоминаний участников исторических событий. Эти воспоминания положили основу известного своей научной ценностью фонда № 811 партархива.

Основную массу комплекса документов, отобранных для хранения в фондах партийных архивов, составили резолюции и постановления Центрального Комитета РКП(б)–ВКП(б)–КПСС по Казахстану, протоколы заседаний Бюро секретариата Казахского областного комитета (Киробкома, 1921–1925 гг.), Казахского краевого комитета ВКП(б) (1925–1937 гг.), ЦК Компартии Казахстана (1937–1991 гг.) и сопутствующие им документы, материалы пленумов, конференций и съездов республиканской и местных парторганизаций, отчеты о работе партийных комитетов и организаций всех уровней, органов партийного и советского контроля, народных комиссариатов и министерств, предприятий, учреждений и общественных организаций, аналитические записки, справки, доклады, письма, статистические сведения и др. Эти документы представляют собой в совокупности сложную и емкую систему исторической информации, созданную в рамках тоталитарного государства.

Главную ценность этих узковедомственных архивов составляла исчерпывающая информация о многих тысячах людей, сосредоточенная в партийных делах, от активистов первичных парторганизаций до руководящих работников номенклатуры Центрального Комитета Коммунистической партии Казахстана. Документы партийных дел — это не только проследивание каждого шага по служебной лестнице человека — автобиографии, характеристики, анкеты, справки — они содержат сведения большой исторической значимости о прошлом Казахстана, о судьбе всего народа. В настоящем томе «Истории Казахстана» широко использована данная группа многочисленных источников, всесторонне обрисовывающих политику, экономику, культуру и быт, пройденный казахстанцами путь, вплоть до судеб отдельных личностей.

Создание двух источниковых баз и параллельное существование двух самостоятельных систем архивов — партийных и государственных, имело

негативное влияние на развитие исторической науки в Казахстане. Соответственно развивались два направления науки — руководяще-направляющая историко-партийная наука и подчиненная ей гражданская история.

Находившиеся до этого в ведении Наркомпроса республики государственные архивы с 1938 г. были отданы в подчинение Народному комиссариату внутренних дел КазССР. В архивах был установлен полувоенный режим, ужесточены правила пользования и публикации документов. На долгие годы в них воцарился дух закрытого учреждения, атмосфера особой секретности и оберегания от народа исторических документов.

В годы Советской власти документальные фонды архивов Казахстана периодически подвергались «чистке» и засекречиванию. Несмотря на то, что в целом в советский период письменные источники возросли в численном выражении во много раз, во времена Сталина и в постсталинский период был нанесен непоправимый вред первоисточникам истории советского периода. В ходе планомерных чисток в 1940–1970-х годах из партийных фондов архивохранилищ были извлечены и сожжены, как не имеющие исторической ценности, документы, свидетельствующие о тяжелом положении населения Казахстана в 1920–1950-е годы. Вместе с ними уничтожались документы, содержащие сведения (или критику) об ошибках и недостатках работы партийных комитетов и организаций правительственных структур. Такие же кардинальные меры принимались в отношении фондов государственных архивохранилищ. К примеру, после специальной проверки, проведенной в Центральном государственном архиве КазССР в июле–августе 1941 г., из фонда Совета Народных Комиссаров республики (фонд № 30) были отобраны к уничтожению 172 архивных дела 1920–1929 гг. Подобным образом в августе 1944 г. были сожжены 610 архивных дел 1929–1935 гг., в июле–декабре 1945 г. — 2310 архивных дел, относящиеся к 1929–1936 годам.¹⁶⁷

Конфисковывались и бесследно исчезали документы, касающиеся жертв массовых политических репрессий. На оставшихся делах ставились грифы «Секретно», «Особо секретно», «Не подлежит публикации» и они содержались в специальных закрытых фондах. В ведомственных архивах Крайкома, ЦИК, КП(б)К, ЧК–ОГПУ–НКВД–МВД хранились документы об участниках движения Алаш, оппозиционных групп и фракций, а также о тех, кто в разное время, в особенности в 1920-е годы, отстаивал национальные интересы республики. В конце 1920-х — 1930-е годы эти материалы легли в основу идеологических кампаний и чисток, вылившихся в массовые репрессии. После того, как работник арестовывался органами и становился «врагом народа», производилась чистка соответствующих фондов и изымались документы с его именем.

По происхождению документы, использованные в качестве источников для IV тома «Истории Казахстана», делятся на три большие группы архивных материалов — на созданных (1) государственными учреждениями, (2) общественными организациями, (3) отдельными личностями. По своим функциям эти документы делятся на нормативно-регулирующие (законы, указы, постановления и т.д.), органи-

зационно-руководящие, информационно-справочные, планы, отчетную документацию.

Использовавшиеся при написании настоящего тома законы, нормативные документы, имеющие силу закона, принятые КирЦИК, ВЦИК, КазЦИК, Верховными Советами СССР и КазССР определяли статус, права и обязанности учреждений и организаций, утверждали структуру и служебные рамки. Постановления и резолюции Центрального Комитета РКП(б) – ВКП(б) – КПСС и его комитетов в Казахстане, равно как и директивы их пленумов, конференций и съездов, вместе с руководящими указаниями на решение определенных задач, имели целью всемерное укрепление власти Коммунистической партии. Перед проведением крупных политико-хозяйственных реформ и мероприятий (к примеру, земельно-водные реформы, конфискации у баев и т.п.) принимались совместные постановления всех трех ветвей власти – Казахского Крайкома ВКП(б), КазЦИКа и Совета Народных Комиссаров республики (впоследствии – ЦК Компартии Казахстана, Верховного Совета и Совета Министров КазССР). Вслед за официальными документами центральных органов власти и управления вторую большую группу источников составили многочисленные постановления руководства профессиональных союзов, комсомола, всеказахстанских «добровольных общественных организаций».

Впервые за всю историю академических изданий «Истории Казахстана» получили широкое применение источники личного происхождения – материалы архивных личных дел, справки, письма, заявления, мемуары, воспоминания и др.). Представляют несомненный интерес персоналии, впервые введенные в научный оборот, в т.ч. из ранее закрытых фондов и спецхранилищ.

Источники архивных фондов показывают, что если директивные документы высшего руководства страны доходили в низовые органы без изменений, то, наоборот, по мере движения снизу вверх по инстанциям, документы претерпевали значительные изменения в форме и содержании. Огромный поток документации, направляемый из местных организаций в руководящие партийно-советские органы, подвергался в управленческих аппаратах различных уровней преднамеренной переработке, в результате чего получали новую оценку и видоизменялись описываемые в них факты и явления. Информация и отчеты о работе хозяйств, предприятий, организаций систематизировались и просеивались в аппарате уездного (впоследствии районного, окружного) руководства. Документы, поступившие из уездов, проверялись и обобщались на губернском (областном) уровне. Такие же манипуляции производились с документами на самых высших органах руководства – в республиканских партийных, советских органах и правительстве Казахстана. Действия эти диктовались политической конъюнктурой. В документах, подлежащих быть историческими источниками, не стали отражаться многие жизненные реалии, они походили на однотипные победные реляции с «трудового фронта» социалистического и коммунистического строительства. На бумаге оставались многократно проверенные факты, наиболее выгодно освещающие руководящую деятельность Коммунистической партии.

И соответственно, в фонды архивов «на вечное хранение» отбирались документы однозначно положительно свидетельствующие о руководстве Компартии, ее поступательном движении только вперед и ввысь. Свидетельства, противоречащие идеологии и политике партии, не принимались на хранение в архивы, а на редких принятых таких документах ставили граф «Секретно», и содержались они в закрытых фондах и спецхранах. Таким образом, большой комплекс исторически важных документов скрывался от общества и от самих коммунистов.

На архивное хранение принимались в основном документы на русском языке. К примеру, в бывшем республиканском Партархиве — в фондах Партийного архива Института истории партии при ЦК Компартии Казахстана удельный вес документов на казахском языке не превышал 3–5 процентов.

Другую большую группу источников по истории Казахстана составляют печатные публикации советского периода. Первыми документальными изданиями в Казахстане, увидевшими свет в 1920-е годы, явились Устав, программные документы, отдельные директивы РКП(б), декреты Советского правительства. Эти книги и брошюры, изданные на русском и казахском языках, широко распространявшиеся среди населения в агитационных целях, отложились в большом количестве и в фондах архивов и библиотек. Ныне исследователи пользуются наиболее часто встречающимися печатными изданиями 1920–1930-х гг., служившими руководящими материалами в ходе социалистической модернизации, а именно: утвержденные Киробкомом РКП(б) и Казкрайкомом ВКП(б) постановления, инструкции, положения, резолюции партконференций и пленумов.¹⁶⁸ Часто и большими тиражами издавались сборники речей и доклады первого секретаря Казкрайкома ВКП(б) Ф. Голощекина¹⁶⁹ и его преемников. Много сведений содержат стенограммы и постановления съездов Советов Казахской АССР, сессий КазЦИК. В последующие годы в дополнение к документам директивного характера публиковались в большом масштабе сборники законов, информационно-справочные, статистические и аналитические материалы.

Появление в советский период первых сборников исторических документов связано с именем Тураара Рыскулова. Подавляющее большинство источников в подготовленных Т. Рыскуловым сборниках «Мусбюро РКП(б) в Туркестане» (Ташкент, 1922) и «Революция и коренное население Туркестана» (Ташкент, 1925) относятся к историческим событиям юга Казахстана.¹⁷⁰ Документы и материалы, отобранные для издания непосредственным участником отображенных в них событий, дают относительно объективную информацию о происходившем, и поэтому эти сборники являются уникальными во всем отечественном источниковедении советского периода.

Первое археографическое издание на казахском языке вышло из печати в 1925 г. в Оренбурге. Называлось оно «Первый съезд казахской интеллигенции» и представляло собой стенографический отчет означенного съезда, состоявшегося 12–18 июня 1924 года.¹⁷¹ Благодаря этой книге ныне читатели имеют возможность изучать в первоисточнике взгляды

А. Байтурсынова, А. Букейханова, М. Дулатова, Х. Досмухамедова, Е. Омарова, Н. Тюрякулова, И. Арабаева, М. Мурзина и др. о путях развития национальной культуры, науки, литературы и искусства, по вопросам казахского языка, учебно-просветительных программ и учебников.

Романом Сакена Сейфуллина «Тернистый путь» (Кзыл-Орда, 1927) было положено начало казахской мемуарной литературе. Цепь исторических событий и судьбы сотен людей — реальных участников революции и Гражданской войны — были описаны С. Сейфуллиным на основе собственных наблюдений и конкретных достоверных источников.¹⁷² Несмотря на четко проводимую автором политизированную интерпретацию фактов и событий, классовую позицию в оценке действий людей противоборствующих лагерей, сочинение С. Сейфуллина до сих пор является наиболее часто цитируемым источником по истории Казахстана 1916–1919 годов.

В эти же годы появились первые издания по истории национально-освободительного движения казахского народа, в частности, движения Алаш, в том числе документальный сборник. Комплекс документов, собранных А.П. Бочаговым в 1927 году по политическому заказу Казкрайкома ВКП(б), был признан идеологически несостоятельным. В то время задача ставилась таким образом, чтобы непременно подобрать источники, свидетельствующие о полном разгроме главного противника Компартии в Казахстане — движения Алаш. Публикуя документы Алаш-Орды и партии «Алаш», А. Бочагов не сумел подобрать соответствующие источники, должным образом проанализировать их и дать им классовую оценку. Не сумел этого сделать и Н. Мартыненко, чей сборник «Алаш-Орда» (1929) также, на взгляд идеологического руководства республики, больше пропагандировал идеи Алаш, чем осуждал их.¹⁷³

Впоследствии, в 1935 году, эта история повторилась еще раз в связи с выходом в свет книги С. Брайнина и Ш. Шафиро «Очерки истории Алаш-Орды». 15 апреля 1935 года Бюро Казкрайкома ВКП(б) нашло, что документы, внесенные ими в свою книгу в качестве приложения, «объективно являются пропагандой контрреволюционной алашординской националистической идеологии»¹⁷⁴ и приняло решение о снятии книги из обращения и строгом наказании авторов и издателей. Это была последняя попытка идеологов Коммунистической партии обосновать разгром Алаша посредством документальных сборников. В дальнейшем Алашское движение порицалось путем публикации лишь отдельных документов и выдержек из них с обязательным комментарием классового характера.

Источники из трех указанных выше документальных сборников оказались вне научных изысканий вплоть до конца 1980-х годов. Материалы этих книг, в особенности сборник Н. Мартыненко, где были напечатаны списки руководителей и активных функционеров Алаш-Орды, а также членов партии «Алаш», в свое время послужили для НКВД незаменимым основанием для гонений лучших представителей казахской интеллигенции в период политических репрессий 1929–1931 и 1937–1938 годов.¹⁷⁵

В 30-е годы в первую очередь издавались документальные сборники партийно-идеологического содержания.¹⁷⁶ В то же время публикации по всем археографическим правилам сборников архивных материалов первых казахстанских съездов Советов явились показателем значительных сдвигов в отечественном источниковедении.¹⁷⁷ Ощутимой вехой в культурной жизни довоенных лет стал выход в свет на казахском языке стенограммы первого съезда Союза писателей Казахстана.¹⁷⁸ Замечается прогресс в деле организации сбора и публикации воспоминаний.¹⁷⁹ Эта работа продолжилась и в последующем, в особенности — в годы Отечественной войны, когда было напечатано несколько брошюр с документами на военно-патриотическую тему.¹⁸⁰

В послевоенные годы заметно расширилась тематика документальных изданий. В первую очередь была начата работа по целенаправленному поиску и систематизации всевозможных источников об участии казахстанцев в Отечественной войне 1941–1945 годов. В результате совместной с архивистами и историками кропотливой работы увидели свет сборники, основанные на различных по своему происхождению источниках — архивных документах, письмах с фронта и из тыла, материалах периодики, воспоминаний и т.д.¹⁸¹ В конце войны был издан сборник «Герои Советского Союза — казахстанцы», в котором были впервые собраны сведения о воинах, награжденных высшим знаком отличия СССР.

В силу утвердившихся традиций в деле публикации исторических документов, главное внимание уделялось пропаганде руководящей роли КПСС и Компартии Казахстана в социалистическом переустройстве общества.¹⁸² Увидел свет большой комплекс документов и воспоминаний, связывающих исторические победы Казахстана с именем «вождя мирового пролетариата» В.И. Ленина.¹⁸³

В советский период на первом плане находились публикации по истории Октябрьской социалистической революции, в том числе в источниковедческом плане. Поэтому казахстанские публикаторы исторических документов занимались этой темой с первых лет Советской власти до последних дней коммунистической системы. Сборники документов по этой, в то время считавшейся весьма актуальной, теме призваны были утвердить в сознании людей убеждение в справедливости проводимой в Казахстане ленинской национальной политики и что государственное устройство Казахстана отвечает правам народов на самоопределение и самоуправление.¹⁸⁴ Отобранные с таких позиции документы должны были служить наглядным обоснованием невиданных ранее достижений и победу во всех сферах государственного строительства, успехов в развитии индустрии,¹⁸⁵ реформировании сельского хозяйства,¹⁸⁶ осуществлении культурной революции.¹⁸⁷ Увидели свет собрание архивных документов о деятельности общественных организаций и движений.¹⁸⁸

Первыми персоналиями в казахстанской советской истории явились сборники документов и материалов А.В. Затаевича, А. Жангельдина и А. Иманова.¹⁸⁹ Вслед за ними были изданы ряд документальных публикаций о революционерах и деятелях Коммунистической партии.¹⁹⁰ Все подобные сборники получали санкцию на издание в ЦК КП Казахстана.

Поэтому в 1980-е годы были изданы источники только о Т. Рыскулове и А. Иманове.¹⁹¹

Со второй половины 1950-х годов вместе с публикациями запрещенных в тридцатых годах сочинений реабилитированных классиков казахской литературы — С. Сейфуллина, Б. Майлина, И. Жансугурова и других начали выпускаться источники о развитии казахстанской, «национальной по форме и социалистической по содержанию» культуры. Использование в научных целях многочисленных воспоминаний участников «социалистических преобразований» утвердилось как важная часть отечественного источниковедения.¹⁹² Вместе с воспоминаниями общественно-политического характера стали больше издаваться воспоминания деятелей культуры, помогающие воссоздать правдивую картину духовной жизни прошлых лет.¹⁹³

Отсталость и ущербность источниковой базы казахстанской исторической науки стали особенно заметны после осуждения культа личности Сталина. Слабость источниковой основы исторических исследований была особо констатирована на проходившей в Алматы 5–11 мая 1957 г. совместной научной сессии Академии наук Казахстана, Киргизстана, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана. Подчеркивалось, что вследствие недостатков в использовании источников история Казахстана и республик Средней Азии советских лет оказалась исследованной намного хуже, чем история предыдущих периодов. Историки пользовались в основном документами руководящих органов, оставляя без должного внимания материалы с мест.¹⁹⁴

Установление Коммунистической партией монополии на информационное пространство нанесло огромный вред источниковой базе истории Казахстана в целом. Коммунистическая партия держала под своим неослабным контролем все источники исторической информации и все более ограничивала ее использование и публикацию. Следствием такой политики явилось положение, в котором источники, рассказывающие о насущных проблемах народной жизни, национальном самосознании и традициях, оказались в числе материалов, не подлежащих открытой публикации.

От внимания общественности скрывались материалы народных восстаний 1929–1931 гг., число жертв и обстоятельства массового голода 1931–1933 гг., сведения о массовых политических репрессиях и их жертвах — «врагах народа», погибших в годы массового террора режима (в 1937–1938 гг.), показатели переписи населения и т.д. В документах периода массового голода и гибели населения в 1931–1933 гг., принятых на хранение, зачастую содержатся лишь отрывочные сведения. Докладные записки и отчеты, отражающие более реальную обстановку того времени, на долгие годы были засекречены. Подобное искусственное ограничение источниковой базы исторической науки породило нездоровую практику поверхностного отношения к первоисточникам и привело к их недооценке.

В советское время содержание документов официальных органов управления и в особенности — органов Коммунистической партии не подлежало сомнению. Сведения, взятые из документов КПСС, счита-

лись самыми достоверными источниками. Поэтому главной проблемой для нынешних исследователей стал вопрос об установлении правдивости источников советского периода.

Критический анализ документальных источников советского периода отчетливо показывает, что вся партийно-советская документация не полностью отражает объективно прошлое республики. Партийным документам свойственны грубые искажения действительности, подача ложной информации, приукрашивание, приписки, умалчивание недостатков. Факты и явления унифицировались в интересах правящей партии и ее идеологических установок. Несмотря на всеобъемлющий контроль, в них допускались частые расхождения в сведениях и количественно-качественных показателях между официальными изданиями, архивными источниками, статистическими данными и др.

Одним из самых уязвимых мест советской исторической науки было неиспользование источников на казахском языке. Так, в сборнике документов, призванном показать в самом лучшем свете борьбу коммунистов против исламской религии, из отобранных для этой цели 145 материалов были приведены всего три документа, переведенных с казахского языка.¹⁹⁵ А в сборнике документов «Вехи консолидации» (А., 1990), посвященного пропаганде идей интернационализма народов, приводятся всего 5–6 малозначимых документов на казахском языке.¹⁹⁶ Авторы настоящего тома проделали большую работу по восполнению этого существенного пробела. Ныне исследователи находят и используют новые источники исторической информации на государственном языке и по-новому определяют научно-практическую ценность ранее известных материалов.

Во второй половине 1980-х гг. с началом демократических процессов в СССР под давлением общественности в Казахстане начались работы по снятию необоснованных ограничений в использовании архивных документов. Начавшаяся публикация ранее недоступных документов породила огромный общественный интерес к историческим источникам недавней советской действительности. Новым импульсом явилась политическая реабилитация А. Букейханова, А. Байтурсынова, Ш. Кудайбердиева, М. Дулатова, М. Жумабаева, Ж. Аймаутова, К. Кеменгерова, С. Садвакасова и других. С публикацией их сочинений и документального наследия началась новая полоса в восстановлении исторической справедливости. Общественность положительно восприняла первые публикации засекреченных на долгие годы документов: сводок об общественно-политической ситуации в республике, регулярно составляемых спецорганами и представляемых в Москву, материалов органов партийно-советского контроля, информации партийных чисток и персональных дел (партийные дела, протоколы партийного следствия, стенограммы дискуссий, письма и т.д.).

В виде отдельных сборников были изданы документы и материалы о насильственной коллективизации и голоде конца 1920-х — начала 1930-х годов, письма и официальные документы Казахского Краевого комитета и ЦК Компартии Казахстана, касающиеся массовых политических репрессий конца 1930-х годов. Опубликованы сведения об оппозиционных

советскому режиму молодежных группах и отдельных лицах, действовавших на территории республики в разные периоды Советской власти¹⁹⁷. Впервые были опубликованы в СМИ отдельные документы о восстании в Темиртау (1959), демонстрации в Целинограде и Ерейментау (1979), восстании в Алматы (1986), с которых был снят гриф секретности. Три выпуска сборников «Алматы. 1986. Желтоқсан», увидевшие свет в 1991–1992 годах, явились первой попыткой представить объективную истину с помощью официальных документов и рассказов участников протеста и свидетелей.¹⁹⁸ В дело публикации рассекреченных документов активно подключился и ряд бывших сотрудников правоохранительных органов.¹⁹⁹

В результате публикации таких документов, а также издания отдельных публикаций на ранее закрытые темы, показывающие недостатки, а также преступные деяния Советской власти против собственного народа в период коллективизации и голода, в ходе подавления крестьянских восстаний и бунтов, протестных выступлений и оппозиции послевоенного периода, вплоть до распада СССР, способствовали пробуждению национального самосознания народа. Все это стало доказательством того, что документальные сборники, увидевшие свет до конца 1980-х годов, представляли исследователям (да и массовому читателю) историю советского общества только лишь в положительном, выгодном для власти свете. Такая лакировка действительности вызывала протест со стороны исследователей. Тем не менее, содержание публикуемых документов и материалов, статистических сведений строго контролировалось идеологами от коммунистической власти.

К концу 1980-х – началу 1990-х годов в публикациях, посвященных советскому периоду, четко определилась и другая крайность. Это связано с тенденцией огульного охаивания всего советского. В этом преуспели журналисты, публицисты и писатели. В пылу разоблачительства негативных сторон Советской власти они по-своему трактовали исторические события, допуская поверхностное, вне контекста времени обращение с первоисточниками. В итоге читатели вместо научного анализа тех или иных событий на основе источников получали их эмоционально-публицистическое объяснение в отрыве от времени и ситуации.

После объявления государственной независимости Казахстана было положено начало коренным изменениям в использовании исторических источников в научных целях. Историки получили доступ к ранее закрытым документам. Были закрыты прежние партийные архивы в центре и на местах. Их фонды перешли в государственную собственность. В открытии доступа к ранее закрытым архивам и рассекречивании их документов большую работу провела Комиссия Верховного Совета Республики Казахстан по изучению обстоятельств силовой коллективизации, голода 1931–1933 годов, массовых политических репрессий, созданная в ноябре 1991 г. под руководством народного депутата, академика М.К. Козыбаева. Изучив постановления КазЦИК и Совета Народных Комиссаров КАССР «О конфискации байских хозяйств» (от 27 августа 1928 г.), «Об уголовной ответственности за противоправные действия против конфис-

кации и выселения крупных баев и полуфеодалов» (от 13 сентября 1928 г.), «О мероприятиях по дальнейшему переустройству сельского хозяйства и борьбе с кулаками и баями» (от 19 февраля 1930 г.) и другие нормативные документы исполнительных органов, принятые на их основе, а также ход реализации решений директивных органов и их последствия, Комиссия подготовила обстоятельный научный доклад и заключение, которое опубликовано в газетах «Егемен Қазақстан» и «Казахстанской правде» 21 и 22 декабря 1992 г. Кроме того, Комиссия осуществила также обстоятельную научную ревизию документов ограниченного доступа, хранящихся в республиканских, ведомственных и местных архивах, статистических сведений, а также материалов периодической печати, попавших по воле режима в специальное хранение. В результате проведенной широкомасштабной аналитической работы Комиссия представила Верховному Совету РК список постановлений и законодательных актов 1928–1932 гг. с предложением снять ограничения в их использовании. Более 1000 копий этих документов были представлены в виде приложения к «Заключению» Комиссии.

Законы РК «О защите и использовании историко-культурного наследия» (1992), «О национальном архивном фонде и архивах» (22 декабря 1998 г.), принятые Парламентом Республики Казахстан, сыграли большую роль в решении, в соответствии с новыми реалиями, накопившихся проблем использования документальных и других источников. В указанных законодательных актах, явившихся первым шагом по демократизации использования архивного фонда и улучшению взаимоотношений между архивами, исследователями и общественностью, предусматриваются ряд существенных мер по снятию ограничений с ранее малодоступных и совсем недоступных архивных документов.

В ходе широкомасштабных изысканий по реализации Закона Республики Казахстан «О реабилитации жертв массовых политических репрессий» (14 апреля 1993 г.) в архивах республики производилась поисковая работа, изучались личные дела, материалы «троек», «особых совещаний» ОГПУ – НКВД и судов, выносивших незаконные приговоры жертвам политических репрессий на основе сфабрикованных уголовных дел. В этой работе участвовали, наряду с архивистами и учеными-историками, и представители государственных учреждений и общественных организаций. Составленные из них комиссии по существу принялись доводить до конца дело реабилитации политических осужденных, начатое в 1950-х годах после смерти Сталина и не доведенное до завершения. Эта работа стала возможной при проявлении широкого содействия со стороны архивов, историков, органов безопасности.

В последующие годы перед историками Казахстана стояла задача привести в систему и опубликовать исторические источники, которые по известным причинам не могли увидеть свет в прежние годы. Нужно было преодолеть дефицит источников, необходимых для объективного освещения «белых пятен» казахстанской истории. Историки работали над выявлением дополнительных материалов по подготовке и насильственному проведению коллективизации сельского хозяйства, раз-

рушению традиционной агроструктуры, обстоятельств джута, массового голода и откочевков казахов. Часть из этих документов была опубликована в сборниках «Голод в степи» (1991), «Гонимые голодом» (1996), «Насильственная коллективизация и голод в Казахстане в 1931–1933 годах» (1998).²⁰⁰ Одновременно с ними увидели свет документы довоенных лет, собранные с учетом новых требований историками А. Такеновым и К.С. Каражановым, М.К. Койгелдиевым, Ф.А. Козыбаевой и другими.²⁰¹

В эти же годы появился ряд публикаций, имеющих немаловажное значение для исследования мировоззрения и духовного наследия выдающихся представителей казахской интеллигенции. Так впервые в истории Казахстана были опубликованы собрания сочинений деятелей Алаш-Орды, значительно расширяющие рамки источников по истории национально-освободительного движения.²⁰² Массовый читатель впервые получил возможность ознакомиться с трудами А. Букейханова, А. Байтурсынова, М. Чокаева и др. О судьбе партии «Уш жуз» рассказывается в сборнике сочинений создателя этой партии К. Тогусова.²⁰³

Особо сложным периодом советской истории являются 1937–1938 годы. Для установления правды об этом времени понадобилось объединение сил ученых, архивистов, общественности республики, средств массовой информации. Был освоен огромный круг разнообразных источников из архивов и музеев, библиотек, личных собраний граждан. Исследователи получили доступ к ранее закрытым архивам, что позволило более обстоятельно исследовать историю массовых репрессий граждан. Источники, имеющие научное значение, собирались и по линии казахстанского историко-просветительского общества «Адилет» («Справедливость»), которое возглавляли общественный деятель С. Жандосов, академики М. Козыбаев и М. Баймаханов. Областные отделения общества «Адилет» вели сбор сведений из местных источников по репрессированным гражданам, что стало большим подспорьем при издании «Книги скорби» и ряда сборников документов и воспоминаний.

Были изданы также сборники документов по материалам о подвергшихся политическим гонениям деятелей «Алаша», жертв репрессий, превращенных во «врагов народа» представителей национальной интеллигенции, личных дел работников партийно-советской номенклатуры, рядовых граждан.²⁰⁴ Особое внимание уделялось изданию документального наследия руководящих работников, подвергшихся репрессиям, деятелей литературы и науки.²⁰⁵

Так, М. Койгелдиевым, А. Такеновым и другими были изданы труды А. Букейханова, М. Тынышпаева, С. Кожанова, Т. Шонанова.²⁰⁶ Опубликованные архивные документы позволяют более полно восстановить биографию, уточнить детали жизни и деятельности видных государственных и общественных деятелей, а также членов казахстанского правительства.²⁰⁷ Были опубликованы воспоминания и документальные издания М. Дулатова, Н. Кульжановой и др.²⁰⁸ Опубликованы также документы и воспоминания членов семей репрессированных и узниц АЛЖИРа.²⁰⁹

В условиях активной поддержки общественности и средств массовой информации в 1990-е годы во всех областях республики были изданы многотомные «Книги памяти». Эти книги, ставшие данью памяти потомков казахстанским воинам, погибшим на фронтах Второй мировой войны, явились уникальной попыткой запечатлеть в истории как можно полнее их имена. В последующие годы были изданы и другие документальные издания на военно-историческую тему.²¹⁰

Совместными усилиями историков и архивистов были подготовлены сборники документов и материалов, рассказывающие о многотрудном пути развития казахстанской культуры.²¹¹ Целый ряд новых документальных источников был выявлен и издан в период подготовки и проведения 100-летнего юбилея М.О. Ауэзова.²¹² Материалы, изданные в связи со 100-летием К.И. Сатпаева – первого президента Академии наук Казахской ССР, приобрели особую ценность как источники по истории развития науки в республике и науковедению.²¹³

В настоящее время в связи с реализацией государственной программы «Культурное наследие» издаются многотомные книги, в которых содержатся материалы по истории Казахстана из русских, китайских, арабских и других источников.²¹⁴ В 2004 году издательство «Казыгурт» выпустило в свет знаменитые мемуары С. Сейфуллина «Тернистый путь» с восстановлением текста первоначального (1927) года издания. Ученые Института истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова и работники Архива Президента РК подготовили и издали 4 тома (в 5 книгах) документального сборника «Движение Алаш». В эти тома впервые вошли раритеты, рассказывающие о поступательном развитии общественно-политической активности, о сложной судьбе казахского освободительного движения в начале XX века.²¹⁵ Материалы указанного издания могут служить достоверной источниковой базой для многих фундаментальных научных исследований.

В исследованиях заново переосмысливается и содержание источников, ранее послуживших основанием для исследования истории советской эпохи. В новых научных изысканиях по истории советского периода исчезают прежние концептуальные подходы в использовании источников. Отходя от предвзятой избирательности в их подборе, исследователи все больше обращают внимание на источники о жизнедеятельности низовых организаций, живые свидетельства с мест, отдельных личностей и персоналий, которые ранее не принимались во внимание как субъективные.

Ученые М. Бурабаев, К. Нурпеисов, М. Татимов, Д. Махат в свои книги включали в виде приложения целый ряд документов и материалов, имеющих исторически важное значение.²¹⁶ Практика включения в исследования полных текстов архивных документов особенно часто находила применение в персоналиях.²¹⁷ Несомненной заслугой Д. Аманжоловой является введение в научный оборот редкостных по своему содержанию источников из российских архивов.²¹⁸ Новые материалы выявлены О. Кобыратбаевым о жизнедеятельности Т. Рыскулова.²¹⁹ М. Казыбек и Г. Маймаков впервые опубликовали на казахском языке полный текст стенограммы так называемого частного Совещания ответ-

ственных работников национальных республик и областей, состоявшегося 12–14 ноября 1926 г. в Москве.²²⁰

В годы независимости Казахстана было издано значительное число воспоминаний – важной составной части исторических источников. По происхождению они делятся на три большие группы: воспоминания государственных и общественных деятелей; ученых, писателей и деятелей искусства. Из этой литературы как свидетельство времени можно отметить воспоминания о О. Жандосове, Ж. Шаяхметове, Н. Ундасынове, а также воспоминания Д. Кунаева, И. Омарова и других, в которых рассказывается о политической жизни республики.²²¹ Воспоминания, повествующие о научно-педагогической деятельности ученых,²²² творческой и общественной работе деятелей литературы и искусства²²³ помогают по-новому осмыслить обстановку того времени, в котором они жили и работали.

Среди источников истории советского периода значительное место занимают материалы периодической печати. В качестве источников в томе использованы материалы газет и журналов, ранее не использовавшиеся в академических изданиях «Истории Казахстана». К ним относятся материалы периодической печати 1917–1940 гг., большей частью которые ранее не были введены в научный оборот. Определенный вклад в дело расширения источниковой базы отечественной истории внесли журналы «Казак тарихы» (начал издаваться с 1993 г.), «Отан тарихы – Отечественная история» (1998), «Жас Түркістан» (1998), «Ақиқат», «Мысль», а также периодические научные издания высших учебных заведений, в которых публикуются документальные источники. Научно-познавательное значение этих публикаций несомненно.

Все это дало возможность выпустить новое поколение учебников и хрестоматий по отечественной истории. Школьные учебники очистились от однотипных документов партсездов.²²⁴ В последние годы увидели свет сборники архивных документов о депортации народов в Казахстан.²²⁵ Ученые стали пользоваться в своих разработках новыми зарубежными документальными изданиями, имеющими сведения о Казахстане.²²⁶

В последние годы ученые республики приступили к планомерному поиску и приобретению источников в архивохранилищах и библиотеках зарубежных стран. В дни празднования 10-летия независимости Казахстана Президент Республики Н.А. Назарбаев вручил Центральному государственному архиву страны приобретенные во Франции документы и материалы из фонда М.Чокая. В рамках государственной программы «Культурное наследие» проводилась обширная работа по поиску источников по истории Казахстана за рубежом и приобретению их копий.²²⁷ И эта поисковая работа продолжается. Поддержка государства в выявлении и сборе материалов по отечественной истории, пополнении ее источниковой базы дает свои плоды.

Постановлением Правительства Республики Казахстан № 183 от 1 марта 2005 года в г. Астане было открыто государственное учреждение «Национальный центр археографии и источниковедения Комитета информации и архивов Министерства культуры, информации и спорта Республики Казахстан». В г. Алматы действует его отделение.²²⁸

В XX веке был накоплен богатый опыт совместной работы историков, архивистов, обществоведов и гуманитариев по изучению и использованию исторических источников. За эти десятилетия в Казахстане сложились новые отрасли знания, связанные с историческими источниками, — архивоведение, источниковедение, археография, документоведение. Положительные изменения происходят в деле формирования архивных фондов и правилах их использования в научно-познавательных целях. Все это служит росту значения исторических источников как особо важной отрасли науки и духовных ценностей.

¹ Козыбаев М.К. Казахстан на рубеже веков: размышления и поиски. Кн. 1, 2. Алматы, 2000.

² Әйтиев Ә. Тарихи күн // Кызыл Қазақстан, 1921, №3; Еңе же. Октябрь төңкерісі және ұлт мәселесі // Кызыл Қазақстан. 1923, №1; Еңе же. Из истории общественно-политического движения в Уральской области // Степные зори. Оренбург. 1923. Книга 1; Меңдешев С. Қазақ Республикасының үш жыл жасауы // Кызыл Қазақстан. 1923, №22; Еңе же. Киргизская автономная Республика // Жизнь национальностей. 1923, №1; Еңе же. Ленин [және] шығыстың еңбекшілері // Кызыл Қазақстан. 1924, №1–2; Жалдыбаев М. Октябрь төңкерісі және Қазақстан // Кызыл Қазақстан. 1922, №12; Тоғжанов Ғ. Ұлт мәселесі һәм Кеңес өкіметі // Тілші. 1923, №1; Сейфуллин С. Өткен істердің қорытындысы // Кызыл Қазақстан. 1923, №23; Еңе же. Тар жол, тайғақ кешу. Қызылорда. 1927. (Переиздания: на казахском языке — А., 1936, 1960, 1977, на русском под названием «Тернистый путь» — А., 1975); Рыскулов Т. Төңкеріс және қазақ халқы // Еңбекші қазақ. 1926, 8 июня; Еңе же. Революция и коренное население Туркестана. Ташкент. 1925. (Переиздание: Рыскулов Т. Собрание сочинений в трех томах. Том I. А., 1997, с. 49–324); Еңе же. Октябрь в Туркестане // Қазақстанская правда. 1936, 25–29 апреля; Еңе же. Октябрьге әзірлену күресінде // Социалды Қазақстан. 1935, 5 ноябрь. Еңе же. Против извращения истории казахского народа // Большевик Казахстана. 1936, №1–2; Бекұлы О. Азамат соғысында біз қалай жеңіп шықтық // Кызыл Қазақстан. 1928, №1–2.

³ Елеуов Т. Установление и упрочение Советской власти в Казахстане. А., 1961, с. 24.

⁴ Там же, с. 25.

⁵ История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней. Под редакцией М. Абдыкадырова и А.М. Панкратовой. А., 1943; История Казахской ССР. С древнейших времен до наших дней. Издание 2-е, т. 2. Под редакцией И. Омарова и А.М. Панкратовой. А., 1949; История Казахской ССР (Эпоха социализма). А., 1959.

⁶ Победа Великой Октябрьской социалистической революции в Казахстане и образование Казахской АССР. Сб. документов и материалов. А., 1947; Алма-Ата в период Октября и в годы Гражданской войны (1917–1920 гг.). Летопись событий. А., 1949.

⁷ Покровский С.Н. О некоторых основных вопросах Октябрьской революции и Гражданской войны в Казахстане // Известия Академии наук Казахской ССР. Серия истории, 1948, вып. 4; Козыбаев М.К. Некоторые вопросы истории Октябрьской революции и гражданской войны в Кустанайской области // Ученые записки Кустанайского пединститута. 1958, вып. 1; Установление Советской власти в областях Казахстана. Сборник статей. А., 1957; Северо-Казахстанская область в 1917–1957 годах. Сборник статей. А., 1957; Ковальский С.Л. За власть Советов. А., 1957; Сужиков М. Особенности Октябрьской социалистической революции в Казахстане. А., 1959; Елеуов Т. Особенности установления Советской власти в Уральской области // Вестник АН КазССР, 1949, №8.

⁸ Ким М.П. Октябрьская революция и аграрный вопрос в Казахстане // Вопросы истории. М., 1947, №10; Шафиро Ш.О. О крестьянских Советах в казахском ауле в период Октябрьской революции и гражданской войны // Известия АН КазССР. Серия

истории, 1974, вып. 3; Кучкин А.П. Советизация казахского аула // Вопросы истории. М., 1946, №10.

⁹ Покровский С.Н. Победа Советской власти в Семиречье. А., 1961; Егояев Р. Разгром иностранных военных интервентов и внутренней контрреволюции в Казахстане (1918–1920 гг.). А., 1967; Елеуов Т. Установление и укрепление Советской власти в Казахстане. А., 1961; Елагин А.С. Социалистическое строительство в Казахстане в годы гражданской войны. А., 1966; Нурпеисов К. Советы Казахстана в борьбе за укрепление власти рабочих и крестьян. А., 1968; Егояев Р. Казахстандын шаруалар Советтері. А., 1972; Пахмурный П.М. Коммунистическая партия – организатор партизанского движения в Казахстане. А., 1965; Пахмурный П.М., Григорьев В.К. Октябрь в Казахстане. А., 1978; Зиманов С.З. В.И. Ленин и советская национальная государственность в Казахстане. А., 1970; Маликов Ф. Февральская буржуазно-демократическая революция в Казахстане. А., 1972.

¹⁰ Коллектив авторов. Победа Советской власти в Средней Азии и Казахстане. Ташкент, 1967.

¹¹ Иностранная военная интервенция и Гражданская война в Средней Азии и Казахстане. Документы и материалы. В двух томах. Т. 1. А., 1963; Т. 2. А., 1964; 1917 год в Казахстане. Документы и материалы. А., 1977; Великая Октябрьская социалистическая революция в Казахстане. Летопись событий. 27 февраля 1917 г. – 30 июня 1918 г. А., 1967; Гражданская война в Казахстане. Летопись событий. А., 1974; Амангельды Иманов. Статьи, документы, материалы. А., 1974; Әліби Жанкелдин. Документтер мен материалдар. А., 1975; Советы и ревкомы в Казахстане (1917–1920 гг.). Документы и материалы. А., 1971; В огне революции. Воспоминания участников Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны в Казахстане. А., 1957; Казахстан в огне гражданской войны. Воспоминания участников Великой Октябрьской социалистической революции и Гражданской войны. А., 1960; В горах Восточного Казахстана. По кустанайским степям. Воспоминания участников революции и Гражданской войны // Труды Института истории, археологии и этнографии им.Ч.Ч. Валиханова АН КазССР. Т. 3. А., 1962; На просторах Южного Казахстана. Воспоминания участников революции и Гражданской войны // Труды Института истории, археологии и этнографии им.Ч.Ч. Валиханова АН КазССР. Т. 3. А., 1962;

¹² Шоинбаев Т. Алиби Джангильдин. А., 1957; Нурқанов А. Аманкелді Иманов. А., 1957; Пахмурный П.М., Митропольская Н. Александр Шавров. А., 1967; Кульбаев С.Б., Макашов А.В. Абдулла Ярмухамедов. А., 1974; Терник М. Степан Царев. А., 1971; Чеботарев В.А. Иван Ружейников. А., 1971; Герасимов С. Яков Ушанов. А., 1969; Бейсембаев С., Кульбаев С. Турар Рыскулов. А., 1974; Юсупов И. Магаза Масанчи. А., 1975; Байжарасов Р., Жубаныш Барыбаев. А., 1984; Батырдың биік тұлғасы – Светлый образ батыра. А., 1986.

¹³ Какишев Т. Сакен Сейфуллин. М., Молодая гвардия. 1972.

¹⁴ История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней. Том 4. А., 1977, с. 11–235.

¹⁵ Нурпеисов К. Становление Советов в Казахстане (март 1917 – июнь 1918 гг.). «Наука Казахской ССР». А., 1987.

¹⁶ Абылхожин Ж., Панфилов А. Становление Советов в Казахстане // Известия АН КазССР. Серия общественных наук, 1987, №1. Рубрика «Критика и библиография».

¹⁷ Коллектив авторов (Наумов В.П., Поспелов П.Н., Трукан Г.А., Молоцыгин М.А., Федосеев П.Н., Поляков Ю.А., Иноятов Х.Ш., Сумбатзаде А.С. и др.). Исторический опыт Великого Октября. К 80-летию лауреата Ленинской премии, академика И.И. Минца. М., 1975; Миц И.И. История Великого Октября: Т.1. М., 1967; Т. 2. М., 1968; Т. 3. М., 1973; Егояев Р. Год 1918-й. М., 1982; Берхин И.Б. Вопросы Великого Октября в сочинениях В.И. Ленина. М., 1978; Гимпельсон Е.Г. Советы в годы интервенции и гражданской войны. М., Том. 2. М., 1968; Т. 3. М., 1973; Егояев Р. Год 1918-й. М., 1982; Берхин И.Б. Вопросы Великого Октября в сочинениях В.И. Ленина. М., 1978; Гимпельсон Е.Г. Советы в годы интервенции и гражданской войны. М., 1968; Спиридов Л. М., Литвик А.А. На защите революции: В.И. Ленин, РКП (б) в годы гражданской войны. Историографический очерк. М., 1975 и др.

¹⁸ *Алдамжаров З.* Победа Великой Октябрьской социалистической революции в Казахстане (Историография проблемы). А., 1983.

¹⁹ *Дахилейгер Г.Ф.* Историография Советского Казахстана. А., 1969; *Его же.* В.И. Ленин и проблемы казахстанской историографии. А., 1973; *Бейсембаев С.* Ленин и Казахстан. Второе, дополненное издание. А., 1987; *Пахмурный П.М., Григорьев В.К.* Октябрь в Казахстане. А., 1978.

²⁰ *Кенжебаев С. М.* Советы в борьбе за построение социализма (История советского строительства в Казахстане. 1917–1937 гг.), А., 1969; *Зиманов С.З.* В.И. Ленин и советская национальная государственность в Казахстане. А., 1970; *Зиманов С. З. Даулетова С., Исмагулов О.* Казахский отдел народного комиссариата по делам национальностей РСФСР. А., 1975; *Они же.* Казахский революционный комитет. А., 1981; *Нурпейсов К.* Қазақстанның шаруалар советтері (1917–1929 жылдар). А., 1972; *Его же.* Казахстан – Республикам менін (Қазақ совет мемлекетінің құрылуы). А., 1980; *Его же.* Становление Советов в Казахстане (март 1917 г. – июнь 1918 г.). А., 1987.

²¹ *Покровский С.Н.* Разгром интервентов и внутренней контрреволюции в Казахстане (1918–1920 гг.). А., 1967, с. 3–35; *Елагин А.С.* Социалистическое строительство в Казахстане в годы гражданской войны (1918–1920 гг.). А., 1966, с. 3–21; *Григорьев В.К.* Противостояние. А., 1989; *Такенов А. С.* Узы интернациональной дружбы (Интернациональные связи трудящихся Казахстана и зарубежных стран (1917–1937 гг.). А., 1980; *Такенов А. С., Очак И.Д.* Интернациональный отряд (К истории экспедиции А. Джангильдина). А., 1974.

²² *Пахмурный П.* Коммунистическая партия – организатор партизанского движения в Казахстане. А., 1965, с. 7–45.

²³ *Козыбаев М.К.* К историографии гражданской войны в Казахстане // Вестник АН КазССР, 1982. №8; *Его же.* Из историографии Октябрьской революции и гражданской войны в Казахстане // *Козыбаев М.К.* История и современность. А., 1991; *Его же.* Комплексное изучение истории, археологии и этнографии Западного Казахстана // Там же; *Козыбаев И.М.* Историография Казахстана: уроки истории. А., 1990; *Его же.* Историческая наука Казахстана. А., 1992.

²⁴ *Козыбаев М.К.* История и современность. С. 236.

²⁵ *Байтурсынов А.* Революция и киргизы // Жизнь национальностей. – 1919. №27 (39), 3 августа; *Кенжин А.* К исторической оценке роли Алаш-Орды // Степная правда. 1922, 14 ноября; *Сафаров Г.* Колониальная революция (Опыт Туркестана). М., 1921; *Рыскулов Т.* О восстании казахов и каракиргизов в 1916 г. (к 10-летней годовщине). Основные экологические и политические причины восстания. – Кустанай.

²⁶ Отчет Казкрайкома РКП (б) V Всеказахской конференции РКП (б). Кызыл-Орда. 1926, с. 20.

²⁷ *Бочагов А.* К Алаш-Орда. Краткий исторический очерк о национально-буржуазном движении в Казахстане периода 1917–1919 гг. Кызыл-Орда. 1927; Коммунистическая мысль. – 1926. №2, с. 164–179; Алаш-Орда. Сборник документов. Кызыл-Орда; 1929.

²⁸ *Букейханов А.* Сочинения. Алматы. 1994. 384 с.; *Его же.* Избранное. Алматы, 1995. 475 с.; *Досмухамедов Х.* Избранное. Алматы, 1998. 384 с.; *Шокай М.* Туркестанның килы тағдыры. Алма-Ата. 1992. 184 с.; *Аманжолова Д.* Казахский автономизм и Россия. История движения Алаш. М. 1994. 216 с.; *Нурпейсов К.* Алаш һәм Алашорда. Алматы. 1995. 256 с.; *Койгелдиев М.* Алаш қозғалысы. Алматы, 1995. 368 с.; *Ахмедов Ф.* Алаш болғанда. Алматы, 1996. 224 с. и др.; История Казахстана в лицах (Политические портреты). Вып. I. Акмола, 1993. 128 с.; Протоколы революционного комитета по управлению Казахским краем (1919–1920 гг.). Сб. документов. Алма-Ата, 1993. 277 с.; Казахстан в начале XX века: методология, историография, источниковедение. Вып. III–IV. Алматы, 1993. 167 с.; 1994. – 120 с.; Алаш-Орда. Сб. документов. Алма-Ата. 1992. 192 с.; Национально-освободительное движение в Казахстане и Средней Азии в 1916 году: характер, движущие силы, уроки // Материалы Международной научно-практической конференции. Алматы, 1997. 97 с. и др.

²⁸ Подборка статей под общим названием «Алаштын ақиқатын кім айтады», состоящая из *Григорьев В.К.* Кадеттер жолы ұстаған партия Қазақстан коммунист), 1990, №5. С. 62–69; *Нұрпейісов К.* Саяси партия болып санала ма? // Там же, 1990, №15. С. 69–75; *Кәкішев Т.* Шындықты бұраламай, жұлмаламай айтайықшы // Там же, с. 75–83; *Нұрпейісов К.* Алпыс жыл айтылмаған ақиқат // Азия, 1993, желтоқсан, №52; *Құл-Мұхаммед М.* Алаш қайраткерлері саяси-құқықтық көзқарастарының эволюциясы. Алматы: Атамұра, 1998. – 360 б.; *Қойгелдиев М.* Қазақ ұлт азаттық қозғалысы және М. Шокай // Ақиқат, 1993, №3. С. 71–79; *Омарбеков Т., Қойгелдиев М.* Алашорда – XX ғасырдағы қазақтың алғашқы ұлттық мемлекеті! // Ақиқат, 1993, №11. С. 32–38; *Панфилов А.М.* Чокай // Политические партии России. Конец XIX – первая четверть XX века. Энциклопедия.

²⁹ *Құл-Мұхаммед М.* Алаш қайраткерлері саяси-құқықтық көзқарастарының эволюциясы. Алматы: Атамұра, 1998. – 360 б.

³⁰ *Омарбеков Т.* Зобалаң. – Алматы: Санат, 1994. – 272 б.

³¹ *Омарбеков Т.* 20–30 жылдардағы Қазақстан қасіреті: көмекші оқу құралы. – Алматы: Санат, 1994. – 318 б.»

³² *Қойгелдиев М., Омарбеков Т.* Тарих тағылымы не дейді? – Алматы: Ана тілі, 1993. – 208 б.

³³ *Муканов М.С.* Этническая территория казахов в XVIII – начале XX вв. А. 1991; Ег о же. Қазақ жерінің тарихы. А., 1994; Ег о же. Из исторического прошлого. А., 1998.

³⁴ *Қозыбаев М.К.* Казахстан на рубеже веков; размышление и поиски. В 2-х кн. Кн. 1. А. Ғылым, 2000. С. 273.

³⁵ *Ярков В.Н.* Риддерское месторождение. 1934; *Обленский и Березкий* (без иници.) Прибалхашстрой. М. – А.-А., 1935; Чимкентский свинцовый завод // Наука и техника. 1935, №20; *Завадский Н.* Угли Южного Казахстана. А.-А. 1935; *Трофимов П.* Караганда. А.-А. 1935 и др.; *Хрущев Ф.Я.* От промысла к индустрии. А.-А.; М., 1935.

³⁶ *Енукидзе Д.Е.* Социалистическая индустрия Казахстана. А., 1941; Турксиб. Сб. статей, 1940; *Тимофеев Н., Брайнин С.* Казахская краевая организация ВКП (б) в борьбе за социалистическую индустриализацию страны и советизацию аула (1926–1929 гг.); Они же. Коммунистическая партия (большевиков) Казахстана в борьбе за завершение строительства социалистического общества и проведение в жизнь новой Конституции // Большевик Казахстана. 1938; №12, 6; Двадцатилетие КазССР. А.-А., 1940; 20 лет Казахской ССР (1920–1940), А.-А., 1940; Казахская ССР (Политико-экономический очерк), А.-А., 1940.

³⁷ *Кийкбаев Н.К.* История социалистической индустриализации Казахстана в годы первой сталинской пятилетки. А.-А., 1940; *Баишев С. Б.* Социалистическая индустриализация Казахстана. А.-А., 1949; Краткий очерк истории КП (б) Казахстана. Проект. Труды. А.-А., 1949.

³⁸ *Кийкбаев Н.К.* Указ. работа. С. 97; *Баишев С.Б.* Указ. работа. С. 11–13; *Кийкбаев Н.К.* Промышленность Казахстана в первой пятилетке. А.-А. 1951; Ег о же. Расцвет социалистической промышленности в Казахстане. А.-А., 1955; *Дахилейгер Г.Ф.* Турксиб – первенец социалистической индустриализации. А.-А., 1953; *Нейштадт С.А.* Социалистические преобразования экономики Казахской ССР в 1917–1937 гг. А.-А., 1956; *Алампиев П.М.* Ликвидация экономического неравенства народов Советского Востока и социалистическое размещение промышленности (исторический опыт Казахской ССР). М., 1958.

³⁹ *Асылбеков М.Х., Нурмухамедов С.Б., Пан Н.Г.* Указ. Работа. А.-А., 1976.

⁴⁰ *Асылбеков М.Х.* Формирование и развитие кадров железнодорожников Казахстана (1917–1970 гг.) А.-А., 1973; *Романов Ю.И.* Осуществление ленинских идей электрификации в Казахстане. А.-А., 1977; *Абишева Б.И.* Рост культурно-технического уровня рабочих угольной промышленности (1946–1963 гг.). А.-А., 1965; *Сармурзин А. Г.* Партийное руководство движением за коммунистический труд в Казахстане (1958–1963 гг.). А.-А., 1964; *Курманбаев А.Р.* Ленинские традиции развития социалистического соревнования в Казахстане. А.-А., 1972; *Жанайдаров У.А.* Социалистическое сорев-

нование в условиях хозяйственной реформы. А.-А., 1971; Ишимухамедов А. Рабочий класс и научно-техническая интеллигенция. А.-А., 1977; Востров В.В., Кауанова Х.А. Материальная культура казахского народа на современном этапе. А.-А., 1972; Кожамкулов Т. Подготовка квалифицированных рабочих кадров в Казахстане. А.-А., 1972; Михайлов Ф.П. Совхозное строительство в Казахстане (1946–1970 гг.) А.-А., 1973 и др.

⁴² Дахилейгер Г.Ф. Историография Советского Казахстана. А.-А., 1969; Турсунбаев А. Б. Актуальные проблемы историографии истории партийного руководства социалистическим преобразованием сельского хозяйства Казахстана. — В кн.: Великий Октябрь — главное событие XX в. А.-А., 1981; Тулебаев Б.А., Козыбаев М.К., Дахилейгер Г.Ф. Некоторые итоги и актуальные проблемы изучения истории Казахстана. — В кн.: Вопросы историографии Казахстана. А.-А., 1983 и др.

⁴³ Галошечкин Ф.И. Казахстан на путях социалистического переустройства. М., 1931, с. 191; Курамысов И. За ленинскую национальную политику в Казахстане. А.-А., 1932, с. 55.

⁴⁴ Тогжанов Г. О казахском ауле. К.-Орда, 1927; Состояние сельского хозяйства Казахской АССР, пути его реорганизации и перспективы переселения. По материалам обследования Каз. ССР экспедицией Всесоюзного переселенческого комитета ЦИК СССР за 1928 г. М., 1930; Родневич Б. От колониального вырождения к социалистическому процессу. М., 1931; Ваннэ М. Опыт теоретической характеристики социально-экономической структуры аула. // Красный Казахстан. 1926. №1; Рыскулов Т. О казахском колониальном ауле; Лекеров А. О работе Г. Тогжанова «Казахский колониальный аул» // Большевик Казахстана. 1935. №4.

⁴⁵ Отчет III Всеказахской областной партконференции РКП (б). Оренбург. 1923, с. 142; Швецов С.П. Природа и быт Казахстана // Казахское хозяйство в его естественно-исторических и бытовых условиях. Материалы к выработке норм земельного устройства в Каз. АССР. Л., 1926; Полочанский Е.А. На новый аул-кыстау. М., 1926; Соколовский В.Г. Казахский аул. Ташкент, 1926; Челинцев А.И. Перспективы развития сельского хозяйства Казахстана // Народное хозяйство Казахстана. 1928. №3–5; Сириус М.Г. К вопросу о более рациональном направлении сельского хозяйства в Северном Казахстане. // Там же. №6–7 и др.

⁴⁶ Семеншина Е.В. Борьба большевиков Казахстана за коллективизацию сельского хозяйства (1929–1914 гг.). М., 1950; Тулебаев Т. Роль политических отделов МТС в борьбе за организационно-хозяйственное укрепление колхозов Казахстана в 1933–1934 гг. А.-А., 1950; Абубакирова Ш. Борьба большевиков Казахстана за вовлечение женщин-казашек в колхозное строительство. М., 1950; Кучкин А.П. Советизация казахского аула (1926–1929 гг.). М., 1951.

⁴⁷ Турсунбаев А.Б. Победа колхозного строя в Казахстане. А.-А., 1957.

⁴⁸ Скотин А.П. Конфискация байских полуфеодалных хозяйств — важнейший этап на пути социалистического строительства в Казахстане // Годы великих свершений. А.-А., 1960; Селуиская В. Борьба КПСС за социалистическое преобразование сельского хозяйства (окт. 1917–1934 гг.). М., 1961; Социалистическое преобразование в сельском хозяйстве европейских стран народной демократии М., 1963; Дахилейгер Г.Ф. К характеристике социально-экономических отношений // Вопросы истории социалистического и коммунистического строительства в Казахстане. А.-А., 1961; Дахилейгер Г.Ф., Нурпеисов К.И. История крестьянства Советского Казахстана. А., 1985; Дахилейгер Г.Ф. Социально-экономическое преобразование в ауле и деревне Казахстана. А.-А., 1965; Тулебаев Б.А. Социалистические аграрные преобразования в Средней Азии и Казахстане. М., 1984 и др.

⁴⁹ Коллективизация сельского хозяйства в республиках Средней Азии и Казахстана: опыт и проблемы. А.-А., 1990; Козыбаев М.К., Абылхожин Ж.Б., Татинов М.Б. Казахстанская трагедия // История и современность. А.-А., 1991; Абылхожин Ж.Б. Традиционная структура Казахстана: социально-экономические аспекты функционирования и трансформации (1920–1930 гг.). А.-А., 1991; Козыбаев М.К., Алдажуманов К.С., Абылхожин Ж.Б. Коллективизация в Казахстане: трагедия крестьянства. А.-А., 1992.

⁵⁰ *Мажитов С.Ф.* Жизнь, деятельность и исторические взгляды Е.Б. Бекмаханова: Автореф. ... канд. ист. н.: 07. 00. 02. — Алматы, 1992. — 24 с.; *Мажитов С.Ф.* Историк Ермухан Бекмаханов. — Астана: Фолиант, 2005. — 264 с.

⁵¹ История Казахстана: белые пятна. Сб. статей. А.-А., 1991; История Казахстана. Очерки. А.-А., 1993–1994 гг.; *Козыбаев М.К.* История и современность. А.-А., 1991; Ето же. «Актандактар ақиқаты». А.-А., 1922; *Нұрпеисов К.* Алаш һәм Алашорда. А., 1995; *Асылбеков М.Х., Галиев А.Б.* Социально-демографические процессы в Казахстане. А., 1992; *Козыбаев М., Алдажуманов К.* Тоталитарный социализм: реальность и последствия. А., 1997; Депортированные в Казахстан народы: история и судьбы. А., 1928; Книга скорби — Азалы кітап. А., 1997; *Козыбаев М.К.* Казахстан на рубеже веков: размышления и поиски в 2-х кн. А., 2000; Материалы «Круглых столов» и семинаров. А., «Адилет», 1996; *Қойгелдиев М., Омарбеков Т.О.* Тарих тағлымы не дейді? А. 1993; *Мұхатова О.* Қазақстандағы XX ғ. 29–90 жж. Аграрлық өзгерістер тарихнамасы. А. 1999.

⁵² *Аманжолова Д.А.* Казахский автономизм и Россия. М., 1994. С. 193.

⁵³ Энбекши казак, 1925, 17 ноября; *Садвакасов С.* Казахский театр. Кызыл-Орда, 1927; Кызыл Казакстан, 1927; *Джандосов У.* Буржуазная и пролетарская культура // Советская степь. 1928. 14 августа; и др.

⁵⁴ *Халел Досмухамедов.* Таңдамалы. Избранное (на каз. и рус. языках). Алматы, 1998. С. 366–369.

⁵⁵ *Берега Г.* Всеобщее начальное обучение в Казахстане. А.-А., 1930; *Альжанов Ш.* Проблема подготовки кадров в наших вузах. // Просвещение национальностей. 1933, №3; *Джандосов У.* Советская наука и национальность // Фронт науки и техники, 1932, №1; *Кабулов И.* За решительное развертывание культурного строительства / Большевик Казахстана, 1933, № 8–9; *Нурмаков Н.* Всеобщ в автономиях РСФСР // Революция и национальности, 1934, № 5 и др.

⁵⁶ *Жургенов Т.* Культурное строительство в Казахстане за 15 лет // Советское краеведение, 1935, №10; Ето же. Культурное строительство в Казахстане // Народное хозяйство Казахстана. 1937, №1–2; *Нурпеисов С.* О массовой политической и культурной работе в ауле и селе. А.-А., 1935 и др.

⁵⁷ *Бузурбаев Г.* Интеллигенция Казахстана в дни Отечественной войны // Большевик Казахстана, 1941, №10; *Скворцов Н.* В дни Отечественной войны. А.-А., 1942; *Кучкин А.* Сыны казахстанского народа на фронтах Великой Отечественной войны // Большевик Казахстана, 1943, №9; *Сатпаев К.И.* Казахский филиал АН в годы Великой Отечественной войны // Вестник АН СССР, 1945, №1–2 и др.

⁵⁸ Казахстан в первый год Отечественной войны против немецко-фашистских захватчиков. А.-А., 1943; Письма с фронта. А.-А., 1944.

⁵⁹ *Сапаргаалиев Г.* Советское государство в борьбе за развитие социалистической культуры в Казахстане. А.-А., 1957.

⁶⁰ Большая советская энциклопедия. Т. 24. 2-е изд., М., 1953. С. 30.

⁶¹ Там же, с. 37.

⁶² Об этом см. подробнее: *Сулейменов Р.Б.* Этапы изучения культурной революции в Казахстане // Вопросы историографии Казахстана. А.-А., 1983. С. 84–87.

⁶³ Культурное строительство в Казахстане. 1918–1932 гг. Т. 1. Сб. док. и мат. А.-А., 1965; Казахстан в период Великой Отечественной войны Советского Союза (1941–1945 гг.) В 2-х т. А.-А., 1964–1967.)

⁶⁴ *Сулейменов Р.Б.* Некоторые вопросы культурной революции в Казахстане // Культурная революция в СССР. 1917–1965 гг. М., 1967. С. 327–338; *Капанин А.* Социалистическая культура Казахстана в годы семилетки // Там же. С. 339–347.

⁶⁵ *Сулейменов Р.Б., Бисенов Х.И.* Социалистический путь культурного прогресса отсталых народов: История строительства советской культуры Казахстана. 1917–1965. Алма-Ата, 1967; *Сулейменов Р.Б.* Ленинские идеи культурной революции и их осуществление в Казахстане: Исторический опыт развития социалистической культуры народов, миновавших стадию капитализма. А.-А., 1972.

- ⁶⁶ *Козыбаев М.К.* Компартия Казахстана в период Великой Отечественной войны. А.-А., 1964; *Его же.* Казахстан — арсенал фронта. А.-А., 1970.
- ⁶⁷ Об этом см подробнее: *Сулейменов Р.Б.* // Этапы изучения... С. 91–98.
- ⁶⁸ *Жаманбаев К.Ж.* Высшая школа в Казахстане. А.-А., 1972; *Тастанов Ш.Ю.* Казахская советская интеллигенция. // Проблемы становления и развития. А.-А., 1982; *Абжанов Х.М.* Сельская интеллигенция Казахстана в условиях совершенствования социализма. А.-А., 1988; и др.
- ⁶⁹ *Тулегенова Б.* Живая песня. М. — Л., 1984; *Кенжетаяев К.* Высокий дар призвания. А.-А., 1990; *Бадыров К.* Театр — моя судьба (пер. с казахского). А.-А., 1977; *Байсеитова К.* На всю жизнь. Автобиографическая повесть. А.-А., 1983; *Сиранов К.* Рассказы о кино. А.-А., 1973 и др.
- ⁷⁰ *Ауэзов М.* Мысли разных лет. А.-А., 1960; *Жаров М.* Жизнь, театр, кино. Воспоминания. М. 1963; *Джумалиев К.* Замечательные люди. Воспоминания. А.-А., 1970; *Сац Н.И.* Новеллы моей жизни. М., 1976; *Дружинин Н.М.* Воспоминания и мысли историка. М., 1979; *Письма А.М. Панкратовой* // Вопросы истории. 1988. №11 и др.
- ⁷¹ *Козыбаев И.М.* Указ. соч. А.-А., 1990.
- ⁷² См.: *Жилин П.А.* Советская военно-историческая литература // Развитие советской исторической науки: 1970–1974. М.: Наука, 1975. С. 101–122; *Историография Великой Отечественной войны.* М., Наука, 1980; *Историография советского тыла периода Великой Отечественной войны.* М., Наука, 1976; *Куманев Г.А.* Великая Отечественная война в советской историографии // Изучение отечественной истории в СССР между XXV и XXVI съездами КПСС. М., Наука, 1982. С. 171–190; *Очерки советской военной историографии.* М., Воениздат (далее — ВИ), 1974. С. 224–361; *Юсупов Л.У.* Народы Средней Азии и Казахстана в Великой Отечественной войне // История СССР. 1975. №3. С. 185–191; *Исмаилов А.* Вопросы историографии войны 1939–1945 гг. // Казахстан в Великой Отечественной войне. Сб. докладов и выступлений на Международной научной конференции, посвященной 55-летию Победы над фашистской Германией. А.: Типограф. «Комплекс». 2000. С. 78–88, и др.
- ⁷³ *Покровский С.П.* Состояние и дальнейшие задачи изучения участия трудящихся Казахстана в войне // Известия АН КазССР. Серия обществ. наук. 1965, вып. 4. С. 23–29; *Нусупбеков А.Н.* Казахстан // Развитие советской исторической науки: 1970–1974. С. 380–384; *Балакаев Т.Б., Алдажуманов К.С.* Историография Казахстана периода Великой Отечественной войны // Актуальные проблемы истории Советского Казахстана. А.-А.: Гылым, 1980. С. 113–141; *Козыбаев М.К., Белан П.С.* Казахстанская историография Великой Победы: Итоги и нерешенные задачи. А.-А.: Гылым, 1991; *Козыбаев М.К.* Актуальные проблемы историографии Великой Отечественной войны // Вестник НАН РК, 1995, №5. С. 35–45; *Козыбаев М.К.* Казахстанская историография Великой Победы: итоги и нерешенные задачи. В кн.: Казахстан на рубеже веков. А., 2000, кн. 2, с. 218–255; *Его же.* Актуальные проблемы историографии Великой Отечественной войны. Там же, с. 256–269; *Его же.* Великая Отечественная война (1941–1945 гг.). Мифы и реальность. В кн.: Казахстан в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. А., 2000, с. 47–72 и др.
- ⁷⁴ Подсчитано по «Книжной летописи», «Летописи журнальных статей» и библиографическому указателю «Казахстан в Великой Отечественной войне» / Сост. К.Ш. Бекмухаммедов. А.-А., 1990.
- ⁷⁵ К примеру см.: *Островитянов К.В.* Колхозы Казахстана в борьбе за укрепление обороноспособности СССР. А.-А., 1943; *Творческая инициатива железнодорожников Карагандинской магистрали.* Акмолинск, 1942; *Яновский Н.Х., Максимов Н.М.* Опыт стахановцев-горняков Лениногорска. А.-А., 1943; *Боровский В., Рахимов Т.* Опыт работы бригады Орумбасара Шаймерденова. А.-А., 1944; *Ким Ман Сам.* Мой опыт получения высокого урожая риса. А.-А., 1943; *Геллер Ю.* Опыт организации отгонного животноводства в колхозах Бельгайского и Новошувльбинского районов // Большевик Казахстана, 1944, №9. *Скворцов П.* О задачах партийных организаций в дни Отечественной войны // Большевик Казахстана, 1941, №33; *Абдыкалыков М.* Наш опыт политической агитации и пропаганды // Там же, 1943, №16; *Ундасынов Н.Д.* Речь на X сессии

Верховного Совета СССР первого созыва // Правда, 13 февраля 1944 г.; *Шаяхметов Ж.* Казахский народ — активный участник Великой Отечественной войны // *Большевик Казахстана*, 1941, №10 и др.

⁷⁶ *Нусупбеков А.* Казахстан в период Великой Отечественной войны Советского Союза (июнь 1941—1945 гг.) // *История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней*. 2-е изд., исправл. и доп. А.-А., 1949, Т. 2. С. 287—349 (См. также последующие издания); *Малыбаев О.* Дружба, испытанная в боях за Родину. А.-А., Казгосиздат, 1955; *Абишев Г.* Работа партии большевиков по воспитанию чувства советского патриотизма у бойцов-казахов в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.). А.-А., Казгосиздат, 1950.

⁷⁷ Они стали важным источником для историков, исследовавших разные аспекты войны. Их перечень широко представлен в библиографических указателях.

⁷⁸ Герои Советского Союза — казахстанцы. Сб. документов и материалов. Кн. 1. А.-А., Казгосиздат, 1945 [к сожалению, издание последующих книг не было осуществлено]; *Скотников Ю.* Герой Советского Союза генерал-майор И.В. Панфилов. М., ВИ., 1953; *Скосырев П.Г.* М. Габдуллин. М., Мол. гв., 1943; *Горохова А.* Политрук Ключков. М., Мл. гв., 1943; *Морозов С.А.* Дважды Герой Советского Союза Т.Я. Бигельдинов. — М.: ВИ, 1948; *Ярыкин В.Я.* Дважды Герой Советского Союза Л. Беда. М., ВИ, 1952; *Бакбергенев С.* *Коляго П.* Дорогой славы [о С.Д. Луганском]. А.-А., Казгосиздат, 1950; *Шуканов П.* Дважды Герой Советского Союза И.Ф. Павлов. М., ВИ, 1953.

⁷⁹ *Абишев Г.* Казахстан в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. А.-А., Казгосиздат, 1958. Рец. см.: *Ученые записки КазГУ*. А.-А., 1961. Т. XI—XIII. Серия истории, вып. 7. С. 199; *Очерки по историографии советского общества*. М., Наука, 1965, с. 389.

⁸⁰ Подсчитано по каталогам и подшивкам журналов и республиканских газет в библиотеках Алматы.

⁸¹ *Басин В.Я.* Тяжелая промышленность Казахстана в Великой Отечественной войне (исторический очерк). А.-А., Наука, 1965; *Пинегина Л.А.*, *Федюкин С.А.* Джезказган — город меди. Исторический очерк. А.-А., Наука, 1965; *Ахметов А.Р.*, *Байшин А.А.*, *Рахимов А.С.* Славный путь рабочего класса Казахстана. А.-А., Казгосиздат, 1961 и др.

⁸² *Михайлов Ф. К.* Профессионально-техническое образование в Казахстане. М., Труд. резервы, 1962; *Оразов К.* Рабочий класс Казахстана в Великой Отечественной войне. А.-А., Наука, 1975.

⁸³ *Нурбекова Г.* Женщины Казахстана — фронту (Трудовые подвиги женщин в промышленности Казахстана в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.). А.-А., Казахстан, изд. 2-е, перераб. и доп. 1988 г.; *Козыбаев М.*, *Рахматуллин Б.* Равнение на коммунистов: Комсомол Казахстана в годы Великой Отечественной войны. А.-А., Казахстан, 1971; *Козыбаев М.* Рабочий класс — фронту. В кн.: *Казахстан в Великой Отечественной войне*, Очерки. Вып. I, А., 1968, с. 149—195 и др.

⁸⁴ *Нурмухамедов С.* Трудовой подвиг коллектива АЗТМ в годы Великой Отечественной войны // *Известия АН КазССР*. Серия историч. 1960, №3, с. 17—26; *Шаймуханов Д.* Черная металлургия (Исторический опыт становления и развития черной металлургии Казахстана). А.-А., Казахстан, 1966; *Соболин Н.В.* Иртышский комбинат в годы Великой Отечественной войны // *История*. Сб. статей аспирантов и соискателей. А.-А., 1970, Вып. 4. С. 28—37; *Макотченко В.С.* Партия в борьбе за создание и развитие железорудной и марганцевой промышленности Казахстана в годы Великой Отечественной войны (1941—1945) // *Вопросы истории*. Сб. статей аспирантов и соискателей КазГУ. А.-А., 1973, вып. 5. С. 197—206; *Сапарбаев К.* Коммунистическая партия Казахстана в борьбе за создание машиностроительной промышленности в республике в годы Великой Отечественной войны. А.-А., Наука, 1947; *Городецкая В.С.* Самоотверженный труд работников легкой промышленности Казахстана в годы Великой Отечественной войны. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — А.-А., 1975; *Игенбаев А.А.* Карагандинский металлургический завод (Исторический очерк). А.-А., Казахстан, 1991; *Меликова Р.* Коммунисты Балхаша во главе социалистического соревнования в годы Великой Отечественной войны // *Вопросы истории Казахстана*. А.-А., 1976, вып. 12. С. 273—286.; *Савченко В.М.* К проблеме снабжения населения Казахстана продовольстви-

ем в годы Великой Отечественной войны // История. Сб. статей аспирантов и соискателей. Вып. II. А.-А., 1967. С. 45–53; Егояев Ж. Рабочее снабжение и общественное питание в Казахстане в годы Великой Отечественной войны. // История. Сб. статей аспирантов и соискателей. Вып. III. А.-А., 1969. С. 52–63.

⁸⁵ Самарин Р. И. Очерки истории здравоохранения Казахстана. А.-А., Казгосиздат, 1958; Чокин А.Р. Очерки развития санэпидслужб в Казахстане. А.-А., Казахстан, 1975; Жакупова М.А. Эвакогоспитали Казахстана в годы Великой Отечественной войны. А.-А., Казахстан, 1985.

⁸⁶ Сатпаев К. Казахский филиал Академии наук СССР в годы Великой Отечественной войны // Вестник АН СССР. 1945, №1–2; Козыбаев М. Из истории деятельности Комиссии АН СССР по мобилизации ресурсов Урала, Западной Сибири и Казахстана на нужды обороны // Известия АН Каз. ССР. Серия истории, археологии и этнографии. 1962. Вып. I (18). С. 62–69; Есенов Ш.Е. Горизонты науки Казахстана // Октябрь и наука Казахстана. А.-А., Наука, 1967. С. 5–28; Бисенбаев А.К. Деятельность научных учреждений и высших учебных заведений Казахстана в годы Великой Отечественной войны. А.-А., Ғылым, 1984; Едыгенов Н.Е., Сулейменов Р.Б. Культура и наука Казахстана в военные годы // Казахстан в Великой Отечественной войне. Очерки. Вып. I. А.-А., Наука, 1968. – С. 231–254; Закарин А. Халық ағарту ісінін дамуы // Советтік Қазақстанның мәдениеті. Мақалалар жинағы. А.-А., Қазмемлекетбас, 1957; Шарипов А. Народное образование Казахстана за 40 лет. А.-А.: Казучпедгаз, 1960; Сембаев Ә. Қазақ совет мектебінің тарихы. – А.-А., Мектеп, 1967; Айманов К. Қазақстан мектептері 50 жыл ішінде. – А.-А.: Мектеп, 1967; Итбаев Н.М. Деятельность Компартии Казахстана по руководству народным образованием в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. А.-А., Казахстан, 1968 и др.

⁸⁷ Белан П.С., Едыгенов Н.Е. Боевое содружество в годы Великой Отечественной войны // Казахстан в нерушимом союзе братских республик. А.-А., Казахстан, 1972. С. 205–247; Козыбаев М.К. Укрепление братского содружества народов в период Великой Отечественной войны // Плоды великого содружества. А.-А., Казахстан, 1968; Козыбаев М. К., Куманев Г.А. В едином строю братских народов. А.-А., Знание, 1980.

⁸⁸ Пробст А.Е. Караганда в годы Великой Отечественной войны // Вестник АН СССР. 1943, №6. С. 67–74; Едыгенов Н. Алматы Ұлы Отан соғысы жылдарында. – А.: Ғылым, 1970; Потапов А. Гвардейцы фронта и тыла (Рудный Алтай в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945. А.-А., Казахстан, 1974; Букаткин П.Р. Западноказахстанцы в годы суровых испытаний (1941–1945). Самара: Чапаевская укрупн. типография, 1995 и др.

⁸⁹ Семипалатинск (Редкол.: В.Я. Басин, А.С. Елагин (ответ. ред) и др. А.-А., Наука, 1984; Петропавловск / Редкол.: В.Я. Басин, А.С. Елагин (ответ. ред) и др. А.-А., Наука, 1985; Караганда / Редкол.: А.С. Елагин (ответ. ред) и др. А.-А., Наука, 1989.

⁹⁰ Утешев С.К. Прием и размещение перебазируемых промышленных предприятий в Казахстане в первый период Великой Отечественной войны // Общественные науки: История, философия, экономика (Сб. статей аспирантов и соискателей). А.-А., 1963, вып. 3. С. 229–238; Букаткин П.Р. Прием и размещение эвакуированного скота в Западном Казахстане и его резэвакуация в годы Великой Отечественной войны // Общественные науки. Сб. статей аспирантов и соискателей. А.-А., 1965, вып. 8, ч. 2. С. 45–61; Сергазин Ж.С. Размещение эвакуированного населения в Казахстане в годы Великой Отечественной войны // Известия АН КазССР. Серия обществ. наук. 1979, №5. С. 23–28 и др.

⁹¹ Желтякова К.И. Всенародная помощь трудящихся Казахстана фронту // Казахстан в Великой Отечественной войне. Очерки. А.-А., Наука, 1968, вып. 2. С. 255–290; Балакаев Т., Алдажуманов К. Қазақстан еңбекшілері майдан қызметінде. – А., Ғылым, 1985.

⁹² Козыбаев М.К. Компартия Казахстана в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). А.-А., Казахстан, 1964; Егояев Ж. Казахстан – арсенал фронта. А.-А., Казахстан, 1970; Кашкенбаев З. Ш. Военно-организаторская работа компартий рес-

публик Средней Азии и Казахстана в годы Великой Отечественной войны. А.-А.: Казахстан, 1970.

⁹⁴ История государства и права Советского Казахстана. Том III (1938–1958 годы). Под ред. С.З. Зиманова, М.А. Биндера. – А.-А., Наука, 1965; *Каймолдин С.* Советы Казахстана в годы Великой Отечественной войны. – А.-А.: Казахстан, 1959.

⁹⁵ *Мусрепов Г.* Белокрылые. А.-А., КазОГИЗ, 1941; Подвиг разведчиков [Сб.]. А.-А., 1941; *Абишев Т.* Төлеген Төхтаров. А.-А., 1942; *Муканов С.* Мы победим. А.-А., 1942; *Полевой Б.Н.* Рождение эпоса [о М. Габдуллине]. А.-А., КазОГИЗ, 1943; Восьмая гвардейская Краснознаменная им. генерал-майора И.В. Панфилова стрелковая дивизия. А.-А., Казгосиздат, 1942; Сталинградская гвардейская стрелковая дивизия // *Большевик Казахстана*, 1943, №15. С. 15–20; Письма с фронта / Отв. редакторы Н.Т. Тимофеев, И.З. Чумак. – А.-А.: КазОГИЗ, 1944; Они же. Казахстанцы – защитники Брестской крепости. – А.-А.: Казахстан, 1964; Они же. На берегах Буга. А.-А.: Казахстан, 1967 и др.

⁹⁶ Казахстан в первый год Отечественной войны против немецко-фашистских захватчиков. А.-А.: КазОГИЗ, 1943; История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней / Под ред. М. Абдыкалыкова и А. Панкратовой. А.-А.: КазОГИЗ, 1943.

⁹⁷ *Покровский С.Н.* Казахстанские соединения в битве на Курской дуге. А.-А., Наука, 1973; Он же. Участие казахстанских соединений в битве за Днепр // *Казахстан в Великой Отечественной войне. Очерки. Вып. 1.* С. 7–107; *Абишев Г.* Воїни Казахстану у боях за визволення братерської України у роки Великої Вітчизняної війни. – Київ, 1959. *Стамбеков К.В.* Боевые подвиги казахстанцев в боях за освобождение Украины – символ вечной дружбы // *Нерушимое единство и дружба народов СССР в годы Великой Отечественной войны: Тезисы научной конференции 27–28 марта 1975 г.* А.-А., 1975. С. 113–118; *Алданазаров А.* Участие казахстанцев в боях за освобождение Польши (1941–1945 гг.) // *Казахстан в Великой Отечественной войне. Очерки. Вып. 2.* А.-А., Наука, 1974. С. 5–171; *Куртов А.* Дорогами освобождения. А.-А., Казахстан, 1983; *Белая Л.С.* Казахстанцы в боях за свободу Украины и Молдавии (1941–1944). А.-А., Наука, 1984; Его же. Казахстанцы в боях за освобождение Белоруссии и Советской Прибалтики (1941–1945 гг.). А.-А., Наука, 1988; Его же. Казахстанцы в завершающих сражениях Великой Отечественной войны (январь–май 1945 г.). А.-А., Наука, 1979 и др.

⁹⁸ *Кузнецов А.И.* Герои не умирают. А.-А., Казгосиздат, 1963; Его же. Снежный поход. А.-А., Казахстан, 1981; *Албегов К.М.* Между Волгой и Доном. А.-А., Казахстан, 1984; *Богданов А.Р.* Наступление 27-й гвардейской стрелковой дивизии с Магнусhevского плацдарма (январь 1945 г.) // *Боевые действия стрелковой дивизии (Сб. тактических примеров из Великой Отечественной войны).* М., ВИ, 1958. С. 130–146; *Портнов С.И.* 30-я гвардейская стрелковая Рижская Краснознаменная // *Рижские гвардейские: Сб. военно-исторических очерков.* Рига, Лиесма, 1972. С. 58–82; *Потапов А.В., Гладышев П.Т.* Огненный путь. А.-А., Казахстан, 1980; *Дубицкий А.* На грозовом ветру: Военно-исторический очерк о 72-й гвардейской Красноградской Краснознаменной стрелковой дивизии. А.-А., Казахстан, 1970. (Перу А.Ф. Дубицкого принадлежит также целая серия книг, брошюр, журнальных и газетных статей и очерков об однопольцах); 73-я гвардейская: Сб. воспоминаний, документов и материалов о боевом пути 73-й гвардейской стрелковой Сталинградско-Дунайской Краснознаменной дивизии / Сост. А.К. Морозов, Н.И. Яшенко, П.С. Белан, Н.П. Калита. А.-А., Казахстан, 1986; *Лупшев В.П.* 8-я стрелковая дивизия. А.-А., Казахстан, 1975; Его же. И до Чехословакии. А.-А., Казахстан, 1989; *Букаткин П.Р.* От Уральска до Эльбы и Праги / *Боевой путь 152-й отдельной стрелковой бригады 118-й Мелитопольской Краснознаменной ордена Кутузова II степени стрелковой дивизии.* Чапаевск, 1994; *Белан П.С.* Старая Русса-Берлин // *По путям-дорогам фронтовым.* Сб. Сост. П.С. Белан, Н.И. Колточник. А.-А., Казахстан, 1965. С. 246–275; *Белан П.С., Сидоров В.К.* Боевые действия 310-й Новгородской ордена Ленина Краснознаменной дивизии // *Вопросы истории Казахстана. Ученые записки КазГУ им. С.М. Кирова. Серия ист. Т. 53, вып. 9.* А.-А., 1962. С. 197–209; *Кораль К., Егшин П.* От Сибири до Эльбы / *Лит. запись Н. Дышлогого.* А.-А.,

Казахстан, 1978; *Наумов А.* Незабываемый 1941-й // По путям-дорогам фронтовым, с. 11–37; На Варшавском шоссе. Сб. Сост. А.Ф. Наумов. Лит. запись П. Якушева. А.-А., Казахстан, 1968; *Белан П. С., Колыванов И.А., Смолин И.И.* Перекопская стрелковая: (Боевой путь 387 и стрелковой Перекопской дивизии). А.-А., Казахстан, 1989; *Белан П.С., Тимошенко А.Д., Барков К.С.* Фронтовые дороги [391-й дивизии]. А.-А., Казахстан, 1978.

⁹⁹ *Белан П., Потапов А., Честнов С.* Доблесть солдатская. А., Казахстан, 1974; *Балакаев Т., Алдажуманов К.* Қазақстан еңбекшілері майдан қызметінде. А., Ғылым, 1985; *Аманжолов К.Р., Зинченко Н.И.* На службе Отечества. А.-А., КазЖенПИ, 1992. (Ротапринт); Боевые дела казахских национальных соединений частично освещаются им и в работах по истории военных действий на фронтах 1941–1945 гг.; *Аманжолов К.* Ерлік жолымен. – А., Жалын, 1977; Его же. Ерліктің жарқын беттері (Ұлы Отан соғысында қазақстандық құрамалардың жеңіспен өткен жолдары 1941–1945). А., Казахстан, 1987; Его же. Жауынгерлік туы астында. А., Казахстан, 1991.

¹⁰⁰ *Белан П.С.* 100-я казахская национальная стрелковая бригада в боях за Родину // Известия АН Каз ССР. Серия обществ., 1972, №5. С. 65–68; *Тасбулатов А.Б.* Боевой путь казахских национальных соединений в годы Великой Отечественной войны // Казахстан в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов. Сб. докладов и выступлений на Междунар. научной конференции. С. 70–77; *Джиенбаев С.С.* Сотая казахская. Боевой путь 100-й отдельной казахской бригады. Военно-исторический очерк. А., «Дайк-Пресс», 2000.

¹⁰¹ *Букаткин П.Р.* Сталинград–Маньчжурия: (Боевой путь 129-го минометного Молодечненского полка) // История. Сб. статей аспирантов и соискателей. Вып. 2. А.-А., 1966. С. 66–74.

¹⁰² *Белан П.С.* Из истории боевых действий казахстанских авиационных частей на фронтах Великой Отечественной войны // Известия АН КазССР. Серия обществ. 1967, №3. С. 3–13; Его же. Летчики гражданской авиации Осоавиахима Казахстана на фронтах Великой Отечественной войны // Богатыри крылатой гвардии. Сб. / Сост. П.С. Белан, Н.И. Колточник. А.-А., Казахстан, 1984.

¹⁰³ *Едыгенов Н.* Подвиги партизан-казахстанцев // Казахстан в Великой Отечественной войне. Очерки. Вып. I. А.-А., Наука, 1968. С. 108–148; Его же. Участие казахстанцев в партизанском движении в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны. А.-А., Наука, 1972; Его же. Предисловие // Шла война народная: Партизаны Великой Отечественной войны – казахстанцы / Сост. З.А. Швыдко. А.-А., Казахстан, 1985. С. 5–22. *Маяр И.И.* Вдали от Родины. Казахстанцы – участники европейского движения Сопротивления // Партийная жизнь Казахстана. 1965, №5. С. 37–38; Его же. Солдаты Сопротивления. (О воинах-казахстанцах, участвовавших в движении Сопротивления в странах Европы) // Партийная жизнь Казахстана. 1967, №6. С. 71–73; Его же. Участие казахстанцев в европейском движении Сопротивления // Всегда на чеку. С. 160–167.

¹⁰⁴ *Волкогон Д.А.* Триумф и трагедия. Политический портрет И.В. Сталина. В 2 кн. М., 1989; *Мерцалова Л.А.* Сталинизм и война: из непрочитанных страниц истории (1939–1990). М., 1994; *Мерцалов А.Н., Мерцалова Л.А.* Сталинизм и война. М., 1998; *Суворов В. (Резун).* Ледокол. День «М». М., Изд-во АСТ ЛТД, 1997; *Соколов В.В.* Цена победы. – М., 1991; *Мельтюхов М.И.* Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939–1941 (Документы, факты, суждения). М., Вече, 2000 и др.

¹⁰⁵ *Дильманов С., Кузнецов Е.* Карлаг. А., Фонд «XXI век», 1997; *Козыбаев М.К., Алдажуманов К.С.* Тоталитарный социализм: реальность и последствия. А., Фонд «XXI век», 1997; История немцев Центральной Азии. Материалы Международной конференции. 9–10 октября 1997. А., ТОО «Комплекс», 1998; Депортированные в Казахстан народы: время и судьбы. / Сост. Г. Анес. А., Арыс-Казахстан, 1998; Насильственная коллективизация и голод в Казахстане 1931–1933 гг. Сб. документов и материалов / Вступит. статья и сост. К.С. Алдажуманов, М.К. Каирғалиев, В.П. Осипов, Ю.Н. Романов. А., Фонд «XXI век», 1998; Из истории поляков в Казахстане (1936–1956). Сб.

документов / Отв. ред. Л.Д. Дегитаева. А., Казахстан, 2000; *Кульбаев Т.С., Хегай А.Ю.* Депортация. А., Данекер, 2000 и др.

¹⁰⁶ *Анфилов В.А.* Грозное лето 41 года. М., 1945; *Гареев М.А.* Неоднозначные страницы войны (очерки о проблемных вопросах Великой Отечественной войны). М., 1995; Егоя же. Уроки Великой Отечественной войны: чему они учат Россию? // Ориентир (журнал Минобороны РФ), 1997, №5, с. 4–8; Егоя же. Смысл военной службы. XX век и уроки для будущего // Свободная мысль XXI. 2000, №2, с. 22–33; *Куманев Г.А.* Рядом со Сталиным: откровенные свидетельства. М.: Былина, 1999; Егоя же. Подвиг и подлог: страницы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., Русское слово, 2000; *Поляков Ю.А.* Великая война: дискуссии продолжаются // Свободная мысль – XXI. 2001, №5, с. 7–14; *Козыбаев М.К.* История и современность. А., 1991; Казахстан на рубеже веков: размышления и поиски. А., 2000, кн. 2, с. 207–347; См.: Казахстан в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. А., 2000; Депортированные в Казахстан народы (колл. авторов), А., 1998 и др.

¹⁰⁷ Великая Отечественная война 1941–1945; Военно-исторические очерки. Т. 1–4. М., Наука, 1998–1999. Красная звезда.

¹⁰⁸ *Балақаев Т., Алдажұманов К.* Қазақстан еңбекшілері майдан қызметінде. А., Ғылым, 1985; *Аманжолов К.Р., Зинченко Н. И.* На службе Отечества. А-А., КазЖенПИ, 1992. (Ротапринт); Боевые дела казахских национальных соединений частично освещаются ими в работах по истории военных действий на фронтах 1941–1945 гг.; *Аманжолов К.* Ерлік жолымен. А., Жалын, 1977; Егоя же. Шайқаста шыңдалған достық А., Мектеп, 1985; Егоя же. Ерліктің жарқын беттері (Ұлы Отан соғысында қазақстандық құрамалардың жеңіспен өткен жолдары. 1941–1945). А.: Қазақстан, 1987; Егоя же. Жауынгерлік туы астында (Қызыл Армияның Қазақстанда құрылған әскери бөлімдері мен құрамаларының ерлікпен өткен жолдары. 1918–1945 жж.). А.: Қазақстан, 1991.

¹⁰⁹ *Белан П.С.* Память погибших за Родину – священная эстафета поколений // Казахстан в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов. Сб. докладов и выступлений на Международной научной конференции, посвященной 55-летию Победы над фашистской Германией. С. 98, 99. Работа по определению потерь во многом было облегчена изданием статистического исследования «Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах...». Под общ. ред. Г.Ф. Кривошеева. – М., ВИ, 1993.

¹¹⁰ *Таштемханова Р.М.* Казахстан в немецкой историографии. Павлодар. 2003.

¹¹¹ *Жумаев Р.М.* История культуры в отечественной историографии. Караганда. 2002; Очерки истории культуры Казахстана. Алматы. 2002; *Капаева А.Т.* Культура и политика (Государственная политика в области культуры в Казахстане во 2 половине 40–80-х гг. XX в.). Алматы, Атамұра. 2004.

¹¹² *Мухатова О.Х.* Қазақстандағы XX ғасырдың 20–90 жылдарындағы аграрлық өзгерістер тарихнамасы. Алматы, 1999; *Кадысова Р.Ж.* Советская модернизация Казахстана (1917–1940 гг.): историография проблемы. Алматы. 2004.

¹¹³ См.: *Alhworth E.* Central Asian publishing and the rise of nationalism. An essay and a list of publications in the New York public library. N.Y., 1965; Idem. Nationalities of the Soviet East. Publications and writing system. A bibliographical directory and translation tables for Iran- and Turkic language publications, 1818–1945, located in the U.S. libraries, N.Y. and L., 1971; Guide to the study of the Soviet nationalities. Non-Russian peoples of the USSR / Stephan M. Horak (ed.) Littleton, 1982; *Lazzerini E.J.* The Archive of Mustafa Chokay Bey// Cahiers du Monde Russe et Sovietique. 1980. Vol. XXI. No. 2. p. 235–239; *Hoffmann H.* Als Oberinstrukteur in Spassko-Sawodski-Lager// Militargeschichte. 1986. 25 Jg. No. 6. S. 524–535; Documents on Soviet Russia's Anti-Islam policy in Turkestan/ Introduced and collected by B. Hayit. Pt. I-II. Dusseldorf, Köln, 1958–1959; Programs of the Muslim political parties, 1917–1920. Oxford, 1985. The Revolution as seen by Muslim Bolsheviks// The Society for Central Asian Studies. Reprint series. No. 3. Oxford, 1985 etc.

¹¹⁴ См.: *Evans C.* Facts and fabrications. N.Y., 1920.

¹¹⁵ *Chamberlin W.H.* The Russian Revolution. 1917–1921. In 2 vols. N.Y., 1935; idem. Russia's iron age; Boston, 1934.

- ¹¹⁶ *Castagne J.* Les musulmans et la politique des Soviets en Asie Centrale. P., 1925; idem. Bolchevisme et l'islam // *Revue du Mond Musulman*. P., 1922.
- ¹¹⁷ *Pipes R.* The Russian Revolution. N.Y., 1990.
- ¹¹⁸ CM.: *Seton-Watson H.* The Russian Empire, 1801-1917. Oxford, 1967; *Carrere d'Encausse H.* The fall of Tsarist Empire; Civil War and Government; The National Republics lose their Independence // *Central Asia: a century of Russian rule* / Ed. By E. AUworth. L., 1967. pp. 131-253; idem *Le grand défi. Bolshevics et nations 1917-1930*. P., 1987; *The Anatomy of the Communist takeovers* / Ed. By T.T. Hammond. New Haven and London, 1975; *Simon G.* Die nichtrussen Volker in Gesellschaft und innenpolitik der UdSSR. Koln, 1979; *Bennigsen F., Wimbush S.E.* Muslim national Communism in the Soviet Union. A Revolutionary strategy for the Colonial World. Chicago, 1979; *Bennigsen A.* La revolution importe: le precedent de l'Asie Centrale. 1917// *Le systeme communiste: le monde expansion*. P., 1982; *Kappeler A.* Russland als Vielvolkerreich: Entstellung, Geschichte, Zerfall. Munchen, 1992.
- ¹¹⁹ CM.: *Keep J.* October in provinces// *Revolutionary Russia*. Ed. By R. Pipes. Cambridge (Mass.), 1968; *Peiky bridge R.* The Spread of the Russian Revolution. Essays on 1917. L., N.Y., 1972; *Suny R.* The Baku Commune, 1917-1918. Princeton, 1972; idem. Towards a Social History of October Revolution// *The American Historical Review*. Vol. 88. No. 1. February 1983. p. 31-52; idem. Nationalism and Class as factors in the Revolution of 1917. Ann Arbor, 1988; *Ferro M.* La revolution de 1917, t.I. La chute du tsarisme et les origins d'Octobre. P., 1967; T. 2. Octobre: naissance d'une societe. P., 1976; *American Historical Review*. 1981. No. 5. p. 1122; *Soviet Studies*. 1981. No. 3. p. 453-459; *Hasegawa T.* The February Revolution: Petrograd, 1917. Seattle, 1981; *Pierce R.* Toward Soviet power in Tashkent. February-October 1917// *Canadian Slavonic Papers*. Ottawa, 1975. Vol. XVI. No. 2/3. p. 261-269; *Raleigh D.J.* Revolution on the Volga. 1917 in Saratow. Ithaca; L., 1986; *Geyer O.* Die russische Revolution. Probleme und Perspektive]. Gottingen, 1985.
- ¹²⁰ *Olcott M.B.* The Kazakhs. Stanford, California, 1987.
- ¹²¹ CM.: The Kazakhs on Russians before 1917 // *The Society for Central Asian Studies*. Reprint series. No. 5. Oxford, 1985; *The Revolution as seen by Muslim Bolsheviks* // *Ibid*. No. 3; *Mustafa Chokay oglu (Chokaev)* // *Ibid*. No. 8. Oxford, 1986.
- ¹²² *Walsh W.* Russia and the Soviet Union. The Univ. of Michigan, 1968. p. 387.
- ¹²³ CM.: *Footman D.* Civil War in Russia. L., 1961. p. 109; *Daniels R.* Red October. The Russian Revolution of 1917. N.Y. 1967; *Dzievanovski M.K.* A History of Soviet Russia. Englewood Cliffs, 1985. p. 99; *Fitzpatrick Sh.* The Civil War as a formative experience// *Bolshevik culture: Experiment and order in the Russian Revolution*. Bloomington, 1985. p. 74.
- ¹²⁴ CM.: *Castagne J.* Le Turkestan depuis la Revolution Russe, 1917-1921// *Revue du monde musulmane*. Paris, 1922. Vol. 51. Juine. P. 28-73; idem. Les organizations sovietiques de la Russie musulmane// *Ibid*. 1922. Octobre. Vol. II. p. 1-248.
- ¹²⁵ Егемен Казакстан. 2005, 26 кантар.
- ¹²⁶ *Brun A.N.* Troubles times. Experiences in Bolshevik Russia and Turkestan. L., 1931; *Olberg P.* Russian policy in Turkestan// *Contemporary Review*. 1922. Vol. 122; *Kleinov G.* Die Nationalitatenpolitik in der Soviet Union// *Osteuropa*. 1975. Vol. 8-9. S. 720-728.
- ¹²⁷ The Red Army in Turkestan, 1917-1920// *Central Asian Review*. 1965. Vol. XIII. No. 1. p. 35.
- ¹²⁸ *Castagne J.* Les basmatchis: Le mouvement national des indigenes d'Asie Centrale depuis la revolution d'Octobre 1917 jusqu'en octobre 1924. Paris, 1925.
- ¹²⁹ *Olcott M.B.* The Basmachi of Freeman's revolt in Turkestan, 1918-1924 // *Soviet Studies*. Glasgow, 1981. Vol. XXXIII. No. 3. p. 352-369; *Broxup M.* The Basmachi // *Central Asian Survey*. 1983. Vol. 2. No. 1. P. 57-82; *Fraser. G.* Haji Sarni and the Turkestan Federation, 1922-1923 // *Asian Affairs*. London, 1987. Vol. XVIII. Part 1. P. 11-21; *Lorenz R.* Die Basmatschen-Bewegung // *Die Muslime*. 1989. S. 235-256.
- ¹³⁰ CM.: *Dumon P.* La fascination du bolshevisme. Enver Pacha et le parti des sovietiques populates, 1919-1922 // *Cahier du Monde Russe et Sovietique*. 1975. Vol. XVI. No. 2.

- P. 141–166; *Rorlich A.* – A. Fellow-Traveller: Enver Pasha and the Bolshevik government, 1918–1920 // *Asian Affairs*. 1982. Vol. XVIII. Part III. P. 286–290.
- ¹³¹ *Dailey E.B.* Basmachi and Bolsheviks: The Defining of nationality in Soviet Central Asia. Princeton, 1986.
- ¹³² *Ibid.* p. 29.
- ¹³³ *Fox R.* People of the steppe. Boston, 1925.
- ¹³⁴ *CM.*: *Seton-Watson H.* Nations and States. An inquiry into origins of nations and the politics of nationalism. L., 1977. pp. 310–322; *Mathley I.M.* Agricultural development // *Central Asia. A century of Russian rule*. P. 288; *idem.* The population and the land // *Ibid.* P. 91–130.
- ¹³⁵ *Conolly V.* Beyond the Urals. Economic development in Soviet Asia. L., etc., 1967. P. 89.
- ¹³⁶ *Olcott M. B.* The Kazakhs. Pp. 199, 157.
- ¹³⁷ *CM.*: *Winner I.* Some problems of nomadism and social organization among recently settled Kazakhs // *Central Asian Review*. 1963. Vol. XI. No. 4. P. 355–373; *Die Nomaden in Geschichte und Gegenwart*. B., 1981; *Giese E.* Nomaden in Kasachstan // *Geographische Rundschau*. 1983. No. 1 I. S. 529–588 etc.
- ¹³⁸ *Krader L.* Social Organization of the Mongol-Turkic pastoral nomads. The Hague, 1963; *idem.* The Origin and the State among the nomads of Asia // *Die Nomaden in Geschichte und Gegenwart*. S. 71–82.
- ¹³⁹ *Littlepage J. D.* In Search of Soviet gold. N.Y., 1938. p. 186.
- ¹⁴⁰ *Conquest R.* The harvest of sorrow: Soviet collectivization and the terror-famine. L., 1986. p. 189–198.
- ¹⁴¹ *Conolly V.* The development of Industry in Soviet Asia // *Journal of the Central Asian Society*. 1941. Vol. 28. Ft. II; *idem.* Beyond the Urals. Economic development in Soviet Asia. L., N.Y., Toronto, 1967.
- ¹⁴² *CM.*: *Vucinich W.* Muslims of the Soviet Union // *Current History*. January 1953; *Wheeler G.* Cultural development in Soviet Central Asia // *Journal of the Royal Central Asian Society*. 1954. Vol. 41. No. 3–4; *Malosian M.* The Marxist approaches to nationalism // *The American Slavic and East European Review*. 1957. Vol. XVI. No. 4 etc.
- ¹⁴³ *Hill R.J.* The Soviet Union: politics, economics and society. From Lenin to Gorbachev. L., 1985. P. 189.
- ¹⁴⁴ *Widmayer R.* The Communist Party and the Soviet schools, 1917–1937. Unpubl. Philosoph. D. thesis. Radcliffe College. 1952; *idem.* Evolution of Soviet educational policy // *Harvard Educational Review*. 1954. Vol. 24. No. 3. P. 159–175; *Berman H.J.* The «Right to knowledge» in the Soviet Union // *Columbia Law Review*. May 1954. Vol. 54; *Witt N. De.* Education and professional employment in the USSR. Washington, 1961; *Bereday G., Pennar J. (eds.)*. The politics of Soviet education. N.Y., 1960; *Medlin W.K., Cave W.W., Carpenter F.* Education and development in Central Asia. A study in social change in Uzbekistan. Leiden., 1971.
- ¹⁴⁵ *Wheeler G.* The modern history of Soviet Central Asia. P. 179–187; *idem.* Modernization in the East: the role of script and language reform // *Asian affairs*. 1974. Vol. 5. Pt. I. P. 157–164; *idem.* The Turkic languages of Soviet Asia: Russian linguistic policy // *Middle Eastern Studies*. 1977. Vol. 13. No. 2. P. 208–217; *Rywkina M.* Russia in Central Asia. N.Y., L., 1963. P. 86–87; *Dunn S. and Dunn E.* Soviet regime and native culture in the Soviet Union // *American anthropologist*. 1962. Vol. LXIV. No. 2. P. 328–339; *Henze P.B.* Politics and alphabets in Inner Asia // *Advances in the creation and revision of writing systems*. The Hague. P. 371–420; *Problems of Communism*. 1982. No. 4. P. 78 etc.
- ¹⁴⁶ *Mieczkowski Z.* The 1962–1963 reforms in Soviet economic regionalization // *Slavic Review*. 1965. Vol. XXIV. No. 3. P. 479–496; *Bott L.* Recent trends in the economy of Central Asian Review. 1965. Vol. XIII. No. 3; *Katkov V.* Soviet economy. 1940–1965. Baltimore, 1967; *Kommunismus ohne Zukunft*. 1962.
- ¹⁴⁷ *Olcott M.B.* The Kazakhs. Pp. 242, 225.
- ¹⁴⁸ *Cleary J. W.* The virgin lands // *Survey*. 1956. No. 56. p. 95–105; *Stevenson J.E.* Friends and enemies. N.Y., 1959; *Schiller O.* Neuordnung des sowjetischen

Erfassungssysteme für Agrarerzeugnisse // Osteuropa. 1958. H. 10; *Ranch G.* Geschichte der bolschewistischen Russland. Wiesbaden, 1956; *Findeisen K.* The Colonization of Kazakhstan // The East Turkic Review. München, 1958. No. 1. P. 16–25.

¹⁴⁹ Foreign Affairs. 1973. No. 1. P. 65.

¹⁵⁰ *Goldman M.* USSR in crisis: The failure of an economic system. N.Y., 1983; *Wilhelm J.* fl. The Soviet Union has an administered, not a planned, economy // Soviet Studies. 1985. Vol. XXXVII. No. 1. p. 118–130; *Hosking D.* A History of the Soviet Union. L., 1985. p. 375–385; *Hill R.J.* The Soviet Union: politics, economics and society. From Lenin to Gorbachev. L., 1985.

¹⁵¹ After Breznev. Sources of Soviet Conduct in 1980's / Byrnes R.F. (ed.). Bloomington, 1983; *Bialer S.* Socialist Stagnation and Communist Encirclement // The Soviet Union in the 1980's. N.Y. 1984; *Gleason A.* Totalitarianism in 1984 // The Russian Review. April 1984. p. 145–159.

¹⁵² *Maurel C.* Territoire et strategies sovietique. P., 1982; *Mellor R.* The Soviet Union and its Geographical Problems. L., 1982; *Karklins R.* Ethnic relations in the USSR. The Perspective from below. Boston, 1986; *McCauley A.* Religion, Nationalism and Economic Development in Soviet Asia. Colchester, 1988; *Milan H.* Central Asia Geopolitics in the Last Hundred Years: A critical Survey from Gorchakov to Gorbachev // Central Asia Survey, 1989. Vol. 8. No. 1. p. 1–19.

¹⁵³ Asian Affairs. February 1974. p. 91.

¹⁵⁴ The Last Empire. Nationality and the Soviet Future / Ed. By R. Conquest. Stanford, 1986.

¹⁵⁵ *Brzezinski Z.* The Soviet Past and Future // Encounter. L., 1970. No. 3. p. 11–13; idem. Political Implications of Soviet nationality policy // Soviet Nationality Problems / Ed. By E. Allworth. N.Y., L., 1971. p. 72–82.

¹⁵⁶ *Brzezinski Z.* Soviet politics: From the future to the past? The Dynamics of Soviet politics / Ed. By Paul Cocks, et al. Cambridge. 1976. p. 350–351.

¹⁵⁷ *Brzezinski Z.* The Grand Failure. N.Y., 1989. p. 132.

¹⁵⁸ Central Asian Survey, 1989. Vol. 8. No. 1. P. 90.

¹⁵⁹ *Kerblay B., Lavigne M.* Les Sovietiques des années 80. 2-e édition. P., 1987. P. 180; *Halbach U.* Perestrojka und Nationalitätenproblematik: der Schock von Alma-Ata und Moskaus gespanntes Verhältnis zu Mittelasien. Ko'n, 1987; *Scharff R.* National Unruhe in Mittelasien. Zu den Ausschreitungen in Alma-Ata // Osteuropa. 1987. H. 6. S. 289; *Wimbush S.E.* The Alma-Ata Riots // Encounter. 1987. Vol. 69. No. 1. p. 62–68; *Olcott M.B.* The Kazakhs. P. 258.

¹⁶⁰ d'Encausse H.C. Victorieuse Russie. Paris, 1992. P. 91.

¹⁶¹ *Stoking E.* Eine Weltmacht zerbricht Nationalitäten und Regionen in der UdSSR. Frankfurt / M., 1990; *Nahaylo B., Swobodka V.* Soviet disunion. A History of the nationality problem in the USSR. L., 1990; *Simon G.* Die Nationalbewegungen und das Ende des Sowjetsystems // Osteuropa. 1991. Vol. 41. S. 774–790; *Olcott M.B.* The Soviet disunion // Foreign Policy. 1991. P. 119.

¹⁶² *Moty A.J.* (ed.). The end of Sovietology: From Soviet studies to post-Soviet studies // The Post-Soviet nations. Perspectives on the demise of the USSR. N.Y., 1992. P. 302–316.

¹⁶³ Central Asia and the World: Kazakhstan, Uzbekistan, Tajikistan, Kyrgyzstan and Turkmenistan / Ed. By Michael Mandelbaum. N.Y., 1994. P. 131.

¹⁶⁴ CM.: Central Asia in the 1990s: An Annotated bibliography of books and pamphlets by journalists, politicians, scholars and other / Prep. By Ed. Allworth // Central Asian Monitor. Vermont, 1997. No. 2. Pp. 35–36; 1995. №5; 1996. No. 2, 3.

¹⁶⁵ *Goble P.* Central Asia from political block // Report on the USSR. N.Y., 1990. Vol. 2. No. 28. pp. 18–20; *Olcott M.B.* Central Asian post-empire politics // Orbis. 1992. P. 253–268; idem. Central Asian's new states: Independence, foreign policy and regional security. Washington, 1996; *Ferdinand P.* Russia and Russians after Communism // The World Today. 1992. Vol. 48. No. 2; *Klotzli S.* The Water and soil crisis in Central Asia: a source of future conflicts // Swiss peace foundation. Berne. Occasional paper. 1994. No. 1. P. 75; *Bremmer I., Welt C.* Kazakhstan's Quandary // Journal of Democracy. Washington, 1995.

Vol. 6. No. 3. P. 139–163; *Gleason G.* The Central Asian states: Discovering independence. Boulder, 1997.

¹⁶⁶ *Fourniau V.* Histoire de l'Asie Centrale. Paris, 1994; *Wolfe R.L.* The forced migration of exiles in Stalin's Soviet Union, paper presented at the 95th Annual meeting of the Association of American Geographers. Honolulu, 1999; *Roy O.* L'Asie centrale contemporaine. Paris. 2001.

¹⁶⁷ *Алпысбаева Н.* Материалы фонда Совета Народных Комиссаров КАССР как исторический источник в изучении социально-экономических процессов в Казахстане (1925–1933 гг.). Канд. диссертация. А., 2002. С. 40–41.

¹⁶⁸ Отчет III Всекиргизской конференции РКП (б). Оренбург, 1923; РКП (б) Казакстан аймактык партия комитетінің IV конференциясының қаулы және қарарлары. 11–16 май 1924 ж. Орынбор, 1924; Стенографический отчет и резолюции V Всеказахской конференции РКП (б). 1–7 декабря 1925 г. Кзыл-Орда, 1925; Россиялық коммунист (большевик) партиясының V жалпыказакстан конференциясы (стенограмма есебі мен қаулылар). 1–7 декабрь 1925 ж. Кызылорда, 1925; Шестая всеказахская конференция ВКП (б). 15–23 ноября 1927 г. Стеногр. отчет. Кзыл-Орда, 1927; Внутривнутрипартийные вопросы на 3-м пленуме Казахского Крайкома ВКП (б). Кзыл-Орда, 1928; Сборник важнейших решений Казахского Краевого комитета ВКП (б), принятых за период V–VI Всеказахских конференций. Кзыл-Орда, 1927; Директивы партии и правительства КССР по коренизации аппарата. Кзыл-Орда, 1927; Кеңсе жұмысын казактандыру туралы. Жетекші кеңселерді казактандыру туралы өлкелік партия комитетінің нұсқауы мен үкіметтің қаулылары. Кызылорда, 1927, т.б.

¹⁶⁹ Директивы и постановления ЦИК, СНК и СТО КирАССР (14 октября 1920 г. – 1 апреля 1921 г.). Оренбург, 1921; Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства КССР. Оренбург, 1921–1924; Стенографический отчет II съезда Советов Киргизской Социалистической Республики (4–10 октября 1921 г.). Оренбург, 1921; Бюллетень III Всекиргизского съезда Советов, №№1–9. Оренбург, 1922; Стенографический отчет IV Всекиргизского съезда Советов (5–10 января 1924 г.). Оренбург, 1924; Бюллетень V Всекиргизского съезда Советов. Ак-Мечеть, 1925; Первое Всеказахское совещание по советскому строительству. Стеногр. отчет и постановления. Кзыл-Орда, 1925; Вторая сессия Казахского Центрального Исполнительного Комитета Советов 5-го созыва. Стеногр. отчет. Кзыл-Орда, 1925; Шестой Всеказахский съезд Советов и I сессия КазЦИК 6-го созыва. Стеногр. отчет. Кзыл-Орда, 1927; Материалы к отчету ЦИК КАССР на III сессий ВЦИК 13-го созыва. Кзыл-Орда, 1928; VII Всеказахский съезд Советов. 8–15 апреля 1929 г. (Стеногр. отчет и постановления). Кзыл-Орда, 1929; Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства Казахской АССР. Кзыл-Орда, 1925–1929.

¹⁷⁰ Мусбюро РКП (б) в Туркестане. С введением тов. Рыскулова. 1, 2, 3 туркестанские краевые конференции РК (б). 1919–1920 гг. Ташкент, 1920; *Рыскулов Т.* Революция и коренное население Туркестана. Сборник главнейших статей, докладов, речей и тезисов. Ташкент, 1925.

¹⁷¹ Казак білімпаздарының тұңғыш съезі. Орынбор, 1925. (В 2005 г. текст сборника был переложен профессором Ш. Курманбайұлы на кириллицу и переиздан).

¹⁷² *Сейфуллин С.* Тар жол, тайғак кешу. Историко-мемуарный роман. 4-е издание. А., 1977. 6-б.

¹⁷³ *Бочагов А. К.* Алаш-Орда. Краткий исторический очерк о национально-буржуазном движении в Казакстане периода 1917–1919 гг. Кзыл-Орда, 1927; Алаш-Орда. Сб. документов. Сост. Н. Мартыненко. Кзыл-Орда, 1929.

¹⁷⁴ Архив Президента Республики Казахстан (далее – АП РК). ф. 141, т. 1, д. 8074, с. 190, 203; Правда, 1935. 13 апреля.

¹⁷⁵ *Хасанаев М.* Черная книга; *Сафаров Г.* Колониальная революция (Опыт Туркестана); *Бочагов А.* Алаш-Орда. А., 1996. 265 с.

¹⁷⁶ Октябрь в Казакстане. А-А., 1930; Седьмая Всеказахстанская конференция ВКП (б). Стеногр. отчет. А-А., 1930; Одақтық Коммунист (большевик) партиясының казакстандық VII конференциясы. Май-июнь 1930 ж. Стеногр. есебі. А., 1930; Казахстан-

ская организация ВКП (б) в решениях ее конференций и пленумов. 1920–1925 гг. Вып. I. А.-А., М., 1931; Протоколы первой областной Киргизской конференции РКП (б). 11–18 июня 1921 г. А.-А., 1935; VIII Казахская краевая конференция ВКП (б). Стеногр. отчет. А.-А., – М., 1935; Вторая киргизская областная конференция РКП (б). Протоколы. А.-А., М., 1936.

¹⁷⁷ Тургайский областной съезд Советов. Оренбург, 1918. Протоколы. А.-А., М., 1936; Учредительный съезд Советов Киргизской (Казахской) АССР. 4–12 октября 1920 г. Протоколы. А.-А., М., 1936.

¹⁷⁸ Қазақстан кеңес жазушыларының тұңғыш съезі. А., 1934.

¹⁷⁹ Красные партизаны Кустаная. А.-А., М., 1934; *Малабаев Рахметжан*. Атамандар жорығында. Кызылөскердің XVI жылдық мерекесіне тарту. Бөкей губерниясында болған әлеумет соғысынан бір пьестен тарихи өмір суреттері. Катысушы карт большевик Сарыбайұлы Ғабиттің әңгімесінен алынып жазған. Ташкент. 1934; В акмолинских степях. А., 1936.

¹⁸⁰ Қазақ халқының майдандағы қазақ жауынгерлеріне хаты. А., 1943; Письма с фронта. А.-А., 1944; Герои Советского Союза – казахстанцы. А.-А., 1945; Қазақстандық Совет Одағының Батырлары. А., 1945.

¹⁸¹ *Момышулы Б.* Офицердің күнделігі. А., 1952; *Соны кі.* Жауынгердің тұлғасы (Офицердің дәптерінен). А.-А., 1958; *Қайсенов К.* Ажал аузынан. А., 1959; Казахстан в период Великой Отечественной войны Советского Союза (1941–1945 гг.). Сб. документов и материалов. Том I. (1941–1943 гг.). А.-А., 1964; Том II. (1944–1945 гг.). А.-А., 1967; Жауынгер хаттары. А., 1968; Есімізде қанды майдан, жорыктар. А., 1968; Фронтовой привет тебе, Казахстан. А.-А., 1975; Сәлем саған майданнан Қазақстан. А., 1975; Ел мен ердің жеңісі. А., 1985; *Момышулы Б.* Канмен жазылған кітап. А., 1991; *Садықова Б.* История Туркестанского легиона в документах. А., 2002.

¹⁸² Коммунистическая партия Казахстана в борьбе за освоение целинных и залежных земель. Сб. документов и материалов. А.-А., 1958; Коммунистическая партия в документах и цифрах. Сб. документов и статистических материалов о росте и регулировании состава партийной организации. А.-А., 1960; Компартия Казахстана на втором этапе освоения целины. Сб. документов и материалов. А.-А., 1963; Ленинский призыв в Казахстане. Документы и материалы. А.-А., 1969; КПСС и Советское правительство о Казахстане. 1917–1977 гг. Сб. документов и материалов. А.-А., 1978; Коммунистическая партия Казахстана в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов. Том 1. 1921–1927 гг. А.-А., 1981; Том 2. 1928–1937 гг. А.-А., 1981.

¹⁸³ В.И. Ленин о Средней Азии и Казахстане. Ташкент, 1960; В.И. Ленин Орта Азия мен Қазақстан туралы. А., 1960; Трудящиеся Казахстана – В.И. Ленину. А.-А., 1960; Они встречались с В.И. Лениным. Воспоминания. А.-А., 1968; Ленину от всего сердца (1917–1924 гг.). А.-А., 1970; Ленинге жалынды сәлем. А., 1970; Вечно живой. А.-А., 1970; Мәңгі тірі В.И. Ленин туралы естеліктер. А., 1970; Москва. Кремль. Ленинге. 1917–1924. А., 1980; В.И. Ленин о Казахстане. А.-А., 1982.

¹⁸⁴ Победа Великой Октябрьской социалистической революции в Казахстане и образование Казахской АССР. Сб. документов и материалов. А.-А., 1947; Победа Великой Октябрьской социалистической революции в Казахстане. 1917–1918 гг. Сб. документов и материалов. А.-А., 1957; Образование Казахской АССР. Сб. документов и материалов. А.-А., 1957; Советское строительство в аулах и селах Семиречья (1921–1925 гг.). Сб. документов и материалов. Часть I. А.-А., 1957; Социалистическое строительство в Казахстане в восстановительный период (1921–1925 гг.). Сб. документов и материалов. А.-А., 1962; Советы и ревкомы в Казахстане (Октябрь 1917–1920 гг.). Документы и материалы. А.-А., 1971; В братском единстве народов СССР. (Государственное строительство Советского Казахстана). 1920–1937 гг. Документы и материалы. А.-А., 1972; 1917 год в Казахстане. Документы и материалы. А.-А., 1977.

¹⁸⁵ Социалистическое становление нефтяной Эмбы. Сб. документов и материалов. А.-А., 1965; История индустриализации Казахской ССР. Документы и материалы. В 2-х томах. Том 1 (1926–1962 гг.). А.-А., 1967; Том 2 (1933–июнь 1941 гг.). А.-А., 1967; Медный гигант на Балхаше. Сб. документов и материалов. В 2-х томах. Том 1 (1929–

1952 гг.). А.-А., 1977; Том 2 (октябрь 1952—январь 1976 гг.). А.-А., 1981; Рудный Алтай. Индустриальное развитие Восточного Казахстана (1920—1945 гг.). Сб. документов и материалов. В 2-х томах. Том 1. А.-А., 1985.

¹⁸⁶ Коллективизация сельского хозяйства Казахстана. (1926—1941 гг.). Документы и материалы. Части I и II. А.-А., 1967; Кооперативно-колхозное строительство в Казахстане (1917—1927 гг.). Документы и материалы. А.-А., 1988.

¹⁸⁷ Культурное строительство в Казахстане. Сб. документов и материалов. В 2-х томах. Том 1 (1918—1932 гг.). А.-А., 1965; Том 2 (1933 — июнь 1941 гг.). А.-А., 1985.

¹⁸⁸ Рождение комсомола Семиречья (1918—1920 гг.). Сб. документов, материалов и воспоминаний. Часть I. А.-А., 1958; Движение за коммунистический труд в Казахстане (1958—1967 гг.). Документы и материалы. А.-А., 1969; Женщины Казахстана — активные строители социализма (1918—1945). Сб. документов и материалов. А.-А., 1981; Профсоюзы Казахстана — помощники партии в осуществлении экономической программы КПСС. А.-А., 1982; Красный Первомай в Казахстане (1901—1945 гг.). А.-А., 1989.

¹⁸⁹ *Затаевич А.В.* Исследования. Воспоминания. Письма и документы. А.-А., 1958; Алиби Жангильдин. Документы и материалы. А.-А., 1961 (казакша аудармасы — А., 1975); Амангелды Иманов. Статьи. Документы. Материалы. А.-А., 1974 (казакшасы — А., 1975).

¹⁹⁰ *Шашкин З., Мergenшин Д.* Токаш Бокин. А., 1967; *Кыдырбекулы Б.* Ораз Жандосов. А., 1967; *Жүнісов М., Өтепов Ш.* Қайсар Тәштитов. А., 1968; *Тибектин П.* Ілияс Қабылов. А., 1968; *Сүлейменов Р.* Темірбек Жүргенов. А., 1969; *Отебаев В.* Сабыр Шарипов. А., 1970; *Чеботарев В.* Иван Ружейников. А.-А., 1971; *Джунусов М.* Федор Рузаев. А.-А., 1972; *Бейсембаев С., Кульбаев С.* Турар Рыскулов. А.-А., 1974 және т.б.

¹⁹¹ *Рыскулов Т.Р.* Избранные труды. А.-А., 1984; Батырдын биік тұлғасы. А., 1986.

¹⁹² *Ғани Муратбаев.* Өмір мен қызметі. Есте қалғандар. А., 1957; В огне революции. Воспоминания участников Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны в Казахстане. А.-А., 1957. (Қазақша аудармасы — Революция от-жалынында. А., 1959); Казахстан в огне гражданской войны. Воспоминания участников Великой Октябрьской революции и гражданской войны в Казахстане. А.-А., 1960 (Қазақшасы — Қазақстан азамат соғысының от-жалынында. А., 1960); *Чурин Х., Сәрсқов Ж.* Күрес күндерінде. А., 1960; *Сериков М.К.* Боевые годы. Воспоминания. А.-А., 1960; За власть Советов. Сборник статей и воспоминаний о борьбе за установление и упрочение Советской власти в Семипалатинской области. Семипалатинск, 1961; Годы мужания. Воспоминания участников социалистического строительства в Казахстане. А.-А., 1969; *Бочагов А.К.* У истоков. Воспоминания. А.-А., 1971; *Чурин Х.* Дауылды жылдар. А., 1971; *Ипмағамбетов З.* Жайықтың сол жак бетінде. А., 1973; *Харченко Г.Т.* 399 дней и ночей в огненном кольце. А.-А., 1984, т.б.

¹⁹³ *Шолпан Иманбаева.* Шығармалар және естеліктер. А., 1950; Академик Қ. И. Сәтбаев. Естеліктер мен мақалалар. А., 1965; Қызыл сұңқар (С. Сейфуллин туралы естеліктер). А., 1970; Мухтар Ауэзов в воспоминаниях современников. А.-А., 1972; *Арыстанов Ж.* Естен кетпес есімдер. А., 1972; Біздің Мұхтар (М.О. Өуезов туралы естеліктер). А., 1976; *Тәжібаев Ә.* Жылдар, ойлар. Естеліктер мен толғаныстар. А., 1976; *Талжанов С.* өткен күндер сөйлейді (Естеліктер мен шежіре әңгімелер). А., 1979; *Иманжанов М.* Өркен. Мақалалар, хаттар, естеліктер. А., 1980; *Әбішев Д.* Ой толғау. Естеліктер. А., 1981; Кәдімгі Сәбит Мұқанов. А., 1984; *Кенжебаев Б.* Жылдар жемісі: әдеби мақалалар мен естеліктер. А., 1984; *Ахметова З.* Шуакты күндер. Естелік. А., 1984; *Ахмедов Ф.* Ескі достар. Әңгімелер мен естеліктер. А., 1986; Қызыл дәптер. Деректі әңгімелер, очерктер, естеліктер. А., 1989; Дастан ата. Жамбыл туралы естеліктер. А., 1989; *Дөненбаев С.* Ұрпағыма айтарым. А., 1989; Би аға. Бейімбет Майлин туралы естеліктер. А., 1991; Зауал. Мақалалар, естеліктер. А., 1991 және т.б.

¹⁹⁴ Материалы объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана (эпоха социализма). А.-А., 1958; 219, 226, 243, 425-6.

¹⁹⁵ Преодолевая религиозное влияние ислама. Сб. документов и материалов. А.-А., 1990.

- ¹⁹⁶ Вехи консолидации. Из опыта партийных организаций Казахстана в решении национального вопроса в 1917–1927 гг. Сб. документов и материалов. А.-А., 1990.
- ¹⁹⁷ Хасанаев М. Желтоқсан оқиғасы: себеп пен салдар // Егемен Қазақстан. 2001. 11 желтоқсан.
- ¹⁹⁸ Алматы. 1986. Желтоқсан. Айгак-кітап. Бірінші-үшінші кітап. А., 1991–1992.
- ¹⁹⁹ Омаров М. Расстрелянная степь. История адаевского восстания 1931 года. По материалам ОГПУ. А.-А., 1994; Омаров М., Сариев І. Ойрандалған Адай даласы. А., 1995; Какенов А. Сәкен шындығын дйттегенде, немесе НКВД құжаттары шерткен сыр. Акмола, 1996; Бәкірұлы В. Мустафа Шоқай. (Деректі хикаят). А., 1997.
- ²⁰⁰ Голод в степи // Казак аштыққа қалай ұшырады. А., 1991; Гонимые голодом. Сб. документов и материалов. Части І и ІІ. А.-А., 1996; Насильственная коллективизация и голод в Казахстане в 1931–1933 гг. Сб. документов и материалов. А., 1998.
- ²⁰¹ Хрестоматия по новейшей истории Казахстана (1917–1939 гг.). Сб. документов и материалов. Том І. А., 1998.
- ²⁰² Досмухамедов Х. Аламан. А., 1991; Бөкейханов Ә. Таңдамалы. А., 1995; Кемеңгерұлы К. Шығармалар. А., 1995; Нұралыұлы О. Шығармалары. А., 1995; Шоқай М. Таңдамалы. 1-том. А. 1998; 2-том. А., 1999; Тынышбаев М. Таңдамалы. А., 2001; Мәрсекұлы Р. Казак қайда бара жатыр? А., 2001; Балғанбаев Х. Шығармалар. Тағылымы. Астана, 2005, т.б.
- ²⁰³ Төгісов К. Шығармалар жинағы. А., 2003.
- ²⁰⁴ Сәкен Сейфуллин (Өмірі, қызметі туралы материалдар мен құжаттар). Акмола, 1994; Кәкішев Т. Сәкеннің соты. Құжатты хикая. А., 1994; Политические репрессии в Казахстане в 1937–1938 гг. Сб. документов. А., 1998; Забвению не подлежит. Павлодар, 1999; Страницы трагических судеб. Сб. воспоминаний жертв политических репрессий в СССР в 1920–1950 гг. А., 2002; Жизнь и деятельность представителей казахской национальной интеллигенции в Туркестане. Сб. документов и материалов. Части І и ІІ. Шымкент, 2004.
- ²⁰⁵ Сәдуақасов С. Шығармалары. А., 1993; Соныкі. Избранное. В двух частях. А.-А., 1995; Рыскулов Т.Р. Собрание сочинений в трех томах. А., 1997–1998; Төрекұлов Н. Шығармалар. Сочинения. Дипломат. А., 1997; Ураз Джандосов. Документы и публицистика (1918–1937 гг.). В двух томах. А., 1999; Левон Мирзоян в Казахстане (1933–1938 гг.). Сб. документов и материалов. А., 2001; Ағартушы Халел. А., 2004.
- ²⁰⁶ Бөкейханов Ә. Шығармалар. А., 1994; Сұлтанбек Ходжанов. А.-А., 1994; Шонанұлы Т. Жер тағдыры – ел тағдыры. А., 1995; Тынышбаев М. Казак халқының тарихы. А., 1998.
- ²⁰⁷ Файзуллаев Ә., Қабдошев Б. Юстиция халық комиссарлары. А., 1999; Қазақстанның халық комиссарлары. 1920–1946 жж. өмірбаяндық анықтамалық. А., 2004.
- ²⁰⁸ Халқыма деп іс қылдым (Педагог, журналист, әдебиетші Нәзипа Құлжанованың мұрасы (Құраст. Р. Садыкова). А., 1993; Кошке Кемеңгерұлы. Таңдамалы. (Құраст. Р. Рүстембекова). А., 1994; Кудерина Л.Д. Геноцид в Казахстане. Исторический очерк. А., 1994; Дулатова Г. Шындық шырағы. А., 1995; Габитова Ф. Алыптар тағдыры. А., 1995; Әмірқызы К. Қиылған ғұмырлар. Акмола, 1997.
- ²⁰⁹ Тасымбеков А. Жан дауысы (Карлаг тұтқындары). А., 1994.
- ²¹⁰ Кәкен А. Туркістан легионы. Деректі толғам. Астана. 2000; Қайсенов К. Естеліктер мен жазбалар. А., 2002; Отты жылдар. Құжаттар жинағы. Атырау, 2005.
- ²¹¹ Языковая политика в Казахстане (1921–1990 гг.). Сб. документов. А., 1997; Мамания. Тарихи деректер, естеліктер, өлендер, құжаттар, пікірлер. А., 1999; Стенограммы дискуссии по книге Е. Бекмаханова «Казахстан в 20–30-е годы XIX века». А., 2000; Шапағатты шырақ. Тарихи деректер, естеліктер, құжаттар, пікірлер. А., 2002; Жәдігер. А., 2004.
- ²¹² М.О. Әуезовтің өмірі мен шығармашылық шежіресі. А., 1997; М. Әуезов туралы естеліктер. А., 1997; Әуезов және архив. А., 1997; Әкімов Т. Даналық мәйегі. М. Әуезов туралы деректер. А., 1997; Нұрғалиев Р. Әуезов және Алаш. А., 1997; М. Әуезовтің қолжазба мұрасы. А., 1997; Жұртбаев Т. Бесігінді түзе. А., 1997; Ег о же. Талқы. А., 1997.

- ²¹³ Занғар. К. Сәтбаев туралы естеліктер. А., 1999; Академик К. И. Сәтбаев жерлестері алдында. Павлодар, 1999.
- ²¹⁴ Государственная программа «Культурное наследие» в области истории и этнографии осуществляется Институтом истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова, Институтом востоковедения им. Р.Б. Сулейменова, Национальной библиотекой РК и др. учреждениями.
- ²¹⁵ Алаш қозғалысы. 1 том. (1905–1917 жж.). Күжаттар мен материалдар жинағы. А., 2005; 2 том. (1917–1920 гг.). А., 2005; 3–4 том. А., 2007–2008.
- ²¹⁶ Бурабаев М. Общественная мысль Казахстана в 1917–1940 гг. А.-А., 1991; Тәтімов М. Қазақ әлемі. А., 1993. 130–144-б.; Нұрпейісов К. Алаш һәм Алашорда. А., 1995. 216–254-б.; Махат Д. Қазақ зиялыларының қасіреті. А., 2001. 210–293-б.
- ²¹⁷ Ақбаев Ж. Жанша. Күнбатыс Алашорданың төрағасы Ж. Досмухамедұлы туралы тарихи өңгіме. Орал, 1994; Маханұлы Ә. Тарихи тұлғалар. Бегайдар Аралбаев. А., 1996; Құл-Мұхаммед М. Алаш ардагері Ж. Ақбаевтың саяси-құқықтық көзқарастары. А., 1996; Тайшыбаев З., Дулатбеков Н. Жакып Ақбаев. (Күрескерлік өмірбаяны). А., 1997; Шуақиев М., Шаяхметов А. Елім деп өткен Елдес. А., 1998;
- ²¹⁸ Аманжолова Д. Казахский автономизм и Россия. История движения Алаш. М, 1994.
- ²¹⁹ Қоңыратбаев О. Тұрар Рысқұлов. Қоғамдық-саяси және мемлекеттік қызметі. Түркістан кезені. А., 1994.
- ²²⁰ Қазыбек М., Маймақов Ф. Күпия кенестер. А., 1999.
- ²²¹ Қонаев Д. Өтті дәурен осылай. Естелік-эссе. А., 1992; Әбдікаримов И. Көп екен көргенінен көмегені. Естелік. А., 1993; Қонаев Д. Ақиқаттан аттауға болмайды. Естелік-эссе. А., 1994; Шоқай М. Мұстафа Шоқай. Естеліктер. Стамбул, 1997; Қайран Ораз. Ораз Жандосов замандастар кезімен. А., 1999; Жәнібек Ө. Алды-артыма қарайлап өмір кештім. А., 1999; Күрделі заманның қайсар қайраткері. Жұмабай Шаяхметов туралы естеліктер. Астана, 2002; Оңдасынов Н. Ой-толғаныстар мен естеліктер. Астана, 2002; Елу жыл ел ағасы. А., 2002; Ілияс Омаров. Ұлы тұлғаның жыр жолдары. А., 2003; Тұрар Рысқұлов. Мақалалар, естеліктер, күжаттар жинағы. А., 2004; Алтынбекова П. Ақиқат пен қасірет (1933–1938 жж.). Дерекнама. Астана, 2001; Оразалиева Г. Нұртас Оңдасынов (Ғұмырнамалық хикаяттар). А., 2004. т.б.
- ²²² Чокін Ш. Четыре времени жизни. А.-А., 1992; Соныкі. Путь национальной Академии наук (Воспоминания и размышления). А.-А., 1996; Бәйішев С. Тұлға, азамат, ғалым, қайраткер. А., 2000; Академик Ө. Жолдасбеков. А., 2000; Батырлардың тұлғаны, ғалымдардың жүйрігі. Естеліктер жинағы. Астана, 2000; Айтулы Ахан еді. Академик Ақай Нүсіпбеков туралы естеліктер мен зерттеулер. А., 2000; Жұлдызы жанған ғұлама. Академик Манаш Қозыбаев туралы естелік кітап. А., 2002; Әлкей Марғұлан туралы естеліктер. А., 2004; Академик Серікбай Бейсембаев. А., 2004 және т.б.
- ²²³ Бес арыс. Естеліктер, эсселер және зерттеу мақалалары. А., 1992; Тәжібаев Ә. Есімдегілер. Естеліктер, эсселер. А., 1993; Азамат ақын. Ілияс Жансүгіров туралы естеліктер. А., 1994; Сәрсекеев М. Кұғындалған «Сәтбаев». А., 1994; Кино и вся жизнь. Сб. статей и воспоминаний о Ш. Айманове. А.-А., 1994; Кәкішев Т. Ескірмейді естелік. А., 1995; Брусиловский Е.Г. Дүйім дүлділер. А., 1995; Бектұров Ж. Ақиқаты осы еді (Естеліктер). А., 1995; Нар қазақ. А., 1996; Әбішев Д. өткен күнде белгі бар. Естеліктер. А., 1997; Мұқанова М. Сағынышым-Сәбитім. Естелік. А., 2000; Оралхан: естеліктер, эсселер және мақалалар. А., 2000; Сәбит Мұқанов туралы естеліктер. Астана, 2001; Ғабиден Мұстафин туралы естеліктер. Астана, 2001; Есенберлин І. Жан сырым; ойлар, нақыл сөздер, естеліктер. А., 2001; Тұғыры биік тұлға (С. Сейфуллин туралы зерттеулер, естеліктер, мақалалар). А., 2002; Шәмші ғұмыр. Естеліктер мен мақалалар жинағы. А., 2002; Сахара сұңқары. А., 2004; Қажымұқан. Естеліктер. А., 2004.
- ²²⁴ Нұрпейісов К., Аяғанов Б., Жақсылықов Н. Қазақстан тарихы. А., 1993; Қозыбаев М., Қозыбаев І. Қазақстан тарихы. 10 класқа арналған оқулық. А., 1993; Қозыбаев М., Қозыбаев І. Қазақстан тарихы. Хрестоматия. (1900–1945 жж.). А., 1994; Абсеметова Ж.А., Қойгелдиев М.К., Мажитов С.Ф. История Казахстана (обобщающий курс). Электронный учебник. — Алматы, РЦИО, 2000.

²²⁵ Белая книга. Из истории депортации чеченцев и ингушей (1944–1957 гг.). Воспоминания, архивные материалы, фотодокументы. Грозный. А.-А., 1991; Корейцы Казахстана. Сб. документов и материалов. А., 1998; Поляки в Казахстане. Сб. документов. А., 1998; От депортации к интеграции. Документы и материалы, посвященные 60-летию депортации чеченцев и ингушей в Казахстан. А., 2004.

²²⁶ Тайны национальной политики ЦК РКП. Четвертое совещание ЦК РКП с ответственными работниками национальных республик и областей в г. Москве. 9–12 июня 1923 г. Стеногр. отчет. М., 1992; Из истории российской эмиграции: письма А.-З. Валидова и М. Чокоева (1924–1932 гг.). М., 1999; Ашнин Ф.Д., Алпатов В.М., Насимов Д.М. Репрессированная тюркология. М., 2002. 176–247 б.; Узницы АЛЖИРа. Список женщин-заключенных Акмолинского и других отделений Карлага. М., 2003.

²²⁷ Нурпеисова Г. Кладовые истории // Казахстанская правда. 2004. 2 июля.

²²⁸ Казак әдебиеті 2005. 19 тамыз.

Глава первая

КАЗАХСТАН МЕЖДУ ДВУМЯ РЕВОЛЮЦИЯМИ 1917 ГОДА

1. ДВОЕВЛАСТИЕ В КАЗАХСТАНЕ И ЕГО ОСОБЕННОСТИ*

Свержение царизма в феврале 1917 года в корне изменило расстановку политических сил в России и на ее национальных окраинах. Результатом Февральской революции стало образование двоевластия, которое означало существование с одной стороны, власти Временного правительства, представлявшего интересы буржуазии и обуржуазившихся помещиков. С другой стороны, были созданы Советы, представлявшие интересы рабочих и солдатских депутатов. Сущность двоевластия заключалась в том, что Временное правительство, обладая реальной властью, не имело сильной социальной базы, а Советы, обладая социальной силой, не имели реальной власти. Надеждой последних был революционный захват власти, посредством опоры на непосредственный почин социальных низов. Последняя тенденция оказалась преобладающей в политической жизни России и Казахстана.

Сообщения (в основном в виде телеграмм) об образовании Временного комитета Государственной Думы, формировании этим комитетом Временного правительства, создании Совета рабочих и солдатских депутатов, обращения Временного правительства и Президиума Петроградского Совета к населению страны поступили в Казахстан 2–3 марта 1917 года.

И Временное правительство, и Петроградский Совет на первых порах действовали синхронно, дополняя друг друга. В этом была определенная целесообразность. Временное правительство выступало как чисто служебный аппарат, созданный волей высшего государственного общенародно избранного органа, имевшего необходимые юридические полномочия. И подобное обстоятельство на местах, в провинции сразу ломало сопротивление старой (царской) управленческой бюрократии, располагавшей огромным, все еще работоспособным карательным механизмом.

* При написании данного параграфа частично использован материал д.и.н., профессора А.К. Григорьева.

Президиум Петроградского Совета, в свою очередь, имел необходимую народную поддержку, отправлял телеграммы в губернии и уезды с призывом создать органы прямого народовластия — Советы, подобное было нужно для такого закрепления завоеваний революции, которое делало бы февральскую победу необратимой и создавало бы определенные условия для ограничения всевластия буржуазии.

Директивы, поступившие из Петрограда, стали тем толчком, который привел в движение, в том числе и в Казахстане, буржуазные и поддерживающие их элементы с одной стороны, революционно-демократические — с другой. Они соответственно и сформировали местные структуры Временного правительства — исполнительные (гражданские) комитеты и органы революционной власти — Советы. Как в центре, так и на местах нередкими были факты вхождения деятелей Советов в исполкомы и наоборот. Подобное, по оценке Ленина, «оригинальное переплетение двух диктатур»¹ имело не только свои причины, но и закладывало сразу же конфликтные последствия, ибо восприятие перспектив развития страны и Казахстана у участников политического симбиоза было весьма неодинаковым.

Формирование как исполкомов, так и Советов шло стремительно быстро, но пальма первенства в основном принадлежала исполкомам, которые опирались на актив городских органов местного самоуправления (городских дум), военно-промышленных комитетов.

Так, в Петропавловске вечером 4 марта на заседании Городской думы был создан коалиционный комитет общественной безопасности², который стал выполнять функции исполкома. В его состав вошли представители местной организации конституционно-демократической партии (кадетов), видные купцы и промышленники А. Черемисов, Казанцев, Мазов, Нагаткин. Семипалатинский «областной исполнительный комитет общественных организаций и армий» возглавил служащий К.П. Ляшкевич, остальные 34 места распределялись так: 16 предпринимателей и купцов, 8 офицеров, 7 зажиточных крестьян, рабочих, солдат и служащий.³

В г. Иртышке Павлодарского уезда исполнительный комитет образовался 8 марта из 12 человек. Среди них 2 служащих, 1 купец, 1 рабочий, 8 зажиточных крестьян.⁴

Примерно аналогичным можно назвать состав Уральского исполнительного комитета, во главе которого оказался служащий М. Романовский, секретарем — хорунжий Домашнев.

«Бюллетень Семипалатинского областного исполнительного комитета» 9 марта 1917 г. сообщал об организации уездных исполкомов — местных органов Временного правительства в Зайсане, Павлодаре, Кокпектах. В отдельных городах (Уральск, Верный, Акмола, Семипалатинск, Аулие-Ата) появились первые киргизские (казахские) и мусульманские комитеты. Инициаторами их организации выступали лидеры либерально-демократической казахской интеллигенции во главе с А.Н. Букейхановым. А.Н. Букейханов имел тесные личные связи с членами Временного правительства. Сразу же после победы Февральской революции находившиеся в Минске для выяснения судеб тыловых рабо-

чих посланцы казахской общественности (15 человек) обратились к своим единомышленникам в Казахстане. Это обращение, подписанное А. Букейхановым, М. Дулатовым, М. Есболовым, Н. Тюркуловым, Т. Жаманмурыновым и др.,⁵ было направлено на имя М. Тынышпаева (г. Черняев), А. Турлыбаева (г. Омск), А. Сатбаева (г. Павлодар), Р. Марсекова и Т. Ибрагимова (г. Семипалатинск), С. Жылкайдарова (г. Атбасар), Х. Досмухамедова (г. Уильск), Т. Шонанова (г. Иргиз), К. Кожыкова (г. Андижан), братьев Турысбековых (г. Капал), Б. Каралдина, О. Алмасова (г. Тургай) и других (всего по 25 адресам). В данном обращении, в частности, говорилось:

«К казахам, свободным гражданам обновляемой России!

Взошло солнце свободы, равенства и братства для всех народов России. Необходимо казахам организовать для поддержания нового строя и нового правительства. Нужно работать в контакте со всеми национальностями, поддерживающими новый строй.

Казахи должны подготовиться к Учредительному собранию и наметить достойных кандидатов. Призываем Вас бросить старые казахские споры и домашние дразги, лозунг народа — единение и справедливость!

Спешно обсудите аграрный вопрос. Наш лозунг — «демократическая республика» и земля тому, кто извлекает доход из нее скотоводством и земледелием! Никого не бойтесь, кроме Бога!

Действуйте справедливо, поддержите новое правительство. Окажите помощь уполномоченному министерством по продовольственному делу и нашим рабочим на фронте. Сообщите мнение народа...».⁶

Нетрудно заметить, что обращение содержало целевые установки по трем основным направлениям деятельности:

- ведущее место в политике должны занять общероссийские проблемы и в первую очередь — вопрос о власти и будущем устройстве страны. (Поддержка нового правительства, лозунг — «демократическая республика»);
- необходима срочная постановка в повестку дня комплекса аграрных проблем с учетом интересов оседлого и кочевого населения;
- требуется тщательная подготовка к выборам в Учредительное собрание, сплочение народа под лозунгами единения, преодоление былой покорности и забитости. («Никого не бойтесь...»).

На местах развернулась довольно активная работа по созданию сети казахских и мусульманских народных комитетов. В течение марта — первой половины апреля они охватили практически всю территорию Казахстана и начали проводить съезды, где рассматривались документы, расшифровывавшие вышеназванные рекомендации 15 казахских деятелей.

Казахские комитеты представляли из себя общественные организации демократического направления, пытавшиеся в системе Временного правительства выдвигать и отстаивать насущные общенациональные интересы народа.*

* Об организации и конкретной деятельности казахских комитетов более подробно см.: *Нурпейсов К.* Алаш һәм Алашорда..., 92–114 бб.

Часть авторов «Обращения» вскоре прибыла в Петроград на совещание мусульман, созванное членом Государственной Думы И.А. Ахтямовым. От Казахстана там присутствовали Н. Курбангалиев, А.Н. Букейханов, А. Кенжин, Дж. Сейдалин, М. Дулатов и М. Боштаев. После обмена мнениями было признано необходимым создать координирующий орган мусульман — Центральное мусульманское бюро и созвать Всероссийский съезд мусульман.⁷

Большинство участников совещания почти сразу же отправилось в родные края для ведения агитационно-разъяснительной работы. В Петрограде задержался А.Н. Букейханов, как делегат VII съезда конституционно-демократической партии (25–28 марта 1917 г.). Политическую линию этой партии определяли полная поддержка Временного правительства, «продолжение войны до полной и окончательной победы над врагом», решение аграрного и национального вопросов на платформе Учредительного собрания.

Сравнительная умеренность программы, которую предложил казахскому народу актив либерального национально-демократического движения, давние контакты лидера этого движения с верхами партии кадетов обеспечили избрание Букейханова в состав ЦК кадетской партии, а это в тех условиях сразу же открывало руководству национального движения необходимый доступ к рычагам власти, позволило проявить себя в новой обстановке. Вскоре А.Н. Букейханов был назначен правительственным комиссаром по Тургайской области, несколько позже М. Тынышпаев, а затем Мустафа Чокаев были введены в состав Туркестанского комитета Временного правительства. Жаханша Досмухамедов, Халел Габбасов, Жакып Акпаев, Асфендияр Кенжин, Азимхан Кенесарин и некоторые другие представители казахского народа вошли в состав исполнительных органов Временного правительства в различных уездах и городах Казахстана и Туркестана. Отсюда, в силу не только идеологической близости к кадетам, но и участия в реализации их политического курса, у лидеров казахского национального движения возникло негативное отношение к Советам, как оплоту иных идейно-политических понятий и действий. Однако, позднее это поставило национально-демократическое движение Казахстана в невероятно сложные условия, ибо оно сразу же невольно дистанцировалось от революционно-демократических кругов, сплотившихся вокруг Советов, более того, в определенной степени противопоставлялось им.

Верной опорой Временного правительства в областях и уездах Казахстана были так называемые казачьи комитеты, татарские и уйгурские купцы, владевшие крупными магазинами и другими торговыми предприятиями во многих городах Казахстана.

Второй властью в стране, в том числе в Казахстане, были Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, состоявшие главным образом из представителей русского и других славянских народов и представлявшие собой, по определению В.И. Ленина, революционно-демократическую диктатуру рабочих и крестьян, которая опиралась не на закон, изданный центральной государственной властью, а на революционный захват, на непосредственный почин народных масс снизу.⁸

Процесс возникновения и характер деятельности Советов Казахстана рассматриваемого периода во многом были аналогичны тем явлениям, которые происходили в центре страны. Вместе с тем этот процесс имел и немало своих специфических особенностей. Создание первых Советов в Казахстане, хотя и началось сразу после свержения монархии, протекало в различных регионах края не одинаково как во времени, так по соотношению политических сил, участвовавших в нем.

Так, в Петропавловске первоначальное создание Советов взяли на себя среди рабочих члены восстановленной в декабре 1916 г. организации РСДРП, в гарнизоне — представители Западно-Сибирского военно-социалистического союза. В течение 2—4 марта состоялись выборы в Совет рабочих и в Совет солдатских депутатов. 14 марта произошло их объединение. С определенной задержкой Советы были созданы в Семипалатинске и Верном (9 марта), Кустанае (18 марта), Туркестане (22 марта), Павлодаре (19 апреля).

В марте—апреле Советы рабочих депутатов возникли в Аулие-Ате, Перовске, Доссоре, Казалинске, Черняево, Актюбинске, Павлодаре, Усть-Каменогорске, Риддере, Каркаралинске и во многих других городах края.

Что касается Уральска, то там в состав исполнительного комитета вошли как представители Государственной Думы, Уральского казачьего войска, так и рабочих, солдат и офицеров гарнизона, а также казахской общественности. В середине марта этот исполком насчитывал 200 человек. В нем функции Совета рабочих депутатов выполняла рабочая группа, а дела Совета солдатских депутатов вел военный комитет исполкома.

Кроме Черняево (Чимкента), где председателем Совета стал большевик А.Н. Морозов, и Петропавловска, где Совет возглавил руководитель местной организации РСДРП А.М. Поволоцкий (меньшевик-интернационалист), почти во всех остальных Советах Казахстана председателями стали члены партии социалистов-революционеров. В Семипалатинске — Л.С. Юдин, эсер с 1902 г., т.е. со времени основания этой партии, в Верном — Домашев, в Казалинске — Н. Эйдельман.

Одновременно с Советами рабочих депутатов повсеместно стали создаваться Советы солдатских депутатов. 4 марта 1917 г. солдаты местного гарнизона Кокчетава обезоружили полицию и вместе с казачьей сотней избрали исполком солдатских и казачьих депутатов. 16 апреля 1917 г. в г. Зайсане (Семипалатинская область) солдатами местного гарнизона был организован Совет солдатских депутатов, который приветствовал Петроградский Совет солдатских депутатов и просил его прислать свои указания и программу работы. 17 марта был сформирован Комитет солдатских и офицерских депутатов Аулие-Атинского гарнизона и избран президиум комитета.

Процесс создания Советов рабочих и солдатских депутатов в Казахстане завершился в основном в апреле—мае 1917 г.

Советы рабочих и солдатских депутатов Казахстана установили довольно тесную связь между собой, а также с Петроградским Советом, с Советами Ташкента, Оренбурга, Омска, Саратова, Астрахани, а

также других городов, являвшихся административными центрами отдельных областей Казахстана или имевших традиционные политико-экономические связи с многими городами края.

В период формирования местных органов Временного правительства и организации широкой сети Советов (март — начало апреля) между ними существовало определенное взаимопонимание, установилось непрочное согласие, имевшее тенденцию к укреплению.

Исполкомы и Советы вели совместную работу по разрушению системы царской администрации, освобождали из мест ссылки политических заключенных, рассматривали и решали неотложные вопросы социального плана, снабжения городов, сбора налогов, предпринимали меры по возвращению из Китая беженцев — участников восстания 1916 г. У ряда деятелей подобное взаимопонимание Советов и исполкомов вызывало радужное настроение. В газете «Гурьевский вестник» в начале апреля появилось воззвание Доссорского исполкома: «Весь мир увидел организованность, стойкость, единение народов и классов России... Победоносное окончание войны не за горами...».⁹ Однако, в тот самый день, когда редактор газеты В. Старцев отдавал в набор упомянутое воззвание, в Петрограде лидер большевиков В.И. Ленин, только что вернувшийся из своей десятилетней эмиграции, заявил: «В России нет и не было никогда единения классов, налицо элементарный обман народа буржуазией. Лозунги должны быть иные: «Никакой поддержки Временному правительству, ... республика Советов рабочих, батрацких и крестьянских депутатов по всей стране снизу доверху... Конфискация всех помещичьих земель. Национализация всех земель в стране».¹⁰ Вскоре на апрельской (VII) конференции большевиков эти положения были дополнены требованием: «За всеми нациями, входящими в состав России, должно быть признано право на свободное отделение и на образование самостоятельного государства».¹¹

Лидер большевиков наметил курс своей партии «на перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую», определив лозунгом нового курса революции призыв «Вся власть Советам!», осуществление которого должно было привести к ликвидации двоевластия и установление единовластия Советов. Лозунг В.И. Ленина упал на благодатную почву, так как трудности, порожденные войной, — голод, дороговизна, всеобщая разруха, усиление социального и национального гнета — все нарастали.

За или против правительства, за или против Советов. Так, по существу, был поставлен вопрос. И он разделил всю страну, а вместе с ней и Казахстан, на три основные политические лагеря — правый, центр, левый. Если до 1917 г. каждый из этих лагерей соответствовал понятиям монархиста (правый), либерала (центр), социалиста (левый), то теперь произошла существенная передвижка. Внешне, сойдя с политической арены, монархисты примкнули к либералам, которые, хотя и остались в основном на своих идейных позициях, но превратились ходом событий в правый спектр политических движений. Среди социалистов произошел раскол: наиболее умеренные элементы, находившиеся у руля многих Со-

ветов и наладившие тесное сотрудничество с либеральными партиями, в первую очередь с кадетами, составили центр. Их программные документы, где часто говорилось о национализации земли, передаче помещичьих земель крестьянам, социализации (т.е. обобществлении) фабрик, заводов, банков, городского хозяйства, защите людей труда, тянули упомянутых социалистов влево к Ленину, большевикам. Дела же практические — блоки Советов и Временного правительства, стремление освоить хотя бы достигнутое (политические свободы, участие во властных структурах) — диктовали союз с либералами.

На левом фланге оказались партия большевиков, левые эсеры и небольшая часть левых меньшевиков (интернационалисты). К ним примыкали также анархисты и левые элементы национально-демократического направления.

Политический спектр в Казахстане отличался заметным своеобразием в силу особенностей многонационального состава. Здесь правый фланг, равно как и центр, были весьма подвижны и зачастую сливались. На правом фланге находилась местная администрация Временного правительства — руководство исполкомов, областные и уездные комиссары. Их политической опорой выступали организации и группы партий кадетов, народных социалистов, казахские национальные комитеты, верхи уральского, оренбургского, сибирского и семиреченского казачества, комитеты партии «Шуро-и-ислами» (Аулие-Ата, Черняево, Туркестан, Казалинск, Перовск), последние нередко занимали центристскую политику, блокируясь с эсерами.

Внушительным выглядел всю весну и лето казахстанский центр. В нем доминировали эсеры, прибравшие к своим рукам все Советы, кроме Черняевского. Что касается меньшевиков, то они особой активности не проявляли, их основное внимание было отвлечено на борьбу с большевиками в объединенных организациях РСДРП. Левый фланг первые месяцы после февральской победы был очень слабым. Большевики контролировали лишь Чимкентский совет рабочих депутатов, были представлены одиночными депутатами в Советах Петропавловска, Перовска, Казалинска. После публикаций в печати ленинских Апрельских тезисов, определивших линию конфронтации с Временным правительством, и с резкой критикой действий революционной демократии за ее союз с либералами, как правый фланг, так и центр буквально обрушились на большевиков.

Эсеры Петропавловска 27 июня на заседании городского Совета инициировали принятие резолюции, в которой деятельность Ленина и его соратников оценивалась «крайне вредной и недопустимой». Они выразили протест «против выступления Ленина вообще и против ожидаемой его поездки в центры Сибири в частности».¹² Большевистская агитация была объявлена «недопустимой» верхами Актюбинского Совета, которые добились исключения из состава депутатов большевика В.Ф. Зинченко.

В наиболее противоречивом положении оказалось казахское национально-демократическое движение. В апреле—мае 1917 г. по всему Казахстану проводились областные и уездные съезды, где были намечены

проблемы, которые надлежало вынести на общенародное обсуждение.¹³ На съезде казахских организаций Акмолинской области 150 делегатов под руководством А. Турлыбаева, Е. Итбаева и М. Дулатова сосредоточили внимание на вопросах народного образования, финансов, религии, женском, деятельности земств. В Семипалатинске дело подготовки и проведения съезда взяли в свои руки Ж. Акпаев, А. Ермаков, Х. Габбасов, Р. Марсеков. Большой резонанс и в городе, и в области, и даже в Западной Сибири вообще вызвало выступление Н.С.Кульджановой, которая остро поставила вопрос о судьбе женщины в казахском обществе. Все съезды заявили о поддержке Временного правительства и продолжении войны «до победного конца». В Уральске, Оренбурге, Актюбинске, Ташкенте делегаты повели речь о тщательной разработке аграрной программы, решении национального вопроса. Но их союзники из правящей партии (кадеты), а также приблизившиеся к власти социалисты-революционеры к национальным чаяниям казахского народа оказались глухи. Комиссар Временного правительства в Уральской области Т. Бизянов в своем воззвании к населению заявил, что любая попытка тружеников аула вернуть себе то, что было у них отобрано самодержавием, встретит отпор. «Что касается прав казаков на землю и принадлежности этих земель, как то реки, озера, леса и пр., то Временное правительство подтверждает, что права эти, сложившись исторически, остаются неприкосновенными».¹⁴

Холодом повеяло и от документов Туркестанского краевого съезда партии эсеров. По вопросу об автономии для коренного населения региона делегаты приняли резолюцию, в которой отметили: население края отстало в культурно-экономическом развитии. Царизм тормозил любые прогрессивные начинания. Военное управление Туркестаном душило малейшие стремления к переменам. Народы региона почти не имеют своей национальной интеллигенции. «Посему, съезд находит необходимым предоставить краю автономную самостоятельную и широкую сеть органов земского и городского управления».¹⁵ А все остальное должно принадлежать России. А это — политика, экономика, финансы, военное дело, полиция, суд и т.д. Проигнорировала национальные чаяния казахского народа и конференция эсеров Западной Сибири.¹⁶

В целом, как Временное правительство, так и его местные органы оставались глухими к насущным проблемам казахского народа.

2. ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ КАЗАХСТАНА И ДВИЖЕНИЕ АЛАШ. ПЕРВЫЙ ОБЩЕКАЗАХСКИЙ СЪЕЗД И ЕГО РЕШЕНИЯ

Реалии жизни, однако, настойчиво напоминали о себе. Аул менялся стремительно. Влияла общая политическая атмосфера, свою ошутимую струю принесли 150 тыс. вернувшихся домой участников тыловых работ, массовое возвращение которых в родные места приходится на конец весны и начало лета 1917 г. Они во многом способствовали

оживлению политической жизни в казахском ауле. Определенная часть рабочих-тыловиков прошла в центре страны и в прифронтовой зоне известную школу политической борьбы, действовала напористо и жестко.

Один из участников тыловых работ в Центральной России, выходец из Акмолинской области Е. Бекмухамедов вспоминал, как он познакомился на тыловых работах в прифронтовой полосе с большевиками. «По вечерам, — рассказывал он, — у нас возникали оживленные беседы о Советской власти, о будущей жизни, некоторые готовились вступить в ряды большевистской партии. Многие казахские рабочие, не дожидаясь разрешения начальства, уезжали на Родину».¹⁷ В числе их был и автор воспоминаний, вступивший в 1920 г. в ряды Коммунистической партии.

Другой участник тыловых работ Жусуп Бабаев, возвратившийся в Семиречье из района Каменец-Подольска в начале лета 1917 г., писал следующее: «Мы принесли в аулы ненависть к Временному правительству... и сознание необходимости самостоятельной организации бедноты и батрачества. Мы принесли с собой вести о... борьбе русского пролетариата за власть Советов».¹⁸

Только в конце мая — начале июня 1917 г. через Омск вверх по Иртышу в Восточный Казахстан отправились более 300 участников тыловых работ.¹⁹ Многие везли не только вести о революции в России, литературу о ней, но и оружие. Так, 5 июня 1917 г. в Омске при посадке на пароход «Нор-Зайсан» у казахов-тыловиков было конфисковано оружие. В районе с. Ермак Павлодарского уезда у тыловиков на одном пароходе отобрано около 100 винтовок. Как сообщала пресса того времени, казахи-тыловики «сухопутьем везут в степь пулемет». В начале июня 1917 г. через Павлодар на пароходе «Петроград» проехали участники тыловых работ, у которых были с собой винтовки, шашки и боеприпасы.²⁰

Так было и в других районах края. 26 июня 1917 г. командующий Туркестанским военным округом отдал приказ всем гарнизонным железнодорожным комитетам станций Казалинск, Перовск, Туркестан Ташкентской железной дороги «производить тщательный осмотр эшелонов туземных рабочих (т.е. тыловиков — *авт.*), отбирая у них как огнестрельное, так и холодное оружие... Военным контролерам и военному конвою, сопровождавшим пассажирские поезда, обратить особое внимание на багаж туземцев, следующих с работ фронта одиночным порядком».²¹

Определенная часть участников тыловых работ в дальнейшем стала проводником идей большевиков среди казахских трудящихся, активными членами местных Советов рабочих и крестьянских депутатов, инициаторами создания массовых организаций трудящихся, близких к Советам. По приезду в свои аулы и города они пополняли ряды сил, оппозиционно настроенных против Временного правительства и его местных органов. 14 июня 1917 г. акмолинский уездный комиссар Временного правительства доносил в областной центр Омск о том, что казахи, вернувшиеся с тыловых работ, антиправительственной агитацией устраивают казахское население против Временного правительства, а в

телеграмме исполняющего обязанности астраханского губернского комиссара Временного правительства министру внутренних дел сообщалось о выступлении возвратившихся с тыловых работ казахов Букеевской Орды против местных органов Временного правительства.²²

Весной и летом 1917 г. среди казахских трудящихся возникли организации, объединившие участников тыловых работ, союзы чернорабочих и революционно-демократические молодежные организации, призывавшие к Советам: «Объединенный союз мусульманских рабочих города Верного» («Союз чернорабочих»), «Рабочий союз» в Жаркенте, «союзы мусульманских трудящихся», созданные в южных областях Казахстана, входящих в Туркестанский край.

В организации и укреплении «Союза чернорабочих» и постепенном его превращении в опору большевиков среди коренного населения Семиречья большую роль сыграли А. Розыбакиев, Ж. Бабаев, Х. Фариденов и др. Верненский «Союз чернорабочих» противостоял т.н. «Курултаю» — городскому комитету мусульманских купцов и предпринимателей. К концу июня 1917 г. «Союз» насчитывал в своих рядах около 600 рабочих казахов, уйгуров и татар. Как свидетельствовал А. Розыбакиев, в «Союз» вошли все кузнецы, большинство рабочих кирпичных заводов, мелких предприятий, ремесленники, кустари, служащие. Отделения «Союза» были организованы в Чилике, Малыбае, Лаваре и в ряде других населенных пунктов Верненского уезда.²³

«Союз» вел успешную пропаганду идей объединения трудящихся с целью отстаивания своих интересов и разоблачал антинародную деятельность официальных властей. Большим успехом среди населения пользовался сатирический журнал «Садак» («Стрелок»), который имел подписчиков во всех городах Семиречья и даже в некоторых аулах и кишлаках. В журнале сотрудничал У. Джандосов, перу которого принадлежали меткие карикатуры на местных руководителей и некоторых священнослужителей.

Ускорился процесс расширения профсоюзного движения в Казахстане. Еще в марте 1917 г. в Семипалатинске состоялось собрание горняков, признавшее необходимость организовать профсоюз. Решением собрания были созданы две комиссии — организационная и агитационно-пропагандистская. Организационной комиссии было поручено составить проект устава профсоюза. В апреле 1917 г. в Уральске был организован «профсоюз строителей и горнорабочих», а в Гурьеве (ныне Атырау) функционировал «профсоюз рабочих всех профессий». К лету 1917 г. в Семипалатинске 11 отраслевых профсоюзных организаций объединили 3000 рабочих.²⁴

Под воздействием происходивших в стране событий и крестьянские массы Казахстана стали активнее участвовать в политической жизни края. Ярким свидетельством этого явилась организация сети Советов крестьянских, казачьих и казахских депутатов летом 1917 г.

Еще в конце марта (30 марта 1917 г.) газета «Туркестанские ведомости», издававшаяся в Ташкенте, сообщала, что представители казахского населения Перовского уезда Сырдарьинской области постановили организовать Совет казахских депутатов из 35 человек с переда-

чей в его ведение всех вопросов внутренней жизни уезда «в просветительном, административном, хозяйственном, земельном и водном отношениях». Председателем совета был избран Х. Ибрагимов.

По свидетельству Мустафы Чокаева, который в апреле 1917 г. прибыл в Перовск (Акмечеть) из Петербурга, в то время в г. Акмечети (ныне Кызыл-орда) совет казахских депутатов во главе с Х. Ибрагимовым не являлся единственной общественно-политической организацией. Наряду с ним, пишет в своих воспоминаниях о событии 1917 г. Мустафа Чокай, в городе функционировали «Акмечетский (Перовский) районный национальный совет», возглавляемый Ералы Касымовым и «Акмечетский (Перовский) районный совет народных представителей» во главе с Сералы Лапиным.

М. Чокаев.

Как свидетельствует М. Чокаев, совет, возглавляемый Х. Ибрагимовым, находился под влиянием местного (Перовского) городского Совета рабочих и солдатских депутатов, «совет» во главе с Е. Касымовым стремился ставить и решать общенациональные вопросы, не разделяя казахское общество на бедных и богатых, а программа «Акмечетенского районного совета народных представителей», возглавляемого С. Лапиным, была слишком расплывчатой и непонятной народу.²⁵

Оживилась политическая жизнь в центре Туркестанского края и Сырдарьинской области г. Ташкенте. В противовес Ташкентскому Совету рабочих и солдатских депутатов, состоявшем целиком из «европейцев» и не интересовавшемся жизнью местного («мусульманского») населения, были образованы две политические партии, пытавшиеся каждая по-своему отстаивать интересы коренного населения Туркестана. Первая из них была создана усилиями джадидского, т.е. национально-демократического, движения и называлась «Шуро-и-ислами» («Совет ислама»). Среди лидеров «Шуро-и-ислами» своей политической активностью отличались М. Карры, У. Ходжаев, М. Бехбуди и другие лидеры джадидов Туркестана.²⁶ В работу «Шуро-и-ислами» подключился и М. Чокаев после возвращения из Петрограда в Туркестан в апреле 1917 г. «Шуро-и-исламы» в целом поддерживали политику Временного правительства и стояли за демократический путь развития Туркестана. Партия «Шуро-и-ислами» имела свои организации и группы в ряде городов не только Сырдарьинской области, но и Семиречья.

Как подчеркивает узбекский исследователь С. Агзамходжаев, образование «Шуро-и-ислами» стало важным событием в политической жизни Туркестана (стало быть, и южных областей Казахстана — *авт.*), ибо по мере развития этой партии «была прервана наметившаяся тенденция установления в Туркестане двоевластия, подобного российскому. На политической арене Туркестана налицо было троевластие»²⁷: Советы, местные органы Временного правительства и партия «Шуро-и-ислами», заявившая себя представительным органом местного («мусульманского») населения.

Другой партией явилась организация, именовавшая себя «Шуро-и-улема» («Совет духовенства»), созданная консервативным крылом мусульман края во главе с Сералы Лапиным и его сторонниками в результате выхода из «Шуро-и-ислами» в июне 1917 г. Эта слабая и малочисленная организация практически не оказывала существенного влияния на жителей Южного Казахстана.

Если относительно Туркестана можно было говорить о «троевластии», то в условиях собственно Казахстана того времени можно было бы сказать о наличии «многовластия». Здесь к вышеназванным трем компонентам «троевластия» можно было бы добавить наличие реальной власти Уральского, Оренбургского и Семиреченского казахских правительств над жителями казахских станиц, расположенных на территории Западного, Северного Казахстана и Семиречья, а также стремление областных казахских комитетов и организованной А. Букейхановым и его сподвижниками общенациональной партии «Алаш» к установлению контроля над казахским населением края.

Все это свидетельствовало о сложности политической жизни края и о наличии множества организаций, претендовавших наряду с органами Временного правительства и Советами рабочих и солдатских депутатов на руководство общественно-политической жизнью края. К ним относятся и Советы крестьянских депутатов, которые, как правило, избирались на областных и уездных съездах, состоявшихся весной — в начале лета 1917 г. Так были созданы Уральский, Акмолинский, Актюбинский, Павлодарский, Семипалатинский областные Советы крестьянских и казахских депутатов, Усть-Каменогорский уездный съезд крестьянских и казахских депутатов и другие Советы. На первых порах их доверие к Временному правительству было настолько сильно, что почти все крестьянские съезды, проходившие в это период, принимали решение о поддержке Временного правительства, о продолжении войны «до победного конца» и т.п.

Втягивалась в политику и молодежь: как грибы возникали казахские юношеские организации и кружки, объединившие в своих рядах учащуюся молодежь и аульных учителей (мугалимов). Практически сразу же после Февральской революции более чем в 20 городах и крупных населенных пунктах Казахстана возникли под различными названиями молодежные организации. К ним относятся «Совет демократической молодежи» в Омске, «Жас казак» («Молодой казах») в Акмолинске, «Жас жүрек» («Молодое сердце») на Спасском заводе, «Талап» («Стремление») в Петропавловске, «Жанар» («Свет») в Семипалатинске, «Революционный союз казахской молодежи» в с. Мерке Аулие-Атинского уезда.

Вначале большинство организаций молодежи ставило перед собой культурно-просветительские задачи. А затем, в процессе поляризации общественно-политических движений, они вплотную подошли к постановке и решению задач политического, социального и классового значения. Так, акмолинская молодежная организация «Жас казак» требовала не допускать бывших волостных управителей к власти, призывала к активности казахское население, предлагала объединить свои

действия с большевиками. По свидетельству председателя правления этой организации Сакена Сейфуллина, в ее уставе, в частности, говорилось: «...организация «Молодой казах» считает революционную партию самой верной партией в России и выступает рука об руку с ней».²⁸

В руководящее ядро организации «Жас казак» кроме С. Сейфуллина входили А. Асылбеков, Б. Серикбаев, Е. Бекмухамедов, Ж. Нуркин и другие, ставшие впоследствии членами Коммунистической партии и активными участниками борьбы за Советскую власть. В момент организации в ряды «Жас казак» записалось около 50 человек, затем это число стало постепенно увеличиваться.

«Революционный союз казахской молодежи», созданный Т. Рыскуловым, включал в свои ряды представителей радикально настроенной казахской и киргизской молодежи — всего около 30 человек (К. Сарымолдаев, И. Асимов, Т. Токбаев, С. Абланов и др.). Союз был тесно связан с аулие-атинскими большевиками С.К. Хмелевским, Н.И. Чернышевым, С.А. Федоровым-Заводским. Под их влиянием члены «Революционного союза казахской молодежи» вели агитационно-пропагандистскую работу среди казахского и киргизского населения уезда. Из рядов этой молодежной организации вышли такие видные деятели Советского Казахстана и Туркестана, как Турар Рыскулов и Кабылбек Сарымолдаев.

По мере обострения политической ситуации одни молодежные организации примкнули к Советам, руководимым большевиками, а другие по существу стали молодежными филиалами национально-демократической партии «Алаш».

В период после падения анархии лидеры Алаш стали широко пропагандировать идеи свободы и единения казахского народа во имя идеалов будущего. Вместе с тем призывали народ к восстановлению своей государственности. Через газету «Казак» они разъясняли принципы государственного управления, приемлемые для казахов. 11 июня 1917 года вышла статья «Шорай ислам», под которой подписались лидеры Алаш А. Байтурсынов, А. Букейханов, Ж. Жанибеков, М. Дулатов, С. Кадирбаев, Е. Гумаров, И. Алимбеков, Н. Бегиметов. Они поднимали вопросы, связанные с реализацией задач, выдвинутых на всемусульманском съезде в Москве.²⁹

В начале июля 1917 г. в центре страны резко изменилась политическая ситуация: антиправительственная демонстрация трудящихся, солдат и матросов, организованная большевиками 4–5 июля в Петрограде, была разогнана Временным правительством с применением оружия. Возникла прямая угроза гражданской войны с перспективой разгрома руководства левого, радикального, крыла политических сил России — питерских большевиков. 7 июля был издан приказ об аресте В.И. Ленина, начались гонения на большевиков на фронте и в тылу. 11 июля 1917 г. Центральный Исполнительный Комитет Советов, состоявший из членов различных партий, заявил о предоставлении Временному правительству неограниченных полномочий, закрепив этим законодательное оформление ликвидации двоевластия.

В этих условиях лидеры казахского национально-демократического движения, учитывая быстро меняющуюся ситуацию и ускоренную поляризацию политических сил, принимают решение форсировать проведение общекзахского съезда. Это объяснялось и тем, что Временное правительство, руководимое главным образом кадетами, продолжая по существу политику царского самодержавия в Казахстане, не могло решить национальный вопрос и не стремилось к решению аграрного вопроса. Что касалось проблемы самоопределения или автономии казахов, как и других угнетенных народов, оно (Временное правительство) даже не пыталось ее решать. Против автономии Казахстана и Туркестана выступало и «второе правительство» в России — Петроградский Совет. Как свидетельствует Мустафа Чокаев, перед отъездом из Петербурга на родину в апреле 1917 г. он зашел попрощаться к Н.С. Чхеидзе, председателю Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, который контролировал по существу деятельность Временного правительства. «В ходе беседы, — вспоминал М. Чокаев, на вопрос Н.С. Чхеидзе: «С чего вы начнете работу в Туркестане?», — я ответил, что мы будем добиваться автономии Туркестана. Чхеидзе, испугавшись моего ответа, сказал: «Ради бога, тов. Чокаев, среди своих земляков не заводите разговора об автономии. Во-первых, сейчас рано об этом говорить. Во-вторых, предоставить автономию такой стране, как Туркестан, или другой подобной стране практически означает получение ею независимости и отделение (от России — *авт.*)».³⁰

Все это послужило причиной того, что в газете «Казак» А. Букейханов, лидер национально-демократической интеллигенции, публично заявил о своем выходе из партии кадетов и намерении организовать казахскую общенациональную партию. При этом подчеркивал три момента: «Партия кадетов стоит за передачу земли в частную собственность. Передача земли в частные руки в наших условиях приведет к тому, что через некоторое время, как это случилось в Башкирии, участки земли перейдут к соседнему мужику, а казахи превратятся в нищих. Партия кадетов выступает против национальной автономии. Мы, подняв знамя Алаш, стремимся образовать национальную автономию... Партия кадетов выступает против отделения церкви от государства, а я поддерживаю отделение церкви от государства. Разногласия по этим позициям... отчетливо выявились. Поэтому я решил выйти из партии кадетов и организовать партию «Алаш».³¹

В условиях стремительно развивавшегося революционного процесса после победы Февральской революции 1917 года лидеры прокадетски настроенных казахских интеллигентов, группировавшихся вокруг Алихана Букейханова, решили осуществить свои планы по созданию национальной казахской партии. Провозглашенные буржуазно-демократические свободы они стремились использовать для консолидации сил национальной интеллигенции, отражавшей интересы различных, в первую очередь привилегированных, слоев казахского общества.

К тому же они не скрывали своей идейной близости к главной партии российской буржуазии — кадетам, что выразилось в поддержке

Временного правительства, особенно в первые месяцы после его прихода к власти.

Однако, как показали дальнейшие события, Временное правительство в Казахстане в своей практической деятельности фактически продолжало политику царского самодержавия. Из-за своей империалистической сущности оно не могло решить национальный вопрос в подлинно демократическом смысле и не стремилось к решению аграрного вопроса. Вопрос о самоопределении или автономии казахов, как и других угнетенных народов, оно даже не пыталось ставить. Это и послужило причиной того, что в газете «Казак» А. Букейханов публично заявил о своем выходе из партии кадетов.³²

В этих условиях лидеры казахского либерально-демократического движения, учитывая быстро меняющуюся ситуацию и ускоренный процесс поляризации политических сил, принимают решение ускорить проведение общекзахского съезда.

Первый всеказахский съезд, в котором участвовали представители почти всех областей Казахстана, состоялся в г. Оренбурге 21–26 июля 1917 г. На повестке дня было 14 вопросов: система государственного управления, автономия казахских областей, земельный вопрос, организация народной милиции, земство, народное образование, суд, духовно-религиозные вопросы, женский вопрос, созыв Учредительного собрания и подготовка к его выборам в казахских областях, все-российский мусульманский съезд, образование казахской политической партии, события в Семиреченской области, участие казахов во Всероссийском федеративном совете в Киеве и в работе комиссии по народному образованию в Петрограде. Главное внимание делегаты уделили проблемам национальной автономии, земельной, подготовке к выборам в Учредительное собрание, созданию национальной политической партии. По мнению М. Кул-Мухаммеда, приоритетными на съезде были две позиции. Первой была идея «построения независимой автономии» А. Байтурсынова и М. Дулатова. Вторым было предложение А. Букейханова и Ж. Акпаева «о создании регионально-национальной автономии».³³

Еще за месяц до начала съезда на страницах газеты «Казак» была опубликована серия статей, в которых высказывались различные точки зрения по названным выше вопросам, в первую очередь, по вопросу автономии. В номере за 24 июня газета писала: «Если совершенно ясно, что автономия необходима, то какая форма будет наиболее удобной для казахов — государственная автономия или федеративная автономия? Если мы придем к форме региональной автономии, то что будет ее базисом — территория или особенности культуры или особенности национальности? Смогут ли казахи претендовать на независимость или добьются ее в союзе с другими народами?».

А. Байтурсынов и М. Дулатов высказывались за создание «независимого автономного государства». А. Букейханов отдал предпочтение казахской национально-территориальной автономии «в демократической, федеративной и парламентской Российской республике». Эту точку зре-

ния поддержало большинство. «Казахские области, — говорила в резолюции съезда, — должны получить... территориально-национальную автономию». ³⁴

Центральным пунктом в работе съезда был земельный вопрос. Основные положения резолюции съезда по данному вопросу сводились к следующему: изъятие земель казахского общества прекращаются; вся конфискованная земля, а также нераспределенные участки переселенческих управлений возвращаются казахским общинам в традиционное использование; иммиграция в Степь прекращается на основе введения ценза и т.д. ³⁵

Съезд рекомендовал будущим депутатам Учредительного собрания рассмотреть возможность каких-либо соглашений по аграрному вопросу с различными политическими партиями страны.

Съезд обсудил вопрос о подготовке к Учредительному собранию, в список кандидатов в его депутаты был внесен 81 человек — представители всех регионов Казахстана, а также казахских общин Бухары, Хивы и Ферганы. Среди них были руководители газеты «Казак», лидеры национально-демократического движения А. Букейханов, А. Байтурсынов, представители отдельных регионов — А. Ермеков, Ж. Акпаев, Х. Габбасов (Семипалатинск), Ж. Досмухамедов и Х. Досмухамедов (Западный Казахстан), М. Чокаев, С.Т. Асфендияров, А. Кенесарин (Туркестанский край), М. Дулатов, А. Биримжанов, С. Кадырбаев (Тургай), М. Тынышпаев, И.Т. Жайнаков, С. Аманжолов (Семиречье), Б. Кулманов, У. Танашев (Букеевская Орда), Н. Тюрякулов, Г. Оразаев, К. Кожыков (Фергана). Среди кандидатов были С. Сейфуллин, М. Жумабаев, а также двое русских — ученый Г. Потанин и политический деятель В. Чайкин. Выдвинутые съездом кандидаты в депутаты Учредительного собрания представляли собой не только все регионы Казахстана, но и все социальные слои казахского общества безотносительно того, каких политических взглядов они придерживались, а выдвижение двух представителей русского народа выражало веру делегатов Первого всеказахского съезда, что в случае избрания их депутатами Госдумы они будут защищать не только интересы русского населения, но и коренного народа края — казахов.

На решения съезда оказала сильное влияние казахская интеллигенция, объединившаяся вокруг газеты «Казак». Благодаря этому в известной мере сужались возможности влияния мусульманского духовенства на казахское население: устранялись клерикальные суды, на смену им должны были вводиться правовые структуры; женщины должны были обладать равным с мужчинами правами; запрещался калым. Образование должно было стать бесплатным и подчиняющимся гражданским властям. При этом подчеркивалось, что получение начального образования должно было быть обязательным, преподавание в первые два года должно было вестись на родном языке. ³⁶

Ж. Акпаев.

Вместе с тем съезд, рассматривая духовно-религиозные вопросы, решил, что «киргизы (казахи) Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской и Закаспийской (Мангышлакский уезд) областей временно присоединяются к Оренбургскому муфтиату».

Первый всеказахский съезд, по существу, конституировался в казахскую национальную политическую партию «Алаш». В его решении говорилось: «Признавая образование казахской политической партии необходимым, съезд поручает избранным в «Шуро-и-ислам» (т.е. во Всероссийский мусульманский совет — *авт.*) представителям от казахов* выработать программу этой партии. В основе политической программы партии должно быть требование (создания в России — *авт.*) демократической федеративной парламентской республики».³⁷

Признанным лидером национально-демократической партии «Алаш» стал Алихан Букейханов. В партию вошли видные представители научной и творческой интеллигенции, а также отдельные представители учительства, средних и мелких служащих госучреждений. Среди них были А. Байтурсынов, М. Дулатов, Ш. Кудайбердиев, М. Тынышпаев, И. Жайнаков, А. Ермеков, Ж. Досмухамедов, Х. Досмухамедов, Г. Карашев, С. Торайгыров, Ж. Акпаев, О. Альжанов, С. Аманжолов, Е. Омаров, С. Кадырбаев, М. Есболов, Б. Кулманов, Т. Ибрагимов, А. Турлыбаев и др.³⁸

Абсолютное большинство из них в условиях лета 1917 г. не восприняли социалистическую идеологию, программу борьбы большевиков, основанную на классовом принципе. Они считали, что казахское общество в целом не было готово к этому, поэтому руководство и члены партии «Алаш» объединились под программным лозунгом «Освобождение казахского народа из-под колониального ига!».

Тот факт, что съезд не стал анализировать июльские события в Петрограде, а решал главным образом проблемы политической жизни и будущего социально-экономического развития края, говорило о немалой мудрости его участников. Но среди пунктов повестки дня отсутствовал тот, где бы шла речь об отношении к Советам. А ведь они уже несколько месяцев (конец февраля — начало июля) были второй (и довольно мощной) властью в стране. Их влияние в разных местах Казахстана нарастало,

М. Тынышпаев.

Х. Досмухамедов.

* Делегатами на Всероссийский мусульманский съезд были избраны Айдархан Турлыбаев (Акмолинск), Абиkey Сатпаев (Семипалатинск), Альжан Байгарин (Тургай), Жаканша Досмухамедов (Уральск), Уалихан Танашев (Букеевская Орда), Базарбай Маметов (Семиречье), Мустафа Чокаев (Сырдарьинская область), Габдолрахим Оразев (Фергана) (См.: Нұрпейісов К. Алаш һәм Алашорда. 1995, с.119).

** Исследователям ныне по неполным данным известны имена около 350–400 членов партии «Алаш» и ее сторонников (см.: Нұрпейісов К. Указ. работа, с. 216–219).

А. Байтурсынов, А. Букейханов, М. Дулатов.

как ширилась и поддержка масс, в том числе тружеников аула. И игнорирование Советов, непонимание того, что они могут стать действенной альтернативной власти буржуазии или личной диктатуры, было потенциально опасно.

Осложнив политическую ситуацию, июльские события породили противоречивые тенденции в жизни страны. С одной стороны, стало утверждаться лидерство правых сил: они добились наступления, Советы были оттеснены на второй план, центр стал поддерживать правых, позиции большевиков оказались серьезно подорваны, их лидер, как было сказано выше, обвинен в измене, руководстве мятежом и т.д. В газете Акмолинского областного комитета партии кадетов была опубликована статья И. Топалева «За оградой истории», где давалась такая оценка происшедшему: «Да, «ленинизм» умер, изъят из русской политической жизни, похоронен за оградой истории».³⁸ Руководство Уральского казачьего войска провело на экстренном съезде выборных станиц решение: «Представителей от казачьих частей в Совете солдатских, рабочих и казачьих депутатов в гор. Уральске отозвать».³⁹ Это был очередной шаг по разрушению структур сети Советов.

По мере того, как до широких народных масс доходили вести о переходе всей полноты власти в руки Временного правительства после июльских событий в Петрограде, стали улетучиваться остатки прежнего доверия к правительству, нарастало безразличие, отчужденность и даже враждебность. Так, общее собрание Актюбинского гражданского комитета с участием 116 делегатов от различных организаций уезда постановило: «Считать высшей контрольной властью в Актюбинском уезде Совет крестьянских, казахских, солдатских и рабочих депутатов».⁴⁰

Указанная тенденция проявила себя и на выборах в городские думы. Результаты выборов оказались поистине плачевными для организации кадетов, игравших первую скрипку в составе центрального правитель-

ства страны и его местных органов, они не дали ожидаемых результатов и эсерам. В Петропавловске кадеты получили одно место, а социал-демократы — 12, в том числе 6 — большевики, другие 6 — меньшевики-интернационалисты. В Семипалатинске кадеты завоевали 4 места, организации РСДРП (объединенные) — 12. В Актюбинске им досталось 2 места. Аналогичная картина наблюдалась и в других местах края.⁴¹

Как показывает анализ исторических документов, победа Временного правительства и его союзников в июльские дни 1917 г. была шаткой, а отступление сил, объединенных и ведомых Советами рабочих, крестьянских и солдатских депутатов — временным. Об этом свидетельствует, в первую очередь, возрастание роли Советов в ряде районов (в основном — пролетарских) Казахстана и оживление деятельности большевиков среди различных слоев населения.

Наибольшую активность в защите интересов трудящихся в июльские дни проявили Советы рабочих депутатов и профсоюзные организации угольных копей Екибастуза, нефтедобывающих районов Западного Казахстана. Так, Совет рабочих депутатов и профсоюзный комитет отверг требование управляющего Урало-Каспийским нефтяным обществом о восстановлении на работе некоторых представителей администрации общества, уволенных Советом с занимаемых должностей еще в период двоевластия. В письме профсоюза служащих Урало-Каспийского нефтяного общества от 26 июля 1917 г. говорилось, что рабочие-нефтяники выступают не только против администрации промыслов, но и против существующего строя.⁴²

Прокурор Ташкентского окружного суда в докладной прокурору Ташкентской судебной палаты от 7 августа 1917 г. отмечал, что Советы Сырдарьинской области приобрели первенствующее значение в общественно-политической жизни, завоевали авторитет среди трудящихся масс. Они «проявляют большой интерес ко всем явлениям местной жизни, вникают во все стороны местного административного управления, городского хозяйства, активно принимают меры к ослаблению остроты продовольственного вопроса, регулируют забастовочное движение».⁴³

Усиление политической активности коренного населения Туркестана, в первую очередь рабочих-мусульман, как писал С.Ж. Асфендияров в статье «Совет мусульманских рабочих депутатов», привели к осознанию необходимости организации совета. «Впервые эта мысль зародилась у рабочих, побывавших на тыловых работах, как у наиболее сознательных и наиболее пострадавших во время войны, — подчеркивает С.Ж. Асфендияров. — Эти рабочие избрали организационное бюро из 16 лиц, которое под названием Совета мусульманских рабочих депутатов стало функционировать еще в середине мая (1917 г. — *авт.*). Деятельность бюро получила поддержку со стороны краевого совета солдатских и рабочих депутатов».⁴⁴ 15 июля 1917 г. общее собрание представителей мусульман Ташкента, на котором присутствовало и много рабочих-казахов, избрало Совет мусульманских рабочих депутатов и его исполнительный комитет. Председателем исполкома избрали С.Ж. Асфендиярова. Он открыто заявил: «В своей работе мы, без сомнения, будем идти рука

об руку с русскими демократическими организациями... являясь пионерами рабочего движения среди мусульман Туркестана, мы приступаем к нашей трудной задаче с глубокой верой в грядущее освобождение и укрепление нашего народа и приобщение его, как сознательных борцов, в ряды всемирной армии труда».⁴⁵

После создания Совета мусульманских рабочих депутатов в Ташкенте начался процесс организации Советов казахских депутатов во всех уездах Туркестанского края. 2–5 августа 1917 г. в Ташкенте прошел первый краевой (Туркестанский) съезд Советов казахских депутатов, где были посланцы Семиреченской, Сырдарьинской, Ферганской и Самаркандской областей. И они главной задачей провозгласили защиту интересов коренного трудового населения.

К началу августа 1917 г. в стране сложилась очень запутанная политическая ситуация: если до этого за реальную власть боролись силы, объединенные вокруг Временного правительства, и силы, сгруппировавшиеся вокруг Советов, то теперь появилась возможность установления военной диктатуры. Власть Временного правительства, военная диктатура или власть Советов — таков был смысл прений на проходившем в Москве 12–15 августа государственном совещании. За его кулисами готовился заговор, возглавляемый генералом Л. Корниловым.⁴⁶

В силу преобладания среди участников государственного совещания крупного капитала и чиновников, общее настроение присутствовавших определялось в пользу генерала Л. Корнилова, ставшего знаменем правых. Он начал после этого открыто рваться к власти, двинул вверенные ему войска походом на Петроград. Корнилов, как свидетельствовали его коллеги по движению, стремился преодолеть распад страны, дезорганизуя роль А. Керенского и эсеро-меньшевистского руководства Советов.⁴⁷

Массы же воспринимали генеральские требования сильной власти как новое кровавое насилие. И как только стало известно о движении корниловских эшелонов к революционной столице, трудящиеся поднялись на защиту февральских завоеваний. Против Корнилова выступил и А. Керенский, сам мечтавший о лаврах общероссийского лидера.⁴⁸ События 25–29 августа, в результате которых был разгромлен мятеж, в корне изменили положение в стране, вновь на авансцену политической жизни вышли Советы, сделали их центром сплочения сторонников революции. Советы же создали и боевые аппараты разгрома сил контрреволюции. Этими аппаратами стали военно-революционные комитеты — ВРК.

Против корниловщины выступали Советы Актюбинска, Перовска, Петропавловска, Павлодара, Туркестана, Семипалатинска, Черняева (Чимкент), Аулие-Аты. В той или иной форме осудили мятеж военных Советы Гурьева, Уральска, Усть-Каменогорска, Кустаная.

30 августа 1917 г. Петропавловский совет рабочих и солдатских депутатов на общем собрании обсудил вопрос «об измене генерала Корнилова» и постановил: «Во всеоружии принять решительные меры в борьбе с изменником родины и революции в лице предателя-изменника Корнилова и его приверженцев, для чего совет предлагает тесно сплотиться вокруг защитников родины и трудящихся масс».⁴⁹ Петропавлов-

ский совет сформировал ВРК в составе 12 человек (три большевика, четыре левых эсера, два эсера и три меньшевика-интернационалиста).⁵⁰

В тот же день (30 августа) Актюбинский совет рабочих, солдатских, крестьянских и казахских депутатов решил для борьбы с корниловщиной организовать вооруженную революционную дружину, а также вооружить членов Президиума Совета, изъять для этого оружие у казаков, военнопленных, сделать пики в железнодорожном депо.⁵⁰

Выступление Корнилова решительно осуждали и другие Советы Казахстана. 31 августа 1917 г. в Павлодаре состоялось объединенное заседание Совета и общественных организаций города по поводу корниловского мятежа. Было принято единогласное постановление: «...объединенное заседание совета рабочих и солдатских депутатов и общественных организаций Павлодара клеймит несмываемым позором предателя Родины и изменника дела революции генерала Корнилова». Далее постановление призывало все революционные и демократические силы «объединиться в этот грозный час вокруг советов рабочих и солдатских депутатов».⁵¹

Значительное полевание масс, рост влияния большевиков среди них, постепенная большевизация местных Советов после разгрома корниловского мятежа нашли отражение и в материалах некоторых съездов Советов Казахстана, проходивших в конце августа — начале сентября 1917 г. Так, Атбасаровский, Усть-Каменогорский, Петропавловский уездные съезды Советов в своих решениях выражали недоверие Временному правительству, требовали заключения мира без аннексий и контрибуций, немедленной конфискации всей земли без выкупа и передачи ее в пользование крестьян.⁵²

«В глубине толщ народной жизни корниловский мятеж вызвал тяжелое смущение, — писала в те дни семипалатинская газета «Воля народа», — ...и идут вот письма с трогательной мольбой разъяснить, в чем дело... много других вопросов пробудилось в сознании народа, на которые тоже ожидаются ответы».⁵³

Среди политических партий и общественных движений страны самыми расторопными оказались большевики, которые обвинили во всех грехах Временное правительство и призвали рабочих и крестьян к его свержению и установлению диктатуры пролетариата путем вооруженного восстания. Курс большевиков на вооруженное восстание был определен его VI съездом, состоявшимся 26 июля—3 августа 1917 г. в Петрограде.

Разгром корниловщины основательно подорвал влияние правых сил, ослабил и значительно усилил левых, прежде всего большевиков. Политический выбор существенно сузился: власть Советов, власть буржуазии, личная диктатура Керенского. Что касается двух последних альтернатив, их возможности пока сохранялись, но становились не столь вероятными. В органах печати открыто говорилось о роли влияния большевиков, переходе на их позиции других левых партий. Газета Оренбургского комитета эсеров опубликовала статью одного из тамошних лидеров А. Ермолаева, своеобразно названную «Имеют ли право с-р впадать в большевизм?». Поставив такой вопрос, автор отме-

тил: «Бессознательный рост большевизма все больше и больше захватывает наши социалистические партии. Не говоря уже о меньшевиках, которые в последнее время делают глубокий реверанс лозунгам и тактике Ленина, даже социалисты-революционеры, стоящие у руля русской революции, заискивающе лепечут в тон большевикам».⁵⁴

Все это говорило о том, что назревал новый глубокий политический поворот в политической жизни страны и Казахстана.

3. НАРАСТАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО КРИЗИСА ОСЕНЬЮ 1917 ГОДА. ПАРТИЯ «АЛАШ»

Новые изменения в расстановке сил в стране создали условия для перехода власти к Советам, во главе которых в результате их постепенной большевизации сначала в центре страны, а затем и на местах стали приверженцы В.И. Ленина.

Большевизация двух центральных Советов — Петроградского и Московского — дала основание В.И. Ленину в его двух письмах Центральному, Петроградскому и Московскому комитетам РСДРП(б) («Большевики должны взять власть», «Марксизм и восстание»), написанных 12–14 сентября 1917 г., поставить как практическую задачу подготовку вооруженного восстания с целью свержения Временного правительства и установления диктатуры пролетариата в форме Советов. «Получив большинство в обоих столичных Советах рабочих и солдатских депутатов, — писал он, — большевики могут и должны взять государственную власть в свои руки. Могут, ибо активное большинство революционных элементов народа обеих столиц достаточно, чтобы увлечь массы, победить сопротивление противника, разбить его, завоевать власть и удерживать ее».⁵⁵

На национальных окраинах Российской империи, в том числе в Туркестане и Казахстане, шел довольно усиленный процесс большевизации Советов рабочих и солдатских депутатов, состоявших главным образом из представителей славянских народов, в первую очередь, русского. 12–17 сентября 1917 г. в центре Туркестанского края — Ташкенте проходили революционные выступления рабочих и солдат города, по требованию которых Ташкентский Совет рабочих и солдатских депутатов принял решение о взятии власти в свои руки. И хотя сентябрьские выступления в Ташкенте не привели к установлению Советской власти в Туркестане, они свидетельствовали о росте большевистского влияния в массах пауперизированного (обнищавшего) населения. Революционное выступление в Ташкенте имело большой резонанс как в стране в целом, так и в Казахстане, в особенности в его юго-западных районах: Перовском, Казалинском, Туркестанском, Черняевском, Аулие-Атинском уездах.

Со второй половины сентября борьба за власть достигла значительной остроты. Организованностью и результативностью отличалась борьба рабочих-нефтяников, горняков и железнодорожников. Рабочие Эмбенских нефтяных промыслов, принадлежавших Урало-Каспийскому нефтяному обществу, начав борьбу за улучшение снабжения рабочих про-

довольствием и против намерения иностранных капиталистов объявить локаут, через некоторое время фактически взяли руководство производством в свои руки.

Подобная картина наблюдалась и на предприятиях горной промышленности, на ряде заводов и железных дорог. Советы и фабрично-заводские комитеты все решительнее брали курс на осуществление контроля за работой предприятий, ведя упорную борьбу с представителями администрации. Были отстранены от работы управляющий Карагандинскими угольными копиями, заведующий складом Спасского завода, приказчики продовольственных лавок Урало-Каспийского нефтяного общества в Доссоре, заместитель управляющего Спасско-Карагандинской железной дороги.

Под давлением местного Совета правление Спасского акционерного общества вынуждено было подписать коллективный договор, по которому заработная плата рабочих на предприятиях общества (Спасский завод, Успенский рудник, Карагандинские копи) была повышена от 50 до 150 процентов.

Забастовки и волнения железнодорожников Петропавловска, Оренбургско-Ташкентской магистрали влились во Всероссийскую забастовку, проведенную 24–26 сентября 1917 г.

К осени 1917 г. оживилась деятельность таких профессиональных организаций, как «Объединенный союз мусульманских рабочих» в г. Верном, «Степной союз» в Каркаралинске, «Рабочий союз» в Жаркенте, центральное бюро профсоюзов Семипалатинска, руководимое большевиком П. Саловым. В рабочих и профсоюзных организациях Верного и Жаркента видную роль играли Ж. Бабаев, А. Розыбакиев, А. Туркебаев, ставшие впоследствии коммунистами.

Осенью 1917 г. по поручению местных большевистских и примыкавших к ним других организаций Алиби Жангельдин, Алибек Майкутов, Сакен Сейфуллин, Турар Рыскулов, Амангельды Иманов, Токаш Бокин, Ныгмет Нурмаков, Абдрахман Айтиев, Ораз Джандосов, Абдолла Розыбакиев выезжали в аулы Акмолинской, Тургайской, Уральской, Семиреченской, Семипалатинской, Сырдарьинской областей и объясняли трудящимся сущность происходивших в стране политических событий и необходимость борьбы против Временного правительства и его местных органов.

Оживилось и революционно-аграрное движение в переселенческой деревне и казахском ауле. Во многих районах беднота отказывалась (зачастую не могла) платить налоги, повиноваться органам Временного правительства, самочинно захватывала скот и земельные участки, принадлежавшие байским и кулацким хозяйствам.

Сложившейся обстановкой умело воспользовались местные большевики: они активизировали свою деятельность в Советах рабочих и солдатских депутатов, среди солдатских масс местных гарнизонов, в рабочих и профсоюзных организациях. Они требовали обновления состава Советов, очищения их руководящих органов от представителей эсеров и меньшевиков, названных ими «соглашательскими элементами» (т.е. склонными к соглашению с Временным пра-

вительством и его местными органами). Так, петропавловские большевики добились переизбрания президиума местного Совета рабочих и солдатских депутатов. Его председателем вместо правого эсера Л. Мурашко стал левый эсер (сторонник большевиков) С. Хоха, а заместителем — большевик Земкин.

Большевики активизировали свою деятельность и в других Советах Казахстана, в частности, в Семипалатинском совете рабочих и солдатских депутатов. Насколько результативной была их работа в рамках совета, позволяет судить следующий факт: 17 октября руководство Семипалатинского областного казахского комитета в телеграмме главе Временного правительства Керенскому выражало беспокойство по поводу того, что «местный совет в своих действиях стал на путь большевизма».⁵⁶

В конце августа—октябре 1917 г. состав многих Советов обновился за счет пробольшевистски настроенных рабочих. Численное преимущество в новом составе Оренбургского и некоторых местных Советов Тургайской области получили большевики и их сторонники. После расформирования Тургайского уездного Совета солдатских и крестьянских депутатов был образован Тургайский Совет рабочих и крестьянских депутатов, председателем которого был избран сочувствующий большевикам О. Асауов; на первом Уральском областном съезде представителей Советов (сентябрь 1917 г.) был избран исполком областного Совета рабочих, крестьянских, солдатских и казахских депутатов. В его состав также вошли большевики П.А. Парамонов, П.И. Червяков и сочувствующие большевикам А. Айтиев, М. Ипмагамбетов.⁵⁷

Советы Казахстана, как и России в целом, ожили как массовые политические организации наиболее обездоленной части населения. В этих условиях большевики выдвинули лозунг «Вся власть Советам!». Теперь он, в отличие от условий апреля 1917 г., звучал как призыв к вооруженному восстанию против Временного правительства, к непосредственному установлению диктатуры пролетариата. К середине октября 1917 г. в Советах рабочих и солдатских депутатов Казахстана, где преобладало влияние большевиков, началась подготовка к насильственному взятию власти в свои руки. В городах формируются отряды Красной гвардии.

11 октября 1917 г. Петропавловский Совет рабочих и солдатских депутатов принял решение организовать Красную гвардию из т.н. «сознательных рабочих, которые работали бы совместно с солдатами по борьбе с погромами и контрреволюционерами».⁵⁸ Большевики города в соответствии с этим решением Совета рабочих и солдатских депутатов широко вовлекали в Красную гвардию рабочих местного железнодорожного депо, кожевенного и консервного заводов и усилили агитационную работу среди солдат местного гарнизона и 33-го запасного стрелкового полка. Существенную помощь петропавловским левым радикалам в организации отрядов Красной гвардии и ознакомлении с курсом большевистской партии на вооруженное восстание оказали члены военно-окружного комитета при Омском Совете рабочих и солдатских депутатов большевистские эмиссары А. Звездов, Т. Гладышев и др.⁵⁹

Руководители отдельных Советов рабочих и солдатских депутатов, грубо попирая нормы законности, стали открыто заявлять, что они, опираясь на «законы революции», правомочны устанавливать «новые порядки». Подобные заявления и действия были характерны для деятельности Перовского Совета рабочих и солдатских депутатов, возглавляемого рабочим-железнодорожником Агаповым. Под руководством этого Совета еще в сентябре 1917 г. из рабочих-железнодорожников был создан красногвардейский отряд в городе, в который через некоторое время влились представители крестьян-бедняков из окрестных сел. По требованию большевиков и Перовского Совета из местного арсенала красноармейцам было выдано 150 винтовок и несколько тысяч патронов.⁶¹

Небольшие отряды Красной гвардии численностью от 60 до 80 человек формируются на железнодорожных станциях Туркестан, Акбулак, Эмба, Чиили, Аральское море, в пос. Джулек и др.

Как пишет в своих воспоминаниях о событиях 1917 г. в Туркестане Мустафа Чокаев, «с каждым днем рос авторитет большевиков и левых эсеров в Советах рабочих и солдатских депутатов. Становилось особенно сильным влияние большевистской агитации среди солдатских масс, большинство из которых являлись выходцами из бедных крестьян. Им импонировали лозунги большевиков: «Вся власть Советам», «Земля — крестьянам», «Заводы и фабрики — рабочим».⁶¹

Примерно такое же положение наблюдалось и в других регионах Казахстана. Так, газета «Свободная речь» сообщала о создании в Павлодаре отряда красногвардейцев численностью в 250 человек. Большевиками Семипалатинска было организовано несколько групп Красной гвардии и боевых дружин рабочих. В Зареченской слободе (Жана Семей) Абыш Мусабаев возглавил красногвардейский отряд, сформированный из рабочих-казахов.⁶²

Ленин и партия большевиков рассматривали работу по созданию отрядов Красной гвардии и агитацию среди солдатских масс как подготовку главных условий для насильственного свержения существующего в стране политического строя и установления диктатуры пролетариата в форме Советов. Не случайно Ленин говорил, что армия была «уже к октябрю—ноябрю 1917 года наполовину большевистской. Без этого мы (т.е. большевики — *авт.*) не могли бы победить».⁶³

Накануне Октябрьской революции большевики Казахстана активизировали свою деятельность и среди трудовых масс переселенческих сел и ряда казахских аулов. Выходившая в Омске проправительственная газета «Сибирская речь» в номере от 17 октября 1917 г. с большим беспокойством писала: «Большевизм... проникает в самые глухие места. Пропаганда идей большевизма обнаружена в Павлодарском уезде. Так, крестьянин поселка Алексеевского Коляда уличен в том, что имел при себе много... прокламаций, доказывающих необходимость братания на фронте и достижения свободы у себя дома».

Сторонники Временного правительства в центре и на местах срочно мобилизуют силы для борьбы с нарастающим революционным движением. Активизация действий сторонников Временного правительства, свя-

занная с угрозой захвата власти большевиками, была характерна и для Казахстана. Так, несмотря на протесты местного Совета, Семипалатинский областной исполнительный комитет Временного правительства в начале октября 1917 г. добился перевода из Барнаула в Семипалатинск 24-го Сибирского запасного полка, офицерский состав которого твердо стоял на стороне Временного правительства.⁶⁴ Орган павлодарских эсеров — газета «Свободная степь» оценил организацию отряда Красной гвардии в Павлодаре как «прямой вызов местному гарнизону и казачеству» и призывал расправиться с ней немедленно. Вскоре в городе «для борьбы с большевистской угрозой» была создана так называемая «добровольная дружина».⁶⁵

В ряде городов Казахстана стали возникать организации под названием «Союз защиты Учредительного собрания». Членами таких союзов были верхи казачества, кадеты, крупные торговцы, представители администрации местных органов Временного правительства. В некоторых городах Северо-Восточного Казахстана появились отделения политической организации кулаков Сибири — «Союз сибирских сельских хозяев».⁶⁶

Эсеры и меньшевики — депутаты местных Советов — стали все решительнее выступать против большевистского большинства, стремившегося к насильственному свержению органов Временного правительства. Так, восемь депутатов эсеров и меньшевиков вышли из состава Семипалатинского Совета в знак протеста против создания отрядов Красной гвардии.⁶⁷

Эти крупные изменения в общественно-политической ситуации в стране в целом и в Казахстане в частности происходили в условиях подготовки проведения выборов в Учредительное собрание, что находило отражение в той или иной степени деятельности политических партий и общественных организаций края.

Еще 14 июня 1917 г. Временное правительство впервые объявило сроки выборов в Учредительное собрание — 17 сентября, созыва его — 30 сентября. Однако в связи с тем, что Министерство внутренних дел не сумело своевременно организовать осуществление подготовительной работы на местах, эти сроки были скорректированы. Выборы переносились на 12 ноября, а созыв — на 28 ноября. Однако на практике выборы в Учредительное собрание в стране растянулись с конца октября 1917 г. до начала февраля 1918 г.

В областях Казахстана комиссии по делам выборов в Учредительное собрание были сформированы в конце июня — июле 1917 г., а что касается образования уездных комиссий, то оно в ряде мест затянулось до глубокой осени 1917 г. В состав комиссий входили представители всех политических и общественных организаций, в том числе и от казахских комитетов.

Как об этом было сказано выше, список кандидатур в депутаты Учредительного собрания в количестве 81 человека от всех областей края и от казахского населения Средней Азии (Бухара, Фергана и Хива) был выдвинут и утвержден на первом Всеказахском съезде в июле 1917 г. от имени партии «Алаш».

Следует особо подчеркнуть, что партия «Алаш» прямо или косвенно выдвинула кандидатами в Учредительное собрание такое число людей, которого не могла выставить в крае ни одна другая политическая организация. Лидеры Алаша стремились не допустить в крае межнациональной розни. Казахи-автономисты стремились перевести на свою сторону представителей других народов. В первую очередь они рассчитывали на тех, кто оказался лояльным по отношению к местному населению в результате переселенческой политики. К тому же они учитывали, что пять из одиннадцати казачко-русских войск огромной Российской империи располагались на казахской земле. Поэтому приходилось вести переговоры с руководством казачества.⁶⁸

Предвыборной агитацией за кандидатов от партии «Алаш» занимались не только активисты этой партии. Об этом свидетельствует объявление, помещенное в газете «Гурьевский вестник» 17 октября 1917 г., текст которого гласит: «Гурьевская уездная земская управа считает своим долгом разъяснить киргизам (казахам — *авт.*), живущим на казачьей территории, что они должны голосовать только за киргизский список №1, иначе киргизское население может остаться без депутатов. В список включены: 1. врач Халел Досмухамедов, 2. юрист Джаханша Досмухамедов, 3. врач Нургали Ипмагамбетов, 4. Губайдулла Алибеков, 5. агроном Салимгерей Каратлеуов, 6. врач Гумар Исенгулов, 7. врач Иса Кашкумбаев. Люди эти с высшим образованием и поддерживают исключительно киргизские интересы. Не забудьте, что вы принадлежите к киргизской национальности».

Выборы в Учредительное собрание частично и полностью состоялись в ряде мест Казахстана 12–18 ноября 1917 г. Лишь в Семиреченской и Сырдарьинской областях выборы проходили позднее этого срока. К тому времени все политические партии и общественные организации Казахстана успели выдвинуть и провести необходимую подготовительную работу. Исключение составили большевики, для которых в то время главным являлась подготовка к вооруженному захвату власти, а не борьба за места в Учредительном собрании.

Те неполные данные, которыми располагают исследователи, показывают, что в выборах в Учредительное собрание большой успех одержала только что созданная казахская общенациональная партия «Алаш», шедшая под первым номером. Характеризуя избирательную платформу «Алаш», газета «Южный Урал» писала в то время: «Алаш-демократическая радикальная партия отличается от партии Народной свободы тем, что она требует демократическую федеративную республику, отрицает частную собственность на землю и признает отделение церкви от государства».⁶⁹

Итоги голосования по различным регионам Казахстана дали следующую картину: по Тургайской области (Кустанайский уезд): «Алаш» — 72 745 голосов, эсеры — 51 245, РСДРП-меньшевики — 3465; Иргизский уезд: «Алаш» — 55 349, эсеры — 181, РСДРП-меньшевики — 1516; Актюбинский уезд: «Алаш» — 28 202, эсеры — 12 114, РСДРП-меньшевики — 1736; Тургайский уезд: «Алаш» — 54 978, эсеры — 210, РСДРП-меньше-

вики — 41. В итоге из пяти депутатских мест в Тургайской области 3 достались партии «Алаш», 2 завоевали эсеры.⁷⁰

В Семипалатинском уезде «Алаш» получила 59 331 голос, эсеры — 3 375, казаки — 3 136, большевики — 1 910, остальные партии и группы вместе взятые — около 1 300 голосов.⁷²

В Лбищенском уезде Уральской области «Алаш» получила 75 544 голоса, казаки — 19 571, левые эсеры — 1325, эсеры — 126. В городе Уральске на участки явилось 47% избирателей. Там вперед вышли казаки — 7248 голосов, левые эсеры на втором месте — 2737, «Алаш» — 976, эсеры — 866.

Для партии «Алаш», которая с триумфом выступила на выборах в Учредительное собрание, а перед тем увязала свою политику с деятельностью Временного правительства и его местных органов, стоило немало трудов не допустить серьезных ошибок в быстроменяющейся обстановке в условиях крушения Временного правительства и наступления большевиков под флагом социалистических идей.

По мере углубления в России осенью 1917 г. политического противостояния между Советами и Временным правительством представители социалистической ориентации казахского общества размежевались с национальными буржуазными организациями и, более того, вступили с ними в борьбу. Данный процесс имел место и в Казахстане, о чем свидетельствует возникновение партии «Уш жуз», которая пыталась закрепить за собой симпатии «левых» среди казахской интеллигенции. «Уш жуз», хотя первоначально заявила о желании сотрудничать с партией «Алаш», в дальнейшем разошлась с ней по ряду важнейших вопросов общественно-политического развития казахского общества, став одним из ее постоянных оппонентов. Лидерами партии «Уш жуз» стали помощник присяжного поверенного, журналист и драматург Кольбай Тогусов,* фельдшер и переводчик Шаймерден Альжанов, учащийся Абилхаир Досов, грузчик Исак Кобеков, журналист Мукан Айтпенев. Ш. Альджанов, М. Айтпенев и К. Тогусов в 1912–1915 гг. сотрудничали с журналом «Айкап» и выступали на его страницах со статьями по вопросам культуры, образования, здравоохранения, аграрным. Что касается К. Тогусова, то он в 1907–1912 гг. подвергался репрессиям со стороны царской администрации. В 1916 г. в Ташкенте стал издавать газету «Алаш».

В марте 1917 г. К. Тогусов помогает М. Чокаеву создавать организации партии «Шуро-и-ислам» в городах и поселках Сырдарьинской области, входит в состав ташкентской организации. От нее он избирается на съезд мусульман России, а там вводится в состав исполкома. Сейчас пока трудно судить почему К. Тогусов не был включен в число активистов казахского движения и не получил приглашения ни на региональные, ни на оренбургский общеказахский съезд, состоявшийся в июле 1917 г. Вполне возможно, что А.Н. Букейханов и его окружение с недоверием относились к К. Тогусову. Во всяком случае, осенью 1917 г. К. Тогусов начинает формировать политическую партию «Уш жуз».

* К. Тогусов специального юридического образования не имел, но начиная с 1905 г., занимался адвокатской практикой в Зайсанском уезде Семипалатинской области.

Чтобы утвердить партию на политической арене, К. Тогусов и его единомышленники выдвигают группу своих сторонников кандидатами в Учредительное собрание. Практически все они, за исключением преподавателя Семипалатинской семинарии Нурғалия Кульджанова, проживали в Акмолинской области. Среди кандидатов в депутаты были 3 члена областного Акмолинского казахского комитета: Бекхожин Хасенходжа, Торсанов Казий и Адилев Байсеит; председатель Омского уездного казахского комитета Мухан Айтпенев и председатель Петропавловского уездного казахского комитета Галиаскар Куанышев. Сам К. Тогусов был представлен как член исполкома Всероссийского совета крестьянских депутатов.* Кроме упомянутых лиц в списке были общественный деятель Касаев Усен, народный учитель Садвакас (Сакен) Сейфуллин, отставной офицер Махмуд Валиханов, Аблаев Султан и Толебаев Ибрай. Эти 13 кандидатур не скрыли, что в прошлом они симпатизировали эсерам, народным социалистам, демократам. Историками пока не установлены факты отказа названных кандидатов от их выдвижения по спискам «Уш жуз» в материалах печати и по данным архивов за 1917 г. В советскую же эпоху такой отказ обнародовал С. Сейфуллин. Публикация списка сопровождалась сообщением о создании Центрального Комитета «Киргизской социалистической партии «Уш жуз». Первоначально председателем ЦК «Уш жуз» был избран Мухан Айтпенев, его товарищем (заместителем) — К. Тогусов.⁷²

Какого-либо существенного отличия от Алаша программа «Уш жуз» в момент ее организации не имела. Партия расходилась со своим «старшим братом», как называли ушжузовцы Алаш, лишь по вопросу о войне. Остальные отличия носили чисто тактический характер. Но позднее, по мере обострения политической ситуации в стране, когда борьба за власть достигла своего апогея, в условиях ускорения процесса классовой дифференциации «Уш жуз» стала постепенно отходить от Алаша и сближаться с левыми эсерами, а после победы Октябрьской революции она начала открытую борьбу против партии «Алаш».

24 октября (6 ноября) 1917 г. в Петрограде началось вооруженное восстание, подготовленное большевиками. На другой день восставшие рабочие, солдаты и матросы захватили важнейшие объекты столицы страны. Утром 25 октября (7 ноября) Военно-революционный комитет Петроградского совета объявил о свержении Временного правительства и переходе всей полноты власти в его руки.

Состоявшийся затем II Всероссийский съезд Советов избрал высший орган Советской власти — Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет (ВЦИК) и сформировал первое Советское правительство — Совет Народных Комиссаров (СНК) во главе с В.И. Лениным.

Победа Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде и установление Советской власти в центре, а также в сопредельных с Казахстаном крупных городах, таких как Ташкент, Омск, Оренбург, Астрахань, являвшихся одновременно административными центрами отдельных об-

* В состав исполкома К. Тогусов был избран I Всероссийским съездом крестьянских депутатов в мае 1917 г.

ластей края, имели решающее значение для перехода всей полноты власти в руки Советов в Казахстане. Однако установление Советской власти в областных и уездных центрах Казахстана растянулось на 4 месяца — с конца октября 1917 г. до марта 1918 г.

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 135.

² Омский вестник, 1917, 8 марта; Холодков А.А. Петропавловские большевики в трех революциях. А., 1987, с. 85.

³ Нурпейсов К.Н. Становление Советов в Казахстане. А., 1987, с. 27.

⁴ Известия Омского Коалиционного комитета, 1917, 27 апреля.

⁵ Газета «Казак», 1917, №233; Данное обращение 15-ти в переводе на русский язык было опубликовано в газете «Бюллетень Семипалатинского областного исполнительного комитета» от 17 марта (№11) 1917 г.

⁶ Бюллетень Семипалатинского областного исполнительного комитета, 1917, 17 марта, №11.

⁷ Речь, 1917, 19 марта.

⁸ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 145.

⁹ Гурьевский вестник, 1917, 5 апреля.

¹⁰ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 113–115.

¹¹ Там же, с. 439.

¹² Степная речь, Петропавловск, 1917, 16 июля.

¹³ Казак, 1917, №225, 231, 234; Омский вестник, 1917, 22 апреля, 13(26) мая; Сибирская речь, 1917, 24 мая; Алаш-Орда. Сб. документов. А., 1992, с. 21–45; Более подробно о работе областных уездных казахских съездов см.: Нурпейсов К. Алаш һәм Алашорда... и Койгелдиев М. Алаш козгалысы.

¹⁴ Уральские областные ведомости, 1917, 15 апреля.

¹⁵ Туркестанские ведомости, 1917, 11 мая.

¹⁶ Земля и воля, Омск, 1917, 30 апреля.

¹⁷ В огне революции. Сб. воспоминаний. А., 1957, с. 154.

¹⁸ Казахстан в огне гражданской войны. Воспоминания. А., 1960, с. 192.

¹⁹ Омский вестник, 1917, 2 июня.

²⁰ Сибирская речь, 1917, 22 июня; ЦГА РК, ф. 992, оп. 1, д. 11, л. 2.

²¹ Нурпейсов К. Становление Советов в Казахстане. А., 1987, с. 111, 112.

²² Там же; Омский областной государственный архив, ф. 188-а, оп. 2, д. 12, л. 19.

²³ Казахстан в огне гражданской войны. А., 1960, с. 200.

²⁴ Яицкая воля, 1917, 4 мая; Нурпейсов К. Становление Советов в Казахстане. А., 1987, с. 51.

²⁵ Шоқай М. Түркістанның қилы тағдыры. А., 1992, с. 116, 117, 188.

²⁶ Туркестан в начале XX века: К истории истоков..., с. 22.

²⁷ Там же, с. 24.

²⁸ Сейфуллин С. Тернистый путь. А., 1975, с. 100.

²⁹ Құл-Мұхаммед М. Алаш қайраткерлері саяси-құқықтық көзқарастарының эволюциясы. Алматы: Атамұра, 1998. — 152, 150 бб.

³⁰ Шоқай М. 1917 жыл естеліктерінен үзінділер // Шоқай М. Түркістанның қилы тағдыры. А., 1992, 148 б.б.

³¹ Казак, 1917, №256.

³² Құл-Мұхаммед М. Алаш қайраткерлері саяси-құқықтық көзқарастарының эволюциясы. Алматы: Атамұра, 1998. — 153–154 бб.

³³ ЦГВИА, ф. 366, оп. 2, д. 195, л. 40.

³⁴ Казак, 1917, 31 июля, №238.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же; ЦГВИА, ф. 366, оп. 1, д. 195, л. 41–42.

³⁷ Омский вестник, 1917, 2 августа.

- ³⁸ Уралец, 1917, 20 августа.
- ³⁹ ЦГА РК, ф. 18, оп. 1, д. 5, л. 411, 412.
- ⁴⁰ Григорьев В.К. Противостояние. А., 1989, с. 73–74.
- ⁴¹ ЦГА РК, ф. 695, оп. 1, д. 288, л. 61, 98, 99.
- ⁴² Нурпеисов К.Н. Становление Советов в Казахстане. А., 1987, с. 72.
- ⁴³ Асфендияров С.Ж. Совет мусульманских рабочих депутатов // Наша газета. Ташкент, 1917, 5 сентября.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ Хроника событий Октябрьской революции в Узбекистане. Ташкент, 1957, с. 138.
- ⁴⁶ Деникин А.И. Очерки русской смуты // Вопросы истории, 1991, №1, с. 151.
- ⁴⁷ Суханов Н.Н. Записки о революции, т. 2. М., 1991, с. 361.
- ⁴⁸ ЦГА РК, ф. 23, оп. 1, д. 1, л. 70.
- ⁴⁹ Приишимье, 1917, 1 сентября.
- ⁵⁰ Госархив Актюбинской области, ф. 1, д. 12, л. 12, 13.
- ⁵¹ Свободная степь, Павлодар, 1917, 2 сентября.
- ⁵² Елеуов Т. Установление и упрочение Советской власти в Казахстане. А., 1961, с. 43.
- ⁵³ Воля народа. Семипалатинск, 1917, 8 сентября.
- ⁵⁴ Приишимье, 1917, 7 сентября.
- ⁵⁵ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 239.
- ⁵⁶ Свободная речь, 1917, 22 октября.
- ⁵⁷ Нурпеисов К. Становление Советов в Казахстане. А., 1987, с. 79–80.
- ⁵⁸ ЦГА РК, ф. 23, оп. 1, д. 1, л. 79.
- ⁵⁹ Там же, л. 77 об.
- ⁶⁰ Шоқай М. Түркістанның қилы тағдыры. А., 1992, 140–141 б.б.; Нурпеисов К. Указ. работа, с. 87.
- ⁶¹ Шоқай М. Түркістанның қилы тағдыры. А., 1992, с. 168.
- ⁶² Свободная степь, 1917, 30 ноября; Известия АН КазССР. Серия истории, археологии и этнографии, 1961, вып. 2(16), с. 9.
- ⁶³ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 40, с. 9–10.
- ⁶⁴ Сибирская речь, 1917, 11 октября.
- ⁶⁵ Свободная степь, 1917, 12 ноября.
- ⁶⁶ Северо-Казахстанская область в 1917–1957 гг. А., 1957, с. 19.
- ⁶⁷ Свободная речь, 1917, 19 декабря.
- ⁶⁸ Құл-Мұхаммед М. Алаш қайраткерлері саяси-құқықтық көзқарастарының эволюциясы. Алматы: Атамұра, 1998. – 155 б.
- ⁶⁹ Южный Урал, 1917, 2 декабря.
- ⁷⁰ Южный Урал, 1917, 30 ноября, 2 декабря; Народное дело. Оренбург, 1918, 31 июля; Свободная речь. Семипалатинск, 1918, 31 января. (Эти данные представлены д.и.н. В.К. Григорьевым, за что автор приносит искреннюю благодарность.)
- ⁷¹ Свободная речь, 1918, 31 января.
- ⁷² Революционная мысль, 1917, 24 ноября. Другой источник – газета «Дело Сибири» в номере за 20 декабря 1917 г. отметила, что список кандидатов в Учредительное собрание от партии «Уш жуз» по Акмолинской области получил номер одиннадцать. Но в этом списке газета называет всего 9 кандидатур: Бекхожин Хасанходжа, Альджанов Шаймерден, Тогусов Кольбай, Торсанов Казий, Косаев Усен, Сейфуллин Садвакас, Адилев Байсеит, Аблаев Султан, Айтпенов Мухан.

Глава вторая

ОСОБЕННОСТИ УСТАНОВЛЕНИЯ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В КАЗАХСТАНЕ. ГРАЖДАНСКОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ

1. КАЗАХСТАН В ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА. ВТОРОЙ ВСЕКАЗАХСКИЙ СЪЕЗД И ОБРАЗОВАНИЕ АЛАШ-ОРДЫ

Почти три четверти из 690 делегатов II Всероссийского съезда Советов, открывшегося, как сказано выше, в Петрограде 26 октября 1917 г., стали на позиции перехода власти в руки Советов, хотя большевиков было менее двух третей — 390 человек; только 15% голосовало за эсеро-меньшевистское предложение «Вся власть демократии», 7% защищали лозунг «Коалиция». ¹ Именно это позволило лидеру большевиков В.И. Ленину подчеркнуть, что представленное на съезде большинство Советов рабочих и солдатских депутатов, присутствие делегатов от крестьянских Советов, окончание полномочий предыдущего состава ЦИК (Центрального Исполнительного Комитета Советов), т.е. по его мнению ясно выраженная «воля громадного большинства рабочих, солдат и крестьян», а также «победоносное восстание рабочих и гарнизона» стали той основой, которая позволила II съезду Советов взять власть в свои руки.

Съезд по ленинскому предложению решил: «Вся власть на местах переходит к Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов». Особую важность для таких национальных регионов, как Казахстан имел лозунг обращения о том, что советское правительство «обеспечит всем нациям, населяющим Россию, подлинное право на самоопределение». ²

Важнейшими актами съезда стали Декрет о мире и Декрет о земле, сразу обеспечившие поддержку и сочувствие новой власти большинства народа, уставшего от войны, голода и хозяйственной разрухи.

Правительство Керенского пало, в его защиту не нашлось нескольких полков войск ни в центре, ни на местах, что свидетельствовало о непопулярности Временного правительства к моменту его крушения. Но это еще не означало, что альтернатива Советской власти исчезла окон-

чительно. Наоборот, она сохранилась в виде местных органов старого строя, национально-демократических организаций, руководства казахских войск в различных регионах, не признававших итогов II съезда Советов, осудивших Октябрьское вооруженное восстание как узурпацию законной власти в России. Цели и задачи каждой из этих сил были различными, но их объединяло неприятие Советской власти и провозглашенных ею программных идей. Поэтому процесс установления Советской власти в Казахстане, как и в других регионах, не был «триумфальным шествием» (Ленин), как утверждалось более 70 лет в отечественной историографии. Фактически с конца октября 1917 г., когда в крае стали известны главные итоги вооруженного восстания в Петрограде и до начала марта 1918 г. — времени победы большевиков в гор. Верном (Алматы), в Казахстане разворачивался пролог Гражданской войны, принявшей широкие масштабы в начале лета 1918 г. Главными силами и инициаторами этого вооруженного противостояния являлись верхи казачества, руководители местных организаций кадетов, эсеров, народных социалистов и меньшевиков. Лидеры партии Алаш выражали в целом свою поддержку и сочувствие вышеназванным силам, хотя на протяжении времени с конца октября 1917 г. по март 1918 года (время установления Советской власти в Казахстане) их позиции в тактическом плане претерпели существенные изменения.

Еще задолго до Октябрьской революции лидеры казахского национально-демократического движения широко пропагандировали свои программные взгляды на социально-экономическое и политическое развитие Казахстана, а сразу же после победы вооруженного восстания в Петрограде в газете «Казак» от 21 ноября 1917 г. опубликовали проект программы партии Алаш, составленный Алиханом Букейхановым, Ахметом Байтурсыновым, Миржакыпом Дулатовым, Елдесом Гумаровым, Есенгали Тормухамедовым, Габдулхамитом Жундибаевым и Газымбеком Биримжановым.³ Проект программы состоял из десяти лаконичных пунктов. Наиболее существенные из них следующие.

Проект программы «Алаш»

Форма* государства

Россия будет демократической, федеративной республикой.

(Значение демократии — управление государством со стороны народа. Значение федерации — объединение равных** государств. В федеративной республике каждое государство будет самостоятельным, но будут совместно сотрудничать. Каждое из них самоуправляется.)

* В Проекте раздел называется «Мемлекет калпы». «Мемлекет» — государство, «калпы» от слова «калып» в родительном падеже. «Калып» в буквальном смысле «формовка». Например, «калыптау» — формовать. В Проекте «калып» используется в переносном значении, как «форма». Надо учесть, что в начале XX в. в казахском языке не было многих современных юридических терминов.

** В Проекте используется слово «күрдас» — «сверстник». Например, в русском языке было слово «сверстный» в значении «равный». В. Даль пишет: «Сверстать кого с кем, сравнить, поставить за одно, ценить одинаково... не считайся с рабою, не сверстается с тобою». Авторы Проекта — прекрасные знатоки казахского и русского языков, создали вполне приемлемый юридический термин.

Во главе правительства будет президент, избираемый по желанию Учредительного собрания и Государственной Думы на определенный срок. Президент будет управлять народом с помощью министров, эти министры будут ответственными перед Учредительным собранием и Государственной Думой.

Депутаты будут избираться на всеобщих, равных, прямых и тайных выборах. В отношении выборов не будут иметь значение происхождение*, религия, пол.

Только Государственная Дума будет принимать закон. Государственная Дума будет надзирать над правительством, расследование дела и право запроса** также будут у Государственной Думы.

Государственным налогом не будут облагаться без Государственной Думы.

II

Свобода на местах

Области, населенные казахами, объединятся в целое, будут самоуправляться и станут одним из членов Федерации Российской республики. Казахская автономия, если удастся, будет пока вместе с дружественными народами. Как бы то ни было, принять современное земство.

Партия «Алаш» будет стремиться к тому, чтобы служащие в таких казахских органах, как биин, волостные старшины были людьми, полезными населению, готовыми всей душой служить людям. Имена людей, могущих добросовестно служить в управах и милиции земств, будут представлены на усмотрение народа.

Партия «Алаш» — сторонник справедливости, спутник бедняков, враг притеснителей. Используя все силы и мощь на благие цели, направит народ.

III

Основные права

В Российской республике люди будут равными независимо от религии, происхождения и пола.

Свобода собрания, создания организации, слова, выпуска газет, издания книг; государственные служащие без разрешения хозяина не должны входить в чье-либо жилище; государственные служащие никого не должны задерживать без законных оснований; без судебного рассмотрения и вынесения решения не лишать свободы; если человек, совершивший преступление в местности, где имеется судья, в течение 24 часов, где нет судьи, не позже одной недели будет передан судье и арестован, арестовываться будет приговором судьи.

За вскрытие чужого письма — штраф, за чтение — наказание.

* Слово «кан» в буквальном смысле означает «кровь», мы перевели как «происхождение». Этот термин употребляется в современном законодательстве, например, принцип крови или принцип почвы при решении вопроса о происхождении (рождении) человека.

** В Проекте написано: «запрос (сұрау)». Авторы Проекта использовали русское слово «запрос», а в скобках дали перевод на казахском языке.

IV

Религиозное дело

Религиозное дело должно быть отделено от государственного дела. Всем существующим религиям равные права. Свобода религии. Свобода вхождения и выхода.

У казахов должно быть самостоятельное муфтийство. Брак, развод, похороны, наречение ребенка — подобные дела будут у муллы, спор о вдове будет рассматриваться судом.

V

Правосудие и суд

У каждого народа правосудие и суд учреждаются сообразно условиям жизни. Бий* и судья должны знать язык местного населения. В смешанных местах судебное расследование — проверка и решение** должны осуществляться на языке большинства местного населения. Бии и судьи не должны освобождаться от должности без расследования. В сфере правосудия и суда все люди будут равны; после Бога все-сильными являются бии и судьи, кто бы то ни был, должен подчиняться их решению. Вынесенное решение должно исполняться немедленно. Преступления, за которые предусматривается суровое наказание, будут рассматриваться судом присяжных***. В местности, где казахов большинство, языком суда будет казахский язык. Присяжные будут подбираться из казахов. В аулах и волостях, в степи правосудие и суд осуществляются на основе правил ереже****, одобряемого населением.

VI

Защита страны

Для защиты страны войска не сохраняются в современном виде.

Молодые люди призывного возраста будут обучаться на месте проживания, там же служить: при создании воинские группы делятся по родственным группам. Воинские обязанности казахи будут выполнять в конной милиции.

* Если перевести слово «бий», то теряется его социальный смысл, обусловленный историческим прошлым казахов.

** В Проекте употребляется слово «хүкім». Суды биев (бий) выносили «хүкім», который означал приговор и решение. Исходя из этого, авторы Проекта использовали термин «хүкім», вероятно, имея в виду все формы актов, выносимых биями. В контексте данного раздела «хүкім» следует понимать, как решение суда в широком значении. Иначе создается мнение, что бии и судьи должны рассматривать только уголовные дела. На деле бии и судьи рассматривали и гражданские дела. В настоящее время «хүкім» в форме «үкім» означает приговор.

*** В Проекте употребляется слово «присяжные», которое тогда не имело адекватного перевода на казахский язык.

**** В Проекте используется понятие «ереже» — исторически сложившийся локальный нормативный правовой акт, который разрабатывался и утверждался на совете суда биев волости. Условно можно перевести «ереже» как «положение», содержащее нормы материального права.

VII

Налог

Налог устанавливается справедливым путем с учетом скота — состояния, доходов: богатому как на богатого, бедняку как на бедного.

VIII

Рабочие

Рабочие будут находиться под защитой закона. На казахской земле заводов и фабрик мало, поэтому мало рабочих-казахов. (Партия «Алаш» в рабочем вопросе — сторонник программы группы социал-демократов меньшевиков.)

IX

Наука, обучение знанию

Двери учебных заведений открыты для каждого и будет бесплатным распространение всеобщего обучения среди населения. В начальных школах будут обучаться на родном языке; казахи откроют среднюю школу, университет на своем языке, дело обучения будет самостоятельным, в автономной форме; правительство не будет вмешиваться в процесс обучения; учителя, профессора будут набираться путем самовыборов; в стране откроются библиотеки.

X

Земельный вопрос

При разработке основного закона Учредительное собрание должно установить, что земельная доля будет выделена сначала местному населению; пока казахи* не получают земельную долю в населенных ими местах и не обустраиваются (на казахские земли), крестьяне-переселенцы не должны прибывать; в прошлом изъятые земли, не заселенные крестьянами, возвращаются казахам; положенную казахам земельную долю выделяют местные комитеты; обмер нормы доли будет производиться с учетом почвы земли и формы хозяйства; оставшаяся от выделенной доли земля будет находиться в ведении земства; из излишков земель по мере увеличения населения периодически будут выделяться доли; в Туркестане, наряду с землей, будет выделяться доля воды; землю казахи получают не во владение семьи, а в собственность аула-округа, родственных групп; пользоваться между собой на основе справедливости.

В законе о земле не должно быть права о продаже земли, каждый пользуется сам. Неиспользуемая земля не продается, а передается земству. Недра земли, подземные богатства будут казенными, находятся в распоряжении земства.

Большие лесные массивы, крупные реки будут государственными, небольшие леса и богатства озер станут имуществом земства.

* В Проекте употребляется слово «казах» в единственном числе. По смыслу текста имеются в виду не отдельные казахи, а народ в целом.

Разработчики проекта:

Алихан Букейханов, Ахмет Байтурсынов, Миржакып Дулатов, Елдес Гумаров, Есенгали Тормухамедов, Габдулхамид Жундибаев, Газымбек Биримжанов.

(Перевод с оригинала на русский язык осуществлен М. Кул-Мухаммедом.)*

Проект программы, как было сказано, обеспечил партии «Алаш» большой успех на выборах в Учредительное собрание.

Но результаты выборов и успех партии «Алаш» в них практически не дали ей и ее сторонникам никакой реальной власти в крае. Это объяснялось тем, что выборы в Учредительное собрание состоялись тогда, когда победа Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде, позволившая образовать правительство большевиков во главе с В.И. Лениным, создала качественно новую политическую ситуацию. Она характеризовалась обострением противоборства между сторонниками Советской власти и их противниками. Алаш, не признававшая системы Советов с самого начала, естественным ходом событий оказалась в лагере противников большевиков. Особенности прежнего территориально-государственного строительства обусловили отсутствие в рамках Казахстана и Средней Азии единого центра, откуда бы осуществлялось руководство сопротивлением власти большевиков. К тому же отсутствовало единство мнений о путях, формах и методах борьбы за восстановление демократии в среде самих демократов. Не шли на координацию действий даже руководители казахских войск, например, уральское казачество вело себя независимо от оренбургского. Последнее не имело настоящих контактов с сибирским и семиреченским, хотя все они входили в Юго-Восточный союз казахских войск.

И среди руководства партии «Алаш» не сразу были сформулированы идея и тактика борьбы против Советской власти. Региональные лидеры Алашского движения оценивали сложившуюся политическую ситуацию исходя из личной оценки происходящего. Руководители южного крыла Алаш Мухаметжан Тынышпаев и Мустафа Чокаев приняли предложение руководства партии «Шуро-и-ислами» возглавить сопротивление большевизму в рамках всего Туркестана. М. Тынышпаев становится премьер-министром Туркестанской автономии, образованной решением IV Чрезвычайного краевого мусульманского съезда, состоявшегося в конце ноября 1917 г. в г. Коканде и известной в советской историографии как «Кокандская автономия». М. Чокаев занимает в правительстве автономного Туркестана пост министра иностранных дел (управляющий отдела внешних сношений Временного правительства Туркестанской автономии).

Примерно в то же время в состав Сибирской областной думы — правительства сибирских автономистов, возглавляемого Г.Н. Потаниным, входит А. Ермеков — представитель центрального руководства партии «Алаш».

Очень запутанным было положение в Туркестанском крае, куда входили южные области Казахстана — Семиреченская и Сырдарьинская.

* См. Кул-Мухаммед М.А. «Алаш» багдарламасы: княнат пен акикат. — Алматы, 2000.

Как уже говорилось, состоявшийся в Коканде 26–29 ноября 1917 г. IV Чрезвычайный краевой мусульманский съезд провозгласил образование Туркестанской (Кокандской) автономии — Мухтариата.⁴ Выступая на съезде, Мустафа Чокаев особо подчеркивал: «То, что творится в центре, заставляет окраины самим заботиться о собственном спасении великой национальной революции (имеется в виду Февральская революция 1917 г. — *авт.*). России в целом и Туркестану, пережившим Октябрьское кровопролитие, надо заботиться о своей собственной судьбе».⁵

Председателем Временного правительства автономного Туркестана стал М. Тынышпаев. В пользу данного решения сработало то обстоятельство, что он пользовался в крае известностью как член Туркестанского комитета Временного правительства России и здесь наблюдалась легитимность и преемственность руководства. Недолгая практика работы в качестве премьера убедила М. Тынышпаева, что должность главы правительства ему занимать нецелесообразно. Отсутствовала сколько-нибудь прочная база; начались глубокие разногласия между теми, кто выступал за автономию. К тому же стал давать о себе знать фактор привлечения к защите автономии вооруженных формирований, возглавлявшихся курбаши Иргашем, чье уголовное прошлое повлияло на перемены в политической ситуации. Немаловажной причиной отказа М. Тынышпаева от должности руководителя Туркестанской автономии, стало давление на Мухтариат другой власти — большевистско-левоэсеровский Совнарком Туркестана отдал приказ об отстранении от должности и аресте комиссара Временного правительства по Семиречью Ореста Авенировича Шкапского.⁶ На практике это означало, что в любой момент может последовать и распоряжение об аресте М. Тынышпаева, который также являлся комиссаром Временного российского правительства по Семиречью.

М. Чокаев, заняв пост премьера после отставки М. Тынышпаева и его выезда в Семиречье, недолго возглавлял правительство, власть которого по существу ограничивалась пределами Коканда и уезда. Единственной реальной силой его кабинета остались люди Иргаша. Надежды на помощь оренбургских казаков не оправдались. Дело дошло до того, что советское руководство предъявило ультиматум Временному правительству Туркестанской (Кокандской) автономии и вскоре, в начале февраля 1918 г., отряды Красной гвардии разгромили малочисленные силы автономии, часть руководства автономии была убита и арестована, другие спаслись бегством, в том числе и Мустафа Чокаев.⁷

Переезд М. Тынышпаева в Семиречье, разгром Туркестанской (Кокандской) автономии, вынужденная эмиграция М. Чокаева по существу привели к распаду южного крыла партии «Алаш». Что касается алашской организации Семиречья, то ее активисты Ибрагим Жайнаков, Отыншы Альжанов, Толебай Дуйсебаев и некоторые другие накануне установления Советской власти в регионе ушли в китайские пределы.

Таким образом, активное противостояние Советской власти в Туркестане лидеры южного крыла Алаш оказывали всего три месяца. Несколько меньшим по продолжительности стал период союза Алаш с сибирскими «областниками» в рамках Сибирской областной думы. Ставка на Думу, как орган автономии Сибири, была сделана из соображений

того, что необходимо было опробовать принцип казахской автономии хотя бы в рамках Сибири — как федерального образования территории и национальных автономий.

Лидеры партии «Алаш» сразу же после получения вестей о победе вооруженного восстания в Петрограде стали предпринимать конкретные шаги, чтобы не допустить перехода власти в руки Советов в Казахстане. Газета «Казак» в номере от 26 ноября 1917 г., вышедшим на второй день после Октябрьского переворота, обратилась к своим читателям со следующими словами: «Россия переживает процесс разрухи, одна ее нога находится на земле, другая — в могиле. Что будет дальше — никому не известно... Одни стремятся выжить, другие думают над тем, как обойти этот грязный мятеж. Мы — казахи — не можем быть спокойными наблюдателями происходящего. В такое смутное время законы не действуют, защитить нас некому. Поэтому мы должны напрячь собственные силы, чтобы: во-первых, не умереть, во-вторых, не дать разграбить наше богатство и, в-третьих, не ввязаться в эту смуту. Для этого никто не должен жалеть свои знания и силы». (Перевод К. Нурпеиса.) *Мав'ї*

Для поисков путей выхода из этого сложного положения руководство партии Алаш решило созвать второй Всеказахский съезд. Была организована комиссия по созыву съезда в составе А. Букейханова, А. Байтурсынова, М. Дулатова, С. Досжанова и Е. Омарова. По решению этой комиссии на съезд приглашались по два аксакала от каждого уезда и по два представителя от областных казахских комитетов Степного края. Кроме них были направлены специальные приглашения еще 30 лицам, пользующимся большим уважением среди казахского населения: Омару Карашеву, Каирше Ахметжанову, Габдулле Ешмухамедову, Ахметжану и Кожакмету Оразаевым, Шакариму Кудайбердиеву, Халелу Досмухамедову, Мустафе Чокаеву, Жаханше Досмухамедову, Бактыгерее Кулманову, Шангерее Бокееву, Есенгулу Машанову, Мухаметжану Тынышпаеву. Были посланы приглашения также представителям редакций газет «Уран», «Сарыарка», «Бірлік туы», «Тіршілік» и др.

Съезд работал в Оренбурге в течение десяти дней с 5 по 13 декабря 1917 г. Присутствовавший на нем ташкентский журналист так передавал подробности: «На съезде участвуют до 80 делегатов, прибывших из 10 казахских областей: Уральской, Тургайской, Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Ферганской, Сырдарьинской, Закаспийской и Букеевской Орды Астраханской губернии. Большинство из них хорошо говорит по русски: немало лиц с высшим и средним образованием, одетых по-европейски».⁸

В президиум съезда были избраны Бактыгерей Кулманов (председатель), Алихан Букейханов, Халел Досмухамедов, Азимхан Кенесарин, Омар Карашев (соотопарищи-заместители председателя) и секретариат в составе Даулетше Кусепкалиева, Миржакыпа (Мир-Якуба) Дулатова, Сеитазима Кадырбаева.

Повестка дня съезда, состоявшая из 10 пунктов, вытекала из проекта программы партии «Алаш», сыгравшей роль катализатора в объединении

представителей различных слоев казахского общества, и из учета сложившейся после Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде общественно-политической ситуации в стране. [Съезд обсуждал различные аспекты тактики партии в условиях быстро меняющейся политической обстановки, обращая при этом особое внимание на вопросы образования казахской автономии, формировании его правительства, защиты народа.]

Съезд внимательно заслушал и всесторонне обсудил доклад Халела Габбасова об образовании казахской автономии и создании народной милиции. В обсуждении и принятии решений по этим и другим важным вопросам большую активность проявили А. Букейханов, Х. Досмухамедов, М. Чокаев, Ж. Досмухамедов и другие делегаты и гости съезда.

[Съезд решил об образовании Казахской (Алашской) автономии в составе Букеевской Орды, Уральской, Торгайской, Акмолинской и Семипалатинской областей, а также районов Закаспийской области и Алтайской губернии, населенных казахами. Делегаты съезда констатировали, что после свержения Временного правительства с каждым днем усиливается рост анархии в городах и селах, в степи, угрожая самому существованию казахов как этноса. Поэтому съезд «в целях спасения народа» постановил формировать твердую власть в лице Временного народного совета, дав ей наименование «Алаш-Орда» (правительство Алашской автономии) и поручил Алаш-Орде «немедленно взять в свои руки всю исполнительную власть над казахским населением».⁹

Правительство Казахской автономии (Алаш-Орда) должно было состоять из 25 человек. На съезде было избрано 15 членов правительства, а 10 мест было оставлено для представителей русского и других народов, проживающих в Казахстане. Членами Алаш-Орды были избраны Уалихан Танашев (Букеевская Орда), Халел Досмухамедов (Уральская область), Айдархан Турлыбаев (Акмолинская область), Ахмет Биримжанов (Тургайская область), Халел Габбасов (Семипалатинская область), Садык Аманжолов (Семиреченская область), Мустафа Чокаев (Сырдарьинская область). Вне областей в состав Алаш-Орды решением съезда вошли Алихан Букейханов, Жаханша Досмухамедов, Алихан Ермеков, Мухаметжан Тынышпаев, Бактыгерей Кулманов, Жакып (Якуб) Акпаев, Базарбай Маметов, Отыншы Альжанов.

Председатель правительства был избран на альтернативной основе. На эту должность были выдвинуты кандидатуры трех деятелей: Алихана Букейханова, Бакытгерей Кулманова и Айдархана Турлыбаева. В результате тайного голосования А. Букейханов получил 40 голосов, А. Турлыбаев — 20, Б. Кулманов — 19 голосов. А. Букейханов, получивший большинство голосов, был избран председателем правительства Казахской (Алашской) автономии. [

Съезд разработал план создания казахской милиции. Предусматривалось ее количество на каждую область, обучение и снабжение по уездам. Обеспечение милиции оружием должно было осуществляться центральной администрацией на средства, полученные через налогообложение. Решено было в подготовке офицеров использовать опыт и помощь Оренбургского казачьего войска, что предполагало союз с бело-

гвардейцами Оренбуржья, возглавляемыми атаманом Дутовым. И хотя этот союз в значительной степени оказался формальным и малоэффективным, он осложнил положение Алаш-Орды.

Важнейшим из всех документов съезда явилось решение об образовании Казахской автономии. Делегаты съезда были единодушными в определении автономии как национально-территориального государственного образования, но среди них возникли серьезные разногласия по вопросу о времени официального объявления автономии. Прения по этому вопросу продолжались несколько дней. В основе разногласий лежала необходимость выяснения позиции русского населения и определения позиции казахов южного региона (Сырдарьинской и Семиреченской областей), входившего в то время в Туркестанский край. Один из активных инициаторов созыва и участников второго Всеказахского съезда Халел Габбасов свидетельствует об этом следующее: «На съезде оформились два течения по принципиальному вопросу о сроках объявления автономии. Одно из этих течений, возглавляемое Алиханом Букейхановым, стояло за то, чтобы повременить с объявлением автономии впредь до выяснения воли русского крестьянства. К этому течению принадлежал и я. Другое течение, возглавляемое Досмухамедовым (Жаханшой — *авт.*), отстаивало необходимость немедленного объявления автономии. Аргументация последнего течения была по существу демагогической, оно апеллировало к религиозному чувству казахов, доказывая необходимость одновременной организации муфтиата. Большинство при голосовании оказалось на стороне первого течения, но противники не согласились»¹⁰ Были высказаны различные мнения по поводу немедленного присоединения или неприсоединения Семиреченской и Сырдарьинской областей к Казахской автономии.

Но в конечном счете большинство делегатов съезда во главе с А. Букейхановым и делегация Уральской области и Букеевской Орды во главе с Ж. Досмухамедовым, ставя общенациональные интересы выше личных, пришли к компромиссному решению по вопросу о сроках объявления автономии. В сближении взглядов двух сторон положительную роль сыграл представитель Сырдарьинской области Мустафа Чокаев, отказавшийся от своего первоначального предложения о присоединении всех казахских земель к Туркестанской автономии. Основными пунктами компромиссного решения съезда явились следующие: «1) В течение одного месяца Алаш-Орда попытается присоединить туркестанских казахов к автономии Алаш... 2) Если в течение этого времени дети Алаш (т.е. казахи — *авт.*) не сумеют воссоединиться, то каждая часть народа... будет жить самостоятельно. 3) В случае присоединения в течение месяца туркестанских казахов Алаш-Орде представляется право объявления автономии».¹¹

Второй Всеказахский съезд пришел к заключению, что вопрос о присоединении казахов, проживающих в Туркестанском крае, к Алашской автономии должен решить съезд представителей Сырдарьинской области. Представителями Алаш-Орды на съезд сырдарьинских казахов решено было направить Б. Кулманова, М. Дулатова и Т. Ибрагимова. В совместном обращении, подписанном Алиханом Букейхановым и Мус-

тафой Чокаевым, предлагалось созвать съезд 5 января 1918 г., а не 10 января, как об этом было объявлено М. Чокаем ранее.¹²

Участвовавший на съезде сырдарьинских казахов в качестве представителя от Алаш-Орды Миржакып Дулатов в своих показаниях следователю ОГПУ 30 ноября 1929 года писал следующее: «К концу нашего съезда (т.е. второго Всеказахского — *авт.*) приехал из Коканда Мустафа Чокаев. Он был против образования самостоятельной Казахской автономии, а агитировал за соединение с Туркестаном и говорил, что в состав Туркестанского правительства вошли он и Тынышбаев Мухаметжан... Поэтому было принято постановление о созыве Сырдарьинского областного съезда, чтобы знать мнение казахов этой области о присоединении их к казахской автономии... Одним из делегатов Алаш-Орды на Сырдарьинском съезде был я. Первый раз я встретился там с Ходжановым Султанбеком. Он тоже был делегатом съезда и был единственный (из интеллигентов — *авт.*) делегат, высказавшийся за присоединение к казахской автономии, а остальные казахские интеллигенты в начале съезда были за присоединение к Туркестанской автономии и в крайнем случае за оставление там Сырдарьинской области. Но потом, когда степные казахи склонились к принятию присоединения к казахской автономии, согласились с ними и интеллигенты».¹³

Лидеры Алаш-Орды при строительстве национальной государственности ее основой избрали принцип национального единства, а большевики, пришедшие к власти в результате Октябрьского вооруженного восстания, в основу национально-государственного строительства предложили классовый принцип, т.е. принцип противостояния одной части народа другой, которое в конечном счете привело к Гражданской войне.

А. Букетханов позднее (11 февраля 1919 г.), оценивая решение второго Всеказахского съезда об образовании национально-территориальной автономии, заявил: «На съезде было решено осуществить национально-территориальную автономию киргизского (казахского — *авт.*) народа, не ожидая санкции Учредительного собрания. Постановление съезда было вызвано желанием предотвратить анархию на территории, населенной киргизами, не допустить возможности развития большевизма в степи... Автономия киргиз в тех условиях, в каких находилась Россия, не могла осуществиться. На очереди стояла борьба с врагом свободы — большевизмом».¹⁴

С целью «борьбы с врагом свободы — большевизмом» Алаш-Орда согласно решению второго Всеказахского съезда приступила к формированию частей национальных вооруженных сил — «народной милиции». В милиционеры принимались лица мужского пола в возрасте от 30 до 35 лет. В милицию, как говорилось в решении съезда, принимались лица главным образом «по вольному найму, а там где не представляется возможным набрать определенный комплект по найму, применяется жребий».¹⁵ Съезд определил, что «общее количество милиционеров в областях Букеевской, Уральской, Тургайской, Акмолинской, Семипалатинской и Семиреченской должно быть 13 500, а по областям:

Букеевской — 1000, Уральской — 2000, Тургайской — 3000, Акмолинской — 4000, Семипалатинской — 1500, Семиреченской — 2000».¹⁶

Для организации милиции должно быть собрано 68 960 000 рублей за счет вышеназванных шести областей.¹⁷

Тем временем Советы Казахстана, опираясь на отряды Красной гвардии, состоящих главным образом из люмпенизированных рабочих и солдат местных гарнизонов, захватывали власть в областных и уездных центрах, а затем объявляли об установлении ее и в сельской местности.

В большинстве районов Сырдарьинской, Акмолинской областей и Букеевской Орды, где силы сторонников новой власти имели решающий вес, а ее противники были разобщены и не смогли оказать вооруженное сопротивление, Советская власть победила практически «мирным путем» — путем завоевания большевиками и их сторонниками прочного большинства в местных Советах.

По-другому обстояло дело в Тургайской, Уральской и Семиреченской областях, где антибольшевистские силы были более или менее организованы и неплохо вооружены. Во многих районах этих областей (в частности, в их центрах) Советская власть была установлена в результате вооруженного восстания и подавления сопротивления сторонников старой власти.

Примером т.н. «мирной победы» Советской власти являются события в Перовске (ныне г. Кызылорда). Здесь еще до Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде городской Совет рабочих и солдатских депутатов сформировал боеспособный отряд Красной гвардии, состоявший в основном из рабочих-железнодорожников. Совет заручился поддержкой солдат местного гарнизона и, воспользовавшись разобщенностью местных антисоветских сил, 30 октября 1917 г. взял власть в свои руки.

Как свидетельствует Мустафа Чокаев, он в качестве представителя Туркестанского комитета Временного правительства и национального совета накануне объявления Перовским Советом о взятии власти имел встречу с его председателем рабочим-железнодорожником Агаповым.

«С самого начала наша беседа приняла нервный характер, — пишет М. Чокаев в своем воспоминании о событиях 1917 г., — ибо я заявил Агапову о незаконности вмешательства русских рабочих и солдат в дела местного народа. В ответ Агапов начал горячо защищать «революционные права» русских рабочих и солдат. Я напомнил ему о кровавых действиях российских солдат полугодовой давности (имеется в виду жестокое подавление национально-освободительного восстания 1916 г. — *авт.*) и некорректности его заявлений «о революционной законности» и «революционных основах» нынешних действий русских рабочих и солдат. Агапов не стал слушать мои доводы... и спустя некоторое время объявил о взятии Перовским советом рабочих и солдатских депутатов власти в свои руки».¹⁸

Говоря о слабости и разобщенности местных антисоветских сил, М. Чокаев заключает: «Советы рабочих и солдатских депутатов понимали нашу беспомощность. Поэтому они нас не замечали. Несмотря

на то, что мы представляли 96—98 процентов населения, не могли противостоять Советам...». ¹⁹

Вслед за установлением Советской власти в Перовске она была установлена таким же «мирным путем» и в Аулие-Ате (ныне г. Жамбыл). 5 ноября председатель исполкома Аулие-Атинского совета С.К. Хмелевский связался по прямому проводу с представителем Ташкентского Совета — большевиком А.Я. Першиным и получил достоверные сведения о победе вооруженного восстания в Петрограде, Москве и Ташкенте. Совместно с рабочими Совет привел в боевую готовность городской гарнизон и потребовал от воинского начальника без его ведома боевых распоряжений не отдавать, а частям гарнизона — боевых действий без согласия Совета не предпринимать. Заслушав 6 ноября 1917 г. сообщение С.К. Хмелевского о переговорах с представителями Ташкентского Совета и опираясь на активную поддержку солдат местного гарнизона, Совет решил взять власть в городе и уезде в свои руки. Сообщение об этих событиях было передано по телеграфу в Верный, Пржевальск, Капал, Пишпек (ныне Бишкек), Мерке и Лепсинск.

Вскоре аналогичным «мирным путем» Советская власть была установлена в Черняеве (ныне Шымкент), Туркестане, Казалинске и других городах Сырдарьинской области.

В Северо-Восточном Казахстане (в Акмолинской и Семипалатинской областях) Советская власть была установлена в результате сложной и длительной борьбы.

Один из активных членов Петропавловского Совета рабочих и солдатских депутатов А. Азальский впоследствии вспоминал, что после победы Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде местные большевики на всех более или менее значительных заводах и предприятиях (на консервном заводе, кожевенном заводе Зенкова, в железнодорожных мастерских) созвали собрания рабочих и служащих города. «На всех этих собраниях, — писал А. Азальский, — рабочие и частично служащие... внесли постановление о передаче власти в руки Совета рабочих и солдатских депутатов, в противном случае, — говорилось в постановлении, — мы с оружием в руках будем добиваться осуществления власти Совдепа». ²⁰

Перемены в Петропавловске начали осуществляться 8 ноября, когда местный Совет распустил действовавший до того времени орган Временного правительства — коалиционный комитет. 12 ноября Совет образовал Временный революционный комитет из представителей большевиков, левых эсеров, меньшевиков-интернационалистов, мусульманского народного комитета, а также из представителей исполкомов Совета рабочих и солдатских депутатов, Совета крестьянских депутатов. 22 ноября на общем собрании Петропавловского Совета более чем двухнедельный революционный переворот завершился принятием резолюции о передаче всей полноты власти Совету. ²¹

В конце декабря 1917 г. Кокчетавский Совет рабочих и солдатских депутатов, возглавляемый большевиками И. Демещким и В. Порохом, объявил о переходе власти в свои руки как в городе, так и в уезде. 23

декабря Акмолинский революционный комитет, организованный по инициативе местного Совета, арестовал уездный исполком Временного правительства и также объявил о переходе власти в свои руки. В Атбасаре полнота власти перешла в руки Совета 2 января 1918 г.²²

Несколько позже Советская власть была установлена в Семипалатинской области. Для ускорения перемен в Семипалатинске, как и в других городах Северо-Восточного Казахстана, партийная организация Омска к концу 1917 — началу 1918 гг. направила около 100 большевиков, в том числе в Семипалатинск — двух видных деятелей Западно-Сибирской краевой власти А.А. Звездова и К.А. Шугаева, причем первый прибыл с немалым отрядом балтийских матросов для вывоза хлеба в Петроград и Москву. Звездов и Шугаев несколько раз выступали в разных городах Южного Прииртышья на митингах, где преобладали демобилизованные солдаты, оказавшие решающее влияние на принятие резолюций о переходе власти к Советам.

Власть перешла в руки Советов в Павлодаре 19 января 1918 г., Семипалатинск стал опорой новой власти 17 февраля, а Усть-Каменогорск — 14 марта 1918 г.²³

Победа Советов в Семипалатинской области подвела волну революции к Семиречью. Большевики и левозсеровски настроенные группы пытались и здесь осуществить переворот. Так, 2—13 января 1918 г. второй областной крестьянский съезд по существу высказался за переход власти к рабочим и крестьянам.²⁴ Но, опираясь на поддержку казачьих частей, войсковое правительство устояло. Тогда подпольщики большевистских групп созвали 15 февраля на митинг сочувствующие им подразделения 2-го Семиреченского казачьего полка, рабочих, городскую бедноту. Участники митинга приняли резолюцию о ликвидации войскового правительства, ареста комиссаров бывшего Временного правительства Шкапского и Иванова.

Третью попытку осуществил уже специально созданный подпольный революционный комитет, решающую роль в котором играл М.П. Емелев, прошедший политическую закалку в Ташкенте в марте—октябре 1917 г. Специально подготовленные дружины солдат, рабочих, казахской бедноты в ночь на 3 марта заняли важнейшие пункты Верного. Военно-революционный комитет объявил о взятии власти в свои руки. Комиссары Временного правительства и руководители «войскового правительства» бежали из города. В течение марта Советская власть была установлена и в уездных центрах — Капале, Жаркенте, Сергиополе и в других населенных пунктах Семиречья.²⁵

В трудных условиях развертывалась борьба за установление Советской власти в Тургайской области. Судьба противоборствующих сил здесь была тесно связана с борьбой за Оренбург, являвшийся центром огромной Тургайской области и важным звеном, связывавшим Среднюю Азию и Казахстан с центральными районами России. Здесь были сосредоточены антисоветские силы, представленные офицерской верхушкой оренбургского казачества во главе с атаманом А. Дутовым, Алаш-Ордой во главе с А. Букейхановым, а также эсерами и меньшевиками. В ночь с 14 на 15 ноября казачий атаман А. Дутов захватил власть в городе, разо-

гнал местный Совет, арестовав его руководство (С.М. Цвиллинга и др.), направил казачьи войсковые части в сторону Актюбинска, Челябинска и развернул боевые операции против Советской власти. Возникла т.н. «Оренбургская белогвардейская пробка», ликвидации которой Советское правительство во главе с В.И. Лениным придавало большое значение. На помощь советским силам в районе Оренбурга по указанию В.И. Ленина были направлены вооруженные отряды из Петрограда (отряд балтийских матросов под командованием мичмана С.Д. Павлова) и других мест (из Южного Урала, Поволжья, Средней Азии). ЦК большевистской партии посылает Кобозева чрезвычайным комиссаром по борьбе с дутовщиной. Только 18 января 1918 г. объединенными силами удалось освободить Оренбург от дутовцев и их союзников и установить здесь Советскую власть. Вместе с остатками дутовских казачьих частей из города ушли и алашордынцы.

В разгар борьбы с дутовщиной — 8 января 1918 г. Актюбинский Совет взял власть в городе в свои руки, а еще до этого 25 декабря 1917 г. местные большевистские силы, опираясь на поддержку продовольственного отряда балтийских моряков во главе с В.М. Чекмаревым, свергли в Кустанае органы Временного правительства и провозгласили власть Советов. В конце 1917 — начале 1918 гг. Советская власть была установлена в Тургайском уезде. При этом особо отличились А. Иманов, О. Асауов и Н. Токарев.

В Букеевской Орде, входившей в то время в состав Астраханской губернии, сопротивление антисоветских сил было слабее, чем в соседней Уральской области. В центре Букеевской Орды 2 декабря 1917 г. состоялся созванный большевиками массовый митинг, решивший распустить исполком — местный орган Временного правительства, установить Советскую власть. Видную роль в этом процессе здесь сыграли С. Мендешев, И.П. Варламов и др.

К весне 1918 г. большевикам не удалось полностью овладеть лишь одним регионом Казахстана — Приуральем. Главная причина этого заключалась не только в слабости местных большевиков, но и в единстве действий всех антибольшевистских сил, которые объединились вокруг руководства Уральского казачьего войска в лице генералов А. Михеева, Н. Савельева, М. Мартынова и др.

Несмотря на то, что в течение января—марта 1918 г. в ряде уездных центров и других населенных пунктах области (Темире, Доссоре, Гурьеве) победила Советская власть, положение революционных сил в самом Уральске и близлежащих к нему районах, населенных в основном казаками, было тяжелым.

Сторонники Советской власти пытались ускорить ход революционного процесса в Приуралье, включая в него основную часть переселенческого крестьянства, проживавшего на Левобережье (т.н. «Бухарская сторона») и «иногородних» (т.е. крестьян, живших в казачьих станицах и хуторах). На областном съезде крестьян в январе 1918 г. была принята резолюция о переходе власти к Советам, но реального воздействия она не имела. Аналогичной стала судьба резолюции съезда «иногородних» 1—3 февраля 1918 г. Делегаты обратились с приветствием к каза-

честву, но какого-либо ответа не получили. В начале марта в Уральске прошел очередной съезд выборных от станиц. Он отклонил предложение о признании Советской власти, подтвердил решение о казачьей автономии. Секция фронтовиков этого съезда направила письмо делегатам областного съезда Советов, где подчеркивалось: «Казачество против раскола общества по классовому признаку и будет защищать свои устои». Несколько ранее один из этих фронтовиков в «Письме товарищам» заявил, что большевики, разогнав Учредительное собрание, «нам объявили войну, так примем же ее... Организуйтесь, записывайтесь в корпуса по защите Учредительного собрания».²⁶

Исполком Саратовского Совета пытался наладить отношения с войсковым правительством, принимал его делегации, направлял свои, но безрезультатно, казачество стояло на своем. Те из казаков, кто согласились с Советской властью или поддерживали ее, вынуждены были уехать или были репрессированы руководством Уральского казачьего войска. «Войсковое правительство» усиленно готовилось к уничтожению Советов. Экстренно созданный большевиками в Уральске областной съезд Советов (18–24 марта 1918 г.) принял решение о роспуске «войскового правительства» и западного отделения Алаш-Орды, о проведении мобилизации солдат-фронтовиков в Красную Армию. Он избрал исполнительный комитет областного Совета, в состав которого вошли П.А. Дмитриев (председатель), А. Айтиев (зам. председателя), М. Ипмагамбетов, С. Пужалин, П. Червяков, а также Б. Каратаев, С. Аргыншиев, Н. Ипмагамбетов и др.²⁷

Но претворить это решение съезда в жизнь не удалось. 29 марта 1918 г. белоказаки осуществили аресты советских деятелей, были убиты активные борцы за власть Советов П. Червяков, А. Алмазов, З. Половинкин и др.

Таким образом, с конца октября 1917 г. до марта 1918 г. Советская власть была установлена главным образом в городах и других крупных населенных пунктах Казахстана (кроме Уральска и некоторых его окрестностей).

При этом следует особо подчеркнуть, что решающую роль в победе Советской власти сыграли солдаты местных гарнизонов, отряды Красной гвардии, которые состояли главным образом из бывших фронтовиков, настроенных максималистски и лично заинтересованные во власти, которая дала им мир, крестьянству России обещала дать землю, народам национальных окраин — право на самоопределение.

В ходе установления Советской власти от имени большевиков зачастую совершались противозаконные поступки. Поэтому в значительной степени прав был Ахмет Байтурсинов, отмечавший: «Как происходило большевистское движение в центральных частях России, — киргизам (казахам — *авт.*) было известно. На окраинах же оно сопровождалось повсюду насилиями, грабежом, злоупотреблениями и своеобразной диктаторской властью»²⁸.

В основной массе казахских аулов и сел Казахстана процесс установления Советской власти продолжался вплоть до начала Гражданской войны.²⁹

2. ПЕРВЫЕ СОЦИАЛЬНО-КЛАССОВЫЕ АКЦИИ СОВЕТОВ

С конца октября 1917 г. и примерно до начала весны 1918 г. большевики сумели установить Советскую власть в большинстве районов обширной империи, в том числе и в Казахстане, синхронно решая задачу подавления сопротивления сил, враждебных социалистической революции. Подводя итоги этого периода (установления Советской власти), руководитель центрального советского правительства и лидер большевиков В.И. Ленин подчеркивал: «Мы, партия большевиков... Россию отвоёвывали — у богатых для бедных, у эксплуататоров для трудящихся. Мы должны теперь Россией управлять».³⁰ Управлять страной в условиях победившей революции, по мысли Ленина, означало в первую очередь создание экономической основы нового общества, определение и осуществление его социальной политики. Но это осуществить в Казахстане было не столь простым делом, как казалось первоначально. Трудности заключались в том, что, как было сказано выше, новая власть побеждала в Казахстане весьма своеобразно, во-вторых, ее рычаги первоначально зачастую оказались у людей, не имевших какого-либо представления об управлении экономикой и социальной сферой, не имевших никакого понятия о теоретических разработках лидеров научного коммунизма на сей счет (но быстро освоивших ленинский тезис о том, что «и кухарка может управлять государством»). В третьих, на местах, если и получали директивы центральной власти, отражавшие основные направления политики перехода к социализму, то либо их так произвольно истолковывали, что они начинали приобретать обратное значение, либо отвергали или, в лучшем случае, «исправляли» по своему разумению.

И все же начались перемены. Большевики считали, что значительное место в формировании основ социалистической экономики должно отводиться рабочему контролю над производством и распределением. Рабочий контроль служил переходной мерой к национализации промышленности и являлся орудием планомерного регулирования хозяйственной жизни и подготавливал предпосылки к полному управлению промышленными предприятиями, способствовал обеспечению бесперебойной работы промышленности. В условиях победы Советской власти, как правило, инициаторами осуществления рабочего контроля выступали сами рабочие. В феврале 1918 года рабочий контроль был установлен на семипалатинских кожевенном и судоремонтном заводах. 8 марта того же года Акмолинский уездный Совет по предложению рабочих принял постановление о введении рабочего контроля на предприятиях акционерного общества «Зингер». Вскоре решением Петропавловского Совета рабочий контроль был установлен на предприятиях торгово-промышленного товарищества «Братья Овсяниковы». Такими были действия Советов и в других регионах края (на нефтяных промыслах Доссора, Карагандинских шахтах, Успенском и Сарысуйских рудниках).³¹

Мероприятия по осуществлению рабочего контроля явились подготовительными мерами к национализации промышленности и банков. Они

осуществлялись на основе декретов ВЦИК от 27 декабря 1917 г. «О национализации банков» и «О ревизии стальных сейфов в банках». Национализация банков на местах возлагалась на Советы и их финансовые отделы. Весной 1918 г. были национализированы отделение Русско-Азиатского банка, казначейство и городской банк в Усть-Каменогорске, филиалы крупных банков в Акмолинской области.

В результате национализации банков в первые месяцы после революции местные Советы смогли выделить определенные средства для организации системы аульно-сельских Советов, для удовлетворения социально-культурных запросов трудящихся, восстановление промышленных предприятий.

Приведем некоторые примеры деятельности Семипалатинского областного Совета: весной 1918 г. облисполком выдал ссуду в сумме 300 000 руб. Семипалатинскому уездному Совету из отделения Государственного банка на расходы по организации аульно-сельских и волостных Советов, на постройку школ, больниц, улучшение материального положения учителей, фельдшеров, организацию продовольственного дела; 23 марта 1918 г. на заседании облисполкома обсуждался вопрос об оказании финансовой помощи Риддеру и запрашивался по этому поводу Усть-Каменогорский уездный Совет о требуемой сумме денег для продолжения работ на Риддере. 4 апреля 1918 г. Семипалатинский областной Совет утвердил смету в сумме 2 900 000 руб. на постройку новых школ в области; 5 мая 1918 г. Павлодарский уездный Совет постановил ассигновать 10 300 руб. для подготовки учителей казахских школ.³²

• Национализация банков обеспечила успех следующего шага Советской власти в области экономики — национализации промышленности и транспорта.

В Казахстане протяженность железнодорожных линий была незначительной. Через территорию края проходили Ташкентско-Оренбургская железная дорога, участки Омско-Петропавловской, Семипалатинско-Алтайской и Риддерской железных дорог и Воскресенская железная дорога «Киргизского горнопромышленного акционерного общества». Первые три были государственными и после победы социалистической революции перешли в руки советских государственных органов и стали достоянием народа. Последние две дороги принадлежали акционерным обществам английской, французской и русской крупной буржуазии. 1 марта 1918 г. постановлением Совнаркома Туркестанского края была национализирована и строившаяся Семиреченская железная дорога.³³

Одновременно осуществлялись меры по национализации акционерных пароходств. Они проводились на основе «Постановления о национализации морского и речного торгового флота» от 18(31) января 1918 г., подписанного В.И. Лениным 28 января 1918 г. СНК Туркестанского края специальным декретом национализировал имущество акционерного пароходного общества «Хива» на Аральском море и Амударье. Семипалатинский областной Совет по требованию рабочих национализировал Верхне-Иртышское пароходство. Это было ответом на саботаж судовладельцев в феврале 1918 г.³⁴

Национализация железнодорожного и водного транспорта передала в руки Советов управление одной из ключевых позиций экономической жизни края.

Весной и летом Советы Казахстана провели значительную работу по национализации промышленности. И здесь зачастую инициаторами национализации предприятий выступали сами рабочие. В этом отношении интересна история национализации кожевенного завода Зенковых в Петропавловске. В январе 1918 г. хозяева завода объявили о намерении закрыть его, ссылаясь на недостаток материалов. На самом же деле они стремились создать экономические трудности. Кроме того, как свидетельствует старый рабочий Гудовщиков, хозяева боялись вооруженных рабочих; из 250 рабочих завода 134 были красногвардейцами. Рабочие воспрепятствовали закрытию завода. На общем собрании они приняли решение: «Взять завод в свои руки (т.е. национализировать — *авт.*), признать долги завода только по Государственному банку, а что принадлежит заводу: сырье, вспомогательные материалы, имеющиеся при заводских складах и в городе, перевезти на завод».³⁵ Они направили своего представителя в Совет и потребовали национализации завода. Совет удовлетворил это требование трудящихся, к тому времени настоящих хозяев предприятий. Были национализированы и другие кожзаводы в городе (Акчюрина, Микрюкова), а также мельницы Мазаева, Полякова и других петропавловских промышленников. Над мелкими и средними предприятиями города также установили рабочий контроль.³⁶

Предприятия кожевенной промышленности были национализированы и в других городах края. 17 апреля 1918 г. после категорического отказа иностранной фирмы «Рейнгстон КИН и К^о» установить рабочий контроль над ее заводами по обработке кожи в Семипалатинске исполком областного Совета принял решение о национализации этих предприятий. К июню 1918 г. в Семипалатинской области были национализированы 15 кожевенных предприятий.³⁷

На территории Казахстана, в особенности в его центральных и восточных районах, имелось значительное число предприятий горно-добывающей промышленности, на которых хозяйничали иностранные предприниматели, главным образом английские. После установления Советской власти английские акционеры предприняли ряд мер, направленных против Советов: пытались затопить шахты, расхищали оборудование в Карсакпае, Спасске, Байконуре и Риддере. Рабочие под руководством местных большевистских организаций и советских органов боролись против подобных действий иностранных капиталистов и требовали от Советского правительства национализации горно-заводской промышленности в крае.

11 мая 1918 г. В.И. Ленин подписал постановление СНК РСФСР о национализации предприятий «Киргизского горнопромышленного акционерного общества» и Спасского медеплавильного завода в Акмолинской области. 17 мая 1918 г. СНК РСФСР специальным декретом национализировал все предприятия Риддерского общества. В соответствии с этими постановлениями к лету 1918 г. местными Советами и заводскими комитетами были национализированы 180 предприятий горной промыш-

ленности, среди них более 140 медных, 18 серебросвинцовых рудников. Чтобы улучшить обеспечение промышленности и населения топливом, Советы к концу первого полугодия 1918 г. национализировали угольные копи.³⁸

К 15 мая 1918 г. Семипалатинский областной Совет зарегистрировал только по городу и его окрестностям 79 национализированных фабрично-заводских предприятий.³⁹

Весной 1918 г. городские Советы передали национализированные крупные дома под школьные, административные здания и клубы. В числе национализированных были дома Полякова и Кудержецкого в Петропавловске, Бардыгина в Семипалатинске и другие.

Рождение новых форм собственности шло в основном путем экспроприации имущества предпринимателей, и, конечно, новый хозяйственный уклад в силу указанных особенностей, рождался в борьбе, где обе стороны использовали все находившиеся в их арсенале средства. Бывшие владельцы шли на саботаж, утаивание сырья, капиталов, документации. В этом им активно помогал верхний, наиболее привилегированный слой служащих.

Другая сторона — трудящиеся и выразители их интересов Советы, действовали методами так называемой «революционной целесообразности» и насилия. Крестьяне, как отмечалось выше, стремились сделать общественной собственностью машины (паровые), крупорушки. Их национализация прошла в марте—мае 1918 г. в Акмолинском, Кокчетавском, Петропавловском, Усть-Каменогорском уездах.

Обострение политической обстановки, вооруженные выступления белых, развал и без того слабой системы здравоохранения толкнули ряд Советов на национализацию аптек, фармацевтических предприятий, дач, курортных заведений. Такие меры провели Советы Перовска, Казалинска, Аральска, Усть-Каменогорска, Петропавловска и других мест.

Для Российского государства в целом, для Казахстана в особенности, наибольшую значимость представляло решение аграрного вопроса. Одобренный II Всероссийским съездом Советов Декрет о земле, как известно, целиком повторял наказ 242 крестьянских депутатов. Отменив помещичью собственность на землю, упразднив частную собственность на землю вообще, передав землю крестьянским общинам на началах уравнительного землевладения, Советская власть поставила в повестку дня вопрос наряду с ликвидацией одной исторической несправедливости ликвидировать и другую — вернуть землю казахскому населению, которое было ограблено самодержавием в пользу казачества, казны и переселенческого крестьянства.

Вопрос о земле выносился на обсуждение областных и уездных съездов Советов. Делегаты Актюбинского уездного съезда (март 1918 г.) без колебаний определили, что земля переходит в распоряжение трудового народа. Важным моментом решения съезда было то, что «земля переходит в пользование трудящихся без различия национальности».⁴⁰ Таким же был подход делегатов Акмолинского уездного съезда. На Тургайском областном съезде особое место занимала проблема казахского

населения: «Отныне все земли, находящиеся в пределах... области подлежат справедливому распределению между трудовым казахским населением».⁴¹ Проблемы как быть с землей горячо обсуждались посланцами аулов и сел на съездах в Аулие-Ате, Петропавловске, Семипалатинске, Усть-Каменогорске. Повсюду делегаты этих съездов вели речь о праве трудового народа, о передаче земли тем, кто на ней работает.

Кое-где весной и летом 1918 г. Советы приступили к передаче земли тем крестьянам, кто ее в силу каких-либо причин лишился. Безземельные и малоземельные труженики Акмолинской и Семипалатинской областей получили около 270 тыс. десятин, принадлежавших ранее крупным землевладельцам.

На долю Советов весной 1918 г. выпало решение возникшей еще в 1916 году продовольственной проблемы. Старый строй решил ее просто: чтобы не допустить социального взрыва, часть продуктов реализовывалась по умеренным ценам в продовольственных магазинах, остальное давал вольный рынок. Новой власти, как выразителю интересов беднейших слоев населения, пришлось поднять из царских архивов проекты государственного регулирования распределения продуктов питания. Дело осложнилось еще и тем, что проблема продовольственного обеспечения превратилась в поле политического противостояния, фронт борьбы за власть. К тому же дело осложнялось тем, что в районах Сыр-Дарьинской области, где ранее хлеб в основном завозился из Поволжья, подвоз сорвали военные действия в Оренбургской губернии. А тут, вдобавок, из Китая в родные места вернулись те, кто покинул свои аулы в 1916 году, спасаясь от царских карателей.

Советам Казахстана пришлось решать продовольственную проблему двойного плана: поставок хлеба и мяса в центр и изыскания хлеба для юго-западных районов края. Если для реализации первой задачи из Петрограда и Москвы прибыли продовольственные отряды*, то во втором случае все решалось с помощью наличных средств.

Весной 1918 г. Наркомпрод РСФСР направил в Казахстан около 100 рабочих, в Акмолинскую область из Кронштадта прибыло 50 моряков, в Кустанай прибыл отряд балтийских моряков во главе с В. Чекмаревым для организации сбора продовольствия для центральных районов.

Ежедневно из Омска — центра Акмолинской области, из Петропавловска, Семипалатинска и других городов Северо-Восточного Казахстана в Москву и Петроград уходили эшелоны хлеба. В марте 1918 г. среднесуточная погрузка хлеба через станцию Омск достигла 150 тыс. пудов. С августа 1917 по апрель 1918 г. из Акмолинской области в центр ушло 13 102 тыс. пудов хлебных грузов, три четверти этого зерна отправлено с ноября 1917 по март 1918 гг., т.е. после установления Советской власти. Из Семипалатинской области в это же время было послано в центральные

* Продовольственные отряды (продотряды) создавались в условиях продовольственного кризиса из рабочих для снабжения промышленных центров и армии. Они действовали в 1917–1921 гг. Первые продотряды из рабочих, солдат и матросов были посланы из Петрограда и Москвы в хлебные губернии страны в ноябре 1917 г. С начала 1918 года продотряды были образованы во многих промышленных (пролетарских) центрах.

районы России 1716 тыс. пудов хлеба. Составы с зерном, маслом, картофелем в районы Туркестанского края шли из Петропавловска и Актюбинска.⁴² Одновременно шла реквизиция, или т.н. «социализация», казахского скота, в первую очередь лошадей, в пользу Красной Армии.⁴³ Такое происходило в условиях, когда в самом Казахстане ощущался острый недостаток продовольствия, в первую очередь в городах.

Обострение продовольственной ситуации в стране и в Казахстане вызвало серьезную напряженность на рынках и стремительный рост цен. Стала обычным явлением спекуляция продуктами питания. Советам пришлось включиться в решение и этой проблемы, но не самыми надежными и безотказными экономическими методами, а революционно-волевыми с солидной долей принуждения, конфискации, других чрезвычайных мер.

Акмолинский, Павлодарский, Петропавловский Советы объявили в своих постановлениях о начале «беспощадной борьбы со спекуляцией». В Верном даже потребовали от торговцев в трехдневный срок выставить на обозрение и продажу все имеющиеся у них товары. Павлодарский Совет объявил всех спекулянтов врагами народа и заявил: «Борьба с этим злом — общее дело всех честных людей. Совет рабочих и солдатских депутатов ждет поддержки от всех, кому дороги интересы народа».⁴⁴ 28 марта 1918 г. исполком Усть-Каменогорского уездного Совета, отметив острый недостаток хлеба в городе, обязал зажиточных жителей близлежащего села Долгое и местное кредитное товарищество обеспечить хлебом голодающих горожан. По распоряжению Совета реквизировалось различное продовольствие. В соответствии с решением исполкома от 6 апреля 1918 г. у торговца Рафикова изъяли 136 пудов меда. Трудящиеся нередко сами выступали инициаторами обложения налогами местных богачей в пользу голодающих. Так, летом 1918 г. представители казахской бедноты Меркенского участка Аулие-Атинского уезда постановили: «...принимая во внимание, что в Меркенском участке сплошной голод и киргизы (казахи — *авт.*) вымирают из-за такового, и, всесторонне обсудив вопрос об оказании помощи голодающим, постановили реквизировать от 32 капиталистов..., имеющих 12-миллионное состояние, средства в сумме 237 500 руб.».⁴⁵

Такие решения поддерживались местными властями.

Одной из важных проблем, стоящей перед новыми властями и требовавшей немедленного решения, была безработица. Четырехлетняя изнурительная империалистическая война привела народное хозяйство в упадок. Многие предприятия закрывались. Безработица стала массовым явлением во всей стране. Она охватила все районы Казахстана. Спутниками безработицы были голод и болезни. Молодым Советам пришлось затратить огромные усилия, чтобы хоть в какой-то мере смягчить это бедствие. Советы открывали пункты питания, устраивали добровольные сборы в пользу безработных, организовывали биржи и бюро труда, комиссии по организации общественных работ.

В мае 1918 г. в Западной Сибири, куда входили районы Северо-Восточного Казахстана, насчитывалось до 200 тыс. безработных. В одном только Семипалатинске в апреле 1918 г. их число достигло 4000 чел.; а в Пав-

лодаре к тому времени было зарегистрировано 769 чел., совсем не имевших работы.⁴⁶

24 января 1918 г. IV Туркестанский Чрезвычайный краевой съезд Советов принял решение о мерах борьбы с безработицей, для чего постановил создать сеть профессиональных союзов, организовать биржи труда и общественные работы (орошение Голодной степи, долин рек Зеравшан и Чу), запретить сверхурочные работы, открыть в крае бесплатные столовые, общежития и организовать медицинскую помощь рабочим. СНК Туркестанского края выделил 300 тыс. руб. на борьбу с голодом в крае.⁴⁷

На одном из первых заседаний в марте 1918 г. исполком Семипалатинского областного Совета поручил финансовому отделу разработать план помощи безработным. Финотдел Совета для этой цели помимо обложения единовременным налогом местных капиталистов установил дополнительный налог с доходов торговых предприятий.⁴⁸

Исполком Актюбинского уездного Совета 29 января 1918 г. постановил учесть излишки хлеба и товаров, имеющиеся у населения, конфисковать скрытые запасы и оказать помощь нуждающимся. Волостным Советам было предложено обеспечить доставку взятых на учет излишков хлеба на близлежащие ссыпные пункты. Уездная продовольственная управа по рекомендации Совета выделила для казахского населения 10 вагонов хлеба.⁴⁹

В конце 1917—начале 1918 гг. вопрос о помощи безработным и борьбе с голодом стоял на повестке дня почти каждого заседания исполкома Аулие-Атинского уездного Совета. Так, 15 ноября Совет предложил уездному и городскому продовольственным комитетам «сделать объявления по городу и уезду с просьбой о том, чтобы излишки хлеба сдавались в продовольственный комитет и не допускались тайная продажа хлеба и тайное виноделие». На том же заседании Совет решил «собрать объединенное заседание всех организаций и желающих граждан города и уезда для всестороннего освещения продовольственного вопроса и меры борьбы с наступающим голодом». 22 января на заседании исполкома Аулие-Атинского Совета было принято решение о немедленном изыскании средств на закупку хлеба для населения города и уезда; 25 января исполком Совета запретил вывоз мяса, рыбы и других продуктов, а также угон скота с территории уезда; 30 января он решил собрать налог с населения в пользу голодающих, установить их число и необходимую сумму на открытие новых питательных пунктов, улучшить в то же время работу уже имеющихся.

Подобным образом действовали и другие Советы края. 3 апреля 1918 г. исполком Усть-Каменогорского Совета принял решение об организации общественных работ для оказания помощи безработным, для чего выделил бюро труда 10 тыс. руб.⁵⁰

Весной и летом 1918 г. из центральных губерний России в Казахстан хлынула волна беженцев в поисках куска хлеба, пополняя собой армию безработных. Это еще больше затрудняло обеспечение населения работой и продовольствием. Местные Советы открывали десятки пунктов питания и бесплатных столовых для безработных и беженцев. Например, 23

мая 1918 г. в Семипалатинске стала функционировать столовая для беженцев, на нужды которой областной Совет отпустил 5000 руб. 20 марта 1918 г. Аральский Совет вынес постановление «открыть бесплатную столовую для беднейших голодающих мусульман».⁵¹

Советы искали и другие пути облегчения положения безработных и беженцев. Некоторые снижали цены на продукты питания за счет пропорционального увеличения цен на предметы не первой необходимости. Так поступил в начале мая 1918 г. продовольственный отдел Петропавловского уездного Совета, еще раньше, в начале апреля, он запретил продавать хлеб на рынке выше установленной цены.

Прибегали и к более энергичным мерам. В середине апреля 1918 г. Семипалатинский Совет постановил отчислить в пользу безработных и беженцев из Центральной России однодневный заработок рабочих и служащих всех предприятий и учреждений Семипалатинска и его окрестностей. Кроме того, президиум Семипалатинского областного Совета принял постановление, по которому всех работающих лиц, имеющих достаточные средства к существованию, должны были заменить нуждающиеся безработные соответствующей профессии: те, кто занимали несколько должностей, оставлялись на одной по своему выбору; не могли занимать места в учреждениях и предприятиях несколько членов одного семейства, не нуждающиеся в заработке. На все освобождаемые должности устраивались безработные по рекомендации профессиональных союзов и биржи труда.⁵²

При Центральном комитете профессиональных союзов г. Семипалатинска был образован отдел по делам безработных, в который входили три представителя от безработных, один — от центрального комитета профсоюзов и по одному представителю от исполкома областного Совета и биржи труда. Отдел занимался обследованием всех предприятий и учреждений города с целью выявления вакансий и степени материального обеспечения всех служащих местных учреждений и предприятий.

Разумеется, эти меры не могли полностью удовлетворить все нужды населения в продовольствии и решить вопрос о безработице, но все же они в значительной степени смягчили обстановку и способствовали сокращению числа безработных.

Одним из важнейших направлений в деятельности Советов рассматриваемого периода являлись проблемы культурного строительства, прежде всего вопросы народного образования. В этой сфере Советская власть получила тяжелое наследие.

К тому же такие специфические условия Казахстана, как отдаленность от культурных центров страны, кочевой образ жизни большинства народа, наличие русского старообрядческого населения (особенно в восточных районах края) и т.п., создавали дополнительные трудности в развитии культурного строительства.

В рассматриваемый период Советами предпринимались первые шаги в перестройке школы. При исполкомах областных, уездных и волостных Советов были созданы отделы народного образования, отвечавшие за все школы общеобразовательного характера. При област-

ных и уездных отделах народного образования организовывались секции по внешкольному образованию с культурно-просветительными задачами.

Существовавшее до революции число школ в крае нисколько не удовлетворяло потребностей населения. Даже начальных школ в Казахстане было столь малое количество, что в них могли обучаться лишь 4,1% всех детей школьного возраста.⁵³

Съезды Советов Казахстана, проходившие весной 1918 г., наряду с другими важнейшими вопросами специально обсуждали проблемы народного образования. В постановлении Тургайского областного съезда Советов по народному образованию было записано: «... школа должна быть бесплатная, равная для всех». Начальное обучение должно было быть обязательным для всех детей, начиная с восьмилетнего возраста. На первой ступени, говорилось в решении съезда, преподавание должно вестись на родном языке. На остальных ступенях обучения предоставлялось право свободно определять язык преподавания «по усмотрению каждой национальности».⁵⁴ Предусматривалось значительно расширить сети общеобразовательных школ, особенно для казахского населения, намечались конкретные меры по подготовке учительских кадров. Съезд решил создать областной школьный фонд в размере 200 тыс. руб. с ежегодным пополнением, учтя имеющиеся в Тургайской области 679 школ, дополнительно открыть новые: в Актюбинском уезде — 194 казахских школы и 123 русских, в Кустанайском — 250 казахских и 198 русских, в Иргизском — 114 казахских и 14 школ-интернатов, в Тургайском уезде — 166 казахских школ и 13 училищ с интернатами.⁵⁵ Отдел народного образования Семипалатинского областного Совета открыл до начала Гражданской войны 100 новых училищ и преобразовал 10 двухклассных училищ в высшие начальные.⁵⁶ Большое количество школ и училищ было намечено создать в Семиреченской, Сырдарьинской, Акмолинской областях.

Руководству Советов при реализации столь масштабных планов пришлось столкнуться с неожиданным препятствием — саботажем части учительства, несогласного с масштабной перестройкой школы: передачи церковно-приходских и частных школ в систему государственного народного образования, переходу на чисто светский характер обучения детей.

Излагая свое понимание постановки народного образования в советских условиях, один из лидеров Петропавловской организации РКП(б) отмечал: «Нам предстоит покрыть территорию страны широкой сетью школ профессионально-образовательного характера... Высшая школа, университеты должны быть также организованы заново. Они должны действительно служить храмами науки, выпускать и ученых, и просто знающих людей».⁵⁷

Таковы были первые шаги. Они не дали ощутимого результата, ибо представляли собой лишь попытку действий. Но именно этот поворот к глубинным интересам народа и был оценен трудящимися, простившими деятелям Советов всякого рода неизбежные промахи и ошибки.

Наряду с перестройкой системы школьного образования Советы Казахстана проделали определенную работу по ликвидации неграмотно-

сти среди взрослого населения. Отделы народного образования местных Советов организовывали курсы элементарной грамоты, лектории на общественных началах для взрослых. При отделе народного образования Семипалатинского областного Совета в начале апреля 1918 г. открылись трехмесячные бесплатные курсы для обучения неграмотных взрослых письму и счету, а малограмотных — по курсу начальной школы. Курсы подобного типа также функционировали при некоторых гарнизонах для неграмотных солдат, в частности в Петропавловске.⁵⁸

В мае—апреле 1918 г. в Семипалатинске работал лекторий, для взрослого населения читались лекции по различным научно-политическим вопросам. Несмотря на напряженную работу в Акмолинском уездном Совете, С. Сейфуллин организовал в городе вечернюю школу грамоты для взрослых и вел там уроки.⁵⁹

Большевики хорошо понимали роль периодической печати в укреплении новой власти и ее значение в проведении революционных идей и лозунгов в жизнь на местах. В связи с этим в Казахстане волевым решением новых властных структур закрывались печатные органы партии «Алаш», газеты и журналы близких к ней общественно-политических и молодежных организаций (газеты «Қазақ», «Сарыарқа», «Жас Азамат»; журнал «Абай»), такая же участь постигла печатные органы местных организаций кадетов, эсеров и других партий, их типографии конфисковывались, и на этой основе издавались областные и уездные газеты — органы местных Советов.

Сразу же после установления Советской власти в Семипалатинске, 17 февраля 1918 г., вышел первый номер газеты «Известия Семипалатинского Совета рабочих и солдатских депутатов». Решением исполкома Семипалатинского областного Совета от 22 марта 1918 г. газета получила название «Трудовое Знамя». В мае 1918 г. стала выходить ежедневная газета «Голос Алтая» — орган Усть-Каменогорского уездного Совета рабочих, солдатских, крестьянских и казахских депутатов.

В Петропавловске была закрыта газета «Степная речь», а типография передана для печатания газеты «Известия Петропавловского Совета». 8 марта 1918 г. вышел первый номер газеты «Заря Свободы», органа Семиреченского областного Совета, редактором которой стал один из руководителей верненских большевиков Р.П. Маречек. В середине марта 1918 г. по постановлению Павлодарского уездного Совета была закрыта правозэсеровская газета «Свободная степь», и стала выпускаться газета «Объединение» — орган Совета. В апреле—мае 1918 г. в Семипалатинске вышли три номера сатирического «Красного журнала», отстаивавшего идеи Советской власти.⁶⁰

Первое время большинство этих газет выходило со специальными приложениями или разделами на казахском языке, а позже в областных и в некоторых уездных центрах стали выпускаться газеты полностью на казахском языке: «Тіршілік» («Труд») в Акмолинске, «Ұран» («Лозунг») в Урде, «Көмек» («Помощь») в Верном и др.

Меры Советов в отношении печатных органов национально-демократических и буржуазных организаций в Казахстане, как в стране в целом, отвечали требованиям ленинского «Декрета о печати» от 28 октября

1917 г., в котором говорилось: «...закрытию подлежат лишь органы прессы: 1) призывающие к открытому сопротивлению или неповиновению рабочему и крестьянскому правительству; 2) сеющие смуту путем явно клеветнического извращения фактов».⁶¹

На страницах первых советских газет Казахстана публиковались произведения руководителей большевистской партии, декреты Центрального Советского правительства, постановления и решения местных Советов по различным вопросам политической, хозяйственной и культурной жизни края, печаталась информация о положении в стране и на международной арене, сообщения с мест. Газеты служили делу укрепления Советской власти и являлись средством пропаганды идеологических установок коммунистов.

Большевики придавали важное значение театру как важному средству массовой агитации своих идей и воспитании «классового сознания» населения. Поэтому с первых шагов своей деятельности как органы власти на местах Советы предприняли ряд конкретных шагов в этой сфере. Так, на первом заседании исполкома Семипалатинского Совета рабочих, солдатских, крестьянских, казахских и казачьих депутатов 22 марта 1918 г. была намечена «организация летучей труппы с целью удовлетворения эстетических запросов населения».⁶² В мае 1918 г. в Семипалатинске работали два коллектива работников театра: «Семипалатинский союз сценических деятелей» и «Союз сценических деятелей Омска», вскоре слившиеся в один. Их силами были подготовлены и показаны зрителям «Мещане» и «На дне» М. Горького, «Враг народа» Г. Ибсена. Спектакли шли в Доме пролетарской культуры.

В мае 1918 г. в Усть-Каменогорске образовалось «Товарищество драматических артистов», члены которого ставили спектакли в городе. Помимо областных и уездных центров, в ряде крупных сел и станций силами энтузиастов создавались кружки художественной самодеятельности. Так, 13 апреля 1918 г. в Казалинске был организован театральный кружок, в мае 1918 г. в селе Убинском Семипалатинской области силами местного культурно-просветительского общества было поставлено несколько спектаклей. В Семипалатинске был организован народный театр из представителей местной интеллигенции, рабочих и служащих города. Его открытие состоялось 20 апреля 1918 г. в Доме пролетарской культуры. Это был первый народный театр в Казахстане.⁶³

У молодых театров на первых порах не все шло гладко: «Товарищество драматических артистов» в Усть-Каменогорске, «Союз сценических деятелей» в Семипалатинске не всегда правильно понимали роль театра в духовной жизни общества и в практической работе иногда руководствовались чисто коммерческими интересами, отдавая дань мещанским вкусам. Так, весной 1918 г. в народном театре Семипалатинска наряду с пьесами М. Горького, Н. Островского шли спектакли «Полузверь», «Женщина — зверь кровожадный», «Пусть будет сном, что вы меня любили», а в народном доме Усть-Каменогорска показывались такие пьесы, как «Казнь», «Распятая» и т.п. Даже их названия говорят сами за себя: они

были далеки от тех воспитательных и культурно-просветительных целей, которые ставились Советской властью. Поэтому деятельность театров в Семипалатинске и Усть-Каменогорске подверглась резкой критике на страницах газет «Трудовое Знамя» и «Голос Алтая». ⁶⁴

Советы искали и другие формы приобщения народа к культуре и просвещению. При редакциях газет, в клубах создавались бесплатные народные читальни. Одна из первых была открыта при редакции газеты «Трудовое Знамя» в начале мая 1918 г. При Семипалатинском областном отделе народного образования в апреле 1918 г. был организован народный университет, число слушателей которого в середине мая 1918 достигло 450 человек. Народный университет посещали партийные и советские работники, служащие учреждений, рабочие Семипалатинска. На первых порах лекции носили общеобразовательный характер, их задачами было пробудить мысль слушателей, зародить стремление к самостоятельной работе. Затем по желанию слушателей стали читаться курсы лекций по истории философии, литературы, политической экономии, геологии и другим предметам. К чтению лекции привлекались лица с высшим образованием, советски настроенная интеллигенция, руководители большевистской организации области. Так, лекции по политэкономии читал старый большевик В.П. Феттер, по истории и философии — руководитель латышской группы местной организации РКП(б) Р.Х. Мыкстыс, по чьей инициативе и при участии отдела народного образования местного Совета в Семипалатинске было организовано «Латышское культурное общество». ⁶⁵ Его члены часто выступали перед трудящимися города с культурно-просветительными лекциями на злободневные политические темы.

В 1918 г. в Верном также действовал народный университет с технологическим и естественно-географическим факультетами. ⁶⁶

Местные Советы вели очень важную работу по сохранению культурных ценностей (библиотек, музеев, архивов). Еще в марте 1918 г. на Семипалатинском съезде Советов было принято решение об охране культурных ценностей. ⁶⁷ Съезд объявил все крупные библиотеки, музеи и архивы, имеющие значение для восстановления истории края, всенародным достоянием.

Сразу после победы Советской власти началась работа и по организации новой системы медицинского обслуживания населения. В областных и уездных Советах были организованы отделы и комиссии народного здравоохранения, они принимали в свое время все больницы, амбулатории, врачебные и медицинские пункты. Исполком Семипалатинского Совета 8 апреля 1918 г. издал приказ, по которому все лечебные заведения области перешли в ведение врачебно-санитарного отдела. В Петропавловском уезде руководство медицинским обслуживанием населения передали уездному совнархозу, при котором были организованы санитарно-медицинский и ветеринарный отделы. ⁶⁸

Отсталая колониальная окраина Российской империи — Казахстан до революции была лишена сколько ни будь удовлетворительного медицинского обслуживания населения, особенно казахского. Больницы находились только в городах, да и коек в них было очень мало. Некото-

рые уездные центры вовсе не имели больницы⁶⁹, а в имеющихся больницах и амбулаториях работа была организована плохо, не хватало кадров и медикаментов.

Советам необходимо было срочно принимать самые решительные меры для организации новой системы медицинского обслуживания: построить новые больницы и расширить старые, укомплектовать их медицинским персоналом и снабдить медикаментами.

Советы оказывали медицинским органам всевозможную помощь: представляли им лучшие помещения за счет национализированных домовладений, первыми обеспечивали их финансовыми средствами для приобретения медикаментов, занимались подготовкой медицинских кадров и переводом врачей и другого персонала из центральных районов Советской России.⁷⁰

В марте 1918 г. врачебно-санитарным отделом исполкома Семипалатинского областного Совета в смету были внесены ассигнования для строительства 11 больниц, открытия новых амбулаторий фельдшерского типа, в том числе 5 амбулаторий в казахских волостях. Кроме того, до постройки стационарных больниц в уездных центрах предусматривалась организация временных палаточных больниц (на летнее время) до 32 мест каждая. На первую половину 1918 г. медицинскому подотделу Семипалатинского уездного Совета было отпущено более 150 тыс. руб. вместо 20 960 руб., предусмотренных при Временном правительстве. В начале марта Акмолинский уездный Совет выделил 10 000 руб. для нужд больницы города.⁷¹

Для улучшения медицинского обслуживания жителей сел и аулов предусматривалось перемещение некоторых больниц и амбулаторий из городов в сельскую местность. Так, санитарно-медицинский отдел Петропавловского Совета 24 марта 1918 г. постановил перевести уездную больницу в с. Явленское. Было намечено также открыть врачебные и фельдшерские пункты в селах Троицком, Успенском, Дмитриевском, Анновском, Ставропольском, Ефимовском, Феодоровском, Петровском, Ильинском, Михайловском, Ананьевском, Раевском, Васильевском, Казанском и др. Для повсеместной борьбы с эпидемическими болезнями в каждом уезде Семипалатинской области организовывались специальные отряды.

Стараниями отдела здравоохранения Перовского Совета в конце 1917—начале 1918 гг. открылись амбулаторные пункты в селениях Джулек и Алмесек, фельдшерские пункты — в Мойнаке, Бугуне, Урге, Карачокате, Камыстыбасе.⁷²

Подобные работы проводились Советами и в других районах края. Так, за май—июнь 1918 г. проделана, как указывалось в докладе Аулие-Атинского уездного Совета, следующая работа: «1) Открыто и непрерывно работает уездная участковая лечебница; 2) в трех местах (Грозное, Мерке и Новотроицке — на Чу) открыты эпидемические пункты...; 3) по уезду производится противохолерная прививка, уже израсходовано 5000 доз и еще имеется на 5000 человек; 4) выработаны и давно отправлены сметы на санитарное дело...; 5) разработана и послана на утверждение в Ташкент

детальная схема обеспечения всего уезда медицинской и ветеринарной помощью...». ⁷³

Советы принимали возможные меры и для улучшения материального положения работников медицины. В апреле 1918 г. медицинские работники Семипалатинской области получили прибавку к заработной плате за 1917 и 1918 гг. как компенсацию за дороговизну предметов первой необходимости и продовольствия. ⁷⁴

При врачебно-санитарных отделах организовывались ветеринарные подотделы. Одним из первых такой подотдел был создан при врачебно-санитарном отделе исполкома Семипалатинского областного Совета. Он сразу же приступил к оборудованию участков ветеринарных лечебниц и бактериологического кабинета и укомплектованию фельдшерами. В марте 1918 г. при Петропавловском Совете был образован ветеринарный отдел на базе существовавшего до этого ветеринарного общества. 19 марта 1918 г. Кокчетавский уездный съезд Советов принял решение об открытии такого же отдела в Кокчетаве и ветеринарных амбулаторий в селениях Новопокровском, Николаевском, Константиновском, Акан-Бурлуке, Сухотинском, Щучьем и Чистополье. ⁷⁵

В тесной связи с врачебно-санитарными отделами работали отделы призрения (социального обеспечения). Советская власть взяла на себя бесплатное обеспечение детей-сирот, беспризорников, стариков, оставшихся без средств к существованию. В обязанности отдела призрения входила также забота о семьях погибших воинов, нетрудоспособных инвалидов и т.д.

В начале апреля 1918 г. отдел призрения исполкома Семипалатинского облсовета, которым руководил Г.З. Комаров, составил план работы на 1918 год. В нем, в частности, предусматривалось открыть три воспитательных дома, приют с мастерскими и сельскохозяйственными фермами, дома престарелых. Много внимания отдел призрения уделял трудоустройству и материальному обеспечению инвалидов войны. С этой целью намечалось открыть так называемые «дома трудолюбия» с мастерскими и интернатами. Для обеспечения матерей-одиночек, не имеющих возможностей воспитать ребенка, открыли дом малюток. Отдел выделил средства на строительство постоянно действующей кумысолечебницы и курорта-грязелечебницы в Муйалдах (под Павлодаром). ⁷⁶

Таковы первые шаги деятельности Советов Казахстана в хозяйственно-культурном и социальном строительстве до начала Гражданской войны.

3. КАЗАХСТАН В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ

Захват рабоче-крестьянскими Советами власти в центре и на местах с первых дней вызвал вооруженное сопротивление свергнутых классов. Гражданская война стала продолжением борьбы за власть, поэтому четкой грани между Октябрьским вооруженным восстанием 1917 года и Гражданской войной не было. Страна оказалась в состоянии Граждан-

ской войны с 25 октября 1917 г., ибо эта дата разделила страну по классовому признаку на два враждующих лагеря, сущностью борьбы которых стала жестокость.

Один из очагов Гражданской войны в Казахстане возник в Оренбурге — административном центре Оренбургской губернии и Тургайской области, где казачий атаман Дутов в конце ноября 1917 г. сверг Советскую власть, арестовал ревком во главе с делегатом II Всероссийского съезда Советов С. Цвиллингом [5—13 декабря 1917 г., как было сказано выше, в Оренбурге собрался 2-й Всеказахский съезд по инициативе партии «Алаш», который избрал Временный совет — всеказахское правительство — Алаш-Орду. Алихан Букейханов позднее (11 февраля 1919 г.) пояснил: «Постановление съезда было вызвано желанием предотвратить анархию на территории, населенной киргизами (казахами — *авт.*), не допустить возможности развития большевизма в степи. Автономия киргиз (казахов — *авт.*) в тех условиях, в каких находилась Россия, не могла осуществиться. На очереди стояла борьба с врагом свободы — большевизмом».⁷⁷ В обстановке начала Гражданской войны лидеры партии Алаш и правительства Алаш-Орды, ранее примыкавшие к кадетам и не принявшие большевистскую платформу Советской власти, теперь надеялись создать и укрепить объявленную на втором съезде Казахскую автономию с помощью Дутова и других антисоветских сил и центров, сформировать ее вооруженные силы в лице «народной милиции».

Антисоветские очаги, помимо Оренбурга, были созданы также в Семиречье и Уральске. В этих районах социальной базой антисоветских сил служили Семиреченское и Уральское казачьи войска, купцы и торговцы. Против Советской власти выступили и местные алашордынцы.

1 (14) ноября 1917 г. «Войсковой совет» Семиреченского казачьего войска образовал в Семиречье высшую власть — «Войсковое правительство». В г. Верный стекались белогвардейские офицеры и юнкера и здесь же начал формироваться алашский полк. Белоказачья диктатура проводила жестокий террор по отношению к сторонникам Советской власти. Были зверски расстреляны редактор газеты областного Совета крестьянских депутатов Березовский, рабочий Овчаров, арестованы многие рабочие и солдаты — члены местных Советов.

Следующий очаг Гражданской войны образовался также в ноябре 1917 г. в Уральске. Созданное здесь областное «Войсковое правительство» Уральского казачьего войска опиралось на белогвардейское офицерство, атаманско-кулацкие элементы казачества активно поддерживались местными эсерами, меньшевиками и алашордынцами.

К лету 1918 года политическая обстановка в крае обострилась в связи с активизацией антисоветских сил. Их главным ударным кулаком стал Чехословацкий корпус, созданный до революции из числа чехов и словаков — военнопленных солдат Австро-Венгрии. Хорошо вооруженный 50-тысячный корпус в конце мая 1918 г. поднял антисоветский мятеж одновременно в Поволжье и Сибири на протяжении всей железнодорожной Транссибирской магистрали. Части корпуса вместе с внутренними антисоветскими силами захватили казахстанские города Петропавловск, Ак-

молинск, Атбасар, Кустанай. Близость к магистрали, находившейся в руках чехословаков и «столицы» Колчака — Омска, препятствовала укреплению Советской власти в северной части Казахстана. 11 июня 1918 г. Советская власть была свергнута в Семипалатинске. Организаторы Гражданской войны жестоко расправлялись всюду с коммунистами, активными советскими работниками и сочувствующими последним. Так, были убиты К. Сутюшев, И. Дубынин, П. Калюжная, Г. Идрисов, К. Шугаев, И. Салов и многие другие. Живым был сожжен в топке парохода председатель Усть-Каменогорского Совета Яков Ушанов.

Летом Уральская, Акмолинская, Семипалатинская области и большая часть Тургайской были захвачены белогвардейцами. Они со стороны Семипалатинской области вторглись в северное Семиречье, заняв 21 июля Сергиополь. Их поддержали поднявшиеся на помощь мятежные казачьи станицы. 22 июля постановлением Семиреченского облисполкома был образован штаб войск Семиреченского фронта. Однако объединенные вооруженные силы области не смогли изгнать белогвардейцев. Красногвардейский отряд нанес ощутимые удары противнику, но, потеряв в бою своего командира И. Мамонтова, был вынужден отступить к станице Абакумовской. Большая группа селений крестьян-переселенцев с центром в селе Черкасском организовала самооборону. Это положило начало так называемой «Черкасской обороне».

Летом 1918 года Советская власть сохранилась в Казахстане лишь в большей части Семиреченской, Сырдарьинской, южных районах Тургайской области и на большой территории Букеевской Орды.

В условиях Гражданской войны возникла необходимость мобилизации всех материальных ресурсов, в первую очередь продовольствия, и установления нового порядка их распределения среди различных слоев населения. Для решения этой сложной задачи Советская власть с началом Гражданской войны ввела целую систему чрезвычайных мер в экономике, получивших название политики «военного коммунизма». Основными составляющими этой политики являлись национализация не только крупной и средней, но и мелкой промышленности, введение всеобщей трудовой повинности, установление государственной хлебной монополии, запрещение частной торговли продовольствием. Основным элементом политики «военного коммунизма» являлась продовольственная разверстка, осуществляя которую, Советская власть, по словам В.И. Ленина, должна была взять «все излишки у крестьян, какие только имеются, взять иногда даже не только излишки, а и кое-что необходимое крестьянину, лишь бы сохранить способной к борьбе армию и не дать промышленности развалиться совсем».⁷⁸ Иначе говоря, продовольственная разверстка давала большие права властям грабить крестьян и издеваться над ними...

Отдельные элементы политики «военного коммунизма» проводились в советских районах Казахстана, хотя не в той форме и том объеме, чем в центральных регионах РСФСР. Отдаленность советских районов Казахстана от центра и столицы, нарушение хозяйственной жизни на значительной территории края военными действиями, специфика хозяйственно-экономического развития отдельных уездов и областей и другие

факторы явились причиной того, что продовольственная разверстка здесь в полном объеме стала осуществляться только после освобождения основных хлебопроизводящих районов от «белых», т.е. с начала 1920 года.⁷⁹

Между тем Гражданская война разрасталась. Появился целый ряд региональных антисоветских правительств в районах, граничащих с Казахстаном.

При помощи чехословацкого корпуса, за которым стояли правительства Антанты, в Самаре было создано эсеров-белогвардейское правительство Комуч — Комитет Учредительного собрания, в Омске — Временное сибирское правительство. Атаман Дутов, изгнанный 18 января 1918 г. из Оренбурга, вновь подняв антисоветский мятеж, 3 июля 1918 г. захватил Оренбург, отрезав Советский Туркестан от Центральной России и создав т.н. «оренбургскую пробку».

В условиях начавшейся широкомасштабной Гражданской войны и свержения Советской власти в большинстве районов Казахстана Алаш-Орда заключила союз с Дутовым в Оренбурге, вступила в тесный контакт с Временным сибирским правительством в Омске, замененном диктатурой адмирала Колчака в ноябре 1918 г., и Комитетом Учредительного собрания (Комуч) в Самаре, укрепила связи с уральским, сибирским и семиреченским казачеством с целью совместной борьбы с Советами.

Ход Гражданской войны показал, что политические решения останутся простыми заявлениями, если их не подкрепить действиями вооруженных сил. В соответствии с решением II Всеказахского съезда руководству Алаш надлежало в спешном порядке, наряду с общеполитическими вопросами — об Учредительном собрании, о национальной автономии, взаимоотношениях с региональными властями — ускоренно формировать подразделения национальных вооруженных сил.

В июне 1918 г. правительство Алаш-Орды приняло ряд декретов об организации власти на местах, в соответствии с которыми все документы и законодательные акты, изданные Советской властью на территории Алашской автономии, признавались недействительными,⁸⁰ при Алаш-Орде был образован военный совет из трех лиц «с функциями военного министерства» с обязанностью «призывать джигитов для борьбы с большевиками».⁸¹

Законодательным актом от 24 июня 1918 года «на территории Алаш восстанавливались земские учреждения, введенные по закону Временного правительства 17 июня 1917 года и упраздненные советской властью».⁸² Вместе с тем правительство Алаш-Орды всеми возможными путями стремилось добиться признания Казахской автономии новыми российскими правительствами на основе решений второго Всеказахского съезда. В своих многочисленных переговорах с различными правительствами (Комуч, Сибирская областная дума, Временное сибирское правительство и т.д.) и лидерами различных политических сил России практически во всех случаях руководство Алаш-Орды во главе с А. Букейхановым выдвигало на повестку дня решение проблемы воссоздания общероссийской власти и предоставления казахскому народу возможности образования национальной государственности.

Попытка А.Н. Букейханова приступить к реализации решений II Всеказахского съезда о создании казахской национальной автономии сразу же затронула массу вопросов. Подобное было неизбежно. Разной была обстановка на западе, севере, востоке Казахстана. Неодинаково складывались отношения деятелей Алаш с другими политическими силами. Букейханов и его окружение учитывали эти обстоятельства. Сразу по прибытию в Семипалатинск после свержения там Советской власти А.Н. Букейханов направляет на места установки о тактике действий в новых условиях, причем тексты директив показывают нестандартность подхода лидера Алаш к задачам, которые он возлагает на своих единомышленников в областях и уездах. Так, в телеграмме на адрес руководителя Тургайского областного комитета Алаш в Оренбурге Сеитазима Кадырбаева говорилось: «24 июня нового стиля Алаш-Орда приступила к работе. Будет выполнять решения Второго всекиргизского съезда. К Башкирской и Сибирской автономиям относимся как к братским автономиям. Состоим с ними в союзе в деле ликвидации большевиков. В других областях будем работать также рука об руку. Приступайте к открытию областного отдела Алаш-Орды в Тургае, уездных отделов — в уездах. Членами [их] будут люди из земств. Состав уездных отделов 3—5 человек, один из них будет ведать делами казахской милиции, второй — делами по сбору денежных средств. Земства на время сохраняются. В дела земств Алаш-Орда не вмешивается. В ведении Алаш-Орды будут казахские дела в области политики и культуры. Для казахских дел нет другой власти, кроме Алаш-Орды. Срочно вербуйте для милиции по 30 джигитов от каждой волости. В отношении вооружения, содержания и офицеров для обучения поговорите с Дутовым. В Акмолинской и Семипалатинской областях уже вербуют джигитов. Семипалатинские джигиты в боях в Алтайской губернии вернулись с победой... Свяжитесь с Дутовым и Ахмед-Заки (Валидовым), примите меры для освобождения Туркестана от большевиков. По этому делу Алаш-Орда поддерживает контакт с Дутовым и Ахмед-Заки.

Алимхан (Ермеков — *авт.*), Ахмет (Байтурсынов — *авт.*) и Мырзагазы (Еспулов — *авт.*) на переговорах с Сибирским правительством в Омске. Никакой пощады большевистским прохвостам!

Председатель Алаш-Орды Алихан (Букейханов)». ⁸³

Руководству Уральского областного комитета Алаш А. Букейханов дополнительно рекомендовал: «... немедленно приступить [к] сбору податей [за] семнадцатый—восемнадцатый годы, приступите [к] призыву конной милиции... [в] первую очередь добровольцев... сбор милиционеров должен окончиться [в] трехнедельный срок по получении телеграммы» ⁸⁴. Что же касается комитетов Алаш в Омске, Зайсане, Усть-Каменогорске, Кокпектах, Каркаралинске, Павлодаре, Петропавловске, Кокчетаве, Акмолинске, Атбасаре, Баян-Ауле, Славгороде, то им, кроме того, было поручено, взяв на себя миссию представителей казахского народа, работать в контакте с «местными представителями сибирского временного правительства» ⁸⁵.

Идея автономии, как говорилось выше, встретила поддержку лишь у большевиков и то на условиях советской платформы и классового

принципа. Все остальные политические силы, не отвергая данной идеи с ходу, увязывали ее решение с волей Всероссийского Учредительного собрания.

Лица, возглавившие местные органы власти, а именно с ними актив Алаш деятельно сотрудничал для свержения Советов, отнеслись к акции А.Н. Букейханова более чем прохладно. Правительство Алаш-Орды не получило признания ни в Омске, ни в уездах. Необходимо пояснить, что решения II съезда и проект программы Алаш, предусматривая создание национальной автономии, исходили из идеи государственной демократической республики, фактически подразумевая конфедерацию. Что же касается позиций всех небольшевистских политических партий, то хотя некоторые из них формально признавали необходимость федерации, но на деле оставались сторонниками унитарного государства. Во-вторых, декабрьский съезд, принимая решение об автономии, руководствовался политической оценкой положения в стране, которая сводилась к одному — распад государства, безвластие, полная анархия. С анархией отождествлялся большевизм. Свержение власти большевиков и создание кадетско-эсеровских правительств означали с точки зрения белогвардейцев меры прекращения анархии, безвластия и, соответственно, ненужности автономий. В-третьих, рассылая свои телеграммы в областные и уездные центры о создании алаш-ордынских органов управления, А.Н. Букейханов и его сподвижники указывали на временный характер предпринимаемых ими мер. В-четвертых, в телеграммах говорилось, что национальные органы власти осуществляют свои функции только среди казахского населения «не вмешиваясь /в/ компетенцию местных земских городских самоуправлений».⁸⁶ Выходит, что оговаривалась множественность органов власти и управления. Наряду с аппаратом управления Сибирского правительства в Акмолинской и Семипалатинской областях действовал аппарат Сибирского казачьего войска, в Уральской — Уральского казачьего войска и теперь к ним добавился аппарат Алаш-Орды. Ситуация складывалась так: в городе и поселках действовали одни законы и распоряжения, в станицах — другие, в аулах — третьи. Нередкими были случаи, когда в поселениях смешанного типа, а таких было немало, люди отказывались подчиняться и той, и другой, и третьей власти, ссылаясь на то, что одна из властей уже командует ими.

Пытаясь как-то упорядочить дело и разграничить сферы влияния, Омский областной казахский комитет за подписью Аблайханова и Садвакасова 29 июня 1918 года направил письмо областному комиссариату (органу Сибирского правительства — *авт.*), подчеркнув: «Некоторые станичные и поселковые правления, а также крестьянские волостные и сельские комитеты в связи с событиями последних дней по единичным жалобам киргиз без ведома на то уездного и областного киргизских комитетов непосредственно снаряжают и отправляют вооруженные отряды в аулы, якобы для разрешения междуаульных и киргизских конфликтов.

Считая таковое явление ненормальным и подрывающим авторитет киргизских органов, стоящих у власти, областной комитет просит комиссариат сделать надлежащее распоряжение всем крестьянским волостным и сельским комитетам впредь по единичным таковым жалобам

киргиз непосредственных мер не принимать, а сообщать об этом своевременно уездным или областному киргизским комитетам.

В отношении станичных и поселковых правлений одновременно с ними сообщено войсковой казачьей управе». ⁸⁷

Когда комиссар запросил правительство, как быть в данной ситуации, ему разъяснили: «Уездный и областной киргизские комитеты есть организации частные». ⁸⁸

Целых три месяца руководство Алаша пыталось утвердить свою власть, издав серию распоряжений по вопросам управления, свободы совести, порядка землепользования, налогообложения, суда, военного дела. ⁸⁹ Однако надлежащего подтверждения этим актам со стороны Сибирского правительства так и не поступило. Собственно, позицию правительства хорошо раскрыла статья в центральном органе кадетов Сибири. Она была озаглавлена «К вопросу о киргизской автономии». В ней говорилось: «Автономия в той форме, в какой ее требуют киргизские представители, равносильна полному отделению от России, равносильна образованию в ее пределах самостоятельного киргизского государства.

Мы готовы широко идти навстречу требованиям инородцев об удовлетворении их культурно-национальных нужд, но полагаем, что только государство, решившееся на самоуничтожение, могло бы добровольно согласиться на подобного рода инородческий сепаратизм». ⁹⁰

Своеобразным толчком для этой публикации послужили настроения руководства различных ведомств и учреждений, где рассматривалась докладная записка председателя Алаш-Орды от 23 июля 1918 г. премьер-министру Сибирского правительства. В ней глава Алаш-Орды пытался доказать легитимность практики формирования алаш-ордынских органов управления и функционирования правительства Алаш-Орды тем, что «к данному моменту России, как единого цельного не существует. Не существует и единой государственной власти... Поэтому силой исторических событий освободившиеся от власти большевиков автономные области и народы должны встать на путь государственной самостоятельности... Разнообразные взаимные интересы Сибири и Алаш диктуют тесный союз обеих автономий. Взаимное признание единит их силы... Мы предлагаем на обсуждение правительству автономной Сибири следующие пункты соглашения:

1) Сибирское правительство обменяется с автономией Алаш взаимным признанием». ⁹¹

Следующие пять пунктов сводились к следующему:

- а) Алаш-Орда является органом власти только казахского народа;
- б) национальная армия подчиняется общему сибирскому командованию и военному отделу Алаш-Орды;
- в) банки и финансовые учреждения подчиняются Сибирскому правительству;
- г) необходимо созвать конгресс народов регионов, очищенных от большевиков, для создания федеральной власти. ⁹²

Что обращает на себя внимание в данной записке? Первое – стремление представить себя, т.е. правительство Алаш-Орды, как равную сторону в переговорном процессе. Второе – попытка доказать легитимность

существования Алаш-Орды отсутствием единой российской власти. Третье — желание создать эту власть. Четвертое — стремление доказать необходимость признания Казахской автономии тем, что на местах начался процесс формирования областных автономий, который пока пресекается руководством: «Затянувшиеся наши переговоры с правительством Сибири лишили автономию Алаш Уральской области. Возможно, другие казак-киргизские области, освободившись от большевиков и не дождавшись автономии Алаш, последуют дурному примеру Урала, а дальше будут сепаратно искать ориентации с Туркестаном, находящимся, с занятием немцами Баку, под угрозой немецкого завоевания».⁹³ Пятое — попытка указать, что в случае непризнания автономии Алаш Россия потеряет Туркестан, а Сибирь, как минимум, лишится такого союзника, как Алаш: «Опасность распада автономии Алаш вынудит Алаш-Орду решиться на крайние меры, отказаться от союза с Сибирью, объявить автономию Алаш и спасти единение казак-киргизского народа, пожертвовав выгодами союза с Сибирью.

Признание Сибирским правительством автономии Алаш создало бы ей возможность оттянуть Туркестан от немецкой ориентации, сохранить его в пределах Российской Федерации».⁹⁴

Записка сыграла свою роль, хотя и не ту, на какую рассчитывали ее авторы. Обстановка на фронтах была неустойчива, и терять пусть даже номинального союзника сибирские белогвардейцы не хотели. Они пошли на полумеры. Распоряжением премьер-министра П.В. Вологодского была создана специальная комиссия первоначально под председательством министра «туземных» дел Б.М. Шатилова, затем — управляющего министерством народного просвещения профессора В.В. Сапожникова. Члены комиссии: зам. министра внутренних дел — В.Д. Михайлова, зав. переселенческим отделом Кабинета министров — А.М. Ярмош, представитель военного ведомства — генерал В.Л. Попов. «В качестве сведущего лица в комиссию привлечен руководитель Алаш-Орды Букейханов».⁹⁵

На протяжении четырех дней — 29, 30 июля, 2 и 3 августа комиссия рассматривала предложения руководства Алаш-Орды и пришла к выводу, что определенное соглашение Сибирского правительства с Алаш-Ордой необходимо. Обойдя вопрос о политическом статусе Алаш-Орды и Казахской автономии, комиссия по ряду предложений докладной записки приняла согласованное решение: Алаш-Орда была признана органом власти казахского народа, ей разрешалось осуществлять сбор кибиточной подати и проводить специальное обложение. Кроме того, Алаш-Орда могла создавать национальный суд. Что касается вооруженных сил — национальной армии, то армия создавалась, управлялась и снабжалась, основываясь на принципах, определенных военным ведомством Сибири. Командующий национальной армией, командиры частей назначались военным правительством Сибири с согласия правительства Алаш-Орды.⁹⁶ Таким образом был достигнут компромисс, который означал полупризнание Алаш-Орды, но в то же время оставлял Сибирскому правительству возможность ревизии этого соглашения. Нужно обратить внимание на то, что, соглашаясь на определенные уступки Алаш-Орде, правительство

Сибири сразу же продемонстрировало неравноправие сторон. Это видно из самой, по существу, разрешительной формы соглашения.

Соглашение делегации Алаш-Орды (А.Н. Букейханов привлек в нее А.А. Ермакова и Х. Тохтамышева) и комиссии Сибирского правительства было достигнуто в самый канун Уфимского государственного совещания.

Оно открылось 8 сентября 1918 г. В его работе вначале приняли участие 147 человек, в том числе 81 член Учредительного собрания. Казахские области, в том числе и входившие в состав автономного Туркестана, там представляли А.Н. Букейханов, Х.Д. Досмухамедов, Ж.Д. Досмухамедов, С.Д. Дошанов, Б.А. Джахандамов, А. Байтурсинов, Г. Алимбеков, М. Тынышпаев, М. Чокаев, И. Турмухамедов.⁹⁷

Главным вопросом Уфимского государственного совещания было создание всероссийской верховной власти. Новое правительство получило название Директория. Оно состояло из пяти человек под руководством его председателя, члена ЦК партии эсеров Н. Авсентьева.

Главными задачами Директории были объявлены:

- «1) борьба за освобождение России от Советской власти;
- 2) воссоединение отторгнутых, отпавших и разрозненных областей России;
- 3) непризнание Брестского и всех прочих договоров международного характера...;
- 4) продолжение войны против германской коалиции».⁹⁸

Работа Уфимского государственного совещания продемонстрировала, что противники Советской власти намерены решительно покончить с децентрализацией. Проблема целостности как государства, так и его составных частей беспокоила многих, в том числе и лидера Алаш А.Н. Букейханова. Он понимал, что пребывание южных областей в составе Туркестана может породить немало проблем на путях формирования казахской государственности. Не меньшее беспокойство вызывала позиция западной группировки Алаш, усилиями которой было создано областное национально-территориальное образование автономного плана — Уильский олайт. Используя свое пребывание в Уфе и присутствие на совещании лидеров Уильского олаята, А.Н. Букейханов, как председатель, собрал на специальное заседание Алаш-Орды членов Государственного совещания от Казахстана. 11 сентября 1918 г. под председательством А.Н. Букейханова члены высшего руководства Алаш-Орды Ж. Досмухамедов, Х. Досмухамедов, А. Беремжанов, А. Ермаков и М. Тынышпаев обсудили вопрос управления автономией и организации аппаратов власти в пределах Казахстана. Постановление по этому вопросу состояло из 11 пунктов и предусматривало ликвидацию автономного олаята и передачи дел его руководства специально уполномоченному органу вновь образованного Западного отделения Алаш-Орды, в состав которого вошли четыре человека: Х. Досмухамедов, Ж. Досмухамедов, Б. Кульманов и И. Турмухамедов.

Заметим, что А.Н. Букейханову удалось решить сразу несколько задач: он выполнил решение Уфимского государственного совещания о ликвидации областных правительств и, что самое главное, нанес ощутимый

удар по сепаратистским настроениям уральских радикалов. Чтобы не слишком обострять отношения с группой Досмухамедовых, оба лидера этой группы: и Жаханша, и Халел были включены в состав руководства Западного отделения Алаш-Орды, но теперь они находились под контролем сторонников А.Н. Букейханова в лице Б. Кульманова, И. Турмухамедова.

Пока Алаш-Орда решала проблемы территориальной целостности Казахстана, произошли политические события, в корне изменившие положение дел. С созданием и укреплением сибирской армии и крушением самарского Комуча, войска которого потерпели тяжелое поражение, расстановка сил внутри Директории существенно изменилась. Ее члены от партии эсеров потеряли всякое влияние. У них не было реальной опоры. Попытки Директории распустить сибирское правительство⁹⁹ успеха не имели.

Единственное, что смогли сделать Н.Д. Авсентьев и его коллеги — это «решить» проблему Алаш-Орды путем упразднения правительства и учреждения должности «главуполномоченного по управлению Алаш», наделив его функциями решения культурно-бытовых и хозяйственно-экономических вопросов.¹⁰⁰

Следует заметить, что решение о ликвидации Алаш-Орды оказалось полной неожиданностью для А.Н. Букейханова и его окружения.

Фактически весь 1918 год руководство Алаш-Орды на всех уровнях уделяло много внимания делу создания национальных вооруженных сил. Первый алашский отряд, как уже говорилось, был образован в Верном в январе—феврале 1918 г., но сразу же после установления Советской власти (март 1918 г.) в Семиречье он был разоружен и расформирован.

Лидер Алаш-Орды А. Букейханов вместе с А. Ермаковым и заведующим военным отделом Х. Тохтамышевым в июле и августе 1918 г. вели переговоры в Самаре и Омске с представителями военных ведомств Комуча и Временного сибирского правительства по вопросам оказания помощи Алаш-Орде в формировании вооруженных сил. Лидеры западного отделения Алаш-Орды Ж. и Х. Досмухамедовы получили из Самары через Комуч 600 винтовок и пулемет, обещая в ближайшее время организовать казахские отряды в количестве 2000 человек. Тургайской группе в сентябре 1918 г. было выделено 300 берданок, 20 тыс. патронов и большое количество обмундирования. С помощью Дутова приступили к формированию двух конных полков: одного — в Кустанайском, другого — в Иргизском уездах. В августе 1918 г. в Семипалатинске был сформирован с помощью уполномоченного Временного сибирского правительства Давыдова и других алашский конный полк в составе 38 офицеров и 750 бойцов.¹⁰¹

Кроме того, на востоке Семиреченской области развернулось формирование второго полка, а в Семипалатинске — третьего и приданных ему подразделений. В Тургае был сформирован четвертый кавалерийский полк; в Приуралье, на базе Жамбейтинских курсов унтер-офицерского состава, с помощью инструкторов из Уральска, Гурьева и других мест была создана школа прапорщиков; началось формирование

частей отдельной кавалерийской бригады численностью 2 тыс. человек. В целом картину положения дел создания национальной армии 26 октября 1918 года обрисовал член правительства Алаш-Орды: «Что касается нашего участия в общей борьбе за освобождение от большевистско-германского ига, то киргизские мобилизованные части не могли [по] многим причинам, от нас независящим, получить возможность вооружения своевременно.

Сейчас мы понимаем, что вооружения не хватает не только для нас. В настоящее время в Семиречье участвуют в борьбе с большевиками киргизские отряды в 500 человек, в Семиреченской области имеется до 8 тысяч добровольцев, в Семипалатинской — 2 тысячи, Уральской — 2 тысячи, Кустанае — 450 человек».¹⁰² Примерно такие же данные привел А. Букейханов в ходе переговоров с делегацией Временного сибирского правительства 11 февраля 1919 г. Отвечая на вопрос представителя Министерства внутренних дел Временного сибирского правительства А. Малахова: «Что такое милиция?», А. Букейханов заявил: «Милиция — это наше войско. Оно уже фактически существует: 700 наших джигитов находятся на фронте в Семиречье, 540 человек — у Троицка, 2000 человек — в Уральской области».¹⁰³

Лидеры Алаш-Орды, получив известную помощь от Сибирского правительства и заменившей его Директории, в организации подразделений национальной армии были лишены такой поддержки в вопросах национально-государственного строительства в соответствии с решением второго Всеказахского съезда, состоявшего в декабре 1917 года. Более того, после постановления Директории об упразднении правительства Алаш-Орды (сентябрь 1918 г.) и создания специального органа управления казахскими делами во главе с А. Букейхановым, процесс национально-государственного строительства вовсе прекратился. Весь ход последующих событий показал, что движущей причиной негативного отношения российских властей к деятельности Алаш-Орды были опасения правых элементов в связи с возможным распадом единого государства. Именно эти правые элементы возобладали сначала в ближайшем окружении Директории, а затем и в составе правительства А.В. Колчака. Фактически это привело к тому, что в Казахстане оказалась исключена из активной борьбы с Советской властью основная масса коренного населения, лишившаяся стимула — создания своего национального государства. К тому же малочисленные, плохо вооруженные и слабо обученные подразделения «народной милиции» не могли играть какую-либо существенную роль в ходе и итогах Гражданской войны в Казахстане.

Вооруженное противостояние в Казахстане было составной частью Гражданской войны в России. Поэтому не только ход боевых действий на главных фронтах Гражданской войны оказывал решающее влияние на развитие и ход борьбы на казахстанских фронтах, но и действия местных воинских формирований, партизанское движение и восстания на оккупированных белогвардейцами территориях Казахстана оказали существенную помощь главным силам Красной Армии, сражавшимся на Восточном и Южных фронтах. Особенно наглядно это проявилось в осво-

бождении Оренбурга, Уральска и окончательном разгроме Колчака, изгнании белогвардейцев и их союзников из Северного, Северо-Восточного Казахстана и Семиречья. Центр оказывал военную помощь сражающимся на казахстанских фронтах частям Красной Армии. Одним из ярких примеров подобной помощи является экспедиция А. Жангельдина, которая 20 июля 1918 г. с большим количеством боеприпасов выехав из Москвы по железной дороге, 1 августа прибыла в Астрахань. 21 августа экспедиция на двух шхунах следует через Каспий в форт Александровск (ныне город Актау), оттуда через остров Кулалы прибывает к северной точке полуострова Бузачи и высаживается на мысе Жандаур (Заворот). Здесь целый месяц времени ушло на подготовку к степному походу. Успех экспедиции теперь полностью зависел от поддержки местного казахского населения, которое снабдило экспедицию вьючным транспортом и различным снаряжением.

11 ноября, через 57 дней трудного степного перехода, экспедиционный отряд прибыл на ст. Челкар, где его с нетерпением ждали войска Актюбинского фронта. Позднее, в 1927 г., А. Жангельдин за организацию этой экспедиции и другие заслуги был награжден орденом Красного Знамени.

В условиях Гражданской войны в советских районах Казахстана довольно успешно шло строительство частей Красной Армии. Вместе с русскими в ряды Красной Армии вступали и представители казахского народа. Декретом ВЦИК (Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета) от 29 мая 1918 г. добровольность комплектования Красной Армии была заменена обязательной воинской повинностью. Вместе с тем значительное время еще сохранялись и добровольческие отряды. Летом 1918 г. стали создаваться национальные воинские формирования как составные части единой Красной Армии. Базой создания национальных частей Красной Армии на территории Казахстана стали Сырдарьинская, Семиреченская области, Букеевская Орда и советские уезды Тургайской области (Тургайский и Иргизский).

В 1919 г. был организован первый оренбургский казачий полк им. Степана Разина. В обороне Уральска в апреле—июле 1919 г. участвовал казахский эскадрон, позднее преобразованный в первый советский образцовый казахский полк.

В борьбе с белогвардейцами вместе с трудящимися Казахстана участвовали иностранные рабочие и крестьяне: венгры, немцы, чехи, поляки и др., добровольно вступившие в ряды Красной Армии. Широкий размах на захваченных белогвардейцами территориях Казахстана приняло партизанское движение и народные восстания. Крупным очагом партизанского движения был Кустанайский уезд. Значительное распространение оно приняло в Акмолинской, Семипалатинской областях. В историю партизанского движения вошло Мариинское восстание в Атбасарском уезде Акмолинской области. Значительных размеров достигло партизанское движение в Павлодарском, Усть-Каменогорском, Бухтарминском и Зайсанском уездах Семипалатинской области, особенно в Зыряновской, Катон-Карагайской, Шемонаихинской волостях. Прочно вошли в историю Гражданской войны в Казахстане такие события, как Чер-

касская оборона, оборона Уральска, действия партизанских отрядов «Горные орлы» Тарбагатай и Алтай.*

К концу 1918 – началу 1919 гг. события на фронтах развивались явно не в пользу «белых». Наиболее мощная сила белогвардейцев – армия А. Колчака, занявшись перегруппировкой и подтягиванием резервов, не смогла оказать своевременной помощи Оренбургскому и Уральскому казачеству, в результате чего красные войска заняли административные центры обоих казачьих войск, восстановили свой контроль над всей Оренбургско-Ташкентской магистралью, отсекли уральское казачество от Оренбурга и Сибири и получили возможность укрепить свои позиции в Туркестане и Семиречье.

Советское руководство в Москве проанализировало итоги 1918 года и пришло к выводу о срочном углублении реформы национально-государственного строительства, скорейшем формировании национальных автономий в Татарии, Башкирии, Казахстане. Этот курс был закреплен в решениях VIII съезда РКП(б) (март 1919 г.). Фактически большевики сумели перехватить инициативу у руководства белого движения и, опираясь на специальный Казахский отдел правительственного органа – Наркомата по делам национальностей, начали устанавливать связи с теми кругами Алаш, которые, глубоко разочаровавшись в белом движении, стали искать контактов с советским руководством. На подобное вынужденно пошла с согласия А. Букейханова группа, возглавляемая видным деятелем Алаш-Орды Ахметом Байтурсиновым.

Встретившись в марте 1919 г. на станции Челкар с советским комиссаром А. Жангельдиным, А. Байтурсинов выехал в Москву и был там введен в состав Казахского отдела Народного комиссариата по делам национальностей.

Сложность положения лидеров Алаш-Орды весной 1919 года обуславливалась целым рядом причин. Колчаковский режим был по существу диктатурой монархических элементов. Уже свой приход к власти в ноябре 1918 г. он ознаменовал репрессиями против эсеров, сыгравших видную роль в свержении Советской власти в Сибири и на севере Казахстана.

В марте 1919 г. среди арестованных оказались и некоторые активисты Алаш: председатель казахского суда по гражданским делам Ж. Акпаев и редактор газеты «Сары-Арка» Имам Алимбеков. Их обвинили ни более ни менее, как в большевизме. И. Алимбекову, кроме того, было инкриминировано незаконное хранение оружия, связь с нелегальной эсеровской организацией и участие в составлении антиправительственных листовок.** Была закрыта молодежная газета «Жас азамат», выходившая

* Подробнее о партизанском движении см.: Пахмурный П.М. Коммунистическая партия – организатор партизанского движения в Казахстане. А., 1965, 455 с.; Елагин А.С. Из истории героической борьбы партизан Семиречья. А., 1957, 49 с.; Его же. Красные горные орлы Тарбагатай. А., 1961, 51 с.

** В апреле 1919 года члены Семипалатинского областного земства Р. Марсеков, Х. Габбасов, А. Козбагаров и другие обратились к управляющему Семипалатинской области со специальной докладной запиской в защиту Ж. Акпаева и Имама Алимбекова, характеризуя их как активных борцов против Советской власти и видных представителей алашского движения, требуя их немедленного освобождения из-под ареста. (См.: Архив КНБ РК, д. 24, т. 1, л. 402.)

в Петропавловские и пропагандировавшая среди своих читателей идеи алашского движения.¹⁰⁴

Глухая стена недоверия, подозрений, а порой и враждебность, которую аппарат белого режима наращивал в отношениях с Алаш-Ордой, породили не только разочарование в союзнике, но и стремление искать иные методы, пути решения проблемы национального самоопределения.

Оказавшись между двух огней (Советами и белым движением), лидеры национально-демократических движений Казахстана, Татарстана и Башкирии с начала 1919 года приходят к решению о вынужденном переходе на сторону Советской власти. Об этом свидетельствует видный государственный деятель периода Гражданской войны, руководитель башкирского национально-демократического движения, в последующем известный ученый-востоковед Заки Валиди Тоған: «...В начале февраля 1919 г., когда мы стояли в ауле Кулгуна, к нам прибыли из Казахстана два представителя... Эти двое привезли письмо от Ахмеда Байтурсынова из Тургая и вели переговоры о том, как обстоят дела с переходом на сторону советов... Я написал письмо Ахмеду Байтурсынову и Алихану Букейханову... Я там писал следующее: собираемся в ближайшие дни перейти на сторону советов... Вы должны знать: переход на их сторону — мера вынужденная. К этому вынуждает нас крайняя враждебность Колчака... Мы остаемся верными нашим национальным принципам, соглашениям с правительством Алаш-Орды. Сами понимаете, что при достижении мирного соглашения с советами доверия к ним нет, верить им на слово нельзя».¹⁰⁵

Очевидно, что лидеры Алаш-Орды были солидарны с Заки Валиди в оценке сложившейся ситуации и необходимости вынужденного перехода на сторону Советской власти.

Трагедия лидеров национальных движений заключается в том, что из двух зол тогда они вынуждены были выбирать, как им казалось, меньшее.

Те катаклизмы в развитии политической ситуации, о которых мы говорим, серьезно осложнили миссию А. Байтурсынова. И тем не менее, его пример оказывал свое действие. Советская власть приняла решение сформировать орган подготовки национальной государственности казахского народа. Как вспоминал А.Т. Жангельдин, Москва пошла на то, чтобы включить в этот орган на равных национальных деятелей из числа убежденных сторонников большевизма и представителей Алаш-Орды. 10 июля 1919 г. В.И. Ленин подписал «Временное положение о революционном комитете по управлению Киргизским (Казахским — *авт.*) краем». В состав Ревкома вошли С. Мендешев, А. Байтурсынов, С.С. Пестковский (председатель), несколько позднее — Б.Б. Каратаев, М. Тунганчин, В.Л. Лукашев, К.Г. Сидоров и др.

Уже в качестве зам. председателя Казревкома А. Байтурсынов выступил на страницах газеты «Жизнь национальностей» со статьей «Революция и киргизы», где попытался объяснить причины политических колебаний руководства и актива Алаша особенностями социально-экономического строя казахов, низким уровнем политической культуры советского руководства на местах и слабым пониманием сущности больше-

визма казахской интеллигенцией: «Я, пишущий эти строки, являюсь представителем этой группы казахов-интеллигентов, которые, как сказано выше, руководители киргизской национальной политики при царском правительстве и боролись с последним. Что пережили киргизы при царизме, известно нам более, чем кому бы то ни было. Благодаря существованию у киргизов своеобразного социализма и коммунизма, вызванных жизненными условиями и благодаря отсутствию у них классовой дифференциации и строгой разграниченности в предметах собственности, киргизский народ еще не ощущал особенной нужды в социалистическом строе... Прибыв в центральную Советскую Россию в качестве делегата от Тургайской группы алаш-ордынцев, пославших меня для переговоров с центральной властью, и видя государственный порядок во всем и соответствующее провозглашенным в Декларации прав народов России началам внимательное отношение к киргизскому национальному вопросу, я могу от чистого сердца сказать и успокоить моих товарищей, что предпочитая Советскую власть колчаковской, мы не ошиблись».¹⁰⁶

По инициативе А. Байтурсынова Казревком на протяжении лета-осени 1919 г. неоднократно обсуждал вопрос о переходе других групп Алаш-Орды на сторону Советской власти, условия этого перехода, а также проблему объявления амнистии участникам алашского движения в целом.¹⁰⁷

Конец 1919 — начало 1920 годов показали, что настойчивость А. Байтурсынова и его единомышленников в вопросе амнистии активу Алаш-Орды была вполне оправдана. 4 ноября Реввоенсовет Туркестанского фронта в постановлении об амнистии объявил «полное прощение всему киргизскому населению, прямо или косвенно принимавшему участие в борьбе против Советской власти», указав условия применения амнистии:

«а) заявление непосредственно или через представителей со стороны всех групп киргиз в безоговорочном признании ими Советской власти;

б) немедленное прекращение всяких видов помощи белогвардейскому казачеству и выдача Советской власти белогвардейцев, укрывающихся в киргизских степях;

в) помощь советским войскам по уничтожению белогвардейских шаек, грабящих мирное население и мешающих установить нормальный ход жизни».¹⁰⁸

Тогда же, в ноябре, политотдел Туркестанского фронта специально для отрядов Западного отделения Алаш-Орды издал листовку-обращение «Долой недоверие к Советской власти». В листовке подтверждалось, что Реввоенсовет фронта объявил амнистию всем, кто воевал против Советской власти. «Каждому из вас должно быть известно постановление о прощении. Киргизский народ должен дать свой ответ на него. Пусть каждый род обсудит предложение и даст ясный, решительный и честный голос за признание Советской власти».¹⁰⁹

Поражение главных сил Колчака на Восточном фронте создало необходимые условия для освобождения Западного, Северо-Восточного Казахстана и Семиречья от белогвардейцев и их союзников. В этих условиях, в особенности с середины 1919 г., начинается переход отдельных

представителей, в том числе и лидеров, Алаш-Орды на сторону Советской власти, к концу года он принимает массовый характер, чему способствовала широкая амнистия участникам алашского движения, объявленная Советской властью, волнения в алашских полках и бегство джигитов из рядов «народной милиции». Этот процесс приобрел необратимый характер после перехода на сторону Советской власти А. Байтурсынова и группы его сторонников.

Далеко не просто началось вхождение актива Алаш в советскую действительность. Уже в январе 1920 года особым отделом 59-й дивизии были арестованы А.Н. Букейханов и три члена областного руководства Алаш в Семипалатинске. Аресты имели место и в ряде городов Акмолинской области. Руководство Казревкома было вынуждено несколько раз обращаться с просьбой в Омск пресечь акты насилия по отношению к активу Алаш-Орды.¹¹⁰

Не получалась притирка и на западе Казахстана. Созданная Казревкомом комиссия (С. Мендешев, Иванов), изучив положение дел с устройством актива Алаш, пришла к выводу, что совместная работа красных казахов и бывших алаш-ордынцев не складывается. Члены комиссии подозревали Досмухамедовых и их окружение в неискренности, считали, что «мотивом к переходу Западного отделения Алаш-Орды на советскую сторону служило не сочувствие его к идеям этой власти, а скорее безысходное положение ближайших союзников его — уральских казаков, а также невозможность осуществления выработанного плана бегства из пределов Уральской области», что среди казахского населения распространялись слухи, «будто бы Советская власть признала хана, как они называют Досмухамедова Джаншу, и что управление Уральской областью будет представлено членам Западного отделения, и что население находится в большом недоумении».¹¹¹ Фактически данное заключение создавало основу для таких действий по отношению к активу Алаш, которые, сохраняя в основе дух политической амнистии, в то же время исключали ее применение и доказывали необходимость устранения с политической арены Казахстана А.Н. Букейханова и его сторонников под флагом заботы о их личной безопасности и желания использовать их знание и опыт в других местах.

Мнение комиссии легло в основу постановления Казревкома от 5 марта 1920 года. В нем говорилось: «Выслушав доклад тов. Бегимбетова, ознакомившись с документами, предварительно переговорив с ответственными руководителями западного отделения Алаш-Орды в связи с обстоятельствами и временем перехода их на сторону Советской власти, а также принимая во внимание, что многие из ответственных работников западного отделения Алаш-Орды действовали в Уральской области в союзе с уральскими казаками и другими защитниками буржуазного строя, и поэтому, несмотря на амнистию, пребывание их на киргизской территории в дальнейшем может вредно отразиться в деле проведения в жизнь киргизов идеи советского строительства на местах; что с другой стороны, некоторые из них могут быть рассматриваемы как уголовные преступники, к которым со стороны потерпевшего от их действий населения могут быть предъявлены гражданские иски, ревком постановил:

1. Ответственных руководителей западного отдела национального правительства Алаш-Орда впредь до более прочного устройства Советской власти в Киркразе изолировать от киргизских трудовых масс. Из прибывших ответственных работников отправить в Москву или в другие центральные губернии: 1) Джаншу Досмухамедова, 2) Халела Досмухамедова, 3) Ису Кошкинбаева, 4) Карима Джалилова, 5) Берикгалия Атчибаева.

2. Все имущество алашордынцев, как казенное, так и частное, где бы то ни было взять на учет впредь до особого распоряжения ревкома, который является единственным компетентным органом, распределяющим это имущество по принадлежности.

3. Практическое разрешение всех вопросов, связанное с окончательной ликвидацией правительства Алаш-Орды и подведомственных ему органов, произвести в ближайших заседаниях ревкома, причем опубликовать населению в газете, что никакого договора между ревкомом и Алаш-Ордой не было, а условия перехода этих алашордынцев указаны в ответе ревкома..., т.е. личная неприкосновенность и амнистия за прежние (их деяния) политического характера сохраняют силу.

Ввиду враждебного отношения части киргизского населения, сочувствующей Советской власти, и переселенцев к активным работникам Алаш-Орды, западного отделения, от рекомендации алашордынцев как в члены ревкома, так и на другие ответственные работы воздержаться».¹¹²

Как видим, это решение революционного комитета по духу и по букве отвергало идею национального мира в казахском обществе, чего хотели лидеры алашского движения, и решительно поддерживало классовые принципы национально-государственного строительства в крае. Это означало, что Алаш, Алаш-Орда вынуждены были сойти с общественно-политической жизни Казахстана.

После ухода с политической арены деятели алашского движения в 19-20-е годы внесли существенный вклад в развитие культуры, науки и народного хозяйства Казахстана.

Несмотря на неоднократные амнистии (1919, 1920 гг.), объявленные Советской властью, активные участники движения были репрессированы в процессе борьбы большевиков с т.н. буржуазными националистами и врагами народа, осуществленном в конце 20-х и 30-е годы XX века.

4. НАЧАЛО РЕАЛИЗАЦИИ СОВЕТСКОЙ МОДЕЛИ НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

После установления Советской власти на национальных окраинах Российской империи, в том числе и в Казахстане, перед большевиками и центральным Советским правительством встал практический вопрос об образовании и национальной государственности народов бывших «колоний» в соответствии с программными положениями Коммунистической партии по национальному вопросу.

Как уже говорилось, основные принципы национальной политики Коммунистической партии в теоретическом плане были сформированы В.И. Лениным еще до победы Октябрьской революции. Основным положением этой политики явилось требование права наций на самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства. Такая постановка вопроса в значительной степени способствовала тому, что народы колониальных окраин в целом поддержали большевиков в борьбе за власть в период Октябрьского переворота. Однако после захвата власти большевиками В.И. Ленин не стал абсолютизировать права наций на действительное самоопределение, что предполагало отделение той или иной нации от России и образование независимого государства, а стал настоятельно подчеркивать мысль о том, что в решении этого вопроса следует исходить в первую очередь из интересов трудящихся в борьбе за социализм. А это означало, что национальная государственность — это государство не всех слоев населения, а государство рабочих и крестьян, т.е. государство классовое.

Он считал, что именно Советы, являясь наиболее совершенным носителем идеи государственности,¹¹³ под руководством Коммунистической партии могут наилучшим образом решить три основные функции диктатуры пролетариата: подавить сопротивление свергнутых революций классов (помещиков, капиталистов и их союзников на национальных окраинах), ликвидировать попытки реставрации капитализма; сплотить всех трудящихся вокруг пролетариата и мобилизовать их на строительство социализма; вооружить революцию и организовать оборону страны от внешних врагов. Это теоретические установки вождя большевизма и руководителя центрального Советского правительства трансформировались затем в практику образования Советской федерации в лице РСФСР и входивших в ее состав национальных советских республик (а затем и СССР).

Основные принципы новой власти в области национально-государственного строительства были провозглашены в двух важных документах Советского правительства — «Декларации прав народов России» (2 ноября 1917 г.) и обращении Советского правительства «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока» (20 ноября 1917 г.).

В принятой III Всероссийским съездом Советов (январь 1918 г.) «Декларации прав трудящихся и эксплуатируемого народа», написанной В.И. Лениным, нашло выражение позиция Коммунистической партии на Советскую Федерацию как на форму государственного устройства советских республик. «Советская Российская республика, — декларировалось в этом документе, — учреждается на основе союза свободных наций как федерация советских национальных республик».¹¹⁴

Образование РСФСР — первого многонационального государства советского типа — дало толчок появлению новых национальных автономных советских государственных образований. Вслед за образованием РСФСР на основе вышеизложенных ленинских установок и под пристальным контролем Народного комиссариата по делам национальностей (Наркомнац), руководимого И. Сталиным, развернулась работа по подготовке к созданию автономных республик на востоке страны.

Коммунистические организации Казахстана и Туркестана при активном участии Наркомнаца начали подготовительные работы к созыву Всеказахстанского и Всетуркестанского съездов Советов.

Одновременно Советская власть открыто выражала свое неприятие как национально-территориальной автономии Алаш, объявленной вторым Всеказахстанским съездом в декабре 1917 г., так и Туркестанской территориальной автономии (Кокандской автономии), объявленной четвертым краевым Общемусульманским съездом в ноябре 1917 г. Более того, как об этом уже говорилось, Туркестанская автономия была разгромлена большевиками в феврале 1918 года.

В этих сложнейших условиях руководство Алаш-Орды попыталось вести переговоры с центральным Советским правительством о признании последним Алашской автономии на тех принципах, на которых она была образована в конце 1917 г. С этой целью для встречи с председателем СНК РСФСР В.И. Лениным и народным комиссаром по делам национальностей И. Сталиным Алихан Букейханов направил в Москву двух своих соратников — Халела и Жаханшу Досмухамедовых; по его же (А. Букейханова) поручению 2 апреля 1918 г. Халел Габбасов из Семипалатинска по прямому проводу вел переговоры с И. Сталиным. В ходе этих переговоров руководители Алаш-Орды по настоянию В.И. Ленина и И. Сталина вынуждены были признать «Советскую власть как центральную власть всех автономных государственных образований в стране». Несмотря на это, они поставили перед советским руководством целый ряд вопросов и требований, положительное решение которых в определенной степени обеспечивало бы независимость Алашской автономии. Они сводились к следующему: в пределах автономии обеспечить территориальную целостность Казахстана; сосредоточить в руках Алаш-Орды законодательную и исполнительную власть; передать решение спорных вопросов между казахами избираемым самим народом уездным и областным судам; организовать «народную милицию» — вооруженные силы автономии; запретить политические репрессии в отношении государственных деятелей и представителей казахской интеллигенции за их поддержку Алаш-Орды и за их участие в общественно-политических организациях, нелояльно относившихся к Советской власти и т.д.

Эти предложения Алаш-Орды в целом не нашли поддержку у руководства страны, уже приступившего к реализации плана организации советских автономий целого ряда народов, (в том числе казахов, татар, башкир, народов Средней Азии), основанных на классовом принципе, как составных частей РСФСР. Об этом свидетельствуют сведения, изложенные одним из видных деятелей Алаш-Орды Халелом Габбасовым 10 ноября 1929 г. на допросе следователю ОГПУ. В частности, Х. Габбасов заявил следующее: «На переговорах /по прямому проводу/ со Сталиным я настаивал на необходимости скорейшего осуществления идеи самоопределения наций, согласно провозглашенной Соввластью деклараций... * Точно не помню, но я выдвинул 14 пунктов, заключавших в основном вос-

* Речь идет о «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа», написанной В.И. Лениным и принятой III Всероссийским съездом Советов (январь 1918 г.)

становление ликвидированных казахских учреждений, организацию национальной автономии в рамках советов, освобождение арестованных деятелей казахского народа. Ответ Сталина сводился к тому, что от нас требуется признание советской власти, при этом условии будут приняты немедленные меры к организации учредительного съезда... Мы телеграфировали Сталину о безоговорочном признании советской власти и сообщили Досмухамедовым (Халелу и Жаханше — *авт.*), находившимся тогда в Москве, о том, чтобы они представляли наши интересы перед центральным правительством.

Эти телеграммы были поданы после совещания, на котором присутствовали Букейханов, Омаров, Марсеков, Ермаков, Сарсенов и я. Кажется, были еще Байтурсынов с Дулатовым. Этот акт нужно рассматривать как мероприятие совета Алаш-Орды.

После переговоров со Сталиным по проводу был вызван председатель облсовета (Семиапатинского — *авт.*) Шугаев, но о чем говорили они, я не знаю. После этих переговоров облсовет изменил к нам отношение в лучшую сторону и даже частично освободил арестованных.¹¹⁵

Итоги переговоров Жаханши и Халела Досмухамедовых в Москве с руководителями Советского правительства, а также результаты переговоров по прямому проводу со Сталиным показали, что центральное Советское правительство решительно выступает против казахской государственности, основанной на принципах национального примирения и единства, а стремится к созданию советской автономии, основанной на классовом разделении общества.

Советское руководство полагало, что в апреле—мае 1918 г. сложились благоприятные условия для созыва учредительного съезда Советов Казахстана с целью образования Казахской советской автономии. К этому времени почти на всей территории края (за исключением Уральской области) Советская власть установилась и в значительной степени укрепилась, прошли областные и уездные съезды Советов, образовавшие на местах единые органы власти рабоче-крестьянского государства; в ряде аулов и сел функционировали волостные, аульные и сельские Советы; были разгромлены первые центры вооруженного сопротивления Советам.

Первой советской многонациональной республикой на Востоке страны явилась Туркестанская АССР, провозглашенная на V Туркестанском краевом съезде Советов (г. Ташкент, 20 апреля — 1 мая 1918 г.). В нее вошли южные и юго-восточные области современного Казахстана (бывшие Сырдарьинская и Семиреченская). На остальной территории Казахстана — в Тургайской части Уральской, Акмолинской, Семипалатинской областях, в Букеевской Орде и на Мангышлаке продолжалась сложная работа по созданию казахской советской государственности. Одновременно шел процесс дискредитации идеи национальных автономий в Казахстане и Средней Азии: принимались решения местных Советов, на страницах казахстанской и туркестанской периодической печати публиковались «письма трудящихся» по этому поводу. Так, если 16 декабря 1917 г. от имени многотысячной демонстрации казахских трудящихся из Акмолинска В.И. Ленину была послана

телеграмма о том, что «большинство киргизской (казахской — *авт.*) интеллигенции, встав на сторону байства и белой кости, организовало «Алаш»... Автономия Алаш-Орды киргизским (казахским — *авт.*) трудящимся не нужна»¹¹⁶ то 25 апреля 1918 г. Акмолинский уездный съезд Советов в телеграмме Наркомнацу РСФСР сообщал, что он осудил решение второго Всеказахского съезда о «казахской автономии под названием Алаш-Орды, как соглашение самозванно собравшейся кучки кадетов, считать категорически недействительным».¹¹⁷ В дни разгрома Туркестанской (Кокандской) автономии «от имени рабочих г. Коканда» на страницах «Нашей газеты» (орган Ташкентского Совета) была опубликована статья, где, в частности, говорилось: «Мы, трудящиеся и рабочие-мусульмане, проклинаям всех автономных авантюристов, признаем российскую социалистическую республику и подчиняемся власти советов рабочих, солдатских, крестьянских и дехкано-мусульманских депутатов».¹¹⁸

В период укрепления Советской власти и проведения ею подготовительных работ к образованию Казахской советской автономии лидеры партии «Уш жуз», в первую очередь Кольбай Тогусов, активизировали борьбу против партии Алаш. Так, в начале апреля 1918 г. К. Тогусов по телеграфу предложил председателю Семипалатинского Совета К. Шугаеву ликвидировать все организации, созданные партией Алаш.¹¹⁹ Спустя несколько дней он направляет на имя председателя СНК РСФСР В.И. Ленина телеграмму ультимативного характера: «До моего, председателя партии «Уш жуз», сведения дошло, что Букейханов имел с вами разговор по прямому проводу об автономии киргиз (казахов — *авт.*). Довожу до сведения, что партия «Алаш» разогнана, члены ее арестованы. Букейханов, один из видных активных участников выступления Дутова, разыскивается. По имеющимся газетным сведениям, видный член партии «Алаш» Габбасов, прибывший в Москву, имел с вами свидания. [Прошу] сделать распоряжение об аресте Габбасова и выслать в Омск, как уличенного в контрреволюционном выступлении и подлежащего суду революционного трибунала».¹²⁰

Практически у ушжузовцев не было четкой позиции по вопросам национально-государственного строительства. Они, выступая против Алашской автономии в начале 1918 г., считали, что культурно-экономическая отсталость Казахстана, разбросанность его населения на огромной территории («от Астрахани до Китая»), многонациональный характер края являются главным препятствием на пути образования казахской государственности. Они утверждали, что казахская государственность не может быть образована лишь на основе одного казахского народа, что нахождение в составе этой государственности представителей других народов послужит источником «неразрешимых распрей».¹²¹

Государственную форму разрешения национального вопроса ушжузовцы видели в создании т.н. «Тюрко-татарского» общества, иначе говоря, они вынашивали идею искусственного объединения мусульман России по одному лишь признаку тюркоязычности. Поэтому лозунг «Да здравствуют сыны тюрков и татар!» печатался на первой полосе каждого номера одноименной с партией ее органа — газеты «Уш жуз».

А в условиях конца весны 1918 г., когда большевики непосредственно приступили к подготовительным работам по образованию казахской советской государственности, ушжузовцы по существу механически восприняли идею советской автономии и поддержали Советскую власть в ее борьбе против Алаш-Орды. Это было выгодно центральному Советскому правительству. Как свидетельствует А.Т. Жангельдин, когда центру стало известно о партии «Уш жуз» и ее взаимоотношениях с партией «Алаш», то советское руководство, поручило ему (А.Т. Жангельдину) связаться с К. Тогусовым и указать: «Если эта партия действительно идет в противовес Алаш-Орде, если она действительно более близка к нам, то следует перетянуть ее на нашу сторону».¹²²

Между тем продолжались работы по образованию советской автономии Казахстана. Одной из важнейших задач Казахского отдела Наркомнаца РСФСР¹²³, организованного 12 мая 1918 г., было проведение подготовительных работ к созданию Казахской советской автономии.

Назначенный чрезвычайным комиссаром Степного Киргизского (Казахского — *авт.*) края А.Т. Жангельдин, работавший в тесном контакте с Казахским отделом Наркомнаца, отвечал за подготовку и созыв Всеказахстанского съезда Советов. 20 мая 1918 г. он запрашивает исполнительные комитеты советов Сырдарьинской, Семиреченской и Ферганской областей: «Вошли ли окончательно киргизские (казахские — *авт.*) уезды в автономный Туркестан или исполнительный комитет, находит желательным объединение населения всего Киргизского (Казахского — *авт.*) края? В последнем случае в какой форме, какие предварительные меры нужны, чтобы отделить киргизские (казахские — *авт.*) земли от сплошных земель других народов, не тяготеющих к Киргизскому (Казахскому — *авт.*) краю? Находите ли желательным [созыв] съезда представителей исполнительных комитетов Киргизского (Казахского — *авт.*) края, в какое время и в каком месте?». ¹²⁴ Спустя восемь дней, 28 мая 1918 г., А.Т. Жангельдин в телеграмме Советам Семипалатинской и других областей Казахстана («Степного») сообщает о намерении в ближайшее время созвать краевой съезд Советов.¹²⁵

Однако ни Казахский отдел Наркомнаца, ни чрезвычайный комиссар Степного края А.Т. Жангельдин не успели развернуть свою деятельность по созыву Всеказахстанского съезда Советов. Формирование Казахской советской автономии было замедлено в связи с начавшейся летом 1918 г. Гражданской войной и иностранной военной интервенцией.

С начала 1919 г. в результате побед Красной Армии Казахстан начал освобождаться от белогвардейцев. Первыми были освобождены значительная часть Уральской области и Тургайская область. В освобожденных районах сразу же восстанавливалась Советская власть, в областных и уездных, а затем и волостных центрах возрождались местные органы власти в форме революционных комитетов, где было возможно — Советов.

В обстановке все еще продолжавшейся войны, когда на только что освобожденной прифронтовой территории невозможно было организовать выборы и нормальную работу Советов, сама жизнь требовала со-

здания чрезвычайных органов власти — ревкомов, являющихся гибкими и оперативными в решении неотложных задач*. В отдельных освобожденных от «белых» районах, где имелись необходимые условия для проведения выборов, организовывались Советы.

Из областных и уездных центров на места были направлены специально подготовленные инструктора, ответственные партийно-советские работники для организации ревкомов и проведения выборов аульных, сельских и волостных Советов. 15 февраля 1919 г. отдел по национальным делам Уральского облревкома направил в казахские аулы 30 таких инструкторов, 3—4 февраля 1919 г. исполком Актюбинского уездного Совета утвердил списки ответственных работников, направляемых в аулы и села для проведения выборов. В восстановлении органов Советской власти в аулах и селах Уральской области большую роль сыграл А. Айтиев. Под его руководством в феврале 1919 г. прошли выборы местных Советов в Каробинском уезде и в ряде других волостей. В одном Жамбейтинском уезде в феврале—марте 1919 г. были образованы 15 волостных и 169 аульных Советов.¹²⁶

Такие работы были типичными и для других освобожденных от белогвардейцев районов Казахстана. К лету 1919 г. успехи «красных» на фронтах Гражданской войны в Казахстане стали более ощутимее. Начался процесс освобождения от «белых» обширных районов Центрального и Северо-Восточного Казахстана.

По мере освобождения территории Казахстана и восстановления органов Советской власти снова стал подниматься вопрос о проблемах национально-государственного строительства. Правительство Алаш-Орды пыталось решить эту проблему в соответствии с резолюциями второго Всеказахского съезда, о которых говорилось выше, а центральное Советское правительство по-прежнему стояло за организацию Казахской автономии в форме советской республики, основанной на классовом принципе. Для осуществления этой цели 10 июля 1919 г. декретом СНК РСФСР был организован Революционный комитет по управлению Казахским краем (Казревком). В первый его состав вошли С. Пестковский (председатель), А. Байтурсынов, В. Лукашев, А. Жангельдин, М. Тунганчин, С. Мендешев, Б. Каратаев. В разное время членами Казревкома были А. Айтиев, С. Аргыншиев, А. Авдеев, А.М. Алибеков, Б. Каралдин.

Во временном положении о Казревкоме говорилось, что впредь до созыва Всеказахстанского съезда и объявления автономии Казахского края «учреждается для управления этим краем Революционный комитет, в котором сосредоточивается высшее военно-гражданское управление»¹²⁷ над Уральской, Тургайской, Акмолинской, Семипалатинской областями и частью Астраханской губернии.

* Подробнее о ревкомах Казахстана см.: *Елагин А.С. Социалистическое строительство в Казахстане в годы Гражданской войны*, А., 1966; *Войцеховский Е.И. Некоторые вопросы организации и деятельности ревкомов Западного Казахстана* // Известия АН КазССР. Серия общ. наук, 1965, № 1; *Зиманов С., Даулетова С., Исмагулов М. Казахский революционный комитет*, А., 1981.

Функции чрезвычайности Казревкому навязала сложная обстановка Гражданской войны и она же определила своеобразный военно-гражданский характер этого органа.

Пятнадцать месяцев (10 июля 1919 г. — 10 октября 1920 г.) функционировал Казревком. Ему пришлось выполнить огромный объем работ различного плана в целях успешной подготовки Учредительного съезда Советов Казахстана. Специфика действий Казревкома диктовалась и неизбежным для тех условий приматом военно-политических проблем. Чтобы реализовать свое главное предназначение, Казревком вынужден был делать все возможное и посильное ему и населению края по обеспечению победы Красной Армии. Было и так, что уполномоченные Казревкома вместе с частями Красной Армии входили в освобожденные от «белых» города и другие населенные пункты и сразу же включались в работу по формированию на местах аппарата Советской власти и обеспечению всем необходимым войск Восточного, Туркестанского и других фронтов, части которых были задействованы в Казахстане.

И все же главным, определяющим для Казревкома были вопросы подготовки и проведения Учредительного съезда Советов Казахстана, начало собирания воедино всех казахских земель в рамках возрождаемой на Советской основе государственности. Шло оно весьма непросто. Следует подчеркнуть, что персональный состав Казревкома к моменту его образования и в последующем был отражением известного компромисса между Советской властью и Алашским движением. В его первый и последующие составы были включены наряду с активными советскими работниками (А. Жангельдин, Б. Каратаев, С. Мендешев и др.) видные деятели Алашского движения и противников большевиков (А. Байтурсынов, Б. Каралдин, А. Алибеков и др.). При этом А. Байтурсынов был назначен заместителем председателя Казревкома (зачастую заменяя его), а Б. Каралдин занимал одну из ключевых должностей — секретаря Казревкома.

Такой компромисс в условиях лета 1919 года был выгоден обеим сторонам. Советской власти это было выгодно по двум причинам: во-первых, этими действиями (направленными на создание национальных автономий казахов, башкир, татар и др.) она превращала известную часть этих народов в своих союзников и тем самым ослабляла социальную базу национальных автономистов, а, во-вторых, сделала практически невозможным наметившееся еще с начала 1919 г. образование Башкирско-Казахской автономии с центром в Оренбурге¹²⁸. А что касается вынужденного согласия видных деятелей Алаш-Орды пойти на этот компромисс, то это объясняется следующими обстоятельствами: разгром Советами Туркестанской (Кокандской) автономии народов Средней Азии в феврале 1918 г., образование весной того же года Туркестанской АССР, в состав которой вошли южные области Казахстана, непризнание «белыми» правительствами России и центральным Советским правительством РСФСР Алашской автономии убедили Алаш-Орду в несбыточности восстановления казахской государственности в соответствии с решениями второго Всеказахского съезда (де-

кабрь 1917 г.). Поэтому руководители Алашского движения приняли идею образования советской автономии Казахстана на основе восстановления его территориальной целостности.

Конечно, совместная работа в составе коммунистов и тех, кто стоял на иных идейно-политических позициях, налаживалась непросто.

Несмотря на эти и другие трудности, многогранная деятельность Казревкома способствовала скорейшему завершению Гражданской войны, подготовке и объявлению амнистии участникам алашского движения и, что самое главное, созыву Учредительного съезда Советов Казахстана с целью образования Казахской Советской социалистической республики на основе воссоединения расчлененных царизмом исконно казахских земель.

Казревком вел всю подготовительную работу по созыву Учредительного съезда Советов Казахстана, определению границ будущей республики. В осуществлении этих сложных задач большую роль сыграла Комиссия по определению границ Казахской республики, организованная при Казревкоме и возглавляемая Ахметом Байтурсиновым.

Сложная и трудная работа по подготовке Казахской советской автономии и собирания казахских земель как основу этой государственности осуществлялась в процессе непрерывной борьбы, в первую очередь, с великодержавными шовинистами. Большие споры возникали по поводу включения в состав организуемой Казахской АССР значительных регионов Уральской, Семипалатинской, Акмолинской, Тургайской областей. Для решения спорных вопросов Казревком отправил своих представителей в Омск, Челябинск, Семипалатинск. Ради исторической справедливости следует подчеркнуть, что в территориальном споре, в определении границ будущей Казахской республики глава центрального Советского правительства Ленин был на стороне представителей казахского народа, стоявших у истоков образования республики.

При Казревкоме была организована также Особая комиссия по подготовке к созыву Всеказахского съезда в составе А. Байтурсинова, Б. Каралдина, С. Мендешева, В. Лукашева и Петрова.

Комиссии было поручено составление инструкций по созыву съезда, причем для казахского населения составление инструкций поручалось А. Байтурсинову, Б. Каралдину и В. Мукашеву, а для русского — В. Лукашеву, Петрову и С. Мендешеву. Комиссия в первую очередь занялась разработкой инструкции о порядке избрания депутатов на Учредительный съезд Советов. Обсуждение вопросов, в первую очередь о том, какие категории населения лишаются избирательного права, обнаружило определенные разногласия у членов Комиссии.¹²⁹

23 августа 1920 г. Казревком окончательно утвердил инструкцию по выборам во Всеказахский съезд Советов, по которой права представительства на съезд предоставлялось всему трудовому населению Уральской, Тургайской, Семипалатинской, Акмолинской областей, казахской части Астраханской губернии (Букеевская Орда) и тех районов, которые к моменту выборов будут включены в состав Краевого управления. Казахское население областей и уездов, не входящее в состав Краевого уп-

равления (жители Семиреченской и Сырдарьинской областей, а также некоторых других областей ТуркАССР), избирает своих представителей, которые будут присутствовать на съезде с правом совещательного голоса.¹³⁰

Инструкция устанавливала, что избирать и быть избранными могут граждане обоего пола, независимо от вероисповедования, национальности и оседлости, достигшие ко дню выборов 18-летнего возраста и принадлежащие к классу трудящихся. Не имели права избирать и быть избранными лица, живущие на нетрудовые доходы, торговцы, спекулянты, духовные служители, бывшие агенты полиции и жандармерии, все участники Алашского и белого движений, не заявившие о признании Советской власти, душевнобольные.¹³¹

Тем временем поражение главных сил Колчака на Восточном фронте создало необходимые условия для окончательного освобождения Западного, Северо-Восточного Казахстана и Семиречья.

К концу 1919 года основная территория Казахстана была освобождена от белогвардейцев. В марте 1920 г. был ликвидирован последний фронт Гражданской войны в Казахстане — Семиреченский. Все это создало благоприятные условия для завершения работ по образованию Казахской АССР.

26 августа 1920 г. М.И. Калинин и В.И. Ленин подписали декрет ВЦИК и СНК РСФСР «Об образовании Автономной Киргизской (Казахской — *авт.*) Социалистической Советской Республики», в первом пункте которого говорилось: «Образовать Автономную Киргизскую Социалистическую Советскую Республику, как часть РСФСР».

В сентябре во всех областях, губерниях и уездах состоялись выборы на первый Всеказахстанский съезд Советов.

Накануне завершения кампании по выборам делегатов на Всеказахстанский съезд Президиум ВЦИК еще раз пересмотрел состав Казревкома и 26 августа утвердил его в составе В.А. Радус-Зеньковича, И.Д. Мартынова, В. Покровского, С.Д. Авдеева, А. Байтурсынова, С. Сейфуллина, Габбасова и др.¹³²

С 4 по 12 октября 1920 г. в Оренбурге проходил Учредительный съезд рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов Казахской АССР. На нем присутствовало 273 делегата от всех областей Казахстана и 6 делегатов от казахского населения Алтайской губернии. В числе делегатов было 128 казахов, 127 русских, 18 представителей других национальностей, 197 коммунистов и 4 сочувствующих. Среди коммунистов казахи составляли меньшинство. По свидетельству одного из видных деятелей Алаш-Орды Алимхана Ермекова (он являлся делегатом Учредительного съезда Советов Казахстана), «...до начала съезда... в квартире Арганчеева (С. Аргыншиев — *авт.*) имело место совещание делегатов-казахов (партийных и беспартийных), где присутствовали Жангельдин, Мендешев, Букейханов Алихан и много других... Совещание было довольно широким. Должны были участвовать Алибеков и Айтиев, также Садвокасов Смагул... Не было, по моему, группы Сейфуллина. На совещании ставили вопрос...

о контакте партийной и беспартийной групп казахов. Было принято решение голосовать на съезде совместно в вопросах, требующих учета национальных, бытовых и хозяйственных особенностей казахов... С приездом Сейфуллина образовалась левая (коммунистическая — *авт.*) группа Жангельдина—Сейфуллина, которая способствовала срыву этого решения». ¹³³

Из этого следует, что попытка создания объединенной чисто казахской фракции съезда не осуществилась ввиду противодействия А.Т. Жангельдина, С. Сейфуллина, А. Досова и других делегатов-коммунистов.

Повестка дня съезда включала 15 вопросов: выборы президиума, мандатной и редакционной комиссий, выборы в комиссии (административную, военную, земельную, экономическую, строительную), определение секций и выборы их представителей (народного образования, здравоохранения, юстиции, социального обеспечения и финансов), доклад Казревкома, Декларация прав трудящегося казахского народа, продовольственный, земельный, военный вопросы, выборы КазЦИКа и СНК КазАССР.

Важнейшим политическим документом, принятым Учредительным съездом Советов Казахстана, явилась «Декларация прав трудящихся Киргизской (Казахской — *авт.*) АССР. Декларация определяла основные принципы образования Казахской АССР и руководящие основы ее организации и деятельности. «Территория Киргизского края, — провозглашала Декларация, — объявляется республикой Советов рабочих, трудового киргизского народа, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов. Органами управления Автономной КССР являются местные Советы, КирЦИК и Совнарком К(А)ССР». ¹³⁴

Образование Казахской АССР. Далее в Декларации говорилось, что Казахская АССР «входит как автономный член в свободный федеративный Союз Советских республик, объединенных в РСФСР, а ее главной задачей является «уничтожение эксплуатации человека человеком, полное устранение деления общества на классы», борьба «с эксплуататорами, к какой бы нации они не принадлежали, и установление социалистической организации общества». Этим решением делегаты съезда подтвердили и одобрили декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 26 августа 1920 г. «Об образовании Автономной Киргизской (Казахской — *авт.*) Социалистической Советской республики», согласно которому в состав КазАССР включились в границах до 1917 года области: Акмолинская с уездами — Атбасарским, Акмолинским, Кокчетавским, Петропавловским и частью Омского уезда; Семипалатинская с уездами — Павлодарским, Семипалатинским, Усть-Каменогорским, Зайсанским и Каркаралинским; Тургайская с уездами — Кустанайским, Актюбинским, Иргизским и Тургайским; Уральская — с уездами — Уральским, Лбищенским, Темирским, Гурьевским. В состав республики кроме этих областей включались Мангыстауский уезд, 4-я и 5-я Адаевские волости Красноводского уезда Закаспийской области, а также из Астраханской губернии в состав КАССР передавались Синеморская волость, Букеевская Орда и территории, населенные казахами и прилегающие к первому и вто-

рому Приморским округам. В состав КАССР вошла и Оренбургская губерния, а Оренбург стал первой столицей республики (до 1925 г.). По официальным данным, осенью 1920 года территория республики составляла 1 871 239 кв. верст, с населением 5 046 000 человек, из них 46,6% составляли казахи.

Следует отметить, что Акмолинская и Семипалатинская области не сразу вошли в состав КазАССР. Учредительный съезд Советов, обсуждая данный вопрос и исходя из конкретных условий того времени, отметил, что немедленный переход управления этими областями в ведение СНК КазАССР может неблагоприятно отразиться на хозяйственной деятельности этих территорий и счел целесообразным непосредственное управление ими до начала 1921 года оставить за Сибирским ревкомом, обязав при этом КазЦИК и СНК республики закончить в ближайшее время всю подготовительную работу по переходу в их руки управления этими областями.¹³⁵

Решение вопроса о присоединении к Казахской АССР Семиреченской и Сырдарьинской областей, находившихся с весны 1918 г. в составе Туркестанской АССР, подлежало решению съездов представителей этих областей.¹³⁶

Образование КазАССР явилось значительным событием в общественно-политической и социально-экономической жизни края. В результате этого, хотя и в форме Советов и на основе классовых принципов, на значительной территории исконно казахских земель была восстановлена государственность Казахстана. Образование КАССР положило начало восстановлению территориальной целостности Казахстана, разрушенной в результате его превращения в колонию Российской империи. В связи с этим следует особо подчеркнуть, что восстановление территориальной целостности Казахстана имело важнейшее значение для исторических судеб казахского народа в будущем. Поэтому над решением этой очень трудной и запутанной проблемы, засучив рукава и отложив в сторону свои идейные и политические разногласия, работали как бывшие деятели Алаш-Орды, так и активные сторонники Советской власти (А. Байтурсинов, А. Ермеков, Б. Каралдин и другие — с одной стороны, С. Мендешев, С. Сейфуллин, А. Жангельдин и другие — с другой).

Учредительный съезд принял целый ряд решений по вопросам, включенных в его повестку дня (по земельному вопросу, об экономическом строительстве, по административному вопросу, об организации советской юстиции, по народному образованию и здравоохранению и другим).

В документах съезда подчеркивалось, что в основу земельной политики должно быть положено обеспечение интересов казахской и крестьянской (переселенческой — *авт.*) бедноты, «в особенности же тех групп киргизских (казахских) трудящихся масс, кои были ограблены царским правительством и российской буржуазией». Указывалось, что при землеустройстве необходимы искоренение «всех остатков колонизаторской политики царского правительства и ликвидация всех порожденных ею несправедливостей».

На своем заключительном заседании 12 октября 1920 г. Учредительный съезд Советов избрал Центральный Комитет Казахской АССР (КазЦИК) из 76 членов и 25 кандидатов. В состав Президиума КазЦИКа вошли С. Мендешев (председатель) В.А. Радус-Зенькович, А. Жангельдин, И.А. Акулов, С. Сейфуллин, И.Ф. Киселев, Б. Алманов, А. Досов, Г.А. Коростелев, П.И. Ступпе.

КазЦИК утвердил состав правительства республики — Совета Народных Комиссаров из 14 человек и передал ему всю полноту исполнительной власти. Председателем СНК Казахской АССР был назначен Виктор Алексеевич Радус-Зенькович.

¹ Городецкий Е.Н. Рождение Советского государства. 1917–1918 гг. М., 1965, с. 61.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 11.

³ Казак, 1917, 21 ноября, № 251.

⁴ На съезде присутствовали более 200 представителей коренных («мусульманских») народов Туркестана в качестве делегатов. 28 ноября съезд объявил территорию края единой территориальной автономией (Мухтариатом). Политическая власть решением съезда была передана в руки Временного совета в составе 54 человек, из них 11 представителей Семиреченской и Сырдарьинской областей. Временный совет из своего состава образовал правительство из 12 человек.

⁵ Туркестанский вестник, Ташкент, 1917, 9 декабря.

⁶ Наша газета, 1917, 6(19) декабря.

⁷ Нурпейсов К. Алаш һәм Алашорда. А., 1995, с. 147, 148, 150–191; Мустафа Чокаев после бегства из Коканда весь 1918 год продолжал считать себя политическим лидером разгромленного Советами автономного Туркестана. Именно он представлял его руководство на Уфимском государственном совещании в сентябре 1918 г. Идея создания Туркестанского государства была целью всей его жизни и после его выезда в добровольную эмиграцию.

⁸ Свободный Туркестан. Ташкент, 1918, 20 января.

⁹ Сарыарка, 1918, 25 января, № 2.

¹⁰ Архив Комитета национальной безопасности РК, д. 124, т. 1, л. 137.

¹¹ Нурпейсов К. Алаш и Алашорда (на каз. языке). А., 1995, с. 156.

¹² Казак, 1917, № 255; Бөкейханов А. Шығармалар. А., 1994.

¹³ Архив Комитета национальной безопасности РК, д. 124, т. 6, л. 19 обор.; В свою очередь председатель Алаш-Орды А. Букейханов был категорически против присоединения Казахстана (Казахской автономии) к Туркестану (Кокандской автономии). По свидетельству М. Дулатова, А. Букейханов обосновывал свою позицию так: «Нельзя присоединиться к узбекам и другим народам Средней Азии. У них сильны консерватизм, клерикализм и религиозный фанатизм. Нескоро они освободятся от козней духовенства и от гнета шариата. У них и особый образ хозяйства. В культурном отношении они ниже нас. Ничего не выйдет из союза двух слепых». (Там же.)

Узбекские представители из состава Туркестанского (Кокандского) правительства в свою очередь не очень тепло отзывались о руководителе Алаш-Орды Букейханове, заявив Б. Кулманову, Т. Ибрагимову, М. Дулатову, когда они после Сырдарьинского областного казахского съезда посетили Коканд: «Ваш предводитель кадет Букейханов русофил». Не понравилось им наше неприсоединение к Туркестану и отделение сырдарьинской области». (Там же, л. 19.)

¹⁴ Алаш-Орда. Сборник документов, А., 1992, с. 138.

¹⁵ Там же, с. 72.

¹⁶ Там же, с. 73.

¹⁷ Там же.

- ¹⁸ Шокай Мұстафа, 1917 жылғы естеліктерден үзінді // Түркістанның қилы тағдыры. А., 1992, с. 141, 142, 143.
- ¹⁹ Там же, с. 146.
- ²⁰ Нурпеисов К. Становление Советов в Казахстане, с. 90.
- ²¹ ЦГА РК, ф. 23, оп. 1, д. 1, л. 84 об.; Сибирская речь, 1917, 16 декабря.
- ²² Нурпеисов К. Указ. работа, с. 92, 93.
- ²³ Газета «Свободная речь» в статье «Павлодарские большевики» сообщала, что 19 января Совет рабочих и солдатских депутатов захватил власть в свои руки. Городской голова Осипов арестован (Свободная речь. 1918, 21 января, 17 февраля 1918 г.). Вышел первый номер «Известий Семипалатинского Совета рабочих и солдатских депутатов» с воззванием: «Граждане Семипалатинской области! Исполняя волю революционного народа, Совет... с сего дня принял на себя всю власть по управлению городом и областью, вошедшей в состав Российской Советской Федеративной Республики».
- ²⁴ Покровский С.Н. Победа Советской власти в Семиречье. А., 1961, с. 115–118.
- ²⁵ ЦГА РК, ф. 130, оп. 2, д. 734, л. 8; Великая Октябрьская социалистическая революция в Казахстане, с. 328.
- ²⁶ Уралец, 1918, 26 января; Саратовская краевая газета, 1918, 13 апреля. (Документы любезно предоставлены доктором ист. наук В.К. Григорьевым – авт.).
- ²⁷ Великая Октябрьская социалистическая революция в Казахстане, с. 340–341.
- ²⁸ Байтурсынов А. Революция и киргизы // Жизнь национальностей, 1919, 3 августа.
- ²⁹ Нурпейісов К. Қазақстанның шаруалар советтері. А., 1972, с. 58–104.
- ³⁰ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 172.
- ³¹ Нурпеисов К. Становление Советов в Казахстане. А., 1987, с. 172–173.
- ³² ЦГА РК, ф. 1416, оп. 14, л. 20; д. 12, л. 5; Госархив Семипалатинской обл., ф. 116, оп. 1, д. 12, л. 110; Объединение, 1918, 14 мая.
- ³³ Тугов П.И. К истории национализации промышленности в Казахстане, с. 12, 16.
- ³⁴ Свободная речь, 1918, 23 февраля.
- ³⁵ Степная звезда, 1927, 3 июня.
- ³⁶ Северо-Казахстанская область в 1917–1975 гг. Сборник статей. А., 1957, с. 28.
- ³⁷ Нурпеисов К. Указ. работа, с. 178, 179.
- ³⁸ Победа Великой Октябрьской социалистической революции в Казахстане, с. 348, 349, 353; Тугов П.И. К истории национализации промышленности в Казахстане, с. 18.
- ³⁹ ЦГА Каз.ССР, ф. 1416, оп. 1, д. 2, л. 4.
- ⁴⁰ См.: Нурпеисов К. Становление Советов в Казахстане, с. 185.
- ⁴¹ Тургайский областной съезд Советов. Протоколы. А., 1936, с. 104.
- ⁴² Нурпеисов К. Указ. работа, с. 196–197.
- ⁴³ Чокай оглы (Мустафа Чокаев). Голод в Киргизии // Форум. Общественно-политический журнал, 1983, №4, с. 192, 193.
- ⁴⁴ Свободная степь, 1918, 21 февраля.
- ⁴⁵ Госархив Жамбылской обл., ф. 50, оп. 2, д. 17, л. 2.
- ⁴⁶ Правда, 1918, 4 мая; Трудовое знамя, 1918, 7 апреля.
- ⁴⁷ Великая Октябрьская социалистическая революция в Казахстане. Летопись событий. А., 1967, с. 289, 292.
- ⁴⁸ Объединение, 1918, 11 мая; ЦГА Каз. ССР, ф. 1416, оп. 1, д. 15, л. 113.
- ⁴⁹ Актюбинский обл. госархив, ф. 1, д. 180, л. 149.
- ⁵⁰ Джембулский облгосархив, ф. 50, оп. 2, д. 4, л. 31; Великая Октябрьская социалистическая революция в Казахстане. Летопись событий, с. 286, 289–291, 243.
- ⁵¹ ЦГА РК, ф. 1416, оп. 1, д. 15, л. 113; д. 12, л. 39.
- ⁵² Омский облгосархив, ф. 284, оп. 1, д. 76, лл. 23, 2; Трудовое знамя, 1918, 4 апреля; Трудовое знамя, 1918, 16 апреля.
- ⁵³ Сулейменов Р.Б. Великий Октябрь и культурные преобразования в Казахстане // Великий Октябрь в Казахстане. А., 1977, с. 159.
- ⁵⁴ Тургайский областной съезд Советов. Протоколы, с. 142.

- ⁵⁵ Там же.
- ⁵⁶ Трудовое Знамя, 1918, 19 мая.
- ⁵⁷ Известия Петропавловского Совета, 1918, 18 апреля.
- ⁵⁸ Трудовое Знамя, 1918, 10 апреля; Омский облгосархив, ф. 284, оп. 1, д. 22, л. 10.
- ⁵⁹ Сейфуллин С. Тар жол, тайгак кешу, 125 б.
- ⁶⁰ Прииртышская правда, 1927, 26 октября; ЦГА РК, ф. 1416, оп. 1, д. 12, л. 2, д. 5, л. 2; Бабинцев С.М. Заметки о периодике Семипалатинского края // Записки Семипалатинского отдела общества изучения Казахстана, т. 3, Семипалатинск, 1931, с. 98.
- ⁶¹ Трудовое Знамя, 1918, 19 мая.
- ⁶² Там же.
- ⁶³ Бирлик туы, 1918, 28 февраля; Трудовое Знамя, 1918, 18 апреля, 1 и 16 мая.
- ⁶⁴ Трудовое Знамя, 1918, 17 мая; Голос Алтая, 1918, 15 мая.
- ⁶⁵ Трудовое Знамя, 1918, 17 мая.
- ⁶⁶ Трудовое Знамя, 1918, 7 апреля, 1 и 18 мая; Вестник Семиреченского трудового народа, 1918, 25 октября.
- ⁶⁷ ЦГА РК, ф. 15, оп. 2, д. 422, л. 33.
- ⁶⁸ Трудовое Знамя, 1918, 9 апреля; Омский облгосархив, ф. 284, оп. 1, д. 3, л. 100.
- ⁶⁹ ЦГА РК, ф. 1416, оп. 1, д. 14, л. 56.
- ⁷⁰ Елеуов Т. Указ. работа, с. 497.
- ⁷¹ ЦГА РК, ф. 1416, оп. 1, д. 14, л. 57, д. 10, лл. 1, 2; Победа Великой Октябрьской социалистической революции в Казахстане. Сб. документов, с. 302.
- ⁷² Омский облгосархив, ф. 284, оп. 1, д. 3, л. 101; ЦГА РК, ф. 1416, оп. 1, д. 14, л. 57; Перовская большевистская организация. Кызыл-Орда, 1957, с. 60.
- ⁷³ Елеуов Т. Указ. работа, с. 497.
- ⁷⁴ ЦГА РК, ф. 1416, оп. 1, д. 14, л. 5.
- ⁷⁵ ЦГА РК, ф. 1416, оп. 1, д. 14, л. 57. и об.; Омский облгосархив, ф. 284, оп. 1, д. 3, л. 99, 102.
- ⁷⁶ ЦГА РК, ф. 1416, оп. 1, д. 14, л. 43, 56–56 об.
- ⁷⁷ Алаш-Орда. Сб. документов, А., 1992, с. 138.
- ⁷⁸ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 43, с. 150.
- ⁷⁹ Елагин А.С. Социалистическое строительство в Казахстане в период иностранной военной интервенции и Гражданской войны // История Казахской ССР в пяти томах. Т. 4, А., 1977.
- ⁸⁰ Алаш-Орда. Сборник документов..., с. 108–109.
- ⁸¹ Там же, с. 109.
- ⁸² Там же.
- ⁸³ Сары-Арка. 1918, 8 июля.
- ⁸⁴ Алаш-Орда. Сборник документов..., с. 95.
- ⁸⁵ Там же, с. 95.
- ⁸⁶ Там же, с. 94.
- ⁸⁷ Там же, с. 94–113.
- ⁸⁸ Там же, с. 108–113.
- ⁸⁹ Там же.
- ⁹⁰ Сибирская речь. 1918, 5 августа.
- ⁹¹ Алаш-Орда. Сборник документов..., с. 126.
- ⁹² Там же, с. 126–127.
- ⁹³ Там же, с. 126.
- ⁹⁴ Там же, с. 126.
- ⁹⁵ Сибирская речь. 1918, 1 августа.
- ⁹⁶ Алаш-Орда, с. 128–131.
- ⁹⁷ Вестник Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания. 1918, 18 сентября.
- ⁹⁸ Там же, с. 495–496.

- ⁹⁹ Народная Сибирь. 1918, 16 ноября.
- ¹⁰⁰ Алаш-Орда, с. 134–135.
- ¹⁰¹ Томский областной государственный архив, ф. р. 72, оп. 1, д. 5, л. 1 с оборотом, 7, 16; Архив КНБ РК, д. 124, т. 1, л. 109, 114.
- ¹⁰² Рабочий день. 1918, 6 ноября.
- ¹⁰³ Алаш-Орда. Сборник документов..., с. 142.
- ¹⁰⁴ Госархив Семипалатинской обл., ф. 147, оп. 9, д. 1, л. 27; Сибирская речь. 1919, 27 февраля.
- ¹⁰⁵ Заки Валиди Тоган. Воспоминания. Книга 1, Уфа, «Китап», 1994, с. 281.
- ¹⁰⁶ Жизнь национальностей. 1919, 3 августа.
- ¹⁰⁷ Протоколы Революционного комитета по управлению Казахским краем 1919–1920 гг. Сб. документов, А., 1993, с. 32–33, 36 и др.
- ¹⁰⁸ Алаш-Орда. Сборник документов, А., 1992, с. 172–173.
- ¹⁰⁹ Пламенное слово. Листовки Гражданской войны (1918–1920 гг.), М., 1967, с. 151.
- ¹¹⁰ Алаш-Орда. Сборник документов..., с. 187–188.
- ¹¹¹ ЦГА РК, ф. 14, оп. 3, д. 24, л. 1–5.
- ¹¹² Протоколы Ревкома по управлению Казахским краем, с. 65–66.
- ¹¹³ Ленин В.И. Полн. соб. соч., т. 35, с. 111.
- ¹¹⁴ Там же.
- ¹¹⁵ Архив Комитета национальной безопасности РК, д. 124, т. 1, л. 317, 318.
- ¹¹⁶ Великая Октябрьская социалистическая революция в Казахстане. Летопись событий, А., 1967, с. 258.
- ¹¹⁷ Нурпеисов К.Н. Указ. работа, с. 140.
- ¹¹⁸ Наша газета. 1918, 9 февраля.
- ¹¹⁹ Приложение к газете «Голос труда», 1918, 6 апреля.
- ¹²⁰ Елькеев Б. Партия «Уш жуз» и ее деятельность в период установления Советской власти в Казахстане // История Казахстана: белые пятна. Сб. статей, А., 1991, с. 63.
- ¹²¹ Уш жуз. Петропавловск, 1918, № 4, 19 января; № 7, 2 марта.
- ¹²² Из стенограммы беседы А.Т. Жангельдина с к.и.н. А.И. Голубевой по заданию секретариата редакции «Истории Гражданской войны в СССР» // Әліби Жанкелдин. Документтер мен материалдар, А., 1975, 48 бет.
- ¹²³ Казахский отдел Наркомнаца функционировал до осени 1919 г. В связи с созданием Революционного комитета по управлению Казахским краем (Казревком) Казахский отдел Наркомнаца был реорганизован в представительство Казахстана при ВЦИК РСФСР.
- ¹²⁴ Победа Советской власти в Средней Азии и Казахстане. Ташкент, 1967, с. 264.
- ¹²⁵ ЦГА РК, ф. 1416, оп. 1, д. 16, л. 31.
- ¹²⁶ Елеуов Т. Казак ауылындағы Совет өкіметінің орнауы және нығаюы. А., 1967, 171 бет.
- ¹²⁷ Протоколы революционного комитета по управлению Казахским краем (1919–1920 гг.), сборник документов, А., 1993, с. 14.
- ¹²⁸ Заки Валиди Тоган. Воспоминания, книга 1, Уфа, 1994, с. 280, 281, 303. «Мы – писал Заки Валиди Тоган, – хотели расположиться в Оренбурге. Однако Советское правительство, Ленин и Сталин под влиянием своих имперски настроенных товарищей решили отделить башкир от казахов. С этой целью была создана русская Оренбургская губерния. По решению Центра казахам дали сформировать самостоятельное правительство со столицей в Актюбинске, а нашей столицей определили Стрелитамак. (Там же, с. 303.)
- ¹²⁹ Протоколы Революционного комитета по управлению Казахским краем. Сборник документов, с. 23; Зиманов С., Даулетова С., Исмагулов М., Казахский революционный Комитет, А., 1981, с. 179.
- ¹³⁰ Зиманов С. и др. Указ. работа, с. 183.
- ¹³¹ Там же.

¹³² *Елагин А.С.* Социалистическое строительство в Казахстане в годы Гражданской войны (1918–1920 гг.), А., 1966, с. 295, 296.

¹³³ Из показания А. Ермекова следователю ОГПУ от 30 ноября 1930 г. // Архив Комитета национальной безопасности, д. 6610, т. 1, л. 441.

¹³⁴ Образование Казахской АССР. Сборник документов и материалов, А., 1957, с. 270.

¹³⁵ *Елагин А.С.* Указ. работа, с. 299.

¹³⁶ Названные области и ряд других районов Туркестанской АССР, населенных казахами, были воссоединены с КазАССР в результате национально-территориального размежевания Средней Азии в конце 1924 г.

Глава третья

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В КАЗАХСТАНЕ

1. ПОЛИТИКА «ВОЕННОГО КОММУНИЗМА» В КАЗАХСТАНЕ: КАЗАХСТАНСКАЯ ПРАКТИКА И РЕАЛЬНОСТЬ «БЕСТОВАРНОЙ УТОПИИ» БОЛЬШЕВИЗМА

Стратегическую цель социалистической революции Ленин связывал с переходом «всех средств производства в собственность народа». ¹ Более точным был Ф. Энгельс, у которого в качестве получателя собственности на средства производства указывается не какая-то коллективная анонимность (народ), а конкретный адресат. С захватом пролетариатом власти, писал он, средства производства превращаются «прежде всего в государственную собственность». ²

Поэтому идея огосударствления собственности на средства производства с самого начала стала альфой и омегой большевистской революции. Ее воплощение в жизнь проходило с жесткой последовательностью. Национализации были подвергнуты как земельный фонд, так и промышленность, транспортная инфраструктура, банки.

В Казахстане было национализировано более 300 промышленных предприятий. Среди них Спасский медеплавильный и Чимкентский сантонинный заводы, свинцово-цинковые заводы Киргизского горно-промышленного акционерного общества, предприятия Риддерских рудников, Экибастузские и Байконурские угольные копи, Эмбинские нефтепромыслы. Объектами национализации стали Оренбургско-Ташкентская и Семиреченская железные дороги, пароходства и суда торгового флота на Аральском море, реках Иртыш и Урал, находящиеся в городах Казахстана отделения Русско-Азиатского, Волжско-Камского, Сибирского торгового и других банков, капиталы которых перешли в собственность государства. ³

Еще накануне Октября Ленин наставлял: «Нельзя победить капитализм, не организовав демократическое управление захваченными у буржуазии средствами производства всем народом...». ⁴ В целях «общенародного управления» вводился рабочий контроль, а для планомерного

руководства экономикой страны, централизованной организации ее народного хозяйства и финансов образовывался широкополномочный директивный орган — Высший Совет народного хозяйства. Итак, три доминанты — огосударствление, централизация и директивное планирование стали отчетливо определять ориентацию государства в экономической политике.

Однако уже вскоре такая идеология привела к разрушению промышленности. А поскольку последняя являлась одним из важнейших источников налоговых поступлений в бюджет, то его гигантский дефицит отныне мог покрываться лишь работой печатного станка.

В сссылках на критическую ситуацию в промышленности и денежном хозяйстве, продовольственный кризис, разразившийся весной и летом 1918 г., а также начавшуюся Гражданскую войну большевики нашли оправдание и даже некое рациональное объяснение своему эксперименту по осуществлению столь желанной им бестоварной утопии. Суть его сводилась к попытке непосредственного перехода к так называемому коммунистическому производству и распределению. Эта политика стала обозначаться как «военный коммунизм». В рамках ее идеологии делалась ставка на полное блокирование рыночных, товарно-денежных отношений, подмену экономических институтов и стимулов внеэкономической директивно-распределительной системой. Попросту говоря, это означало полную натурализацию экономической жизни, беспрецедентное распространение на все ее сферы жесткого государственного контроля, повсеместное внедрение уравниловки, понимаемой как воплощение социалистической идеи равенства.

Такая политика отнюдь не способствовала санации экономического организма, стимулировала падение, но вовсе не рост эффективности труда, еще в большей степени разрушала и без того подорванное в годы военного лихолетья производство. По данным промышленной переписи 1920 г., в Казахстане не работало 891 предприятие, среднегодовая численность рабочих сократилась с 20 тыс. в 1913 году до 8 тыс. в 1920 году.⁵

В сельском хозяйстве концентрированным выражением политики «военного коммунизма» стала так называемая разверсточная система заготовки сельхозпродуктов. Проводниками большевистских кампаний по продовольственной разверстке выступали сельские комбеды (комитеты бедноты, численность которых в Казахстане была невелика) и вооруженные рабочие отряды, экспроприировавшие «в пользу революции» производимые крестьянами продукты (главным образом, зерно).

В широких масштабах государственная хлебная монополия и продразверстка стали осуществляться в Казахстане с 1920 г. В начале этого же года разверстка («мясная») распространялась и на скотоводческие хозяйства. Так, к 1921 г. в Уральской и Букеевской губерниях Западного Казахстана фактические изъятия скота по отношению к разверстанным продовольственными органами заданиям составили соответственно 120 и 112 процентов.⁶ Столь существенное перекрытие и без того завышенных объемов крестьянской дани объяснялось жестким силовым давлением «посланцев пролетариата», но никак не «революцион-

Продразверстка. 1920-е годы.

ным энтузиазмом скотоводов», как сообщалось об этом факте в отчетах партийных органов.⁷

Подчистую конфисковывался хлеб у земледельческих хозяйств. В середине мая 1920 г. продовольственные комитеты получили негласную партийную директиву готовиться к введению продовольственной диктатуры, т.е. установлению монополии государства на заготовку и распределение сельхозпродукции. Дождавшись, когда крестьяне завершат сев, правительство РСФСР издало декрет (20 июня 1920 г.), в соответствии с которым производители зерна Сибири и сопредельных с ней территорий Казахстана обязывались в порядке боевого приказа приступить к обмолоту и сдаче всех хлебных «излишков».

По этой директиве в продовольственную кампанию 1920—1921 гг. на районы Сибири был разверстан хлебофураж в размере 110 млн пудов, из которых на северо-восток Казахстана приходилось 35 млн пудов, то есть более одной трети. И это при довольно низком урожае 1920 года.⁸

Для выполнения «боевого приказа» Совнарком направил 6 тыс. продотрядников Военпродбюро ВЦСПС, 9,3 тыс. продармейцев, 20 тыс. рабочих и крестьян голодающих губерний Центральной России, Москвы, Петрограда, промышленного Урала. При этом «посланцам пролетариата» давалась следующая установка: «Объявить всех владельцев хлеба, имеющих излишки и не вывозящих их на ссыпные пункты..., врагами народа, предавать Революционному суду и подвергать впредь заключению в тюрьме не ниже 10 лет, конфискации всего имущества и изгнанию навсегда из общины...» (В.И. Ленин).⁹

Нереальные задания устанавливались в Западном Казахстане. В ослабленной неурожаем Уральской губернии по разверстке в 1920 г. было изъято 1,5 млн пудов хлеба, что породило здесь потребительский зерновой дефицит в 2–2,5 млн пудов.¹⁰ И так в Казахстане было повсюду. Не случайно в своей записке о продовольственном положении в различных регионах страны Ленин, имея в виду Казахстан (в записке «Кир-республика»), констатирует: «Хлеб собирался под метлу. Ничего не осталось...».¹¹ Правда, здесь же в маргиналиях вождь ставит знак вопроса, по-видимому, выражая тем самым сомнение: может, еще поскрести по сусекам?

Последствия военных лет, выпавшие на этот период стихийные бедствия (засуха и т.д.) и крайне иррациональная экономическая политика вызвали в сельском хозяйстве разрушительные тенденции обвального характера. Посевные площади уменьшились с 1914 по 1922 гг. в 2 с лишним раза (с 3,6 млн дес. до 1,6 млн), валовые сборы зерна сократились более чем в 3 раза.¹²

Соотношение государственных и рыночных цен осенью 1920 г.

№	Вид товара	Государственная цена за пуд, руб.	Рыночная цена за пуд, руб.
1	Картофель	60–80	800
2	Мука	—	1200
3	Капуста	—	4000–5000
4	Мясо	400	400–600
5	Рис	360	4000
6	Сено	86	—
7	Утка (шт.)	—	700–800
8	Гусь (шт.)	—	1000–1200

В крайне тяжелом положении оказалась животноводческая отрасль. С 1914 по 1922 гг. численность крупного рогатого скота уменьшилась на 2,1 млн голов, лошадей — на 2 млн, мелкого рогатого скота — почти на 6,5 млн и верблюдов — на 300 тыс. голов. Поголовье всех видов скота сократилось за эти годы более чем на 10,5 млн единиц.

Экономическая реакция на бестоварный эксперимент «военного коммунизма» выразилась и в разразившейся в Западном Казахстане (Оренбургская губерния, Актюбинская область, Букеевская Орда) и части Акмолинской области продовольственной катастрофе. С 1917 по 1921 гг. посевные площади сократились здесь на 55 процентов (на одно хозяйство в среднем с 5,5 до 2,7 дес.). Дефицит продовольственной потребности региона составил 10,7 млн пудов хлеба. На грани голодной смерти оказались 1,4 млн человек.¹³

Несмотря на развернувшуюся помощь голодающим (только АРА — американская организация помощи спасла в Западном Казахстане огромное количество людей и прежде всего детей, организовав для них столовые и питательные пункты), десятки тысяч человек не смогли пережить эту страшную годину.

Силовая политика государства возымела все более нараставшее недовольство аула и деревни. В целом ряде случаев реакция неприятия административного террора, проводимого властью, вылилась в акты открытого саботажа и вооруженного сопротивления со стороны крестьянства. В 1920 г. под лозунгами «За Советы без коммунистов», «Долой продразверстку!», «Долой коммунистическую продовольственную диктатуру!» вспыхнули мятежи в большинстве регионов Казахстана. Восставшие крестьяне организовывались здесь в отряды и «повстанческие армии». Летом 1920 г. крупные антибольшевистские выступления произошли в Семипалатинской области и Павлодарском уезде, которые оказались в зоне контроля 10-тысячной «Народной повстанческой армии». В феврале 1921 г. восстание, поднятое «Сибирским крестьянским союзом», охватило районы Западно-Сибирского региона и Северного Казахстана: численность его участников достигала 30 тыс. человек. Повстанцам удалось временно захватить Петропавловск и Кокчетав. Достаточно многочисленная «Зеленая крестьянская армия» действовала на территории Кустанайской губернии, а в Западном Казахстане бунт подняли именовавшие себя «Красной Армией Правды» вооруженные отряды под руководством бывшего комдива РККА А. Сапожкова. Открытое недовольство, перераставшее в вооруженное крестьянское сопротивление, было характерно и для других губерний Казахстана.¹⁴

Все эти движения жестоко подавлялись властью и в последующем квалифицировались в отчетах ВЧК как кулацко-бандитские. В этой связи отметим, что действительно, очень часто к повстанцам примыкали откровенно уголовные элементы, как верно и то, что в целом ряде случаев крестьянское сопротивление, будучи по характеру своему стихийным бунтом загнанных в угол, а потому до предела обозленных людей, сопровождалось актами ничем не оправданной жестокости. И все же следует признать: социальная база восстаний была массовой и именно крестьянской, а движимы они были не столько идеологическими мотивами, сколько сильнейшим недовольством политикой «военного коммунизма», которая самым жестким образом ущемляла экономические интересы сельских производителей.

Открыв «продовольственный фронт» и направив на его театр вооруженную «продармию», Советское правительство развязало малую гражданскую войну, которую выиграло в военном отношении, но проиграло в плане политическом.

Таким образом, ситуация, сложившаяся в Казахстане к началу 1920-х годов, подтверждала общую картину экономического и политического кризиса, охватившего страну. Здесь, как и везде, все говорило о необходимости перехода к новым принципам хозяйственной политики, определяющим стержнем которых должна была стать идея восстановления функции нормальных экономических отношений.

Между тем большевики, постоянно утверждавшие, что «военный коммунизм» есть политика временная, навязанная чрезвычайными условиями гражданской войны, и после ее завершения продолжали курс

на «непосредственный переход к чисто социалистическим формам, к чисто социалистическому распределению».¹⁵

Условиями этого виделась все та же политика тотального огосударствления экономики и распространения на все ее сегменты милитаризованных, по своей сути, методов управления.

Не ограничиваясь более «обобществлением» крупной и средней промышленности, ВСНХ издает в конце 1920 г. директиву, в которой предписывалось в жесткие сроки (в течение месяца) осуществить национализацию мелких промышленных предприятий (с числом рабочих более 10 или 5, но имеющих механический двигатель), включая кустарно-ремесленные мастерские.¹⁶ Вскоре эта убийственная для еще теплившегося сектора мелкого предпринимательства установка «с военной быстротой, с военной энергией, с военной дисциплиной» (говоря ленинскими словами) стала претворяться в жизнь.

На расширение процессов натурализации экономических отношений «работали» изданные в конце 1920 – начале 1921 гг. декреты Советской власти об отмене платы за коммунальные услуги (квартиру, электричество и т.д.), о бесплатном отпуске населению питания и предметов широкого потребления.

В качестве вознаграждения за труд продолжала выступать не денежная зарплата, а так называемый продовольственный паек. По степени физической тяжести труда его нормы делились на три категории, не дифференцируясь при этом в их пределах. Поэтому все подпадавшие, например, под 3-ю категорию пайкового снабжения, независимо от того, работали ли они добросовестно и квалифицированно или, наоборот, «с ленцой и браком», получали одинаковое вознаграждение, что, разумеется, не стимулировало производительность труда, консервируя ее показатели на «среднеуравненных» значениях.

Большое внимание при распределении пайков обращалось на степень лояльности Советской власти. В этой связи представляются характерными заметки В. Ленина по поводу декрета о продпайке (27.04.1920 г.). Здесь, в частности, он видит следующее упущение разработчиков документа: «В непромышленных городах ясно выделяем население, не работающее в советских предприятиях и в советских учреждениях, а это население надо понемногу снять с пайка (либо заводи огород свой, либо иди на работу в советские предприятия или советские учреждения). Мы кормить тех, кто не работает в советских предприятиях и в советских учреждениях, не будем».¹⁷

Тем не менее, несмотря на ужесточение государственного контроля в сфере продовольственного снабжения и его большевистскую «рационализацию» в классовом духе, контингент населения, переводимый на госснабжение, рос столь быстрыми темпами (в 1920 г. на содержании государства находилось 38 млн человек), что даже резко увеличивавшиеся масштабы продразверстки, изымаемой у крестьян (сфера ее применения в пространственном отношении многократно возросла с установлением Советской власти на всей территории страны), хронически не поспевали за возрастающими потребностями. В результате, как отмечалось на X съезде РКП(б), продуктовая норма

того же рабочего оказывалась более чем в 2 раза меньше прожиточного минимума.¹⁸

Неспособность государства обеспечить продовольственное снабжение населения (даже по принципу минимума — «каждому по пайке хлеба») побудила некоторых большевистских лидеров из числа радикалов выдвинуть еще более утопические идеи. Так, Л. Троцкий, выступая на заседании Московского комитета РКП(б) в январе 1920 г., делился с товарищами по партии следующими мыслями: «То положение, о котором я говорил — 80 процентов человеческой энергии, уходящей на приобретение жратвы, необходимо радикально изменить. Не исключено, что мы должны будем перейти к общественному питанию, то есть все решительно имеющиеся у нас на учете советские работники, от председателя ЦИК до самого молодого рабочего, должны будут принудительно питаться в общественных столовых при заводах и учреждениях. Это будет не только мерой экономии индивидуальных условий, из которых 80 процентов тратится на добывание пайка, но будет также величайшей школой трудового общественного воспитания. Нужно ввести нравы, близкие к спартанским, вытекающие из всей нашей обстановки. Во-первых, прогулы будут сведены на нет. За общим столом будет проявляться общественное мнение. Кто не вышел на работу, тот не получает горячего пайка».¹⁹ Итак, на повестку дня ставился даже вопрос об «обобществлении» физиологических функций.

Отменялась и плата за топливо, что наряду с другими, более существенными факторами (послевоенная разруха) обострило топливный кризис, который, несмотря на восстановление ряда нефтяных и угольных промыслов (Доссор, Эмба, Экибастуз, Караганда), продолжал сохраняться.

Попытки его разрешения зиждились на ставших уже привычными методах: посредством всеобщей трудовой повинности граждан от 18 до 45 лет (именно таким путем заготавливались дрова в Семипалатинской области, саксаул — в Перовском, камыш и кизяк — в Гурьевском уездах), мобилизаций на «топливный фронт» городского населения, гужевой повинности (после проведения таковой в одном из уездов Актюбинской губернии гужевой транспорт, то есть все телеги, изъятые у крестьян, оказались напрочь разбитыми).

Большие надежды связывала новая власть с так называемыми трудовыми армиями, которым наряду с «продармией» (численностью до 80 тыс. человек) отводилась роль инструмента «военного» решения хозяйственных вопросов (отсюда терминология: армия, батальон, фронт, битва, военно-оперативные задачи и т.д.).

Первая Революционная Трудовая армия была создана по прямому указанию Л. Троцкого в январе 1920 г. на основе 3-ей Уральской армии Восточного фронта. В своем приказе этой армии Л. Троцкий следующим образом обозначал ее функции: «...Все, от командующего армией до самого молодого красноармейца, должны помнить, что перед армией простая, но определенная задача — рубить дрова, заготавливать хлеб, подвозить дрова и хлеб к железной дороге».²⁰

Здесь же председатель Реввоенсовета республики выражал резкое возмущение низким уровнем производительности труда в армии, предписывая в этой связи начальникам «давать частям через их командиров и комиссаров определенные уроки», а за «невыполнение урока привлекать к ответственности командный и комиссарский состав». Зная излюбленное кредо Троцкого (расстрел — жестокое орудие предостережения другим), можно представить характер репрессий.

Постановлением Совета Труда и Оборона, подписанным его председателем, Лениным (апрель 1920 г.), из частей Заволжского военного округа и Туркестанского фронта образовывалась Вторая Революционная армия труда.²¹ Ей также вменялись заготовка дров и продовольствия, сельскохозяйственные работы, проведение трудовых мобилизаций населения и гужевых повинностей и т.д. Однако в качестве главной ее задачи определялась постройка железной дороги и нефтепровода Александров Гай — Эмба²² (Урало-Эмбинский нефтяной район оставался в это время единственным источником поступления жидкого топлива; здесь скопились запасы нефти от 10 до 14 млн пудов, которые необходимо было вывезти в центр).

Здесь следует сказать, что все население, мобилизованное властью на строительство нефтепровода и вывоз из Эмбы запасов нефти, оказывалось в таком же положении, как и «бойцы трудармии». Постановлением Совета Народных Комиссаров (санкционированным, естественно, В.И. Лениным) вменялось «считать всех лиц, работающих по организации и доставке нефти гужем, призванными на действительную военную службу», равно как все рабочие и служащие, «привлеченные к делу сооружения нефтепровода, являются милитаризованными...» (апрель 1920 г.).²³ Так что с известным допущением можно сказать, что еще до постановления Совета Труда и Оборона «О призыве в Красную Армию граждан нерусских национальностей Сибири, Туркестана и других окраин» (май 1920) (которое, заметим, весьма трудно входило в практику, встречая сопротивление различных волокитчиков и откровенных шовинистов), казахское население, проживавшее в зоне тяготения Урало-Эмбенского нефтяного района, оказалось вопреки своей воле на «действительной военной службе» (если и не в строевых частях, то, апеллируя к нынешним понятиям, в стройбате).

Регулятивные функции государства расширялись и в сельском хозяйстве. Власть уже не удовлетворялась жесткой монополией на заготовки всей номенклатуры аграрной продукции (включая щетину и конский волос). Начались командные вторжения в сферу крестьянского хозяйства. Под государственным контролем оказались такие сугубо производственные операции, как сев, обработка почвы, уборка урожая и т.д.

Безусловно, пока крестьянин оставался собственником и вел индивидуальное (частное) хозяйство, его не так-то легко было контролировать в житейских делах, поскольку эффективное управление действующими хозяйствующими субъектами возможно лишь по мере включения механизма экономической мотивации. Однако большевики и здесь верили в силу государства, тем более, если оно идентифицирует себя как

«диктатуру пролетариата», уже не раз доказавшую, что «нет таких крепостей, которые она не смогла бы взять» (И. Сталин).

Вскоре стали создаваться различные структуры типа посевкомов (посевные комитеты различных территориальных уровней), утверждаться государственные планы засева и обмолота, разверстки по урожаю и т.д. Крестьянам, пожалуй, впервые со времен Адама и Евы стали приказывать, когда сеять, когда убирать и куда сдавать урожай. Но Советская власть создала именно такой прецедент.

Аул и деревня Казахстана еще глубже погрузились в пучину государственного произвола. Чиновники буквально терроризировали крестьян, организуя бесконечные «недели посева», «красные декады обмолота», наводняя аулы и деревни мобилизованными на «аграрный фронт» всевозможными активистами.

Все эти идеологические мероприятия, призванные имитировать перманентную революционную динамику общества и энтузиазм масс, воспринимались населением с покорной апатией. Однако, как это водится, «вслед за миссионерами идут инквизиторы». К ослушникам применялись немедленные карательные санкции. Страх сковал волю крестьянина, его хозяйственную инициативу. Аул и деревня стали безропотно выстраивать свою жизнь согласно спущенной из государственных кабинетов регламентации. Зато чиновникам прибавилось работы по линии написания различных отчетов о посевах, обмолотах, выполнения других разверсток. Чтобы получить некоторое представление о развернувшейся кампании, приведем несколько фрагментов из документов того периода.

Так, в докладе уполномоченного Алма-Атинского уездного посевкома с удовлетворением расписывается: «Со времени организации посевкомов работа началась в оживленном виде и началась подготовка к посевкампании. Население... объединялось по 10—15 и 20 дворов. Живой и мертвый инвентарь, работоспособная сила и семена были взяты на учет, по волостям была проведена мобилизация кузнецов, плотников, колесников и пр., кои по мобилизации принялись за работу по исправке (так в тексте — *авт.*) инвентаря для населения волости, а население волости засеяло для мобилизованных их поля. Население волости засеяло поля всем служащим, находящимся в органах власти волости, кои ввиду работы в учреждениях не имели возможности оторваться от канцелярии для своих посевов».²⁴

В тезисах Семиреченского обкома КПТ (до 1924 г. Семиречье входило в состав Туркестанской АССР) отмечалось: «...Мы обязаны: убрать весь урожай с полей, обмолотить все 100 процентов и вовремя, без опоздания, засеять озимые поля по заданиям облпосевкома, все 100 процентов согласно разверстке. ...Чтобы успешно выполнить эти три большие задачи в одно и то же время..., постановлением обкома... объявляется по всей области «продмесяц», т.е. все живые силы области, людские и конские, а также весь мертвый уборочный материал (типичный стиль нарождавшегося советского чиновного новояза — *авт.*) должны быть полностью использованы так, чтобы ни один клин в поле (заметим, что поля еще отнюдь не общие колхозные, а принадлежат конкретным вла-

дельцам, за которых уже все решили в обкомовских чертогах — *авт.*) не оставался бы неубранным вовремя, чтобы вовремя были проведены посевы». Тут же крестьянина учат, как нужно работать: «Не надо хлеб накладывать два раза на воз (сначала возка в копны, а потом на ток к молотилке), а сразу везите к молотилке и меньше делайте урона хлеба, и сухой хлеб прямо с поля чище вымолотится, что даст вам экономию». ²⁵

Начертав на своих знаменах лозунг «Диктатура пролетариата есть орудие подавления эксплуататорских классов», большевики запустили машину подавления всех групп населения. Если одни группы стали объектом вопиющего произвола государства в силу узурпации им всей структуры экономических отношений и собственности, то другие — жертвами изощренной системы внеэкономического принуждения (всеобщая трудовая повинность, трудовые мобилизации и т.д.). «Социальный расизм» нарождавшегося пролетарского государства невольно обнажил один из главных теоретиков Коммунистической партии Н.И. Бухарин. Он писал: «Пролетарское принуждение во всех своих формах, начиная от расстрелов и кончая трудовой повинностью, является... методом выработки коммунистического человечества из человеческого материала капиталистической эпохи». ²⁶ Лабораториями получения «благодатного» для «социально-классовых арийцев» человеческого материала служили подвалы ЧК, концентрационные лагеря и необъятный «трудовой фронт».

Лишения и страдания испытывало все население (естественно, кроме партийно-советской номенклатуры) — в этом и был первый итог реализации на деле понимаемого по-большевистски равенства. Однако, выстраивая «равноправную» очередь в «златые врата царства свободы», государство распространяло в ее рядах бациллы человеконенавистничества, вражды, злости, нетерпимости.

Фарисействуя насчет привилегированной роли и статуса в обществе «Его Величества рабочего класса», большевики насаждали в его сознании чувство «социального шовинизма», которое затем исподволь использовали в своих властных интересах и целях. Рабочий, будучи «зомбирован» на образ крестьянина как носителя мелкобуржуазной стихии, глубоко враждебной власти и, следовательно, самому рабочему классу, получал от нее индульгенцию на беспощадное изничтожение врага. Идеологические инсинуации еще больше провоцировали и без того извечно стойкий антагонизм города и деревни, которая (как увидим далее) вплоть до коллективизации рассматривалась властью в качестве самой массовой и опасной оппозиции, главного препятствия на пути социального экспериментирования.

Клинья межгруппового конфликта вбивались большевистской пропагандой и в другие «зазоры» социальных ниш. Так, в «едином и нерушимом союзе серпа и молота» убежденные в своей классовой правоте рабочие, солдаты и трудящиеся крестьяне гнали на заготовку дров и другие тяжелые физические работы «буржуазную» интеллигенцию. В результате многие ее представители, не выдержав морального террора, покинули Родину.

По принципу «бедный или богатый», «преданный или просто лояльный к Советской власти», «активист или индифферентный» вносился дух раскола и ксенофобии вовнутрь социальных групп, что «взрывало» более или менее сохранявшуюся до того внутригрупповую стабильность и равновесие, разрывало традиционные солидаристско-консолидационные отношения.

«По-революционному смело» попирая законы экономики, искусственно и форсированно насаждая господство глубоко иррационального нерыночного уклада, отвергая фактор товарно-денежных отношений и рынка, возвращая тем самым экономику страны в эпоху раннесредневекового замкнутого натурального хозяйства, большевики возвели бестоварную утопию в ранг практической государственной политики. Общество дорого заплатило за этот опыт (вторая его редакция, точный аналог первой, будет — после коллективизации — навязываться стране шестьдесят лет и вызовет еще большие жертвы).

Однако принародного покаяния власти не произошло. Лишь на партийных собраниях озвучивались оправдания типа «хотели как лучше и быстрее», «к коммунизму нет широкой столбовой дороги», «революции без жертв не бывает» (максима большевистской религии, призывающая терпеть лишения и страдания во имя светлого будущего, которую самопожертвенно воспринимали все поколения советских людей).

Ленин писал: «Мы рассчитывали — или, может быть, вернее будет сказать: мы предполагали без достаточного расчета — непосредственными велениями пролетарского государства наладить государственное производство и государственное распределение продуктов по-коммунистически...».²⁷ Расчеты между тем потерпели сокрушительное фиаско. Грянул экономический, социальный и политический кризис. В этом и был главный итог политики «военного коммунизма» и ее воплощения — бестоварной утопии.

2. ГОЛОД 1921–1922 гг.

После завершения Гражданской войны страну Советов ожидало еще одно тяжелое испытание. Бесснежную и затянувшуюся зиму 1920/1921 гг. сменило засушливое лето. Отсутствие зимней влаги, дождей весной и летом стало причиной сильной засухи, и, как следствие, голода. Летом 1921 года он охватил многие регионы страны, особенно — районы Поволжья. К осени 1921 года по стране голодало свыше 20 миллионов человек.

В связи с обрушившимся голодом Центральный комитет РКП(б) 17 июля 1921 года направил всем членам партии специальное Обращение. «Голод, — говорилось в Обращении, — результат не только засухи, причина его в отставании аграрного сектора, низком уровне сельскохозяйственных знаний, архаичных формах севооборота, это и последствия войны и военной блокады, неугасающей борьбы помещиков, капиталистов и их слуг против нас».²⁸ Наряду с причинами, указанными в партийном документе, массовый голод был вызван и чрезвычайной экономической ситуацией в результате политики «военного коммунизма», жестко проводи-

мой Советской властью и обернувшейся сильным ударом по народному хозяйству, особенно — по его сельской отрасли.

В плену поражающего голода оказалось большинство районов Казахстана. Посевы, высаженные в Уральской, Оренбургской, Кустанайской, Букеевской, Актюбинской губерниях, не взошли из-за сильной засухи, взрослые же — сгорели из-за летней жары. Пастбища и сенокосы кочевых и полукочевых районов, занимающихся скотоводством, сгорели полностью. К тому же, затянувшаяся суровая зима 1920/1921 гг. вызвала массовый падеж скота в Тургайском уезде. Пострадали также Шубаланская, Майкаранская, Сарыкопинская и др. волости. Число жертв, погибших от голода, увеличивалось с каждым днем.

Голод охватил и оседлые районы. В отчетах, направленных в Совет Народных Комиссаров Киргизской (Казахской) АССР в феврале—марте 1921 года от исполнительного комитета Исаево-Дедовского районного совета Кустанайской губернии, говорилось о голодающем населении районов, а также то, что жители отдельных сел высказывают свое недовольство. Со стороны крестьян ряда районов были отмечены факты самовольного раздела урожая, собранного по государственному заказу. Так, открытое сопротивление передаче собранного урожая в Оренбургское хранилище около двухста женщин села Дмитриевка вместе с другими женщинами, прибывшими из соседних поселков, сопровождалось лозунгами: «Если вы увезете собранный урожай, мы умрем от голода». А для жителей села Васильевка стали обыденными ежедневные утренние сборы со звоном колоколов церкви, на которых бурно обсуждались разговоры вокруг куска хлеба и корма для скота. Местных представителей Советов они встречали с выкриками: «Дайте нам урожай, не то мы подохнем с голода». Жители же села Никольское, тем временем, самовольно поделили между собой семенные злаки, приготовленные для весеннего посева.²⁹

С августа 1921 года Оренбургская, Актюбинская, Букеевская и Кустанайская губернии были официально включены в список районов, пострадавших от голода. К осени 1921 года голодали уже пять из семи губерний Казахской АССР: Оренбургская, Актюбинская, Букеевская, Уральская и Кустанайская (не включая Сырдарьинскую и Жетысуйскую губернии в составе Туркестанской АССР) и жители отдельного Адаевского уезда.

Голод охватил территорию в 1 048 100 кв. м с населением 1 558 927 человек. К ноябрю 1921 года число голодающих по губерниям было следующим:³⁰

Таблица 1

Губернии	По данным Управления статистики	По данным, полученным из разных источников
Оренбургская	387 500	444 786
Кустанайская	264 900	254 816
Уральская	384 900	400 000
Актюбинская	296 100	359 325
Букеевская	176 500	100 000
ИТОГО	1 508 900	1 558 927

Вместе с голодом пришли такие болезни, как тиф, диарея, холера, цинга, чума и др. Число людей, больных инфекционными заболеваниями, намного превышало возможности лечаших учреждений республики. Голод и нищета, эпидемии, нехватка больниц, все это увеличило смертность среди больных. Например, в Кустанайской губернии порой в день погибали до 75 процентов голодающих и больных. По данным народного комиссариата здравоохранения республики, с 1 ноября 1921 года по 1 июля 1922 года в Оренбургской, Уральской, Акмолинской и Актюбинской губерниях жертвами голода стали 37 657 человек.³¹ Голод не обошел стороной и другие районы Казахстана.³² В своих воспоминаниях Х.Д. Чурин, занимавший в то время должность председателя исполкома Советов в Таргын-Букеевской губернии писал: «Зимой 1921–1922 гг. на улицах поселка, который был центром уезда, в 5–6 часов утра иногда мы собирали трупы десятков людей».³³ Ежедневно 50–60 детей, оставшихся без родителей и крова, распределялись в детские дома местными органами власти. Если по данным на 1 декабря 1921 года число голодающих детей, оставшихся без крова, по Казахской АССР составляло 128 000, то к концу того же года этот показатель достиг отметки 158 000, а к 1 марту 1923 года — 408 022 человек.³⁴ В марте–апреле 1922 года голод, настигший Казахстан, достиг своей пиковой отметки. Председатель КазЦИК С. Мендешев 8 июля 1922 году в своем докладе на III сессии КазЦИК заявил, что по неполным данным, составленным весной этого же года, число голодающих по Казахстану составило 2 832 000 человек.³⁵ Всего же к концу 1920 года число жителей республики составляло 4 781 263 человек, из которых 50,3 процентов были казахи, 31,2 процента — русские, 14,4 процента — украинцы.

По данным на март и апрель месяцы 1922 года в республике, кроме жителей Семипалатинской губернии, голодали 68,2 процента жителей шести губерний. В некоторых губерниях число голодающих было выше средних показателей. К примеру, в Уральской губернии голодали 99 процентов, в Оренбургской губернии — 80,3 процентов, в Кустанайской губернии — 74,5 процентов. В Букеевской губернии этот показатель составлял 29,5 процентов, Акмолинской губернии — 40,2 процентов.³⁶

В губерниях, пострадавших от голода и засухи, резко сократилось поголовье скота. Только по Кустанайской губернии в 1922 году по сравнению с 1920 годом поголовье лошадей сократилось на 63%, крупного рогатого (дойного) скота — на 50%, мелкорогатого скота — на 65%, площадь же посевов сократилась на 62%³⁷ (из отчета Кустанайского губкома РКП(б) и контрольной комиссии. Кустанай, 1923 год, с. 10).

Жители голодающих губерний республики в поисках пропитания самостоятельно перебирались: на юге — в Туркестанскую республику, на востоке — в Акмолинскую и Семипалатинскую губернии. Жители Приволжья переселялись в Оренбургскую и Туркестанскую губернии. Все это еще больше осложнило ситуацию в Казахстане.

Непрерывный приток голодающих людей-беженцев из соседних республик резко увеличил число голодающих людей даже в Акмолинской и Семипалатинской губерниях, где урожай считался хорошим. Уже в марте

1922 года число голодающих составило 472 тыс. человек, что немногим меньше общего количества всех жителей губернии в 1921 году. Население особо пострадавших от голода районов республики, предпринимало попытки самовольного захвата запасов продовольственного фонда.

На второй Общеказахстанской региональной партийной конференции, проходившей в Оренбурге 19–27 февраля 1922 года, был заслушан доклад председателя Центрального Исполнительного Комитета Казахстана С. Мендешева на тему «Голод в Казахской АССР и борьба с ним». Конференция показала, что голод охватил все районы республики за исключением Семипалатинской и Акмолинской губерний. «Голод настолько был сильным, что голодающие питались не только продуктами отхода, но и трупами умерших... Жестокий голод, который распространился по всей стране, стал главным препятствием развития хозяйственно-экономической жизни Казахской АССР, он потряс не только основы советского строя, но и подверг нищете основную массу населения»,³⁸ — говорилось в резолюции конференции. В документе были определены также ряд конкретных мероприятий, направленных на борьбу с голодом и его последствиями. Конференция отметила необходимость подключения в работу комиссий по оказанию помощи голодающим активных партийных работников. Делегатами конференции был принято обращение к работникам транспорта РСФСР о бесперебойной поставке продуктов питания и зерна в пострадавшие от голода районы. Нужно обратить внимание на помощь казахскому народу в степи, говорилось в резолюции, для чего необходимо перестроить работу аппарата.³⁹

Специальные комиссии по оказанию помощи голодающим создавались при губернских и уездных исполнительных комитетах республики. Первая из комиссий была организована и начала свою работу уже весной 1921 года при Тургайском уездном исполнительном комитете Советов.

Для организации первой помощи голодным аулам и волостям были направлены почти все члены уездного исполнительного комитета, весной 1921 года при каждом сельском Совете для успешного проведения посевных работ также были созданы специальные комиссии, которые по мере возможности обеспечивались необходимым количеством зерна.

Жителям Тургайского уезда, подвергшимся голоду, губернским продовольственным комитетом было выделено в качестве помощи 50 000 пудов зерна и 500 пудов из семенного фонда для проведения весенних посевных работ.⁴⁰

12 мая 1921 года на расширенном заседании исполнительного комитета Тургайского уезда был рассмотрен вопрос об оказании срочной помощи пострадавшим от голода жителям. В заседании приняли участие члены уездного исполнительного комитета во главе с Т. Жургуевым, представители ЦИК А. Жангельдин, С. Аргыншиев, Тимошенко и Арынгазиев. Было принято решение о создании комиссии для оказания срочной помощи голодающему населению из представителей от отдела снабжения, экономического и продовольственного отделов во главе с председателем уездного исполнительного комитета. Предполагалась организация на местах отделений комиссии.⁴¹

В 1921 году голод распространился почти по всем районам Кустанайского уезда. Голодали около 75 процентов жителей многих волостей. Волостными, сельскими и аульными Советами проводились упорная борьба с голодом и мероприятия по преодолению детской смертности.

Во второй половине 1921 года в аулах и селах уезда открылись 10 детских домов, куда было заселено около 1000 голодающих детей. За счет продовольственного налога детские дома обеспечивались питанием, заготовка дров осуществлялась из средств хозяйства. Кроме этого, во всех волостных центрах работали бесплатные столовые для голодающих. Дополнительный налог, взимаемый с зажиточных людей,⁴² обеспечивал столовые продуктами. В 1921 году данная мера использовалась и в других районах Казахстана. Например, согласно решению Ойылского уездного исполнительного комитета от 16 июля 1921 года, престарелые голодающие, оставшиеся без присмотра, распределялись между зажиточным населением, проживающим в волостях. Последним вменялось в обязанность бесплатно кормить и обеспечить их ночлегом.⁴³

К весне 1922 года всего по республике были организованы 7 губернских, 1 уездный, приравненный к губернской (Адаевский), 46 уездных и районных, 1127 волостных, аульных и сельских комиссий для оказания помощи голодающим. Наряду с этим было организовано 556 местных комитетов взаимопомощи. Деятельность всех комиссий координировалась Центральной Комиссией по оказанию помощи голодающим, организованной при ЦИК Казахстана.⁴⁴

Комиссии были наделены полномочиями безотлагательного использования административных рычагов губернских, уездных, волостных, аульных и сельских чрезвычайных органов в борьбе с голодом. Грузы, направленные по любому их адресу, перенаправлялись комиссиям. С 1 августа 1920 года исполнительным комитетам голодающих губерний для проведения усиленной борьбы с голодом было предоставлено право собирать специальные налоги, организовывать оказание помощи голодающим со стороны имущих прослоек, вести заготовку продовольствия вне территории губернии за счет своих средств. Благодаря работе комиссий, с начала осени 1921 года во многих голодающих населенных пунктах открылись бесплатные столовые, организовывались детские дома для беспризорных детей. Например, в волостях Кустанайского уезда в 1921 году функционировало шесть детских домов, было обеспечено жильем и едой более тысячи детей.⁴⁵ В Букеевской губернии 15 тысяч голодающих, хоть и в малом количестве, но были обеспечены продовольственным пайком. Согласно решения Ойылского уездного исполнительного комитета Актюбинской губернии от 16 июля 1921 года, богатые и состоятельные люди были обязаны обеспечить определенное количество голодающих жильем и едой.⁴⁶

С 1922 года голод широко распространился по Букеевской губернии, особенно в районах Таргын, Талов и Жангалы. Деятельность местных органов власти в борьбе с голодом и о помощи правительства республики голодающим районам иллюстрируют слова исполняющих в то время обязанности председателя Таргынского уездного исполнительного комитета Х. Чурина и Ж. Сарсекова: «...помимо оказываемой со стороны

государства помощи, приходилось изыскивать источники дополнительной помощи на местах. Не обошлось без использования чрезвычайных и срочных мер по спасению людей ряда отдаленных от железной дороги волостей, проживающих среди песчаных барханов. Для решения вопросов оказания помощи голодающему населению Жанибека приехал председатель КазЦИК С. Мендешев. «Хоть вы и молоды, — произнес он, — вы возглавляете уезды... партия и правительство перед вами ставит задачу спасти всех людей от голода. Нужно будет рассмотреть возможности состоятельных крестьян, у революционного закона бывают и революционные строгие правила».

После этого мы направили по одному человеку в каждую волость. Они должны были организовать комиссии при волостных исполнительных комитетах, составить список: у кого сколько скота, сколько зерна, сколько денег в качестве помощи; эти списки подлежали утверждению волостными исполнительными комитетами». ⁴⁷

Чрезвычайная комиссия по борьбе с голодом в Таргынском уезде расположилась в поселке Жанибек. Почти все сотрудники советского аппарата и уездных органов партии были направлены в волости для организации борьбы с голодом в отдаленных аулах. В центре уезда непрерывно работали 8 бесплатных пунктов питания для голодающих, рядом с ними были организованы общежития для беспризорных. ⁴⁸

В 1922 году все силы партийных организаций и советских органов КазАССР были направлены на борьбу с голодом. В результате проведенной работы Центральной комиссии по оказанию помощи голодающему населению и местных советских органов, к середине 1922 года удалось бесплатно накормить 777 192 человек. ⁴⁹

Несмотря на тяжелое положение в центральных районах страны, Совет Народных Комиссаров РСФСР оказывал посильную помощь жертвам голода в Казахстане в виде лекарственных средств, продовольствия, зерна.

Накануне весенних посевных работ 1922 года голодающие районы Казахстана получили в качестве бесплатной помощи 907 501 пудов семенного зерна. Площадь засеянной ими земли равнялась 957 224 десятин. ⁵⁰ В целом, уже в 1922 году в Казахстане были засеяны семенные зерна. ⁵¹

Особое внимание уделялось беспризорным голодающим детям. Комиссия по улучшению быта и жизни детей была преобразована в специальный отдел по борьбе с голодом среди детей республиканской Центральной Комиссии по оказанию помощи голодающим. Местные органы отдела организовывались во всех голодающих губерниях республики. Итогом работы этих организаций стало появление в первой половине 1922 года в 5 губерниях республики 575 детских домов и 9 станций, обеспечивающих бесплатно едой и одеждой голодных и беспризорных детей. В некоторые губернии Российской Федерации, положение которых считалось удовлетворительным, было направлено 16 военно-санитарных поездов с 18 496 беспризорными детьми и сиротами. ⁵²

По неполным данным, только в 1922 году в Центральную детскую комиссию при КазЦИК из разных районов страны было передано 66 790

пудов зерна и других видов продовольствия, 161 567 пайков, денег на сумму около полумиллиона рублей, более 100 пудов мыла, несколько тысяч метров ткани, несколько сот пар обуви, множество лекарственных средств.⁵³

Голодающим губерниям Казахстана значительную помощь оказала Семипалатинская губерния: кроме продовольствия, заготовленного в своей губернии, для голодающих жителей республики и Поволжья в 1922 году с соседней Монголии было закуплено 77 000 баранов и 5 000 крупнорогатого скота.⁵⁴

Помощь оказывалась и со стороны некоторых международных организаций (Красный Крест, Международный Союз по оказанию помощи детям и др.) и отдельных известных личностей. Так, от всемирно известного норвежского ученого и общественного деятеля Ф. Нансена в Центральную детскую комиссию при КазЦИК было передано 4 052 ящиков консервов, 20 ящиков сухарей, две передвижные амбулатории с 30 пудами медикаментов.⁵⁵

Центральной Комиссией РСФСР по оказанию помощи голодающему населению в 1923 году, для нужд весенних посевных работ в Казахстане, было выделено 1 441 429 рублей для покупки 215 тысячи пудов семенного зерна и рабочего скота, отдельным районам через государственный банк был выделен кредит на выгодных условиях в размере 690 тысячи рублей.⁵⁶ В помощь кооперативным организациям Актюбинской, Кустанайской, Оренбургской и Уральской губерний выделялось 585 тысячи рублей из специального фонда Центрального союза потребителей.

Также была оказана значительная помощь районам республики, занимающимся только скотоводством и тоже пострадавшим от голода. При оказании помощи кочевым и полукочевым хозяйствам учитывались их хозяйственные и бытовые особенности. Для обеспечения их нужд в полном объеме работали передвижные пункты питания. При каждом таком пункте был свой прикрепленный врач. Кроме этого, были организованы удобные для перемещения палаточные пункты медицинского обслуживания. Например, со стороны Красного Креста были организованы и работали 11 врачебно-питательных отрядов, которые обслуживали голодающие кочевые казахские аулы. Эти отряды через свои столовые выдали 2000 продовольственных пайков голодающим, оказывали через медицинские пункты и больницы необходимую больным помощь. Кроме этого, жителями Акмолинской и Семипалатинской губерний КазАССР, Сырдарьинской и Жетысуйской губерний Туркестанской АССР в качестве помощи кочевым и полукочевым районам, пострадавшим от голода, было передано 6927 голов крупнорогатого и мелкорогатого скота.

К концу 1922 года начался процесс возвращения беженцев в родные края. Встреча возвращенцев и работа по их размещению были возложены на местные Советы. Тяжестей и трудностей этой работы оказалось не меньше, чем работы по борьбе с голодом. Были сформированы специальные комиссии по организации встречи беженцев, их размещению по аулам, поселкам, городам и другим населенным пунктам. Советским правительством предусматривались социальные льготы для возвращенцев. На проезд для желающих вернуться обратно было вы-

делено 40 000 рублей. Кроме того, возвращавшимся в грузовом вагоне с имеющейся внутри печкой разрешалось оплатить только 50 процентов стоимости проезда. Предусматривалось освобождение возвращенцев от всех видов налога с 1 августа 1922 года. Льготы предусматривались и жителям губерний, пострадавших от голода в 1921–1923 годах и остро нуждающихся в продовольствии. Ослабленным хозяйствам со стороны государства была оказана производственная помощь, хозяйства же, не имеющие скота и собравшие средний урожай, освобождались на 50 процентов от продовольственного налога, был также продлен срок оплаты по кредиту, предоставленному в 1921–1922 хозяйственном году, предусмотрены льготы по оплате единого государственного налога.

Декретом Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов от 20 июня 1923 года, с 1 августа того же года были расформированы комиссии по борьбе с голодом и его последствиями. Их обязанности были возложены теперь на специально организованный комитет по оказанию помощи сельскому хозяйству. Спустя некоторое время такой же комитет был организован и при КазЦИК.

3. НОВАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА В КАЗАХСТАНЕ – АЛЬТЕРНАТИВА СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКОМУ И ПОЛИТИЧЕСКОМУ КРИЗИСУ

В ходе своей исторической эволюции человечество выработало только две альтернативные системы принуждения. Первая – это административное воздействие на волю, и вторая – система экономического принуждения при гарантии правовой свободы производителя. Их параллельное существование в принципе невозможно, поскольку административная система ослабляет и ограничивает действие экономических стимулов принуждения, и наоборот, введение в нее экономических инструментов подрывает власть административной системы.

Политика «военного коммунизма» с такими ее базовыми принципами, как огосударствление структуры отношений собственности, централизация и директивное, а по сути даже милитаризованное управление экономикой означала ориентацию именно на первую модель принуждения. Будучи поставленной во главу угла всей политики государства, она привела к полной дезорганизации и развалу народного хозяйства.

В кризисной ситуации большевики вынужденно отходят от утопических догм революционаристского романтизма. Ленин, несмотря на сопротивление значительной части партийного руководства, идет на исторический компромисс. В основе его лежала более терпимая по отношению к различным формам собственности политика и осознание невозможности дальнейшего игнорирования фактора товарно-денежных, рыночных отношений, т.е. экономических стимулов.

Важнейшим моментом, запускавшим рыночные отношения, было допущение свободы торговли. Но первое время государство, следуя идео-

логической инерции, стремилось контролировать сферу обмена. Несколько месяцев оно пыталось организовать локальный (местный) товарообмен между городом и деревней. При этом роль посредника в обменных операциях отводилась функционировавшей под руководством, контролем и прямыми заданиями Советской власти кооперации. Специальным декретом (7 апреля 1921 г.) государство возлагало на нее «выполнение обязательных заданий продовольственных органов в области заготовок и обмена изделий фабрично-заводской и кустарной промышленности на продукты сельского хозяйства», только по ее каналам должно было осуществляться «распределение всех предметов продовольствия (так в тексте — *авт.*) и широкого потребления, заготовленных государством и полученных с национализированных фабрик и заводов... и вывезенных из-за границы». Здесь же постановлялось, что «все граждане РСФСР объединяются в потребительские общества», а «каждый гражданин приписывается к одному из распределительных пунктов потребительского общества».⁵⁷

Ясно, что власть немало лукавила, когда рассуждала о кооперации, ибо в действительности это были некие огосударствленные структуры, где полностью игнорировался принцип добровольности — императивное условие любых форм кооперирования.

Квазикооперация мыслилась, таким образом, как инструмент государственного регулирования и обуздания стихии частного рыночного оборота. Что это абсолютно возможно, Ленин не сомневался. Выступая на X съезде партии, он говорил: «Мы можем в порядочной степени свободный местный оборот допустить, не разрушая, а укрепляя политическую власть пролетариата. Как это сделать — это дело практики. Мое дело доказать вам, что теоретически это мыслимо».⁵⁸

Между тем именно практика выявила полную несостоятельность этой идеи. В Казахстане был создан товарообменный фонд (мануфактура, галантерея, металлические изделия, сельскохозяйственный инвентарь, хозяйственные принадлежности, махорка, керосин, спички и т.п.) на сумму в 1,5 млн золотых рублей и 14 млрд в дензнаках 1921 г.⁵⁹ Но по отношению к заданиям удалось заготовить лишь 37 процентов хлебных продуктов и 26 процентов мясных.⁶⁰

Безусловно, здесь сказывались недостаточность и скудность товарообменного фонда, неразвитость распределительной сети, неурожай и разруха в сельском хозяйстве. И все же главной причиной было то, что государственный товарообмен сплошь и рядом не выдерживал конкуренции с частной торговлей. Уже осенью 1921 г. Ленин был вынужден признать: «С товарообменом ничего не вышло, частный рынок оказался сильнее нас, и вместо товарообмена получилась обыкновенная купля-продажа, торговля».

Не оправдалась ставка и на кооперацию. С этого момента функции ее сужаются. А после того как декабрьским (1923 г.) декретом ЦИК и СНК СССР отменялась обязательная приписка граждан к единым потребительским обществам, а вступление и выход из них объявлялись исключительно добровольным делом населения, она перестала играть роль института с «поголовным охватом населения». На конец 1925 г. коопери-

рованием в области распределения и обмена было охвачено лишь 20 процентов «европейского» населения (как писалось в отчетах тех лет) и 8,6 процента — казахских хозяйств.⁶¹

К этому же времени кооперация, как, впрочем, и государственный сектор, выявила свою неспособность вести на равных (хотя преимущества в виде различных государственных дотаций, льгот в кредитах и товарном обеспечении, возможности не рискуя снижать цены отпуска товаров и, наконец, просто идеологической поддержки были как раз таки на ее стороне) конкурентную борьбу с частной торговлей. В структуре товаропроводящей сети города ее удельный вес составил всего 3 процента, тогда как на частный сектор приходилось 95,3 (на госторговлю — 1,6 процента). В ауле и деревне республики — соответственно 12,9 и 85,1 процента (госторговля — 2,0 процента).⁶²

Что касается торгового оборота, то за счет городского частника он формировался на 84,7 процента, а кооператоров — 14,0 (госторговля — 1,3 процента). В ауле и деревне (за счет низких цен в кооперации) доля обоих сегментов была почти равной: 50,5 процента — частная и 49,5 — кооперативная торговля.⁶³ Итак, очередная попытка поступать вопреки экономической логике, т.е. обойтись без опоры на товарно-денежные отношения, закончилась провалом.

Тем временем общество, желали того большевики или нет, начинало все шире и увереннее жить по формуле Т—Д—Т, т.е. осознавая реальность товарно-денежных отношений. Понятно, что более органично и сразу же их функцию освоили частнокапиталистический (денационализированные мелкие и кустарно-ремесленные предприятия, торговля, крупные крестьянские хозяйства и т.д.), государственнокапиталистический (промышленные предприятия, переданные в аренду частным лицам или в концессию) и мелкотоварный (хозяйства, работающие на рынок) уклады.

Болезненно и тяжело, с «ворчанием» (тысячи коммунистов выходили из партии, мотивируя это своим принципиальным неприятием «реставрации капитализма», «предательства светлых идеалов революции и жертв гражданской войны»), ностальгией по старым «кавалерийским атакам на капитал» и надеждами на скорое восстановление статуса-кво воспринимали новые реалии агенты социалистического уклада.

Утратив привилегии монополиста в экономической жизни, социалистический, а точнее государственный сектор более не мог абстрагироваться от данности складывавшихся рыночных отношений, прячась под уютный зонтик государственного патернализма. В этой связи в его рамках происходит вынужденная перестройка системы производства и распределения, обмена и потребления.

На фабрики и заводы, другие предприятия возвращалась заработная плата, в структуре которой все более уменьшалась натуральная часть, и повышался денежный эквивалент. В 1923 г. удельный вес последнего составил более 80 процентов.⁶⁴ При этом в изданном 10 сентября 1921 г. специальном декрете СНК закладывалась новая тарифная политика. Как указывалось в документе, «увеличение оплаты должно быть связано прямо и непосредственно с увеличением производительности, со степенью

участия рабочего в повышении производства». Рынок требовал оздоровления финансовой системы. В русле этой задачи проводится ограничение эмиссии. Если в годы «военного коммунизма» денежные знаки, а точнее, их суррогат выпускала чуть ли не каждая контора или предприятие, то теперь единственным эмитентом выступал вновь открывшийся в ноябре 1921 г. Государственный банк.

Восстанавливаются оплата за коммунальные услуги и транспорт, сбор налогов на все виды производства и обращения.⁶⁵ В 1923/24 окладном году (начисляется оклад налога) 34 процента доходной части бюджета обеспечивались фискальными поступлениями.⁶⁶ В 1922–1924 гг. успешно завершается денежная реформа: страна, наконец, получает «твердую» валюту, высоко котирувавшуюся на мировых денежных рынках. Популярная частушка тех лет: «Забегая я в буфет, ни копейки денег нет, разменяйте пару миллионов» утрачивает свою актуальность.

Обанкротившись с претензией на охват государственным контролем и управлением абсолютно всей промышленной инфраструктуры, повсеместно увязнув в дефиците ее ресурсного обеспечения (сырье, топливо, оборудование, продовольствие и т.д.), признав невозможность в таких условиях осуществлять хозяйственное планирование и более или менее рациональное межотраслевое взаимодействие, государство частично отказывается от старой промышленной политики. Оно оставляет в своем управлении лишь отдельные отрасли и наиболее крупные предприятия. Одни из них сохраняются до лучших времен, другие запускаются в производство, но лишь те, которые обеспечены материальными, продовольственными и денежными ресурсами из общегосударственных органов согласно народнохозяйственному плану.⁶⁷

Предприятия, не рассматриваемые в качестве приоритетных с точки зрения государственных интересов (в основном это средняя и мелкая, кустарно-ремесленная и местная промышленность), передавались в аренду кооперативам, товариществам или частным лицам.

При этом режим наибольшего благоприятствования (льготы по налогообложению, кредитам, ресурсному снабжению и т.д.) предоставлялся в первую очередь тем из них, кто обслуживал нужды крупной промышленности или работал по заданиям государства и для потребительской кооперации. Все предприятия и отрасли, не вошедшие в перечень особо важных, рассматривались как «подсобные» по отношению к государственному сектору промышленности. Контроль за деятельностью этого сектора промышленности осуществлялся посредством механизма квотирования и лимитирования ресурсов, через огосударствленные профсоюзы (администрация обязывалась заключать с работающими коллективные договоры) и партячейки.

Те предприятия, которые не удавалось сдать в аренду, подлежали закрытию, а их рабочие и служащие ставились на учет на бирже труда. По данным ЦСУ КАССР, в течение 1922 г. по городам республики было зарегистрировано около 50 тыс. безработных, но в действительности их было гораздо больше.⁶⁸

В развитие новой политики II съезд Советов КАССР обязал Казахское промышленное бюро (Промбюро) ВСНХ «производство каждой от-

расли промышленности концентрировать на небольшом количестве крупных, технически оборудованных, целесообразно организованных, а также дополняющих друг друга предприятий (применив эту систему в первую очередь для горной промышленности)». ⁶⁹

С целью концентрации промышленности создавались тресты, которые объединяли наиболее крупные и перспективные предприятия. В решениях XII съезда партии отмечалось: «Эти хозяйственные объединения, как и входящие в их состав отдельные предприятия, имеют своей основной задачей извлечение и реализацию прибавочной ценности (чтобы не раздражать коммунистических ортодоксов, прибегли к идеологической уловке: вместо категориального понятия «стоимость», ассоциировавшегося с капиталистическим способом производства, вставили слово «ценность» — *авт.*)». ⁷⁰

До конца 1920-х годов тресты выступали основной производственной единицей социалистического сектора промышленности, объединяя до 90 процентов всех национализированных и не сданных в аренду или концессию предприятий. В Казахстане тресты охватывали в основном добывающий сектор. Так, в январе 1923 г. был создан трест союзного значения «Эмбанефть», включавший в свою структуру, помимо собственно нефтяных промыслов, нефтеперегонные заводы в Ярославле и Нижнем Новгороде. ⁷¹ В течение 1925 г. были созданы еще два треста, подчиненные непосредственно Центру: «Алтайполиметалл» и «Атбасарский трест цветных металлов» (меднорудные предприятия). ⁷² В ведении Союза находился и Сантонинный трест (Чимкентский сантонинный завод), выпускавший наркотические вещества: сантонин, морфин, кодеин. Трест являлся монопольным поставщиком на мировой рынок сантонина, изготавливаемого на основе заготавливаемой в Южном Казахстане цитварной полыни.

Создавались и тресты краевого значения, местные (губернские) объединения: «Каззолото», «Казрыба», Казсаксаултрест, Казспиртрест, Петропавловский кожевенно-меховой трест, «Оренбургский Губсельпром» и т.д. Некоторые предприятия управлялись краем на основании мандатов ВСНХ РСФСР, например, Экибастузское и Риддерское объединения.

Все тресты, как и входившие в них предприятия (более того, вся промышленность), переводились на хозяйственный расчет (хозрасчет) — самоокупаемость. Иначе говоря, перестраивали свою деятельность с учетом стоимостных категорий: прибыльности и рентабельности, ресурсозатрат, себестоимости и т.д. В этой связи Ленин выдвигает лозунг «Большевики, учитесь торговать!».

Будучи хозрасчетными объединениями, тресты выполняли функции планирования, расстановки кадров и распределения средств, осуществления торговых операций. В целом структура трестов мыслилась как компромиссная в изменившихся условиях форма концентрации и централизации производства, от которой большевики и не думали отказываться.

Для обслуживания коммерческой деятельности трестов, устранения между ними конкурентной борьбы, укрепления позиций государства,

хотя бы в оптовой торговле и противостояния засилию частного сектора торговли, т.е., иначе говоря, с целью проведения охранительно-протекционистской по отношению к социалистическому укладу политики, образовывались синдикаты. В 1923 г. они объединяли уже до 50 процентов крупных трестов.

Частный капитал концентрировался главным образом в сфере производства товаров широкого потребления, простейшего сельскохозяйственного инвентаря. Представлен он был по преимуществу мелкими городскими и сельскими кустарно-ремесленными мастерскими, работавшими на местном сырье и обслуживавшими местный потребительский рынок (мукомольная, маслобойная, металло- и деревообрабатывающая, кожевенная, бондарная и другие отрасли).⁷³ Значительная часть этих предприятий не использовала наемный труд, а там, где он имел место, численность рабочих не превышала 1–5 человек, тогда как до революции сельская промышленность Казахстана являлась сферой занятости значительного числа населения и занимала важное место в обслуживании агросферы.

В области обмена частник проводил широкие посреднические операции между мелкими товаропроизводителями, занимался реализацией товаров частной промышленности и в незначительной степени – госпромышленности. Государство практически отрезало его от оптовой торговли, зато в розничной он занимал доминирующее положение как в городе, так и в деревне. В 1924/25 окл. г. в Казахстане насчитывалось более 5 тыс. частных торговых заведений (в 9 раз больше, чем кооперативных, и в 25 – чем государственных торгующих предприятий).⁷⁴

Размещение частного капитала главным образом в торговле объяснялось тем, что она не требовала крупных вложений, давала быструю оборачиваемость средств и высокую прибыльность, допускала свободу маневра. Именно в сфере обмена формировалась большая часть накопленного частного капитала, которые первые три года нэпа росли весьма стремительно: по стране в целом со 150 до 800 млн руб.⁷⁵

Наличие достаточно больших оборотных денежных средств позволило частнику внедриться и в область кредитных отношений, где его нишей было обслуживание частной промышленности и торговли.

В целом надо отметить, что, несмотря на известные послабления, существование частника в условиях «классового дирижизма» было весьма неуютным. Государство превращало его в своеобразного маргинала, вынужденного жить сразу в двух системах координат: социально-политической диктатуры и относительной экономической свободы. И как он ни пытался, ему не удавалось интегрироваться ни в ту, ни в другую.

Все годы нэпа агенты частнопредпринимательского уклада подвергались общественному остракизму и моральному террору, в массовом сознании пропаганда насаждала образ «плюгавого хозяйчика», откровенного «хапуги и спекулянта»; они выступали излюбленными объектами карикатур и фельетонов, их оскорбительно шаржированные изображения проносили по «первомайским» и «октябрьским» площадям под улюлюкающий рев толпы.

Частный капитал постоянно ущемлялся и социально-классовыми акциями государства в области кредитов, ценовой и тарифной политики, явно дискриминационными по отношению к предпринимательскому сектору нормами финансового и трудового права. Все сильнее раскручивался пресс налогообложения. Структура налогов с каждым годом усложнялась (подходно-промысловый, поимущественный налоги, акцизный и гербовый сборы, местные налоги и т.д.), а тяжесть их нарастала, мало коррелируя с ростом налоговой базы. Только налогообложением в 1924/25 окл. г. абсорбировалось (поглощалось) до половины дохода частных. ⁷⁶ В этой ситуации предприниматели испытывали чувство неуверенности и непредсказуемости, в их среде постоянно циркулировали слухи типа: вот-вот будет издан новый ограничительный декрет, очередная запретительная директива, и в этом смысле они оказывались самыми заинтересованными и постоянными читателями партийных газет, где только и печатались официальные сообщения.

Все это сковывало частнопредпринимательскую инициативу, подчас блокируя ее расширение, а многих ее представителей, разочаровавшихся в перспективе собственного дела, заставляло, оперируя более поздним термином, «самораскулачиваться», т.е. самоликвидоваться и перемещаться в другие сферы занятости. Но, тем не менее, частнопредпринимательский уклад формировал достаточно обширный сегмент социально-экономической структуры, обнаруживая в силу объективного действия стихийной товарно-рыночной тенденции стремление к своему известному росту.

Вне зависимости от радикального изменения идеологической ориентации, социально-экономических и общественно-политических векторов развития экономика государства продолжала сохранять ярко обозначенный крестьянский характер (согласно критериям Д. Тернера, к крестьянским экономикам относятся государства, где, помимо прочего, половина населения живет в деревне, более половины самодельного населения занято в сельском хозяйстве, а последнее как сектор экономики играет решающую роль в формировании общественного продукта). ⁷⁷ Поэтому понятно, что инновации нэпа не могли не распространяться на агросферу.

Прежде всего, как уже отмечалось выше, коренным образом менялся принцип изъятия крестьянского продукта: оно облекалось в форму налоговых отношений. В марте 1921 г. ВЦИК принял декрет «О замене продовольственной и сырьевой разверстки натуральным налогом». ⁷⁸

В 1921/22 окл. году сфера применения продналога в Казахстане оказалась суженной из-за критической ситуации в сельском хозяйстве. В губерниях Западного Казахстана дефицит зерновой потребности выразился в 17,4 млн пудов (здесь погибло от 50 до 80 процентов посевов). В результате сильнейшего после зимы 1891/92 г. джута в 1921—1922 году поголовье скота сократилось на 80 процентов, а в некоторых уездах Уральской и Букеевской губерний падеж скота достигал 100 процентов. ⁷⁹

В связи с бедствием Уральская, Оренбургская, Актюбинская, Букеевская, а также Кустанайская (без Кустанайского уезда) губернии

декретом ВЦИК (18 августа 1921 г.) включались в число голодающих районов страны⁸⁰ и освобождались от налогообложения. Налоговые обязательства снимались также с кочевых и полукочевых скотоводческих хозяйств (Постановление Президиума ЦИК КАССР от 28 июня 1921 г.).⁸¹

Однако, принимая во внимание, что в пострадавших губерниях местами наблюдался удовлетворительный урожай, губисполкомы вводили здесь внутригубернский налог, который взимался по принципу продналога и по минимальным налоговым ставкам. Поступления от него должны были использоваться исключительно на внутригубернские нужды и в первую очередь — на обсеменение.

В полном объеме продналоговая кампания проводилась только в Семипалатинской и Акмолинской губерниях. В первой по налоговым изъятиям было получено 3 млн пудов хлебопродуктов, около 17 тыс пудов масла, 587 тыс. пудов сена, 46,3 тыс. штук кож, 1,1 млн яиц и т.д.⁸² В Акмолинской губернии по отношению к исчисленному налогу было сдано 50 процентов — 2 млн пудов хлеба.⁸³ Всего по республике налог был выполнен на 55 процентов.⁸⁴

В следующем, 1922/23 г. все прежние виды натуральных налогов заменялись единым натуральным налогом. К комбинации признаков, по которым устанавливалась налоговая ставка (размер посева на едока и разряд урожайности), добавлялся еще один индикатор — обеспеченность хозяйства крупным рогатым скотом.

В сферу налогообложения вводились скотоводческие полукочевые и кочевые хозяйства. Здесь налог исчислялся в «мясных единицах» — за объект обложения принималась голова взрослого крупного рога-

Сдача зерна государству от колхозников во время нэпа. 1921 г.

того скота, к которой по установленным эквивалентам приравнивался рабочий и мелкий скот. Для Западного Казахстана (земледельческие хозяйства) устанавливалась 50-процентная скидка с исчисленной суммы налога.⁸⁵

В 1923/24 году натуральный налог заменялся единым сельскохозяйственным налогом. В 1924/1925 г. в связи с расширением товарно-денежных связей на аграрной периферии, а также с целью стимулирования этого процесса была осуществлена коммутация налогов: замена их натуральных форм на денежные. По решению XIII конференции РКП(б) единый сельскохозяйственный налог 1924/25 г. исчислялся в твердой валюте (после денежной реформы 1922–1924 гг. в обращении некоторое время находились как твердая валюта (червонцы), так и «совзнаки») и должен был взиматься исключительно в денежной форме.⁸⁶

Таким образом, направленность налоговых реформ и целом соответствовала задачам восстановления сельского хозяйства. То же можно сказать и по поводу коррекции тяжести налогообложения. Если в довоенные годы прямые и косвенные налоговые платежи на душу крестьянского населения составляли (в соизмеримых ценах) 10 руб. 37 коп., во время разверстки – 10 руб. 30 коп. (а с учетом труд- и гужповинности – гораздо больше), то в 1921/22 г. – 6 руб. 11 коп., а в 1922/23 г. – 3 руб. 96 коп.⁸⁷ Однако, как показывала мировая история крестьянства, к бунту его вызвала чаще недостаточность того, что ему оставалось, чем величина того, что у него изымалось (взаимосвязанные, но вовсе не идентичные вещи).⁸⁸ А потому с введением нэпа масштабы крестьянских протестов заметно пошли на убыль, и это в числе прочего, говорило о том, что на первых порах государству удалось выйти на более или менее приемлемый и безопасный баланс в налоговых отношениях с крестьянством.

Новая хозяйственная философия проецировалась и в область земельных отношений, оставляя, правда, в неизменном виде фундаментальные положения большевистских программ в аграрном вопросе.

Известно, что, начиная с реформы 1861 г. имперское российское законодательство стало относить вопросы землепользования и землеустройства к компетенции выборных земств, которые усматривали и решали их в соответствии со своим пониманием сложившихся в данной местности неформальных норм, традиций и крестьянских представлений, относящихся к собственности. Тем не менее, несмотря на отсутствие единого законодательства в области земельного права, земельные отношения отличались удивительным единообразием на всей территории империи⁸⁹ (по крайней мере, в ее земледельческом ареале).

Советы кодифицировали земельные отношения. Был разработан и принят «Основной закон о трудовом землепользовании»,⁹⁰ который без существенных поправок был затем включен в Земельный кодекс, введенный в практику 1 декабря 1922 г. С этого момента все вопросы о земле, а во многом и связанные с крестьянским бытом, получали правовую регламентацию в соответствии с идеологическими ценностями государства.

Земельный кодекс подтверждал незыблемость принципа национализации земельного фонда страны, подчеркнуто артикулировал ликвидацию революцией частной собственности на землю, недра, воды и леса, которые объявлялись «собственностью рабоче-крестьянского государства».⁹¹

Труд признавался единственным источником права на землепользование. До тех пор, пока крестьянский двор (хозяйство, домохозяйство, трудовое семейное хозяйство) осуществлял хозяйственную утилизацию, т.е. технологическое освоение (обработку) земли, соответствующий участок закреплялся в его постоянном и непрерывном пользовании. Из сказанного следует, что частная собственность на землю не носила безусловного легитимного статуса и имела формально опосредованный характер.

В формах и порядке землепользования декларировалась свобода выбора, но, вопреки праву, местные органы сплошь и рядом парировали всякие попытки выхода на отруба, хутора и другие формы неколлективистского (необщинного) землепользования.

В свое время П. Столыпин затратил немало сил и энергии на разрушение земледельческой общины, понимая, что объективно она выступала тормозом капитализации сельского хозяйства. Но именно в силу этого негативного для прогрессивного развития сельской экономики качества, община с ее милыми для большевистских адептов равенства принципами коллективизма и замкнутой корпоративности, была востребована государством.

Конформизм и солидаристская мораль, характерные для общинного сознания, всегда служили «естественным» препятствием консолидации крестьянской оппозиции, что не могло не устраивать режим. Кроме того, община оказывалась удобным для власти институтом и в плане проведения различных мобилизаций, повинностей, поборов и других кампаний. Ведь община несла коллективную ответственность за лояльное поведение своих членов, точное и своевременное выполнение налагаемых на них обязанностей, например уплату налогов (если кто-то, допустим, не мог внести налог, то за него это делали все миром). Еще в годы Гражданской войны и «военного коммунизма» большевики, апеллируя к общинной традиции коллективной ответственности и солидарности, широко практиковали захват в аулах и деревнях заложников и удержания их до тех пор, пока полностью не удовлетворялись те или иные притязания власти.⁹²

В представлениях власти важным было и то, что община, как социальная форма организации производства и крестьянской жизни, являла собой своеобразную корпоративную структуру, открытую для государственного контроля. Посредством сельского схода (мира), точнее, его люмпенского и бедняцко-пауперизированного большинства можно было легко проводить нужные решения и добиваться желаемой общественной рефлексии. Именно на сходах, которые нередко заявляли себя как беспартийные крестьянские конференции, вводились различные целевые самообложения, вносились ходатайства о применении индивидуального, т.е. крайне тяжелого, налога к тому или иному зажиточному хозяйству, выявлялись кулаки, принимались «единогласные» решения о доб-

ровольном вступлении «всем миром» в колхоз или коммуну, оказывалось сильнейшее давление на девиантов (отклоняющихся от линии партии), не желавших вступать в сельхозартель, становиться «друзьями Воздушного флота» или «ворошиловскими стрелками» и т.д.

Застрельщиками при этом часто выступали лжебельсенды — показушные активисты — люмпены из созданных большевиками различных крестьянских неформальных организаций — союзов «Кошчи», «Жарлы», ККОВ (комитеты крестьянской взаимопомощи) и т.д. А чтобы на сельских сходах большевикам «не путали карты и не мутили воду», строптивых смутьянов из числа «нежелательных элементов» выдергивали из общины и в целях «превентивной профилактики» выселяли и расселяли за ее пределами, добиваясь тем самым «монолитного единства трудящихся» (это были первые репетиции масштабных акций времен раскулачивания).

Наконец, еще со времен Н. Чернышевского и переписки В. Засулич с К. Марксом земледельческая община с ее коллективистской, уравнилельно-распределительской логикой рассматривалась как субстанция, способная более всего, быстрее и органичнее воспринять начала социализма. Безусловно, были и другие прагматичные мотивы, объяснявшие столь трепетное отношение государства к общине, зафиксированное в Земельном кодексе.

Законодательство разрешало аренду.⁹³ До этого данный институт запрещался, хотя и продолжал функционировать в своих нелегальных формах, оставаясь реальностью социальных отношений в деревне. Будучи неспособным обеспечить основную массу хозяйствующих субъектов средствами производства промышленного происхождения, прежде всего сельскохозяйственным инструментарием в силу дефицита его производства, а также «ножниц цен» на фабрично-заводские товары и сельскохозяйственную продукцию, государство было вынуждено отказаться от крайних форм идеологизации земельных отношений. Проявлением этого и явилось разрешение аренды, к допущению которой обязывали и принципы нэпа.

Статистические данные говорят, что в Казахстане в арендные отношения была включена примерно четвертая часть хозяйств деревни и оседлого аула.⁹⁴ Уже априори можно было предположить, что основную массу арендаторов будут формировать экономически наиболее мощные хозяйства, а сдатчиков земли — группа малообеспеченных. Так оно и случилось.⁹⁵

Что касается аренды сельхозинвентаря, то здесь сдатчиками выступали крупные и зажиточные хозяйства. Мало- и недостаточно обеспеченные крестьянские дворы арендовали у последних и тягловый рабочий скот. Была распространена и практика арендных отношений между основными хозяйственными комплексами: земледельческим и скотоводческим. Казахские пастбищно-кочевые общины сдавали землю в аренду отдельным земледельческим хозяйствам, целым деревням или станицам.

Земельным законодательством допускались также отношения найма-сдачи рабочей силы при условии неуклонного следования правовым актам об охране и нормировании труда.⁹⁶ Функции контроля над исполнением правовой регламентации трудовых отношений возлага-

лись на Советы, «Рабземлес» (Союз работников земли и леса) и неформальные крестьянские организации (союз «Кошчи» и ККОВ и др.).

Легализация найма-сдачи рабочей силы (в скрытых формах они имели место и до этого) позволила отслеживать динамику их распространения. Из данных ЦСУ и других органов следовало, что в Казахстане каждое десятое крестьянское хозяйство пользовалось трудом наемных работников. Если в 1926 г. было зафиксировано более 80 тыс. человек, сдававших свою рабочую силу (батраков), то уже в 1928 г. — около 130 тыс. (в действительности их было гораздо больше). Рост коэффициента плотности найма, т.е. количества батраков на сто хозяйств (по официальным данным он достигал отметки 10–11), говорил об интенсивности процессов расслоения.⁹⁷

В годы нэпа в экономическом пространстве Казахстана (как и всей страны) получали одновременное развитие три тенденции: социалистическая, стихийная товарно-рыночная (капиталистическая) и докапиталистическая. При этом первая тенденция носила субъективный характер (исходила от государства), а две последние были вызваны факторами объективно-обусловленного порядка.

Социалистическая тенденция порождалась и опосредовалась волей государства. Она находила выражение в обширном комплексе социально-экономических и политических регулятивных акций «диктатуры пролетариата», которые были жестко ориентированы на классовые императивы и интересы. Государственно направляемый и корректируемый социалистический вектор был нацелен на огосударствление всей системы экономических (и социальных) отношений и реализацию идеи равенства — ни бедных, ни богатых — в масштабах всего общества.

Стихийная (т.е. не зависящая от чьей-либо воли) товарно-рыночная тенденция стала объективно-реальной данностью с переходом к нэпу. Товарно-денежные отношения и свобода торговли, предполагавшиеся новой экономической политикой, «запускали» рыночную стихию. При сохранении, пусть подчас и в опосредованных, превращенных формах (особенно в поземельных отношениях), частной собственности на средства производства это неотвратимо порождало соответствующие экономические процессы и их диалектически взаимосвязанные результаты (как положительного, так и негативного действия).

Позитивно работая на быструю санацию (оздоровление) и последующую динамизацию экономического организма (пребывавшего до этого в состоянии почти что комы), товарно-рыночная (капиталистическая) тенденция интенсивно генерировала процессы социальной дифференциации (расслоения). В ходе развития последних в массиве хозяйствующих субъектов ускорялась социальная мобильность, т.е. подвижность: наиболее значительная его часть, лишаясь средств производства, пролетаризировалась, другая, несоизмеримо меньшая, устремлялась на верх общественной структуры (если абстрагироваться здесь от статусно-ролевой «пирамиды», пик которой занимала, конечно же, партийно-советская и хозяйственная элита), пополняя класс буржуазии.

Что касается докапиталистической тенденции, то ее развитие определялось действием закономерностей докапиталистических же способа производства и механизма распределения. Ее функцией было воспроизводство и сохранение в неизменном виде традиционной аграрной структуры.

Производное этой тенденции — расслоение докапиталистического типа. Обширный горизонт объединяемых общиной мелких и средних собственников «размывался», фрагментируясь на класс крупных владельцев действующих факторов производства (согласно народно-бытовой, т.е. обыденной этимологии, но не строгим политэкономическим определениям, их принято называть «байскими») и класс работников, полностью или в значительной степени лишенных собственности на средства производства.

В свою очередь, огромная совокупность пауперизировавшегося населения (в данном случае понятие «пауперизация» трактуется широко, как процесс разорения и нищания) также социально канализировалась. Одна ее часть, формируя аграрное перенаселение (т.е. относительно избыточное население, выталкивавшееся из сельской сферы занятости), уходила в города и на промыслы. Другая вступала в докапиталистические отношения найма-сдачи рабочей силы в качестве наемного труда. Наконец, третья, очень большая группа, утрачивая общественно-экономические связи, начинала являть собой собственно пауперов (строго говоря, под паупером понимается индивид, временно, хотя это может продолжаться всю жизнь, дезинтегрированный, «выключенный» из системы производственных отношений).

Таковы были основные каналы деятельностной самореализации пауперизировавшегося населения. Конечно, существовали и другие промежуточные формы. Так, множество скотоводческих хозяйств, лишаясь традиционных средств производства, вынужденно перемещалось на периферию номадного хозяйственно-культурного комплекса и начинало осваивать земледелие как доминирующую ориентацию. Документы тех лет изобилуют фактами перехода целых аулов и хозяйств к оседло-земледельческим формам производства и быта.⁹⁸

Партийные функционеры (а им вторят и некоторые исследователи аула) с радостным удовлетворением воспринимали это как «окультуривание казахов», которые под действием пропаганды, наконец, «раскрыли глаза» и осознали преимущества земледельческой технологии. Между тем документы говорят и о том, что «оседлые скотоводы», как только восстанавливали способность к ведению скотоводческого хозяйства, тут же возвращались к привычным, родовым для них видам занятости, т.е. вновь «убегали» в скотоводческо-кочевой ареал.⁹⁹

Также достаточно часто практиковались маргинальные (промежуточные, переходные) формы производства и потребления. В этих случаях хозяйствующие субъекты наряду с функциями в своей трудовой семейной и общинной кооперации находили занятость и на стороне (промыслы, сезонные работы в городе, выполнение отдельных технологических моментов в других крестьянских хозяйствах и т.д.). При этом сегмент побочной или подсобной занятости по мере нарастающей деградации соб-

ственного хозяйства начинал занимать все большую часть бюджета рабочего времени такого производственного маргинала, окончательно водворяя его в ряды пауперов.

Из сказанного следует, что главной и самой массовой результирующей докапиталистического расслоения и, естественно, собственно докапиталистической тенденции выступал процесс пауперизации населения. Именно пауперизации, но никак не пролетаризации. Это важно подчеркнуть, поскольку эти два принципиально разных по своей природе явления очень часто методологически неверно совмещаются или даже отождествляются.

Социалистическая государственная тенденция в своих притязаниях не знала границ: она простиралась как на промышленную, так и на аграрную сферу материального производства (и даже гораздо шире — на всю структуру бытия). Стихийная товарно-рыночная — получала развитие и в городе, и в деревне, включая в предельно суженных, точечных масштабах и казахский аул. Исторически давно «размытая» в городе докапиталистическая тенденция, еще заметно захватывая деревню, являлась абсолютной доминантой в реалиях казахского аула.

Контрарное противостояние, борьба и оппозиция, сосуществование и взаимодействие названных тенденций и выражали сущность и главное содержание нэповского периода развития Казахстана.

Успокаивая мятежные души «партийных фундаменталистов», революционных романтиков и «проверенных борцов классовых битв», XI съезд РКП(б) записал в своих резолюциях: «...Новая экономическая политика не изменяет существа рабочего класса, изменяя, однако, существенно методы и формы социалистического строительства, ибо она допускает экономическое соревнование между строящимся социализмом и стремящимся к возрождению капитализмом...».¹⁰⁰ Именно вопрос «кто кого» определял лейтмотив нэпа.

На всем протяжении нэпа государству так и не удалось нейтрализовать действия товарно-рыночной и докапиталистической тенденций, особенно в аграрной сфере. Под прямым влиянием расслоения объективного типа (капиталистического и добуржуазного) социальная структура подобно атому непрерывно расщеплялась и делилась, отчуждая пролетаризирующиеся и пауперизирующиеся массивы и вознося «верхушечные» слои.

На волне социалистической тенденции большевистские «левеллеры» (уравнители) тут же начинали раскручивать новую серию всевозможных акций (увеличение тяжести налогов на богатых и освобождение от них бедных, политико- и хозяйственно-правовые ограничения, поддержка ресурсами экономически слабых хозяйств и ограничение в этом отношении зажиточных и мощных и т.д.), вновь загоняя «беглецов», устремившихся на крайние полюсы социума, в прокрустово ложе структуры «всеобщего равенства». Но к делу опять и опять приступали обратно действующие тенденции и статус-кво очень быстро восстанавливался. И так непрерывно, с попеременным успехом весь период нэпа.

Кардинальные меры, начавшие осуществляться в рамках нэпа, сразу же сказались на состоянии народного хозяйства. Его стала характеризо-

вать явно обозначившаяся тенденция к восстановлению. Так, к концу 1925 г. уровень производства промышленной продукции возрос по сравнению с 1920 г. в 5–6 раз и достиг примерно двух третей довоенного уровня. В действие было введено более 60% предприятий промышленности против 17% в 1921 г. Свидетельством налаживавшегося благополучия в экономике стало бесперебойное функционирование железных дорог. Помимо старых магистралей в активную эксплуатацию вступили вновь построенные ветки: Петропавловск–Кокчетав, Славгород–Павлодар, а также Семипалатинский участок Омской железной дороги. «Реанимировался» речной транспорт, работа которого заметно оживилась на таких водных артериях, как Иртыш, Сырдарья, Урал.

На достаточно заметный подъем выходило сельское хозяйство республики. По целому ряду традиционно зерновых районов Уральской, Акмолинской и Семипалатинской губерний был достигнут уровень 1913 г. Стала выходить из кризиса животноводческая отрасль. По сравнению с 1922 г. поголовье скота в 1925 г. удвоилось, постепенно восстанавливалось кочевое скотоводство.

Таким образом, динамика, прослеживавшаяся в народном хозяйстве края, свидетельствовала не только о начавшемся выходе из кризиса, но и о том, что тенденции стагнации и упадка все больше уступали место процессам позитивной направленности. Однако самым обнадеживающим было то, что восстанавливался приоритет рыночных, товарно-денежных связей, а структура отношений собственности обретала многоукладный характер. И именно сосуществование различных форм собственности (государственной, частной, государственно-капиталистической и т.д.), их конкуренция и воспроизводственная взаимозависимость являли собой тот ряд факторов, который сообщал наиболее сильный импульс поступательному движению народного хозяйства нэповского периода.

4. ТРАДИЦИОННЫЕ АГРАРНЫЕ СТРУКТУРЫ КАЗАХСТАНА И НОВАЯ ВЛАСТЬ. СОВЕТСКИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НОВАЦИИ И КРЕСТЬЯНСКИЙ ВОПРОС

Со второй половины 1920-х годов советское государство, несколько оправившись от экономического и политического коллапса, начинает отходить от идеологии нэпа, вновь переводя свою политику в строгий вектор заданного Октябрем развития.

Именно в этот период, апеллируя к «классовому самосознанию трудящихся», а де-факто — все к той же люмпен-пауперской психологии масс, режим стал исподволь проводить регулятивные акции, прямо порождавшие разрушительно-хаотические процессы в механизме функционирования и воспроизводства традиционной структуры, организации ее социокультурных и институциональных приоритетов, сложившемся порядке экосистемных принципов организации социума, т.е., обобщенно говоря, в системе жизнеобеспечения этноса.

Для осознания правомерности этой констатации нам просто не обойтись без предварительного прояснения некоторых ключевых моментов, без которых утрачивается видение реальной картины исторического действия. Прежде всего, по возможности, кратко и, разумеется, схематично рассмотрим основные структурно-функциональные принципы организации традиционного социума и его «несущей конструкции» — скотоводческой пастбищно-кочевой общины.

В этом контексте отметим то основополагающее обстоятельство, что целью скотоводческого хозяйства (являвшегося в аридных условиях Казахстана преобладающим типом хозяйственно-культурной деятельности) была «экономика выживания». Последняя же была достижима лишь по мере обеспечения воспроизводства средств производства (скот и пастбища) и производства необходимого продукта.

Однако в одиночестве эта императивная задача была скотоводу-кочевнику не под силу. И это понятно, ибо организация выпаса скота, его репродукция и сохранение в экстремальных условиях, наконец, просто выход на рациональный баланс средств производства (поголовья скота и природных водно-кормовых ресурсов) были возможны только при наличии вполне определенной численной и видовой концентрации стада. Сверхвысокая концентрация скота, равно как и ее крайне низкий уровень, оборачивались для хозяйства кочевников самыми тяжелыми последствиями. Если выход за разумные пределы в сторону максимума не обеспечивался природным кормовым потенциалом, был чреват разрастанием эпизоотии и вхождением в конфликт со средой обитания, то чрезмерный минимум препятствовал нормальной организации технологических процессов уже хотя бы в силу особенностей репродуктивной биологии и этологии (генетически обусловленным поведением) стадных животных.

Иначе говоря, эффективность хозяйственной утилизации среды обитания зависела от оптимизации количественно-качественных характеристик средств производства, т.е. в данном случае — видового состава и численности стада. Только при наличии эмпирически заданного оптимума (он выверялся в ходе длительного развития хозяйственного и экологического опыта) отдельное хозяйство обретало шанс обеспечить свое собственное воспроизводство и, следовательно, выжить.¹⁰¹

В целях достижения этого жизненно важного условия скотоводческие хозяйства шли на объединение друг с другом, взаимодополняя каждый каждого своими средствами производства, т.е. скотом, до тех пор, пока не формировался технологический оптимум.¹⁰²

Происходило это следующим образом. Допустим, некое хозяйство насчитывало 200–300 голов овец. Но этого, казалось бы, большого объема все равно было недостаточно для преодоления всего комплекса производственных перипетий, а, следовательно, и для нормального функционирования хозяйства (обеспечения воспроизводства средств производства и необходимого продукта). Поэтому хозяйствующий субъект был вынужден объединяться с другими хозяйствами, которые оказывались способными своими средствами производства (т.е. своей

долей скота) дополнить его стадо до требуемого оптимума. Это могли быть, например, 10–12 хозяйств, с обеспеченностью скотом на каждое из них не менее чем 20–25 единицами. Простое сложение при данном варианте в сумме как раз и давало искомую концентрацию. Слагаемые могли обнаруживать самые различные вариации, но сумма их всегда тяготела к оптимуму.¹⁰³

Из сказанного следует, что специфика организации производства в скотоводческой общине предполагала, чтобы вступающий в нее индивид являлся не только носителем живого труда (рабочей силы), но и обладал определенным минимумом средств производства в виде скота. Без этого он был лишен возможности реализовывать принцип дополнительности (восполнять свою долю в оптимуме) и, следовательно, не мог интегрироваться в образующуюся на основе кооперации производственную общность.

Итак, функционирование казахской пастбищно-кочевой общины было задействовано на основе кооперации. Именно последняя в условиях недостаточного развития производительных сил выполняла компенсаторную функцию, обеспечивая технологическое овладение предметом труда, недоступное или только частично доступное отдельному индивиду. И в этом смысле общинная кооперация выступала гарантом его жизнеобеспечения.

Община, будучи дуалистической структурой (общинная собственность на землю и частная — на скот, коллективное производство и частное присвоение), сохраняла всю гамму противоречий, разворачивавшихся по линии производства и распределения. Последние фиксировались, в частности, в имущественном и социальном расслоении.

В результате такой дифференциации часть общинников разорялась и постепенно отторгалась общиной, ибо, утрачивая средства производства (скот), они уже не могли выполнять свою функцию в системе взаимодополняемости, т.е. хозяйственной кооперации.

В то же время в общине имело место и накопление богатств, т.е. скота. И те общинные хозяйства, которые успешно приумножали его численность до достаточно высокой концентрации, переставали нуждаться в общинной кооперации. Так формировались относительно крупные байские хозяйства, способные существовать независимо и вне общинной кооперации, поскольку могли обеспечивать воспроизводство за счет качественно иных принципов организации производства. В рамках последней они выходили на обеспечение уже не только необходимого, но и прибавочного продукта. Создавали его работники, выталкивавшиеся из общины и вступающие в наем к этому крупному байскому хозяйству.

Таким образом, такие понятия, как «аул», «община», «крупное байское хозяйство», легко совмещаемые сознанием чиновников, на самом деле были далеко неадекватны. Если аул являл собой лишь стереотипизированный тип расселения, то общинные и внеобщинные (крупное байское хозяйство) структуры отождествляли вполне определенные и по многим функциональным параметрам сильно разнящиеся социальные формы организации производства.

Обозначим их асимметрию более четко. В основе функционирования общины лежала кооперация, благодаря которой инкорпорировавшиеся в нее члены обеспечивали воспроизводство средств производства и необходимый продукт, т.е. выходили на «экономику выживания». Община выступала отнюдь не эгалитарным образованием, а представляла собой во многом конфликтную структуру: здесь имели место противоречие интересов и эксплуатация. Последняя носила латентный, т.е. скрытый, характер: механизм отчуждения и присвоения прибавочного труда прикрывался общинно-личностными формами социального регулирования (патернализма), традиционными институциональными отношениями, явлениями редистрибуции (распределения) и реципрокации (дачи-отдачи).

В запредельном по отношению к общине социальном пространстве локализовалось крупное байское хозяйство. Это была организация производства, уже не нуждавшаяся в общинной кооперации и ставившая целью создание не только необходимого, но и прибавочного продукта. При этом его отчуждение и присвоение зиждилось на монополии на условия и средства производства, т.е. на наличии их у одних (крупные байы) и отсутствии у других. Объектом прямой эксплуатации здесь выступали трудящиеся индивиды, выпадавшие из общины и вступавшие в докапиталистические отношения найма-сдачи рабочей силы, а также маргинальные и пауперизовавшиеся слои населения. Эксплуататорские тенденции, исходившие со стороны владельцев крупного хозяйства, были обозначены более однозначно и носили откровенно прозрачный характер.

Обе выделенные структуры не являли собой социальных изолятов, не могли и не осуществляли воспроизводство на автономной основе. А поэтому уже на более широком уровне образовывали в совокупности иную макротипную структуру, с более сложным комплексом воспроизведенных связей как сугубо экономических, так и опосредованных институциональными и патриархально-генеалогическими (родовыми) отношениями.

Эту более всеобъемлющую производственно-социальную общность или традиционную структуру с известным допущением можно представить в качестве своеобразной социально-экономической экосистемы. Все входящие в нее элементы и системы — общины и крупные байские хозяйства (соответственно, и их агенты), бедняцко-пауперизовавшиеся слои и маргинальные субъекты осваивали в пространственно-территориальном отношении одну и ту же природную среду обитания, занимая отведенную им в процессе производства и хозяйственно-культурной деятельности нишу. И в этом своем совместном отношении к общей территории они выступали как единое функциональное целое, т.е. как экосистема.

Экосистемный же принцип предполагает жесткую взаимозависимость и взаимодополняемость всех элементов и систем. Поэтому в отдельности все они являлись функционально значимыми и выполняли свою особую роль в воспроизводстве целостности структуры как экосистемы.

В случае утраты кем-либо из них этого качества они отторгались структурой и естественным путем сходили на нет. Силовое же блокирование

или устранение любого элемента этой системы, «выдергивание» их из занимаемых «экониш» было чревато разрушением всей целостности структуры, т.е., в данном примере, социально-экономической экосистемы.

В свою очередь, эрозия последней неизбежно рождала поток деформаций по линии взаимодействия «общество — природа», говоря по-другому, оказывалась способной нарушить динамическое равновесие природных и социально-экономических факторов, т.е. привести весьма серьезные проблемы в экосистему, понимаемую уже в ее строгом определении — как сообщество живых существ и его среды обитания, объединенных в единое функциональное целое.

Традиционная структура являла собой и синергетическую, т.е. самоорганизующуюся и самовоспроизводящуюся, систему. Механизм всех ее функций и связей был отработан многовековым хозяйственно-экологическим опытом социальной адаптации природных аридных пространств.¹⁰⁴

Чрезвычайно сложная «кровеносная и нервная» система в виде огромного множества видимых и скрытых воспроизводственных каналов питала этот организм. Стремясь к сохранению своего гомеостаза (равновесия), он не допускал сколько-нибудь неадекватных вторжений, ибо любое блокирование и ущемление каких-то воспроизводственных артерий и нервов разрушали его иммунную систему, приводили к «тромбозу и параличу».

Итак, принципы экосистемности и синергизма традиционной структуры предполагали в качестве объективно функционирующих реальностей все ее элементы и системы, равно как и данность всей гаммы сложившихся между ними воспроизводственных связей. Именно их единая функциональная целостность служила гарантом сохранения и выживания традиционной структуры. А если иметь в виду, что последняя в своих границах во многом совпадала с социумом, то, значит, и гораздо шире — всей системы жизнеобеспечения этноса, по крайней мере, абсолютно доминировавшей тогда его крестьянской составляющей.

Между тем большевистское государство как преемник идеологии ортодоксального марксизма выступило с претензией на абсолютное познание социально-экономических закономерностей развития общественных структур. Уверовав в гений «научного коммунизма», государство полностью игнорировало то обстоятельство, что они как сверхсложные и многомерные системы не поддаются полностью адекватной «анатомии». И прежде всего потому, что любой, претендующий на это субъект просто не может выступать в качестве некоего трансцендентного (внешнего, вышедшего за пределы изучаемой реальности) аналитика, ибо сам является частью этой «анатомии», и, следовательно, способен видеть лишь определенные ее сегменты (допускаем, что более гениальный может видеть больше, чем простой грешный, но все равно сектор его «обстрела» имеет пределы).

Но если даже предположить, что кто-либо силою своего абстрактного ума вознесся в «небесные выси» и обозрел весь механизм и связи общественных структур, то это еще не есть гарантия их понимания в

той степени, чтобы выводить здесь какие-то императивные законы. Человек давно лицезреет свой организм, но так и не сумел до конца понять все тайны опосредования его функций и связей (гормональный код, генетические связи, «всякие» ДНК, РНК и пр.). И это объяснимо, поскольку последний не выступает раз и навсегда данной статичной структурой. Испытывая воздействие постоянно диверсифицирующихся (усложняющихся) факторов, он находится в состоянии непрерывной эволюции, если и не морфологической, то генетической.

Аналогично и общество, которое выступает еще более сложной и многомерной структурой (уже хотя бы потому, что соединяет в своих границах всю совокупность человеческих организмов и практик). Здесь, пересекаясь и переплетаясь в гармонии и кажущемся хаосе, одновременно действует беспредельное множество разноуровневых и разнохарактерных связей и отношений.

Безусловно, можно и нужно пытаться понять общество, прогнозировать развитие его социально-экономических и политических процессов. Однако надо примириться с тем, что их модели будут лишь близки к истине, не всегда и не во всем совпадая с их точным образом. Ведь в любом социуме действуют не только социально-экономические и политические, но и беспредельная сумма религиозных, этнических, эмоционально-психологических и других векторов. А потому он не поддается какой-то единой и обязательной схеме, и в принципе непредсказуем сто процентно.

Можно познать его (и то не до конца и маловероятно) в один какой-то статический момент, но уже в следующей стадии развития он вновь становится непонятным. Отсюда ясно, что претензия на полное познание общественных структур есть одновременно признание «конца истории», ибо предполагает отрицание его способностей к эволюции. И в этом смысле марксизм (покрайней мере в этой своей части), идентифицируя себя как материалистическое и диалектико-историческое учение, оказывался на поверку чистой воды идеализмом, ибо якобы понял не только всю «предысторию человечества» (по Марксу, настоящая история творится только с победой пролетариата), но и уже заранее знает ее финал. И именно возведение этой философии в ранг официальной религии государства, а отнюдь не «изначально заданный его кровожадный характер», незаметно и неуклонно трансформировало его в сравнимое с преступными режимами образование.

Исходя из своих идеологических установок, государство все с той же целью «сделать все как лучше в интересах трудящихся аула» начиная с середины 1920-х годов усиливает коррекцию социально-экономических отношений его структуры. Целым рядом нарастающих регулятивных акций оно опустошает его ниши, разрывает воспроизводственные связи. Рассмотрим, как это происходило.

В практике межхозяйственных связей аула было обычным, когда во время джута, т.е. покрытия кормового пастбища заледенелым снежным настом, общины обращались за помощью к крупным байским хозяйствам. Последние предоставляли тем свои конские табуны, которые, прогоняясь по полю, разрыхляли наледь. Благодаря такому вос-

производственному контакту, общины в этой экстремальной ситуации спасали скот от бескормицы и, следовательно, выживали. Когда же байские хозяйства были ликвидированы, общинам стало попросту не у кого просить помощи, т.е. они оказывались обреченными.

Или другая характерная иллюстрация из этого же ряда. Одной из линий воспроизводственных связей в традиционной структуре служили так называемые саунные отношения. Суть их заключалась в том, что бай, приумножавшие свой скот подчас до беспрецедентной численности, передавали часть его общинам. Весь этот скот вместе с возможным приплодом оставался собственностью крупного бая, но за его выпас общины могли оставлять себе молоко и шерсть. Безусловно, саун имел достаточно выраженный кабальный характер. Однако важно было то, что, получая байский скот в саун, те или иные общины обретали единственно доступную для них возможность добрать общинное стадо до такой численной концентрации (оптимума), в рамках которой, как уже говорилось, только и можно было обеспечить воспроизводство средств производства и необходимого продукта. Но государство блокировало и эти воспроизводственные связи, усматривая здесь только голую эксплуатацию. И таких прецедентов было немало. Но наиболее характерна в этом отношении кампания по конфискации скота у крупных хозяйств.

Идея экспроприации зажиточных и крупных скотоводческих хозяйств проистекала из самой природы государства с ее приматом классовых интересов. Поэтому с самого начала установления новой власти в Казахстане мотивы классовой борьбы постоянно вынашивались в умах проводников «пролетарской» политики. Еще весной 1919 г. Ленин, отвечая на вопрос казахстанцев-делегатов VIII съезда РКП(б), каким образом можно подорвать экономическую силу баев в ауле, прямо напутствовал: «Очевидно, вам придется раньше или позднее поставить вопрос о перераспределении скота».¹⁰³

Вопрос о конфискации скота у крупных баев ставился и на III областной партийной конференции Казахстана в марте 1923 г. Однако реализовывавшаяся в то время стратегия нэпа, направленная на выход из экономического и политического кризиса, возникшего в результате осуществления бестоварной утопии «военного коммунизма», сдерживала экспроприационные потуги коммунистических радикалов. Выбирать приходилось между возможным экономическим хаосом и идеологической догматикой. Система, еще не оправившаяся от кризисного шока, вынуждена была попридержаться свой «классовый натиск». Но уже к концу 1920-х годов идея экспроприации крупных скотоводческих хозяйств вновь признается актуальной, что выразилось в принятии декрета о конфискации хозяйств крупных баев-полуфеодалов (27 августа 1928 г.).*

В соответствии с этим декретом экспроприации было подвергнуто около 700 хозяйств, у которых конфисковали 144 745 голов скота, (в переводе на крупный). Около 113 тысяч голов скота было тут же пере-

* «Феодално-байскими» эти хозяйства именовались согласно установкам X съезда РКП(б) (1921 г.).

распределено между колхозами (29 тысяч, или 26 процентов) и бедняцко-батрацкими хозяйствами (85 тысяч, или 74 процента).¹⁰⁶

Итоги кампании как будто бы впечатляли. В отчетах официальных органов в оптимистических тонах сообщалось, что удельный вес середняцкой группы в ауле поднялся на 76 процентов, а бедняцкой, наоборот, снизился до 18 процентов.¹⁰⁷ Этим самым давали понять, что эффект от кампании доказал правильность и своевременность конфискации, что благодаря полученному по декрету скоту бедняки и батраки изменили свой социальный статус в сторону его повышения, т.е. стали середняками. (Заметим, что в советской историографии этот процесс обозначался как «осереднячивание казахского аула».)

Между тем анализ опубликованных материалов показывает, что конфискованного и «поровну» перераспределенного скота далеко не всегда хватало, чтобы решить проблему обеспеченности им бедняцко-батрацких хозяйств. Так, например, по Каркаралинскому округу конфискованный скот получили 198 бесскотных хозяйств, 1374 хозяйства с обеспеченностью скотом от 1 до 5 голов и 27 хозяйств, владевших поголовьем в 6—7 единиц. По самым грубым подсчетам, для наделения всех этих хозяйств до сколько-нибудь приемлемой нормы требовалось в совокупности 12 139 голов скота. Между тем им было передано всего 7065 голов, т.е. дефицит определялся в размере более 5 тысяч. Так же было и в других округах.¹⁰⁸ Не случайно Т. Рыскулов, выступая на III сессии ВЦИК 13-го созыва, отмечал: «Согласно инструкции (к кампании по конфискации — *авт.*), бедняцким хозяйствам дается по 6—7 голов... Часть этого переданного скота бедняцкие хозяйства продают для удовлетворения своих текущих нужд: на оплату долгов, на внесение налогов и т.д. Оставшиеся же 2—3 головы не составляют скота».¹⁰⁹

Статистика эта может означать только одно: значительная часть хозяйств наделялась крайне незначительным количеством скота. Между тем, как уже отмечалось, в специфических условиях скотоводческого хозяйства гарантом обеспечения необходимого продукта и воспроизводства средств в производство (т.е. самой жизни) выступала общинная коо-

Конфискация скота.

перация. Следовательно, даже будучи наделенным скотом, трудящийся индивид необходимо должен был влиться в общину. Однако, для осуществления такой интеграции хозяйству, помимо всего прочего, нужно было обладать еще и определенным минимумом средств производства (скота), так как без этого оно не могло выполнять свою функцию по реализации внутриобщинного принципа дополнительности (без которого не достигался требуемый производственно-технологический оптимум). Отсюда ясно, что получив лишь несколько голов скота, эти хозяйства не могли включиться в общину на более или менее паритетных началах, т.е. по принципу дополнительности, а потому расставались с надеждой повысить свой социальный статус. Вскоре полученный по конфискации скот продавался или резался. И хотя на бумаге таковые хозяйства числились уже в середняцких, они, по своей сути, оставались все теми же зависимыми элементами структуры, но эксплуатировавшимися уже на другом уровне. Но и эти каналы, пусть и минимального, но все же жизнеобеспечения, были существенно сужены, ибо с ликвидацией крупных байских хозяйств была заблокирована возможность для бедняцко-батрацких слоев вступать с ними в отношения найма-сдачи рабочей силы. А потому, они вынуждено перемещались в деревни и станицы, где становились наемными работниками (т.е. батрачили), или в города, в которых пополняли ниши пауперов и люмпенов.

С позиций большевистского менталитета конфискация представлялась однозначно позитивной акцией, ибо, как декларировалось в выработанных на этот счет постановлениях, преследовала задачу освобождения аула от гнета «кровопийц-эксплуататоров». Однако брошенная палка оказалась о двух концах, одним из которых больно ударила в обратную сторону.

Как мы уже отмечали, с ликвидацией хозяйства крупного бая прерывались саунные отношения, и многочисленные общины, получавшие ранее в пользование часть байского скота, уже не имели возможности добирать свое стадо до нужной концентрации. Они лишались технологически приемлемого оптимума и разорялись. Безысходной становилась ситуация и при возникновении джута, ведь уже негде стало брать конские табуны для разрыхления заледевшего под твердым снежным настом кормового пастбища. Беднели общины и в силу того, что уже не могли воспользоваться (пусть даже и на кабальных условиях) байским сельхозинвентарем, тягловым скотом, семенами. Прерывалось и множество других воспроизводственных связей по линии «общины — крупное байское хозяйство».

Выше уже говорилось, что общины и крупные байские хозяйства образовывали в совокупности более широкую структуру — территориально-хозяйственную общность. В рамках ее крупные байские хозяйства, будучи главными владельцами средств и факторов производства, полностью монополизировали последнее.

В то же время, поскольку все субъекты социально-производственной общности (крупные байские хозяйства, общины и др.) выражали совместное отношение к территории, среде обитания как общему предмету труда, она выступала как единая трудовая кооперация (и вместе с тем как

система разделения труда). Любая же кооперация и разделение труда предполагают, как известно, функции управления и регламентации. В противном случае — хаос.

Осуществляли эти функции монополизировавшие производство крупные байские хозяйства. С их ликвидацией органы управления и регламентации оказались вакантными.

Между тем солидаристские отношения («наши») в общине внедряли в сознание ее индивидов извечную оппозицию «свои-чужие», «наши-не наши». Все, что шло с внешних границ общинного мира, вызывало недоверие и отторгалось.

Стойкие стереотипы солидарности и одновременно ксенофобии подчас не позволяли какой-то отдельной общине взять на себя функции управления всей целостностью территориально-хозяйственного организма на условиях межобщинного консенсуса. Ни одна община не желала подчиняться другой на основе лишь чисто волевых претензий на власть (повторим: диктат крупного байского хозяйства основывался на его монополии производства в пределах территориально-хозяйственной общности). Поэтому если не удавалось признать общеприемлемого лидера с помощью апелляции к патриархально-генеалогическим (родовым) аргументам или институтам обычного права, то социально-производственная общность оказывалась в состоянии конфликта, разброда и хаоса со всеми вытекающими отсюда последствиями.

В ходе проведения конфискации так называемые комиссии содействия (состоящие из люмпен-пауперских активистов) очень часто выходили за пределы предписанной инструкции и обращали свой взор на просто богатые и зажиточные хозяйства. Однако специфика организации производства в кочевом социуме была такова, подчеркнем это снова, что хозяйство, имевшее, допустим, даже 300—400 и более голов скота, не могло выжить вне общинной кооперации, а потому в силу необходимости включалось в общину.

Для поборников же «классовой борьбы» и «социальной справедливости» такое количество скота представлялось сверхбогатством, подлежащим незамедлительной конфискации. В результате с экспроприацией такого «общинного бая» и конфискацией его собственности община утрачивала столь обязательную для воспроизводства средств производства и производства необходимого продукта численность стада, а потому вскоре разорялась и нишала, а сами общинники пополняли пауперизованные массы.

И, наконец, и это главное, в ходе экспроприационных акций разрушались важнейшие звенья воспроизводственных связей, что вело к разрушению всей традиционной структуры.

Таким образом, бравурные реляции и рапорты не отражали реальной действительности, которая обернулась не консолидацией середнячества и ростом благосостояния, а, наоборот, разрушением хозяйства, нараставшей пауперизацией населения нищавших аулов.

Полное непонимание специфики докапиталистических структур* государство проявило и в ходе проведенной в самый канун (фактически

они даже совпадали во времени) кампании по конфискации скота у крупных байских хозяйств, другой реформы — передела сенокосных и пахотных угодий (1926–1927 гг.).

Весьма самонадеянно уверовав, что уж в искусстве разрешения социальных противоречий в области земельных отношений им нет равных, ибо здесь они, как нигде, вооружены проверенной на российской деревне марксистской теорией, большевики решили одним махом разрубить этот гордиев узел и в казахском ауле. Придав этой акции широкомасштабный характер, они высокопарно обозначили ее как аграрную революцию.

Выступая на VI Всеказахской партконференции (1926 г.), секретарь Казкрайкома ВКП(б) Ф. Голощекин, недавно «поставленный на республику», риторически поучал: «Что такое передел луговых угодий? Это есть маленький Октябрь!». ¹¹⁰ Вторила ему и пропагандистская литература. Так, в одной из публикаций писалось: «Передел пахотных и сенокосных угодий... разрушает патриархально-родовые пережитки, окончательно разрушает род, родовую общину как нечто хозяйственно целое». ¹¹¹

Между тем уже изначально в реформе обнаруживались слабые стороны. И проявлялись они не столько в организационно-технических, сколько в сущностных аспектах. Судя по всему, в ходе проведения реформы игнорировался тот момент, что в условиях действовавшей хозяйственной структуры простое перераспределение земли само по себе еще не устраняло разворачивавшихся по этой линии противоречий. Получение земли без возможности ее хозяйственной утилизации мало что давало, в том числе и в плане смягчения процессов расслоения (хотя послереформенные статистические сводки, выстроенные по формальным признакам, — увеличение землепользования у одних и его уменьшение у других, как будто бы опровергали это).

Чтобы такая возможность состоялась, хозяйство, помимо всего прочего, должно было располагать вторичными производственными ресурсами, в данном случае — тягловой силой (т.е. рабочим скотом), сельскохозяйственным инструментарием, семенами и т.д. Между тем бедняцкие, маломощные, да и часть середняцких хозяйств (т.е., собственно, основные получатели перераспределенных угодий) испытывали в этом отношении острейший дефицит.

В 1928 г. в республике насчитывалось более 800 тыс. казахских хозяйств. Согласно сельскохозяйственной переписи 1927 г., на них приходилось 124 тыс. примитивных орудий (омач, сабан, косули, сохи и т.п.), 54 тыс. плугов, 0,5 тыс. сеялок, 13,5 тыс. сенокосилок, 9,4 тыс. борон (железных) и т.д. ¹¹² Как видим, пропорции крайне неблагоприятные. Но если обратиться к социальным характеристикам, то выявится еще более неприглядная картина. Так, в Петропавловском округе не имели никакого инвентаря 95,5 процента бедняцких и 83,2 процента середняцких хозяйств, Павлодарском — соответственно 99,4 и 85,8, Кызылординском —

* Прекрасно «анатомировав» сущность капиталистического способа производства, марксистская теория так и не сумела до конца самоопределиться в понимании природы ни его «сменщиков», ни предшественников, и в этом была ее ахиллесова пята.

72,9 и 69,1, Сырдарьинском — 66,2 и 54,5.¹¹³ Аналогичная ситуация наблюдалась и в других районах республики.

Как выше упоминалось, 27 августа 1928 г. был принят декрет о конфискации имущества крупных баев-полуфеодалов. В деревни и аулы было направлено 4 812 уполномоченных из краев и окружных органов с самыми суровыми инструкциями и широкими правами. Жестокость и неразборчивость в средствах стала основной линией их поведения. Основной удар направлялся по зажиточным слоям середняка. Но уполномоченные, слабо владевшие обстановкой, часто били по середняку, а то и по бедняку. В соответствии с декретом экспроприации было подвергнуто около 700 хозяйств, у которых изъяли 144 745 голов крупного рогатого скота. Согласно документам, скот был отобран у 696 хозяйств, однако на деле эта цифра была гораздо выше. Так, только в Акмолинском округе вместо 46 хозяйств по плану, конфискации и выселению было подвергнуто более 200 хозяйств, в Петропавловском вместо 34 хозяйств — 102 и т.п. Всего в результате кампании около 145 тыс. голов скота было передано беднякам. Следует заметить, что конфискации подвергались не только крупные скотовладельцы, но и середняки, замеченные в нелояльности к властям. Усиливался также налоговый пресс в отношении зажиточных хозяйств, вынужденных выплачивать большую часть сельхозналога. Так, в 1927—1928 гг. 4% хозяйств уплатили 33% всей суммы налогов. Кроме того, существовала система «самообложения», по которой сумма могла превышать первоначальную в два-три раза.

Понятно, что в этих условиях очень многие бедняцкие и маломощные хозяйства, получившие доступ к земле, но не имевшие средств практически реализовать это право, вынуждены были отказываться от нее в пользу прежних владельцев, т.е. зажиточных и баев. Немало преград было и на пути передела сенокосных угодий. Его идеи застревали уже в институциональных закоулках традиционной структуры.

Согласно реформе, перераспределение сенокосов должно было проводиться «по количеству едоков».¹¹⁴ Между тем консервативно-традиционные устои культивировали в обществе иной критерий «справедливости», который ассоциировался с количеством скота.¹¹⁵

В материалах по казахскому землепользованию (экспедиций Щербины и Румянцева), например, отмечалось, что «наиболее общим и чаще повторяющимся поводом к тому или иному распределению сенокосов между кочевниками служит количество скота», что «единицей при переделах покосов служит обычно хозяйство, но всегда многоскотным дают покоса больше. При косьбе и делении сена копнами единицей служит косец, но и в этих случаях многоскотным дается больше сена, чем беднякам», что «землю русским сдают (в аренду — *авт.*) также обществами (общинами — *авт.*), причем плата аренды распределяется между киргизами (казахами — *авт.*) пропорционально скоту».¹¹⁶

Уже в силу описанной в приведенном источнике институции многочисленная семья того или иного бедняка, получившая преимущества при распределении сенокосов, могла испытать всю тяжесть мо-

рального террора, социально санкционированного посредством апелляции к законам предков.

Если конфликт заходил дальше, то дело не ограничивалось обструкцией, а оборачивалось недопущением ослушников к каналам узурпированной баями общинной системы патернализма, т.е. социальных гарантий (она проявлялась в перераспределении части произведенного в общине продукта в пользу ее неимущих членов и была искусно приспособлена для эксплуатации рядовых общинников). В такой ситуации уже далеко не каждый бедняк рисковал претендовать на байский покос, а потому выгодный для аульной элиты порядок очень быстро восстанавливался (естественно, нелегально).

Таким образом, возможность развития событий в нежелательном для власти направлении сохранялась главным образом не из-за слабой политической активности трудящихся масс и непонимания ими своих классовых интересов (как это трактовала советская историография). Причины здесь носили куда как более прозаичный характер: просто патерналистские связи, прикрывавшие в традиционном обществе отношения господства—подчинения, давали неимущим слоям подчас больше гарантий на получение прожиточного минимума, чем если бы те воспользовались перераспределенными байскими сенокосами. В последнем случае такая возможность нередко оставалась весьма проблематичной, поскольку обладание сенокосами при недостаточной обеспеченности хозяйства скотом и отсутствии других материальных условий еще не решало вопроса.

Однако все эти моменты — как бы частные производные от главного сдерживающего фактора, связанного со спецификой традиционной организации производства.

Выше уже неоднократно подчеркивалось, что обеспечение необходимого продукта и воспроизводство средств производства в условиях традиционного хозяйства были достижимы лишь в рамках общины, через трудовую кооперацию, принцип дополнительности, производственно-технологический оптимум и т.п. Трудящийся субъект, располагавший ограниченным объемом средств производства, не мог обеспечить более или менее приемлемое функционирование своего хозяйства вне общинной организации. И в этом смысле община выступала своеобразным гарантом существования хозяйствующего индивида. Осознавая эту зависимость, последний не мог принимать какие-то хозяйственные решения вне общинного контекста, т.е. в этом отношении примат всегда отдавался как бы общекорпоративным интересам. Но эти интересы в действительности были узурпированы общинной верхушкой, которая монополизировала в общине организационно-хозяйственные функции и само производство. Поэтому рядовой общинник, не относившийся с пиететом к баю, рисковал противопоставить себя общинному консенсусу. А это, образно говоря, означало рубить сук, на котором сидишь, ибо, повторим, только через общину ее член мог обеспечить прожиточный минимум.

Итак, при проведении реформы прагматичный крестьянский ум сталкивался с очень сложной дилеммой. Можно было либо отказаться от байских сенокосов, т.е. придерживаться конформистской модели общественного поведения в обмен на минимальное, но гарантированное существование, обеспечивавшееся контролируемым верхушкой механизмом редистрибуции (перераспределения продукта), либо выйти на конфликтную ситуацию и обрести сенокосы. Второй случай в преломлении традиционного массового сознания таил в себе много неопределенного (а риск — чуждая крестьянской психологии черта). Как можно предположить из источников, малообеспеченные слои аула рассуждали примерно так: сенокосы, конечно же, нужны, но может ли их передел дать если и не более выгодную, то хотя бы равноценную альтернативу доступа к ресурсам, т.е. будет ли он гарантировать прожиточный минимум в условиях недостаточной обеспеченности скотом и другими материальными факторами.¹¹⁷

С точки зрения экономической целесообразности первый (конформистский) вариант, как правило, нередко оказывался предпочтительнее. Другими словами, в плане экономических преимуществ реформа не всегда и не везде выдерживала конкуренцию с традиционным механизмом, функционировавшим, кстати, не только на уровне общины, но и в пределах более широкой горизонтальной и вертикальной интеграции — производственно-социальной общности.

Свидетельств тому можно привести здесь немало. Однако ограничимся наиболее характерными из них. Так, нарком земледелия республики Султанбеков в своем докладе по поводу реформы отмечал: «...В этом году были случаи, когда бедняк, получая надел и не имея у себя средств производства, не имея возможности скосить сено, вспахать землю, вынужден был возвращать землю обратно баю, получая от него спасибо за то, что возвратил землю, и возвращая ему спасибо за то, что бай его как-нибудь накормит и что-нибудь ему даст».¹¹⁸

Оргсовещание ЦК ВКП(б) (апрель 1929 г.), имея в виду итоги реформы, указывало, что «результаты этих мероприятий не были блестящими».¹¹⁹ Семипалатинский губком ВКП(б) также констатировал, что передел не оправдал ожиданий.¹²⁰ Другой заинтересованный наблюдатель писал: «Во многих районах беднота при переделе не была активно действующей силой. Нам не удалось раскатать в должной мере бедноту... Можно заключить, что передел сенокосов не вызвал в должных размерах и остроте классовую борьбу в ауле, борьбу социальных группировок аула за землю».¹²¹

Пребывал в недоумении и Голощекин, который явно не ожидал, что прогнозы так сильно разойдутся с реальным ходом реформы. «Мы не уловили, — говорил он, — еще всего... Возьмем Чорманова, Акпаева (крупные баи — *авт.*), которые имеют по 10 тыс. голов скота. Мы отняли у них земли, и я думал, что же они будут делать дальше? Они как будто и в ус себе не дуют. Тут что-то не так, товарищи. Это хорошо, что мы отняли у них землю, но, очевидно, не вполне и не все уловили, есть еще какой-то выход для бая, и вот этот выход, товарищи, мы должны найти и отнять его».¹²²

Казалось бы, приведенного здесь вынужденного признания главного идеолога «малого Октября в ауле», к которому поступала самая достоверная информация, достаточно, чтобы, по крайней мере, усомниться в социальной эффективности передела.

Тем не менее предшествующая историография писала о большом успехе реформы и ее «огромной роли в советизации аула» (уместно сказать, что если и говорить о «советизации аула», то только как о процессе, насаждаемом сверху и не воспринимаемом снизу, община — вот мир и привычное социальное пространство крестьянина и все, что за ним — из категорий непонятных абстракций).

В доказательство приводились впечатляющие цифры (было перераспределено 1360 тыс. дес. сенокосов и 1250 тыс. дес. пашни), масса выдержек из архивных документов, рассказывающих, как аульные труженики «без сапог вдоль и поперек ходили по сенокосам с пылающими лицами и осуществляли свои законные права на ценные угодия», а когда уполномоченные спрашивали, не возвратят ли они баям полученные участки, они единодушно отвечали: «Этого ни в коем случае не будет».¹²³

В самом деле, в архивах отложилось просто обилие подобных документов, вводящих подчас в заблуждение исследователей, заставляя их верить в правильность положительных оценок реформы. Но следует учитывать, что сюда в основном попадала селективная информация, т.е. очень часто — тенденциозно отобранная. Всякие негативные свидетельства, настораживающие власть, шли закрытыми каналами (агентурные данные, фельдсвязь и пр.) и в последующем «оседали» в особых папках с запретительными литерами типа «С» (секретно). Не случайно мало кто знал о действительных масштабах голода 1932–1933 гг: вся информация — в архивохранилищах ОГПУ–НКВД–КГБ.

В сферу передела сенокосных и пастбищных угодий было вовлечено 400 тыс. хозяйств, или 2 млн человек.¹²⁴ И по отношению к этой совокупности всякое изобилие свидетельств представляется ничтожно малой величиной, не достигающей даже минимально допустимой 1-процентной репрезентативности (информативной представительности).

Итак, специфика организации производства, помноженная на императивы соционормативной культуры (институциональные факторы, патриархально-генеалогические и знаково-идеологические связи и пр.), во многом нейтрализовали действие реформы. На этот раз докапиталистическая тенденция устояла.

Выявив очередную неспособность реформировать традиционную структуру путем осуществления широкомасштабных внеэкономических, чисто перераспределительных акций (рынок с его экономической мотивацией делает это, как показал опыт многих аграрных обществ, быстрее и с гораздо меньшими жертвами), государство радикализирует свою аграрную революцию, переходя от политики «ограничения и вытеснения эксплуататорских классов к их полной ликвидации». Дни традиционной структуры и всей системы жизнеобеспечения этноса были уже сочтены.

5. НАЦИОНАЛЬНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ РАЗМЕЖЕВАНИЕ

Как сказано выше, южные и юго-восточные регионы исконно казахских земель (Сырдарьинская и Семиреченская области) в силу различных объективных и субъективных причин не вошли в состав объявленной в декабре 1918 г. Алашской автономии, а также в состав образованной в октябре 1920 г. Киргизской (Казахской) АССР.* Они оставались в составе Туркестанского края, а затем вошли в состав Туркестанской АССР, созданной весной 1918 г.

Окончание Гражданской войны и образование в 1922 г. Союза Советских Социалистических Республик (СССР) способствовали дальнейшему развитию процесса национально-государственного строительства в стране. В частности, в составе РСФСР создавались все новые советские автономные республики и области. Руководство и отдельные представители титульных народов национально-территориальных государственных образований, в том числе и Казахской АССР, периодически стали ставить вопрос перед центром об объединении (воссоединении) всей этнической территории того или иного народа в рамках национальной государственности.

Эта проблема приняла сложный характер в Средней Азии и Казахстане. В частности, систематически поднимался вопрос о необходимости воссоединения Сырдарьинской и Семиреченской областей с Казахской АССР. Одновременно с этим возник вопрос о разделении многонациональной Туркестанской АССР и создании национальных государственных и национально-государственных образований узбеков, туркмен, таджиков, каракалпаков, киргизов. К тому же временно исполняющий обязанности председателя Центрального Исполнительного Комитета Туркестанской АССР (ТурЦИКА) Турар Рыскулов в январе 1920 г. на V краевой конференции Компартии Туркестана выдвигает идею об объединении самостоятельных национальных коммунистических организаций Туркестана в единую «Коммунистическую партию тюркских народов» и предлагает переименовать ТуркАССР в Тюркскую советскую республику, а 27 мая того же года он уже в качестве Председателя ТурЦИКА представляет в ЦК РКП(б) и СНК РСФСР проект «Положений Туркестанской Автономной Советской Республики Российской Социалистической Федерации», основой которых являлись вышеназванные идеи-предложения.

Руководство страны в лице В.И. Ленина и его ближайшего окружения в значительной степени по подсказке членов комиссии ВЦИК и Совнаркома РСФСР по делам Туркестана** отклоняет предложения

* В параграфе использованы материалы А.Н. Нусупбекова.

** Комиссия была организована постановлением ВЦИК и СНК РСФСР 8 октября 1919 г., ее состав утвержден 8–10 октября: Ш. Элиава, Г. Бокий, Ф. Голошкин, Я. Рудзутак, М. Фрунзе, В. Куйбышев. В разное время членами Турккомиссии были Г. Сафаров, И. Иоффе, Я. Петерс и др. На Турккомиссию возлагалось представлять ВЦИК и СНК и действовать от их имени «в пределах Туркестана и сопредельных с ним

Т. Рыскулова. 13 июня 1920 г. В.И. Ленин пишет свои замечания на проект решения ЦК РКП(б) «О задачах РКП(б) в Туркестане», в которых отмечалось: «Необходимо, на мой взгляд, проект Т. Рыскулова отклонить, проект комиссии принять...». Свои замечания В.И. Ленин закончил предложением: «1. Поручить составить карту (этнографическую и проч.) Туркестана с подразделением на Узбекию, Киргизию и Туркмению. 2. Детальнее выяснить условия слияния и разделения этих 3 частей».¹²⁵

По мере создания необходимых политических и экономических условий (окончание Гражданской войны, установление относительной стабилизации, подготовка национальных руководящих кадров, начало восстановления народного хозяйства региона, осознание народами Средней Азии необходимости образования своей национальной государственности, хотя бы на принципах Советской власти, и на основе восстановления этнической целостности территории) появилась возможность непосредственно приступить к сложной работе по национально-государственному размежеванию Средней Азии. Такое размежевание необходимо было в первую очередь для ускорения и закрепления процесса консолидации каждого из народов региона в нацию. В этой связи следует подчеркнуть, что существовавшие до размежевания в Средней Азии государственные образования (Туркестанская АССР, Бухарская и Хорезмская народные республики) были созданы в дореволюционных (до октября 1917 г.) административных границах Туркестанского генерал-губернаторства, Бухарского эмирата и Хивинского ханства и не совпадали с этническими границами расселения основных народов Средней Азии, и образование Туркестанской АССР (май 1918 г.), Хорезмской (апрель 1920 г.) и Бухарской (октябрь 1920 г.) республик не меняло этнической ситуации. Каждый из народов Средней Азии не образовал компактного большинства населения в любой из этих республик. Так, большая часть узбеков (66,5%) жила в Туркестанской АССР, где, однако, они составляли меньше половины населения (41,4%), 22,2% узбекского населения проживало в Бухарской и 11,3% — в Хорезмской республиках. Более 40% туркмен находилось в Туркестанской АССР, 29,8% — в Хорезмской республике и 27% — в Бухарской республике, но нигде не составляли большинства населения; в ТуркАССР их было лишь 4,7%, в Бухаре — 10,6%, в Хорезме — 28,7%. Таджики проживали в основном в двух республиках: в ТуркАССР их насчитывалось лишь 7,7%, в Бухарской — 31%.

государств». 10 октября ЦК РКП(б) поручил Турккомиссии осуществлять «высший партийный контроль и руководство от имени ЦК РКП(б) в Туркестане». Ей предоставлялось право роспуска партийных организаций, созыва чрезвычайных съездов и конференций, налаживание партийной жизни и осуществление директив ЦК в крае и т.д., и т.п. Одним словом, Турккомиссия ВЦИК и СНК РСФСР играла роль коллективного эмиссара Центра, являлась его ударной государственно-политической силой в крае, проводником имперской политики Советской власти на местах. (См.: История коммунистической организации Средней Азии. Ташкент, 1967, с. 373, 374; *Кониратбаев О. Турар Рыскулов. Коғамдық-саяси және мемлекеттік қызметі*. А., 1994; *Нурпеисов К., Григорьев В. Турар Рыскулов и его время; Рыскулов Т.Р. Собрание сочинений в трех томах*. А., 1997, т. I, с. 25–37.

Кыргызы расселялись в основном в Туркестанской АССР (98,6%), но их было лишь 10,8% по отношению к населению республики. Более чем две трети каракалпаков населяли Туркестанскую АССР, где они составляли только 1,4% населения. Казахи, жившие в Средней Азии, были разбросаны по всем трем республикам и везде были в меньшинстве: в Туркестанской АССР — 19,3%, в Бухаре — 1,5%, в Хорезме — 3,5%.¹²⁶

Кроме фактора национальной консолидации задачи процесс социально-экономического и культурного развития Средней Азии укреплял и тенденцию к созданию национальной государственности народов Средней Азии.

В январе 1924 г. правительство Казахской АССР практически поставило вопрос о присоединении казахских районов Семиреченской и Сырдарьинской областей к Казахстану. В размежевании Средней Азии были заинтересованы все коренные народы Туркестана.

31 января 1924 г. Оргбюро ЦК РКП(б), предварительно рассмотрев предложение о размежевании, поручило секретарю ЦК РКП(б) Я. Рудзутaku созвать в Ташкенте совещание по этому вопросу. Совещание состоялось 10 марта 1924 г. На нем с докладом «О национально-территориальном размежевании Туркестана» выступил секретарь ЦК Компартии Туркестана А. Рахимбаев. В своем докладе одной из главных причин необходимости национально-территориального размежевания Средней Азии он назвал обострение межнациональных отношений в регионе, включающем в себя Туркестанскую АССР, Хорезмскую и Бухарскую народные республики. В доказательство этого тезиса он привел такие факты, как выдвижение в 1921 г. на съезде казахов Туркестанской Республики предложения о выделении их в автономную республику, требования руководителей Казахской АССР, неоднократно ставившиеся перед ЦК РКП(б), а также на XI съезде РКП(б) в 1922 г. о присоединении к ней казахских районов Туркестана, стремление туркмен Средней Азии к созданию своей республики и т.п.¹²⁷

Другой причиной национально-территориального размежевания Средней Азии являлось стремление большевистского руководства СССР путем образования национальных республик и других форм национально-государственных образований в регионе к обострению классовых противоборств в каждой из них и ослаблению т.н. «басмаческого» движения в Средней Азии, опиравшегося на единство различных социальных слоев разных народов.¹²⁸ Об этом открыто заявил А. Рахимбаев в своем докладе. Он сказал буквально следующее: «С точки зрения нашей партии эта организация (т.е. создание однородных национальных республик — *авт.*) выгодна потому, что, если узбекский бедняк будет бороться с узбекским кулаком, туркменский бедняк — с туркменским, киргизский — с киргизским, тогда у нас классовая борьба не будет затушевываться национальными моментами».¹²⁹ Большинство участников совещания высказывались за проведение размежевания. Заместитель председателя ТурЦИКа Н. Айтаков в своем выступлении отметил целесообразность проведения национально-территориального размежевания Средней Азии и объединения туркменского народа в единой советской республике. Ответсекре-

тарь ЦК Компартии Туркестана, видный государственный деятель и ученый С. Асфендияров в своем выступлении аргументировал правомерность Каракиргизской (Киргизской — *авт.*) автономной области. Были и выступления иной направленности. Так, председатель Среднеазиатского экономического совета М. Паскуцкий, ссылаясь на целесообразность «экономического единства» региона, настаивал на объединении всех республик Средней Азии, тем самым по существу выступив против национально-территориального размежевания Средней Азии. Народный комиссар земледелия ТуркАССР и редактор газеты «Ак жол» С. Ходжанов заявил, что «тюркские племена составляют единый тюркоязычный народ», который «не следует искусственно разрывать».¹³⁰ Предложения М. Паскуцкого, С. Ходжанова и некоторых их сторонников по существу сводились к политическому объединению ТуркАССР, Хорезма и Бухары по подобию Закавказской Федеративной Республики.

Совещание отклонило мнение М. Паскуцкого и С. Ходжанова, оно одобрило основные положения доклада А. Рахимбаева о национально-территориальном размежевании Средней Азии.

В конце апреля 1924 г. на совместном заседании Среднеазбюро ЦК РКП(б) и ЦК Компартии Туркестана была образована комиссия по подготовке и проведению размежевания Средней Азии с тремя подкомиссиями: казахской, узбекской и туркменской. В процессе подготовки проектов предложений отдельные члены комиссии выступали за создание федерации среднеазиатских республик, но после тщательного обсуждения было решено провести размежевание Средней Азии, не образуя федерации.

Рассмотрев материалы комиссии по размежеванию Средней Азии, Средазбюро ЦК РКП(б) 12 мая 1924 г. приняло решение: образовать две союзные республики — Узбекскую и Туркменскую и две автономные области — Таджикскую в составе Узбекистана и Каракиргизскую в составе РСФСР, а казахские районы Туркестана включить в состав Казахской АССР. Материалы комиссии и данное решение Средазбюро ЦК РКП(б) были представлены Центральному комитету партии. 12 июня 1924 г. ЦК РКП(б) принял постановление о проведении национально-государственного размежевания Средней Азии. Одним из пунктов этого документа предусматривалось образование специальной территориальной комиссии при Средазбюро ЦК РКП(б) из представителей крупных национальностей Средней Азии. Территориальная комиссия имела в своем составе ряд подкомиссий: политическую, экономическую, статистическую и несколько национальных. В их компетенции входили: в области политической — подготовка проектов конституций вновь образуемых республик, договоров и деклараций новых национальных республик; разработка вопросов организации и структуры государственного аппарата; подготовка тезисов докладов к учредительным съездам Советов новых республик; в области экономической — составление проектов государственных бюджетов и хозяйственных планов национальных республик в их новых границах; разработка и установление форм организации кредита, определение долей республик в капиталах банков и вопросах ирригации и т.д.

В течение лета 1924 г. Средазбюро конкретно занималось решением комплекса сложных вопросов, преодолевая при этом немало трудностей, связанных как с разделом территории, так и материально-финансовых ценностей, а также установлением принципов нового административного районирования.

Во всех районах, подлежащих размежеванию, проводились многочисленные собрания представителей того или иного народа, отличавшиеся «необыкновенным оживлением и многолюдностью и проходившие с большим подъемом»,¹³¹ как говорится в одном из архивных документов. В ходе такого обсуждения каракалпаки, проживающие в Туркестанской АССР, высказывались за объединение с соотечественниками Ходжейлинской области Хорезмской республики и за создание Каракалпакской автономной области в составе Казахской АССР.

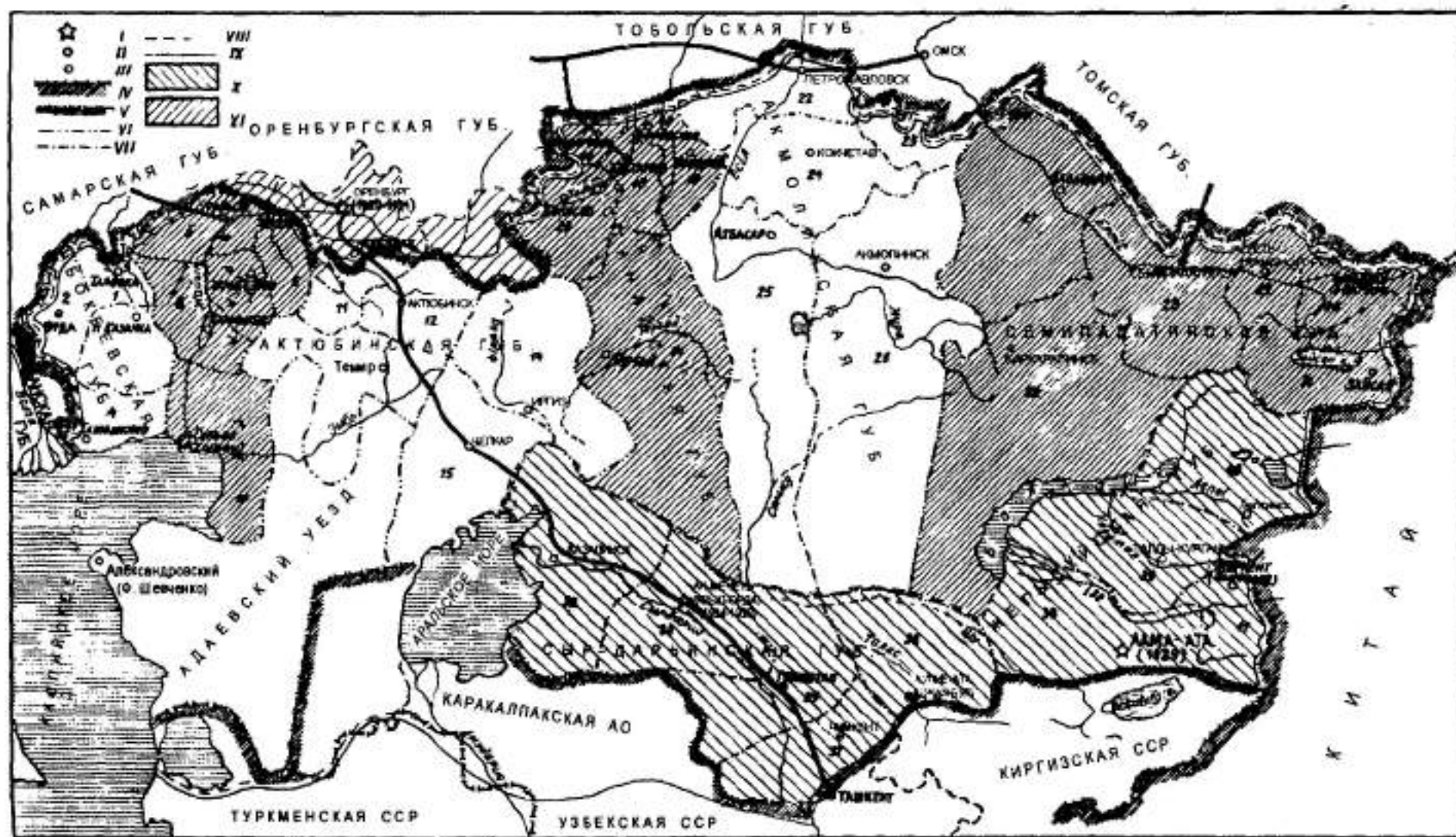
Обсуждение вопроса на официальном уровне продолжалось в республиках, подвергающихся национально-государственному размежеванию. Так, 19 сентября 1924 г. пятый курултай советов Бухарской народной Советской республики принял постановление: «Выражая верховную волю народов Бухары, объявляем согласие на образование совместно с узбеками Туркестана и Хорезма — Узбекской Советской Социалистической Республики. Курултай решительно устанавливает необходимость вхождения Узбекистана и Туркестана в СССР».¹³² Через 10 дней такое же постановление принял пятый Всехорезмийский курултай Советов.

В принятом 16 сентября 1924 г. постановлении III Чрезвычайной сессии ТуркЦИКа говорилось: «Во исполнение выраженной всеобщей воли рабочих и дехканских масс киргизского (казахского — *авт.*) народа, представить право киргизскому (казахскому) народу выйти из состава ТАССР в целях объединения киргизских (казахских) областей ТАССР с Киргизской (Казахской) Советской Социалистической Республикой».¹³³

На состоявшемся 11 октября 1924 г. внеочередном заседании Политбюро ЦК РКП(б) с участием представителей вновь образующихся республик и областей был определен порядок экономического размежевания и распределения государственных фондов и капиталов по новым республикам и автономным областям. В решении был положен конец спорам о Ташкенте (до этого вопрос об этом городе дискутировался между представителями казахского и узбекского народов) — было подтверждено отнесение Ташкента к Узбекской ССР. На этом представительном совещании было решено также образовать Таджикскую АССР в составе Узбекистана, а разработка вопроса о Памире была поручена специальной комиссии, по предложению которой позже Президиум ЦИК СССР образовал в составе Таджикской АССР Горно-Бадахшанскую автономную область.

Вторая сессия ЦИК Союза ССР 27 октября 1924 г. приняла постановление¹³⁴ о национально-территориальном размежевании Средней Азии и об образовании «по принципу самоопределения национальностей» Узбекской ССР с автономной Таджикской АССР, Туркменской ССР, Каракиргизской автономной области в составе РСФСР. Согласно этому постановлению, отдельные регионы Туркестана, представляющие

**Национально-государственное размежевание Средней Азии и присоединение казахских земель
к Казахской АССР (1920–1925 гг.)**

собой часть этнической территории казахов, присоединялись к Казахской АССР. В состав КАССР входила и вновь образуемая Каракалпакская область. В связи с образованием новых республик и областей в ноябре 1924 г. сессия Туркестанского, Бухарского и Хорезмского центральных исполнительных Советов приняли решение о прекращении своей деятельности. Для проведения экономического размежевания республик и областей и ликвидации отдельных организаций и учреждений при уполномоченном Совете Труда и Обороне в Средней Азии был создан ликвидационный комитет. Временное управление территориями, выделяющимися из состава прежних республик, и подготовка созыва учредительных съездов Советов вновь образуемых республик и областей были возложены на временные органы власти — революционные комитеты (ревкомы). 21 ноября 1924 г. ЦИК Казахской АССР утвердил Положение о революционном комитете по управлению районами, выделенными из ТАССР в состав Казахской АССР.¹³⁵

В результате национально-территориального размежевания большая часть бывшей Семиреченской и Сырдарьинской областей Туркестанской АССР отошла к Казахской АССР. С ноября 1924 г. управление этими областями осуществлялось вышеназванным ревкомом, созданным правительством КАССР. В течение конца 1924 и начала 1925 гг. продолжалось уточнение границ отдельных уездов и волостей, присоединенных к Казахской АССР.

Состоявшийся в феврале 1925 г. в Турткуле первый Учредительный съезд Советов Каракалпакской автономной области законодательно оформил создание Каракалпакской автономной области и ее вхождение в состав Казахской АССР.

В итоге размежевания к Казахстану отошли Казалинский, Акмечетский, Туркестанский, Шымкентский уезды, большая часть Аулиеатинского, часть Ташкентского и Мырзашульского уездов бывшей Сырдарьинской области. Из Семиреченской области к АССР присоединились Алма-Атинский, Жаркентский, Лепсинский, Капальский (Талды-Курганский) уезды, Георгиевская, Шуйская, Каранукуская волости Пишпекского (Бишкекского) уезда. В результате территория Казахской АССР увеличилась почти на 700 тыс. км², то есть на одну треть, и составила 2,7 млн км², а население возросло на 1468 тыс. человек, его численность достигла 5230 тыс. человек. По переписи населения 1926 г. казахи составили около двух третей (61,3%) всего населения республики.

Присоединение обширной территории с богатыми экономическими ресурсами и разветвленной ирригационной сетью, многомиллионным поголовьем скота благоприятно сказалось на развитии производительных сил Казахстана. В этой связи был рассмотрен вопрос о новом районировании республики. В ходе его обсуждения возник вопрос о переводе столицы республики из Оренбурга в другой город. Оренбург сыграл значительную роль в становлении Казахской АССР, но в новых исторических условиях его географическое расположение не отвечало требованиям социально-экономического и культурного развития Казахстана. К тому же Оренбург территориально находился далеко

от основной массы казахского народа, экономически же Оренбургская губерния тяготела к Южному Уралу. Кроме того, подавляющее большинство населения Оренбурга и одноименной губернии составляли русские.

Были подготовлены несколько вариантов будущего административно-территориального районирования Казахстана. В качестве будущей столицы республики назывались города Актюбинск, Акмолинск, Чимкент, Аулие-Ата, Кзыл-Орда. 26 января 1925 г. ЦК РКП(б) рассмотрел представленный комиссией проект районирования Казахстана и передал дальнейшее изучение вопроса центральной административной комиссии ВЦИК. Было принято решение о переводе столицы Казахской АССР в город Перовск (Кзыл-Орду). Правительство РСФСР отпустило 4 млн руб. на строительство зданий для размещения правительственных учреждений. 6 апреля 1925 г. Президиум ВЦИК принял постановление о выделении Оренбургской губернии из состава Казахской АССР, поручив специальной комиссии ВЦИК уточнить территориально-экономические вопросы. В выделенную из состава Казахской АССР Оренбургскую губернию вошли ее районы с преобладающим русским населением, а также часть Илекского уезда Уральской губернии.

Перестройка административного деления Казахской АССР завершилась к началу 1925 г. Казахская АССР теперь объединяла Адаевский уезд (приравненный к губернии), Актюбинскую, Акмолинскую, Уральскую, Семипалатинскую, Кустанайскую, Жетысуйскую, Сырдарьинскую губернии и Каракалпакскую автономную область.

В первой половине 1925 г. основные государственные учреждения республики переехали в Кзыл-Орду.

Воссоединение казахских земель явилось важным событием в истории народа. Хотя это воссоединение произошло в рамках советской казахской государственности, построенной на принципах разделения общества на классы и где с каждым днем укреплялось господство коммунистической идеологии, оно положило начало новому этапу национальной консолидации коренных народов региона, в том числе и казахов, становлению и укреплению их государственности на советской основе.*

15–19 апреля 1925 г. в новой столице республики состоялся V съезд Советов Казахстана. Съезд восстановил историческое название коренного народа — казахи — и переименовал Киргизскую АССР в Казахскую Автономную Советскую Социалистическую Республику.* * Одновремен-

* В советологии дальнего зарубежья и частично в эмигрантской литературе имеет место однозначно отрицательная оценка факта национально-государственного размежевания Средней Азии и образования новых советских республик и областей. Так, Мустафа Шокай оценил это событие как насильственное разделение Советской властью туркестанских тюрок с целью разрушения их «национально-политического единства», а понятия «Советский Казахстан» и «Советская Средняя Азия» он считал «административным жаргоном». М. Шокай утверждал, что в результате национально-территориального размежевания народ лишился исторического названия страны, каким являлся Туркестан (страна тюрок) // См.: Шокай М. Түркістанның килы тағдыры. А., 1992, 58-б.

** Первоначально в русском языке было принято написание **казак, Казахстан**. Постановлением Президиума КазЦИКа от 9 февраля 1936 г. признано более точное написание: **казах, Казахстан**.

но съезд изменил название новой столицы республики: город Перовск был переименован в Кзыл-Орду.

Съезд принял воззвание к жителям республики, которое заканчивалось словами: «Вперед! — полоса экономического возрождения Казахской республики, полоса борьбы за поднятие производительных сил страны, за поднятие материального благосостояния и культурного уровня всех трудящихся, населяющих КАССР».

Образование Казахской ССР. В конце 1920-х—начале 1930-х годов, по мере обострения кризиса в социально-экономическом развитии СССР, широкие масштабы приобрели поиски виновных — т. н. «врагов народа», «вредителей», подрывных антисоветских элементов и подпольных организаций. В Казахстане приступили к повсеместному «разоблачению» врагов и в такой обстановке проходило обсуждение проекта новой Конституции СССР. Она была принята на Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов 5 декабря 1936 года. Согласно новой Конституции, 26 марта 1937 года Казахская АССР была преобразована в союзную республику. Чрезвычайный X съезд Советов Казахстана в марте 1937 года утвердил Конституцию Казахской ССР.

Новая Конституция СССР была напрямую связана с принятием новых республиканских союзных конституций. Причем, структура и содержание конституций союзных республик совпадали с Конституцией СССР. Суверенитет союзных республик был ограничен. За каждой республикой сохранялось право свободного выхода из СССР, территория союзных республик не могла меняться без их согласия. Конституция закрепила положение об одинаковой силе общесоюзных законов на территории всех союзных республик: в случае расхождения закона союзной республики с законом общесоюзным действовал общесоюзный закон. Следовательно, Конституция окончательно утвердила приоритет союзного законодательства над республиканским. В ней не предусматривалось право республиканских органов приостанавливать или опротестовывать акты союзных органов. Для граждан СССР устанавливалось единое союзное гражданство, каждый гражданин союзной республики являлся гражданином СССР. Конституция носила декларативный характер.

Несмотря на все права, декларированные в этом документе, подлинной независимости и даже самоуправления республика не получила. И все же, пусть даже формальное признание суверенитета Казахстана и законодательное закрепление его территории сыграли огромную роль в истории нашего государства. 12 декабря 1937 года состоялись выборы в Верховный Совет республики. Выборы были не демократическими, люди голосовали за утвержденные верхами кандидатуры.

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35, с. 210.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 6, с. 715.

³ Елагин А.С. Социалистическое строительство в Казахстане в годы Гражданской войны. Автореферат дис. д.и.н. А.-А., 1970, с. 15; Покровский С.Н. Разгром интервентов и внутренней контрреволюции в Казахстане. А.-А., 1967, с. 109.

- ⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 30, с. 71.
- ⁵ Очерки истории народного хозяйства Казахской ССР. Т. 1. А.-А., 1959, с. 13.
- ⁶ Отчет Киркнаркомпрода с 21 октября 1921 г. Б.м., с. 12.
- ⁷ Рукописный фонд института истории и этнологии НАН РК, инв. №43, л. 78.
- ⁸ Декреты Советской власти. Т. 9. М., 1978, с. 240–243; Продовольственный бюллетень. Омск, 1920, с. 2.
- ⁹ Декреты Советской власти. Т. 9, с. 240–243; Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 41, с. 313.
- ¹⁰ Вторая Киргизская областная конференция РКП(б). Протоколы. А.-А., 1936, с. 71.
- ¹¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 42, с. 385.
- ¹² Сборник статистических сведений о движении населения, скота и урожаев по КССР с 1880 по 1922 гг. Оренбург, 1925, с. 68–69. 12; Там же, с. 44–45.
- ¹³ Кустанай: вчера, сегодня, завтра. А.-А., 1979, с. 89; Григорьев В.К. Разгром мелкобуржуазной контрреволюции в Казахстане. А.-А., 1984, с. 57–70.
- ¹⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45, с. 282.
- ¹⁵ СУ РСФСР, 1920, №93. Ст. 512.
- ¹⁶ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 40, с. 141.
- ¹⁷ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 40, с. 329.
- ¹⁸ Десятый съезд РКП(б). Стеногр. отчет. М., 1963, с. 357.
- ¹⁹ Троцкий Л.Д. К истории русской революции. М., 1990, с. 160.
- ²⁰ Там же, с. 159.
- ²¹ Одиннадцатый съезд РКП(б). Стенографический отчет. М., 1961, с. 274.
- ²² КПСС и Советское правительство о Казахстане. 1917–1977 гг. Сборник документов и материалов. А.-А., 1978, с. 37–38.
- ²³ КПСС и Советское правительство о Казахстане. 1917–1977 гг. Сборник документов и материалов. А.-А., 1978, с. 33, 35.
- ²⁴ Советское строительство в аулах и селах Семиречья. 1921–1925 гг. Сборник документов и материалов Часть I. А.-А., 1957, с. 66–67.
- ²⁵ Там же, с. 81.
- ²⁶ Бухарин Н.И. Проблемы теории и практики социализма. М., 1989, с. 168.
- ²⁷ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44, с. 151.
- ²⁸ Толмачев А. Калинин. Москва, 1963, с. 173.
- ²⁹ Газета «Правда». М., 1921, 21 июля.
- ³⁰ ЦГА РК, ф. 40, оп. 1, д. 264, л. 3.
- ³¹ Там же, ф. 320, оп. 1, д. 33, л. 12.
- ³² Там же, л. 18.
- ³³ Чурин Х. Сквозь бурю. А., 1967, с. 121, 122.
- ³⁴ ЦГА РК, ф. 320, оп. 1, д. 33, лл. 12, 20.
- ³⁵ III сессия КирЦИКа. Полный стенографический отчет. 8–18 июля 1922 года. Оренбург. 1922, с. 2.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Отчет Кустанайского губкома РКП(б) и контрольной комиссии. Кустанай. 1923, с. 10.
- ³⁸ Казахстанская организация ВКП(б) в решениях ее конференций и пленумов. 1920–1925 гг. Вып. 1. Алма-Ата–Москва, 1931, с. 43.
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ ЦГА РК, ф. 40, оп. 1, д. 287, лл. 4, 5.
- ⁴¹ Там же, л. 2.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ Там же, д. 245, лл. 252, 253.
- ⁴⁴ Там же, д. 289, л. 2.
- ⁴⁵ Там же, д. 245, лл. 250–253.
- ⁴⁶ Там же, л. 253.
- ⁴⁷ Чурин Х., Сәрсекөв Ж. Күрес күндерінде. А., 1960, 115–116-беттер.

- ⁴⁸ III сессия КирЦИКа..., с. 2.
- ⁴⁹ Там же.
- ⁵⁰ Социалистік Казакстан, 1970, 26 августа.
- ⁵¹ III сессия КирЦИКа..., с. 15.
- ⁵² Там же, с. 2.
- ⁵³ Советская Киргизия. Оренбург, 1923, №1, с. 54.
- ⁵⁴ Там же.
- ⁵⁵ Там же, с. 56.
- ⁵⁶ Там же.
- ⁵⁷ Собрание узаконений (СУ) РСФСР, 1921, №26. Ст. 150.
- ⁵⁸ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 43, с. 64.
- ⁵⁹ Отчет СТО КирАССР на 1 апреля 1922 г. Оренбург, 1922, с. 9, 10.
- ⁶⁰ Там же.
- ⁶¹ Социалистическое строительство в Казахстане в восстановительный период. (1921–1926 гг.) Сборник документов и материалов. А.-А., 1962, с. 407.
- ⁶² Там же, с. 406.
- ⁶³ Там же, с. 406–407.
- ⁶⁴ Струмилин С. Г. Заработная плата и производительность труда в русской промышленности в 1913–1922 гг. Москва, 1923, с. 28.
- ⁶⁵ От капитализма к социализму. Основные проблемы переходного периода в СССР, 1917–1937 гг. Т. 1. Москва, 1981, с. 222.
- ⁶⁶ Кржижановский Г.М. Десять лет хозяйственного строительства СССР. Москва, 1928, с. 86.
- ⁶⁷ Известия ВЦИК Советов, 1921 г. 11 августа
- ⁶⁸ История Казахской ССР. Т. А.-А., 1977, с. 299.
- ⁶⁹ Резолюции и постановления II съезда Советов КАССР. Оренбург, 1921 г., с. 22.
- ⁷⁰ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Москва, 1970, Т. 2, с. 417.
- ⁷¹ Социалистическое строительство в Казахстане в восстановительный период (1921–1926 гг.), с. 448.
- ⁷² Собрание законов (СЗ) СССР, 1925, №50. Ст. 375; Там же, №77. С. 580.
- ⁷³ От капитализма к социализму. Основные проблемы переходного периода в СССР, 1917–1937, с. 230.
- ⁷⁴ Поляков Ю.А., Дмитренко В.П., Щербань Н.В. Новая экономическая политика. Москва, 1982, с. 110–113.
- ⁷⁵ Рукописный фонд ИИЭ МОН РК. Инв. №118. Л. 47, 48; Социалистическое строительство в Казахстане в восстановительный период, с. 405.
- ⁷⁶ Поляков Ю.А., Дмитренко В.П., Щербань Н.В. Новая экономическая политика..., с. 119.
- ⁷⁷ Тернер Д. Крестьянская экономика как социальная категория // Великий незнакомец. Москва, 1992, с. 76, 79.
- ⁷⁸ СУ РСФСР, 1921, №26, с. 147.
- ⁷⁹ Отчет СТО КАССР за апрель–сентябрь 1922 года. Оренбург, 1922, с. 223–224; Экономическая жизнь Киргизского края, 1922, №1, с. 72; ЦГА РК, ф. 224, оп. 1, д. 308, л. 30.
- ⁸⁰ Экономическая жизнь Киргизского края. 1921, №4, с. 11.
- ⁸¹ СУ РСФСР, 1921, №62. Ст. 438.
- ⁸² ЦГА РК, ф. 5, оп. 2, д. 1, л. 34.
- ⁸³ Отчет СТО КАССР на 1 апреля 1922 г., с. 37.
- ⁸⁴ ЦГА РК, ф. 224, оп. 1, д. 587, л. 113.
- ⁸⁵ Продовольственная газета, 1922, 4 апреля.
- ⁸⁶ ЦГА РК, ф. 224, оп. 1, д. 38, л. 75.
- ⁸⁷ XIV конференция РКП(б). Стенографический отчет. Москва, 1925, с. 60.
- ⁸⁸ Скотт Д. Моральная экономика крестьянства как этика выживания // Великий незнакомец, с. 210.

- ⁸⁸ Шанин Т. Крестьянский двор в России // Великий незнакомец, с. 33.
- ⁸⁹ Сборник документов по земельному законодательству СССР и РСФСР 1917–1954 гг. Москва, 1955, с. 140–144.
- ⁹⁰ Земельный кодекс РСФСР. М., 1923. Ст. 1, 2.
- ⁹¹ Там же.
- ⁹² Там же. Ст. 43.
- ⁹³ Дахилейгер Г.Ф. Социально-экономические преобразования в ауле и деревне Казахстана (1921–1929 гг.). А.-А., 1965, с. 385.
- ⁹⁴ Дахилейгер Г.Ф., Нурпеисов КН. История крестьянства Советского Казахстана. А.-А., 1985, с. 135–139.
- ⁹⁵ Там же, с. 138–139.
- ⁹⁶ Там же.
- ⁹⁷ Документы Наркомзема и КЦИКа (фонды ЦГА РК, №74 и № 5).
- ⁹⁸ Об «обратной номадизации» см.: Масанов Н.Э. Кочевая цивилизация казахов. А.-А., 1999.
- ⁹⁹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 2, с. 318.
- ¹⁰⁰ Масанов Н.Э. Кочевая цивилизация казахов. А.-А., 1995.
- ¹⁰¹ Об этом см. подробнее: Масанов Н.Э. Социальная организация кочевого общества казахов // Вестник АН КазССР, 1984, №4; Он же. Дисперсное состояние – всеобщий закон жизнедеятельности кочевого общества // Вестник АН КазССР, 1987, № 3.
- ¹⁰² Там же.
- ¹⁰³ Там же.
- ¹⁰⁴ Цит. по: Дахилейгер Г.Ф. Социально-экономические преобразования в ауле и деревне Казахстана. А.-А., 1965, с. 179.
- ¹⁰⁵ Рукописный фонд ИИЭ МОиН РК. Инв. №107, л. 16.
- ¹⁰⁶ Сеневский Б.Н. Экономика кочевого хозяйства Казахстана в начале реконструктивного периода // Известия ВГО. М., – Л., 1941. Вып. 1. Т. 1. Ч. XXIII, с. 101, 103.
- ¹⁰⁷ Абылхожин Ж.Б. Традиционная структура Казахстана. А.-А., 1991, с. 121.
- ¹⁰⁸ III сессия ВЦИК 13-го созыва. С. 145.
- ¹⁰⁹ Голощекин Ф.И. Отчет Краевого комитета ВКП(б) IV Всеказахской партконференции. Кзыл-Орда, 1928, с. 74.
- ¹¹⁰ Ряднин М. Казахстан на путях к социалистическому строительству. Кзыл-Орда, 1928, с. 21.
- ¹¹¹ Основные элементы сельского хозяйства Казахстана (по материалам выборочных сельскохозяйственных переписей 1926 и 1927 гг.), с. 56.
- ¹¹² Сеневский Б.Н. Экономика кочевого хозяйства Казахстана в начале реконструктивного периода, с. 46.
- ¹¹³ VI Всеказахский съезд Советов и I-я сессия КазЦИК 6-го созыва. Стенограф. отчет. Кзыл-Орда, 1927, с. 122.
- ¹¹⁴ Абылхожин Ж.Б. Традиционная структура Казахстана, с. 141–163.
- ¹¹⁵ Там же, с. 182–187.
- ¹¹⁶ Там же, с. 191–193.
- ¹¹⁷ VI Всеказахский съезд Советов и I-я сессия КазЦИК 6-го созыва, с. 127.
- ¹¹⁸ Приртышская правда, 1928, 5 февраля.
- ¹¹⁹ Ряднин М. Казахстан на путях к социалистическому строительству, с. 28.
- ¹²⁰ Там же.
- ¹²¹ Голощекин Ф.И. Отчет Краевого комитета IV Всеказахской партконференции, с. 75.
- ¹²² ЦГА РК, ф. 74, оп. 4. д. 14, л. 54.
- ¹²³ Дахилейгер Г.Ф. Социально-экономические преобразования в ауле и деревне Казахстана, с. 317.
- ¹²⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 435, 436.
- ¹²⁵ Нусупбеков А. Объединение казахских земель в Казахской Социалистической Республике. А., 1953, с. 59.

¹²⁷ Туркестан в начале века: к истории истоков национальной безопасности. Ташкент, 2000, с. 644.

¹²⁸ Там же.

¹²⁹ АП Республики Узбекистан, ф. 60, оп. 1, д. 4260; цитировано по книге «Туркестан в начале XX века...», с. 645.

¹³⁰ Цитировано по книге «История Казахской ССР», В пяти томах. А., 1977, т. IV, с. 351.

За эти слова Султанбек Ходжанов, так же, как и Турар Рыскулов, за высказывание в 1920 г. предложения о переименовании Компартии Туркестана в «Тюркскую партию» и Туркестанскую АССР – в «Тюркскую советскую республику», в дальнейшем были объявлены «национал-уклонистами» и «пантюркистами».

¹³¹ Цитировано по книге «История Казахской ССР», В пяти томах. А., 1977, т. IV, с. 354.

¹³² Народное хозяйство Средней Азии, 1924, № 2–3, с. 197.

¹³³ Бюллетень III Чрезвычайной сессии ТуркЦИК, 1924, №1, с. 32–33.

¹³⁴ Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства Союза Советских Социалистических Республик, 1924, №19, с. 187.

¹³⁵ Вестник рабоче-крестьянского правительства Киргизской Автономной Советской Социалистической республики, 1924, №23, 15 декабря.

Глава четвертая

СОВЕТСКАЯ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ В КАЗАХСТАНЕ: ЦЕЛИ, ПРАКТИКА, ПОСЛЕДСТВИЯ

1. КОНЕЦ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

В директивном письме, направленном в организации ВКП(б) в феврале 1928 г., Сталин в присущем ему категорично-назидательном стиле писал: «Разговоры о том, что мы будто бы отменяем нэп, вводим продразверстку, раскулачивание и т.д., являются контрреволюционной болтовней, против которой необходима решительная борьба. Нэп есть основа нашей экономической политики и остается таковой на длительный исторический период».¹

Между тем широкомасштабные экспроприационные акции со всей очевидностью обнаруживали, что новая экономическая политика как более позитивная модель реформирования общества по нарастающей утрачивает свое реальное действие, переносясь из области де-факто в плоскость лживых деклараций.

Подтверждением тому служили развернувшиеся в конце 1920-х годов чрезвычайные хлебозаготовительные кампании и конфискационная, по сути, налоговая политика.

Как известно, «сталинский план социалистической индустриализации» предполагал во благо его форсированного характера («в исторически кратчайшие сроки догнать и перегнать капиталистический мир») резко диспропорциональное увеличение инвестиционных потоков в промышленность, в том числе за счет сокращения фонда потребления и средств, направляемых на развитие комплекса факторов, определявших уровень и качество жизни населения. Гипертрофированная ориентация на стимулирование исключительно сферы производства средств производства и блокирование производства предметов потребления неизбежно порождала «товарный голод». Положение усугублялось несбалансированностью «громадья» планов и возможностей бюджета, что в условиях острого дефицита потребительских товаров неизбежно выводило на инфляционный рост цен.

В то же время в силу государственной монополизации промышленности имел место диктат потребителям (и прежде всего аграрному сектору) монопольно же высоких цен на ее продукцию, тогда как заку-

почные цены на сельскохозяйственные товары устанавливались на крайне низком уровне: в 1927/28 г. госцены на зерно были ниже цен так называемого «черного рынка» почти на 40 процентов, а в 1928/29 хозяйственном году — уже на 50 процентов.²

В результате складывавшегося диспаритета цен крестьянство становилось объектом обложения своеобразным сверхналогом, величина и тяжесть которого определялись ценовой разницей. Средства от этого сверхналога, или в буквальном смысле «крестьянской» дани предполагалось направлять на индустриальное развитие.

Это признавал и сам Сталин. Выступая в июле 1928 г на пленуме ЦК ВКП(б), он говорил: «О чем шел у нас спор вчера? Прежде всего о «ножницах» между городом и деревней. Речь шла о том, что крестьянин все еще переплачивает на промышленных товарах и недополучает на продуктах сельского хозяйства. Речь шла о том, что эти переплаты и недополучения составляют сверхналог на крестьянство, нечто вроде «дани», добавочный налог в пользу индустриализации, который мы должны обязательно уничтожить, но который мы не можем уничтожить теперь же, если не думаем подорвать нашу индустрию, подорвать известный темп развития нашей индустрии, работающей на всю страну и двигающей наше народное хозяйство к социализму».³ Далее он цинично иронизировал: «Кое-кому это не понравилось. (Имеется в виду бухаринская оппозиция — *авт.*) Что же, это дело вкуса... Конечно, слова «сверхналог», «добавочный налог» — неприятные слова, ибо они бьют в нос. Но, во-первых, дело не в словах. Во-вторых, слова вполне соответствуют действительности».⁴

Объективно созданная государством ситуация широкого разведения «ножниц цен» на промышленные и сельскохозяйственные товары, товарный голод и инфляция вызывали отказ сельских производителей продавать свою продукцию. Крестьяне, имевшие запас хлеба, утратили всякий смысл реализовывать его по низким ценам. Да и за те мизерные деньги, которые можно было бы получить за хлеб, не представлялось возможным что-то купить вследствие все того же товарного голода и дороговизны промтоваров, отпадал и вариант с денежными сбережениями, поскольку инфляция обесценивала их весьма быстро. Понятно, что в этих условиях зерно оказывалось самой надежной «валютой».

Названные причины в своей совокупности породили хлебозаготовительный кризис 1927/28 года.* В советской историографии его коллизии однозначно интерпретировались как результат «кулацкой хлебной стачки, спровоцированной зажиточными и контрреволюционными элементами с целью удушения голодом диктатуры пролетариата». Однако, если не оставаться в плену прежних идеологических инсинуаций и застарелых стереотипов, то следует усматривать здесь ни что иное, как нормальную, т.е. вполне адекватную, экономическую реакцию сель-

* Глубинная природа кризиса раскрывается, конечно же, через факторы более сущностного содержания. И абсолютно правы советологи (М. Левин, А. Ноув, Р. Дейвис, С. Уиткрофт, Ф. Таниучи и др.), усматривающие суть происходившего в объективных последствиях большевистской аграрной революции.

ских производителей на силовую политику государства, их нежелание вновь становиться объектом «военно-коммунистических» мер.

Чтобы не доводить дело до открытого конфликта, государство имело возможность воспользоваться обширным арсеналом экономических рычагов и средств. Так, можно было (как это предлагали некоторые представители оппозиции) смягчить политику жесткого контроля над ценами. Однако в вопросе о закупочных ценах власть ни на йоту не желала отступать от ленинской установки. Как известно, в свое время вождь учил: «Если мы удвоим цены, они (имелись в виду зажиточные и кулаки — *авт.*) скажут: нам повышают цены, проголодались, подождем, еще повысят. Это — дорога торная, дорога угождения кулакам и спекулянтам, на нее легко стать и нарисовать заманчивую картину».⁵

Предлагались и более частные варианты, выдвигавшиеся, например, Н. Бухариным, который считал, что можно сделать закупки за рубежом и осуществить «хлебную интервенцию» на рынке, чем экономически повлиять на его конъюнктуру. Но Сталин и здесь выдвинул свои весомые аргументы: «Лучше нажимать на кулака и выжать у него хлебные излишки..., чем тратить валюту, отложенную для того, чтобы ввезти оборудование для нашей промышленности».⁶

Итак, Сталину представлялось лучшим развернуть репрессии против сотен и сотен тысяч крестьян, чем поступиться принципами нарождавшейся «револьверно-палочной» административно-командной политики. Тем более, что такой подход находил теоретическую рационализацию в установках Ленина, который в одном из выступлений высказал следующее откровение: «Величайшая ошибка думать, что нэп положил конец террору. Мы еще вернемся к террору, и к террору экономическому».⁷ И Сталин вернулся, дополнив террор экономический террором политическим.

Вскоре все и вся стал определять знак «чрезвычайки», вылившейся в ходе заготовительных кампаний в форму прямых экспроприаций, а затем и в массовые политические репрессии против крестьянства.

Для «научения большевистских кадров искусству классовой борьбы и искоренения в рядах местного партийного аппарата преступной мягкотелости» в основные зерновые регионы Советской империи (Южный Урал, Волга, Северный Кавказ, Украина и др.) были направлены члены Политбюро — Молотов, Каганович, Микоян, Постышев, Андреев, Косиор, Шверник, которые должны были непосредственно руководить хлебозаготовительной кампанией. В Казахстане проведение акции доверялось Голощекину, который, «пройдясь малым Октябрем по казахскому аулу», снискал в глазах высшего партийного руководства славу одного из жесточайших и бескомпромиссных администраторов. В подмогу партийным «активистам» на село направлялась армия различных оперуполномоченных и рабочие отряды из числа более чем 30 тысяч коммунистических активистов города. Последние обязывались проводить чистки в нелояльных сельсоветах, формировать актив из местных люмпенов, создавать «тройки», различные комиссии содействия и т.д., т.е. проводить в жизнь опыт периода «военного коммуниз-

ма», творчески развивая его в духе сталинской идеи об «обострении классовой борьбы».

Сам Сталин открыл «хлебный фронт» в Сибири, где он пребывал в течение почти трех недель (январь-февраль 1928 г.).⁸ Грозно отчитывая партактивы в Новосибирске, Барнауле, Рубцовске и Омске (где, по видимому, присутствовали представители чиновной номенклатуры сопредельных с югом Западной Сибири округов Казахстана),⁹ он требовал применения самых жестких санкций, многие из которых до этого не имели прецедента.

Так, выступая в Новосибирске и Омске (18, 27 и 28 января 1928 г.), он в категорично-директивной форме настаивал на массовом применении ст. 107 УК РСФСР (10). Ранее эта статья предусматривала наказание за «злостное повышение цен на товары путем скупки, сокрытия или невыпуска таковых на рынок» (т.е. по сути она отражала право государства административно вмешиваться в механизм нэпа). В ходе разразившегося хлебозаготовительного кризиса та статья в плане своего применения была существенно подкорректирована и с января 1928 г. стала распространяться главным образом на держателей хлеба, отказывавшихся от сдачи его «излишков по госценам, и на хлебных спекулянтов». В виде наказания ст. 107 предусматривала лишение свободы сроком до одного года с конфискацией всего или части имущества, а при «групповом сговоре» — до трех лет с полной конфискацией.¹⁰ С целью «поднятия политической активности и классового самосознания масс» (как писалось в газетах тех лет), а в действительности — обыгрывания люмпенско-пауперской психологии сельских низов и стимулирования у них рваческих инстинктов и утилитарных позывов, той же статьей предусматривалось 25-процентное отчисление конфискованного хлеба бедноте.

Таким образом, чтобы придать откровенно неправовым акциям видимость законности, система изошренно апеллировала даже к Уголовному кодексу (ст. 107, 61, 73, 102, 127, 135, 60 и другим статьям УК РСФСР, а как логичному развитию, и к ст. 58-10, предусматривающей наказание за контрреволюционную деятельность). При этом роль главного поборника законности пытался играть сам Сталин, который на собрании актива Московской организации ВКП(б) (апрель 1928 г.) по-актерски деланно осуждал «целый ряд случаев извращений политики (хлебозаготовительной — *авт.*), быющих прежде всего... по бедноте и середнякам, неправильное применение 107 статьи и т.д.».¹¹

Он цинично прокламировал: «Мы караем и будем карать виновников этих извращений со всей строгостью».¹² Однако тут же обнажал свое лицемерие следующей тирадой: «Но было бы странно не видеть из-за этих извращений тех благих и поистине серьезных результатов принятых партией мероприятий, без которых мы не могли бы выйти из заготовительного кризиса. Поступать так, значит закрывать глаза на главное, выдвигая на первый план частное и случайное».¹³ За этим «частным и случайным» стояли захлестнувшие село массовые аресты и тюремные заключения, произвол и физическое насилие, применение по

отношению к послушникам и осмелившимся осуждать административный террор статьи 58-10 УК РСФСР.

Ратуя на словах за законность, ЦК ВКП(б) слал на места закрытые директивы с требованием усилить нажим. Первая такая директива была дана 14 декабря 1927 г., вторая — почти через неделю, 24 декабря. В начале января (6/1) 1928 г. ЦК рассылает новую директиву, текст которой завершается прямой угрозой по адресу руководителей партийных организаций «в случае, если они не добьются в кратчайший срок решительного перелома в хлебозаготовках».¹⁴

Чтобы добиться такого перелома в Казахстане (как в некоторых других регионах), стал применяться так называемый «урало-сибирский метод». Инициировался он якобы крестьянами одного из сел, но, судя по его продуманной изощренности, это был четко разработанный в соответствующих инстанциях инструмент по безотказному извлечению зерна у его производителей. Суть его заключалась в том, что на собраниях бедноты и середняков (сельском сходе) избирались (ясно, что при прямом воздействии уполномоченных) комиссии содействия, которые в индивидуальном порядке распределяли (разверстывали) 65 процентов плана заготовок на кулацко-байские хозяйства и 35 процентов — на середняцкие. Если таковое решение схода не выполнялось, то последним вменялась уплата штрафа в пятикратном размере стоимости не выполненного задания или лишение свободы. Таким образом, все делалось руками люмпенов: на сельсовет или сельский сход спускались нормы заготовок и под угрозой наказания они тут же выполнялись.

Как всегда в практике системы политические акции получали идеологическое обеспечение мощной пропагандистской машины. Поэтому отнюдь не случайно газеты запестрели лозунгами типа «Осадить кулака!», «Еще раз зажать кулака и бая!», «Крепче ударим по кулацко-байским ублюдкам!», «В атаку против классового врага!», «Смерть гноителям хлеба!», «За спрятанный хлеб — в тюрьму!», «Смерть кулакам и баям — организаторам голода!» и т.д.

В это же время информационные сводки орготдела ВЦИКа* фиксировали настроения полного разочарования крестьянства политикой власти. На многочисленных сходах крестьяне откровенно заявляли: «Надо допустить свободную торговлю хлебом, все будут сыты, а то большевики-лодыри уморят с голоду», «Не нужно развивать сельское хозяйство, иначе правительство задавит налогом», «Лучше Ленин, чем ленинизм. Лучшие коммунисты убиты и умерли. Остались сволочи», «Советская власть установила крепостное право», «Середняка разоряют, предоставляя за его счет льготы лодырям-беднякам», «Рабочий теперь буржуй, а крестьянин — овечка, вот теперь его и стригут», «Советская власть зажала крестьян хуже, чем при старой власти. Такой власти помогать не надо» и т.п.¹⁵

Крестьянин-середняк из села Ореховка Ленинского района Акмолинского округа Луценко, наивно веря, что Кремль не ведает, что тво-

* ВЦИК [Всесоюзный Центральный Исполнительный Комитет] — сталинская карикатура на органы парламентаризма.

рится в деревне, писал Сталину: «...Неужели работникам на местах предоставляется полная свобода действий без всякого контроля? Ведь если бы знали, что у нас делается. Не только кулаку (ему-то следует) и середняку, и однолошадным беднякам досталось. Чуть не половину населения отправляют в тюрьму (по 3 человека из семьи сидят в тюрьме), все отбирают, появляются пьяные, кричат, матерными словами обзывают и такой страх нагоняют на население, что многие запрягают лошаденку и бросают домишко, овец и другой домашний скот и уезжают куда глаза глядят».¹⁶

Сильнейший административный террор был развязан в ходе заготовительных кампаний в казахском ауле. Здесь кампания по заготовкам скота с самого начала приняла характер силовых акций времен «военного коммунизма». Размеры заготовок определялись плановыми заданиями, но те, как оказалось, имели в своей расчетной основе фальсифицированные данные о количестве у населения скота, так как более или менее достоверные сведения (налоговой учет Наркомфина) в ходе своего продвижения от одной бюрократической инстанции к другой были существенно изменены в сторону увеличения (это оправдывалось тем, что финансовые органы, дескать, не учли огромное сокрытие скота от налогообложения). В результате таких приписок и грубого волюнтаристского планирования на районы стали спускаться задания, намного превышавшие реальную численность имевшегося в наличии скота. В этой связи характерен пример Балхашского района, располагавшего стадом в 173 тыс. голов скота, но получившего разверстку почти на 300 тыс. единиц.¹⁷

Естественно, что очень скоро в краевые органы начали поступать жалобы. Но на них мало кто реагировал. Если они и получали какой-то отзвук, то в духе изощренной казуистики. Так, З. Торегожин (зам. наркома заготовок) сообщал, что согласно рассчитанному им балансу, при существующих объемах заготовок животноводство в республике вряд ли выстоит. Ответ последовал незамедлительно через воинствующую статью в партийном офицозе «Большевик Казахстана». Здесь, в частности, писалось: «В балансе... ярко проявилась вся суть правооппортунистической, механической методологии, теоретическая беспомощность, полное непонимание марксистско-ленинской диалектики... Автор ухватился за количественное снижение поголовья. Последнее — факт. Но ползучий уклонист за этим фактом не видит более существенных экономических и политических изменений... За внешней, поверхностной стороной событий близорукий эмпирик не видит действительного роста социализма».¹⁸

Не менее ярким обличительным пафосом отмечались и вердикты, сформулированные в более высоких сферах. Например, бюро Казкрайкома ВКП(б), выражая неприятие исходящей от некоторых районных руководителей критики, вынесло специальное постановление. В нем был следующий текст: «Крайком решительно осуждает тенденции отдельных районов и работников не выполнять планы и ослабить темпы мясозаготовок... под прикрытием разговоров о сокращении стада, о необходимости сохранения производственного скота... как тенденции,

вытекающие из правооппортунистического непонимания скотозаготовок как **органической части социалистической реконструкции животноводства** (выделено нами — *авт.*), как важнейшего рычага обеспечения индустриализации страны». ¹⁹

Промывание мозгов дало свои результаты. И вскоре лозунг «Перегибов не допускать — парнокопытных не оставлять!» стал определяющим в кампании. Тем более, что по меркам заезжих заготовителей 25—30 овец в хозяйстве выглядели чуть ли не как «сверхбогатство», хотя, как уже отмечалось в предыдущих разделах, специфика кочевого способа производства допускала подобное количество скота лишь как жизнеобеспечивающий минимум. Но это обстоятельство не принималось во внимание, и хозяйству этому в лучшем случае оставлялись 2—3 овцы, что ставило его на грань безысходности.

Под прикрытием государственных интересов творились беззакония и при заготовках в ауле других видов сельскохозяйственной продукции. Так, в целях «ударного» проведения заготовки шерсти в ряде мест заставляли стричь овец посреди суровой зимы, что не могло не привести к массовому падежу скота. Были многократные случаи, когда в поисках хлеба заготовители наезжали в скотоводческо-земледельческие аулы и буквально выбивали его у хозяйств, имевших крошечные посевы. У них подчистую забирались даже то ничтожное количество зерна, с которым связывалась единственная надежда на выживание.

Обязательные хлебозаготовки вопреки всякой логике распространялись и на несущие хозяйства сугубо скотоводческих районов. Страхась быть обвиненными в саботаже, их население было вынуждено обменивать свой скот на хлеб и сдавать последний в счет заготовок.

Например, скотоводы Илийского и Чокпарского районов вынужденно обменивали за 15 фунтов хлеба барана, а за четыре пуда — хорошего коня или взрослого верблюда. В этих же районах все хозяйства обязывались сдавать в счет заготовок по 10 кг старой кошмы; те же, кто не имел такой возможности, должны были покупать кошмы и сдавать их заготовителям. В Джетыгаринском районе в ходе заготовок утильсырья представители краевых органов заставляли обрезать лошадям хвосты, противившемуся же этому казахскому населению приказывали выдавать вместо бараньего мяса свинину. ²⁰

В одном из районов Южного Казахстана заготовки проводились подчас и таким образом (по свидетельству очевидца): «...Вызывают (уполномоченные — *авт.*) гражданина, предлагают сдать хлеб. Он отвечает — хлеба нет. Тогда ему в сапоги наливают воды и ночью при 25-градусном морозе ставят на улицу... Беременная женщина приходит в штаб, у нее требуют хлеб. Она его не имеет. Ее бьют и она тут же в штабе рождает раньше времени». ²¹

Бесчинства различных уполномоченных по заготовкам не знали предела. Все заготовленное вывозилось из районов «мобилизованными» у местного населения подводами, причем за это, разумеется, не платили ни копейки. В качестве средств передвижения чиновники опять-таки бесплатно использовали лошадей ими же обираемых крес-

тян, при этом лошади, как правило, не возвращались или нещадно загонялись.²²

Итак, в ходе заготовительных кампаний в Казахстане были проведены масштабные антикрестьянские репрессии. По выявленным данным удалось установить, что в этот период к административно-уголовной ответственности было привлечено 56 498 жителей села, из них 34 121 были осуждены. Материалы только по трем округам (Акмолинскому, Петропавловскому и Семипалатинскому) показывают, что в 1928/29 и 1929/30 гг. здесь было взыскано штрафов и изъято имущества более чем на 23 млн руб., конфисковано скота 54 тыс. голов, хлебных запасов — 630 тыс. пудов, различных строений — 258 единиц.²³

На закрытом заседании бюро Казкрайкома ВКП(б), состоявшемся 2 января 1930 г., Голощекин информировал, что в ходе заготовок, с 1 октября 1928 г. по 1 декабря 1929 г., по судебной линии было приговорено к расстрелу 125 человек, а по линии ГПУ за этот же период расстреляно 152 человека.²⁴

Зато руководители республики могли рапортовать, что Казахстан дал 33 процента союзных заготовок шерсти, 20 — мелких кож, 17 — всей пшеницы, 10 процентов — всего мяса (1928/1929). Циничной grimасой выглядело то, что эти бравурные реляции из очередного отчета наверх были помещены в рубрике под названием «Стимулирование товарности хозяйства».²⁵

В поисках средств для той же индустриализации государство, начиная со второй половины 1920-х годов, резко ужесточает налоговый режим. Уже в 1926/27 году сумма сельскохозяйственного налога, начисленного по Казахстану, увеличилась по сравнению с 1925/26 г. на 87 процентов.²⁶ На 1928/29 г. решением ЦК ВКП(б) сумма сельхозналога устанавливалась по стране в размере 400 млн руб. (против 305 млн руб. в 1927/28 г.).²⁷ В Казахстане налог исчислялся в пределах 23 млн. руб. и, следовательно, по сравнению с предшествующим годом его тяжесть возросла на 100 процентов,²⁸ хотя налоговая база (источники обложения) возросла за это время несущественно.

В этом же году для хозяйства с облагаемым доходом в 400 руб. и выше устанавливались процентные надбавки к нормативно исчисленному доходу. В результате их применения для хозяйств, например, с семьей едоками (членами семьи) и доходом в 450 руб. тяжесть налогообложения возрастала на 16 процентов, а с доходом 1000 руб. — на 41 процент. Но и это виделось недостаточной мерой, и вскоре было введено так называемое индивидуальное налогообложение хозяйств, «выделявшихся из общей крестьянской массы своими доходами и их нетрудовым характером».²⁹

Если под налогообложение с процентными надбавками были подведены 21 процент земледельческих и 6 процентов³⁰ скотоводческих хозяйств республики, то в индивидуальном порядке налог обязывались платить 21 300 хозяйств, на которые начислялась сумма в размере 8,5 млн руб.³¹ В Кустанайском округе к индивидуальному налогообложению было привлечено почти 3 тысячи хозяйств с обязательством уплатить 34 процента всей совокупности начисленного сельхозналога, а в

одном из районов Уральского округа (Чижинском) менее 50 зажиточно-байских хозяйств должны были заплатить 88 процентов всей разверстанной на район налоговой суммы.³²

В ряде округов и районов количество обязываемых сдавать налог в индивидуальном порядке было еще больше и абсурдно превышало даже мыслимые масштабы возможного контингента частно-предпринимательских высокодоходных хозяйств. И это не случайно, поскольку сплошь и рядом налоговые комиссии при привлечении того или иного хозяйства к индивидуальному обложению выдвигали аргументы типа «имеет железную крышу», «имеет сепаратор», «плохо отзывался о сельхоззаготовках» и т.д. Особенно частый характер имели такие факты в Павлодарском, Каркаралинском и Семипалатинском округах. Реакцией на это явились откочевки скотоводческого населения, в том числе и в Китай.

Последние были столь массовы, что это вынудило направить сюда специальную комиссию во главе с секретарем ВЦИК И.Ф. Киселевым, которая приняла кое-какие меры. Так, в Семипалатинском округе она снизила контингент индивидуально обложенных налогом хозяйств с 3410 единиц до 1428, в Павлодарском с 875 до 314, в Каркаралинском с 875 до 314³³. Тем не менее, действия комиссии оказались запоздалыми, да и носили они локальный характер, тогда как «беспредел» был повсеместен и широкомасштабен.

Силовые сельхоззаготовки и резкое усиление тяжести налогообложения порождали тенденции к свертыванию хозяйственной деятельности, вызывали массовые откочевки населения, порождали хаос в структуре организации производства. Нэп как период истории заканчивался, так и не успев выявить до конца свои возможности.

2. ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В ОТНОШЕНИИ СОБСТВЕННОСТИ В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ

В советской историографии решения XV съезда ВКП(б) (декабрь 1927 г.) трактовались как курс на массовую коллективизацию деревни. Между тем, если внимательно вчитаться в его резолюции, то станет очевидным, что здесь выдвигается задача осуществлять «**постепенный** (выделено нами — *авт.*) переход распыленных крестьянских хозяйств на рельсы крупного производства..., всемерно поддерживая и поощряя ростки обобщественного сельскохозяйственного труда».³⁴ Ни методы, ни формы, равно как и какие-то темпы этого процесса, в документах съезда никоим образом не оговариваются.

Однако нельзя не признать, что съезд, хотя и полунамеками, дал понять «в каком направлении усиливается ветер и куда начинает клониться руководство страны». Партийные функционеры самого разного уровня чутко уловили это. Наученные практикой, что «забегание вперед» ненаказуемо, тогда как «промедление смерти подобно», они принялись, как говорилось в одной из газетных передовиц, «стимулировать колхозную инициативу».

Менее чем за год (с середины 1927 г. по июнь 1928 г.) численность колхозов в Казахстане увеличилась на 581 процент (с 324 до 1881),³⁵ хотя удельный вес колхозов во всем аграрном секторе оставался еще незначительным 1,8 процента.³⁶

В начале июня 1928 г. в Москве открылся Первый Всесоюзный съезд колхозов (естественно, колхозных активистов). Подытоживая прозвучавшие на нем инсинуации о якобы «массовом устремлении крестьян в колхозы», союзный нарком земледелия Я.А. Яковлев зачитал: «Снизу возникает настоящее, массовое, здоровое движение. И мы должны решить, какие меры производственной и организационной помощи наши органы должны принять, чтобы помочь этому идущему снизу движению».³⁷ «Помощь» была оказана быстро, но вовсе не в плане обеспечения колхозов материальными ресурсами. Таковая и при всем желании не могла иметь места, ибо «телегу запрягли впереди лошади»: не индустриализация работала на коллективизацию, а наоборот. Действующие и даже перспективные мощности сельскохозяйственного машиностроения и близко не соответствовали «колхозному размаху». А как с сарказмом замечал по этому поводу Н.И. Бухарин, даже если «соединить тысячу деревянных сох — трактора все равно не выйдет».

Содействие колхозному буму пришло именно в виде «организационной помощи». Стихийность была оформлена в план.

Разработанный весной 1928 г. Наркомземом и Колхозцентром РСФСР первоначальный перспективный план предусматривал вовлечение в колхозы в 1928—1932 гг. 1,1 млн крестьянских хозяйств (по всей стране). На это в течение пятилетки должно было быть направлено 1 млрд руб. капиталовложений (заметим, что только в первый [1928—1929] год пятилетки капиталовложения в госпромышленность составили в пять раз большую сумму — 4775 млн руб., т.е. коллективизация обходилась государству почти даром).

После съезда колхозов другая инстанция — Союз союзов сельскохозяйственной кооперации увеличила наметки Наркомзема в три раза (в колхозы — 3 млн крестьянских хозяйств). При разработке контрольных цифр на пятилетку Госплан СССР установил цифру уже в 5 млн хозяйств. И, наконец, после рассмотрения первого пятилетнего плана на XVII партийной конференции (апрель 1929 г.) окончательно сошлись на 4—4,5 млн хозяйств, или 16—18 процентах от их общего числа.³⁸

Поскольку, как наставлял Сталин, «наши планы есть не планы-прогнозы, не планы-догадки, а планы-директивы», то именно столько «добровольцев» и должно было набраться в колхозах. Таким образом, масштабы «доброй воли» заранее программировались властью, что лишней раз обнажало лицемерие пропагандистских разглаговольствований по поводу «добровольности и самодеятельности колхозного движения».

Планка была установлена. Но никто не запрещал «перепрыгивать» ее. Бюро Казкрайкома ВКП(б) с удовлетворением констатировало, что на 1 октября 1929 г. в республике в 5144 колхозах было коллективизировано 92 тысячи хозяйств, или 7,4 процента их общей численности.³⁹

Спираль кампании раскручивалась все более стремительно. В двенадцатую годовщину Октября (7 ноября 1929 г.) газета «Правда» публикует статью Сталина «Год великого перелома», где с большой долей пафоса (но не истины) говорилось: «Крестьяне массами покидают хваленое знамя «частной собственности» и переходят на рельсы коллективизации».⁴⁰

10–17 ноября 1929 г. прошел Пленум ЦК ВКП(б), на котором коллективизаторская установка была дана с предельно ясной артикуляцией. Все точки над «i» расставил В. Молотов. Озвучивая мысли Сталина, человек №2 в партийном и государственном руководстве «бодрил» вышший партийный синклит верой в то, что в «недалеком будущем, и уже в будущем году, мы сможем говорить не только о коллективизированных областях, но и коллективизированных республиках».⁴¹

«Колхозное творчество масс» обрело все более необузданный характер. На вторую половину 1929 г. численность уже созданных в Казахстане колхозов в два с лишним раза перекрывала весь пятилетний план Урала, приближалась к половине заданий, установленных Колхозцентром для Северного Кавказа.⁴²

Однако в Москву продолжали идти депеши от местных руководителей, недовольных «заниженными» планами для их регионов и требовавших дать им возможность проявить инициативу. Колхозная лихорадка начинала давать явно обозначившиеся симптомы того, что Центр утрачивал контроль над движением.

С целью его упорядочения и большей предсказуемости было решено придать ему директивно-плановые характеристики. В этой связи в начале декабря 1929 г. была создана специальная комиссия во главе с Я.А. Яковлевым. Решением Политбюро ЦК ВКП(б) в ее состав, кроме других руководителей центральных и местных партийно-правительственных и хозяйственных органов, были включены зампред СНК РСФСР Т. Рыскулов и секретарь Казкрайкома Ф. Голощекин.⁴³

Комиссии вменялась задача выработать и представить на рассмотрение Политбюро документы и предложения по ряду вопросов коллективизации, которые после их утверждения предполагалось санкционировать уже в виде его резолюции. Как отмечал Сталин, такая «резолюция нужна для того, чтобы зафиксировать новые темпы колхозного движения, пересмотреть темпы, установленные в последнее время плановыми и прочими органами, и наметить более короткие сроки коллективизации по основным хлебным районам».⁴⁴

После целого ряда доработок, направленных в основном в сторону радикализации кампании, Политбюро утвердило проект комиссии Я.А. Яковлева, а в начале января 1930 г. он был опубликован уже в виде Постановления ЦК ВКП(б) «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству».

Вскоре вся страна, словно театр военных действий, была поделена на ударные плацдармы и районы эшелонированного продвижения кампании. Казахстан волей сталинского руководства был отнесен к той региональной группе, где коллективизацию предполагалось завершить весной 1932 г. (за исключением кочевых и полукочевых районов).⁴⁵

Однако чиновный азарт уже невозможно было вогнать в какие-то рамки. Процент коллективизации становился критерием оценки всей партийно-политической и организационно-хозяйственной работы, главным мерилем деловых качеств местного аппарата, своеобразным «сезамом», перед которым открывались широкие ворота карьеры. В результате общественный организм стал испытывать приступ почти что параноидальной процентомании. Газеты не успевали давать ежедневно меняющуюся информацию с «колхозного фронта», районы и округа республики соревновались друг с другом в насыщенности победных реляций.

На 20 февраля 1930 г. в Казахстане насчитывалось уже 6722 колхоза, которые включали 44 1931 хозяйство, или 35,3 процента их общего числа.⁴⁶

Форсированными темпами протекала коллективизация в животноводческих районах. Здесь со всей очевидностью сказывалась идеология, выработанная под нажимом Ф. Голощекина еще на V Пленуме Крайкома (декабрь 1929 г.). Поясняя ее суть, один из тогдашних секретарей Казкрайкома И. Курамысов говорил: «Вполне возможно, что коллективизация животноводческих хозяйств несколько сложнее, труднее, чем коллективизация зерновых хозяйств. Это ни в коей мере не означает, что мы в этом отношении помирились (так в тексте — *авт.*) на меньшем темпе коллективизации, нежели это предусмотрено в отношении зернового хозяйства».⁴⁷ Отсюда резолюция: «Всемерно... стимулировать коллективизацию животноводческих хозяйств в таких же темпах, как по зерновому хозяйству».⁴⁸

Детонатором «колхозного взрыва» послужила отнюдь не крестьянская инициатива, как это пыталась представить пропаганда. Здесь прямо сказывались методы откровенного давления. Нарушения формально декларированного партийными постановлениями принципа добровольности и элементарной законности с самого начала приняли повсеместный характер.

Источники, например, отмечают, что очень часто во время проведения сельских сходов вместо обращения «Кто хочет вступить в колхоз?» проводники коллективизации, поигрывая наганом, зловеще вопрошали: «Кто против коллективизации?!». В тех случаях, когда крестьяне все же не проявляли «доброй воли» и не спешили избавляться от «буржуазной» частной собственности, к ним применяли иные «воспитательные» меры. Наиболее типичными и распространенными являлись такие приемы принуждения, как лишение избирательных прав, угрозы выселения за пределы района проживания или превентивный арест.⁴⁹

Информационные сводки сообщают и о таких изощренно-садистских приемах коллективизации, как имитация расстрела (когда по несколько раз стреляли умышленно выше головы якобы приговоренного к расстрелу, что, естественно, доводило жертву до потери рассудка), раздевание на морозе, вождение под конвоем босыми по снегу через всю деревню, насильное заталкивание в ледяную прорубь и т.д.

Излюбленным средством наиболее рьяных коллективизаторов было огульное зачисление колебавшихся в так называемые подку-

лачники. Эта категория трактовалась столь расширительно, что большая фантазия чиновных исполнителей могла подвести под нее кого угодно. Бывало, что снять это обвинение можно было лишь «поплакавшись в жилетку» Всесоюзному старосте, что, конечно, удавалось отнюдь не каждому.

Понятно, что при таком усердии коллективизаторов колхозная динамика просто обречена была выписывать крутую параболу. Однако если количественные характеристики вызывали на всех уровнях иерархической отчетности чувство оптимизма, то качественные аспекты начинали порождать в умах руководства заметное смятение. Не случайно в документах того времени все чаще начинают пестреть эпитеты типа «бумажный», «дутый», «протокольный» колхоз.

Однако даже те колхозы, которые квалифицировались как вполне реальные, на самом деле являли собой некие эфемерные образования, мало напоминающие сколько-нибудь нормально функционирующую организацию производства. Как и следовало ожидать, простое сложение производственного инструментария включавшихся в колхоз крестьянских хозяйств в общую сумму отнюдь не давало преимуществ перед крепким индивидуальным хозяйством.

Попраение принципа технологического оптимума (соотнесения производственных целей и возможностей хозяйствующего субъекта) приводило к тому, что колхозы лишь частично могли утилизировать предоставленные в их распоряжение земельные ресурсы. В этой связи характерно признание одного из 25-тысячников, работавшего в колхозе «Путь Ленина» Уральского округа. Он пишет своим товарищам на завод: «Колхозом мы должны засеять 7 тыс. га всех культур. А что же имеется у нас налицо? Рабочего скота — 600 голов. Тогда как нужно 1200. Да и тот скот, который имеется, в неблагонадежном состоянии. Надежда на тракторы очень плохая. Нам пока ничего не обещают». В резолюции общего собрания членов колхоза «Сакко и Ванцетти» Голощекинского района Сырдарьинского округа отмечалось: «Земля, которая сейчас находится в колхозе в количестве 364 га, полностью обработана имеющимися членами колхоза быть не может, а их — 42 человека».⁵⁰

Весьма маломощным оказывался и сам вектор соединенных в колхозе «распыленных средств производства и физических волей». Что касается «волей», то их набиралось достаточно, чего нельзя было сказать о стоящих за ними хозяйственных ресурсах, ибо в колхозы вступали главным образом батрацкие и бедняцкие слои, не имевшие другой жизненной альтернативы.

Оптимистические заверения, что «вслед за бедняком в колхозы двинулась и середняцкая масса»,⁵¹ оказались сильно преувеличенными. На конец 1930 г. средняя величина удельного веса середняцких хозяйств в составе колхозов фиксировалась Казкрайколхозсоюзом на уровне 25 процентов (по данным 40 обследованных районов), а кое-где и наполовину ниже. Например, в Бескарагайском районе в колхозах насчитывалось 9,9 процента середняцких хозяйств, Зайсанском — 9,4, Уланском — 10,9, Жанасемейском — 12,4, Кзыл-Танском — 9,8 и т.д.⁵² В колхозе

«Бирлестик-Устем» (Чуйский район) из 196 хозяйств 168 были батрацко-бедняцкими, а в одном из проверенных колхозов Меркенского района их было 122 из общего числа в 135 хозяйств.⁵³

Такой расклад давал гораздо больше ассоциаций с пословицей «с миру по нитке — нищему на рубашку», нежели «песчинка к песчинке рождает гору». Колхозное движение, будучи удовлетворительным в своей арифметике, получало «двойки» по «высшей математике» организации производства.

В свое время Дж. Скотт разработал концепцию крестьянской «моральной экономики». Ее исходным конструктом является признание фундаментальности того фактора, что в каждый момент над крестьянином висит «дамоклов меч» голода. Поэтому в его сознании никогда не вытесняется перманентный страх перед нехваткой жизненных средств (прежде всего — продовольствия).

В свою очередь, это предопределяло то, что проблема существования, задача воспроизводства человека (но не вещей) становилась центральной установкой аграрной экономики, которую не случайно называют еще и «экономикой выживания». В ее рамках принцип «безопасность существования прежде всего» выступал базисной идеей всей мотивации крестьянина, определяя его экономическое и политическое поведение.⁵⁴

Условием же «безопасности существования» являлось наличие потребительского минимума. Именно право на него как гарантию выживания воспринималось в крестьянской этике императивной моральной нормой. Сквозь призму оценок отношения к этому праву — его уважения или ущемления — трактовались действия государства и господствующих классов или групп, констатировалась степень их соответствия крестьянскому пониманию социальной справедливости.

Дж. Скотт особо подчеркивал, что крестьяне реагируют не просто на лишение средств существования, а на попрание их морально-экономического права на существование. (Несмотря на кажущуюся тавтологию, эти понятия отнюдь не идентичны).

Неурожаи и какие-то другие стихийные бедствия могут не вызвать их возмущения, направленного вовне (разве что апелляцию крестьянина к Богу или другим метафизическим силам). Но если ущемляется само его право на получение минимального потребления, то открытый протест обязателен.⁵⁵

Социалистическое государство, назвавшее себя «рабоче-крестьянским», не посчиталось с морально-экономическим правом крестьянства на существование, посягнуло на гарантии обеспечения минимального потребления и тем самым выступило угрозой экономической и физической безопасности крестьянской семьи и как единицы производства, и как единицы потребления.

Оно обобществило средства производства — главный фактор и условие получения потребительского минимума. Коллективизировало общину — социальное пространство, в пределах которого крестьянин мог разделить риск, получая гарантию выживания через традиционные патерналистско-перераспределительные механизмы. Закупо-

рило каналы достижения минимального потребления через включение в кабально-возмездные отношения найма-сдачи рабочей силы (кулацко-байские хозяйства ликвидировались). Позднее были блокированы и другие варианты выживания, связанные, например, со сменой сферы занятости (паспортизация, а отсюда — и невозможность покинуть колхоз).

Последней «полосой безопасности» оставалась карликовая частная собственность (молочный и мелкий рогатый скот, птица, огороды и сады в пределах личного подворья и т.д.), обеспечивавшая самые необходимые потребительские нужды крестьянина. Однако и эта мелкая собственность, не получив какого-то специально оговоренного статуса в постановлении ЦК ВКП(б) от 5 января 1930 г., а соответственно — и во всех последующих «колхозных» нормативных актах, подпала под метлу чиновной вакханалии «всеобщего обобществления».

В информации Казкрайколхозсоюза высшим директивным органам сообщалось, что «коллективизируются» не только «семена и пользовательный скот», но и «швейные машинки, охотничьи ружья, сберкнижки и облигации хлебного займа, продовольствие, додумались даже до обобществления кур», а «казахам оставляли лишь по одной верховой лошади».⁵⁶

Таким образом, власть наносила двойной удар: отчуждала морально-экономическое право крестьянина на существование и лишала его самих средств существования. В этих условиях он квалифицировал действия государства как аморальные и антиправовые, дающие ему моральное право выступить с демонстрацией открытого протеста против них.

Как и во всей стране, в Казахстане развернулось крестьянское движение сопротивления (об этом будет сказано ниже). Массовыми стали и пассивные формы неприятия политики власти, которые находили выражение в процессе «раскрестьянивания». В некоторых районах, например, Петропавловского и Кустанайского округов до 25 процентов сельского населения ликвидировало свои хозяйства и выехало (скорее всего, в город).⁵⁷ Широкий характер приняли откочевки скотоводческих хозяйств, которые уходили не только за пределы районов и округов, но и за границы республики и даже СССР (по преимуществу, в Западный Китай).

В Наркомзем СССР и другие высшие инстанции, включая и секретариат Сталина, лавиной шли жалобы о творимом беспределе. В этой связи коллегия Наркомзема на своем заседании 28 февраля 1930 г. выносит следующее ходатайство: «Просить редакцию «Правды» поместить статью против имеющих место случаев искажения линии партии в деле коллективизации».⁵⁸ В начале марта выходит статья Сталина «Головокружение от успехов». В ней он, как всегда, валил все с больной головы на здоровую. «Дразнить крестьянина-колхозника «обобществлением» жилых построек, всего молочного скота, всего мелкого скота, домашней птицы..., разве не ясно, что такая «политика» может быть угодной и выгодной лишь нашим заклятым врагам?» — писал Сталин.⁵⁹ Но в постановлении ЦК ВКП(б) от 5 января об этом (о пределах обобществле-

ния) и «духом не пахло». Поэтому реакция местных работников на эту статью была одна: не поняли?!

В опубликованном в том же номере «Правды» примерном Уставе сельхозартели мелкая частная собственность крестьян выводилась из разряда «обобществляемых средств производства». Однако определение «примерный» оставляло лазейки для «творческой революционной инициативы» функционеров от коллективизации, которые, делая удивленный вид, заявляли: «Колхозники сами выходят за границы Устава, желая идти в деле обобществления еще дальше».⁶⁰

10 и 14 марта Политбюро принимает резолюцию «О борьбе с искривлениями партийной линии в колхозном движении». В ней опять говорилось о «забегании вперед», о том, что такая «практика льет воду на мельницу контрреволюционеров и не имеет ничего общего с политикой партии».⁶¹ В очередной раз ЦК дезавуировал свои прежние установки, как будто «ленинский штаб партии» вовсе и не являлся той самой призмой «искривлений», обвинения в которых вешались на периферию.

Местный аппарат, оказывается, неправильно понял и его документы по поводу пределов обобществления (хотя трудно понять то, чего не было и в помине). Поэтому в директиве ЦК предписывалось под личную ответственность партийных руководителей возратить мелкую частную собственность, «если это требуют сами колхозники».⁶²

Надо сказать, что документ от 10 марта 1930 г. направлялся на места под грифом «секретно». И если статью в «Правде» в деревнях и аулах зачитывали до дыр, то закрытые для печати директивы оставались вне гласности. Но в принципе это мало что меняло. В полифонии фальшивых звуков мартовских резолюций ЦК ВКП(б) («перегибы», «искривления», «головомозжание» и т.п.) явно прослушивался обертон: вперед!

Инерция «темпа» продолжалась. Чиновники «зубами вцепились в захваченные плацдармы». Проверенным арсеналом средств они препятствовали выходу из колхозов, воспрещали возвращать крестьянам «обобществленную» мелкую собственность.

В ответ на это крестьянское движение сопротивления еще более усилилось. Масштабы его были таковы, что 31 марта руководство Казкрайкома выслало Сталину телеграмму с просьбой разрешить задействовать в карательных операциях регулярные армейские части.⁶³ «Добро», по-видимому, было дано, ибо для подавления массовых выступлений стали привлекаться войсковые подразделения Туркестанского и Заволжского военных округов, включая артиллерийско-пулеметные и броневзводы, но и это не помогало: повстанческое движение ширилось.⁶⁴

Власть была напугана, что обнаруживалось в закрытом письме ЦК ВКП(б) от 2 апреля 1930 г. В нем говорилось: «Поступившие в феврале сведения о массовых выступлениях крестьян в ЦЧО (Центрально-Черноземная область — *авт.*), на Украине, в Казахстане, Сибири, Московской области вскрыли положение, которое нельзя

назвать иначе как угрожающим. Если бы не были тогда немедленно приняты меры, мы имели бы теперь широкую волну повстанческих крестьянских выступлений, добрая половина наших «низовых» работников была бы перебита крестьянами и было бы поставлено под угрозу наше внутреннее и внешнее положение. Несмотря на указанные важнейшие директивы Центрального Комитета и по этому вопросу (директивы от 10 и 14 марта — *авт.*), до сих пор не устранены вопиющие ошибки. Это заставляет Центральный Комитет обратить внимание на серьезность положения. Факты повстанческого движения в ряде округов Украины, в горных районах Северного Кавказа и в Казахстане с особенной силой подчеркивают опасное обострение политической обстановки в деревне. Наблюдающееся местами легкомысленное отношение к втягиванию частей Красной Армии в борьбу с массовыми выступлениями в деревне может не только ухудшить положение, но и повести к ослаблению боевой дисциплины в Красной Армии. Под угрозу поставлено дело коллективизации и социалистическое строительство в целом».⁶⁵

Резкие констатации письма сбили коллективизаторский пыл. Перед угрозой политического кризиса началось вынужденное отступление в колхозном движении. Этим сразу же воспользовалось крестьянство.

Если на 1 апреля 1930 г. было коллективизировано 649,4 тыс. крестьянских хозяйств Казахстана, или 52 процента их общего числа, то в июне их численность упала до 353,9 тыс. (28,5 процента). Следовательно, процент коллективизированных хозяйств в одночасье упал почти в два раза. Из колхозов республики вышло (правильнее было бы сказать, «сбежало без оглядки») около 300 тысяч крестьянских хозяйств. Количество колхозов сократилось за этот период с 7019 до 5701.⁶⁶

В течение апреля — июня местные органы «боролись за выпрямление партийной линии». Оказавшись «стрелочниками», многие мелкие функционеры поплатились карьерой, получили партийные и административные взыскания. Часть их была исключена из состава ВКП(б), подпав под партийную чистку, кампания которой проводилась в Казахстане до мая 1930 г.

Это вызвало в рядах периферийного аппарата не только уныние, но и растерянность. Однако очень быстро «боевой коллективизаторский дух» был вновь опять востребован партией, о чем свидетельствовали передовицы «Правды» от 7 и 29 августа 1930 г. Задача «добиться нового мощного подъема колхозного движения» прямо ставилась в письме ЦК ВКП(б) (24 сентября 1930 г.) к райкомам, обкомам и ЦК компартий национальных республик, которое называлось «О коллективизации».⁶⁷

Машина коллективизации включала форсаж, стремительно набирая заданную высоту. Вскоре (сентябрь 1931 г.) Казкрайком ВКП(б) рапортовал: «Признать, что в 42 основных зерновых и хлопководческих районах, объединивших в колхозы 81 процент хозяйств, коллективизация в основном закончена». В 20 районах было коллективизировано 82 процента крестьянских хозяйств. Несмотря на то что «качествен-

ное состояние колхозов» здесь вызывало сомнения у руководства, оно тем не менее констатировало, что эти районы имеют «все данные к тому, чтобы уже в текущем году» их можно было характеризовать как «в основном закончившие процесс коллективизации». Десять районов имели 85 процентов коллективизированных хозяйств, семнадцать районов — 61 процент, и 26 районов по преимуществу чисто скотоводческих — 43 процента. Низкий процент в последних объяснялся в постановлении Казкрайкома «родовыми пережитками и байско-аткаминерским влиянием». Наконец, в семи «рыбачко-животноводческих районах» (определение более чем странное — *авт.*) уровень коллективизации определялся в 55 процентов.⁶⁸ Таким образом, установки декабрьского Пленума ПК ВКП(б) на 1931 год были выполнены с лихвой. Уже на 1 сентября из 122 районов Казахстана 96 перешли заданный партией 50-процентный рубеж, а 72 по формальным признакам могли быть отнесены к «районам сплошной коллективизации», ибо вышли за пределы восьмидесяти процентов.

Как видим, в скотоводческих казахских районах темпы коллективизации мало уступали зерновым, а в ряде случаев и обгоняли их. В августе 1931 г. перед скотоводческими районами прямо ставилась задача «выйти на линию более высоких темпов коллективизации». При этом строго вменялось «основной формой колхозного движения в ауле... считать животноводческую сельскохозяйственную артель».⁶⁹ И это требование на местах было выполнено более чем оперативно: в 60 кочевых и полукочевых районах республики из 2771 товарищества по обработке земли (ТОЗ) осталось всего 312, остальные были переведены на устав сельхозартелей.⁷⁰

Население казахского аула весьма туманно представляло разницу между ТОЗом и колхозом (не случайно аббревиатура «ТОЗ», созвучная казахскому слову «тоз» («разоряться»), нередко так и воспринималась в среде степняков, как, впрочем, и «коллективизация» чаще ассоциировалась с уже знакомой им «конфискацией»).

Однако различие было, и довольно существенное. Как известно, колхоз предполагал более высокую степень обобществления. Если в ТОЗах основные средства производства (в частности, скот) оставались в индивидуальном пользовании, то в сельхозартелях они обобществлялись.

При этом в животноводческих колхозах мера обобществления перешагнула всякие допустимые пределы. Источником расширительного толкования процессов социализации служили категоричные команды вышестоящих организаций, в том числе того же Казкрайкома. В решениях одного из его пленумов записано: «В животноводческих и животноводческо-земледельческих районах основное внимание должно быть направлено на полное обобществление в сельхозартелях всего товарно-продуктивного стада»⁷¹.

В духе этой установки тургайские работники, например, поставили задачу «весь скот обобществить, не оставляя ни одного козленка в индивидуальном пользовании». Другим показалось этого недостаточно, и они решили «в целях изжития мелкособственнической психоло-

гии колхозника передать скот одного колхоза другим колхозам» (из районных директив).⁷²

«Большевистская атака на мелкобуржуазную собственность» очень скоро дала свои результаты. К февралю 1932 г. в Казахстане 87 процентов хозяйств колхозников и 51,8 процента единоличников полностью лишились своего скота.⁷³

Куда же девался скот? Будучи обобществленным на все 100 процентов, он собирался на так называемых колхозно-товарных фермах. Очень часто за этим громким названием в действительности значился участок степи, огороженный изгородью или колышками с арканами. Но здесь надо иметь в виду, что, как и настаивал Казкрайком, в ходе коллективизации делалась ставка на «создание крупных животноводческих хозяйств». ⁷⁴ А это понималось как механическое объединение нескольких сотен хозяйств в радиусе до 200 и более километров в единый колхоз-гигант. В Курдайском районе, например, существовало немало сельхозартелей, объединявших 600—800 хозяйств, в Келесском районе первоначальные 112 колхозов были объединены в 35, в Арыском из 138 было создано 67 сельхозартелей, в Таласском районе в так называемые городки сгонялось до 300—400 хозяйств.⁷⁵ Разумеется, в таких уродливых образованиях не могло быть и речи о соблюдении основного экосистемного принципа номадного (кочевого) способа производства — точной (симметричной) соотношенности численности скота и природных водно-кормовых ресурсов.

Во все времена кочевая община допускала концентрацию скота лишь до определенного оптимума (определявшегося кормовыми и водными ресурсами). Когда достигалась критическая масса стада, происходила спонтанная сегментация общины, что, собственно, и обеспечивало непрерывность воспроизводства системы. Кроме того, в условиях аридной среды постоянно работал такой механизм выживания, который во многом опосредовался через устоявшиеся ритмо-режимные характеристики организации процесса производства (посезонный цикл утилизации природных ландшафтов).⁷⁶

Между тем хозяйственников «новой формации» все это мало интересовало. Вопреки народному опыту они всемерно поощряли любую концентрацию. Однако разрушение сложившейся организации производства с ее принципами концентрации (естественно, разумными) и дисперсности (пространственного рассеивания с целью рационального использования среды обитания)⁷⁷ не сопровождалось созданием другой, технологически приемлемой альтернативы.

Расплата за абсурдные решения не заставила себя долго ждать. Собранный в огромнейших концентрациях на колхозно-товарных фермах и не имевший возможности прокормиться, скот попросту погибал. Надо добавить, что и тот скот, который был собран по линии заготовок, в результате бескормицы и вызванных скученностью скота эпизоотий во многих случаях не доходил до потребителя, образуя на скотопротонных путях гигантские овечьи кладбища.

В постановлении СНК и ЦК ВКП(б) от 6 мая 1932 г. отмечалось, что, несмотря на засуху, хлебозаготовки прошли в 1931 г. лучше, чем в

1928 г., т.е. до коллективизации. Действительно, государство «заготовило» в этот год 600 млн пудов зерновых, тогда как в 1928 г. — 300 млн.⁷⁸

В самом деле, здесь стоило «благодарить» коллективизацию, однако отнюдь не в том смысле, что она якобы обеспечила динамизацию товарности сельскохозяйственного производства. «Благодарность» режима должна была исходить от осознания, что именно через коллективизацию сталинский режим заполучил в свой арсенал гениальное оружие беспрепятственной и тотальной абсорбции (изъятия) продукта (причем не только прибавочного, но и необходимого) из аграрного сектора. В 1931 г. урожай зерновых культур в стране составил всего 69 млн т., по хлебозаготовкам изъяли 22,8 млн т., т.е. одну треть.⁷⁹ В 1932 г. в СССР было заготовлено зерна на 32,8 процента больше, чем в 1930 г., несмотря на то что валовой сбор зерна 1932 г. был гораздо меньше. Цифры эти могут означать только одно: государство проводило беспрецедентное по своим масштабам ограбление крестьянства. В этом и была загадка повышения товарности сельского хозяйства как отрасли в целом.

Понятно, что грабительская обираловка не могла не встречать сопротивления колхозов. Многие их руководители в то время еще не до конца осознали, что решения о форсированном расширении сельскохозяйственной формы производства определялись прежде всего задачей обеспечения удобной и бесконфликтной перекачки продукта деревни на нужды индустриализации. Они еще не успели свыкнуться с мыслью, что общественные zakрома должны рассматриваться не как элемент расширенного воспроизводства колхозной экономики и фактор повышения материального благосостояния членов сельхозартелей, а скорее как своеобразная транзитная база продвижения хлеба за кордон в целях получения валюты для индустриализации.

Поэтому в первое время находилось немало работников, наивно пытавшихся апеллировать к разумным пределам. Например, бюро Мендыгаринского райкома партии долго не соглашалось с твердыми заданиями по заготовкам, спущенными из Краевого комитета ВКП(б). Когда же нажим усилился, секретарь райкома заявил: «Ну что ж, раз так, то я возьму все до квашни, разую и раздену все колхозы, и они разбегутся». Из другого райкома (Карабалыкского) сообщали: «Экономика района окончательно подорвана непосильными планами. Колхозники, а также бедняки и середняки не имеют перспективы своего существования. Мы оттолкнули от себя колхозников, они от нас уходят».⁸⁰

Реакция Крайкома на многочисленные сигналы о заготовительном терроре была однозначна. Выступая в августе 1931 г. на Алма-Атинском городском партактиве, Голощекин разразился следующей тирадой: «В некоторых районах есть пониженная урожайность, и это определяет трудности, которые мы будем иметь. Трудности состоят не в том, что мы имеем пониженный урожай, а в том, что, где есть пониженный урожай, там он породил «кондратьевские» (по Н. Кондратьеву — ученому-экономисту, обвиненному в апологетике кулачества — *авт.*) настроения, панику, размагничивание. Если райисполком, райком партии, ячейка начинают создавать панику, начинают составлять архиглупые «хлебофуражные»

балансы (имеются в виду расчеты специалистов с мест о нереальности хлебозаготовительных планов — *авт.*), то тут со всей очевидностью встает угроза мобилизации колхозов на выполнение важнейшей задачи... — на выполнение хлебозаготовительного плана». Далее, как всегда поменяв местами причину и следствие, свалив все с больной головы на здоровую, Голошкеин грозно предупредил партийных челобитников районного масштаба: «С такими райкомами, с такими секретарями, с сеющими панику ячейками мы должны драться и будем драться крепко, по-большевистски, будем рассматривать каждого такого паникера как дезорганизатора социалистического строительства».⁸¹

«Драка по-большевистски» обернулась вскоре снятием одной трети состава председательского корпуса колхозов. «Чистили» и секретарей райкомов ВКП(б). Например, одного назначенного секретаря исключили из партии прямо по дороге во вверенный ему район, так как он заявил: «Я не поеду на костях колхозников заготавливать хлеб для государства».⁸² Но применялись и более суровые репрессии. 14 декабря 1932 г. было принято постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О хлебозаготовках на Украине, Северном Кавказе и в Западной области», которым вменялось применять по отношению к «саботажникам хлебозаготовок с партбилетом в кармане... осуждение на 5—10 лет заключения в концлагерь, а при известных условиях — расстрел».⁸³

Когда стало ясно, что жалобы с мест рассматриваются в коридорах власти как «демарши капитулянтского оппортунизма» и, кроме негативной реакции, не возымеют абсолютно никакого действия, в ход пошли всевозможные ухищрения. Для того чтобы оставить себе на пропитание и семена хоть какую-то толику выращенного урожая, колхозники специально не выкашивали полосы хлеба у дорог, межей, арыков, недоочищали зернотока, пропускали зерно в мякину, оставляли на полях колосья, использовали умышленно неотрегулированные молотилки с целью пропуска колосьев в солому и т.д.⁸⁴

Вскоре, однако, был вновь включен отработанный механизм государственного террора, и это стало пресекаться чрезвычайно суровыми мерами. После того как 7 августа 1932 г. был принят закон «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и общественной (социалистической) собственности», за подобные дела грозил расстрел, а при смягчающих обстоятельствах — 10 лет тюрьмы с конфискацией имущества.⁸⁵

На январском (1933 г.) Пленуме ЦК и ЦК ВКП(б) нарком юстиции Н. Крыленко докладывал, что за неполных пять месяцев со дня действия этого закона в стране было осуждено 54 645 человек, к высшей мере наказания приговорено 2110, в отношении 1000 человек приговор был приведен в исполнение. Тут же он потребовал от судей, у которых рука устала подписывать драконовские решения, прекратить всякие проявления «миндальничания». Откликаясь на эту установку, Казахское отделение Верховного Суда выговаривало своим судам: «... Уменьшение количества приговоренных к расстрелу в период с 5 мая по 1 августа 1933 г. на 44,5 процента (с 305 до 163 человек) нельзя признать нормальным», тут же констатируется, что «на 163 осужденных к расстрелу только 18

классово чуждых элементов» (последняя фраза дает понять, что социальная принадлежность могла служить оправданием для лишения человека жизни).

Поводом для жесткого наказания могли стать самые пустяковые провинности. Примеров тому буквально сотни. Приведем здесь лишь несколько наиболее характерных случаев из судебной практики того периода.

Так, нарсуд Курдайского района приговорил к 10 годам лишения свободы одного из колхозников за одноразовое использование «общественных лошадей в поездке по личным делам», Усть-Каменогорский суд дал тот же срок (ниже не было) другому несчастному за то, что его дети «украли» 6 кг проса, а крестьянину-середняку — за «кражу» 17 кг зерна (по-видимому, судьи квалифицировали данное «дело» как крупное хищение, ибо во многих случаях «народные» судьи не раздумывая судили и за несколько сот граммов). Сталинский нарсуд (совпадение глубоко символично) отправил в лагеря колхозников, посмеявших не усмотреть, как на колхозную лошадь свалился стог сена и повредил ей глаз, тем же судом был обречен на ужасы ГУЛАГа их односельчанин, ударивший лопатой строптивного колхозного верблюда.⁸⁶

Опустошающим смерчем прошла коллективизация по казахскому аулу. Основная масса хозяйств оказалась лишенной скота. В этой связи характерны данные по Южному Казахстану. Так, на первую половину 1934г. в Тюлькубасском районе 99,8 процента колхозников и 93,4 процента единоличников не имели ни одной лошади, 74,9 и 82,1 процентов были без коров, в Чаяновском районе на 100 хозяйств колхозников приходилось лишь 36 голов крупного рогатого скота (у единоличников — 7), 28 лошадей (22), 163 овцы (24), в Сузакском районе соответственно 23 коровы (2), 29 лошадей (11), 444 овцы (у единоличников — 89).⁸⁷ Коллективизация нанесла последний удар по сельской экономике, окончательно разрушив как производительные силы аула, так и их функциональные структуры.

3. СЕДЕНТАРИЗАЦИЯ СКОТОВОДЧЕСКИХ ХОЗЯЙСТВ. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЦЕЛИ ПЕРЕВОДА КОЧЕВНИКОВ НА ОСЕДЛОСТЬ

Сильнейшие разрушения в системе жизнеобеспечения казахского этноса вызвала сталинская политика силового перевода кочевников и полукочевников на оседлые формы хозяйства и быта.

Идея седентаризации (оседания), а также перспективы массовой коллективизации аула тесно увязывались со сменой хозяйственно-культурных типов деятельности. Иначе говоря, пути прогресса казахского крестьянства ассоциировались с трансформацией (государственно направляемой) скотоводческого хозяйства в земледельческое или стационарно животноводческое.

Такая привязка настолько прочно вошла в чиновно-административное сознание, что стала восприниматься как абсолютная аксиома.

Но было бы ошибкой считать такое видение проблемы проекцией нового революционного мышления, ибо здесь в гораздо большей степени сказывался фактор традиции в понимании цивилизационных маркеров. В ее русле социально-экономические и социокультурные стереотипы кочевых структур рассматривались как нечто архаично-отсталое, входящее в непримиримый конфликт с императивами цивилизации и культуры. Конечно, при желании распространенную тогда в Казахстане пастбищно-кочевую систему скотоводства можно было охарактеризовать как глубоко иррациональную и примитивную. Однако справедливым это было бы лишь в том случае, если рассматривать данный феномен в отрыве от комплекса вызвавших его условий и сквозь призму той «рациональной» экономической логики, которая, зиждясь на представлениях индустриального общества, предполагает в качестве целеполагания наращивание производства и рост прибыли. Между тем мотивация традиционного хозяйства была ориентирована на качественно иную задачу – удовлетворение биологических и социальных потребностей, и в преломлении этой цели оно представлялось как раз таки достаточно рациональным.

Что касается «примитивизма», то этот эпитет без оговорок на свою относительность, по-видимому, также вряд ли применим к столь самобытной форме исторической эволюции, явившей миру уникальный тысячелетний опыт освоения гигантских аридных территорий. В самом деле, правомерно ли считать «убогой» систему хозяйства, в недрах которой сформировалась собственная цивилизация с эффективным социальным механизмом адаптации к чрезвычайно неблагоприятной природной среде и развитыми культурными традициями.

Не вписывается в такое понимание и констатация общепризнанного факта довольно высокой диверсификации (сложности) технологических навыков кочевников. Еще древние насельники степи выработали до удивления выверенные принципы организации производства, научились гибко и оперативно реагировать на изменения в природной среде, умели смягчать идущие отсюда возмущения посредством продуманной утилизации рассредоточенных во времени и пространстве ресурсов. В совершенстве владели они методами улучшения скота, целевого управления концентрацией и структурой стада, обнаруживали глубокие познания в области этологии (поведения) животных и фенологии. Весь этот опыт транслировался из поколения в поколение, обретая в каждом из них все новые и новые импульсы к своему саморазвитию и совершенству. И этот момент служил одним из источников относительного динамизма скотоводческой культуры.

Обладея развитым адаптивно-адаптирующим (приспособление к среде обитания и одновременно приспособление ее в своих интересах) механизмом и достаточно мощными потенциями самоорганизации, кочевые структуры оказывались способными интегрироваться в аридную экосистему. Причем процесс этот протекал столь гармонично, что само скотоводческое хозяйство превратилось со временем в носителя вполне определенной экологической функции (как доказано, недогрузка пастбищ, например, снижает продуктивность травяного покрова, за-

медляет азотный цикл и в конечном счете вызывает деградацию растительности).⁸⁸

Об эффективности включения номадного комплекса в окружающую среду свидетельствовало и то, что в рамках его получала благоприятные предпосылки для своего развития тенденция к сохранению динамического равновесия естественно-природных и социально-экономических факторов. Идеей такого эквиглибриума (равновесия) была спонтанно движимая здесь вся хозяйственно-поведенческая мотивация. Благодаря этому достигался относительно разумный баланс природопользовательных и природосберегающих аспектов деятельности, что позволяло избегать глубоких конфликтов по отношению к природе, а следовательно, максимально смягчать возможные последствия деструктивных обратных связей в действовавшей системе «общество—природа». (Именно в контексте последних можно рассматривать и природу возникновения таких страшных для Степи явлений, как джут и эпизоотии. Отдельные исследователи, например, Ф. Шахматов, рассматривая их в пределах тренда — вековой статистики, пытались уловить здесь какую-то периодически строго повторяющуюся частотность. Характерно это было и для народной культуры, где выделялся 12-летний кризисный цикл — мушель. Нам представляется, что джут есть рефлексия (отражение) самоорганизующейся системы «природа» на сверхдопустимое давление на нее системы «общество». Резкое количественное увеличение совокупного поголовья скота вызывало неадекватную нагрузку на пастбища. С целью ее снятия природная среда включала свои регулятивные механизмы, в том числе и такие, как джуты и эпизоотии. Не следует забывать, что Земля как частица Космоса постоянно обменивается с ним веществом и энергией. А это значит, что в случае антропогенного нарушения природного равновесия неизбежно возникают обратные энергетические связи восстанавливающего действия (см.: космосоциологические теории Ш. Фурье, Э. Леруа, П. Тейяр де Шардена, В. Вернадского, А. Чижевского). Что касается джутовых частот и их совпадения по промежуткам времени, то они, по-видимому, являли собой те временные циклы, в течение которых количество скота подходило к своей репродуктивной кризисной массе. Одним словом, природа жестоко мстила (а на самом деле регулировала) за игнорирование космического порядка.)

Из сказанного выше правомерно заключить, что скотоводческое хозяйство почти адекватно отвечало чрезвычайно жестким природно-климатическим характеристикам региона. Собственно, иначе и быть не могло, поскольку обозначенный тип хозяйственно-культурной деятельности был обязан своей данностью не какой-то «изначальной консервативности и отсталости», а объективной эволюции, корректировавшейся условиями экосистемы. Аридное пространство, представляющее собой ярко выраженную экстремальную среду, требовало совершенно особых форм адаптации. И такие формы нашли свою реализацию в системе пастбищно-кочевого скотоводства, которая в тех условиях только и могла относительно эффективно противостоять постоянной экологической напряженности и даже влиять на ее некоторое снятие.

Если тезисно очертить обозначавшуюся здесь объективную обусловленность, то логическая схема разворачивается примерно в таком виде. Территория Казахстана по своим характеристикам суть преимущественно аридное пространство. Но при рассмотрении ее как единого функционального целого она выступает как аридная экосистема. Следовательно, она вместе с тем может быть воспринята и как аридная экологическая ниша. Рассуждая далее в русле одного из фундаментальных правил экологической аксиоматики — обязательности заполнения экологических ниш, можно по аналогии констатировать, что территория Казахстана как экологическая ниша на каком-то отрезке исторической времени должна была быть кем-то занята. Но поскольку речь идет именно об аридной экологической нише, то интегрироваться в нее удалось лишь скотоводческому типу хозяйственно-культурной деятельности. Причем это было не просто скотоводческое хозяйство, а пастбищно-кочевое, так как только посредством выработки совершенно особого экологически адекватного номадного (кочевого) способа производства хозяйствующим субъектам удавалось утилизировать обширные степные ландшафты, т.е. социально адаптировать (освоить) территорию.

Итак, в силу объективной заданности экосистемных пределов и объективно же сложившегося уровня развития производительных сил жители степей и полупустынь Казахстана ничем другим, кроме как пастбищным скотоводством, заниматься попросту не могли. Лишь только посредством данной системы хозяйства удавалось интегрироваться в аридную экосистему и тем самым обеспечивать более или менее приемлемое функционирование «экономики выживания». И именно в преломлении к действовавшим экологическим предписаниям (и на фоне существовавших доиндустриальных производительных сил) скотоводческий комплекс продолжал оставаться достаточно рациональным и оказывался еще способным демонстрировать высокий и конкурентоспособный (по отношению к возможным тогда альтернативным хозяйственным системам) потенциал.

Однако, как известно, экологическая рациональность очень часто входит в противоречие с экономической целесообразностью, а потому жертвуется в угоду последней. В пределах фактора аридности такая развязка имела слабые перспективы, так как способность влиться в экосистему в этом случае одновременно означала и возможность ее экономически эффективного освоения. И, наоборот, отторжение природной средой неадекватных хозяйственных инвазий (вторжений) неминуемо вызывало если не полное блокирование, то, во всяком случае, сильную нейтрализацию желаемых экономических целей (неважно, происходило это сразу или по прошествии определенного времени). Такова была логика естественно-исторических процессов, и вторгаться в нее можно было лишь при наличии твердой опоры на весьма развитые производительные силы, но отнюдь не на абстрагированную от объективных реалий голую веру во всемогущество революционно-преобразующего начала.

Земледельческий труд, предполагавшийся в качестве основной альтернативы пастбищно-кочевому скотоводству, воспринимался тогда как

экономически более рациональная и эффективная система материального производства. И для этого были основания, поскольку данное порождение цивилизации всегда привлекало именно тем, что отличалось относительно высокой продуктивностью. Тем не менее, справедливость такой посылки, будучи абсолютной для обобщенных представлений, становилась не такой уж аксиоматичной по мере понимания, что и здесь возможны исключения из правил. Именно такой прецедент и создавал, в частности, фактор аридности, который, препятствуя земледельческой культуре как неадекватной при том уровне развития производительных сил хозяйственной системы, в значительной степени снимал ее возможные преимущества. Территория Казахстана в этом плане служила достаточно убедительной иллюстрацией.

В столь экстремальных природных условиях и при сохраняющемся тогда фактически доиндустриальном уровне развития производительных сил было бы противоестественным ожидать эффективной реализации потенциала земледельческого хозяйства. И в самом деле, он оказывался весьма суженным и не мог выйти на такие параметры, которые бы однозначно свидетельствовали об экономических преимуществах аридного земледелия перед традиционным, веками складывавшимся пастбищным скотоводством.

О низкой (даже на фоне тех скромных достижений агрокультуры) продуктивности земледелия в аридных условиях Казахстана ярче всего свидетельствовала многолетняя динамика урожайности зерновых. Так, за 38 лет, отслеженных дореволюционной статистикой края (1880–1917 гг.), средняя урожайность в Северном Казахстане составляла лишь 5,3 ц/га.⁸⁹ В советское время средняя урожайность зерновых оставалась примерно на том же уровне: 1922 г. – 5,2 ц/га, 1928–1932 гг. – 5,8 ц/га, 1925–1934 гг. – 6,7 ц/га (здесь ряд лет оказывался по климатическим условиям очень благополучным).⁹⁰ Даже в исключительно благоприятном 1934 г., когда в республике был выращен один из самых высоких (за то время, что велась статистика) урожаев, средний показатель так и не смог достигнуть десятицентнеровой отметки.⁹¹

Следует иметь в виду, что фиксировавшиеся тогда статистикой урожайности многолетние средние значения в своей большей части формировались за счет показателей, полученных по относительно давним, т.е. более или менее сложившимся, земледельческим районам. А это, как правило, были еще до революции отведенные под переселение участки из колонизационного фонда. Данные массивы (в основном Семиречье и маргинальные лесостепные ландшафты) представляли собой самые лучшие, т.е. наиболее пахотно-пригодные земли, в свое время тщательно отбонитированные квалифицированными специалистами из колониального Переселенческого управления.

На этих землях частые неурожаи были обычным явлением. Бороться с ними удавалось лишь посредством экстенсификации хозяйства: сняв один-два урожая, землепашцы переходили на другой участок.⁹² Ясно, что экологическая цена такой «экономической рациональности» оказывалась более чем высокой. Хищническая эксплуатация земельного фонда рано или поздно (но неизбежно) должна была привести к регио-

нальному (на первых порах) нарушению природно-ресурсного потенциала, а в этом случае любые экономические цели стали бы попросту иррациональными.

Приведенная выше аргументация будет не совсем корректной, если мы проигнорируем то обстоятельство, что социалистическую реконструкцию сельского хозяйства предполагалось осуществлять на базе качественно более совершенного технологического обеспечения. В борьбу со стихийными силами природы вступал уже не какой-то мелкий, энергетически ничтожно вооруженный «индивидуальщик», а «крупное механизированное социалистическое хозяйство». Во многом осознание именно этой перспективы порождало веру в возможность фронтального проникновения в аридное пространство и повышения продуктивности разворачиваемого в его пределах земледелия.

Безусловно, импульсы научно-технического прогресса были способны оказать самое радикальное влияние на потенции земледельческой отрасли в аридной зоне. Но реально это могло состояться только при условии комплексного включения этого фактора, т.е. по мере внедрения научных систем земледелия, создания высокоурожайных и засухоустойчивых сортов зерновых культур, химизации и т.д. Между тем в силу все той же неразвитости производительных сил удалось задействовать лишь тот фрагмент научно-технического процесса, который проецировался на отдельные процессы механизации земледельческого труда. Другими словами, весь прогресс сводился к наращиванию вложений в земледелие энергии, достигавшемуся посредством расширения материально-технической базы сельского хозяйства, а если конкретнее, то через «тракторизацию» (она, кстати, имела весьма ограниченные масштабы: в 1930 г. МТС смогли охватить своим обслуживанием лишь 1 процент созданных колхозов, а в 1935 г. — около их половины, из-за чего в этом же году только чуть более половины земель были засеяны в оптимальные сроки).

Такая вынужденно односторонняя и суженная интенсификация, деформировавшаяся к тому же поправлением экологической аксиоматики, оборачивалась противоположной тенденцией — экстенсификацией. И это понятно: если раньше хищнические широкомасштабные распахивания хоть как-то ограничивались лимитом технических возможностей, то теперь это уже не могло являться препятствием, поскольку механизация позволяла начать более мощную атаку на так называемые целинные земли.

Земледелие же, базирующееся на примитивном наращивании посевных площадей, не может быть признано безусловно продуктивным и целесообразным и в принципе отождествляет собой типично экстенсивную доиндустриальную модель. А в ее рамках закон убывающего (естественного) плодородия почв всегда играл роль чрезвычайно жесткой реальности. В условиях аридной зоны она сказывалась еще сильнее, очень быстро блокируя благоприятные тенденции во времени и пространстве (скоро продвигаться стало бы просто некуда, а старые площади со временем в силу своего истощения резко снизили бы свою продуктивность).

Таким образом, ограниченность развития производительных сил, а отсюда и слабое использование достижений научно-технического прогресса сдерживали трансформацию экстенсивного земледелия в интенсивное. Вследствие этого удавалось не столько эффективно интегрироваться в аридную экологическую нишу, сколько насильно «втискиваться» в нее на условиях конфликта, цена которому в плане ближайших и особенно долгосрочных перспектив оказывалась, мягко говоря, весьма сомнительной.

В рассматриваемые годы существовали определенные общественные силы, представителей которых отличало альтернативное понимание проблемы оседания кочевых и полукочевых хозяйств в аридной зоне земледелия.

Наиболее полно их воззрения нашли отражение в ходе дискуссии по поводу судеб казахского кочевого хозяйства и перспектив зернового производства в засушливых регионах республики, развернувшейся в самый канун коллективизации. К числу публикаций, связанных с данным вопросом, следует отнести прежде всего статьи А.Н. Челинцева, А.А. Рыбникова, М.Г. Сириуса, О.П. Швецова, К.А. Чувелева, И.В. Ларина, А.Н. Донича и др.

Как сторонники взвешенных подходов, они выдвигали достаточно серьезные доводы, чтобы быть услышанными инициаторами радикальных перемен. Однако их мнение было проигнорировано, а затем квалифицировано как «яркое свидетельство буржуазного непонимания огромного потенциала революционного творчества масс». Думается, что если бы аргументы оппонентов были еще более доказательными, то и в этом случае они вряд ли оказались бы понятыми, ибо логика их мыслей не совпадала в данном вопросе с интересами Системы.

Итак, что же побудило сталинское руководство и его креатуру в Казахстане решиться на проведение беспрецедентного социального эксперимента — массового оседания кочевых и полукочевых хозяйств? В советской историографии сложилось мнение, что эта акция была движима исключительно задачей как можно более быстрого выведения степных кочевых хозяйств на дорогу социального прогресса.

Приверженность такой категоричной трактовке, в общем-то объяснима, ибо официальные документы тех лет прикрыты столь плотной завесой идеологической казуистики, что в комплексе дают картину, будто именно идея благосостояния и прогресса предопределила курс на массовое оседание кочевых и полукочевых хозяйств. Но так ли это на самом деле? А если нет, то что же тогда послужило начальным импульсом для развертывания кампании именно на рубеже 1920—1930-х годов, и почему она не началась раньше или позднее?

Известно, что планы гипердинамичного индустриального развития резко актуализировали так называемую зерновую проблему. Во весь рост вставала задача обеспечения минимума продовольствия для миллионов рабочих и служащих, занятых в промышленности. Без крупного увеличения производства зерна становилась проблематичной также закупка технического оборудования (а индустриализация с самого начала строилась на импортзамещающей основе), ибо для этого требовалась валюта, а ее в

условиях суженной экспортной структуры можно было получить главным образом в обмен на хлеб. Между тем мировая экономика вступала в кризисный цикл, что сказалось на резком падении цен на зерно.⁹³ Поэтому необходимый для обеспечения индустриализации объем валютных средств достигался путем наращивания продажи зерна за кордон (если в 1926 г. вывоз зерна из СССР составил 0,1 млн т, то в 1929 г. — 1,3, в 1930 г. — 4,8, в 1931 г. — 5,2 млн т).⁹⁴

Таким образом, зерна требовалось все больше и больше. В этой связи возникал не только вопрос, как его по возможности бесконфликтно изъять из аграрного сектора, но и просто как произвести требуемые объемы. Что касается первого, то это становилось возможным по мере уничтожения частной собственности, полного огосударствления средств производства, массового объединения крестьянских хозяйств в квазикооперативы, т.е. посредством коллективизации. После этого уже ничто не могло помешать безвозмездной перекачке крестьянского продукта из сельского хозяйства.

По поводу второй задачи в условиях недостаточного развития производительных сил и факторов научно-технического прогресса, деформации мотивационного механизма (устранения частного интереса) виделся только один вариант решения: экстенсивный путь максимального расширения посевных площадей. Поэтому зерновая ориентация приветствовалась даже в тех регионах, где комплекс возможных разнохарактерных издержек (экономических, социальных, экологических и т.д.) абсолютно не оправдывал ее. Главным был вал. И получить его нужно было любой ценой. Если не за счет повышения урожайности и интенсификации (последняя могла быть достигнута даже без включения факторов НТО, только благодаря рационализации системы экономического стимулирования, всеобщего поощрения интересов производителя), то хотя бы через увеличение посевных площадей.

В этой связи у сталинского руководства резко возрастает интерес к необъятным земельным просторам востока страны. Тем более, что картины здесь рисовались заманчивые. Так, союзный нарком земледелия Я.А. Яковлев рапортовал с трибуны XVI съезда ВКП(б): «По расчетам... в Казахстане от 50 до 55 млн. га можно считать годными для посева, из которых около 36 млн га расположены в северных округах... Здесь посевы пшеницы занимают только 5 процентов всей пахотнособной площади. Если из этих 36 млн га, годных для посева, до 30 процентов занять под пшеницу, то мы к концу пятилетки в одном только Казахстане получим дополнительно 8–10 млн. га под пшеницей при среднем урожае 6–7 ц/га».⁹⁵

Столь радужные перспективы, однако, омрачались тем обстоятельством, что «годные для посева» земли служили объектом хозяйственной утилизации кочевых и полукочевых скотоводов, ибо испокон веков использовались ими под пастбища. Иными словами, случилось так, что планы Системы натолкнулись на некое препятствие в виде традиционного скотоводческого комплекса. В призме данной констатации проблема оседания начинает обретать уже иные светотени. В частности, появляется основание предположить, что на тот момент (рубеж 1920–

1930-х гг.) степные номады с их специфическим способом производства вошли в противоречие не столько с логикой развития производительных сил или какими-то другими объективными предпосылками, сколько с государственным курсом на всемерное расширение зернового производства во имя сверхбыстрых темпов индустриализации. Развязка конфликта виделась в форсированном и массовом переводе кочевников и полукочевников всего радиуса «пахотноспособной площади» на оседлые формы хозяйства и быта, т.е. превращении скотоводов в земледельцев или «культурных животноводов». Посредством этого предполагалось, во-первых, высвободить новые земельные площади (т.е. пастбища) под зерновые посевы, а во-вторых, обеспечить их субъектами хозяйствования в лице вчерашних скотоводов⁹⁶ (там, где трудовых ресурсов не хватало, земли должны были осваиваться за счет переселенцев).⁹⁷

О том, что решение проблемы мыслилось именно в такой заданности, говорят официальные источники того периода. Так, председатель Совнаркома КАССР в своем докладе о пятилетнем плане развития народного хозяйства республики прямо дал понять, что «один из моментов, обуславливающих большой рост посевных площадей и продукции растениеводства республики, — это оседание казахского населения».⁹⁸ Еще более недвусмысленные акценты были расставлены на этот счет в докладе наркома земледелия республики на VII съезде Советов Казахстана (апрель 1929 г.): «Казахстан по своим естественно-историческим условиям имеет громаднейшие возможности для развития зернового хозяйства. Каким конкретно путем мы можем достигнуть расширения посевной площади? Конкретно мы сейчас ставим такие задачи. Первая задача по расширению посевной площади, на которую мы сейчас должны обратить самое центральное наше внимание, — это вопрос об оседании казахского населения. Сейчас, мы переходим к землеустройству большого масштаба, поэтому берем такую установку, что раз земля годна для земледелия, то на всей территории каждое хозяйство должно быть земледельческим, казахские хозяйства также должны заниматься земледелием».⁹⁹

Достаточно показательна в этом отношении и резолюция, принятая VII съездом Советов КАССР по докладу Наркомзема. В ней постановлялось: «1. ...Съезд Советов считает, что наличие колоссального количества пахотноспособных земель, не используемых сейчас вовсе или используемых под выгон в экстенсивном пастбищно-скотоводческом хозяйстве, обуславливает возможность превращения Казахстана в один из важнейших зерновых районов Союза.

2. Развитие зернового хозяйства в крае упирается прежде всего в проблему оседания полукочевого и кочевого населения Северного Казахстана и ряда районов Южного.

Расширение посевных площадей должно быть достигнуто за счет оседания казахского населения во всех частях республики, пригодных для развития зернового хозяйства».¹⁰⁰

О том, что проблема номадизма рассматривалась в этот момент не как самодовлеющая (т.е. актуальная сама по себе) задача, а преимуще-

ственно как досадный фактор, препятствующий включению обширных земельных пространств Казахстана в экстенсивное зерновое производство, говорит и то, что о ней вспоминали лишь там, где, по мнению администрации, имелись перспективы приращения зернового клина или культивирования хлопчатника. (В отчете Наркомзема КАССР за 1932 г. отмечалось, что «оседание увеличило площадь под хлопком в старых хлопковых районах, дало возможность заложить новые хлопковые участки в новых, ранее неосвоенных районах — Туркестанском, Таласском и Аулие-Атинском, что вдребезги разбило пресловутую теорию националистов и правых оппортунистов о приспособленности казахов только к кочевой жизни. Посевная текущего года доказала, что кочевники, даже в районах чисто кочевых, могут возделывать культуры, ранее совершенно им неизвестные (хлопок, корнеплоды, огороды, кукуруза, масличные культуры и т.д.)». ¹⁰¹

Что касается регионов, считавшихся для этих целей явно непригодными, то здесь интерес к судьбам номадов заметно ослабевал. Более того, если в «районах возможного товарного земледелия» пастбищное скотоводство категорично и однозначно признавалось «вредным пережитком», то во втором случае (т.е. в «непригодных» районах) оно, вопреки декларируемым приоритетам, квалифицировалось как «пока единственно возможная форма хозяйственного использования территории». Иными словами, несмотря на то, что в обоих вариантах речь шла об скотоводческих районах, имела место явная избирательность в подходах, что лишний раз свидетельствует об их подчиненности зерновой проблеме и достижению «хлопковой независимости СССР».

В свете вышесказанного правомерно утверждать, что в рассматриваемый период идея форсированного развертывания кампании по массовому оседанию кочевников и полукочевников была движима больше утилитарными интересами административно-командной системы, нежели ее стремлением в одночасье приобщить жителей степи к достижениям цивилизации. Хотя, безусловно, преследовался и последний момент, но он, повторяем, не являлся для системы приоритетным и, по крайней мере на начальном этапе, рассматривался скорее как вторичный, т.е. лишь как сопутствующий элемент.

Говоря о зерновой проблеме как факторе, в то время более всего стимулировавшем политику оседания кочевников и полукочевников и резко усилившем интерес к ней со стороны государства, необходимо все же подчеркнуть, что она имела характер казуса тактического плана. Между тем у Системы были в этом отношении и стратегические цели, которые рано или поздно привели бы к ликвидации номадного комплекса. Но и среди них было бы, по-видимому, наивным искать мотивы повышения благосостояния и культурного уровня, ибо, повторяем, эти категории вообще выносились за скобки сталинской концепции построения социализма, где приоритет человека воспринимался сугубо абстрактно.

Все здесь было движимо также куда как более прозаичными интересами. Во-первых, проводя оседание кочевников и их коллективизацию, Система добивалась реализации центрального критерия социа-

листичности — тотального обобществления средств производства (точнее, государственной узурпации собственности на них) и ликвидации частной собственности.

Во-вторых, будучи непримиримым антагонистом гражданского общества Система стремилась во что бы то ни стало разрушить любые естественно возникшие в его недрах горизонтальные социальные связи, какой бы характер они ни носили и какими бы предпосылками ни объективировались¹⁰². В казахском ауле доминировавшим типом таких социальных связей выступали общинные отношения, интегрировавшие значительную часть населения и отождествлявшие собой функцию совершенно самоуправляемых образований. Включенные в их данность индивиды во всех сферах своей жизнедеятельности исходили из примата действовавшего здесь мотивационного механизма и сложившейся структуры интересов, а потому оставались как бы вне авторитарно-элитарных притязаний режима. Понятно, что уже в силу только этого обстоятельства связи такого типа не вписывались в интенсивно формировавшуюся административную Систему, а потому были обречены на полное блокирование через ликвидацию источника их воспроизводства — традиционных структур.

Поэтому, с точки зрения власти, венцом преобразований в ауле должна была стать не просто ликвидация, а замена традиционных структур с их горизонтальными связями, централизованной Системой, конструированной уже в вертикальных связях, всепроникающего государственного контроля, при котором «сверху донизу все рабы», все несвободные, несuverенные статисты, «человеки-винтики». Решению этой задачи как нельзя лучше и отвечала политика оседания и коллективизации. С ее осуществлением жесткая зависимость личности от корпоративно-общинных интересов заменялась гораздо более страшной зависимостью от притязаний тоталитарно-корпоративной государственной власти.

Надо сказать, что так называемое «социалистическое отгонно-пастбищное животноводство», сыгравшее роль альтернативы кочевому хозяйству, отнюдь не являлось антиподом последнего, а выступало, скорее, как его достаточно близкий аналог, хотя и более модернизированный за счет подключения некоторых достижений научно-технического прогресса (механизации труда на отдельных стадиях технологического процесса, селекционных мероприятий, зоотехнического обслуживания, ветеринарного наблюдения и т.д.). По своим основным организационным принципам отгонно-пастбищное животноводство во многом совпадало с пастбищно-кочевой и полукочевой системой. Не случайно в этнографической литературе отгонно-пастбищное животноводство, обозначающееся понятием «трансгуманс», квалифицируется как полуномадный, т.е. полукочевой, хозяйственно-культурный тип.¹⁰³ Таким оно продолжает оставаться даже в наши дни,¹⁰⁴ а про 1930-е гг. и говорить не приходится.

Из сказанного можно заключить, что в процессе форсированного и массового оседания кардинальной трансформации принципов организации производства не произошло (за исключением, конечно, тех случаев,

когда скотоводы становились земледельцами). А раз так, то правомерно ли отождествлять политику силовой седентаризации с неким действительно великим переломом? Думается, что речь здесь следует вести скорее о разломе огромного множества человеческих судеб, впавших волей властей в полосу длительной и стабильно воспроизводящейся маргинализации: как будто уже и не кочевники, но и не работники принципиально нового типа организации животноводческого хозяйства; старые социальные связи деформированы или утрачены, но качественно иные так и не обреты. Если же к этому добавить, что, будучи вырванным из старых традиционных личностных связей, индивид вовсе не включался в другую субстанцию, а становился субъектом столь же корпоративных и в такой же мере личностных отношений, что, утратив признаки одной социальной группы, он так и не стал являть собой представителя нового класса крестьянства, то можно с полным основанием говорить о множественной маргинализации. Последняя проецировалась во все сферы бытия и сознания.

Очерчивая комплекс негативных последствий силовой альтернативы, следует иметь в виду и то, что она в значительной степени повинна в возникновении проблемы экологической напряженности. Выше уже отмечалось, что скотоводческое хозяйство являлось достаточно активным элементом аридной экосистемы и выполняло в ее пределах строго определенную экологическую функцию. С его устранением экосистема лишалась функционально значительного компонента, что, естественно, не могло не сказаться отрицательно на ее общем состоянии, ибо, согласно экологической аксиоматике, разрушение любого из звеньев природной системы неизбежно вызывает цепную деформацию в направлении всех действующих взаимосвязей.

Оседание охватило главным образом Северо-Казахстанский регион. Между тем значительная часть его территории традиционно использовалась в качестве сезонных пастбищ кочевниками и полукочевниками Западного, Центрального и Южного Казахстана. По мере исключения больших земельных площадей севера республики из номадного хозяйственного комплекса положение с кормовыми ресурсами резко обострилось.

Нагрузка на пастбища резко возросла. Скотоводческим хозяйствам уже некуда стало кочевать, а потому они вынуждены были перебиваться со своими стадами на одних и тех же массивах во все сезоны — зимой и весной, летом и осенью. Понятно, что в условиях нарастающего давления на пастбища они попросту не успевали восстанавливаться, а потому очень скоро началась пасторальная деградация с динамично развивающимся опустыниванием.

Однако и на этом цепь экологических последствий не прерывалась. В те годы в Казахстане стали складываться предпосылки для нарастающего развития еще одного весьма нежелательного фактора, проявлявшегося в широкоареальном разрушении растительного покрова земли. В одних случаях это происходило из-за перевыпаса или недовыпаса, в других — распашки степи. Вплоть до самого последнего времени этому фактору не придавалось серьезного внимания. Между тем, как выяс-

няется, он способен вызвать крайне отрицательные климатические изменения. Ученые считают, что по сравнению с почвой, лишенной постоянной органической защиты, почва, имеющая таковую, поглощает солнечную энергию в 7–17 раз меньше, нагревается лишь до 18–23°, или в 3–4 раза слабее. А как известно, лучистая энергия солнца, дополнительно поглощенная открытой поверхностью почвы, переходит в тепловую, является излишней и способствует исключительно засухе.¹⁰⁵ Отсюда ясно, что почвы с обнаженной поверхностью служат источником усиления засух, причем на огромных расстояниях.

Теоретико-методологические конструкции и версии, десятилетиями насаждавшиеся в историографии, проецировали на феномен кочевничества исключительно негативные ассоциации. Сегодня привычные схемы претерпевают кардинальное переосмысление. Безусловно, процессы эти должны только приветствоваться. Однако, к сожалению, и здесь не обходится без издержек. Как показывает историографический опыт, подобные прецеденты нередко оборачиваются другой крайностью, когда исследователь, увлекшись реабилитацией некогда «поруганного» явления, перестает замечать даже его явно отрицательные стороны.

Меньше всего хотелось бы, чтобы изложенные выше суждения были восприняты как аналог именно такой ситуации, т.е. в данном случае как стремление к идеализации номадизма. Нам представлялось важным лишь подчеркнуть, что ветвь эта — часть древа мировой цивилизации, призванная до определенной поры выполнять отведенную ей функцию, преждевременное «обрезание» которой может вызвать медленное усыхание всего исполина.

В рассматриваемый период пастбищное скотоводство оказывалось еще способным демонстрировать приемлемые потенции в плане экономической целесообразности. Обратная констатация требует доказательства того, что в реалиях имело место функционирование в тех же аридных условиях альтернативных систем с качественно иными принципами организации животноводческого хозяйства и, что самое главное, с более высокой степенью рентабельности и эффективности производства. Только в этом случае будет справедливым говорить об утрате на тот момент пастбищно-кочевым скотоводством экономической рациональности. Но при такой коллизии номадный комплекс просто не выдержал бы экономической конкуренции и сошел на нет естественным путем. Однако в этом направлении не фиксировалось сколько-нибудь заметных тенденций. И не только потому, что ни о какой конкуренции в рамках вне рыночной ориентации государства не могло быть и речи, но и в силу того, что Система, опираясь в своих вторжениях в общественную и естественно-историческую эволюцию на неадекватный (доиндустриальный) задуманным проектам уровень развития производительных сил, попросту не могла создать такие конкурентоспособные структуры.

Поэтому государство в своих попытках радикального преобразования номадной организации производства вынуждено было (вопреки декларациям) ограничиться лишь ее некоторой модернизацией (если,

конечно, иметь в виду не аспект социальной организации — здесь отмечалась полная смена формы и содержания (колхозы), — а сугубо производственно-технологическую сторону). Вследствие такой трансформации были созданы предпосылки для воспроизводства процессов множественной маргинализации. И это обстоятельство во многом предопределяло социальный негатив явления.

Еще один важный аспект экологической рациональности, то здесь тоже следуют совершенно однозначные выводы. Пастбищное скотоводство органично вписывалось в ту экологическую нишу, которую другим системам хозяйства занять не удавалось, а потому можно утверждать, что кочевническая структура хозяйствования как стратегия достаточно эффективного природопользования в аридных районах, не имела тогда сколько-нибудь равной альтернативы.

Таким образом, политика оседания, осуществлявшаяся в русле коллективизации сельского хозяйства, была лишена объективно обуславливающих предпосылок: естественно-природных и материально-технологических. Тем не менее было бы неверным отрицать какие бы то ни было возможности седентаризации. Возможности таких перспектив существовали. Рано или поздно противоречия, заложенные в недрах кочевническо-скотоводческой структуры, должны были обнаружить тенденции к своему нарастанию. Но случиться это могло лишь по мере накопления достаточных факторов для образования критической массы условий, что, в свою очередь, было достижимо только на определенном уровне развития производительных сил, однако не на той доиндустриальной их стадии, которая отличала общество в рассматриваемый период.

В своем историческом развитии кочевничество постепенно исчерпывает свой экологический и технологический потенциал и просто отмирает, ибо данная форма ведения хозяйства имманентно неспособна адаптироваться к условиям индустриального и урбанизированного общества, требованиям рыночной экономики и ценностям высокоразвитой системы потребления.¹⁰⁶ Следовательно, силовые методы перевода на оседлость отнюдь не являли собой единственно разумную альтернативу номадизма, поскольку его трансформация могла произойти естественным путем без многочисленных жертв и последующих негативных последствий, многие из которых проецируются на нашу современность.

4. АНТИКРЕСТЬЯНСКИЕ РЕПРЕССИИ СТАЛИНСКОГО РЕЖИМА: ПОЛИТИКА «РАСКУЛАЧИВАНИЯ»

Административно-насильственный характер коллективизации с особой силой проявился в тех репрессивных мерах, которые разворачивались в рамках курса на ликвидацию кулачества и байства как класса.

Следует подчеркнуть, что государство широко инициировало раскулачивание еще до печально известного постановления ЦК ВКП(б) от 5 января 1930 г., санкционировавшего форсированные темпы коллек-

тивизации. Выше уже писалось о кампании по конфискации хозяйств крупных баев, отождествлявшей собой по сути прямую экспроприацию. Самоликвидация (по терминологии партийных документов — «самораскулачивание») крестьянских хозяйств в массовых масштабах имела место и в ходе сильнейшего закручивания налогового пресса (сельхозналог, индивидуальное налогообложение и т.п.).

28 июня 1929 г. ВЦИК и СНК приняли постановление «О расширении прав местных Советов в отношении содействия выполнению общегосударственных заданий и планов».¹⁰⁷ В соответствии с ним сельским сходам разрешалось в порядке самообязательства по хлебозаготовительному плану производить раскладку задания между отдельными хозяйствами. При этом на отдельных хозяев, так называемых «твердозаданцев», не подчинявшихся решениям схода и уклонявшихся от сдачи хлеба, в административном порядке налагались штрафы в пределах пятикратного размера стоимости несданного хлеба, а имущество их могло подлежать продаже с торгов. Постановление предусматривало и уголовное преследование по ст. 61 УК РСФСР («лишение свободы на срок до двух лет с конфискацией всего или части имущества с высыланием из данной местности или без такового»). На основании постановления ЦИК и СНК СССР «О мерах борьбы с хищническим убоем скота»¹⁰⁸ в январе 1930 г. в судебное производство была принята ст. 79, направленная против лиц, обвиненных в убое скота и подстрекательстве «с целью подрыва коллективизации сельского хозяйства и воспрепятствования его подъема». Данная статья предусматривала наказание в виде «лишения свободы сроком до двух лет с высылкой из данной местности или без таковой».¹⁰⁹

Тем не менее режим, следуя заветам Ленина («Миру не бывать, кулака можно, и легко можно, помирить с помещиком, царем и попом, даже если они поссорились, но с рабочим классом — никогда»),¹¹⁰ продолжал раскручивать адскую машину антикрестьянских репрессий. Выступая в конце декабря 1929 г. на конференции аграрников-марксистов, Сталин объявил о том, что курс на ликвидацию кулачества как класса обретает статус официальной партийно-государственной политики.

11 января 1930 г. в «Правде» вышла передовая статья, в которой констатировалось: «Вопрос ликвидации кулака как класса из области теоретических постановлений перенесен теперь в плоскость практической работы партии на данном этапе».¹¹¹ 15 января решением Политбюро ЦК ВКП(б) была создана специальная комиссия из 21 человека (в нее вошел и Ф. Голощекин) во главе с В. Молотовым. Она разработала ряд конкретных мер по раскулачиванию, которые 30 января 1930 г. получили директивное оформление в виде постановления Политбюро.

Согласно этому документу в районах сплошной коллективизации прекращалось действие закона об аренде средств производства и запрещались отношения найма-сдачи рабочей силы (как помним, эти институты были легитимизированы нэпом). У кулацких хозяйств долж-

ны были конфисковываться земля, скот, хозяйственные и жилые постройки, продовольственные, фуражные и семенные запасы.

Чтобы придать задуманному социально-классовому геноциду большевистский «ordnung» и планомерность, обреченные на уничтожение жертвы делились на три категории. Отнесение к первой категории (так называемый контрреволюционный актив, организаторы восстаний и терактов) означало заключение в концлагеря или расстрел. Вторая категория (наиболее богатые кулаки) предполагала ссылку в отдаленные районы СССР. И, наконец, третья категория (остальная часть кулацких хозяйств) предусматривала расселение в границах района проживания, но за пределами колхозных массивов (поскольку колхозное «море разливанное» по мере форсирования коллективизации затапливало все большие территории, то «запредельное по отношению к колхозным массивам» пространство вскоре стало локализоваться в необжитых регионах страны, а потому третья категория практически слилась со второй).¹¹²

Количество подлежащих раскулачиванию крестьянских хозяйств определялось в пределах 3–5 процентов от их общего числа. Между тем по данным ЦСУ СССР на 1929 г., доля кулацких дворов была чуть больше двух процентов.¹¹³ Следовательно, предусматривался люфт в 3 процента, который должны были заполнить 600–700 тыс. трудовых семейных хозяйств (т.е. примерно 3,5–5 млн человек).

Ликвидаторские акции планировались настолько изощренно, что уже заранее устанавливались даже конкретные цифры крестьянских семей, должных попасть в ту или иную категорию. В терминах высшей партийной директивы это называлось разбивкой на «ограничительные контингенты», хотя в гораздо большей степени последним подходило определение «расширительные», ибо их санкционированная численность открывала простор для развертывания беспрецедентных до того репрессий.

В первую категорию предписывалось включить 60 тыс. семей, во вторую — 150 тыс.¹¹⁴ Согласно логике документа выходило, что «мозг партии» силою неведомого немарксистам ясновидящего транса уже знал, что в предстоящие отчетные годы в СССР окажется именно столько крестьянских антигероев контрреволюции, терактов и колхозного саботажа, а следовательно, столько же кандидатов на расстрельные стенки, концлагеря и суровые таежно-степные «terra incognita». Однако это было далеко не абсурдом или плодом воспаленного воображения. Здесь присутствовала продуманная в деталях установка на искоренение массовой крестьянской оппозиции, которая оказалась между молотом и наковальней: коллективизацией и раскулачиванием.

Названным постановлением устанавливались директивные задания и для Казахстана. Для первой категории давалась разнарядка: 5–6 тыс. семей, для второй — 10–15 тыс.¹¹⁵ Приговоры по делам лиц первой категории выносились списочным порядком на внесудебных заседаниях так называемых «троек», в состав которых входили первые руководители партийных органов, ОГПУ и прокуратуры. Вторая группа отдавалась на откуп общим колхозным собраниям с участием бедняков и батра-

ков, но все списки утверждались местными органами. Акцию планировалось провести в течение февраля-мая 1930 г. Оперативное обеспечение «кампании» осуществляло ОГПУ.

В этой связи в самом начале февраля ОГПУ разослало своим структурам директиву с требованием начать немедленные операции по изъятию и ликвидации «контрреволюционной агентуры», «активно-действующих кулацких элементов первой категории». Почти тут же в Казахстане было арестовано 3113 человек.¹¹⁶ Вслед за этим начались массовые выселения. Уже к началу мая 1930 г. на внутрикраевое расселение была выслана 1341 семья, или 7535 человек.¹¹⁷

Во второй половине марта 1931 г. Голощекин посылает телеграмму в Центр с просьбой разрешить выселить за пределы Казахстана 1500 семейств из пограничных и хлопковых районов. Но поскольку территория республики сама выступала местом «кулацкой ссылки», Крайкому и полномочному представительству ОГПУ было рекомендовано найти «возможности переселения внутри края».¹¹⁸

20 июля 1931 г. Политбюро ЦК ВКП(б) констатировало на своем заседании, что массовая депортация кулацких хозяйств в основном закончена, и дальнейшее выселение рекомендовалось проводить в индивидуальном порядке. В действительности «порядок» этот измерялся десятками тысяч новых жертв.

Так, на этом же заседании Казахстану дали добро на выселение кулаков и баев. Республиканскому ОГПУ вменялось установить количество, сроки и места высылки. Такая работа вскоре была проведена, и 30 августа Политбюро санкционирует внутрикраевые выселения 5000 семейств.¹¹⁹

Таким образом, массовые аресты, заключения в концлагеря и выселения продолжались в 1930 и 1931 годах. По данным Отдела по спецпереселенцам ГУЛАГа ОГПУ, за этот период депортациям только в пределах Казахстана были подвергнуты 6765 семейств.¹²⁰ В сводку вошли семейства лишь первой и второй категорий, т.е. высылаемые на спецпоселения. Что касается семейств третьей группы, изгоняемых за границы «колхозных массивов», то их статистику органы ОГПУ, по-видимому, особо даже и не отслеживали (они путались и с первыми двумя категориями, давая очень противоречивые данные). Но нетрудно представить, что их численность была огромна.

Осуществлялось выселение и за пределы республики. По имеющимся данным (требующим еще уточнения), в 1931 г. из Казахстана было вывезено 5500 семей.¹²¹ Из этого можно предположить, что в 1930 и 1931 гг. в Казахстане было раскулачено 12 265 хозяйств, т.е. на муки изгнания были обречены не менее 60–70 тыс. человек, в том числе старики, дети и женщины. Для многих из них ссылка обернулась смертью.

К сожалению, в силу известной закрытости бывших центральных, да и местных, ведомственных архивов (прежде всего партийных и чекистских) приведенная выше статистика не может восприниматься как всеобъемлюще адекватная. Так, скажем, из совокупности раскулаченных хозяйств мы не имеем пока возможности вычленить семьи, члены которых

были расстреляны или заключены в концлагеря. Тем не менее тайное становится явным, и рано или поздно количество жертв, вернее, их максимум, будет установлен.

Что касается минимума, то он выявлен уже самим постановлением ЦК ВКП(б) от 30 января 1930 г. (разбивки на категории и их директивная количественная разрядка). Немыслимо даже сомневаться, что спущенные сверху «контрольные цифры» не были тут же выполнены. Вспомним еще раз сталинское «наши планы есть не планы-прогнозы, не планы-догадки, а планы-директивы». ¹²² Тем более, что реализатором этих планов выступал Голощекин, отнюдь не случайно введенный в состав комиссий Политбюро ЦК ВКП(б) и по коллективизации, и по раскулачиванию. Из этого следует, что никак не менее 6 тыс. семейств Казахстана было репрессировано по первой категории и 15 тыс. — по второй.

Ныне известно, что «ограничительные контингенты» многократно перекрывались. Это признавало само руководство. В постановлении ЦК ВКП(б) от 14 марта 1930 г. «О борьбе с искривлениями партлинии в колхозном движении» констатировалось, что «в некоторых районах процент «раскулаченных» доходит до 15, а процент лишенных избирательных прав — до 15–20» ¹²³ (напомним, что согласно директиве ЦК ВКП(б) от 30 января 1930 г. раскулачиванию подлежало 3–5 процентов всех хозяйств). Например, в Красноармейском районе Петропавловского округа было раскулачено 7 процентов хозяйств (496 дворов) — втрое больше, чем было выявлено данными индивидуального налогообложения (в 1929 г. под него попадали зажиточные нетрудовые хозяйства), а в одном из сел Боровского района Кустанайского округа определялись к выселению сразу 37 хозяйств, хотя поверить, что в этой деревне имелось около четырех десятков частных предпринимателей кулацкого типа, более чем абсурдно. Известно и то, что раскулачивание продолжалось в 1932 г. и далее — вплоть до «победы колхозного строя», так как оно рассматривалось в качестве органической части коллективизации, стимула ее поступательного развития, как «жупел страха и предостережения».

Подконвойные эшелоны, до отказа набитые несчастными жертвами классовой борьбы, нескончаемо двигались навстречу друг другу. Одни увозили из Казахстана крестьян, обреченных каторжно надирать в горных штольнях Кольского полуострова, на приисках Колымы и лесоповалах Сибири, другие разгружались среди голых казахских степей.

Наряду с районами Севера, Урала и Сибири территория Казахстана была определена местом кулацкой ссылки для многих десятков тысяч крестьян из других районов страны. Согласно приказу ОГПУ (2 февраля 1930 г.) первоначально в необжитые районы республики предполагалось выслать 5 тыс. семейств. Но вскоре выяснилось, что краевые органы не готовы расселить такое количество. ОГПУ разработало план по выселению более 50 тыс. семей в Северный край и на Урал. Ознакомившись с ним, Сталин наложил резолюцию: «Казахстан и Сибирь как районы выселения отсутствуют. Надо их включить». ¹²⁴

20 февраля 1931 г. Политбюро ЦК ВКП(б) специально рассматривало вопрос о выселении раскулаченных. В этой связи ОГПУ была дана директива провести в течение полугода операции по подготовке районов «для устройства кулацких поселков тысяч на 200—300 семейств под управлением специально назначенных комендантов, имея в виду прежде всего районы Казахстана — южнее Караганды». ¹²⁵ Цель понятна — обеспечение дешевой рабочей силой Карагандинского угольного бассейна.

11 марта 1931 г. на заседании комиссии А. Андреева (специальный рабочий орган Политбюро по проведению кампании выселения и расселения) на повестку дня был поставлен вопрос о высылке в бывшие Акмолинский и Каркаралинский округа 150 тыс. хозяйств. Но в силу «технической невозможности» проведения столь широкомасштабной акции было решено выселить в край 56 тыс. семей. ¹²⁶

Если на 6 июля 1931 г. в Казахстан было выслано 80 семей (281 человек) из Средней Азии, то уже на 1 сентября 1932 г. на учете комендатур здесь состояла 46 091 семья, или 180 015 спецпоселенцев. ¹²⁷ Это были крестьяне с Нижней и Средней Волги, из Центрально-Черноземной и Московской областей, Закавказья и Средней Азии.

Огромными массами прибывали в край раскулаченные и в 1932 г. После карательной командировки Л. Кагановича на Северный Кавказ в ходе хлебозаготовок 1932—1933 гг. из районов Северного Кавказа в Казахстан было выслано 1992 хозяйства (9442 человека). ¹²⁸ При этом выселялись целые станицы, занесенные на «черную доску» саботажников хлебозаготовок.

В начале 1933 г. ОГПУ вошло с ходатайством в Политбюро с предложением расселить в Казахстане 1 млн человек, в их число предполагалось включить не только раскулаченных но и горожан, нарушивших паспортный режим, крестьян, бежавших в города, и т.д. На этой записке Сталин написал: «Кроме всего прочего, надо связать это дело с разгрузкой тюрем». ¹²⁹ К счастью, в силу финансовых и технических трудностей этот проект не удалось осуществить. В 1933 г. в республику было выслано более 55 тыс. человек. Мало кому ведомый до того Казахстан обретал синоним слова «Сибирь».

По концентрации спецпоселенцев, т.е. депортированных крестьян, Казахстан стал третьим регионом страны (после Урала и Сибири). В ходе весенне-летней высылки сюда было направлено 38 тыс. семей (182 тыс. чел.). На начало 1932 г. в Северном Казахстане на спецпоселениях находилось более 139 тыс. чел., а на начало 1933 г. — более 102 тыс. чел. Всего за четыре года (1930—1933 гг.) в Казахстан было депортировано около 317 тыс. человек. ¹³⁰ Нельзя не сказать и о 150—175 тыс. семейств, которые, спасаясь от раскулачивания, бежали в Казахстан из приграничных районов Сибири.

В советской историографии восшествие крестьян на каторжную Голгофу спецпоселений лицемерно обозначалось как «трудовое перевоспитание». Так, в одной из многочисленных работ, дающих «отпор буржуазным фальсификаторам истории», с огромным пафосом писалось буквально следующее: «...Шаг за шагом Советское государство в труде перевоспитывало бывших эксплуататоров-кулаков, превращая их

в тружеников социалистического общества. Опыт нашей страны дал образец решения труднейшей социальной задачи — коренной перестройки экономики, сознания, психологии, быта бывших эксплуататоров-кулаков, включения их в социалистическое строительство». ¹³¹

В столь же идиллических тонах расцвечивался в историографии и быт раскулаченных. Так, например, из известной монографии «Ликвидация эксплуататорских классов в СССР» мы узнаем, что «бывшие кулаки и их семьи получили все необходимые условия для обеспеченной и культурной жизни». ¹³² Здесь же пишется: «Советское государство взяло на себя огромные расходы, связанные с трудоустройством и жизнеобеспечением переселенцев. Затраты на переселенцев значительно превзошли стоимость экспроприированного у них имущества». ¹³³ Сразу отметим, что в последнее верится с трудом, поскольку, во-первых, по неполным данным Наркомфина СССР, только к лету 1930 г. (т.е. лишь за полгода с начала ликвидаторской кампании) стоимость конфискованного у раскулаченных имущества оценивалась по стране в размере 180 млн руб., во-вторых, почти бесплатный труд (с зарплаты спецпереселенцев 25% удерживалось в фонд ОГПУ) спецпереселенцев многократно окупал все затраты и, наконец, в-третьих, если даже допустить, что это действительно так, то данная бюджетная проблема была порождена самим государством с его приматом классовых идеалов.

Вместе с тем в данном случае необходимо выяснить другое: в самом ли деле жизнь спецпереселенцев была не так уж трагична и протекала в общем-то вполне нормально? Достоверное представление по этому вопросу применительно к Казахстану можно получить благодаря исследованиям Д.Т. Чирова, долго и самоотверженно изучавшего историю карагандинских спецпереселенцев и получившего в результате кропотливого поиска огромный материал, который мы и используем ниже.

Прежде всего процитируем несколько выдержек из воспоминаний карагандинских переселенцев, записанных Д.Т. Чировым.

Из воспоминаний М.В. Копейкиной: «Родилась я в 1925 г. в селе Родник Рассказовского района Тамбовской области... В деревне Родники жили бедно. Мой отец жил одной семьей со своим братом... Оба рослые, сильные. А родители отца и дяди умерли в голодном 1921 году. Отец с дядей сумели построить кузницу, а затем и мельницу и стали понемногу обживать после стольких голодных лет. А что значит обживать? Лишь бы с голоду не умереть, да голому-босому не ходить. Пахали, сеяли, молотили цепями...

В 1930 г. началась коллективизация... Отца моего и дядю забрали в тюрьму. А меня, пятилетнюю, и братишку, которому было три с половиной года, посадили в телегу и повезли на станцию Платоновка... Привезли нас на станцию, а там народу — тьма. Отцов наших отпустили на соединение с семьями, охрану не сняли, и все мы чувствовали себя под арестом...

Погрузили нас в телячьи вагоны, двери закрыли снаружи на засов, так что не убежишь. В вагоне параша, одна на всех — и на мужчин и на женщин. Словом, везли нас как преступников-заключенных. Везли нас

долго, а привезли в голую степь, выгрузиться приказали на том месте, где нынче поселок Компанейский. Было это в сентябре 1931 года, и степь, где мы выгрузились, уже пожелтела. Стали сооружать самодельные палатки: выкапывали ямы глубиной примерно в полметра, укрепляли над ними жердочки и набрасывали рядна-половики или домодельные одеяла. А вместо кровати мы использовали деревянную борону, которую почему-то привезли с собой.

А поблизости даже воды не было, так что за водой людям приходилось ходить чуть ли не за 20 километров. Чем нас кормили? Первые дни вообще ничего не давали, а потом стали привозить муку и выдавать по кружке на человека. А людей навезли много, шалашей и землянок настроили огромное множество. И люди стали от голода и болезней умирать. Болели дизентерией и тифом. Мне было тогда восемь лет, но я помню, как обессиленные взрослые, голодные и больные, не в силах были своих родственников похоронить, и умерших подбирали похоронщики и свозили их в общую яму. Очень много тогда народу поумирало, особенно малых детей и стариков. Помню, как строили дома-бараки из дерна. А вселили нас в эти дома уже в начале зимы. И понатерпелись мы в ту первую зиму и от голода, и от холода... А летом открыли детплощадку, и мы с братишкой ходили туда обедать, давали нам по кусочку хлеба и по тарелке красного свекольного супа, который есть было невозможно, хотя и были мы очень голодными. Помню, идем с братишкой с этой самой детплощадки, а он плачет, есть просит, а где ему взять-то поесть? А братишка плачет, и я вместе с ним плачу...»

Приведем еще несколько свидетельств карагандинских спецпереселенцев. Прасковья Михайловна Горбунова: «Летом 1931 г. у меня умерла дочка, прожив всего годик, тогда же погибли от дизентерии почти все дети до пяти-, шестилетнего возраста».

Прасковья Михайловна Украинская: «У меня умерли мама и десятилетний братик. Мне было тогда семь лет. Поселили нас в Осакаровке, в бараки без крыш, в каждый по 70–80 человек. К весне 1932 г. выжило по 5–6 человек из барака».

Василий Михайлович Судейкин: «Когда нас в декабре 1932 года привезли с Кубани в Девятый поселок, в нашей семье было шесть человек. К концу лета 1933 г. в живых остался я один».

Петр Петрович Крылов, земляк В.М. Судейкина: «В Девятом поселке в 1933 г. умирали семьями».

Мария Ивановна Лисина: «В Девятый поселок летом 1931 г. привезли 17 тысяч человек, а к весне 1932 г. в живых осталось тысяч семь, не больше. На моих глазах вымерла почти вся семья Ломовицких, было 13 человек, выжило трое. Тех, кто выжил в Девятом, осенью 1932 года переселили в Пятый, опять в недостроенные бараки».

Свидетельства, зафиксированные нами по другим регионам республики, также убеждают, что трагедия этих людей была безмерна. Их грузили в эшелоны, дав на сборы подчас не то что сутки — часы. Что в этой спешке можно было взять, кроме самого необходимого скарба? Все остальное, т.е. нажитое долгой жизнью добро, оставалось активистам-люмпенам.

В инструкции ОГПУ говорилось, что каждой выселяемой семье разрешается взять с собой до 30 пудов имущества. В каждый вагон сажается 40 человек, в одном эшелоне — 1700—1800 человек. В каждом товарном вагоне должны были быть: печь — 1, рамы оконные — 2, ведра — 3 (2 — под кипятилок, 1 — для естественных надобностей). Двери вагона закрыты и только во время движения эшелона открываются на 5—6 вершков для притока воздуха. При подходе к станции двери наглухо затворяются. В случае побега охрана обязана была стрелять без предупреждения. Но в практике конвоирования эшелонов эти инструкции еще более ожесточались.

Эшелоны шли неделями, а то и месяцами. Кормили в пути в основном соленой рыбой, что, естественно, вызывало сильную жажду. Но воду давали лишь на станциях. От болезней и жажды многие умирали. Однако трупы выносились только на редких остановках.¹³⁴ От их разложения и испарений в вагонах стоял невыносимый смрад.

Бывшая политкаторжанка П. Ивановская писала председателю ВЦИК М. Калинин: «Нет слов на лексиконе человеческой речи для изображения страданий, унижений, издевательств, преследований и лютого смертного голода... Нигде и никогда я не читала что-нибудь подобное эпидемии самоубийств, которую пережило крестьянство осенью 1930 года и продолжает переживать и теперь. Матери вешали своих детей и покорно вешались рядом с ними. Матери закапывали детей живыми в землю, и с изгрызенными руками в буйном психозе их приводили в психиатрическую больницу. Отцы раздробляли головы спящим детям и женам и потом покорно ложились под колеса поезда, топились в реках и колодцах ...». ¹³⁵

По прибытии на место спецпереселенцы оказались в столь же тяжелых условиях. Для них отводились районы преимущественно с экстремальными природно-климатическими условиями: на пустынных и полупустынных землях, а также в местах развертывания промышленного и железнодорожного строительства. Так, в протоколе «тройки» при Казкрайкоме ВКП(б) (23 января 1930 г.) давалась следующая директива: «Расселение выселяемых кулацких хозяйств вместе с семьями производить компактными массами в районах пустынных участков». ¹³⁶ В качестве таковых отводились, например, земли побережья Каспия (от Джилай косы до Мертвого Култуха), Адаевский район, южная часть Тургая (Аккумуляционные пески), западный берег Балхаша, где земфонд еще не был даже обследован.

Приведенные выше свидетельства подтверждаются и данными ОГПУ, которые сообщают, что только в 1932 и 1933 гг. на казахстанских спецпоселениях умер 55 441 человек. В 1933 г. в «кулацкой ссылке» в Северном Казахстане умерло больше человек, чем родилось, в 19 раз, а в Южном — в 13 раз. От голода и холода здесь погибло 24% депортированных, т.е. каждый четвертый. Кроме того, людей косили эпидемии брюшного и сыпного тифа. А между тем в справке комиссии А. Андреева о положении спецпереселенцев с удовлетворением констатировалось, что на поселениях Казахстана дело с медобслуживанием обстоит удовлетворительно: имеется 8 амбулаторий со стаци-

онарным лечением на 138 коек. И это на 218 тыс. человек (по данным на сентябрь 1931 года). Медработники только и делали, что констатировали смерть (только за 5 месяцев 1931 г. в Северном Казахстане умерло около 12 тыс.¹³⁷ депортированных). В этом и была правда раскулачивания, геноцида режимом собственного народа.

5. МАССОВЫЙ ГОЛОД НАСЕЛЕНИЯ И ЕГО ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

В вопросе о людских потерях в Казахстане в результате голода 1932–1933 гг. современная историография выдвигает целый спектр оценок. В исследованиях, базирующихся на упрощенной процедуре (где все сводится к определению межпереписной арифметической разницы в численности казахского этноса), как правило, называется цифра в пределах 1 млн чел. Имеются и явно завышенные оценки, как, скажем, в книге Марты Олкотт «Фабрикация социального прошлого: казахи Средней Азии», а также некоторых других авторов.

Имея в виду западную советологию, надо учитывать, что если в одних случаях ее изыскания отражают стремление к истине, то в других бесполезно пытаться искать даже видимость объективности, ибо там все подавляет примат тех стереотипов, в основе которых лежит все то же неистребимое желание «кинуть еще один камень». Но как бы то ни было, проблемы нашей отечественной истории лучше нас же самих никто не решит. Поэтому надо опираться на наши же документы, отражающие этот процесс. И здесь огромную роль должна сыграть историческая демография с ее эффективным познавательным инструментарием и универсальными методами исследования.

Как известно, до недавнего времени единственным документальным источником для анализа проблемы служили данные первой и второй Всесоюзных переписей населения (проведены соответственно 17 декабря 1926 г. и 15 января 1939 г.). Интервал между ними составляет полные 12 лет и один месяц. Именно в этот межпереписной период произошла убыль населения. Если учесть, что пик демографической депопуляции падает на середину зимы 1932–1933 гг., то, следовательно, катастрофическое сокращение численности народонаселения произошло через почти шесть лет после первой переписи и за точно такой же срок до второй. Другими словами, апогей трагического события приходится как раз на середину интервала между двумя переписями, что несколько облегчает расчеты.

Согласно результатам первой переписи 1926 г., на территории Казахской АССР проживало 3 млн 628 тыс. коренного населения.¹³⁸ Но уже через 12 лет в переписи 1939 г. фиксируется убыль в 1 млн. 321 тыс. чел., т.е. происходит уменьшение совокупности на 36,7%.¹³⁹ Но даже эту цифру, как считают историки-демографы, следует признать минимальной, требующей существенной коррекции в рамках факторного анализа.¹⁴⁰ С его подключением исследователям удалось установить, что на середину

1930 г., когда количественный состав населения еще оставался относительно стабильным, численность коренных жителей в пределах сопоставимой границы республики составляла около 4 млн 120 тыс. чел.¹⁴¹

Исходя из этой базы, примерные масштабы невосполнимой убыли коренного населения Казахстана в годы трагедии определяются в пределах свыше 2 млн чел.¹⁴²

В известной докладной записке начальника Казнархозучета М. Саматова (14 января 1937 г.) сообщается, что сельское население Казахстана за период с 1 июля 1930 г. по 1 июня 1933 г. сократилось на 3,4 млн. человек, а городское население увеличилось на 766,8 тыс. человек. В записке не указывается, сколько в этой разнице (263,3 тыс. человек) умерших от голода и болезней и откочевавших за пределы республики.

Из этого историки-демографы делают вывод, что прямыми жертвами голода и связанных с ним болезней стали в названные годы 1 млн 750 тыс. чел., или 42% всей численности казахского населения республики.¹⁴⁴

Думается, что вопрос о численности жертв голода остается пока еще открытым. Кардинально новые данные внесут материалы Всесоюзной переписи населения 1937 г., известной как «репрессированная перепись». Проведенная буквально за один день (с 5 на 6 января), она отразила картину величайшей демографической катастрофы, вызванной политикой сталинизма. Понятно, что вскоре ее разработчики и исполнители были арестованы, а многие уничтожены (система боялась оставлять свидетелей). Сами же материалы переписи долгие годы считались уничтоженными. Они были обнаружены в фондах Центрального Государственного Архива Народного хозяйства (ЦГАНХ). Из этих материалов следует, что численность казахов составляла в СССР на январь 1937 г. 2 862 458 человек.¹⁴⁵

Надо сказать, что в это время в Казахстане произошло снижение численности и других этносов: украинцев — с 859,4 до 658,1 тыс., узбеков — с 228,2 до 103,6 тыс., уйгуров — с 62,3 до 36,6 тыс. В трудное лихолетье представители этих народов были вынуждены покинуть обжитые места и переехать в более благополучные в продовольственном отношении районы — Сибирь, Узбекистан.

Из приведенных данных видно, что масштабы голода, вызванного тотальным разрушением хозяйства, были воистину страшными. Утратив скот, обитатели Степи лишались традиционного для них мясомолочного рациона питания. Рыболовство, охота и собирательство не спасали положения. Хлеб в ауле в силу неурожая также отсутствовал (а тот, что был, выгребли по хлебозаготовкам). Покинуть зону бедствия не всегда удавалось. Без лошадей, верблюдов голодному кочевнику трудно было преодолеть огромные расстояния в несколько сот, а то и тысячи километров. Для бесскотного казахского крестьянства огромная Степь из кормилицы превратилась в ловушку.

Гонимые нуждой, людские массы растекались по городам, поселкам, станицам, деревням, станциям железных дорог с единственной

Спасаящиеся от голощекинського голода. 1932 г.

целью — выжить. В местах их концентрации вспыхивали очаги эпидемии брюшного тифа, который до того времени был неизвестен жителям редконаселенной степи. Отсутствие иммунитета против неизвестной ранее болезни, а также слабая организация здравоохранения (а во многих случаях ее полное отсутствие) обрекали ослабленных голодом людей на смерть.

Большой урон численности коренного населения нанесли откочевки. Четвертая часть первоначальной совокупности населения, т.е. 1030 тыс. человек, откочевала в годы голода за пределы республики. Из них 616 тыс. безвозвратно и 414 тыс. впоследствии вернулись в Казахстан. По оценкам специалистов, из безвозвратно откочевавших около 200 тыс. человек ушли за рубеж — в Китай, Монголию, Афганистан, Иран и Турцию.

Неоспоримым доказательством крупных откочеев казахов в сопредельные регионы служат материалы все тех же переписей населения 1926 и 1939 гг. Если по переписи 1926 г. в соседних республиках проживало 314 тыс. лиц казахской национальности, то по переписи 1939 г. — уже 794 тыс., т.е. превышение составило в сопоставимых границах 453 тыс. человек.¹⁴⁶ В межпереписный период 1926—1939 гг. за счет мигрантов численность казахов возросла: в РСФСР в 2,3 раза, в Узбекистане — в 1,7 раза, в Туркмении — в 6 раз, в Таджикистане — в 7 раз, в Киргизии — в 10 раз.¹⁴⁷

Л.И. Мирзоян.

С приходом в республике нового руководства (Ф.И. Голощекин в начале 1933 г. был освобожден от занимаемой должности) во главе с видным большевиком-ленинцем Л.И. Мирзояном (в казахском народе его фамилию любовно переименовывали на «Мырзажан» — «Щедрая душа») была проделана большая работа по возвращению и хозяйственному обустройству откочевавших. Но уже с 1938 г. после репрессивных вакханалий по борьбе с «японскими шпионами» и «национал-фашистами» эти мероприятия были свернуты. Новый состав ЦК республики не рискнул продолжать дело «врагов народа»

(Л.И. Мирзоян был арестован и расстрелян). Однако это уже другая, не менее печальная, страница истории.

Голод и связанные с ним эпидемии, а также откочевки сильно деформировали нормальный процесс демографических переходов в самом их начальном этапе. Коренное население республики смогло быстро преодолеть глубоко кризисное явление только потому, что последнее застало его на самой ранней стадии развития народонаселения, то есть на первых фазах демографической эволюции. Только благодаря мощному демографическому взрыву, совершившемуся в послевоенные годы в своем классическом варианте (пик приходится на 1962 г.), казахский этнос смог восстановить огромные потери. Прежняя же численность была восстановлена почти через 40 лет, в 1969 г. Если бы не было демографического взрыва и его до сих пор продолжающегося «эха», то для преодоления подобного национального кризиса народонаселения потребовалось бы не менее 100–120 лет, т.е. в 2–3 раза больше времени. Несмотря на это, его последствия будут сказываться еще долго — в течение 150–170 лет, как бы повторяя волнообразно прошлую сложную историю, но постепенно угасая, через смену каждого поколения.

Причины трагических событий тех лет раскрываются отнюдь не через категорию «случайного», обозначенную в традиционной историографии как «ошибки и перегибы». Скорее наоборот, здесь имело место явление закономерное, мы бы даже рискнули сказать, фатальное, ибо мобилизационно-административные и волюнтаристско-силовые методы уже по природе своей стихийны. В их основе лежат тенденции к противопоставлению политико-идеологических средств императивам экономического ряда, к попранию правовых норм и человеческого фактора (выражаясь сегодняшним языком). Следовательно, ошибки и перегибы выражают в действительности объективную логику сталинской модели организации общества.

Осознавая эту предпосылку, тем не менее, трудно удержаться от вопроса: как в то время могли допустить такое трагическое развитие событий? Тем более, что еще и сегодня бытует мнение о якобы полном неведении Сталина и его ближайшей креатуры о положении дел, о масштабах драмы в Степи, что их, дескать, дезинформировали и т.д. Так ли это?

Действительно, как рассказывали на одном из заседаний бюро Казкрайкома Л.И. Мирзоян (он только заступил к руководству партийной организацией республики) и председатель СНК КАССР У. Исаев, возвратившиеся из Москвы после доклада о ситуации, сложившейся в крае, Л. Каганович был более чем возмущен. Он все время грозно вопрошал: «Как это могло случиться? Почему ЦК узнает об этом из газет (явная ложь, так как пресса в то время не уходила в своей «информации» далее санкционированных пропагандистских клише — *авт.*)? Кому выгодно было это (т.е. голод, откочевки и т.д. — *авт.*) замалчивать (привычный намек на «вредителей» — *авт.*)?»

Казалось бы, в Центре в самом деле не представляли масштабов катастрофы, иначе к чему весь этот фарс. Но документы говорят о совер-

шенно обратном. Прежде всего известна официальная правительственная записка за подписью Председателя СНК Казахстана У. Исаева (май 1932 г.), в которой давалась более или менее правдивая информация. Существует также версия, что о голоде и откочевках в Казахстане в Москву сообщали секретарь Западно-Сибирского крайкома ВКП(б) Р. Эйхе и председатель ЦИК Узбекистана Ю. Ахунбабаев (логика здесь есть, поскольку Западная Сибирь и Узбекистан приняли большие массы откочевников, и их руководители не могли не ставить об этом в известность Сталина).

В этой же связи можно также напомнить эпизод, когда В. Молотов выразил подобие беспокойства по поводу массовых откочевок населения из Западного Казахстана, при этом сразу удовлетворившись объяснениями Ф. Голощекина, что, дескать, там опять классово чуждый элемент воду мутит (столь универсальная отговорка в те годы всегда снимала все проблемы: от поломки турбины до пожара в поле). Кстати, понимание Голощекиным сущности откочевки вообще отличалось большой оригинальностью. Вот буквальная цитата из одного его выступления: «Казах никогда не выезжал из своего аула, не знал путей, кроме путей своего кочевания, теперь с легкостью переходит из района в район внутри Казахстана, включается в русские, украинские колхозы, переходит на работы, на хозяйственное строительство в Приволжье и Сибирь. Конечно, этот переход изменяет хозяйство, изменяет быт, разрушает старый быт, рушится старое хозяйство. Не без уронов. Они — националисты — видят в этом исключительно мрачную сторону, разрушение хозяйства, другие — «левые» фразеры — видят в этом только контрреволюцию. Конечно, в некоторой степени есть элементы и того, и другого, но в основном идет перестройка быта».¹⁴⁸ Неужто невдомек было первому руководителю республики, что стихийные передвижения огромных масс населения были вызваны не «перестройкой быта», а элементарной нуждой.

Об этом свидетельствует и письмо заместителя председателя СНК РСФСР Т.Р. Рыскулова* Сталину.

В нем говорилось: «По последним приблизительным данным, полученным с мест прикочевывавших в соседние с Казахстаном края сейчас казахов: в Средней Волге — 40 тыс. человек, Киргизии — 100 тыс. человек, Западной Сибири — 50 тыс. человек, Каракалпакии — 20 тыс., Средней Азии — 30 тыс. человек. Откочевники попали даже в такие отдаленные места как Калмыкия, Таджикистан, Северный край и др. Часть населения во главе с баями откочевала в Западный Китай. По-

* Рыскулов Турар Рыскулович (1894—1943(?) гг.) — член партии с сентября 1917 г. В январе 1920 г. избран председателем Туркестанского ЦИКа, осенью того же года назначен зам. наркома по делам национальностей РСФСР. Осенью 1922 г. — председатель СНК ТуркССР, с февраля 1924 г. работает в Исполкоме Коминтерна, его уполномоченный в Монголии. С мая 1926 по май 1937 гг. — зам. председателя СНК РСФСР. Незаконно арестован и расстрелян.

Известно два письма Т. Рыскулова Сталину — от 29 сентября 1932 г. и 9 марта 1933 г. Ниже приводятся выдержки из письма Т. Рыскулова Сталину (копия сельхоз. отделу ЦК ВКП(б) — т. Кагановичу и СНК СССР — т. Молотову) от 9 марта 1933 г.

добное явление откочевков казахов в сторону центральных районов происходит впервые в Казахстане. Это не просто кочевание (которое обычно происходит летом на небольшое расстояние и при наличии скота), а в значительной части бегство голодных людей в поисках пропитания. Откочевники по отдельным районам доходят до 40–50% всего количества населения районов...

Но самым отрицательным результатом этих откочевков и расшатываний казахских хозяйств — являются голод и эпидемии среди казахского населения, начавшиеся с начала 1932 г., которые, ослабев летом, теперь вновь принимают угрожающие размеры. В прошлую весну в казахских районах и среди откочевников наблюдалась большая смертность на почве голода и эпидемий. Это явление вновь усиливается сейчас с приближением весны. Вот ряд фактов, взятых из материалов мест и относящихся к последнему времени. Приехавшие от нескольких краев, представители для участия в работах комиссии СНК РСФСР сообщают следующие факты: т. Илларионов (от Средне-Волжского Крайисполкома) говорит, что в Сольилецком и Орском районах среди откочевников умирают ежедневно 5–10 человек; т. Алагызов (от Западно-Сибирского исполкома) сообщает, что по одним станциям Сибирской ж. д. скопилось 10 тыс. казахов, среди которых много больных эпидемическими заболеваниями и значительная смертность; на кирпичном заводе Севстройпути работало 84 казахских рабочих, потом их уволили, 14 человек умерло с голоду, за что привлечены к ответственности виновники; т. Туганбаев (зам. председателя Киргизского ЦИКа) сообщает, что в г. Фрунзе и окрестностях скопилось до 10 тыс. казахов (о чем писал в ЦК ВКП(б) и Киробком ВКП(б)) и ежедневно умирает 15–20 человек (особенно дети).

Не лучше обстояло дело с откочевниками внутри самого Казахстана. По многим городам (Аулие-Ата, Чимкент, Семипалатинск, Кзыл-Орда и др.) и станциям ж.д. ежедневно вывозят трупы умерших казахов. В Чуйском районе (по сообщению уполномоченного т. Джандосова) в райцентре, с. Ново-Троицком умирает ежедневно до 10–12 человек казахов, и 60% кочевников также ушло из района. В Сары-Суйском районе из имевшихся 7000 хозяйств осталось около 500 хозяйств, а остальные откочевали в Аулие-Атинский и другие районы и часть даже попала в Киргизию. В ноябре на большое расстояние двинулось несколько сот казахов из этого района с семьями. По дороге часть населения погибла. За одну вторую пятидневку января подобрали 24 трупа. По дороге напали на них вооруженные бандиты. Женщины бросали детей в воду. В г. Аулие-Ата 5–6 января по чайханам подбирали замерзших 20 трупов детей, и за то время умерло 84 человека взрослых. В постановлении Актюбинского обкома от 16 октября 1932 г. указывается, что на ж. д. ст. Джусалы из прибывших до 300–400 семейств возвращенцев-откочевников (и направленных затем на ст. Саксаульская) умерло (по неточным данным) 100 человек казахов (в том числе 21 человек от натуральной оспы), благодаря не оказанию им помощи, имело место на станции избиение казахов. В указанном постановлении констатируется, что районные организации проявили «безразлично-безучастное отношение к массовой смертности казахов».

Событие произошло еще в конце июля месяца, а постановление обкома состоялось в октябре месяце.

В докладе московского отряда (Общества) Красного Креста, работающего сейчас в Актюбинской обл., сообщается, что казахи в таких районах как Тургайский, охвачены голодом и эпидемией. Голодные питаются отбросами, поедают корешки диких растений, мелких грызунов. «Собаки и кошки этой группой съедены полностью, и кучи мусора вокруг их шалашей полны вываренных костей собак, кошек и мелких грызунов...». Передают о случаях трупоедчества. В этом же сообщении отряда указывается, что в одном районном центре Тургая, где 2500 человек населения, болело оспой 728 человек при высокой смертности. В то время, когда по центру района работало 12 оспопрививателей, в аулах района с населением 25 тыс. человек работало всего 2 оспопрививателя. Актюбинский областной центр не знал об эпидемии оспы в Тургайском районе. А Казахский наркомздрав вовсе не охватывает учетом также районы, вследствие чего получается, что на то же время по краю числилось заболевших оспой 2400 человек.

По данным местных органов, в Тургайском и Батпакаринском районах вымерло 20—30% населения и большая часть остального населения откочевала. В Челкарском районе в ряде аулсоветов вымерло 30—35% населения. В целом по Актюбинской обл. (куда относятся эти районы) председатель облисполкома т. Иванов сообщил в докладе на областном съезде Советов (июль 1932 г.), что в области в 1930 г. было населения 1.012.500 человек, в 1932 г. осталось 725.800 человек или 71%. По свидетельству председателя Кзыл-Ординского райисполкома, в этом районе по большинству аулсоветов осталось 15—20% населения. В Балхашском районе (по данным местного ОГПУ) было население 60 тыс. человек казахов. В Каратальском районе в прошлую зиму во время насильственного переселения на оседание трех казахских аулов в другое место погибла половина населения. В том же районе (по сведениям местного ОГПУ) за декабрь и 10 января 1933 г. умерло 569 человек от голода, подобрано за то же время на ст. Уштобе, площадке Каратальстроя и рисосовхозе больше 300 трупов. В Чубартауском районе в 1931 г. было 5300 хозяйств, на 1 января 1933 г. осталось 1941 хозяйство».

6. КРЕСТЬЯНСКОЕ ПРОТЕСТНОЕ ДВИЖЕНИЕ

Реакция на силовое давление и грубый административно-судебный произвол выражалась не только в резком упадке сельскохозяйственного производства. В Казахстане, как и по всей стране, крестьянские массы проявляли открытое недовольство, перераставшее во многих районах в организованные вооруженные выступления.

Первые организованные выступления сельского населения начались уже осенью 1929 года. Так, в конце сентября в ходе очередной хлебозаготовительной кампании вспыхнуло восстание крестьян кишлаков Узун, Пскем, Янги-Киргиз Бостандыкского района Сырдарь-

инского округа, в котором участвовало свыше 400 человек. Среди восставших были казахские шаруа, киргизские, узбекские дехкане.

Организаторы мятежа — жители кишлака Пскем Талиб Мусабаев, Бектай Халматов, Тюлеген Азизов и другие установили связь с дехканами местности Чаткалы, расположенной на территории соседней Киргизии, также недовольными произволом властей. Непомерное налогообложение, завышенные планы хлебосдачи (по 600 пудов зерна на каждое так называемое зажиточное хозяйство) вынудили и киргизских крестьян оказывать массовое сопротивление. «Положение населения с каждым днем становится хуже, — говорил Мусабаев на сходе, где обсуждался совместный план действий на случай восстания. Накладывается налог и отбирается наш хлеб. Чем помирать зимой с голоду, лучше помирать сразу в один день...»

Повстанцев поддержали крестьяне кишлаков Богустан, Ситжак, Брич-Мула. Совместными действиями они взяли райцентр Ходжикент. Восставшие, убив председателя сельсовета и нескольких активистов, затем разгромили и разграбили кооперативы, имущество районных учреждений и т.д. Однако стихийное выступление крестьян было обречено: оно было подавлено через три дня. 181 активный участник его был осужден, а 82 — расстреляны.

Аналогичное выступление в те же дни произошло в Тахтакупырском и Кунградском районах Каракалпакии, входившей тогда в административном отношении в состав Казахстана. Тревожная обстановка возникла в Табынском и Уильском районах Актюбинского, а также ряде районов Гурьевского округов.

В начале ноября 1929 года поднялось население нескольких аулов Батпаккаринского района Кустанайского округа. Непосредственным поводом к выступлению послужил административный беспредел заготовительных органов. Особенно люто усердствовали налоговые инспекторы. С их представления с августа 1928 года по сентябрь 1929 года по обвинению в уклонении от уплаты налогов и сопротивлении конфискации было арестовано 188 человек. Брала под стражу таких известных в районе людей, как бывшего секретаря КазЦИКа, впоследствии одного из первых организаторов сельскохозяйственного кооператива в Кустанайском округе Б. Каралдина, бывшего учителя, впоследствии народного судью А. Дулатова (брата М. Дулатова), известного религиозного деятеля М. Сатубалдина и других. Значительная часть арестованных была осуждена, а Б. Каралдин, К. Алдияров и другие высланы в Семипалатинскую область. Все это привело к тому, что в начале ноября крестьяне аулов № 2 и 5, организовав жителей близлежащих населенных пунктов (всего около 400 человек), двинулись на районный центр и, захватив его, удерживали неделю. При этом повстанцы освободили незаконно арестованных, сожгли административное здание, уничтожили документы партийно-советских органов, прокуратуры, суда и милиции. Инициаторы восстания попытались организовать даже отряды сарбазов. Примечательно, что основную массу повстанцев составляли участники национально-освободительного восстания 1916 года.

Восстание в Батпаккаре сильно повлияло на обстановку в Наурузумском, Жетыгаринском, Тургайском и других соседних районах, где формировались отдельные повстанческие группы. Однако войсковые отряды, высланные из Кустаная, Актюбинска, Тургая, Троицка и Акмолинска для подавления восстания пресекали здесь всякую попытку поддержать восставших в Батпаккаре, и вскоре мятежный очаг был локализован, а затем и ликвидирован. Истинные причины, вызвавшие массовое недовольство населения в Батпаккаринском районе, были хорошо известны партийным и советским органам и тем не менее игнорировались ими.

В очередной раз, следуя проторенными путями пропагандистской казуистики, партийно-чекистские аналитики находили объяснения трагическим событиям в «коварных происках националистических элементов». При этом ими вспоминалось, что Тургайский регион — место, откуда родом наиболее известные лидеры Алаш-Орды, а потому «идейными вдохновителями восстания наверняка являются они и их сторонники». Между тем, еще задолго до восстания все лидеры Алаш-Орды были взяты под стражу. Представители старой интеллигенции обвинялись в причастности к восстанию. Были репрессированы родственники одного из руководителей восстания 1916 года Абдугафара Жанбосынова — С. Жанбосынов, М. Абдугафаров, расстреляны Б. Каралдин, М. Сатубалдин и другие. Материалы о ранее содержавшихся в тюрьме 12 человек во главе с А. Дулатовым были приобщены к следственному делу о так называемых контрреволюционных казахских буржуазных националистах, а сами они под конвоем отправлены в Москву, где в Бутырской тюрьме содержались уже этапированные туда лидеры Алаш-Орды. Одним из пунктов обвинений, предъявленных тогда А. Байтурсынову, М. Дулатову, Х. Габбасову, М. Есболову и другими известным представителям интеллигенции рубежа XIX—XX вв., было «проведение срыва советских кампаний и мероприятий в Казахстане по землеустройству, конфискации байского имущества, коллективизации хозяйств, заготовок хлеба и мяса, подготовка к вооруженному восстанию против Советской власти с целью ее свержения» и т.д.¹⁴⁹ При этом следственные органы ОГПУ опирались и на материалы Батпаккаринского восстания. В целом же по Батпаккаринскому делу было арестовано и привлечено к уголовной ответственности 530 человек, из них 115 решением «тройки» ОГПУ — расстреляно.¹⁵⁰

Если в 1929 году выступления населения имели преимущественно характер отдельных вооруженных противодействий, то уже зимой и весной 1930 года, несмотря на жестокое подавление любых проявлений недовольства и беспощадные карательные акции властей, сопротивление населения антикрестьянской политике стало резко нарастать и обретать форму массовых мятежей. Этому не смогли воспрепятствовать и меры, предпринятые в соответствии с постановлением бюро Казкрайкома ВКП(б) от 2 января 1930 года, в котором выступления крестьян в Каракалпакии, Бостандыкском и Батпаккаринском районах квалифицировались как проявление бандитско-басмаческого движения.

Импульс новой волне сопротивления был дан известным постановлением ВЦИК и Совнаркома СССР от 1 февраля 1930 года «О мероприятиях по укреплению социалистического переустройства сельского хозяйства в районах сплошной коллективизации и по борьбе с кулачеством», на основе которого режим развернул беспрецедентный террор в отношении крестьянства.¹⁵¹ Вскоре аналогичные решения приняли крайком ВКП(б) и правительство Казахской республики.¹⁵²

Не последнюю роль в нарастании протестов населения сыграла антиклерикальная политика. Декларируя свободу совести и вероисповедания, партия и государство в то же время проводило воинствующие атеистические кампании, доводя их до крайних форм антирелигиозного вандализма, откровенно попирая при этом все нормы морали и права. За короткие сроки в Казахстане было закрыто множество мечетей, молитвенных домов, церквей. Только в 1929–1930 годах были ликвидированы все 45 мечетей в Тайпакском районе Уральского округа, 14 мечетей в Батпакаринском районе Кустанайского округа. Такое же положение было в целом ряде районов Семипалатинского округа. Потоки жалоб о закрытии мечетей без учета мнения и настроения населения шли из Туркестанского района, где мавзолей Ахмеда Ясави издревле являлся местом паломничества верующих.¹⁵³

Произвол местных органов, развернувшийся на почве воинствующего атеизма, вызвал массовое недовольство населения, что отмечалось даже руководством КазЦИКа и органов ОГПУ.¹⁵⁴ И отнюдь не случайно вскоре в качестве лидеров крестьянских восстаний стали выступать представители духовенства.

В конце 1929–начале 1930 годов в большинстве районов республики вспыхнули новые очаги волнений. Участились случаи поджогов административных зданий, физического самоуправства в отношении партийных и советских работников, активистов и уполномоченных по проведению коллективизации и других кампаний. Террор и бесчинства властей подталкивали иных обиженных к созданию мобильных вооруженных групп. Подчас к ним присоединялись и уголовные элементы, становившиеся на путь мародерства. Это давало возможность официальным органам дискредитировать в глазах общественности всех, кто выступал против произвола власти, обвинять их в бандитизме, а их справедливые политические и экономические требования квалифицировать как контрреволюционные.

По данным управления уголовного розыска НКВД Казахской АССР, группы сопротивления действовали в Кургальджинском, Атбасарском, Еркеншиликском районах Акмолинского округа, Сейтеновском и Баянаульском районах Павлодарского округа, Темирском, Новоросийском, Хобдинском районах Актюбинского округа, Азгирском, Тайпакском, Каратюбинском районах Уральского округа. Напряженная обстановка создавалась в северных и восточных районах республики. Нарастало повстанческое движение в Адаевском округе.¹⁵⁵

Государство, начертавшее на своих знаменах примат классовых интересов и классовой борьбы, своей оголтелой политикой репрессий и силовых принуждений спровоцировало в крестьянских массах дви-

жение сопротивления. Оно и ширилось с каждым месяцем. Причем все чаще проявления протеста обретали не столько пассивные формы (откочевки, сокрытие объектов налогообложения и т.д.), сколько выливаться в акты открытого вооруженного противодействия.

В феврале—марте 1930 года вспыхнули восстания в Сузакском, Сарысуйском, Чаяновском районах Сырдарьинского округа, Иргизском, Челкарском районах Актюбинского округа, Наурузумском, Тургайском районах Кустанайского округа, Биен-Аксуиском, Барибаевском, Лепсинском (а в апреле — в Балхашском и Чокпарском) районах Алма-Атинского округа, Казалинском, Кармакчинском, Терень-Узекском, Аральском районах Кызыл-Ординского округа, Кокпектинском, Зайсанском районах Семипалатинского округа, Шемонаихинском, Бухтарминском, Катон-Карагайском районах Усть-Каменогорского округа. Волнениями были охвачены и другие районы. По существу вся территория республики оказалась на грани Гражданской войны.

Для ликвидации повстанческих групп привлекались коммунистические отряды, создаваемые чаще всего на принудительной основе из городских коммунистов и комсомольцев, рабочих и служащих. Эти отряды спешно формировались по специальным решениям крайкомов ВКП(б), которыми сознательно противопоставлялось городское население сельскому, причем разделение проходило еще и по национальным признакам. Большинство членов, наскоро сколоченных отрядов не умело обращаться с оружием и терпело неудачи уже в первых же боях с повстанцами. Именно так было в Сузакском районе, где и действия повстанцев (крестьян родов племени тама, населявших аулы северной и северо-восточной части района по реке Чу), и отрядов коммунаров носили обоюдно трагический характер.

Подготовка к выступлению велась сначала на территории Сарысуйского района в местности Чу и Кунгур. Затем ядро восстания переменилось в аул № 12 Сузакского района, где проживал руководитель повстанцев Султанбек Шолаков. По следственным документам, он был середняком. Но при этом всячески обыгрывалось утверждение, что до революции Шолаков являлся волостным старшиной, а в одно время якобы был даже волостным управителем Курчуйской волости. Таким образом, нашли повод для выводов о том, что Сузакское восстание возглавляли «крупнейшие баи, ишаны и муллы»¹⁵⁶ и, следовательно, оно не имело объективной подоплеки.

Конечно, судя по документам, в обстоятельствах подготовки Сузакского восстания проглядываются и попытки вмешательства извне и некоторое стремление его отдельных лидеров направить недовольство населения в русло событий, происходивших в этот период в республиках Средней Азии. Так, видимо, не случайно одним из идеологов и руководителей повстанцев был выходец из Ирана, оказавшийся в 1918 году в Баку, а затем через Красноводск и Ташкент — в Сузакском районе Асадулла Сафар-Али Ибрагим. Из 43 лет своей жизни он около 10 лет прожил в ауле № 6 Сузакского района. Скрыв свое истинное подданство, Асадулла обосновался в районе, выдавал себя за бывшего афганца, пользовался известностью неплохого лекаря. Имел двух жен (обе

казашки) и среднезажиточное хозяйство. Под видом сопровождения больных на лечение в Ташкент и другие города он часто посещал республики Средней Азии. Из материалов следствия видна его агитационная роль в начале Сузакского восстания. Его заверения в том, что в случае восстания на помощь прибудет тысячный отряд из афганцев, что положение Советской власти в среднеазиатских республиках пошатнулось и дни ее сочтены, подтолкнули Шолакова и других ускорить начало выступления. Именно с помощью Асадуллы были изготовлены воззвания и листовки, где в контексте откровенного осуждения беззакония властей содержались и призывы к газавату — священной войне против иноверцев.

5 февраля 1930 года восставшие из аулов № 6, 12, 13 и 16, собирая по пути жителей других аулов, двинулись на Сузак. На следующий день недалеко от Сузака на собрании по случаю наступления Асадулла повторил главные из своих тезисов, заявив: «Советской власти повсеместно приходит конец. По всей стране идут восстания. К нам на помощь придут войска из Афганистана. Советская власть пала не только в Средней Азии, но даже рядом, в Туркестане и Чимкенте, она уже свергнута. Действуйте беспощадно!». На этом собрании восставшие выбрали ханом, т.е. предводителем, Шолакова, а его помощником и начальником штаба — Асадуллу.

Рано утром 7 февраля 1930 года восставшие, численностью около 400 человек, ворвались в Сузак. В тот же день часть повстанцев (около 200) под руководством Мадияра Алтыбаева, известного своей храбростью, была направлена в Чулак-Курган и аулы восточнее Сузака. Еще один отряд восставших под руководством известного стрелка Салыкпая Аралбаева направился в сторону Туркестана для организации засады на горном перевале, откуда ожидалась части регулярных войск. Попытка Алтыбаева прорваться к руднику Ачисай и захватить там оружие не удалась. Тем не менее его отряд значительно пополнил свои ряды, освободил в Чулак-Кургане всех арестованных за неуплату налогов. Возвращаясь в Сузак, 300 повстанцев под командой Алтыбаева дали сокрушительный бой отряду ОГПУ, продвигавшемуся к очагу восстания со стороны Чулак-Кургана.

Население, в том числе узбекское, активно поддерживало восставших. В кишлаках Бабай-Курган, Карнак и других повстанцы взяли инициативу в свои руки. В Сузаке Шолаков сформировал штаб восстания и ханский совет из 20 влиятельных лиц, в том числе и духовенства. В состав совета вошли широко известные и пользовавшиеся доверием населения Камбарбек Утембаев, Алдияр Идрисов, Ибрагим Есбергенов и другие. Некоторые работники районных учреждений, в том числе начальник районной милиции Бейсембаев, перешли на сторону восставших. По приказу Шолакова в Сузаке начала работать кузница по изготовлению холодного оружия.¹⁵⁷ Была предпринята попытка создания «регулярных отрядов» повстанцев, для чего была объявлена мобилизация лиц от 19 до 36 лет. Эту мобилизацию не на словах, а на деле одобрили местные жители, о чем убедительно свидетельствуют документы штаба восстания, захваченные работниками ОГПУ. Так, напри-

мер, в одном из донесений говорится о том, что род Жана-Тама выставил 32 человека (приводятся фамилии), Мангытай-Сангыл — 30 человек, Андакул — 18 человек, Тарахты-Уак — 49, Алшын-Култума — 22, Утемис — 30, Зортымак — 32 и т.д. В списках отрядов восставших содержатся и сведения о наличии оружия, кто с каким оружием пришел. Среди мобилизационных документов данные о сборе лошадей, верблюдов, продовольствия и фуража для повстанцев.

В день взятия Сузака повстанцы сожгли все документы райкома партии, райисполкома, милиции и суда. Освободив арестованных, убили секретаря райкома партии К. Джунусбекова и председателя райисполкома Д. Канлыбаева. Жертвами жестоких обстоятельств стали и случайные люди (погибло 24 человека). Одновременно началось поголовное «возвращение» в мусульманскую веру «оступившихся»: по инициативе местного духовенства проводились публичные избиения «недостаточно» соблюдавших законы шариата, принудительная острижка тех, кто носил прическу в европейском стиле и т.д.

Первоначально для подавления восстания были привлечены отряды, сформированные из коммунаров Туркестана, Чимкента и Кзыл-Орды. Однако, как уже говорилось, последним эта задача оказалась не под силу. 11 февраля 1930 года в окрестностях кишлака Бабайкурбан в засаду повстанцев попал Туркестанский отряд. 12 февраля в местности Кугашик был заблокирован Чимкентский отряд, семеро его бойцов погибли. От полного разгрома отряд спасла лишь слабая вооруженность восставших — у них были примитивные пики, шашки и в небольшом количестве охотничьи дробовники. С подходом Кзылординского отряда на помощь окруженным восставшие отошли в сторону села Сузак. Другой отряд со стороны Чулак-Кургана не смог прорвать оборону восставших и освободить Сузак. После этого органы ОГПУ в сообщении Средазбюро ЦК ВКП(б) и штабу Среднеазиатского военного округа (САВО) были вынуждены констатировать, что «организованные для подавления восстания отряды из коммунаров с этой задачей не справились, а в некоторых случаях понесли поражение, имея убитых и раненых».¹⁵⁸

С этого момента карательные функции передаются регулярным частям из войск САВО. 13 февраля 1930 года из Ташкента вышли большой отряд курсантов и батарея горно-вьючной артиллерии военной школы имени Ленина. В полдень 16 февраля, совершив ночной переход через перевал в горах Каратау, военные окружили Сузак, обрушили на восставших шквал пулеметного и орудийного огня. Но и после этого сокрушающего смерча примитивно вооруженные крестьяне еще четыре часа оказывали сопротивление, умело организуя уличные бои.

Вскоре восстание, в чьем подавлении восточнее Сузака и в районе Кентарала участвовал и национальный кавалерийский эскадрон, переброшенный из Алма-Аты, было ликвидировано. Уже упоминавшийся выше Асадулла, узнав о подходе регулярных частей, за полдня до падения Сузака скрылся. Задержанный через 20 дней на станции Чиили он на следствии заявил, что намеревался добраться до Ташкента, получить в персидском консульстве необходимые документы и выехать к

себе на родину. При взятии Сузака 316 повстанцев было убито, 7 ранено и 276 арестовано. В числе погибших оказались Шолаков и его ближайшие соратники. Бывший начальник раймилиции Бейсембаев был тут же расстрелян. У восставших в качестве «военных трофеев» было изъято 120 единиц разного оружия, конфискованы 290 лошадей, а также документы штаба. В последующем вакханалию жесточайшего террора познали почти все жители района. Многие из них, спасаясь от расправы, откочевали в пески Муюнкумы, где пытались скрыться от преследования. Однако в мае того же года все оставшиеся в живых участники восстания были задержаны и преданы суду.

В связи с восстанием в Сузаке тревожная обстановка сложилась и в соседних районах. Так, в одном из них, Чаяновском, восемь аулов открыто выразили недовольство проводимой Советской властью политикой в отношении крестьянства. А в 9-м ауле этого же района вспыхнул мятеж, который был подавлен силами местной милиции и отряда самообороны.

Схожие по своему трагизму события происходили и на территории Сарысуйского района. Здесь повстанцами было убито пятеро местных партийно-советских работников и активистов. Было разграблено имущество райкома партии, райисполкома и других учреждений, а их документы сожжены. Однако упреждающие акции чекистов усмирили недовольных. Тем не менее, в сводках ОГПУ этот район еще долго упоминался в ряду «мятежных территорий».

Как свидетельствуют материалы, за активное участие в восстании в Сузакском, Чаяновском и Сарысуйском районах органами ОГПУ было привлечено к уголовной ответственности 311 человек, из них 88 расстреляно.¹⁵⁹

В конце февраля 1930 года начались волнения в северо-западной части Иргизского района. Руководство восставшими взяли на себя содержатель мечети в местности Карасу хазрет Мухантай Саметов и, выбранные ханом, 75-летний старец из рода балы Айжаркент Канаев — один из активных участников национально-освободительного движения 1916 года. Ядром восстания стали аулы № 22, 25 и 26. В день его начала организаторы попытались присоединить к движению население нескольких аулов, расположенного рядом Джетыгаринского района Кустанайского округа. Однако, опасаясь расправы, не все их жители поддерживали эту инициативу. Тем не менее, Канаев и Саметов, организовав отряд из 400 человек, отправились брать город Иргиз. По пути они мобилизовывали население в свои отряды, захватывали в плен представителей местных советских органов, их активистов. Пополнив отряд до 600 человек, восставшие попытались взять Иргиз. Но местный отряд самообороны (57 человек), созданный работниками ОГПУ, массированным огнем отбил атаку почти безоружных крестьян. Потеряв 56 человек убитыми и пленными, Саметов и Канаев вынуждены были отступить в местность Кул-Камыш, откуда вновь начали наступление. Однако принятая восставшими осада Иргиза результатов не дала.

Весной 1930 года волнения охватили аулы Кзыл-Кумского района. Загнанные в угол беспределом местных властей, крестьяне были вы-

нуждены оказать сопротивление, сопровождавшееся затем откочевкой на территорию Каракалпакской автономной области и далее.

В середине марта, подключив регулярные части 8-й кавдивизии, специально высланные из Орска, ОГПУ развернуло против крестьянских немногочисленных отрядов настоящую войсковую операцию. В результате ее в бою при блокировании Кул-Камыша 36 человек было убито, в том числе Канаев и другие руководители восстания. Часть восставших была задержана и вскоре передана суду, а остальные отступили и скрылись в песках Каракумов. В этом бою был пленен и Саметов.¹⁶⁰

Другая группа под руководством муллы Исатая Сатыбалдина действовала южнее Иргиза. Вскоре и она была полностью разгромлена. Силы, посланные для подавления мятежа, беспощадно расправлялись со всеми, кто хотя бы как-то был причастен к движению. Так, тот же отряд из состава 8-й кавдивизии, совместно с отрядом коммунаров под командованием Сидельникова и уполномоченного ОГПУ Рязанцева, встретив в урочище Сатыр-Там группу повстанцев во главе с Сатыбалдиным (около 500 человек), преследовал ее огнем 12–15 километров. В результате погибло свыше 200 восставших, тогда как потерь со стороны войск и отрядов коммунаров не было.¹⁶¹

Как зафиксировал впоследствии в своих документальных записях о ликвидации Иргизского и Каракумского восстаний начальник особого отдела 8-й кавдивизии А. Бармас, по возвращении из Иргизской операции Сидельников «героически» рассказывал: «Трупов сосчитать было крайне тяжело».¹⁶²

Бармас отчасти сам признавал неправильность действий, а в ряде случаев и жестокость отрядов красноармейцев: «Исключается, что некоторые отряды допустили перегибы, в особенности в боях с бандами (так в документе — *авт.*) Айжаркена и Сатыбалдина. Однако «Особые указания командирам отрядов» (30.03.30 за № 30) все же даны, где в пункте 8 говорится: «просящих пощады не убивать и никакими вещами от захваченных в плен и убитых не пользоваться».¹⁶³ Впоследствии сам командир 8-й дивизии Н. Евсеев и другие были вынуждены осуждать действия Сидельникова.¹⁶⁴

Характерно, и это относится не только к Иргизскому восстанию, но и к большинству крестьянских движений: в целом у повстанцев не было оружия. Об этом свидетельствует, в частности, и уже упомянутый рапорт того же Сидельникова в штаб оперативной группы по подавлению восстания. В нем сообщается, что после ликвидации группы Сатыбалдина было изъято всего 3 винтовки, 5 охотничьих ружей, 1 копье, 1 кинжал и несколько топоров. Зато было захвачено 104 верблюда, 55 лошадей, имущество и продовольствие откочевников, что, конечно же, обрекало их на голод.

Такая же участь постигла и других восставших, пытавшихся под влиянием иргизских событий оказать сопротивление политике коллективизации и заготовок. Так, силами отрядов, высланных из Актюбинска, Челкара, Кустаная, Тургая и Карсакпая были локализованы и подав-

лены выступления крестьян нескольких аулов Наурузумского, Карсакпайского и Джетыгаринского районов.

По свидетельству того же Бармаса, после подавления Иргизского восстания «остатки разгромленных банд сдаются с красными знаменами, аулы встречают подходящие отряды демонстрациями». ¹⁶⁵

Так умирялись непокорные и одни группы населения противопоставлялись другим.

В феврале—марте 1930 года обострилась обстановка в Казалинском, Кармакчинском, Терень-Узекском, Алам-Есекском районах, где стали фиксироваться массовые откочевки населения в Каракумы. Сюда же стекались уцелевшие участники восстания в Иргизе и южных районах. Таким образом в Каракумах стал формироваться новый очаг сопротивления. Здесь создавались боевые дружины повстанцев, возглавляемых Д. Баимбетовым, К. Жубановым, Д. Караевым и другими руководителями, избранными впоследствии ханами. Необходимо отметить, что выборы, или объявление того или иного лица ханом, связывались с традициями казахского общества, а также вытекали из необходимости осуществления единого руководства движением.

Масштабы волнений в Каракумах разрастались, и это стало вызывать беспокойство властей. Поэтому вскоре по просьбе Голощекина и руководителей республиканского ОГПУ в Аральск, а затем на станцию Джусалы были переброшены регулярные части 8-й кавалерийской дивизии, уже успевшей отличиться при подавлении Иргизского восстания.

Штаб дивизии и один ее полк дислоцировались в Оренбурге, два других полка — в Орске и Троицке. Из орского и оренбургского полков этой дивизии были сформированы специальные группы, которые совместно с отрядами коммунаров направлялись в разные части Каракумов для ликвидации повстанческого движения. Кроме того, с южной и юго-восточной стороны песков в северном направлении двигались отряды Среднеазиатского военного округа. Общее руководство войсковой операцией осуществлял командир 8-й кавдивизии Евсеев совместно с заместителем полномочного представителя ОГПУ в Казахстане Алыпанским, в операции участвовали даже разведывательные самолеты.

По свидетельству Бармаса, органы ОГПУ постоянно доносили о наличии в Каракумах крупных формирований повстанцев, указывалась даже численность их — до 2, иногда до 3 тысяч человек. По сведениям ОГПУ, все они были якобы хорошо вооружены. Между тем, вопреки оперативным данным ОГПУ, отряды 8-й дивизии, высланные со стороны Аральска в восточном и юго-восточном направлениях, а также из Иргиза и Карсакпая в южном и западном направлениях, блуждая по пескам, так и не смогли встретить более или менее вооруженных групп повстанцев. Были среди них и те, кто опасался репрессий за причастность к восстаниям, ликвидированным силами войск в Иргизе. Нередкими были случаи, когда жертвами становились абсолютно безоружные лица, по которым, едва они оказывались в поле зрения военных, без всяких разбирательств открывался прицельный огонь.

После множества таких случаев командир 8-й кавдивизии Евсеев был вынужден поставить перед руководством республики и командованием САВО вопрос о целесообразности широкого втягивания регулярных войск в карательные операции против крестьянства. В качестве аргументов он проводил такие доводы: во-первых, красноармейцы не знают ни языка, ни традиций казахского населения; во-вторых, чтобы разрядить обстановку, необходимо менять политику в отношении крестьянства, прекратить произвол и перегибы в ауле; в-третьих, казахские руководители сами должны разобраться с обстановкой и провести переговоры с каракумским населением. И, наконец, по мнению Евсеева, в Каракумах отряды 8-й кавдивизии до сих пор не встретили ни одной (более или менее) хорошо вооруженной группы повстанцев. Поэтому, во избежание кровопролития и в целях мирного разрешения конфликта, он предложил послать к повстанцам правительственную комиссию.

Тем не менее, войска продолжали действовать. В то же время и повстанцы не оставались в долгу. 7 апреля в местности Сарман-Ходжа (Караунгур) два отдельных отряда 8-й кавдивизии и приданные к ним отряды коммунаров и кавдивизиона, переброшенного из Алма-Аты, при столкновении с повстанцами муллы из Кармакчинского района Джумагазы Баимбетовым понесли значительные потери. В руки повстанцев попали 12 винтовок и пулемет. Другая группа восставших во главе с Пермагамбетом Лаубаевым из того же района также нанесла удар по войсковым отрядам. Примерно в это же время в Казалинском районе крупные силы повстанцев имама Максума неоднократно проявляли неуступчивость в столкновениях с войсковыми отрядами. Хорошо зная местность и действуя внезапно, повстанческие группы часто уходили от погони. Все это ускорило выполнение требований, выдвинутых комдивом Евсеевым правительству Казахстана и командованию САВО.

Правительственная комиссия во главе с заместителем председателя ЦИКа КАССР А. Жангельдиным (в состав ее также вошли писатели С. Сейфуллин, Г. Мусрепов и другие) прибыла в местность Тохабай (недалеко от станции Аральское море). После длительных и трудных переговоров повстанцы согласились сложить оружие и разойтись по аулам. Комиссия разрешила откожевникам остаться на месте пребывания и организовать колхозы. Кроме того, всем участникам восстания была обещана амнистия. Конфликт был в принципе улажен. Лишь небольшая часть восставших во главе с Баимбетовым ушла в глубь песков (вскоре его группа была разгромлена, а сам Баимбетов пленен). Однако, несмотря на обещания комиссии не привлекать повстанцев к ответственности, впоследствии все участники движения в Каракумах были репрессированы.

При утверждении состава Комиссии секретарь Крайкома ВКП(б) Голошкекин учитывал авторитет и популярность в народе известных писателей Сейфуллина и Мусрепова. Однако сегодня вполне можно убедиться, что их просто подставили. Послав уговорить повстанцев сложить оружие и на первых порах оказать продовольственную и медицинскую помощь, впоследствии правительство не сочло нужным

выполнить данные комиссией обещания. Сведения о событиях в Каракумах, так же, как и других восстаниях в разных концах республики, держались в строжайшей тайне. Впоследствии (в 1937 году) Мусрепов, заполняя служебную анкету в качестве председателя Комитета по делам искусств при СНК КАССР, о своем участии в комиссии по каракумскому вопросу указывал: «выполнял специальное поручение». То, что произошло с участниками каракумской откочевки в дальнейшем не могло не отразиться на настроениях населения и их обида на членов комиссии так и осталась.

Сейфуллин и другие в 1937 году ко всему прочему были обвинены в неправильном ведении переговоров, чуть ли не в потворстве участникам восстания. Обещанная свобода отправления религиозных обрядов, выписанные на имя Баимбетова и других религиозных деятелей документы для поездки в Уфу с целью ведения переговоров об открытии в Казахстане самостоятельного муфтията, были ширмой для успокоения повстанцев и следовавшего за ними населения. За ходом переговоров внимательно следила группа работников ОГПУ во главе с Алыпанским. Он в открытую заигрывал с руководителями повстанцев. Так, один из руководителей повстанцев Досжан Караев, принявший условия перемирия и приложивший много усилий для сложения оружия повстанцами, был принят в Аральске руководителями ОГПУ в Казахстане. По словам Бармаса, его даже «покатили на легковой автомашине, которую он впервые в жизни увидел». А когда члены комиссии разъехались, и повстанцы разоружились, его вместе со всеми участниками восстания арестовали. Впоследствии он был репрессирован органами ОГПУ как один из руководителей восстания.¹⁶⁶

Так завершилась ликвидация повстанческих групп в Каракумах. Следует отметить, что кроме частей 8-й кавдивизии в подавлении восстания в Каракумах участвовали 62-й дивизион ОГПУ, национальный кавалерийский эскадрон, конная горно-вьючная артиллерийская батарея Ленинской школы САВО, прибывшая из Ташкента в связи с Сузакским восстанием и оставленная для дальнейших действий в Каракумах, а также другие войсковые части и отряды ОГПУ. Из числа военнослужащих в ходе этой операции погибло 24 человека, тогда как со стороны крестьянских повстанческих отрядов погибло только при проведении карательных акций 386 человек, не говоря уже о жертвах последующих необоснованных репрессий.¹⁶⁷

Имея в виду напрасные жертвы среди населения и сожалел о действиях некоторых отрядов и их командиров, тот же Бармас писал: «Как самый отрицательный факт — это недопонимание со стороны некоторых лиц той создавшейся обстановки в Казахстане и значение нашего выступления. Наше выступление некоторые товарищи отождествляли с экспансией буржуазных армий в колониальные страны (карательная экспедиция)... Хотя против нас и был противник, который не имел технических средств борьбы, но зато количественно нас превосходил...».¹⁶⁸

За Каракумскую операцию 57 военнослужащих и сотрудников ОГПУ были представлены к награждению орденом Красного Знамени, двое — Красной Звезды. Большая группа красноармейцев (500

человек) отмечена ценными подарками. В ходе пребывания в Каракумах на расходы частей 8-й кавдивизии было потрачено 300 тысяч рублей, которые компенсировались из бюджета правительства Республики.¹⁶⁹ Так завершилась еще одна трагическая история сопротивления крестьянства.

В одно время с событиями в Каракумах проводилась операция по подавлению восстания и в Казалинском районе. Здесь в феврале—марте 1930 года в местности Шортан-Мечеть вспыхнуло восстание под руководством ишана Акмурзы Тосова. Уважаемый и известный среди населения района А. Тосов сумел объединить вокруг себя людей и хотел пробиться к основным силам повстанцев, находящимся в Каракумах. Ближайшими помощниками стали его братья и сын Токмурза, Айтмурза и Тоймурза Тосовы, Бекдильда Досымов, Абдали Маймаков и другие. Вскоре в отряде А. Тосова насчитывалось свыше 200 человек. Необходимо отметить, что люди А. Тосова иногда насильно заставляли крестьян присоединяться к восстанию. В противном случае угоняли скот или отбиралось имущество того, кто не помогал повстанцам.

В начале марта 1930 года отряд красноармейцев, направленный для подавления восстания, предложил Тосову добровольно сложить оружие, он отказался. Группа Тосова была вооружена 20 винтовками, кроме того, часть повстанцев (около 80 человек) имела охотничьи ружья. Поэтому Тосов со своими людьми нередко первым вступал в бой с войсковым отрядом. Так случилось 11 марта 1930 года, когда повстанцы внезапно напали на отряд красноармейцев. Однако в бою 25 марта 1930 года восставшие потеряли убитыми более 30 человек, в их числе погиб и Тосов. Остатки отряда ушли в пески Кызылкумов, но вскоре были разгромлены. К уголовной ответственности по делу Тосова был привлечен 81 человек, из них 10 расстреляно.

В августе 1930 года на почве перегибов в ходе сдачи государству хлеба в Казалинском районе снова вспыхнуло восстание. На этот раз под руководством имама Максума поднялись жители аулов № 19, 20, 23, 24 и 26. Восставшие решили: «Если власть будет требовать хлеба, то мы ответим свинцовым «хлебом».¹⁷⁰ Многие жители Казалинского и Аральского районов присоединились к восставшим. К началу сентября 1930 года численность повстанцев возросла до нескольких тысяч. Однако вооруженных было незначительное число.

В начале для ликвидации восстания был послан отряд ОГПУ из 80 человек. 4 сентября 1930 года в местности Тахта-Купыр состоялась встреча повстанцев с отрядом. Восставшие атаковали отряд, но залповым огнем красноармейцы отбили наступление. Потеряв 10 человек убитыми, повстанцы отошли, а затем выслали парламентаров. Последние пытались разъяснить ситуацию: «Население недовольно тяжелыми налогами. Это выступление — недоразумение. Народ против Советской власти не идет. Просим прислать представителя для разъяснения положения». Однако командование отряда вместо мирного решения конфликта отвергло эту просьбу, потребовав через 2 часа сложить оружие и выдать главарей. Встретив столь категоричное непонимание, парламентары отказались выполнить предъявленный ультиматум.

6 сентября 1930 года на помощь красноармейцам прибыл казахский национальный кавдивизион, расквартированный в Алма-Ате.¹⁷¹ К этому времени ряды восставших под руководством имама Максума выросли до 5 тысяч человек. К нему же присоединился и отряд жителей аула № 21 Казалинского района под командованием Е. Беркимбаева. Собрал отряд численностью в 160 человек, на сходе Беркимбаев, сорвав красный флаг над аулсоветом, заявил: «Скоро Советской власти не будет!» 13 августа 1930 года в урочище Карагул организовался другой крупный отряд из числа жителей аулов № 14, 17, 18 и 19. Возглавил их содержатель мечети Бала-Ахун, известный в округе религиозный деятель Тлемурат Кошанов. Собравшись в урочищах Макбал и Каска, вскоре эти вновь сформированные повстанческие группы влились в отряд Максума. При этом многие жители не только Казалинского, но и Аральского района, присоединились, как они сами называли, к «движению Максума». На вооружении у повстанцев, кроме холодного оружия, было 300 ружей и 30 винтовок.

6 сентября 1930 года в день прибытия казахского национального кавдивизиона повстанцы вновь атаковали силы карателей. Однако, потеряв убитых 40 человек, в том числе и самого Максума, а также 14 человек ранеными, отступили.

Тяжелое положение крестьян вынуждало их к отчаянной борьбе. Но, не имея возможности оказывать длительного сопротивления, они снимались с насиженных мест и откочевывали не только в соседние районы, но из-за пределы республики.

Так поступали крестьяне Кармакчинского, Казалинского, Терен-Узенского, Аральского и других районов Кызыл-Ординской области, Челкарского, Уильского, Табынского районов Актюбинского округа (ранее часть этих районов входила в состав бывшего Адаевского округа), Доссорского, Макатского, Мангистауского, Жилокосинского районов Гурьевского округа. Многие жители этих районов вместе с хозяйством и скотом откочевали на территорию Туркмении, Каракалпакии и Таджикистана, а часть ушла в Иран и Афганистан.

Это особенно ярко проявилось на примере Адаевского округа. Как известно, округ был образован в соответствии с новым административно-территориальным устройством Казахстана в январе 1928 года. В его состав вошли тогда 5 районов (Мангистауский, Устюрт-Самский, Табынский, Алты-Карасуйский, Уильский), а также Кайиндинская, Кумды-Уильская, Жиделы-Сагызская и часть Эмба-Байсаринской волости бывшего Темирского уезда Актюбинской губернии. По размерам территория округа намного превышала площадь бывшего одноименного уезда и в 1928 году достигла 345 200 квадратных метров¹⁷². Население составило 189,2 тысячи человек, из них — 96,8 процента казахов, 1,7 процента русских. По данным выборочного обследования 1927 года, в округе 96 процентов было казахским. В соответствии со сложившейся системой жизнеобеспечения 97 процентов населения кочевало в течение всего года, причем амплитуда кочевания достигала 1200 и более верст. Численность скота в округе в 1927 году составила 1931 тысячу голов.¹⁷³

Земледелием в округе почти не занимались. Общая посевная площадь хозяйств составляла около 2 тысяч гектаров по берегам рек и в немногочисленных оазисах. Ежегодно летние откочевки адаевцев на территорию соседних округов вызывали острые столкновения с жителями этих мест. Конфликты из-за сенокосных угодий происходили в переселенческих селах Ново-Алексеевского, Темирского и ряда других районов Актюбинского округа. А прикочевки в Кызыл-Кутинский и Казахский районы Гурьевского округа сопровождались конфликтами с местным казахским населением.¹⁷⁴

Следует отметить, что здесь в наиболее чистом виде сохранились патриархально-родовые отношения. Хотя население округа, ввиду специфических условий и положения, временно выводилось из-под действия декрета о конфискации, вскоре и этот регион был полностью вовлечен в водоворот событий, охвативших тогда всю страну. С 1930 года в аулах округа регулярно проводились операции по выявлению и поимке баев, скрывающихся от конфискации и выселения.

Как известно, в историческом прошлом на полуострове Мангистау адаевцы утверждались в постоянных столкновениях с соседними народами и племенами. Суровые климатические условия, постоянная борьба за выживание сформировали сильный, независимый характер и сплоченность уроженцев этих мест. Советскую власть население региона встретило дружелюбно. Экспедиция Жангельдина, высадившегося 23 августа 1918 года в Форт-Александровском, с целью доставки оружия отрезанному от Центральной России Актюбинскому фронту, опиралась на поддержку адаевцев. Более ста добровольцев помогали тогда экспедиции пройти по намеченному маршруту.

Организацию помощи возглавил Тобанияз Алниязов, пользовавшийся большим доверием и уважением среди своих сородичей. Поэтому Жангельдин назначил его председателем уездного ревкома. Вскоре Алниязов был избран в состав КазЦИКа и до 1925 года оставался в этом качестве. Однако его отношения с Советской властью были непростыми. Непокойная обстановка в соседних Каракалпакии и Туркмении, набеги отдельных бандитских групп в аулы заставили Алниязова в 1922 году собрать в Форт-Александровском крупный отряд и пуститься в рейд по прилегающей территории Каракалпакии и занять г. Кунград. Сам он был объявлен ханом адаевцев. Что он впоследствии объяснял в показаниях следователям, было более понятным населению, чем должность председателя ревкома. Попытки Алниязова таким образом навести порядок и обезопасить население были расценены властями как самоуправные, подрывающие основы межнациональных отношений. К тому же независимость в действиях, восстановление суда биев и другие методы его правления шли вразрез с большевистской идеологией и практикой. Вскоре его отстранили от должности, однако уголовное преследование после долгих проволочек было прекращено.

Обострению ситуации и возникновению широкомасштабного повстанческого движения способствовал и джун, разразившийся в 1929 году. Особенно в затруднительном положении оказалось население Мангистау-

уского района. Решением правительства республики часть населения была переселена в различные районы Актюбинского и Кзыл-Ординского округов. Было взято на учет более 11 тысяч голодающих. Для оказания помощи пострадавшему населению была создана комиссия, выделялись средства, завозился хлеб и т.д. Однако значительные средства из выделенных, как выяснилось позже, тратились не по назначению, а продовольствие через потребительскую кооперацию пускалось в торговлю. Таким образом далеко не для всех правительственные меры оказались спасением. Многие семьи продолжали голодать.¹⁷⁵

Облегчения откочевникам не наступало и в новых местах поселения. Не выдержав тяжести уплаты налогов и бесчинств местных коллективизаторов, они начали возвращаться в свои родные места. Но и здесь их ожидало горькое разочарование: местные работники повторно заставляли их платить налоги, отбирали скот в счет госпоставок и т. д.

Положение усугублялось и групповой борьбой за сферы влияния в округе между работниками различного ранга, включая и партийно-советских. Происходящие изменения, да и сама обстановка, ухудшавшаяся с каждым днем, они встречали с огромным беспокойством. Многие из них опасались, что руководители, посланные в округ, не знают местных особенностей и не будут с ними считаться. И это обстоятельство вынуждало их объединяться в различные группировки. Даже партийные конференции, состоявшиеся после образования округа, в ряде районов проходили под влиянием определенных группировок, а в некоторых кандидатуры, предложенные на пост секретарей райкомов, председателей райисполкомов при голосовании прокатывались. Все это стало предметом разбирательств со стороны вышестоящих партийно-советских органов. Вскоре некоторые строптивые работники окружного и районного масштаба были отстранены. А это также отражалось на настроениях населения.

В середине ноября 1928 года прокатилась волна арестов среди партийно-советских работников Мангистауского и ряда других районов. Были арестованы Т. Алниязов, вместе с ним ряд лиц, в прошлом служивших в местном аппарате царской власти, а также бывшие председатели райисполкомов Ш. Усембаев, К. Кульчаров и др. Среди арестованных было 11 коммунистов, в том числе и делегаты окружной партконференции.

Поводом к арестам послужила загадочная пропажа с борта судна, стоявшего недалеко от мыса Песчаного, ночью 2 ноября 1928 года члена КазЦИКа, заместителя председателя окрисполкома Ш. Ералиева.¹⁷⁶ Его исчезновение могло быть и результатом несчастного случая: в ту роковую ночь, по показаниям свидетелей, после ужина, где подавались и спиртные напитки, он вышел на палубу один, откуда так и не вернулся. Было заведено уголовное дело по подозрению в умышленном убийстве. Органы ОГПУ при настойчивой поддержке Крайкома ВКП(б) начали искать виновника. Останки Ералиева были найдены в море лишь спустя год. Срок, прямо скажем, изрядный. Однако судебно-медицинские эксперты, подыгрывая желаниям вышестоящих инстанций, дали заключение о его насильственной смерти. Так появилась зацепка для за-

ведения органами ОГПУ дела с громким названием «о контрреволюционной организации баев, торговцев, бывших служащих царского правительства и советских работников бывшего Адаевского округа».

В августе 1930 года, когда следствие по делу шло к завершению, Адаевский округ был ликвидирован, и все его районы, кроме Уилского и Табынского, передавались Гурьевскому округу, а указанные два района — Актюбинскому. Это известие было встречено населением, в особенности работниками партийно-советских органов, отрицательно. Опасения, что отныне жители полуострова лишаются самостоятельности и их жизненные вопросы будут решаться в Гурьеве, вызвали поток жалоб и обращений. Протест населения сопровождался откочевками, уходом повстанческих групп, число которых, по оперативным сводкам органов милиции и ОГПУ, перевалило за 50. Некоторые из таких групп как, например, возглавляемые К. Кощановым и К. Кожаметовым, возникли на почве уголовных преступлений и действовали в течение нескольких лет, занимаясь грабежами и убийствами.¹⁷⁷

Тяжелые материальные условия, постоянные угрозы и преследования привели к возникновению крупных очагов сопротивления и подтолкнули население к массовой откочевке в Туркмению и далее к границе. Пущенная в те годы кем-то поговорка о том, будто бы «спасение Адая — дело рук самих адаевцев» на самом деле выражала не стремление населения региона к некоей обособленности, наоборот, являлась отражением смысла происходящего, когда само государство сознательно подвело своих граждан к краю пропасти. Тем не менее, это обстоятельство использовалось органами ОГПУ: Алниязову, а также бывшим руководителям районов Усембаеву, Кулчарову и другим, наряду с прочими обвинениями, инкриминировалось создание подпольной контрреволюционной организации «Акбота» с неким филиалом «Суфи» и «Группой спасения Адая». Кроме того, они обвинялись в агитации населения за откочевку в Туркмению и Афганистан. 9 октября 1930 года 61 из 70 обвиняемых по делу (9 скончались в тюрьме до окончания следствия) предстали перед «тройкой» ОГПУ. В итоге 21 из них приговорен к расстрелу, остальные осуждены на различные сроки.¹⁷⁸ Но и после этого аресты не прекращались. К началу 1930 года только в доме заключенных Форта-Александровского число арестованных перевалило за 200. В ночь на 14 апреля 1931 года они, разоружив охрану, ушли из города. Их попытки захватить радиостанцию и райаппарат ОГПУ не увенчались успехом. Все это подтолкнуло повстанческие группы перейти к более активным действиям и развернуть массовую откочевку на юг.

К концу 1930 года восстание охватило все пять районов округа. Наступление голода и заготовительная кампания весной следующего года заставили отдельные группы объединиться в крупные отряды и во главе населения двинуться в сторону Туркмении. При этом восставшие, разогнав представителей местной власти и активистов, а в ряде случаев и уничтожив их, захватывали имущество и скот заготовительных пунктов. Так, в Жилокосинском районе поднял мятеж Нургали Куттегенов. В марте 1931 года в местности Байзул и Ушку, освободив

очередные группы арестованных крестьян, он склонил свои аулы к откочевке. К ним присоединились жители аулов Доссорского района, возглавляемые У. Ершураевым.

Крупным очагом восстания стала северная часть округа. Здесь в марте 1931 года, объединив действовавшие врозь группы сопротивления, жители аула № 19 Уилского района Б. Чуланов, К. Ембердиев, К. Шененов организовали откочевку 1500 хозяйств в сторону Туркмении. К ним присоединились жители аулов Табынского района во главе с Кулчаром Кужбановым. По пути в апреле 1931 года в местности Кайнар старейшины родов адай-майлан, адай-кенже, адай-абыз, адай-мамыр, адай-туркмен выбрали Бокмаша Чуланова своим предводителем. Его советниками стали У. Баядилов, Х. Тулегенов, К. Утегенов, А. Шумгулов и К. Ембердиев.

В это время органы ОГПУ с помощью коммунаров предприняли активные меры против восставших. Однако их малочисленные отряды не смогли воспрепятствовать боевым группам повстанцев. Поэтому Чуланов и его люди часто одерживали победу. Так, в местности Боздак после продолжительной перестрелки повстанцы во главе с Чулановым заставили отряд ОГПУ отступить на промысел Иманкара. Через день 15 апреля 1931 года недалеко от промысла повстанцы вновь напали на отряд ОГПУ. Однако получившему подкрепление и хорошо вооруженному отряду удалось отбить их атаку. Чуланов с потерями отступил в местность Канжыга. И только 20 апреля 1931 года, с прибытием частей регулярных войск, удалось подавить очаг восстания в этой части округа. При этом было задержано 834 человека. Самому Чуланову с 18 сарбазами удалось бежать. Однако через два месяца он вместе со своей группой был задержан в Хобдинском районе Актюбинского округа. Только по делу, связанному с восстанием Чуланова, впоследствии предстали перед «тройкой» ОГПУ свыше 500 человек.¹⁷⁹

В целом в 1929–1930-е годы операции по подавлению мятежа и локализации очагов сопротивления в Адаевском округе проводились регулярно. Однако сил местных органов ОГПУ на это явно не хватало и часто на помощь вызывались войска. Еще в марте 1929 года из Дагестана в Форт-Александровский для ликвидации повстанческой группы К. Кошанова был вызван дивизион красноармейцев под командованием Сумбатова. А теперь, 14 апреля 1931 года, через Каспий на полуостров вновь срочно перебрасывается объединенный отряд войск, возглавляемый уже начальником управления Закавказского погранокруга тем же Сумбатовым. Сюда же прибывает крупный отряд во главе с заместителем командира 24-го полка ОГПУ Оглоды. Еще один отряд под командованием Воронежского перебрасывается из Саратова. На автомашинах из Гурьева выходит в рейд 68-й дивизион ОГПУ. С моря его действия поддерживались огнем сторожевого судна «Атарбеков». Всего на подавление восстания в Адаевском округе было брошено 32 подразделения армейских частей и войск ОГПУ, личный состав которых насчитывал более 1000 человек. Им помогали 200 коммунаров из Гурьева, Уила и Форты-Александровского. Таким образом, вся территория округа контролировалась войсковыми отрядами. Как свидетель-

ствуует ход дальнейших событий, на самом деле не было острой необходимости стягивать такое количество войск на территорию округа. Фактически на полуострове сложилась обстановка такая же, что и в Каракумах, где войсковые отряды вместо вооруженных «бандитских формирований», в основном, сталкивались с безоружными людьми.

Например, отряду Сумбатова ставилась конкретная задача: «Действовать в Мангистауском районе, ликвидировать отдельные появившиеся бандитские группировки, пресечь откочевку отсюда». К тому времени, когда прибыл отряд Сумбатова, все аулы Мангистауского района, кроме одного, откочевали в сторону Туркмении. Только силами его отряда удалось приостановить их, заставить повернуть назад. После ликвидации отдельных вооруженных групп и временного приостановления откочевки отряд Сумбатова 20 мая 1931 года отзывается обратно.

Крайком ВКП(б) и правительство Казахстана для принятия конкретных мер и успокоения населения срочно командировал в Мангистау члена КазЦИКа, наркома просвещения республики Сейткали Мендешева. Однако, несмотря на все старания, ему не удалось выполнить столь важную миссию. Вся его деятельность, так же, как и всех органов и служб, причастных к подавлению Адаевского восстания и прекращения откочевки, не затрагивала главных причин происходящего. О характере его деятельности, как представителя правительства Казахстана, можно судить из следующей директивы, данной ему Исаевым и Голощекиным: «Форт-Александровский. Секретная. Уполномоченному ГПУ, для Мендешева.

Под Вашу ответственность, исходя из местной конкретной обстановки, в случае необходимости разрешается Вам от имени представительства выпустить обращение к населению. В обращении должны быть ясно выражены политика партии и правительства по (части) помощи трудовому населению, классовый характер, политический смысл лозунгов баев и мулл, их приспешников, являющихся организаторами там происходящего, в том числе и откочевки. В обращении не допускать никаких уступок в вопросах заготовок, мобилизации средств и других. Твердо поставьте вопрос о выдаче баев и главарей».¹⁸⁰

Вот так, вместо ликвидации причин восстания и откочевки власти в первую очередь заботились о выявлении их зачинщиков. Но, несмотря на усиление карательных операций, сопротивление населения продолжалось. Обходными путями, избегая встреч с карателями, аулы продолжали откочевку. К началу лета в Устюрте и южной части полуострова Мангистау скопилось большинство хозяйств откочевников из Уилского, Табинского, Жилокосинского и Доссорского районов. По данным ОГПУ, их число составило от 12 до 15 тысяч. Разрозненными группами, с примитивно вооруженной охраной, они продолжали двигаться в Каракалпакию, Туркмению и далее — за кордон.

В самом Форт-Александровском обстановка также была напряженной. Как отмечалось выше, еще в апреле 200 заключенных, содержавшихся в местной тюрьме, обезоружив охрану, ушли в ряды повстанцев. Откочевники и сопровождавшие их вооруженные группы не раз

пытались захватить город. Так, с 29 на 30 мая, затем 4 июня вооруженные группы (хотя в основном все вооружение у них состояло из десятка охотничьих ружей) совершили нападение на город и, напоравшись на огонь местной охраны и группы бойцов, отступили. А 23 июня 1931 года повстанцы, двигавшиеся вдоль побережья из полуострова Бузачи во главе с М. Сапаковым, Ж. Исатаевым и У. Карабатыровым вошли в Форт-Александровский и завязали бой с 60 бойцами войск ОГПУ и 40 коммунарами. Не сумев взять здания районного аппарата, банка и арсеналы, они сожгли дом, в котором размещалась местная контора Живсоюза, откуда, по их мнению, исходили директивы и планы по заготовке скота и других сельхозпродуктов, и только через восемь часов оставили город. Затем разграбив хозяйства, находящиеся на островах Аксункар, Саура и Долгий, повстанцы ушли в Устюрт, по пути предприняв неудачную попытку атаковать 68-й дивизион ОГПУ, проводивший карательные акции в степи. 27 июля 1931 года группа восставших вновь совершила атаку на город (во главе с Жуматаем Усеновым). После этого случая власти вновь вызвали войска из Баку.¹⁸¹ Однако в этот раз бакинскому отряду предписывалось нести только охрану райцентра и его окрестностей в радиусе 50 километров и не вмешиваться в дела откочевников.¹⁸²

Карательные операции продолжались на полуострове Мангистау и в Устюрте до осени 1931 года. Были потери и со стороны армейских частей. При отражении нескольких атак восставших в Форт-Александровском погибло 30 человек.¹⁸³ В других боях, в особенности в степи, войска почти не несли потерь. Судьба безоружных крестьян, действовавших против хорошо вооруженных армейских частей, была предрешена. Тем не менее, при случае и они оказывали упорное сопротивление. Так, например, 24 июня 1931 года в местности Босага на Устюрте развернулся бой, продолжавшийся более десяти часов. Повстанческий отряд Мурзагали Танымбаева, численностью 400 человек, смело вступив в бой с армейской командой, продвигавшейся на автомобилях, оборудованных станковыми пулеметами, заставил ее перейти к круговой обороне. Заняв господствующие высоты и окопавшись, они повели продуманное в тактическом отношении наступление. Разделившись на группы по 60–100 человек, повстанцы полностью заблокировали команду, состоявшую из 40 бойцов. Лишь подоспевшее подкрепление красноармейцев и его удар с тыла заставили восставших оставить место боя. Несмотря на потери и гибель Танымбаева, повстанцы в этом бою не были разгромлены и им удалось уйти. А органы ОГПУ в последующем так и не смогли напасть на их след.¹⁸⁴

В июле 1931 года в Адаевский округ командирован секретарь КазЦИКа А. Асылбеков. Вместе с Мендешевым он предпринял ряд мер по организации помощи откочевникам и мирному урегулированию конфликта. В местностях Сенек, Сумса ему частично удалось уговорить откочевников прекратить дальнейшее продвижение. Однако наступление голода, гибель людей и тяжелое положение всего населения аулов республики вынуждали их уходить подальше от опасности. Действия

отдельных небольших повстанческих групп не прекращались до середины 1930 года.

В декабре 1931 года Крайком ВКП(б), заслушав специальную информацию полномочного представителя ОГПУ по Казахстану Даниловского, принимает решение о создании Политкомиссии по Мангистау в составе заместителя председателя Совнаркома КАССР У. Кулумбетова, секретаря крайкома Рогозина и секретаря ЦИК КАССР А. Асылбекова.¹⁸⁵ Благодаря деятельности этой комиссии удалось остановить откочевку и, главным образом, прекратить произвол, из-за которого люди покидали родные места. Населению оказывалась продовольственная и медицинская помощь. Вместе с комиссией для ликвидации оставшихся повстанческих групп из Алма-Аты посылается отряд Казахского национального полка во главе с его командиром Т. Алиевым.¹⁸⁶ Как уроженец этих мест, он пользовался большой популярностью в народе. В этом действии властей также имелся свой скрытый расчет.

Откочевки и повстанческое движение нанесли огромный урон хозяйству округа. Только в Мангистауском районе в 1931 году они угнали свыше 41 600 голов овец и коз, 1200 лошадей, около 900 верблюдов. Убытки государственных учреждений и предприятий, подвергшихся нападению повстанцев, составили около 1 миллиона рублей.¹⁸⁷ Однако вновь в трагической ситуации оказалось население. Бегство и постоянные стычки с карателями привели к потере основной части скота. Теперь же, попав в полное распоряжение властей, людям предстояло разделить участь остальных, кто уже находился в колхозах. Одновременно начались аресты зачинщиков откочевки и мятежей, выявление бывших баев и кулаков. В результате подавления восстания в бывшем Адаевском округе, не считая осужденных за так называемую контрреволюционную деятельность, по неполным данным более 800 человек предстали перед «тройкой» ОГПУ. Из них часть расстреляна, 79 умерли в тюрьме до вынесения приговора, остальные получили различные сроки наказания.

5 апреля 1932 года 372 участника Мангистауского движения (восстания туркмен и адаев) подверглись репрессиям. Как организаторы и руководители восстания были расстреляны Бокмаш Чуланов, Карамурза Ембердиев, Рахмен Бокмашев, Демеген Айжанов, Коюбай Алдасугуров, Утебай Джанысов, Койшигал Джантилеуов, Демберген Ембердиев, Кобеген Курманов, Кайсар Кайдагулов, Амир Нысанов, Казах Шинанов, Кобейсин Куантыров, Жумабай Усенов, Лукпан Сарыкулов и др.¹⁸⁸

Положение тех, кто оказался за пределами республики, было не лучшим. Неоднократные попытки руководства Казахстана по горячим следам вернуть их назад окончились безрезультатно. Как и повсюду, в тяжелом положении находились и около 3 тысяч крестьянских хозяйств, оказавшихся в ноябре 1931 года на территории Каракалпакии. Это были в основном выходцы из Челкарского, Табынского, Аральского, Уильского и Мангистауского районов. Несмотря на просьбу руководителей автономной области (в это время Каракалпакия непосредственно входила в состав РСФСР — *авт.*), вернуть их

на прежнее место не представлялось возможным. Как отмечалось в одном из документов, «разоренные басмачеством, не имея собственного запаса хлеба и промтоваров, не получая их в порядке снабжения... находятся в бедственном положении».¹⁸⁹ Все это вынуждало одних продавать оставшийся скот местным дехканам за бесценок, других — в массовом порядке забивать его. И только по настоянию обследовавшего эти хозяйства Асылбекова 25 ноября 1931 года бюро Каракалпакского обкома ВКП(б) принимает решение о том, что «ввиду наступления холодов, отошания скота, отсутствия транспорта, юрт и теплой одежды считать откочевку казахов в зимнее время невозможным».¹⁹⁰ Страшный голод, наступивший в 1932—1933 годах, оттянул сроки возвращения казахов из Каракалпакии. Такое же положение было и в других регионах, где оказались беженцы из Казахстана. Так большинство из них приобрело вторую родину за пределами республики.

В не менее трагическом положении оказалось население и других приграничных районов и областей, пытавшихся покинуть пределы республики. В 1929—1931 годы на территории Китая оказалась значительная часть мятежных аулов приграничных Балхашского, Чокпарского, Илийского, Энбекши-Казахского, Биен-Аксуйского, Саркандского, Джаркентского и Барибаевского районов Алма-Атинской области, Зайсанского, Кокпектинского, Тарбагатайского, Маканчинского и других районов Семипалатинской области.

Откочевки за пределы страны (чаще всего в Северо-Западный Китай) предпринимались населением и внутренних районов, охваченных повстанческим движением, а то и просто преследовавшихся в ходе заготовок и насильственного объединения в колхозы. Так, по неполным данным, с начала 1930 года, т.е. в период массовых крестьянских волнений и восстаний, по Казахстану откочевало с места своего прежнего жительства 281 230 хозяйств, в т.ч. 83 тысячи в Северо-Западный Китай и Афганистан. Как свидетельствуют документы, откочевное движение в этот период, а затем и в годы массового голода, охватило не только казахское население аула, но и часть жителей русской переселенческой деревни.¹⁹¹ В частности, за этот период с территории республики откочевало следующее количество крестьянских хозяйств.¹⁹²

Таблица 2

Численность крестьянских хозяйств по Казахстану

Наименование областей	Число хозяйств
Западно-Казахстанская	59 989
Карагандинская	59 928
Алма-Атинская	51 198
Восточно-Казахстанская	35 733
Актюбинская	31 651
Из других областей	43 731
ВСЕГО	282 230

Между тем, в приграничных районах ввиду расположения густой сети регулярных частей, в основном пограничных, восставшие и следовавшие с ними откочевники оказывались в тяжелом положении. Так, весной 1930 года восстание крестьян в Биен-Аксуиском, Саркандском и других районах Алма-Атинского округа было подавлено не только частями регулярных войск, но и при поддержке авиации с воздуха.

В начале 1930 года повстанческое движение охватило также и большинство районов Алма-Атинского округа. В связи с этим особенно крупные события разворачивались в районах, прилегающих к китайской границе. Многие аулы Биен-Аксуиского, Саркандского, Алакульского, Лепсинского, Жаркентского, Талды-Курганского, Октябрьского, Кегенского, Барыбаевского районов оказались в зоне повстанческого движения.

В феврале 1930 года около 500 человек из аулов № 1—4, 6, 12, 13 Биен-Аксуиского района под руководством жителя аула № 3 Бисетая Клыева, бывшего волостного управителя, подняли восстание. Их поддержали жители ряда аулов Каратальского и Саркандского районов, возглавляемые М. Бурхановым, Р. Бутубаевым, С. Утегеновым и другими.

Уйдя в труднодоступные для оперативных групп ОГПУ пески Акжал (90 километров северо-западнее Капала), восставшие создали совет старейшин из представителей родов, повстанцы устанавливают связь и с казахским населением, ранее откочевавшим из района в Китай. Получив одобрение совета старейшин, Б. Клыев намеревался захватить ближайшие аулы и села Арасан, Кзыл-Агач, Аксу, Абакумовское, Капал, для чего выделяет боевые группы. Одну из таких групп возглавил брат предводителя восставших Калдыбай Клыев, и 27 марта 1930 года он без боя занимает райцентр Аксу. По пути к нему присоединяются жители и других аулов. В Аксу восставшие арестовали всех руководителей, в том числе и секретаря райкома А. Ибрагимова (впоследствии убит), председателя райисполкома К. Баксина, судью К. Чимирбекова и других.

Всякая связь с окружным центром была прервана. Положение в охваченных восстанием районах с каждым днем становилось все более критическим. Поэтому полномочный представитель ОГПУ в Казахстане Даниловский в район восстания срочно отправляет несколько эскадронов войск, а также отряды, сформированные из числа рабочих и партийно-советского актива. Одновременно туда же из Алма-Аты посылают самолеты с задачами разведывательного характера.¹⁹³

Узнав о выходе карателей, Б. Клыев отправляет навстречу отряду работника нарсуда З. Бегишева с требованием: «Мы кровь проливать не будем, сдавайте оружие».¹⁹⁴ Однако через два дня войсковой отряд после двухчасового боя выбил повстанцев из Аксу.¹⁹⁵ Б. Клыев отступает в пески Акжал.

Одновременно 27 марта 1930 года другая группа повстанцев во главе с Кожамметом Адильбековым также без боя занимает с. Арасан Саркандского района. На собрании жителей села один из руководителей восставших Кали Мамбетов заявил: «Советская власть привела народ к

нищете, голоду, ведет к гибели. Восстал весь Туркестан. Почти все вокруг занято повстанцами, надо идти с нами». Население села (в основном русское) активно поддержало это обращение. В тот же день вечером 200 человек, в том числе 20 русских, заняли станицу Капал. Здесь они освобождают арестованных милицией и органами ОГПУ крестьян. На другой день завязался бой с подошедшим войсковым отрядом. С воздуха красноармейцев пулеметным огнем и бомбовыми ударами поддерживал самолет. И повстанцы, хотя их ряды к этому времени увеличились до 400 человек, вынужденно отступили.¹⁹⁶

Таким же образом повстанцы вошли и в село Абакумовское. В аулах и селах они захватывали представителей органов власти и активистов, уполномоченных по заготовительным кампаниям, сжигали документы аулсоветов и колхозов. От рук восставших пали член КазЦИКа К. Буланов, работники Биен-Аксуйского районного аппарата А. Болдакбаев, П. Тарасов и многие другие. Лишь силами подоспевших отрядов из числа рабочих-железнодорожников и партийно-советского актива, а также красноармейцев удалось предотвратить дальнейшее распространение повстанческого движения. Оперативное использование самолетов для разведки карательных операций против безоружных людей зачастую помогало решить исход дела.

Повстанцы долгое время контролировали тракт Аксу—Сарканд. 27 марта 1930 года в селе Кзыл-Агач восставшие (около 400 человек), возглавляемые Мукеем Дулатовым и Кудайбергенем Байдашевым, заблокировали в помещении местного кооператива группу красноармейцев, прибывших из Жаркента на охрану дороги. Вместе с членами кооператива и местными активистами красноармейцы организовали круговую оборону. Вооруженные лишь охотничьими ружьями повстанцы не смогли их захватить. Осада продолжалась четверо суток. Только благодаря помощи пилотов, с воздуха обстреливавших повстанцев пулеметным огнем и рассеивавших их, красноармейцам удалось выстоять. На другой день летчики дважды прилетали на помощь и сбрасывали боеприпасы. Вскоре подоспевшим кавалерийским эскадроном повстанцы были отогнаны. Многие участники этого боя скрылись в горах, некоторые присоединились к Б. Клыеву.

Захват восставшими центра Биен-Аксуйского района, Капала, Абакумовки, Кзыл-Агача и других населенных пунктов, прилегающих к Талды-Кургану, и непосредственная угроза городу вынудили органы ОГПУ предпринять более жесткие карательные меры. Начались упреждающие аресты и поимка участников восстания. 11 апреля 1930 года войсковой отряд начал операцию против 500 повстанцев, скрывающихся в песках Акжал и Кирей-Кум под руководством Б. Клыева и М. Дулатова. В первый день, потеряв в бою часть своих людей, восставшие ушли в сторону границы. Однако 13 апреля преследовавший эскадрон снова безрезультатно пытался их уничтожить. И только 15 апреля усиленный отряд войск, настигнув повстанцев вблизи границы, полностью разгромил их. Многие из них были захвачены и переданы органам ОГПУ. В этих боях участвовал экипаж самолета в составе пилота В. Каминского, бортмеханика Ф. Литманова и летчи-

ка-наблюдателя И. Мазурука, который ускорил разгром повстанцев. Как указывалось в представлении ОГПУ к награждению «за заслуги в ликвидации бандитизма», экипаж самолета значительное время участвовал в подавлении восстания и пересечении перехода границы от кочевниками, расстреливая и бомбардируя их с воздуха.¹⁹⁷ Один из членов экипажа Илья Мазурук впоследствии за спасение челюскинцев стал одним из первых Героев Советского Союза, участвовал во многих экспедициях на Северный полюс и в Антарктиду, стал генерал-майором авиации.

Соппротивление крестьянства, сопровождавшееся откочевками в Китай, в приграничных районах Семиречья продолжалось в течение долгого времени. Несмотря на плотные заслоны, установленные пограничниками и частями регулярных войск, попытки перехода границы приобрели постоянный характер. Срываясь большими группами, угоняя скот, откочевники всеми силами старались покинуть пределы республики, превратившиеся для них в суший ад. Гонимые желанием вырваться из него, они тут же погибали от рук пограничников или попадали в руки ОГПУ. Так, в конце 1930 года группы повстанцев, возглавляемые Сейтбатталом Тугулбаевым и Чоканом Елеусизовым, отступая от Капала, направились к советско-китайской границе. По пути к ним присоединились жители урочищ Баласаз, Ашибулак, Буйен и других мест. В урочище Сарытау, где они задержались из-за снежных заносов в горах, 4 апреля их настиг войсковой отряд. Бой длился в течение семи часов. Потеряв 68 человек убитыми, повстанцы вынуждены были сдаться. У них было изъято 28 винтовок, 6517 голов скота. Арестовано и передано тройке ОГПУ 517 человек, из которых впоследствии 108 расстреляно.¹⁹⁸ Операций с таким трагическим исходом для повстанцев проводилось много.

В некоторых районах восставшие крестьяне, уверовавшие в то, что стоит им только организованно выступить, и рабоче-крестьянское государство прекратит свой произвол, восстановит справедливость, пытались создать свои органы самоуправления и через них оказывать воздействие на власть. Так поступили крестьяне Балхашского района Алма-Атинского округа. 3 апреля 1930 года жители аулов № 1–3 и 10, недовольные насильственным вовлечением в колхозы и разверсткой хлеба, а также других продуктов и сырья, подняли восстание. Арестовав членов выездной сессии народного суда, разбиравших дела крестьян, которые не уплатили налоги, они двинулись на райцентр – село Акуль. 6 апреля 1930 года около 400 человек заняли его. Их поддержали жители ряда аулов Чокпарского района. Восстанием руководили Абдибек Нурабаев, Кумербай Кармысов и другие. Руководители района (секретарь райкома, председатель райисполкома, начальник милиции, нарсудья и др.), не организовав никакого сопротивления (за что впоследствии были преданы суду), добровольно сдались. На общем собрании восставшие распустили местную исполнительную власть и избрали «временное правительство района» из шести человек. Его возглавил Нурабаев. Затем повстанцы избрали комиссию из шести человек для контроля над деятельностью нового правительства.¹⁹⁹

До 16 апреля район находился в руках восставших. За это время они организовали и вооружили отряд самообороны, разобрали собранные у населения 1000 пудов зерна, имущество кооперативов, сожгли документы исполкома и суда, где хранились списки и другие документы о сдаче хлеба и мяса и т.д. Большой ущерб был нанесен сельскохозяйственной технике и орудиям. По материалам правительственной комиссии, возглавляемой председателем КазЦИКа Е. Ерназаровым, участниками мятежа были бедняцко-середняцкие слои населения. И «временное правительство района» также создавалось по их инициативе²⁰⁰. На собрании население поручило ему связаться с центром, для чего отправить в Алма-Ату представителей. Члены собрания считали, что ходоки должны были убедить правительство республики в том, что они «не против Советской власти выступают, а недовольны перегибами, которые необходимо немедленно прекратить». Однако, узнав о том, что из Алма-Аты против них идет войсковой отряд, восставшие разделились. Те, кто не верил большевикам и Советской власти, скрылись на труднодоступном острове Желтороты или же рассеялись по аулам. Они же потом, в течение двух недель отстреливаясь, оказывали упорное сопротивление войсковым отрядам. Другая часть восставших вместе с населением 16 апреля 1930 года с хлебом и солью встретила прибывший из Алма-Аты кавалерийский эскадрон 8-го полка ОГПУ.²⁰¹

Правительственная комиссия, распустив «всенародно избранное правительство района», восстановила Советскую власть. При детальном ознакомлении все претензии восставших и населения полностью подтвердились. Комиссия своим решением распустила все колхозы, созданные в принудительном порядке. Были приняты и другие меры для разрядки обстановки. Через три дня население сдало свыше 300 охотничьих ружей и винтовок, возвратило разграбленное имущество.²⁰² Однако к суду было привлечено 57 человек, из них 30 расстреляно 54. Несмотря на все попытки государства успокоить население, через год — в марте 1931 года в районе вновь вспыхнуло восстание, которое удалось подавить уже путем проведения широко развернутых карательных операций.²⁰³

Как отмечалось выше, в крестьянском движении сопротивления участвовало не только казахское, но и русское население сел и казачьих станиц республики. По сводкам ОГПУ, по Казахской АССР в 1929–1932 годы эксцессы и волнения происходили в большинстве сел Петропавловского, Акмолинского, Павлодарского, Семипалатинского и других округов. Так, весной и летом 1930 года в Новороссийском районе Актюбинского округа действовала повстанческая группа Иващенко, в Кургальджинском районе Акмолинского округа — Пашкова. Несколько таких групп стали объектом преследования в Сейтеновском районе Павлодарского округа. Организация сопротивления действовала в бывшем Лепсинском районе Алма-Атинского округа. Тогда же в селе Адамовское Петропавловского округа была ликвидирована такая же группа из 29 человек.²⁰⁴ Следует отметить, что некоторые мелкие группы повстанцев, в основном на территории внутренних районов, зачастую превращались в уго-

ловные. В основе их появления и трагедии лежали те же причины, что приводили к массовому сопротивлению крестьянства. Ряд повстанческих групп, долгое время беспокоивших органы ОГПУ, состоял из казахов и русских (например, в Сейтеновском, Кургальджинском и других районах).

Особенно широкий размах сопротивление среди русского населения приобрело в Восточном Казахстане. Разорение крестьянских хозяйств, непомерное налогообложение и принудительное изъятие излишков хлеба и другие меры одинаково вызывали недовольство и русского, и казахского населения. Так, в конце февраля 1930 года в ряде сел Усть-Каменогорского, Зырянского и Самарского районов бывшего Семипалатинского округа вспыхнуло вооруженное восстание. Организатором его стал бывший учитель, участник Гражданской войны Федор Дорофеевич Толстоухов, исключенный в 1926 году из партии большевиков за несовместимость его взглядов с пребыванием в ВКП(б) и сочувствие эсерам. В период Гражданской войны он был помощником командира партизанского полка «Красные горные орлы Тарбагатай», известного в Восточном Казахстане. В 20-е годы находился в Красной Армии, затем работал на Урале и Дальнем Востоке, а в 1929 году возвратился на постоянное жительство в село Братское Самарского района. Сама по себе интересна эволюция взглядов Толстоухова, некогда активного участника установления Советской власти. Неприятие политики ВКП(б), в особенности в области коллективизации, повальный упадок и разорение крестьянских хозяйств приводят его на путь борьбы с существующим режимом и к идее создания Советов без большевиков. И таким образом, по его мнению, можно было бы обеспечить свободное развитие крестьянских хозяйств. Используя для этого свой опыт партизанской войны, он намеревается поднять крестьянское население как главную движущую силу общества на борьбу с большевистской властью.

Подготовка к восстанию началась с осени 1929 года. Толстоухов и его единомышленники создают в селах Усть-Каменогорского, Зырянского и Самарского районов широко разветвленную сеть подпольных ячеек и групп. В феврале 1930 года организационное оформление восстания было завершено. Решением штаба была предпринята попытка связаться с казахскими аулами для совместного выступления. Однако эта работа до конца не была доведена, чему помешали упреждающие аресты органами ОГПУ ядра восстания. Намеченное на 20 февраля 1930 года восстание все же состоялось. Избежавший ареста Толстоухов непосредственно руководил им. В селах Михайловка, Пантелеймоновка, Мякотиха при его непосредственном участии вводятся осадное положение. Выступления крестьян имели место и в ряде других сел указанных районов.

Вскоре для ликвидации восстания прибыли войска ОГПУ и части Красной Армии. Несмотря на упорное сопротивление, судьба его участников была предрешена: в боях с войсковыми отрядами погибло около 300 человек. Самому Толстоухову с группой в 13 человек удалось бежать в Китай.

Однако там вся его группа была арестована китайскими властями и некоторое время содержалась в тюрьме города Шара-Сумэ (центре Алтайского округа). Заручившись обещанием белоэмигрантских кругов об оказании финансовой и вооруженной помощи, вскоре Толстоухов нелегально возвращается в Самарский район для подготовки нового восстания. На этот раз, отказавшись от идеи крестьянского выступления, он делает ставку на рабочих и городское население Усть-Каменогорска и Риддера и только после этого надеется поднять деревню. Однако эти его попытки не нашли широкой поддержки и были пресечены органами ОГПУ. Скрываясь на островке Бухтармы в Зыряновском районе, в ночь на 28 сентября 1930 года он был убит засадой опергруппы ОГПУ.²⁰⁵

По делу Толстоухова к уголовной ответственности было привлечено 222 человека, из них 35 расстреляно. Попытки органов ОГПУ найти широкие связи сторонников Толстоухова среди жителей казахских аулов не увенчались успехом. Тем не менее, среди осужденных оказался и Нурғали Самаев из Курчумского района, обвиненный в переговорах о совместном выступлении.²⁰⁶

Крестьянское движение сопротивления, затухавшее к концу 1930 года, с новой силой вспыхнуло в феврале—марте 1931 года. На этот раз непосредственной причиной явилась кампания по выполнению 15-месячного плана скотозаготовок. Как известно, коллективизация и меры по ликвидации кулачества и баев предоставили государству широкие возможности экспроприировать у крестьян скот, излишки хлеба и т.д. Однако это не могло долго продолжаться, ибо ресурсы аула и деревни были на исходе. Провалы в сельском хозяйстве все больше создавали реальную угрозу срыва продовольственного обеспечения городского населения, последствия которого оказались бы непредсказуемыми. Поэтому осенью 1930 года Правительство СССР на закрытом заседании принимает решение об усилении темпов обеспечения городов, в особенности рабочих промышленных центров и строящихся предприятий промышленности и транспорта продовольствием и, в первую очередь, мясопродуктами. Главная роль при этом отводилась Казахстану.

19 января 1931 года на заседании Бюро крайкома партии по настойчивому требованию приехавших из Москвы в качестве представителей ЦК ВКП(б) и правительства СССР наркома снабжения СССР Микояна и кандидата в члены ЦК ВКП(б) Н.П. Чаплина* принимается абсурдное решение о немедленном обеспечении выполнения Казахстаном 70 процентов всего намеченного на 1931 год плана сдачи скота в первом квартале того же года.

Свое требование Микоян обосновал необходимостью срочного вывоза мяса в период зимних холодов, до наступления весны.²⁰⁷ К этому времени в большинстве районов Казахстана уже не было такого количества скота, которое намеревались изъять эмиссары из Москвы. Тем не менее, районам срочно давались контрольные задания, namно-

* Чаплин Николай Павлович (1902—1938 гг.). В 1924—1928 годах Генеральный секретарь ЦК ВЛКСМ, затем на партийной работе. Репрессирован и расстрелян в 1938 году.— Ред.

го превышавшие реальные возможности крестьян. Это и вызвало новые протесты.

Здесь следует обратить внимание еще на одну вопиющую несправедливость: изымая все наличное поголовье скота, власти не позаботились даже вовремя выплатить положенную за него компенсацию. Были и другие планы заготовок: шерсти, костей, животноводческого сырья и т.д. В отдаленных районах месяцами не производились расчеты не только по предыдущим кампаниям принудительной контрактации скота, но туда не завозились даже полагающиеся за это товары первой необходимости. Все это, переплетаясь с неумолимо надвигающимся призраком голодной смерти, вынуждало население к отчаянному сопротивлению.

О том, что план заготовок на 1931 год был составлен без учета фактического поголовья скота в республике, говорят следующие факты. При выполнении вышеуказанного пятнадцатимесячного плана в отдельных хозяйствах, аулах и даже районах в целом забиралось полностью все поголовье продуктивного скота. Например, Аягузский район Алма-Атинской области должен был сдать 65 194 голов скота, а в районе было лишь 46 820 голов. Колхозу «Коммунар» того же района при наличии у него 92 голов скота план сдачи был определен в 87 голов. Колхоз «Харьковский» Акмолинского района должен был сдать 135 голов скота из имеющихся в наличии 242.²⁰⁸ Такое положение было по всей республике.

Из-за увеличивавшихся планов сдачи скота переоблагались налогом почти поголовно все крестьянские хозяйства животноводческих казахских районов. Под нажимом сверху местные работники любыми путями старались выполнить спущенный им план. Так, в Каркаралинском районе одноименного округа, который был доведен до полного хозяйственного развала, председатель райисполкома Курмангалиев избивал аульных работников, требуя выполнения плана изъятия скота в 24 часа. В Шетском районе того же округа угоняли скот с полей, не разбираясь, кому он принадлежит, и таким образом план выполнили за один день. В Каркаралинском районе активистов заставляли насильно отбирать скот у населения и пригонять к местам сбора. Председатель райпрофсовета Бочигалиев заявлял им: «Активисты, не пригнавшие 70 коров, т.е. мало скота, пойдут сами на заготовку вместо скота». А активист Тутюбаев, пригнавший недостаточное количество скота, был им избит, другой активист Шахшиев был прикован железным путом к ходу. В колхозе «Кедей» этого же района из 308 хозяйств 297 были обложены индивидуально и их скот отобрали.²⁰⁹ Аналогичных примеров можно привести очень много.

Таким образом, восстания 1931 года были вызваны всем ходом заготовительной кампании. В феврале–марте 1931 года волнениями были охвачены Абралинский, Кувский, Четский и Жана-Аркинский районы Каркаралинского округа, Кзыл-Жарский, Кокпектинский, Чингистауский, Чубартауский и другие районы Семипалатинского округа. Снова вспыхнул мятеж в Балхашском районе Алма-Атинского округа. Продолжалось сопротивление крестьянства в Актюбинском и Гурьевском

округах. Восстания и волнения в ряде районов республики продолжались и летом 1931 года. В результате по-прежнему не прекращались отко-чевки населения в приграничные районы Алма-Атинской, Талдыкорганской, Семипалатинской и Восточно-Казахстанской областей. Гонимые голодом и жестоким преследованием властей, люди надеялись найти спасение за пределами страны.

В более сложном, подчас безысходном положении оказывались участники восстаний во внутренних районах. Они блокировались со всех сторон и очень часто подвергались уничтожению кавалерийскими эскадронами. Так было весной 1931 года в Абралинском, Чингистауском, Чубартауском и других районах.

Как отмечалось выше, восстания 1931 года были вызваны всем ходом заготовительной кампании. Например, в Абралинский район было спущено задание, по которому количество скота, подлежащего к сдаче, превышало более чем в 2,5 раза запланированный объем заготовок.²¹⁰ Попытки секретаря райкома ВКП(б) Н. Маметекова убедить вышестоящие органы о нереальности выполнения такого плана не дали никаких результатов. И только позже, находясь в Алма-Ате на пленуме крайкома ВКП(б), ему удалось настоять на своем и получить исправленный план заготовок. Однако и эти цифры не учитывали реального положения вещей: по плану, составленному в бюрократических кадрах, населению вместо прежних 8745 тонн предписывалось сдать еще 3379 тонн мяса в живом весе. Но все равно это задание район не смог бы выполнить на 100 процентов даже при условии сдачи всего имевшегося у населения скота.²¹¹ И пока Маметеков возвращался в район, доведенное до отчаяния стараниями местных руководителей и активистов население уже поднялось на восстание.

К 12 февраля 1931 года восстание охватило почти все аулы района. При этом особую активность проявили жители 2–12 и 14-го аулов. 14 февраля 1931 года свыше 700 человек из аулов, расположенных в восточной части района, под руководством Коскана Битыбаева, Тускея Смагулова и других повели наступление на райцентр — село Кайнар. Но атака была отбита отрядом самообороны, затем перешедшим в наступление. Разбежавшиеся по аулам крестьяне мелкими группами оказывали сопротивление и к июню 1931 года их силы были окончательно разбиты отрядами войск ОГПУ.²¹²

Однако в северо-западной части Абралинского района (на границе с Каркаралинским районом) события получили иной оборот. Вскоре там под руководством крестьянина 6-го аула Скака Кемпирбаева²¹³ оформилась повстанческая группа, которая взяла под свой контроль порядок в этих аулах. Они арестовали уполномоченных, особо старавшихся выполнить план заготовки скота, сожгли дела аулсовета.

На одном из сходов граждан Кемпирбаев заявил: «Граждане повстанцы! Перед нами стоит трудная, но священная задача — свержение... советского гнета, возглавляемого одним из грабителей — Сталиным. Нет надобности говорить вам о значении и задачах грабительской политики Советской власти в Казахстане. Сама Советская власть не на словах, а на деле доказала подлинную сущность этой своей политики.

Стоит только оглянуться на недавнее прошлое: в 1928 году было положено на **ча**ло практическому осуществлению этой политики, чего Советская власть, будучи еще не окрепшей, не смогла начать раньше. Конфискации **и** так называемых «крупных байских хозяйств» в 1928 году нанесен **пер**вый серьезный удар по экономике Казахстана, положено начало грабежам, которые нашими передовыми людьми предсказывались задолго **ран**ьше. Все вы хорошо помните, что еще в 1928 году нашими учеными **гов**орилось: «Сначала конфискуют «крупного бая», затем отыщут и разорят «**м**елкого бая», потом возьмутся за «середняка», и наконец и до «бедняка» доберутся...»

Такова сущность политики Советской власти, иной она быть не может, ибо она уничтожает частную собственность, создав тем самым **возм**ожность не работая, лодырничая, жить за счет нажитого другими. Но **ес**тественно, что на такой политике далеко не уйдешь, как оно и **случ**илось... Советская власть вместо конфискации середнячко-бедняцких хозяйств ввела целый ряд так называемых хозяйственно-политических кампаний, заготовок, направленных на словах к социализму, а на деле — к поголовному разорению. Разве не с достаточной **яс**ностью это вскрывается нынешними мясозаготовками, когда поголовно обложили почти всех бедняков и батраков. Малейшее возражение — тюрьма, «контрреволюция», расстрел и т.д. Можем ли мы дальше **по**корно бездействовать, тем более, что пожар восстания охватил весь **СССР**? Бездействовать — это преступление и перед Богом, и перед казахским народом. Наш долг — бороться беспощадно и решительно до **к**онца». ²¹⁴

В одном из боев повстанцы взяли в плен отряд коммунаров во главе с районным уполномоченным ОГПУ А. Джамалитдиновым. Уполномоченный райисполкома по мясозаготовкам Т. Аралбаев явился **един**ственным погибшим от рук восставших. Как отмечено в следственных **до**кументах, имущественное положение самого С. Кемпирбаева было следующим: он имел 3 лошади, 2 коровы, 12 коз и юрту, т.е. был по **су**ти середняком.

Вскоре оперотряд 66-го Семипалатинского кавдивизиона ОГПУ, прибывший под командованием оперуполномоченного Семипалатинского оперсектора ОГПУ А. Чупина и отряд, высланный из Каркаралинска под командованием сотрудника ОГПУ Иерусалимова, жестоко **пода**вили восстание. При этом отрядом Иерусалимова (как указано в **до**кументах) было ликвидировано 17 человек, многие из которых были **нев**иновны. В ходе подавления восстания в этих аулах со стороны **по**встанцев было убито 47 человек. По делу Кемпирбаева было привлечено к **у**головной ответственности 274 человека, из них 86 расстреляны. ²¹⁵

Такая же участь постигла восставших и в других мятежных районах. **П**осле подавления восстания в Абралинском, Чингистауском и Чубартауском районах работала правительственная комиссия во главе с председателем КазЦИКа Ерназаровым. Однако ни работа комиссии, ни последующие меры, предпринятые по упорядочению заготовок, не могли **изм**енить положение. Все явственней проступали симптомы неминуемой катастрофы.

В 1931 году восстанием были охвачены и другие районы республики. Трагическими событиями отмечались выступления крестьян в Кокпектинском, Аксуйском, Кастекском и ряде других районов. Не прекращались и откочевки за пределы республики.

Уходили в Китай «от репрессий и голода в надежде потом вернуться с чужой стороны к священным могилам предков». Среди метких стрелков по живым целям был молодой пулеметчик Жаркентского погранотряда войск ОГПУ, будущий Генеральный секретарь ЦК КПСС К.У. Черненко²¹⁶. В 1931 году осенью в приграничных районах Восточно-Казахстанской области скопилось свыше трех тысяч хозяйств, откочевавших из внутренних районов республики. Усилиями правительственной комиссии КАССР во главе с А. Жангельдиным удалось возвратить часть хозяйств на прежнее место жительства. Однако к концу 1931 года население районов, охваченных массовым голодом, ринулось за пределы республики. Остановить их уже не было возможным. В результате в приграничных районах Узбекистана, Киргизии, России появились тысячи беженцев, спасавшихся от голодной смерти.

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 2, с. 15.

² Карр Э.Х. Русская революция от Ленина до Сталина. 1917–1929 гг. М., 1990, с. 138.

³ Сталин И.В. Соч. Т. 2, с. 188–189.

⁴ Там же.

⁵ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36, с. 411.

⁶ Сталин И.В. Соч. Т. 12, с. 369–370.

⁷ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44, с. 428.

⁸ Сталин И.В. Соч. Т. 12, с. 188–189.

⁹ Там же.

¹⁰ УК РСФСР. М., 1932. Ст. 56.

¹¹ Сталин И.В. Соч. Т. 2, с. 48.

¹² Там же.

¹³ Там же, с. 11.

¹⁴ Там же, с. 48–49.

¹⁵ Документы свидетельствуют. М., 1989, с. 236–241.

¹⁶ ЦГА РК, ф. 5, оп. 2, д. 14, л. 3.

¹⁷ VI пленум Казкрайкома ВКП(б). Стенограф. отчет. А.-А., 1936, с. 232.

¹⁸ Большевик Казахстана, 1931, №11, с. 40.

¹⁹ Там же, 1931, №1, с. 32.

²⁰ ЦГА РК, ф. 5, оп. 21, д. 39, л. 25–26.

²¹ ЦГА РК, ф. 247, оп. 2, л. 12, л. 232.

²² ЦГА РК, ф. 5, оп. 21, д. 39, л. 27, л. 28.

²³ Весь Казахстан. А.-А., 1931, с. 77.

²⁴ Материалы Т. Омарбекова (Комиссия Верховного Совета РК).

²⁵ Коллективизация сельского хозяйства Казахстана. Ч. 1. А.-А., 1967, с. 354.

²⁶ Сельское хозяйство Союза ССР в 1926/27 году по данным налоговых сводок по единому сельхозналогу. М., 1928, с. 7.

²⁷ Там же, с. 141–142.

²⁸ Там же, с. 241–245.

²⁹ СЗ СССР. М., 1928, №24. Ст. 212.

³⁰ ЦГА РК, ф. 5, оп. 11, д. 299, л. 9 об.

³¹ Народное хозяйство Казахстана, 1929, №1–2. С. 81.

- ³² ЦГА РК, ф. 30, оп. 1, д. 930, л. 70.
- ³³ ЦГА РК, ф. 5, оп. 11, д. 298, л. 14–16.
- ³⁴ КПСС в резолюциях..., с. 261.
- ³⁵ Сдвиги в сельском хозяйстве СССР между XV и XVI партийными съездами. Стат. сведения по сельскому хозяйству за 1927–1930 гг. М. – Л., 1931, с. 22–23.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Колхозы: Первый Всесоюзный съезд сельскохозяйственных коллективов. М., 1928. Сб.
- ³⁸ Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР. М., 1932. Т. 2, ч. I, с. 336–337.
- ³⁹ Сдвиги в сельском хозяйстве СССР между XV и XVI партийными съездами. С. 132.
- ⁴⁰ Сталин И. Соч. Т. 12, с. 132.
- ⁴¹ Ивницкий Н.А. Коллективизация и раскулачивание. М., 1994, с. 21–22.
- ⁴² ЦГА РК, ф. 247, оп. 1, д. 207, л. 40.
- ⁴³ Ивницкий Н.А. Коллективизация и раскулачивание, с. 32.
- ⁴⁴ Ивницкий Н. А. Коллективизация и раскулачивание, с. 42.
- ⁴⁵ КПСС в резолюциях..., с. 384.
- ⁴⁶ ЦГА РК, ф. 44, оп. II, д. 119, л. 136.
- ⁴⁷ Советская степь, 1929, 16 декабря.
- ⁴⁸ Там же.
- ⁴⁹ ЦГА РК, ф. 247, оп. 1, д. 439, л. 24, 27.
- ⁵⁰ Коллективизация сельского хозяйства Казахстана. Документы и материалы, с. 293–294; ЦГА РК, ф. 44, оп. II, д. 365, л. 5..
- ⁵¹ КПСС в резолюциях... Ч. II. М., 1953, с. 643.
- ⁵² Коллективизация сельского хозяйства Казахстана, с. 401.
- ⁵³ ЦГА РК, ф. 247, оп. 1, д. 644, л. 36.
- ⁵⁴ Проблемы социальной истории крестьянства Азии. Вып. 1. М., 1986, с. 42–45.
- ⁵⁵ Там же. Вып. 2. М., 1988, с. 118–119; Мажитов С.Ф. Проблемы истории, теории и историографии народно-освободительного движения XVIII – начала XX вв. в Казахстане. – А.: Мектеп, 2007. – 350 с.
- ⁵⁶ ЦГА РК, ф. 247, оп. 1, д. 439, л. 14–15.
- ⁵⁷ Коллективизация сельского хозяйства Казахстана, с. 143.
- ⁵⁸ Документы свидетельствуют, с. 369.
- ⁵⁹ Сталин И. Соч. Т. 12, с. 197–198.
- ⁶⁰ Рукописный фонд ИИАЭ, инв. №1108, л. 145.
- ⁶¹ КПСС в резолюциях..., Т. 5, с. 102.
- ⁶² Ивницкий Н.А. Коллективизация и раскулачивание, с. 89.
- ⁶³ Документы свидетельствуют, с. 37.
- ⁶⁴ Козыбаев М.К., Абылхожин Ж.Б., Алдажуманов К.С. Коллективизация в Казахстане: трагедия крестьянства, с. 20–26.
- ⁶⁵ Документы свидетельствуют, с. 390, 391.
- ⁶⁶ ЦГА РК, ф. 44, оп. II, д. 119, л. 139; История крестьянства СССР. Т. 2, с. 166.
- ⁶⁷ История КПСС. М., 1971. Т. 4. Кн. 2, с. 158.
- ⁶⁸ Коллективизация сельского хозяйства Казахстана, с. 459–466.
- ⁶⁹ VI Пленум Казахского краевого комитета ВКП(б). А.-А., 1936, с. 155.
- ⁷⁰ Очерки истории коллективизации сельского хозяйства в союзных республиках. М., 1967, с. 291.
- ⁷¹ VI Пленум Казахского краевого комитета ВКП(б), с. 146.
- ⁷² Рукописный фонд ИИАЭ, инв. №1040, л. 15.
- ⁷³ VI Пленум Казахского краевого комитета ВКП(б), с. 147.
- ⁷⁴ Там же, с. 143.
- ⁷⁵ Большевик Казахстана, 1931, №5; Рукописный фонд ИИАЭ, инв. №1041, л. 50.
- ⁷⁶ Масанов Н.Э. Проблемы социально-экономической истории Казахстана на рубеже XVIII–XIX вв., с. 25–95.
- ⁷⁷ Масанов Н.Э. Кочевая цивилизация казахов. А.-А., 1995.

- ⁷⁸ Коллективизация сельского хозяйства. Важнейшие постановления Коммунистической партии и Советского правительства. М., 1957, с. 41.
- ⁷⁹ *Верт Н.* История советского государства. М., 1993, с. 181.
- ⁸⁰ Борьба за хлеб – борьба за социализм // *Большевик Казахстана*. 1931. №12, с. 45.
- ⁸¹ *Голошекин Ф.* Три актуальных задачи текущего момента // *Народное хозяйство Казахстана*. №8–9. 1931, с. 16.
- ⁸² *Большевик Казахстана*, 1938, №1, с. 14.
- ⁸³ *Ивеницкий Н.А.* Коллективизация и раскулачивание, с. 200.
- ⁸⁴ Борьба за хлеб – борьба за социализм // *Большевик Казахстана* 1931. №12, с. 45.
- ⁸⁵ СЗ (собрание законов) СССР. 1932. № 62. Ст. 360.
- ⁸⁶ Приведенные здесь данные о репрессивных мерах, применявшихся в соответствии с законом от 7 августа 1932 г., взяты нами из доклада М.Ж. Хасанаева на региональной дискуссии по проблемам истории коллективизации в республиках Средней Азии и Казахстане. (А.-А., ноябрь, 1988.)
- ⁸⁷ Южный Казахстан в цифрах. Чимкент, 1936, с. 131, 132, 122–125.
- ⁸⁸ *Dresch I.* Desertification et Tiers-monde, *Pensee*. P., 1980, №212.
- ⁸⁹ ЦГА РК, ф. 74, оп. 15, л. 36, л. 37.
- ⁹⁰ *Там же*, л. 9, 14.
- ⁹¹ *Там же*, л. 36, л. 30.
- ⁹² *Там же*, ф. 962, оп. 1, д. 264, л. 26–27.
- ⁹³ *Данилов В., Ильин А., Тепцов И.* Коллективизация: как это было // *Урок дает история*. М., 1989, с. 171.
- ⁹⁴ *Гордон Л.А., Клопов Э.В.* Что это было? М., 1989, с. 81.
- ⁹⁵ XVI съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Стеногр. Отчет. М., 1930, с. 584.
- ⁹⁶ Предполагалось, что оседание «даст возможность совхозам и промышленности получить до 300 тыс. рабочих» (*Каменский К.П.* Пятилетний план сельского хозяйства КАССР // *Народное хозяйство Казахстана*. 1930. №5–6, с. 49.).
- ⁹⁷ *Там же*, с. 50.
- ⁹⁸ *Павлов К.* Казахстан на путях самопознания: I-й Казахстанский научно-исследовательский краеведческий съезд // *Народное хозяйство Казахстана*. 1930 г. №5–6, с. 79.
- ⁹⁹ VII Всеказахстанский съезд Советов. 8–15 апреля 1929 г. Стеногр. отчет и постановления. А.-А., 1930, с. 169.
- ¹⁰⁰ *Там же*, с. 247–248.
- ¹⁰¹ ЦГА РК, ф. 1179, оп. 1, д. 37, л. 12–13.
- ¹⁰² *Старилов Е.Н.* Маргиналы // *В человеческом измерении*, М., 1989, с. 185–188.
- ¹⁰³ Свод этнографических понятий и терминов: Материальная культура. М., 1989, с. 118–120.
- ¹⁰⁴ *Елуфимова Л.С.* на основе многолетних наблюдений и материалов социологических исследований в овцеводческих хозяйствах республики пишет, что «овцеводство в Казахстане, как и прежде, остается в основном кочевым». (См. Елуфимова Л.С. Кому доверить отару? А.-А., 1988, с. 7.)
- ¹⁰⁵ *Золотарев П.Т., Золотарев С.П.* О причине засухи и путях ее преодоления // *Земледелие*. 1990. №3, с. 73.
- ¹⁰⁶ *Абылхожин Ж.Б., Масанов Н.Э.* Оседание кочевников в доиндустриальную эпоху: реальность и миф // Всесоюзная научная сессия по итогам полевых этнографических и антропологических исследований. 1988–1989 гг. Ч. 3. А.-А., 1990, с. 45.
- ¹⁰⁷ СУ РСФСР, 1929, №60. Ст. 589.
- ¹⁰⁸ СЗ СССР, 1930, №6. Ст. 66.
- ¹⁰⁹ УК РСФСР, М., 1932. Ст. 37.
- ¹¹⁰ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 37, с. 40.
- ¹¹¹ *Правда*, 1930, 11 января.
- ¹¹² Ленинский кооперативный план и борьба партии за его осуществление. М., 1969, с. 107.
- ¹¹³ *Правда*, 1988, 16 сентября.

- ¹¹⁴ *Ивницкий Н.А.* Коллективизация и раскулачивание. М., 1994, с. 64.
- ¹¹⁵ Архивы Кремля. Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение. 1930–1940. М., 2005, с. 72.
- ¹¹⁶ *Жумабеков Ж.* Ленинской дорогой. А.-А., 1973, с. 155.
- ¹¹⁷ *Ивницкий Н.А.* Коллективизация и раскулачивание, с. 64.
- ¹¹⁸ *Там же*, с. 171.
- ¹¹⁹ *Там же*, с. 181.
- ¹²⁰ *Земсков В.Н.* Социологические исследования, 1991, №10.
- ¹²¹ *Дахилейгер Г.Ф.* Маршрутом социального прогресса. А.-А., 1981, с. 130.
- ¹²² *Сталин И.В.* Соч. Т. 10, с. 327.
- ¹²³ *Ивницкий Н.А.* Коллективизация и раскулачивание, с. 123–124.
- ¹²⁴ ЦГА РК, ф. 247, оп. 1, д. 439, л. 15.
- ¹²⁵ *Ивницкий Н.А.* Коллективизация и раскулачивании, с. 168.
- ¹²⁶ *Там же*, с. 169–170.
- ¹²⁷ *Там же*.
- ¹²⁸ *Там же*, с. 169–170, 172.
- ¹²⁹ *Земсков В.Н.* Спецпоселенцы // Социологические исследования, 1990, №11, с. 4.
- ¹³⁰ *Ивницкий Н.А.* Коллективизация и раскулачивании, с. 196.
- ¹³¹ *Там же*, с. 186.
- ¹³² Архивы Кремля. Политбюро и крестьянство: высылка и спецпоселения. М., 2005, с. 386.
- ¹³³ *Гущин Н.Я., Жданов В.Н.* Критика буржуазных концепций истории советской деревни Сибири. Новосибирск, 1979, с. 175.
- ¹³⁴ *Трифонов И.Я.* Ликвидация эксплуататорских классов в СССР. М., 1975, с. 382.
- ¹³⁵ *Там же*.
- ¹³⁶ *Чиров Д.* Откуда родом спецпоселенцы? Индустриальная Караганда, 1989, 29 апреля.
- ¹³⁷ *Там же*.
- ¹³⁸ Всесоюзная перепись населения 1926 г. М., 1928. Т. 8, отд. 1.
- ^{139–140} *Татимов М. Б.* Социальная обусловленность демографических процессов. А.-А., 1989, с. 122.
- ¹⁴¹ *Галиев А.* Голод в Казахстане 1932–1933 гг. // Заря, 1989, № 11, с. 13; *Татимов М.Б.* Социальная обусловленность демографических процессов, с. 124.
- ¹⁴² *Татимов М.Б.* Социальная обусловленность демографических процессов, с. 124.
- ¹⁴³ *Жирамская В.Б.* Демографическая история России в 1930-е годы. Взгляд в неизвестное. М., 2001, с. 146.
- ¹⁴⁴ *Абылхожин Ж.Б., Козыбаев М.К., Татимов М.Б.* Казахстанская трагедия // Вопросы истории 1989. № 7, с. 18 (подсчеты М. Татимова).
- ¹⁴⁵ *Поляков Ю.А., Жирамская В.Б., Киселев И.Н.* Полвека молчания // Социологические исследования. 1990, № 7, с. 59.
- ¹⁴⁶ *Татимов М.Б.* Летопись в цифрах (на каз. яз.). А.-А., 1969, с. 79–80.
- ¹⁴⁷ *Там же*, с. 80. На сегодня в мире насчитывается около 10 миллионов казахов. Наиболее многочисленные диаспоры имеются в Китае (1070 тысяч чел.), Монголии (137 тысяч), Турции (120 тысяч), Афганистане (20 тысяч), Иране (10 тысяч), а также в Западной Германии (550 человек), Франции (510 человек), Швеции (200 человек), Нидерландах (120 человек), США (100 человек), Англии (60 человек) и т.д.
- ¹⁴⁸ Советская степь, 1931. 1 сентября.
- ¹⁴⁹ ЦГА РК, ф. 1680, оп. 3, д. 621, л. 89–93.
- ¹⁵⁰ Архив КНБ РК, оп. 158, д. 49, т. 1, л. 17–20.
- ¹⁵¹ ЦГА РК, ф. 30, оп. 7, д. 47, л. 1.
- ¹⁵² ЦГА РК, ф. 141, оп. 1, д. 2926, л. 91–92; д. 2927, л. 22–23 об., 109–110.
- ¹⁵³ ЦГА РК, ф. 5, оп. 21, д. 82, л. 1, 16; Архив КНБ РК, оп. 101, д. 9, л. 11–11 об.
- ¹⁵⁴ ЦГА РК, ф. 5, оп. 21, д. 82, л. 42–45.
- ¹⁵⁵ *Там же*, д. 41, л. 15–16, 65–72.
- ¹⁵⁶ Архив КНБ РК. №49, оп. 158, т. 1, л. 84–94.
- ¹⁵⁷ *Там же.* Арх. №2, оп. 189, л. 435–527.

¹⁵⁸ Там же, л. 142.

¹⁵⁹ Там же, л. 84–94.

¹⁶⁰ ЦГА РК, ф. 5, оп. 21, д. 61, л. 64–67.

¹⁶¹ Там же, л. 69.

¹⁶² Там же, л. 70.

¹⁶³ Там же, л. 72.

¹⁶⁴ Там же.

¹⁶⁵ Там же, л. 64.

¹⁶⁶ Архив КНБ РК. Арх. № 1, оп. 158, т. 1, л. 124.

¹⁶⁷ ЦГА РК, ф. 5, оп. 721, д. 61, л. 202–203.

¹⁶⁸ Там же, л. 197.

¹⁶⁹ Там же, л. 199.

¹⁷⁰ Архив КНБ РК. Арх. № 1, оп. 158, № 49, т. 1, л. 126. Следует иметь в виду, что Казалинский район сугубо скотоводческий и хлеба здесь просто не могло быть.

¹⁷¹ Там же. Следует отметить, что личный состав казнацдивизиона, расквартированного в Алма-Ате, участвовал вместе с другими частями и отрядами ОГПУ в подавлении Сузакского, Сарысуевского, Каракумского, Иргизского, Адаевского и многих других восстаний. Так партийно-чекистскому руководству Казахстана было сподручнее руками красноармейцев из числа коренного населения подавлять восстания и волнения крестьянства в отдаленных районах республики.

¹⁷² Архив КНБ РК. Арх. № 1, оп. 158, т. 1, л. 123–133.

¹⁷³ Там же. Арх. № 6, оп. 103, л. 2–2 об.

¹⁷⁴ Там же.

¹⁷⁵ Там же, л. 2 об.

¹⁷⁶ Ералиев Шабден (1898–02.11.1928) – род. в ауле №1 Сарысуевской волости Акмолинской обл. Участник установления Советской власти в Туркестане, член РКП(б) с 1919 года. В том же году по рекомендации В.В. Куйбышева назначен инспектором политуправления Туркфронта. В 1920-е годы работал в органах милиции, затем – на руководящей партийной и советской работе, в аппарате КазЦИКа. В 1928 году послан на работу в Адаевский окрисполком.

¹⁷⁷ ЦГА РК. Ф. 5. Оп. 21. Д. 41. Л. 65–69.

¹⁷⁸ Архив КНБ РК. Оп. 105. Арх. № 13. Л. 41; Между прочим, по прошествии многих лет, 8 февраля 1962 года и 26 апреля 1990 года, дело прекращено за отсутствием в действиях обвиняемых преступления.

¹⁷⁹ Там же, л. 11.

¹⁸⁰ ЦГА РК, ф. 30, оп. 7, д. 405, л. 5.

¹⁸¹ ЦГА РК, ф. 30, оп. 21, д. 60, л. 120; Архив КНБ РК. Арх. № 113, оп. 105, л. 27–34.

¹⁸² ЦГА РК, ф. 5, оп. 21, д. 60, л. 118.

¹⁸³ ЦГА РК, ф. 30, оп. 21, д. 60, л. 120.

¹⁸⁴ Архив КНБ РК. Арх. № 1, оп. 158, д. 49, т. 1, л. 12.

¹⁸⁵ Там же. Арх. № 17, оп. 105, л. 3.

¹⁸⁶ Алиев Тулесын Нурмагамбетович (1892–1941) – родился в г. Красноводске, участник установления Советской власти и Гражданской войны, с 1920 года член Компартии. В 1918–1919 годах участвовал в походе отряда А.Т. Жангельдина по доставке оружия на Актюбинский фронт через Форт-Александровский и Устьюрт. В 1923–1928 годах военком Адаевского уезда и секретарь укома партии, нарком РКИ КАССР, председатель союза «Кошчи». В 1928–1930 годах военком Каракалпакской области, в 1931–1933 годах командир казахского национального полка.

¹⁸⁷ Там же. Арх. № 1, оп. 158, д. 49, т. 1, л. 12.

¹⁸⁸ Там же.

¹⁸⁹ ЦГА РК, ф. 5, оп. 21, д. 76, л. 21.

¹⁹⁰ Там же, л. 21 об.

¹⁹¹ Архив КНБ РК. Арх. № 112, д. 11, т. 1, л. 22.

¹⁹² Там же, л. 25.

¹⁹³ ЦГА РК, ф. 5, оп. 21, д. 13а, л. 213–214.

- ¹⁹⁴ Архив КНБ РК. Арх. №49, оп. 158, т. 1, л. 61–67.
- ¹⁹⁵ Там же, л. 65.
- ¹⁹⁶ ЦГА РК, ф. 5, оп. 21, д. 13, л. 114–114 об.
- ¹⁹⁷ Архив КНБ РК. Арх. №49, оп. 150, т. 1, л. 69.
- ¹⁹⁸ Там же, л. 99–101; ЦКА РК, ф. 5, оп. 21, д. 39, л. 21–29.
- ¹⁹⁹ ЦГА РК, ф. 5, оп. 21, д. 39, л. 23–23 об.
- ²⁰⁰ Там же, л. 28 об.
- ²⁰¹ Там же.
- ²⁰² Архив КНБ РК. Арх. № 49, оп. 15, т. 1, л. 99.
- ²⁰³ Там же, л. 237–240.
- ²⁰⁴ ЦГА РК, ф. 5, оп. 21, д. 41, л. 24, 65, 70–72.
- ²⁰⁵ Архив КНБ РК. Арх. №8065, т. 6, л. 270–282; Арх. № 49, оп. 158, т. 1, л. 75–80.
- ²⁰⁶ Там же, л. 81–83.
- ²⁰⁷ ЦГА РК, ф. 30, оп. 7, д. 98, л. 7.
- ²⁰⁸ Архив КНБ РК, ф. 11, арх. №112, л. 18.
- ²⁰⁹ Там же, л. 20.
- ²¹⁰ ЦГА РК, ф. 5, оп. 21, д. 65 а, л. 47.
- ²¹¹ Архив КНБ РК, ф. 11, арх. № 112, л. 19.
- ²¹² Там же. Арх. №8445, л. 292–298.
- ²¹³ Кемпирбасев Скак (1899–1931), уроженец Абралинского района. Грамотный, работал заготовщиком сырья в животноводческой конторе. Постановлением «тройки» ОГПУ расстрелян.
- ²¹⁴ Архив КНБ РК, ф. 8443, л. 692.
- ²¹⁵ Там же. №8443, л. 1–3.
- ²¹⁶ Кодры. Литературная Молдавия. 1990. №4, с. 179; Коммунист Таджикистана. 1990. 14 июля, с. 3; Совершенно секретно. 1991. №4, с. 16–17; Простор. 1991. №3, с. 191 и др.

Глава пятая

ФОРСИРОВАННАЯ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ КАЗАХСТАНА

1. ТРУДНОСТИ И ОСОБЕННОСТИ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ

Осуществление индустриализации Советского Союза, курс на которую был намечен на XIV съезде ВКП(б) в декабре 1925 г., натолкнулось в Казахстане на ряд серьезных трудностей, главным образом связанных с его колониальными прошлым и социально-экономической и культурной отсталостью.

Многие из этих трудностей осложнялись и множились еще и из-за того, что восстановление народного хозяйства, в особенности промышленности и транспорта, в республике явно затянулось и это превратилось в главное препятствие ее успешному продвижению по пути индустриализации.

Отсталая колониальная экономика Казахстана, перенесшая разорительные последствия Первой мировой и Гражданской войн, оказалась еще в более тяжелом положении, чем промышленно развитые регионы страны. От военных действий особенно пострадали промышленность и транспорт. Валовая продукция крупной промышленности в 1920 г. по сравнению с 1913 г. сократилась вдвое, а производство средств производства — в 4,5, добыча нефти — в 4 раза, прекратилась добыча медной и полиметаллических руд, выплавка меди, многие рудники и угольные шахты были затоплены или бездействовали из-за разрушения электрических станций, негодности оборудования и т.д. В катастрофическом состоянии находился транспорт, в особенности железнодорожный: более половины паровозов и около 90% вагонов требовали капитального ремонта, были разрушены сотни мостов, больше всего пострадало путевое хозяйство, не хватало рельсов и шпал для замены пришедших в негодность и т.д. Восстановительные работы в промышленности и на транспорте Казахстана, начавшиеся в условиях перехода страны к нэпу, сильно затруднялись не только последствиями хозяйственной разрухи в целом, но и джумом 1920–1921 гг., когда погибло много скота, а также неурожаем 1921 г., приведшим к голоду в республике.

В 1920–1921 гг. восстанавливались лишь отдельные предприятия, а в целом этот процесс успешно развернулся только во второй половине 1922 г. Переломным в восстановлении народного хозяйства республики стал 1923 г. В первую очередь восстанавливались предприятия по переработке сельскохозяйственного сырья, чему способствовал неплохой урожай 1922 г. Заработали крупные мельницы в Кустанайской, Уральской и Семипалатинской губерниях, Павлодаре и т.д., что привело к быстрому восстановлению мукомольной промышленности. В Северном Казахстане начали работать маслодельные заводы, было вновь построено 20 маслозаводов. Определенные успехи имелись и в работе других отраслей пищевой промышленности, так, например, в августе 1923 г. снова заработали Илецкие и Коряковские соляные промыслы, не требовавшие крупных капиталовложений.

Налаживалась, хотя и медленно, работа хлопкоочистительных заводов на Юге республики, кожевенных, шерстоек и других предприятий легкой промышленности. Восстановленные пимокатный, овчинный, кожевенный и чугунолитейный заводы в Петропавловске в 1923 г. были соединены в единое предприятие – промкомбинат. Вновь начали работать кожевенные заводы в Алма-Ате, Чимкенте и Талгаре.

Некоторые шаги были сделаны в восстановлении предприятий тяжелой промышленности. Более быстро возродилась нефтяная промышленность: промыслы Эмбы и Доссора уже в 1925 г. превысили уровень 1913 г. Велась техническая реконструкция производства, для добычи применялись глубинные насосы, развертывалась электрификация промыслов, обновлялось оборудование, применялись геофизические методы разведки. Относительно успешно работала и полиграфическая промышленность, быстро достигая довоенного уровня, благодаря чему расширилось издание газет на казахском и русском языках.

На Риддере проводились определенные работы по восстановлению шахт, рудников, обогатительной фабрики, электростанции, железной дороги и других объектов, но из-за недостаточности оборудования и денежных средств эти предприятия были переведены на положение технической охраны и только в 1925 г. возобновились работы по восстановлению предприятий Риддера.¹ Бездействовали Карагандинские и Экибастузские копи, Спасский завод, Успенский рудник и другие горнодобывающие и горнозаводские предприятия. Лишь в конце 1925 г. начались работы по восстановлению Карсакпайского медеплавильного завода и его узкоколейной железной дороги Байконур–Карсакпай–Джезказган.

В условиях нэпа совершенствовалось управление промышленностью, республиканское промбюро ВСНХ было преобразовано в ЦСНХ республики, а предприятия по подчиненности разделены на союзные, российские, смешанно-федеративные, республиканские и губернские (местные). На базе наиболее крупных предприятий создавались объединения в основном на началах хозрасчета, получавшие название советских трестов. Предприятиями союзного значения стали Урало-Эмбинский нефтяной трест, трест «Алтайполиметалл», Атбасарский трест цветных металлов, трест «Золоторуда»

(группа золотых приисков Кустанайского района). Предприятиями Экибастуза и Риддера управлял ЦСНХ Казахстана на основе мандата ВСНХ РСФСР. В непосредственном управлении ЦСНХ республики находились: Илецксольтрест, Павлодарсольтрест, тресты «Южно-Уралзолото», «Акжалзолото», Оренбургский и Петропавловский кожмехтресты, Казрыбтрест. С каждым годом усиливалось управление центром более или менее крупными предприятиями Казахстана, в особенности добывающих отраслей промышленности (нефтяной, цветной металлургии и др.), продукция которых вывозилась в индустриально развитые регионы Союза ССР. Все более отчетливо проявлялась сырьевая направленность экономики Казахстана.

Особое внимание уделялось транспорту, без налаживания успешной работы которого нельзя было осуществить главную задачу нэпа — восстановление экономических связей между городом и деревней, между промышленными предприятиями и сельским хозяйством. Основной железнодорожной артерии республики — Оренбургско-Ташкентской магистрали выделялось значительное число паровозов и вагонов, топливо, различные материалы по разверстке НКПС, направлялись высококвалифицированные железнодорожные специалисты, командиры транспортного хозяйства. Строились и новые, особенно «хлебные линии», как продолжение сооружения Семиреченской ж.д. до ст. Луговая и далее до ст. Пишпек, дорога Петропавловск—Кокчетав, а также линия Славгород—Кулунда—Павлодар Южно-Сибирской магистрали и т.д. Первые две линии служили для вывоза хлеба из Семиречья и Северного Казахстана в центральные регионы страны, а последняя — для вывоза соли из Коряковских промыслов.

Однако, в Казахстане из-за его экономической отсталости, унаследованной от колониального периода, нехватки оборудования, денежных средств и квалифицированных кадров, а также других местных трудностей, восстановление промышленности и транспорта происходило более низкими темпами, чем в целом по стране и продолжалось вплоть до 1927 г. включительно. В цветной металлургии работало более 60% всех ее предприятий. К началу 1926 г., промышленность республики достигла лишь 61, а сельское хозяйство — 82,9% уровня 1913 г.

Таким образом, восстановление промышленности и транспорта Казахстана завершилось в условиях перехода страны к индустриализации. К этому времени значительно окреп и начал развиваться государственный сектор в промышленности и на транспорте. Возникший на базе национализированных частных предприятий, его удельный вес во всей промышленности Казахстана достигал 64, а в крупной — 97,2%. Все железнодорожные линии, а также водные артерии с их подвижным составом, пристанями и т.д. также находились в государственной собственности. В условиях нэпа, допускавшего развитие частного сектора и свободу торговли, в Казахстане другие экономические уклады не получили особого развития.

Тем не менее, это был отсталый, дореволюционный, колониальный уровень, который не мог быть прочной и самостоятельной базой для развития Казахстана в условиях индустриализации, а промышленные пред-

приятия и железные дороги, работавшие в условиях нэпа, из-за их технической отсталости, крайней неравномерности размещения, узкой специализации на производстве и перевозке продовольствия и сырья, слабости, а иногда отсутствия современных путей сообщения и т.д. не смогли стать местными «арсеналами индустриализации», каковую роль сыграли предприятия Москвы, Ленинграда, Донбасса, Урала и других развитых регионов Союза ССР во второй половине 1920-х—1930-е годы. К тому же первые шаги по технической реконструкции старых и строительству новых предприятий и железных дорог сразу наталкивались на отсутствие квалифицированных рабочих из коренного населения, нехватку денежных средств, строительных материалов и др.

Одной из трудностей, тормозившей индустриальное развитие Казахстана явилась слабая геологическая изученность его территории, около 94% которой до Советской власти оставались совершенно неисследованными, хотя было немало сведений, еще с дореволюционных времен о богатейших месторождениях угля, нефти, цветных металлов и других полезных ископаемых. Ко времени разработки первого пятилетнего плана многие из этих месторождений оставались на уровне «белых пятен», сказывалась и слабость местных планирующих органов. Эти и другие недостатки привели к тому, что в первом пятилетнем плане Союза ССР нужды и возможности Казахстана не нашли должного отражения. Не случайно, поэтому Совет труда и Оборона и Совнарком Союза ССР в постановлении от 1 сентября 1930 г. отмечал о «недоучете пятилетним планом народно-хозяйственного строительства нужд Казахской АССР и перспектив ее возможного строительства». ² В связи с этим в пятилетнем плане Союза ССР особо подчеркивалось, что «зачастую полная неизученность, в особенности в промышленном отношении, основных природных ресурсов страны существенной чертой промышленного плана Казахстана делает широкий масштаб исследований, изысканий и разведок, которые не только должны подготовить объекты для строительства в следующей пятилетке, но и продолжить, уточнить, окончательно фиксировать предположения настоящей пятилетки». ³

Были предприняты большие усилия для форсированного геологического изучения огромной территории Казахстана. В 1928—1929 гг. только от Геологического управления изучали недра Казахстана более 50 поисковых партий. Геолого-разведочные отделы создавались при трестах таких крупнейших новостроек, как «Каруголь», «Алтайполиметалл», «Балхашстрой», «Казполиметалл», был организован специальный Казахстанский геолого-разведочный трест, возникли Центральная научно-исследовательская лаборатория «Эмбанефти», геолого-разведочная служба «Актюбникеля» и др.

Для проведения геологических исследований выделялись огромные средства и силы как из Центра, так и на местах в Казахстане, что привело к крупным, в большинстве уникальным открытиям новых месторождений. Это в первую очередь относилось к разведанным запасам цветных и черных металлов, угля и нефти. Были открыты огромные запасы: медных руд — Коунград в 1928 г. (М.Т. Русаков), Бошекуль —

в 1930 г. (Р.А. Борукаев), Дзезказган (К.И. Сатпаев); свинца — в Рудном Алтае, в горах Каратау и Джунгарского Алатау; железных руд — Атасу (1931 г.), хромитов и никельных руд, фосфоритов в Актюбинской области; боратов на Индере. Были также открыты новые нефтяные месторождения в Урало-Эмбенском районе, а также определено, что Караганда является не отдельным крупным месторождением, а целым угленосным бассейном и др.⁴

Благодаря такой интенсивной работе в Центральном, Восточном и Западном Казахстане создается новая научная геологическая карта республики и почти вся ее территория (без отдельных участков Бетпак-Далы, Устюрта и т.п.) к началу Великой Отечественной войны была охвачена геологическими съемками. Впоследствии первый президент Академии наук Казахской ССР К.И. Сатпаев отмечал: «Казахстан благодаря чрезвычайно высокой эффективности геологических исследований занимает ведущее место в СССР и в мире по многообразию запасов важных видов сырья. Основными из них являются руды: черных металлов (железо, марганец, хром, ванадий), цветных металлов (медь, свинец, цинк, кадмий, алюминий, никель), редких металлов (вольфрам, молибден и др.) и благородных металлов (золото, серебро), горючие ископаемые (каменные и бурые угли, нефть, горючие сланцы), минеральные соли (фосфоритные, калийные и другие соли)». ⁵ Все это открывало возможности для строительства в Казахстане новых добывающих предприятий, обеспечивавших промышленность развитых регионов Союза ССР необходимым сырьем. Так была преодолена недостаточность геологического изучения Казахстана в условиях индустриализации СССР.

Слабость как местных, так и центральных планирующих органов в ходе выполнения первого пятилетнего плана постепенно преодолевалась. Как известно, пятилетний план хозяйственного и социально-культурного развития Казахстана разрабатывался по указаниям VI Всеказахстанской партийной конференции (ноябрь 1927 г.) и XV съезда ВКП(б) (ноябрь 1927 г.). Достижения геологических исследований, на базе которых поступали конкретные предложения об освоении как новых месторождений цветной металлургии, нефти, угля и других полезных ископаемых, так и строительства новых предприятий по обработке сельскохозяйственного сырья, а также накопленный опыт планирующих органов позволили руководству республики обратиться в Центр с просьбой пересмотреть плановые задания первой пятилетки вообще, на оставшиеся ее три года в особенности. Предложения по уточнению и дополнению показателей развития народного хозяйства Казахстана в первой пятилетке были обсуждены и обобщены на VII Всеказахстанской партийной конференции (30 мая—6 июня 1930 г.) в новой столице республики — Алма-Ате.⁶ Исходя из всего этого, Политбюро ЦК ВКП(б) 15 февраля 1930 г. специально рассмотрело вопрос о пятилетнем плане хозяйственного и социально-культурного развития Казахстана на 1928—1933 гг. и предложил соответствующим наркоматам и Госплану страны в двухмесячный срок разработать плановые задания на оставшиеся три года пятилетки. Переработанный план хозяйственного и социально-культурного развития Казахской АССР в первой пятилетке рассматривался Госпланом

СССР (24 августа 1930 г.), был одобрен Советом Труда и Оборона (1 сентября 1930 г.) и окончательно утвержден 1 сентября 1930 г. Советом Народных Комиссаров Союза ССР.⁷

Трудности перед индустриальным развитием Казахстана усугублялись еще и тем, что новое промышленное и транспортное строительство начиналось во многих случаях без должной технической документации, изучения возможностей обеспечения новостроек строительными материалами, денежными средствами, техникой, механизмами, транспортом, рабочей силой, а строителей – жильем, продуктами питания, питьевой водой, санитарно-лечебным обслуживанием и т.д. Легендарный Турксиб, считавшийся наряду с Днепродзержинском крупнейшей стройкой Советского Союза, сооружался по дореволюционным техническим изысканиям трассы, и в ходе строительных работ разгорелся жаркий спор между сторонниками Курдаевского и Чокпарского вариантов на южной части магистрали, а на северной части – Балхашского и Лепсинского. На выбор оптимального варианта в каждом из этих случаев ушло немало времени и дополнительных средств.⁸ Проектно-сметная документация на строящихся в 1927 г. в Семипалатинске кожзавода и суконной фабрики «без конца переделывалась и не была готова к началу строительства. Не было строительных материалов, и их приходилось срочно заготавливать на месте хозяйственным способом. Не хватало квалифицированных строительных рабочих и специалистов. Они ввозились из соседних районов» и т.д.⁹ Подобное положение наблюдалось и на строительстве многих крупных предприятий ведущих отраслей промышленности в 1920–1930-е годы.

Индустриализация Казахстана имела также свои особенности, которые определялись как самим процессом преодоления вышеуказанных и других трудностей, так и уровнем природных, трудовых и экономико-технических ресурсов. Эти особенности наложили свой отпечаток на весь индустриальный облик республики, предопределив основные направления развития промышленности, строительства и транспорта не только во второй половине 1920-х и 1930-е годы, но и последующие периоды истории Казахстана в советскую эпоху. Рассмотрим некоторые особенности индустриального развития Казахстана в исследуемый период.

1. Это, прежде всего, более высокие темпы индустриального развития Казахстана как по сравнению с соответствующими показателями Союза ССР, так и многих других республик в отдельности. Если по Союзу ССР общий объем продукции промышленности в 1940 г. составлял к уровню 1913 г. 7,7 раза, по Казахстану – 7,8 раза, при этом Казахстан в этом отношении опережал ряд таких союзных республик, как Молдавия (5,8), Азербайджан (5,9), Узбекистан (4,7) Туркменистан (6,7), Украина (7,3). Таким образом, Казахстан по росту объема промышленной продукции в 1940 г. занимал по Союзу среди 15 республик шестое место после России (8,7), Киргизии (9,9), Грузии (10), Таджикистана (8,8) и Армении (8,7).¹⁰

2. Промышленное развитие Казахстана в условиях индустриализации осуществлялось главным образом за счет нового строительства, т.е. сооружения предприятий почти на пустом месте, без соответствующих старых опорных баз, за исключением Риддера и Карсакпая, которые были реконструированы. В Казахстане это было обусловлено тем, что на местах не было старых промышленных районов, равных Москве, Ленинграду, Донбассу, Харькову или Приднепровью, которые превратились в арсеналы или опорные базы индустриализации всей страны. Поэтому в республике, на местах, строительство промышленных предприятий, а также железных дорог осуществлялось в пустынных и полупустынных регионах, в процессе которого преодолевались огромные трудности из-за отсутствия современных путей сообщения, строительных материалов, квалифицированной рабочей силы, средств, а также жилья, питьевой воды и т.д. Так строились Карагандинский угольный бассейн, Балхашский медеплавильный, Чимкентский и Иртышский свинцовый и другие заводы, рудники Жезказгана, Коунрада и др., нефтепромыслы Эмбы и др. железные дороги Турксиб, Гурьев—Кандагач—Орск, Акмола—Карталы, Илецк—Уральск и др.

3. Характерной чертой нового промышленного строительства явились крупнейшие предприятия — комбинаты, вооруженные последними достижениями современной техники, обеспечивающие наиболее рациональное использование сырья и энергии, связывающиеся между собой на основе специализации и кооперирования производственных процессов. Эти комбинаты, отличавшиеся также как по объему продукции и контингенту рабочей силы, так и по социально-экономическому и культурному значению в определенном регионе, играли градобразующую роль и стали центрами соответствующего промышленного очага. Таковы трест «Карагандауголь» с его 17 шахтами (1931 г.), ГРЭСом (1933 г.), Нуринским водопроводом (1933 г.), обогатительной фабрикой (1933 г.), комбинаты «Казполиметалл», «Алтайполиметалл», Актюбинский химический, Семипалатинский мясоконсервный, Гурьевский рыбоконсервный, Алма-Атинский плодоовощной, Семипалатинский суконный и др.¹¹

4. В условиях индустриализации наибольшее развитие в Казахстане получила тяжелая промышленность, прежде всего ее добывающие отрасли: угольная, нефтяная и цветных металлов, составляющие главную специализацию во всесоюзном масштабе, которые и в дальнейшем определяли вес индустрии республики в целом.

5. Строившиеся предприятия тяжелой промышленности, в особенности нефтяной, угольной и цветных металлов, имели союзное значение, ибо наряду с предприятиями легкой и пищевой промышленности обеспечивали союзную индустрию необходимым сырьем, в связи с чем республика имела соответствующую узкую специализацию. Все это и предопределяло сырьевую направленность всей промышленности Казахстана.

6. Несмотря на бурное развитие в годы довоенных пятилеток, промышленность Казахстана имела ряд узких мест: как-то, почти отсутствовало машиностроение; металлообработка была представлена ре-

монтажными мастерскими и механическими цехами отдельных заводов, не было черной металлургии, производств ряда строительных материалов (цемента, стекла), некоторых видов легкой и пищевой промышленности. Из всех этих «узких мест» отсутствие машиностроения, т.н. сердцевины всякой индустриализации, тормозило промышленное развитие Казахстана. Машины, станки и оборудование в Казахстан поставляли Центр, Ленинград, Урал, Украина и другие регионы.¹²

7. В этот период наряду с цветной металлургией, нефтяной, угольной и другими, в основном добывающими отраслями тяжелой индустрии, на передний план выдвинулось транспортное, в особенности железнодорожное строительство. Освоение богатейших месторождений угля, нефти и цветных металлов, при отсутствии современных путей сообщения на огромной территории Казахстана, потребовало скорейшего решения этой острой транспортной проблемы. Хотя не все запланированные линии были построены, тем, не менее за 1928–1940 гг. железнодорожная сеть республики увеличилась почти на 50 проц. и достигла 6581 км. В эти годы были построены Туркестано-Сибирская ж.д., соединившая Сибирь со Средней Азией и Югом Казахстана, основные участки Трансказахстанской магистрали (Петропавловск–Кокчетав–Акмолинск, Акмолинск–Караганда, Караганда–Бертыс, Жарык–Жезказган), сыгравшие большую роль в освоении природных богатств Центрального Казахстана; линия Рубцовск–Риддер обслуживала предприятия цветной металлургии Восточного Казахстана, а дорога Уральск–Илецк связала западные районы республики с Оренбуржьем и другими промышленно развитыми областями России.¹³

Вышеуказанные трудности и особенности, а также сложная общественно-политическая обстановка и тяжелое состояние отсталой экономики Казахстана вызвали в 1920-е–начале 1930-х годов острую борьбу вокруг путей индустриализации республики и создания национальных кадров рабочих. Выявились несколько точек зрения. Одни утверждали, что переход «от верблюда к социализму» невозможен и что кочевой образ жизни — это особенность казахского народа, а посему индустриализация подорвет его «национальную самобытность».¹⁴ Другие пытались доказать, что насаждение промышленности, создание рабочего класса является «сверхъестественным», «нереальным для Казахстана», «отсталый кочевой народ» не выдержит темпов «сверхиндустриализации», «казахизация удорожит производство», «а казах все равно не будет работать, его в степь тянет» и т.д.¹⁵ Третьи защищали идею перспективного развития республики в составе Союза, но без учета ее особых интересов. Они утверждали, что «взятый партией курс на рост и улучшение работы мелкой промышленности, связанной с сельским хозяйством, как базой сырья, является, безусловно, правильным».¹⁶ Четвертые говорили, что окраины не должны остаться только сырьевой базой и при проведении индустриализации надо учитывать особенности республики.¹⁷

В связи с нежизнеспособностью первых двух точек зрения борьба разгорелась между двумя последними. Один из сторонников третьей по-

зиции — К. Сарымулдаев утверждал, что «перед Казахстаном стоят те же задачи, которые стоят перед всем Союзом, и нет такой «особенности» Казахстана, которая превалировала бы над общими задачами...». ¹⁸ Надо отметить, что К. Сарымулдаев не смог преодолеть ошибочной установки руководства крайкома партии, его первого секретаря Ф.И. Голощекина, который заявлял, что «главное звено в промышленности республики — не постройка гигантов, а развитие местной мелкой и средней промышленности». ¹⁹

Необходимость и целесообразность развития мелких и средних предприятий, в основном по обработке сельскохозяйственных продуктов и отсюда сырьевую направленность промышленности республики, в условиях индустриализации СССР пропагандировали и проводили в практическом плане в жизнь Казахский крайком ВКП(б) и правительство автономии в лице Ф.И. Голощекина, У. Исаева, К. Сарымулдаева и других. Так, например, секретарь Крайкома ВКП(б) Ф.И. Голощекин в статье, опубликованной в журнале «Большевик Казахстана» (1927, № 2) писал, что для Казахстана «в области промышленности основное не столько в крупной, сколько в мелкой и средней (крупнорушники, шерстомойки, маслобойки, ремонтные мастерские и т.д.), т.е. во всем том, что связано с сельским хозяйством и делает его рентабельным». ²⁰ На VI Всеказахстанской партконференции (15–23 ноября 1927 г.) он особо подчеркивал: «Уже два года я пропагандирую, что главное звено в нашей промышленности — не постройка гигантов, а развитие местной мелкой и средней промышленности... Нам надо сейчас иметь в виду, что вопрос о развитии мелкой и средней промышленности с каждым днем приобретает все большее и большее значение для дальнейшего развития экономики Казахстана». ²¹ Несмотря на наличие богатейших месторождений угля, нефти, цветных металлов и других полезных ископаемых, а также избыточной рабочей силы на местах в условиях аграрного перенаселения республики, Ф.И. Голощекин убеждал: «По характеру нашего развития и в соответствии с общими задачами СССР и нашими местными особенностями и задачами, — КАССР должна войти в общую пятилетку как сырьевая база союзной промышленности по поставке животноводческих и земледельческих продуктов». ²² При этом Ф.И. Голощекин приподнимал значение Казахстана как сырьевого региона, оказывающего влияние на союзную промышленность. Он указывал: «Союзная промышленность может быть зависима от нас в области шерсти, мяса, кожи и т.д., не говоря уже о том, что у нас имеются технические культуры, которые будут иметь для нашего дальнейшего развития огромное значение». ²³

Исходя из этой установки, Ф.И. Голощекин заключал, что «индустриализация в масштабе КАССР значит вложение капиталов на развитие более культурных форм сельского хозяйства, на увеличение его товарности, на увеличение продукции для потребления внутри страны и для снабжения союзной промышленности». ²⁴ Не в крупных заводах и фабриках, а в крупнорушках, шерстомойках, маслобойках, ремонтных мастерских и других, мелких и средних предприятиях местной промышленности видел Ф.И. Голощекин, как справедливо критиковали его оп-

поненты, будущее индустриальное развитие Казахстана. «И для них мы сможем достать средства и силы», — говорил он.

Эту позицию Ф.И. Голощекина и других руководителей Крайкома ВКП(б) и правительства Казахской АССР поддерживал председатель Среднеазиатского бюро ЦК ВКП(б) И.А. Зеленский, который в своей статье «Генеральная линия» («Правда Востока», 1927, 7 октября) писал, что «задача республик Средней Азии должна заключаться в том, чтобы в первую очередь развивать те отрасли сырьевого хозяйства, которые уменьшают и ослабляют нашу зависимость от капиталистического мира».

С. Садвакасов.

Один из главных приверженцев развития промышленности Казахстана по экономической целесообразности, приближения новых предприятий к источникам сырья — С. Садвакасов, работавший тогда ректором Казпедвуза, на VI партконференции выступил против Ф.И. Голощекина с его тезисом о сырьевой направленности индустрии республики. Он обоснованно говорил: «Вопрос о промышленности — это судьба казахского бедняка, судьба казахстанского бедняка лежит не только через деревню, но и через город, ибо уже XII съезд не напрасно говорил, что мы должны преодолеть проклятое насле-

дие самодержавия, выражающееся в том, что национальные окраины превращались исключительно в сырьевые районы».²⁵ Он убеждал развивать промышленность республики по пути экономической целесообразности: «Там где есть кожа, там [строить] кожаные заводы, где есть шерсть — шерстомойки и суконные фабрики».²⁶

Опровергая тезис Ф.И. Голощекина о том, что Казахстан путем развития рентабельного сельского хозяйства должен быть сырьевой базой союзной промышленности, С. Садвакасов говорил: «Каким образом без развития [в Казахстане] промышленности мы будем развивать сельское хозяйство? Сельское хозяйство у нас будет развиваться путем железных дорог и т.д., что тоже в свою очередь является промышленностью. В этом смысле я говорю об индустриализации, в этом смысле нужно понимать мою индустриализацию».²⁷

Наиболее полно взгляды С. Садвакасова о путях и методах развития промышленности и транспорта Казахстана в условиях индустриализации Советского Союза изложены в его обстоятельной статье «О национальностях и националах», направленной в газету «Правда» как дискуссионный материал перед XV съездом ВКП(б) (9–12 декабря 1927 г.), мысли из нее он использовал на VI партконференции.²⁸ В ней Садвакасов особо подчеркивал, что «если империалистическая русская буржуазная только выкачивала из окраин сырье, насаждая фабрики и заводы у себя под рукой, то социалистическая промышленность должна развиваться по принципу хозяйственной целесообразности»,²⁹ «необходимо приблизить промышленность к источникам сырья».³⁰ Он считал, что «если восстановительный период поневоле имел на себе отпечаток «проклятого наследия» в виде фактического неравенства отдельных национальностей, то полоса

реконструкции должна изжить это наследство, обязательно преодолевая и стоящие перед нами трудности». Он был твердо убежден, что «в этом заключается и весь смысл приобщения отсталых окраин к социалистическому строительству, в этом залог дальнейшего укрепления Советской власти на окраинах».³¹

При этом С. Садвакасов справедливо указывал, что для развития промышленности в Казахстане, несмотря на ряд серьезных трудностей, есть все необходимые условия: «не только сырье, но и наличие рабочих рук и топлива», как «многомиллионная бедность Казахстана, Узбекистана, Туркменистана», а также «многомиллиардные запасы каменного угля и нефти в Казахстане», а что касается путей сообщения, то он отмечал, что новое «железнодорожное строительство составляет тоже часть вопроса индустриализации».

За эти взгляды С. Садвакасов подвергся тенденциозной, несправедливой критике не только со стороны руководства Компартии Казахстана и правительства республики, но и на общесоюзном уровне. Его взгляды были извращены и оценены как стремление к построению в Казахстане замкнутого хозяйства, оторвать республику от СССР и т.д., а он сам был объявлен «национал-уклонистом».

В отчете Краевого Комитета VI Всеказахстанской партконференции Ф.И. Голощекин выделил специальный раздел, озаглавив его «Садвакасовская индустриализация»,³² где утверждал, что мысль о том, что Казахстан «в Союзе и под руководством пролетариата, при его помощи», несмотря на свою отсталость, будет «не только двигаться вперед быстрым темпом, но и двигаться в сторону социализма», «еще не совсем понятна некоторым, к этому относятся еще с недоверием, есть скептики, есть нытики, есть непонимающие товарищи, есть буржуазные уклонисты».³³ Переходя непосредственно к Садвакасову, Голощекин утверждал, что он «во-первых, не понимает или не хочет понять сущность Союза Советских Социалистических Республик и влияние диктатуры пролетариата на развитие отсталых национальных республик и, во-вторых, он мыслит, как это мыслят и буржуазные националисты, [что] развитие Казахстана — как развитие самодовлеющего государства, независимого от СССР, ну, например, как СССР по отношению к империализму».³⁴ Ф.И. Голощекину вторил И.А. Зеленский: «Тенденции строить республики хозяйственно, как замкнутые организмы, являются вредными и опасными с точки зрения развертывания социалистического хозяйства в целом, — утверждал он, —...Сторонниками идеи замкнутого хозяйства являются элементы, классово нам враждебные, идеологом самостоятельного хозяйственного развития в Средней Азии является также известный панисламистский деятель Мустафа Чокаев».³⁵

С. Садвакасов этим грубо политизированным рассуждением и обвинениям Ф.И. Голощекина, И.А. Зеленского и других противопоставлял аргументированный довод о хозяйственной целесообразности строительства новых предприятий на имеющейся сырьевой базе, ликвидации встречных перевозок на железных дорогах и т.д. Садвакасов, признавая, что «теоретическое состязание с секретарем Крайкома для национала — дело

безнадежное», все же указывал «на явные нелепости» во взглядах Голощекина. Подчеркивая, что сама «хозяйственная целесообразность говорит за наш вывод [о необходимости строительства предприятий ближе к источником сырья]», Садвакасов указывал: «Голощекин промышленность приставляет к хвосту сельского хозяйства, предопределяя таким образом вечное крестьянское существование Казахстана». Основываясь на экономической целесообразности, он вопрошал: «Почему т. Голощекин не может или, вернее, не хочет идти дальше шерстомоек, тогда как сама собой напрашивается и организация суконных фабрик. Не лучше ли и железным дорогам сразу вывозить из Казахстана готовое сукно, чем два раза таскаться то с вымытой шерстью, то обратно с «московским» сукном из этой шерсти».³⁶

Опровергая утверждение И.А. Зеленского, будто есть тенденция (читай — у националов) строить замкнутое хозяйство в каждой республике («смешно об этом говорить»), С. Садвакасов спрашивал у своих оппонентов: «По какой теории вытекает, что вывозить хлопок из Средней Азии — это хорошо, а вывозить текстиль — это признак замкнутого хозяйства?». И утверждал: «Не выходит так, т. Зеленский! Как раз с точки зрения хозяйственной целесообразности, необходимо приблизить промышленность к источникам сырья».³⁷

Стремление национальных республик к строительству промышленных предприятий на имеющейся сырьевой базе подверглось критике и из Центра. Председатель Совнаркома Союза СССР А.М. Рыков на IV Всесоюзном съезде Советов говорил: «Мы можем наделать очень много и очень больших ошибок, если станем на ту точку зрения, что индустриализация означает развитие во что бы то ни стало индустрии в каждой административной единице... в отдельных частях нашего Союза стремятся создать замкнутое хозяйство».³⁸ С. Садвакасов оценил эти слова А.И. Рыкова как тревожный сигнал для национальных окраин, которые в отличие от других губерний, областей и республик «или ничего не имеют, или имеют совсем мало» промышленности. Поэтому Садвакасов считал, что «т. Рыков неправильно называет стремлением к замкнутому хозяйству, когда национальные республики просят помочь им организовать имеющее у них базу то или иное предприятие. Нам кажется, что индустриально развитое хозяйство тем и отличается от первобытного, что оно никогда не станет замкнутым», а «единство Союза и взаимная зависимость отдельных его частей» будут возрастать «все более и более осуществляться, тем вернее, чем скорее национальные окраины перестанут быть сырьевой базой».³⁹

В целом же С. Садвакасов, исходя из состояния тогдашнего социально-экономического и культурного развития Казахстана, заключал, что «директива XII партсъезда об изживании «политики царизма и русской буржуазии, стремившихся превратить окраины в исключительно сырьевые районы»⁴⁰ — эта директива проводится в жизнь на окраине, в данном случае в Средней Азии и Казахстане, не совсем достаточно или, правильнее, совсем недостаточно».⁴¹ С. Садвакасов видел главную причину этого положения в том, что «центральные органы в своей работе недоучитывали значения национального вопроса. Пятилетка перспективного разви-

тия промышленности была составлена без учета нужд окраин». ⁴² Данный вывод Садвакасова был справедлив и соответствовал действительности. Этот серьезный недостаток в составлении плана первой пятилетки (1928–1932 гг.) признавал и председатель Верховного Совета Народного хозяйства Союза ССР В.В. Куйбышев, который отмечал, что «в отношении развития отдельных районов пятилетка не отличалась четкостью и ясностью. Какую физиономию будет иметь каждый отдельный район, — на этот вопрос пятилетка не давала точного ответа». ⁴³ Справедливость утверждения С. Садвакасова о том, что пятилетний план был составлен «без учета нужд окраины», подтверждается всем ходом составления и утверждения этого плана не только в Центре, но и в Казахстане, о чем уже говорилось в связи с трудностями индустриального развития республики в 1920–1930-е годы.

Таким образом, в острой дискуссии, развернувшейся во второй половине 1920-х и начале 30-х гг. о путях индустриализации Казахстана, победила позиция партийно-советского руководства Казахстана во главе с Ф.И. Голощекиным, и это предопределило сырьевую направленность промышленности Казахстана на весь советский период.

2. РАЗВИТИЕ ПРОМЫШЛЕННОСТИ И ЕЕ СЫРЬЕВАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ

Если в первые годы индустриализации и, в особенности, в начале первой пятилетки Казахстан выступал как район, обеспечивавший ведущие индустриальные районы СССР сельскохозяйственным сырьем и продуктами, то в 1930-е гг. республика начала превращаться и в поставщика таких продуктов добывающих отраслей промышленности, как уголь, нефть, цветные металлы, соль и т.д. Тем самым сырьевая направленность индустрии Казахстана приобрела всеобъемлющий характер и широкие масштабы, охватывая не только сельское хозяйство, но и ведущие отрасли тяжелой, легкой и пищевой промышленности.

Особое внимание уделялось добыче цветных металлов, угля, нефти и других полезных ископаемых и многие из этих предприятий, вновь создаваемых в пустынных и полупустынных регионах Казахстана, сразу приобретали общесоюзное значение. Это было связано не только с тем, что цветные металлы, нефть, уголь и другие добываемые в Казахстане полезные ископаемые поставлялись предприятиям индустриально развитых регионов Союза ССР, но и помогали в целом стране избавиться от иностранной зависимости в их производстве. Это в первую очередь относится к развитию в Казахстане добычи благородных, редких и цветных металлов, потребность в которых сильно возросла в связи со строительством и ростом машиностроения.

Выявленные богатейшие запасы цветных металлов, в особенности меди и свинца, позволили Казахстану занять ведущее место в Союзе ССР по их добыче. Совет Труда и Обороне в постановлении «О перспективах развития цветной металлопромышленности» от 2 августа 1929 г. среди регионов, на которых следует «сосредоточить главное внимание», «ос-

новным для перспективного развития» считал «Казахскую Автономную Социалистическую Республику».⁴⁴ К этому времени были восстановлены и достигли проектной мощности Карсакпайский и Риддерский медеплавильные заводы, а в годы второй пятилетки они подверглись коренной технической реконструкции. На Рудном Алтае возник Иртышский (Глубоковский) свинцовый завод, а на юге Казахстана в 1934 г. — крупнейший в Союзе ССР Чимкентский свинцовый завод с его рудниками и обогатительной фабрикой в горах Каратау.⁴⁵

В 1931–1938 гг. строился крупнейший в СССР Балхашский медеплавильный комбинат на рудной базе Коунрад. Таким образом, цветная металлургия превращалась в одну из ведущих отраслей тяжелой индустрии Казахстана.

Свинцово-цинковая промышленность была представлена двумя крупными — Чимкентским и Риддерским — заводами, а также рядом обогатительных фабрик и рудников. Чимкентский свинцовый завод им. М.И. Калинина, вступивший в строй в годы второй пятилетки, с каждым годом расширял производство и вышел в ряды передовых предприятий страны. В 1939 г. завод дал 73,2% всего выплавленного в Союзе ССР свинца и 26 апреля 1939 г. был награжден орденом Ленина. В связи со снижением в перспективе добычи на Ачисайском руднике — сырьевой базе Чимкентского завода — основной его базой был признан Текелийский рудник, и с 1938 г. началось строительство Текелийского свинцово-цинкового комбината. В развитии свинцово-цинковой промышленности республики большая роль отводилась Рудному Алтаю: на Риддере быстро росла выплавка свинца и выпуск цинкового концентрата. В мае 1939 г. началось строительство Усть-Каменогорского свинцово-цинкового завода.

Медную промышленность республики представляли Балхашский, Карсакпайский и Иртышский медеплавильные заводы. Самым крупным был Балхашский завод, вошедший в строй в 1938 г., который в 1939 г. дал 51% всей меди, выплавленной на заводах Казахстана. Завод вскоре стал флагманом медной промышленности страны.

К началу войны в основном была завершена реконструкция Карсакпайского завода, почти вдвое увеличившего свою мощность, а также Иртышского завода, долгое время находившегося на консервации. Все это позволило Казахстану произвести столько меди, сколько в первую и вторую пятилетки.

Если в структуре валовой продукции крупной промышленности республики цветная металлургия занимала в 1927–28 гг. 6,1%, то в 1939 г. ее доля достигла 12,3%, т.е. за эти 12 лет выросла более чем в два раза. В целом же валовая продукция цветной металлургии в 1939 г. выросла по сравнению с 1913 г. в 17,1 раза, а с 1927–28 гг. — в 25,8 раза. Основные производственные фонды цветной металлургии к 1 января 1940 г. выросли по сравнению с 1 октября 1928 г. в 27,2 раза.⁴⁶

К началу Второй мировой войны Казахстан уже занимал первое место в Союзе ССР по производству свинца: республика в 1939 г. давала стране 84,8% всего выплаваемого свинца, из них на Чимкентский завод приходилось 62,7%, на Риддерский комбинат — 22,7%. Казахстан

в 1939 г. поставлял 16,2% черновой меди, добытой в Союзе ССР. При этом удельный вес Балхашского медькомбината достигал 8,2%, Карсакпайского — 4,1%, Иртышского медьзавода — 3,6%.⁴⁷

В годы индустриализации бурно развивалась и угольная промышленность. Карагандинский бассейн из мелкого подсобного предприятия дореволюционного Спасского медного завода превратился в третью угольную базу Советского Союза. Угольные копи до 1930 г. находились на консервации из-за отсутствия путей сообщения и первоначально предполагалось, что они будут снабжать Спасский медный комбинат и линию Петропавловск—Караганда. Громадные запасы угля, его коксуемость и доведение линии Петропавловск—Кокчетав—Акмолинск до Караганды (февраль 1931 г.), что обеспечивало связи Урала и Средней Азии, придали Карагандинскому бассейну, «в тесной связи с созданием» на Востоке второго основного угольно-металлургического центра СССР — Урал-Кузнецкого комбината, всесоюзное значение. Совет Труда и Обороны 31 января 1931 г. указывал, что «Карагандинский угольный бассейн должен явиться базой развития цветной металлургии. Вместе с тем географическое положение Карагандинского района делает возможным вывоз угля в Среднюю Азию, на Турксиб и на Урал».⁴⁸

Тресту «Казстройуголь» во главе с донецким шахтером К.О. Горбачевым пришлось начать разработку бассейна весной 1930 г. в голой степи в неимоверно трудных условиях: не хватало квалифицированных рабочих, жилья и питьевой воды для них, оборудования, строительных материалов и т.д. В первые годы из-за отсутствия электростанции работы велись на паровой энергии, использовалось дореволюционное некомплектное оборудование (паровые котлы, лебедки), конные ворота и т.д. Из Донбасса доставлялось демонтированное паровое оборудование, которое после ремонта применялось в бассейне. Строительный лес завозили гужом за 230 км, конные ворота не могли обеспечить водоотлив из шахт и лишь в конце 1930 г. на двух шахтах осуществлялся паровой водоотлив.⁴⁹ С приходом железнодорожной линии в Караганду, в особенности со строительством ЦЭС и Нурина водопровода в 1933 г. наступил резкий перелом в строительстве бассейна. В 1933—1936 гг. строилась крупная обогатительная фабрика. Начался переход от парового подъема и водоотлива к электрическому, оснащению бассейна новейшей техникой (врубными машинами, электровозами и т.д.), от ручной добычи к механизированной, которая в 1936 г. достигла 84,8%.

Добыча угля в Карагандинском бассейне в 1939 г. по способам распределялась следующим образом: годовая добыча на одного рабочего увеличилась в 1938—1939 гг.: по эксплуатации — на 341,3%, в подземных работах — на 357,6%, в забое — на 342,6%. В 1939 г. в бассейне было добыто свыше 5,1 млн тонн угля, что в 78,6 раза больше, чем в 1913 г. Это составляло 93,5% всей добычи угля в Казахстане.⁵⁰ Коксующийся уголь Караганды шел на Магнитогорский металлургический комбинат, в города и на железные дороги Урала и Среднего Поволжья, а также на промышленные предприятия Казахстана. Близость бассейна по сравнению с Кузбасом к Уралу вообще, с постройкой линии Акмолинск—Карталы в особенности, придавала Караганде огромное значение и с каждым годом рос

удельный вес его угля в топливном балансе Магнитогорска, который достиг еще в 1936 г. 19%.⁵¹

Удельный вес каменноугольной отрасли в структуре валовой продукции крупной промышленности вырос с 1,4% в 1913 г. и с 3,5% в 1932 г. до 5,9% в 1940 г., а ее производственные фонды только в 1932–1939 гг. — в 15,6 раза.⁵² Накануне Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. Карагандинский бассейн оправдывал название третьей угольной кочегарки страны, где добыча угля в 1940 г. достигла почти 6,3 млн тонн против 3,9 млн тонн в 1937 г., что составило 90% всей добычи угля в Казахстане. Росли его мощности: только в 1939 г. было введено в эксплуатацию 7 новых мощных шахт, в 1940 г. вступил в строй мощный угольный разрез; бассейн насыщался современной техникой: 97,5% добычи угля осуществлялось механизированным способом. В 2,4 раза увеличилась добыча угля на Ленгере, что составляло около 5% добытого в республике. Для обеспечения местных промышленных предприятий и организаций своим топливом летом 1939 г. началось строительство шахт на Чакпаке, Кельтемашате, Курашасае, Мартуке и других угольных месторождениях.⁵³

Быстрыми темпами развивалась и нефтяная промышленность Казахстана, благодаря чему республика добывала около пятой части всей нефти в стране и заняла третье место после РСФСР и Азербайджана. Это было достигнуто благодаря расширению старых промыслов, таких как Доссор и Макат, вводу новых, как Байчунас (1931 г.), Сагиз (1932 г.), Искине (1934 г.), Косчагыл (1935 г.), Кулсары (1939 г.), а также совершенствованию техники добычи нефти, улучшению транспортных связей, в частности строительству нефтепровода Гурьев–Орск и т.д.⁵⁴ Удельный вес нефтедобывающей отрасли в структуре валовой продукции крупной промышленности в 1939 г. составил 1,6%, а ее производственные фонды только в 1927/28–1939 гг. выросли более чем в 4,2 раза.⁵⁵ Интенсивно велось разведочное бурение. В результате в 1940 г. в Казахстане добыча нефти достигла 697 тыс. тонн, что на 42% больше, чем в 1937 г., по сравнению с 1932 — в 2,8 раза, по сравнению с 1913 г. — почти в 7 раз. Но так как к этому времени резко сократился удельный вес фонтанной добычи, и большинство скважин было переведено на глубокотурбинный способ эксплуатации, стоимость добычи тонны нефти на Эмбе превышала примерно в 2,5 раза стоимость добычи в целом по СССР.

Химическая промышленность была представлена рядом крупных предприятий. Реконструированный Чимкентский химико-фармацевтический завод осваивал производство новых видов продукции, в частности эффективных средств борьбы с сельскохозяйственными вредителями, что освобождало СССР от ввоза никотина. Актюбинский химкомбинат — первенец производства фосфорных удобрений на востоке страны выпускал продукцию для хлопководства и свекловодства в Средней Азии и Казахстане. Комбинат «Аралсульфат» снабжал сульфатом натрия стекольные заводы и добывал поваренную соль. На озере Индер добывались бораты, что позволило СССР отказаться от ввоза их из-за границы.⁵⁶ Удельный вес химической отрасли в структуре валовой продукции крупной промышленности вырос с 0,4% в 1913 г. и

1,1% в 1927/28 г. до 1,6% в 1939 г., а ее производственные фонды только в 1927/28–1939 гг. увеличились более чем в 37 раза, валовая продукция – более чем в 1,8 раза, а соляной промышленности – более чем в 10 раз и в 2,3 раза соответственно.⁵⁷

При отсутствии в Казахстане машиностроения, как ведущей отрасли тяжелой промышленности, значение металлообработки резко возрастало. Предприятия «малой металлообработки», разбросанные на огромной территории, состояли в основном из двух видов: 1) механические цехи и ремонтные мастерские крупных предприятий тяжелой промышленности; 2) мастерские для ремонта сельскохозяйственных машин. К числу первых относились механические мастерские (цехи) Чимкентского свинцового завода, Караганды, Семипалатинского мясокомбината, в Гурьеве, Доссоре и т.д., которые выполняли различные производственно-ремонтные работы в своем регионе. Мастерские для ремонта сельскохозяйственных машин создавались при совхозах и МТС, и в Казахстане, по числу тракторов и комбайнов занимавшем третье место после России и Украины, они играли важную роль для развития сельскохозяйственного производства. Металлообработка была представлена также механическими заводами местной промышленности в Уральске, Петропавловске, Кокчетаве, Актюбинске, чугунолитейным заводом в Алма-Ате, а также новыми ремонтными предприятиями Турксиба на ст. Аулие-Ата, Алматы, Уштобе, Аягуз и др., авторемонтными и судоремонтными мастерскими.⁵⁸

Развитие металлообработки в ее различных видах и формах привело к тому, что ее удельный вес в структуре валовой продукции крупной промышленности Казахстана с 1,9% в 1913 г. и с 3,6% в 1927–28 г. достиг 15,8% в 1940 г., т.е. увеличился в 8,3 раза и 4,4 раза соответственно и представлял собой более шестой ее части. В этом отношении металлообработка заняла первое место, далеко опередив не только цветную металлургию (12,3%) и угольную промышленность (5,9%), но и другие отрасли. Валовая продукция металлообработки в 1939 г. выросла по сравнению с 1913 г. в 137,4 раза, а с 1927–28 г. – в 55,8 раза. Основные ее производственные фонды на 1 января 1940 г. составляли в 298,5 раза больше, чем на 1 января 1928 г.⁵⁹

Относительно высокими темпами развивалась и электроэнергетика, на крупных предприятиях цветной металлургии, угольных шахтах, в других отраслях промышленности строились свои электростанции, обеспечивавшие энергией не только собственное производство градообразующих предприятий, но и население, и всю их инфраструктуру. В годы первых двух пятилеток вошли в строй Карагандинская и Каратауская ЦЭС, ТЭС Балхашского медеплавильного комбината, Актюбинского химкомбината, Семипалатинского мясокомбината, ЦЭС Чимкентского свинцового завода, Ульбинская ГЭС и дизельные электростанции на Эмбинских нефтепромыслах.⁶⁰

Удельный вес электроэнергетики в структуре валовой продукции крупной промышленности вырос с 0,7% в 1913 г. – 0,3% в 1927–28 г. до 1,4% в 1939 г., и ее производственные фонды только в 1928–1940 гг. – в 33,9 раза.

В первые годы третьей пятилетки электроэнергетика развивалась еще более высокими темпами, что обуславливалось необходимостью укреплять энергетическую базу промышленных центров республики. В 1939 г. началось строительство крупнейшей в то время на Востоке страны гидроэлектростанции — Усть-Каменогорской, которая должна была обеспечивать электроэнергией Рудный Алтай с его предприятиями цветной металлургии. Строительству этой станции Правительство республики также оказывало действенную помощь в обеспечении его рабочей силой, средствами, строительными материалами и техникой. Управление Иртышстрой, строившее эту ГЭС, получило наряд на вербовку в Кировском районе (близ Усть-Каменогорска) 2500 человек, на постоянную работу на ГЭС было направлено 200 коммунистов и комсомольцев. Продолжалось строительство Карагандинской ГРЭС, которая должна была снабжать электроэнергией развивающийся Карагандинский угольный бассейн, возводились промышленные, транспортные, коммунальные и сельские электростанции, разрозненность которых, правда, не способствовала нормальной организации устойчивого энергоснабжения в республике. В 1939 г. Ульбинская ГЭС после вступления в строй ее третьей турбины достигла проектной мощности — 28,3 тыс. кВт; вдвое увеличила свою мощность Балхашская ТЭЦ — 50 тыс. кВт. Более мощными стали Алма-Атинская ЦЭС, Верхне-Хариузовская ГЭС и др. Все это привело к тому, что в Казахстане в 1940 г., по сравнению с 1937 г., мощность электростанций и производство ими электроэнергии выросли более чем в два раза.⁶¹

Мощность электростанций Казахстана в 1927/28—1939 гг. возросла в 39,5 раза и достигла 166,0 тыс. кВт, из них ведущее положение занимали промышленные станции, мощность которых за это время выросла в 43,1 раза и составила 125,1 тыс. кВт, т.е. на их долю приходилось 75,4% мощности всех электростанций Казахстана. Остальная энергия приходилась на районные станции НКЭ и коммунальные — по 12,3% соответственно.⁶² Производство электроэнергии за эти годы возросло в 51,5 раза и в 1939 г. было произведено 386,5 тыс. кВт, из них промышленными станциями — в 55,7 раза и 272,7 тыс. кВт, т.е. более 70,5% всей электроэнергии республики. На долю же районных и коммунальных станций приходилось 38,3 тыс. кВт и 35,6 тыс. кВт, или 9,9% и 9,2% соответственно.⁶³

В Казахстане, как аграрной республике, богатой земледельческим и животноводческим сырьем, вполне естественно, что в годы двух первых пятилеток быстро развивались многие отрасли пищевой и легкой промышленности. Это диктовалось необходимостью обеспечения предмета потребления не только населения Казахстана, но и Урала, Центра и других регионов Союза ССР, в особенности продуктами питания. В пищевой промышленности преимущественное развитие получили предприятия мясной, мукомольной, рыбной и сахарной отраслей. Мясную промышленность представляли три гиганта: реконструированный Уральский мясокомбинат, вновь построенные Петропавловский (1929—1931 гг.) и Семипалатинский (1931—1934 гг.), мясокомбинаты строились и в дру-

гих крупных городах, как Алма-Ата, Караганда и др. Возводились такие крупные предприятия мукомольно-крупяной промышленности, как Алма-Атинский, Семипалатинский, Карагандинский и Чимкентский мельничные комбинаты, завод по обработке риса в г. Кзыл-Орде и т.д. В 1934 г. вступили в строй первые сахарные заводы: Талды-Курганский и Меркинский, а в 1937 г. — более крупный Джамбулский. Крупнейшим предприятием пищевой промышленности являлся Гурьевский рыбоконсервный комбинат (1937 г.).

Некоторое развитие в эти годы получили и предприятия легкой промышленности: в 1931 г. в Алма-Ате возникла первая швейная фабрика, строились крупные шерстемойки в Семипалатинске и Алма-Ате, расширялся Петропавловский хромовый завод и т.д.⁶⁴ Но главные внимание в эти годы уделялось реконструкции старых, действовавших до этого, предприятий, таких как Каргалинская суконная фабрика, Петропавловский кожзавод, Петропавловский и Уральский пимокатные заводы, Алма-Атинская, Семипалатинская и Уральская шерстемойки и др.⁶⁵

Накануне войны, в первые годы третьей пятилетки значительных успехов достигли легкая и пищевая промышленность, улучшилось территориальное размещение их предприятий: построена новая мощная швейная фабрика в Алма-Ате, реконструирована старая, обновлялся Семипалатинский кожевенный комбинат, строились суконный комбинат в Семипалатинске, обувная фабрика в Алма-Ате и т.д. Увеличили производство продукции Семипалатинский, Петропавловский и Уральский мясокомбинаты. Широко распространялось механизированное хлебопечение: в Караганде, Алма-Ате, Лениногорске и Балхаше были построены автоматизированные хлебозаводы, а в Джамбуле и Кзыл-Орде — механизированные пекарни. В крупнейших городах Казахстана были введены в строй молочные заводы, увеличилось число маслодельных заводов. В Южном Казахстане возникла хлопкомаслобойная промышленность, крупным предприятием которой стал вновь построенный Чимкентский маслоэкстракционный завод. Крупнейшим предприятием плодоовощной промышленности оставался Алма-Атинский плодоовощной комбинат. Начала развиваться винодельческая промышленность, первенцем которой стал Алма-Атинский винодельческий завод, построенный в 1938 г. Заметных успехов добилась рыбная промышленность, которую представляли на Каспийском море Гурьевский рыбоконсервный комбинат и 17 рыбных заводов, на Аральском море — мощный холодильник и 10 рыбных заводов, на Балхаше — 5 рыбных заводов и холодильник.⁶⁶

Итогом развития промышленности республики в предвоенные годы стали 700 новых промышленных и транспортных предприятий. В 1940 г. в республике действовало 2,5 тыс. новых и реконструированных в период довоенных пятилеток крупных промышленных предприятий. При этом на 268 крупнейших новых и целиком реконструированных предприятиях, на долю которых приходилось две трети продукции крупной промышленности Казахстана, сосредоточивалось более 80%

основных производственных фондов и около половины всех рабочих республики.⁶⁷

Таким образом, в связи с осуществлением индустриализации СССР в Казахстане получили бурное развитие реконструкция старых и в особенности строительство новых предприятий на базе местных источников сырья и сооружение новых дополнительных путей сообщения. В результате всего этого Казахстан превратился из аграрной в индустриально-аграрную республику: в 1940 г. удельный вес промышленности в совокупной продукции народного хозяйства республики достиг 60% против 6,3% в 1920 г. и 39,5% в 1932 г., т.е. в полтора раза превосходил удельный вес сельского хозяйства (40%).⁶⁸ Тем самым эта основная задача, поставленная в начале первой пятилетки, к началу Второй мировой войны была успешно выполнена. При этом в структуре валовой продукции крупной промышленности преобладающее положение заняло производство средств производства, удельный вес которого стал преобладать уже в начале третьей пятилетки и в 1939 г. достиг 52% против 27,2% в 1913 г., 35,1% в 1927–28 гг., 49,3% в 1932 г. Это явилось результатом более быстрого развития тяжелой промышленности вообще, металлообработки, цветной металлургии, электроэнергетики, угольной, химической и других ее отраслей в особенности. Именно в эти годы последовательно, хотя и не резко, сокращался удельный вес производства предметов потребления: с 64,9% в 1927–28 гг. и с 50,7% в 1932 г. до 48,0% в 1939 г.⁶⁹

Вместе с тем в промышленном прогрессе Казахстана проявился ряд пробелов и недостатков, усиливавших сырьевую направленность экономики республики, приведших к постоянному ввозу как многих средств производства, так и предметов потребления, хотя для организации их производства на местах имелись все возможности.

Несмотря на преимущественное развитие производства средств производства, Казахстан завозил из Центра и других регионов страны не только станки, приборы, оборудование, машины, автомобили, тракторы, комбайны и другую продукцию машиностроительных заводов и строительных материалов, но и многие предметы широкого потребления населения, такие как одежда, обувь и т.д. Нефть Западного Казахстана вывозилась в Россию для переработки, а на месте не было ни одного нефтеперерабатывающего завода. Промышленность строительных материалов оставалась слабой. Хотя производство кирпича на местах было организовано неплохо, многие материалы, в особенности стекло и цемент, также завозились извне. Несмотря на наличие огромного количества шерсти, хлопка, кожи и другого сырья, в Казахстане так и не было построено ни одного крупного комбината легкой промышленности (текстильного, хлопкобумажного и др.), а имеющиеся мелкие заводы и фабрики не удовлетворяли нужд местного населения в одежде, обуви и других предметах широкого потребления.

Роль Казахстана как источника сырья для развитой промышленности Центра и других регионов Союза ССР в условиях индустриализации еще более усилилась и стала многосторонней. Прежде всего, Казахстан превратился в основную базу по заготовке сырья для легкой и пищевой

промышленности Союза ССР: в 1940 г. республика занимала по СССР четвертое место по производству мытой шерсти и верхнего кожтовара, пятое — хлопка-волокна и шерстяной пряжи и т.д. Достаточно сказать, что только в 1936 г. в Казахстане было заготовлено 104,6 тыс. т хлопка, свыше 200 тыс. крупных и 900 мелких кож, а в 1939 г. — 8,1 тыс. т шерсти, в том числе 53,6 тонны тонкой и полугрубой шерсти. Разумеется, при ограниченности возможности переработать это сырье на месте, оно отправлялось на предприятия легкой промышленности Центра и других более индустриально развитых регионов Советского Союза.⁷⁰ В результате бурного развития добывающих отраслей и благодаря богатым запасам месторождений, Казахстан, в результате индустриализации, занял по Союзу ССР второе место по производству цветных металлов, третье — по добыче угля и нефти и т.д., то есть стал одним из их основных поставщиков для машиностроительной, электротехнической, химической и других отраслей промышленности, а также железных дорог Советского Союза.⁷¹ Хотя накануне Великой Отечественной войны предпринимались первые шаги по строительству нефтеперегонного (в г. Гурьеве), машиностроительного (Казсельмаш в Актюбинске), цементных и других заводов, это в целом не меняло главной тенденции в промышленном развитии Казахстана — ее сырьевой направленности, которая сложилась и развивалась в условиях индустриализации и после нее, при этом не только в советскую эпоху.

Созданная в ходе индустриализации СССР промышленность Казахстана, вместе с другими отраслями индустрии, такими как строительство и транспорт, стали той мощной экономической основой крупных экономических, социально-демографических и других изменений, в особенности роста старых, появления новых городов на базе вновь построенных промышленных гигантов и железных дорог, в также формирования местного рабочего класса и инженерно-технической интеллигенции республики.

3. СТРОИТЕЛЬСТВО ПУТЕЙ СООБЩЕНИЯ. ТУРКСИБ

Особенно важное значение для Казахстана с его огромной территорией и слабо развитой сетью путей сообщения имело развитие транспорта. Создание узлов цветной металлургии, угольной и нефтяной промышленности республики (строительство и развитие Карагандинского угольного бассейна, медеплавильного завода на Балхаше, свинцового завода в Чимкенте, цинкового завода в Риддере и других крупнейших предприятий, освоение нефтяного Западного района) в значительной степени зависело от транспортных связей. Эти доводы были изложены в докладе на VII Всеказахстанской партийной конференции (30 мая—6 июня 1930 г.): «Если транспорт имеет решающее значение в Союзе ССР, то в условиях Казахстана, где до Турксиба ничего почти не было кроме Ташкентской ж.д., имеющей, главным образом, транзитное значение, железнодорожное строительство имеет еще большее значение, поскольку оно свя-

жет центральные районы Союза с новыми, совершенно не тронутыми, девственными, но вместе с тем очень богатыми районами Казахстана»⁷². VII партийная конференция утвердила основные показатели первой пятилетки. На развитие сельского хозяйства республики (без ирригации) выделялось 2 млрд рублей, промышленности — 1 223 млн рублей, транспорта — 1 231 млн рублей, связи — 64 746 тыс. рублей и т. д. Отсюда видно, что развитию транспорта в первой пятилетке придавалось исключительно важное значение, и поэтому в него предполагалось вложить даже несколько больше, чем в развитие промышленности.

За пятилетку в Казахстане было намечено построить 2633 км железнодорожных линий широкой колеи: Боровое—Акмолинск—Караганда, Орск—Актюбинск, Чимкент—Ташкент, Риддер—Рубцовка, Коскудукская ветка, Турксиб. Однако пятилетний план нового железнодорожного строительства был выполнен не полностью; некоторые начатые линии (Рубцовка—Риддер, Чимкент—Ташкент и др.) были временно законсервированы. И все же развитие железнодорожного транспорта Казахской республики в годы первой пятилетки достигло значительных успехов, которые выразились главным образом в строительстве двух железных дорог: Туркестано-Сибирской магистрали и линии Боровое—Акмолинск—Караганда.

Линия Петропавловск—Кокчетав—Курорт Боровое была завершена и передана в эксплуатацию Омской железной дороги еще 2 октября 1927 г.⁷³ В годы первой пятилетки были построены сначала линия Боровое—Акмолинск, позднее Акмолинск—Караганда. Линия Петропавловск—Кокчетав—Акмолинск обслуживала зерновые районы Северного Казахстана и имела в основном сельскохозяйственное значение. По доведению ее до Караганды она стала обслуживать и Центральный Казахстан, становилась угольно-металлургической магистралью и тем самым приобрела огромное промышленное значение. Карагандинская линия явилась своеобразным ключом к индустриальному сердцу республики. Сразу же после постройки линии организуется Карагандинская область (март 1932 г.). До постройки линии Акмолинск—Карталы (1939—1943 гг.) Карагандинская линия была единственной железнодорожной артерией, связывавшей Карагандинский угольный бассейн с металлургической промышленностью Урала. Кроме того, железнодорожная линия дала толчок индустриальному развитию всего Центрального Казахстана.

Наиболее крупной стройкой не только в Казахстане, но и в масштабе всего Советского Союза была Туркестано-Сибирская железная дорога. ЦК ВКП(б) 25 ноября 1926 г. постановил «признать первоочередными из всех... работ общесоюзного значения постройку Семиреченской железной дороги⁷⁴, соединяющей Сибирь и Среднюю Азию, и электрической станции на Днепре (Днепрострой)».⁷⁵ В постановлении Совета Народных Комиссаров РСФСР «По вопросу о постройке Семиреченской железнодорожной магистрали» (28 февраля 1927 г.) также подчеркивалось ее «громдное значение как для хозяйственного развития Средней Азии, Казахстана и Сибири, так и для всего Союза ССР». Турксиб должен был обеспечивать снабжение хлопководческих районов Средней Азии деше-

вым сибирским и семиреchenским хлебом, сибирским лесом, а также скотом, что давало возможность резко увеличить посевную площадь под хлопок, удешевить стоимость его, сократить импорт заграничного хлопка и тем самым усилить активность баланса внешней торговли Советского Союза. Новая дорога открывала возможность использования для экспорта и других нужд тот хлеб и лес, которые направлялись до этого в Среднюю Азию из европейской части РСФСР; Турксиб давал выход продуктам сельского хозяйства Сибири (хлебу, лесу и др.) на рынок Средней Азии, а также возможность вывоза продуктов из Казахстана в Сибирь, тем самым способствуя экономическому развитию Сибири. Проходя по основным экономическим районам Казахстана и Киргизии, железная дорога становилась мощным фактором развития здесь и сельского хозяйства, в особенности скотоводства, могущего дать промышленности необходимое сырье, и горного дела. Дорога давала толчок развитию судоходства по Или, Иртышу и другим рекам. Турксиб, пролегая в непосредственной близости к границам Западного Китая и Западной Монголии, мог способствовать значительному усилению товарооборота СССР с этими странами.⁷⁶

Строительство Туркестано-Сибирской железной дороги возлагалось на специальное управление, начальником которого был назначен В.С. Шатов. Дорогу решено было строить с двух сторон: с севера, со стороны Семипалатинска, и с юга, со стороны ст. Луговой. Был организован при Совнарком РСФСР Комитет содействия Семиреченской железной дороге, на который возлагалась задача оказывать общее содействие успешному осуществлению строительных работ. При Комитете были образованы четыре секции: сельскохозяйственная, промышленная, путей сообщения, ирригационная. Председателем Комитета был утвержден заместитель председателя Совета Народных Комиссаров РСФСР Т.Р. Рыскулов.⁷⁷

Турксиб строился сразу с двух сторон. Земляные работы в северной части дороги начались в апреле 1927 г., а укладка пути — 15 июня. 21 ноября 1927 г. после продолжительной подготовительной работы укладка пути началась и в южной части стройки.

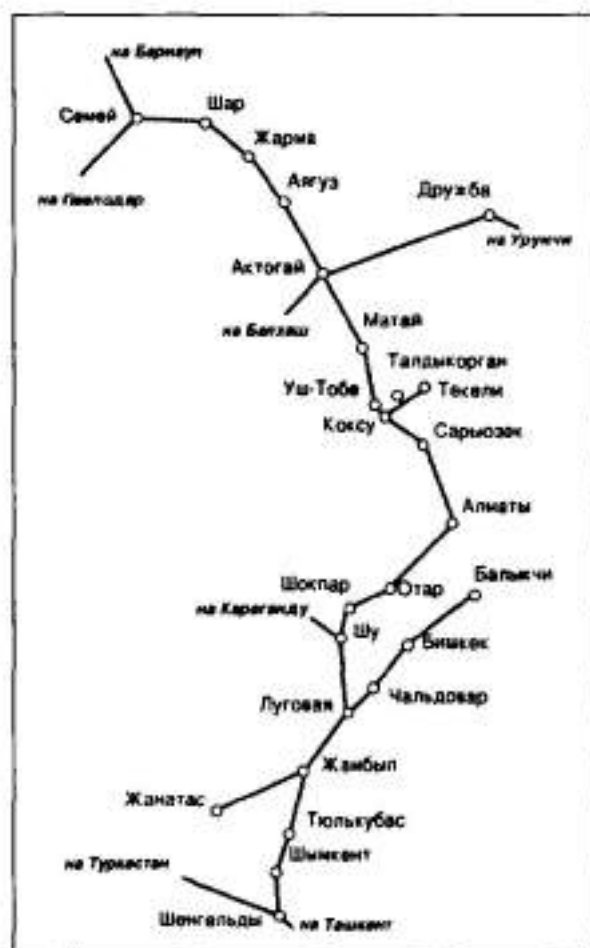

Схема Турксиба с основными станциями.

На строительстве Турксиба.

Результаты дореволюционных изысканий показали огромную стоимость дороги. Решено было провести новые изыскания, основанные на технико-экономических предпосылках. Весь 1926—1927 год ушел на новые изыскания, которые продолжались вплоть до лета 1928 г. Они дали весьма ощутимую экономию средств — 35 млн рублей при общей стоимости стройки 212 млн руб. Вместо дорогостоящего кружного Курдайского варианта (Луговая—Фрунзе—Алма-Ата) линию решили провести по Чокпарскому направлению. На северной части линии вместо лепсинского был утвержден балхашский вариант, который сокращал длину дороги и давал значительную экономию.⁷⁸

Назначение Турара Рыскулова председателем Комитета содействия постройке Турксиба было не случайным. Он, будучи заместителем председателя СНК РСФСР с июня 1926 г., с самого начала дискуссии по строительству железной дороги, связывающей Казахстан и Среднюю Азию с Сибирью, был активным сторонником и проводником идеи ее скорейшего сооружения. Само постановление СНК РСФСР «По вопросу о постройке Семиреченской ж.д.» от 2 марта 1927 г. было подготовлено специальной комиссией под председательством Т. Рыскулова, созданной 4 февраля 1927 г. правительством России.⁷⁹

Первоначально в состав Комитета содействия при СНК РСФСР входило всего 18 человек, но вскоре число его членов превысило 50 чел. Работой Комитета между его пленарными заседаниями руководил Президиум (сперва 9 чел., потом 11) во главе с Т. Рыскуловым. В него от Казахстана входил Н.Н. Нурмаков — Предсовнаркома КазАССР. В состав Комитета кроме представителей наркоматов, республик и регионов, входили ученые (8 профессоров) и специалисты (инженеры, экономисты, агрономы и др.).

При формировании состава Комитета Т. Рыскулов особое внимание уделял привлечению к его работе профессионалов. В этом отноше-

нии особо характерен вопрос о Мухамеджане Тынышпаеве — выпускнике Петербургского института инженеров путей сообщения, строившем Семиреченскую ж.д. еще до 1917 г., бывшем комиссаре Временного правительства по Семиреченской области и руководителе правительства Кокандской автономии.

18 декабря 1926 г. Т. Рыскулов телеграфирует в Кзыл-Орду: «СНК Нурмакову копия крайком Голошкеину Инженера Тынышпаева как специалиста знатока предполагается дополнительно ввести состав Комитета Содействия и Стройкома НКПС тчк сообщите Ваше мнение». На это Голошкин отвечает телеграммой в Москву, НКПС: «Введение Тынышпаева возражаем». Тем не менее Т. Рыскулов в январе 1927 г. телеграфирует в Алма-Ату, губисполком, М. Тынышпаеву: «Вас вводим состав Комитета СНК и стройком НКПС сооружению Семиречдороги НКПС необходимо предварительно проработать Москве тчк. Если согласны сообщите когда можете выехать тчк Нурмаковым согласован».⁸⁰ И в действительности М. Тынышпаев как специалист сделал многое для успешного сооружения Турксиба.

К этому времени М. Тынышпаев уже был широко известным и признанным специалистом по сооружению и эксплуатации стальных магистралей. В 1906—1914 гг. он работал на Среднеазиатской ж.д., сперва инженером, а потом начальником, главным инженером строившейся линии Урсатьевск—Андижан, а с 1914 г. — начальником строительного отдела, главным инженером Семиреченской ж.д. (от Арыси до Аулие-Аты). В связи с окончанием строительства этой дороги с доведением ее до ст. Луговой в 1926 г. и началом сооружения собственно Турксиба, М. Тынышпаев, вместе с другими видными инженерами путей сообщения, как Березин, Шатов, Перельман, был приглашен на строительство этой магистрали. Таким образом, работа на строившемся Турксибе вообще, членство в «Центральном» (или «Рыскуловском») Комитете содействия дала М. Тынышпаеву прекрасную возможность раскрыть свой огромный талант организатора и специалиста, оставить о себе неизгладимую память потомкам как незаурядной личности, верно служившей интересам своего народа, ради его будущего.

По инициативе Т. Рыскулова Комитет содействия обобщил результаты комплексных исследований районов тяготения магистрали и выработанные ими предложения легли в основу соответствующего постановления СНК РСФСР от 7 декабря 1927 г. и в виде специального раздела вошли в «Контрольные цифры пятилетнего плана народного хозяйства и социально-культурного строительства РСФСР».

М. Тынышпаев активно участвовал не только в этих экспедициях, но и в тех, которые проводились еще до Октябрьской революции по изучению трассы будущей Туркестано-Сибирской магистрали, а именно: в 1906 г. в экспедициях Голембиевского, в 1913 г. — Панфиловича, в 1914 г. — Ленионнуса, а в 1926 г. — Сахарова и в 1927 г. — последней, Турксибской и т.д. Все предложения этих экспедиций были учтены Советским правительством и включены в первый пятилетний план по Казахстану.

Это сыграло большую роль в дальнейшем развитии и интенсификации в районах тяготения к магистрали животноводства с усилением в составе стада мясомолочного направления и переходом к разведению тонкорунных и полугрубошерстных пород овец и т.д., в увеличении хлопкового клина, внедрении и расширении технических культур, в частности рисоводства в долине р. Или, свеклосеяния и табаководства в долине р. Чу и т.д. Кроме того предусматривалось также промышленное развитие и расширение путей сообщения в этих регионах, в особенности освоение серебряно-свинцовых, угольных и других месторождений и т.д. В связи с этим надо сказать, что Комитет содействия и лично Т. Рыскулов оказывали большую помощь комплексному обследованию шестью экспедициями озера Балхаш и его районов. Одним из важнейших результатов их являлось открытие в 1928 г. на северном побережье озера геологической экспедицией под руководством инженера М.П. Русакова крупнейших месторождений медных руд. Это уже тогда предопределило строительство Балхашского медеплавильного завода.

Т. Рыскулов и М. Тынышпаев лично участвовали в работе Комитета по принятию многих решений, способствовавших успеху строительства магистрали. Так, например, много дискуссий вызвал вопрос о выборе направления южного участка дороги через высокие отроги Илийского Алатау (через перевалы Курдайский, Кастекский, Чокпарский). В мае—июне 1927 г. Т. Рыскулов был в специальной командировке на южном участке, ознакомился с результатами технических изысканий и лично проехал по трассе Курдайского и Чокпарского направлений. 16 июня он сделал на заседании президиума Комитета обстоятельный доклад, в котором дал объективный анализ всех вариантов, их достоинств и недостатков, подчеркнул целый ряд положительных сторон Чокпара, который значительно сокращал сроки строительства (на год), экономил средства и облегчал эксплуатацию. После дополнительных изысканий и обсуждений Комитет содействия признал «целесообразным постройку южной части Туркестано-Сибирской ж.д. по Чокпарскому варианту», который был утвержден правительством РСФСР. Одним из авторов этого варианта являлся М. Тынышпаев.⁸¹

Комитет содействия и лично Т. Рыскулов также поддержали Балхашский вариант (против Лепсинского) северной части магистрали, одним из инициаторов которого являлся М. Тынышпаев. Этот вариант спрямлял линию на 87 км, давал экономию около 8 млн руб. и открывал широкие возможности для промышленного освоения богатств озера Балхаш.

Т. Рыскулов и М. Тынышпаев особое внимание уделяли обеспечению строительства магистрали рабочей силой из местных трудовых ресурсов, привлечению казахов в ряды строительных и железнодорожных рабочих, подготовке их через различные формы обучения. По их предложению были введены ограничения на ввоз рабочей силы извне Казахстана. Предусматривался ввоз квалифицированных рабочих только в заранее установленных нормах. Максимальное вовлечение местного населения в строительные работы на магистрали «помимо прин-

ципиальной постановки вопроса о создании местного железнодорожного пролетариата, — подчеркивал Т. Рыскулов, — сможет оказать действительное влияние на уменьшение стоимости строительных работ..., таким образом содействовать успешному строительству Туркестано-Сибирской ж.д.».

По предложению М. Тынышпаева к работе на строительстве магистрали привлекались казахские студенты, обучавшиеся в вузах Москвы, Ленинграда, Ташкента и других крупных городах Советского Союза. Они во время летних каникул поступали на работу, набирались практического опыта и получали заработную плату, что для многих из них явилось большой материальной поддержкой. Только на южной части Турксиба работало свыше 100 студентов-казахов из высших учебных заведений Средней Азии и Казахстана.

Благодаря всему этому, Турксиб превратился в крупную кузницу национальных кадров формировавшегося рабочего класса Казахстана, в особенности строителей и железнодорожников. В 1927—1930 гг. на строительстве магистрали работало от 20 до 30 тыс. чел., среди которых ряды казахов неуклонно росли. На 1 октября 1934 г. численность железнодорожников Казахстана достигла более 56,6 тыс. чел., из которых около половины (25,3 тыс., т.е. 44,7%) было сосредоточено на новой — Туркестано-Сибирской магистрали. В республике насчитывались более 18 тыс. казахов-железнодорожников, из которых 9,8 тыс., т.е. 54,1% работали на Турксибе. Из их рядов вышли крупные руководители и знатные железнодорожники Д.Ж. Омаров, М.Т. Казыбеков, М. Каптагаев, Б. Аспаев, О. Байтулаков и др.

Таким образом, вклад Т. Рыскулова и возглавляемого им Комитета содействия, в особенности его члена М. Тынышпаева в строительство Турксиба, в развитие районов его тяготения, а также формирование рабочего класса, в особенности его национальных кадров, огромен. Поэтому ВЦИК и СНК РСФСР в постановлении «Об открытии Туркестано-Сибирской железной дороги (Турксиба) 1 мая 1930 г.» отмечали «значительную работу, проделанную Комитетом Содействия строительству Турксиба при правительстве РСФСР под руководством заместителя Председателя Совета Народных Комиссаров тов. Рыскулова».⁸²

Т. Рыскулов.

Республики Союза ССР с первых дней строительства Турксиба оказывали ему большую помощь строительными материалами, техникой и квалифицированной рабочей силой. Уже в первые месяцы 1927 г. из Москвы, Ленинграда, Харькова, Днепропетровска и других крупнейших промышленных центров РСФСР и Украины на стройку направлялись бетонщики, арматурщики, связисты, укладчики пути. Из Черкасс приехали украинские грабари. НКПС направил на стройку группу инженеров и техников. Ленинградские инженеры и техники помогли установить постоянную радиосвязь между Семипалатинском, Алма-Атой и Москвой. Укладочные городки строителей юга и севера быстрыми темпа-

ми двинулись навстречу друг другу. В первый строительный сезон на севере было уложено 155 км, в следующий сезон — 185 км, а в 1929 г. — 432 км при средней скорости 2,5 км в день. В 1927—1929 гг. с юга было уложено 506 км, и 28 апреля 1930 г. состоялась смычка северной и южной линий на ст. Айна-Булак.

Ускоренными темпами производилось и строительство искусственных сооружений, наиболее крупными из которых были мосты через реки Иртыш, Или, Аягуз, Чу, Каратал и др. Зимой 1928 г. на узком месте реки Иртыш за 11 дней был построен временный деревянный свайный мост длиной 300 м, а постоянный железный мост в результате непрерывной интенсивной работы — в течение 18 месяцев длиной 600 м с кладкой свыше 9 тыс. куб. м бетона был открыт 20 марта 1929 г. Менее чем за один сезон был возведен мост через Или. К моменту смычки, т.е. за два сезона и одну зиму, на стройке было выполнено 12 млн куб. м земляных работ, из них грабарями — 52%, тачками — 15, вагонетками — 15, скреперами конными — 8 и экскаваторами — 10, скальных работ — 6%, за это же время было выполнено кладки искусственных сооружений 155 тыс. куб. м и основных и станционных путей — 1644 км. Турксиб перешел на постоянную эксплуатацию с 1 января 1931 г.

Труд строителей был высоко оценен: коллектив был награжден орденом Трудового Красного Знамени. Этой награды были удостоены также начальник стройки В.С. Шатов, рабочие Дж. Балгаев, А. Маженов, Л. Лодкин, инженеры Д.Т. Шермгорн, Д.Д. Бизюкин — всего 9 человек.⁸³

В годы первой пятилетки был также построен ряд узкоколейных дорог промышленного значения: Гурьев—Доссор—Макат, Байконур—Карсакпай—Джезказган, Коскудукская и Ачисайская ветки.

Еще более высокими темпами развивался железнодорожный транспорт в годы второй и третьей пятилеток, в последующие годы, когда в развитие транспорта было вовлечено в 2,7 раза больше средств, чем в первой пятилетке. Удельный вес капитальных вложений в транспорт и связь составил 21,4% всех капитальных вложений в народное хозяйство республики.⁸⁴ Это дало возможность развернуть новое железнодорожное строительство, в результате которого такие крупные промышленные районы Казахстана, как Караганда, Балхаш, Джезказган—Карсакпай, Рудный Алтай и Эмба, подключились к общей сети путей сообщения страны. При этом из новых линий более 3/5 приходилось на Центральный Казахстан. С 1 сентября 1939 г. в постоянную эксплуатацию была сдана линия Караганда—Балхаш, которая строилась в 1931—1938 гг. (с перерывом в 1932—1934 гг. ввиду консервации). Она связала Балхашский медеплавильный комбинат с его топливной базой — Карагандинским бассейном. 25 декабря 1940 г. вступила в эксплуатацию линия Джарык—Джезказган. Дорога обслуживала строительство и производственную деятельность Джезказганского комбината, связывая его с Карагандинским бассейном, а также с Уралом, куда вывозились медь и марганцевая руда. 1 сентября 1939 г. также была сдана в постоянную эксплуатацию железнодорожная линия Рубцовка—Риддер, разрешавшая транспортную проблему и в развитии цветной металлургии, и в развитии сельского хозяйства Восточного Ка-

захстана, связав Алтайский промышленный комплекс с другими регионами страны. Расширялась железнодорожная сеть Западного Казахстана как нефтяного региона республики. Осенью 1938 г. перешла в постоянную эксплуатацию линия Уральск—Илецк, во временной эксплуатации находилась линия Гурьев—Кандагач, а в 1940 г. началось строительство линии Кандагач—Орск. Кроме того, в республике были построены промышленные линии Чимкент—Ленгер, Талды—Курган—Текели, Туркестан—Ачисай и др.

Одной из важнейших железнодорожных строек Советского Союза в годы третьей пятилетки являлась Южно-Сибирская магистраль, которая должна была связать металлургию Южного Урала с Кузнецким угольным бассейном. Составной частью магистрали явилась линия Акмолинск—Карталы. В постановлении Совета Народных Комиссаров Казахской ССР и ЦК КП(б) Казахстана от 5 мая 1939 г. «О строительстве железнодорожной линии Акмолинск—Карталы» говорилось: «Политическое и хозяйственное значение этой магистрали исключительно огромно для всей страны, и особенно для Казахстана. Пролегая по северо-восточной части республики на протяжении полутора тысяч километров, дорога неизмеримо поднимет рост глубинных районов Кустанайской, Карагандинской, Северо-Казахстанской и Павлодарской областей, поставит на службу советскому народу новые громадные ресурсы сельского хозяйства и промышленности этих районов — хлеб и продукцию животноводства, уголь Максимовского месторождения и Экибастуза, медь Бошекуля, золото Майкаина, сурьму Тургая, лесные богатства Сандыктау и т.д.».

Необходимо подчеркнуть огромное значение этой магистрали для Карагандинского бассейна, развитие которого требовало коренного улучшения транспортировки угля. Грузовой поток на Петропавловск в 1940 г. достиг 5,4 млн тонн, но в случае увеличения добычи угля в Карагандинском бассейне до 10 млн тонн, что было тогда практической задачей ближайших лет, линия Караганда—Акмолинск—Петропавловск не смогла бы обеспечить этого объема перевозки. Строительство второго пути или новой линии Акмолинск—Карталы наикратчайшим путем связало бы Карагандинский бассейн с Южным Уралом, тем самым разгрузив Омскую железную дорогу.

Новостройке была оказана всесторонняя помощь по обеспечению ее рабочей силой: из строительных трестов выделено 2600 квалифицированных строителей; разрешено завербовать из центральных областей РСФСР 10 000 рабочих; из числа окончивших вузы в первой половине 1939 г. на стройку направлено 110 молодых специалистов; выделено много строительной техники, для обслуживания которой командировалось значительное число специалистов. Эшелон за эшелонам шли на новостройку составы со строительным материалом, оборудованием, горючим, комплектами сборных жилых домов, палатками, одеждой и питанием для рабочих.

ЦК Компартии Казахстана направил на стройку 1200 коммунистов, поручил ЦК ЛКСМ республики мобилизовать на строительство 10 тыс. комсомольцев.

Строительство дороги Акмолинск—Карталы курировал Республиканский комитет содействия во главе с заместителем председателя Совнаркома КазССР И. Тажиевым. В состав комитета вошли: секретарь ЦК ЛКСМ Казахстана А. Мамбетов (заместитель председателя комитета), секретарь ЦК КП(б) Казахстана Ж. Шаяхметов, нарком торговли К. Муржуков и нарком здравоохранения И. Каракулов, начальник Управления по делам искусства Б. Косунов, уполномоченный Наркомата связи П.Я. Поздняков, начальник Туркестано-Сибирской железной дороги Н. Брехунец, заместитель наркома внутренних дел Б.Н. Чирков, от редакций республиканских газет — А.И. Шумаков («Казахстанская правда») и С. Байшев («Социалистік Қазақстан»). Комитеты содействия были созданы также на местах: в Кустанайской, Западно-Казахстанской, Павлодарской, Алма-Атинской, Северо-Казахстанской, Карагандинской, Актюбинской и Южно-Казахстанской областях. Эти области взяли шефство над отдельными строительными участками, а Алма-Ата — над строительством мостов в Акмолинске.

Например, Северо-Казахстанский обком КП(б) Казахстана и облисполком создали комитет содействия 5-му строительному участку дороги, который к 20 мая 1939 г. мобилизовал и направил на стройку 170 коммунистов и 1537 комсомольцев, выдал наряды на вербовку в колхозах области 2900 рабочих, организовал на стройке 3 магазина, 8 ларьков и 2 столовые, открыл 3 парикмахерские, 2 ремонтные мастерские, создал разнопромысловую артель. Артели облпромхоза изготовили для нужд строительства 150 комплектов сбруи, 7 тыс. пар рукавиц, 1000 штук железных кроватей, 150 тачек, собрали материалы для изготовления 500 грабарок; для культурно-бытового строительства на линии выделено 500 куб. м леса. В прилегающих к линии районах увеличен план посева овощей и картофеля. Для обслуживания строителей направлены 1 врач, 2 фельдшера, 3 медсестры, 1 санитар, выделено 5 кинопередвижек, приняты меры по организации дошкольных учреждений, курсов ликвидации неграмотности и малограмотности, общеобразовательных школ и т.д. Такая работа проводилась и в других областях республики.

Линия Акмолинск—Карталы по численности занятых на ней рабочих явилась второй после Турксиба крупной железнодорожной стройкой предвоенного Казахстана. В самом начале строительного сезона — в мае 1939 г. на стройку прибыло 22,3 тысячи человек, что составляло около 90% рабочих, прибывших на стройку в течение года. В 1939 г. среднемесячная численность рабочих линии за апрель—декабрь составила около 14 тыс., т.е. потребность стройки в рабочей силе как по месяцам, так и в течение года была полностью удовлетворена.

В 1940 г. среднее число рабочих равнялось уже около 7 тыс., в 1941 г. это число составило 7622 человека; вместе же с инженерно-техническими работниками, служащими и младшим обслуживающим персоналом на стройке работало 9106 человек. На строительстве этой линии в пределах Казахстана трудилось 84,3% рабочих, в пределах РСФСР — 15,7%.

В 1939 г. строители выполнили значительный объем работ: 97,8% земляных работ, на восточной части стройки было уложено 359,4 км пути, на западной — 389,2 км. К 1941 г. было произведено 88% земляных работ, построены все крупные мосты, из 10 средних мостов — 7, из 99 малых — 66 и др. Достраивалась линия в условиях Великой Отечественной войны. Временная эксплуатация ее началась еще в ноябре 1940 г., а постоянная — в 1943 г.

В годы третьей пятилетки новое транспортное строительство также обеспечивало дальнейшее ускоренное развитие таких промышленных районов Казахстана, как Караганда, Балхаш, Жезказган—Карсакпай, Рудный, Алтай, Эмба и т.д.

Железнодорожные линии Северного и Центрального Казахстана в 1940 г. были выделены из состава Омской железной дороги, и на их базе создана самостоятельная магистраль с управлением в г. Акмолинске — Карагандинская железная дорога. Этого требовала необходимость улучшения транспортных связей угольно-металлургических комплексов Центрального Казахстана и создания более благоприятных условий для их дальнейшего развития. После введения в строй линии Джарык—Джезказган эксплуатационная длина Карагандинской железной дороги достигла 1621,4 км. Эта железная дорога, проходившая через Северо-Казахстанскую, Кустанайскую, Кокчетавскую, Акмолинскую, Карагандинскую и Павлодарскую области, занимала важное место в народном хозяйстве не только республики, но и всего Союза. В транспортно-экономическом отношении магистраль делилась на три участка: линия Петропавловск—Акмолинск—Тобол обслуживала сельскохозяйственный зерновой район; линия Акмолинск—Караганда—Джарык была железнодорожной артерией Карагандинского угольно-металлургического комплекса; линия Джезказган—Джарык—Бертыс обслуживала медеплавильную промышленность Балхашского и Джезказган-Карсакпайского горно-металлургического комплексов. После сдачи линий Караганда—Балхаш и Джарык—Джезказган в постоянную эксплуатацию, а Акмолинск—Карталы — во временную, Карагандинская железная дорога уже в 1940 г. выполнила около 37% всего грузооборота железнодорожного транспорта Казахстана. В предвоенные годы удельный вес Карагандинской и Туркестано-Сибирской магистралей в железнодорожном грузообороте республики составил около 75%.

Всего в 1928—1940 гг. эксплуатационная длина железных дорог Казахстана (подчиненных МПС Союза ССР) увеличилась с 3480 км до 6581 км, т.е. более чем на 3,1 тыс. км или на 89,0%, кроме того имелись 894 км подъездных линий необщего пользования.⁸⁵

Вместе с широким строительством новых рельсовых линий проводилась также работа по усилению пропускной способности железных дорог Казахстана. Так, Оренбургская (с 1934 г.), Ташкентская (с 1934 г.), Рязано-Уральская, Южно-Уральская, Омская и Томская железные дороги, проходящие по территории Казахстана, значительно усилили свою пропускную способность, улучшили путевое хозяйство, увеличили подвижной состав и др. Старейшая магистраль республики Оренбург—Ташкент была полностью переустроена: усилено верхнее строение пути, развито

станционное хозяйство. На линии Омск—Челябинск, включая участок Исиль-Куль—Макушино, были построены вторые пути, сделана автоблокировка, улучшено земляное полотно, началось внедрение мощных паровозов «ФД».

Ярким примером развития железнодорожного транспорта Казахстана в те же годы являются изменения, происшедшие на Туркестано-Сибирской магистрали. На усиление технической вооруженности дороги, сооружение паровозных и вагонных депо, электростанций, приобретение подвижного состава и станочного оборудования, постройку жилых и служебных зданий, развитие станций и т.д. с 1931 по 1939 г. было вложено более 206 млн рублей (в сметных ценах). Развернутая длина пути (главный путь плюс станционные пути) увеличилась на 225 км. Это произошло частично за счет постройки и сдачи в постоянную эксплуатацию веток Алма-Ата I—Алма-Ата II и Чимкент—Ленгер, а также благодаря развитию станционных путей. В 1931 г. на Турксибе имелось всего три основных паровозных депо, к 1938 г. было построено еще шесть таких депо. В результате тяговое плечо для грузового движения по дороге сократилось в среднем в 2,7 раза. Одновременно строились и оборотные паровозные депо, число которых увеличилось с 4 до 7. До 1933 г. на дороге, по существу, не было вагонных депо и мастерских. К 1938 г. было построено три вагонных депо, два вагонных ремонтных пункта и одна мастерская сетевого значения по ремонту вагонных колесных пар. Мощность электромоторного станочного оборудования паровозных и вагонных депо и мастерских выросла в 11,2 раза, на дороге было построено 27 электростанций. За 1931—1937 гг. паровозный парк увеличился в два раза. В нем произошли качественные изменения: появились более мощные паровозы, грузовой вагонный парк был наполовину оборудован автотормозами, внедрялось оборудование вагонов автосцепкой, парк пассажирских вагонов увеличился на 16%.

Строительство новых линий, техническое их оснащение, усиление пропускной способности железных дорог и т.д. — все это привело к резкому росту грузооборота железнодорожного транспорта Казахстана, который с 2,9 млн тонн в 1928 г. достиг 8,8 млн тонн в 1937 г. Таким образом, грузооборот железных дорог Казахстана в первой пятилетке вырос в 3 раза, а во второй пятилетке — более чем в 2,7 раза, а всего в 1928—1937 гг. — в 6,6 раза. Особенно резко возросла перевозка промышленной продукции. В 1937 г. было перевезено каменного угля и кокса в 38,6 раза больше, чем в 1928 г., минеральных и строительных материалов — в 13,9 раза, руды — по сравнению с 1929 г. в 47,2 раза и т.д. В грузообороте железнодорожного транспорта Казахстана ведущее место, как и в годы первой пятилетки, занимали Туркестано-Сибирская и Омская железные дороги, удельный вес которых достигал 70% всего грузооборота в республике. В годы второй пятилетки значительно возрос удельный вес Омской дороги, который достиг в 1937 г. 41%. Доля Турксиба в грузообороте железных дорог республики в 1937 г. составила 28,9%. При незначительности удельного веса других линий в грузообороте железнодорожного транспорта Казахстана (в 1937 г. Оренбургская — 12,9%, Ташкентская — 6,8, Рязано-Уральская — 4,2, Томская — 2,9, Южно-Ураль-

ская — 26,4%) в прибытии грузов преобладала Туркестано-Сибирская железная дорога. В 1937 г. ее удельный вес достиг 37,7%, а Омской — 29%. В отправлении грузов был высок удельный вес Омской железной дороги. В 1937 г. он достиг 52%. В структуре грузовой работы Турксиба преобладали транзит (35%) и ввоз (33%), а удельный вес местных перевозок и вывоза был незначительным. В 1931—1937 гг. из Сибири в Среднюю Азию было перевезено около 2 млн тонн хлеба, транзит леса увеличился со 100 тыс. тонн до 991 тыс., угля — с 9 до 809 тыс. тонн, нефтепродуктов — с 73 тыс. тонн до 565. С 1933 г. нефть для Сибири из Баку пошла через Турксиб: морем до Красноводска, а оттуда по железной дороге. Кроме леса, каменного угля и нефтепродуктов, которые составляли 60—65% общего ввоза, по Турксибу ежегодно в Казахстан и Киргизию ввозилось от 25 до 40 тыс. тонн машин, большое количество руды, черных металлов, продукции легкой промышленности. Турксиб вывозил в основном хлеб, живность, овощи, фрукты, хлопок, сахар и саксаул. При слабом развитии других видов транспорта Казахстана железные дороги выполняли основную работу по перевозке пассажиров. Только в 1937 г. пассажирооборот железных дорог республики составил свыше 6,7 млн человек, более 5,1 млн которых были перевезены Туркестано-Сибирской и Омской железными дорогами. Удельный вес Турксиба в пассажирообороте железных дорог республики в 1937 г. достиг 41,0%, а Омской — 35,1%.

В 1940 г. грузооборот железных дорог Казахстана (по отправлению) превысил 15,5 млн т и по сравнению с 1928 г. возрос в 11 раз; в том числе: каменного угля и кокса — 6075 тыс. т (против 10,0 тыс. т в 1928 г.); руды — 643 тыс. т (против 23,1 тыс. тонн в 1932 г.); хлеба — 1451 тыс. т (против 602,0 тыс. т в 1928 г.), минеральных строительных материалов — 4318 тыс. т (против 135,0 тыс. т в 1928 г., т.е. в почти 30 раз) и т.д. В структуре грузооборота (по отправлению) железных дорог Казахстана ведущее место занимали продукция каменноугольной (в 1940 г. 39,1% против 0,7% в 1928 г.), цветной металлургии (руда — 4,1% против 0,5% в 1932 г.), нефтяной промышленности — (0,5%), а также сельскохозяйственные продукты и сырье, в особенности хлебные грузы (9,4%) и т.д., которые вывозились в Центр, другие регионы страны для обеспечения их промышленности топливом, сырьем, а населения — продуктами питания.⁸⁶

В условиях индустриализации в Казахстане некоторое развитие получили и другие виды транспорта, как водный, автомобильный, воздушный и т.д. В эти годы продолжалась работа по расширению эксплуатации существовавших и освоению новых водных путей. Создано новое пароходное сообщение по рекам Урал и Или, оз. Балхаш, развивалось судоходство на Иртыше и Сыр-дарье, на оз. Зайсан, на Каспийском и Аральском морях. Крупной водной артерией стал Иртыш с оз. Зайсан. В 1932 г. на базе Западно-Сибирского пароходства, куда входил этот водный путь, создано два пароходства: Нижне-Иртышское (центр в г. Омске), куда вошел и участок от пристани Ермак до Урлю-Тюбе Павлодарской области, и Верхне-Иртышское (управление в г. Семипалатинске), которое обслуживало участок от пристани Ермак до Тополевского мыса на Зайсане. В 1934 г. район обслуживания Верхне-Иртышского пароход-

ства был расширен до Павлодара и вверх по Черному Иртышу до границы с Китаем. Уральское пароходство, образованное в 1931 г., обслуживало речной путь от Гурьева до Оренбурга, морской путь Астрахань—Гурьев и Гурьев—Жилая Коса—Прорва, всего 2239 км. В бассейнах судоходных рек проводились землечерпательные, дноуглубительные и другие работы, строились гидротехнические сооружения. В результате эксплуатационная протяженность водных путей Казахстана выросла более чем в 2 раза.

Восстанавливались и обновлялись технические средства водного транспорта. В конце 30-х г. XX в. Казахстан уже располагал грузопассажирскими и буксирными судами общей мощностью 16 952 л. с. и грузоподъемностью 68,0 тыс. тонн. По сравнению с 1928 г. число грузопассажирских судов выросло более чем в 2 раза, буксирного флота — более чем в 6 раз, общий тоннаж — в 4,4 раза.

Но все же следует отметить, что в составе речного флота в Казахстане имелись устаревшие и износившиеся суда, качество их межнавигационного ремонта оставалось низким; причиной тому являлись нехватка материалов, слабость материально-технической базы мастерских и затонов, низкая производительность труда и т.д. Осадка части судов превышала глубину на перекатах на 0,2—0,3 м. Все это приводило к тому, что многие суда простаивали на ремонте и становились в середине лета на прикол и т.д. Отсюда — малая скорость передвижения судов, пережог топлива, высокая себестоимость перевозок и т.д. Предстояла большая работа по коренному улучшению работы водного транспорта республики.

Одним из отсталых видов транспорта был автомобильный, что объяснялось как низким уровнем дорожного строительства, так и слабой оснащенностью автопарка в республике. Из учтенной сети автогужевых дорог Казахстана на 1 января 1933 г. лишь 0,6% составляли дороги с твердым покрытием (всех типов), 0,8% — профилированные и улучшенные, 98,6% — грунтовые естественные. Последующие годы ознаменовались огромной работой по преодолению бездорожья и созданию условий для развития автотранспорта республики. Казахстан получил значительное количество машин и дорожных механизмов, количество которых с 46 в 1933 г. выросло до 1152 в 1941 г.

Эта техника становилась большой силой в борьбе за решение дорожной проблемы в Казахстане. Она и была использована при постройке новых и капитальном ремонте существовавших безрельсовых дорог. Но планы по дорожному строительству из-за нехватки материалов и инструментов, низкого уровня механизации работ, недостатка квалифицированной рабочей силы и т.д. не выполнялись. Из выделенных на это средств в 1928—1932 гг. было освоено лишь 46%, а построено всего 21% запланированного объема дорог. При этом 75,6% вновь построенных дорог приходилось на профилированные. Строились в основном подъездные пути к Турксибу, но к 1933 г. полностью не был закончен ни один из них.

Во второй пятилетке дорожное строительство значительно расширилось за счет некоторого улучшения в обеспечении дорожной техникой и увеличения капиталовложений. Благодаря этому в середине 30-х

гг. общая протяженность автогужевых дорог Казахстана превысила 100 тыс. км, хотя 97,3% их составляли грунтовые естественные, а грунтовые улучшенные и профилированные — всего 2,1%, дорог с твердым покрытием было лишь 0,6%. Таким образом, к концу второй пятилетки бездорожье оставалось острой проблемой для Казахстана.

Рос автопарк республики. Совершенствовались формы и методы управления и эксплуатации автотранспорта, вводилась плановая работа во всех его системах и организациях, планово-предупредительная система ремонта и технического обслуживания автомобилей. В 1927 г. в Алма-Ате создается акционерное общество «Автотранспорт», сосредоточившее в своих руках все автотранспортные перевозки в Казахстане. В 1929 г. это общество, имевшее 218 автомашин и обслуживавшее 12 автосообщений, передается Союзтранс НКПС.

Ширится перевозка грузов и пассажиров, причем она охватывает и сельские местности. В начале 1930-х гг. создаются автохозяйства в системах Заготзерно (для вывоза хлеба из глубинных заготовительных пунктов) и Казкрайсоюза потребительской кооперации для обслуживания сельского населения торговлей. Автопарк Казкрайсоюза имел 518 единиц подвижного состава общей грузоподъемностью 1 190 тонн и был тогда самым крупным в республике. За 1928—1933 гг. автопарк Казахстана вырос более чем в 10 раз, а парк грузовых автомашин — в 24,3 раза. В последующие годы тенденции роста автотранспорта значительно усилились, особенно в связи с развитием колхозов, совхозов и МТС. На 1 июля 1933 г. в сельском хозяйстве было занято уже 28% всего автопарка республики.

Все же автотранспорт Казахстана не мог удовлетворить возрасставших потребностей народного хозяйства в перевозках. Автохозяйства были слабые, карликовые, автопарк республики был распылен по мелким хозяйствам. Например, в 1932 г. в Казахстане 615 хозяйств имели до 5 машин. И лишь одно хозяйство имело 100 машин. К 1941 г. в нем насчитывалось уже более 30 тыс. автомашин против 20 тыс. в 1937 г. И все же этого было мало: в среднем на одно хозяйство приходилось немногим более трех единиц подвижного состава.

Ремонтно-техническая база автотранспорта из-за слабости и нехватки запасных частей могла обеспечить потребности автохозяйств лишь на 20%, а моторы автомашин для капитального ремонта из-за отсутствия базы в республике отправлялись в Москву, Ленинград, Харьков и другие города страны. Не хватало гаражей для автомашин, и каждая четвертая машина стояла на улице. Качество дорог не обеспечивало нормальной эксплуатации автомашин и регулярности автоперевозок.

И все же автотранспорт республики в 30-е годы XX в., можно сказать, прошел стадию становления.

В начале 30-х гг. XX в. в республике начал развиваться воздушный транспорт. В 1930 г. было организовано Казахское управление гражданского воздушного флота СССР. Для создания материально-технической базы Управления были выделены специальные средства. В 1930 г. открылся аэропорт в г. Алма-Ате, поступили новые отечественные самолеты, начались регулярные воздушные сообщения между Алма-Атой и

Фрунзе, Ташкентом, Джаркентом, Семипалатинском. Совершались также полеты по линии Москва—Ташкент через Кзыл-Орду и Актюбинск. С каждым годом увеличивалась сеть воздушных линий, и к 1937 г. общая их длина выросла почти в 3 раза. На развитие воздушного транспорта Казахстана в годы второй пятилетки было выделено 27 млн рублей. Предусматривалось сооружение 3 аэропортов, 17 аэростанций второго класса и 37 — третьего класса, 175 остановочных площадок, 4 ремонтных мастерских (в Алма-Ате, Семипалатинске, Акмолинске, Актюбинске) и одного авиатехникума по подготовке кадров для системы воздушного транспорта Казахстана.

В 1933 г. Казахское управление гражданского воздушного флота было реорганизовано: образовано два самостоятельных управления: Южно-Казахстанское (с центром в Алма-Ате) и Северо-Казахстанское (с центром в Акмолинске). Наиболее крупными авиатрассами являлись: Москва—Ташкент, Алма-Ата—Балхаш—Караганда, Алма-Ата—Джаркент, Акмолинск—Атбасар—Кустанай, Джусалы—Карсакпай, Аральское море—Мойнак, Семипалатинск—Усть-Каменогорск—Зыряновск.

Кроме воздушных линий союзного и республиканского значения создавалась сеть местных линий, связывавших отдельные экономические районы и крупные населенные пункты с железнодорожными, речными узлами и областными центрами. Первые воздушные линии появились в Северо-Казахстанской и Карагандинской областях в 1933 г., а в 1934 г. в Южно-Казахстанской, Алма-Атинской, Кустанайской и Восточно-Казахстанской областях они связывали 36 районов и крупных населенных пунктов. Самолеты доставляли на заводы, фабрики, комбинаты и другие промышленные предприятия и новостройки срочные грузы, запасные части. В отдаленные районы республики летчики перевозили медикаменты, свежие фрукты и овощи, различные товары, оказывали существенную помощь в перевозке людей и доставке почты. Воздушный флот играл все большую роль в осуществлении связи с глубинными районами и труднодоступными местами. Высокая скорость и возможности передвижения над трудными, сильно пересеченными горными участками и пустынными, полупустынными районами республики давали преимущество воздушному транспорту.

Гражданская авиация Казахстана проводила большую работу по борьбе с сельскохозяйственными вредителями, активно помогала колхозам и совхозам повышать урожайность полей. В 1931 г. создается специальная сельскохозяйственная авиация, а с 1932 г. проводятся также работы по борьбе с вредителями хлопка. Всего в 1928—1933 гг. было уничтожено сельскохозяйственных вредителей на площади свыше 166 тыс. га. Протравочные и другие работы по уничтожению сельскохозяйственных вредителей еще более широко проводились и в последующие годы.

В 1930-х гг. в составе гражданского воздушного флота развивалась санитарная авиация, созданная по инициативе Ленинградского управления общества Красного креста и Красного полумесяца, выступившего в 1925 г. с предложением о проведении сбора средств на сооружение санитарных самолетов. В парке санитарной авиации находились самолеты П-5, амфибии. Санитарная авиация в Казахстане провела большую работу

по борьбе с личинками малярийного комара, сильно размножившегося в водоемах от южных границ республики до Сибири, в особенности в южных хлопковых и рисовых районах. Начиная с 1932 г. самолеты широко использовались для химической борьбы (опыливание водоемов ядами) в районах Южно-Казахстанской, Кызыл-Ординской областей и в Каратальском рисовом районе Алма-Атинской области, в результате чего почти все эти районы за короткий срок стали безопасными по заболеваниям малярией. Кроме того, санитарные самолеты доставляли к больным врачам, перевозили больных и медикаменты и т. д.

Таким образом, в условиях индустриализации СССР были достигнуты весьма ощутимые результаты в развитии путей сообщения Казахстана, в особенности нового железнодорожного строительства, и в работе по перевозке народно-хозяйственных грузов и пассажиров. Тем не менее к 1940 г. в Казахстане при огромной его территории имелись существенные проблемы в обеспечении современными путями сообщения.

В первую очередь это относилось к их недостаточности в обеспечении надежной транспортной связью с другими регионами Советского Союза, что объяснялось слабостью пропускной способности железных дорог Казахстана из-за значительной продолжительности однопутных магистральных линий, многочисленных стыков, тупиковых линий и т. д.

Во-вторых, в Казахстане железнодорожный и другие виды транспорта обеспечивались подвижным составом, станками, рельсами и почти всем оборудованием извне, которые производились в Центре и других регионах.

В третьих, старые и новые железнодорожные линии Казахстана строились не столько для усиления внутриреспубликанских связей, а главным образом для обеспечения внешнеэкономических связей республики с Центром России, Уралом, Поволжьем, Сибирью и со Средней Азией. Из-за этого Восточный регион не имел прямого выхода в Северный, Центральный и Западный регионы, а последние связывались с Югом через Семипалатинск, далее через территорию Сибири: Новосибирск, Омск, а через него — в Петропавловск. Такой круговой путь сохранился до 1953 г. — до постройки линии Моинты—Чу — последнего участка Трансказахской магистрали (от Петропавловска до Чу).

В четвертых, играло свою роль общее отставание Казахстана, по сравнению с другими республиками, в обеспеченности рельсовыми путями. В 1940 г. густота железных дорог Казахстана была такой: на 1 тыс. кв. км приходилось всего 2,39 км рельсовых путей. По Союзу же этот показатель составлял 4,80 км, т. е. Казахстан от среднего показателя по СССР отставал более чем в 2,6 раза.⁸⁷

В пятых, резкое отставание других видов транспорта вплоть до послевоенных лет вообще, недостаточность грузового и пассажирского флотов, слабость портов водных путей, недостатки автомобильного хозяйства и дорог, гражданской авиации в особенности мешали росту пассажирских и народно-хозяйственных перевозок в республике. Достаточно сказать, что в 1940 г. Казахстан с его огромной территорией в 2711,1 тыс. кв. км имел всего 1,1 тыс. км автомобильных дорог с твердым покрытием

и занимал вместе с Молдавией 13-е и 14-е места по Союзу ССР, опередив только Таджикистан (0,9 тыс. км) и Туркменистан (0,5 тыс. км).⁸⁸

Разумеется, несмотря на эти и другие недостатки, транспорт Казахстана продолжал выполнять свою роль как материальной опоры не только связи Казахстана с другими регионами Советского Союза, а также между его областями, но и связи между областями, между городом и селом, между промышленностью и сельским хозяйством республики. Вместе с тем транспорт, как одна из ведущих отраслей индустриального труда, также стал крупной экономической основой формирования национального рабочего класса и инженерно-технической интеллигенции.

4. ТРУДОВЫЕ РЕСУРСЫ

В процессе реконструкции народного хозяйства страны значительно расширялись и видоизменялись социальные источники рабочего класса. Основными из них в Казахстане являлись безработные, городская беднота (ремесленники, кустари и т. д.), казахское и переселенческое беднейшее крестьянство, сельскохозяйственные батраки, а после проведения сплошной коллективизации сельского хозяйства — и колхозники.

Серьезное влияние на источники формирования рабочего класса Казахстана оказали значительные демографические и социально-экономические изменения, происходившие в стране и в республике. Население Казахстана в 1913—1920 гг. сократилось примерно на 4%.⁸⁹ Но благодаря оживлению промышленности, транспорта и торговли, аграрным реформам в сельском хозяйстве, улучшению санитарно-эпидемической службы быстро восстановился довоенный уровень населения, и оно начало увеличиваться. Основными факторами увеличения были естественный прирост и миграционные потоки из Поволжья, Урала, Севера, Запада, Центра и других районов РСФСР, Украины, Белоруссии и других республик, а также возвращение откочевавшего местного населения. Подавляющее большинство населения республики (91%) являлось сельскими жителями, да и значительная часть горожан была еще связана с сельским хозяйством.⁹⁰ Казахи составляли 61% сельского населения, русские — 17, украинцы — 14%. Более половины городского населения — 52,7% составляли русские; казахов среди горожан было всего 14,4%.⁹¹

Рабочих в республике насчитывалось 152 тыс. человек, или 4,5% самодеятельного населения. Среди них наибольшей была группа сельскохозяйственных рабочих — 41%. За ней шли железнодорожные рабочие — 8% и фабрично-заводские — 6%. На предприятиях нецензовой кустарно-ремесленной промышленности было занято 1,6% всех рабочих республики.⁹²

Сельское население было представлено трудовым крестьянством, среди которого более половины — земледельцы, остальные — скотоводы, охотники, рыбаки. Кустари и ремесленники составляли соответственно 0,9 и 0,4% самодеятельного населения. Удельный вес применявших наемный труд в сельском хозяйстве Казахстана достигал 3,8% всех крестьянских хозяйств, что свидетельствовало о более широком распростране-

нии найма рабочей силы в республике, чем в целом по Союзу (3,3%) и РСФСР (3,5 %).⁹³

Из всех социальных групп сельского населения, являвшихся источниками формирования рабочего класса Казахстана, наиболее многочисленным было батрачество (и пастушество). На 1 января 1929 г. в Казахстане, по данным профсоюзных органов, насчитывалось свыше 130 тыс. батраков и пастухов. И это только учтенное количество при заключении трудовых договоров по линии Союза сельхозрабочих. А так как в 20-х гг. не все батраки, особенно пастухи, были охвачены трудовыми договорами, то можно полагать, что их было гораздо больше.

Все это подтверждает общий вывод о том, что в условиях господства мелкотоварного производства в сельском хозяйстве батрачество составляло значительную прослойку аульно-деревенской массы. Эта социальная группа и послужила важнейшим источником формирования рабочего класса, особенно его национальных кадров.

Немалая часть свободной рабочей силы оставалась в сельских местностях для работы в сезонных отраслях производства. Так, в 1928—1929 хозяйственном году в отходничестве находилось 20 700 человек сельского населения республики. Они трудились главным образом на лесозаготовках, в соляной и рыбной промышленности и других сезонных отраслях производства. Часть отходников впоследствии закреплялась за предприятиями; из них формировались кадры рабочих в сезонных отраслях народного хозяйства. Таким образом, сезонники и отходники явились своеобразным каналом пополнения рядов наемных рабочих.⁹⁴

В 1920-х гг. ряды рабочих формировались главным образом за счет безработных, число которых в Казахстане продолжало расти. На 1 января 1926 г. их было в республике 24 496 человек, на 1 января 1927 г. — 29 885, а на 1 января 1928 г. — 43 128 человек.⁹⁵ Количество безработных увеличивалось из-за притока в города местных сельскохозяйственных батраков из казахских аулов и переселенческой деревни, а также крестьян-отходников из Средней Азии, Урала, Центральной России, Сибири и других районов страны. В документах отмечается, что «рост безработицы объясняется, главным образом, притоком рабсилы в города на заработки из аулов и сел. Наибольшее количество безработных — среди чернорабочих».⁹⁶

Безработица носила весьма своеобразный характер. Она образовалась не в результате перепроизводства и локаутов, как это имело место в других странах, а в силу узости промышленной базы страны. В условиях нэпа, хотя и росла численность рабочих, реальный уровень жизни работавших был удовлетворительным. Это объясняется двумя обстоятельствами: во-первых, жизненный уровень рабочих города был выше, чем уровень деревенской бедноты. Отсюда тяга деревенской бедноты и батрачества в город; во-вторых, спрос на рабочую силу отставал от предложения. Это положение продолжалось в стране до конца 1920-х гг.

Безработица в условиях нэпа явилась болезнью роста промышленности, привлекавшей к себе свободной рабочей силы из деревни больше, чем она могла обеспечить работой. Вернее, спрос был, но на квалифицированную рабочую силу, а значительную часть безработ-

ных составляли казахские рабочие, не имевшие производственной квалификации. Для них были организованы различные курсы. При этом учитывалась потребность предприятий, сообразно которой органы Наркомата труда и профсоюзные организации налаживали работу курсов по повышению производственной квалификации безработных. Таким образом, часть национальных кадров рабочих комплектовалась за счет неквалифицированных безработных, прошедших краткосрочные курсы.

Отмеченные выше социальные источники формирования рабочего класса Казахстана (безработные, сельскохозяйственные батраки, ремесленники, кустари и др.) в основном исчерпали себя уже в годы первой пятилетки. Избыточная рабочая сила городов быстро поглощалась промышленным и железнодорожным строительством, развернувшимся во многих районах Казахстана. Это привело к перераспределению трудовых ресурсов и изменению социальных источников пополнения рабочего класса. Если раньше рабочий класс формировался главным образом за счет самодеятельного населения, занятого в различных отраслях народного хозяйства, то теперь в общественное производство начало вовлекаться и несамодеятельное население. Члены семей рабочих и служащих быстрорастущего городского населения стали пополнять ряды местных рабочих. И все же основным источником, как и прежде, оставалось крестьянство: колхозники и единоличники.⁹⁷

В период социалистической реконструкции народного хозяйства претерпели серьезные изменения и формы пополнения рабочего класса. При аграрном перенаселении сельского хозяйства и наличии избыточной рабочей силы в городах Казахстана рабочие устраивались на работу главным образом через биржи труда, местные органы Наркомата труда, сеть которых развернулась в республике в основном в 1928 г. и состояла из двух губернских отделов труда (Семипалатинского и Джетысуйского), пяти бирж труда (в Кзыл-Орде, Чимкенте, Алма-Ате, Фрунзе, Семипалатинске) и шести корреспондентских пунктов (с. Вознесенское, с. Узун-Агач, г. Алма-Ата, Илийск, Сергиополь, ст. Луговая—Аулие-Ата).⁹⁸ Они провели в 1929—1930 гг. большую работу по регистрации и направлению рабочей силы, в особенности из казахского населения, на сооружение Турксиба и другие новостройки. Только на четырех биржах труда (Кзыл-Орда, Чимкент, Алма-Ата и Фрунзе) в июне—июле 1928 г. было зарегистрировано более 4 тыс. безработных, а три корреспондентских пункта в южной части Турксиба за короткое время 1928 г. выявили более 4,6 тыс. безработных.⁹⁹ Органами труда летом 1929 г. только в прилегающих к северной части Турксиба районах среди казахского населения было выявлено 20 тыс. безработных.¹⁰⁰ Значительное число рабочих нанималось самотеком, непосредственно самими предприятиями и стройками, расположенными в отдаленных районах республики, где не было бирж труда.

В начале 1930-х гг. стала действовать система школ фабрично-заводского ученичества как одна из форм пополнения рядов рабочего класса. До середины 1929 г. количество школ ФЗУ в Казахстане было крайне незначительным: на Риддере, Эмбанефти, Алма-Атинской суконной

фабрике и стройуч на Турксибе. Но уже 1 января 1931 г. только на предприятиях ЦСНХ Казахской АССР функционировало 14 школ и профтехучилищ, где обучалось 1762 учащихся.¹⁰¹ В дальнейшем количество таких школ и обучавшихся в них увеличивалось. Этому способствовала перестройка деятельности профтехшкол, проведенная в 1933 г. В Казахстане за короткое время было создано более 40 профтехнических школ и к концу 1933 г. количество их и школ ФЗУ достигло 94, а контингент учащихся — 17 270 человек.¹⁰² Большинство профтехнических школ ФЗУ готовили кадры для горнорудной и металлургической промышленности, а школы ФЗУ на станциях Алма-Ата, Чу, Джамбул, Аягуз, Жана-Семей, Туркестан, Казалинск, Челкар, Актюбинск, Петропавловск, Караганда и других — квалифицированных железнодорожников.¹⁰³ Некоторые школы ФЗУ с шестимесячным сроком обучения давали в течение года два выпуска. Выпуск 1935 г. составил 4489 человек, в 1936 г. — более 5 тыс.¹⁰⁴

Рост численности рабочего класса республики, и прежде всего его индустриального ядра в предвоенные годы, явился следствием развития ряда отраслей тяжелой промышленности во исполнение решений XVIII партсъезда о создании предприятий-дублеров на Востоке. Именно в эти годы видоизменились социальные источники и формы пополнения рабочего класса Казахстана. В результате радикальных социально-экономических преобразований в СССР, в том числе и в Казахстане, произошли большие изменения в структуре населения. Например, городское население республики достигло 31% в начале 1941 г. против 9% на 17 декабря 1926 г. Социальная структура населения Казахстана почти полностью совпадала с общесоюзной: по переписи на 17 января 1939 г. в составе населения страны в целом рабочие составляли 33,5%, а по Казахстану — 33,8%, служащие — 16,7 и 17,4% соответственно, колхозники — 47,2 и 47,5%. В годы третьей пятилетки основными источниками пополнения рабочего класса Казахстана, как и в предыдущие годы, являлись колхозное крестьянство и члены семей городских рабочих и служащих. Главной формой пополнения был организованный набор рабочей силы. Проводились также мобилизации коммунистов и комсомольцев на крупные стройки республики. Шла вербовка рабочих из других районов страны. Наиболее ярко характеризует источники и формы пополнения рабочего класса Казахстана тех лет набор рабочей силы на одной из крупных строек третьей пятилетки — железнодорожной линии Акмолинск—Карталы. Рабочие стройки комплектовались в основном в порядке организованного набора, причем вербовка из других республик приняла довольно значительные размеры, хотя основная масса строителей была набрана внутри республики. Так, в 1939 г. из 24 736 принятых на стройку рабочих поступило по вербовке через организованный набор 17 548 человек, из них в Казахстане завербовано 9,5 тыс., извне — 8048 человек. На 15 мая 1939 г. на стройку прибыло: из Тамбовской области — 242 человека, Полтавской — 801, Черниговской — 518, Воронежской — 918, Курской — 510, Винницкой — 200 человек. Кроме того, строительными трестами (в основном из Российской Федерации) было направлено на стройку к 15 мая 1939 г. 1582 квалифицированных рабочих.

Набор рабочей силы на строительство линии производился в основном по нарядам облисполкомов из колхозов путем заключения трудовых договоров как с отдельными рабочими, так и с колхозами на коллективное выделение рабочей силы. Обычно договоры заключались на срок от 6 месяцев до года.¹⁰⁵ В 1940 г. на стройку было принято 9333 человека, главным образом в порядке оргнабора, индивидуально же принято 1745 человек (16,5%). В 1941 г. рабочие, принятые в порядке оргнабора на стройку, составили 90,5%. Удельный вес рабочих из Казахстана составил около 78% оргнабора. Удельный вес казахских рабочих в июле 1939 г. достигал 40%. Индивидуальный прием в 1941 г. составил лишь 1,5% — 152 человека. С других строек было принято 283 человека, из школ ФЗО — 532 человека.

В 1940 г. было положено начало созданию государственной системы профессионально-технического образования как одной из форм пополнения квалифицированных кадров рабочего класса. К этому времени уже накопился определенный опыт профессионально-технического обучения молодежи. Школы фабрично-заводского ученичества, возникшие в 1920 г. по инициативе Ленинского комсомола, подготовили за время своего существования около 2,5 млн рабочих для различных отраслей народного хозяйства. Школы ФЗУ сыграли большую роль в обеспечении промышленных предприятий кадрами квалифицированных рабочих, теоретически и практически умеющих работать самостоятельно. Но школы ФЗУ находились в распоряжении отдельных предприятий, для которых они готовили рабочих, и это не давало возможности с единых государственных позиций подходить к организации и содержанию профессионально-технического образования и планировать подготовку квалифицированных рабочих на перспективу. Предприятия значительно сокращали сроки обучения рабочих; как правило, готовили рабочих массовых профессий, многие из которых дополнительно обучались на различных курсах непосредственно на производстве, а новостройки и предприятия, где не было своих школ ФЗУ, испытывали острый недостаток в квалифицированных кадрах. Все это требовало коренной перестройки профессионально-технического образования в стране.

Президиум Верховного Совета СССР 2 октября 1940 г. указом «О государственных трудовых резервах СССР» положил начало новой государственной системе профессионально-технического образования рабочих в стране. По указу, основными учебными заведениями новой системы профессионально-технического образования становились ремесленные и железнодорожные училища и школы фабрично-заводского обучения. В училища принималась молодежь с образованием в объеме 4 классов общеобразовательной школы и выше, а в школы ФЗО — без ограничения образования. Срок обучения в училищах определялся двумя годами, в школах ФЗО — десятью месяцами. Училища готовили квалифицированных рабочих разных профессий: электриков, металлургов, химиков, горняков, нефтяников, помощников машинистов, слесарей по ремонту паровозов и вагонов, бригадиров по ремонту путей. Школы фабрично-заводского обучения готовили рабочих массовых профессий, в первую

очередь для угольной, горнорудной, металлургической, нефтяной промышленности и строительства. Набор учащихся в училища и школы ФЗО проводился путем призыва (мобилизации) в них городской и сельской молодежи и по заявлениям добровольцев. Уже в 1940 г. были организованы ремесленные, железнодорожные училища и школы фабрично-заводского обучения на 600 тыс. человек. О стремлении советской молодежи поступить в учебные заведения системы государственных трудовых резервов свидетельствовало то, что 74,7% учащихся было принято в порядке открытого (добровольного) набора.

В Казахстане в 1940 г. было организовано 35 учебных заведений с общим контингентом 5880 учащихся, из них 7 ремесленных училищ на 1150 учащихся, 5 железнодорожных на 1180 учащихся и 23 школы ФЗО на 3550 учащихся. Училища готовили квалифицированных рабочих для таких отраслей тяжелой промышленности Казахстана, как металлургическая, химическая и угольная, а также для железнодорожного и водного транспорта и связи. В школах ФЗО велась подготовка квалифицированных рабочих для горнорудной и металлургической, угольной, нефтяной промышленности, железнодорожного транспорта и строительства. Весной 1941 г. в республике были открыты еще 2 ремесленных и 1 железнодорожное училища, а также 3 школы ФЗО по подготовке рабочих для промышленности строительных материалов и железнодорожного строительства.

В мае 1941 г. состоялся выпуск первого набора учебных заведений системы государственных трудовых резервов в Казахстане. 22 школы ФЗО с шестимесячным сроком обучения подготовили и передали различным отраслям народного хозяйства республики 3441 молодого квалифицированного рабочего, в том числе: 1295 горнорудников, 519 металлургов, 449 угольщиков, 324 железнодорожника, 297 связистов, 120 нефтяников, 120 строителей, 199 речников, 98 металлургов. Около 94% выпускников школ ФЗО имело III и более высокие квалификационные разряды, 431 из них сдали на разряды сверх установленных программами, а 725 за отличное овладение мастерством и окончание учебы получили похвальные грамоты. В основном это были слесари, токари, электромонтеры, металлурги, чернорабочие, мотористы, плотники, железнодорожники, связисты и др. Таким образом, наряду с организованным набором рабочей силы, мобилизацией коммунистов и комсомольцев на крупные стройки, вербовкой квалифицированных рабочих из-за пределов Казахстана призыв городской и сельской молодежи в ремесленные, железнодорожные училища и школы ФЗО становился действенной формой пополнения рабочего класса Казахстана.¹⁰⁶

Создание новых, развитие старых промышленных предприятий, строительство железных дорог, развитие автомобильного, водного и других видов транспорта — все это вызвало рост численности рабочих и служащих Казахстана. В 1926—1937 гг. она увеличилась с 169,8 тыс. до 716 тыс. человек, т.е. в 4,2 раза.¹⁰⁷ За этот же период численность рабочих и служащих по Союзу ССР в целом увеличилась в 2,8 раза.¹⁰⁸ Таким образом, в Казахстане она росла опережающими темпами. В

1926–1928 гг. численность рабочих и служащих Казахстана выросла в 1,5 раза, в годы первой пятилетки – в 2,3 раза и во второй пятилетке – в 1,2 раза.

Таблица 3

Рост среднегодовой численности рабочих и служащих Казахстана
в 1926–1937 гг. (тыс. человек)¹⁰⁹

Отрасли народного хозяйства	1926	1928	1932	1937	1937 к 1926
ВСЕГО	169,8	258,3	605,6	716	4,2
В том числе: промышленность	18,2	27,6	88,3	131,3	7,2
строительство	4,8	12,7	90,0	52,0	10,8
транспорт	20,6	23,6	68,2	95,6	4,6
В том числе: железнодорожный	17,5	19,9	52,8	62,4	3,6
совхозы и МТС	3,7	3,9	126,7	144,3	39
ИТОГО	47,3	67,8	373,2	423,2	8,9

Среди рабочих и служащих Казахстана, занятых в народном хозяйстве, наибольшую по численности группу составляли труженики сельского хозяйства, представленные главным образом работниками совхозов и МТС. Их удельный вес в 1926–1937 гг. вырос с 2,2 до 20,1%, а численность – в 39 раз. После них шел персонал промышленности, его удельный вес в 1937 г. достиг 18,3 против 10,7% в 1926 г., а численность увеличивалась в 7,2 раза. Третью группу составляли транспортники. Их удельный вес за этот период вырос, хотя и незначительно, с 12,1 до 13,3%, но численность увеличилась в 4,6 раза. При этом среди транспортников постоянно преобладали железнодорожники: в 1926 г. – почти 85, а в 1937 г. – более 65% всех транспортников республики. Численность железнодорожников росла как за счет ввода в эксплуатацию новых дорог (Турксиб, линии Акмолинск–Караганда, Караганда–Балхаш и др.), так и за счет увеличения эксплуатационного контингента на старых дорогах (Оренбургская, Среднеазиатская, Рязано-Уральская и др.). Хотя по территории Казахстана пролегли новые участки железных дорог, основная масса железнодорожников республики сосредоточивалась на Турксибе (на 1 октября 1934 г. – 25 318 человек), Оренбургской (16 310 человек) и Омской (14 999 человек) железных дорогах.¹¹⁰ Строители в связи с огромным размахом нового промышленного и железнодорожного строительства составляли в годы первой пятилетки самую многочисленную группу работников индустриального труда, а в 1937 г. они уже занимали третье место. Это объясняется главным образом завершением новыхстроек и переходом значительной части строителей на построенные ими же промышленные предприятия и железные дороги. В целом же удельный вес строителей среди занятых в народном хозяйстве Казахстана вырос с 2,8 в 1926 г. до 7,2% в 1937 г., а их численность за эти годы увеличилась в 10,8 раза.¹¹¹

Во всей увеличившейся массе занятых в индустриальных отраслях собственно рабочие составляли большинство, т.е. около 78%.¹¹² Ядро ра-

бочего класса, как известно, составляют его промышленные кадры, в частности, рабочие тяжелой промышленности. В Казахстане численность рабочих крупной промышленности в 1937 г. возросла по сравнению с 1913 г. в 7,3 раза, а по сравнению с 1928 г. — в 5 раз. При этом среднегодовое число рабочих промышленности группы «А» (производство средств производства) в 1928—1937 гг. увеличилось в 7,4 раза, а рабочих промышленности группы «Б» (производство предметов потребления) — в 3,6 раза. Рабочие тяжелой индустрии в 1937 г. составили 57,3% всех промышленных рабочих Казахстана (против 39,2% в 1928 г.). По отраслям тяжелой промышленности они распределились следующим образом: наиболее крупные отряды рабочих сформировались в металлообрабатывающей промышленности (33,1%), цветной металлургии (24,8%), каменноугольной промышленности (13,5%). В промышленности группы «Б» преобладали пищевики, которые в 1937 г. составили около 70% рабочих предприятий Казахстана, производящих предметы потребления.¹¹³

Индустриализация привела к росту числа и удельного веса в республике промышленных рабочих, а также рабочих строительства, транспорта и связи. В 1940 г. насчитывалось уже более 390 тыс. (против 43,6 тыс. в 1926 г.) индустриальных рабочих и служащих, или более двух пятых рабочих и служащих, занятых в народном хозяйстве. В промышленности их количество достигло 178 тыс., на транспорте — 118, в строительстве — почти 78 тыс. и в связи — 17 тыс. В целом удельный вес рабочих промышленности, строительства и транспорта в общей численности рабочих и служащих народного хозяйства Казахской ССР вырос с 25,6% в 1926 г. до 40,8% в 1940 г.

Одновременно увеличивалось число рабочих непроизводственных отраслей народного хозяйства: жилищно-коммунального хозяйства, бытового обслуживания, общественного питания, материально-технического снабжения, торговли. Рабочих и служащих непроизводственных отраслей в 1940 г. насчитывалось 95,8 тыс. Изменился отраслевой состав самих промышленных рабочих. Все больше увеличивалась доля рабочих металлургической и топливной отраслей промышленности, машиностроения и металлообработки.

Индустриализация страны сказалась и на росте сельскохозяйственного отряда рабочего класса. Перепись населения 1939 г. зафиксировала на селе 64,5 тыс. бригадиров тракторных бригад, трактористов, комбайнеров, мотористов, помощников комбайнеров, прицепщиков, рабочих на других сельскохозяйственных машинах. В 1940 г. рабочих и служащих совхозов, МТС, подсобных и прочих производственных сельскохозяйственных предприятий насчитывалось 165,8 тыс. человек. Этот аграрный отряд составлял 18% всех рабочих и служащих народного хозяйства республики, а среди сельских трудящихся — более 15%.

Преимущественное развитие тяжелой индустрии способствовало высокой концентрации рабочих по предприятиям. Взамен мелких предприятий кустарного и полукустарного типа, преобладавших в промышленности Казахстана как в дореволюционный период, так и в первые годы Советской власти, были построены крупные предприятия, оснащенные новейшей техникой. Уже на 1 января 1929 г. предприятия с числом рабо-

чих свыше 1 тыс. человек, хотя и составляли всего лишь 1,3% всех промышленных предприятий Казахстана, но в них было занято 28,4% всех рабочих крупной промышленности республики.

За семь лет резко уменьшилось количество предприятий с числом персонала до 100 человек и увеличилось с персоналом от 100 до 500 человек. Характерным было усиление концентрации рабочих на предприятиях с числом работающих от 500 и выше. Таких предприятий становилось все больше. Наконец, в республике возникли крупные для того времени предприятия с численностью персонала свыше 3–5 тыс. человек. Хотя удельный их вес в промышленности составлял всего 1,1%, но на них работало 43% промышленно-производственного персонала Казахстана. Среди них — Риддерский полиметаллический комбинат, Чимкентский свинцовый завод, Ачисайский полиметаллический комбинат, Карсакпайский комбинат, Карагандинский угольный бассейн, Актюбинский химический комбинат, Семипалатинский и Петропавловский мясокомбинаты, Гурьевский рыбоконсервный комбинат и др.

Уже одно перечисление предприятий говорит о территориальном их размещении и концентрации рабочих по областям. На юге и востоке республики формировались кадры рабочих цветной металлургии, легкой и пищевой промышленности, на западе — нефтяников и химиков, в Центральном Казахстане — горняков и металлургов. Наиболее крупные отряды промышленных рабочих в 1937 г. были сконцентрированы в Гурьевской, Карагандинской и Восточно-Казахстанской областях; увеличилось число рабочих в Южно-Казахстанской и Семипалатинской областях и в г. Алма-Ате. В этих пяти областях из 14 и в г. Алма-Ате сосредоточивалось две трети всех промышленных рабочих Казахстана.

В этих же областях сформировались кадры строительных рабочих: на 1 января 1935 г. в Карагандинской области было 16 854 строителей (25,5%), в Восточно-Казахстанской — 13 851 (21%), в Южно-Казахстанской — 8172 человека (12,4%). В областях с малым числом промышленных рабочих (Павлодарской, Западно-Казахстанской, Кустанайской, Джамбулской и в ряде других), где преобладало сельскохозяйственное производство, было значительно больше рабочих совхозов, МТС и МСС. В Актюбинской области на 1 января 1935 г. сосредоточивалось 18,1% рабочих совхозов и 13,3% рабочих МТС и МСС Казахстана, в Западно-Казахстанской соответственно — 15,0% и 7,8%.

Распределение железнодорожников по областям было почти равномерным, от 8 до 10 тыс. человек, за исключением Павлодарской, Кустанайской, Восточно-Казахстанской и Гурьевской областей, где еще не развернулось железнодорожное строительство. Таким образом, почти во всех областях имелись отряды рабочих, составлявших в совокупности рабочий класс Казахстана.

Наряду с количественными изменениями в рабочем классе происходили и качественные, выразившиеся в укреплении его состава. Половозрастной состав рабочего класса Казахстана в процессе его количе-

ственного роста складывался под влиянием таких решающих факторов, как рост труда женщин и молодежи в народном хозяйстве республики, особенно в сфере материального производства. Вопрос о широком вовлечении женщин, особенно казашек, в общественно-политическую жизнь и производство в Казахстане остро ставился в начале первой пятилетки. В качестве первоочередной меры рекомендовалось широко вовлекать женщин в профтехническое обучение.

За 1927–1936 гг. (на 1 января) число женщин в народном хозяйстве Казахстана возросло почти на 103 тыс. человек, т. е. в три с лишним раза, хотя их удельный вес увеличился всего лишь на 2,1%. Если учесть, что численность работников народного хозяйства республики за эти годы выросла на 386,3 тыс. человек, то выходит, что новое пополнение кадров народного хозяйства более чем на одну четверть (26,6%) происходило за счет вовлечения женщин в общественное производство. Весьма примечательным для того времени стало привлечение женщин в индустриальные отрасли труда, где их численность увеличилась более чем на 38 тыс. человек, в целом их удельный вес в промышленности вырос с 8,1 до 20,9%, строительстве — с 2,9 до 16,9%, на транспорте — с 5,1 до 13,3%.

Рост женского труда в индустриальных отраслях труда приобрел широкий размах. На 1 июля 1937 г. удельный вес женщин среди промышленных рабочих Казахстана достиг уже 22,3%, в том числе среди рабочих промышленности группы «Б» — 36,3%. Таким образом, женщины составляли в 1937 г. уже более одной трети всех рабочих в отраслях промышленности, производивших предметы потребления, в первую очередь на предприятиях легкой и пищевой промышленности. Так, на предприятиях по производству одежды и обуви женщины составляли 64,8% всех рабочих, пищевой — 30,1%. Привлекались женщины к труду и в отраслях тяжелой индустрии — промышленности группы «А», где их удельный вес вырос до 17,8% на 1 июля 1937 г. К этому времени женщины составляли среди рабочих полиграфической промышленности 41,5%, промышленности по производству стройматериалов — 31,3%, каменноугольной — 19% и т.д.

Возрастной состав рабочих Казахстана характеризуется ярко выраженной тенденцией роста численности и удельного веса молодежи в особенности во второй пятилетке. Это происходило в результате огромного притока молодежи в промышленное производство, на стройки как путем мобилизации комсомольцев и набора молодых рабочих на крупнейшие предприятия и стройки, так и путем вовлечения их в систему профессионально-технического образования.

В 1932–1934 гг. подавляющее большинство рабочих крупной промышленности было в возрасте старше 23 лет. Знаменателен рост удельного веса молодежи в возрасте и до 23 лет; в составе промышленных рабочих он увеличился на 7,5% и на 1 января 1934 г. составил 30,8% всех рабочих крупной промышленности. При этом наиболее высокий удельный вес наблюдался в полиграфической (54,9%), пищевой (43%) и нефтедобывающей (39,5%) отраслях промышленности. Своеобразный процесс «омоложения» происходил и на транспорте. На 1 апреля

1931 г. среди, например, железнодорожников молодые (до 23 лет) составляли 26,7%. Больше всего их было на новых линиях: на Турксибе 36,5%, на Петропавловском участке Омской дороги 39,6%. Для сравнения укажем, что на старых Рязано-Уральской и Средне-Азиатской линиях молодежь составляла соответственно 11,0%. Среди работающей молодежи было немало девушек. Это результат огромной работы женотделов и комсомольских организаций. И хотя в то время было очень мало детских учреждений, столовых и многие женщины, оставив производство, стали домохозяйками, удельный вес женского труда в промышленности возрастал.¹¹⁴

Повышался образовательный уровень рабочего класса. В 1939 г. из 1000 рабочих имели неполное среднее, среднее, незаконченное высшее и высшее образование 63 человека. И все же рабочих со средним и неполным средним образованием было еще мало.¹¹⁵

Таким образом в условиях индустриализации Союза ССР в Казахстане сформировался новый рабочий класс. Его отличительной чертой явились более высокие темпы роста численности и укрепления его рядов. Так например, в период 1926–1937 гг. численность рабочих и служащих в целом по СССР увеличилась в 2,8 раза, а в Казахстане — в 4,2 раза. Промышленно-производственный персонал по Союзу ССР в период 1926–1940 гг. вырос в 3,6 раза, по Казахстану — в 7,7 раза. По индустриальным отраслям народного хозяйства Казахстана численность рабочих и служащих в 1926–1937 гг. выросла: в строительстве — в 10,8 раза, в промышленности — в 7,2 раза, на транспорте — в 4,6 раза. Численность рабочих крупной промышленности республики в 1928–1937 гг. выросла в 5 раз, в том числе рабочих промышленности группы «А» — в 7,4 раза. Особенно высокими были темпы роста национальных кадров, которые в 1927–1936 гг. увеличились в промышленности в 14,7 раза, строительстве — в 248 раз, на транспорте — в 17 раз.¹¹⁶

Бурный количественный рост рабочих мест в условиях индустриализации, в особенности в 1926–1937 гг., создание крупных отрядов в ведущих отраслях сферы материального производства, прежде всего в промышленности и на железнодорожном транспорте, а также усиление концентрации рабочих по крупным предприятиям, в подавляющем большинстве новое пополнение за счет молодежи и женщин, преобладание их среди промышленных рабочих кадров тяжелой индустрии и т.д. — все это свидетельствовало о решающих успехах формирования нового рабочего класса Казахстана.¹¹⁷

Все же следует отметить, что в формировании рабочего класса Казахстана, наряду с вышеуказанными успехами, имелся ряд порою существенных пробелов. Прежде всего из-за преобладания молодежи существовала сильная текучесть рабочей силы. Явно слаб был костяк постоянных и потомственных кадров рабочих, имевших длительный стаж работы (более 10 лет и выше). Образовательный и квалификационный уровень рабочих также был невысок. Он в Казахстане был ниже общесоюзного уровня, хотя превосходил соответствующий показатель по республикам Средней Азии.

Необходимо также сказать, что в некоторых статьях и очерках последнего времени жизнь страны в 1920—1930-е годы часто показывается в нарочито мрачных тонах. Полностью отрицаются такие элементы моральной атмосферы тех лет, превращение рабочих в крупную социальную базу Советской власти и Компартии на местах, комсомола, развитие профсоюзного движения — массового трудового соревнования, как стахановское движение и ударничество. Они подаются чуть ли не как выдумка партийных функционеров. Однако многочисленные документы, свидетельства самих участников тех событий показывают, что подъем, энтузиазм в труде, стремление ускорить темпы развития индустрии республики, были довольно массовыми.

Корни этого феномена, видимо, следует видеть в том, что идеи быстрого преобразования страны, превращения ее в мощную державу импортировали многим нашим соотечественникам, их ожиданиям перемен к лучшему. А при том уровне условий жизни, неразвитости потребностей даже малейшее улучшение в бытоустройстве вызывало положительную реакцию у людей. Умело использовались моральные и материальные стимулы к труду.

Но ограничиться лишь такой констатацией, значит, сказать полуправду, как это делалось долгое время. На стройках и предприятиях допускалось большое число нарушений дисциплины, много прогулов, был большой процент брака. Тяжелыми были условия труда, лишь незначительная доля его была механизирована. Массовый характер имел травматизм — обязательный технический минимум был введен только со второй половины 30-х годов. Исключительно трудно складывались бытовые условия — часто не хватало самого элементарного. На многих стройках использовался труд заключенных. Среди рабочих было немало случайных и озлобленных людей, летунов, рвачей и лодырей. При соответствующих условиях они выступали подстрекателями конфликтов с администрацией и местным населением. Отравляли моральную атмосферу подозрительность и репрессии.

Не всегда (в том числе и вследствие необоснованной погони за темпами) на стройках и предприятиях считались с техническими нормами и условиями, допускались отступления от технологических проектов, которые и без того в ряде случаев были устаревшими. Это не замедлило затем сказаться на загрязнении окружающей среды, так что наши нынешние экологические бедствия восходят истоками к тому времени.

Все же следует признать, что индустриальное развитие Казахстана в 1926—1940 гг. вызвало крупные социально-экономические последствия, к числу которых следует отнести превращение республики из аграрной в индустриально-аграрную и рост городов и удельного веса горожан в составе населения республики (в 1926—1939 годах удельный вес городского населения вырос с 8,2 до 27,7 процента, возникло 37 новых городов), а также формирование рабочего класса и в особенности его национальных кадров, начало создания инженерно-технической интеллигенции и другие социально-демографические изменения в составе населения.¹¹⁸

5. ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ КАДРОВ ИНДУСТРИИ

Рабочий класс Казахстана с самого начала формировался не только по духу, но и по составу как интернациональный так как в его ряды влиялись и работали рука об руку представители всех наций и народностей, населявших обширную территорию республики. В Северном и Восточном Казахстане преобладало русское и украинское население, в связи с чем большинство рабочих Петропавловска, Кустаная, Семипалатинска, Лениногорска и других промышленных центров состояло из представителей этих наций. Угольно-металлургические предприятия Центрального Казахстана (Караганда, Жезказган, Карсакпай, Балхаш) и нефтяные промыслы Эмбенско-Гурьевского региона комплектовались в основном из казахов, которые представляли здесь большинство населения. Среди земледельцев, ремесленников и кустарей юга Казахстана было много узбеков, которые наряду с казахами составили значительный отряд рабочих Чимкента, Ленгера, Туркестана и других промышленных центров этого региона.¹¹⁹ На предприятиях Семиречья рабочими также стали уйгуры и татары. Состав рабочих Казахстана стал еще более многонациональным в период реконструкции народного хозяйства в связи с притоком новой рабочей силы из промышленно развитых республик Союза ССР. При этом основными квалифицированными кадрами рабочих Казахстана как в годы восстановления народного хозяйства, так и в начале крупного промышленного строительства были русские рабочие. Совместно с малочисленными кадрами коренной национальности они стали тем фундаментом, на котором формировался рабочий класс республики.

Задача создания национальных кадров советского рабочего класса на восточных окраинах страны, в том числе и в Казахстане, была поставлена уже в начале периода восстановления народного хозяйства. X съезд РКП(б) (8–16 марта 1921 г.), выдвигая широкую программу полной ликвидации фактического неравенства ранее угнетенных народов, предлагал «поставить и развить широкую сеть курсов и школ как общеобразовательного, так и профессионально-технического характера на родном языке (в первую голову для киргизов, башкир, туркмен, узбеков, таджиков, азербайджанцев, татар, дагестанцев) для ускоренной подготовки туземных кадров квалифицированных рабочих...».¹²⁰ Но в связи с большой экономической и культурной отсталостью Казахстана подготовка национальных кадров рабочих в республике в тот период не получила широкого размаха.

На XIV съезде партии создание национальных кадров рабочего класса рассматривалось как часть задачи индустриального развития каждой республики в переходный период. На состоявшемся в г. Кзыл-Орде в апреле 1926 г. совещании по вопросам развития промышленности в Казахстане эта задача была конкретизирована. В резолюции совещания по докладу председателя КазЦСНХ «О состоянии промышленности Казахстана и о важнейших мероприятиях к ее развитию» подчеркивалось: «В целях создания достаточного кадра квалифицированных работников из местного коренного населения, как основного ядра, обеспечивающего

дальнейшее развитие промышленности внутри красными пролетарскими силами, признать необходимым более широкое вовлечение казахов в производство и развитие профтехнических сил». ¹²¹ Совещание обсудило доклад представителя Казсовпрофа «Коренизация промышленности и подготовка квалифицированной рабочей силы из состава населения Казахстана». ¹²² В резолюции по этому докладу особо указывалось: «Все усилия и мероприятия, направленные сейчас к развертыванию промышленности в Казахстане, по существу, не будут полными и иметь надлежащего успеха, если одновременно с этим не будет идти подготовка необходимой квалифицированной рабочей силы. Недостаток квалифицированной рабочей силы на рынке труда по всему Союзу ССР выдвигает действительную задачу подготовки квалифицированных рабочих и в первую очередь — из коренного населения». ¹²³

Кзыл-ординское совещание наметило большой круг мероприятий, определивших пути вовлечения казахов в общественное производство и формы подготовки из них квалифицированных кадров рабочих. С их помощью одновременно решались две задачи: обеспечение развертываемой промышленности необходимой квалифицированной рабочей силой и размещение избыточной рабочей силы аула и деревни. Осуждая методы механической замены рабочих других национальностей казаками на производстве, совещание предлагало «создать систему благоприятствования казахской рабочей силе при всех случаях найма и увольнений с непременным учетом интересов производства... Создать по отношению к вновь вливающимся и работающим казахам рабочим систему внимательного отношения во всех моментах производства и быта их, которая исключила бы всякое проявление обособленности казахских и европейских рабочих и способствовала установлению товарищеской спайки». ¹²⁴

Совещание определило следующие пути массовой подготовки квалифицированных рабочих-казахов; а) подготовка и повышение квалификации казахских рабочих, уже занятых в производстве на положении чернорабочих и малоквалифицированных рабочих; б) подготовка квалифицированных рабочих из безработных; в) подготовка рабочей силы из молодежи. Основными формами подготовки должны были стать индивидуальное и бригадное ученичество, краткосрочные курсы, профтехнические школы и школы фабзавуча. Рекомендовалась также организация практического обучения казахских рабочих на однородных промышленных предприятиях вне Казахстана. ¹²⁵ Вместе с тем совещание предложило хозяйственным органам «усилить темп вовлечения казахов в такие отрасли труда, которые не требуют высокой квалификации и с успехом уже сейчас могут быть замещены казахами». ¹²⁶

В целях ускорения подготовки квалифицированных кадров из казахов предпринимались различные меры: чернорабочие и малоквалифицированные рабочие-казахи прикреплялись индивидуально к квалифицированному рабочему, который через определенный срок должен был подготовить из них рабочих определенной квалификации; безработные казахи обучались органами труда в производственных коллек-

тивах безработных, а также на краткосрочных курсах; повышение квалификации проводилось при помощи вечерних курсов; школы ФЗУ были разгружены от широкой общеобразовательной программы, непосильной для неподготовленных к ней казахов, и за счет этого обучались прикладным дисциплинам и минимуму политических знаний; организовывались отдельные школы ФЗУ для казахской молодежи со значительно пониженной общеобразовательной программой и т.д. В массовой подготовке квалифицированных рабочих из казахов ориентировались на 5–6-е разряды, а в школах ФЗУ — на 6-й разряд с расчетом на повышение квалификации в процессе работы на предприятиях и стройках. Этот разряд в те годы считался массовым нормальным уровнем производственной квалификации, и подготовка по нему проводилась в соответствии с потребностями промышленности и строительства республики.¹²⁷

VI краевая партийная конференция приняла специальное обращение к рабочим Казахстана, в котором отмечала, что в республике «при общей малочисленности пролетариата все же наблюдается систематический рост числа рабочих, главное — растет число рабочих-казахов». Подчеркивая «необходимость особых забот и внимания партии к нуждам и запросам и усиления работы среди рабочих, особенно казахов», конференция указывала: «Дальнейшее продвижение по пути социалистического строительства связано с преодолением целого ряда трудностей: борьбой с неизбежно возросшим нэпманом и кулаком, баем, путем экономического наступления на них, борьбой с недостатками в госаппарате, бюрократизмом и т.д. В Казахстане эти трудности перемножаются на чрезвычайную хозяйственную отсталость и низкий культурный уровень трудящихся масс казахского населения. Проведение намеченных партией мероприятий при активном участии рабочего класса, безусловно, обеспечит преодоление препятствий и победу социализма».¹²⁸

Задача создания национальных кадров рабочих в основном решалась во второй половине 20-х и 30-е годы XX века. В конце августа 1930 г. Совнарком РСФСР, обсудив доклад правительства Казахской АССР о пятилетнем плане хозяйственного и социально-культурного строительства республики, предложил усилить пролетарскую базу в ней за счет широкого привлечения рабочих в промышленность, сельское хозяйство и транспорт из среды коренного населения.¹²⁹ Совнарком РСФСР потребовал от Наркомата РСФСР и правительства Казахской АССР «резко увеличить краткосрочную подготовку квалифицированной рабочей силы с тем, чтобы к концу пятилетки удовлетворить всю потребность в рабочей силе в основном из местного населения. Обратить при этом особое внимание на комплектование курсов из коренного населения».¹³⁰

Нелегко было подготовить из вчерашнего кочевника-скотовода квалифицированного рабочего фабрично-заводского производства, горняка, нефтяника, строителя, железнодорожника, овладевшего профессиональными навыками и приемами работы с техникой. Кроме того, новых казахских рабочих, еще не полностью оторвавшихся от патриархально-феодалных устоев кочевого и полукочевого быта, отживающих нравов и традиций, трудно было приучить к трудовой дисциплине, обще-

ственной жизни коллектива, культуре и быту современного рабочего класса. В этом большую роль сыграли как передовые русские рабочие посланцы РСФСР, Украины и других братских республик, так и местные, составлявшие и ранее костяк квалифицированных кадров рабочих республик.

В целом же, как уже отмечалось выше, приобщение казахов к индустриальному труду в тех условиях было действительно для них очень сложным, порой болезненным процессом, сопряженным с большими психологическими трудностями, порой вынужденной ломкой и перестройкой традиционной национальной психологии, менталитета, языковым барьером в общении на производстве с русскоязычными рабочими, руководством, профсоюзными работниками и т.д. При этом все эти трудности нередко усугублялись и открытой национальной дискриминацией казахов на своей исторической родине со стороны пришлого русского населения.

Крайне интересные сведения по достаточно распространенным проявлениям великодержавного шовинизма приводятся в газете «Енбекші казак» от 16.12.1927 г. В этой статье рассказывается о национальной дискриминации на Риддере, индустриальном гиганте цветной металлургии, имевшем общесоюзное значение. Всего рабочих и служащих на заводе 2800 человек, казахов же — только 370 человек. В рядах квалифицированных числился всего 1 рабочий-казак, следовательно, все остальные — чернорабочие. На заводе имелась фабрично-заводская школа для подготовки квалифицированных рабочих, но доступ туда казахам был затруднен и даже невозможен из-за отсутствия там преподавателя, владеющего казахским языком. Принятые на предприятие казахи после окончания заводской школы зачислялись в чернорабочие. При сокращении в первую очередь увольняли казахов. За одинаковую работу казахские рабочие получали меньшую плату, чем русские.¹³¹

На VI партийной конференции Казахстана (ноябрь 1927 г.), член Контрольной комиссии Морозов в докладе о положении дел на Риддере уделил особое внимание межнациональным отношениям: «На заводе Риддера среди рабочих межнациональное недоверие. Русские рабочие проявляют великодержавие... Они не пускают рабочих-казахов жить с собою в одно помещение...».¹³²

О подобном положении рабочих-казахов говорится и в другой публикации: «Рабочие, работающие в шахтах, постоянно обижают рабочих-казахов. В заводском комитете нет ни одного представителя казахов. Русские, сидящие в завкоме, казахского языка не знают, и рабочие-казахи не в состоянии поэтому изложить перед ними свои нужды. То же самое и в области охраны здоровья. Доктор не знает казахского языка. Заболевший рабочий-казак не в состоянии толком объяснить свою болезнь. Поэтому рабочие-казахи и не обращаются к доктору за медицинской помощью».¹³³

Такая же ситуация сложилась на другом крупнейшем предприятии Карсакпая, где в 1928 г. было занято 3000 рабочих. Здесь также сохранялась межнациональная рознь между русскими и казахскими рабочими,

ущемленной стороной всегда являлись рабочие-казахи. Они имели тяжелые условия труда, не было элементарных санитарно-гигиенических условий. Люди ютились в неотапливаемых холодных бараках, многие жили зимой и летом в юртах. Продовольственное снабжение было плохим. Рабочим зачастую не выдавали специальных костюмов. Распространено было хулиганство, драки, пьянство. Подобные обстоятельства вызывали сильную текучесть работников.¹³⁴ Если такая ситуация складывалась на образцовых для Казахстана заводах, то можно представить, как жили и работали на других, менее престижных предприятиях.

На строившейся тогда Туркестано-Сибирской железной дороге также существовала национальная дискриминация рабочих коренной национальности, что выражалось в их плохих жилищно-бытовых условиях, низкой оплате труда и т.д.: «Положение рабочих весьма скверно. Начинают работать с первыми проблесками утренней зари и кончают только с наступлением сумерек. На вопрос, — почему работают более восьми часов? Получается ответ: «Заработной платы не хватает на еду». Хуже того. И эта заработная плата не выдается вовремя. Некоторые рабочие казахи в течении двух месяцев не могут получить рабочих книжек. Десятники, обязанные защищать права рабочих, не выслушивают заявлений рабочих казахской национальности... Нет ни доктора, ни фельдшера...».¹³⁵

Казахстанская газета «Советская степь» в номере от 27 января 1929 г. поместила отдельную статью, посвященную событиям 1928 г. на строительстве Туркестано-Сибирской железной дороги. Вот что в ней говорится: «В конце декабря (1928 г.) в Сергиополе стали ходить слухи, что в городе готовится избиение казах-киргизов. Утром 31 декабря на базар приехала группа пьяных рабочих укладочного городка Турксиба. Среди них слышались нетерпеливые возгласы: «Хоть бы скорее началось!» Погромщики били всех, кто попадает на глаза, лишь бы он был казах-киргиз. Разбивали ларьки торгующих казах-киргизов, разбрасывали муку...».¹³⁶

Позднее Семипалатинский окружной комитет партии разбирал этот вопрос. В постановлении комитета говорилось: «Отдельные коммунисты и комсомольцы не только не принимали мер борьбы с погромщиками, а наоборот, поддерживали их. После погрома отдельные партийцы пытались созвать собрание рабочих для вынесения резолюции в пользу погромщиков».¹³⁷ Тогда же было начато следствие, которое установило, что «события начались с разгрома ларьков на базаре, и перешли в массовое побоище казах-киргизов. Громилы обезоружили милиционеров, ворвались в здание милиции, избили охрану и освободили содержавшихся под стражей преступников». Возглавляли это побоище коммунисты Илья Галков, Василий Соловьев и Николай Рыбин.¹³⁸ Позднее на секретариате Казкрайкома 19 сентября 1930 г. было принято специальное постановление «О проявлении великодержавного шовинизма на станции Аягуз Турксиба».

Стихийный, все возрастающий наплыв безработных на сооружение Турксиба, невозможность предоставления работы всем прибывшим, их приема, размещения и обеспечения продуктами питания, санитарно-врачебным обслуживанием и т.д. — все это осложнило социально-полити-

ческую обстановку и межнациональные отношения во Фрунзе, Алма-Ате, Семипалатинске, Сергиополе и других местах скопления безработных. На учете бирж труда в апреле 1929 г. состояло: во Фрунзе — 3964 чел. (18 апреля), Алма-Ате — 3960 (5 апреля), Семипалатинске — 8 тыс., Сергиополе — 2 тыс. безработных. В Семипалатинске из 6238 чел. безработных на 7 апреля 1929 г. 1138 чел. были казахи (18,4%). Кроме учтенных, большое количество сезонников, никогда не работавших, прибывших самотеком, имелось в гг. Алма-Ате, Семипалатинске.¹³⁹ Основную массу безработных составляли неквалифицированные рабочие, квалифицированных же строителей (плотников, каменщиков, маляров и др.) было немного. Так, в Алма-Ате квалифицированных рабочих было 468 чел., а в Семипалатинске — 625 чел. Приток безработных на строительство магистрали шел по двум направлениям: на южную часть стройки через Фрунзе на Алматы — из Тамбовской, Рязанской, Пензенской губерний, Украины и Татарской республики; на северную часть — через Семипалатинск также из центральных губерний и Сибири (из Новосибирска). Среди этих неустroенных на работу безработных (многие из них прибыли с целыми семьями, вынуждены были продавать имущество, побираться по домам и жить в чрезвычайно трудных условиях) начались волнения, которые приняли стихийный неорганизованный характер, сопровождавшийся антисоветскими высказываниями, погромами, избиением казахов и т.д., их недовольство вылилось на безработных из казахов, которые, как правило, трудоустраивались в первую очередь.¹⁴⁰

4 марта 1929 г. в Семипалатинске группа безработных из 20 чел. ворвалась в помещение биржи труда и угрожали ее сотрудникам убить их.¹⁴¹ В общежитиях безработных шла антисоветская агитация и призывали к погромам, что наблюдалось и среди безработных в г. Алма-Ате. Стихийные выступления русских безработных сопровождались, как правило, обострением межнациональных отношений. В Алма-Ате безработные проявляли недовольство тем, что «вся власть в руках киргизов, которых на работу посылают в первую очередь»,¹⁴² здесь часты были случаи избиения казахов на бирже труда из-за очереди и т.д. И в Семипалатинске наблюдались избиения казахов приезжими безработными.¹⁴³

Наиболее крупное выступление безработных было 24 апреля 1929 г. в Сергиополе, где они «разгромили здания милиции, побили окна, похватали водку и учинили драку с казахами, несущими охрану мостов». Безработные угрожали также разгромить здания райисполкома и райкома ВКП(б), требовали хлеба и посылки на работу, а также бесплатного проезда в Семипалатинск.¹⁴⁴ Стихийные выступления безработных использовали уголовники, в городе распространился бандитизм. Местные правоохранительные органы задержали 120 рецидивистов, 50 несовершеннолетних преступников, у уголовников изъято 7 револьверов и т.д.¹⁴⁵ Все эти факты подтверждают, что привлечение коренного населения Казахстана к индустриальному труду было сложным, неоднозначным процессом.

Знатные металлурги Чимкентского свинцового завода имени М.И. Калинина М. Сабденов, С. Аширов и другие в 1935 г. рассказывали:

«Когда мы из аулов попали в Чимкент на завод, нам все казалось странным: и машина Дуайт-Ллойда, и транспортеры, и дробилки, и воздуховодки, и ватер-жакет. Мы не знали, как плавят свинец, дробят руду. Мы боялись машин. А когда в цеху организовали технический кружок, мы аккуратно стали его посещать... Теперь мы можем стоять на любом рабочем месте, у любого агрегата: у горна, сифона, фурм, на загрузке шихты. Мы изучили технологический процесс производства. Только лишь благодаря нашему руководителю кружка комсомольцу тов. В. Языкову мы освоили технику производства. В кружке тов. Языкова обучалось 43 человека, из них 38 казахов».¹⁴⁶

В годы довоенных пятилеток прославился риддерский горняк Билял Ихласов. До 1928 г. он батрачил, затем работал грузчиком на пристани в Павлодаре. В 1931 г. переехал в Риддер, и здесь начался самый интересный период его жизни. Рудник, новые люди, борьба за высокую производительность труда — все это захватило молодого горняка. Сначала Билял работал на откатке руды; он всегда выполнял производственные задания и быстро стал ударником. Но он мечтал стать бурильщиком. Это желание Биляла было удовлетворено. В начале 1932 г. его поставили подручным к старому горняку, квалифицированному бурильщику Владимирову. Ихласов быстро перенял опыт своего учителя и через год стал работать самостоятельно. «Владимиров — настоящий шахтер, — вспоминал о своем учителе Билял Ихласов. — Весь свой богатый опыт горняка он передал мне. Следуя его указаниям, я любовно относился к перфоратору. Для того чтобы при меньшей затрате сил больше отбить руды, я научился правильно располагать шпуры».¹⁴⁷

За два года Б. Ихласов в совершенстве овладел сложным горным искусством. Он изучил все системы перфораторов, много экспериментировал, вносил рационализаторские предложения. Имя передового бурильщика Биляла Ихласова всегда ставилось в пример другим горнякам Риддера.

Знатный металлург А. Тлеугабылов писал: «За что я люблю свой Балхаш? Прежде всего за то, что здесь с помощью русских рабочих я стал квалифицированным мастером, грамотным человеком, приобщился к культуре, знаниям. Я люблю свой завод, свою работу. Горжусь тем, что я, в прошлом неграмотный батрак, управляю крупнейшими в Европе отражательными печами!».

Мобилизация внимания партийной и советской общественности на подготовку казахских рабочих дала положительные результаты. 1930—1931 гг. явились переломными в подготовке казахских рабочих кадров для народного хозяйства республики. Приведем в качестве примера сведения по некоторым отраслям промышленности союзного значения.

Подготовка национальных кадров рабочих-нефтяников осуществлялась в Доссорском горпромуче, ФЗУ и нефтяном техникуме, где в 1930 г. обучалось 916 учащихся, из них 600 казахов. За этот год через краткосрочные курсы, индивидуальное и бригадное ученичество по тресту Эмбанефть был подготовлен и переквалифицирован 561 человек ра-

бочих, в том числе 291 казах, что составляет 51,8% всех обученных. Успехи подготовки национальных кадров нефтяников привели к тому, что уже на 1 октября 1930 г. из 3033 рабочих треста Эмбанефть 1744, т.е. 57,7% составляли казахи. Эта тенденция продолжала усиливаться и в годы второй пятилетки.

Кадры казахских шахтеров готовились в Караганде. Основную массу рабочих третьей угольной кочегарки страны составляли выходцы из казахских аулов Центрального Казахстана. Многие из них, не имея производственных навыков, начинали свою работу подсобными рабочими, учениками и подручными. В Караганде были созданы учебные комбинаты и школы ФЗУ, развернута широкая сеть краткосрочных курсов с отрывом и без отрыва от производства. Только в 1931–1932 гг. было подготовлено около 4 тыс. рабочих массовой квалификации.¹⁴⁸ Благодаря этому неуклонно росла численность казахов-шахтеров. Удельный вес казахов среди шахтеров Караганды уже в 1931 г. составил 32%, а в 1932 г. достиг более 38 %.¹⁴⁹

Процесс подготовки шахтеров из казахов усилился в годы второй пятилетки. Одной из эффективных форм подготовки квалифицированных рабочих из казахов явились стажировка и прикомандирование их на родственные предприятия Москвы, Ленинграда, Донбасса, Урала и других крупных и высокоразвитых промышленных центров. Еще в октябре 1920 г. Учредительный съезд Советов Казахской АССР рекомендовал в целях скорейшего получения квалифицированной рабочей силы широко применить систему ученичества, ставя рабочих в качестве учеников на производстве «...особенно в образцовых предприятиях и учреждениях РСФСР».¹⁵⁰ Посылка рабочих из Казахстана для обучения высококвалифицированным профессиям на родственные предприятия других братских республик начала широко практиковаться с 1925–1927 гг., когда были командированы: со строительства Карсакпайского комбината — 60 рабочих-казахов на медные рудники и медеплавильные заводы Урала, шахты Донбасса; 20 рабочих (10 казахов и 10 русских) — на два года в Москву, в школу ФЗУ депо Рязанского трамвайного парка; 35 казахов — на суконные фабрики Ульяновской и Тамбовской губерний; 30 чел. — в Вятский кожевенный трест и т.д.¹⁵¹ Карсакпайский комбинат в 1928 г. направил для обучения на Карабашский комбинат на Урале 15 казахских рабочих, которые в течение 6 месяцев овладели сложной профессией металлургов и были квалифицированы по 7-му и 8-му разрядам.¹⁵²

Направление казахских рабочих для обучения в промышленно развитые районы еще более широко практиковалось и в годы первой и второй пятилеток. Сессия КазЦИК в 1930 г. рекомендовала «практиковать посылку казахской молодежи в школы ФЗУ при существующих металлургических заводах Союза, широко применить систему подготовки рабочих металлургических и горных профессий на действующих заводах».¹⁵³ Для обучения по этим специальностям на различные предприятия горной и металлургической промышленности страны было направлено 500 казахских рабочих.¹⁵⁴ Рабочие по наиболее дефицитной специальности среди нефтяников — бурильщики — готовились на Бакинских нефте-

промыслах. В 1930 г. трест Эмбанефть заключил договор с Азнефтью на подготовку 50 бурильщиков из казахов.¹⁵⁵

Шефство Москвы, Ленинграда над промышленностью Казахстана подняло эту форму подготовки национальных кадров еще на более высокий уровень. Значительно увеличилось количество посылаемых, повысилось качество их обучения и т.д. В школе ФЗУ завода им. Землячки г. Москвы обучалась группа рабочих Атбасарского и других кожевенных заводов Казахстана, кроме того, на Воскресенском химическом заводе Московской области — большая группа рабочих Актюбинского химкомбината, на предприятиях Москвы обучались также рабочие Уральского механического завода, Алма-Атинской суконной фабрики, Полиграфтреста, Союза пищевиков и др. В 1931 г. Донбасс принял 117 посланцев Караганды, которые осваивали там на шахтах горную технику. Знатный карагандинский шахтер Канаш Алтынбаев работал бригадиром на шахте №17-бис в Рутченково, где прошел настоящую шахтерскую школу. Рабочие Балхаша работали и учились на заводах Ленинграда и Урала.¹⁵⁶ По возвращении многие казахские рабочие становились мастерами, бригадирами, инструкторами, помогая на местах обучению и воспитанию новых рабочих из казахов.

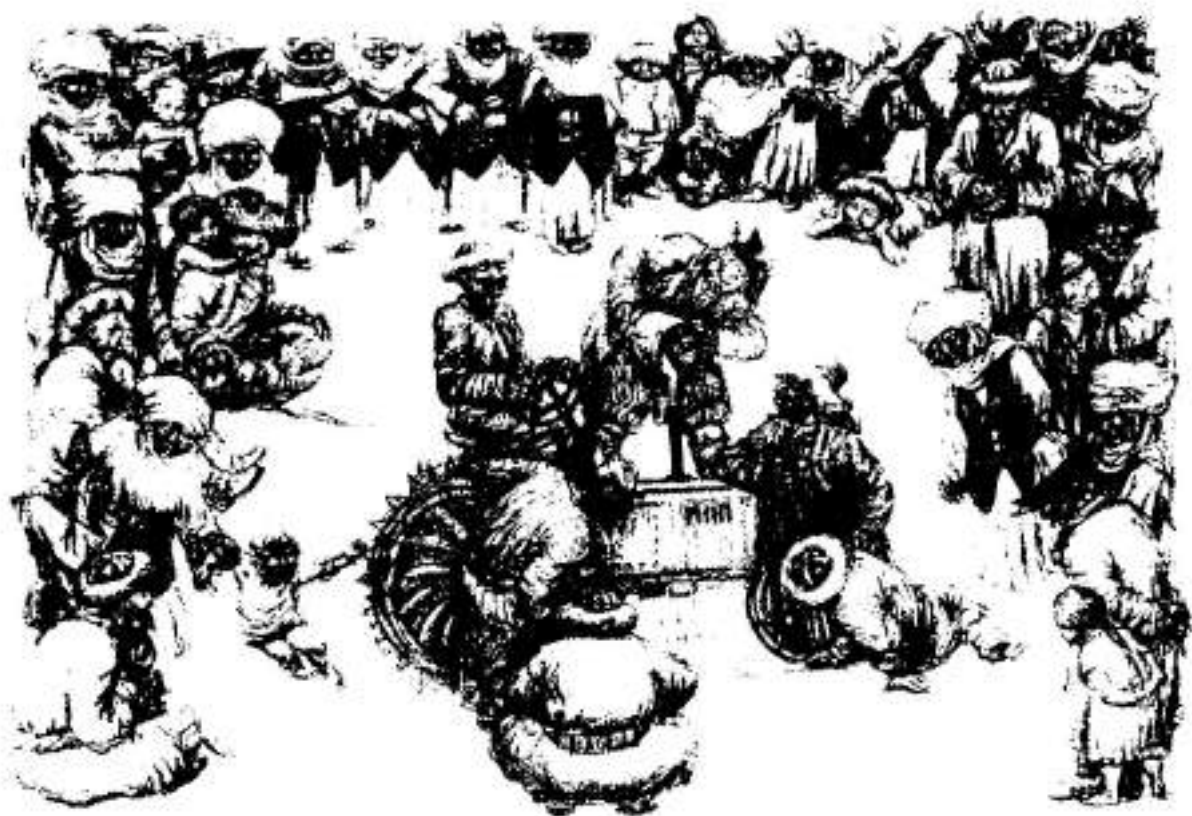
Такой путь профессионального роста был характерен для подавляющей части казахских промышленных рабочих, да и не только промышленных. Десятки тысяч казахов, проходя подготовку через горпромуч, ФЗУ, курсы и другие виды профессионально-технического образования, овладевали сложными профессиями промышленного производства. Сравнительный анализ данных национального и профессионального состава рабочих цензовой промышленности на 1 января 1927 и 1933 гг. показывает: за эти годы удельный вес казахских рабочих, овладевших 25 ведущими и массовыми профессиями, поднялся с 23,4 до 42,1%. По некоторым профессиям, таким как откатчики и забойщики, ткачи и прядильщики, казахские рабочие значительно преобладали. Казахи составляли 46,3% вагонщиков, 43,5% кирпичников и более одной трети бурильщиков-проходчиков, квалифицированных рабочих — химиков, портных, наборщиков, молотобойцев, кочегаров и др. Но все еще был низок удельный вес казахов среди таких высококвалифицированных и квалифицированных рабочих, как машинисты, токари по металлу, электромонтеры, столяры, литейщики-формовщики, печатники и представители других сложных профессий.

Благодаря всем этим мерам быстро возросла численность казахских промышленных рабочих, освоивших производство и ставших квалифицированными кадрами молодой индустрии Казахстана.

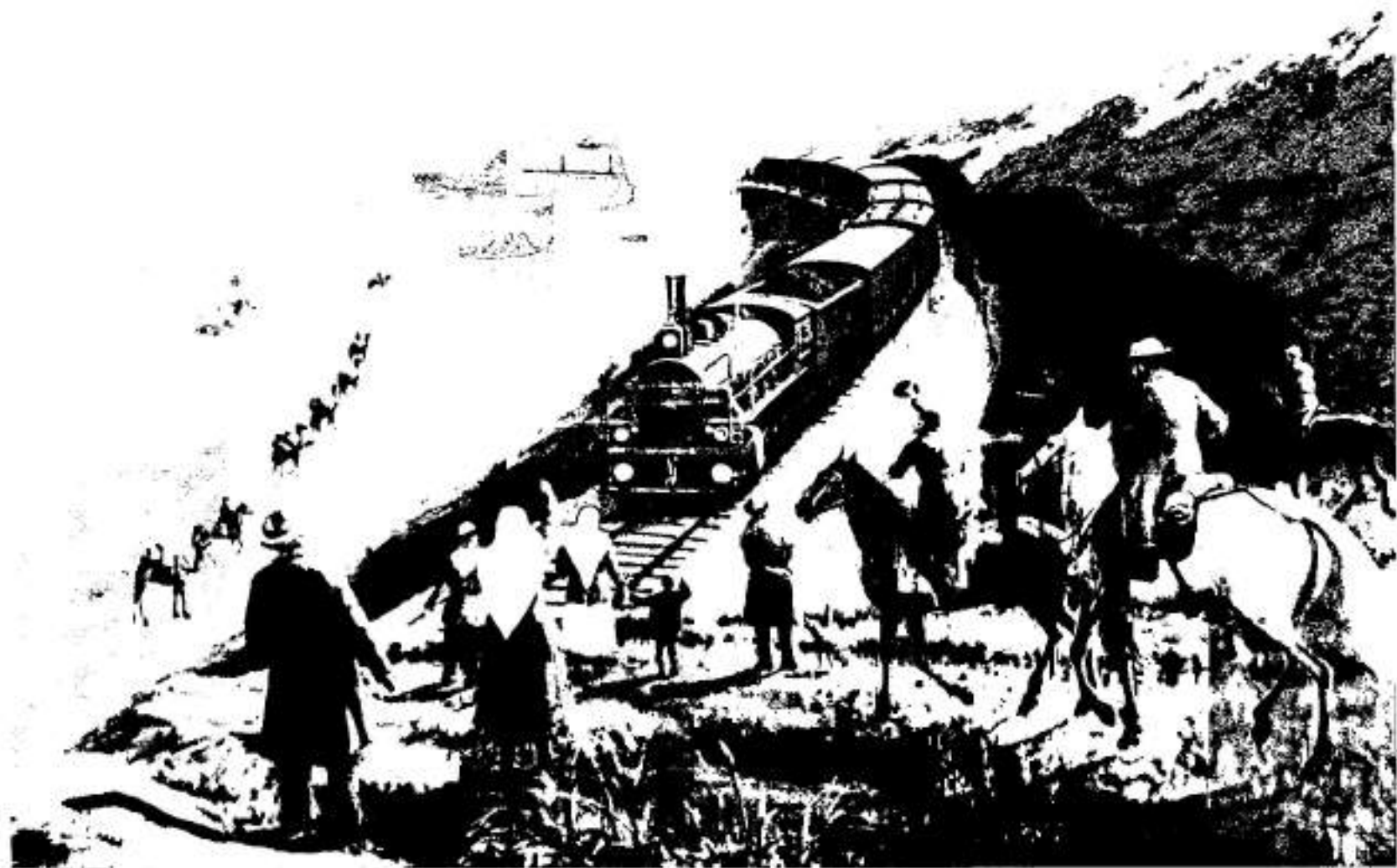
Менее чем за 6 лет удельный вес казахов в составе рабочих крупной промышленности увеличился почти вдвое — с 23,5 до 46,5%. При этом рост численности казахских рабочих происходил более высокими темпами, чем рост общего числа рабочих: если общее число рабочих крупной промышленности в 1929–1934 гг. выросло в 4,4 раза, то казахских рабочих — в 8,7 раза.¹⁵⁷ Другой особенностью формирования национальных кадров промышленных рабочих является то, что подавляющее большинство рабочих-казахов сосредоточивалось в ведущих отраслях тяжелой

«Первые пятилетки». Гравюра В.В. Тимофеева. 1977 г.

«Первый трактор». Картина Е. Оспанова. 1983 г.

«Турксиб». Картина А. Кастеева. 1969 г.

«Конфискация». Картина Б. Мырзахметова. 1998 г.

«Панфиловцы под Москвой». Картина Н. Наседкина. 1982 г.

«Хлеб — фронту». Линогравюра Е. Жанатова. 1951 г.

«Портрет Ж. Жабеева». Картина А. Риттиха. 1940 г.

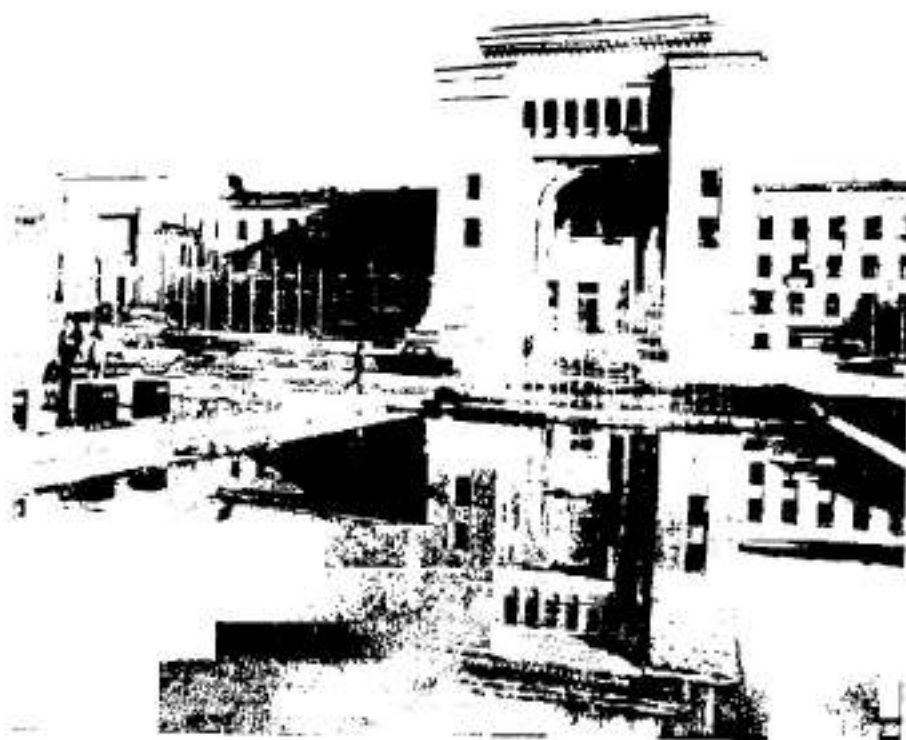
«Портрет народной артистки СССР
Бибигуль Тулегеновой».
Картина Г. Исмаиловой. 1980 г.

«Портрет Ермека Серкебаева
в роли Фигаро».
Картина Н. Нурмухамедова. 1983 г.

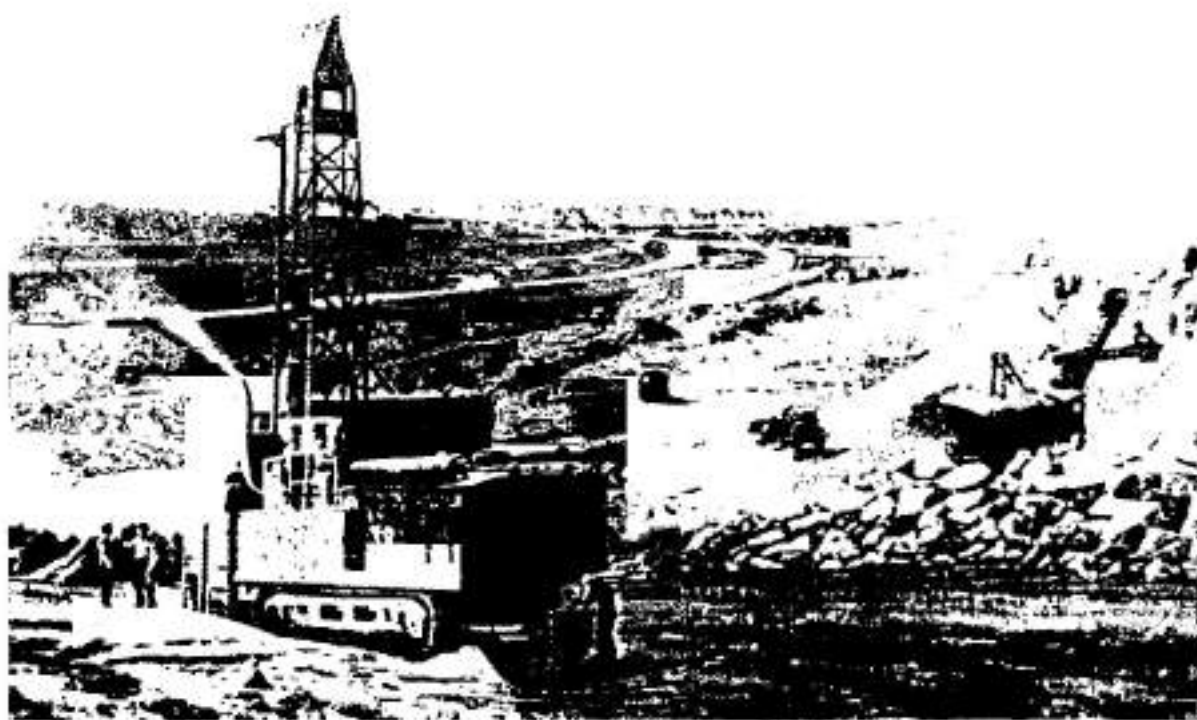
«Портрет академика К.И. Сатпаева». Картина Н. Тансыкбаева. 1977 г.

Здание Академии наук КазССР.

«Первая борозда». Картина П.С. Данилова. 1978 г.

«Аксайский карьер». Картина А. Кастеева. 1967 г.

Ядерный взрыв.

Трагедия Арала.

индустрии, таких как каменноугольная, нефтедобывающая, рудодобывающая и металлообрабатывающая.

Все это свидетельствует о том, что в середине 30-х гг. в крупной промышленности Казахстана, где сформировалось ядро нового рабочего класса, завершился процесс создания национальных кадров, крупные отряды которых были подготовлены в ведущих отраслях тяжелой индустрии республики.

Успешно шел процесс формирования национальных кадров рабочих и в других отраслях народного хозяйства Казахстана. Огромное значение в этом отношении имел Турксиб, ставший в 1920–1930-х гг. настоящей кузницей подготовки и воспитания двух отрядов национальных кадров рабочего класса республики — строителей и железнодорожников-эксплуатационников. Большую роль в обеспечении кадрами сыграла деятельность Комитета содействия постройке Туркестано-Сибирской железной дороги при Совнарком РСФСР во главе с Т. Рыскуловым.¹⁵⁸

Комитет успешно проводил «курс в основном на максимальное использование местной рабочей силы».¹⁵⁹ В этих целях он рекомендовал «привоз только той части квалифицированной рабочей силы, которую на месте нельзя завербовать, набирая при этом привозных рабочих в первую очередь в ближайших пунктах (Ташкент, Новосибирск, Самара и др.)». Совместно с органами народных комиссариатов труда РСФСР и КазАССР, местными комитетами содействия постройке Турксиба Комитет установил нормы ввоза строителей на магистраль: каменщиков, кузнецов, печников, кровельщиков — до 50%, землекопов — 30%. Этими мерами достигалась существенная экономия средств, затрачиваемых на перевозку строителей из других районов страны, тем более что из-за развернувшегося во всех районах страны строительства возможность вербовки квалифицированных строителей сокращалась.

По инициативе Комитета содействия СНК РСФСР 2 марта 1927 г. предложил Наркомату труда РСФСР при участии уполномоченного НКПС и ЦК профсоюза строителей разработать условия труда на строительстве Турксиба, при этом учесть особенности местной рабочей силы и издать особые правила по ее использованию на сооружении этой магистрали.¹⁶⁰ В соответствии с этими указаниями правительства Российской Федерации на строительных участках Турксиба упрощался порядок найма казахов на работу: они приравнивались к членам профсоюза и трудоустраивались в первую очередь; наем представителей коренного населения проводился не только биржей труда и ее корпунктами, но и непосредственно в аулах; в целях облегчения общения с коренным населением представители администрации Турксиба, в особенности прорабы и десятники, обучались казахскому языку, для работы среди казахских рабочих привлекались студенты-казахи, обучавшиеся в высших учебных заведениях Москвы, Ленинграда, Ташкента и других городов. Только на южную часть Турксиба в 1929 г. прибыло свыше 100 студентов-казахов из высших и средних учебных заведений Средней Азии и Казахстана.¹⁶¹

В 1927 г. в начале строительства Турксиба число казахов было незначительным. Тем не менее, на 15 сентября 1927 г. из 3408 рабочих и служа-

ших 1365 человек составляли казахи. В 1928 г., исходя из директив союзного и республиканского правительств, нарком труда КазАССР дал Управлению Турксиба конкретную цифру привлечения казахов на строительство — не менее 50% общего количества строителей. Были приняты меры также по вербовке их через союз «Кошчи». И уже в 1928 г. из 20 674 рабочих и служащих строительства 4583 человека были казахи. В июне 1929 г. число казахских рабочих на магистрали, включая временную эксплуатацию, достигло 9000 человек.¹⁶² В 1931 г. на строительных работах по Турксибу было занято в среднем 21 048 человек, из которых 7879 составляли казахи (37,4%). Наибольшее число казахов было в мае 1931 г. — 10 453, т.е. 40%. В 1932 г. казахи составляли более половины строителей: на 1 мая — 54,8%, в июне — 52,2%, на 1 декабря — 51,9% и т.д.¹⁶³

С 1928 г. стало практиковаться закрепление рабочих, в особенности казахских. Для этого некоторые виды строительных работ продолжали вести и в зимнее время. В казахские аулы направлялись вербовщики, которые приглашали казахских рабочих, занятых ранее на строительстве дороги. Это тоже увеличивало число казахских рабочих среди строителей магистрали. Так, на 1929 г. было закреплено 5420 рабочих основных профессий (30% потребности), на 1930 г. — 3540, из них квалифицированных — 1128, полуквалифицированных — 908 (казахов 632, или 69,6%) и неквалифицированных — 639 (казахов 496, или 77,6%). Закреплялись на новостройках в первую очередь плотники, арматурщики, каменщики и другие специалисты. Например, в 1930 г. было закреплено за стройкой свыше 2500 плотников.¹⁶⁴

Эти успехи были достигнуты благодаря массовой подготовке квалифицированных строительных рабочих, развернувшейся на Турксибе с 1928 г. На стройке функционировала разветвленная сеть курсов ЦИТ (Центрального института труда), кратко- и долгосрочных курсов и школ по отдельным строительным профессиям, стройуча, школ ФЗУ, подавляющее большинство обучавшихся в которых комплектовалось из казахской молодежи. В 1930–1931 гг. двумя базами ЦИТ на Турксибе (в Алма-Ате и Семипалатинске) в среднем готовилось до 2,5 тыс. строителей.¹⁶⁵ Широкое развитие получило индивидуальное и бригадное ученичество. Так, на 1 января 1931 г. по Турксибу бригадной формой ученичества было охвачено 3277 человек, из них 2838, т.е. 86,6% составляли казахи.¹⁶⁶

Массовая подготовка строителей из казахов велась и на других промышленных и железнодорожных стройках Казахстана. И несмотря на резкие колебания в численности, здесь сформировались значительные кадры казахских рабочих-строителей: на 1 октября 1934 г. они насчитывали в своих рядах 27,2 тыс. человек, что составило 41,8% всех строителей республики.¹⁶⁷

Широкое железнодорожное строительство и развитие ранее действовавших линий требовали огромного количества эксплуатационников, и железнодорожный транспорт превратился в одну из баз формирования советского рабочего класса в Казахстане, в особенности его национальных кадров. В сентябре 1929 г. Совнарком Казахстана, обсуждая вопросы о подготовке квалифицированной рабочей силы для Турксиба и других железных дорог республики, также подчеркнул, что «железнодорожный

транспорт должен стать одной из главных баз создания пролетариата из коренного казахского населения». ¹⁶⁸ При этом СНК республики признал необходимым «усилить подготовку рабочей силы из казахов, пересмотреть план подготовки низшего персонала, усилить подготовку административно-технического персонала, с этой целью развернуть сеть учебных заведений: ФЗУ, профтехнических школ и для подготовки инженеров командировать казахскую молодежь во ВТУЗы для обучения». ¹⁶⁹ 1 января 1930 г. Совнарком КАССР, вновь указывая на «значение Турксиба в формировании казахстанского пролетариата», обязал Комитет по коренизации при СНК, органы труда, профсоюзные организации к моменту сдачи дороги в эксплуатацию (1 января 1931 г.) довести численность казахских железнодорожников среди неквалифицированной части рабочих до 70%, среди рабочих низшей квалификации — до 60%, среди рабочих средней квалификации — до 40% и принять меры по вовлечению казахов в состав рабочих высших квалификаций. Наркомпросу республики и отделу просвещения Турксиба было предложено организовать сеть краткосрочных курсов профтехнических школ и техникумов.

Совет Труда и Оборона Союза ССР 20 апреля 1930 г. — накануне смычки северной и южной частей строительства Турксиба — принял постановление «О мероприятиях, связанных с открытием коммерческого движения по Туркестано-Сибирской железной дороге», в котором потребовал от НКПС «разработать мероприятия по полному обеспечению Турксиба эксплуатационными кадрами, обратив внимание на подготовку этих кадров из коренного населения районов, прилегающих к Турксибу». ¹⁷⁰

Подготовка кадров железнодорожников, в особенности из числа казахов, получила наибольший размах после перехода Турксиба в постоянную эксплуатацию. Но основы этой подготовки, благодаря вышеуказанным мерам, были заложены еще в период сооружения магистрали и временного движения на ней. Обучение эксплуатационников проводилось как через обычные учебные заведения (техникумы, школы ФЗУ), так и через специальные краткосрочные (от 1 до 4 месяцев) и долгосрочные (от 1 до 2 лет) курсы.

В 1929 г. на долгосрочных курсах обучались 314 человек, из них 221 казах (или 70%). На 1 июля 1930 г. на Турксибе действовало около 20 учебных заведений, в которых сроком от 2 месяцев до 4 лет обучалось 899 человек, из них 540 казахов и 89 представителей восточных национальностей, а на 1 апреля 1931 г. — 2062 человека, из них 1326 казахов, или 64,3%. ¹⁷¹ В 1930 г. были открыты Алма-Атинский транспортный техникум на 240 человек, Кзыл-Ординский железнодорожный техникум на 260 человек, школы ФЗУ на станциях Туркестан, Аулие-Ата, Чу, Алма-Ата, Жана-Семей и Аягуз на 840 учащихся, а также различные курсы на 2470 человек. Подавляющее большинство контингента этих учебных заведений набиралось из казахской рабоче-крестьянской молодежи. ¹⁷²

Курсовая сеть обучения, в особенности краткосрочные курсы, была главной формой подготовки железнодорожников в первой половине 30-х гг. Школы ФЗУ и техникумы с трех- и четырехгодовыми сроками обучения тогда только начинали свою работу. За первые четыре года эксплу-

атации Турксиба (1931–1934 гг.) на курсах, в школах ФЗУ и спецшколах магистрали было подготовлено 8136 квалифицированных железнодорожников, из них 4438 казахов, т.е. 54,5%. Это были машинисты паровозов (69), их помощники (297), кочегары (297), составители поездов (15), кондуктора (1737), стрелочники (161), слесари по ремонту паровозов (280), по ремонту вагонов (139), бригадиры пути (75), мостовые мастера (22), смазчики вагонов (506) и др.¹⁷³ В 1932 г. на Турксибе более половины путейцев составляли казахи, среди движенцев — около одной трети, среди тяговиков — одной пятой.¹⁷⁴

Следует также отметить, что кадры железнодорожников Турксиба в первые годы комплектовались главным образом из числа строителей магистрали, которые в большинстве своем по мере завершения строительства отдельных ее участков переходили в ряды эксплуатационников. Это было характерно для многих железнодорожных рабочих как Турксиба, так и других линий республики.

К середине 1930-х гг. на железнодорожном транспорте Казахстана успешно завершился процесс формирования национальных кадров. В 1934 г. их численность составляла около 25 тыс. человек, а удельный вес достиг 43%. По сравнению с 1927 г. их ряды выросли более чем в 20 раз, тогда как общая численность железнодорожников республики за этот период возросла в 3,5 раза. Следовательно, рост рядов национальных кадров почти в 6 раз опережал темпы количественного развития железнодорожников республики в целом. Это свидетельствует также о том, что на железнодорожном транспорте Казахстана национальные кадры формировались более высокими темпами, чем в других отраслях народного хозяйства республики.¹⁷⁵

Наиболее крупный по численности отряд национальных кадров формировался в сельском хозяйстве республики, где только в совхозах и МТС на 1 января 1935 г. работало 79 195 казахов, что составляло 53,2% всех рабочих и служащих. На 1 октября 1934 г. среди 90 960 человек постоянных рабочих совхозов республики казахов было 50 064 человека (55%), из них работниц-казашек — 12 024 человека (51,4%). Казахи преобладали среди постоянных рабочих совхозов: овцеводческих — 71,3%, мясо-молочных — 67,6%, коневодческих — 57,1%, сахаротреста — 54% и т.д.

Определенные успехи были достигнуты в вовлечении женщин-казашек в индустриальные отрасли труда. На 1 октября 1934 г. в промышленности были заняты 3824 женщины-казашки, которые составляли 25,9% всех женщин отрасли. На строительстве их было 5235 чел., они составляли 38,8% всех женщин этой отрасли. На железнодорожном транспорте работало 1049 женщин-казашек, их удельный вес к общему числу женщин-железнодорожниц достиг 16,4%. Основная масса женщин-казашек на строительстве — 89,0%, на железнодорожном транспорте — 72,5%. Незначительное число их работало служащими, инженерами и техниками: в промышленности — 9,4%, на строительстве — 9,5%, на железнодорожном транспорте — 0,28% всех казашек этих отраслей.¹⁷⁶

Таким образом, в середине 1930-х гг. во всех отраслях сферы материального производства сформировались крупные отряды национальных кадров молодого рабочего класса Казахстана. Удельный вес казахов в со-

ставе рабочих и служащих народного хозяйства Казахстана достиг на 1 января 1936 г. 41,0% против 30,7% в 1927 г. (на 1 января), т.е. за эти 9 лет вырос в 1,3 раза. Особенно высокими были темпы роста казахов в индустриальных отраслях народного хозяйства: в промышленности — в 2,4 раза, с 17,7% до 43%; на строительстве — в 4,6 раза, с 8,1% до 37,6%; на транспорте — в 3,8 раза, с 8,3% до 31,8%. В других отраслях материального производства рост удельного веса казахов хотя и был незначителен, но они здесь уже составляли более половины всех их работников: в сельском хозяйстве — в 1,1 раза, с 48,9% до 55,2%; в совхозах и МТС — в 1,7 раза, с 33,3% до 57,2%.¹⁷⁷

Следует подчеркнуть, что удельный вес казахских рабочих был особенно высоким на целом ряде крупных предприятий, таких как Джезказганский рудник (на 1 января 1936 г. — 88,1%), Эмбанефть (77,2%), Карсакпайский медеплавильный завод (76,2%), Ачисайский комбинат (72,5%); казахи составляли 62,1% рабочих Карагандинского угольного бассейна, более половины рабочих Акжальского рудоуправления (58,8%), Гурьевского рыбконсервного комбината (58,4%) и Семипалатинского мясокомбината (52,2%).¹⁷⁸

В процессе формирования повышался квалификационный уровень рабочих, в том числе и казахов. Так, например, удельный вес высококвалифицированных рабочих тяжелой промышленности только в период с 1 января 1933 г. до 1 октября 1936 г. (т.е. за три года и девять месяцев) вырос с 9,8% до 13,6%, квалифицированных — с 20,2% до 42,5%, и наоборот — снизился полуквалифицированных с 25,3% до 23,5%, неквалифицированных — с 29,2% до 11,4%, неустановленной квалификации — с 15,5% до 9,0%. Отсюда видно, за это время удельный вес высококвалифицированных и квалифицированных возрос с 31% до 56,1%, т.е. они составляли более половины всех рабочих, а остальные — полуквалифицированные, неквалифицированные, включая рабочих с неустановленной квалификацией — менее половины (43,9%). Следует признать, что это было значительным достижением для рабочего класса Казахстана, когда в его ряды влились более 80% нового поколения из вчерашних кочевников из аулов, крестьян из переселенческой деревни, бедноты (ремесленники, кустари, безработные и др.) из городов, в большинстве своем неграмотных, не имевших навыков рабочих профессий и т.д. Разумеется, поэтому квалификационный уровень рабочих Казахстана значительно отставал от уровня рабочих РСФСР, Украины, Белоруссии и других промышленно развитых республик и регионов Советского Союза.¹⁷⁹

Это особенно заметно наблюдалось у казахских рабочих. Ибо по уровню квалификации, профессионально-технической подготовке казахские рабочие все еще сильно отставали от русских и других своих собратьев по совместной работе на промышленных предприятиях, стройках и транспорте. Так, например, на 1 января 1933 г. казахов было по цензовой промышленности 23 784 чел., которые составляли 42,1% всех рабочих. Среди высококвалифицированных же их было всего 3,1%, среди квалифицированных — 12,1%, полуквалифицированных — 17,6%, неквалифицированных 30,8%, неустановленной квалификации — 36,3%. Отсюда видно, что подавляющее большинство казахов — 20 146 чел. из 23 784 чел., т.е. —

84,7% являлись полуквалифицированными и неквалифицированными работниками (включая неустановленной квалификации).¹⁸⁰ Как видно из этих данных, удельный вес казахов был низок в особенности среди высококвалифицированных и квалифицированных промышленных рабочих. В период 1927–1933 гг. (на 1 января) ряды казахов в сложных профессиях, требующих специальной подготовки и технических навыков, по всей промышленности республики выросли незначительно: электромонтеров – с 7 до 31 чел. (с 3,7% до 5,7%), столяров – с 6 до 16 чел. (с 4,5% до 5,6%), токарей по металлу – с 3 до 47 чел. (с 3,4 до 7,6%), машинистов – с 9 до 130 чел. (с 2,7 до 10,3%), слесарей – с 39 до 209 чел. (с 7,6 до 11,1%), печатников – с 7 до 150 чел. (с 8,6 до 11,3%) и т.д. Несмотря на высокий рост численности (с 4 до 20 раз и выше), удельный вес казахов вышеуказанных профессий оставался низким. Высокий процент казахских рабочих наблюдался среди плавильщиков – 79,3%, откатчиков – 67,8%, забойщиков – 63,7%, ткачей – 61,4% и т.д. Казахам было значительное число среди забойщиков скота – 46,7%, кирпичников – 43,5%, вагонщиков – 46,3% и т.д. Около одной трети и выше они составляли среди портных (39,3%), наборщиков (35,8%), молотобойцев (33,5%), кочегаров (35,1%) и т.д.¹⁸¹

Такое положение – низкий удельный вес казахов в рядах высококвалифицированных и квалифицированных рабочих – наблюдалось и в других двух ведущих отраслях народного хозяйства – на строительстве и транспорте. На 1 января 1933 г. по Казахстану в области строительства работало 95 415 чел., из них казахов – 35 573 чел., т.е. 37,3%. Рабочих же было 74 300 чел., из них казахов – 31 566 чел., т.е. 42,5%, инженерно-технических работников – 5045 чел., из них казахов – 325 чел., т.е. 6,4%, младшего обслуживающего персонала – 7248 чел., из них казахов – 2007 чел., т.е. 27,7%, собственно служащих – 5767 чел., из них казахов – 423 чел. т.е. 7%.¹⁸² Казахи преобладали среди чернорабочих – 62,7%, землекопов – 55,3%, их было значительно среди саманщиков – 45,1%, каменщиков – 44,9%. Их было мало среди электромонтеров – 3,0%, слесарей-водопроводчиков, слесарей-строителей – 4,8%, кровельщиков – 3,7% маляров – 6,9%, пильщиков – 5,2%, арматурщиков – 9,7%, столяров – 7,2%, даже кочегаров – 7,8%.¹⁸³ Среди ИТР же, где казахи составляли всего 6,4%, не было ни одного казаха инженера, архитектора, мастера и инструктора при механизмах. Из казахов насчитывалось 713 техников (1,3%), 157 десятников (7,4%), 66 бригадиров (19,4%), 17 инструкторов (20,5%) и т.д.¹⁸⁴

Не в лучшем положении был и транспорт, где строительство Турксиба дало сильный толчок росту национальных кадров на железнодорожных линиях Казахстана. На 1 июля 1932 г. на железнодорожном транспорте (без Южно-Уральской ж.д.) было занято 43 643 чел., из них казахов – 13 591 чел. или 31,1%, в том числе на Туркестано-Сибирской – 37,5%, Среднеазиатской – 27,2%, Самаро-Златоустовской – 21,6%, Омской – 37,8%, Рязано-Уральской – 10,0%.¹⁸⁵ Казахи преобладали среди кочегаров паровозов – 59,3%, путевых ремонтных рабочих – 54,5%, их было среди кондукторов 42,2%, грузчиков – 34,3%, смазчиков паровоз-

ных — 31,6%, казахов было мало среди машинистов паровозов — 1,2%, составителей — 1,5%, дорожных мастеров — 1,4%, токарей — 3,1%, кузнецов — 8,2%, сцепщиков — 8,9 и т.д.

В этом отношении весьма характерны следующие отрывочные данные по Туркестано-Сибирской ж.д. за первые годы эксплуатации (1931–1932 гг.). На 1 октября 1932 г. на дороге работало 17 862 чел., из них казахов 5 112 чел. или 28,7%, хотя по заданию казахизации и коренизации удельный вес казахов должен был достигнуть 42,3%¹⁸⁶. Среди них квалифицированных рабочих было — 3942 чел., из них казахов — 427 чел., т.е. всего. 11,8%; полуквалифицированных — 8467 чел., из них казахов — 1224 чел. или 35,3%, прочих и постоянных чернорабочих — 7786 чел., из них казахов — 3231 чел., т.е. 41,4%.¹⁸⁷ Такое положение с преобладанием среди казахов малоквалифицированных и неквалифицированных рабочих в основном сохранилось и в последующие годы; об этом свидетельствует рост удельного веса казахов на железнодорожном транспорте в период с 1 июля 1932 г. до 1 октября 1934 г., когда он увеличился всего на 0,9%, с 31,1% до 32,0%.¹⁸⁸

Еще более низким был удельный вес женщин-казашек среди квалифицированных рабочих. На 1 января 1933 г. численность всего персонала ценовой промышленности Казахстана достигла 75 792 чел., из них казахов 27 642 чел., т.е. 36,5%. Всего женщин в промышленности было 13 120 чел., т.е. 17,3%, из них казашек — 3 003 чел., т.е. 22,9% всех женщин. Подавляющее большинство их — 2548 чел. или почти 85% являлись физически работающими, а высококвалифицированных всего 1 чел., т.е. 0,04%, квалифицированных — 147 чел., т.е. 5,8%, полуквалифицированных — 704 чел., 27,6%, неквалифицированных — 1037 чел., 40,7%, неустановленной квалификации — 659 чел., 25,9%. Женщины-казашки работали в основном переплетчицами-брошюровщицами (49,4%), красильщицами — 41,6%, портными — 35,9%, ткачихами — 20,0% и т.д. Не было ни одной казашки среди ИТР, среди служащих они составляли 0,3%, в рядах младшего обслуживающего персонала — 5,1%.¹⁸⁹

Таким образом, малочисленность высококвалифицированных и квалифицированных рабочих, с одной стороны, преобладание малоквалифицированных и неквалифицированных, в особенности чернорабочих, с другой явились характерными чертами национальных кадров в середине 30-х гг. XX в. К тому же преобладание нового поколения, в особенности молодежи, при сильной текучести рабочей силы из-за тяжелых условий труда и быта, сезонность некоторых работ, в том числе и на строительстве предприятий и железных дорог, низкий образовательный уровень и т.д., все это мешало росту рядов постоянных и потомственных рабочих из казахов. Тем не менее, достигнутые в 30-е гг. XX в. результаты по созданию национальных кадров являлись крупным успехом в формировании рабочего класса Казахстана, этот уровень оставался наиболее высоким за всю советскую эпоху. К сожалению, несмотря на высокий рост численности национальных кадров в последующие годы, вплоть до 80–90-х гг. XX в., их удельный вес по сравнению с 30-ми годами значительно сократился, а успехи тех лет во многом были утрачены.

¹ Рудный Алтай (Индустриальное развитие Восточного Казахстана в 1920–1945 гг.). Сб. документов и материалов. Том I. А.-А., 1985, с. 40–49.

² Алампиев П.М. Ликвидация экономического неравенства народов Советского Востока и социалистическое размещение промышленности (Исторический опыт Казахской ССР). М., 1958, с. 22–29, 210.

³ Пятилетний план народно-хозяйственного строительства СССР. Т. II. М., 1929, с. 310.

⁴ История Казахской ССР. Т. 4, с. 417.

⁵ Наука Советского Казахстана. А.-А., 1960, с. 58.

⁶ Под знаменем ленинских идей. А.-А., 1973, с. 404–405.

⁷ История индустриализации Казахской ССР (1926–1941 гг.). Документы и материалы. В двух томах. Т. I. А.-А., 1967, с. 217–233, 441.

⁸ Асылбеков М.Х. Формирование и развитие кадров железнодорожников Казахстана (1917–1970 гг.). А.-А., 1973, с. 84; *Его же*. О деятельности Комитета содействия постройке Туркестано-Сибирской железной дороги при СНК РСФСР // Известия АН КазССР. Серия общественных наук, 1969, №6, с. 34–46.

⁹ Жакупбеков С.К. История легкой индустрии Казахстана. А.-А., 1984, с. 56.

¹⁰ Народное хозяйство СССР за 60 лет. Юбилейный стат. ежегодник. М., 1977, с. 177.

¹¹ Алампиев П.М. Ликвидация экономического неравенства народов Советского Востока. М., 1957, с. 210; Под знаменем ленинских идей. А.-А., 1973, с. 404–405.

¹² Алампиев П.М. Указ. работа, с. 229–235, 282–283.

¹³ Асылбеков М.Х. В сб.: Некоторые особенности социалистической индустриализации Казахстана. Рабочий класс и индустриальное развитие СССР. Всесоюзная конференция. Тезисы, доклады и сообщения. М., 1972, с. 155–157; *Его же*. Индустриализация Казахстана и ее социально-экономические последствия. «Мысль», 1993, №4, с. 85–86 и др.

¹⁴ Большевик Казахстана, 1931. № 5, с. 18.

¹⁵ Революционный Восток, 1935. № 5, с. 93.

¹⁶ Советская степь, 1928. 15 февраля; Большевик Казахстана, 1931. №5, с. 17–18; Галощекин Ф.И. Казахстан на путях социалистического переустройства (статьи и речи). М. – А.-А., 1931 и др.

¹⁷ Советская степь, 1928. 15 февраля.

¹⁸ Большевик Казахстана, 1931, №5, с. 18.

¹⁹ VI Всеказахстанская конференция ВКП(б). 15–23 ноября 1927 г. Стеногр. отчет. Кзыл-Орда, 1927, с. 108.

²⁰ Большевик Казахстана, 1927, с. 58.

²¹ VI Всеказахстанская конференция ВКП(б). 15–23 ноября 1927 г. Кзыл-Орда, 1927, с. 52–53.

²² Там же, с. 58–59.

²³ Там же, с. 59.

²⁴ Там же, с. 59.

²⁵ Там же, с. 53, 59.

²⁶ Там же, с. 181.

²⁷ Там же, с. 181–182.

²⁸ Там же, с. 182.

²⁹ Большевик, 1928. №1, с. 56–64.

³⁰ Там же, с. 56–57.

³¹ Там же, с. 57.

³² Там же, с. 57.

³³ Там же, с. 57.

³⁴ Там же, с. 55–59.

³⁵ Там же, с. 56–57.

³⁶ Большевик, 1928, с. 57–58.

³⁷ Там же, №1, с. 58.

³⁸ Там же, с. 59.

- ³⁹ Там же, с. 57.
- ⁴⁰ Правда, 1927. 27 апреля.
- ⁴¹ Большевик, 1928. №1, с. 59–60.
- ⁴² КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Том 2. 1917–1924. М., 1970, с. 438.
- ⁴³ Большевик, 1928. №1, с. 59.
- ⁴⁴ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1937. Т. 2, с. 91–97; История рабочего класса Советского Казахстана. А.-А., 1987. Т.1, с. 250.
- ⁴⁵ История рабочего класса Советского Казахстана. Т. 1, с. 150–251.
- ⁴⁶ Социалистическое строительство Казахской ССР за 20 лет. А.-А., 1940, с. 7, 9, 17.
- ⁴⁷ Там же, с. 30.
- ⁴⁸ Алампиев П.М. Указ. работа, с. 217–218.
- ⁴⁹ Алампиев П.М. Указ. работа, с. 218; История рабочего класса Советского Казахстана. Т. 1, с. 247–249.
- ⁵⁰ Социалистическое строительство Казахской ССР за 20 лет, с. 24–25.
- ⁵¹ Алампиев П.М. Указ. работа, с. 220–222.
- ⁵² Социалистическое строительство Казахской ССР, с. 13, 23.
- ⁵³ История рабочего класса Советского Казахстана. Т. 2, с. 13.
- ⁵⁴ Там же. Т. 1, с. 249–250.
- ⁵⁵ Социалистическое строительство Казахской ССР, с. 13, 26.
- ⁵⁶ История рабочего класса Советского Казахстана. Т. 1, с. 251–252.
- ⁵⁷ Социалистическое строительство Казахской ССР за 20 лет, с. 13, 32.
- ⁵⁸ История рабочего класса Советского Казахстана. Т. 1, с. 252.
- ⁵⁹ Социалистическое строительство Казахской ССР за 20 лет, с. 7, 9, 17–18, 31 и др.
- ⁶⁰ История рабочего класса Советского Казахстана. Т.1, с. 252–253.
- ⁶¹ Там же. Т. 2, с. 13.
- ⁶² Социалистическое строительство Казахской ССР за 20 лет, с. 11, 17 и др.
- ⁶³ Там же, с. 22.
- ⁶⁴ История рабочего класса Советского Казахстана. Т. 1, с. 253–254.
- ⁶⁵ Жакупбеков С.К. История легкой индустрии Казахстана. А.-А., 1984, с. 68–86.
- ⁶⁶ История рабочего класса Советского Казахстана. Т. 2, с. 13–14.
- ⁶⁷ Там же, с. 14.
- ⁶⁸ Социалистическое строительство Казахской ССР за 20 лет, с. 4; Примеч.: Удельный вес промышленности в продукции народного хозяйства Казахстана в 1939 г. достиг 58,9%, а сельского хозяйства – 41,1%. См.: Социалистическое строительство Казахской ССР за 20 лет, с. 4.
- ⁶⁹ Социалистическое строительство Казахской ССР за 20 лет, с. 9.
- ⁷⁰ Жакупбеков С.К. История легкой индустрии Казахстана. А.-А., 1984, с. 86.
- ⁷¹ Социалистическое строительство Казахской ССР за 20 лет, с. 4.
- ⁷² VII Всеказахстанская конференция ВКП(б). Стенограф. отчет. А.-А., 1930, с. 318–332, 373–380.
- ⁷³ ЦГАНХ, ф. 1884, оп. 80, д. 312, л. 4. Эта линия передавалась во временную эксплуатацию частями: до 23 км – с 1 ноября 1920 г., до 123 км – с 1 августа 1921 г., до 133 км (ст. Кокчетав) – с 1 июля 1922 г., а вся линия от Петропавловска до ст. Курорт Боровое – с 15 октября 1925 г. См. там же.
- ⁷⁴ Семиреченская железная дорога (Арыс–Пишпек–Фрунзе) начала строиться еще в 1914 г., но к 1917 г. линия была доведена только до ст. Бурное, остальная часть дороги была достроена в советское время (сентябрь 1924 г.). Навстречу Семиреченской железной дороге еще в дореволюционное время была построена Алтайская железная дорога (1914–1915) в направлении от Новосибирска через Барнаул до Семипалатинска. См.: Асылбеков М.Х. Развитие железных дорог Казахстана в конце XIX – начале XX веков // Казахстан в канун Октября. А.-А., 1969, с. 196–202.
- ⁷⁵ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917–1967 гг.). Т. 1, с. 361.

- ⁷⁶ Туркестано-Сибирская магистраль (Сб. статей). М., 1929, с. 282.
- ⁷⁷ ЦГАНХ РСФСР, ф. 7578, оп. 1, л. 10–11; д. 3, л. 67; д. 11, л. 77–81; д. 11, л. 77–81 и др.
- ⁷⁸ *Островский З.* Турксиб. М., 1930, с. 21; *Дахилейгер Г.Ф.* Турксиб — первенец социалистической индустриализации: (Очерки истории постройки Турксиба). А.-А., 1953, с. 43–48.
- ⁷⁹ *Асылбеков М.Х.* Турар Рыскулов и М.Тынышпаев на Турксибе // *Отан тарихы*, 2000, № 1–2, с. 114.
- ⁸⁰ *Там же*, с. 115.
- ⁸¹ *Там же*, с. 116.
- ⁸² *Там же*, с. 117.
- ⁸³ *Островский З.Г.* Великая магистраль. (О делах и людях Турксиба). М. — Л., 1930, с. 26–32; История индустриализации Казахской ССР. Документы и материалы. Т. 1, с. 240–242.
- ⁸⁴ Социалистическое строительство Казахской ССР за 20 лет. А.-А., 1940, с. 134–135.
- ⁸⁵ Народное хозяйство Казахстана за 40 лет. Стат. сб. А.-А., 1960, с. 221.
- ⁸⁶ Социалистическое строительство Казахской ССР, с. 142–144; Казахстан за 40 лет. Стат. сб. А.-А., 1960, с. 225–228.
- ⁸⁷ Казахстан за 40 лет. Стат. сб. А.-А., 1960, с. 225.; Транспорт и связь СССР. Стат. сб. М., 1972, с. 91.
- ⁸⁸ Транспорт и связь СССР. Стат. сб. М., 1972, с. 246.
- ⁸⁹ *Галиев А.* К этнодемографической характеристике Казахской АССР (по материалам переписи в 1926 г.). Изв. АН КазССР. Сер. обществ. наук. 1978. №4, с. 42–48.
- ⁹⁰ Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. КазССР. М., 1962, с. 11.
- ⁹¹ Социологическое строительство Казахской АССР, с. 314.
- ⁹² *Галиев А.* Указ. работа, с. 42–48.
- ⁹³ *Там же*, с. 42–48.
- ⁹⁴ История рабочего класса Советского Казахстана. Т. 1, с. 276–278.
- ⁹⁵ *Виленский Е.Л.* Ликвидация безработицы и аграрного переселения в Средней Азии и Казахстане (1917–1932 гг.). А.-А., 1980, с. 141.
- ⁹⁶ ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 120, д. 178, л. 48–49.
- ⁹⁷ История рабочего класса Советского Казахстана. Т. 1, с. 279–280.
- ⁹⁸ ЦГАИХ, ф. 75–78, оп. 2, д. 45, л. 24–27.
- ⁹⁹ *Там же*, л. 25–26.
- ¹⁰⁰ *Там же*, оп. 1, д. 18, л. 32.
- ¹⁰¹ История рабочего класса Советского Казахстана. Т. 1, с. 276–278.
- ¹⁰² *Михайлов Ф.К.* Профессионально-техническое образование в Казахстане. М., 1962, с. 25.
- ¹⁰³ *Нусупбеков А.Н.* Формирование рабочего класса в Казахстане, с. 193.
- ¹⁰⁴ *Асылбеков М.Х.* Формирование и развитие кадров железнодорожников..., с. 100.
- ¹⁰⁵ Рабочий класс Казахстана в период упрочения и развития социализма (1938–1960 гг.). А., 1988, с. 24.
- ¹⁰⁶ *Саматов М.С., Лучков А.Т.* Кадры народного хозяйства Казахстана // Народное хозяйство Казахстана, 1937. №1–2, с. 123.
- ¹⁰⁷ Социалистическое строительство Казахской ССР за 20 лет, с. 161.
- ¹⁰⁸ Народное хозяйство СССР. 1922–1972: Юбилейный стат. ежегодник. М., 1972, с. 395.
- ¹⁰⁹ Таблица составлена на основе данных экономико-статистического справочника за 1920–1935 гг. «Социалистическое строительство Казахской АССР» (с. 235, 248 и др.). Прим.: Данные о численности железнодорожников приводятся на 1 октября и без учета участков Южно-Уральской, Рязано-Уральской и Среднеазиатской железных дорог, проходивших по территории Казахстана.
- ¹¹⁰ Социалистическое строительство Казахской АССР. Экономико-стат. справочник, с. 189, 248.

- ¹¹¹ Социалистическое строительство Казахской ССР за 20 лет, с. 161.
- ¹¹² Социалистическое строительство Казахской ССР за 20 лет, с. 161.
- ¹¹³ Рабочий класс Казахстана в период упрочения и развития социализма (1938–1960 гг.). А., 1988, с. 21–23, 25–28.
- ¹¹⁴ История рабочего класса Советского Казахстана. Т. 1, с. 289–292.
- ¹¹⁵ *Саматов М.С., Лучков А.Т.* Кадры народного хозяйства Казахстана // Народное хозяйство Казахстана, 1937. №1–2, с. 124.
- ¹¹⁶ История рабочего класса Советского Казахстана. Т. 1, с. 422.
- ¹¹⁷ *Там же.* Т. 1, с. 294.
- ¹¹⁸ *Асылбеков М.Х.* Турар Рыскулов и М. Тынышпаев на Турксибе // Отан тарихы, 2000, №1–2, с. 88–89.
- ¹¹⁹ *Алампиев П.М.* Ликвидация экономического неравенства народа Советского Востока и социалистическое размещение промышленности, с. 313.
- ¹²⁰ КПСС в резолюциях... Т. 2, с. 204–205, 252.
- ¹²¹ Материалы совещания по вопросам развития промышленности в Казахстане. Кызыл-Орда, 1926, с. 6.
- ¹²² *Там же,* с. 68–72.
- ¹²³ *Там же,* с. 19.
- ¹²⁴ *Там же,* с. 20.
- ¹²⁵ *Там же,* с. 20–21.
- ¹²⁶ *Там же,* с. 22.
- ¹²⁷ *Там же,* с. 20–22, 71.
- ¹²⁸ VI Всеказахстанская конференция ВКП(б) 15–23 ноября 1927 г.: Стенограф. отчет. Кызыл-Орда, 1928, с. 380.
- ¹²⁹ ЦГАНХ СССР, ф. 43–72, оп. 26, д. 764, л. 82–85.
- ¹³⁰ *Там же.*
- ¹³¹ Енбекші казак, 16 декабря 1927 г.
- ¹³² *Там же.* 26 ноября 1927 г.
- ¹³³ *Там же.* №1. 1 января 1928 г.
- ¹³⁴ *Там же.* 5 января 1928 г.
- ¹³⁵ *Там же.* 11 декабря, 1927 г.
- ¹³⁶ Советская степь. 27 января 1929 г.
- ¹³⁷ *Там же.* 30 января 1929 г.
- ¹³⁸ *Там же.* 6 февраля 1929 г.
- ¹³⁹ ЦГА РК, ф. 83, оп. 2, д. 30, л. 20, 21, 32, 34, 39.
- ¹⁴⁰ *Там же,* л. 31.
- ¹⁴¹ *Там же,* л. 34–39.
- ¹⁴² *Там же.*
- ¹⁴³ *Там же.*
- ¹⁴⁴ *Там же,* л. 32.
- ¹⁴⁵ *Там же,* л. 32–34, 39.
- ¹⁴⁶ Казахстанская правда. 1935. 20 января.
- ¹⁴⁷ Советская степь. 1931. 12 ноября.
- ¹⁴⁸ Большевицкая Караганда. 1933. 1 мая.
- ¹⁴⁹ КР ПМ, ф. 141, оп. 1, д. 5668, л. 1.
- ¹⁵⁰ Образование Казахской АССР. Сб. док. и материалов. А.-А., 1957, с. 288.
- ¹⁵¹ *Алампиев П.М.* Ликвидация экономического неравенства..., с. 322.
- ¹⁵² Народное хозяйство Казахстана. 1929. №1–2, с. 138.
- ¹⁵³ Советская степь. 1930. 31 января.
- ¹⁵⁴ *Нусупбеков А.Н.* Формирование рабочего класса в Казахстане, с. 171.
- ¹⁵⁵ Советская степь. 1930. 31 января.
- ¹⁵⁶ *Алампиев П.М.* Указ. работа, с. 322.
- ¹⁵⁷ Национальный состав кадров предприятий в Казахстане. М., 1936, с. 7.
- ¹⁵⁸ *Асылбеков М.Х.* О деятельности Комитета содействия постройке Туркестано-Сибирской ж.д. при СНК РСФСР // Изв. АН КазССР. Сер. обществ. наук. 1969. Вып. 6, с. 24.

- ¹⁵⁹ ЦГАНХ, ф. 7578, оп. 3, д. 39, л. 27.
- ¹⁶⁰ Туркестано-Сибирская магистраль. М., 1930, с. 284–285.
- ¹⁶¹ ЦГАНХ, ф. 7578, оп. 1, д. 3, л. 55; д. 17, л. 14–21; оп. 2, д. 46, л. 1–17.
- ¹⁶² Там же, ф. 1884, оп. 80, д. 559, л. 171–173.
- ¹⁶³ ЦГА КазССР, ф. 737, оп. 1, д. 191, л. 171; д. 152, л. 37, 50, 57.
- ¹⁶⁴ ЦГАНХ, ф. 7578, оп. 2, д. 11, л. 26 и об.; оп. 4, д. 4, л. 171–172 об.; ф. 1884, оп. 80, д. 559, л. 170–172 и об.
- ¹⁶⁵ Асылбеков М.Х. Формирование и развитие кадров железнодорожников Казахстана (1917–1970 гг.), с. 95.
- ¹⁶⁶ ЦГАНХ, ф. 7578, оп. 1, д. 186, л. 10.
- ¹⁶⁷ Социалистическое строительство Казахской АССР, с. 244.
- ¹⁶⁸ ЦГА РК, ф. 30, оп. 1, д. 10.
- ¹⁶⁹ Там же, д. 869, л. 58, 59 и об.
- ¹⁷⁰ Там же, ф. 962, оп. 1, д. 735, л. 3–8.
- ¹⁷¹ Там же, ф. 239, оп. 2, д. 10, л. 43; оп. 3, д. 36, л. 51; оп. 4, д. 51, л. 14, 15; д. 239, л. 28, 29.
- ¹⁷² Асылбеков М.Х. Формирование и развитие кадров железнодорожников Казахстана, с. 100.
- ¹⁷³ ЦГА РК, ф. 1776, оп. 1, д. 4, л. 19–37; д. 13, л. 26 и об.
- ¹⁷⁴ Там же, д. 24, л. 36–38.
- ¹⁷⁵ Асылбеков М.Х. Формирование и развитие кадров железнодорожников Казахстана, с. 100.
- ¹⁷⁶ Национальный состав кадров предприятий в Казахстане. М., 1936, с. 15, 21.
- ¹⁷⁷ Социалистическое строительство Казахской АССР: экономико-стат. справочник. 1920–1935 гг., с. 36, 245–246.
- ¹⁷⁸ Народное хозяйство Казахстана. 1937. №1–2, с. 126.
- ¹⁷⁹ Там же, с. 128.
- ¹⁸⁰ ЦГА РК, ф. 877, оп. 1, д. 13, л. 223.
- ¹⁸¹ Там же, л. 223–225; Социалистическое строительство КазАССР. Экономико-статистический справочник за 1920–1935 гг. М.–А.–А., 1936, с. 239.
- ¹⁸² ЦГА РК, ф. 877, оп. 1, д. 13, л. 228.
- ¹⁸³ Там же.
- ¹⁸⁴ Там же.
- ¹⁸⁵ Там же, д. 36, л. 6–7.
- ¹⁸⁶ Там же, л. 6.
- ¹⁸⁷ Там же.
- ¹⁸⁸ Социалистическое строительство КазАССР. Экономико-стат. справочник за 1920–1935 гг. М.–А.–А., 1935, с. 247.
- ¹⁸⁹ ЦГА РК, ф. 877, оп. 1, д. 13, л. 223–225.

Глава шестая

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРНАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ В КАЗАХСТАНЕ

1. ЛИКВИДАЦИЯ НЕГРАМОТНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ

Главным направлением культурных преобразований после Октября 1917 года в Казахстане было преодоление массовой неграмотности и развитие народного образования. В начале XX века народное образование Казахстана как подсистема общества переживало глубокий кризис. Абсолютное большинство населения не умело ни читать, ни писать, миллионы детей не посещали школы, ощущалась острая нехватка учебных заведений и педагогических кадров. Поэтому большевики, приступая к осуществлению комплексных и решительных мер в области народного образования, могли рассчитывать на достижение двукратной цели: во-первых, завоевать симпатию и доверие простых людей, во-вторых, утвердить в сознании масс марксистско-ленинскую идеологию.

Положение ВЦИК от 16 октября 1918 г. «Об единой трудовой школе», Постановление Наркомпроса РСФСР от 31 октября 1918 г. «О школах национальных меньшинств», подписанный В.И. Лениным 26 декабря 1919 г. декрет «О ликвидации неграмотности среди населения РСФСР» придали этой работе государственный характер. С 1920 г. при местных отделах народного образования стали создаваться чрезвычайные комиссии по ликвидации неграмотности, которые занимались организацией учёта неграмотных, подготовкой педагогических кадров, организацией школ и курсов, изданием учебных пособий. В 1920–21 гг. уже работало 2412 пунктов по ликвидации неграмотности, в которых было обучено 72 232 человека.¹

На первых порах школы и курсы азбучной грамотности открывались как решениями Совдепов, ревкомов и других госструктур, так и по инициативе интеллигенции или самих неграмотных. Так, в ноябре 1917 г. Аулие-Атинский городской Совет рабочих и солдатских депутатов, изучив возможности организации школы грамотности, решил выделить необходимые финансовые средства. В начале 1918 г. подобные школы открывались в городах Верном, Семипалатинске, Акмолинске и других населённых пунктах, где имелись соответствующие учебно-

материальные условия и интеллектуальные силы. Летом 1918 г. газета «Заря свободы» — Семиреченский областной революционный орган Советов — поместила решение Верненского учительского союза открыть пять школ для неграмотных граждан и гражданок всех возрастов и одну школу для умеющих хотя бы немного читать и писать. «Занятия, — говорилось в корреспонденции, — будут приноровлены ко времени, свободному от работ, и с согласия самих желающих учиться».²

По мере упрочения Советской власти в Казахстане процесс преодоления азбучной неграмотности стал приобретать организованный и системный характер. Этому способствовало прежде всего образование Наркомпроса ТуркАССР и школьного отдела Кирревкома.

Цель и задачи ликбезработы, ее содержание предельно четко обозначились Положением Наркомпроса Туркеспублики об организации курсов по ликвидации неграмотности среди взрослого населения городов и сел (26 июля 1918 г.) и Декретом ЦИК Советов Туркеспублики о введении обязательного обучения среди взрослого населения (3 декабря 1919 г.). Причем оба документа хронологически опережали основополагающий документ центрального правительства — Декрет СНК о ликвидации безграмотности среди населения РСФСР от 26 декабря 1919 г. Положением Наркомпроса предусматривалась организация курсов «в каждом местечке и селе». Считалось, что курсы не должны ограничиваться обучением взрослых умению читать и писать. Их целью объявлялись, кроме азбучной грамотности: «б) дать общее развитие, общее образование; в) научить какому-нибудь ремеслу, именно тому, которое в данной местности могло бы иметь существенное значение в деле развития производительных сил родины; г) развить эстетическое и общественное чувство путем организации клубов, хоров, театра и т.п.». В учебный план курсов входили общеобразовательные предметы (чтение и письмо, арифметика, природоведение, бухгалтерия и т.д.), специальные занятия (сапожное, портняжное, столярное, слесарное, кузнечное ремесло и др.), а также искусствоведение, пение, рисование, изучение драматических произведений. Не обходилось и без определенной идеологизации. Слушателям вменялось в обязанность изучение политической экономии, социологии, истории революционных движений и политических партий.

Несмотря на усилия новой власти сфера образования испытывала огромный дефицит финансовых и материальных ресурсов. А. Байтурсынов в 1923 г. писал, что для открывающихся различных школ выделенных денег хватает только для зарплаты 2616 учителей и библиотекарей. Всего же для полного охвата детей обучением необходимо более 20 тыс. учителей. Он призвал народ, губисполкомы, волостные и аульные власти самим открывать школы, самим нести расходы на их содержание и предусмотреть бесплатное обучение детей из беднейших семей. В отдаленных и малонаселенных районах рекомендовал открывать интернаты и отделения школ.³ С 1923 г. стали открываться школы и для малограмотных. Основным очагом ликбеза и просвещения была красная юрта — кзыл отау, выполнявшая примерно те же функции, что

и изба-читальня. В феврале 1924 г. начало работу казахстанское отделение общества «Долой неграмотность» (ОДН), которое к 1925 г. состояло из 882 ячеек с 77 800 членами.⁴

А. Байтурсынов и его единомышленники проделали в 1920-е годы выдающуюся работу в сфере культуры и образования. «Народник-националист Байтурсынов является и первым казахским ученым-лингвистом. Он реформатор орфографии казахского языка, основоположник его грамматики и основатель теории казахской литературы», — писали о нем его современники.⁵ Байтурсыновская арабица, высоко оцененная специалистами тех лет, была примером удачного реформирования арабского письма и приспособления его к фонетической системе казахского языка. Она позволяла сочетать сохранение культурных традиций с внедрением светской культуры и рационализацией письма.

Поддержка со стороны государства и титаническая работа энтузиастов казахской культуры начинали давать позитивные результаты, удовлетворяя исторические потребности нации в идентичности. Восстановительный период, а затем и экономическое оживление середины 1920-х гг. позволили в 1925–27 гг. более чем удвоить бюджет народного образования: с 6415 тыс. до 12 987 тыс. руб. За эти годы сеть школ всех типов возросла с 2782 до 3652. Это позволило увеличить численность учащихся со 140 до 220 тысяч. Вместе с тем, ежегодно возрастало издание книг на казахском языке.

В 1924–25 гг. было издано 16, в 1925–26 гг. — 18, в 1926–27 гг. — 44 наименований учебной литературы, общим тиражом 825 тыс. экз.⁶ В целом же, ликвидация неграмотности происходила в условиях нехватки средств, дефицита учебников, пособий, школьных помещений и т.д. Обеспечение школ педагогическими кадрами также являлось нелегкой задачей. В городах и русских селах борьба с неграмотностью велась теми же методами и средствами, что и в Центральной России. Всесоюзная перепись населения 1926 г. зафиксировала итоги работы по ликвидации неграмотности: среди казахского населения — на уровне 6,9%, русского — 36%, прочих — 33,4%. Общий уровень составил 17,8%.⁷

Переход к мирной жизни оживил ликбезкампанию. В 1920 г. отдел народного образования Кирревкома разработал инструкцию о ликвидации неграмотности в крае. В том же году был издан приказ Кирревкома о мерах по ликвидации неграмотности в крае. Вскоре стали создаваться чрезвычайные комиссии по борьбе с неграмотностью. За несколько месяцев Кустанайская губграмчека открыла 347 школ, Уральская губграмчека — 328 школ начальной грамоты. В них 653 преподавателя обучали более 15 тыс. человек. В Кустанае прошел день ликбезграмотности, были мобилизованы все труппы и драмкружки. Перед началом каждого спектакля устраивался митинг на тему «Долой неграмотность». Благодаря этим и другим мероприятиям только в 1920–21 учебном году по республике научились читать и писать 72 тыс. человек.⁸

Однако в последующие годы резко упало число обученных неграмотных и малограмотных. «Причина — голод, — подчеркивается по этому поводу в одном из официальных документов, датированном 8 июля

1922 г., — ни один ликвидатор-работник... не получил ни копейки содержания, ни фунта продуктового пайка». Лишь в 1924/25 учебном году наметился подъем ликбезработы. Он был обусловлен не только преодолением голода и успехами в экономике, но и созданием в начале 1924 г. казахского отделения всесоюзного общества «Долой неграмотность». Общество организовывало «однодневки», «месячники» ликвидации неграмотности, повело широкую разъяснительную работу. Уже в следующем году членами общества «Долой неграмотность» состояло более 40 тыс. человек, при их непосредственном участии открылось около 110 пунктов ликвидации неграмотности. Большое внимание обращалось работе среди женщин.⁹

Постепенно росло число обученных. Если в 1922–23 учебном году освоили азбучную грамоту всего 4,1 тыс. человек, то в 1926–27 учебном году — 43,6 тыс. человек. Повысился и уровень грамотности населения республики: с 14,4% в 1920 г. до 22,5% в 1926 г.

Активными участниками борьбы за грамотность были молодежь и комсомольцы. По их инициативе в 1928 г. начался культурный поход, основными задачами которого объявлялись преодоление неграмотности, пьянства, утверждение культурного быта. В 1930 г. в культпоходе участвовало около 5 тыс. комсомольцев-культармейцев. Всего за годы довоенных пятилеток комсомол республики выделил из своих рядов на ликбезработы 65 тыс. человек.¹⁰

Во второй половине 1930-х годов появились первые колхозы и районы сплошной грамотности. Научились читать и писать рабочие таких индустриальных гигантов, как Турксиб, Балхашский медеплавильный комбинат, Чимкентский свинцовый завод, Карагандинский угольный бассейн. В 1937 г. практически все комсомольцы республики были грамотны.

Успешному решению проблемы азбучной грамотности способствовала огромная тяга населения к знаниям. Рядовые труженики добровольно участвовали в строительстве школ и пунктов ликбеза, обеспечении их учебниками, учебно-методической литературой, письменными принадлежностями. Ход ликбезкампании широко освещался на страницах периодической печати.

В 1939 г. грамотность населения Казахстана в возрасте до 50 лет составила 83,6%.¹¹ Полному искоренению темноты и невежества помешала Великая Отечественная война.

Ликвидация массовой безграмотности населения проходила в условиях огосударствления всей жизни общества, жесткого политико-идеологического диктата над культурой и личностью. Так, в конце 1920-х годов казахская письменность была переведена с арабской графики на латинскую, через десять лет — с латинской на современную кириллицу. В результате один и тот же человек вынужден был трижды обучаться начальной грамоте. Разумеется, не каждому такая нагрузка оказалась под силу. Нежелательность перехода к латинской графике в свое время была доказана А. Байтурсиновым. Однако тоталитарный режим не считал нужным прислушиваться к голосу специалиста. Дезорганизовал всю ликбезработу и страшный голод 1931–1933 гг.

Несмотря на все деформации и недостатки, приобщение широких слоев населения к азбучной грамоте является одним из позитивных итогов строительства новой культуры в Казахстане.

Первый съезд работников культурного фронта 1935 г. призвал каждого учителя обучить грамоте 35 человек. III пленум Казкрайкома (1935 г.) обязал Наркомпрос ликвидировать неграмотность в течение 2–3 лет. Особому учету и переучебе подлежали неграмотные и умеющие читать по-арабски.¹² Всесоюзная перепись населения 1939 г. зафиксировала грамотность казахского населения на уровне 54,5%, русского — 70,4%, прочих — 56,5%. Общая грамотность населения составила 61,4%.¹³ Официальная статистика тех лет сообщала о 76,3%, т.е. было приписано 14,9%, следовательно, грамоте было обучено не 3/4, а 2/3 населения. Тем не менее, грамотность всего населения за 12 лет межпереписного периода выросла с 17,8 до 61,4%.

2. СТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКОЙ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

Создание новой системы школьного образования осуществлялось перестройкой прежней структуры государственного управления. Советы и их отделы народного образования взяли на себя функции инспекций народных училищ, духовенство лишилось права вмешиваться в дела воспитания и образования. В соответствии с Положением ВЦИК от 16 октября 1918 г. «Об единой трудовой школе» вместо прежних начальных училищ, гимназий, реальных училищ и других учебных заведений утвердилась единая трудовая школа, состоящая из 2 ступеней: первая для детей от 8 до 13 лет, вторая для детей от 13 до 17 лет. Постановлением «О школах национальных меньшинств» от 31 октября 1918 г. Наркомпрос объявил о том, что «все национальности, населяющие Российскую Социалистическую Федеративную Советскую Республику, пользуются правом организации обучения на своем родном языке на обеих ступенях единой трудовой школы и высшей школы».

В конце 1917 — начале 1918 гг. вопросы школьного образования обсуждались на съездах Советов всех уровней. Эта работа продолжалась и в условиях Гражданской войны и иностранной интервенции. Принятые меры позволили несколько улучшить охват детей обучением. В 1920/21 уч. году в республике насчитывалось 2410 школ против 2011 в 1914/15 уч. году. В основном открывались школы первой ступени. Выросла и численность учащихся. Правда, трудностей в школьном строительстве было предостаточно. Так, в условиях нэпа, когда содержание школ было передано в местный бюджет, численность учащихся начальных классов упала со 172 тыс. в 1921/22 уч. году до 114 тыс. в 1922/23 уч. году. В 1924/25 уч. году всего лишь 12% казахских детей школьного возраста были охвачены школами первой ступени.¹⁴ Проблему не решало и создание школ-коммун, объявленных основным типовым школьным учреждением в кочевых и полукочевых местностях и призванных «путем соединения школьных занятий с общежитием дать возможность детям

казахской бедноты, живущим в разбросанных на больших пространствах аулах и селениях, получение образования и воспитания в коммунистическом направлении...».

Развитие школьного образования сдерживалось как отсутствием у большинства школ необходимой материально-технической базы, так и нехваткой учительских кадров. «Школы часто не находят в ауле подходящего помещения, говорится в одном из ответов из Акмолинской губернии, ютятся в жалких частных мазанках, иногда с дырами на крышах и без всякой мебели и отсутствием учебных пособий... Не редкий случай, что в качестве учителей приглашаются бывшие религиозные учителя и чуть грамотные граждане».

К концу 1920-х годов нерешенность проблемы школьного образования стала очевидным фактом. Она противоречила логике индустриализации народного хозяйства, свела на нет все усилия по ликвидации массовой безграмотности; молодежь, не освоившая грамоту, плохо вписывалась в индустриальные отрасли труда. Так, в 1929 г. лишь 40% детей школьного возраста посещали школы первой ступени. Причем самые низкие показатели наблюдались у казахских и узбекских детей – 21%, у таранчинцев и дунган – соответственно 34 и 33%, у русских – 60%, у татар – 65%. Необходимо было принять самые кардинальные меры.¹⁵

27 августа 1930 г. постановлением ЦИК и СНК республики объявлялось о введении всеобщего обязательного начального обучения. В районах с кочевым населением начальный всеобуч для детей 8-летнего возраста начался с весны 1931 г. Обучение переростков (от 11 до 15 лет), не прошедших курса начальной школы, осуществлялось на основе ускоренных форм обучения: двухгодичные и одногодичные школы-курсы.

При Совнарком КАССР действовал Комитет по всеобщему обязательному начальному обучению. Аналогичные комитеты создавались на местах. Комсомол принял шефство над всеобучем, организовал ремонт школьных помещений, заботился об обеспечении детей обувью, одеждой, горячими завтраками. Проводились субботники и воскресники, мобилизация культурных сил на педагогическую работу, рейды по проверке хода всеобуча. Расширилось издание учебников и методической литературы. Росли расходы на народное образование.

К концу 1930-х годов осуществление всеобщего начального обучения практически завершилось. В 1937 г. уровень охвата детей начальным обучением достиг 96%. Накануне Великой Отечественной войны в республике функционировали более 7,5 тыс. школ, в том числе 5,2 тыс. начальных, 1,7 тыс. неполных средних школ. В них обучалось свыше 1 млн детей, из них в 1–4 классах 628 тыс., в 5–7 классах – 372 тыс., в 8–10 классах – 62 тыс. учащихся. Дети школьного возраста, подлежащие всеобучу, были охвачены обучением на 98,9%.¹⁶

Вместе с тем, школьное образование содержало ряд крупных недостатков. Тоталитарный режим превратил школы в орудие воспитания послушного и идеологизированного поколения. Содержание учебников, деятельность пионерских и комсомольских организаций были направлены на утверждение в сознании и поведении учащихся догм стали-

низма, ненависти ко всему несоветскому, слепой веры в политику и идеологию партии. Из учебных планов 1930-х годов изымались книги алаш-ордынцев и «врагов народа» А. Байтурсынова, С. Асфендиярова, С. Сейфуллина, Х. Досмухамедова и др. Голод начала 1930-х годов, разруха в казахском ауле, репрессии в отношении интеллигенции обернулись трагедией для национальной школы. Лишь в 1935/36 уч. году первые 11 детей-казахов окончили среднюю школу. В следующем учебном году их число едва достигло 40 человек.¹⁷ Большинство учителей имело неполное среднее образование, что тоже отражалось на качестве обучения. Ежегодно до четверти учащихся неполных и средних школ оставлялись на осенние переэкзаменовки.

В разгар кампании под лозунгом «Кадры решают все!» вульгарно трактовалось и функциональное назначение школьного образования. Так, пленум Казахского краевого комитета ВКП(б) в своей резолюции «О школе» (январь 1937 г.) особо подчеркнул, что «...вся работа по укреплению и развитию казахской школы должна быть подчинена задаче уничтожения в ближайшие два-три года разрыва, существующего в настоящее время между потребностями техникумов и вузов в казахских контингентах и выпусками из средней казахской школы».

Проблемы и трудности школьного строительства еще более обострились в годы Великой Отечественной войны. Часть старшеклассников была призвана в ряды Красной Армии или, оставив учебу, заменила на рабочем месте отцов и братьев, ушедших на фронт. В 1943/44 уч. году число учащихся-казахов в средней школе почти в два раза сократилось по сравнению с предвоенным годом. Ухудшилось снабжение школ учебниками и учебными пособиями, тетрадями и другими школьными принадлежностями. Получила распространение безнадзорность и беспризорность детей. Война ухудшила материальные условия деятельности школ.

Советское школьное образование Казахстана развивалось отчасти на базе и предпосылках, созданных задолго до победы пролетарской революции, чего нельзя сказать в отношении высшей школы. Профессиональное образование возникло здесь по существу на пустом месте. Карликовые педагогические, сельскохозяйственные и медицинские средние учебные заведения дореволюционной поры явно не покрывали потребности края в кадрах специалистов. Поэтому предпринятые большевиками конкретные шаги по организации профессиональных учебных заведений соответствовали настроениям местного населения и усилили те факторы, которые благоприятствовали утверждению нового режима в Казахстане.

В марте 1918 г. постановлением Семиреченского областного Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов в г. Верном было открыто Семиреченское сельскохозяйственное училище с контингентом 22 человека. Через некоторое время Семиреченский областной комиссариат просвещения известил о завершении подготовки к открытию 10 ноября 1918 г. мусульманской учительской семинарии в г. Верном. В структуре училища предполагалось иметь два подготовительных и один основной классы. «Наиболее нуждающимся будут предос-

тавлены стипендии, в общем количестве до 60 учащимся», — указывалось в извещении.¹⁸

В 1919 и 1920 гг. институты народного образования открылись в Оренбурге, Урде и Семипалатинске. Здесь готовились учительские кадры со средним специальным образованием. Желающих учиться в профессиональных учебных заведениях было предостаточно. В 1919 г. группа казахской молодежи обратилась в Кирревком с просьбой определить их стипендиатами на Оренбургские трехгодичные мусульманские курсы мугалимов. Кирревком вынес положительное решение и поручил одному из своих членов — С. Мендешеву «ознакомиться с постановкой курсов мугалимов».¹⁹

По мере расширения сети профессиональных учебных заведений отчетливо обнаружилось, что местная молодежь, имея слабую общеобразовательную подготовку, не осилит программу для вузов и техникумов. Тогда для этой категории студенчества организовались рабочие факультеты. Первый рабфак Казахстана открылся в Оренбурге в 1921 г. К концу первого десятилетия Советской власти кадры специалистов в республике готовили 24 техникума, в том числе 14 педагогических и сельскохозяйственных. Из 3,5 тыс. учащихся 37,8% были казахи.²⁰

Накопленный опыт в деле организации профессиональных учебных заведений, а также рост потребностей в кадрах специалистов экономики и культуры настоятельно требовал открытия полнокровного высшего учебного заведения. 10 июня 1928 г. Совнарком принял решение об организации Казахского государственного университета с тремя факультетами — педагогическим, сельскохозяйственным и медицинским. Открытие университета с одним педагогическим факультетом состоялось в октябре 1928 г. На трех отделениях факультета обучалось 124 студента, работало 9 преподавателей. Набрать педагогов и студентов для двух других факультетов не удалось. Поэтому с 1930/31 уч. года университет пришлось реорганизовать в Казахский педагогический институт, впоследствии получивший имя Абая (ныне Казахский национальный педагогический университет им. Абая). Вскоре состоялись открытия: Алма-Атинского зооветеринарного (сентябрь 1929 г.), Казахского сельскохозяйственного (июль 1930 г.), медицинского (апрель 1931 г.), Уральского педагогического (октябрь 1932 г.) институтов. 19 января 1934 г. начались регулярные занятия на физико-математическом и биологическом факультетах Казахского государственного университета (ныне Казахский национальный университет им. Аль-Фараби). Обучалось 54 студента, лекции читали 5 профессоров и 10 доцентов.

Накануне войны в республике было уже 20 высших и 118 средних специальных учебных заведений, в которых обучалось более 40 тыс. студентов. На 12 рабфаках готовились к поступлению в вузы 2,8 тыс. человек. Если первый выпуск КазПИ, состоявшийся в конце 1931 г., дал 53 педагога, то до конца второй пятилетки из стен этого вуза вышли более 500 квалифицированных специалистов. Профессиональные учебные заведения стали готовить специалистов для промышленности и строи-

тельства, транспорта и связи, сельского хозяйства, здравоохранения, просвещения и искусства. Только за 5 лет (1936—1940 гг.) вузами и техникумами было выпущено свыше 24 тыс. специалистов.²¹

Однако этого оказалось недостаточно. Дефицит квалифицированных кадров ощущался везде: и в отраслях материального производства, и в социально-культурной сфере. Поэтому ежегодно направлялись в Казахстан молодые специалисты из Москвы, Ленинграда, а также Украины, Узбекистана и других республик. Самой острой и нерешенной проблемой высшей школы оставался медленный рост численности казахов в составе профессорско-преподавательских кадров и студенчества. Много работников вузов и техникумов пали жертвами культа личности Сталина.

Война изменила привычную жизнь высшей школы. В Казахстан эвакуировался ряд вузов России и Украины. Структура Казахского горно-металлургического и сельскохозяйственного институтов, Казахского государственного университета расширилась за счет открытия новых отделений, факультетов, кафедр и лабораторий. Учебно-воспитательный процесс приводился в соответствие с требованиями военного времени. Пребывание в Казахстане большой группы выдающихся ученых благоприятствовало укреплению научного потенциала республики: под их руководством были защищены кандидатские и докторские диссертации. В годы войны открылись Алма-Атинский институт иностранных языков (ныне Казахский государственный университет международных отношений и мировых языков), Чимкентский технологический институт строительных материалов, Казахская государственная консерватория им. Курмангазы, Казахский государственный женский педагогический институт, Казахский государственный институт физической культуры. К концу войны ограничился призыв в армию некоторых категорий квалифицированных специалистов и студентов ряда вузов, особенно технических и сельскохозяйственных, были восстановлены временно закрытые вузы — в основном учительские институты. В 1945 г. в высших и средних специальных учебных заведениях республики обучалось 45 тыс. человек.²²

Таким образом, за четверть века Советской власти в Казахстане сложилась качественно новая система народного образования. Как по количеству, так и по охвату населения учебные заведения республики во много раз опередили показатели дореволюционного времени. К достижениям народного образования следует также отнести создание сети дошкольных и внешкольных учреждений, профтехшкол, школ ФЗУ, фабрично-заводских семилеток. Решив проблему распространения знаний, большевики, однако, деформировали содержательную сторону процесса. Во главу угла воспитания и обучения они ставили партийно-классовый принцип. Отход от общечеловеческих ценностей лишил систему образования восприимчивости и гибкости, не нашли применения в учебных заведениях достижения мировой педагогической мысли и практики. Оказались забытыми и каноны народной педагогики.

3. ДИНАМИКА КУЛЬТУРНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

Коренная ломка веками сложившихся общественных отношений, базирующихся на частной собственности на основные средства производства, утверждение качественно новой социально-политической и идеологической ситуации и другие преобразования в стране объективно потребовали адекватных мер по изменению сознания и духовного мира масс. Ликвидация безграмотности и организация школьного образования, несмотря на охват громадного количества населения, не всегда оказались достаточными для решения этой задачи, ибо по назначению и продолжительности они были ограничены определенными рамками. Более того, ни одна сила не в состоянии за несколько месяцев перевернуть представление взрослого человека, тем более неграмотного, научить подростка мыслить категориями исторического материализма, разобраться в тонкостях политики партии и правительства. Это хорошо понимали большевики. «Политически победить можно в несколько недель, — писал В.И. Ленин, — на войне можно победить в несколько месяцев, а культурно победить в такой срок нельзя, по самому существу дела тут нужен срок более длинный, и надо к этому более длинному сроку приспособиться, рассчитывая свою работу, проявляя наибольшее упорство, настойчивость и систематичность». Поэтому решающим фактором культурной переделки масс, формирования ее социалистического сознания признавалась внешкольная система образования — клубы, библиотеки, музеи, избы-читальни и другие культурно-просветительные учреждения. «Внешкольное образование важно для переустройства всей жизни», — заявил Ленин в первые годы Советской власти.

В дореволюционном Казахстане сеть культурно-просветительных учреждений была весьма слаба. В 1914 г. во всем крае насчитывалось всего 139 библиотек с книжным фондом 98 тыс. экземпляров, 2 театра драмы и комедии, 3 музея, несколько киноустановок.²³ Свои духовные потребности коренное население удовлетворяло неформализованными и непосредственными общениями с акынами, серэ-салами, кюйши и другими представителями степного художественного искусства.

Новая власть первым делом приняла меры по обобществлению культурно-просветительных учреждений. В начале 1918 г. Семиреченский областной исполком, заслушав доклад по библиотечному делу, постановил все общественные библиотеки национализировать и объявить «их народным достоянием на просветительные нужды». В апреле 1918 г. Кустанайский уездный Совет объявил национализированным «кинематограф со всем хозяйственным аппаратом».²⁴

До образования КазАССР культурно-массовыми мероприятиями занимались Совдепы и их структурные подразделения. Позже этот участок работы взял на себя Наркомпрос: как Совдепы, так и Наркомпрос республики последовательно реализовали партийные установки.

В Казахстане, где внешкольное образование практически отсутствовало, заявление большевиков и их властных структур о готовности содействовать приобщению населению ко всем богатствам культуры нашло мощную поддержку. Местные интеллигентные силы и про-

стые люди с неподдельным энтузиазмом взялись за создание культурно-просветительных учреждений. Так, 27 декабря 1917 г. в пос. Мартук Актюбинского уезда усилиями интеллигенции и крестьян начал работу культурно-просветительный кружок. На 1 января 1918 г. членов кружка насчитывалось 30 человек. Они объединились в две секции: 1) просветительная секция и 2) секция разумных развлечений. Кружок открыл библиотеку, давал спектакли. В 1920 г. съезд работников просвещения Кустанайского уезда нашел «возможным открывать избы-читальни при каждой школе».²⁵

Культопросветучреждения при школах открывались по двум причинам. Во-первых, сказывалась нехватка специалистов. Из-за отсутствия специально подготовленных кадров к работе в этих учреждениях привлекалось учительство. Во-вторых, наличие пришкольных библиотек и изб-читален облегчило задачу книжного обслуживания учащихся — наиболее активной категории читателей.

Расширение системы внешкольного образования четко отражало экономическое положение края. Так, в начале 1920-х годов, когда хозяйственная разруха и финансовый кризис сопровождались еще и голодом, прекратили свое существование многие очаги культурно-политического просвещения масс. Ибо до минимума сократилось финансирование учреждений культуры. В некоторых губерниях даже ставился вопрос о полном прекращении культурно-политической работы в условиях голода. «Одна за другой отрасли политпросветработы снимались с государственного снабжения, — говорится в отчете Главполитпросвета КАССР за 1921—1922 годы, — оставшиеся отрасли работы фактически средств не получали или получили в чрезвычайно ничтожном размере». С 1921 по 1923 год число культопросветучреждений сократилось в 2 раза.

Новый подъем в организации системы культурно-политического просвещения начался в 1924 г. Он был обусловлен, главным образом, экономическими успехами. В 1928 г. в республике было 236 библиотек с книжным фондом 488,3 тыс. экз., 810 клубных учреждений, 92 киноустановки, 6 музеев.²⁶

Справедливости ради следует подчеркнуть, что учреждения внешкольного образования открывались не хаотично, а с учетом хозяйственного уклада и этнодемографической ситуации в крае. В многонациональных населенных пунктах создавались избы-читальни, библиотеки или клубы для казахов, русских или отдельных национальных меньшинств. В кочевых и полукочевых регионах основное внимание уделялось организации передвижных учреждений культуры. Так, в 1925 г. в Кустанайском уезде работали 31 русских и 19 казахских изб-читален, 5 русских и столько же казахских школ-передвижек; губернская центральная и 4 уездные библиотеки имели отделения казахской литературы. В 1926 г. при коллегии Наркомпроса КАССР был организован Совет национальных меньшинств. Задача Совета состояла в осуществлении руководства делом просвещения среди национальностей нерусского и неказахского языков и проводить свои решения и мероприятия среди национальных меньшинств через отделы Наркомпроса, приспособляя эти ме-

роприятия к языковым и бытовым особенностям нацменьшинств. На одном из заседаний в 1926 г. Совет рассмотрел вопрос о работе по просвещению среди них. Указывались недостатки в проведении политико-просветительной работы, особо подчеркивалась ограниченность сети школьных и политпросветительных учреждений для узбеков, таранчинцев и дунган. В 1927 г. совещание представителей нацменьшинств—делегатов V Акмолинского губернского съезда Советов приняло решение открыть избу-читальню или красный уголок в каждом крупном населенном пункте нацмен, создать нацменклуб в г. Петропавловске.²⁷

Для проведения культурно-массовых и идеологических работ среди неоседлого населения, в частности казахов, использовались красные юрты, передвижные библиотеки, киноустановки, «красные караваны» и повозки. Они перекочевывали от аула к аулу, культурно-политические мероприятия сочетали с медицинским обслуживанием населения, проверками выполнения того или иного решения центральных и республиканских властей.

Намного успешнее шла организация очагов культурно-политического просвещения по социально-классовым признакам: создавались клубы рабочих и крестьян, дома крестьян, дехкан и скотоводов, учреждения культуры для красноармейцев, женские клубы. Впервые дом крестьянина и скотовода появился в 1922 г. В задачу этого дома входило культурно-политическое обслуживание оказавшегося в городе сельского человека. Так, в структуру дома крестьянина и скотовода г. Семипалатинска входили кинотеатр, музей, библиотека, клуб. Здесь читались лекции, проводились беседы, собрания. Обычно лекции были по вопросам политической грамотности или сельского хозяйства. Книжный фонд библиотеки составлял 10 тыс. томов сельскохозяйственной литературы. Музей привлекал коллекциями зерновых культур губернии, образцами почв и удобрений, вредителей сельского хозяйства, минералов, демонстрировал сельскохозяйственные машины и орудия. Только за 8 месяцев 1924 г. в Семипалатинском доме крестьянина и скотовода побывали более 14 тыс. приезжих.

8 марта 1925 г. в г. Джаркенте состоялось торжественное открытие женского клуба им. К. Цеткин. При клубе имелись отдел справок, детская консультация, мастерская кройки и шитья, библиотека, работали три школы ликбеза и ячейка общества «Долой неграмотность». Летом того же года Крайком РКП(б) направил всем губкомам партии циркуляр об организации женских «красных юрт». «Задачей женских красных юрт, — указывалось в положении о волостной женской красной юрте, — является прежде всего политико-просветительная работа среди женщин и организация их вокруг красных юрт, а также освещение политики партии, Советской власти, содействие ее проведению и привлечение женщин-казашек к социалистическому строительству».²⁸

Статус культурно-просветительных учреждений был разнообразен. Преобладали уездные, городские очаги культуры. Постепенно расширялась сеть губернских учреждений внешкольного образования. В 1920–1930-е годы открылись культурно-просветительные центры общенационального масштаба. В 1929 г. из Кзыл-Орды в Алма-Ату переехал Цент-

ральный краевой музей Казахской АССР. В 1931 г. решением партийных и государственных органов учреждается Государственная публичная библиотека Казахстана. Еще в 1938 году книжный фонд библиотеки составил около 1 млн экз. Пополнились и экспонаты Центрального музея. Только в 1936 году постановлением Всесоюзного комитета по делам искусств при СНК СССР были выделены в дар для Центрального музея Казахской ССР 627 картин и вещей из Государственной Третьяковской галереи и государственных музеев СССР.²⁹

Деятельность системы культурно-политического просвещения всегда носила идеологизированный характер. Правда, до середины 1920-х годов в ней содержались элементы творческой свободы и открытости. К примеру, когда в 1921 г. во многих регионах республики разразился голод, очаги культуры в меру своих сил и возможностей включились в борьбу за спасение голодающих. В частности, усилиями Главполитпросвета организовывались «голодные» выставки. Выставки были составлены из фотографий Кирроста, сделанных по линии Ташкентской железной дороги. Художественные плакаты иллюстрировали в цифрах размеры голода. Выставлялись образцы суррогатов, которые употреблялись населением. Одна выставка была отправлена в Москву на IX Всероссийский съезд Советов (декабрь 1921 г.), где была отмечена как наиболее полная и удачная, после съезда направлена в Германию.

Вторая демонстрировалась в Оренбурге и Семипалатинске. По ходатайству представителя АРА, посетившего Оренбургскую выставку, некоторые экспонаты были отправлены в Америку. Третью выставку развернули в Ташкенте. Кроме того, Главполитпросвет организовал неделю помощи голодающим, двухнедельник проверки помощи голодающим, выпустил листовки о голоде, выступил с радиовоззванием к населению, на места были даны распоряжения об организации борьбы с голодом.³⁰

Совершенно иную позицию заняли внешкольные учреждения в годы силовой коллективизации и вызванного ею голода, не говоря уже о «большом терроре» 1937 г. Теперь все клубы и библиотеки были заняты восхвалением преимуществ колхозного строя, активно разоблачали вредителей социалистического созидания, призывали к верности «великому учению». Нет ни одного слова о народной беде. Так, 4 апреля 1934 г. газета «Казахстанская правда» опубликовала обращение первого краевого совещания заведующих областными библиотеками и инспекторов облоно по политпросветработе ко всем работниками культуры. Авторы обращения первым делом призывали своих коллег «особо выделить работу по активному продвижению в широкие слои рабочих и колхозников произведений Маркса, Ленина, Сталина, помогая читателям усвоить задачи, выдвинутые XVII партсъездом». Для более широкой пропаганды решений XVII съезда рекомендовали организовать в каждую пятидневку «громкие читки газет: «Правда» (Московская), «Казахстанская правда» и «Социалистік Қазақстан» в читальнях, колхозах, красных уголках и общежитиях».

Не только содержание, но и формы и методы культурно-политического просвещения претерпели изменения. В 1920-е годы, когда сеть оча-

гов культуры только создавалась, а основная масса казахского населения вела кочевой и полукочевой образ жизни, передвижные учреждения внешкольного образования направлялись в первую очередь в те места, где ожидалось скопление большого количества людей по поводу проведения ярмарки, какого-то праздника, знаменательного события. В 1930-е годы в связи с переходом казахских шаруа к оседлости выросли роль и значение стационарных очагов культуры, привыкших к тому же работать по партийному сценарию.

Словом, тоталитарный режим добился того, что клубы, библиотеки, музеи и другие культурно-просветительные учреждения превратились в мощный инструмент идейно-политической обработки масс. Накануне Великой Отечественной войны эта система внешкольного образования была довольно разветвлена: по всей республике насчитывалось почти 4 тыс. массовых библиотек, более 5 тыс. клубных учреждений, 1,3 тыс. стационарных и передвижных киноустановок. Государство выделяло немалые средства на их содержание. Только за первые пять лет бюджет Государственной публичной библиотеки КазАССР вырос почти в 2 раза. В 1938 г. на содержание политпросветсети республики было отпущено 17,1 млн руб.³¹ Кроме того, на эти цели использовались материальные и финансовые средства колхозов и промышленных предприятий.

Соответственно вырос и охват населения внешкольным образованием. Так, в 1920 г. читателями Семиреченской областной публичной библиотеки состояли 570 человек. Через 20 лет число читателей Государственной публичной библиотеки Казахской ССР достигло 143 тыс. человек. Лишь в одной Актюбинской области в течение 1938 г. организовали 390 книжных выставок, избы-читальни — 1362 книжные выставки. Политпросветучреждения области провели 4317 докладов и лекций, 26,6 тыс. бесед, 4,8 тыс. громких чтоток. Работало 940 кружков, из них 810 политических, 66 оборонных, 43 антирелигиозных, постоянными участниками кружков состояло свыше 7000 человек.³²

Клубы, библиотеки, избы-читальни были не единственными в системе культурно-политического просвещения масс. Большевики огромное значение придавали прессе. Еще в дореволюционное время они не скрывали, что закроют враждебные газеты и журналы им, как только получат власть в руки. Так оно и вышло. 27 октября 1917 г. СНК принял Декрет о печати, в котором говорилось, что буржуазная пресса не менее опасна, чем бомбы и пулеметы. Декрет о печати открыл целую главу в истории борьбы против неугодных новому строю изданий.

Совет Народных Комиссаров Туркестанского края 12 декабря 1917 г. закрыл газету «Туркестанский вестник» и конфисковал типографию «за нарушение Декрета о печати рабочего и крестьянского правительства, выразившееся в призыве к открытому сопротивлению и ниспровержению рабочего и крестьянского правительства... из-за сеяния смуты путем явно клеветнического извращения фактов...». Аналогичные меры были приняты в отношении газеты «Казах» (Оренбург), «Сары-Арка» (Семипалатинск), «Свободная степь» (Павлодар), «Друг народа» (Усть-Каменогорск) и др. Конфискация типографий и запасов бумаг, принадлежавших организациям эсеров, меньшевиков и «Алаш», производилась в го-

родах Верном, Акмолинске, Кустанае, Петропавловске, Семипалатинске, Павлодаре.³³ Многообразие произведений печати заменилось однообразием большевистской прессы. Вновь организованные газеты и журналы издавались, главным образом, от имени Советов, комитетов большевистской партии и комсомольских организаций. С 1921 г. стали выходить «Степная правда» (ныне «Казахстанская правда»), «Еңбекшіл казак» (ныне «Егемен Қазақстан»), «Кызыл Казахстан» (ныне «Ақиқат»), «Известия» обкома партии (ныне «Мысль»). Идеино-политическая направленность публикаций находилась под контролем высших партийных инстанций. Так, в 1925 г. ЦК РКП(б) и лично Сталин подвергли резкой критике газету «Ақ жол» — орган Сыр-Дарьинского губкома партии, поместившую на своих страницах статьи активистов партии «Алаш» и разоблачившую грубые деформации в кадровой работе РКП(б). В 1927 г. секретариат Казкрайкома указал на недостаточную политическую выдержанность журнала «Жана мектеп», выразившуюся «в помещении... статей националов в общередакционном порядке, без примечаний и комментариев редакции».³⁴

Руководство прессы, замеченное в отходе от генеральной линии, немедленно обновлялось преданными системе большевиками. В 1940 г. в Казахстане издавалось 38 журналов, из них 9 на казахском языке, и 336 газет, из них 126 на казахском языке. Иначе говоря, за 12 лет число названий периодической печати увеличилось почти в 10 раз.³⁵

Материально-техническая база и кадровый потенциал системы культурно-политического просвещения масс сильно ослабли в годы войны. За 4 года сеть культурно-просветительных учреждений республики сократилась на 1621 единицу. Здания многих библиотек и клубов использовались на военные и народнохозяйственные нужды. Прекратилось издание ряда газет и журналов. В 1946 г. по республике выходили 24 журнала и 267 газет.³⁶

С началом войны учреждения внешкольного образования перестроили свою работу. На первый план вышла военно-патриотическая и оборонно-массовая проблематика. При клубах и библиотеках создавались кружки «Готов к санитарной обороне», «Противовоздушная и противохимическая оборона» (ПВХО). Уже в первом году кружками при политпросветучреждениях Южно-Казахстанской области было подготовлено 2721 человек значкистов ПВХО.³⁷ Пресса широко освещала не только ратные и трудовые подвиги казахстанцев, но и историю борьбы советских народов с иноземными захватчиками, жизнь и судьбу выдающихся полководцев, руководителей национально-освободительных движений. В целом, война заставила систему культурно-политического просвещения заниматься тем, что нужно в экстремальной ситуации, а это, в свою очередь, несколько разнообразило работу по формированию сознания и поведения людей на доведенных до абсурда принципах.

В дореволюционном Казахстане наука не была объектом и заботой государственной политики. Она развивалась благодаря деятельности небольшой группы энтузиастов, объединенных в полуофициальные, чаще всего в общественные кружки, отделы, комитеты или общества по инте-

ресам. Теоретические и эмпирические результаты их поисков не играли существенной роли в укреплении экономического и духовного потенциала края, оставались малознакомыми для широких слоев населения.

В первые годы Советской власти государственное регулирование научно-исследовательских работ и консолидация ученых кадров осуществлялись Кирревкомом и Наркомпросом Каз АССР. Так, в 1919 г. группа краеведов, имевших опыт работы в Оренбургском отделе РГО, организовала при историко-статистическом отделе штаба Казахского военного комиссариата историческую, этнографическую и естественно-географическую секции. Как позже констатировал известный историк 1920-х годов А.П. Чулошников, в задачи историко-статистического отдела входило не только изучение края в военном отношении, но и всестороннее исследование его с тем, чтобы добытые научным путем данные популяризировались в виде лекций, статей и т.п. С образованием Наркомпроса вопросами науки занималась его ученая комиссия. Расширилось и поле деятельности Оренбургского отдела РГО. К прежним секциям прибавилась еще одна — археологическая. За короткий срок историческая секция привела в порядок архивные материалы, хранящиеся в музее бывшей архивной комиссии Оренбургского отдела РГО. Археологическая секция открыла около 150 курганов, некоторые из них были раскопаны. Этнографическая секция занималась сбором образцов казахского орнамента, записала ряд казахских сказок. Экспедиция естественно-географической секции обследовала р. Бердянка.³⁸

Накопленный опыт и увеличившиеся масштабы научных поисков привели в 1920 г. к созданию на базе имеющихся 4 секций общества изучения Казахстана. В том же году начали свою работу научно-педагогическое и физико-медицинское общества. Осенью 1921 г. научный отдел Наркомпроса был преобразован в Академический центр Наркомпроса. Наиболее важными в структуре Академического центра были Государственный ученый совет (ГУС) и Государственный общественный художественный совет (ГОХС). Наука и ее проблемы находились в ведении ГУС, вопросы художественной культуры — в ведении ГОХС. Академический центр ведал «общим теоретическим и программным руководством научной, учебной, просветительной и художественной деятельностью».³⁹

Заметным явлением в научной жизни края стало создание Центрального краевого архива в 1921 г. В 1920-е годы первые научные учреждения появились в системе Наркомздрава и Наркомзема. Так, в 1922 г. открывается химико-бактериологическая лаборатория при Наркомздраве КАССР, в 1925 г. — научно-исследовательский санитарно-бактериологический институт. В 1924—1926 гг. организуются краевая станция защиты растений, ветеринарно-бактериологический институт, институт удобрений и агропочвоведения при Наркомземе КАССР. С инициативой открыть научно-исследовательские институты овцеводства и мясного скотоводства выступили в 1930 г. Наркомзем СССР и Академия сельскохозяйственных наук (ВАСХНИЛ) им. В.И. Ленина.⁴⁰

Характерной чертой развития казахстанской науки в 1920-е годы следует считать превалирование краеведческой направленности и гумани-

тарных исследований. Ибо из всех научных подразделений наиболее активно и плодотворно работало общество изучения Казахстана. С одной стороны, вышли в свет фундаментальные труды по истории, литературе, языку, искусству, чего нельзя сказать об исследованиях по техническим и естественным наукам — с другой. Только за 1920—1924 годы общество изучения Казахстана издало семь выпусков трудов, количество членов общества выросло с 38 до 80 человек. Благодаря его деятельности были опубликованы научные труды М. Дулатова, А.Ф. Рязанова, М. Тынышпаева, А.П. Чулошникова, не потерявшие актуальности и значимости по сей день. Международное признание получила книга А.В. Затаевича «1000 песен казахского народа», изданная в 1925 г. при активном содействии общества изучения Казахстана.⁴¹ Здесь автор теоретически обобщил особенности и своеобразие музыкального творчества А. Кунанбаева, И. Сандыбаева, Биржан-сала, Ахан-серэ, М. Байжанова, М. Шамсутдиновой и многих других казахских композиторов.

Крупный вклад в становление литературоведения и языкознания внес А. Байтурсынов. В его книгах «Жана әліпбі», «Тіл жұмсар», «Әдебиет танытқыш», изданных в 1926 и 1928 годах, разработаны актуальнейшие проблемы фонетики, морфологии и грамматики казахского языка, теории и истории казахской литературы. Литературоведческая концепция А. Байтурсынова получила дальнейшее развитие в монографии молодого ученого М. Ауэзова «Әдебиет тарихы» (1927 г.).

В 1920-е годы Ж. Аймаутов опубликовал ряд оригинальных работ по педагогике и психологии, Т. Рыскулов, С. Асфендияров, С. Садвакасов — по истории Казахстана и Средней Азии. Ученые-экономисты Т. Шонанов, М.Г. Сириус и другие опубликовали статьи и монографии о преобразованиях в аграрной экономике республики и их последствиях.

Неоценимую помощь и поддержку молодой казахстанской науке оказывали ученые России. С середины 1920-х годов в республике работали многочисленные стационарные и сезонные экспедиционные отряды, организованные комиссией по изучению естественных производительных сил Российской академии наук и особым комитетом по исследованию союзных и автономных республик при АН СССР. Экспедиционные отряды, работавшие под руководством академиков А.Е. Ферсмана, А.Н. Самойловича, профессоров А.А. Григорьева, С.И. Руденко и других, добились серьезных результатов в изучении недр, фауны и флоры Казахстана, в исследовании антропологии и этнографии казахского населения. Так, в 1926—1927 годах в работе Казахстанской и Алтайской экспедиций особого комитета по исследованию союзных и автономных республик участвовал тогда еще студент Ленинградского Восточного института А.Х. Маргулан, впоследствии академик АН КазССР. Результатом участия А.Х. Маргулана в работе антропологического отряда экспедиции явилась публикация им первых науч-

С. Асфендияров.

ных статей, охарактеризовавших такие этнические группы казахского народа, как найманы и адаевцы.⁴²

В 1926 г. научная экспедиция АН СССР под руководством профессора С.С. Неустроева провела почвенно-ботаническое обследование на западе Казахстана. Экспедиция состояла из трех отрядов. Усть-Уртский отряд, пройдя свыше 1,5 тыс. км, сделал более 1000 записей растений, экономически обследовал 21 группу кочевого и оседлого населения. Эмбенский отряд взял для химических анализов 12 образцов различных кормовых растений, выяснил границы ботанико-географических и почвенных районов.⁴³

Вопросы экспедиционно-исследовательской работы в Казахстане и подготовки национальных научных сил не раз рассматривались в АН СССР. Так, в 1930 г. общее собрание АН СССР одобрило принципы построения экспедиционной работы. В документе, принятом по этому поводу, отмечалось, что «основным достижением экспедиционной работы АН является, особенно в последние годы, постановка и разрешение актуальных задач народного хозяйства. Как одно из достижений в этой области должно быть отмечено установление непосредственно связи с научно-исследовательскими организациями на местах. Академия наук в процессе своей экспедиционной работы, вовлекая в такую местные силы, подготавливает кадры местных научно-исследовательских работников и содействует организации научно-исследовательских учреждений в национальных республиках и областях».

Расширение сети научных учреждений и объема исследовательских работ позволило организовать в 1932 г. казахстанскую базу АН СССР. Уже первом году существования развернули свою работу ботанический, зоологический, географический секторы, комиссия экспедиционных исследований, историко-археографическая комиссия, комиссия по словарю и другие структурные подразделения базы. Президиум АН СССР дал поручение соответствующим подразделениям срочно рассмотреть материалы кандидатов в аспиранты, обеспечив «прием тех из них, которые окажутся достойными по своей научной подготовке». Председателем президиума Казахстанской базы АН СССР стал академик А.Н. Самойлович.

В 1938 г. Казахстанская база была преобразована в Казахский филиал АН СССР. С созданием казахстанской базы, затем филиала АН СССР улучшилась организация и координация научно-исследовательских работ. Серьезных успехов добились такие отрасли наук, как исторические, лингвистические, геологические, химические и др. Профессор С.Д. Асфендияров опубликовал монографические исследования по истории национально-освободительных движений, первый том обобщающего труда «История Казахстана (с древнейших времен)», сборник «Прошлое Казахстана в источниках и материалах» в 2-х томах (совместно с проф. П.А. Кунте). Плодотворно работал профессор К. Жубанов. В его публикациях («Қазақ тілі грамматикасы», «Заметки о вспомогательных глаголах», «Төңкеріс және қазақтың ұлт тілі» и др.) были разработаны сложнейшие проблемы фонетики, морфологии, этимологии, ономастики, грамматики, синтаксиса, литературного языка, истории казахского языка. В

1930-е годы стремительный взлет к научным вершинам совершил К.И. Сатпаев. При его активном участии началось выявление и освоение богатств недр Джезказганского района. За выдающиеся достижения ему без защиты диссертации была присвоена ученая степень доктора геолого-минералогических наук. Выдающийся геолог К.И. Сатпаев был ученым уникального диапазона. Еще в довоенные годы он открыл очаги древней металлургии в Центральном Казахстане, исследовал средневековые памятники истории и культуры. В 1927 г. с предисловием молодого инженера К.И. Сатпаева была издана в Москве героическая поэма XIV века «Ер Едіге».⁴⁴

К.И. Сатпаев.

В 1930-е годы началась научная биография У.М. Ахметсафина, Д.В. Сокольского — позже Героев Социалистического труда, академиков АН КазССР Н.О. Базановой, А.Б. Бектурова, А.П. Полосухина, Н.Т. Сауранбаева, определивших важнейшие направления развития химических, гидрогеологических, медицинских, лингвистических, физиологических наук в республике.

В 1940 г. в Казахстане насчитывалось 57 научных учреждений (включая вузы), в том числе 17 научно-исследовательских институтов, их филиалов и отделений, где работали 1727 научных работников, из них 10 докторов и 50 кандидатов наук.⁴⁵

Развитие науки в республике столкнулось и с серьезными трудностями. Медленно укреплялась материально-техническая база научных учреждений. Отсутствие необходимых материалов и оборудования затрудняло обработку накопленных научных данных. Не всегда научные кадры использовались рационально. Одни и те же ученые привлекались к выполнению различных тем, в результате планы работ не выполнялись или переносились из года в год. В 1930-е годы от сталинских репрессий погибли Ж. Аймаутов, С.Д. Асфендияров, А. Байтурсынов, Х. Досмухамедов, К. Жубанов, А.Н. Самойлович и другие.

Ж. Аймаутов.

Научный потенциал Казахстана сильно вырос в годы Великой Отечественной войны. Ибо, во-первых, в нашу республику были эвакуированы из западных районов страны около 40 высших и средних специальных учебных заведений, 20 крупных научно-исследовательских институтов. В Алма-Ате, Боровом и других населенных пунктах работали всемирно известные ученые В.И. Бернадский, С.Г. Струмилин, И.П. Бардин, И.И. Мещанинов, Л.И. Мендельштам, Б.Д. Греков и многие другие. Во-вторых, расширилась сеть научно-исследовательских учреждений Казахстана, заметно окрепли численность и состав научной интеллигенции. Большая группа сотрудников научных учреждений и преподавателей вузов республики (130 человек) под руководством ведущих ученых Москвы, Киева, Ленинграда защитила кандидатские и докторские диссертации. Так, если в 1932 г. штат Казахстанской базы АН СССР

составил всего 32 научных и научно-технических работника, то к концу войны в системе Казахского филиала АН СССР трудились 864 научных и научно-технических работника. В нелегких условиях военного времени были открыты в его структуре институты астрономии и физики, почвоведения и ботаники, химико-металлургический институт, институт зоологии и др.⁴⁶

Война заставила максимально увязать научно-исследовательскую работу с нуждами и потребностями обороны страны. 5 октября 1941 г. Президиум КазФАН ССР, рассмотрев тематический план научно-исследовательских работ на 1942 год, заключил, что необходимо дополнительное снаряжение экспедиций по изысканию оборонных металлов, местного минерального сырья и топлива, разрешение вопросов развития химической промышленности, выполнение тем по увеличению поголовья сельскохозяйственных животных и т.д. и т.п.

16 октября 1941 г. с целью всестороннего изучения производительных сил республики для развития и использования их в интересах обороны страны был организован научно-технический совет при Госплане КазССР, в составе которого действовали постоянные комиссии по отраслям промышленности и сельского хозяйства. Во главе комиссии стояли крупные ученые. Совет возглавляли К.И. Сатпаев и председатель Госплана республики. В течение 1942 года Совет принял как законченные 104 темы, из них по 19 были вынесены решения ЦК КП(б) Казахстана и СНК КазССР.

По инициативе научно-технического совета группа ученых детально обосновала организацию производства моторного топлива на базе местного сырья с целью экономии нефтепродуктов. В ряде научно-исследовательских институтов развернулась работа по замене фабричных химикатов по борьбе с сельхозвредителями препаратами из отходов промышленности и продуктами минерального и растительного происхождения.⁴⁷ Большая научно-исследовательская работа велась в ведущих высших учебных заведениях. Исследовательскую работу в области сельского хозяйства осуществлял Казахский филиал Всесоюзной Академии сельскохозяйственных наук им. В.И. Ленина, организованный в 1940 г. Развитию казахстанской науки в условиях военного времени способствовала деятельность комиссии АН СССР по мобилизации ресурсов Урала, Западной Сибири и Казахстана во главе с академиком В.Л. Комаровым. В 1942 году, находясь в Алма-Ате, члены комиссии разработали обширный план работ с указанием методов и форм реализации, их объема, сроков исполнения.⁴⁸

В настоящий центр науки превратился Казахский филиал АН СССР. Его исследования охватывали основные научные отрасли – геологию, химию и металлургию, горное дело, энергетику, почвоведение и ботанику, зоологию, астрономию и физику, историю, литературу, языковедение, географию, экономику. В 1945 г. научные учреждения КазФАН работали над изучением 285 тем против 150 в 1944 г. Если в 1941 г. филиал организовал 32 экспедиционных отряда, в 1944 г. – 102, то в 1945 г. их количество достигло 104. Всего за годы войны было организовано более 350 экспедиционных отрядов. Они внесли огромный вклад в выяв-

ление природных ресурсов республики. За четыре года войны Казфилиал АН СССР направил в союзное и республиканское правительства, в различные наркоматы свыше 160 конкретных предложений. В 1943 г. коллектив научных сотрудников Института истории АН СССР и Института языка, литературы и истории КазФАН закончил работу над «Историей Казахской ССР с древнейших времен до наших дней». В том же году К.И. Сатпаев стал председателем президиума Казфилиала АН СССР.

Увеличился не только объем научно-исследовательских работ, претерпели изменения и состав научных сотрудников, сеть институтов и других подразделений, финансирование Казфилиала. В 1945 г. его структура включала 16 научно-исследовательских институтов и 7 секторов, где работали более тысячи сотрудников, в том числе 5 академиков и членов-корреспондентов АН СССР, 60 докторов наук и профессоров, свыше 140 кандидатов наук и доцентов.⁴⁹ Обогатили науку Казахстана фундаментальные труды Н. Сауранбаева по языкознанию, А. Жубанова по искусствоведению, А. Бектурова по химии фосфорных удобрений, О. Оспанова по почвоведению, А. Машанова по геологии, Н. Кенесарина по подземным водам.

Рост научного потенциала республики выдвинул в повестку дня вопрос о преобразовании КазФАН СССР в Академию наук Казахской ССР. К середине 40-х годов XX в. наука превратилась в мощный фактор социального прогресса Казахстана, стала сферой деятельности большого количества специалистов, отчетливо выделились ее академические, отраслевые и вузовские организационно-поисковые направления.

Художественная культура дооктябрьского Казахстана развивалась неравномерно, испытывая негативные воздействия ислама и колониальной политики царизма. Ибо магометанская религия строго запрещала изображать человека посредством живописи, графики, в скульптуре. Колониальная администрация в крае не предпринимала каких-либо мер по организации и развитию художественного образования; практически все виды и жанры профессионального искусства оставались за пределами государственной поддержки и внимания. В этих условиях наиболее развитыми в системе художественной культуры были литература и музыка.

В отличие от старого режима большевики верно оценили значение художественной культуры для осуществления социалистического преобразования жизни народа. Идеиное и государственное руководство литературой и искусством рассматривалось ими в качестве центральных задач культурного строительства. В 1920 г., обсуждая структурную реформу в Наркомпросе, Ленин писал: «Художественный сектор оставить как единый сектор, поставив «политкомов» из коммунистов во все центральные и руководящие учреждения этого сектора».⁵⁰ Верные указаниям вождя «политкомы» из коммунистов взяли в свои руки охрану художественных памятников, развернули широкую монументальную пропаганду, строго контролировали литературное движение, привели в соответствие с официальной идеологией художественное образование.

Большевистские органы государственного управления, созданные в Казахстане после октября 1917 г., установили свое монопольное право на организацию деятельности учреждений литературы и искусства. Так, 25

ноября 1919 г. приказом Реввоенсовета Семиреченской области «все увеселительные места, как-то: театры, кинематографы, клубы, цирк и пр.» были переданы в ведение подотдела внешкольного образования при областном отделе народного образования. Заведующим подотделом назначался, конечно, член партии большевиков.

Новая власть не стала церемониться и с представителями художественной интеллигенции. Реввоенсовет Семиреченской области вышеуказанным приказом обязал новоиспеченного заведующего подотделом внешкольного образования «приступить немедленно же к учету и распределению артистов-профессионалов и любителей..., мобилизовав необходимые силы для создания единого советского театра, от которого и должна исходить инициатива по организации театров как в г. Верном, так равно в уездах и селах области».⁵¹ Спустя месяц еще жестче поступил Семипалатинский областной ревком. Он обязал не коммуниста-руководителя, а самих артистов, художников, музыкантов и певцов «зарегистрироваться в отделе народного образования при облревкоме». Причем на осуществление этой кампании отпускалось всего семь дней. Высшей точкой в работе с художественной интеллигенцией стало решение Кирревкома о мобилизации интеллигентных сил края от 27 января 1920 г. В документе четко обозначилось предназначение интеллигенции: «для строительства и укрепления Советской власти и для внедрения ее преимущественной стороны в сознании массы». Ввиду этого Кирревком признал необходимым «мобилизовать все интеллигентные силы края для привлечения их к работам как в центре, так и на местах принудительным путем».⁵²

Жесткая политика Советов в отношении художественной культуры сыграла положительную роль, видимо, лишь в одном — в обеспечении сохранности памятников истории и культуры. Так, в 1921 г. Наркомпрос КазАССР издал приказ об охране памятников старины, обязавший властные структуры на местах следить за состоянием памятников истории и не допустить их разрушения. В 1925 г. правительство республики взяло под государственную охрану сад им. Шевченко в форте Александровском. К концу 1920-х годов началась инициативная работа по созданию в Казахстане комитета по охране памятников природы, старины и искусства.⁵³ Однако и эти меры носили избирательно-идеологизированный характер. Мечети, церкви и другие религиозно-конфессиональные сооружения, представляющие собой историко-архитектурные памятники, либо безжалостно разрушались, либо использовались в хозяйственно-культурных целях. В начале 1924 г. секретарь Ерисковской ячейки РКП(б) поставил в известность Кустанайский губисполком о том, что в поселке церковь ликвидирована, а здание со всей церковной утварью передано на оборудование школы и поселкового клуба. При ликвидации церкви серебряные и церковные вещи были переданы на хранение в губисполком. Теперь партийный секретарь просил губисполком «рассмотреть вопрос о приеме серебряных вещей в пользу казны за плату», а вырученные деньги использовать на приобретение оборудования для школы и клуба. Просьба была удовлетворена. В разгар культурного похода 1928 г. комсомольцы

Алма-Атинского и Уральского округов 30 мечетей превратили в пункты ликвидации безграмотности, школы и другие культурные учреждения.⁵⁴

За четверть века социалистического строительства сложилась качественно новая казахская литература, отличная от прежней по содержанию и типу, идейно-художественным принципам и познавательными ценностями. Сердцевину ее составил принцип социалистического реализма. Разумеется, рождение новой литературы шло не без трудностей. Хотя она опиралась на многовековой фольклор, не всегда и не везде позитивно отнеслась к просвещенству, сентиментализму и романтизму, критическому реализму, свойственным литературному движению второй половины XIX—начала XX в. Значимость творчества поэтов и писателей определялась в зависимости от идейной позиции автора. Такие известные личности, как А. Байтурсынов, М. Дулатов, М. Жумабаев, Ш. Кудайбердиев и др., внесшие неоценимый вклад в развитие казахской литературы начала XX века, за неприятие Октябрьского переворота подвергались гонениям, а их произведения объявлялись вредными. Большевицкое руководство не считалось и грубо игнорировало тот факт, что в условиях перехода к социализму, минуя капиталистическую стадию развития, формирование литературы и искусства на принципах социалистического реализма неосуществимо в короткие сроки. С приходом к руководству Казахстана Ф.И. Голощекина в 1925 г. гонения и репрессии в отношении старой интеллигенции, еще не принявшей социалистическую идею, проводились открыто и безжалостно. Поэт М. Жумабаев, своим талантом подтвердивший величие и богатство казахского языка, воспевавший красоту и неповторимость человеческой души, переводивший на казахский язык произведения Гейне, Гёте, М.Ю. Лермонтова и М. Горького, был изгнан из литературной среды как поэт-консерватор, осужден, позже пал жертвой культа личности. В 1931 г., в период расцвета таланта, был расстрелян Ж. Аймаутов, мировоззренческие установки которого переживали эволюцию от вражды к сотрудничеству с новой властью. В его романах «Карткожа», «Акбилек», пьесах «Мансапкорлар», «Канапия мен Шарбану», «Шернияз», написанных в 1925—1928 гг., нашли художественное осмысление национально-освободительное движение 1916 года, революции 1917 года, социализация казахских шаруа в первые трудные годы становления Советской власти, проблемы раскрепощения женщины Востока, рост национального самосознания и формирование нового человека.⁵⁵

Творческая интеллигенция, преданная принципам социалистического реализма, воспевала пролетарскую революцию, ее вождя Ленина, социалистические преобразования, осуществляемые под руководством большевиков. Первым среди тех, кто своим пером воссоздал художественную картину успехов и трудностей новых общественных отношений в Казахстане, был, безусловно, Сакен Сейфуллин. В 1920-е годы вышли его книги и поэмы «Асау тулпар», «Домбыра», «Советстан», «Экспресс»,

М. Жумабаев.

С. Сейфуллин.

в которых выражалась уверенность в том, что в Казахскую степь пришла свобода, положен конец эксплуатации человека труда, утверждено равенство народов. Однако силовая коллективизация и голод в Казахстане заставили поэта-революционера задуматься. Поэма «Кызыл ат» (1934 г.) по существу впервые ставит под сомнение безупречность социалистического общества.⁵⁶

В 1920–30-е годы в процесс формирования казахской литературы, социалистической по содержанию, национальной по форме, внесли свой вклад И. Жансугуров, Б. Майлин, М. Ауэзов. В литературное движение влились С. Муканов, Г. Мусрепов, Г. Мустафин, У. Турманжанов, И. Шухов и др. В русле традиционной устной литературы творили Ж. Жабаяев, Н. Байганин, К. Азербаяев, И. Байзаков.⁵⁷ По следам Жамбыла шли Омар, Доскей, Калка, Куат, Умбетали, Саядил. Их творчество составляет целую полосу культурной истории казахского народа.

В годы Великой Отечественной войны казахская литература обогатилась произведениями, посвященными проблемам защиты Отечества. Стихотворение Ж. Жабаяева «Ленинградцы — дети мои», публицистические выступления Б. Булкышева на страницах «Комсомольской правды» читали во всех уголках Советского Союза. Увидел свет первый том романа-эпопеи «Путь Абая» М. Ауэзова. Казахская советская литература, пронизанная идеями социалистического реализма, стала составной частью новой культуры.

В первые послереволюционные годы театральное искусство развивалось преимущественно в рамках художественной самодеятельности масс. Театры создавались обычно в крупных населенных пунктах, их репертуар отличался широтой диапазона — от классики до современности. В качестве артистов выступали любители, иногда и профессионалы. В 1919 г. местная интеллигенция село Тургень Верненского уезда осуществила постановку комедии А.Н. Островского «В чужом пиру похмелье»; пьеса М. Горького «На дне» шла в городском театре Уральска. В следующем году в Тургайской, Уральской и части Букеевской области работали до 30 театральных кружков. Артисты-любители города Петропавловска и села Екатерининское Петропавловского уезда поставили комедию Н.В. Гоголя «Ревизор», пьесу «Наталка-Полтавка» на украинском языке. Событием в культурной жизни г.Верного стала постановка оперы П.И. Чайковского «Евгений Онегин». В ролях Татьяны, Онегина, Ленского и старушки-няни выступали профессионалы — питомцы Московской и Петербургской консерваторий, партию Зарецкого и князя Гремина пели местные любители.⁵⁸ Пресса откликнулась на постановку так: «Конечно, было в этой постановке «Евгения Онегина» и много недочетов, но их нельзя поставить в вину исполнителям... Они все добросовестно, дружно выполнили свою задачу...».⁵⁹

На сценах казахских любительских театров ставились одно-, двухактные пьесы, где высмеивались пороки антагонистического общества, жадность казахских баев, утверждались идеи революции и социализма. Еще в 1918–1920 годах начали свою артистическую деятельность Е. Умирзаков, К. Бадыров, И. Байзаков, К. Жандарбеков – основоположники профессионального театрального искусства в Казахстане. В 1925 г. правительство республики приняло решение о создании Казахского национального театра. 13 января 1926 г. состоялось торжественное открытие первого казахского профессионального театра постановкой отрывка из драмы М. Ауэзова «Енлик–Кебек». В становление театральной культуры много труда вложил режиссер и актер Ж. Шанин.

Большого успеха театральное искусство добилось в 1930-е годы. Расширилась сеть театров, обогатился их репертуар, совершенствовалась техника актерского мастерства. Профессиональные театры появились и в областях. Начали свою деятельность профессиональные театры иноэтнического населения: русский театр драмы (1934 г.), уйгурский национальный театр (1938 г.) и др. Если в 1935 г. в Казахстане был 21 театр, то в 1940 г. их стало 40, в том числе казахских театров – 24, русских – 10, уйгурских – 2, узбекских, украинских, корейских – по одному, а также Республиканский театр кукол с казахской и русской группами.⁶⁰ На сценах театров ставились произведения не только национальных авторов (М. Ауэзов, Г. Мусрепов, А. Абишев, Ш. Хусаинов, И. Саттаров, Ж. Асимов, А. Садыров), но и наследия мировой классики. Так, в 1930-е годы Казахский академический театр драмы осуществил постановку «Ревизора» Гоголя и «Отелло» Шекспира.

Музыкальная культура казахского народа получила широкое международное признание. Красоту казахских песен и кюев первыми донесли до зарубежных слушателей исследователь А.В. Затаевич, певец А. Кашаубаев. Французский писатель Ромен Роллан, ознакомившись с книгой А.В. Затаевича «1000 песен казахского народа» (1925 г.), писал, что он «поражен силою трогательного настроения..., цветением прекрасных и здоровых мелодий, которые украшают степь». В 1925 г. певец А. Кашаубаев участвовал в этнографическом концерте на Всемирной выставке в Париже. Он исполнял песни «Агаш аяк», «Дударай», «Кара торгай», «Кызыл бидай», «Уш дос» и др. Выступление казахского певца получило высокую оценку на страницах французской прессы. В 1927 г. А. Кашаубаев с успехом пел на Всемирной музыкальной выставке во Франкфурте-на-Майне. После окончания выставки он совершил длительные гастроли по городам Германии.⁶¹

А. Кашаубаев.

В первые годы Советской власти концертной деятельностью в городах и аулах республики занимались неформальные творческие группы, объединившие певцов, домбристов, гармонистов, кобызистов, жонглеров и других. Их репертуар состоял как из произведений музыкального фольклора, так и народных композиторов. В составе «передвижных» концертных групп были талантливые композиторы и исполнители из народ-

ной гуши К. Азербает, М. Шамсутдинова, Н. Бекежанов, Г. Айтпаев, Ш. Кошкарбаев, К. Жапсарбаев и другие.

1930-е годы ознаменовались рождением профессиональной музыкальной культуры Казахстана. В 1932 г. в Алма-Ате открывается музыкальный техникум, который в следующем году был преобразован в Казахский национальный театрально-музыкальный техникум. В 1933 г. создается музыкальная студия (с 1934 г. — Казахский музыкальный театр). В том же году открылась музыкальная школа для одаренных детей-казахов. 13 января 1934 г. спектаклем М. Ауэзова «Айман-Шолпан» состоялась премьера музыкальной студии.⁶²

Большое значение для становления профессиональной культуры имел слет деятелей народного искусства Казахстана в 1934 г. На слете выступил домбровой оркестр, организованный А. Жубановым при театрально-музыкальном техникуме. Вскоре на базе этого домбрового оркестра был создан казахский национальный оркестр им. КазЦИК (с 1944 г. оркестр казахских народных инструментов им. Курмангазы), его дирижером и художественным руководителем назначается А. Жубанов. Театрально-музыкальный техникум, музыкальный театр и национальный оркестр стали настоящей кузницей художественной интеллигенции. Здесь раскрылся неуязвимый талант К. Байсеитовой, достигли высот вокального мастерства Г. Курмангалиев, М. Ержанов, Ш. Бейсекова, братья Р. и М. Абдуллины, У. Турдыкулова, выросли подлинные виртуозы игры на народных инструментах Н. Букейханов, К. Жантлеуов, Ж. Каламбаев, Л. Мухитов и многие другие. Композитор Е.Г. Брусиловский создает музыкальные пьесы «Кыз Жибек», «Жалбыр» и оперу «Ер Таргын», вошедшие в золотой фонд казахской музыки. Плодотворно трудились композиторы И.В. Коцык, Д.Д. Мацуцин, А. Шабельский, Л. Хамиди, С. Кошекбаев, А. Базанов и другие.

Смотром достижений театрального и музыкального искусства Казахстана стала декада казахского искусства и литературы в Москве (май 1936 г.). Более 300 представителей творческой интеллигенции продемонстрировали лучшие образцы художественной культуры. Возросший уровень сценического мастерства и достигнутые успехи позволили преобразовать музыкальный театр в Казахский государственный театр оперы и балета. Резко увеличился и охват населения театральным искусством. С 1937 по 1940 годы театры республики поставили более 21 тыс. спектаклей, на них побывали 6,5 млн. человек. Широкий размах приобрела художественная самодеятельность.⁶³

В русле культурных преобразований послереволюционного периода утвердились новые виды искусства — изобразительное искусство и кино. Первые успехи изобразительного искусства тесно связаны с деятельностью русского художника Н.Г. Хлудова. В своих произведениях он воссоздал жизнь и быт простых людей, их горечи и радости. По его инициативе в 1920 г. организуется студия живописи. Художник Н. Крутильников написал масляными красками портрет Абая к 20-летию со дня смерти поэта. В 1925 г. союз работников искусства организовал в Алма-

Ате художественную выставку, где экспонировались более 100 картин местных художников. Появились первые казахи, профессионально освоившие изобразительное искусство. Их учителями и наставниками были проживающие в Казахстане русские художники. Часть казахов, одаренных природной способностью художественно отображать действительность, обучалась в учебных заведениях Москвы и Ленинграда. Так, за пределами республики художественное образование получили А. Исмаилов, А. Кастеев и др. В 1933 г. создается Оргкомитет Союза художников Казахстана. Накануне войны работали 54 работника изобразительного искусства.⁶⁴

Становление киноискусства происходило в невероятно трудных условиях. Не хватало буквально всего — кинотехники, соответствующих помещений, оборудования, специалистов. Поэтому первый документальный фильм о Казахстане появился лишь в 1925 г. И тот был снят московским специалистом. Ситуация мало изменилась и с созданием Алма-Атинского отделения Всероссийского акционерного общества «Восток-кино» в 1929 г. В 1930-е годы расширилось производство хроникально-документальных и художественных фильмов о Казахстане.

Хотя эти фильмы создавались приезжими киноспециалистами, они дали определенный толчок подготовке национальных кадров работников кино. На фоне достижений казахской литературы, театра, музыки и изобразительного искусства отчетливо проявилось к середине 1930-х годов отставание национальной кинематографии. В 1936 г. с помощью российских киноспециалистов началась подготовка к созданию художественного фильма «Амангельды». Сценарий фильма написали писатели Б. Майлин, Г. Мусрепов и драматург В. Иванов. К исполнению ролей привлекались лучшие драматические артисты республики Е. Умирзаков, С. Кожамкулов, К. Куанышбаев, К. Бадыров, Ш. Жандарбекова и другие. Снятый на киностудии «Ленфильм» «Амангельды» вышел на экран в 1939 г. В принятом по этому поводу партийно-правительственном постановлении справедливо отмечалось, что «выход в свет историко-революционного фильма «Амангельды» в исполнении казахских артистов на русском и казахском языках является важнейшим событием в жизни республики и кладет начало широкому развитию кино в Казахстане, как важнейшего вида искусства».⁶⁵

За неполные три десятилетия в Казахстане коренным образом изменился культурно-духовный облик республики. Окреп образовательный потенциал населения, сложилась широкая сеть культурно-просветительных учреждений. Наука превратилась в наиболее перспективную отрасль народного хозяйства, были заложены основы профессионального искусства. Однако, культурная политика и практика системы подчинили всю духовную сферу общества принципам и духу марксизма-ленинизма в сталинской интерпретации, поставили под жесточайший партийный контроль деятельность учебных заведений, клубов, театров, научно-исследовательских институтов, специалистов. Ограничение творческой свободы личности и созидательной возможности культуры в сочетании с репрес-

сивными мерами обусловило отчуждение человека, стало одной из главных причин утверждения однообразия в миропонимании и образе жизни людей. Казахстан, равно и как весь Союз ССР, оказался отторгнутым от мировых культурных процессов.

¹ Социалистическое строительство в Казахстане в восстановительный период. Сб. док., А.-А., 1962, с. 56.

² Великая Октябрьская социалистическая революция в Казахстане. Летопись событий. 27 февраля 1917 года — 30 июня 1918 года. А.-А., 1967, с. 225. Заря свободы (Верный). 1918. 2 июня.

³ Байтурсынов А. Ак жол (Возрождение) (на каз. яз.). А.-А., 1991, с. 322.

⁴ История Казахской ССР. А.-А., 1959, с. 320.

⁵ Литературная энциклопедия. М.—Л., 1930, с. 305—306.

⁶ РГАСПИ (Рос. госархив социально-политической истории), ф. 17, оп. 25, д. 6, лл. 126—128.

⁷ ВПН (Всесоюзная перепись населения) 1926 г. т. VIII, М., 1928, с. 56—57.

⁸ ЦГА РК, ф. 846, оп. 1, д. 12, л. 35—36; ф. 81, оп. 1, д. 89, л. 33. Культурное строительство в Казахстане (1918—1932 гг.). Сб. документов и материалов. Т. 1. А.-А., 1965, 108, с. 112.

⁹ Культурное строительство в Казахстане (1918—1932 гг.). Т. 1, с. 108. Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. Казахская ССР. М., 1962, с. 59.

¹⁰ Ленинскому комсомолу Казахстана 50 лет. А., 1972, с. 41.

¹¹ Народное образование, наука и культура в СССР. Стат. сборник. М., 1971, с. 22.

¹² Сулейменов Р.Б. Указ. соч., с. 333.

¹³ Рассчитано по: ВПН 1926. М., 1928, т. 8, с. 56—57; ВПН 1939. М., 1992, с. 27, 42, 47, 54.

¹⁴ Социалистическое строительство Казахской ССР. А.-А., 1936, с. 280—281; ЦГА РК, ф. 81, оп. 1, д. 1294, л. 10.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Культурное строительство в Казахстане (1933—июнь 1941 гг.). Сб. документов и материалов. А.-А., 1985. Т. 2, с. 99.

¹⁷ Сембаев Ә.І. Казак совет мектебінің тарихы. А., 1967, 256-б.

¹⁸ ЦГА РК, ф. 1481, доп. сп. 13-2, д. 3, л. 2; Культурное строительство в Казахстане (1918—1932 гг.). Т. 1, с. 253.

¹⁹ Сембаев Ә.І. Указ. работа, с. 72-75; Е го ж е. Жаппай сауатсыздықтан оқу-білім шынына. А., 1968, 76-б.

²⁰ Культурное строительство в Казахстане (1918—1932 гг.). Т. 1, с. 267.

²¹ Советская степь. 1931. 18 декабря. Культурное строительство в Казахстане (1933—июнь 1941 гг.). Т. 2, с. 130, 137.

²² Казахстан за 40 лет. Стат. сборник. А.-А., 1960, с. 460.

²³ Народное хозяйство Казахстана. Стат. сборник. А.-А., 1968, с. 351, 355. Казахстан за 40 лет. Стат. Сборник, с. 474, 483.

²⁴ Культурное строительство в Казахстане (1918—1932 гг.). Т. 1, с. 351.

²⁵ Костанайский областной государственный архив, ф. 99, оп. 1, д. 35, л. 539; ЦГА РК, ф. 921, оп. 1, д. 6, л. 32.

²⁶ Народное хозяйство Казахстана. Стат. Сборник, с. 358.

²⁷ Вехи консолидации. Сб. документов. А., 1990. 111, 148-л.

²⁸ Культурное строительство в Казахстане (1918—1932 гг.). Т. 1, с. 386. Социалистическое строительство в Казахстане в восстановительный период (1921—1925 гг.). Сб. документов и материалов. А., 1962, с. 540, 556.

²⁹ Культурное строительство в Казахстане (1933—июнь 1941 гг.). Т. 2, с. 220, 260.

³⁰ Социалистическое строительство в Казахстане в восстановительный период (1921—1925 гг.), с. 511.

- ³¹ ЦГА РК, ф. 1252, оп. 1, д. 47, лл. 50–52.
- ³² Культурное строительство в Казахстане (1933–июнь 1941 гг.). Т. 2, с. 178.
- ³³ Сулейменов Р.Б., Бисенов Х.И. Социалистический путь культурного прогресса остальных народов. А., 1967, с. 84.
- ³⁴ Бекхожин Х. Казак баспасөзінің даму жолдары. А. 1964. 193–195-бб.
- ³⁵ Народное хозяйство Казахстана за 60 лет. Стат. сборник. А., 1980, с. 236.
- ³⁶ Большевик Казахстана. 1946. №3, с. 73; Казахстан за 40 лет. Стат. сборник. с. 486.
- ³⁷ Казахстанская правда. 1941. 28 декабря.
- ³⁸ Социалистическое строительство в Казахстане в восстановительный период (1921–1925 гг.), с. 499–500.
- ³⁹ ЦГА РК, ф. 81, оп. 1, д. 320, л. 69.
- ⁴⁰ Чокан Ш.Ч. Путь Национальной Академии наук. А., 1996, с. 7; ЦГА РК, ф. 30, оп. 2, д. 281, л. 3.
- ⁴¹ ЦГА РК, ф. 81, оп. 1, д. 87, л. 14; Затаевич А.В. Исследования, воспоминания, документы и письма. А., 1958, с. 273–274.
- ⁴² Маргулан А.Х. Материалы к биобиблиографии ученых Казахстана. А., 1984, с. 15.
- ⁴³ Советская степь. 1926. 23 сентября
- ⁴⁴ Организация советской науки в 1926–1932 гг. Сборник документов. Л., 1974, с. 169–170.
- ⁴⁵ Сатпаев К.И. Избранные статьи о науке и культуре. А., 1989, с. 17.
- ⁴⁶ Народное образование, наука и культура в СССР. Стат. сборник. М., 1971, с. 243, 249.
- ⁴⁷ Чокан Ш.Ч. Путь Национальной Академии наук, с. 10–11.
- ⁴⁸ Сатпаев К.И. Избранные статьи о науке и культуре, с. 89.
- ⁴⁹ Левшин Б.В. Советская наука в годы Великой Отечественной войны. М., 1983, с. 50–51.
- ⁵⁰ Сулейменов Р.Б., Бисенов Х.И. Указ. работа, с. 290.
- ⁵¹ В.И. Ленин о литературе и искусстве. М., 1969, с. 365.
- ⁵² ЦГА РК, ф. 81, оп. 1, д. 89, л. 34; ф. 154, оп. 1, д. 8, л. 61.
- ⁵³ Там же, ф. 1398, оп. 1, д. 216, л. 66.; Культурное строительство в Казахстане (1918–1932 гг.). Т. 1, с. 33.
- ⁵⁴ ЦГА РК, ф. 30, оп. 1, д. 375, л. 127.
- ⁵⁵ Костанайский областной государственный архив, ф. 72, оп. 1, д. 124, л. 65.
- ⁵⁶ Жүсіпбек Аймауытов. Шығармалары. А., 1989. 5-б.
- ⁵⁷ Сәкентанұда зерттеушілер ортасы әлі ортақ пікірге келе қойған жоқ.
- ⁵⁸ Жолдасбеков М. Ел тағдыры – ер тағдыры. А., 1997, 378-б.
- ⁵⁹ Культурное строительство в Казахстане (1918–1932 гг.). Т. 1, с. 468–471.
- ⁶⁰ Там же, с. 473.
- ⁶¹ Культурное строительство в Казахстане (1933–июнь 1941 гг.). Т. 2, с. 241.
- ⁶² Культурное строительство в Казахстане (1918–1932 гг.). Т. 1, с. 481, 493.
- ⁶³ Гизатов Б. Академик Ахмет Жубанов. А., 1972, с. 20–40.
- ⁶⁴ Культурное строительство в Казахстане (1933–июнь 1941 гг.). Т. 2, с. 241.
- ⁶⁵ Там же, т. 2, с. 242.; Культурное строительство в Казахстане (1918–1932 гг.). Т. 1, с. 479.

Глава седьмая

ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕПРЕССИИ В КАЗАХСТАНЕ

1. НАЧАЛО ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ

Массовые политические репрессии периода сталинщины нанесли непоправимый ущерб, когда в застенках НКВД и ГУЛАГа гибли миллионы ни в чем не повинных людей. Помимо того, представители многих народов и этнических групп по воле режима были депортированы из родных мест, оказавшись частью в своего рода резервациях, а частью погибшие вследствие бесчеловечных условий перемещения.

Как известно, начало этим исторически беспрецедентным по своим масштабам преступлениям положили Октябрьская революция и гражданская война в СССР. После установления и упрочения Советской власти государство диктатуры пролетариата с небывалым размахом развернуло преследование своих политических и классовых противников. Вследствие этого тысячи граждан бывшей Российской империи оказались в эмиграции. К их числу относятся и граждане Казахстана, вынужденные покинуть историческую родину в период революции и Гражданской войны, а также в годы насильственной коллективизации и голода конца 1920-х — начала 1930-х годов. Поэтому историю политических репрессий в Казахстане необходимо рассматривать в контексте событий, происходивших в масштабах всего СССР.

С укреплением тоталитарного режима усилилась репрессивная политика и против участников национально-освободительного движения, а также политических партий, действовавших на окраинах Российской империи накануне и в период революций 1917 г. Эта политика легла в основу программы действий ВКП(б) — КПСС на протяжении всего существования СССР. Преследование участников национально-освободительного движения и носителей этой идеи в дальнейшем стало неотъемлемой частью существования Советского государства. Особенно ожесточенный характер оно приобрело после IV совещания в ЦК РКП(б) с участием ответственных работников национальных республик и областей, прошедшего в июне 1923 г. в г. Москве. На этом совещании в центре внимания его участников оказалась национальная политика большевиков и главным образом, — осуждение ошибок «...националистического» толка в работе местных кадров, а подспудно идеи создания конфедерации тюркских народов СССР. В числе носителей

этих «ошибок» оказались и казахстанские работники. Причем объектом критики стал Т. Рыскулов, обвиненный в связях с известным общественным и государственным деятелем Татарстана Мирсаидом Султангалиевым, к тому времени арестованным. Итоги совещания и дальнейший ход социально-экономических реформ в стране стали роковыми для представителей национальной интеллигенции в республиках СССР.¹

В конце 1920-х годов с обострением социально-экономической ситуации в стране и предстоящей ломкой традиционно сложившихся структур жизнеобеспечения были подвергнуты аресту и гонениям участники альтернативных большевизму партий и движений, в том числе таких, как IV Всеукраинская Рада, «Иттихат-ва-Таракки», «Шуро-и-ислами» и других течений, действовавших в свое время в республиках Средней Азии, Татарии, Башкирии и других регионах. Тогда же были арестованы участники движения Алаш в Казахстане.

Как известно, с появлением на исторической арене партии «Алаш» и правительства Алаш-Орды национально-освободительное движение казахского народа поднялось на новую ступень. Однако первоначальные идеи создания казахской национальной автономии с упрочением Советской власти претерпели коренные изменения, на много лет предопределив ход дальнейших событий.

Надо признать, что декларирование свободы и равенства ранее угнетенных народов, объединение всех казахских земель под эгидой Казахской Автономной Советской Социалистической Республики явились этапным событием на пути восстановления национальной государственности. Однако на практике деятельность большевистской партии все больше вступала в противоречие с подлинными интересами народа.

Социально-экономические преобразования, проводимые государством «диктатуры пролетариата» на основе усиления и искусственного разжигания классовой борьбы, привели к тому, что к концу 1920-х годов обстановка в республике приобрела чрезвычайно острый характер.

Меры, предпринимаемые в экономической области, идеология и практика отчаянного штурма бастионов капитализма создавали обстановку диктата и насилия. Таким же образом партийные и советские организации Казахстана проводили работу по снабжению Красной Армии и городов продовольствием. Например, в 1920 г. только один Кустанайский уезд поставил государству 6 млн пудов хлеба. В том же году водным транспортом из Гурьева в Центральную Россию было вывезено более 600 тыс. пудов нефти. Тысячи трудящихся Казахстана участвовали в коммунистических субботниках, восстанавливая фабрики и заводы.

Милитаризация народного хозяйства, командная система управления экономикой, военизированные формы организации труда, распределительный принцип, пауперизация масс — все это свидетельствовало о том, что Советы, руководимые большевиками, не были подготовлены к экспериментам социалистического толка.

Преобладала тенденция массовой экспроприации, целенаправленного наступления на частную собственность. Она подлежала тотальному уничтожению. Возник военно-коммунистический монстр, по-

ложивший в основу народного хозяйства распределительный принцип. Наивные, вульгарные представления о социализме, размывавшие понятие о труде как первооснове общественного богатства, овладели широкими народными массами. Ценой больших потерь и жертв, сомнений и надежд на светлое будущее народ Казахстана следовал за экспериментами пролетарского центра России. Таким образом, новая власть, утвердившаяся на гребне народной стихии, забежала вперед, торопила процесс самоутверждения. Победила психология «экспроприации экспроприаторов», политика насилия, как универсальный метод строительства нового мира.

Некапиталистический путь развития ранее отсталых народов в условиях победившей социалистической революции означал революционный процесс, охватывающий все сферы общественно-политической, экономической, культурной жизни страны. По Ленину, это путь не только сокращенного, но, прежде всего, ускоренного развития, такого развития, при котором народы развитые, а также отсталые шли к социализму единым фронтом, выравнивая в ходе борьбы за построение социалистического общества уровень экономики и культуры.

Переход казахского как и других, ранее отсталых в своем развитии, народов к социалистическому строительству совпал по времени и по содержанию с переходом к новой экономической политике, которая по своей сути была призвана обеспечить постепенный, планомерный, в известной мере ускоренный переход к социализму. Однако провозглашенная на длительную перспективу программа большевиков — «помочь трудовым массам невеликорусских народов догнать ушедшую вперед Центральную Россию» была во многом утопичной. Прежде всего, «средне-слабый» уровень промышленного развития был не в состоянии обеспечить прорыв в экономическом развитии национальных окраин. В свою очередь, в национальных колониальных регионах развитие промышленности носило до революции крайне ограниченный характер. Монополистический капитал в ту пору вкладывался в сырьевую базу, где использовались старые полуфеодалные формы эксплуатации. В этих регионах не было реальной основы — экономической, культурно-технической, психологической — для гигантского прыжка через капиталистическую формацию в социализм. Многомиллионные массы трудящихся, задавленные нуждой, колониальным разбоем, угнетением, подвергавшиеся геноциду, были абсолютно не готовы к восприятию «новаций» социалистического толка. Несбыточной мечтой оказался и расчет на помощь международной пролетарской революции. Курс на насильственное насаждение сверху новой модели развития ранее угнетенных народов, минуя целую историческую формацию, в условиях ускоренного динамичного движения цивилизации явился продолжением идеологии «красногвардейской атаки на капитал».

В неимоверно тяжелом положении оказалось крестьянство, в особенности казахские шаруа. Крутая ломка традиционно сложившегося уклада жизни, насильственная коллективизация, государственная политика заготовок в сельском хозяйстве подтолкнули их, оказавшихся на краю гибели от голода, к организованным выступлениям против Советской власти.

Как отмечалось выше, в 1929–1932 гг. в Казахстане произошло 372 восстания. Наиболее крупные инциденты произошли тогда в Батпакаринском, Сузакском, Бостандыкском, Иргизском, Казалинском, Кызылкумском, Кармакчинском, Аксуйском, Барыбаевском, Саркандском, Абралинском, Чубартауском и многих других районах. Сильными волнениями были охвачены Зырянский, Усть-Каменогорский, Самарский, Шемонаихинский, Катон-Карагайский районы.²

Развернулось широкое откочевочное движение, сопровождавшееся вооруженным сопротивлением населения в Адаевском округе. Всеобщий протест сопровождался уходом значительной части населения за пределы республики, в том числе в Китай, Иран и Афганистан. Этому не помешали упреждающие аресты и высылка лидеров и участников движения Алаш.

В 1929–1930 гг., в период первых репрессий против бывших лидеров и участников национально-освободительных движений в республиках СССР, в Казахстане были арестованы и осуждены на различные сроки участники движения Алаш, в том числе А. Байтурсинов, М. Дулатов, М. Жумабаев, Ж. Аймаутов, М. Тынышпаев, Ж. Акпаев и другие. В числе пунктов обвинения, по которому они предстали перед тройкой ОГПУ, были: противодействие политике Советской власти; установление связи с Заки Валидовым, находившимся в Восточной Бухаре и руководившим басмачеством, а затем эмигрировавшим; установление связи с басмачеством в Фергане; организация боевой группы молодежи для совершения террористических актов по отношению к ответственным работникам; подготовка военных кадров из молодежи; организация кружков «Алка» с целью установления связи с байством; срыв кампаний и мероприятий по землеустройству; проведение антисоветской агитации и др.³

В годы коллективизации и последующего затем голода 1931–1933 гг. погибла и откочевала за пределы страны почти половина казахского населения и около 200 тысяч представителей народов, населявших Казахстан. По неполным данным, число жертв голода в республике составило свыше 2 млн 200 тыс. человек.

Хотя трагедия коснулась почти поголовно всего населения, власти делали все, чтобы истина не всплыла наружу и не будоражила умы людей. Люди, уцелевшие от голодной смерти, террора и преследований, в то же время не имели права поднять голос протеста. Все заявления и докладные записки от граждан, руководящих работников, в том числе и самого высокого ранга, таких как Т. Рыскулов, Н. Нурмаков, У. Исаев и других, попадали в так называемые «секретные папки» и реакция властей оформлялась соответствующим образом.

По официальной версии, во всем были виновны местные кадры, допускавшие «искривления линии партии в колхозном строительстве», чем не преминули «воспользоваться» некие вражеские элементы. Естественный протест населения, оказавшегося на краю гибели, сопротивление бесчинствам и произволу, крестьянские волнения и восстания объяснялись «результатом агитации байства, настраивавшего бедняцко-середняцкие массы на противодействие мерам Советской власти по социалистическому переустройству сельского хозяйства и подтал-

кивавшего их к контрреволюционным бандитским выступлениям». В массовое сознание усиленно внедрялась мысль о том, что другого пути к счастливому будущему социализма нет. Тем самым власть снимала с себя всякую ответственность за результаты проводимой ею же политики. Дабы скрыть свою непосредственную причастность к трагедии крестьянства, Сталин и его окружение, в том числе и его эмиссары в Казахстане, запретили даже малейшее упоминание о голоде и его последствиях.

В то время, когда в казахстанских степях разыгрывалась одна из величайших трагедий в истории человечества, страницы газет и журналов пестрели бодренькими рапортами об энтузиазме и трудовых достижениях народа. Своеобразный обет молчания устанавливался и в официальных структурах власти. В отчетах и докладных записках с мест, а также ведомств и органов, в чью компетенцию входило своевременное принятие мер по предотвращению трагедии, в лучшем случае говорилось лишь о продовольственных затруднениях в том или ином населенном пункте или районе. Сегодня обстоятельства коллективизации и голода стали достоянием гласности. Нас в данном случае интересуют репрессивные меры государства, связанные с этим периодом. Известно, что в конце 1920-х — начале 1930-х годов репрессиям было подвергнуто свыше 100 тысяч человек. Сказать, что эта цифра окончательная, нельзя, поскольку данные о привлеченных к различным мерам наказания по линии местных органов власти, районных и окружных судов до сих пор неизвестны. Кроме того, в это число не входят ссыльные, так называемые «кулаки», депортированные из России и других республик СССР. Известно, что в период коллективизации в Казахстан было выслано 189 тыс. человек из центральных районов России. Из них в самый разгар голода, в мае 1931 г., 150 тыс. человек было размещено в районах нынешних Акмолинской, Карагандинской, Павлодарской и Кокчетавской областей.⁴ По неполным данным, к 1937 г. число высланных в Казахстан составило 360 тыс. человек. Однако многие вопросы, связанные с событиями 1930-х годов, в том числе и крестьянское движение сопротивления, до сих пор будоражат умы людей.

Возрастание роли партии, милитаризация ее внутренней жизни, подавление воли партийных масс, всеобщий террор и насилие привели к установлению бонапартизма в партии и государстве. В этих условиях в основной своей массе руководящие работники всех звеньев являлись ревностными исполнителями той политики, которая диктовалась сверху. Но были и другие, кто не мог оставаться равнодушным ко всему происходящему. К числу таких деятелей, кто еще во второй половине 1920-х годов поднял голос протеста, относятся С. Садвакасов, И. Мустамбаев, Ж. Султанбеков, позже — Н. Нурмаков, З. Торегожин, А. Асылбеков, М. Гатаулин, Г. Мусрепов и другие.⁵

Разумные предложения местных партийных, советских, хозяйственных руководителей о необходимости пересмотра колониальной структуры экономики края, прежде всего в ходе осуществления индустриализации (С. Садвакасов, Ж. Мынбаев и др.), квалифицировались секретарями крайкома ВКП(б) Ф. Голощекиным, И. Курамысовым и их сподвижниками как проявление местного национализма, а рассмотре-

ния некоторых экономистов из планирующих органов о необходимости соответствия темпов индустриализации уровню развития производительных сил, наличию трудовых ресурсов — как проявление великодержавного шовинизма. Субъективизм в теории и командно-волевые методы на практике исключали возможность альтернативы в движении республики к социализму.⁶

Как свидетельствуют дела так называемых «врагов народа», осужденных и расстрелянных в 1937—1938 гг. в Казахстане, кроме обвинений об участии в деятельности правых оппортунистов и троцкистов, а также буржуазных националистов, зачастую им вменялись в вину провалы в экономике, в особенности в сельском хозяйстве начала 1930-х годов. Так, одним из пунктов обвинений, предъявленных в 1937 г. бывшему первому секретарю Алма-Атинского обкома и горкома ВКП(б) Ж. Садвакасову, писателю С. Сейфуллину, наркому просвещения Т. Жургеневу и другим была «организация восстания» в Каракумах, Иргизском, Сары-Суйском и других районах.⁷ Безусловно, абсурдность таких обвинений не вызывает сомнения. Фактически же были другие причины, послужившие основанием для возведения обвинений, главной из которых была попытка переложить ответственность за провалы в экономике на других.

Создание индустрии, коренное изменение традиционного уклада населения республики, освоение природных ресурсов — все это осуществлялось на базе поставок промышленного оборудования, материалов, совместного участия всех народов в осуществлении программы хозяйственного и культурного строительства. Индустриализация страны, в том числе ее окраин, происходила прежде всего за счет сверхналога, получаемого с крестьян. Она осуществлялась командно-административными методами — директивным планированием, безусловным подчинением центру. Тотальное обобществление и огосударствление всех сторон экономической жизни, изымание, т.е. отбирание всех накоплений республик, в госбюджет, выделение из этого же бюджета под видом субсидий и дотаций из фондов РСФСР, из союзного бюджета, концентрация в руках государства производства, сбыта и снабжения — таковы меры, которые были призваны обеспечить сверхвысокие темпы индустриализации. Репрессивная политика — развертывание лагерей, огражденных от мира колючей проволокой, силовое разрушение векового уклада жизни кочевников, ломка традиций народов, обнищание и голод казахских шаруа и крестьян других регионов, громадное напряжение сил народа — такова цена индустриализации страны.

Казахстан, как и другие национальные республики, получал постоянно финансовую поддержку в виде государственного субсидирования и дотаций сначала из фондов РСФСР, а позднее из союзного бюджета. Так, в 1931—1934 гг. из 2 млрд 137 млн рублей капиталовложений в народное хозяйство республики лишь 121 млн рублей был выделен из местного бюджета. Индустриализация, проводимая силовыми методами и большей частью с привлечением труда заключенных ГУЛАГа, сопровождалась тотальным ограблением крестьянства. Если на конец 1929 г. в Казахстане по неполным данным насчитывалось свыше 45 млн голов скота,

то на начало 1934 г. осталось всего около 4,5 млн. Массовый голод и гибель людей, откочевки населения за пределы республики, искалеченные судьбы — такова цена силовой коллективизации.

Трагедия, постигшая основную часть населения в период насильственной коллективизации, не могла не повлиять на общественно-политическую обстановку тех лет. Как подчеркивалось выше, провалы в экономике, сопротивление населения бесчеловечным экспериментам усиливали давление режима на общественное мнение. Одновременно разворачивалась борьба против оппозиции, исподволь подготавливалась почва для массового уничтожения инакомыслящих, кто хоть в какой-то мере был не согласен со сталинской политикой.

Обострению внутривластной обстановки в республике способствовала и высылка в Казахстан в конце 1920-х — начале 1930-х годов участников троцкистской оппозиции внутри ВКП(б) и других фракционеров.

Пребывание в Казахстане в ссылке в 1928 г. Л. Троцкого, позже П. Серебрякова, Г. Пятакова и других видных оппозиционеров давало повод режиму, неустанно следившему за действиями «внутренних врагов», обвинить местных работников, недовольных политикой ВКП(б), в блокировании с ними. В результате часть казахских работников была обвинена в связях с троцкистами и правыми и подверглась репрессиям. Эта участь в 1927–1928 гг. в первую очередь постигла наркома земледелия Ж. Султанбекова, председателя Сырдарьинского губисполкома И. Мустамбаева и других.

С. Ходжанов.

Одновременно внутренние разногласия и принципиальные выступления руководящих казахских работников с критикой социально-экономической политики центра квалифицировались как «национал-уклонизм», уводящий от генерального курса большевистской партии, а совместные выступления и позиции по отдельным вопросам — как групповая борьба внутри краевой партийной организации. В создании таких группировок 1920-е годы обвинялись С. Сейфуллин, С. Мендешев, позже С. Ходжанов и другие. Пик борьбы с национал-уклонизмом приходится на вторую половину 1920-х годов, когда обвиненные в таких «грехах» бывший секретарь крайкома ВКП(б) С. Ходжанов, нарком просвещения С. Садвакасов, председатель ЦИК КазАССР Ж. Мынбаев были удалены со своих постов. Через 10 лет С. Ходжанов за старые «грехи» был арестован как «враг народа», лишь преждевременная смерть «спасла» последних двух от карающего меча НКВД.

В конце 1920-х — начале 1930-х гг. по мере обострения кризиса в социально-экономическом развитии СССР широкие масштабы приобрели поиски виновных и вредителей, подрывных антисоветских элементов и участников подпольных организаций. По аналогии с центром (судебные процессы над участниками «Промпартии», «Крестьянской партии» и т.д.) в Казахстане начались поиски врагов в национальном варианте. Случайные аварии на шахтах и предприятиях, падеж скота в колхозах и совхозах, пожары и другие стихийные бедствия объяснялись происками

классовых врагов и соответственно этому фабриковались уголовные дела врагов народа.

К середине 1930-х годов нарастание борьбы с «троцкистско-зиновьевской оппозицией» и «правыми оппортунистами» в центре и национальных республиках проявилось в форме репрессий против представителей национально-освободительного движения, большей частью отбывших наказание, а также местных партийно-советских и хозяйственных работников. Вскоре репрессии охватили широкие слои населения, импульс которым был дан решениями декабрьского 1936 г., а затем — февральско-мартовского 1937 г. пленумов ЦК ВКП(б).

Как отмечалось выше, в конце 1928 г. по ложному обвинению были арестованы 44 человека из числа так называемых «буржуазных националистов» — бывшие деятели «Алаш-Орды», в том числе А. Байтурсынов, М. Дулатов, М. Жумабаев, Ж. Аймаутов, Х. Габбасов и другие. Ж. Аймаутов, Х. Габбасов, А. Байдильдин, Д. Адилев, А.-С. Юсупов были расстреляны, остальные осуждены на различные сроки тюремного заключения. Некоторые из них (М. Дулатов и др.) скончались в лагерях, остальные (А. Байтурсынов, М. Жумабаев и др.), отбыв наказание, в 1937 г. были повторно привлечены к ответственности за участие в деятельности «Алаш-Орды» и расстреляны в 1937—1938 гг. Другая группа представителей национальной интеллигенции (около 40 чел.) в составе М. Тынышпаева, Х. Досмухамедова, Ж. Досмухамедова, Ж. Акпаева и других была арестована в сентябре—октябре 1930 г. Вскоре 15 из них (М. Тынышпаев, Ж. Акпаев, Х. Досмухамедов, Ж. Досмухамедов, К. Кеменгеров, Ж. Кудерин, К. Токтабаев и др.) были сосланы в Центрально-Черноземную область России.⁸ Почти все они были вновь репрессированы и расстреляны в 1937—1938 гг.

Так, несмотря на амнистию, объявленную участникам движения Алаш в первые годы Советской власти, невзирая на то, что в дальнейшем никто из них никакой политической деятельностью не занимался, спустя много лет была учинена расправа над выдающимися представителями национальной интеллигенции. До ареста все они честно трудились в различных областях народного хозяйства, науки и культуры, внося неоценимый вклад в развитие Казахстана.

Расстрел «врагов народа».

2. ГУЛАГ В КАЗАХСТАНЕ

Трагическую страницу в истории пенитенциарной системы Советского государства, до настоящего времени должным образом не исследованной, открывает постановление Совета Народных Комиссаров СССР от 7 апреля 1930 г. об утверждении «Положения об исправительно-трудовых лагерях». Его принятие было обусловлено утверждением командно-бюрократических методов управления, в том числе и с использованием механизма необоснованных репрессий во всех сферах общественно-политической и народно-хозяйственной жизни страны. В 1922 г. создается единый общественный орган — Объединенное государственное политическое управление (ОГПУ) при СНК СССР.

Выбор ОГПУ в качестве органа, призванного организовывать и осуществлять руководство исправительно-трудовыми лагерями, был не случаен. Известно, что именно его усилиями был создан Соловецкий лагерь особого назначения (СЛОН), прообраз будущих филиалов ГУЛАГа.

Организация лагерей предусматривалась на Севере, Урале, Дальнем Востоке и в Средней Азии. В течении 1930—1931 годов был организован ряд лагерей, а именно: Беломоро-Балтийский, Темниковский, Карагандинский, Вишерский и Дальневосточный. Каждый из них был организован для решения конкретной хозяйственной задачи. Например, Беломоро-Балтийский занимался строительством канала, Темниковский — заготовкой древесины, Карагандинский — сельскохозяйственным производством, Вишерский — заготовками древесины и строительством целлюлозно-бумажного комбината. В последующие годы к этим лагерям добавились Дмитровский, Сибирский, Дальстрой, Свирский и ряд других. В целом во время существования Главного управления исправительно-трудовых лагерей и колоний НКВД—МВД СССР в Советском Союзе в разные годы было до 63 лагерей с численностью заключенных до 2 199 535 человек.

Широкомасштабное промышленное строительство, освоение природных богатств и новых месторождений в довоенные годы потребовали увеличения дешевой рабочей силы. С усилением карательной политики тоталитарного режима расширилась сеть исправительно-трудовых лагерей на Севере, Урале, Дальнем Востоке, в Сибири, Средней Азии и других регионах СССР. Если в 1940 г. система Главного управления лагерей (ГУЛАГ) НКВД СССР включала 53 лагеря, то в 1947 г. — 56, а в 1954 г. — 61. Возрастало и количество заключенных, содержащихся в них: в 1930 г. — 179 тыс., 1940 г. — 1 млн 344,4 тыс., 1950 г. — 1 млн 416,3 тыс., 1953 г. — 1 млн 727,9 тыс. человек. Причем количество заключенных, осужденных по 58-й статье Уголовного кодекса, колебалось от 15 до 20%.⁹

На территории Казахстана существовал Карагандинский лагерь (Карлаг), созданный в 1931 г. Через этот гигант ГУЛАГа прошли сотни тысяч узников, репрессированных по политическим мотивам в разные годы. Кроме Карлага на территории Казахстана функционировали и другие лагеря под названиями Степной, Песчаный, Луговой, Дальний. На территории Акмолинской области был открыт печально известный АЛ-

ЖИР — Акмолинский лагерь жен изменников родины, в котором отбывали срок жены и дочери известных в стране государственных и общественных деятелей, в том числе и Казахстана.¹⁰

Среди них важное место занимал Карагандинский исправительно-трудовой лагерь (Карлаг) НКВД СССР. История его создания восходит к 1930 г.: Совет Народных Коммиссаров на своем закрытом заседании 13 мая 1930 года принял постановление, в котором он согласился с заключением Наркомзема и просьбой Казахского управления лагерями «об отводе сплошного земельного массива площадью в 110 000 га из Акмолинского и Каркаралинского округов», кроме территорий строений Куяндинской ярмарки, в бессрочное и безвозмездное пользование. Затем приказом № 1 Карагандинского отдельного исправительно-трудового лагеря ОГПУ от 19 декабря 1931 г. новое отделение Казитлага — совхоза «Гигант» было реорганизовано в Карагандинский отдельный исправительно-трудовой лагерь ОГПУ (Карлаг ОГПУ) с непосредственным подчинением ГУЛАГу. Управление лагеря находилось в селе Долинское.¹¹

На территории будущего Карлага стояло 4 тысячи казахских юрт с населением 80 тысяч человек, 1200 дворов немецкого и русского населения, которое жило по берегам рек и на наиболее плодородных участках земли и активно занималось земледелием — ими обрабатывалось около 5 тысяч га земли.

К моменту образования лагеря на территории Карлага проживало многонациональное население. Село Долинское пользовалось правом самостоятельной территориально-поселковой единицы и в нем насчитывалось 2630 жителей.

Первыми эшелонами на станции Карабас и Караганда-угольная прибывали заключенные со всей страны. Станция Карабас была названа «воротами Карлага». На этих станциях, а позже и на станции Караганда-новая (Майкудук), были созданы пересыльные пункты.

Управление Карлага подчинялось только Главному управлению лагерей НКВД и в своем составе имело отделы: административно-хозяйственный (АХО); учетно-распределительный (УРО); контрольно-плановый (КПО); культурно-воспитательный (КВО); кадров; снабжения; торговли; финансовый; транспортный. Кроме того имелись спецотдел, политотдел, оперчекистский (ОЧО). Был в нем свой лагерный суд, работала прокуратура и тюрьма. Всего в Карагандинском лагере было более двадцати сельскохозяйственных отделений со своими производственными участками и фермами.

После убийства Кирова, когда в стране развернулся массовый террор, в Карлаг стали прибывать эшелоны не только с осужденными, но и с арестованными женщинами — членами семей репрессированных. На территории нынешнего села Малиновка (местное название — Тонкерис, близ Акмолинска) началось строительство большого женского лагеря — 26-й лагерьной точки отделения Карлага, впоследствии так называемого Акмолинского лагеря жен изменников Родины (АЛЖИР).

26-е отделение занимало 30 тысяч гектаров земель. Из них более 10 тысяч га составляли посевные. Урожай собирали по нарядам и отправляли сортовое зерно в Акмолинск, где его распределяли между хозяйства-

ми Карлага и колхозами, а взамен АЛЖИР получал корма для скота. Для содержания лагеря все производили сами заключенные: выращивали зерновые, овощи, пекли хлеб.

Однако ни свежих овощей, ни фруктов или ягод в рационе питания заключенных не было. Все 30 тысяч га лагерной земли в АЛЖИРе были расположены на возвышенности междуречья Ишима и Нуры. До воды надо было бурить шурфы до 40 метров глубиной. Это делали заключенные. Мужчин в лагере практически не было, и вся работа лежала на плечах женщин. Зимой помещения топили камышом, за которым заключенных женщин водили под конвоем. Камыш рос на берегах расположенных в округе многочисленных озер. Бывшие узницы АЛЖИРа свидетельствуют: «Камыш — главный строительный и отопительный материал. Ходили мы за ним на озера в лютый мороз. Фланелевые платья, самодельные телогрейки, мягкая обувь, тряпочный шлем на голову — только дырочки для глаз. Так мы выглядели, когда шли на заготовку камыша. Мороз — 40 градусов. Кое-где лед проваливался и обувь промокала. Тогда мы шли как в колодках, громко стуча по льду своими ледяными «чунями». Чтобы жать камыш быстро, приходилось снимать телогрейку и работать в трескучий мороз в одном платье. Надо было изготовить 40 больших снопов. Бригадир проверяла. За 40 снопов получали 800 граммов хлеба. Если не выработаешь норму — помрешь с голоду».

У крупным отделением лагеря было Балхашское, где заключенные возводили Балхашский горно-металлургический комбинат (БГМК) и Балхашский медеплавильный завод (БМЗ). Недалеко от станции Бертыс большой квадратный участок земли был обнесен колючей проволокой. В этом 20-м лагерном отделении заключенные жили в землянках. Здесь вместе с Коунрадским лагпунктом одновременно содержалось до 900 человек. В основном выходцы с Кавказа, из Средней Азии. Все бригады занимались земляными работами, строили завод. Смертность в этом отделении была особенно высока. Женщин в 20-м отделении почти не было.

Спасское отделение, позже ставшее Спасским особлагом, отличалось тем, что туда свозили в основном инвалидов. Заключенные прозвали Спасск «долиной смерти».

В 19-м ДКО (Долинском комендантском отделении) находился клуб и при клубе была культбригада Карлага, в которую со всех отделений собирали профессиональных артистов, часто с мировыми именами, отбывавших срок как «враги народа». Здесь же была женская зона. В ней находились режиссер театра им. Вахтангова Варвара Вагрина, пианистка Нина Гражек, профессор Московской консерватории Славинская. Через Карлаг прошли также Мара Нурова — выпускница Парижской консерватории, Алла Вербо — воспитанница итальянской школы сопрано, Вера Франчук — солистка Киевского оперного театра, танцовщица из балета Малого театра Марина Лебедева — дочь одного из доверенных корифеев этого театра, пианистка Марьяна Иосифовна Лер, артистка Харьковского оперного театра Екатерина Оловейникова.

Культбригада Карлага имела широкую известность. Слушать и смотреть ее часто приезжали руководители области. Ставились опе-

ретты, оперные и драматические спектакли, отдельные концертные номера.

В зоне лечебно-санитарного отделения (ЛСО) находились заключенные врачи. Они работали в лагерных больницах, консультировали врачей в Караганде, а после освобождения многие годы работали в карагандинских больницах. За зону ежедневно под конвоем выходили на работу специалисты высшей категории терапевт В.Г. Недовесова, хирурги М.Ф. Ананьев, В.В. Подзолов.

Основным звеном Карлага был отдел земледелия. Сюда входили службы землеустройства, мелиорации, ирригации, животноводства и т.д.

В лагере функционировали стекольный, сахарный заводы, позже — завод по производству электролампочек, ремзавод, ремонтные мастерские, позже — механический завод, маслозавод, мельницы, пошивочные мастерские, овощесушилки.

В Карлаге работала большая группа известных специалистов сельского хозяйства и ученых-аграриев, отбывавших наказание как «враги народа». Среди них Абрам Яковлевич Берг — известный селекционер, работник заповедника Аскания-Нова, профессор Харьковского сельхозинститута А.М. Деомидов, профессор Курского ветеринарного института А.И. Колычев, профессор Ленинградской военно-ветеринарной академии Р.А. Цион, а также будущий академик, Герой Социалистического Труда В.С. Пустовойт и другие.

Поэтому за годы своего существования Карагандинский лагерь превратился в крупнейший сельскохозяйственный научно-исследовательский центр, достижения которого использовались в ряде краев, областей и республик СССР.

Несомненный интерес представляет сводка о численности заключенных в Карлаге в 1935—1936 гг.¹² (см. таблицу 4).

Как видно из данных вышеприведенной таблицы, число заключенных увеличилось в 1936 г. на 11,8 тысяч человек. Это связано с закрытием Вишерского ИТЛ и передачи части его контингента заключенных в Карлаг.

С 1939 г. Особым совещанием при НКВД стало практиковаться применение льгот некоторым категориям заключенных: снижение срока наказания от одного года до пяти лет, а также досрочное освобождение за систематическое перевыполнение плана производственных работ. Однако эта практика носила в основном символический характер.

Начало Второй мировой войны внесло изменения и в лагерную жизнь: как и рабочие промышленности, заключенные ИТЛ переводились на непрерывную рабочую неделю. С началом войны руководство Карлага, как и других лагерей, получило от ГУЛАГа и НКВД СССР ряд распоряжений об изоляции заключенных, усилении охраны, изъятии репродукторов, запрещении выдавать газеты, прекращении свиданий, переписки с родственниками и перевода им денег, увеличении до 10 часов рабочего дня и нормы выработки на 20%, прекращении освобождения некоторых категорий заключенных, о сосредоточении особого контингента на специальных лагерных пунктах и др.

Война предоставила возможность осужденным за прогулы, бытовые и незначительно должностные преступления лицам «искупить» вину пе-

Сводка о численности заключенных в Карлаге в 1935–1936 гг.

№	Сводка о распределении заключенных	на 01.01.1935 г.	на 01.01.1936 г.
1	Всего заключенных, из них:	25 127	37 958
2	аппарат лагеря	525	806
3	обслуга аппарата	118	176
4	лагобслуга	340	590
5	хозобслуга	799	998
6	культобслуга	171	274
7	санобслуга	659	962
8	госпитализировано	709	1302
9	слабосильные	74	822
10	временно освобожденные, из них:		
11	по болезни	667	1717
12	отказчики от работы	173	443
13	штрафные	15	40
14	разутые и раздетые	274	1212
15	освобождено	169	300
16	бежало	83	277
17	умерло	6	179

ред обществом, участвуя в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками. Поэтому в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 12 июля 1941 г. эта категория заключенных была досрочно освобождена с направлением лиц призывного возраста в Красную Армию. А их было около 25% от общего числа лишенных свободы. По специальным постановлениям Государственного Комитета Обороны освобождение заключенных с направлением на фронт проводилось и в последующие годы.

В Карлаге, несмотря на значительное освобождение заключенных и направление их в действующую армию, численность контингента продолжала расти. Если на 1.07.1941 г. в лагере насчитывалось 39 513 заключенных, то на 1 июня 1942 г. их было уже 41 103 человек, в том числе мужчин — 20 490, женщин — 20 613. Из общего числа по составу «врагами народа» были 18 113, за служебно-бытовые преступления отбывали наказание 22 990 человек. В лагерях иногда оставались лица, у которых истек срок наказания. Не подлежали освобождению осужденные за антисоветскую деятельность эсеры, меньшевики, анархисты, дашнаки, мусаватисты, а также члены других антибольшевистских партий. Осужденные немцы, итальянцы, румыны, венгры, болгары, латыши, эстонцы, выходцы из Бессарабии направлялись в лагеря, где имелись рабочие колонны, состоящие из представителей этих национальностей.

С февраля 1942 г. режим содержания и охраны осужденных стал регламентироваться «Инструкцией о режиме содержания и охраны заключенных в исправительно-трудовых лагерях и колониях НКВД СССР

в военное время». Инструкция предоставляла право оперативно-служебным нарядам в ряде случаев применять оружие без предупреждения (при побеге и преследовании заключенных, при нападении на администрацию и конвой). Допускалось применение оружия и при отказе заключенных от выполнения работы, что открывало дорогу для произвола.

Несмотря на строгости режима в лагере в военное время, побеги заключенных продолжались. Из обзора по Карлагу за 1942 г. можно узнать, что из общего числа бежавших 21% составили содержащиеся в лагере с довоенных времен.

После окончания войны с гитлеровской Германией на основании Указа Верховного Совета СССР от 7 июля 1945 г. «Об амнистии» значительное число заключенных было освобождено и из Карагандинского ИТЛ. К дню амнистии здесь содержалось 53 179 человек.

В 1947 г. была введена в действие новая Инструкция по режиму содержания заключенных в исправительно-трудовых лагерях и колониях МВД СССР. Она восстанавливала довоенные режимы.

К заключенным применялись следующие виды взысканий: лишение права приобретать продукты питания на срок до 3 месяцев; лишение права на переписку с родственниками на срок до одного года; выговорение в карцер на срок до 15 суток, а при повторном нарушении режима — перевод на штрафной режим на срок до двух месяцев. При обнаружении в бараках запрещенных предметов (если их владельцы не установлены) все заключенные барака переводились на штрафной паек на пять суток с выводом на работу. Лица, переведенные на штрафной режим, содержались в камерах по 10—15 человек. Они не имели право выходить из камер, им запрещалось курить, получать посылки. Применялись повышенные меры безопасности в виде конвоирования осужденных на работу и с работы в наручниках.

Совместным решением МВД, МГБ и Генерального прокурора СССР от 16 марта 1948 г. было принято решение «Об организации особых лагерей и тюрем МВД для содержания особо опасных государственных преступников и о направлении последних по отбытию срока наказания в ссылку на поселение под надзор органов МГБ». На МВД СССР возлагалась обязанность в течении 8 месяцев вынести указанные категории осужденных в особые лагеря и тюрьмы. Под эту категорию попадали осужденные за шпионаж, диверсии, террор, троцкисты, правые, меньшевики, эсеры, анархисты, националисты, белоэмигранты и участники других антисоветских формирований. На базе существующих лагерей создавались пять особых лагерей: Минеральный (Коми АССР) — № 1, Горный (г. Норильск) — № 2, Дубравный (Мордовская АССР) — № 3, Степной (Казахская АССР) — № 4 и Береговой (Магадан) — № 5. Наполнение каждого из них по приказу не должно было превышать 25 000 человек.

В Карагандинском ИТЛ 11 августа 1948 г. в лагере содержалось 73 750 человек,¹³ из них мужчин — 61 372 и женщин — 12 378. Среди них было 165 малолеток. Причины, по которым они отбывали наказание:

за контрреволюционные преступления — 34 074 человек;
за побеги из лагеря — 1634;

за бандитизм и вооруженный разбой — 3434;
воры-рецидивисты — 13 445;
за прочие уголовные преступления — 19 692;
всего: 73 750

В лагере отбывали наказание также 4165 немецких пособников.

Осужденные имели сроки наказания:

от 1 до 10 лет — 58 029;
от 10 до 15 лет — 6106;
от 15 до 20 лет — 6283;
свыше 20 лет — 3332.

Из числа осужденных за контрреволюционные преступления подлежали направлению в особые лагеря и тюрьмы 17 611 человек.

На 1949 г. штатная численность аппарата была установлена в 7356 единиц. Из общего числа военных сотрудников состояли на офицерских должностях 971 человек, сержантских — 963.

Карлаг состоял из 26 административно-хозяйственных единиц (отделений, самостоятельных лагерных пунктов), в составе которых имелись 169 более мелких производственных подразделений (участков, ферм).

За различные нарушения режима содержания заключенные жестоко наказывались, а иногда в отношении их имел место и прямой произвол. По свидетельству бывшего следователя оперчекистского отдела Карлага Н.И. Попова в лагере производились аресты заключенных. По каждому случаю лагерный суд выносил новые приговоры и производились расстрелы. Бывший председатель лагерного суда Дужанский, долгие годы проживавший в Караганде, также подтверждал сказанное Поповым. Расправа происходила в оперчекистском (первом) отделе Карлага, который был расположен отдельно от главного управления в одноэтажном здании барачного типа, характерном для лагерей застройки. Теперь он почти полностью разрушен. Там находились кабинеты следователей и камера смертников. Обреченных собирали группой, в камере не было окон, и они в темноте ждали своей участи. На расстрел обычно вывозили утром. По словам Попова, часов в 6—7 или еще раньше. Везли за Долинское, на водораздел, где были выкопаны рвы. На процедуре присутствовали прокурор, врач и следователь.

Особенно много расстрелов производилось в 1937—1938 гг. Во время войны в Карлаге расстреливали меньше, но после войны, даже в те годы, когда смертная казнь официально была отменена, расстрелы продолжались.

На границе между Долинским и совхозом «Карагандинским» был лагерный роддом. Там же недалеко находилось детское кладбище. Дети умирали, не дожив до года...

При Берии была отменена практика, запрещавшая устанавливать на могилах заключенных какие-либо опознавательные знаки. В специальной справке, приобщаемой к личному делу умершего, точно указывались место и дата захоронения.

Лагерные кладбища в отделениях Карлага к настоящему времени почти не сохранились. В относительно удовлетворительном состоянии находится часть кладбища в Спасске. В Долинском кладбище, на кото-

ром хоронили заключенных, не сохранилось. В бывших отделениях почти повсеместно на местах кладбищ позже были устроены свалки. Часть кладбищ была затоплена при строительстве водохранилищ.

Хоронили в Карлаге по «общим правилам»: яма на несколько трупов, некоторые кались совершенно голые, по пять в каждую яму, в три слоя, на ногу большого пальца привязывали номер, выбитый на жести. Каждый слой трупов пересыпался землей. В одном из углов могилы устанавливался деревянный столбик с номером. Этот номер значился в акте на смерть заключенного. Таким образом, в каждой яме-могиле хоронили по 15 трупов. Это свидетельство А.Б. Берга, бывшего «врага народа», отбывавшего срок наказания в Карлаге.

До сих пор в Караганде живут те, кто уцелел, пройдя Карлаг, а также, кто стоял по другую сторону колючей проволоки, неся охрану. И если первые достаточно охотно рассказывают о прошлом, то вторые от встреч и воспоминаний уклоняются.

Город Караганду по праву можно считать и столицей, и детищем Карлага. Строилась она заключенными. В начале 1930-х годов город представлял собой большое поселение, в основном состоящее из одноэтажных глинобитных домишек с плоскими азиатскими крышами. В старом городе был маленький вокзал, рядом — двухэтажная, сложенная из красного кирпича и крытая зеленой крышей тюрьма, которую так и звали «тюрьмой под зеленой крышей». На этой же единственной и потому центральной улице располагались и все административные здания.

Новый город начали строить в 1932 г. Повсюду были рабочие зоны с вышками. Сюда привозили заключенных, и они строили первые большие многоэтажные дома. Так, заключенными построены основные здания города: почтамт, больницы, школы, жилые дома, шахты. В те годы многие шахты Саранского, Шахтинского и Абайского разрезов построены в основном руками заключенных. Ими же построены Карагандинский мясокомбинат, гормолзавод, аэропорт, вокзал, заводы, железная дорога, связывающая Караганду с Астаной и с Жезказганом, ирригационные сооружения, стадион. До 1955 г. в черте города можно было увидеть зоны. По утрам по городу на машинах развозили заключенных на работу. После освобождения многие из бывших заключенных осели в Караганде и оказали огромное влияние на формирование интеллектуального и культурного потенциала города.

После освобождения областное отделение Союза писателей Казахстана, возглавил реабилитированный узник Ивделлага Ж. Бектуров. В городе стали работать художники, скульпторы, ученые из московских, ленинградских, харьковских, киевских вузов, врачи, прошедшие Карлаг.

Карлаг — это часть истории нашей страны. Он оставил после себя не только могилы и страх. Он оставил после себя прекрасный город. Узники Карлага оставили в память о себе богатые хозяйства, которые позже стали совхозами. Тяжкий, невольный труд стоит за всем этим. Если одновременно в лагере содержалось до 73 500 заключенных, то легко представить, сколько здесь захоронено тех, кто не дожил, не выдержал, кого убили голод, болезни, непосильный труд.

3. «БОЛЬШОЙ ТЕРРОР» В КАЗАХСТАНЕ

Советское тоталитарное господство и его система еще больше искажали и извратили сознание народа. Доносительство поощрялось. Вместо царских гонцов с нагайкой появились белсенды, лже-активисты, члены комитетов бедноты и тому подобные «деятели». Главной фигурой времени стал человек с ружьем. Люди не верили никому, ушли в себя.

Деформация общественного сознания масс была достигнута, во-первых, путем целенаправленного уничтожения прежде всего интеллигентов и, во-вторых, с помощью широкого идеологического наступления по всему фронту. Тонкий слой казахской интеллигенции, сформированный в начале XX века, подвергся репрессиям еще при царском режиме. В период революции и гражданского противостояния казахская интеллигенция, лучшая ее часть, оказалась по ту сторону баррикад; позднее, в 1920-е годы, многие ее представители решительно выступили против Ф.И. Голощекина, его социальных экспериментов и первыми подверглись репрессиям.

Когда мы говорим о тоталитаризме, всегда возникает тема голощекинщины. При этом недостаточно акцентируется внимание на том, что голощекинщина — по сути дела трансформация сталинизма на почве казахстанской действительности. Результат политики этого сатрапа в области экономической — голод, почти полное уничтожение поголовья скота, разрушение общины. В идеологическом плане — это насаждение тоталитаризма, переход по всему фронту к командно-бюрократическому методу руководства, свертыwanie культурной революции, преследование и репрессирование деятелей литературы и искусства. В области политической — насаждение практики регионального вождизма, яacobинской диктатуры. В области партийного строительства — это форсирование формирования личности «аульного коммуниста», приверженца административно-командных методов руководства, выдумывание несуществующих «националистических блоков», группировок и «подпольных антисоветских организаций», избиение кадров путем наклеивания ярлыков, обвинения в отсутствии подлинной организованности и сплоченности коммунистов в республике, подозрительность в отношении коммунистов-казахов, обвиняемых обычно в национализме.

Жертвами политических репрессий стали почти все руководящие партийные и советские работники республики. Как свидетельствуют дела так называемых «национал-фашистов», репрессированных в 1937–1938 гг., Н.И. Ежов и его подручные особо не утруждали себя при их фабрикации. Были подняты давние дела так называемых участников различных группировок, в их число попали и те, кто в свое время отстаивал интересы республики, открыто выражал протест по поводу массовой гибели казахского населения в 1931–1933 гг. Для пушей важности была придумана версия о том, что «национал-фашисты» во главе с заместителем председателя СНК РСФСР Т. Рыскуловым, заместителем секретаря ВЦИК СССР Н. Нурмаковым, председателем ЦИК Казахской ССР У. Кулумбетовым и другими хотели «отделить Казахстан от СССР и отдать его под протек-

торат Японии, а сами они являются японо-германскими шпионами».¹⁴ Абсурдность предъявленных обвинений была очевидной, но это не смущало тех, кто фабриковал подобные дела.

Эти стандартные обвинения предъявлялись тогда почти всем известным руководящим работникам республики и деятелям культуры, что характеризует специфику репрессий в Казахстане. Например, писателю, общественному и государственному деятелю Сакену Сейфуллину было предъявлено следующее обвинительное заключение¹⁵: «УГБ НКВД Казахской ССР вскрыта и ликвидирована широко разветвленная антисоветская националистическая, террористическо-повстанческая и шпионско-диверсионная организация. Эта организация ставила задачей свержение Советской власти, вооруженное отторжение Казахстана от СССР и создание Казахского буржуазного государства под покровительством Японии. В этих целях антисоветская националистическая организация проводила диверсионно-вредительскую работу в промышленности и сельском хозяйстве, готовила вооруженное восстание, приурочивая его к моменту иностранной военной интервенции против СССР, а также намечала применение террора против руководителей ВКП(б) и Советского правительства. Антисоветская националистическая организация широко развернула работу по формированию подпольных районных и областных филиалов организаций, вовлечению в них контрреволюционных националистических кадров: алаш-ордынцев, бывших карателей, басмачей, активных участников повстанческого движения, мулл, баев и прочих антисоветский элемент.

Руководящий центр этой организации в лице Рыскулова, Нурмакова, Ходжанова и Кулумбетова, в целях расширения и усиления борьбы против Советского государства, установил политический и организационный блок с троцкистами — врагами народа Троцким, Зиновьевым и другими и центром контрреволюционной организации правых в лице Бухарина и Рыкова. В этих же целях антисоветская националистическая организация в Казахстане установила организационно-политические связи с подобными ей организациями в других национальных республиках Советского Союза. Основой заключенных блоков являлось признание всеми названными антисоветскими организациями как общности их основной задачи — свержение Советской власти и реставрацию капитализма в СССР, так и методов предательской работы — повстанчество, индивидуальный террор, шпионаж, диверсию и вредительство.¹⁶

Антисоветская националистическая организация в Казахстане в контрреволюционных изменнических целях установила связь с разведывательными органами германского и японского фашистских правительств и проводила шпионскую работу по заданию и указанию последних. В частности, вышеуказанная организация поддерживала шпионскую связь с японо-германскими агентами, белоэмигрантами — Мустафой Чокаевым и Раимжаном Марсековым.

Одним из активных участников этой организации явился обвиняемый Сейфуллин Сакен — писатель. Следствием установлено, что Сейфуллин С. на путь контрреволюционной борьбы с ВКП(б) и Советской властью встал в 1922 году, когда выступил как организатор и руководи-

тель контрреволюционной националистической группировки, называвшейся впоследствии его именем. По признанию самого Сейфуллина, эта группировка базировалась на контрреволюционных, буржуазно-националистических идеях и проводила борьбу с партией и Советской властью. Сейфуллин С. показал, что с 1922 года он являлся скрытым троцкистом, разделял контрреволюционную программу Троцкого, что в целях популяризации Троцкого он выступал в печати, посвящал ему свои произведения и вел троцкистскую агитацию среди националистов.

В 1928 году в момент объединения националистических группировок на базе контрреволюционной борьбы с партией, по предложению Ходжанова, Сейфуллин, как один из лидеров-националистов, вступил в антисоветскую националистическую организацию.

Ходжанов, а в последующее время Нурмаков и Тогжанов ориентировали Сейфуллина о вредительских, террористических и повстанческих методах борьбы организации с Советской властью, с чем Сейфуллин полностью согласился и неоднократно принимал участие в собраниях руководящего состава организации по вопросам борьбы с партией, Советской властью.

Сейфуллин принимал участие в подготовке террористических актов над руководителями ВКП(б) и Советского правительства.

Выполняя установку центра антисоветской организации, Сейфуллин проводил большую антисоветскую работу в области литературы и вел вербовочную деятельность.

В 1936 году, по заданию центра националистической организации, Сейфуллин установил организационную связь с врагом народа Сокольниковым, которого информировал о деятельности антисоветской националистической организации в Казахстане и получил от него директиву об активизации подрывной работы организации...».¹⁷

В 1937–1938 гг. на основе таких обвинений были репрессированы все видные государственные и общественные деятели Казахстана: Т. Рыскулов, Н. Нурмаков, С. Ходжанов, У. Кулумбетов, У. Исаев, У. Джандосов, А. Досов, А. Асылбеков, Ж. Садвакасов, С. Сафарбеков, Ж. Султанбеков, Т. Жургенев, Н. Сыргабеков, З. Торегожин, С. Сегизбаев, С. Ескараев, А. Кенжин и многие другие. Невосполнимую утрату понесла наука и культура Казахстана. Жертвами репрессий стали А. Букейханов, А. Байтурсинов, М. Дулатов, Х. Досмухамедов, М. Тынышпаев, М. Жумабаев, С. Сейфуллин, И. Джансугуров, Б. Майлин, С. Асфендияров, М. Жолдыбаев, К. Жубанов, Ж. Шанин, Т. Шонанов, К. Кеменгеров, К. Тюркулов и многие другие.

Парадоксально, но факт, что репрессиям подверглись и те, кто в свое время участвовал в установлении Советской власти. В этом отношении примечательны «признания» одного из активных участников установления Советской власти и гражданской войны, в годы коллективизации работавшего секретарем КазЦИКа Абдуллы Асылбекова, данные им на следствии в 1937 г.: «Резко антисоветские настроения начали у меня созревать на националистической основе с 1932 г., когда в Казахстане активно проводилась политика коллективизации. Я считал, что казахский аул к коллективизации не подготовлен. В отношении же кочевых ското-

водческих районов я был убежден, что в них коллективизация вообще невозможна.

Последовавшие затем перегибы и создавшиеся в связи с ними тяжелые условия в жизни казахского аула были мною восприняты как неопровержимое доказательство неправильности политики партии и правительства в Казахстане. Я ездил по районам, вплотную сталкивался с жизнью аула, видел исключительно тяжелое положение казахов...». ¹⁸

В ноябре 1937 г. по распоряжению ЦК ВКП(б) и ЦК КП(б) Казахстана в Караганде состоялся показательный судебный процесс над «врагами народа» — бывшим председателем облисполкома А. Асылбековым, вторым секретарем обкома партии Н. Нурсеитовым, руководителями ряда районов. Такие же открытые процессы над местными партийно-советскими работниками состоялись в Пресновском (Северо-Казахстанская область), Урджарском (Семипалатинская область) районах. Тогда же состоялся суд над группой работников ветеринарно-санитарной службы Южно-Казахстанского облземуправления во главе с М. Есенгельдиным. Падеж скота, другие неурядицы в экономике и культурном строительстве были преподнесены общественности как результат вредительской, подрывной антисоветской деятельности привлеченных к суду лиц. ¹⁹

Как свидетельствуют дела, сфабрикованные против Т. Рыскулова, Н. Нурмакова, С. Ходжанова, У. Кулумбетова, С. Сейфуллина, Т. Садовасова, Т. Жургенева, Г.Х. Букейханова, А. Асылбекова и многих других, они обвинялись, в частности, в «буржуазном национализме» и в том, что допущенные ими «перегибы» вызвали крестьянские восстания. Тем самым режим задним числом свалил ответственность за содеянное на местных руководящих работников. В то же время, как свидетельствуют документы, многие из репрессированных деятелей были в оппозиции политике режима. Мы долгие годы не знали, в чем конкретно обвинялись эти люди. Просто констатировался факт, что они стали жертвами необоснованных репрессий. На самом деле подспудно в причинах гибели многих из них присутствует и элемент оппозиционности политике режима. Именно в этом плане, как естественный протест против геноцида следует рассматривать сегодня поэму «Кызыл ат» («Красный конь») и другие произведения С. Сейфуллина, стихи и поэмы И. Джансугурова, сочинения Б. Майлина и ряда других деятелей литературы, созданные в 1930-е годы.

Выше отмечалось, что лишь немногие имели смелость поднять голос протеста против беззаконий и произвола. Большая часть номенклатурной интеллигенции оказалась заложниками системы, которой сама же служила верой и правдой. В конечном итоге малочисленную казахскую интеллигенцию, оказавшуюся в период Февральской и Октябрьской революций по разные стороны баррикад, постигла одна и та же участь. И сегодня этот факт мы должны признать, переосмыслить и по-новому отразить в исследованиях, посвященных истории политических репрессий конца 1920-х — 1930-х годов.

Репрессии сталинского режима против собственного народа продолжались и в последующие годы. Особенно ярко проявилось это в ходе депортации подвергшихся необоснованным гонениям народов. Как известно, в предвоенные и военные годы в Казахстан были насильственно пе-

ремещены корейцы, курды, иранцы, немцы, калмыки, чеченцы, ингуши, балкарцы, карачаевцы, крымские татары, турки-месхетинцы, караимы, болгары, греки и т.д. Всего число депортированных достигло около 900 тыс. человек.

В последние годы в контексте реализации Закона Республики Казахстан «О реабилитации жертв массовых политических репрессий» от 14 апреля 1993 г. большая работа была проделана учеными Института истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова. Совместно с правлением и активистами историко-просветительского общества «Адилет» и при активной поддержке руководства КНБ республики были проведены научные конференции и семинары, получены списки жертв массовых политических репрессий периода сталинщины. Рассекречены и обнародованы отдельные документы, в том числе постановления ЦК ВКП(б) и бывшего Крайкома и ЦК Компартии Казахстана, послужившие основанием для проведения массовых политических репрессий.

В феврале 1995 г. была проведена научно-практическая конференция на тему «Насильственная коллективизация и политические репрессии в Казахстане». В октябре 1996 г. материалы конференции и воспоминания жертв политических репрессий изданы отдельной книгой под названием «Народ не безмолвствует». В течение 1996 г. общество «Адилет» провело ряд круглых столов и семинаров и итоговую научно-теоретическую конференцию, посвященную истории политических репрессий тоталитарного режима. Материалы этих семинаров и круглых столов, а также конференции изданы. Эта работа продолжается и сегодня.

Одновременно продолжается поиск мест массовых захоронений жертв репрессий. Несмотря на давность событий, отсутствие документальных свидетельств и очевидцев с помощью общественности, а также сотрудников органов КНБ были установлены места массовых захоронений жертв репрессий в Алматинской, Акмолинской, Актюбинской, Западно-Казахстанской и Южно-Казахстанской областях. Следует напомнить, что только по Алматинской области было приговорено к высшей мере наказания 2209 человек, среди которых видные государственные и общественные деятели, представители науки и творческой интеллигенции. В настоящее время установлен памятный знак на месте их захоронения в местности между поселками Али и Жаналык. Предполагается соорудить здесь мемориальный комплекс.

С ноября 1996 г. было издано несколько томов «Книги скорби», куда вошли списки расстрелянных в г. Алма-Ате и других областях граждан. В нее включены также имена людей, работавших в других областях республики, дела которых рассматривались в г. Алма-Ате выездной сессией Военной Коллегии Верховного Суда СССР. В связи с работой этого карательного органа в Казахстане необходимо обратить внимание на следующее обстоятельство. Выездная сессия Военной Коллегии Верховного Суда СССР в 1936–1938 гг. неоднократно рассматривала в областных центрах и в г. Алма-Ате дела «врагов народа» и «контрреволюционных организаций», выявленных стараниями органов НКВД. По своему статусу данная сессия должна была рассматривать исключительно крупные дела участ-

ников вражеских организаций. Как свидетельствуют документы, то были честнейшие люди, попавшие под колесо репрессий по ложно сфабрикованным делам и доносам. При этом следует отметить, что рассматривались дела и выносились приговоры руководящим партийно-советским и хозяйственным работникам как районного звена, так и аппарата высших органов республики. Начиная с 1936 и вплоть до конца 1938 гг. неизменно в Казахстан председателем выездной сессии Военной Коллегии Верховного Суда СССР направлялся один и тот же человек — дивизионный военный юрист Горячев. Вот некоторые штрихи его «судебной деятельности». Прибыв в столицу Казахстана, с 25 февраля по 13 марта 1938 г. он почти ежедневно выносил смертные приговоры нескольким десяткам людей. Так, например, 25 февраля 1938 г. им приговорено к расстрелу 39 человек, среди которых Сакен Сейфуллин, Санжар Асфендияров, Темирбек Жургенев, Сейткали Мендешев, Жанайдар Садвакасов и др.; 26 февраля — 37 человек, в том числе Ильяс Жансугуров, Ильяс Кабулов, Жумат Шанин и др.; 27 февраля — 41 человек; 28 февраля — 40 человек и так до 14 марта. Судебные слушания, если их так можно называть, длились 15–20 минут, а то и меньше.²⁰ Вот так решались судьбы людей.

Как явствуют данные из списка репрессированных, почти 90 процентов поименованных в нем лиц составляют рядовые труженики — колхозники, рабочие, служащие, работники низшего и среднего звена. В свое время широкое распространение получило утверждение о том, что главным образом репрессии были направлены против участников оппозиции режиму Сталина, в основном против представителей интеллигенции. Это только видимая часть айсберга. Как показывает предварительный анализ, среди расстрелянных примерно одну треть составляют рабочие, около 20 процентов — крестьяне, 9 процентов — спецпереселенцы и около 50 процентов — служащие. В их числе представители всех национальностей, населяющих Казахстан. Так, среди расстрелянных по Карагандинской области 35 процентов составляют русские, 28 процентов — немцы, 18 процентов — казахи, 7,2 процента — украинцы и т.д. Предстоит еще большая работа по дальнейшему изучению социального и национального состава репрессированных. При этом хотелось бы обратить внимание на то, что в списках по отдельным областям значится большое число лиц польской и немецкой национальностей, литовцев, эстонцев, латышей и др. Думается, этот вопрос заинтересует наших зарубежных коллег в плане издания отдельных книг, посвященных жертвам репрессий из других стран.

Есть еще одна проблема, на которую следует обратить внимание, — это восстановление справедливости в отношении участников крестьянских движений сопротивления коллективизации и голоду. В списках репрессированных зачастую отсутствуют лица, осужденные и расстрелянные за участие в этих движениях. Среди них очень много необоснованно репрессированных, тех, кто должен быть реабилитирован и включен в соответствующие списки.

Разоблачение преступлений тоталитарного режима — настоятельная необходимость сегодняшнего дня. К этому призывал в свое время и Указ Президента Республики Казахстан «Об объявлении 1997 года годом об-

шенационального согласия и памяти жертв политических репрессий». Его реализация способствовала восстановлению в полном объеме исторической справедливости, а значит — и укреплению общественно-политической стабильности в республике. Поиски и реабилитация жертв политических репрессий сталинского периода продолжаются и поныне.

¹ См.: Тайны национальной политики ЦК РКП. «Четвертое совещание ЦК РКП с ответственными работниками национальных республик и областей в г. Москве 9–12 июня 1923 г.» Стенографический отчет. Воспроизведено по тексту первого издания. Москва: «ИНСАН», 1992, с. На этом совещании выступали Т. Рыскулов, С. Ходжанов и др.

² Козыбаев М.К., Абыхожин Ж.Б., Алдажуманов К.С. Коллективизация в Казахстане: трагедия крестьянства. А., 1992, с. 21.

³ Архив КНБ РК. Д. 78754, с. 242–278.

⁴ ЦГА РК, ф. 30. оп. 7. д. 47. л. 1–10.

⁵ Подр.см.: Қойгелдиев М., Омарбеков Т. Тарих тағлымы не дейді? А., «Ана тілі», 1993, с. 20–86.

⁶ Там же, с. 98–104.

⁷ Архив КНБ РК, дело С. Сейфуллина, Т. Жургенева, Ж. Садвакасова и др.

⁸ Там же, д. 2370.

⁹ Дильманов С. История создания исправительно-трудовых лагерей в СССР // Материалы «круглых столов» и семинаров. А., 1966, с. 63.

¹⁰ Более подробно см.: Кукушкина А.Р. История создания и функционирования Акмолинского лагеря жен «изменников родины» (30–40-е годы XX века). Автореферат канд. дисс. Караганда, с. 28.

¹¹ Шаймуханов Д.А., Шаймуханова С.Д. Карлаг. К., 1977, с. 175.

¹² Дильманов С., Кузнецова Е. Карлаг. А., 1997, с. 16.

¹³ Там же.

¹⁴ Архив КНБ РК. Из обвинительных заключений У. Кулумбетова, А. Асылбекова, С. Сейфуллина, Т. Жургенева и других деятелей, репрессированных в 1937–1938 гг.

¹⁵ Из обвинительного заключения С. Сейфуллина // Архив КНБ РК.

¹⁶ Такое же обвинение предъявлялось и другим руководящим работникам республики, подвергшимся репрессии в 1937–1938 гг.

¹⁷ Из обвинительного заключения С. Сейфуллина // Архив КНБ РК.

¹⁸ Из протокола допроса А. Асылбекова // Архив КНБ РК.

¹⁹ Алдажуманов К. Открытые «судебные процессы» 1937 года в Казахстане // Материалы «круглых столов» и семинаров. Алматы, 1996, с. 53–61.

²⁰ Азалы кітап — Книга скорби. Расстрельные списки. Выпуск I: Алма-Ата, Алма-Атинская область. А., 1996; выпуск II. А., 1998.

Глава восьмая

КАЗАХСТАН В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ (1941–1945 гг.)

1. НАЧАЛО И ХАРАКТЕР ВОЙНЫ

22 июня 1941 г. гитлеровская Германия вероломно, без объявления войны напала на СССР.

Фашисты вынашивали планы создания на захваченной советской территории рейхкомиссариатов Остланд (Белоруссия и Прибалтика), Украина, Московия (Россия) и Кавказ, на восточных окраинах страны — Туркестан и Идель-Урал. Немецкая высшая разведывательная школа, прикрытая вывеской «Научно-исследовательский институт «Арбайтегемайншафт Туркестан» подготовила проект карты будущей колонии «Большого Туркестана». В нее были включены Казахстан, Средняя Азия, Татарстан, Башкирия, Азербайджан, Северный Кавказ, Крым, Синьцзян, северная часть Афганистана.

Идея создания марионеточного государства преследовала как экономические, так и политические цели. В экономическом отношении, — писалось в меморандуме от 2 апреля 1941 г., — эта область имела бы задачу образовать мощный сырьевой и дополнительный продовольственный базис для великогерманской империи.

В Великую Отечественную войну Казахстан вступил как составная часть СССР, располагая значительным количеством населения, довольно развитыми производственными мощностями и огромными природными ресурсами. Хотя за два десятилетия мирного развития осуществить намечавшийся скачок из эпохи феодализма и патриархальщины в лучезарный социализм не удалось, сделано было немало. Социализм в короткий срок дал людям реальные плоды: ликвидацию безработицы и классовой эксплуатации, колониального и национального гнета, почти поголовной неграмотности населения и рабского бесправия женщины. Это, безусловно, укрепляло национальное сознание народов и их взаимоотношения. Но в то же время в прямо противоположном направлении действовали негативные моменты тех десятилетий. Голод и террор, унесшие почти половину казахской нации, начало превращения Великой степи в зону расселения репрессированных народов ослабляли их единство, сдерживали развитие экономики и культуры, а значит — и обороноспособность республики и страны.

Народы многонационального государства встали на защиту Отечества. Преданность Родине, сочетание народного патриотизма с политическим пафосом позволили самым широким массам населения преодолеть растлевающее влияние сталинизма и сплотиться во имя защиты Отечества. Подлинно народный характер войны со стороны СССР стал одним из решающих факторов быстрой и максимально возможной мобилизации людских резервов, производительных сил и природных ресурсов на отпор врагу.

Казахстан выставил на фронт 1 200 тыс. человек, в том числе 82 тыс. коммунистов (2/3 предвоенной численности), 242 тыс. комсомольцев (почти 70%) и 5183 женщин и девушек, а также свыше 700 тыс. в трудовую армию и специальные строительные части. Много это или мало? По итогам переписи населения 1939 г. в Казахстане проживало 6,2 млн человек. Даже с учетом размещения в республике примерно 1,5 млн эвакуированных жителей прифронтовой полосы и репрессированных народов, процент мобилизации оказался очень большим.

Основная масса казахстанцев влилась в действующую армию в качестве маршевого пополнения, а примерно треть была зачислена в соединения и части, создававшиеся в республике. Это были 12 стрелковых и 4 кавалерийских дивизии, 7 стрелковых бригад, около 50 отдельных полков и батальонов различных родов войск. Из этого числа 3 кавалерийские дивизии и 2 стрелковые бригады были сформированы как казахские национальные соединения. Созданные сверх мобилизационных планов в основном из добровольцев, они почти наполовину состояли из коммунистов и комсомольцев и до передачи в действующую армию содержались и обеспечивались обмундированием и многими другими видами довольствия, обозом и снаряжением за счет республиканского бюджета и добровольных взносов населения.¹

Республика внесла достойный вклад и в подготовку офицерских кадров и резервов для армии и флота. В военные учебные заведения за 1941–1945 гг. было послано более 42 тыс. молодых казахстанцев, а существовавшие на территории республики 27 военных учебных заведений выпустили [по неполным данным] 16 тыс. офицеров. Кроме того, в связи с критическим положением на фронте 10,5 тыс. курсантов отправились на фронт сержантами и 10 тыс. человек — рядовыми.² За те же годы в подразделениях Всеобуча, Осоавиахима, спортивных и других обществ прошли курс начальной подготовки бойца около 2 млн человек.³

В связи с изменившейся обстановкой на фронте Наркомат Обороны СССР в декабре 1941 г. издал приказ «О новом территориальном составе военных округов», по которому из состава военного Комиссариата Казахской ССР были выведены 4 облвоенкомата, в том числе Кустанайский ОВК, вошедший в Уральский военный округ, Гурьевский, Актюбинский и Западно-Казахстанский ОВК — в Южно-Уральский военный округ. Поэтому тысячи рабочих и колхозников под знаменем Советской Армии были призваны военкоматами Актюбинской, Гурьевской, Западно-Казахстанской областей, которые направлялись в ряды формирований Южно-Уральского

округа, а призывники Кустанайской области — в части и соединения Уральского военного округа.

За счет людских ресурсов, поставленных военкоматами Казахстана, были сформированы крупные соединения за пределами республики. В частности, сформированная в начале 1942 г. в Чкаловской области 196-я стрелковая дивизия на 80% рядового состава была из казахов. В 195-й дивизии, сформированной в марте 1942 г. также в Чкаловской области, более половины личного состава, т.е. 4129 человек составляли казахи.⁴ Из людских ресурсов, поставленных военкоматами республики преимущественно из казахов, были сформированы за пределами республики 333-я, 193-я стрелковые дивизии, 124-я отдельная стрелковая бригада и некоторые другие соединения.⁵ Немало поставок для формирования соединений на территории Узбекистана осуществлял военкомат Южно-Казахстанской области. В состав 69-й стрелковой дивизии, сформированной в Чирчике, вошли рабочие и колхозники Чимкента, Ачисая, Пахтаарала, Арыси.⁶

Высокий процент мобилизации казахстанцев на фронт объясняется, во-первых, тем, что республика преимущественно была аграрной, в промышленности же бронирование рабочих, инженерно-технических работников было введено позже, по существу — на завершающем этапе войны. И, наконец, Советская власть повторила «подвиг» царизма, призвавшего в 1916 г. «туземцев» на окопные работы. 700 тыс. трудармейцев, в том числе 200 тыс. казахов пожилого возраста, наравне с мобилизованными спецпереселенцами и военнопленными, строившие оборонные объекты Урала, Сибири, Дальнего Востока.

Вместе с тем, в процессе реализации военно-мобилизационной программы советское общество испытывало последствия демографической катастрофы 1920–30-х гг., массовых репрессий, лишения стойких, опытных кадров, в том числе военных, прошедших школу революции, гражданской войны и социалистического строительства, национальной дискриминации. Советское милитаризованное общество в суровых военных условиях доказало свои колоссальные возможности в осуществлении мобилизационной модели развития.

Перестройка народного хозяйства на военный лад. В условиях войны административно-командная система государственного управления, и без того отвечавшая военным условиям, была еще более приспособлена к ним. Одни ведомства реорганизовывались для выполнения новых задач, другие создавались вновь. Были расширены права и ответственность наркоматов и их руководителей за положение дел в отраслях. Сокращалось число заседаний, повысилась оперативность, деловитость в решении возникших задач. Центр тяжести организаторской и воспитательной работы был перемещен в массы: без этого невозможно было решить многие проблемы, в том числе и самой, пожалуй, трудной — почти непрерывной замены кадров на всех уровнях.

Многое определялась, конечно, личностными качествами руководителей, больших и малых. Хорошее знание дела, энергию, организаторские способности и уважительное отношение к людям показали Н.А. Скворцов, Ж. Шаяхметов, Н.Д. Ундасынов, А. Ка-

закбаев, М. Абдыкалыков, П.А. Алексеев и другие, возглавлявшие партийную организацию и правительство республики. Но основу авторитета партии, руководившей тогда всеми участками жизни, составляли рядовые коммунисты, их повседневный труд и личный пример.

Прежде всего были внесены изменения в организационную структуру органов управления. При СНК КазССР и областях были организованы бюро по распределению рабочей силы, отделы по хозяйственному устройству эвакуированного населения (в некоторых областях они именовались Чрезвычайными комиссиями), по государственному обеспечению и бытовому устройству семей военнослужащих, по военным заказам и монтажу эвакуированного оборудования. В 1944 г. при исполкомах районных, городских и областных Советов депутатов трудящихся были созданы отделы по государственным пособиям многодетным и одиноким матерям.

В условиях войны усилилась исполнительно-распорядительная функция Советов. Широко практиковалось принятие обязательных решений и распоряжений о мобилизации незанятого трудоспособного населения, введение автогужевой повинности. Население городов было привлечено также к работам по очистке аэродромов, к вывозке топлива из мест добычи. Осенью 1941 г. исполкомы Советов установили сроки обучения и сдачи всеми трудящимися норм ПВХО. Под особый контроль Советов была взята работа архивов. Исполкомы Советов вырабатывали комплекс санитарно-профилактических мероприятий, в том числе по благоустройству городов, улучшению санитарного состояния населенных пунктов.⁷ Местными Советами были установлены новые порядки учета и предоставления жилой площади и прописки граждан. Были введены урезанные жилищно-санитарные нормы в городах и поселках (4 м² на человека).⁸ Под особым контролем Советов и их руководителей находились жалобы красноармейцев, краснофлотцев, эвакуированных, членов семей военнослужащих.

Координатором военной экономики стала Коммунистическая партия. В структуре партии были созданы чрезвычайные органы – политотделы МТС и совхозов, учрежден институт секретарей партийных органов по важнейшим видам военного производства и решающим отраслям тяжелой промышленности, введенный накануне войны согласно решениям XVIII конференции ВКП(б).

В ЦК Компартии Казахстана были созданы отделы оборонной, химической промышленности, электростанций, черной металлургии, торговли и общественного питания, животноводства, школ, вузов и науки, сектора партстатистики и единого партбилета, подготовки и переподготовки партийных кадров, образована партколлегия. В Южно-Казахстанском и Восточно-Казахстанском обкомах партии были учреждены отделы общей промышленности и цветной металлургии, в Карагандинском – угольной и цветной промышленности, в Северо-Казахстанском – отделы оборонной, общей промышленности и электростанций.

Отделы по ведущим отраслям промышленности были созданы и в некоторых крупных горкомах партии (Караганда, Балхаш, Лениногорск и др.).

В связи с объявлением военного положения на побережье Каспийского моря⁹ Государственный комитет обороны 3 сентября 1942 г. принял решение об организации комитетов обороны в прифронтовых и находящихся под угрозой районах, в том числе в городах Уральске и Гурьеве.

С уходом на фронт большого количества опытных партийных работников произошли значительные изменения в кадровом составе партийного аппарата. Только за первый период войны было выдвинуто на ответственную партийную, советскую, профсоюзную, комсомольскую работу около 9 тыс. человек.¹⁰ Предприятия оборонного значения укреплялись партийными и хозяйственными кадрами. Аппарат ЦК, обкомов партии пополнился опытными партийными работниками, прибывшими по путевкам ЦК ВКП(б).

Таким образом, Коммунистическая партия, ее организации в республиках стали военным органом, осуществляющим диктатуру власти.

Наиболее сложным звеном перестройки на военный лад оказалась сфера экономики. За короткий срок предстояло переключить промышленность на выпуск оборонной продукции, быстро ввести в действие перебазируемые заводы и фабрики, перераспределить материально-технические, трудовые и финансовые ресурсы республики на нужды военной экономики, создать новые схемы кооперирования и специализации промышленности, перевести на обслуживание фронта сельское хозяйство (изменение структуры посевных площадей, возделывание новых культур, прием и размещение эвакуированного скота, перераспределение техники, тягловой силы), подготовить, по существу, новую гвардию тыла.

Военно-хозяйственный план страны на IV квартал 1941 г. и на 1942 г. по районам Поволжья, Урала, Западной Сибири, Казахстана и Средней Азии предусматривал в республике форсированное развитие черной и цветной металлургии, топливно-энергетической промышленности, железнодорожного транспорта.¹¹ В числе ударных строек по Казахской ССР были определены разведка и добыча нефти на Эмбе, строительство шахт в Караганде и Мангышлаке, ряда электростанций и цеха огневой рафинировки меди на Балхашском медеплавильном заводе. В директивах развитие топливно-энергетического комплекса и цветной металлургии в Казахской ССР проходило как составная часть народно-хозяйственного плана СССР на период войны.

Ускорение шахтного строительства осуществлялось за счет скоростных методов проходки горных выработок и индустриально-поточного метода строительства поверхностных сооружений. В результате за первые полтора года войны были введены в эксплуатацию 12 шахт.¹²

В сложившейся военной обстановке основная тяжесть по снабжению цветными металлами предприятий оборонной промышленности легла на предприятия медной промышленности Балхаша и Джезказгана, где накануне войны было сосредоточено 52,3% всех запасов этих металлов в СССР.¹³ В июле 1941 г. стройки Восточно-Коунрадского молибденового месторождения, цех рафинирования и дробильно-измельчительный цех на Балхашском медеплавильном заводе были объявлены ско-

ростным строительством оборонного значения.¹⁴ В неслыханно короткий срок строители воздвигли гидрокорпус — специальный молибденовый цех. К 7 ноября 1941 г. была выдана первая партия молибдена для металлургических заводов страны. На строительство прибыли бурильщики с уральских медных рудников.¹⁵ Удельный вес добычи молибдена в союзном балансе страны значительно увеличился. Из 100 т молибдена, добываемого во время войны в стране, 60 т давали герои Балхашской степи — горняки рудника «Восточный Коунрад». Их бессмертный трудовой подвиг вошел в историю Отечественной войны наравне с подвигами воинов.

Совнарком СССР утвердил решение СНК Казахской ССР о строительстве передельного металлургического завода в Казахской ССР в районе Караганды на базе местных ресурсов металлолома мощностью 96 тыс. т стали и 75 тыс. т проката в год. В мае 1942 г. при Совнаркоме Казахской ССР был создан Комитет содействия по строительству передельного металлургического завода под руководством Н.Д. Ундасынова — председателя СНК Казахской ССР.¹⁶

В связи с оккупацией Никопольского марганцевого бассейна в неслыханно тяжелом положении оказались доменные и мартеновские печи Урала и Сибири. К разведке марганцевых месторождений были привлечены геологи Урала и Казахстана. Казахстанские геологи, работая в исключительно трудных условиях, открыли несколько месторождений марганца, лучшим из которых оказалось месторождение в урочище Дезде Дездеказганского района. Особая заслуга в открытии геологами Дездединского марганцевого рудника принадлежит Канышу Имантаевичу Сатпаеву и коллективу Дездединской геолого-разведочной партии.¹⁷ В 1942 г. в очень короткий срок (за 38 дней) в необжитом полупустынном районе был создан Дездединский марганцевый рудник. В июне 1942 г., параллельно со строительством, рудник стал добывать и отгружать руду Магнитогорскому комбинату.¹⁸ С вступлением его в строй действующих удельный вес восточных районов в производстве марганцевой руды возрос с 13,7 в 1942 г. до 84,6% всего производства марганцевой руды в стране к концу войны.¹⁹

На базе разведанных месторождений марганца, железа, цветных металлов развернулось строительство свыше 40 сверхударных и свыше 100 крупных предприятий первой и второй очереди. Из них уже в 1942 г. вступили в строй 7 рудников и обогатительных фабрик, 12 шахт, 2 угольных разреза, 2 нефтепромысла. Ускоренными темпами шло строительство Актюбинского ферросплавного завода, Текелийского и Усть-Каменогорского свинцово-цинкового комбинатов.

Крупнейшей ударной стройкой стало возведение Акчатауского молибдено-вольфрамового комбината на базе Акчатауского месторождения.

Главным поставщиком меди в стране стал Балхашский медеплавильный гигант. Нарастивали темпы выплавки меди Иртышский и Карсакпайский медеплавильные заводы. На Карсакпайском заводе впервые были освоены тяжеловесные плавки меди. Имя мастера конвертора К. Сейтенова было названо первым из казахстанцев в обращении

Совинформбюро. Вот что говорил патриот в те дни: «Слушай, родная страна! Мы будем драться за то, чтобы Карсакпай давал тебе еще больше меди. Мы знаем: медь — это патроны, снаряды, пулеметы, танки и самолеты. Это — победа!».

В 1941 г. выплавка меди в республике увеличилась на 22, редких металлов — на 88%. «Страна, — отмечалось в сообщении Совинформбюро 21 декабря 1941 г., — получает сверх плана десятки тонн свинца, меди, цинка». Героические страницы в историю военной экономики вписали горняки Караганды и нефтяники Эмбы. За второе военное полугодие нефтяники дали фронту горючего на 21,3% больше, чем за первое полугодие 1941 г., на 17% увеличили добычу угля шахтеры Караганды. Шахта №1 (директор Т. Кузембаев) завершила годовую программу 30 октября. Врубмашинист этой шахты С. Майжаканов заявил в своем интервью 5 декабря 1941 г.: «Три машиниста с тремя помощниками проходили 80—90 м в месяц, а сейчас я один успеваю подрубить 280—300 м». Промысел Кулсары за этот период удвоил добычу нефти, на 85% увеличил добычу промысел Сагиз. На 66 дней раньше срока выполнил годовой план коллектив промысла Байчунас. Ему было присвоено звание «Лучший промысел СССР».

Широкое развитие получило движение двух- и трехсотников, рабочих-передовиков, обслуживающих много агрегатного обслуживания, фронтовых бригад, смен. 20 сентября 1941 г. лениногорский бурильщик Г. Хайдин выполнил сменную норму на 1230%, а 16 октября — на 2143%. «Все ли я сделал для фронта? — писал знатный горняк. — Нет, не все! Избитый, разъяренный враг продолжает наступать. Наша помощь фронту должна с каждым днем расти. Я должен достичь 25 норм в смену и закрепить эту выработку на все время, до полного разгрома и уничтожения врага». Слово прославленный ветеран социалистического строительства подкрепил делом. Вскоре Г. Хайдин дал за смену 24, а потом 36 норм. Совинформбюро неоднократно называло имена Г. Хайдина и его последователей наравне с именами воинов, полководцев Красной армии, отличившихся в боях за Родину. 2 декабря 1941 г. коллектив лениногорского свинцового завода выступил с открытым письмом «Приведем в действие все резервы промышленности Казахстана», став, по существу, инициатором всеказахстанского соревнования рабочего класса. Героическому примеру гвардейца труда Рудного Алтая последовали горняки Центрального и Южного Казахстана.

Энергично перестраивал работу на военный лад транспорт республики. Движение поездов было переведено на сменный график. Устанавливалось первоочередное продвижение войск и воинских грузов, ограничение пассажирских перевозок. Советское правительство, ГКО принимали решительные меры по укреплению материально-технической базы стальных магистралей Поволжья, Урала, Западной Сибири, Казахстана и Средней Азии. Паровозный парк Карагандинской магистрали вырос с 302 км в 1940 г. до 632 в 1942 г. Свыше 250 эвакуированных паровозов получил Турксиб.²⁰

27 ноября 1941 г. ЦК ВКП(б) принял решение «Об отгрузке карагандинского угля». ЦК партии обязал НКПС для перевозки угля, кок-

са сформировать дополнительно на дорогах Урала и Сибири 200 кольцевых маршрутов, организовать в управлениях Томской, Омской, Карагандинской, Южно-Уральской, Пермско-Оренбургской, Пензенской, Юго-Восточной, Рязано-Уральской, Казанской, Туркестано-Сибирской железных дорог специальные диспетчерские группы для контроля за продвижением маршрутов с углем и коксом.²¹ 24 ноября 1941 г. ГКО принял решение об увеличении пропускной способности линии Акмолинск—Карталы, не ожидая окончательного завершения стройки.²²

Неизмеримо возросла в дни войны роль связи. В стране вводилась обязательная платная трудовая повинность по перевозке и пересылке писем и почты. Установлен график движения почты по внутриобластным трактам. Темпами оборонной стройки велось строительство объектов связи. За два года войны в КазССР было построено 1320 магистральных и внутриобластных линий, подведено 11 тыс. км проводов. Вступили в строй телефонные магистрали Алма-Ата—Караганда, Акмолинск—Орск—Оренбург—Москва. В Уральске был развернут крупный военно-операционный узел связи, обеспечивший надежную связь командования Сталинградского фронта со Ставкой Верховного Командования.²³

Создавались бригады по погрузке и выгрузке срочных грузов на добровольных началах. Передовые машинисты дорог Казахстана овладевали методами вождения тяжеловесных поездов. Только в первый период войны по карагандинской дороге было перевезено 174 тяжеловесных поезда.²⁴ «На Карагандинской железной дороге, — говорилось в сообщении Информбюро 26 октября 1941 г., — многие угольные маршруты идут со скоростью курьерского поезда».²⁵ «Несмотря на зимние условия, — передавало 19 декабря 1941 г. Советское Информбюро, — машинисты третьего отделения Карагандинской дороги водят угольные маршруты на больших скоростях». В 2,5 раза в год увеличилась перевозка хозяйственных грузов по Турксибу.²⁶ В 1942 г. перевозка медной руды по Карагандинской дороге по сравнению с 1941 г. увеличилась в 4 раза, а перевозка угля — на 1,4 млн т и составляла 7 млн т в целом.²⁷ Погрузочная перевозка дороги в 1942 г. составляла ежедневно 1072 вагона против 257 вагонов в 1940 г.

В числе победителей Всесоюзного соревнования в июне 1942 г. было Чарское отделение Турксиба. Коллективу была присуждена высшая награда — переходящее Красное Знамя ГКО. Десятки бригад казахстанских магистралей завоевывали звание лучшей комплексной бригады НКПС.²⁸

Перестройка экономики, органов управления и духовной жизни общества заняли в целом около года. В промышленности она означала прекращение или ограничение выпуска ряда товаров народного потребления и многократное увеличение производства всего необходимого войскам для жизни, боя и победы. В нашей республике, в частности, было налажено изготовление снарядов, мин, торпед, огнеметов, радиостанций, двигателей и многих других видов вооружения и военной техники, а также зимнего и летнего обмундирования, обуви, обозного инвентаря, хлебных и рыбных сухарей, мясных и иных консервов.

В сложнейших условиях трудилось колхозное крестьянство Казахстана. Несмотря на то что около полумиллиона тружеников полей, в т.ч. 26 тыс. трактористов, ушли на фронт, казахстанцы сдали государству более 100 млн пудов, или в расчете на одного трудоспособного колхозника — 79,6 пудов хлеба. Выдающихся успехов в том году добилось звено Ч. Берсиева. На площади 6 га оно получило по 155,8 ц проса с гектара. Был перевыполнен план сдачи сахарной свеклы и табака. 905% урожая сахарной свеклы от запланированного с гектара получил кавалер ордена Ленина звеньевой колхоза «Карасу» Джамбулской области Талкамбай Тюменбаев.²⁹ В декабре 1941 г. борьбу за новый урожай вели 2116 комсомольско-молодежных фронтовых бригад.

С зимы 1942 г. возродилась практика круглогодичного отгонно-пастбищного животноводства. В 1942 г. инициаторами всесоюзного соревнования стали животноводы с. Холмогоровка Алма-Атинской (ныне Талды-Курганской) области.³⁰ По развитию общественного животноводства республика в 1942 г. заняла первое место среди всех республик; за активную помощь фронту и стране и успешное развитие животноводства в 1942 г. республике 10 мая 1943 г. было вручено переходящее Красное Знамя ГКО. Переходящее Красное Знамя получили Актюбинская, Гурьевская области, Новобогатинский, Баян-Аульский и Каркаралинский районы.

В 1942 г. посевные площади республики возросли за счет освоения новых целинных земель на 842 тыс. га, что составляло 30% от общего увеличения посевных площадей СССР. Посевы сахарной свеклы были увеличены на 29 тыс. га. Посевы технических культур были расширены на 110 тыс. га. Казахская ССР превратилась в один из свеклосеющих районов страны. Уже в первый год войны свыше 55 тыс. женщин стали механизаторами. Большое значение имело обращение к женщинам П. Ангелиной, работавшей в годы войны в Буденновской МТС Западно-Казахстанской области, «сесть на трактор». В весеннем севе 1942 г. участвовало 13 тыс. трактористок, т.е. 50% всех трактористов республики. В соревнование женских тракторных бригад включились 194 бригады.³¹ В 1942 г. республика заготовила 84,3 млн пуд. хлеба (против 103,6 млн пуд. в 1941 г.). Республика сдала государству почти 160 тыс. т мяса или 12,5% скота колхозов и совхозов.

Развитие сельского хозяйства Казахстана в годы войны осуществлялось во многом силовыми методами. Была введена выработка обязательного минимума трудодней. Действовала обязательная контрактация скота колхозников, в результате чего увеличилось число бесскотных дворов. На деле прекратилось авансирование трудодней. Колхозники выполняли ненормированный труд безвозмездно. Трудовую повинность несли все, в том числе дети и женщины.

Перевод индустрии на выпуск оборонной продукции потребовал переоснащения станков, участков и цехов, перераспределения рабочей силы, материальных средств и финансов, изменения производственных связей предприятий. Все это было сделано довольно быстро и организовано.

Составной частью перестройки тыла применительно к требованиям военного времени стала проблема кадров. Необходимость подготовки кадров для замены уходящих на фронт, особенно в первый период войны, была повсеместной и острой. И хотя при решении этой задачи, как и проведении мобилизации, не обошлось без ошибок, она все же была выполнена.

В значительной мере облегчила решение задачи созданная перед войной сеть ремесленных училищ и школ фабрично-заводского обучения. Их количество выросло с 35 до 84, а контингент учащихся — с 5 880 до 22 825 человек. Учебные заведения трудовых резервов — так называли эти училища и школы — подготовили за военные годы 96 235 рабочих по 165 специальностям. Но главной формой обучения новых рабочих явилось индивидуальное и бригадное ученичество непосредственно в цехах. Здесь было подготовлено (с учетом переподготовки и повышения квалификации) — 676,1 тыс. рабочих.³² Это привело к заметным изменениям состава работающих.

Прием и размещение эвакуированных предприятий. Непредвиденной, но важной составной частью перестройки экономики стало перемещение из прифронтовой полосы миллионов людей, тысяч предприятий, учреждений культуры и науки. Казахстан оказался одним из районов, где было решено разместить перебазируемые предприятия. В период эвакуации производительных сил принимались во внимание генеральная перспектива развития того или иного региона, непосредственная близость к источникам сырья, наличие людских резервов и материальных ресурсов. Известно, что в Центральном Казахстане в годы довоенных пятилеток формировался угольно-металлургический комплекс. Его дополнил перебазируемый в Караганду Ворошиловоградский завод горно-шахтного оборудования им. Пархоменко.³³ На территории механического завода «Казахстаннефтекомбинат» в Гурьеве был размещен машиностроительный завод им. Петровского. Новое предприятие выпускало столь нужные паровые насосы и механическое оборудование для нефтяной промышленности Эмбы.³⁴ На строившийся свинцово-цинковый завод в Усть-Каменогорске было перебазировано оборудование завода «Электроцинк» из г. Орджоникидзе. Актюбинский ферросплавный завод, строительство которого началось еще до войны, получил оборудование Запорожского ферросплавного завода.

В предвоенные годы только что было завершено строительство крупнейшего на Востоке свинцового завода в Чимкенте. В него вошли прокатно-прессовый цех Подольского литейно-прокатного завода им. XV-летия ВЛКСМ, цех по выработке проволоки, труб и проката свинца Подольского завода по прокату свинцовых слитков и труб. В Алма-Ате ускоренными темпами воздвигались корпуса авторемонтного завода, незавершенная стройка стала базой Ворошиловоградского завода тяжелого машиностроения.

Юг Казахстана в 30-е гг. все более специализировался по техническим культурам. Поэтому не случайно новостройки пищевой промышленности Семиречья получили оборудование 14 эвакуированных сахарных заводов.

Итак, процесс размещения эвакуированных заводов и фабрик осуществлялся с учетом сложившегося разделения труда, интересов долгосрочного развития региона, формирования тех или иных промышленных узлов.

Основными районами размещения перебазировавшихся заводов и фабрик стали Алма-Ата, Уральск, Петропавловск, Чимкент, Семипалатинск, Караганда, Актюбинск. В меньшем количестве оборудование и кадры осели в городах Усть-Каменогорске, Лениногорске, Гурьеве, Кустанае, Кзыл-Орде и совсем мало в Кокчетаве, Талды-Кургане. Это и понятно. Сказалась отдаленность этих мест от центра (Гурьев, Лениногорск), недостаточность фонда производственных и жилых помещений, топливно-энергетической и сырьевой базы (Акмолинск, Кокчетав, Кустанай, Талды-Курган, Кзыл-Орда). При этом учитывался фактор времени — сверхсрочность восстановительных работ, выдача как можно быстрее продукции, столь необходимой фронту.

Процесс размещения происходил по разному. Одни заводы и фабрики разворачивали работу на новых местах незамедлительно, сохранив свою самостоятельность. Быстро развернули производство автобронетанковая ремонтная база №2, рентгензавод (г. Москва), Витебский водочный завод, завод «Большевик» из Днепропетровска (в г. Актюбинске), насосный завод из Мелитополя (в г. Акмолинске), Мурманский завод «Автотрактордеталь» (в г. Макинске Акмолинской обл.). Самостоятельность сохранили в Алма-Ате и области завод им. Кирова, трикотажная фабрика №2 (из Ивантеевки), Реутовская хлопчатопрядильная фабрика, самолетный цех завода № 242 (г. Харьков), Острожский вагоноремонтный завод. Вторую жизнь на Алтае начали Люберецкий электротехнический (г. Лениногорск), Симферопольский мотороремонтный (г. Усть-Каменогорск) заводы. Выполняли оборонные заказы перебазированная швейная фабрика «Ударник» (г. Джамбул), Астраханская кондитерская фабрика (г. Караганда), Симферопольский кожзавод, Херсонская фабрика «Большевичка» (г. Кустанай), Егорьевский станкостроительный завод «Комсомолец» (ст. Тогузак Кустанайской обл.), Харьковская меховая фабрика, Тульские центральные ремонтные мастерские, механические мастерские ст. Лиховинка, Краснодарский литейно-механический завод (в г. Павлодаре). Трудно переоценить трудовой подвиг рабочих и ИТР Александровского радиозавода из Ивановской области, размещенного в Петропавловске. Уже с января 1942 г. фронт получил 5000 радиостанций РБ-1, радиоприемники, радиопеленгаторы. Заказы фронта выполнял эвакуированный из Москвы в Петропавловск Артиллерийский арсенал №4 Главного артиллерийского управления Красной Армии. В этом же городе на базе оборудования завода Наркомата судостроительной промышленности из Махачкалы (частично) и Таганрогского завода «Красный пресс» возник завод исполнительных механизмов. В декабре 1941 — марте 1942 гг. на базе оборудования Московского электроизоляционного завода (МЭИЗ), Хотьковского завода электроизоляционных материалов (ЗЭИМ) и части московского завода «Изолит» начал свою деятельность в Петропавловске завод изоляционных материалов.³⁵

Завод им. Куйбышева Наркомата рудостроительной промышленности развернул свою работу на базе 221 единицы оборудования Московского завода «Парострой», а также 143 станков заводов № 182, 375, 215. В ноябре завод выдал фронту первую продукцию. На базе Московского механического (инструментального) завода им. С. Орджоникидзе и Кокчетавского механического завода в конце апреля 1942 г. в Петропавловске начал функционировать перебазированный из Кокчетав завода малолитражных двигателей. В этом же городе развернула свою работу махорочная фабрика «Кременчуг».

Таким образом, в Казахской ССР были восстановлены 220 крупных, средних и мелких заводов, фабрик, мастерских, артелей и промкомбинатов. В ходе войны были эвакуированы 20 заводов, фабрик, мастерских, конструкторских бюро.

В Казахстан в конце 1941 – начале 1942 гг. были перебазированы предприятия из прифронтовой полосы – Украины, Белоруссии, Ленинграда, Москвы. Наибольшее количество эвакуированных предприятий республика получила тогда из УССР, Москвы, Ростова, Таганрога.

Трудно было в ту суровую зиму 1942 г. всем в тылу, но невероятно тяжело было трудовым коллективам перебазированных заводов и фабрик. Вот как вспоминает дни и ночи зимы 1942 г. ветеран фабрики «Большевичка Украины» С.А. Изотова: «Мы все делали вместе. Вместе везем по рельсам с вокзала для фабрики паровоз, возили на санях торф для отопления фабрики. Первые сани везли директор фабрики Ф.М. Гончаров и секретарь партийной организации. Жили очень дружно».³⁶

Монтаж оборудования и строительство главного корпуса Алма-Атинского завода тяжелого машиностроения происходили одновременно. Помещение цеха №1 не имело кровли и отопительной системы. Установка оборудования завода закончилась раньше, чем строительство самого здания. В зимних условиях под открытым небом начался выпуск продукции. «Условия строительства были чрезвычайно трудные, – вспоминал впоследствии ветеран завода С.М. Бутырин, – не хватает материалов, транспорта, квалифицированных кадров строителей... Строить начали на голом месте, устанавливали станки под открытым небом, делали наскоро навес, не теряя времени приступали к выпуску необходимой фронту продукции».³⁷ Все основные цехи завода вступили в строй через три месяца. В сентябре 1942 г. коллектив завода вышел победителем Всесоюзного социалистического соревнования и был удостоен переходящего Красного Знамени ВЦСПС и НКТП.

Казахская ССР в 1941–1942 гг. получила значительное количество оборудования электростанций. В их числе оборудование Ярославской, Ивановской, Днепропетровской ГРЭС, Ивановской ТЭЦ, линии передач и подстанции Ярославского, Рыбинского районов, Иванэнерго, линия Воронеж – Липецк, электростанции Кривого Рога.

Эвакуированные предприятия принадлежали различным наркоматам и ведомствам. Наибольшее количество предприятий приходилось на долю Наркомата пищевой промышленности – 54 завода и фабрики.

В Казахской ССР были размещены и в основном восстановлены 53 эвакуированных предприятия легкой и текстильной промышленнос-

ти.³⁸ Развернув производство на новых местах, крупнейшие фабрики стали производить больше продукции для фронта и тыла. Удельный вес продукции на оборону возрос с 8% в 1941 г. до 45,2% в 1942 г. по отношению ко всей продукции, выпускаемой предприятиями Наркомата легкой промышленности Казахской ССР.³⁹ За годы войны предприятия легкой промышленности республики обеспечили обмундированием, обувью сотни дивизий Вооруженных Сил страны.

Нужды защиты Родины предопределили необходимость перестройки технологического цикла целого ряда заводов машиностроения, обработки металлов, малолитражных двигателей, аппаратов связи для железнодорожного транспорта, по выпуску изоляционных материалов, радиоприборов, весов, швейных машин на выпуск оборонной промышленности. Успешно был освоен серийный выпуск ряда новых образцов вооружений и боеприпасов.⁴⁰ Одних только артиллерийских снарядов разных калибров было выпущено около 4 млн штук, мин — 4,7 млн. Было освоено производство авиационного вооружения, подрывных машин, траншейных огнеметов, минных тралов, электроторпед, морских мин, прессов для танковой и авиационной промышленности и других весьма важных видов вооружения.

На базе эвакуированных предприятий в республике возникли машиностроение, станкостроение, черная металлургия, оборонная промышленность.

За короткий срок перебазированные заводы и фабрики стали составной частью единого организма военной экономики страны. В сочетании с неисчислимыми естественными богатствами и индустриальной базой, созданной в годы мирного строительства, эвакуированные предприятия, по образному выражению покойного президента АН СССР В.Л. Комарова, превратили Урал и соседние восточные районы в мощную линию экономических укреплений, в несокрушимую крепость обороны.

Прием и размещение эвакуированного населения. Составной частью перестройки народного хозяйства на военный лад стало перемещение населения. Только в июле–ноябре 1941 г. было переправлено в тыловые районы 10,4 млн человек.⁴¹

27 июня 1941 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли постановление «О порядке вывоза и размещения людских контингентов и ценного имущества».⁴² 5 июля 1941 г. СНК СССР принял «Положение о эвакуационных пунктах». Координирующим органом этого грандиозного масштабного процесса стал учрежденный при ГКО Совет по эвакуации.⁴³

В Казахской ССР 20 июля 1941 г. был образован Эвакуационный отдел при СНК КазССР во главе с зам. председателя СНК КазССР М. Абдыкалыковым.⁴⁴ (Отдел функционировал до 15 марта 1942 г., а затем был расформирован.) Соответствующие отделы были созданы и при областных Советах депутатов трудящихся. В соответствии с решением ГКО от 26 сентября 1941 г. стал функционировать институт уполномоченных Управления по эвакуации населения по Казахской ССР и 14 ее областям.⁴⁵ На территории республики были созданы 12 эвакуационных пунктов

с аппаратом в 323 человека.⁴⁶ Местом их развертывания являлись железнодорожные станции или пристанционные помещения. Учет эвакуированного населения велся в Центральном учетно-справочном бюро (г. Бугуруслан Оренбургской области). В конце июля 1941 г. справочные бюро были организованы и во всех областях Казахской ССР.⁴⁷ В республике осело 484 149 эвакуированных, в том числе в городах — 162 982 человека, в сельской местности — 321 167 человек (см. таблицу).

Таблица 5

Численность эвакуированных в Казахстане.⁴⁸

Всего эвакуированного населения	В том числе			
	мужчин	женщин	детей до 14 лет	подростков от 14 до 16 лет
484 149	86 839	213 944	146 990	36 376

Как видно, дети и женщины составляли 74,8% эвакуонаселения. Наибольшее количество эвакуонаселения приняли южные области. В ходе самой войны из Казахстана реэвакуировались 405 149 человек. На 1 июля 1945 г. в республике осталось эвакуонаселения 79 тыс. человек.⁴⁹

Основная масса эвакуированного населения в ряде областей была размещена в городах: в Семипалатинской области в городах — 62% , в Северо-Казахстанской — 49% и Восточно-Казахстанской — 47%.⁵⁰ Таким образом в республике возрос удельный вес городского населения. К концу 1943 г. городское население республики по сравнению с 1939 г. возросло почти на 40%.

Из общего количества эвакуированного населения, размещенного в республике, по состоянию на 1 июля 1943 г. числилось 235 414 трудоспособных.⁵¹ Значительное число прибывших составляли женщины, не имевшие никакой квалификации и вынужденные осваивать новую профессию. За короткий срок из всего трудоспособного эвакуированного населения было трудоустроено 211 091 человек, что составляло 89,6%. Рабочие, прибывшие вместе с предприятиями, размещались преимущественно в промышленных центрах и поселках городского типа. Основная часть эвакуированных (112 225 человек) трудоустраивались в колхозах и совхозах, из них в совхозах и МТС трудились 13 269 человек.⁵²

Особым вниманием местных партийных организаций и населения в период эвакуации были окружены дети. В Казахскую ССР прибыло 149 детских домов, в которых насчитывалось 19 тыс. человек, и 16 интернатов московских школ с 1050 учащимися. Помимо этого, за годы войны в республике в детские дома было устроено 93 153 детей, лишившихся родителей.⁵³ У тысяч детей в памяти и сердцах осталась душевная щедрость трудящихся Казахстана. Вспоминая впоследствии о том времени, дважды Герой Советского Союза, генерал-лейтенант, летчик-космонавт СССР В.А. Шаталов говорил: «...по существу, вся моя жизнь неразрывно связана с казахстанской землей... Казахстанцы

в трудные годы войны, когда я и моя мать последним эшелоном вырвались из окруженного фашистами Ленинграда, заботились обо мне, как о своем сыне».⁵⁴

Столь значительное увеличение численности населения обострило и без того нелегкий жилищный вопрос. Для части рабочих и инженерно-технических работников эвакуированных предприятий удалось за 1942—1944 гг. построить 15,5 млн м² жилых помещений. А остальных пришлось расселять в порядке уплотнения, часто добровольного, местных жителей.⁵⁵ В городах и рабочих поселках площадь на одного жителя снизилась с 5,3 до 4,3, а кое-где — даже до 2,3 кв. метра.⁵⁶ Не удивительно, что стали отмечаться случаи заболеваний сыпным и брюшным тифом, холерой и чумой. Выпуском нестандартного специального мыла из местного сырья, ужесточением контроля за санитарным состоянием населения (особенно на транспортных узлах) и улучшением работы медицинских учреждений эти вспышки удалось локализовать и не допустить их перерастания в массовые эпидемии.

К жилищным и санитарно-гигиеническим трудностям добавились перебои в снабжении промтоварами и продовольствием. Произошло сокращение поступления в торговую сеть кожаной обуви в 7,5, хлопчатобумажных тканей — в 9,5, сахара — в 8,5, кондитерских изделий — в 15 раз. Снижился подвоз продуктов питания и на колхозные рынки, где цены превысили довоенный уровень в 10—15 раз.⁵⁷

В улучшение продовольственного снабжения большой вклад внесли подсобные хозяйства (подхозы) предприятий и ведомств. Их количество за военные годы увеличилось с 966 до 7733, а посевы возросли с 136,4 тыс. до 317,2 тыс. га.⁵⁸ Не меньше дало и огородничество. Количество семей рабочих и служащих, имевших огороды, с 219 тыс. в 1940 г. возросло до 562 тыс. в 1945 г. Площадь их посевов увеличилась с 19 до 59 тыс. га.

Меры государственного регулирования, содействие хозяйственных органов, профсоюзов и активные усилия населения помогли решить задачу продовольственного снабжения. Изобилие и разносолы встречались редко, но минимум необходимого для жизни и активного труда был обеспечен всем.

Прием и размещение эвакуированного скота. В сложных условиях, зачастую под огнем противника проходила эвакуация скота, сельскохозяйственных предприятий. 27 августа 1941 г. члены сельхозартели им. Ленина Синельниковского района Днепропетровской области в составе 264 человек двинулись на восток. Перезимовав в Элисте, в 1942 г. колхозный караван добрался до Уральска. Преодолев в 2 этапа расстояние 3 тыс. км, колхозники пригнали с собой 650 голов племенного крупного рогатого скота, 224 лошади, 505 овец, 148 свиней.⁵⁹

В полном составе эвакуировалась в Буденновскую МТС Теректинского района Западно-Казахстанской области бригада знатного механизатора Старобешевской МТС Донецкой области П.Н. Ангелиной. «Ни у кого, пожалуй, не повернулся бы язык назвать нашу колонну — беженцы, — вспоминала она. — Мы хотели показать землякам, что отступаем из родного села по-военному: уходим, но вернемся».⁶⁰

В середине августа 1941 г. ГКО принял постановление об эвакуации скота Украины, Саратовской, Сталинградской, Ростовской областей в Калмыцкую АССР и Казахскую ССР.⁶¹

С участием 24 ответственных работников наркомзема УССР в республике развернулись работы по подготовке к размещению эвакуированного из прифронтовой полосы скота. Были заблаговременно созданы ветеринарно-карантинные пункты, шла заготовка грубых кормов, строительство животноводческих помещений. Специалисты устанавливали трассы перегона скота, подготовили более 160 подкормных пунктов, пункты медицинской и ветеринарной помощи на территории Западно-Казахстанской области. Были организованы 6 приемно-сдаточных пунктов скота: хутор Морозова, Новая Казанка, Сайхин, Джанибек, Тарасовка, Кайсацкая.⁶² Колхозники области на пути перегона соорудили 10 150 колодцев, заготовили 178 500 т сена. Эвакоскот поступал в Западно-Казахстанскую область, а затем перегонялся в Актюбинскую и Гурьевскую области. Первая партия скота, эвакуированного из Украины, прибыла в Джанибекский район Западно-Казахстанской области 17 сентября 1941 г.

В Уральске 20 ноября 1941 г. было создано Западно-Казахстанское управление Наркомзема СССР. Специалисты из аппарата Наркомзема, вошедшие в состав Управления, осуществляли единое руководство процессом перегона, упорядочения учета и контроля, размещения скота.

В 1941 г. в республику прибыл скот из Запорожской, Полтавской, Винницкой, Сталинской, Кировоградской, Одесской, Николаевской, Измаиловской и других областей УССР. К 25 декабря 1941 г. через приемно-передаточный пункт Сталинградской области на территорию Западного Казахстана поступило 133 062 головы скота, в том числе крупного рогатого — 76 581, овец — 50 579, лошадей — 5 902 голов. Из них около 18 тыс. скота было передано Чкаловской области РСФСР.⁶³

Изнурительный перегон скота в осеннее и зимнее время, острая нехватка кормов вынудили колхозы и совхозы Западно-Казахстанской области значительную часть скота сдавать в счет мясопоставок текущего или даже авансом будущего года. В результате на 15 марта 1942 г. было оставлено всего 53 409 голов.⁶⁴

Перегон скота осенью 1942 г. происходил в благоприятных климатических условиях, более организованно. Колхозы и совхозы выделяли наиболее опытных животноводов, которые учли уроки перегона скота осенью 1941 г. В этот период на приемные пункты Западно-Казахстанской области поступило 552 700 голов скота, в том числе 87 300 крупного рогатого скота, 24 600 лошадей, 439 100 овец и коз, 1 700 верблюдов.⁶⁵ Вместе с эвакуированным скотом в Казахстан прибыли 13 851 колхозников-животноводов, специалистов. Людей и эвакуированный скот сопровождали 4832 подводы.⁶⁶ Таким образом, области Западного Казахстана приняли 428 200 голов скота, из которых 69,3 тыс. голов было передано приемным пунктам Чкаловской и Саратовской областей. Потребовались гигантские усилия тружеников-животноводов для сохранения эвакуированного скота.

Совет эвакуации при ГКО принял меры для сохранения запасов зерна, особенно — наиболее ценных семенных фондов. Всего из Украины было эвакуировано около 150 млн пуд. хлеба.⁶⁷ Значительную работу по разгрузке вагонов и судов, перевозке и размещению 20 тыс. т зерна, прибывавшего из Астрахани, провели работники Гурьевской базы Востокзаготзерна.⁶⁸

Имеются скудные данные о поступлении из прифронтовой полосы на территорию республики шерсти.⁶⁹

Эвакуация скота и другого имущества колхозов, совхозов и МТС, спасение части общественной собственности от уничтожения и захвата оккупантами стали составной частью перестройки народного хозяйства на военный лад. Огромные массы людей из УССР, РСФСР, Казахстана, ставшие участниками небывалого по масштабам процесса эвакуации, поистине совершили подвиг во имя будущей Победы над фашизмом.

2. КАЗАХСТАНЦЫ НА ФРОНТАХ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Гитлеровцы тщательно скрывали свои планы даже от собственного народа, но их захватнический и человеконенавистнический характер засекретить было невозможно. Реальность и размеры опасности, нависшей над страной, были столь очевидны, что стали главной причиной небывалого сплочения всех слоев общества, больших и малых народов на защиту свободы и независимости Родины, дела социального прогресса и права на жизнь, на свою историю и будущее.

Казахская ССР по нарядам Наркомата обороны СССР и добровольцами отправила на фронт около 1 млн 200 тыс. человек, а также в строительные батальоны и рабочие колонны трудовой армии еще около 700 тыс. человек. Кроме того, около 178 тыс. человек к началу войны проходили службу в кадровых частях Советских Вооруженных Сил. Всего, таким образом, под ружье встали 1374 тыс. казахстанцев.⁷⁰ Много это или мало? По итогам переписи населения 1939 г. в Казахстане проживало 6,2 млн человек. Даже с учетом размещения в республике примерно 1,5 млн эвакуированных жителей прифронтовой полосы и репрессированных народов процент мобилизации оказался очень большим.

Успех мобилизации обеспечили многие факторы — прежде всего широко развитая сеть учебных подразделений всеобщего военного обучения, активное участие в этом деле Осоавиахима, спортивных добровольных обществ, общества Красного Креста, комсомола и профсоюзов. Всеми видами обучения в республике было охвачено около 2 млн человек.⁷¹ Успеху содействовал также сравнительно высокий удельный вес (до 70%) сельского населения (где уровень квалификации труда в те годы был сравнительно невысок, что облегчало замену уходящих мужчин женщинами, стариками и подростками). Сыграли положительную роль и возросшая грамотность всех слоев общества, и свободлюбивые традиции и узы дружбы народов, их вера в идеалы социализма и

ненависть к фашизму. Все это позволило преодолеть воздействие сталинизма, чувства обиды на Советскую власть у тех, кто сам или его родные пострадали от них. Патриотизм народных масс, усиленный организующей деятельностью, пропагандой и личным примером коммунистов, проявился и во многих других делах людей на фронте и в тылу.

Первыми вступили в бой с врагом пограничники, а также солдаты и офицеры частей и соединений Советской Армии западных приграничных военных округов. В их рядах были тысячи казахстанцев.

В районе Бреста боевое крещение приняли пограничники Г. Абдрахманов и В. Лобанов, стрелки В. Горянов и К. Иманкулов, артиллерист Г. Жуматов, минометчик В. Фурсов. У Владимира-Волынского совершил свой последний подвиг Герой Советского Союза С. Гуденко, до последнего удара сердца руководивший гарнизоном окруженного дота. На дальних подступах к Мурманску погибли, но не пропустили противника пулеметчики К. Кайдаров, Г. Окасов и К. Темиржанов. На киевском направлении стойко сражались полки 19-й танковой дивизии, за что их командиру генерал-майору К.А. Семенченко, сыну украинского крестьянина из Павлодарской области, первому из наших земляков было присвоено звание Героя Советского Союза. Позже звания Героя России и Халык Қаһарманы присвоены Б. Бейсекбаеву, в составе экипажа бомбардировщика направившего подбитую машину в колонну вражеских танков в первые дни войны.⁷²

24 июня с германскими оккупантами скрестил оружие 219-й стрелковый полк 11-й стрелковой дивизии майора И.И. Дементьева, три дня отбивавший атаки фашистов южнее литовского города Шяуляя. Позже полк отступал к Нарве и Петергофу, прорывал блокаду Ленинграда и освобождал те места, которые оставлял в начале войны. У молдавских сел Пырлице-де-Сус и Морадень в районе г. Бельцы в бой вступил 78-й стрелковый полк 74-й стрелковой дивизии майора Ф.М. Титова, два дня сдерживавший румынскую дивизию, а затем, вырвавшись из окружения, с упорными боями отходивший к Умани, Николаеву, Днепру и Кавказу. Оба эти полка были сформированы в Казахстане еще в годы Гражданской войны, но и в начале Отечественной в их рядах служило немало наших земляков.⁷³

Б. Бейсекбаев.

26 июня 1941 года два экипажа — Н.Ф. Гастелло и А. Маслова (в состав его экипажа входил Б. Бейсекбаев), нанося бомбовые удары по противнику у пос. Радошковичи Минской области и получив повреждения, направили свои самолеты на скопления немецких танковых колонн. Ценой своих жизней экипажи самолетов нанесли врагу значительный урон. Н.Ф. Гастелло посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза. В 1951 году были найдены останки другого экипажа. Лишь в конце 1990-х годов историческая справедливость была восстановлена.

На громадном фронте от Черного до Баренцева морей шли кровопролитные бои. Советские войска терпели одно поражение за другим и с тяжелыми потерями отступали на восток.

Причины поражений и неудач Советской Армии в начале войны теперь хорошо известны. Важнейшими из них были, во-первых, преимущества противника. Фашистская Германия к нападению на СССР покорила 11 стран Европы, втянула в Берлинский пакт 13 государств, в том числе 9 европейских. Это дало ей двойное превосходство в людях, двух-трехкратное в производстве угля, стали, станков, в количестве и качестве некоторых видов вооружений и боевой техники.

Армия Германии была полностью отмобилизована, развернута вдоль советских границ, сосредоточена в мощных группировках и, что не менее важно, получила опыт ведения современных операций и высокий дух «непобедимости». Во-вторых, сказались просчеты Сталина и его окружения. Они уверовали в то, что Гитлер не нападет до разгрома Англии и завершения подготовки к войне в специфических условиях Восточной Европы с ее бездорожьем и холодами. Недооценили также силы армии вероятного противника, его способы ведения военных действий. Одновременно Сталин и его приближенные переоценили состояние собственных Вооруженных Сил, выработали нереальные планы прикрытия государственной границы на случай вторжения фашистов, в частности дислокации войск, баз снабжения и складов. Негативную роль сыграли и последствия необоснованных репрессий в отношении военнослужащих, особенно офицерского состава и генералитета. В итоге таких репрессий армия лишилась тысяч способных командиров и военачальников, в войсках понизилась дисциплина, а дух творческого поиска, смелых решений и инициативы заменило слепое следование приказам свыше. Такая атмосфера не могла не привести и действительно привела к крупным неудачам и поражениям.

Однако объем сделанного страной в предвидении войны, ее громадные просторы и возможности, а также всенародный подъем населения всех республик на защиту Отечества, преданность Родине ее солдат и офицеров обеспечили срыв планов врага. Все более упорное и организованное сопротивление действующей армии дополнялось и усиливалось благодаря овладению ею опытом подготовки и проведения боев и операций в новых условиях, а также непрерывному пополнению маршевыми ротами и новыми соединениями и частями.

Как уже отмечалось, мобилизация в Казахстане прошла успешно. Всего в республике было создано 12 стрелковых дивизий, 7 стрелковых бригад, 4 кавалерийских дивизий и более 50 отдельных полков и батальонов различных видов Вооруженных Сил и родов войск.⁷⁴

У стен Ленинграда. Первыми в августе 1941 г. на фронт отправились акмолинская 310-я стрелковая дивизия полковника Замировского Никифора Матвеевича, актюбинская 312-я полковника Наумова Александра Федоровича, петропавловская 314-я генерал-майора Шеменкова Афанасия Дмитриевича и алма-атинская 316-я генерал-майора Панфилова Ивана Васильевича. Они вошли в состав 52-й отдельной армии и приступили к строительству оборонительных рубежей восточнее р. Волхов в тылах Северо-Западного фронта. Однако в начале сентября, в связи с угрозой выхода немцев к южному берегу Ладожского озера и финнов в среднее течение р. Свирь, ушли 310-я и 314-я дивизии, а в начале октяб-

ря, когда угрожающее положение сложилось на московском направлении, туда были направлены 312-я и 316-я дивизии.

Первыми 7 сентября в район г. Лодейное Поле стали прибывать части 314-й дивизии. Она получила задачу обороняться на левом, южном берегу р. Свирь от с. Плотично до дер. Кутлахта в полосе 130 км, что в 10 раз превышало уставные нормы. Но на правом фланге и в центре финны к тому времени уже переправились через реку. В упорных боях с участием подразделений, отходивших под натиском врага, а потом вновь прибывших частей, занявших большую часть участка, удалось остановить неприятеля в 20–30 км южнее Свири. Только на участке 1074-го стрелкового полка майора В.М. Скачкова от Лодейного Поля до Кутлахты удалось опередить финнов в выходе к реке и сорвать их попытки форсировать ее. Дивизия 21–24 октября успешно провела разведку боем созданным для этого сводным полком под командованием майора Д.И. Станкевского. Внезапно форсировав Свирь, он овладел и четверо суток удерживал плацдарм глубиной в 3,5 км у с. Новая Сегежа. Это позволило вскрыть подготовку противника к новому наступлению и заставить его отказаться от реализации своих планов.

В боях на Свири в полках дивизии возникло движение снайперов. Его зачинателем стал кузнец из колхоза им. Степана Разина Северо-Казахстанской обл. Григорий Петрович Зубков. К 19 января 1942 г. в соединении было уже 167 метких стрелков, уничтоживших 1266 солдат и офицеров врага.⁷⁵

Снайперы почти одновременно появились и в других соединениях, сражавшихся на Свири, в войсках Ленинградского и других фронтов. Из казахстанцев-снайперов выделяются имена рядового Дуйсенбая Шиныбекова (Ленинградский фронт), уничтожившего 172 фашиста, сержанта-казаха Мамекова Михаила Ивановича (Сталинградский фронт), на счету которого значился 261 убитый оккупант. Больше всех врагов убил панфиловец Тлеугали Абдыбеков — 397 солдат и офицеров.⁷⁶ Они и многие другие сверхметкие стрелки награждены орденами и медалями, двоим — старшине 183-й стрелковой дивизии Безголову Виталию Мефодиевичу (убил 279 фашистов и в бою за г. Моравска-Острава (Словакия) ценой собственной жизни спас командира) и ефрейтору 54-й стрелковой бригады Молдагуловой Алие Нурмахамбетовне (подняла в атаку залегший под огнем противника батальон и убила в бою за деревню Казачиха Новосокольнического района Псковской обл. 78-го фашиста) было присвоено звание Героев Советского Союза.⁷⁷

9 сентября 1941 г. у разъезда Апраксин Городок южнее Ладожского озера приняла боевое крещение акмолинская 310-я стрелковая дивизия. Ее 1080-й стрелковый полк майора М.М. Михайлова к вечеру отбросил немцев на 7 км и освободил село Гонтовая Липка, а 1082-й — майора Н.И. Смирнова подошел к Гайтолово. В последующие дни сопротивление противника возросло. 310-я оказалась в полуокружении и по приказу командования отошла к речке Черная. В середине месяца она и соседи еще дважды начинали наступление, но достигли лишь временных и локальных успехов: враг наращивал силы и пытался пробиться к устью

Свири на соединение с финнами. Начальник генштаба вермахта генерал Ф. Гальдер вынужден был вначале отметить в своем дневнике, что южнее Ладоги удалось добиться лишь небольшого вклинения в боевые порядки советских войск, а 24 сентября назвал «в высшей степени критическим днем» для верховного командования рейха. «Тому причиной, — продолжал он, — неудача наступления 16-й армии у Ладожского озера, где наши войска встретили серьезное контрнаступление противника, в ходе которого 8-я танковая дивизия была отброшена и сужен занимаемый нами участок на восточном берегу Невы».⁷⁸ Гитлер лично приказал оставить на месте дивизии, предназначавшиеся для передислокации на московское направление, и срочно перебросить к Ладоге поездами и самолетами пехотный, два парашютных полка, а позже и пехотную дивизию из группы армии «Центр».⁷⁹

Прорвать блокаду Ленинграда, начавшуюся 8 сентября, тогда не удалось. Однако действия войск на Волхове и Свири сорвали планы врага овладеть всем Южным Приладожьем и лишить Ленинград последних связей с Большой землей. Кроме того, был облегчен нажим на защитников города на Неве и отсрочена переброска под Москву ряда соединений противника.

В битве за Москву. К осени врагу удалось оккупировать Прибалтику, Белоруссию, Молдавию, значительную часть Украины, блокировать Ленинград и Крым. Спешно заканчивалась подготовка к операции «Тайфун» с целью разгрома советских войск западного направления, взятия Москвы и победоносного окончания войны до наступления зимы. Изготовившиеся к наступлению войска превосходили советские части в людях в 1,4 раза, в танках — в 1,7, в орудиях и минометех — в 1,8, в самолетах — в 2 раза.⁸⁰

Наступление немцы начали 28 сентября, они прорвали оборону советских войск и окружили основные силы Западного фронта у Вязьмы, Брянского фронта — у Трубчевска. Но планировавшиеся бросок к Москве и ее взятие не получились: вяземская группировка советских войск на 7–10 дней сковала около трех десятков дивизий противника, и частью сил вырвалась из кольца, а соединения Брянского фронта, хотя и с большими потерями, вышли из окружения почти в полном составе. Второй причиной явилось заблаговременное создание инженерными войсками и населением Подмосковья Можайской линии обороны, на которую Ставка Верховного Главнокомандования из резерва и с других фронтов выдвинула 14 стрелковых дивизий, 16 танковых бригад, 40 артиллерийских полков и другие части.⁸¹ Их упорное сопротивление в последующих боях стало третьей, важнейшей причиной провала вражеских планов. 10 октября укрепрайоны Можайской линии обороны были преобразованы в боевые участки, на которых и развертывались прибывавшие соединения и части.

Малоярославский боевой участок заняла актюбинская 312-я стрелковая дивизия полковника А.Ф. Наумова Сын казака станицы Акмолинской и бывший писарь Сарысуйской волости, затем Пишпекского уезда, он после окончания Ташкентской школы прапорщиков участвовал в Первой мировой войне, заслужил два ордена. С января 1918 г.

служил в Красной Гвардии, затем Красной Армии, воевал против германских и польских войск, служил в Средней Азии. Окончил Высшую военную школу востоковедения и прошел все командные ступени до комдива.⁸²

А.Ф. Наумову, как начальнику боевого участка, были подчинены курсантские полки Подольских пехотного и артиллерийского училищ, два стрелковых батальона 108-го запасного стрелкового полка, два пулеметных батальона, десяток свободных отрядов, сформированных из отступавших и выходивших из окружения группами и поодиночке солдат и офицеров, 5 артиллерийских полков, 3 дивизиона реактивных установок («Катюш») и 4 огнеметных роты. Многие из них прибыли в район обороны раньше дивизии и потому ее частям пришлось занимать позиции в разрывах между ними, что усложнило управление ими в последующих боях.⁸³

Уже 11 октября 1083-й стрелковый полк капитана А.М. Автандилова, выдвигавшийся на рубеж сел Павлищево и Юрьевское, с ходу вступил в бой с передовыми частями противника в 25 км юго-западнее Боровска. «Бойцы командира Наумова, — писала 28 октября «Красная Звезда», — успешно атаковали противника. На подступах к пункту И. (Ищейно — *авт.*) немцы оказали упорное сопротивление, создав плотную завесу артиллерийского, минометного и пулеметного огня. Наши бойцы дрались с невиданным мужеством». В ходе двухдневного боя село несколько раз переходило из рук в руки. Потеряв сотни убитыми и ранеными, а также 2 самолета, 13 танков и 10 автомашин, враг перешел к обороне.

В том же районе у села Тяпино совершила подвиг 2-я батарея 859-го артполка дивизии. Она уничтожила до батальона пехоты и 10 из 39 наступавших танков противника. После боя в строю осталось всего 13 человек и командир батареи лейтенант Житников Владимир Иванович. 17 раненых подобрали и вылечили комсомолки села Юрьевское во главе с Пелагеей Ивановной Брагиной.⁸⁴

На левом фланге оборону занял 1081-й стрелковый полк подполковника К.М. Андрусенко. Противник подошел сюда 12 октября и с ходу попытался овладеть райцентром Калужской области селом Детчино. Встреченный дружным огнем обороняющихся, враг попытался закрепиться на южных окраинах села. Однако утром 13-го решительной контратакой полк отбросил его на несколько километров. Только 16 октября немцам удалось силами двух пехотных дивизий охватить Детчино с трех сторон. В руках казахстанцев оставался лишь узкий коридор, связывавший их со штабом и тылами дивизии. Удерживать его становилось все труднее. Наумов бросил свой последний резерв — разведроту, связистов и зенитчиков, дравшихся пехотинцами. За день они отбили 4 атаки врага. Комдив вечером просил разрешения командарма оставить Детчино. Но разрешение поступило лишь сутки спустя, когда кольцо окружения замкнулось.

Трое суток полк удерживал село, затем разорвал кольцо окружения и вышел в распоряжение дивизии уже в конце месяца, когда она оборонялась на реке Нара.⁸⁵

К центру полосы обороны дивизии — от Варшавского шоссе восточнее села Ильинское до Калужского шоссе, — где оборону занял 1079-й стрелковый полк подполковника А.А. Буркова, противник подошел также 12 октября и овладел деревней Машкино.

Со следующего дня бой шел уже на всем участке полка, но лишь к вечеру 17 октября положение приняло угрожающий характер. Немецкий моторизованный корпус в полосе правого соседа прорвался к Малоярославцу, а пехотные дивизии врага, овладевшие Детчино, приближались к селам Ерденево и Караськово. Штаб, тылы дивизии и 1079-й полк оказались в полуокружении. В ночь на 18 октября поступил приказ на отход. Совершать его пришлось по лесным дорогам и болотистой местности в условиях отсутствия связи с соседями, недостатка боеприпасов и продовольствия. Все же к 25 октября подразделения отступили на реку Нара и у деревень Чернишня и Ильино остановили противника. Здесь остатки 312, 17 и 53-й дивизий были слиты в одну, которой командовал наш земляк полковник А.Ф. Наумов. Два месяца она носила номер 312-й, а затем была переименована в 53-ю, одну из старейших дивизий Красной Армии. Казахстанцы вошли в ее 12-й стрелковый полк, которому позже довелось освобождать Малоярославец, многие города и села Украины, Румынии, Венгрии и закончить войну участием во взятии Вены.⁸⁶

Актюбинская 312-я дивизия существовала короткое время, но заслужила высокую оценку командования. Маршал Жуков, вспоминая Московскую битву, отметил: «На подступах к Малоярославцу героически сражались части 312-й стрелковой дивизии полковника А.Ф. Наумова».⁸⁷

Юго-западнее Волоколамска 14 октября вступила в бой алма-атинская 316-я стрелковая дивизия генерал-майора И.В. Панфилова. Ее части заняли 9 из 13 батальонных районов обороны Волоколамского укрепрайона, 44 км из 66. Остальные участки обороняли ранее прибывшие на позиции курсантские подразделения Московского пехотного училища и запасные части. В дополнение к своей штатной артиллерии (полк, противотанковый дивизион, батарея в каждом стрелковом полку и взвод орудий в каждом стрелковом батальоне) дивизия получила на усиление три противотанковых и пушечный артполки, полк и отдельный дивизион реактивной артиллерии.⁸⁸

Первому удару подверглись 6-я стрелковая рота старшего лейтенанта В.С. Маслова из 1075-го стрелкового полка и батарея лейтенанта Г.О. Бабаяна у совхоза Болычево. До 60 танков с десантом пехотинцев на броне четыре раза атаковали позицию и четыре раза откатывались, неся большие потери. Лишь к исходу четвертых суток, когда врагу удалось окружить обороняющихся, у которых оставалось по 3—5 патронов и на всех 4 гранаты, они оставили рубеж и прорвались через цепи врага.⁸⁹

И.В. Панфилов.

Оборона Москвы. Подвиг панфиловцев.

К тому времени бои гремели уже во всей полосе дивизии. Трое суток учебный батальон капитана М.А. Лысенко удерживал рубеж на берегу реки Руза.⁹⁰ Упорно отражали атаки врага все подразделения соединения, но особенно отличился батальон старшего лейтенанта Б. Момыш-улы.

Б. Момыш-улы.

Бауржан Момыш-улы родился 24 декабря 1910 г. в ауле №3 Куюкской волости Аулиеатинского уезда Сырдарьинской обл. (ныне Жувалинский район Жамбылской обл.). Окончив в 1928 г. 7-летнюю школу, работал учителем, секретарем райисполкома и заместителем его председателя, начальником административно-финансового управления Госплана республики. В 1932–1934 гг. служил рядовым, после окончания одногодичных курсов – командиром взвода в горно-кавалерийском полку в Термезе. Демобилизовавшись, работал старшим консультантом республиканской конторы Госбанка. С марта 1936 г. – снова в армии, вначале на Дальнем Востоке, затем на Украине. Командир взвода противотанковой батареи, командир полуроты, заместитель начальника штаба полка. В январе 1941 г. Б. Момыш-улы по его просьбе переводят в Казахстан и назначают старшим инструктором по вневойсковой подготовке республиканского военкомата.

В 316-ю дивизию старший лейтенант Момыш-улы был зачислен в числе первых командиром 1-го стрелкового батальона 1073-го стрелкового полка. С ним и занял позиции на восточном берегу Рузы на участке сел Новлянское, Лазарево, высота 207,9. 18 октября с отрядом в 100 человек совершил налет на узел дорог в селе Середица в тылу немецких войск. Успех укрепил в командире и его бойцах веру в свои силы и оружие.

В 316-ю дивизию старший лейтенант Момыш-улы был зачислен в числе первых командиром 1-го стрелкового батальона 1073-го стрелкового полка. С ним и занял позиции на восточном берегу Рузы на участке сел Новлянское, Лазарево, высота 207,9. 18 октября с отрядом в 100 человек совершил налет на узел дорог в селе Середица в тылу немецких войск. Успех укрепил в командире и его бойцах веру в свои силы и оружие.

21 октября немцы, оттеснив 1075-й полк к Осташково, вышли к Спас-Рюховскому, на левый фланг 1073-го полка и его 1-го батальона. А на следующий день, охватив и правый фланг, атаковали роты Бауржана. В 8-часовом бою рубеж был удержан, но врагу удалось окружить батальон. Еще полтора суток он держался у села Ивановского, а затем совершил внезапное нападение на автоколонну противника и уничтожил ее. Фашисты сняли с фронта часть сил и снова окружили батальон. Построив роты ромбом, с обозом, артиллерией и ранеными в середине, Момыш-улы буквально проломился через вражеские боевые порядки. 26 октября, пройдя с боями 35 км, он прибыл в Волоколамск, куда отошли части дивизии. Батальон в этих боях понес чувствительные потери, но из окружения вышел еще более многочисленным и лучше вооруженным: вместе с примкнувшими бойцами и командирами других частей, отступавшими по лесам и оврагам, он имел 690 человек, 18 орудий и 30 повозок.⁹¹

В последующих боях Момыш-улы еще 4 раза побывал в тылах противника, заслужил высокое доверие генерала Панфилова и подчиненных. К концу войны он вырос до полковника и командира 9-й гвардейской стрелковой дивизии. Представлялся к ордену Ленина и званию Героя Советского Союза, но лишь 11 декабря 1990 г. по представлению Президента Н.А. Назарбаева и военкома КазССР генерал-майора Б. Ярмухамедова это звание нашему прославленному воину-земляку было присвоено уже посмертно.⁹²

Ценой огромных усилий и потерь противник потеснил части дивизии к Волоколамску и 27 октября овладел городом. Но попытки продолжать наступление натолкнулись на упорное сопротивление обороняющихся. 30 октября фронт на Волоколамском направлении стабилизировался. Дивизия спешно закреплялась на рубеже Ремягино, Ченцы, разъезд Дубосеково, Ширяево.⁹³

15 ноября противник возобновил наступление на Москву и 16-го после мощной авиационной и артиллерийской подготовки атаковал позиции 316-й дивизии, где наносился главный удар. Правофланговый полк майора З.С. Шехтмана уничтожил до полка пехоты и 17 танков врага, но под угрозой окружения вынужден был отступить. Тяжело сложился бой и на левом фланге, где оборонялся 1075-й стрелковый полк полковника И.В. Капрова. Первая атака – в 11 часов – была отбита хорошо скоординированными усилиями стрелков и артиллеристов. В 14–15 часов после нового огневого налета и удара авиации немцы начали вторую атаку при поддержке более 50 танков. В центре борьбы оказались 2-й батальон майора Е.М. Решетникова и его 4-я рота старшего лейтенанта П.М. Гундиловича и политрука В.Г. Клочкова. Как вспоминал позже И.В. Капров, его подчиненные в течение 40–45 минут, используя все имевшиеся виды оружия, подбили и сожгли 5–6 танков, уничтожили сотни оккупантов. Но при этом и сами понесли большие потери. К примеру, в 4-й роте осталось в строю всего 20–25 человек из 140. Пришлось отступить к селу Шишкино.⁹⁴

Как видим, стойко и умело дрались все солдаты и офицеры полка. Коллективный подвиг, вошедший в историю войны, совершили воины

М. Габдуллин.

этого полка и у разъезда Дубосеково, не пропустив танки и живую силу противника. Впоследствии 28 из них присвоено звание Героев Советского Союза. В тот же день коллективный подвиг в бою у деревни Строково совершили саперы 1077-го стрелкового полка младший лейтенант П.И. Фирстов, политрук А.М. Павлов, старший сержант А.Н. Зубков, сержант Д.К. Маторкин и рядовые П.П. Гениевский, Е.А. Довжук, П.Г. Калюжный, В.И. Маношин, В.И. Семенов, П.И. Синеговский, Г.В. Ульченко. Ценой собственных жизней они задержали врага и обеспечили отход части на

новый рубеж обороны. Все погибшие были посмертно награждены орденами Ленина.⁹⁵

Орденами Красного Знамени был отмечен подвиг 17 воинов 1073-го стрелкового полка, совершенный 18 ноября у деревни Мыканино.⁹⁶

В боях под Москвой прославились также политруки этой дивизии М. Габдуллин, ставший впоследствии Героем Советского Союза, Б. Жетпысбаев, рядовой Т. Тохтаров и сотни другие.

Значение описанных и других подвигов солдат и офицеров подразделений и частей дивизии невозможно переоценить. Но не следует забывать и о роли их командиров, в частности командира дивизии И.В. Панфилова. Солдаты называли его с любовью «батей» за заботу, внимание к подчиненным, а еще больше — за тактическую зрелость, искусство мудрого военачальника, автора так называемой «панфиловской спирали». Это была усовершенствованная им система размещения противотанковых опорных пунктов и огневых средств в них, которая «обжимала» танкоопасные дороги и направления, как спираль обжимает сердечник электрического обогревателя. Благодаря этому оборона становилась почти непробиваемой и более живучей. Это явилось одним из условий, обеспечивших дивизии возможность разгромить в октябрьских и ноябрьских боях танковую, моторизованную и две пехотные дивизии противника, уничтожив при этом 9 тыс. оккупантов, более 80 танков и много другой техники и вооружения. 316-я стала первой из сформированных в республике дивизий гвардейской и была награждена орденом Красного Знамени (17 ноября 1941 г.). В тот же день генерал-майор И.В. Панфилов был смертельно ранен осколком мины у здания штаба дивизии в деревне Гусенево Волоколамского района и скончался по пути в госпиталь. 12 апреля 1942 г. ему посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. Еще раньше по ходатайству личного состава соединения, поддержанному военными советами 16-й армии и Западного фронта, 8-й гвардейской стрелковой дивизии было присвоено имя ее первого командира.⁹⁷

С упорными боями на каждом рубеже дивизия к концу ноября отошла к станции и поселку Крюково. Всего 25–27 км отделяло ее от северных окраин Москвы. Близость столицы, ее растущая поддержка пополнениями и всем необходимым для жизни и боя, возросшее мас-

терство воинов помогли остановить противника и превратить крюковский рубеж в исходный район контрнаступления. 8 декабря после напряженного боя Крюково было освобождено. Гвардейцы-панфиловцы захватили при этом 31 танк, 4 бронемашины, 2 тягача, 49 автомашин и много других трофеев. К.К. Рокоссовский, оценивая бои за Крюково, сказал, что по ожесточенности схваток это было второе Бородино.⁹⁸

У г. Алексин Тульской области на пути врага встала сформированная весной 1941 г. в Семипалатинске и Алма-Ате 238-я стрелковая дивизия полковника Короткова Геннадия Петровича. Она сорвала попытки немцев перерезать железную дорогу и шоссе Тула—Москва. В середине ноября в бою за село Воронино Серпуховского района погиб рядовой 843-го стрелкового полка Рамазан Амангельдиев, сын народного героя Амангельды Иманова. «До последнего патрона отбивался от нападавших немцев. Озлобленные упорством советского автоматчика, фашисты метнули в него гранату. Амангельдиев погиб, но он дорого отдал свою жизнь. Тринадцать вражеских трупов валялись вокруг него», — сообщалось в политдонесении политотдела дивизии.⁹⁹

Позже, перейдя в наступление, 238-я дивизия широко применяла лыжные и санные отряды, очистила от оккупантов города Алексин, Кондрово, Юхнов, десятки сел и деревень Московской и Калужской областей. 3 мая 1942 г. дивизия была награждена орденом Красного Знамени, а 24 мая преобразована в 30-ю гвардейскую.¹⁰⁰

В защите столицы в составе войск Московской зоны обороны принимали участие еще четыре казахстанских соединения. Это — 391-я стрелковая дивизия полковника Коваленко Дмитрия Анатольевича, 39-я курсантская стрелковая бригада полковника Позняка Виктора Генриховича, сформированные в Алма-Ате, казалинская 75-я морская стрелковая бригада капитана 1-го ранга Сухиашвили Константина Давидовича и актюбинская 74-я морская стрелковая бригада полковника Лишенкова Степана Васильевича, а в контрнаступлении в районе г. Белев Тульской области в рядах 61-й армии Брянского фронта действовала и акмолинская 387-я стрелковая дивизия полковника Сущенко Михаила Андреевича.¹⁰¹

В весенне-летних боях 1942 года. Тяжелая борьба с оперативными паузами продолжалась в 1942 г. У г. Лодейное Поле оборонялась 314-я стрелковая дивизия полковника Станкевского Дмитрия Ивановича (с 5 мая — подполковника Зайцева Алексея Андреевича). В районах гг. Волхов и Новгород оборонительные и частные наступательные бои вела 310-я — генерал-майора Н.М. Замировского (с июня — полковника Орлова Михаила Андреевича). Под Старой Руссой против окруженных демянской группировки врага и гарнизона г. Холм сражались 8-я гвардейская генерал-майора Чистякова Ивана Михайловича (с апреля — полковника Серебрякова Ивана Ивановича), 391-я полковника Кудряшова Анатолия Кузьмича (с середины мая — полковника Фролова Алексея Степановича) стрелковые дивизии, 74-я и 75-я морские стрелковые бригады, в июле переформированные в 292-ю и 27-ю гвардейские стрелковые дивизи-
и

зии (ими командовали, соответственно, генерал-майор С.В. Лишенков и полковник Вандушев Константин Николаевич). На Смоленщине воевали части 30-й гвардейской стрелковой дивизии полковника Г.П. Короткова (с мая — полковника, позже генерал-майора Кулешова Андрея Даниловича) и 39-я стрелковая бригада полковника Полевика Василия Алексеевича (с конца апреля — полковника Болотова Андрея Филипповича), переформированная в июле в 88-ю стрелковую дивизию. В районе Белева продолжала обороняться 387-я стрелковая дивизия полковника М.А. Сущенко (с конца мая — полковника Кулижского Петра Ивановича).

В боевые действия включились и новые формирования Казахстана. В ВВС Северо-Западного фронта вошел 662-й авиационный полк ночных бомбардировщиков капитана Заплетняка Михаила Платоновича, созданный на базе 22-й Алма-Атинской авиационной школы первоначального обучения пилотов. В 11-ю армию того же фронта в районе Старой Руссы влилась кустанайская 151-я стрелковая бригада полковника Яковлева Леонида Васильевича, а в 39-ю армию Калининского фронта — 100 и 101-я казахские национальные стрелковые бригады полковников Шевцова Василия Емельяновича и Яковенко Севастьяна Яковлевича.¹⁰² Во взаимодействии с соседями наступательными и оборонительными боями они сковали крупные силы противника на северо-западе и не дали ему возможности перебросить их к Сталинграду, где в то время решалась судьба войны.

В боях за Причерноморье, Крым и главную базу Черноморского флота Севастополь огромную роль сыграл Черноморский флот, на кораблях и частях которого служило немало наших земляков. В их числе — бывший железнодорожник из Петропавловска заместитель начальника разведотдела штаба флота капитан 3-го ранга А.С. Бархоткин и старший офицер этого же отдела семипалатинец капитан-лейтенант А.И. Фарфурин, командир орудия 16-й отдельной железнодорожной батареи Туапсинской военно-морской базы алма-атинец младший сержант Ф.Н. Шалагин, минер 2-й бригады подводных лодок акмолинец капитан-лейтенант Н.П. Кудрин.¹⁰³

Самой колоритной фигурой среди них был Владимирский Лев Анатольевич. Он родился в семье гурьевского учителя в 1903 г.; с 1921 г. служил во флоте. Окончив Ленинградское военно-морское училище им. М.В. Фрунзе, прошел путь от вахтенного начальника миноносца до командующего эскадрой Черноморского флота. В 1940 г. ему, первому из казахстанцев, было присвоено звание контр-адмирала. В этих должностях и звании вступил в войну. Под его командованием эскадра наносила артиллерийские удары по румынскому порту Констанца, войскам противника, осаждавшим Одессу, Севастополь, доставляла в эти города подкрепления и боеприпасы, вывозила оттуда раненых воинов и мирных жителей, высаживала десанты в Керчи, Феодосии и Судак. Вице-адмирал Владимирский командовал Черноморским флотом при проведении Новороссийской операции, эскадрой Балтийского флота при освобождении Карельского перешейка и Выборга. После войны адмирал служил главным инспектором Вооруженных Сил СССР по флоту, начальником управления боевой подготовки, заместителем глав-

нокомандующего ВМФ. Совершил более 10 научных экспедиций в разные районы Мирового океана, в том числе и кругосветное плавание. За боевые подвиги, добросовестную службу и научные исследования награжден двумя орденами Ленина, тремя — Красного Знамени, орденами Суворова 2-й степени и Ушакова 2-й степени.¹⁰⁴

На южном крыле советско-германского фронта с 6 мая по 14 августа 1942 г. действовала чимкентская 102-я стрелковая дивизия генерал-майора Ловягина Петра Ермолаевича (с июня — полковника Сыроваткина Николая Георгиевича). Вначале она оборонялась в районе г. Славяносербска Луганской области, затем с тяжелыми боями отступила на Северный Кавказ и у г. Нальчика была расформирована.¹⁰⁵

В Сталинградской битве. Победами у Харькова и в Крыму враг вернул стратегическую инициативу, утраченную поражением в битве за Москву, и развернул наступление на Кавказ и Сталинград. В таком раздвоении усилий, допущенном Гитлером, многие германские историки видят главную причину последующей катастрофы. При этом упускается из виду, что ошибки в планах противника и достоинства в планах собственного командования советским войскам еще нужно было претворить в победу. В составе войск Сталинградского направления, реализовавших такую возможность, было 320 соединений и свыше 250 частей Советской Армии, в том числе и казахстанские воинские формирования — пять стрелковых и кавалерийская дивизии, стрелковая бригада, минометный полк и механизированный мостостроительный батальон.¹⁰⁶

Раньше других в составе 64-й армии на восточном берегу Дона от хутора Верхнерубежного до станицы Верхнекурмоярской 16 июля стали размещаться батальоны акмолинской 29-й стрелковой дивизии полковника Колобутина Анатолия Ивановича. 20 июля от местного населения разведчики узнали о подготовке противника к переправе через Дон у станицы Цимлянской, куда немедленно был двинут передовой отряд под командованием заместителя командира 128-го стрелкового полка майора Суховарова. В отряд вошли 1-й батальон этого полка, рота автоматчиков, батарея 76-мм и взвод 45-мм орудий, рота противотанковых ружей, минометная и пулеметная роты и взвод саперов, а также танковый батальон. Утром следующего дня отряд на подходе к хутору Красный Яр вблизи Цимлянской встретил уже переправившегося врага и до 25 июля вел почти непрерывный бой. Дважды выбивал фашистов из хутора, но под давлением непрерывно нараставших сил немцев медленно отходил к позициям дивизии. За это время отряд потерял 50 солдат и офицеров убитыми, 127 ранеными и 122 пропавшими без вести, то есть более трети своего личного состава. Неприятель лишился около тысячи человек и главное — не смог в намечавшиеся сроки выйти к внешнему обводу обороны Сталинграда.¹⁰⁷

На правый берег ушли два других передовых отряда дивизии. 3-й батальон 106-го стрелкового полка 27 июля у хуторов Бирючий и Сметанин задержал противника, преследовавшего ослабленную в боях 154-ю бригаду морской пехоты и обеспечил ее переправу и занятие рубежа обороны. У села Березовки на несколько дней сковал передовые части нем-

цев передовой отряд 299-го стрелкового полка — его 3-й батальон. В целом передовые отряды на 5 суток задержали противника на удалении от переднего края нашей обороны, нанесли ему чувствительные потери и помогли вскрыть его планы и группировку сил на юго-западных подступах к городу.¹⁰⁸

Советское командование решает навстречу 4-й танковой и 4-й румынской армиям, сосредоточившимся в районе Цимлянской и Котельниково, перебросить в дополнение к отходившей под их напором 57-й армии основные силы 64-й армии, а до их передислокации выдвинуть образованную 3 августа оперативную группу генерал-лейтенанта В.И. Чуйкова. Составляли ее четыре стрелковые дивизии, стрелковая и танковая бригады, но лишь одна из них — 29-я стрелковая дивизия — была полнокровной. В ее частях и подразделениях (до образования передовых отрядов) насчитывалось 11 840 человек, 74 орудия, 258 минометов, 81 станковый и 353 ручных пулемета, 279 противотанковых ружей, 635 автоматов и 9976 винтовок.¹⁰⁹

Утром 5 августа 29-я дивизия атаковала врага на северном берегу реки Аксай Есауловский и к вечеру отбросила его на южный берег. В последующие дни противник в 16-километровой полосе дивизии сосредоточил три пехотных дивизии и танковый полк, а затем и моторизованную дивизию. Их поддерживали от 20 до 100 бомбардировщиков. Такое превосходство в силах и средствах позволило ему продвинуться до Абганерово. О боях тех дней свидетельствуют записи в дневнике лейтенанта вермахта В. из дивизиона артиллерийской инструментальной разведки, найденном в январе 1943 г. у Стародубовки: «... 9.VIII... В 18.00 выходим, чтобы принять участие в боях за Абганерово. Встретили ожесточенное сопротивление, две сибирские дивизии [так названы 29 и 38-я стрелковые дивизии — *авт.*], полевые позиции и блиндажи с врытыми в землю танками.

10. VIII. Передний край образует мешок. 24-я и 2-я румынские дивизии не в состоянии продвигаться...

14. VIII. ...Русский все еще держится, его никак не удастся выбить из безукоризненно построенных полевых позиций и блиндажей».¹¹⁰

С 1 августа в 57-ю армию, оборонявшуюся восточнее 64-й, вошла алма-атинская 38-я стрелковая дивизия. В мае в ходе Харьковского сражения она окружила гарнизон села Терновое, но ударом извне враг вынудил его отступить. Во время отступления, упорно сопротивляясь на выгодных рубежах, прикрывала отход 28-й армии. Потеряла много людей, в том числе и своего командира полковника Доценко Николая Петровича. Новым комдивом стал его заместитель полковник Сафиуллин Гани Бекинович. Питомец казахстанского комсомола и партийной организации, уже 23-й год служил в армии, окончил военное училище, командные курсы и военную академию, с первых дней войны участвовал в боях. Под его командованием дивизия почти 2 недели оборонялась у сел Хатна и Ольховатка на реке Оскол, 2 дня — у села Амбарного Харьковской области, 13 дней — у города Уразово Белгородской области. Здесь только 214-й артиллерийский полк капитана В.П. Борисова вывел из строя около 50 танков противника, а когда

враг окружил дивизию, огнем своих орудий обеспечил ее выход из кольца.¹¹¹

В район Сталинграда 38-я вышла ослабленной, и командование хотело расформировать ее с передачей личного состава на доукомплектование других соединений. Комдив, комиссар и штаб дивизии решительно протестовали. За сохранение соединения говорили и объективные данные: оно сохранило не только знамена, но и внутреннюю организацию, значительную часть боевой техники, свои тылы. Но главным фактором стало то, что на всем пути отступления все, от комдива до рядового, действовали безупречно. Дивизия была сохранена и, как уже отмечалось, с начала августа в рядах 57-й, затем 64-й армий стойко оборонялась в районе Тингуты и Абганерово. Только за один день 6 августа противник 11 раз атаковал позиции 29 и 343-го стрелковых полков майора П.Д. Четвертухина и старшего лейтенанта В.И. Давиденко, потерял при этом 39 танков и 27 автомашин с пехотой и грузами, но успеха так и не добился.¹¹²

Среди отличившихся в боях пехотинцев выделяется старший сержант Абдибай Курмантаев, бывший колхозник сельхозартели им. Ворошилова Сайрамского района Южно-Казахстанской области. Он стал инициатором снайперского движения в дивизии. В одном из боев взвод, в котором служил Курмантаев, окружили румыны. При первом их требовании сдаться командир взвода поднял руки и предложил своим солдатам сделать то же. Но среди них трусов не оказалось. Курмантаев застрелил предателя, поднял бойцов в контратаку и разорвал вражеское кольцо. Отважный воин был награжден орденом Красного Знамени и произведен в младшие лейтенанты. Слава не вскружила голову воина. Он продолжал настойчиво совершенствовать свое снайперское мастерство. К началу контрнаступления довел личный счет до сотни убитых солдат и офицеров.¹¹³

Казахстанцев — защитников волжской твердыни всемерно поддерживал тыл. От имени народов республики Президиум Верховного Совета, Совнарком и ЦК КП(б) Казахстана писали им: «Сталинград — это ключ к Востоку. Воин-казах под Сталинградом — равно как русский, украинец, белорус, узбек, таджик, туркмен, азербайджанец, грузин — обороняет свой очаг, свою семью, свою родную Советскую землю. Он не допустит, чтобы его мать и его жена, его дети стали рабами немецких баронов».¹¹⁴

В центре политической и воспитательной работы в войсках, в том числе и в казахстанских соединениях и частях, оставалось разъяснение непреклонного требования, сформулированного в приказе наркома обороны № 227 от 28 июля 1942 г. Суть его выражали три слова — «Ни шагу назад».¹¹⁵

Самостоятельным разделом идейно-политической деятельности командования, политорганов, партийных и комсомольских организаций действующей армии стала работа среди бойцов и младших командиров нерусской национальности. Ее необходимость вытекала из фактов увеличения удельного веса представителей этих народов в Вооруженных Силах, что произошло в основном за счет людей старшего

возраста, которые в молодости при царизме не могли получить образования, плохо знали русский язык или вовсе не владели им и потому плохо понимали команды и требования командиров. Были, к сожалению, и командиры, не учитывавшие этих обстоятельств. Для устранения таких недостатков в войска были дополнительно направлены тысячи коммунистов нерусских национальностей. В частях и подразделениях было налажено изучение русского языка, организовано издание газет на многих языках. В Главном политуправлении Советской Армии была создана редакционно-издательская группа, готовившая переводы на нерусские языки официальных материалов, книг, брошюр, плакатов и листовок. Во главе этой группы позже был назначен Герой Советского Союза, панфиловец, майор Малик Габдуллин.¹¹⁶ Все эти меры дали свои плоды.

В дни битвы на Волге гитлеровцы усилили внимание к западным областям Казахстана. Туда забрасывались агенты разведки и диверсионные группы, для обезвреживания которых во всех районах пришлось создать истребительные батальоны и в каждом поселении — группы содействия таким батальонам. С их помощью армейские и местные чекисты обезвредили десятки агентов немецкой разведки и выловили сотни дезертиров, пытавшихся уклониться от борьбы с врагом.

Осенью 1942 г. немецко-фашистское командование организовало систематические налеты своей авиации на тылы советских войск, сражавшихся на нижней Волге. Особенно частым ударам подвергалась железная дорога Урбах—Астрахань с веткой на Сталинград, в том числе и станции на территории Западно-Казахстанской области — Джаныбек, Сайхин, Шунгай. На них было совершено, соответственно, 40, 36 и 24 налета. Их результаты: погибло около 300 мирных жителей и раненых воинов из санпоездов, примерно 250 человек было ранено. Ущерб от разрушений на станциях и в прилегающих селениях составил 7162 тыс. руб.

Размеры потерь и ущерба удалось ограничить эвакуацией населения, строительством ложных объектов, а главное — благодаря усилиям железнодорожников по предотвращению скопления эшелонов и деятельности фронтовой авиации и зенитной артиллерии.

Активную роль сыграли части 9-го корпусного района противовоздушной обороны (ПВО) — 19, 43, 71-й батальоны воздушного наблюдения, оповещения и связи, 748-й зенитно-артиллерийский полк подполковника А.М. Рутковского, зенитные бронепоезда № 122, 132, 181 (которыми командовали капитаны Журавлев, Седлов и И.И. Князев), а также 629, 731, 788-й истребительные авиаполки 102-й истребительной авиадивизии ПВО подполковника И.И. Красноюрченко (с 16 октября полковника И.Г. Пунтуса) и 15-го истребительного авиаполка капитана П.Т. Тарасова. Зенитчики сбили над землей Казахстана 21, еще несколько самолетов противника — летчики.¹¹⁷ Один «Юнкерс» 11 сентября вблизи колхоза «Алгабас» Джанибекского района тараном сбил сержант Д.В. Гудков. При столкновении машин пилота выбросило и он спустился на парашюте. После лечения Д.В. Гудков возвратился в строй и до окончания войны совершил 340 боевых вылетов, унич-

тожил 19 самолетов противника и был удостоен звания Героя Советского Союза.¹¹⁸

Любовь к родной стране, желание любой ценой отстоять ее свободу и независимость, спасти ее народы от порабощения давали воинам силы переносить жертвы, тяготы и лишения войны, помогали в поисках форм и методов повышения профессионального мастерства. Рост боевого мастерства воинов всех специальностей стал одним из важнейших факторов, подготовивших условия для перехода в наступление под Сталинградом и для достижения коренного перелома в ходе войны.

В период коренного перелома в ходе войны. От Сталинграда до Днепра. Коренной перелом в ходе войны обозначился победой под Сталинградом, где советские войска без численного превосходства над противником окружили и разгромили самую мощную группировку вермахта — 6-ю полевую и 4-ю танковую армии немцев, а также основные силы двух румынских, итальянской и венгерской армий.

В окружении и разгроме войск Паулюса приняли участие казахстанские 27-я гвардейская, 29 и 38-я стрелковые дивизии и 129-й минометный полк майора Бутнева Геннадия Николаевича. За стойкость в оборонительных и неудержимый напор в наступательных боях, за отвагу и мужество солдат и офицеров 29-я стрелковая дивизия полковника Лосева Анатолия Ивановича 1 марта 1943 г. была преобразована в 72-ю гвардейскую, а 38-я полковника Сафиуллина — в 73-ю гвардейскую стрелковые дивизии. 73-й гвардейской по представлению Сталинградских обкома и облисполкома партии позже было присвоено почетное наименование «Сталинградской», 209-му гвардейскому стрелковому полку — «Абганеровский», 211-му — «Басаргинский», 214-му — «Воропоновский», 153-му гвардейскому артиллерийскому — «Уразовский».¹¹⁹

В составе 2-й гвардейской армии в разгроме войск противника, пытавшихся прорваться к окруженным и вывести их из кольца, приняла участие акмолинская 387-я стрелковая дивизия полковника Макарьева Александра Константиновича, освободившая Тормосин, а позднее и Новочеркасск. Активно содействовала этому уральская 152-я стрелковая бригада полковника Ходоса Ивана Ефимовича, вместе с другими соединениями 28-й армии, освободившими многие селения Калмыцкой республики и ее столицу город Элисту.¹²⁰

Важную роль в срыве немецкого наступления для деблокады армии Паулюса сыграла джамбулская 81-я кавалерийская дивизия полковника Баумштейна Василия Григорьевича. Она была сформирована в сентябре 1941 г., охраняла границу в районе г. Кушка, а осенью 1942 г. прибыла в пос. Райгород южнее Сталинграда. Вечером 20 ноября в составе 4-го кавкорпуса вошла в прорыв, осуществленный стрелковыми частями между оз. Цаца и Барманцак. За 5 суток дивизия овладела станицами Абганеровская, Аксайская, Громославская и рядом других поселений и вышла к городу и станции Котельниково.

Взять Котельниково с ходу не удалось. В борьбе за него дивизия потеряла убитыми, ранеными и пропавшими без вести 1897 человек, почти 2/3 своего состава. При этом ее солдаты и офицеры вывели из

строю 59 танков, 40 автомашин и много другой техники противника, убили и ранили несколько сотен оккупантов. Главный итог все же состоял в том, что за две недели до начала вражеского наступления были вскрыты его район и цели, что облегчило последующее отражение. Летом 1943 г., в связи с сокращением общего количества кавалерийских соединений (роль подвижных сил прочно закрепилась за танковыми и механизированными соединениями), 81-я кавдивизия была расформирована с передачей личного состава одному из оставшихся в строю кавкорпусов.¹²¹

За подвиги в боях по окружению и уничтожению сталинградской группировки противника четверо казахстанцев были удостоены звания Героя Советского Союза. Минометчик конно-артиллерийского дивизиона 61-й кавдивизии К. Спатаев 26 ноября 1942 г. в бою у хутора Шарнутовский (южнее Сталинграда) продолжал сражаться, оставшись один из расчета. Когда заметил немецкий танк, появившийся с тыла, с миной в руках подбежал к нему и ударом головкой мины в гусеницу вывел танк из строя и сам погиб. Командир 17-го гвардейского танкового полка подполковник Т.С. Позолотин 19–22 декабря 1942 г. провел дерзкий рейд по тылам врага в районе совхоза «Красная Заря», хуторов Нижнеяблоневский и Хлебинский, уничтожив при этом несколько тысяч оккупантов и захватив до 500 пленных. Летчик сержант Н. Абдиров из 808-го штурмового авиаполка за 16 боевых вылетов уничтожил несколько танков и свыше 20 автомашин. 19 декабря 1942 г. при налете на вражеские позиции у хутора Коньков Боковского района Ростовской обл. его самолет был подожжен вражескими зенитчиками. Н. Абдиров направил его в колонну танков противника. Лейтенант Г.Г. Рамаев командовал разведвзводом 128-го стрелкового полка 29-й стрелковой дивизии. 16 января 1943 г. в селе Песчанка со своими бойцами уничтожил десятки и взял в плен около 60 фашистов, а десятью днями позже в селе Верхняя Ельшанка захватил 4 орудия. Погиб в этой схватке.¹²²

Массовые подвиги воинов, тактическое, оперативное и стратегическое искусство командиров всех степеней обеспечили победу советских войск в одном из крупнейших сражений мировой военной истории. Победа в Сталинградской битве означала коренной перелом в ходе Великой Отечественной войны. А завершили его выдающиеся победы советских войск в битвах на Курской дуге и Днепре.

Курская битва, как Московская и Сталинградская, началась с обороны наших войск. Но эта оборона решительно отличалась своей преднамеренностью, превосходством советских войск в силах и средствах, глубокоэшелонированным построением боевых порядков и высокой активностью. Поэтому-то противник не смог добиться своих целей — сходящимися ударами на Курск из районов Белгорода и Орла окружить советские войска. Более того. Ему удалось вести наступательные действия на белгородском участке дуги 18, на орловском — всего 7 дней и продвинуться ценой громадных потерь соответственно лишь на 35 и 12 км.

В срыве вражеского наступления активное участие приняли семипалатинская 8-я стрелковая дивизия полковника Гудзя Петра Мартынович-

ча, оборонявшаяся у Малоархангельска севернее Курска, 72-я и 73-я гвардейские стрелковые дивизии полковников А.И. Лосева и Козака Степана Антоновича, действовавшие юго-восточнее Белгорода. В Орловской и Белгородско-Харьковской наступательных операциях эти соединения с боями прошли десятки километров и освободили г. Кромы (8-я дивизия), Харьков (72-я, 73-я гвардейские) и многие другие города и села России и Украины.

Курская битва знаменательна и тем, что в ней Военно-Воздушные Силы СССР упрочили свое господство в воздухе, которое до этого завоевывалось лишь в отдельных операциях и на определенных направлениях. В достижение этого результата внесли достойный вклад и летчики-казахстанцы, из числа которых выделяются истребитель Сергей Данилович Луганский и штурмовик Талгат Якупбекович Бигельдинов.

Алма-атинец С.Д. Луганский (1918 – 1977) после учебы в школе и аэроклубе окончил Оренбургскую военную авиашколу пилотов; в советско-финляндской войне совершил 59 боевых вылетов. В Отечественной участвовал с октября 1941 г. на Южном, Воронежском и Степном фронтах. К июлю 1943 г. он был капитаном, командиром эскадрильи и на личном счету имел более десятка сбитых вражеских самолетов. Однажды, уже в дни сражения на знаменитой дуге, он спас от расстрела «мессершмиттами» экипаж штурмовика, командиром которого оказался Талгат Бигельдинов. Одним из памятных дней

С.Д. Луганский.

для Луганского стал 3 августа, когда он сбил 3 вражеских истребителя. За дни битвы он уничтожил 18 самолетов противника и 2 сентября 1943 г. был удостоен звания Героя Советского Союза. Во время короткого отпуска побывал дома и стал свидетелем начала сбора средств на покупку ему самолета. В часть он вернулся уже с таким дорогим подарком. А к концу года в полк, командиром которого он стал, поступило 12 новых самолетов Як-1, построенных на средства молодежи Казахстана. 1 июля 1944 г. за новые подвиги летчик был удостоен второй Золотой Звезды. К марту 1945 г., когда С.Д. Луганский был отправлен на учебу в Военно-воздушную академию, он совершил 417 боевых вылетов, провел 200 воздушных боев, в которых сбил 37 вражеских самолетов лично (в т.ч. 2 тараном) и 6 в группе.¹²³

Т. Бигельдинов родился 5 августа 1922 г. в ауле Май-Балык Акмолинского района, детство и юность провел в г. Фрунзе (ныне Бишкек). Здесь окончил среднюю школу и аэроклуб. После учебы в Саратовском и Оренбургском авиаучилищах в январе 1943 г. прибыл на Калининский фронт. С помощью ветеранов части освоился с обстановкой и основами искусства летчика-штурмовика. Позже помогал и личный боевой опыт. 6 мая 1943 г. во время бомбо-штурмового удара по аэродрому противника в поселке Основа под Харьковом в бою с тремя истребителями врага его машина была подбита. Пришлось прыгать с парашютом. После приземления с воздушным стрелком Григорием Яко-

Т. Бигельдинов.

венко ночами две недели пробирались к линии фронта. Дважды натыкались на противника. Уже вблизи линии фронта погиб, подорвавшись на mine, Яковенко. Талгат обессилел от голода, болела раненая нога. Все же он сумел переплыть Северский Донец и добраться до советских пехотинцев. К счастью, рана быстро зажила, и он возвратился в строй. От полета к полету совершенствуется пилот-штурмовик, а потом и разведчик, которому поручаются все более ответственные задания. К июню 1944 г. командир эскадрильи старший лейтенант Т. Бигельдинов совершил 155 боевых вылетов на разведку и штурмовку позиций наземного противника, его аэродромов, железнодорожных узлов и переправ. 26 октября 1944 г. он стал Героем Советского Союза. К концу войны на его счету было 305 боевых вылетов, 7 сбитых в воздушных боях самолетов, десятки уничтоженных танков и автомашин, сотни солдат и офицеров противника. 27 июня 1945 г. Т. Я. Бигельдинову вторично присваивается звание Героя Советского Союза. С 1956 г. Т. Бигельдинов в запасе. Ныне — генерал-майор в отставке, живет в Алматы. Его имя присвоено Актюбинскому высшему военному авиационному училищу.¹²⁴

Огромную роль в жизни, неудачах и успехах действующей армии играли военные железнодорожники. Убедиться в этом можно на примере трудовых и боевых дел рядового Жаппархана Асаинова, бывшего пастуха из колхоза «Заветы Ильича» Балкашинского района Акмолинской области и Петра Ивановича Бакарева, родившегося в Кустанае и начинавшего войну комиссаром железнодорожной бригады в Перемышле. Ж. Асаинов во время Московской битвы восстанавливал мосты и пути в районе г. Калинин (ныне Тверь). После ранения и излечения — пулеметчик, сапер и разведчик одной из стрелковых частей у Ржева. Новое ранение и после госпиталя попадает в свой 81-й восстановительный железнодорожный батальон. Однажды при налете вражеской авиации на станцию, где находились эшелоны с боеприпасами, загорелось несколько вагонов. Угроза губительного взрыва огромной мощности нависла над станцией, но ее предотвратили смелые действия Асаинова и его товарищей: они через огонь добрались до сцепки, разъединили и вручную откатали горящие вагоны в безопасное место. И только тогда стали тушить одежду на себе.

П. И. Бакарев и его подчиненные часто под бомбежкой и артобстрелами эвакуировали ценные грузы. Дважды, у Гусятина и Фастова, вступали в бой с прорвавшимся в наши тылы врагом. С декабря 1941 г. полковник Бакарев командовал бригадой и выполнял все задания командования по обеспечению войск всем необходимым. Накануне и во время Курской битвы его бригада обслуживала Курский узел и отходившие от него дороги. 2 июня 1943 г. около 900 немецких самолетов, потеряв 155 из них, разрушили пути и важнейшие объекты Курска. По нормам мирного времени, чтобы восстановить движение поездов, требова-

лось около месяца упорного труда. Воины Бакарева с помощью местных жителей пустили первый поезд через 12 часов после отбоя воздушной тревоги, а работы первой очереди закончили за 7 суток.

Настоящим подвигом стала работа по восстановлению моста через р. Тим восточнее Курска. В мае—июле вражеская авиация 4 раза разрушала его, а солдаты и офицеры железнодорожники восстанавливали. В первый раз это было сделано за 30 суток, во второй — за 8, в третий — за 6, а в четвертый — всего за 3 дня. На мосту бригада потеряла несколько человек убитыми, многие были ранены, а командир бригады, лично руководивший работами, дважды контужен. Войну он закончил генерал-майором технических войск, начальником железнодорожных войск 2-го Белорусского фронта. После войны защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата технических наук и работал инженером железнодорожных войск СССР. Умер в ноябре 1970 г. За упорный труд и личное мужество 125 отличившимся железнодорожникам 5 ноября 1943 г. было присвоено звание Героя Социалистического Труда. В их числе были Ж. Асаинов и П.И. Бакарев, первыми из казахов удостоенные этого высокого звания.¹²⁵

После окончания Курской битвы без паузы и больших перегруппировок наши войска провели серию операций, составивших битву за Днепр. Гитлер и его генералы планировали задержать наступление советских войск на берегах могучей славянской реки, но эти планы рухнули. В августе—сентябре войска Центрального, Воронежского, Степного и Юго-Западного фронтов очистили от оккупантов Донбасс и Левобережную Украину, на 750-километровом фронте от города Лоев до Запорожья вышли к Днепру и с ходу на подручных средствах преодолели его.

Севернее Киева в составе 13-й армии Воронежского фронта к Днепру у белорусских селений Лукоеды и Верхние Жары вышли полки 8-й стрелковой дивизии, перед тем дважды форсировавшие Десну. С помощью партизан и местного населения они переправились через Днепр и, не останавливаясь, устремились к Припяти. Захватив мост и паром, у села Новошепеличи Киевской обл. преодолели уже четвертую водную преграду на своем пути.

Противник хорошо представлял последствия столь быстрого и глубокого продвижения 8-й дивизии и ее соседей и в начале октября бросил против них крупные силы танков и пехоты. Разгорелись жестокие почти трехнедельные бои. В октябре трудная обстановка сложилась севернее Новошепеличей на участке 1-го батальона 229-го стрелкового полка, атакованного танками, бронетранспортерами и пехотой немцев. Артиллеристы хорошо поддерживали наших пехотинцев, но враг наседал и приближался к рубежу обороны. Обстановка усложнялась тем, что наспех отрытые в песчаной почве окопы осыпались и не могли надежно укрывать воинов. К тому же среди них было много молодых, мало обстрелянных солдат. Казалось, еще минута и вражеские танки раздавят обороняющихся. Но этого не произошло. Вначале командир 1-й роты старший лейтенант А. Дусухамбетов, потом его друг командир батальона П.К. Баяк с противотанковыми минами подползли к

головным танкам и взорвали их. Оба офицера при этом погибли, но заставили врага отойти и дали батальону возможность усилить свою оборону.

Через 8 дней фашисты все же отрезали от реки и от тылов, а потом и окружили два полка 8-й и два полка 148-й дивизий. Объединившись под руководством командира 229-го полка 8-й дивизии подполковника Д.К. Шишкова, окруженные с помощью партизан ударом на запад вырвались из кольца. Пополнив за счет народных мстителей свои ряды, они вскоре через промежутки в боевых порядках врага вернулись к своим войскам.

Плацдарм за Припятью удержать не удалось, но бои за него надолго сковали самые боеспособные части неприятеля и это облегчило задачу войск, действовавших в районе Киева. За успешное форсирование Десны, Днепра и Припяти дивизии была объявлена благодарность, а 43 ее воинам — в том числе и названным выше — присвоено звание Героя Советского Союза.¹²⁶ Кавалерами Золотой Звезды стали также 27 солдат и офицеров 72-й и 20 воинов 73-й гвардейских стрелковых дивизий во главе со своими командирами генерал-майорами А.И. Лосевым и С.А. Козаком. Обе они действовали в составе 7-й гвардейской армии Степного фронта, захватили и удержали Бородаевский плацдарм северо-западнее Верхнеднепровска.

Южнее, освободив город Запорожье, в расширении плацдарма за Днепром свой вклад внесла 27-я гвардейская стрелковая дивизия генерал-майора В.С. Глебова, входившая в 8-ю гвардейскую армию Юго-Западного фронта. А в районе Никополя при ликвидации плацдарма противника на левом берегу, а потом захвате и расширении своего плацдарма на правом берегу Днепра отличилась 118-я стрелковая дивизия полковника Добровольского Федора Григорьевича.

Стремительность преследования врага на Левобережье, переправа через Днепр на поручных средствах, не ожидая подхода понтонно-мостовых парков, обеспечили успех. Немало значили также выросшее боевое мастерство солдат, офицеров и генералов, их поистине массовый героизм. 2438 наиболее отличившихся, в том числе 112 казахстанцев, были удостоены за те бои звания Героя Советского Союза. Захваченные 23 плацдарма постепенно расширялись, сливались и превратились в два мощных исходных района будущего освобождения Правобережной Украины, Молдавии и Белорусского Полесья.¹²⁷

В боях за полное освобождение оккупированной территории СССР. 1944 г. вошел в историю как год полного изгнания немецко-фашистских захватчиков с советской земли и начала освободительного похода в Европу. В этих боях казахстанцы, как и раньше, сражались смело и умело. На Ленинградском фронте продолжала действовать 314-я стрелковая дивизия генерал-майора Алиева Ивана Михайловича (с марта — полковника Елшинова Михаила Сергеевича, с 18 сентября — полковника Гончарука Николая Игнатьевича). В январе она содействовала разгрому стрелкинской группировки противника, освобождала станции Волосово, Веймарн, город Кингисепп (и с того времени стала именоваться «Кингисеппской»), 2 февраля форсировала реку Нарву южнее одноименного города, поло-

жив начало освобождению Эстонии. В июне под командованием полковника Ефименко Петра Филимоновича 314-я дивизия прорывала вторую, затем третью полосы обороны финнов на Карельском перешейке, штурмом брала Выборг. Всем ее полкам были присвоены почетные наименования «Выборгских».

«Новгородской» стала 310-я стрелковая дивизия полковника Н. В. Рогова. Зимой в составе Волховского фронта она прорвала оборону немцев севернее Новгорода и с боями прошла до подступов к Пскову. Летом вместе с другими войсками Карельского фронта, форсировав Свирь, преодолела глубокоэшелонированную оборону финнов на 200-километровом пути от г. Подпорожье до станции Лоймола вблизи советско-финской границы.

В составе 2-го Прибалтийского фронта в Ленинградско-Новгородской операции приняли участие 391-я полковника Тимошенко Антона Демьяновича, 30-я гвардейская полковника Исаева Михаила Александровича, 8-я гвардейская Панфиловская генерал-майора Чернигова Спиридона Сергеевича стрелковые дивизии. Юго-западнее г. Новоскольниковики действовали 1-я стрелковая дивизия (в которую вошла 100-я казахская национальная стрелковая бригада) и 150-я стрелковая дивизия, сформированная в конце 1943 г. на позициях у г. Старая Русса на базе кустанайской 151-й стрелковой бригады.¹²⁸

На подступах к Новоскольниковам пехотинцам хорошо помогала батарея «Катюш» М-13 из 184-го отдельного гвардейского минометного дивизиона, которой командовал старший лейтенант Тусупов Кокбай. Он родился в селе Баканас Аягузского района Семипалатинской обл. Лишившись родителей, воспитывался в детдоме, потом учился в Алма-Ате в библиотечном техникуме, заведовал сектором политпросвещения в Гурьевском областном отделе народного образования. С декабря 1939 г. служил в армии. В войну командир отделения разведки 415-го гаубичного артполка вступил в районе Гомеля. Курсантом 1-го Московского артучилища участвовал в параде войск на Красной площади 7 ноября 1941 г. и вскоре после этого вступил в командование батареей грозных «Катюш». В боях возмужал, стал получать самые ответственные задания. Так было и 7 января 1944 г., когда противник, готовясь к атаке, сосредоточил вблизи железнодорожного полотна крупные силы пехоты. Внезапным и точным залпом батарея Тусупова разметала врага. Только убитыми там было насчитано 467 фашистов. Весь личный состав подразделения был награжден орденами и медалями. Орден Красной Звезды получил и К. Тусупов.¹²⁹

В боях за избавление Ленинграда от осады и очищение от оккупантов северо-запада РСФСР многие воины-казахстанцы совершили выдающиеся подвиги. В их числе пулеметчица Маншук Маметова, сраженная фашистской пулей за станковым пулеметом севернее Невеля в октябре 1943 г., и снайпер Алия Молдагулова, погибшая в рукопашной схватке 14 января 1944 г. у деревни Казачиха Новоскольникови-

М. Маметова.

А. Молдагулова.

ческого района.¹³⁰ 17 января у деревни Сокули Гатчинского района командир стрелкового отделения И.К. Скуридин закрыл вражеский пулемет своим телом и ценой жизни открыл дорогу вперед для роты. 1 февраля летчик-истребитель В.П. Синчук под станцией Передельская сбил 2 самолета (доведя счет уничтоженных до 15), но при этом его машина была повреждена и упала. Из болота ее вместе с останками летчика извлекли только летом 1951 г. В бою за дер. Малое Войново Батецкого района 6 февраля погиб артиллерист Д.Каипов, в числе первых ворвавшийся в Новгород.¹³¹ Четверо стрелков-казахстанцев —

А.М. Алиев, С. Бекбосынов, В.А. Малышев и И.К. Паньков — 21 июня в составе группы демонстрировали ложную переправу через Свирь у г. Лодейное Поле, чем обеспечили успех подлинной переправы, в которой отличился и командир стрелкового взвода лейтенант С.Я. Киреев. Все названные воины были удостоены звания Героев Советского Союза.¹³²

Орденами и медалями Родина отметила боевые дела тысяч других казахстанцев, сражавшихся тогда в районе Ленинграда. Среди них К. Алькенов, О. Бекишев, Г. Гусманов, М. Зайцев, А. Ибенов, Ч. Кенжибаев, А. Кожмуханов, Т. Курманов, С. Рахметов из числа первых 49 комсомольцев-добровольцев, зачисленных в команду крейсера «Киров», над которым шефствовал комсомол Казахстана. Огнем главного калибра и зенитных орудий кировцы уничтожали доты и дзоты южнее и севернее Ленинграда, защищали небо города-героя от вражеской авиации.¹³³

На юге при освобождении Правобережной Украины хорошо себя зарекомендовали 8-я стрелковая (с 5 марта — Ямпольская) генерал-майора Смирнова Андрея Семеновича, 72-я Красноградская (с 8 января и Краснознаменная), 73-я Сталинградская гвардейские генерал-майоров А.И. Лосева и С.А. Козакова, 27-я гвардейская (с 9 марта — Новобугская Краснознаменная) генерал-майора В.С. Глебова, 118-я Мелитопольская полковника Ф.Г. Добровольского и 387-я (с 11 апреля — Перекопская) полковника Ковалевского Антония Августовича стрелковые дивизии.

Из тысяч воинов-казахстанцев, освобождавших Правобережную Украину, выделяется старший лейтенант Иманов Шарип — заместитель начальника штаба 189-го гвардейского стрелкового полка 62-й гвардейской стрелковой дивизии. В 1943 г. ему довелось сражаться за Донбасс, Запорожье, форсировать Днепр, а теперь освобождать Николаев, Одессу. Успешное выполнение боевых задач во многом обеспечивалось своевременными, полными и точными сведениями о противнике, собранными разведчиками Ш. Иманова, продолжавшего славу отца — легендарного Амангельды.¹³⁴

Итогом боевых действий на советско-германском фронте в летние и осенние месяцы 1944 г. явилось освобождение Белоруссии и Прибалтики. В нем приняла участие 88-я стрелковая дивизия полковника Ковтунова Федора Трофимовича, которая в июне—августе прошла с боями более 500 км и участвовала в освобождении городов Орши, Минска, Лиды,

Друскининкая и десятков селений Белоруссии и Литвы. Она получила 4 благодарности Верховного Главнокомандующего, почетное наименование «Витебской» и орден Красного Знамени.¹³⁵

129-й минометный полк полковника Барвинского Степана Степановича помогал стрелкам прорвать оборону немцев у Витебска, освобождать белорусские города Сморгонь, Молодечно, а затем литовские Шадов, Шяуляй, Ионишкис, Елгава, Жагаре. 23 июня 1944 г. ему было присвоено почетное наименование «Молодечненский».¹³⁶

В освобождении северо-восточных и южных районов Эстонии в составе 11-й стрелковой дивизии (3-й Прибалтийский, позже — Ленинградский фронт) принял участие 219-й стрелковый полк подполковника В.И. Голубева. Затем, форсировав р. Эма-Йыги, 19 сентября он обеспечил освобождение латвийского г. Валга. Продолжая наступление, в конце сентября вышел к г. Ауце, отражал контрудар врага у оз. Зебрасэзерс, а в январе—апреле 1945 г. вел бои против курляндской группировки противника у пос. Гулбене, ст. Блидине и г. Елгава.¹³⁷

В летних и осенних боях 1944 г. в составе 10-й гвардейской дивизии 2-го Прибалтийского фронта упрочили свою славу 30 и 8-я гвардейские стрелковые дивизии. Начав наступление 10 июля, 30-я прорвала оборону противника на участке оз. Але, сел. Жуково южнее города Опочка Псковской обл., к 26 июля подошла к железной дороге Псков—Резекне. Здесь враг, оборудовав в высокой насыпи огневые точки с бронеколпаками, рассчитывал надолго задержать советские части. Ни минометы, ни дивизионные гаубицы и пушки разрушить их не смогли. Тогда за дело взялись штурмовые группы пехотинцев. Группа лейтенанта Глагольева из 94-го гвардейского полка в ночной темноте ползком добралась до насыпи и поднялась на нее. Рядовые Г.А. Шундеев и Е.С. Курбанов бесшумно сняли часовых. Они же, вместе с ефрейтором К. Алгинбаевым и рядовым Семеновым, блокировали шалаши, в которых спали немцы, а Глагольев проник в одну за другой три огневые точки и вынул замки из пулеметов. В это время на участках соседних полков началась перестрелка. Немцы из шалашей стали выбегать, но их тут же уничтожали бойцы Глагольева. Первые их выстрелы послужили сигналом атаки для заранее выделенных взводов. Через несколько минут насыпь на всем участке полка была захвачена. Настал черед остальных подразделений, и к утру они выбили врага уже со следующего рубежа.¹³⁸

Продолжая наступление, дивизия преодолела Лубанские болота и вышла к р. Ича, форсировала ее, затем Резекне, Айваэксте, Кую, Огре, освободила многие селения и ст. Саласпилс. Переправившись на южный берег Западной Двины, 12 октября возобновила наступление вдоль ее южного берега. Сломив оборону немцев на р. Кекава, притока Двины, а затем и на окраинах Риги, полки 30-й гвардейской к исходу дня 14 октября подошли к Пардаугаве (Задвинье) — западной части столицы Латвии. К 10 часам 15 октября освобождение Риги было закончено. В числе наиболее отличившихся соединений и частей 30-й гвардейской Краснознаменной дивизии было присвоено почетное наименование «Рижской». В конце 1944—мае 1945 гг. она вела бои против отрезанной в Кур-

земе группы армий «Курляндия» в районе оз. Ауце и г. Салдус. Здесь же принимала капитуляцию ее частей.¹³⁹

Через всю Латвию с боями прошла и 8-я гвардейская стрелковая ордена Ленина Краснознаменная имени Героя Советского Союза генерал-майора Панфилова дивизия. Ею командовали генерал-майор Кулешов Андрей Дмитриевич до назначения командиром корпуса (17 августа 1944 г.), полковник Панишев Григорий Иванович до смертельного ранения 7 сентября и полковник Ломов Георгий Ильич. Перед началом наступления (на 1 июля 1944 г.) личным составом она, как и многие другие стрелковые соединения, была укомплектована лишь наполовину: в ее строю числилось 5362 солдата и офицера 30 национальностей — 3501 русский, 529 украинцев, 422 казаха, 202 киргиза, 194 узбека, 138 татар, 63 белоруса, 44 еврея, 33 чуваша, 27 мордвинов и 20 марийцев.¹⁴⁰ Оборонялась она на участке озеро Островито, село Рыбница Псковской обл. Почти весь более чем 300-километровой путь наступления действовала на направлении главного удара армии и фронта. Прорвала главную полосу обороны противника «Пантера» на исходном рубеже, тыловой оборонительный рубеж «Рейер» на реке Великая, промежуточные рубежи «Синий» у Зилупе, «Зеленый» у Лудзы, «Коричневый» перед Резекне.

Своими успехами дивизия во многом была обязана разведчикам, которыми руководили майор Лебедев, а с конца августа — майор Иванов. За вторую половину 1944 г. 15-я отдельная гвардейская разведрота дивизии и разведвзводы полков провели 8 разведок боем, 98 поисков, 85 засад на переднем крае противника и 21 рейд по его тылам. Поэтому командование дивизии почти всегда знало номера противостоящих частей врага, их боевые порядки, численность, вооружение и морально-боевое состояние, а часто и планы. В ходе 212 названных операций разведчики потеряли 48 своих товарищей убитыми и 188 ранеными. Захватили 226 «языков», 354 документа, уничтожили 1148 оккупантов и много боевой техники и оружия. Не удивительно, что за этот отрезок времени все разведчики получили по одной государственной награде, четверо — по две, столько же — по три, а сержант Конягин и младший лейтенант Бойко — по четыре.¹⁴¹

Панфиловцы успешно действовали и в Рижской наступательной операции, и при ликвидации курляндской группировки противника. За участие в овладении городом Резекне (дореволюционное название — Режица) ей было присвоено почетное наименование «Режицкой», а за содействие в освобождении Риги вручен орден Суворова II степени.¹⁴²

В боевых порядках 3-й ударной армии 2-го Прибалтийского фронта от восточных границ Латвии до Елгавы и Ауце прошла и алма-атинская 391-я стрелковая дивизия полковника А.Д. Тимошенко. В начале этого пути в деревне Моцково произошла неожиданная встреча. Освободителей приветствовали около полусотни 4–6-летних ребятишек и старушка — все уцелевшее население. Их беседу прервало появление колонны пленных, двигавшейся на пункт их сбора. Вдруг шестилетняя Наташа, стоявшая рядом с одним из солдат и смотревшая на плен-

ных, затряслась и заплакала. Когда ее успокоили, она показала на одного из них и сказала: «Этот вот вчера поджег нашу избу, а когда я его попросила оставить нам с бабушкой маленькую баню, он вылил на нее весь бензин из бака и запалил».

Негодование охватило всех бойцов и трудно представить, чем бы все кончилось. Но в это время подъехал начальник политотдела дивизии подполковник Ф.И. Куцепин. Выслушав сообщение о причинах возбуждения, он приказал пленным встать перед детьми на колени и сказал: «За все что вы натворили на нашей земле, вас мало расстрелять. Но мы пленных не расстреливаем. Вас учили только одному — убивать и разрушать. Так смотрите теперь в глаза детям, которых вы осиротили и обездолили. Восстанавливайте разрушенные вами города и села. Может быть, вы еще приобретете облик человеческий...».¹⁴³

Отступив от реки Зилупе, враг попытался задержаться на рубеже Лаудери—Новинское. Первым к нему вышел отряд преследования — 2-й стрелковой батальон 1024-го стрелкового полка, усиленный дивизионом арtpолка, полковой батареей, взводом разведчиков и ротой саперов. Одна из батарей дивизиона, с которой двигались заместитель командира арtpолка майор Л.М. Каплан и командир дивизиона капитан Г.Н. Шабалин, опередила отряд и захватила мост перед деревней Лаудери, который немцы не успели взорвать. Но они быстро оправались и попытались уничтожить переправу и захвативших ее артиллеристов. Последовало несколько мощных контратак, но батарея отбила их и сохранила мост до подхода отряда преследования, а затем и всего полка. Враг в деревне был окружен и вскоре уничтожен. Майор Л.М. Каплан показал себя и мастером огневой поддержки пехоты при наступлении методом переката. Пока одна часть орудий вела огонь по врагу, другая перемещалась вперед, разворачивалась на новом месте и вступала в бой. Непрерывный и действенный огонь артиллеристов вел пехоту от одного рубежа к другому.¹⁴⁴

В боях за деревню Межаматвий Лудзенского района командир пулеметного отделения 1280-го стрелкового полка младший сержант Урмаш Туктыбаев подобрался к блиндажу противника и гранатой уничтожил пулемет вместе с расчетом. Затем по ходу сообщения достиг второго блиндажа и огнем из автомата перебил расчет другого пулемета. Этим он открыл дорогу стрелкам и они овладели рубежом врага. 20 июля в бою за деревню Перели он с ручным пулеметом выдвинулся на фланг контратакующего противника. Его огонь, однако, не вызвал паники в рядах контратакующих. Они стали охватывать его с обеих сторон. Когда патроны в диске кончились, Урмаш схватил пулемет как дубинку и бросился навстречу фашистам. В этой схватке его сразила вражеская пуля.¹⁴⁵

Наступление продолжалось, и 27 июля 391-я дивизия вышла на подступы к Резекне. Город находился в полосе соседней 10-й гвардейской армии, но на вопрос, как быть, комдив получил приказ продолжать наступление. В 6.30 утра 1280-й стрелковый полк подполковника Н.Б. Алехина, преследуя врага, вступил в юго-восточные кварталы и к 10 часам 30

минутам во взаимодействии со 1024-м полком подполковника Ф.П. Дегтяря освободил южную часть города. А к 14 часам и остальные кварталы были очищены от оккупантов частями 8, 7 и 119-й гвардейских стрелковых дивизий. Вечером того же дня Москва салютовала освободителям города, а отличившимся соединениям и частям, в том числе и 391-й стрелковой дивизии, было присвоено почетное наименование «Режицкой». Сотни воинов были награждены орденами и медалями, а семерым наиболее отличившимся присвоено звание Героев Советского Союза. Это были Л.М. Каплан, У. Туктыбаев, майоры Н.А. Сукач и С.Ф. Черников, лейтенант М.М. Тимошенко, старший сержант И.М. Трофимов, сержант П.И. Гаврилов.¹⁴⁶

С боями, временами напряженными, дивизия и ее соседи продвигались вперед. Преодолели реку Айвиэксте, овладели городом Мадона. В начале третьей декады июля подверглись мощному контрудару противника. Только за день 22 августа 391-я на рубеже Брутэны, Свенцэны, Ванаги, Малкрогс, в 12–15 км восточнее города Эргли, отразила 23 атаки. Рядом со стрелками места в окопах пришлось занять даже подразделениям саперов и обозникам. Отразив контрудар, дивизия и вся армия переправились на южный берег Даугавы. Наступательными и оборонительными боями у города Иецавы они содействовали освобождению Риги.¹⁴⁷

На земле Белоруссии и Прибалтики показали свои организаторские способности и тактическую зрелость сотни офицеров-казахстанцев, командиры подразделений и частей различных родов войск, а также десятки старших офицеров и генералов, руководивших соединениями. В их числе Василий Алексеевич Полевик, бывший начальник военной кафедры КазГУ. Начинал войну он майором, начальником штаба 39-й стрелковой бригады, с июня 1943 г. командовал 220-й стрелковой дивизией. За умелое руководство ею и успехи в боях за Оршу, Гродно и форсирование Немана В.А. Полевик получил звание генерал-майора и орден Ленина.¹⁴⁸

Здесь же отличное знание своего дела и искусство организатора и воспитателя проявил Шакир Джексенбаев, еще в 1919 г. вступивший в Красную Армию. Через месяц после начала Отечественной войны в звании подполковника он был назначен старшим помощником начальника отдела химзащиты Западного направления. Позже руководил химотделом Брянского, затем 2-го Прибалтийского и Ленинградского фронтов. В битве за Москву и последующих сражениях Джексенбаев добился высокой эффективности применения дымовых завес перед своим передним краем и в расположении противника и — что не менее важно — ранцевых огнеметов против дотов и дзотов и фугасных — против танков врагов. В октябре 1943 г. ему первому среди казахов было присвоено звание генерал-майора технических войск. Войну он закончил в Курляндии кавалером ордена Ленина, четырех — Красного Знамени и ордена Отечественной войны I степени. В послевоенный период Ш. Джексенбаев работал заместителем начальника Управления химвойск, затем начальником кафедры Военной академии химзащиты.¹⁴⁹

На землях Белоруссии и Прибалтики многие казахстанцы показали себя достойными братьями воинов других национальностей. В бою за деревню Носовичи у Барановичей парторг стрелковой роты старший сержант Ж. Избасов заменил раненого командира взвода, увлек в атаку бойцов и обеспечил выполнение боевого задания. Его грудь украсили орден Славы III степени и американская медаль «Серебряная звезда».¹⁵⁰ Разведчик К. Бекишев накануне наступления захватил четырех «языков», давших ценные сведения о своей обороне. Отважный воин в дополнение к ордену Славы III степени получил и II степень этой высшей солдатской награды.¹⁵¹ Два ордена заслужил за бои по освобождению Эстонии командир батальона 254-го стрелкового полка Б. Бекбосынов. Весной 1944 г. — за умелую организацию разведки боем в районе Нарвы и осенью того же года — за разгром вражеского гарнизона в селе Маево.¹⁵²

Отвагу в боях и богатырскую волю к жизни показал командир отделения 254-го гвардейского полка им. А. Матросова 56-й гвардейской стрелковой дивизии сержант Кумаш Нургалиев, 29 октября 1944 г. западнее города Ауце он со своим отделением гранатами заставил замолчать вражеский дот и тем обеспечил успех подразделения, но при этом был тяжело ранен и потерял сознание. Очнулся в госпитале. Без ног и руки. Несколько месяцев провел в госпиталях, выдержал два десятка операций. А вернувшись домой, поступил в пединститут. Успешно окончив учебу, работал учителем, потом директором школы в селе Бурган Восточно-Казахстанской обл. К ордену Красного Знамени за воинский подвиг добавились ордена Ленина и Трудового Знамени за подвиги трудовые.¹⁵³

Славный боевой путь прошел и А. Мухамеджанов, призванный на военную службу в 1940 г. После окончания в июле 1941 г. Орджоникидзевского военно-пехотного училища он вступил в бой командиром стрелковой роты 977-го стрелкового полка 270-й стрелковой дивизии Юго-Западного фронта. С ноября 1943 г. по март 1944 г. он командовал 3-м отдельным батальоном автоматчиков им. Амангельды Иманова, сформированного в г. Актюбинске. В 1944 г., окончив высшие курсы военной академии им. Фрунзе, участвовал в боях за освобождение Белоруссии и Прибалтики в качестве командира мотострелкового батальона резерва 3-го Белорусского фронта. Неоднократно раненный, майор А. Мухамеджанов встретил Победу в Кенигсберге. Награжденный за ратные подвиги двумя орденами Красной Звезды и многими медалями, он и в послевоенные годы оставался в боевом строю. Полковник А. Мухамеджанов завершил военную службу в 1983 г. в должности первого заместителя военного комиссара Казахской ССР.

Из казахстанцев-авиаторов, участвовавших в освобождении Белоруссии и Прибалтики, двое — кустанайцы Л.И. Беда и И.Ф. Павлов стали дважды Героями Советского Союза.

Леонид Игнатьевич Беда (1920—1976) — уроженец села Новопокровка, в 1940 г. окончил Уральский учительский институт и одновременно аэроклуб. После успешной учебы в Оренбургской школе пилотов в августе 1942 г. прибыл на фронт и всю войну служил в одной и той же

Л.И. Беда.

части — 75-м гвардейском штурмовом авиаполку. Участвовал в Сталинградской битве, в освобождении Донбасса и Крыма. За 109 успешных боевых вылетов на штурмовку вражеских позиций, коммуникаций и аэродромов 26 октября 1944 г. ему было присвоено звание Героя Советского Союза. В Белорусской операции участвовал с самого начала. 23 июня 1944 г. дважды бомбил оборону противника восточнее Орши, а 25-го — станцию Орша, где разбил паровоз, до 20 вагонов, вызвал 8 пожаров. Позже бомбовыми ударами он и ведомые вывели из строя головные паровозы в поездах, двигавшихся с награбленным имуществом к той же станции по обеим путям магистрали. Все 20 эшелонов стали трофеями наземных войск. Затем группы Беды и Окрестина разбили специальные путеразрушители и спасли отделение железной дороги от разрушения. Управление дороги присвоило участникам этой операции, в том числе и нашему земляку, звание «Почетный железнодорожник». 105 новых боевых вылетов и достигнутые в них результаты 29 июля 1945 г. были отмечены второй медалью «Золотая Звезда». После войны Беда окончил Военно-воздушную академию, Военную академию Генштаба и командовал авиацией Белорусского военного округа. Генерал-лейтенант Л. Беда погиб при исполнении служебных обязанностей.¹⁵⁴

Иван Фомич Павлов (1922—1950) — сын крестьянина села Борис-Романовка Мендыгаринского района, учился в Оренбургском авиаучилище и с августа 1942 г. воевал в 6-м отдельном гвардейском штурмовом авиаполку на Калининском и 1-м Прибалтийском фронтах. К октябрю 1943 г. на его счету было 127 боевых вылетов, 3 сбитых самолета, 15 уничтоженных танков, бронепоезд и много автомашин и орудий врага. 4 февраля 1944 г. ему было присвоено звание Героя Советского Союза, а после вручения наград предоставлен отпуск. Радость встречи с родными дополнилась получением подарка — 6 «Илов» прибыли в часть вскоре после его возвращения. Совершил 77 новых успешных боевых вылетов, из кото-

И.Ф. Павлов.

рых особенно запомнились вылеты 1 июля 1944 г., когда Павлов с группой из четырех штурмовиков прорвался сквозь шквальный огонь вражеских зенитчиков, точным бомбометанием уничтожил переправу на реке Дрисса у села Антонка и без потерь вернулся на свой аэродром, и 15 августа, во время которого восьмерка «Илов» Павлова была атакована севернее города Бауск двадцатью истребителями противника. Составив оборонительный строй, группа приняла бой. Павлов сбил тогда один самолет, а его друзья — еще три. Остальные покинули поле боя и штурмовики уничтожили на земле 2 орудия, 5 автомашин с боеприпасами и до 20 оккупантов. 23 февраля 1945 г. И.Ф. Павлову вторично при-

сваивается звание Героя Советского Союза. После войны окончил Военную академию им. М.В. Фрунзе и служил командиром штурмового авиаполка. Погиб при исполнении служебных обязанностей.¹⁵⁵

Всего же в боях за освобождение Белоруссии 78 казахстанцев удостоены звания Герой Советского Союза, 11 — за бои на украинской и белорусской земле, 13 — за подвиги в Латвии, 3 — в Литве и 4 — за свершения на Балтийском море и в небе над ним.¹⁵⁶

В завершающих сражениях на Западе и Востоке. К концу 1944 г. Советская Армия завершила изгнание оккупантов из временно захваченных ими районов СССР, кроме полуострова Курземе и Латвии. Ломая сопротивление вермахта, она вступила на территорию Румынии, Польши, Чехословакии, Венгрии, Болгарии и Югославии.

В великом освободительном походе активное участие приняли и воины-казахстанцы. Восточную Пруссию и переданные позднее Польше районы Померании совместно с другими соединениями Советской Армии и Войска Польского освобождали 88-я полковника Ф.Т. Ковтунова и его преемника полковника Кузенного Алексея Авксентьевича, 310-я полковника Н.В. Рогова и 150-я Идрицкая генерал-майора Шатилова Василия Митрофановича стрелковые дивизии. Центральные и южные районы Польши с боями прошли 27-я гвардейская генерал-майора В.С. Глебова, 118-я генерал-майора Михаила Афанасьевича Суханова, 314-я полковника П.Ф. Ефименко, 391-я полковника А.Д. Тимошенко стрелковые дивизии. Восточную Словакию и Моравию освобождала 8-я стрелковая дивизия полковника Николая Степановича Угрюмова. Румынию, Венгрию и Чехию — 72-я гвардейская генерал-майора А.И. Лосева, Болгарию, Югославию и Австрию — 73-я гвардейская генерал-майора С.А. Козака (с марта 1945 г. — полковника Щербенко Василия Ивановича) стрелковые дивизии.

Советских воинов не остановили ни серьезные водные преграды — Западный Буг, Висла, Одер, Тиса и Дунай, ни глубоко эшелонированная полевая оборона, ни города-крепости со старыми кирпичными строениями, превращенными в опорные пункты и узлы сопротивления, ни попытки германских спецслужб и местной реакции сорвать взаимопонимание советских войск с населением. Причины успешного преодоления этих преград состояли в высокой эффективности работы командиров, политорганов, партийных и комсомольских организаций по усилению воспитания воинов в духе патриотизма, интернационализма и гуманизма. Важную роль сыграло и то, что Советская Армия-освободительница осуществляла операции за рубежом на высоком профессиональном уровне, с учетом всего накопленного опыта ведения войны. Уже в оперативно-стратегические планы вкладывалась забота о том, чтобы не просто разгромить противника, а сделать это быстро и с минимальным ущербом для поселений и хозяйственных объектов.

16 апреля 1945 г. началась Берлинская операция. В небывалый по силе удар были вложены воля, энергия всего советского народа, а в непосредственное его осуществление свой вклад внесли и тысячи воинов из Казахстана.

В составе войск 2-го Белорусского фронта, обеспечивавших нацеленную на столицу рейха группировку с севера, наступала 310-я стрелковая дивизия полковника Н.В. Рогова. Она форсировала пролив Мааде, захватила первые плацдармы на острове Воллин, а затем и на острове Узедом. Ломая сопротивление противника, овладела военно-морской базой Свинемюнде и на западном берегу острова 310-я стрелковая Новгородская ордена Ленина Краснознаменная дивизия закончила свой боевой путь.¹⁵⁷

С юга главную группировку советских войск прикрывали дивизии левого крыла 1-го Украинского фронта, в том числе и 118-я стрелковая Мелитопольская Краснознаменная генерал-майора М.А. Суханова. Начав наступление с форсирования реки Нейсе у Кёбельна, она овладела Шпрембергом, Аннабургом и многими другими городами, переправилась через Эльбу и в поселках Претч и Верблиц встретилась с американскими войсками.¹⁵⁸

К Берлину солдатские дороги вывели 27-ю гвардейскую стрелковую дивизию генерал-майора В.С. Глебова. Она и другие соединения 8-й гвардейской армии наступали с плацдарма у Кюстрина и через Зееловские высоты 22 апреля с боями подошли к внутреннему оборонительному обводу. Сопротивление врага нарастало, но усиливался и напор гвардейцев. Они ворвались в пригороды, а потом и в восточные кварталы Берлина. Захвачены аэродромы Иоганисталь, Темпельгоф, Ангальтский железнодорожный вокзал и 30 апреля дивизия пробилась к Тиргартену.

Отважно и расчетливо дрались на улицах фашистской столицы многие. Разведчик Б. Бектурганов, доставивший в часть несколько «языков», был награжден орденом Славы II степени. Таким же орденом командование отметило боевые дела командира орудия М.И. Перепелова, бывшего слесаря станции Чарская Семипалатинской обл. Оказалось, что у него уже были III и II степени этого ордена — за бои на Днестре и Висле. А дважды награждать одной и той же степенью статут ордена запрещает. Но ошибку исправили лишь в 1971 г., когда Указом Президиума Верховного Совета СССР вместо второго ордена Славы II степени М.И. Перепелову был вручен орден I степени и он стал тринадцатым в дивизии полным кавалером ордена солдатской доблести.¹⁵⁹

В боях за Берлин дивизия потеряла 457 человек убитыми и 2402 ранеными. Ущерб противнику она нанесла еще более чувствительный, уничтожив и ранив около 6500 и пленив 2856 солдат и офицеров. За овладение 29 населенными пунктами и 120 кварталами города, за мужество и отвагу личного состава всем полкам 27-й гвардейской дивизии были присвоены почетные наименования «Берлинских» и вручены ордена.¹⁶⁰

В первом эшелоне 3-й ударной армии в течение всей операции действовала 150-я стрелковая Идрицкая ордена Кутузова дивизия генерал-майора В.М. Шатилова. С рубежа Грос-Нойендорф—Амт-Кинитц, в 20 км северо-западнее Кюстрина, она с 16 по 22 апреля преодолела две линии обороны и овладела пригородами германской столицы Каров, Буххольц и Розенталь. Затем, повернув на юго-запад, заняла рай-

он Плетцензее. Новый поворот, теперь на юг, вывел дивизию в Моабит. Более суток шел бой за здание МВД («дом Гимmlера») и, взяв его, на рассвете 30 апреля бойцы увидели здание рейхстага.

Только в третьей атаке вечером 30 апреля подразделения 756, 674-го полков 150-й дивизии, 380-го полка 171-й дивизии и нескольких штурмовых групп из корпусных частей ворвались в рейхстаг. На его стенах, в окнах появились флажки и флаги победителей. В числе первых это сделали Р. Кошкарбаев и Г. Булатов из 674-го стрелкового полка. В 22 часа 50 минут разведчики 756-го полка М. Егоров и М. Кантария водрузили над куполом здания флаг №5, полученный от Военного совета армии. Он и стал тем Знаменем Победы, которое как святыня хранится в Центральном музее Вооруженных Сил. Но еще около полутора суток продолжался бой. Фашисты дважды затевали переговоры, но только на третий раз — уже в 4 часа 30 минут 2 мая — сложили оружие.

Героев последнего штурма было много, 15 воинов 150-й дивизии отмечены Золотыми Звездами, остальные — орденами и медалями. Дивизия получила второе почетное наименование — «Берлинской». Все ее полки стали Краснознаменными, а спецподразделения награждены другими орденами.¹⁶¹ Воины по праву гордились наградами, но еще больше — вкладом в Победу, своей принадлежностью к народу-победителю. Эти чувства и мысли очень хорошо выразил участник штурма рейхстага К.Я. Самсонов: «Знамя Победы! На купол рейхстага его вознесли Егоров и Кантария, — писал он. Но вместе с ними его водружали и те, что бились на других фронтах, и те, что пали смертью героев, не дойдя до Берлина, и те, что в глубоком тылу ковали для нас оружие. Знамя Победы водрузил весь советский народ».¹⁶²

Весь советский народ обеспечивал победу и над милитаристской Японией, а в рядах воинов-дальневосточников, как и на Западе, плечом к плечу действовали представители всех республик, в том числе и казахстанцы.

Первыми в войну и на Востоке вступили пограничники. Казахстанцы К. Асылбеков, Г.А. Голубев, А.А. Курунбаев, Г.И. Сухоносенко и их боевые друзья уничтожили или вывели из строя посты и оборонительные сооружения японцев на границе и открыли частям Советской Армии дорогу в глубь Маньчжурии.¹⁶³

Умело организовал марш по бездорожной горно-лесистой местности заместитель командира самоходного арtpолка майор А. Бектасов. Без потерь выйдя в заданный район, полк выполнил боевую задачу. Как и на Западе, до дерзости смело действовали войсковые разведчики и десантники. Кавалер трех степеней ордена Славы В.Т. Христенко со своим взводом бронетранспортеров в районе Мукдена заставил сложить оружие целый полк пехоты. Е.К. Байбулов и М.П. Измаилов отличились при захвате аэродромов и крупных штабов противника в Мукдене и Чанчуне.¹⁶⁴

Но всюду, где позволяла обстановка, японцы упорно оборонялись. Ликвидировать узлы сопротивления, мощные доты и другие укрепления помогали артиллеристы и минометчики, а в их числе — наши зем-

ляки полковник И.К. Коваленко, старший лейтенант Г.И. Величенко, младшие лейтенанты М. Карабаев и Д.У. Кожаметов, орудия которых сокрушили немало огневых точек.

Хорошо помогали стрелкам также саперы (и среди них казахстанцы А. Алманиязов, Ж. Есмагамбетов, П.Т. Меркин), связисты (и в их числе женщины и девушки из нашей республики Н.С. Бакина, М. Журавлева, А. Кайкова, Е. Свидлова, Н. Синкина, А. Черепанова).¹⁶⁵ Но и после этого стрелкам еще оставалось немало боевой работы, требовавшей и мужества, и сметки, а нередко и жертв. Спасая товарищей по оружию, погиб, закрыв своим телом амбразуру дота, рядовой Л.Г. Кравченко, до призыва в армию живший в Джаркентском районе. Отражая контратаки на одну из высот, рядовой из Карагандинской обл. Н.И. Федотовский огнем из пулемета уничтожил более четырех десятков японцев и, когда кончились патроны, погиб в рукопашной схватке. Посмертно первый из них был награжден орденом Отечественной войны I степени, а второй — орденом Ленина.¹⁶⁶

В целом же уровень боевых потерь наших войск на Дальнем Востоке оказался гораздо ниже, чем в войне с Германией. Среди важнейших причин их сокращения — материально-техническое обеспечение войск, а главное — накопленный на Западе опыт ведения боев и операций. Подтверждением тому служили действия командира 165-го стрелкового полка 79-й стрелковой дивизии подполковника Курманова Нигмея Джумакаевича, бывшего пастуха из аула Аксуат Уральского уезда. Сочетая блокирование и обход наиболее мощных огневых точек, он обеспечил овладение 7 дотами и 198 дзотами Харамитогского укрепрайона, окружение и пленение японского пехотного полка. Это явилось важным условием освобождения всего Южного Сахалина.¹⁶⁷ При прорыве переднего края обороны японцев на границе и штурме Харамитогского укрепрайона наиболее ответственные задачи выполнил разведотряд, костяком которого стала стрелковая рота старшего лейтенанта С.Т. Юдина. Разведкой оборонительной системы на склонах хребта Камышовый и особенно взятием поселения Нибу и системой трехэтажных дотов рота облегчила сокрушение укрепрайона. С.Т. Юдину, уроженцу села Ново-Романовка Балкашинского района Акмолинской обл., было присвоено звание Героя Советского Союза.¹⁶⁸

Кавалерами Золотой Звезды стали и два моряка-казахстанца — летчик-штурмовик, младший лейтенант М.Е. Янко, направивший свою подбитую машину на важный объект врага в порту Расин, и командир роты автоматчиков из батальона морской пехоты И.М. Яроцкий. Со своими десанниками он двое суток удерживал небольшой плацдарм в другом корейском порту — Сейсин.¹⁶⁹

В 23-дневной, поистине молниеносной войне Советского Союза против Японии участвовали и два казахстанских формирования. Это 173-й гаубичный артиллерийский ордена Александра Невского полк полковника Г.А. Белоусова и 129-й минометный Молодечненский полк полковника С.С. Барвинского. Они наступали в составе войск Забайкальского фронта и обеспечили успешное продвижение стрелковых частей, которым придавались.¹⁷⁰

С победой над Японией закончилась Великая Отечественная война. Это была самая справедливая война в истории человечества. СССР защищал права на жизнь своих народов, государственную независимость и достигнутые завоевания. Одновременно он сражался за освобождение народов Европы и Азии от германских, японских агрессоров и их союзников, в конечном счете — за спасение мировой цивилизации от варварства и мракобесия. Переплетение национально-освободительных, революционных и планетарно-эпохальных задач придало войне чрезвычайно напряженный, бескомпромиссный характер и сделало ее важнейшей частью Второй мировой войны, а советско-германский фронт — ее решающим фронтом.

Война 1941—1945 гг. была великой не только по характеру целей воюющих сторон, но и по территориальному размаху. Протяженность фронта колебалась от 1,2 тыс. до 6,1 тыс. км. Огненный вал войны прокатился от западных границ страны до Ленинграда, Москвы, Сталинграда и Астрахани на 720, 880, 1650 и 1850 км, затем по этим же землям в обратном направлении и, наконец, еще на 850 — 1000 км туда, откуда он вышел, — в фашистскую Германию.

Великой война 1941—1945 гг. оказалась и по количеству потерь, особенно чувствительных в людях. СССР потерял в ней 26,6 млн человек.¹⁷¹ Это дало повод В. Астафьеву и его единомышленникам утверждать, что «мы не умели воевать» и победили только потому, что «залили своей кровью, завалили своими трупами фашистов».¹⁷² Анализ цифр опровергает такое утверждение. Во-первых, две трети советских потерь в людях приходится на гражданское население (17,9 млн человек). Во-вторых, германские потери на Восточном фронте составили около 9,1 млн солдат и офицеров, а погибшие мирные жители (в основном в ходе бомбардировок американской и английской авиацией) — примерно треть этого количества. Вывод ясен: германские захватчики вели против СССР войну на уничтожение, не считаясь ни с нормами международного права, ни с принципами человечности.¹⁷³

В числе погибших на фронтах, по данным на сентябрь 1996 г., 602 939 казахстанцев. К сожалению, эта цифра не окончательная, так как в архивах находятся все новые имена соотечественников, павших в войне. Находят их останки и на полях былых сражений. Следует отметить, что в годы войны учет личного состава армии был далек от совершенства, особенно по национальному признаку, месту рождения и призыва. Поэтому сведения о потерях республики по национальности военнослужащих далеко не полны. В частности, казахов по этим данным погибло 130 тысяч человек, в том числе призванных из Казахстана — около 97,5 тыс человек,¹⁷⁴ что некоторыми исследователями ставится под сомнение.¹⁷⁵ А это означает, что вопрос нуждается в дополнительном изучении.

Великая Отечественная война велика и по небывалому взлету патриотизма. В дополнение уже к сказанному можно добавить, что только казахам и только за боевые подвиги в годы войны было вручено 96 638 орденов и медалей.¹⁷⁶ К лету 1991 г. 12 745 человек было удостоено звания Героев Советского Союза, в том числе 11 649 человек — за подвиги в

Великой Отечественной войне. Кавалерами Золотой Звезды стали и 520 казахстанцев, из которых двое заслужили это звание в боях на озере Хасан, трое — в советско-финляндской войне, 11 — при выполнении интернационального долга в Афганистане и 5 — в разные послевоенные годы. Наибольшее число наших земляков — 497 человек — заслужили высшее отличие СССР на фронтах Великой Отечественной войны. Среди них — 97 казахов (11 казахов — Героев Советского Союза родились и призывались в армию из других союзных республик), 86 украинцев, 280 русских и 45 героев представляют 11 других национальностей.¹⁷⁷ 113 казахстанцев стали кавалерами ордена Славы трех степеней, а вместе с поселившимися в городах и селах республики после войны их насчитывалось к 1995 г. 142 человека.¹⁷⁸

Ценой великих жертв и героизма народы СССР одержали всемирно-историческую победу. Они отстояли свою свободу, независимость страны, внесли решающий вклад в разгром Германии и ее союзников в Европе и Азии и спасли мировую цивилизацию от фашистского варварства и мракобесия.

3. КАЗАХСТАНЦЫ В ПАРТИЗАНСКИХ ОТРЯДАХ И ДВИЖЕНИИ СОПРОТИВЛЕНИЯ

В результате допущенных в предвоенные годы руководством страны просчетов, в первый период войны гитлеровским агрессорам удалось захватить значительную часть советской территории. Под временной оккупацией оказались Молдавия, Украина, Белоруссия, Прибалтийские республики, ряд областей и районов РСФСР.

Однако неудачи Красной Армии не сломили воли советского народа, его стремления отстоять свободу и независимость Родины. Народы Советского Союза поднялись на священную борьбу против фашистских захватчиков. На временно оккупированных врагом территориях вспыхнуло партизанское движение, получившее широкий размах и поддержку среди населения.

Еще в 1920-х — начале 30-х годов, исходя из опыта гражданской войны, на случай агрессии противника в западных приграничных районах для возможной партизанской войны заблаговременно были созданы партизанские отряды, подземные тайные базы с оружием, боеприпасами, средствами связи и запасами продовольствия, проводилось специальное обучение для ведения борьбы на коммуникациях агрессора. Однако, в грозные предвоенные годы под влиянием культа личности Сталина, когда возобладала доктрина о войне на чужой территории, отказались от продолжения таких мероприятий. Многие специально подготовленные кадры были репрессированы, а секретные базы ликвидированы. Эту ошибку пришлось исправлять уже в ходе войны.

Несмотря на утвердившийся тоталитарный режим, большинство советских людей верило в идеалы Октябрьской социалистической революции. В годы войны Компартия, как правящая партия, взяла на себя всю ответственность за судьбу страны.

Уже в первые дни войны ЦК ВКП(б) и СНК СССР издали документы, в которых давалась трезвая оценка сложившейся обстановки и были четко определены задачи как на фронте, так и в тылу для достижения победы над врагом. В директиве СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 г., в постановлении ЦК ВКП(б) от 18 июля 1941 г и в других документах была изложена конкретная программа развертывания партизанского движения и действий подпольных организаций на оккупированной территории. В них ставилась задача создать невыносимые условия для оккупантов и их пособников, срывать все их мероприятия. Организация этого дела возлагалась на руководителей республиканских, областных и районных партийных и советских организаций.¹⁷⁹

В целях координации действий партизан с Красной Армией по решению ЦК ВКП(б) в мае 1942 г. был создан Центральный штаб партизанского движения (ЦШПД), республиканские и областные штабы партизанского движения, работавшие под руководством ЦШПД и ЦК компартий союзных республик и обкомов партии оккупированной врагом зоны. Созданные в дни войны подпольные партийные и комсомольские организации в трудных условиях вражеской оккупации вели политическую работу среди населения, выпускали нелегальные газеты с сообщениями о положении на фронтах войны и другими важными новостями, разъясняли и разоблачали сущность «нового порядка», установленного оккупантами, распространяли листовки, поднимали людей на борьбу.

С первых же дней войны возникали партизанские группы, отряды, а позднее — бригады и соединения. Вначале это были командиры, политработники и рядовые солдаты Советской Армии, оказавшиеся в тылу врага и «окруженцы», не пробившиеся через линию фронта к своим войскам, а также бежавшие из лагерей или рабочих колонн советские военнопленные. Поднималось и местное население — рабочие, крестьяне и интеллигенция. Партийными органами, военными и специальными ведомствами в спецшколах готовились организаторские группы, специалисты-подрывники и радисты, которые забрасывались в тыл противника. Например, из Казахстана в 1942—1943 годах по линии ЦК КП(б)К были направлены в распоряжение партизанских штабов Украины, Белоруссии, Ленинградской и др. областей несколько групп коммунистов. Так, начальником особого отдела Пинской партизанской бригады стал Г.А. Беляев, награжденный орденом Красного Знамени и медалями. В Могилевской области командиром отряда «За Советскую Беларусь» воевал В.Ф. Целуйко, боевые заслуги которого отмечены орденами Красного Знамени, Красной Звезды и медалями.¹⁸⁰ В тыл врага с особыми разведывательными заданиями засылались и отряды, сформированные органами НКВД и военной разведкой.

Ширилась народная война против гитлеровских агрессоров в их тылу, возникали партизанские края и зоны, где восстанавливалась Советская власть. Общая численность советских партизан в годы войны достигла почти 1 млн человек.¹⁸¹ Среди них было немало казахстанцев.

Плечом к плечу с сынами и дочерьми русского, украинского, белорусского, молдавского народов и народов Прибалтики против фашистских агрессоров самоотверженно сражались сыны и дочери всех народов

К. Кайсенов.

бывшего Советского Союза. Почти все соединения, бригады и отряды были многонациональными. Так, в партизанских соединениях и отрядах Украины сражались представители более 60 национальностей страны. По неполным данным, среди народных мстителей Украины воевало более двух тысяч казахов. Сотни казахстанцев мужественно боролись в рядах белорусских партизан. В лесах Белоруссии действовали 1108 партизанских отрядов, подавляющее большинство которых входило в состав 199 бригад. Только в 65 бригадах и отрядах, действовавших в Партизанском крае, находилось более полутора тысяч казахстанцев.

Немало казахстанцев находились среди партизан на временно оккупированных территориях РСФСР. Например, в Ленинградской области сражались более 220 казахстанцев. На территории Смоленской области только в 15 бригадах и отрядах воевало свыше 270 уроженцев Казахстана. Они сражались среди партизан Краснодарского края, в катакомбах Аджимушка в Крыму, в лесах Калининской, Московской, Орловской и др. областей России.¹⁸²

Верные партизанской присяге, партизаны из Казахстана показали образцы мужества, стойкости и отваги. Многие из них явились одними из организаторов народной войны в тылу врага.

Так, в конце ноября 1941 г. в с. Македоны Ржищевского района Киевской области по инициативе коммунистов был организован подпольный партизанский центр. Одним из его организаторов явился бывший инспектор народного образования Павлодарской области Касым Кайсенов, заброшенный в ноябре 1941 г. во вражеский тыл. Уже весной 1942 г. коммунисты-подпольщики организовали партизанский отряд, в котором К. Кайсенов стал командиром подрывников. Позже, в декабре 1942—первой половине 1943 гг. несколько мелких отрядов объединились в крупное партизанское соединение им. Чапаева. Командиром третьего отряда был назначен Касым Кайсенов. Пожалуй, не было ни одной крупной операции, в которой он не участвовал бы. В боях только на территории Ржищевского, Мироновского, Переяславского и Бориспольского районов им лично было убито 30 вражеских солдат и офицеров. Особенно отличились Касым и его друзья 20—21 сентября 1943 г., когда содействовали частям Советской Армии в форсировании Днепра и удержании плацдарма на его правом берегу. Впоследствии К. Кайсенов организовал новый отряд, вел борьбу с оккупантами на территории Западной Украины, Молдавии и Закарпатья. Его боевые заслуги отмечены орденами Отечественной войны 1-й степени, Богдана Хмельницкого 3-й степени и медалями.¹⁸³ Накануне 50-летнего юбилея Победы Указом Президента Республики Казахстан от 23 апреля 1995 г. Касыму Кайсенову присвоено высшее отличие Республики — звание «Халык Каһарманы» с вручением Золотой Звезды.

Стойко и мужественно сражались среди киевских партизан командир взвода Д.И. Сачава из с. Колхозное Карагандинской области, на-

гражденный орденом Ленина, командир взвода П.С. Шленский из с. Лепсинск Талды-Курганской области, награжденный орденом Красного Знамени.¹⁸⁴

В борьбе с оккупантами неоднократно отличался кзыл-ординец Д. Байдаулетов из партизанского соединения С.А. Ковпака. Он был разведчиком, пулеметчиком и участвовал во многих боевых операциях против оккупантов в Сумской области и в глубоких рейдах партизанского соединения на Правобережную Украину. «Как разведчик роты, неоднократно ходил в далекую разведку, проникал в расположение противника и доставлял ценные сведения», — писал о нем С.А. Ковпак.¹⁸⁵ Д. Байдаулетов награжден орденом Отечественной войны 2-й степени и медалью «Партизану Отечественной войны» 1-й степени.

В партизанском соединении С.А. Ковпака самоотверженно дрались Н.А. Калачев, награжденный медалью «Партизану Отечественной войны» 1-й степени, орденами Отечественной войны 2-й и 1-й степеней (посмертно), Ибрагим Рысмагамбет, награжденный орденом Отечественной войны 2-й степени, всего 70 казахстанцев, в т.ч. 56 казахов.¹⁸⁶

Проявили себя патриотами Родины многие казахстанцы, сражавшиеся в других партизанских соединениях Украины. Среди них Жумабай Омаров из Южно-Казахстанской области (отряд им. Буденного Ровенского партизанского соединения), награжденный орденом Красного Знамени, И. Темиров (соединение А.Н. Сабурова), награжденный медалью «Партизану Отечественной войны» 1-й степени.

В соединении А.Ф. Федорова мужественно сражались и другие казахстанцы: К. Аширбеков, Н. Есентемиров, С. Абишев, Е. Сексенбаев, Н. Алижанов и другие.

В этом соединении особенно проявились организаторские способности заместителя командира соединения по диверсионно-подрывной работе алматинца Алексея Семеновича Егорова, направленного в мае 1943 г. в тыл врага после окончания спецшколы. За короткое время им было подготовлены из среды партизан 312 квалифицированных подрывников, которые в июле—августе 1943 г. на железнодорожных линиях ковельского и брестского узлов подорвали 274 эшелона, а всего до конца года произвели свыше 440 крушений вражеских поездов.¹⁸⁷ Это был ощутимый удар по оккупантам. Летом 1944 г. А.С. Егоров с группой разведчиков и диверсантов был заброшен в Словакию для оказания помощи в организации партизанского движения. 2 мая 1945 г. А.С. Егорову было присвоено звание Героя Советского Союза.

В рядах украинских партизан был и известный казахский поэт Жумагали Саин, являвшийся боевым политруком партизанского отряда под командованием капитана Хайрутдинова.

В ноябре 1943 г. в лесах городов Луцк, Ковель и Сарны действовал партизанский отряд им. Чапаева под командованием Гринько. Заместителем его был А. Жумагалиев, прибывший из Алма-Аты по специальному заданию. Отряд совершил множество боевых операций, принимал участие в освобождении г. Львова. Вместе с Жумагалиевым отличились и его земляки Х. Казыбаев и С. Мусаханов.¹⁸⁸

Доблестно сражались партизаны-казахстанцы на территории братской Белоруссии. Одним из первых партизанских отрядов, созданных уже

24 июня 1941 г., являлся отряд им. Чернака, обосновавшийся в Старосельском лесу Жабинковского района Брестской области. В составе отряда сражались 9 патриотов из Казахстана. Одним из основателей отряда был коммунист Нурум Сыдыков, уроженец Нарынкольского района Алма-Атинской области. Он служил в Бресте и здесь на рассвете 22 июня 1942 г. начал свой боевой путь, а с 25 июня, оказавшись в тылу врага, стал партизаном, вырос от рядового подрывника до командира роты. В его боевой характеристике говорится: «Товарищ Сыдыков — самый отважный подрывник... На своем личном счете имеет три спущенных под откос вражеских эшелона..., 65 убитых фашистских солдат и офицеров».¹⁸⁹ Под его руководством рота спустила под откос 78 вражеских эшелонов с живой силой и техникой. Уничтожено 16 автомашин, 3 железнодорожных моста, 200 железнодорожных рельс и т.д. Н. Сыдыков находился в рядах партизан до 28 июля 1944 г., т.е. до соединения с регулярными частями Красной Армии. Его боевые заслуги были отмечены орденами Красного Знамени, Отечественной войны 2-й степени, Красной Звезды и медалями.

Боевым командиром показал себя в отряде им. Чернака лейтенант М.Ф. Стрельников, уроженец с. Николаевки Акмолинской области. В 1941 г. в боях на гомельском направлении, будучи раненым, он попал в плен и был отправлен в Польшу. В мае 1942 г. бежал из плена и организовал партизанскую группу из 18 человек, действовавшую в лесу Парчевского района. В октябре 1942 г., продвигаясь на восток, со своей группой присоединился к отряду им. Чернака, где был подрывником, а затем командиром роты. Под его руководством рота пустила под откос 17 вражеских эшелонов. Она особо отличилась в разгроме крупного немецкого гарнизона в д. Старое Село. На личном счету М.Ф. Стрельникова значится 9 вражеских поездов, пущенных под откос, 6 взорванных автомашин с военными грузами, участие во многих боевых операциях отряда. Его боевые заслуги были отмечены орденом Красного Знамени и медалями.¹⁹⁰

В составе отряда им. Чернака храбрыми бойцами показали себя казахстанцы: командир группы И.А. Ерошенко, рядовые К. Темирханов, И. Булаев, А. Данияров.

Командиром взвода этого отряда служил Хамид Исмагулов из Щучинского района Кокчетавской области. Он участвовал в 25 боевых схватках с врагом и на его боевом счету было 70 уничтоженных гитлеровцев.¹⁹¹ Однако шальная вражеская пуля оборвала жизнь молодого патриота Родины. Боевые товарищи, партизаны Белоруссии, увековечили его память. Портрет славного сына казахского народа занимает одно из почетных мест в Музее Великой Отечественной войны в Минске.

Крупным очагом партизанского движения стал Освейский район Витебской области. Уже в первые дни оккупации возникли подпольные группы. Одним из подпольщиков был казах-коммунист Галим Ахмедьяров. До начала войны он служил командиром взвода 4-го стрелкового полка 98-й стрелковой дивизии (в г. Ижевске). Участвовал в боях в районе рек Дриссы и Дисны. Под Невелем был контужен и ранен, попал в

плен. Вылечившись, при помощи пленных врачей 16 августа бежал из лагеря и обосновался в Колопанской волости у латышского крестьянина. Здесь он связывается с подпольщиками Освейского района, становится активным участником их деятельности. Вскоре подпольщики создают первую партизанскую группу во главе с Г. Ахмедьяровым, которая сразу же приступила к диверсионным действиям. Вскоре группа Ахмедьярова слилась с группами И.К. Захарова и И.Ф. Петриенко в партизанский отряд под командованием Захарова. В официальном документе говорится: «Тов. Ахмедьяров Галим Ахмедьярович добровольно пришел в группу т. Захарова третьим человеком в апреле 1942 г. Он один из организаторов партизанского движения в Освейском районе». ¹⁹² Отряд Захарова быстро разросся в бригаду, состоявшую из пяти отрядов. Г. Ахмедьяров возглавлял отряд им. Орджоникидзе. Благодаря опыту и организаторским способностям командира к январю 1943 г. отряд вырос до 185 человек. Среди них храбро сражались подрывниками казахстанцы И.И. Погукаев и Р. Кайреддинов, прибывшие из-за линии фронта.

Под руководством Г. Ахмедьярова партизанский отряд проводит множество успешных боевых операций, активно участвует в «рельсовой войне». С августа 1942 г. по декабрь 1943 г. его отряд уничтожил 800 немецких солдат и офицеров, разбил и вывел из строя 170 автомашин противника, пустил под откос 25 вражеских эшелонов с живой силой и техникой (из них 4 эшелона — И. Погукаевым и 3 — Р. Кайреддиновым). В «рельсовой войне» партизаны взорвали 765 рельсов. ¹⁹³ Была создана Освейская партизанская зона. В феврале 1944 г. Г. Ахмедьяров назначается начальником штаба партизанской бригады им. Фрунзе. На этой должности до соединения с частями Красной Армии он разрабатывал важнейшие операции бригады и руководил боевыми действиями по разгрому врага. Боевые подвиги Г. Ахмедьярова были отмечены семью орденами и медалями, в т.ч. орденом Ленина.

Совершив подвиг, обессмертил свое имя актюбинский учитель Федор Феодорович Озмитель. Он был призван в армию и в сентябре 1938 г. стал пограничником. В 1941 г. сражался против немецких оккупантов под Ленинградом и Москвой. В феврале 1942 г. старший лейтенант Ф.Ф. Озмитель одним из первых возглавил группу воинов Отдельной мотострелковой бригады особого назначения, направлявшейся в тыл врага со специальным заданием. Группа в боях переросла в отряд «Грозный», наносила противнику ощутимые удары в треугольнике Витебск—Орша—Смоленск. Только за год пребывания в тылу врага отряд пустил под откос 27 вражеских эшелонов с живой силой и техникой, уничтожил 6 танков, 14 тракторов, 45 грузовых автомашин. Осенью 1942 г. Озмитель вернулся на Большую землю, а в мае 1943 г. снова сражался в тылу врага на территории Минской области. В начале июня 1944 г. в районе озера Палик гитлеровцам удалось окружить несколько партизанских бригад и отрядов. Партизаны сражались стойко, но их положение становилось все более критическим. Превосходящие силы противника сжимали кольцо окружения. Оставалось одно — прорыв. 15 июня 1944 г.

Ф. Озмитель и Б. Галушкин возглавили штурмовые группы для прорыва. В ожесточенных боях им удалось прорвать тройное кольцо окружения, они продолжали прикрывать огнем партизан, прорвавшихся из окружения. Когда у бойцов кончились боеприпасы, каратели бросились на героев. Озмитель и Галушкин последней гранатой подорвали себя и группу фашистов. Ф. Озмителью и Б. Галушкину посмертно присвоено звание Героев Советского Союза.¹⁹⁴

Грозой для немецких оккупантов был партизанский отряд особого назначения им. Дзержинского, которым командовал сначала Павел Кочуевский, а потом казахстанец Николай Васильевич Зебницкий. Отряд действовал на территории Могилевской, Гомельской областей, на Черниговщине и в Клетнянских лесах Орловской области. На его боевом счету сотни убитых гитлеровцев, десятки вражеских эшелонов с живой силой и техникой, сотни донесений разведывательных данных, имевших неоценимое значение для Красной Армии. Зебницким была проведена большая работа по разоблачению шпионов и предателей, по разложению гарнизонов противника, в результате которой на сторону партизан перешло несколько сот солдат и полицейских с полным вооружением. Только за май–июнь 1942 г. партизанами под руководством Зебницкого было пушено под откос пять немецких воинских эшелонов, уничтожено более 20 автомашин и более 400 гитлеровцев, разгромлено 13 волостных управ, взорвано 22 моста и убито более 150 предателей-бургомистров, старост и полицейев. За проявленный героизм, умелое руководство оперативной группой по выполнению особых заданий во вражеском тылу Н.В. Зебницкий был удостоен звания Героя Советского Союза.¹⁹⁵

Сотни гитлеровцев настигли пули партизан 425-го Краснопартизанского полка, действовавшего в Круглянском и Быховском районах Могилевской области. Одними из организаторов полка являлись казахстанцы Ф.Ф. Сухов (командир полка) и Г.К. Омаров (командир взвода). Этим отрядом был пушен под откос 21 эшелон противника, разгромлено 32 гарнизона и волостных управления оккупантов, убито и ранено вражеских солдат и офицеров 4058, изменников и полицейев — 886, уничтожено 96 км линии связи, 105 автомобилей, 3 бронемашин и много другой техники.¹⁹⁶

Стойким патриотом показал себя Галим Кусаинович Омаров. Отечественная война застала его в Белостокской области, где проходил действительную службу. Во время боев в районе ст. Валилы и Волковыск Г. Омаров оказался в тылу врага. Здесь, связавшись с подпольщиками Быховского района, отдает много сил для организации партизанского отряда и развертывания партизанского движения в районе. Г.К. Омаров вырос от командира взвода до помощника начальника штаба полка по оперативной части, участвовал во многих боевых операциях. 30 июля 1942 г. он с группой в 8 человек на железной дороге Могилев–Жлобин (в 5 км южнее г. Быкова) пустил под откос воинский эшелон противника с живой силой и техникой. В сентябре 1943 г. при проведении операции «рельсовая война» группа Омарова уничтожила 189 рельсов. 30 ноября 1943 г. он руководил операцией по разгрому карательного отряда в насе-

ленном пункте Городен. Партизаны Г. Омарова избавили от истребления 76 мирных жителей села.¹⁹⁷

Г.К. Омаров, несмотря на контузию и тяжелое ранение, оставался в строю, участвовал во многих других операциях, где проявлял не только умелое руководство, но и личную храбрость и отвагу, о чем говорят его боевые награды — орден Красной Звезды, орден Отечественной войны 2-й степени, медаль «Партизану Отечественной войны» 1-й степени.

В Березинском, частично Борисовском и Червенском районах Минской области действовала бригада им. Щорса. В ее составе самоотверженно сражались 11 казахстанцев: В.Б. Уразбаев — комиссар отряда «Большевик», командирами отделений — К. Кульчанов и К. Исмаилов, рядовыми — М. Кушанов, А. Малыгин и др. В.Б. Уразбаев — начальника типографии 2-й стрелковой дивизии война застала на ст. Осовец Белостокской области. О боевой деятельности Валия Большжановича в его характеристике сказано: «Тов. Уразбаев В.Б., ...оставшись в глубоком тылу противника, неустанно работает над созданием вооруженных групп для борьбы с немецкими захватчиками и является одним из организаторов партизанского отряда «Большевик» и его комиссаром. Под руководством военкома тов. Уразбаева В.Б. отряд сколачивается в крепкую боевую единицу, грозную для врага». За время пребывания в тылу врага комиссаром отряда, подчеркивается в характеристике, «под личным руководством Уразбаева проведено 98 боевых результативных операций ...».¹⁹⁸ Боевые заслуги партизанского комиссара отмечены орденом Отечественной войны 1 степени и медалью «Партизану Отечественной войны» 1 степени.

По соседству с партизанской бригадой им. Щорса действовала так называемая бригада «Дяди Коли». Яркие страницы вписал в героическую историю бригады Т. Жангельдин.

Когда части Западного фронта, ведя тяжелые оборонительные бои, вынуждены были отступать в глубь страны, командир взвода Токтагали Жангельдин был ранен, попал в госпиталь в местечке Смолевичи и оказался в тылу врага, так как раненых не успели эвакуировать. Трудно было ему лечиться в условиях оккупационного режима, но местные жители — белорусские колхозники оказали помощь воину из Казахстана, пролившему кровь за Родину на их земле. После излечения Токтагали скрывался в деревнях и связался с подпольщиками, затем руководил подразделением партизанского отряда «Коммунар». Это один из отрядов, на базе которой была создана бригада «Дяди Коли». В боях Т. Жангельдин стал опытным партизаном. Будучи членом подпольного Борисовского районного комитета комсомола, неустанно проводил политическую работу среди партизан и местного населения. Вскоре его выдвинули на должность заместителя комиссара бригады по комсомольской работе. И на этом посту он показал большие способности организатора и политического воспитателя молодежи.

За период боевой деятельности бригады «Дяди Коли» было убито и ранено 11 812 гитлеровцев, взорвано 132 эшелона с живой силой и техникой врага, ликвидировано 77 и подбито бронейщиками 161 паровоз.

воз, уничтожено и подбито 7 самолетов, 17 танков и бронемашин, 444 автомашины и много другой техники противника. За отвагу и храбрость были награждены орденами и медалями сотни партизан и среди них наши земляки Т. Жангельдин, А. Бондаренко и Е. Сагинов.¹⁹⁹

Яркую страницу в историю партизанского движения на Гомельщине вписали казахстанцы Василий Ильич Шаруда из Булаевского района Северо-Казахстанской области — командир партизанской бригады им. Железняка, Жусуп Наметов — заместитель комиссара бригады по комсомолу, А. Нурманов, И.Х. Некрасов, В.В. Егоров, С.И. Щербинин — рядовые партизаны. За время действий в тылу врага партизаны во главе с Шарудой участвовали в 17 крупных боях. Разгромлено 15 полицейских участков, подорвано и пущено под откос 75 эшелонов с войсками и техникой противника, взорвано 1779 рельсов. В депо Жлобин путем диверсии выведено из строя 52 вражеских паровоза. Сожжено и повреждено 38 мостов, 42,4 км линии связи, 138 автомашин и 3 танка противника. В боях и диверсиях уничтожено 2276 гитлеровцев и 207 полицеев.²⁰⁰

Любовь и уважение белорусского народа снискали и наши земляки, сражавшиеся 8-й партизанской бригаде полковника С.Г. Жунина, действовавшей в Могилевской и Брестской областях. Одним из 38 казахстанцев является Аким Шакирович Айсаев, служивший на 5-й заставе 88-го погранотряда на западной границе. После ранения оказавшись в тылу врага, в марте 1942 г. А. Айсаев вступил в партизанскую группу С.Г. Жунина и активно включился в дело формирования укрепления партизанского отряда и бригады. Он служил оперуполномоченным особого отдела при штабе бригады, начальником особого отдела, а с июля 1943 г. до соединения с частями Красной Армии (июль 1944 г.) командовал ротой. Боевые заслуги А. Айсаева отмечены орденами Отечественной войны II степени, Красной Звезды, медалью «Партизану Отечественной войны» I степени.²⁰¹

Радисткой 8-й бригады была комсомолка Нурганым Бейсеитова, заброшенная в тыл врага после окончания специальных курсов. Молодая партизанка выполняла и поручения разведывательного характера, участвовала в отдельных боях и была удостоена ордена Красной Звезды.²⁰²

Другая комсомолка — Тургаш Джумабаева перед началом войны жила в местечке Лагойск Минской области. Ее муж кадровый офицер Каражигитов со своей частью, сражаясь с агрессорами, отступал в другом направлении. Семьи командиров, в т.ч. Т. Джумабаева не успели эвакуироваться. Она вступила в партизанский отряд «Большевик», участвовала в семи боях, где проявила стойкость и мужество. На счету имела двух убитых гитлеровцев. Т. Джумабаева награждена медалью «Партизану Отечественной войны» I степени.²⁰³

Одним из крупных районов партизанского движения в тылу врага была Смоленская область. Вместе с трудящимися Смоленщины в борьбе с оккупантами участвовали представители 45 национальностей. Среди них было немало партизан-казахстанцев. Например, в 1-й Клетнянской бригаде было 20 казахстанцев, во 2-й — 19, в 4-й — 24, в партизанском

полку им. С. Лазо — 40, в партизанском соединении «Тринадцать» — 48 казахстанцев.²⁰⁴

Трудный, но большой боевой путь по тылам врага в составе 2-й Клетнянской бригады прошел Адий Шарипов, младший лейтенант, командир взвода, до начала войны проходивший службу в Белостоке. Часть, в которой сражался А. Шарипов, в июле 1941 г. попала в окружение и перешла к партизанской борьбе в Мухинских лесах (Ершицкий и Рославльский районы Смоленской области). Весной 1942 г. отряд А. Шарипова вошел в 2-ю Клетнянскую партизанскую бригаду. Вначале он командовал взводом, работал секретарем комитета комсомола отряда, батальона, а с марта 1943 г. до соединения с частями Красной Армии — секретарем комитета ВЛКСМ бригады. Бригада действовала в основном в Смоленской и частично в Брянской и Могилевской областях. «Тов. Шарипов за период пребывания в партизанском отряде показал себя смелым, решительным и отважным командиром-коммунистом. Являлся одним из организаторов партизанского отряда тов. Озернова в сентябре 1941 г., вложил много энергии по сколачиванию, вооружению и росту отряда. Участвовал во многих боевых операциях, проводимых отрядом и бригадой, где показал себя истинным патриотом нашей Родины», — писал секретарь партийной организации бригады.²⁰⁵

Храбрыми воинами показали себя и другие партизаны-казахстанцы этой бригады, в том числе Искар Утебаев, Мажит Муканов, Абдыгалий Тулегенов, Кабыш Ахметов. Боевым командиром 2-й роты 1-го батальона был лейтенант Жылбек Агадилов, служивший в одной из кавалерийских частей под Белостоком. 2 июля 1941 г. под г. Гродно Жылбек попал в окружение. Выйдя из окружения, Агадилов с группой добровольцев вступает в партизанский отряд, который впоследствии вошел в 2-ю Клетнянскую бригаду Т.М. Коротченко. Здесь счастливая судьба свела его с женой — Жамал Агадиловой, которая, не успев эвакуироваться, осталась в тылу врага. Здесь, в партизанском лагере, Жамал родила дочь. Молодая мать и маленькая «партизаночка» — Майя были окружены заботой партизан и местного населения. Так Жылбек Агадилов стал воевать вместе со всей семьей. Ж. Агадилов участвовал в 12 крупных боевых операциях отряда, показывая мужество, стойкость и умение руководить боем. «За время пребывания в отряде тов. Агадилов, — говорится в боевой характеристике, — показал себя дисциплинированным, выдержанным, морально устойчивым командиром».²⁰⁶ Он был награжден орденом Красного Знамени и медалями.

От рядового партизана до командира взвода, а потом начальника разведки батальона партизанского соединения «Тринадцать» вырос Григорий Тимофеевич Синдеев, уроженец Уильского района Актюбинской области. В его боевой характеристике говорится: «На своем счету тов. Синдеев имеет: убито немцев — 75, сожжено 16 автомашин, 1 бронемашина и 2 мотоцикла, пущено под откос три вражеских эшелона с живой силой и техникой...». За боевые заслуги Г.Т. Синдеев был награжден орденом Красного Знамени и медалями.²⁰⁷

Горела земля под ногами оккупантов на Смоленщине и в районе боевых действий 3-й Вадинской партизанской бригады им. В.И. Чапаева под командованием капитана Николая Афанасьевича Морогова, уроженца г. Талгара Алма-Атинской области. Только за шесть месяцев своего существования «бригада провела более 160 боевых операций, уничтожила 2861 фашиста и пустила под откос 37 эшелонов врага».²⁰⁸ В бригаде храбро сражались и земляки командира — И.П. Вичкуткин, Г.А. Зиккеев, К. Шинтемиров и др.

В партизанском отряде им. Фрунзе, который действовал на Орловщине и в Брянских лесах, свыше полутора лет сражался алма-атинец Алихан Нурымбаев. Он был подрывником, заместителем политрука разведывательно-диверсионной группы, награжден орденом Красного Знамени. Смело и умело действовали казахстанцы М. Ефремов и Н. Кушекбаев из отряда В.Г. Шупахина под Смоленском и Витебском, а затем в Великолукских лесах в районе г. Пено. В октябре—ноябре 1941 г. они неоднократно участвовали в боевых операциях вместе с легендарной героиней Лизой Чайкиной.²⁰⁹

В историю героической борьбы советского народа в годы войны яркую страницу вписали партизаны Подмосковья, Ленинградской, Калининской, Орловской и др. областей. Среди них было немало казахстанцев. Так, в 1941 г. в отряде имени Героя Советского Союза Лизы Чайкиной мужественно сражался бывший учитель Наумет Кошекбаев. После освобождения Калининской области он вернулся в ряды Красной Армии, участвовал в освобождении Украины и Польши, в штурме Берлина.

В рядах ленинградских партизан били врага кзыл-ординец старший лейтенант Ахмет Сиддиков, выросший от командира подрывной группы до командира 1-го партизанского полка, бронебойщик К. Етенов, командир роты кустанаец П.В. Антипов, алмаатинец К. Сандыбаев. До комиссара партизанского полка в Ленинградской области вырос восточно-казахстанец И.А. Ступаков. Пост начальника политотдела 13-й Ленинградской партизанской бригады занял бывший фотокорреспондент ТАСС по Казахстану, а также газеты «Казахстанская правда» Г.Л. Акмолинский.

Героическая борьба советского народа против фашистской Германии, с самого начала получившая огромное интернациональное значение, создала благоприятные условия для развертывания антифашистской и национально-освободительной борьбы в оккупированных гитлеровцами странах.

Выполняя свой интернациональный долг, ряд советских партизанских отрядов и групп оказал непосредственную помощь народам Восточной и Юго-Восточной Европы в активизации партизанской борьбы за освобождение от немецко-фашистского ига народов этих стран. На территорию Польши, Чехословакии, Венгрии и других стран по указанию ЦШПД перебрасывались десантные группы для развертывания партизанского движения. Среди них были и сыны Советского Казахстана. Так, герой-партизан К. Кайсенов был заброшен на территорию Закарпатья, где он организовал партизанский отряд. Алма-атинец Алексей Семенов

вич Егоров в начале августа 1944 г. с группой в 22 человека был заброшен в Словакию. Уже через неделю группа капитана Егорова выросла в отряд до 850 человек, а в дальнейшем — в бригаду численностью до 5 тыс.²¹⁰ В Словакии же действовала группа другого казахстанца — П.А. Величко, ставшая основой создания двух крупных партизанских бригад. Бригады Героя Советского Союза А.С. Егорова и П.А. Величко сыграли важную роль в Словацком национальном восстании. Такую же помощь оказала Советская страна героической борьбе польского народа. Среди организаторов партизанского движения в этой стране было широко известно имя казаха С.О. Тулешева.²¹¹ В штабе польского партизанского движения оперативниками и радистами работали Н. Супрунов, Сарсенгалиев и А.Г. Акимина.²¹²

В составе Интернационального батальона на территории Югославии и Болгарии мужественно сражались с оккупантами и казахстанцы.

Сотни советских военнопленных, в т.ч. и казахстанцы, бежали из неволи и принимали активное участие в освободительной борьбе народов Франции, Италии, Бельгии, Югославии, Греции и др. стран Европы. В рядах борцов Движения Сопротивления только трех стран — Франции, Италии, Бельгии стойко сражались 180 казахстанцев.²¹³

Так, партизаны-казахстанцы, как и их братья по оружию из других советских республик, в героической борьбе в тылу врага выполнили свой священный долг перед Родиной. А также свой интернациональный долг перед народами Европы. Советские партизаны и подпольщики за время войны причинили германской армии огромный урон в живой силе и технике. На временно оккупированной территории СССР они уничтожили, пленили и ранили более одного миллиона солдат и офицеров вермахта. Организовали 21 376 крушений поездов, подорвали 116 бронепоездов, вывели из строя 16 869 паровозов и 170 812 вагонов; взорвали 1978 железнодорожных мостов; подорвали около 600 тыс. рельсов; уничтожили и вывели из строя 4538 танков и бронемашин; сбили и уничтожили на аэродромах более 1100 самолетов; взорвали и сожгли более 2900 крупных складов и материально-технических баз противника; уничтожили более 2500 орудий разных калибров и много другое.²¹⁴

Беспримерная по масштабам и героизму всенародная борьба в тылу гитлеровских захватчиков оказала неоценимую помощь Советской Армии, на плечах которой лежала основная тяжесть борьбы с врагом.

4. КАЗАХСТАН — ФРОНТУ

К середине 1942 г. в основном была завершена перестройка народного хозяйства на военный лад.

В период войны круто изменилось направление капитальных вложений. В народное хозяйство Казахстана за период войны было вложено 6174,5 млн руб. (в ценах на 1 июля 1955 г.). В том числе в промышленность было вложено 4035,6 млн руб.,²¹⁵ главным образом на развитие основных отраслей тяжелой индустрии — топливной, металлургии, машиностроения, энергетики и др.

На плечи Казахстана легла задача обеспечения работы электростанций, промышленных предприятий и транспорта не только внутри республики, но и Южного Урала, ряда западных районов и Поволжья.²¹⁶

Была введена новая система оплаты труда шахтеров — прогрессивно-сдельная. Большую помощь по улучшению технологии производства угля оказала комиссия АН СССР по мобилизации ресурсов Сибири, Урала и Казахстана на нужды обороны страны. Выездная редакция «Правды» развернула среди горняков агитационно-массовую работу. По призыву Правительства Казахстана в республике развернулось патриотическое движение по оказанию шефской помощи горнякам Караганды. В результате с октября 1942 г. в жизни бассейна наступил перелом. Всего за 4 года войны угля было добыто 34 млн т угля, что на 3 млн т больше, чем за предшествующие 86 лет существования бассейна.²¹⁷ Добыча коксующихся углей для металлургических заводов Урала только за 2 года войны в 1943—1944 гг. возросла более чем на 60%.²¹⁸

По протяженности линии забоев фактически была создана вторая, «подземная» Караганда.²¹⁹ В трудных условиях военного времени рабочие треста «Карагандашахтстрой» построили и ввели в строй 20 новых шахт и 3 угольных разреза, давших дополнительно миллионы тонн угля.²²⁰ Самоотверженно работали угольщики Караганды и среди них шахтеры Ж. Муканова, Б. Нурмагамбетов, И. Нуров, директора шахт Т. Кузембаев, А.Г. Стаханов, инженер-конструктор С.С. Макаров, начальник комбината Г.Г. Спицын.

Нефтяная промышленность Казахстана сыграла значительную роль в снабжении фронта и тыла нефтепродуктами, особенно в 1942 г., когда линия фронта подошла к Волге и Кавказу, и прямой выход бакинской нефти в центральную часть страны временно оказался отрезанным. Летом 1942 г. железнодорожная связь Баку и Грозного с действующей армией была парализована. Под угрозой находились и низовья Волги. В этих труднейших условиях кавказские нефтепродукты пришлось доставлять фронту долгим обходным путем: Баку—Красноводск — по морю, далее Красноводск—Ашхабад—Ташкент—Уральск—Сталинград — по железной дороге. Положение усугубилось еще и тем, что для массовых перевозок нефтепродуктов Ашхабадская железнодорожная линия обладала малой пропускной способностью. Запас нефтепродуктов в действующей армии на юге оказался крайне незначительным. ГКО требовал организовать максимально быструю доставку нефтепродуктов через Каспийское море. Было принято более оптимальное решение доставки горючего к фронтовым базам из Баку до Гурьева по морю, а далее — по железной дороге и нефтепроводу Гурьев—Орск. В августе 1942 г. поток бакинских нефтепродуктов двинулся на фронт через Гурьев, который стал важным узлом коммуникации южных фронтов. Среди ряда экстренных мер было и решение о строительстве нефтеперерабатывающего завода в Гурьеве (ныне — Атырау). Для сооружения завода и постройки нефтепроводов остров Большой Пешной—Гурьев—Орск по решению ГКО была направлена строительная организация Наркомата нефтепрома СССР. На базе слияния «Азнефтестроя» с «Эмбанефтестроем» был организован крупный трест «Казнефтестрой».

Завершение строительства железной дороги Макат—Косачагыл, второй очереди машиностроительного завода им. Петровского, нефтепроводов, рост мощностей на электростанциях Доссор, Кульсары, Гурьев значительно укрепили материально-техническую базу нефтяной промышленности республики. В итоге нефтяники Казахстана за годы войны добыли 4317,2 тыс. т «жидкого золота»,²²¹ значительно удовлетворив потребности фронта и тыла.

Строители предприятий цветной металлургии республики за годы войны ввели в действие 25 новых рудников, шахт и 11 обогатительных фабрик, значительно увеличив производство металлургического сырья. Начавшаяся война заставила значительно ускорить освоение Джезказганской сырьевой базы цветной металлургии. В 1943—1945 гг. продолжалось строительство промышленных объектов Рудного Алтая. Весной 1945 г. сдали в строй действующих предприятий Белоусовскую обогатительную фабрику, Березовский рудник. По Усть-Каменогорскому цинковому заводу было завершено строительство основных корпусов двух цехов и сданы в эксплуатацию вспомогательные цеха.²²² За 1941—1945 гг. медеплавильные заводы почти вдвое перекрыли все производство меди за 1920—1940 гг.²²³ В целом выплавка черной меди в 1944 г. увеличилась против 1940 г. на 50%.²²⁴

Весомый вклад в развитие военного производства внесли рабочие и инженерно-технические работники свинцово-цинковой промышленности республики. Ее мощность возросла за счет ввода в эксплуатацию Миргалымского и первой очереди Текелийского свинцово-цинкового комбинатов, ставших основными поставщиками сырья для Чимкентского свинцового завода, который стал производить более половины свинца в стране. Свинцевики Чимкентского и Лениногорского заводов за 1941—1945 гг. всего выплавляли 563 036 тонн свинца.²²⁵

Получила развитие и золотодобывающая промышленность. К концу войны в республике разрабатывалось около 50 месторождений золота. Развернулась промышленная добыча никеля.

В 1945 г. Казахская ССР выдавала половину всей добываемой в стране медной руды, более 1/3 черновой меди, около 3/4 свинцовой руды, 85% союзной выплавки свинца, до 60% свинцовых концентратов, 1/10 часть цветного проката.²²⁶ Выросла добыча редких металлов. В 1943 г. было добыто вольфрама на 17% и олова на 13,7% больше, чем в 1942 г. В период войны Казахстан стал добывать свыше 1/7 общесоюзной добычи вольфрама и около 1/8 олова.²²⁷ Общегосударственное значение приобрела в годы войны добыча молибдена, который стали извлекать из медных руд Коунрадского месторождения. Значительно возросла его добыча на месторождениях Алтая и в других районах. Созданная почти целиком в годы войны молибденовая промышленность Казахстана уже в 1943 г. дала около 2/3 общей добычи молибдена в стране.²²⁸

За период войны в Казахстане была создана совершенно новая отрасль промышленности — черная металлургия. Пущенная в эксплуатацию в январе 1943 г. на базе богатейших запасов донского хромитового железнняка, первая очередь крупнейшего в стране Актюбинского завода ферросплавов выплавляла в течение года феррохрома 7635 т, в 1944 г.

производство феррохрома достигло 20 526 т. В 1945 г. было завершено строительство плавильного цеха №2, сланы в эксплуатацию 5 печей первого и 4 печи второго плавильного цехов. В 1945 г. производство ферросплавов завода выросло в 3 раза.²²⁹

В год коренного перелома в ходе войны быстро расширялся Джездинский марганцевый рудник. В 1943–1945 гг. он уже на 50–60% покрывал потребности Магнитогорского металлургического комбината в этом виде сырья.²³⁰ Во второй половине 1943 г. в Караганде было начато строительство передельного завода черных металлов по переплавке промышленных отходов черных металлов и металлолома. 31 декабря 1944 г. Казахский передельный металлургический завод (первая очередь) дал стране первую казахстанскую сталь. Огромную помощь в его строительстве оказали Ново-Краматорский, Кузнецкий, Коломенский металлургические заводы. Особенно важна была помощь магнитогорских металлургов, взявших шефство над казахским первенцем.

За годы войны в республике на основе эвакуированных машиностроительных и металлообрабатывающих заводов и цехов была создана машиностроительная и металлообрабатывающая промышленность. В 1943–1945 гг. машиностроительные заводы освоили серийный выпуск на поток новых образцов вооружения и боеприпасов (минно-тральное вооружение, торпеды, мины, артснаряды, авиабомбы, подрывные машинки, полевые радиостанции и др.). Начиная со второй половины 1944 г. отдельные заводы машиностроения стали сокращать производство военной продукции и переключаться на выпуск гражданской.

Набирали силу в годы войны предприятия химической отрасли промышленности республики. Выросли производственные мощности Кустанайского завода химического волокна, Чимкентского химико-фармацевтического завода и Актюбинского химического комбината. Развернулось строительство Темиртауского завода синтетического каучука, положившее начало промышленности органического синтеза в Казахстане. На базе богатейшего Каратауского месторождения фосфоритов в 1943 г. началось сооружение Каратауского горно-химического комбината, а в конце войны у строителей появился новый объект – Джамбулский суперфосфатный завод.

За годы Отечественной войны установленная мощность электростанций Казахстана возросла на 159,0 тыс. кВт, или на 70,7%, а выработка электроэнергии увеличилась в 1945 г. по сравнению с 1940 г. на 516 млн кВт, или на 81,4%.²³¹ За эти годы были построены и введены в эксплуатацию Карагандинская ГРЭС мощностью 25 тыс. кВт, ТЭЦ Актюбинского завода ферросплавов – 46 тыс. кВт, ТЭЦ в Гурьеве – 12 тыс. кВт, в 1943 г. Петропавловская ТЭЦ-1 – 9,5 тыс. кВт, в 1944 г. ТЭЦ-1 в Чимкенте и Текелийская ТЭЦ-1, а также 4 ГЭС в Алма-Ате в 1944–1945 гг.²³² С вводом в эксплуатацию этих электростанций такие промышленные центры республики, как Петропавловск, Кустанай, Павлодар, Гурьев и др., получили устойчивую энергетическую базу, обеспечившую развитие промышленности этих городов.

В трудных условиях военного времени была построена и вступила в строй 110-киловольтовая линия электропередачи Ульбинская ГЭС–

Усть-Каменогорск длиной в 71 км. В результате этого областной центр получил устойчивое энергоснабжение.

В снабжении воинов Советской Армии обмундированием и продовольствием значительную роль сыграли предприятия легкой, пищевой, местной и кооперативной промышленности республики. Общее количество предприятий легкой промышленности возросло в три раза — до 65, из которых 29 составляли предприятия, эвакуированные из западных районов страны.²³³ Рабочие и инженерно-технические работники этих предприятий, освоив новые виды изделий, за годы войны выпустили большое количество обмундирования, вещевого снаряжения, армейской обуви, обозной упряжи, брочек для армейского обоза, кавалерийских седел и т.д.

Самоотверженным трудом рабочего класса, который стойко перенес многие трудности и лишения для обеспечения победы, промышленность Казахстана за годы войны увеличила выпуск продукции в 1,5 раза.²³⁴ Удельный вес производства средств производства поднялся с 51,5% в 1940 г. до 66,0% в 1945 г.²³⁵ По своей структуре промышленность республики значительно приблизилась к наиболее промышленно развитым регионам Союза. В этих результатах — труд десятков тысяч рабочих, инженеров и техников. Прежде всего таких передовиков и организаторов производства, как шахтеры Б. Нурмагамбетов, И. Нуров, А. Стаханов, нефтяники Д. Досмухаметов, Н. Калинин, Б. Утеулиев, рудокопы и металлурги Б. Аймуханов, Е. Антоновский, А. Казакова, Д.А. Косых, Д. Кунаев, М. Лукьянов, А. Сиразутдинов, Г. Хайдин, О. Фатеева, машиностроители Г. Бариков, П. Резчик. Их по праву называли гвардейцами тыла, награждали орденами.

Военная обстановка не приостанавливала индустриальное развитие Казахстана. Советское государство, ведя кровопролитную войну против гитлеровских агрессоров, вынуждено было исправлять допущенные в размещении производительных сил просчеты в предвоенные годы. Уже в ходе войны оно ускорило промышленное развитие восточных районов страны, в том числе и Казахстана. В результате возникли новые промышленные узлы. Вступили в строй новые угольные шахты и разрезы, 4 новых нефтепромысла, Жездинский марганцевый, Восточно-Казахстанский молибденовый, Байджансайские полиметаллические, Донские и Кемпирсайские хромитовые рудники, Текелійский свинцово-цинковый, Акчатауский вольфрамово-молибденовый комбинаты, Балхашская молибденовая, Акчатауская и Белоусовская обогатительные фабрики, значительное количество новых энергетических сил. Кроме размещения эвакуированных предприятий, в республике были построены Актюбинский завод ферросплавов, Акмолинский завод «Казсельмаш», Казахский переделный металлургический завод, Гурьевский нефтеперерабатывающий завод, множество специальных цехов при машиностроительных и механических заводах и т.д. За годы войны число крупных промышленных предприятий в республике выросло более чем на 460 единиц против 1940 г.²³⁶

Таким образом, в результате самоотверженного труда рабочих и ИТР в годы войны дальнейшее развитие промышленности республи-

ки, возникновение новых, притом ведущих, отраслей индустрии превратили Казахстан в один из важных экономических районов Союза и арсеналов фронта.

Резко изменились условия труда и задачи работников сельского хозяйства. Самым трудным оказался вопрос о кадрах: примерно 2/3 общего числа казахстанцев, ушедших в армию, жили и работали в аулах и селах. Основным источником замещения мобилизованных мужчин стали женщины. К окончанию войны во многих колхозах они составляли 70 и даже до 80% всех работающих. При этом число женщин, заработавших за год 400 и более трудодней, т.е. втрое превысивших установленный обязательный минимум, увеличилось с 20 607 в 1940 г. до 94 202 в 1945 г.²³⁷

В связи с поставками в армию и освобожденные районы снизилась энерговооруженность труда сельчан. К тому же не доставало запасных частей, горючего. Но желание приблизить победу в сочетании с более рациональными формами организации труда (временные звенья и бригады, создававшиеся для выполнения конкретных работ и сочетавшие опыт стариков с трудом молодежи и подростков) и системой дополнительной оплаты натурой за высокие результаты работы позволили преодолеть трудности военного времени.

И. Жакаев и Ж. Куанышбаев.

Даже в засушливом 1943 г., когда хозяйствам удалось собрать немногим больше высеянных семян, звеньевой колхоза «Курман» Актюбинской области Ч. Берсиев установил мировой рекорд урожайности проса — 202 центнера с гектара. Звеньевой колхоза «Авангард» Кзыл-Ординской области И. Жакаев такого же успеха добился в выращивании риса. Его результат — 172 ц с гектара. Значительных достижений в

области селекции каракульских овец добился Ж. Куанышбаев. Добивался высоких результатов в выращивании риса Ким Мак Сам. Звеньевая сельхозартели им. III Интернационала Каскеленского района М. Мухамедиева собрала по 600 ц с гектара сахарной свеклы. Хороших урожаев пшеницы ежегодно добивались А. Дацкова, А. Литвишко, М. Сатыбалдина и другие хлеборобы.

Не щадили своих сил, знаний и опыта животноводы. Чабан Ж. Мукашев из колхоза им. Амангельды Джезказганского района ежегодно получал и сохранял до 180 ягнят на каждую сотню овец. Табунщица, а потом заведующая конефермой Ш. Шугаипова из колхоза «Жанаталап» Гурьевской области без отгона содержала более тысячи лошадей. В западных районах Казахстана было размещено почти 370 тыс. голов скота из оккупированных врагом районов. В 1943 г. скот был отправлен обратно.²³⁸ Сохранить собственное поголовье и эвакуированный скот, а к концу войны даже несколько превзойти довоенные показатели по крупному рогатому скоту, овцам и козам, ослабить трудовое перенапряжение колхозов помог своевременный и хорошо организованный переход к отгон-

ному способу содержания части скота на удаленных малоснежных участках, по преимуществу в зоне сухой степи и полупустыни. В первую военную зиму на таких участках содержалось 2,1 млн голов скота (24% его количества), а в последнюю — 4,4 млн (46%).²³⁹

Сельское хозяйство военных лет развивалось в сложных условиях. Сказались, прежде всего, силовые методы в его руководстве, в организации труда и оплаты. Нельзя не учитывать фактор перенапряжения в труде. На одного колхозника нашей республики до войны приходилось 4,3 га посевов и 2,1 голов общественного скота, в 1943 г. — 5,6 га посевов и 3 головы скота.²⁴⁰ Добавьте к этому почти двукратное снижение уровня механизации работ в растениеводстве и ясно, отчего уборка урожая стала продолжаться почти вдвое дольше. Это, в свою очередь, ограничило возможности своевременной вспашки зяби и сева озимых, привело к другим нарушениям агротехники. В конечном счете происходило падение доходов колхозников. Если в 1940 г. примерно из 7 тыс. сельхозартелей республики на один трудодень свыше 5 кг зерна выдавали 107 колхозов, то в 1945 г. таких осталось 2, от 5 до 2,1 кг — соответственно — 1132 и 1110, от 2 до 1,1 кг — 1262 и 922, до 1 кг — 3120 и 5354 колхоза.²⁴¹

Снижение доходов от артельного хозяйства стало тем тормозом, который сдерживал трудовую активность колхозников. При почти двукратном сокращении числа не выработавших обязательного минимума трудодней (введен в 1942 г. и составлял для взрослого 130, а для подростка 50 трудодней в году) выработка на 1 мужчину поднялась всего на 23 трудодня (с 345 до 368), а на 1 женщину — на 47 (с 202 до 249).²⁴² В целом же работники сельского хозяйства Казахстана сделали все, что было в их силах для обеспечения армии и страны продовольствием. Колхозники, рабочие и служащие МТС и совхозов за 1941–1945 гг. по всем видам поставок сдали государству 5829,4 тыс. т хлеба, 733,9 тыс. т мяса и тысячи тонн других продуктов растениеводства и животноводства.²⁴³

Добровольная помощь фронту, семьям воинов и освобожденным районам. Для достижения победы патриоты страны Советов применили множество форм и методов помощи своему сражающемуся Отечеству как известных из истории, так и подсказанных новыми условиями.

Первой такой формой следует назвать создание фонда обороны. Он складывался из 1–2 дневного заработка во время субботников и воскресников (первый из них проведен 29 июня 1941 г. железнодорожниками Турксиба и Петропавловска), отчислений из зарплаты, стоимости сдаваемых драгоценностей и облигаций и даже содержимого детской копилки, предназначавшегося для покупки игрушки. И все это — по зову сердца, велению души. Уже в октябре 1943 г. добровольные взносы населения республики в фонд обороны составили 185,5 млн руб. деньгами и на 193,6 млн руб. облигациями госзаймов предыдущих лет.²⁴⁴

Осенью 1941 г. началось и в 1942 г. завершилось перерастание движения за создание фонда обороны в сбор средств на вооружение. Отдельные граждане, коллективы предприятий и труженики целых отраслей экономики, население районов, областей и всей республики на собранные добровольные взносы приобретали самолет, танк, подводную

лодку или катер для вручения прославленным воинам и землякам. И, наконец, появились танковые колонны и авиаэскадрильи «Турксибовец», «Шахтер Караганды», «За передовую науку», «Пионер Казахстана», «Акмолинский осоавиахимовец», «Колхозник Казахстана» и многие другие. Патриотический вклад казахстанцев в создание таких колонн и эскадрилий, на вооружение армии и флота составил 480 млн руб. А все виды участия населения республики в добровольном финансировании войны достигли 4700 млн руб.,²⁴⁵ что покрывало прямые военные расходы страны за 2 недели войны.

Велико значение и кампании по сбору для армии теплых вещей. Только в Казахстане она дала к ноябрю 1944 г. 111,5 тыс. полушубков, 312 тыс. пар валенок, 181,8 тыс. ватных курток и шарфов, 220,5 тыс. шапок-ушанок и сотни тысяч пар варежек, перчаток и носков.²⁴⁶

В течение войны население республики послало на фронт 1600 вагонов индивидуальных, групповых и коллективных подарков. Часто подарки доставляли специальные делегаты от областей или республики и вручались воинам подшефных Казахстану частей и соединений Советской Армии. В основном это были сформированные в республике дивизии и бригады. На митингах и собраниях, в душевных разговорах в окопах и землянках отцы, матери и жены передавали своим детям и мужьям не только продукты домашнего приготовления, а и тепло сердец, любовь и заботу родного края. Волнующими были и встречи с артистическими бригадами Казахстана, давшими в действующей армии 1216 концертов.²⁴⁷ Постоянно действующим средством взаимовлияния фронта и тыла служила переписка. Личные письма дополнялись коллективными, а также посланиями всего народа республики воинам-казахстанцам на том или ином участке или на всем советско-германском фронте.

Укреплению единства тыла и фронта содействовала и постоянная забота государства и помощь общества семьям фронтовиков. Только за 1943–1944 гг. в республике 378 тыс. семьям военнослужащих было выплачено пособий и пенсий на сумму свыше 1 млрд руб.²⁴⁸ По несколько раз в год проводились декадни или месячники помощи семьям воинов.²⁴⁹

Большая забота была проявлена о раненых и инвалидах войны. Уже в декабре 1941 г. в Казахстане на базе санаториев, домов отдыха, больниц, а кое-где и в помещениях школ действовало 672 эвакуогоспиталя на 32 100 коек. Врачами и медсестрами бок о бок с военными медиками трудились лучшие работники здравоохранения республики, а в создании нормальных условий, улучшении питания, организации досуга раненых участвовали сотни коллективов, тысячи активистов из комсомола, общества Красного Креста, школ и вузов. Это все и обеспечило возвращение в строй девяти из каждого десятка пациентов госпиталей. Не были забыты и те, кто стал инвалидом. К середине 1944 г. из находившихся в республике 81 тыс. инвалидов войны почти 59 тысячам помогли найти работу.

Укреплению единства фронта и тыла, дружбы народов содействовали переписка населения восточных районов со всеми защитниками,

а также меры по оказанию помощи семьям воинов, забота о раненых и инвалидах, многогранная бескорыстная помощь районов глубокого тыла населению освобождаемых районов. Республика шефствовала над некоторыми районами Ленинградской и Московской областей, над городами и селами Орловщины. Только в 1943 г. из своих небогатых ресурсов Казахстан отправил в Краснодарский и Ставропольский края России и восточные области Украины 2700 тракторов, 123 комбайна, 880 сеялок и 2500 плугов, скот, продукты питания и одежду. Все это доставили на место и остались восстанавливать хозяйство 295 комбайнеров, 636 бригадиров тракторных бригад, 115 механизаторов, 115 агрономов, 65 директоров МТС.²⁵⁰

Помощь тыла фронту не только улучшала условия жизни бойцов, но и поднимала их боевой дух, готовность сделать все возможное и невозможное для разгрома врага.

5. НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ, КУЛЬТУРА И НАУКА В ГОДЫ ВОЙНЫ

Война внесла крупные изменения в деятельность учреждений народного образования, сферы культуры и науки.

Сеть школ в республике за военные годы увеличилась на 1%, но число учителей уменьшилось примерно на 10%, а учащихся в них — с 1 138 187 до 792 058 человек.²⁵¹ Надо сказать, что количество детей, оставивших учебу, могло быть гораздо больше, если бы государственные органы, педколлективы и общественность не помогали семьям воинов, особенно многодетным, в обеспечении их топливом, продуктами питания, одеждой и обувью.

Со 118 до 92 сократилось количество средних специальных заведений, но контингент учащихся уменьшился всего на 349 человек. Что касается учебных заведений, то за военные годы в дополнение к 20 имевшимся с 104 тыс. студентов появились 4 новых, а ряды студенчества выросли на 4,6 тыс. человек.²⁵²

Учебные планы и программы всех учебных заведений претерпели незначительные изменения. В 5–7 классах школ было введено преподавание основ сельского хозяйства и простейших сельхозмашин, в 8–10 — изучение тракторов, комбайнов и автомобилей. С 1941–1942 учебного года во всех школах, учебных заведениях трудовых резервов и техникумах стало реальным изучение основ военного дела, провозглашенное в законе о всеобщей воинской повинности 1939 г. В преподавании истории, литературы, географии в большей, по другим учебным дисциплинам — в меньшей мере усилилось внимание к темам и сюжетам патриотического и военно-прикладного звучания. Многие в этом плане делалось и во внеурочном и внешкольном порядке в различных кружках, лекциях и беседах, встречах с прибывшими на лечение фронтовиками, а также в работе организаций Осоавиахима, спортивных обществ, комиссий по шефству над госпиталиями.

Студенты техникумов и вузов с удовольствием и немалой пользой для себя и общества участвовали в выполнении заказов оборонных предприятий по изготовлению комплектующих деталей и узлов вооружения, а кое-где в их конструировании или решении возникавших технических и технологических задач.

Разумное, доброе, вечное продолжали сеять массовые библиотеки, избы-читальни, клубы и дворцы культуры, хотя сеть библиотек сократилась за войну более чем вдвое, а клубных учреждений — примерно на четверть²⁵³. Здесь можно было почитать газеты и журналы (их тиражи в те годы пришлось резко ограничить и потому возможность выписать почти исчезла), послушать лекцию или информацию о ходе боев на фронте, посмотреть кино или, что бывало гораздо реже, но приносило настоящую радость, концерт или спектакль приезжих артистов.

Мощным духовным оружием в борьбе против чужеземных захватчиков выступили в те годы искусство и литература. И в них среди важнейших истоков успеха было взаимодействие и сотрудничество людей, олицетворявших ум и совесть всех народов страны. Это были М. Ауэзов и А. Толстой, С. Муканов и С. Сергеев-Ценский, К. Байсеитова и Г. Уланова, Р. Багланова и В. Марецкая. Невозможно обойти молчанием деятельность в Алма-Ате деятелей киноискусства Москвы и Ленинграда С. Васильева, А. Пудовкина, С. Эйзенштейна и др. Они помогли в подготовке местных кадров кинематографии и в преобразовании уже в 1941 г. Алма-Атинской студии кинохроники в киностудию «Казахфильм».

Уже тогда раскрылись таланты целой плеяды замечательных мастеров слова — Б. Булкишева, Д. Снегина, С. Сеитова и др. солдат и офицеров действующей армии. Еще более волнующе и призывно звучали голоса всенародного любимца Жамбыла Жабаева, акынов К. Азербайбаева, Н. Байганина, Ш. Кошкарбаева, О. Шипина, прославлявших героев фронта и тыла, обращавшихся со специальными посланиями к защитникам Москвы, Ленинграда, Сталинграда и гнавшим врага туда, откуда он пришел.²⁵⁴

Чрезвычайно плодотворным оказалось сотрудничество и в области науки. В самом начале войны была создана Комиссия Академии наук СССР по мобилизации ресурсов Урала, Западной Сибири и Казахстана на нужды обороны. Научные рекомендации Комиссии, в состав которой вошли такие крупные советские ученые, как В.Л. Комаров, А.А. Байков, И.П. Бардин, А.А. Скочинский, В.К. Обручев, Л.Д. Шевяков, В.Н. Образцов и др., легли в основу развития военной экономики Казахстана.

В республике в годы войны были сосредоточены крупнейшие научные силы страны. В Боровом вели научные исследования академики В.М. Алексеев, А.Н. Бах, Л.С. Берг, С.Н. Бернштейн, В.И. Вернадский, Н.Ф. Гамалея, Н.Д. Зелинский, Л.И. Мендельштам, А.С. Орлов и др.

В столице республики разместились свыше 20 научно-исследовательских институтов, в том числе институты философии, географии, физиологии АН СССР, физико-механический институт АН УССР, Академия архитектуры СССР. Солидный отряд ученых трудился в эва-

куированных вузах. В Казахском филиале АН СССР были организованы астрономическая обсерватория, институты языка, литературы и истории, химико-металлургический, почвоведения и ботаники, зоологии и краевой патологии и др.

Неопределенным было положение прибывших в Казахстан историков. Алма-Ату переполняли эвакуированные, и республиканские власти решили расселить их по другим городам — в Жамбуле, Чимкенте и др. Однако в столице уже находилась другая, ранее прибывшая группа во главе с А.М. Панкратовой, которая проявила большую инициативу и энергию. Она сумела убедить местные организации, что объединенная группа из десяти квалифицированных московских историков может принести большую пользу Казахстану в условиях Великой Отечественной войны. В составе группы, кроме А.М. Панкратовой, было пять специалистов по истории СССР (Д.А. Баевский, М.П. Вяткин, Н.М. Дружинин, Я.Я. Зутис, А.П. Кучкин) и пять — по всеобщей истории (Р.А. Авербух, С.И. Ленчнер, А.Ф. Миллер, Ф.И. Нотович, Ф.В. Потемкин). Они были зачислены внештатными лекторами городского комитета партии и, по соглашению с местными органами, приступили к выполнению первого задания — к подготовке методического пособия для казахских учителей о преподавании истории в условиях начавшейся войны с фашистами. Организация работы была возложена на Ермухана Бекмаханова, который занимал в то время должность начальника школьного управления Министерства ССР. Молодой, темпераментный, энергичный, он проявлял самую дружескую симпатию к приехавшим российским ученым. Методическое пособие было быстро закончено, сдано в печать и вышло в свет почти через месяц. Первая часть охватывала историю СССР и была посвящена героической борьбе русского и казахского народов за свою независимость, свободу и строительство социализма; вторая часть давала истолкование важнейшим событиям новой истории, заканчивая Великой Отечественной войной против фашизма.

Эвакуация историков из Москвы и Ленинграда имела большую значимость не только для складывания исторических концепций Е.Б. Бекмаханова, но и многих казахстанских исследователей, в целом развития исторической науки. Созданная в 1943 году коллективом названных авторов первая обобщающая «История Казахстана» была представлена к присуждению Государственной премии. По сообщению редактора А.М. Панкратовой, на первом заседании Комитета по премиям «История» получила общее одобрение. Однако на следующем заседании один из старых профессоров сделал заявление, что Комитетом была совершена ошибка, что «История Казахской ССР» — «книга антирусская» и должна быть осуждена за свое направление. В конце концов это мнение получило перевес в Комитете и премия не была присуждена.²⁵⁵

В октябре 1945 г. правительство СССР приняло решение о создании Академии наук Казахской ССР.

Огромную работу по мобилизации на нужды обороны черных, цветных и редких металлов, горючих полезных ископаемых, водных

и гидроэнергетических ресурсов провели ученые Казахстана во главе с К.И. Сатпаевым. Многолетний труд ученого по Джезказганским медным месторождениям в 1942 г. был удостоен Государственной премии. С учетом национального состава были открыты русские, русско-казахские, казахско-украинские, украинские школы, классы для украинских и польских детей в школах и детдомах, интернаты для детей фронтовиков.

Значительную работу по подготовке квалифицированных кадров вели эвакуированные высшие и средние учебные заведения. Среди них — Московский авиационный институт, Московский институт цветных металлов и золота, объединенный Украинский государственный университет (Киевский и Харьковский) и др., а также созданные в дни войны Алма-Атинский государственный педагогический институт иностранных языков, Чимкентский технологический институт, Казахская государственная консерватория, Казахский государственный женский педагогический институт, Институт физической культуры.

Могучим идейным оружием воюющего народа явились литература и искусство. Около 90 писателей и поэтов Казахстана сражались на фронтах войны. В ряды Союза писателей республики вошли эвакуированные писатели (А. Толстой, С. Михалков, Ф. Панферов, О. Форш, С. Маршак, К. Паустовский, М. Зощенко). Значительным событием в казахской поэзии военных лет стали циклы стихов партизана Ж. Саина, «Легенда о смерти поэта» К. Аманжолова, «Ленинградцы, дети мои» Жамбыла. Первая книга многотомной эпопеи «Абай» М. Ауэзова, автобиографическая повесть «Школа жизни» С. Муканова, повести «Солдат из Казахстана» Г. Мусрепова, «Шиганак» Г. Мустафина, «Молодое поколение» А. Абишева показали всесоюзному читателю идейную и художественную зрелость казахской советской прозы. В дни войны обрели новую жизнь айтысы — состязания народных акынов; проводившиеся в 1942—1943 гг. в Караганде, а затем в Алма-Ате. А. Толстой в Казахстане работал над трилогией «Иван Грозный». Активное участие в работе по созданию агитплакатов «Окна ТАСС» принимали С.Я. Маршак, С.В. Михалков. Казахская литература пополнилась новыми именами С. Мауленова, Дж. Молдагалиева, Б. Момыш-улы, М. Габдуллина. Заметным явлением стали публицистические статьи офицера-фронтовика Б. Булкишева.

В Казахстан были эвакуированы 23 художественных коллектива Москвы, Ленинграда, Киева, Харькова и других городов. Выдающиеся деятели сцены В.П. Марецкая, К.А. Мордвинов, Г.С. Уланова, Ю.А. Завадский, композиторы С.С. Прокофьев, С. Туликов, художники Кукрыниксы (С. Куприянов, П. Крылов, Н. Соколов) и другие участвовали в обучении талантливой казахской молодежи.

15 ноября 1941 г. на базе эвакуированных Московской ордена Ленина киностудии «Мосфильм», Ленинградской ордена Ленина киностудии «Ленфильм» и Алма-Атинской студии кинохроники была организована Центральная объединенная киностудия художественных фильмов (ЦОКС). В ней работали такие выдающиеся мастера советского

кино, как С. Эйзенштейн, Л. Трауберг, С. Юткевич, Ф. Эрмлер, Н. Черкасов, М. Жаров, Л. Орлова.

Главной темой художественных картин стала героическая борьба советского народа против фашизма. В кинокартинах «Два бойца», «Партизаны», «Секретарь райкома», «В степях Украины», «Ленинградцы», «Георгий Саакадзе» и др. советские деятели киноискусства показывали бесстрашие и стойкость советского народа в борьбе с иноземными захватчиками. За два года были выпущены 23 полнометражных картины. Выдающиеся киноактеры Н. Боголюбов, М. Жаров, Н. Мордвинов, Б. Чирков, Н. Черкасов, Н. Крючков, О. Жаков и др. часто выступали с творческими отчетами перед воинами Советской Армии.

В ЦОКС проводились занятия по актерскому мастерству. Была организована четырехгодичная казахская киноактерская школа. Национальные кадры готовил Всесоюзный государственный институт кинематографии, работавший тогда в столице Казахской ССР. «Многие передовые мастера советского казахского искусства – Серке Кожамкулов, Калибек Куанышпаев, Елубай Умурзаков, Шакен Айманов были личностями примечательными, – вспоминал потом заслуженный деятель искусств Г. Рошаль. – Они заинтересовали Эйзенштейна как необыкновенно яркие дарования и художники близкой ему восточной школы». Вместе с мастерами центральных киностудий с участием М.О. Ауэзова, Г. Мусрепова, А. Тажибаева сняты ленты «8-я гвардейская», «Песни Абая», «Сын бойца», «Казахский киноконцерт – фронту», «Тебе, фронт».

Большую шефскую работу в воинских частях Калининского, Северо-Западного, Сталинградского, Юго-Западного, Белорусского фронтов, Особого Дальневосточного военного округа и Тихоокеанского флота вели 11 концертных бригад, состоящих из работников искусства Казахстана. В 1942–1944 гг. Казахстан посетили 22 делегации с фронта. Все это способствовало укреплению единства фронта и тыла, крепило

Концертная группа на фронте.

веру советских людей в победу. В республику прибыло свыше 20 научно-исследовательских институтов АН СССР и УССР, а вместе с ними и высшими учебными заведениями отдельными группами и индивидуально-выдающиеся ученые самых различных областей знания. Без промедления они возобновили прерванные выездом с родных мест исследования и включились в выполнение срочных заданий Родины по мобилизации на нужды обороны природных и трудовых ресурсов Казахстана и прилегающих районов страны, а также в работы по географии и истории нашей республики, в подготовку из местных специалистов научных работников.

Помощь прибывших ученых, содействие СНК и ЦК КП(б) Казахстана и активное участие местных кадров позволили открыть за те годы 22 новых института и филиала, выдать решения и рекомендации по 150 научным темам оборонного профиля, улучшавшим качество продукции и экономические показатели по ведущим отраслям хозяйства.

Наиболее выдающихся результатов добились, пожалуй, ученые-геологи Р.А. Борукаев, Н.Г. Кассин, М.П. Русанов и их многочисленные ученики и последователи, которыми руководил первый академик-казах К.И. Сатпаев. К концу войны они открыли около 500, а подробно исследовали и передали промышленности для разработки 150 месторождений вольфрама, марганца, молибдена, меди, нефти, угля и других полезных ископаемых. Не удивительно, что все названные были удостоены государственных наград, а К.И. Сатпаев стал первым президентом Академии наук Казахстана, торжественное открытие которой состоялось через год после победы.

Обобщая, можно сказать, что государство в условиях тяжелейшей войны смогло найти минимально необходимые силы и средства для сохранения духовного наследия общества, его культуры, науки, системы народного образования. А работники этих сфер не пожалели усилий для поддержания воюющей страны, моральных сил народа и дальнейшего развития его духовного потенциала.

Материальное положение и быт населения в военное время. Непредвиденной, но важной составной частью перестройки экономики стало перемещение из прифронтовой полосы миллионов людей, тысяч предприятий, учреждений культуры и науки. В Казахстане нашли кров и работу 484 149 жителей западных районов, около 200 предприятий промышленности, более 20 научно-исследовательских институтов и вузов, 23 театральные коллектива.²⁵⁶

Столь значительное увеличение численности населения обострило и без того нелегкий жилищный вопрос. Для части рабочих и инженерно-технических работников эвакуированных предприятий удалось за 1942—1944 гг. построить 15,5 млн кв. м жилых помещений. Острый жилищный вопрос решался и за счет поселения у местных жителей.²⁵⁷

Уплотняться казахстанцам пришлось и в связи и прибытием в республику 102,5 тыс. поляков (они прибыли в основном еще в предвоенные месяцы), 361 тыс. немцев и 507 тыс. чеченцев, ингушей и представителей других репрессированных народов Северного Кавказа. В

городах и рабочих поселках жилая площадь на одного жителя снизилась с 5,3 до 4,3, а кое-где — даже до 2,3 кв. м.²⁵⁸ Не удивительно, что стали отмечаться случаи заболеваний сыпным и брюшным тифом, холерой и чумой. Выпуском нестандартного мыла из местного сырья, ужесточением контроля за санитарным состоянием населения (особенно на транспортных узлах) и улучшением работы медицинских учреждений эти вспышки удалось локализовать и не допустить их перерастания в массовые эпидемии.

К жилищным и санитарно-гигиеническим трудностям добавлялись перебои в снабжении промтоварами и продовольствием. Произошло сокращение поступления в торговую сеть обуви кожаной в 7,5, хлопчатобумажных тканей — в 9,5, сахара — в 8,5, кондитерских изделий — в 15 раз. Снижился подвоз продуктов питания и на колхозные рынки, где цены превысили довоенный уровень в 10–15 раз.²⁵⁹ Осенью 1941 г. пришлось пойти на введение карточной системы снабжения жителей городов и рабочих поселков важнейшими видами продовольствия, а потом и промтоварами.

В улучшение продовольственного снабжения большой вклад внесли подсобные хозяйства (подхозы) предприятий и ведомств. Их количество за военные годы увеличилось с 966 до 7733, а посевы возросли с 136,4 тыс. до 317,2 тыс. га. Не меньше дало и огородничество. Количество семей рабочих и служащих, имевших огороды, возросло с 219 тыс. в 1940 г. до 562 тыс. в 1945 г. Их посевы увеличились с 19 тыс. до 59 тыс. га. Меры государственного регулирования, содействие хозяйственных органов, профсоюзов и активные усилия населения помогли решить задачу продовольственного снабжения. Изобилие и разносолы встречались редко, но минимум необходимого для жизни и активного труда был обеспечен.

Перестроили свою работу органы государственной власти и общественные организации. Необходимость заставила образовать новые органы управления — Наркомат местной топливной промышленности, Бюро по учету и распределению рабочей силы, отделы по хозяйственному устройству эвакуированных, по гособеспечению и бытовому устройству семей военнослужащих, по военным заказам и монтажу эвакуированного оборудования. С сентября 1942 г. до весны 1943 г. в Уральске и Гурьеве действовали городские комитеты обороны. Была повышена ответственность наркоматов, ведомств, исполкомов местных Советов за положение дел в пределах их компетенции при одновременном расширении прав. Сокращено количество заседаний и совещаний, усилен контроль за выполнением принимаемых решений и рассмотрением жалоб и заявлений. Имелись, однако, и крупные недостатки. Органы власти и управления все больше отходили от коллегиальности в принятии решений, часто до мелочей регламентировали работу нижестоящих структур. Методы убеждения и помощь низовым работникам подменялись административным нажимом, а то и скоропалительным отстранением от работы.

Несмотря на определенные издержки, недостатки и упущения, система властных структур и их взаимодействие в целом отвечали условиям

военного времени. Эта система не только сохранила принципы жесткой исполнительской дисциплины, но во многом и сделала шаг назад от сталинских к ленинским нормам партийной и государственной жизни. В работу органов государственной власти и партийного руководства делом мобилизации всех сил и возможностей республики для победы над врагом большой личный вклад внесли тогда Н.А. Скворцов, Ж. Шаяхметов, М. Абдыкалыков, А. Койшугулов, работавшие секретарями ЦК КП(б)К, А. Казакбаев, возглавлявший Президиум Верховного Совета республики, председатель Совнаркома Н.Д. Ундасынов, П.А. Алексеев, Р.Ж. Жангирова, руководившие военным и женским отделами ЦК, а также прибывшие в Казахстан по направлению ЦК ВКП(б) или в порядке эвакуации Л.Г. Мельников, Ю.К. Победоносцев, А.И. Самохвалов, М.М. Царевский и другие опытные партийные и советские работники, организаторы производства и строительства.

Но основой авторитета партии оставались дела рядовых коммунистов, их личный пример в большом и малом. Поэтому ряды Компартии Казахстана, несмотря на общие и партийные мобилизации на фронт, не редели. Во второй половине 1941 г. в нее вступило 2486, в первом полугодии 1942 г. — 8867, а за всю войну — 58 493 рабочих, колхозников, интеллигенции.²⁶⁰

6. ДЕПОРТАЦИИ НАРОДОВ В КАЗАХСТАН. ТРУДОВЫЕ АРМИИ

В годы Великой Отечественной войны еще более усилился процесс интернационализации в жизни народов. Шла массовая миграция населения, была перебазирована на восток целая промышленная держава. Республика приняла более 532 тыс. эвакуированных. Особым вниманием были окружены воспитанники 149 детских домов и 16 интернатов московских школ.

Более 700 тыс. трудящихся Казахстана, главным образом переселенцы, в том числе 200 тыс. казахов, были призваны в трудовые колонны, которые трудились на строительстве объектов оборонного значения Урала и Сибири. «География трудармейских лагерей довольно широкая, — отмечает исследователь А. Диц, — от Коми АССР до бухты Ванино на Дальнем Востоке. Я насчитал свыше 100 лагерей и лагпунктов, но их гораздо больше: Соликамск, Котлас, Воркута, Якутия, Архангельская область, Ивдель, Челябинск, Гурьев, Нижний Тагил, Уфа, Караганда, Тула, Колейск, Кемерово, Краснотурьинск, Орск, Киров, Иркутск, Куйбышев, Новосибирск... В этих и других местах советские немцы — мужчины и женщины — валили лес, строили заводы и шахты, буровые вышки и железные дороги, мосты, добывали уголь, руду.²⁶¹ Разница между спецпереселенцами и рабочими колонистами из республик Средней Азии и Казахстана состояла в том, что первые находились за колючей проволокой с соответствующими лагерными атрибутами, а последние — на казарменном режиме со всеми лишениями и каторжными условиями труда.

Сотни чеченцев и ингушей работали на промыслах Эмбы, рудниках горного Алтая, на Коунрадском, Текелийском рудниках. Об условиях труда «рабочих колонн» один из строителей Челябинского металлургстроя — ЧМС НКВД — впоследствии вспоминал: «9 февраля 1942 г. на стройплощадку будущего комбината прибыло более 25 тыс. трудмобилизованных советских немцев... Здесь мы выкопали в мерзлой земле землянки, в которых было чуть теплее, чем на улице, ночью одеяла примерзали к полу... Каждое утро по команде «Подъем» и «Бегом» отправлялись, кто мог, за баландой — мутной жидкостью, очень похожей на помой...»

Мобилизация трудящихся Казахстана и Средней Азии в трудовые колонны во многом напоминает царский указ 1916 г. о «реквизиции» восточных народов на тыловые работы. Огромную роль в создании слаженного хозяйства в тылу сыграл обмен кадрами между братскими республиками. На металлургических заводах Сибири и Урала в 1944 г. стажировку прошли 2000 будущих металлургов Казахского передельного завода черной металлургии.

Введение воспитательной работы среди воинов-трудоармейцев, издание фронтовых газет и журналов на национальных языках, формирование национальных воинских частей, подготовка национальных кадров рабочих, возрождение айтысов помогли укрепить межнациональные отношения. В то же время практику межнациональных отношений омрачили такие преступные акции режима, как насильственное переселение целых народов, создание трудовых колоний с элементами принудительности. Накануне войны в Казахстан было депортировано 102 тыс. поляков. В административном порядке были переселены в Казахстан более 360 тыс. немцев Поволжья. Автономная немецкая область перестала существовать. Вышел приказ об отчислении немцев из действующей армии. Эта же участь в годы войны постигла калмыков, карачаевцев, ингушей, чеченцев, балкар, крымских татар, турков-месхетинцев. На территории Казахской ССР были размещены 890 698 чел. (данные на 1 октября 1946 г.).

Необходимо учесть, что трудовые армии, предназначавшиеся для выполнения военно-тыловых работ, имеют давнюю историю. Известно, что государства, находящиеся в состоянии войны, экономические проблемы военного периода решали за счет привлечения гражданского населения на тыловые работы. Ярким примером тому служит история России периода Первой мировой войны, когда указом царя Николая II от 25 июня 1916 г. о «реквизиции» инородческого населения Сибири, Средней Азии и Казахстана сотни тысяч граждан в возрасте от 19 до 43 лет были мобилизованы для работ по устройству оборонительных сооружений в районах боевых действий и прифронтовой зоне. Они также направлялись на строительство и обслуживание железных дорог, лесозаготовки, промышленные предприятия. Несмотря на недовольство народа, вылившееся в национально-освободительное восстание, тогда из числа населения Казахстана и Средней Азии свыше 400 тыс. человек было мобилизовано на тыловые работы.

Кстати, следует отметить, что снабжение, и в целом положение мобилизованных по сравнению с содержанием военного контингента, всегда находилось на втором плане. Так было и в Первую мировую войну, и в последующем. «Эшелоны туземцев поставлены в крайне тяжелые условия, не встречают заботливого к ним отношения, сильно болеют, среди них много обмороженных... Защиты и рассмотрения жалоб туземцы не находят...», — был вынужден признать тогда военный губернатор Туркестанского края генерал Куропаткин в секретной депеше в штаб Верховного главнокомандующего.

Практика принудительного привлечения гражданского населения на военно-тыловые восстановительные работы, на очистку от снежных заносов железных дорог, заготовку топлива и других первоочередных работ осуществлялась и в годы Советской власти и Гражданской войны. Вскоре после окончания Гражданской войны трудовые армии появились в виде военизированных подразделений Красной армии. В начале 1920 г. командующий 3-й армией РККА М.С. Матиясевич и член Реввоенсовета этой же армии П.И. Гальский стали инициаторами создания рабоче-крестьянской трудовой армии. Восстановление разрушенного в годы Гражданской войны народного хозяйства силами военизированных трудовых отрядов вполне вписывалось в рамки политики «военного коммунизма». Идейным вдохновителем этой инициативы выступил председатель Реввоенсовета Красной Армии Л.Д. Троцкий, чей практический шаг поддержал В.И. Ленин. Хотя IX съезд РКП(б) (29.03.—4.04.1920 г.) в своих резолюциях обращал внимание «на временный, вынужденный их характер», трудовые армии широко использовались на восстановительных работах в системе транспорта, топливной и энергетической промышленности. В те годы части трудовой армии составляли около одной четверти всей Красной Армии. При необходимости они вновь превращались в боевые подразделения. В 1921 г. после введения новой экономической политики трудармии были расформированы. Однако и после этого проблема «милитаризации труда» не раз становилась предметом ожесточенных дискуссий со стороны Л.Д. Троцкого и его приверженцев на высших партийных форумах РКП(б).

В целом проблема использования трудовых ресурсов не снималась с повестки дня. В связи с развертыванием в стране широкомасштабного строительства все больше требовалось рабочих рук. Для обеспечения строящихся объектов рабочей силой использовались все источники их формирования, в том числе и закрытые.

В довоенные годы фактически сложилась так называемая «лагерная экономика», основанная на труде заключенных, отбывающих наказание в исправительно-трудовых лагерях. Не умаляя вклад всего советского народа в создание гигантов первых пятилеток, следует отметить, что самые сложные, трудоемкие объекты, такие как Беломорканал, Норильский горно-металлургический комбинат, город Комсомольск-на-Амуре и многие другие заводы, шахты, электростанции на Урале, Сибири, Дальнем Востоке и других регионах СССР строились большей частью заключенными ГУЛАГа. Труд заключенных широко использовался и на объектах, строившихся в Казахстане. Поэтому с началом войны эта

категория граждан по-прежнему оставалась основным контингентом трудовых колонн лагерного типа.

Как известно, к началу войны общая численность заключенных в СССР составляла около 2,3 млн человек. Из них в начале войны досрочно было освобождено и отправлено в армию более 1 млн... Они использовались также в строительстве оборонительных сооружений. В целом в период войны 1941—1945 гг. трудовая армия комплектовалась из всех категорий населения.

Привлечение к трудовым повинностям мирных граждан в годы войны осуществлялось по чрезвычайным законам военного времени, исполнение которых было обязательным для всех. Примером может служить массовая мобилизация населения прифронтовой зоны, в том числе студентов, на рытье траншей и противотанковых рвов осенью 1941 г. на московской линии обороны и других рубежах. Когда военные действия приобрели угрожающие размеры и значительная часть территории СССР оказалась оккупированной врагом, возникла настоятельная необходимость в скорейшем создании новых объектов оборонной промышленности и их энергетической базы, освоении новых месторождений полезных ископаемых, строительстве новых железнодорожных линий и т.д. Затяжная война требовала резкого увеличения производства боеприпасов, снарядов и мин, артиллерийских орудий, танков, самолетов и другой боевой техники. В этой системе военной экономики особое место отводилось и Казахстану.

В период войны в Казахстане строились новые железнодорожные линии, заводы и шахты, а также другие объекты стратегического значения. Для обеспечения новостроек рабочей силой по решению ГКО были созданы особые строительно-монтажные части (ОСМЧ). Они комплектовались на базе строительных трестов и в условиях войны стали полностью военно-строительными формированиями. Личный состав ОСМЧ состоял из строительных батальонов, в которые мобилизовывались мужчины призывного возраста. Вскоре в связи с превращением стройбатальонов в рабочие колонны изменились и источники их пополнения. А сами военные строительные батальоны были полностью переданы армейским частям. Если до этого в стройбатах были мужчины призывного возраста, то с октября 1941 г. туда направлялось гражданское население всех возрастов, в том числе и женщины от 16 до 50 лет.

Мобилизация в трудовую армию осуществлялась через военкоматы, а также по линии местных органов, в том числе через систему НКВД. Источником пополнения трудовых колонн были гражданское население, а также спецпереселенцы довоенных лет и представители депортированных народов. Зачастую мобилизация и дальнейшая отправка рекрутированных на предприятия проводилась без учета состояния их здоровья, элементарных условий быта. Набор трудармейцев осуществлялся военкоматами, а сопровождение и сдача предприятиям — работниками НКВД.

В связи с резким увеличением удельного веса республики в военной экономике страны необходимо было решить проблему трудовых ресур-

сов. Поэтому в июле 1941 г. был отменен вывоз заключенных за пределы Казахстана. Основная часть этого контингента использовалась на строящихся объектах внутри республики. Однако по разнарядке НКО и НКВД СССР мобилизованные в трудовую армию большими партиями направлялись и за пределы республики. А в самой республике были организованы новые исправительно-трудовые колонии. Так, в Карагандинской области на строительстве рудника Акчатау был организован ИТЛ на 1000 человек, в Восточно-Казахстанской области по договору с Казнаркомлесом и Иртышгэсстройем — на 800 человек, в Чуйском районе Жамбылской области для работы на саксаульных разработках — на 500 человек и т.д.

Трудовые колонны подразделялись на несколько видов: 1) отряды (колонны), сформированные из гражданского населения, призванного через военкоматы; 2) трудовые колонны, составленные из числа депортированных и других неблагонадежных. Эти колонны содержались в режиме исправительно-трудовых лагерей; 3) трудармейцы, мобилизованные на определенный срок для выполнения сезонных работ внутри республики; 4) прикрепленные к какому-либо учреждению или предприятию в порядке трудовой повинности на весь период войны. При этом из числа первых двух категорий трудармейцев большие группы отправлялись на предприятия, находившиеся за пределами Казахстана.

По линии Военного комиссариата Казахской ССР регулярно осуществлялся набор в трудовую армию. В ее состав чаще всего входили спецпереселенцы из числа немцев. Так в Аягузском, Кокпектинском, Урджарском, Бельгайском, Жарминском и Жанасемейском районах Семипалатинской области в январе 1943 г. были сформированы и отправлены на промышленные предприятия Южного Урала 1000 человек, значительная часть которых составляли спецпереселенцы. Особый статус был установлен для немцев-трудармейцев (на 1 октября 1946 г. было мобилизовано в трудармию 121 тыс. немцев). В положении «О порядке содержания, дисциплине и трудовом использовании мобилизованных в рабочие колонны немцев-переселенцев» было указано, что все они «направляются для работы в колонны при исправительно-трудовых лагерях НКВД СССР». Формирование этих колонн из немцев происходило в течении всей войны. В трудармию направлялись и женщины из числа немцев в возрасте от 16 до 50 лет.

В трудовой армии были не только спецпереселенцы. Туда призывались свыше 200 тысяч казахов, причем в основном колхозники. Тысячи казахов трудились на заводах Горького (Нижний Новгород), Свердловска, Нижнего Тагила, Магнитогорска, на шахтах Кузбаса, на строительстве Луковской ГЭС, Челябинской и Красногорской ТЭЦ, на шахтах и разрезах Челябинского угольного бассейна и других предприятиях. Кроме того, они мобилизовывались для нужд промышленности и строительства.

Как правило, мобилизованные использовались в качестве чернорабочих. Так, например, 10 тыс. казахов зимой 1942 г. при 30—40-градус-

ных морозах рыли котлован для шестой домны Магнитогорска. В одном из донесений из Ревдинского завода Урала отмечалось, что казахи используются на самых тяжелых работах (погрузка, выгрузка, подноски труб, работа в качестве прессовщиков, молотобойцев и т.д.). Положение трудармейцев-казахов было крайне тяжелым: голод, холод, инфекционные болезни косили людей. Только в середине 1943 г. после многочисленных тревожных сигналов с мест стали обращать внимание на нужды трудармейцев-националов, работающих за пределами своей республики.

Трудармейцы-казахи наряду со всеми работали на промыслах Эмбы, рудниках Горного Алтая, на Коунрадском, Текелийском рудниках, шахтах Караганды, на строительстве железнодорожных линий Караганда—Акмола, Акмола—Карталы, Мойынты—Шу и т.д. Следует отметить, что до сих пор судьба мобилизованных в трудовую армию остается «белым пятном» в истории военного времени. Однако важно, что благодаря труду миллионов людей в тылу за Уралом в короткое время был создан могучий арсенал фронта, частью которого стал и Казахстан. Таким образом, свою весомую лепту в создание слаженной военной экономики внесли и трудармейцы, которые во имя Победы трудились самоотверженно.

Бесконечно много вместили в себя военные годы: опыт социалистического созидания, деформацию социалистического строя, суровые испытания войны, боль потерь, счастье Победы, отвагу ожесточенных сражений, скромное величие трудовых будней.

¹ Архив Президента РК (далее — АПРК), ф. 708, оп. 9, д. 114, л. 34–38; Текущий архив Министерства обороны Республики Казахстан, 1944, д. 1, л. 18.

² Подсчитано по историческим формулярам военных учебных заведений, хранящимся в Центральном архиве МО РФ.

³ АПРК, ф. 708, оп. 5, д. 452, л. 12.

⁴ *Артемьев А.П.* Братский боевой союз народов СССР в Великой Отечественной войне. М., 1975, с. 41, 42.

⁵ Известия Академии наук Казахской ССР. А.-А., 1967, с. 7.

⁶ Великая победа советского народа 1941–1945 гг. М., 1976, с. 462.

⁷ Актобинская правда, 1942, 21 августа; Прииртышская правда, 1942, 11 декабря; Коммунист, 1942, 11 сентября; Ленинский путь (Кзыл-Орда), 1942, 13 октября и др.

⁸ Правда Южного Казахстана, 1942, 1 октября; Прикаспийская коммуна, 1942, 13 февраля, 2 сентября и др.

⁹ Военное положение было введено на территории Гурьевской и Западно-Казахстанской областей в августе 1942 г.

¹⁰ АПРК, ф. 708, оп. 7, д. 84, л. 294.

¹¹ Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. М., 1957, т. 2 (1929–1945 гг.), с. 708–712.

¹² ЦГАНХ СССР, ф. 8712, оп. 1, д. 27, л. 16.

¹³ Социалистическая Караганда, 1942, 4 января.

¹⁴ АПРК, ф. 708, оп. 5, д. 3051, л. 8.

¹⁵ *Косых Д.А.* Грозный молибден. М., 1970, с. 96.

¹⁶ В состав Комитета содействия вошли: Н.Д. Ундасынов — председатель комитета, Г.Ч. Чуланов, А.Ф. Суханов, И.Т. Тажиев, М.М. Рутман — члены комитета; Парта-хив Казфилиала ИМЛ, ф. 708, оп. 6, д. 62, л. 262.

¹⁷ *Чадаев Я.Е.* Экономика СССР в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). М., 1965, с. 232.

- ¹⁸ Пинегина Л.А., Федюкин С.А. Джемказган — город меди. А.-А., 1966, с. 102.
- ¹⁹ История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945 гг., т. 2, с. 154.
- ²⁰ Партархив Целиноградского обкома партии, ф. 1, оп. 1, д. 929, л. 22; Дорожный архив Казахской ж.д., ф. 1, оп. 1838, д. 71, л. 11.
- ²¹ Партархив Карагандинского обкома партии, ф. 1, оп. 1, д. 6927, л. 10.
- ²² Целиноградский филиал дорожного архива Казахской железной дороги, ф. 4, оп. 7, д. 1, л. 2.
- ²³ Великая победа на Волге. Под ред. К.К. Рокоссовского. М., 1965, с. 45.
- ²⁴ Партархив Целиноградского обкома партии, ф. 1, оп. 1, д. 927, л. 25.
- ²⁵ Сообщения Советского Информбюро, т. 1, с. 323.
- ²⁶ Партархив Казфилиала ИМЛ, ф. 708, оп. 7, д. 78, л. 241.
- ²⁷ Там же, д. 125, л. 2.
- ²⁸ Гудок, 1942, 15—22 июля.
- ²⁹ Сообщения Совинформбюро, т. 1, с. 440.
- ³⁰ Правда, 1942, 30 мая.
- ³¹ ПА Казфилиала ИМЛ, ф. 708, оп. 6, д. 62, л. 15, 69; д. 63, л. 280.
- ³² Козыбаев М.К. Казахстан — арсенал фронта. А.-А., 1970.
- ³³ Он разместился на производственных мощностях рудоремонтного завода и получил наименование «Государственный союзный машиностроительный завод им. Пархоменко в Караганде». АКО, д. 341, оп. 16, д. 42, л. 161—162.
- ³⁴ ГАГО, ф. 146, оп. 24, д. 63, л. 6.
- ³⁵ Государственный архив Северо-Казахстанской области, ф. 1508, оп. 1, д. 11, л. 1.
- ³⁶ Зуев В. Коммунисты Восточного Казахстана по главе трудового подъема рабочих и колхозников в годы Великой Отечественной войны. Куйбышев, 1961, с. 19.
- ³⁷ Известия АН КазССР. Серия обществ. наук. А.-А., 1965, №3, с. 55. Семен Михайлович Бутырин был награжден орденом Ленина до войны, а в годы войны — двумя орденами Трудового Красного Знамени.
- ³⁸ Утверждения В.С.Городецкой о том, что в Казахстан прибыло свыше 40 предприятий легкой промышленности, из них 14 текстильных (Городецкая В.С. Самоотверженный труд работников легкой промышленности Казахстана в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.). Автореф. дисс. А.-А., 1975, с.16, а также Жакупбекова С.К. 29 лет по легкой и текстильной промышленности; История развития легкой индустрии Казахской ССР. Автореф. дисс. А.-А., 1985, с. 25), ошибочны.
- ³⁹ АПРК, ф. 708, оп. 7, д. 2342, л. 67.
- ⁴⁰ Койшигулов А. Промышленность Казахстана за 25 лет // Большевик Казахстана, 1945, №12, с. 46—47.
- ⁴¹ История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг. М., 1961, т. II, с. 548; История Великой Отечественной войны..., т. II, с. 143.
- ⁴² Общая численность эвакуированного за годы войны населения составила примерно около 25 млн человек. См.: Военно-исторический журнал, 1963, №2, с. 39.
- ⁴³ Эшелоны идут на Восток. М., 1966, с. 17.
- ⁴⁴ ЦГА КазССР, ф. 1137, оп. 6, д. 1294, л. 183; оп. 9, д. 140, л. 2, 59.
- ⁴⁵ Там же, ф. 1137, оп. 6, д. 1294, л. 183.
- ⁴⁶ Там же, оп. 9, д. 384, л. 13.
- ⁴⁷ В марте 1942 г. эти государственные органы и отделы были упразднены и на базе слияния аппаратов уполномоченных управлений Переселенческого отдела при СНК КазССР и облисполкомах с 15 марта 1942 г. был организован отдел СНК КазССР по хозяйственному устройству эвакуированного населения. В районах были введены должности инспекторов при районных исполкомах.
- ⁴⁸ Козыбаев М.К. Казахстан — арсенал фронта. А.-А., 1970.
- ⁴⁹ ЦГА КазССР, ф. 1137, оп. 12, д. 335, л. 7.
- ⁵⁰ Там же, ф. 1430, оп. 3, д. 103, л. 94.
- ⁵¹ Там же, ф. 1137, оп. 8, д. 384, л. 15.
- ⁵² Там же, л. 16.

- ⁵³ Казахстан в период Великой Отечественной войны... Сб. документов и материалов, т. II, с. 115.
- ⁵⁴ Казахстанская правда, 1969, 27 апреля.
- ⁵⁵ АПРК, ф. 708, оп. 9, д. 1551, л. 2.
- ⁵⁶ Козыбаев М.К. Казахстан — арсенал фронта. А.-А., Казахстан, 1970, с. 434.
- ⁵⁷ Очерки истории народного хозяйства Казахской ССР. А.-А., Казгосиздат, 1963, т. III, с. 238, 253.
- ⁵⁸ Архив Казгоскомстата, ф. Отдела стат. урожайности, 1940 г., альбом 9, л. 4 и об.; 1945 г. Св. 15-а, д. 24-а, л. 1–2 об.; ф. Отдела стат. с.х. 1945 г., альбом 8, л. 1, об.-4 об.
- ⁵⁹ Очерки развития народного хозяйства Украинской ССР. М., 1954, с. 442.
- ⁶⁰ Герои социалистических полей. М., 1957, с. 225.
- ⁶¹ Украинская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза, Киев, 1975, т. I, с. 270.
- ⁶² Общественные науки. А.-А., 1965, вып. VIII, с. 47–48.
- ⁶³ Там же, с. 50–51.
- ⁶⁴ Там же, с. 53.
- ⁶⁵ Из поступившего скота до конца 1942 г. пали, были сданы на мясо 124 500 голов. Там же, с. 53.
- ⁶⁶ ЦГА КазССР, ф. 1137, оп. 7, д. 37, л. 5.
- ⁶⁷ Данилюк М.З. Деятельность партийных организаций республики по эвакуации материальных ценностей промышленности и сельского хозяйства // Межвузовский научный сборник. Киев, 1965, вып. 3, 4, с. 80.
- ⁶⁸ ЦГА ИМЛ, ф. 17, оп. 22, д. 865, л. 129.
- ⁶⁹ Там же, д. 916, л. 160.
- ⁷⁰ Белан П.С. Память погибших за Родину — священная эстафета поколений // Казахстан в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов. Сб. докладов и выступлений на Международной научной конференции, посвященной 55-летию Победы над фашистской Германией. А.-А., Комплекс, 2000, с. 99.
- ⁷¹ Архив Президента Республики Казахстан (АПРК), ф. 708, оп. 5, д. 452, л. 12.
- ⁷² Шахов Н.А. Казахстанцы — защитники Брестской крепости. А.-А., Казахстан, 1964, с. 5; Герои Советского Союза — казахстанцы / Сост. Белан П.С., Калита Н.П. А.-А., Казахстан, 1968, т. 1, с. 211–212; т. 2, с. 219–220; Казахстанская правда, 12 июля 1970 г., 21 февраля и 27 июня 1998 г.
- ⁷³ Белан П.С. Казахстанцы в боях за освобождение Белоруссии и Советской Прибалтики: 1941–1945 гг. А.-А., Наука, 1988, с. 26–29; Он же. Казахстанцы в боях за свободу Украины и Молдавии: 1941–1944 гг. А.-А., Наука, 1984, с. 13–14; Мальцев Е.Е. В годы испытаний. М. ВИ, 1979, с. 29, 63, 65, 77, 81, 83 и др.
- ⁷⁴ Байкенов Н. На боевом посту // Казахстанская правда, 3 апреля 1969 г.; Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее — ЦАМО РФ). Исторические формуляры частей и соединений.
- ⁷⁵ ЦАМО РФ, ф. 1372, оп. 196567, д. 1, л. 4–5, 55–65; ф. 1074, оп. 814299, д. 1, л. б.н.; Король И., Егосин П. От Свири до Эльбы. А.-А., Казахстан, 1978, с. 10–18. Здесь и далее перед номером соединений и частей употребляются их неофициальные названия по месту формирования.
- ⁷⁶ Ленинградский облпартархив, ф. 25, оп. 10, д. 396, л. 225–229; Волгоградский гос. музей обороны Царицына–Сталинграда. Научные фонды, инв. № 2170 Н/ВФ, л. 64; История Казахской ССР. Т. 2. А.-А., Изд-во АН КазССР, 1959, с. 539.
- ⁷⁷ Герои Советского Союза. Краткий биографический словарь. Т. 1. М. ВИ, 1987, с. 136; Письмо быв. нач. политотдела 54 сбр. В.И. Ефимова Н.М. Уральскому от 20.01.1966 г. (Текущий архив ЦК ЛКСМК, вх. №4119.)
- ⁷⁸ Гальдер Ф. Военный дневник. М. ВИ, 1971, т. 3, кн. 1, с. 367, 374.
- ⁷⁹ Там же, с. 374.
- ⁸⁰ История Второй мировой войны 1939–1945 гг. В 12 т. М. ВИ, 1975, т. 4, с. 93.
- ⁸¹ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. 3-е изд. М. АПН, 1978, т. 2, с. 16.

- ⁸² Рукописный фонд ИИЭ МОН РК (далее – РФ ИИЭ). Автобиография А.Ф. Наумова, л. 1–5.
- ⁸³ *Наумов А.Ф.* На Варшавском шоссе // На Варшавском шоссе. Сб. А.-А., Казахстан, 1968, с. 13–14; *Телегин К.Ф.* Московская зона обороны // Провал гитлеровского наступления на Москву (Сб. статей). М. Наука, 1966, с. 70–71.
- ⁸⁴ Рукописный фонд Института истории и этнологии им.Ч.Ч. Валиханова МОН РК, инв. №1931, л. 272–277; Казахстанская правда, 22 июня 1966 г.
- ⁸⁵ *Белан П.С.* На всех фронтах: Казахстанцы в сражениях Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. А.-А., Гылым, 1995, с. 125–126.
- ⁸⁶ *Там же*, с. 126–127.
- ⁸⁷ *Жуков Г.К.* Указ. соч., с. 24.
- ⁸⁸ *Передельский Г.Е., Токмаков А.Н., Хорошилов Г.Т.* Артиллерия в бою и операции (По опыту Великой Отечественной войны). М. ВИ, 1980, с. 87.
- ⁸⁹ Герои и подвиги. Листовки Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М. ВИ, 1958, с. 31.
- ⁹⁰ *Малкин В.М.* Батальон неизвестных солдат. М. Моск. рабочий, 1981. 128 с.
- ⁹¹ ЦАМО РФ, ф. 63, оп. 1, д. 1, л. 96–98.
- ⁹² *Там же*; См. также: Казахстанская правда, 12 декабря 1990 г.
- ⁹³ *Кузнецов А.И.* Герои не умирают. А.-А., Казгосиздат, 1963, с. 76.
- ⁹⁴ *Катусев А.Ф.* Чужая слава // Военно-исторический журнал (далее – ВИЖ), 1990, №9, с. 73–74.
- ⁹⁵ *Малкин В.М.* Подвиг одиннадцати саперов в Строково. Фрунзе. Кыргызстан, 1982, с. 127.
- ⁹⁶ *Трефилов А.С.* У ворот Москвы (Записки офицера). А.-А., Казахстан, 1982, с. 62–65.
- ⁹⁷ Герои Советского Союза: Краткий биографический словарь в 2-х томах. Т. 2. М. ВИ, 1988, с. 232–233; Казахстан в период войны. Т. 1, с. 158–160.
- ⁹⁸ Казахстан в период войны. Т. 1., с. 165.
- ⁹⁹ *Там же*, с. 146.
- ¹⁰⁰ *Там же*, с. 578.
- ¹⁰¹ По сведениям исторических формуляров этих соединений, хранящихся в фондах ЦАМО РФ.
- ¹⁰² *Там же*.
- ¹⁰³ Центральный военно-морской архив (ЦВМА) РФ, ф. 920, оп. 2, д. 227, л. 547, 579, 666, 681; д. 230, л. 337, 338; д. 239, л. 105.
- ¹⁰⁴ ЦВМА РФ, ф. 88, оп. 2, д. 235, л. 100–101 об.; Боевой путь Советского Военно-Морского Флота. М, ВИ, 1964, с. 437; Великая Отечественная война 1941–1945. Энциклопедия, с. 133; РФ ИИЭ МОН РК, инв. №1779-а, л. 1, 2. Биография Л.А. Владимирского.
- ¹⁰⁵ ЦАМО РФ, ф. 1410, оп. 4905, д. 8, л. 8, 9.
- ¹⁰⁶ *Гуркин В.* 214-я стрелковая дивизия в битве на Волге // ВИЖ, 1964, №7, с. 97; *Белан П.С.* Казахстанцы в битве на Волге. А. Гылым, 1990, с. 19–20.
- ¹⁰⁷ ЦАМО РФ, ф. 1209, оп. 1, д. 10, л. 6; газета 64-й армии «За Родину», 11 августа 1942 г.; *Дубицкий А.Ф.* На грозном ветру. Военно-исторический очерк о 72-й гвардейской Красноградской Краснознаменной стрелковой дивизии. А.-А., Казахстан, 1970, с. 12.
- ¹⁰⁸ *Там же*, ф. 341, оп. 5337, д. 26, л. 27.
- ¹⁰⁹ ЦАМО РФ, ф. 1209, оп. 480197, д. 1, л. 65; оп. 1, д. 4, л. 99.
- ¹¹⁰ ЦВМА РФ, ф. 979, оп. 25140, д. 30, л. 9, 10.
- ¹¹¹ 73-я гвардейская. Сб. воспоминаний, документов и материалов о боевом пути 73-й гвардейской стрелковой Сталинградско-Дунайской Краснознаменной дивизии (Сост. А.К. Морозов, Н.И. Яценко, П.С. Белан, Н.П. Калита. А.-А., Казахстан, 1986, с. 7–8, 34–37.
- ¹¹² *Белан П.С.* Казахстанцы в битве на Волге, 1990, с. 33.
- ¹¹³ За нашу победу, 4 и 20 ноября 1942 г.; ЦАМО РФ, ф. 341, оп. 5337, д. 27, л. 27, 331; д. 28, л. 30.
- ¹¹⁴ Казахстанская правда, 9 октября 1942 г.
- ¹¹⁵ ВИЖ, 1988, №8, с. 72–75.

- ¹¹⁶ ЦАМО РФ, ф. 32, оп. 11302, д. 314, л. 46.
- ¹¹⁷ Белан П.С. Казахстанцы в битве на Волге, с. 95, 104–106.
- ¹¹⁸ Боевое знамя (САВО), 11 июня 1976; Герои Советского Союза. Краткий библиографический словарь. Т. 1, с. 387–388.
- ¹¹⁹ ЦАМО РФ, ф. 783, оп. 420588, д. 1, л. 2–8; ф. 951, оп. 480917, д. 1, л. 63–70.
- ¹²⁰ ЦАМО РФ, ф. 1710, оп. 19653, д. 24, л. 2–10; ф. 1324, оп. 1, д. 45-а, л. 164–166; д. 1-а, л. 1.
- ¹²¹ ЦАМО РФ, ф. 81 код., оп. 7170, д. 3, л. 3–29.
- ¹²² Герои Советского Союза. Краткий биографический словарь, т. 2, с. 510, 365, 289, т. 1, с. 15–16.
- ¹²³ Борзенко С.А. Стремительный взлет // Люди бессмертного подвига (дважды, трижды и четырежды Герои Советского Союза). Кн. 1. М. Политиздат, 1973, с. 629–635; Колточник Н. Формула Сергея Луганского // Богатыри крылатой гвардии. Сост. Белан П.С., Колточник Н.И. А.-А., Казахстан, 1984, с. 92–127.
- ¹²⁴ Силицын А. На боевом курсе // Люди бессмертного подвига. Кн. 1, с. 78–89; Бакбергенев С. Крылья Талгата Бигельдинова // Богатыри крылатой гвардии, с. 6–28.
- ¹²⁵ Казахстанская правда, 20 февраля 1944 г.; Акмолинский облгосархив, ф. 258, оп. 1, д. 166, л. 57; Восстановители железных дорог. М., 1945, с. 38–44; Рукописный фонд ИИЭ МОН РК. Автобиография П.И. Бакарева и справка Управления ж.д. войск СССР от 6 июня 1964 г.
- ¹²⁶ Лушнев В. 8-я стрелковая. А.-А., Казахстан, 1975, с. 61–64.
- ¹²⁷ Белан П.С. Казахстанцы в боях за свободу Украины и Молдавии. 1941–1944 гг. А.-А. Наука, 1984, с. 72–76.
- ¹²⁸ Белан П.С. Казахстанцы в боях за Ленинград. А.-А., Наука, 1973, с. 164–226.
- ¹²⁹ Наградный лист на К. Тусупова из его документов, хранящихся у вдовы офицера Ш. Беткенбаевой; Аскаров С. Имени командира «Катюши» // Ленинская смена, 17 апреля 1976 г.
- ¹³⁰ Герои Советского Союза – казахстанцы, т. 2, с. 21–22, 71–74.
- ¹³¹ Там же, с. 243, 244; 233–234; 241–242; 397–398; т. 1, с. 327–328, 137–138.
- ¹³² Там же, т. 1, с. 63–64, 113–114; т. 2, с. 19–20; Белан П.С. Слава тебя найдет. Сб. очерков. А.-А., Казахстан, 1982, с. 106–108.
- ¹³³ Белан П.С. Казахстанцы в боях за Ленинград, с. 39–40.
- ¹³⁴ Военный билет и др. документы Ш. Иманова.
- ¹³⁵ Гудым З.Е. В решающих сражениях // Вспомним, товарищ... / Сост. Н.Г. Яхно, Л.С. Тихомирова. А.-А., Казахстан, 1987, с. 56–59; ЦАМО РФ, ф. 129 мп, оп. 342–646, д. 1, л. 8 об., 14–21 об.
- ¹³⁶ Белан П.С. Казахстанцы в боях за освобождение Белоруссии и Советской Прибалтики (1941–1945). А.-А., Наука, 1988, с. 106–108.
- ¹³⁷ ЦАМО РФ, ф. 219 сп, оп. 345368, д. 1, л. 6–7.
- ¹³⁸ Портнов С.И. 30-я гвардейская стрелковая Рижская Краснознаменная дивизия // Рижские гвардейские: Сб. военно-исторических очерков. Рига. Лиесма, 1972, с. 55–57.
- ¹³⁹ Там же, с. 62; В сражениях за Советскую Латвию: Военно-исторический очерк. Рига. Лиесма, с. 170–171; ЦАМО РФ, ф. 1114, оп. 1, д. 94, л. 329 об; д. 95, л. 12.
- ¹⁴⁰ ЦАМО РФ, ф. 1063, оп. 1, д. 93, л. 241 об.
- ¹⁴¹ Там же, д. 76, л. 1–4, 9 и об, 12 и об, 68–70.
- ¹⁴² Казахстан в период войны, т. 2. А.-А., Наука, 1967, с. 315.
- ¹⁴³ Белан П.С., Тимошенко А.Д., Барков Н.С. Фронтовые дороги. А.-А., Казахстан, 1976, с. 81.
- ¹⁴⁴ Там же, с. 83, 86.
- ¹⁴⁵ Там же, с. 84–85; Герои Советского Союза. Краткий биографический словарь, т. 2, с. 607.
- ¹⁴⁶ Там же, с. 137; Приказы Верховного Главнокомандующего в период Великой Отечественной войны Советского Союза. Сб. М. ВИ, 1975, с. 197–198; Музей боевой славы СШ-97 г. Алматы. Рукопись воспоминаний А.Д. Тимошенко «Летнее наступление 1944 г.», с. 10.

- ¹⁴⁷ ЦАМО РФ, ф. 1449, оп. 69376, д. 3, л. 96, 99; Еременко А.И. Годы возмездия: 1943–1945. М. Наука, 1969, с. 442, 482.
- ¹⁴⁸ ЦАМО РФ, ф. 33, личное дело 390910, л.б.н; оп. 682525, д. 3, л. 331–332; Красная Звезда, 7 мая 1983 г.
- ¹⁴⁹ Чуринов Х.Д. Заря над степью. А.-А., Казучпегиз, 1957, с. 41–42; Джексенбаев Ш. И горек дым войны... (Докум. повесть). Лит. запись М. Сулейменова. А.-А., Жалын, 1985, с. 212.
- ¹⁵⁰ Боевое знамя, 31 декабря 1974 г.
- ¹⁵¹ Правда, 2 июля 1944 г.; Казахстанская правда, 4 апреля 1970 г.
- ¹⁵² Боевое знамя, 16 июля 1978 г.
- ¹⁵³ Правда, 4 апреля 1983 г.; Социалистік Казакстан, 22 апрель 1977 ж.
- ¹⁵⁴ ЦАМО РФ, ф. 33, оп. 793756, д. 5, л. 53–61; Красная Звезда, 3 июля 1964 г. и 29 декабря 1976 г.; Наливайко Б. Боевой счет Леонида Беды // Богатыри крылатой гвардии, с. 29–62.
- ¹⁵⁵ ЦАМО РФ, ф. 33, оп. 793756, д. 36, л. 212 и об.; Дьячков И. Двести пятьдесят вылетов Ивана Павлова // Богатыри крылатой гвардии, с. 92–126; Шуканов Б. Ведущий // Люди бессмертного подвига. М. Политиздат, 1973, т. 2, с. 110–119.
- ¹⁵⁶ Подсчет автора по наградным листам Героев Советского Союза.
- ¹⁵⁷ ЦАМО РФ, ф. 1368, оп. 122864, д. 4, л. 74.
- ¹⁵⁸ ЦАМО РФ, ф. 1324, оп. 1, д. 1, л. 13–14.
- ¹⁵⁹ ЦАМО РФ, ф. 33, оп. 686196, д. 2716, л. 53; Оп. 687572, д. 1578, л. 27.
- ¹⁶⁰ Белан П.С. Участие казахстанцев в завершающих сражениях Великой Отечественной войны (январь–май 1945 гг.). А.-А., Наука, 1979, с. 149–156.
- ¹⁶¹ Байсұров М.Г. За Шпрее – рейхстаг. А.-А., Жалын, 1977; Белан П.С. Участие казахстанцев в завершающих сражениях, с. 156–168; Кошкарбаев Р. Штурм. Докум. повесть/Перев. с каз. М.Кудайкулова. А.-А., Жалын, 1983; Шатилов В.М. Знамя над рейхстагом. М. ВИ, 1966, с. 312–314.
- ¹⁶² Самсонов К.Я. Знамя Победы // Книга о героях. Очерки. М. ВИ, 1958, с. 554.
- ¹⁶³ Казахстан в период войны, т. 2, с. 321, 322.
- ¹⁶⁴ ЦАМО РФ, ф. 33, оп. 686196, д. 6842, л. 82; д. 7647, л. 124; Казахстанская правда, 23 февраля 1968 г.
- ¹⁶⁵ Казахстан в период войны, т. 2, с. 320–323, 326–329; ЦАМО РФ, ф. 33, оп. 686196, д. 6716, л. 328; Казахстанская правда, 14 августа 1975 г.; Прикаспийская коммуна, 23 октября 1984 г.
- ¹⁶⁶ Казахстан в период войны, т. 2, с. 320–323.
- ¹⁶⁷ ЦАМО РФ, ф. 33, оп. 686196, д. 7514, л. 269; Внотченко Л.Н. Победа на Дальнем Востоке. М. ВИ, 1966, с. 245–251; Коллекция документов Н.Д. Курманова. Автобиограф. справка от 1 марта 1977 г.
- ¹⁶⁸ Белан П.С. Слава тебя найдет, с. 135–139.
- ¹⁶⁹ Герои Советского Союза – казахстанцы, т. 2, с. 427–430.
- ¹⁷⁰ Боевое знамя, 11 июня 1975; ЦАМО РФ, ф. 129 мп, оп. 596028, д. 1, л. 9.
- ¹⁷¹ Памяти павших. Великая Отечественная война (1941–1945) / Объед. редколлегия Книги Памяти павших в годы Великой Отечественной войны. М. БРЭ, 1995, с. 85.
- ¹⁷² Там же, с. 110–111.
- ¹⁷³ Книга Памяти Казахстана. Сводный том / Сост. П.С. Белан, Н. Едыгенов. А. Казахстан, 1995; Книга Памяти Казахстана. Дополнительный том / Сост. П.С. Белан, Н. Едыгенов. А.-А., Казахстан, 1996, с. 6.
- ¹⁷⁴ Книга Памяти Казахстана. Сводный том, с. 282.
- ¹⁷⁵ Козыбаев М.К. Великая Отечественная война (1941–1945 гг.): мифы и реальность // Казахстан в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов. А. «Комплекс», 2000, с. 55–56.
- ¹⁷⁶ Артемьев А.П. Братский боевой союз народов СССР в Великой Отечественной войне. М. Мысль, 1975, с. 176.
- ¹⁷⁷ Подсчитано по документам и материалам ЦАМО и ГУК РФ, РФ ИИЭ МОН РК, сведениям из литературы и периодической печати.
- ¹⁷⁸ Подсчитано по тем же источникам.

- ¹⁷⁹ КПСС о Вооруженных Силах Советского Союза. Сб. документов 1917–1958 гг. М., Воениздат, 1958, с. 356; Вопросы истории КПСС. 1958, №2, с. 44.
- ¹⁸⁰ Казахстан в Великой Отечественной войне. Очерки. А.-А., Наука, 1968, вып. 1, с. 138–139, 148.
- ¹⁸¹ Пономаренко П.К. Непокоренные. М. Политиздат, 1975, с. 46.
- ¹⁸² Казахстан в нерушимом союзе братских республик. А.Казахстан, 1972, с. 226.
- ¹⁸³ Казахстан в Великой Отечественной войне. Вып. 1, с. 116.
- ¹⁸⁴ Там же, с. 118–119.
- ¹⁸⁵ Шла война народная. Партизаны Великой Отечественной войны-казахстанцы. А.-А., Казахстан, 1958, с. 10.
- ¹⁸⁶ Там же; Казахстан в Великой Отечественной войне. Очерки. А.-А., 1968, вып. 1, с. 112–113.
- ¹⁸⁷ Шла война народная, с. 11, 23–49.
- ¹⁸⁸ Партизаны-казахстанцы. А.-А., Казахстан, 1965, с. 33–38, 139–141.
- ¹⁸⁹ Казахстан в Великой Отечественной войне. Очерки. Вып. 1, с. 125.
- ¹⁹⁰ Партархив Института истории партии при ЦК КПБ, ф. 3500, оп. 14, д. 23, л. 10; Казахстан в Великой Отечественной войне. Очерки. Вып. 1, с. 125.
- ¹⁹¹ Казахстан в Великой Отечественной войне. Очерки. Вып. 1, с. 125–126.
- ¹⁹² ПА ИИП при ЦК КПБ, Ф. 3500, оп. 15, д. 17, л. 1; Казахстан в период Великой Отечественной войны Советского Союза. Сборник док. и материалов в двух томах. А.-А., Наука, 1964 (Далее – Казахстан в войне), т. 1, с. 330–334. т. 2, с. 210–213.
- ¹⁹³ Шла война народная, с. 127–128.
- ¹⁹⁴ Вестник АН КазССР, 1970, №5, с. 34; Герои Советского Союза – казахстанцы. А.-А., Казахстан, 1968, т. 2, с. 129–130.
- ¹⁹⁵ Едыгенов Н. Участие казахстанцев в партизанском движении в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны. А.-А., Наука, 1972, с. 158–162.
- ¹⁹⁶ Там же, с. 156.
- ¹⁹⁷ Там же, с. 156–158.
- ¹⁹⁸ Казахстан в войне. Т. 1, с. 340, 586.
- ¹⁹⁹ Казахстан в Великой Отечественной войне. Очерки. Вып. 1, с. 128, 130–131.
- ²⁰⁰ Едыгенов Н. Участие казахстанцев в партизанском движении в Белоруссии, с. 163.
- ²⁰¹ Казахстан в Великой Отечественной войне. Очерки. Вып.1, с. 136–137.
- ²⁰² Там же, с.137–138.
- ²⁰³ Там же.
- ²⁰⁴ Там же, с. 139.
- ²⁰⁵ Там же, с. 140.
- ²⁰⁶ История Казахской ССР. Эпоха социализма. А.-А., изд-во АН КазССР, 1967, с. 558–559.
- ²⁰⁷ Казахстан в Великой Отечественной войне. Очерки. Вып. 1, с. 139.
- ²⁰⁸ Белан П.С. На всех фронтах. А.-А., Наука, 1995, с. 100; Шла война народная, с. 171–203.
- ²⁰⁹ История Казахской ССР. Эпоха социализма, с. 560.
- ²¹⁰ Известия АН СССР. Серия истории и философии, т. VII, №1, 1950, с. 35–36.
- ²¹¹ История Казахской ССР. Эпоха социализма, с. 560.
- ²¹² Алданазаров А. Участие казахстанцев в боях за освобождение Польши от немецко-фашистской оккупации (1944–1945). Автореф. канд. дис. А.-А., 1972, с. 11.
- ²¹³ Всегда начеку. А.-А., Казахстан, 1971, с. 168.
- ²¹⁴ Пономаренко П.К. Непокоренные. М. Политиздат, 1975, с. 55, 57.
- ²¹⁵ Промышленность Казахстана за 40 лет. А.-А., 1957, с. 13
- ²¹⁶ Правда, 1942, 25 октября.
- ²¹⁷ ЦГА РК, ф. 1137, оп. 13, д. 145, л. 39; Козыбаев М.К. Казахстан – арсенал фронта, с. 318.
- ²¹⁸ Там же, л. 40.
- ²¹⁹ Козыбаев М.К., Едыгенов Н. Труд во имя Победы. А.-А., 1955, с. 58.
- ²²⁰ ЦГА РК, ф. 1137, оп. 14, д. 145, л. 40.
- ²²¹ Там же, оп. 14, д. 146, л. 104.

- ²²² Там же, ф. 1137, оп. 14, д. 148, л. 33–34.
- ²²³ Козыбаев М.К., Едыгенов Н. Указ. работа, с. 64.
- ²²⁴ Там же.
- ²²⁵ Там же.
- ²²⁶ Там же, с. 65.
- ²²⁷ Народное хозяйство Казахской ССР за 25 лет, с. 42.
- ²²⁸ Там же.
- ²²⁹ Шаймуханов Д. Черная металлургия. А.-А., 1966, с. 19–20.
- ²³⁰ Там же, ф. 1137, оп. 13, д. 145, л. 41.
- ²³¹ Народное хозяйство Казахстана в 1961–1962 гг., с. 44.
- ²³² Романов Ю.И. Укрепление энергетической базы республики в военные годы. См. кн.: Казахстан в Великой Отечественной войне. Очерки. А.-А., 1974, вып. II, с. 98, 99–102; АП РК, ф. 708, оп. 9, д. 114, л. 15.
- ²³³ Джакупбеков С.К. История легкой промышленности Казахстана (1917–1980 гг.). А.-А., 1984, с. 116, 122.
- ²³⁴ Казахстан за 40 лет. Статсборник, с. 21.
- ²³⁵ Козыбаев М.К. Казахстан – арсенал фронта, с. 324.
- ²³⁶ Очерки истории народного хозяйства Казахской ССР, т. III, с. 54.
- ²³⁷ Казахстан в период войны, т. 1, с. 374, т. 2, с. 111; Балакаев Т.Б. Колхозное крестьянство Казахстана в годы Великой Отечественной войны: 1941–1945. А.-А., 1971, с. 106; Козыбаев М.К. Казахстан – арсенал фронта, с. 389.
- ²³⁸ Балакаев Т.Б. Колхозное крестьянство Казахстана..., с. 123–124, 146–147 и др.
- ²³⁹ Козыбаев М.К. Казахстан – арсенал фронта, с. 422, 427–428; Балакаев Т. Колхозное крестьянство Казахстана в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945. А.-А., Наука, 1971, с. 109–110 и др.
- ²⁴⁰ ЦГА РК, ф. 1137, оп. 8, д. 336, л. 97 об.
- ²⁴¹ Архив Казгоскомстата, ф. отдела стат. с.х. 1940 г. Альбом 14, л. 157; 1945 г. Альбом 5, л. 25 об.
- ²⁴² Там же, 1940 г. Альбом 14, л. 1 и об.; 1945 г. Альбом 5, л. 1 и об.
- ²⁴³ Преображенная степь: сельское хозяйство Казахстана за 50 лет Советской власти. А.-А., Кайнар, 1967, с. 187–191.
- ²⁴⁴ Желтякова К.И. Всенародная помощь трудящихся Казахстана фронту // Казахстан в Великой Отечественной войне. Очерки. А.-А., Наука, 1968, вып. I, с. 259.
- ²⁴⁵ По данным правления Сбербанка Республики Казахстан.
- ²⁴⁶ Желтякова К.И. Указ. соч., с. 275.
- ²⁴⁷ Большевик Казахстана, 1945, №11, с. 29.
- ²⁴⁸ Каймадин С. Советы Казахстана в годы Великой Отечественной войны. А.-А., Казахстан, 1962, с. 118.
- ²⁴⁹ ЦГА РК, ф. 1137, оп. 10, д. 580, л. 196–197.
- ²⁵⁰ Российский центр хранения и изучения документов новейшего времени: Документы и материалы отдела Великой Отечественной войны. Инв. № 4324, л. 202–203.
- ²⁵¹ Народное хозяйство Казахской ССР. Стат. сб. А.-А., Казгосиздат, 1957, с. 284–285.
- ²⁵² Там же, с. 326, 322.
- ²⁵³ Там же, с. 331–332.
- ²⁵⁴ Подробнее см.: Едыгенов Н.Е., Сулейменов Р.Б. Культура и наука Казахстана в военные годы // Казахстан в Великой Отечественной войне. Очерки. А.-А., Наука, 1968, вып. I, с. 231–354.
- ²⁵⁵ Мажитов С.Ф. Историк Ермухан Бекмаханов. – Астана: Фолиант, 2005. – 264 с.
- ²⁵⁶ ЦГА РК, ф. 1137, оп. 12, д. 335, л. 7; Очерки истории Коммунистической партии Казахстана. Изд. 2-е, доп. и перераб. А.-А., Казахстан, 1984, с. 324, 361.
- ²⁵⁷ АП РК, ф. 708, оп. 9, д. 1551, л. 2.
- ²⁵⁸ ЦГА РК, ф. 698, оп. 12, д. 1551, л. 1; Козыбаев М.К. Казахстан – арсенал фронта. А.-А., Казахстан, 1970, с. 434.
- ²⁵⁹ Очерки истории народного хозяйства Казахской ССР. Т. 3.- А.-А., Казгосиздат, 1963, с. 238, 253.
- ²⁶⁰ АП РК, ф. 708, оп. 7, д. 24, л. 346; д. 77, л. 118, 337–350.
- ²⁶¹ Казахстанская правда, 1992, 28 марта.

Глава девятая

КАЗАХСТАН В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ (1946–1953 гг.)

1. ПРИОРИТЕТЫ СОВЕТСКОЙ СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

После завершения войны вера в эффективность сверхцентрализованной экономики обрела качество еще более устойчивой идеологической константы. Апеллируя к победе в войне как доказательству правильности избранной модели развития, сталинская партийно-государственная пропаганда усиленно внедряла в массовое сознание имидж особой универсальности директивно-распределительной системы.

Между тем становилось все более очевидным, что вне чрезвычайных, по сути своей мобилизационных условий последняя утрачивает свои, и без того ограниченные потенции, ибо способна как-то функционировать лишь в экстремальной ситуации (война и т.д.). Поэтому не случайно уже в первые послевоенные годы весьма явно обозначились негативные тенденции.

Их действие усугублялось тяжелейшими последствиями войны и стихией, обрушившейся на сельское хозяйство в 1946 г. Страшная засуха, более сильная, чем в 1891 и 1921 гг., охватила весной и летом этого года обширную территорию Молдавии, Украины, Центрального Черноземья, Нижнее Поволжье, Приморский край и другие районы страны. Общая площадь погибших посевов зерновых составила 4,3 млн га.¹ На сотнях тысячах гектаров всходы не возместили даже семенной материал, затраченный на посевы. Средняя урожайность по стране едва превышала 4 ц/га (по Казахстану – 5 ц). Валовые сборы зерна по отношению к довоенному уровню в Центрально-Черноземной области и Поволжье дали лишь 17,9 процента, на Украине и Северном Кавказе – 30,6, в районах Сибири и Дальнего Востока – 54,1 процента (в более благополучном Казахстане – 97 процентов). В целом по стране был собран урожай в объеме 36,9 процента от довоенного уровня.²

Молдавия, Украина, другие районы оказались охваченными голодом. Как и в «лихую годину» (1932/33 гг.), люди, чтобы спасти себя и своих детей от голодной смерти, срезали по нескольку колосков, прятали пригоршню зерна, тайком пытались вынести с полей одну-

две картофелины. В некоторых колхозах, хорошо зная, что государство не посчитается с критическим положением и выгребет из общественных амбаров все до последнего зернышка, стали еще до расчета по обязательным поставкам выдавать зерно авансом в счет трудодней и на общественное питание.

Как всегда, карательные акции государства не заставили себя ждать. Исходя из опыта массовых «посадок» крестьян по делам «о пяти колосках» в голод 1932/33 г., режим масштабно развернул упреждающие санкции. Во второй половине 1946 г. (когда стало ясно, что грядет голод) Совет Министров СССР и ЦК ВКП(б) приняли постановления «О мерах по обеспечению сохранности хлеба, недопущению его разбазаривания, хищения и порчи» (27 июня) и «Об обеспечении сохранности государственного хлеба» (25 октября) (заметим определение, не «колхозный», а «государственный»). Уже осенью 1946 г. за хищение хлеба в стране было осуждено 55 369 человек, при этом по неотмененному закону от 7 августа 1932 г. осудили 1146 человек, 37 из них были приговорены к расстрелу.³

За «преступную мягкотелость» и невыполнение государственных поставок по хлебозаготовкам было осуждено огромное количество председателей колхозов. Во второй половине 1946 г. в ходе хлебозаготовок в Казахстане было арестовано 317 председателей правлений сельхозартелей, 308 человек сельсоветского и колхозного актива, что еще больше дезорганизовало колхозное производство.⁴

4 июня 1947 г., т.е. в самый разгар голодной стихии, были приняты два драконовских закона, которые в части наказания были гораздо суровее, чем закон от 7 августа 1932 г. (о хищении соцсобственности).⁵ Указ «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» предполагал наказание в виде заключения в лагеря на срок от 5 до 8 лет, второй указ — «Об усилении охраны личной собственности граждан» — от 10 до 15 лет. По секретному распоряжению Совмина СССР действие указов от 4 июня было распространено также на мелкие кражи на производстве. Рабочие и служащие наказывались за мелкие кражи уже не одним годом лишения свободы, как было это ранее (указ от 10 августа 1940 г.), а 7–10 годами.⁶ Формально направленные против воров и злостных расхитителей, указы по масштабам их применения обернулись массовыми репрессиями против населения, толкаемого голодом и безысходностью на самые различные ухищрения, большая часть которых никак не могла быть квалифицирована как уголовное преступление.

Об антигуманном характере указов говорило то, что около 50 процентов осужденных в 1946–1947 гг. составляли женщины с малолетними детьми, следовавшими вместе с матерями по этапу. На 1 июня 1947 г., т.е. менее чем через месяц после издания указов, в тюрьмы, колонии и лагеря было заключено 18 790 детей в возрасте до 4 лет, 6820 беременных женщин. Детей осужденных вдов (потерявших мужей на фронте) в возрасте старше 7 лет, которых некому было взять на воспитание, направляли в детдома и дома ребенка.⁷ Так режим воздал «благодарность» павшим за Родину, сделав их детей полными сирот-

тами. Всего к концу 1947 г. по указам от 4 июня в тюрьмы и лагеря было заключено 300 тыс. человек.⁸

Несмотря на кризисное положение в сельском хозяйстве, государство продолжало отчуждать значительную часть колхозной продукции. В 1946 г. удельный вес обязательных поставок по хлебозаготовкам составил по отношению к валовому урожаю 51,5 процента. Потери в неурожайных областях компенсировались увеличением объемов хлебозаготовок в других районах страны. В Казахстане, где урожай оказался тоже далеко не богатым, государство изъяло около 56 процентов валового сбора зерна.⁹

Выстрадавшее таким трудом и болью зерно, казалось бы, должно было направляться в голодающие районы. Однако руководство страны ставило идеологическое доктринерство превыше отчаяния и смерти своих сограждан. Вопреки возможностям страны оно развернуло широкомасштабную продовольственную помощь так называемым народно-демократическим режимам Восточного блока. Десятки тысяч вагонов с зерном следовали мимо вымирающих от голода украинских и молдавских сел в направлении Болгарии, Румынии, Венгрии, Чехословакии, Германии.

Матерей сажали в лагеря за горсть зерна, принесенную плачущим от голода детям, а в это время в Польшу направлялись эшелоны с 1 млн т зерна (1946–1947 гг.). В. Молотов слал телеграмму Клименту Готвальду в Чехословакию: «Я понял, до чего тревожно у вас хозяйственное положение (а в СССР все «ломится» от изобилия. — *авт.*). Мы можем довести количество зерна для вас до 600 тысяч вместо обещанных 488 тыс. тонн». В июне 1947 г. премьер-министр Румынии П. Грозу говорил: «Годы засухи поставили нас в тяжелое положение. Мы были вынуждены снова стучаться в двери наших друзей на Востоке (можно было «постучаться» и на благополучный Запад, но Сталин блокировал «план Маршалла» в Восточной Европе. — *авт.*). Мы знаем, что у них была засуха и что, несмотря на это, они дали нам займы в прошлом году 30 тыс. вагонов (300 тыс. тонн) зерна с доставкой на дом, не требуя взамен никаких гарантий, не требуя золота, а мы не смогли отдать этот долг. Несмотря на это, мы снова обратились к нашим друзьям, и они поняли нас и помогают нам снова». Всего Румыния получила 780 тыс. тонн зерна, 120 тыс. тонн получила в 1946 г. Болгария и т.д.¹⁰

Арсенал средств реагирования на продовольственный кризис в условиях административно-командной экономики был сужен до предела. По сути весь выбор ограничивался двумя рычагами: нормированием снабжения населения и экстенсификацией. В декабре 1946 г. Совмин СССР принял постановление «О расширении посевных площадей и повышении урожайности зерновых культур и особенно яровой пшеницы в восточных районах СССР»¹¹ (идеология его была в последующем развернута в целинной политике партии). Согласно заложенным в нем установкам, в 1947 г. планировалось расширить посевные площади на 10 млн га. В 1947–1949 гг. площади под зерновыми в Казахстане, Сибири, Южном Урале должны были возрасти на 6,5 млн га. В рамках программы экстенсификации зернового производства в 1950 г. зерновые площади

увеличились в Казахстане по сравнению с 1946 г. на 1 млн 173 тыс. га¹². Только за счет этого фактора и удалось несколько увеличить валовые сборы зерновых культур.

Тем не менее экстенсификация могла лишь несколько «взбодрить», но не динамизировать сельское хозяйство, которое продолжало оставаться в застое. Так, в 1949–1955 гг. среднегодовой сбор зерновых составил только 4,9 млрд пудов при средней в стране урожайности 7,7 ц/га, что было лишь немногим больше, чем в 1910–1914 гг. (соответственно 4,4 млрд пудов и 7,0 ц/га)¹³. Вопреки декларациям, прозвучавшим с трибуны XIX съезда Компартии, валовой сбор зерна в 1952 г. дал не 8, а 5,6 млрд пудов (если же считать не по бункерному весу и потери в хранении, то, вероятно, и того меньше). Даже после изъятия у колхозов и совхозов всего семенного материала удалось заготовить только 2,1 млрд пудов хлеба, т.е. налицо был явный дефицит потребностей¹⁴.

В Казахстане в годы первой послевоенной пятилетки (1946–1950 гг.) статистика фиксировала среднегодовую урожайность, равную показателям 1913 г. (5,6 ц/га). Среднегодовые валовые сборы зерна оказались меньшими, чем в 1928 г., а государственные закупки (в среднегодовом исчислении) уступали по своим объемам уровню 1941 г.¹⁵

В тяжелейшем состоянии продолжало оставаться животноводство республики. В 1951 г. здесь насчитывалось лишь 4,5 млн голов крупного рогатого скота (в 1928 г. — 6,5 млн), 1,5 млн лошадей (3,5 млн), 127 тыс. верблюдов (1 млн). И только по овцам в силу их большей биологической репродуктивности удалось приблизиться к уровню 1928 г. — в 1951 г. их насчитывалось 18 036 тыс.¹⁶

Рассматривая собственно послевоенную пятилетку, было бы неверным умолчать, что в 1946–1950 гг. прослеживались достаточно заметные подвижки, т.е. в целом она дала определенный восстановительный эффект и даже сообщила какой-то импульс дальнейшему развитию народного хозяйства.

Но наши представления о степени динамики послевоенных народнохозяйственных изменений скорее всего подвергнутся существенной коррекции, если мы вспомним исторический прецедент нэпа. Как известно, опыт перехода от разрухи Гражданской войны к миру, сопровождавшийся радикальной переориентацией с бестоварной утопии военного коммунизма на новые формы хозяйствования, показал, что выход на всеобъемлющую структуру включенных хозяйственных интересов с ее мотивами «хозяйского самоотождествления», использование преимуществ частной собственности и рыночных отношений позволяют сразу же и полностью реализовать восстановительный потенциал экономики с последующим продвижением ее в режим нарастающего развития.

Тем не менее, этот глубоко позитивный опыт не был востребован большевистскими ортодоксами, продолжавшими и после войны делать ставку на планово-распределительное администрирование, экстенсивно-силовые методы, феодализацию сельского хозяйства.

Кажущийся позитив опыта послевоенного развития меркнет и на фоне сравнений с послевоенным развитием Германии и Японии — стран,

потерпевших во Второй мировой войне сокрушительное поражение. Здесь восстановление разрушенного хозяйства (а в последующем и его быстрое движение к «экономическому чуду») обеспечивалось сугубо за счет реформаторской переориентации хозяйственной политики на создание механизма экономической мотивации. В СССР действие этого фактора было равно практически нулю, ибо ни о каких реформах не было и речи. Восстановление народного хозяйства осуществлялось главным образом благодаря трудовому энтузиазму и патриотизму народа, героически и самоотверженно трудившегося во благо Родины.

Нельзя не знать и того, что за внешне благополучными показателями послевоенной пятилетки стояли каторжный труд сельских тружеников, со всех сторон обложенных репрессивным принуждением, нищета и голод населения, варварская эксплуатация детского и женского труда, низкий уровень продолжительности жизни, высочайшие нормативы физического износа населения, использование рабского труда миллионов заключенных ГУЛАГа.

Таким образом, оценивая результаты послевоенного восстановления и развития экономики, надо сказать, что эти процессы проходили не благодаря, а вопреки системе, продолжавшей сковывать величайшую энергию масс, огромный потенциал трудового подвижничества, заложенный в природе народа.

В рамках неизменной системы координат продолжала выстраиваться стратегия промышленного развития. Стержнем ее по-прежнему оставалась идеология, выпестованная еще в годы индустриализации. Тогда, гипертрофируя внешнюю угрозу, Сталин выдвинул в качестве абсолютного приоритета всемерное развитие оборонного комплекса и тяжелой индустрии (группа «А»). Что касается производства товаров широкого потребления (группа «Б»), то оно фактически блокировалось, поскольку, как в то время фарисействовал вождь, «революции без жертв не бывает», а потому задача воспроизводства благосостояния может быть признана актуальной лишь в светлом будущем.

После войны оправданием продолжавшейся политики игнорирования группы «Б» и чрезмерной концентрации ресурсов на развитии военно-промышленного комплекса и производства средств производства стала служить данность холодной войны и выводимая из нее опасность «новой империалистической агрессии». Играя на стереотипах не критического отношения к внутри- и внешнеполитическому курсу страны, ее руководство взамен нормального уровня жизни предлагало народу продолжать восхищаться грозной техникой на военных парадах, впечатляющими индустриальными пейзажами и невиданным размахом новыхстроек коммунизма, без которых не одолеть нового врага, образ коего начинала лепить идеологическая машина. Одним словом, вместо давно назревшей структурной перестройки промышленности с ее нацеливанием на прозаические нужды конкретного человека страна продолжала перенапрягаться в беспрецедентном наращивании производства стали, чугуна, свинца, угля. И промышленность Казахстана являлась, пожалуй, одной из самых ярких иллюстраций этой политики.

В это время в республике начались работы по строительству Карагандинского металлургического завода (его называли Казахстанской Магниткой), в Усть-Каменогорске дал первую продукцию свинцово-цинковый комбинат, увеличивались производственные мощности Балхашского медеплавильного завода, воздвигался комплекс объектов крупнейшего медеплавильного комбината в Жезказгане, интенсивно эксплуатировались Карагандинское и Экибастузское месторождения угля и т.д.

Добавим, что в рассматриваемые годы Казахстан превращался в крупнейшее звено военно-промышленного комплекса. Наряду с развертыванием широкой инфраструктуры военного производства здесь начиналось строительство атомного полигона под Семипалатинском, ракетного — в районе Балхаша, а чуть позже — космодрома Байконур и др.

Что касается производства предметов потребления, то его масштабы продолжали оставаться в республике более чем скромными. Так, к 1950 г. в огромном Казахстане насчитывалось всего 65 предприятий легкой промышленности, причем многие из них имели чуть ли не дореволюционную историю. Выступая одним из крупнейших производителей хлопка и шерсти, кожевенного сырья, республика имела крайне неадекватный удельный вес в союзном производстве хлопчатобумажных (0,1%) и шерстяных (1,4%) тканей, кожаной обуви (1,7%). Такая же ситуация была характерна для всех отраслей группы «Б».

Вопреки расхожим стереотипам следует подчеркнуть, что уровень жизни населения по сравнению с довоенным периодом и уж тем более с периодом нэпа в рассматриваемое время продолжал снижаться, хотя действительно, в первые послевоенные годы была отменена карточная система распределения товаров, проведена денежная реформа (1947 г.). Тем не менее расчеты показывают, что и после отмены карточек и денежной реформы, которая, кстати, носила ярко выраженный конфискационный характер, уровень розничных цен был втрое выше, чем в 1940 г. Денежная же заработная плата рабочих и служащих (в среднем исчислении) в 1950 г. превышала довоенную менее чем вдвое, т.е. снижение в 1948–1954 гг. цен понизило их общий уровень в 2,2 раза и, следовательно, не возвратило к уровню 1940 г.¹⁷

В то же время индекс розничных цен в 1940 г. превышал уровень 1928 г. в 6,4 раза. Примерно так же возросла за эти годы и денежная зарплата, т.е. покупательная способность за двенадцать довоенных лет не увеличилась.¹⁸

Кроме того, не следует забывать, что снижение цен 1948–1954 гг. осуществлялось на фоне изъятия у населения значительных денежных средств в виде принудительных государственных займов и крайне низкого уровня зарплаты. Поэтому понятно, почему в то время магазины были завалены самыми изысканными деликатесными продуктами (от икры до экзотических кальмаров), но в дефиците числились хлеб и сахар: ведь в 1950 г. среднемесячная зарплата составляла в Казахстане всего 62 руб.¹⁹

Еще больше бедствовали сельские жители. Размеры их зарплаты определялись величиной колхозного дохода, которая оставалась край-

не незначительной. Иного быть не могло, поскольку государственные закупочные цены на сельскохозяйственную продукцию были столь низкими, что, например, в зерновом производстве возмещали лишь одну восьмую часть себестоимости, а в животноводческом — и того меньше. Денежные доходы в среднем на один колхоз в 1946 г. составляли в Казахстане 143 тыс. рублей, а в 1950 г. — около 170 тыс. (в ценах соответствующих лет). Поэтому среднемесячная зарплата сельских жителей к концу пятилетки (1950 г.) едва приближалась к 40 рублям. Что касается натуральной оплаты, то только 60 процентов колхозов выдавали на трудодень более 1 кг зерна, а остальные — даже ниже этой нормы.

Впрочем, удельный вес доходов от колхоза в совокупном доходе семьи колхозника был невелик: он составлял всего 20 процентов денежных доходов и 38 процентов прихода зерновых. Основным источником существования оставалось личное приусадебное хозяйство. Именно за счет его колхозники обеспечивали свое потребление картофеля на 88,4 процента, овощей — на 73,4, мяса — на 85,3, яиц — на 95,6, молока — на 97,7 процента. От продажи продукции своего подсобного хозяйства сельские жители формировали до одной трети совокупного денежного дохода.

Но государство и здесь простерло свою длань. В соответствии с постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) (1939 г.) каждый колхозный двор, имевший приусадебный участок, принуждался к обязательным поставкам сельхозпродукции по государственным (читай — неэквивалентным) ценам. В зависимости от зональных условий каждая семья сдавала от 40 до 60 кг мяса, 120–280 л молока, 30–150 шт. яиц в год.²⁰ И лишь часть продукции, произведенной в своем дворе, крестьяне могли реализовывать на рынке, уплатив от объема продажи довольно высокие для них сборы и налоги.

Но и на этом государственная политика не заканчивалась. И без того скудные доходы колхозников изымались на оплату страховых платежей и в счет принудительного государственного займа. Немалые средства отчуждались посредством налогообложения. С 1939 г. сельхозналог исчислялся в соответствии с доходами, полученными от скота, от посевов на приусадебном участке, от фруктовых деревьев и т.д. Размеры доходности устанавливались с каждой коровы, находящейся в личном пользовании двора, каждой «сотки» посева, каждого фруктового дерева и т.д. При доходе, исчисленном, например, в размере от 2 до 3 тыс. рублей, налог с хозяйства составлял 220 руб. и 13 коп. с каждого рубля сверх 2 тыс.

Обложив приусадебное хозяйство колхозников со всех сторон, государство продолжало сужать его возможности. Так, в 1946–1948 гг. в 1600 сельхозартелях Казахстана было изъято из приусадебного пользования 536,6 тыс. га земли (якобы «незаконно захваченной»), 70 тыс. голов скота, взыскано 213 млн руб. так называемой дебиторской задолженности.

Естественно, что все эти прямые и косвенные изъятия резко снижали и без того мизерное потребление крестьянской семьи, сохраняя его на уровне лишь биологически допустимого минимума. Например,

из 21,7 кг мяса (приходящегося на одного члена семьи в год) в 1950 г. отчуждалось по тем или иным каналам около 5 кг, из 64 шт. яиц 13 продавалось, 12 сдавалось по обязательным госпоставкам и только 39 оставалось на питание. В 1950 г., т.е. к концу «пятилетки послевоенного восстановления», на сельского жителя приходилось всего 1,76 кг сахара (в год), 3,6 кг пшеничного хлеба, 0,87 кг рыбы, 47 кг овощей, 15 кг мяса, 160 кг молока и молочных продуктов.²¹ Отсюда ясно, что энергетический баланс питания формировался главным образом за счет хлеба и картофеля.

Таким образом, государство продолжало обрекать население на страдания и полуголодное существование, деформируя не только духовное развитие нации, но и ее физический генотип.

2. ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В РЕСПУБЛИКЕ

Нанесенные Великой Отечественной войной человеческие и материальные потери были очень велики. Кроме огромных материальных разрушений, Советский Союз (по последним уточненным данным) потерял около 28 миллионов человек. Цифра ужасающая, таких огромных потерь еще не знала мировая история. Но в течение многих лет людские потери советскими властями специально замалчивались; партийные комитеты постоянно акцентировали внимание только на «великих заслугах» И.В. Сталина в организации Победы и руководящей и направляющей роли Коммунистической партии во время Великой Отечественной войны. В русле директив, спускаемых из центральных органов, функционировали и государственные учреждения Казахстана.

Сталинское руководство по-своему распорядилось победой, одержанной народами Советского Союза в тяжелейшей и кровопролитной войне. На международной арене стало нарастать напряжение, вскоре получившее название «холодной войны». В ее развязывании вина И. Сталина и его команды была не меньшей, чем у лидеров западных держав, в частности, премьер-министра Великобритании У. Черчилля и президента США Г. Трумэна. Советский Союз, вступив в длительное противоборство с западными странами, не только был втянут в гонку вооружений, но был лишен кредитов, которые были так нужны истощенной войной советской стране. Во многих районах СССР, например в Казахстане в 1945–1948 годах вновь разразился голод.

Во внутренней политике сталинское руководство усилило контроль над духовной жизнью народа. Политика репрессий в отношении народов СССР была четко озвучена в так называемой «речи Победы», произнесенной И. Сталиным 24 мая 1945 года. Поднимая тост не за советский, а за русский народ, Сталин объяснил, что последний — «руководящая сила Советского Союза» — сыграл решающую роль в войне и является «признанным вождем и наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза». Речь Сталина отнюдь не была случай-

ной, она означала возврат к концепции «центра советской системы», усиление политики деспотии и волюнтаризма. Как отмечает Н. Верт, как и в 1930-е годы, к созданию новой истории страны партия подключилась неповоротливо и грубо. В 1946 году был закрыт «Исторический журнал», как неспособный разработать новые подходы к истории. И даже созданная вместо прежней редакция журнала «Вопросы истории» в 1949 году подверглась жестокой чистке. Под контролем партийных комитетов в январе 1949 года сессия Академии наук СССР, в русле развернувшейся борьбы против «низкопоклонства перед Западом», в директивном порядке «доказала» историческое превосходство русской науки. Ей, безо всяких оснований, был приписан приоритет следующих открытий: радио, лампа накаливания, трансформатор, самолет, парашют, передача электроэнергии. Ломоносов вдруг стал первооткрывателем закона сохранения энергии. Вопреки истине, многие открытия ученых Запада и Востока или замалчивались, или же клеймились как «буржуазные и несостоятельные». В идеологических идеях стало превозноситься русское прошлое — древность заселения, уровень цивилизации, военные победы; русский народ был в открытую объявлен народом-просветителем и покровителем. Такие шаги нужны были И. Сталину и его окружению для укрепления централизованной власти.

Все национально-освободительные движения сопротивления царизму, объявленные ранее прогрессивными, теперь однозначно стали «реакционные», а колонизация земель — как факт укрепления дружбы, открывающая перед инородцами революционную и светлую перспективу. Рьяными проводниками подобных ненаучных концепций стали партийные функционеры, так называемые «твердые большевики» — А. Жданов, А. Андреев и М. Суслов. Все партийные, профсоюзные, комсомольские и пионерские организации, коллективы вузов, школ и других объединений должны были строить свою работу строго в рамках подобной политики. Была введена жесткая цензура. Любой ученый или просто гражданин, мыслящий по-другому, подлежал шельмованию или мог быть арестован и осужден.

Эйфория, наступившая после победы в Великой Отечественной войне, сменилась чувством страха и беспокойства за свою жизнь. В обществе установилась удушливая атмосфера подозрительности и доносительства.

Как и в предвоенные 1930-е и 1940-е годы под разными лозунгами, с использованием громких политических ярлыков, совершались нарушения законности, продолжались злоупотребления властью. Существующая политическая система демонстрировала свою полную неспособность к саморазвитию. Ведущей силой этой системы к (1950-ым годам окончательно стала Коммунистическая партия. Под ее контролем функционировали все другие звенья этой системы — государственные институты, профессиональные союзы, комсомол, кооперативы и иные общественные организации.

Согласно сложившейся традиции, руководящая роль Коммунистической партии воспринималась как непосредственное, чисто админист-

ративно-командное вмешательство партийных органов в различные сферы жизни общества. Решая вопросы, находящиеся в компетенции государственных органов, Коммунистическая партия максимально привлекала к выполнению народнохозяйственных и социально-культурных задач и огромные массы людей, и общественные организации, лишая их тем самым самостоятельности существования.

Послевоенные планы развития советского общества органически вписывались в сталинскую антидемократическую, тоталитарную модель социализма. В 1950-е годы происходит переоценка ценностей, связанная с утверждением мирного настроя в общественной жизни. В сознании современников все более зрело понимание необходимости поворота к социальным программам. Однако переходу к комплексным программам общественного обновления, ощущавшемуся на всех уровнях общественного сознания, мешала консервативная социально-политическая структура советского общества. Более того, победа в тяжелой войне создала в послевоенный период уверенность в эффективности действующей системы руководства, а большинство руководителей уверовало в непогрешимость административных методов правления.

Идеология сталинской модели социализма в 1940-х—начале 1950-х годов достигла своего апогея. В сложных условиях, под неусыпным контролем партийных комитетов развивались общественные науки. Особенно тяжело отразилось на дальнейшем развитии общественных наук постановление ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград» (14 августа 1946 года). Принятие этого директивного документа знаменовало собою начало нового витка преследования интеллигенции, инакомыслия и новых исканий. В русле указанного постановления ЦК ВКП(б) строили свою работу и партийные комитеты Казахстана.

На фоне развернувшейся кампании о движении к светлому будущему и роли в этом государства вплотную встал вопрос о вытеснении идеологических представлений и морали «старого мира» из общественного сознания. Эта проблема стала возводиться в ранг основной задачи Советского государства. Борьба против пережитков в сознании людей, с проникающими в страну буржуазными идеями, преодоление антинаучных взглядов на природу и общество, предрассудков, старых привычек теперь рассматривалось как борьба за поднятие сознания советских граждан на должный уровень, под которым понимались верность большевистской партии и идеалам коммунизма. В целях «борьбы с пережитками прошлого» и влиянием буржуазных идей партия и государство обращаются к советскому патриотизму, который теперь возводится в ранг государственной политики. На языке официальной пропаганды тех лет это означало, что воспитание и культивирование чувства патриотизма — не что иное, как беспощадная борьба против раболепия и низкопоклонства перед чуждым советскому народу буржуазным космополитизмом. Начавшаяся Великая Отечественная война способствовала усилению патриотических чувств народа и апеллированию к ним со стороны официальной идеологии. Кроме того, война потребовала мобилизации всех нравственных и физических сил народов.

Принципиально новым моментом сталинской доктрины советского патриотизма стало сочетание таких двух компонентов, как любовь к Родине с ее прошлым и строительство коммунизма. После окончания же войны Сталин задумался над приданием русскому народу статуса первого народа СССР, поскольку только через подчеркивание его величия и его истории общественному сознанию внушалась мысль, что только у такой нации мог появиться ленинизм-сталинизм. «Впервые в истории пролетариат обрел настоящее Отечество. Впервые широкие народные массы увидели в государстве не орудие своих классовых противников, а орган власти народа, взявшего свою судьбу в собственные руки. В этих условиях и возник советский социалистический патриотизм как новое явление, принципиально более высокое, чем патриотизм, проявляющийся на предшествующих ступенях развития общества. В нашем патриотизме любовь к своему народу и к своей стране сливается безраздельно и полностью с любовью к своему государству, с пламенной преданностью советскому общественно-политическому строю, его основателям и вождям Ленину и Сталину».²² Из сказанного невольно напрашивался вывод о том, что патриотом может считаться только тот, кто разделяет коммунистические идеалы и политику Советского государства. С точки зрения патриотизма подобный вывод можно было бы считать верным, если бы за этим не стояли принципы партийной оптики с ее монистическим видением. Поэтому ситуация складывалась в пользу поиска врагов народа, националистов, предателей Родины. Лица, «удостоенные» таких ярлыков, стали рассматриваться в качестве отщепенцев социалистического общества, противников лозунга «Бросок в коммунизм».

Советский патриотизм обрел кривые очертания. Будучи новым пропагандистским изобретением сталинской эпохи накануне ее заката, он становится приоритетом идеологической работы послевоенного времени. Подчеркивая, важность задач в этом направлении, секретарь ЦК ВКП(б) по идеологии А.А. Жданов выразился следующим образом: «Если мы взяли за пятилетку хозяйственную, давайте возьмемся за идеологическую и вытянем ее. Что, сил не хватит? Хватит».²³ Очевидно с этим моментом следует связывать начало появления сталинских ориентиров охранительного патриотизма. Особенно ощутимо и зримо они дали знать о себе в области гуманитарных наук, а именно: истории, языка, литературы, востоковедения и искусства. В частности, при внедрении концепции советского патриотизма в литературу обнаруживался такой момент как особое положение русской национальной литературы, которая определялась как главенствующая среди литературного творчества всех народов Советского Союза. В «Правде» появляется статья, в которой утверждалось, что казахские писатели и поэты учились у передовой русской классической и советской литературы, у основоположника социалистического реализма М. Горького, у лучшего, талантливейшего поэта советской эпохи В. Маяковского и др. В публикации указывалось, что еще до революции казахские писатели положили начало учебе у русских коллег. Эта учеба стала замечательной традицией: нет ни одного казахского литератора, на творчество которого не оказывала бы своего влияния дружба с русскими писателями.²⁴ Вместе с подобным подходом велась открытая борьба про-

тив проявлений национального самоутверждения в области литературы и других общественно-гуманитарных наук. В свете сказанного запрещалось говорить о самостоятельном развитии национального вне связи с влиянием русского. Особенно актуальным это было для крупных республик — Казахстана, Украины, Башкирии и т.д.²⁵

Вышесказанное непосредственным образом отражалось и на гуманитарной науке союзных республик. Были объявлены лженаучными взгляды крупнейшего историка республики Алькея Маргулана. Так, например, в русле принятых постановлений бюро ЦК Компартии Казахстана в ноябре 1952 года принимает решение «Об изъятии книг, содержащих идейно-политические ошибки». В список уничтоженных и изъятых из библиотек и торговой сети книг вошли «Богатырский эпос» («Батырлар жыры») (1940 г.), «Айтыс», «Исповедь жизни» К. Аманжолова, песня «Мариям Жагор-кызы», сборник стихов и очерков о Герое Советского Союза Малике Габдуллине.

Систематические и целенаправленные кампании против богатого духовного наследия и языка казахского народа привели впоследствии к тяжелым последствиям. У молодежи коренной национальности стал устойчиво формироваться комплекс неполноценности своей культуры, языка. После некоторого перерыва к концу 1940-х годов появился ряд постановлений ЦК Компартии Казахстана, среди которых особо следует отметить постановление ЦК КП(б) «О грубых политических ошибках в работе Института языка и литературы АН Казахской ССР» от 1 февраля 1947 года. Вслед за этим постановлением публикуется целая серия заказных статей, где огульно охаивается деятельность всего института.

Положение интеллигенции в советском обществе остается по-прежнему противоречивым. Для сталинской власти и для тоталитаризма интеллигенция была органически враждебным элементом, независимо от степени ее оппозиционности или политической активности. С другой стороны, советское тоталитарное государство более остро, чем любое другое, нуждалось в работниках интеллектуальной сферы. Это обуславливалось тремя важнейшими причинами: беспрецедентной идеологизированностью тоталитарной системы советского типа, ее амбициозным стремлением к мировому лидерству и значительной ролью, отводимой науке, образованию и воспитанию. Поэтому тоталитаризму нужна была услужливая часть интеллигенции, но не нужна была интеллигенция как сознающее себя целое. Постановление дало старт первой после войны широко-масштабной кампании против интеллигенции Казахстана.

Отличительной чертой послевоенных репрессий стала явная персонализация политических обвинений. Великий казахский писатель Мухтар Ауэзов, видные историки литературы и литературоведы Петр Галузо, Есмагамбет Исмаилов, Хажым Джумалиев, Ауелбек Конаратбаев, Бейсенбай Кенжебаев, Амина Маметова, Темиргали Нуртазин и др. обвинялись в «затушевывании классовой борьбы в казахском ауле», идеализации феодально-родового строя и подверглись различным формам репрессий: от изгнания с мест работы до арестов и судебного преследования.

Одновременно подвергались идеологической ревизии важные концепции языкознания и литературоведения. Абсолютно без всяких оснований утверждалось, что казахский литературный язык возник «по существу после Великой Октябрьской социалистической революции». В связи с этим объявлялись «возрождением тюркофильской ориентации» любые попытки найти аналоги заимствования из казахского языка в русском языке прошлых времен или в других языках Востока.

Совершился резкий поворот в оценке прошлого казахской литературы. Феодально-реакционными и буржуазно-националистическими объявлялись произведения поэтов XVIII–XIX вв. Базара, Мурата, Шортанбая, Шангерее Букуева, Гумара Караша, Султанмахмута Торайгырова, объективно и смело критиковавшие насаждение колониальных порядков в Степи.

В постановлении содержался прямой призыв к избиению писателей и литературоведов за их прошлую деятельность. Прямо указывалось, что институт не дал «отпора творчеству казахских литераторов, занимавших в годы становления Советской власти в Казахстане враждебную Советам позицию и активно боровшихся в рядах алашордынской контрреволюционной партии против большевистской партии». В изложении для печати не было опубликовано, но в подлиннике постановления далее следовало конкретное указание на то, что «не получила должного принципиального освещения антисоветская литературная деятельность в прошлом М. Ауэзова».

Директор Института языка и литературы Есмагамбет Исмаилов был снят с работы, а затем исключен из партии «за систематическое протаскивание буржуазно-националистических взглядов в работах института и в своих собственных произведениях, за засорение института социально и политически чуждыми людьми». Вскоре он и позднее крупный ученый Хажым Джумалиев были репрессированы. ЦК обязал пересмотреть «все работы Института с точки зрения очищения их от чуждой советскому народу идеологии».

В кратчайшие сроки были осуществлены организационные меры, предусмотренные вышеупомянутым постановлением ЦК КП(б) Казахстана от 01.02.1947 г. Из плана научных исследований Института языка и литературы были исключены как «малоактуальные» многие темы по дореволюционной истории казахской литературы. Началось пересоставление практически всех подготовленных к печати работ. С февраля по октябрь 1947 г. из института было уволено 23 человека, в том числе 9 по политическим соображениям. Одним из ревностных идеологов той эпохи стал секретарь ЦК Компартии Казахстана по идеологии Нурдильда Жандильдин.

Постановление имело крайне негативные последствия для науки и культуры Казахстана, для образования и воспитания многих поколений казахстанцев. Именно с него начались переписывание учебников, пересмотр научных положений, приведшие к тому, что граждане Казахстана должны были усваивать историко-культурное наследие в искаженном, идеологически вульгаризованном виде.

В то время, когда в Ленинграде и Москве фабриковались «ленинградское дело», «дело врачей», в Казахстане было организовано так называемое «дело Бекмаханова».

Проводником идеологии советского патриотизма в исторической науке Казахстана стала дискуссия вокруг проблемы присоединения Казахстана к России, которая рассматривалась в трех проекциях: «абсолютное зло», «наименьшее зло», «прогрессивное явление». Один из идейных противников Е. Б. Бекмаханова, ставший впоследствии одним из авторов статьи «За марксистско-ленинское освещение вопросов истории Казахстана» в «Правде» А.Ф. Якунин в этой связи писал: «Известно, что историк М.Н. Покровский и его так называемая «школа» рассматривали присоединение нерусских народностей к России как «абсолютное зло». Отсюда и всякое национальное движение против России безотносительно к его характеру и целям «школа» Покровского считала национально-освободительным, прогрессивным и даже революционным. Формула «наименьшее зло» является научно правильной, и следует лишь ею умело пользоваться. Всякие попытки ревизовать научное значение этой формулы являются необоснованными и вредными».²⁶ В данном случае обнаруживается преемственность между историческими исследованиями 1920-х—начала 1930-х годов и послевоенного времени. Для целого ряда советских историков конца 1920-х—начала 1930-х годов были примечательны прямолинейность, излишняя категоричность в суждениях, далеко не всегда оправданная нетерпимость к немарксистской исторической мысли. Уже тогда резкой критике подвергалась «школа М.Н. Покровского». В послевоенный период эта традиция продолжилась в более упроченном варианте.

В свете сказанного, большой интерес представляют обсуждения монографии Е.Б. Бекмаханова «Казахстан в 20–40-е годы XIX века» в Институте истории Академии наук СССР, Институте истории, археологии и этнографии Академии наук Казахской ССР. Стенограммы этих обсуждений являются серьезным историческим источником в плане подтверждения параметров идеологической архитектуры тоталитаризма, применявшихся в казахстанской практике.

Ситуация, сложившаяся в Казахстане вокруг движения 1837–1847 гг. под руководством Кенесары Касымова и его личности, отражала уже известные форматы идеологической архитектуры тоталитарного режима. При этом сторонники чистоты марксистско-ленинско-сталинского учения приняли на вооружение готовый инструментарий. Х.Г. Айдарова, отличившись среди противников признания этого события как прогрессивного, национально-освободительного воочию обнажила весь его арсенал: «Именно с 1943 года по 1947 год мы имеем важнейшие решения ЦК ВКП (б) по идеологическим вопросам о Башкирии, Татарии, Украине, о журналах «Звезда» и «Ленинград», а также решения ЦК КП (б) Казахстана о втором издании «Истории КазССР», о грубых политических ошибках в работе Института языка и литературы Академии наук Казахской ССР, а также выступление товарища Жданова на дискуссии по философским вопросам, еще раз напоминающее о партийности, боевой направленности исследований и популяризаторских работ. Наконец, в помощь автору пришли новые издания трудов Ленина и Сталина».²⁷ Дви-

жение по борьбе с инакомыслием выпестовывало и тех, кто должен был стать обвинителем от имени общества. Так, в декабре 1950 года на страницах центральной печати появилась статья Т. Шоинбаева, Х. Айдаровой и А. Якунина «За марксистско-ленинское освещение вопросов истории Казахстана».²⁸ Последовавшие за ее публикацией события показывают, что она сыграла роковую роль в судьбе советской исторической и в целом гуманитарной науки. Подтверждением этому являются два основных тезиса из данной статьи: 1) «Взявшись за освещение одного из важных периодов истории Казахстана, Бекмаханов не разобрался в нем, не понял сущности феодально-монархического национализма и, неправильно используя архивные и литературные данные, фальсифицировал историю. Автор отошел от марксистско-ленинских научных позиций, оценивает исторические события с буржуазно-националистической точки зрения»; 2) «Советские историки призваны освещать историю национальных движений глубоко и правдиво. Это значит подходить к историческим фактам с марксистско-ленинских позиций. К сожалению, еще не все научно-исследовательские работы отвечают этим требованиям».²⁹

21 февраля 1951 года эта статья «Правды» стала объектом обсуждения Ученого совета Института истории АН СССР. Открывая его, С.Л. Утченко дал понять, что статья недвусмысленна и обсуждению не подлежит. Одновременно он указывает на неправильную, антимарксистскую оценку этого движения М.В. Вяткиным, А.М. Панкратовой, Н.М. Дружининым, А.П. Кучкиным и М.В. Нечкиной.³⁰ В резолюции Ученого совета работа Е.Б. Бекмаханова была признана «порочной, написанной с неправильных теоретических и политических позиций – именно с буржуазно-националистических».³¹ А.М. Панкратова снимает свою фамилию под данной резолюцией.³² Она заметила одной из первых, что произошла трансформация факта. «Статья, представляющая собой рецензию на книгу Бекмаханова, выходит по своему значению за пределы обычной рецензии», за пределы книги, на которую она написана.³³ Таким образом, научный подход к монографии и концепции Е.Б. Бекмаханова вовсе не интересовал официальные органы, которые заказали эту статью в более глобальных целях. Ситуация подвергалась дальнейшей идеологизации, втягиваясь в политическую тину и одиозную конъюнктуру.

Об этом свидетельствуют события, которые разворачивались в казахстанском обществе в первой половине XX века на фоне заданного политического формата и скорости. 16 апреля 1951 года состоялось общее партийное собрание, которое утвердило решение бюро от 13 апреля об исключении Е.Б. Бекмаханова из ряда ВКП(б). Был поставлен вопрос об увольнении его из института. 24 апреля того же года было проведено расширенное заседание Ученого совета института, которое обратилось в ВАК с просьбой отменить решение о присуждении Е.Б. Бекмаханову ученых степеней доктора и кандидата исторических наук. Строгому выговору, увольнению и лишению степени кандидата исторических наук подверглись Е. Дильмухамедов («Восстание казахов под руководством Кенесары Касымова в 1837–1847 гг.») и А. Жиренчин («Абай и его русские друзья»).

В июне 1951 г. Президиум АН Казахской ССР принимает постановление «О мероприятиях по реализации постановления бюро ЦК КП(б) Казахстана от 10 апреля 1951 г. «О статье в газете «Правда» «За марксистско-ленинское освещение вопросов истории Казахстана»³⁵, наметившее программу действий по профилактике и выкорчевыванию вируса национализма.

6 октября 1951 года Высшая аттестационная комиссия лишила Е.Б. Бекмаханова ученых степеней и званий. 16-17 октября 1951 года состоялся VIII Пленум ЦК КП(б) Казахстана, на котором обсуждался доклад первого секретаря ЦК Ж. Шаяхметова «О состоянии и мерах улучшения идеологической работы в парторганизациях республики», объектом нападок которого стали Бекмаханов и те из руководителей Академии, которые «не прислушивались к голосу рядовых членов партии, к голосу так называемых «маленьких людей», «голосу народа».³⁶ 24 мая 1952 года заседание Президиума АН КазССР освободило Е.Б. Бекмаханова от работы.

Как видно, перечисленные выше события происходили весьма часто и не без привлечения к ним широких слоев общества. Мероприятия велись на всех уровнях, начиная с аулов и заканчивая столицей Казахстана. Объективно они способствовали тому, что общественное сознание лишалось какой-либо возможности к их интерпретации в альтернативном русле. Тем более, что по стране шел процесс преодоления послевоенных проблем. Статья же 58 часть 10 воспринималась как константа, которая не имела права на обсуждение. В обществе произошло то, что имел в виду Чингиз Айтматов, когда рассказывал притчу дидактического содержания. Собрались как-то аксакалы за чашкой чая и спросили у Сталина: как сделать так, чтобы народ все как один слушался вождя и исполняли все то, о чем он их попросит? В ответ Сталин попросил принести курицу. Ощипал он ее у всех на глазах и пустил бегать голую по двору. На жаре ей пекло кожу, в тени она стала мерзнуть. Затем прибежала она к вождю и стала прижиматься к голенищам сталинских сапог. «Вот как надо управлять народом», – сказал Сталин в назидание.

Остракизм, которому подвергся Е.Б. Бекмаханов, ошельмованный в качестве националиста и пособника англо-американской агентуры, должен был стать показательным для всей советской интеллигенции. Тоталитарный метод был призван систематически поддерживать атмосферу подозрительности и недоверия, что объективно подпитывало плоды деформированного общественного сознания. Широкомасштабный социальный и политический эксперимент удался, поставив на колени для удобства обезглавливания национальную интеллигенцию.

Причину состоявшихся «буржуазно-националистических извращений» ревнители идеологического диктата видели в том, что Президиум АН КазССР и лично президент Академии К.И. Сатпаев не выполняют решений ЦК ВКП(б) и указаний И.В. Сталина по идеологическим вопросам. В частности отмечалось: «Е. Бекмаханов и его единомышленники продолжали подвизаться в Академии и на страницах её руководящего органа – журнала «Вестник АН Казахской ССР». Это в значительной степени объясняется тем, что Президент АН КазССР академик К.И. Сат-

паев сам придерживался буржуазно-националистической оценки феодально-монархического движения Кенесары Касымова, сам в 1927 году выпустил буржуазно-националистическую книжку об Едиге — враге казахского и русского народов».³⁷

О Е.Б. Бекмаханове же говорилось: «Отравляя сознание казахского народа, вслед за алашордынцами Е. Бекмаханов и его единомышленники возвеличивали реакционных деятелей дореволюционного Казахстана, которые стремились оторвать казахский народ от великого русского народа и отдать его в рабство иностранным завоевателям — английским колонизаторам».³⁸ В попустительстве людям, не «внушающим политического доверия», «случайным для науки» обвинялся бывший вице-президент Академии С.Н. Кенесбаев, якобы «насаждавший аракчеевский метод в казахском языкознании».³⁹

По мнению современных исследователей (И.М. Козыбаев, Л.Я. Гуревич) апогеем волны политических кампаний стал VIII пленум ЦК КП(б)Казахстана, проходивший 16—17 октября 1951 г., аккумулировавший политические обвинения в адрес интеллигенции. В то же время на нем была осуществлена впервые критика на уровне высшего руководства республики. Отсюда был закономерен итог, постигший национальную интеллигенцию.

Ермухан Бекмаханов писал из ссылки: «Следствие по моему делу велось тенденциозно. Следственные органы интересовали факты, сообщаемые в данном письме, и они не нашли отражения в протоколах допроса. Кроме того, ни один из положительных фактов, говорящих в мою пользу не зафиксирован в протоколах допроса. Ни одна стенограмма моих выступлений по поводу статьи «Правды» не приобщена к делу. А также отсутствует в делах копии моих писем в ЦК ВКП(б) и ЦК КП(б) Казахстана и редакции газет и журналов. Следственные органы не интересовала история вопроса, связанного с движением Кенесары Касымова. На следствии не стремились выяснить, почему на протяжении более 30 лет восхваляли движение Кенесары и на каком основании до появления статьи «Правды» руководство ЦК КП(б) и основные массы историков, литературоведов и писателей Казахстана стояли на позиции признания прогрессивности движения Кенесары Касымова? Если следственные органы всесторонние подошли бы к изучению данного вопроса, тогда они более-менее объективно подошли бы к определению доли моей вины».⁴⁰

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда Казахской ССР приговорила Е.Б. Бекмаханова по статье 59-10 часть 2 УК с санкцией ст.58-2, подвергнув к 25 годам заключения в исправительно-трудовом лагере, с поражением в конституционных правах на 5 лет и с конфискацией лично принадлежащего ему имущества. Приговор, подписанный судьей Мамутовым и народными заседателями Джунусовой и Жулиным также предписывал: «Отбытие указанной выше нормы наказания считать с 5.09.1952 года, т.е. со дня заключения под стражу. Вещественные доказательства хранить при деле. Приговор окончательный, в кассационном порядке обжалованию не подлежит».⁴¹

После ареста Е.Б. Бекмаханова подверглись преследованиям его аспиранты и студенты, которых называли «птенцами Бекмаханова», «бек-

махановцами». Среди них были аспиранты Б.Е. Ишмухамедов, П. Тибекин, З. Пашил, А. Мухтаров, А. Найгазарин.⁴²

В конце 1953 года крупный советский историк, академик А.М. Панкратова, уверенная в научном кредо Е.Б. Бекмаханова, пользуясь авторитетом и членством в ЦК КПСС, обращается к секретарю ЦК КПСС Н.С. Хрущеву с просьбой о реабилитации и освобождении Е.Б. Бекмаханова. Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 21 октября 1953 года приговор о его осуждении был отменен и постановлением МВД СССР от 16 февраля 1954 года в соответствии со ст.4 п.5 УПК РСФСР следственное дело в отношении Е.Б. Бекмаханова было прекращено.⁴³ Реабилитация Е.Б. Бекмаханова произошла не сразу, в ней выделяются три периода: 1-й — 1954 год — юридическая и политическая реабилитация; 2-й — 1954–1956 гг. (XX съезд КПСС) — пересмотр дела профессора Е.Б. Бекмаханова, восстановление в должности заведующего кафедрой истории Казахской ССР в КазГУ им. С.М. Кирова и в научных степенях и званиях. 3-й — с 1956 по 1992 гг., когда была реабилитирована его научная концепция⁴⁴. Во многом сложившаяся ситуация объясняется тем, что развитие историографии, начавшееся со времени установления Советской власти на национальных окраинах России многократно прерывалось и нарушалось веяниями конъюнктурной политики.

«Дело Бекмаханова» не было единственным в 1940-е—начале 1950-х годов. Так, например, в этот же период был осужден историк Бекжан Сулейменов. В эти же годы жертвами подобных несправедливых политических обвинений стали многие ученые-обществоведы республики. Зревшее в послевоенные годы в обществе понимание необходимости перемен было умело подавлено административной системой с помощью целого ряда мер идеологического и репрессивного характера.

Например, в 1953 году ЦК Компартии Казахстана вновь вернулся к обсуждению макета 1-го тома «Истории Казахской ССР». Отметив, что авторский коллектив этого макета сделал шаг в исправлении прежних ошибок и недочетов, ЦК Компартии Казахстана в своем постановлении все же сделал акцент на то, что в макете не были применены положения, как названо в документе, «гениального» труда И.В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР». Постановление в целом пестрит не научными, а громкими, безапелляционными и политическими оценками прошлого.

Обязав Президиум Академии наук Казахской ССР выпустить книгу массовым тиражом в первом квартале 1954 г., ЦК Компартии Казахстана при повторном рассмотрении данного вопроса указал, что история Казахской ССР во многом освещена с «буржуазно-националистических позиций» и постановил изъять I том «Истории Казахской ССР» (под общей редакцией И.О. Омарова и А.М. Панкратовой, издание Казгосиздата, 1949 г.) из книготорговой сети республики, прекратить издание 2-го тома, а оставшуюся часть второго тома уничтожить. Такая нетерпимость к мнению ученых, профессиональных историков, желание поставить под узкий идеологический контроль общественные науки, использование средневековых методов расправы, не могли не сыграть негативную роль в

дальнейшем развитии исторической науки Казахстана. Ученые, вместо научного анализа и поиска истины, занялись комментаторством политических установок и теоретической схоластикой. И все же, в обществе подспудно зрело понимание необходимости перемен и отказа от наиболее одиозных принципов сталинщины.

В марте 1953 года умер И.В. Сталин. 1 марта у И.В. Сталина произошло кровоизлияние в мозг. 6 марта ТАСС сообщило, что сердце Сталина перестало биться пятого марта в 21 час 50 минут. В нужную минуту никто не мог помочь диктатору, а прибывшие соратники (Л. Берия, Г. Маленков, Н. Хрущев и другие) не могли или не захотели помочь умирающему вождю. Позднее появились сообщения, что сподвижники Сталина ускорили его кончину. Большинство советских людей искренне верило вождю и восприняло смерть лидера советских коммунистов как личное горе. Лишь некоторые, может быть, знали истинную цену этого деятеля. В Москве во время похорон погибло много людей от образовавшейся давки.

Уже в первые годы после смерти Сталина намечаются две линии, два подхода к вопросу о характере возможных перемен. В 1953–1954 гг. исподволь разворачиваются дискуссии, привлечение внимания широкой общественности по таким злободневным проблемам, как характер противоречий в социалистическом обществе, роль личности и народных масс в истории, соотношение теории и практики, коллективность руководства и т.д. Представители интеллигенции, писатели стали принимать активное участие в дискуссиях.

Важной вехой на пути десталинизации общественной жизни стало пресечение преступной деятельности одного из апологетов сталинского режима Л.П. Берия. В июле 1953 г. Пленум ЦК КПСС вывел его из состава ЦК и исключил из рядов КПСС. Со смертью И.В. Сталина и устранением от власти Л.П. Берия завершилась одна из самых мрачных эпох жестокого режима, существовавшего в СССР.

В дальнейшем процесс либерализации сталинского режима в стране стал протекать более активно. Но кончина И.В. Сталина вовсе не означала, что произошел глубокий демонтаж построенной им командно-административной системы. Миллионы осужденных сидели по-прежнему в лагерях, а многие политические деятели, так же причастные к нарушению прав человека (В. Молотов, Г. Маленков, Н. Хрущев), как и сам Сталин, продолжали занимать высокие правительственные посты. Тем не менее, наступил период десталинизации, получивший с легкой руки писателя Ильи Эренбурга название «оттепели».

3. НОВЫЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ КАМПАНИИ

В 1940–1950-х гг. шла усиленная идеологизация науки и культуры. Под флагом оздоровления творческой атмосферы, очищения ее от буржуазного влияния, формализма и космополитизма были подвергнуты резкой критике и проработке многие ученые республики. Нередко на совещаниях актива творческой интеллигенции и идеологичес-

ких работников ученым предъявлялись политические обвинения типа «политически порочная книга», «политически ошибочное выступление» и т.п. В обстановке недоверия и шпиономании по доносам провокаторов и злобных выступлений в прессе страдали честные ученые. Центральные газеты призывали не упускать из виду «деятельность агентов, шпионов, диверсантов, которых стремятся заслат в нашу страну империалисты».⁴⁵

В передовой статье «Правды» от 18 января 1953 г. был «разоблачен» во враждебной деятельности научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР Б. Сулейменов, который якобы «обманным путем проник в ряды партии, выдавая себя за разоблачителя буржуазных националистов, проводил активную националистическую работу, протаскивал враждебные «идейки» в своих лекциях».

«Казахстанская правда» в одной из статей серьезно упрекала директора Института истории, археологии и этнографии С.Н. Покровского за отсутствие смелости, боязнь опубликовать докторскую диссертацию «Октябрьская революция и гражданская война в Семиречье».⁴⁶ Ученого можно было понять, ведь в тот период стоило появиться какой-либо свежей, неортодоксальной работе, идее, как тут же возникали «знатоки» и «хранители» чистоты марксистско-ленинского учения, которые либо печатно разносили в пух и прах эту «крамолу», либо «сигнализировали» в органы госбезопасности.

После ряда таких разоблачительных сигналов в Институт истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР в 1953 г. прибыла комиссия с целью «завершить работы по очистке кадров от случайных и непригодных для научной работы людей».⁴⁷ Комиссию возглавил С. Толыбеков, в ее состав входили Д. Горшенин, Н. Федоров, М. Турсунов, Ф. Жизневский. Комиссия предвзято разобралась с положением дел в Институте, в своем заключении она обвинила историков в буржуазном национализме, а их труды назвала вредными. «История института, — сказано в материалах комиссии, — это история крупных срывов и провалов в работе... Руководство Института: директор Покровский, бывший секретарь парторганизации Елеуов, секретарь парторганизации Нусупбеков оказались ротозеями, примиренцами по отношению к буржуазным националистам, а в отдельных случаях оказывали им непосредственную помощь».⁴⁸

Причину буржуазно-националистических извращений ЦК КП(б) Казахстана видел в том, что «АН Казахской ССР и президент К.И. Сатпаев не выполнили решений ЦК ВКП(б) и указаний тов. Сталина по идеологическим вопросам. Они не прислушивались к сигналам научной общественности, которых было немало в течение ряда последних лет. Эти сигналы систематически глушились руководством академии. Критика и самокритика зажимались. Это в значительной степени объясняется тем, что президент АН Казахской ССР К.И. Сатпаев сам придерживался буржуазно-националистической оценки феодально-монархического движения Кенесары Касымова, сам в 1927 г. выпустил буржуазно-националистическую книжку об Едыге — враге казахского и русского наро-

дов». ⁴⁹ Это был сигнал к расправе с нестигаемым академиком. В 1950 г. К.И. Сатпаеву было указано на серьезные ошибки в подборе научных кадров и предложено уволить из системы академии «нежелательные элементы». К.И. Сатпаев не пошел на сделку с совестью, он не согласился с огульным очернением научных сотрудников, отказался от чистки кадров. Тогда события стали развиваться в отношении самого академика. Подвергся резкой безапелляционной критике его труд — эпическая поэма «Ер Едыге». Этот народный эпос был издан К.И. Сатпаевым в Москве в 1927 г. и с тех пор не переиздавался. О нем вспомнили, когда других обвинений не смогли предъявить.

К.И. Сатпаеву посоветовали написать заявление с просьбой освободить его от обязанностей президента. «К.И. Сатпаев не был честолобив и не раз выражал желание оставить свои многочисленные должности для занятия наукой. Но теперь, когда решалась судьба десятков ученых, когда поставлена под сомнение репутация самой АН, — ...уйти в тень, без борьбы оставить все на произвол судьбы, в угоду горстке людей, — этого он не мог и не хотел сделать». ⁵⁰

23 ноября 1951 г. состоялось заседание Бюро ЦК КП(б) Казахстана, на котором академика К.И. Сатпаева, спустя два месяца после повторного избрания президентом, освободили от работы и объявили ему строгий выговор с занесением в партийную учетную карточку. «Сатпаева признали виновным по следующим трем пунктам: 1. Соккрытие социального происхождения при вступлении в партию; 2. Неосуждение после 1945 г. ошибочного выпуска в 1927 г. под его редакцией и с предисловием фольклорного издания об Едыге; 3. Засорение кадров Академии наук Казахской ССР чуждыми элементами...». ⁵¹

К.И. Сатпаев в письме (10.05.1954 г.) на имя первого секретаря ЦК КП(б) Казахстана Пономаренко обратился с просьбой рассмотреть на Бюро ЦК КП(б) Казахстана вопрос о снятии с него партийного взыскания. «Оглядываясь на весь свой жизненный путь, особенно на последние 28 лет своей зрелой жизни и деятельности в качестве инженера и геолога, которые протекали в Дзезказгане (15 лет) и в Алма-Ате (13 лет), я могу со спокойной совестью сказать, что они целиком и полностью были посвящены честному служению интересам горячо любимой Родины». Далее в письме он объясняет, что «некоторые ошибки и недостатки, которые действительно имели место в моей деятельности, проистекали не по злой воле и исправлялись всегда в процессе работы». ⁵²

Бюро ЦК КП Казахстана, рассмотрев персональное дела коммуниста К.И. Сатпаева, сняло все обвинения, адресованные академику, как необоснованные. В июне 1955 г. Каныш Имантаевич Сатпаев вновь был избран президентом АН Казахской ССР. Обязанности президента он исполнял до конца жизни.

16–17 апреля 1952 г. состоялась сессия общего собрания Академии наук республики. Первый день работы сессии был посвящен рассмотрению вопросов о лишении званий действительных членов академии М.П. Русакова и А.К. Жубанова и звания члена-корреспондента — К.Д. Джумалиева. М.П. Русаков внес огромный вклад в развитие геоло-

гической науки Казахстана. Его вывели из академиков с формулировкой «за деятельность, направленную во вред Союзу ССР». А.К. Жубанова и К.Д. Джумалиева — крупных ученых в своих областях — исключили «за потерю связи с АН Казахской ССР».⁵³

В конце 1940-х годов была объявлена война «космополитизму» в науке, прокатившаяся по ряду дисциплин. Нападкам подвергались теория относительности Эйнштейна, теория резонанса в химии, ряд биологических и психологических теорий. В 1948 г. состоялась печально знаменитая сессия ВАСХНИЛ, после которой на генетику был навешен ярлык «лженауки», «реакционного учения», «антинародного направления». Некоторые «ученые от науки» типа Лысенко начали огульно обвинять руководителей ряда институтов академии в рабологии перед «реакционными антидарвинистскими идеями западной науки». Единственно правильным в биологии было признано так называемое мичуринское направление — на самом деле вульгарную интерпретацию учения И.В. Мичурина.

Разгром биологической науки в СССР велся не путем дискуссий, доказательств, а административным политическим путем. Ученые, не отказавшиеся от своих научных положений, изгонялись с работы, лишались преподавательской деятельности, а такие крупные ученые, как Н.И. Вавилов, Г.Д. Карпеченко, Г.А. Левитский, Л.И. Говоров и многие другие были репрессированы.

Расправа с «реакционным» учением в республиканских академиях проходила по заранее составленному сценарию. В Казахстане — в начале октября 1948 г., затем на расширенном заседании Президиума АН Казахской ССР с участием представителей ЦК Компартии Казахстана, Казахского филиала ВАСХНИЛ, министерств, высших учебных заведений.⁵⁴ 30.XI.1948 г. в принятом решении отмечалось, что в биологической науке существуют два диаметрально противоположных направления: прогрессивное материалистическое — мичуринское и реакционное, идеалистическое — вейсманистское.⁵⁵ ЦК Компартии Казахстана на основании этого решения принял постановление «О состоянии научно-исследовательской работы в биологии».⁵⁶

В начале октября 1948 г. состоялось специальное совещание Президиума АН Казахской ССР с сотрудниками периферийных филиалов и баз, на котором были даны установки и руководящие указания по «перестройке работы».⁵⁷ Во всех институтах биологического профиля «выявлялись морганисты и их последователи». По институту экспериментальной биологии к их числу были причислены профессора Лус, Завадовский, Литвинова, Кадерниязов, которые вели якобы «порочные в теоретическом отношении и не имеющие никакого народнохозяйственного значения работы».⁵⁸ Исследования Раушенбаха были объявлены спекуляцией в области экологии. Утверждалось, что в Институте интродукции растений и освоения пустынь «создалась ячейка вейсмано-моргановского направления по изучению пустынных растений в Казахстане». Обвинялся в «грубых политических ошибках» действительный член АН Казахской ССР Н.В. Павлов, который будучи академиком-секретарем отделения биологических наук, «не вел борьбы с морганистским учени-

ем». Заместитель директора Института почвоведения, член-корреспондент АН Казахской ССР А.И. Безсонов (первый исследователь почв Казахстана) проводил якобы «антинаучную концепцию, противоречащую учению Докучаева—Вильямса, выражавшуюся в том, что почва рассматривалась им только как природное тело», «отрывал почвоведение от практических задач».⁵⁹

Как вспоминала физиолог, академик АН Казахской ССР, доктор биологических наук Н.У. Базанова, в тот период «мы вынуждены были отказаться от наших честных ученых трудов. Ученым, занимавшимся физиологией размножения, не дали возможности защитить готовые диссертации, а многие из них были просто уволены».⁶⁰ Н.У. Базанова, будучи в Москве на сессии Верховного Совета СССР (она была депутатом с 1946 г. четырех созывов) добилась аудиенции у Т.Д. Лысенко. «В перерыве между заседаниями сессии в назначенный заранее час приехала я на встречу с Лысенко. Хотела познакомиться с планами Института экспериментальной биологии, которым руководила. Однако он даже не стал смотреть. Тогда я начала рассказывать о возникших проблемах, в частности о работах академика М.М. Завадовского, который занимался физиологией размножения овец, внес ряд практических предложений в развитие этой отрасли. Я спросила: «По каким причинам институту запретили заниматься этими проблемами, ведь Завадовский не имеет ничего общего ни с Менделем, ни с Морганом?» На что Лысенко ответил: «Он морганист, потому что заставлял овцу приносить по четыре ягненка. Изнашивал организм овцы. Так что вы не тем занимаетесь». Так и возвратилась ни с чем».

С целью искоренения наследия реакционно-идеалистического направления в биологии в АН Казахской ССР были полностью пересмотрены составы ученых советов биологических институтов, редколлегии биологических журналов, были выведены из их состава «антимичуринцы».⁶¹

Были уволены все генетики из научных учреждений, преподаватели высшей и средней школы, даже те, кто не имел непосредственного отношения к генетике и «вейсманизму-морганизму». Так, были уволены из Института экспериментальной биологии АН Казахской ССР профессор Лус и кандидат наук Литвинова, как «неспособные проводить научную работу на мичуринских позициях».⁶² По тем же мотивам была уволена заведующая лабораторией цитологии Института интродукции растений и освоения пустынь кандидат наук Липаева.

Доктор биологических наук, профессор В.И. Фурсов работал в 1949 г. ассистентом кафедры дарвинизма и генетики КазГУ. Он вспоминает: «... многие научные труды были изъяты из библиотек. Приходилось читать лекции по рукописям таких с позволения сказать «ученых», как И.И. Презент. Этот «труд» сплошь состоял из выдержек работ Ламарка, Дарвина в интерпретации Лысенко и самого Исы Израилевича. И хотя я не был согласен с этой книгой, приходилось молчать».⁶³

Трудно было в те мрачные годы не утратить чувства подлинной науки. Далеко не все ученые сохранили чистоту мыслей и совести. Де-

магогия часто одерживала победу над научной трезвостью, объективностью, истиной. Здесь действовали психологические факторы и политический нажим. Тем не менее, были ученые, не отказавшиеся от своих убеждений. Действительный член Академии наук Казахской ССР Н.В. Павлов, выступая в КазГУ, смело объявил, что «мы не можем идти по стопам академика Лысенко, не можем согласиться с его доводами, так как он является виталистом в Науке».⁶⁴ Н.В. Павлов был обвинен в... «наклеивании ярлыков» и подвергся резкой критике сторонниками Лысенко.

На конференции по вопросам биологии в Казахском сельскохозяйственном институте против положений Лысенко выступили преподаватели биологии, агрономы, экономисты. Однако чаще в тот период с высоких трибун ученые мужи, почетные академики призывали «запретить», «разгромить», «разоблачить» взгляды, не отвечающие их собственным воззрениям. Так, при помощи власти и «силового отстаивания» в биологической науке взяла верх «лысенковщина».⁶⁵

4. КУЛЬТУРА, НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ

Отличительной особенностью советского периода истории культуры является подавляющая единоличная роль в ее развитии партии и государства. Коммунистическая партия через систему государственных и общественных организаций направляла и контролировала развитие народного образования, культурно-просветительной работы, литературы и искусства, вела работу по идейно-политическому воспитанию трудящихся в духе марксистско-ленинской идеологии.

Характерной чертой общественно-политического развития в послевоенный период являлось непомерное разрастание в ней роли идеологии. Идеологическая деятельность партии не ограничивалась широким комплексом мер по политической агитации и политическому воспитанию трудящихся, она все более превращалась в руководство всей духовной культурой. Особенное внимание уделялось укреплению идеологических основ советской культуры, в частности, повышению идейно-политического уровня литературы и искусства. На практике это руководство культурой выливалось в грубое, зачастую невежественное вмешательство со стороны государственных и партийных органов и их отдельных представителей в естественные процессы развития культуры. В послевоенные годы продолжалась начавшаяся еще до войны борьба с «формализмом». Она охватила литературу, музыку, изобразительное искусство.

Усиление политической цензуры в художественном творчестве наиболее ярко проявилось в многочисленных постановлениях ЦК партии второй половины 1940-х—начала 1950-х годов по вопросам литературы и искусства. В них содержались необоснованные обвинения в адрес деятелей культуры — композиторов, драматургов, деятелей кино и театра. Лишь в 1958 г. ЦК партии признал имевшие место в конце 1940-х гг. факты администрирования в области руководства культурой, резкость отдель-

ных оценок, содержащихся в постановлениях по вопросам литературы и искусства. Однако в тот период сам принцип командно-административного руководства художественным творчеством со стороны партии сомнениям не подвергался.

Советский режим навязывал всем народам и всем культурам единый образец и стандарт существования: «Культура должна быть социалистической по содержанию и национальной по форме». Унификация зашла настолько далеко, что некоторые народности почти полностью утратили свою этническую и культурную идентификацию, превратились в безликую часть «советского народа», оторвались от корней своей культуры, даже от родного языка. Репрессивная система подавляла и уничтожала (или загоняла внутрь) все личностное, все неординарное, все, что сопротивляется, не поддается или мешает тотальному контролю и манипулированию.

В этой обстановке национально-культурное наследие играло роль декоративную: государству необходимо было продемонстрировать народу и всему миру «интернационализм в действии». Поэтому государство и поддерживало внешне декоративную сторону национальной специфики — национальные одежду, искусство (песни, танцы), но в отрыве от содержательной стороны национальной культуры.

В духовной сфере рассматриваемого периода сложились уродливые стереотипы — склонность к приукрашиванию, мифотворчество, внедрение в сознание масс убеждений о превосходстве социализма, социалистической культуры, которая противопоставлялась мировому интеллектуальному прогрессу и духовному наследию.

В подходах партийного руководства к оценке духовной продукции 1950–60-х гг. по-прежнему преобладали далекие от жизненных реалий идеологизированные догматические критерии. Правда, на партийных съездах и пленумах, в ряде официальных постановлений тех лет звучал призыв к смелой творческой инициативе, самостоятельным художественным решениям, «созданию ярких, волнующих произведений, достойно изображающих героические подвиги советских людей», но возможности таких поисков административно сужались, ограничивались рамками «социалистического реализма».

Театр. Исходя из союзных постановлений, ЦК КП Казахстана потребовал пересмотреть репертуар Казахского академического театра драмы и «очистить его от порочных в идеологическом отношении и малохудожественных пьес». Он призвал творческих работников к созданию полноценных драматургических и сценических произведений на «боевые темы советской действительности». Эти задачи были сформулированы в ряде партийных решений, в частности, в постановлении ЦК КП Казахстана от 18 октября 1949 г. «О состоянии и задачах дальнейшего развития театрального искусства республики» и резолюциях VIII Пленума ЦК КП Казахстана. Пленум отметил, что в художественных произведениях, постановках театров нередко идеализируется отжившее прошлое Казахстана. Он дал установку освещать «грандиозные социалистические преобразования в республике», достигнутые в результате осуществленной национальной политики партии.⁶⁶

Тем не менее, в послевоенные годы театр показал немало интересных спектаклей, посвященных просветителям казахского народа — Абаю, Чокану, народным поэтам и певцам, таким как Ахан-серэ и Майра Шамсутдинова.

Большой творческой удачей явился спектакль «Абай», выпущенный 28 декабря 1949 г. и поставленный Ш. Аймановым и главным режиссером Республиканского русского театра драмы Я.С. Штейном. Крупнейшие мастера сцены К. Бадыров (Абай), К. Куанышпаев (Кунанбай), Р. Койчубаева (Зере), Е. Умурзаков (Доркамбай), С. Кожамкулов (Майбасар), а также Ш. Айманов, Х. Букеева (читающие от автора) обеспечили огромный успех спектакля.⁶⁷

Жизнь театра была тесным образом связана с казахской драматургией и ее крупными деятелями: Мухтаром Ауэзовым, Беимбетом Майлиным, Габитом Мусреповым, Сабитом Мукановым, Абдильдой Тажибаевым, Альжаппаром Абишевым и др. Но в целом деформация репертуарной политики, тотальная идеологическая цензура, оторванность театрального искусства от художественных эстетических запросов населения, слабый учет специфических особенностей казахского народа привели к усилению взаимоотноужденности театра и зрителя.

У истоков научного изучения казахской музыки в советское время стояли выдающиеся деятели музыкальной культуры республики, например, известный фольклорист А.В. Затаевич, издавший сборник «1000 песен казахского народа», «500 песен и кюев казахского народа» (1931). Эти сборники впервые открыли перед широкой общественностью неисчерпаемые богатства казахского народного музыкального творчества. Во вступительных статьях и комментариях к этим изданиям А.В. Затаевич высказывает ценные мысли по многим вопросам казахской музыкальной культуры.

Особенностям творческого стиля, школ народных композиторов, певцов и инструменталистов, манерам их индивидуального исполнительского мастерства посвящены монографические исследования «Струны столетий» (1958 г.) и «Соловьи столетий» (1967 г.), явившиеся крупным достижением в углубленном изучении национальной музыки. Их автор А.К. Жубанов — выдающийся деятель музыкального искусства Казахстана, ученый и композитор, профессор, академик АН КазССР. В исследование казахского музыкального фольклора и профессиональной казахской музыки значительный вклад внес известный музыковед, член-корреспондент АН КазССР Б.Г. Ерзакович.

Становлению профессиональной музыкальной культуры способствовала организация в 1939 г. оргкомитета Союза композиторов Казахстана. Его членами были композиторы Ахмет Жубанов, Евгений Брусиловский, Борис Ерзакович, Латыф Хамиди, а также Дина Нурпеисова, Кенен Азербаев, Манарбек Ержанов. В 1941 г. членом союза стал Мукан Тулебаев. Эти композиторы участвовали в решении проблем музыкального искусства республики.

В процессе рождения национальной оперы проявляется общеисторическая закономерность, подтвержденная всем ходом развития оперного жанра, когда зрелость национальной литературы и драматического те-

атра предваряют и стимулируют появление оперы. Так, в создании первых опер в Казахстане большую роль сыграли крупные писатели Г. Мусрепов, Б. Майлин, С. Камалов, М. Ауэзов, С. Муканов, которые явились авторами драматических произведений и одновременно предстали в качестве первых оперных либреттистов. Это опера «Абай» А. Жубанова и Л. Хамиди (либретто М. Ауэзова), «Амангельды» Е. Брусиловского и М. Тулебаева (либретто Г. Мусрепова), «Биржан и Сара» М. Тулебаева (либретто К. Джумалиева).

Творческим достижением казахского искусства в послевоенные годы явилась опера «Биржан и Сара» М. Тулебаева. Либретто оперы написано поэтом К. Джумалиевым на основе народной поэмы «Айтыс Биржана и Сары».

В октябре 1949 г. ЦК КП Казахстана принял специальное постановление «О состоянии и задачах дальнейшего развития театрального искусства республики». Особое внимание обращалось на необходимость поднять идейный и художественный уровень работы над созданием оперных и балетных либретто.

В декабре 1950 г. композитором В.В. Великановым (либретто Баймухамедова и Г. Градова) был поставлен балет «Камбар и Назым». Авторы были обвинены в неверной трактовке образа Камбара, который «вопреки легенде, предстал перед зрителями не как герой и народный заступник, а скорее, как одинокая героическая личность. Раскрытию индивидуальных подвигов героя и его взаимоотношений с возлюбленной Назым уделялось гораздо больше внимания, чем общению его с народом».⁶⁸

В 1953 г. появилась опера Е.Г. Брусиловского «Дударай». Центральная тема оперы – дружба казахского и русского народов. 15 июля 1956 г. состоялась премьера первой уйгурской оперы «Назугум», написанной композитором Кудусом Кужамьяровым на либретто Кадыра Хасанова.

В послевоенные годы появляются первые оркестровые сочинения М. Тулебаева «Казахская увертюра» (1945 г.) и «Лирический танец» (1947 г.). В эти же годы выходят в свет крупные циклические произведения В. Великанова «Казахская симфония» (1947 г.), «Дорогой мира» (1952 г.). Композиторам было поставлено в вину «поверхностное, неглубокое отражение явлений действительности. В симфонической музыке еще не запечатлены образы наших современников, героизм и романтика трудовых подвигов покорителей целины».⁶⁹

В 1948 г. был подвергнут критике концерт для фортепиано с оркестром Е. Брусиловского (сама идея фортепианного выражения «большой игры» была понята как превращение фортепиано в ударный инструмент). Поэтому концерт в течение 10 лет не издавался, не исполнялся.⁷⁰

В творчестве композиторов Казахстана все еще заметным остается тяготение к программной музыке. Об идейной направленности создаваемых ими новых произведений можно судить уже по названиям: оратории Г. Жубановой «Ленин», Е. Рахмадиева «Толгау», К. Кужамьярова «Партия Ленина», симфония С. Мухамеджанова «Буря», кантата Е. Рахмадиева

«Айстан». Видимо не изжил себя до конца возникший в послевоенные годы подход к музыке, когда приветствовалось появление бесконфликтных лакировочных произведений, преимущественно кантат и ораторий на злободневные тексты. В те годы эта проблема трактовалась примитивно: любое музыкальное произведение должно было быть понято слушателями сразу; если же произведение было непонятно, воспринималось не сразу, то считалось, что оно народу не нужно. Автора такой музыки обвиняли в антинародности и формализме.⁷¹

В послевоенные годы получили дальнейшее развитие песни героико-патриотического плана, маршевые, а также песни о целине.

Определенные условия развития музыкальной культуры республики — организация стабильных исполнительских коллективов, таких как симфонический оркестр, хоровая капелла, ансамбль песни и танца — обусловили развитие крупных ее форм: симфонической и вокально-хоровой музыки.

Таким образом, на всех уровнях и во всех сферах и отраслях культуры шло нивелирование национального содержания многоликих культур, шла интенсивная унификация их под один единственный образец. Идеологически это выражалось в формуле: культура народа должна быть национальной по форме и социалистической по содержанию. Уже в этой формуле виден смысл культурной политики тоталитарного режима. За внешней примитивностью скрывается глубокая правда — правда действительного положения национальных культур в многонациональном тоталитарном государстве. Объективной закономерностью природы социализма, как утверждалось в многочисленных статьях и монографиях, является расцвет и сближение наций. Лозунг национальной формы и социалистического содержания культуры был идеологическим оправданием разрушения, уничтожения всякой национальной культуры.

Наука. 1 июня 1946 г. состоялось торжественное открытие первой научной сессии АН Казахской ССР. Первым президентом АН КазССР был избран крупный ученый Каныш Имантаевич Сатпаев, с именем которого связаны одни из самых замечательных страниц истории казахской науки.

В первый состав академии вошли 14 академиков и 16 членов-корреспондентов. Академиками АН КазССР первого созыва были избраны М.О. Ауэзов, А. Бектуров, И.Г. Галузо, М.И. Горяев, А.К. Жубанов, Н.Г. Кассин, С.К. Кенесбаев, Н.В. Павлов, М.П. Русаков, К.И. Сатпаев, Н.Т. Сауранбаев, Г.А. Тихов, В.Г. Фесенков; членами-корреспондентами — Х.К. Аветисян, Н.У. Базанова, А.И. Безсонов, С.Н. Боголюбский, Р.А. Борукаев, А.В. Бричкин, А.М. Габбасов, К.Д. Джумалиев, А.Х. Маргулан, А.Ж. Машанов, К.М. Мынбаев, А.П. Полосухин, В.И. Смирнов, А.Н. Сызганов, Г.Н. Удинцев, М.И. Усанович. С именами этих ученых связано развитие науки в республике.

При Академии наук КазССР были образованы четыре отделения: геолого-географических наук, технических и химико-технологических наук, физико-математических наук, биологических и медицинских наук, отделение общественных наук. Эти отделения объединяли тогда 16 НИИ,

9 секторов, республиканскую астрономическую обсерваторию, ботанический сад. Коллектив ученых насчитывал 900 человек, в том числе 57 докторов и 184 кандидата наук.⁷²

Среди научных исследований академии в послевоенный период видное место занимают геологические работы.

Большой вклад в становление и развитие геологической науки в Казахстане внес К.И. Сатпаев. С его именем связано развитие Жезказганского меднорудного бассейна, открытие и использование многих самых разнообразных месторождений республики, в особенности Центрального и Северного Казахстана, Рудного Алтая. К.И. Сатпаев является одним из создателей металлогенической науки, благодаря которой стало возможным делать прогнозы скопления полезных ископаемых в том или ином районе и составлять прогнозные карты. Он поднял роль металлогенической науки, синтеза методов, применяемых во всех геологических науках с целью предсказать распространение и сосредоточение полезных ископаемых. Рядом с К.И. Сатпаевым работали его соратники академики республики Р.А. Борукаев, И.И. Бок, Ш.Е. Есенов, А.К. Каюпов, Е.Д. Шлыгин, Г.И. Щерба и многие другие.

Одна из отраслей науки, развитию которой придавал важное значение К.И. Сатпаев, и которая бурно развивалась в послевоенные годы в республике, была астрономия.

Начало астрономических исследований в Казахстане связано с деятельностью экспедиции ученых Москвы, Ленинграда и других городов, прибывших для наблюдения полного солнечного затмения 21 сентября 1941 г. В условиях военного времени было решено организовать на базе этих экспедиций институт. В 1942 г. при КазФАН СССР был образован Институт астрономии и физики, в становлении которого большую роль сыграли Г.А. Тихов, В.Г. Фесенков, Б.А. Воронцов-Вельяминов и другие ученые, находившиеся в годы Великой Отечественной войны в Алма-Ате. В первые годы существования института к основным проблемам относились исследования по атмосферной оптике, зодиакального света и свечения ночного неба.

В 1950 г. произошло разделение Института астрономии и физики на три самостоятельных учреждения – Астрофизический институт, Физико-технический институт (позже – Институт ядерной физики) и сектор астроботаники при Президиуме АН Казахской ССР.

Руководителем Астрофизического института на протяжении 14 лет был академик В.Г. Фесенков. По его инициативе была построена астрономическая обсерватория близ Алма-Аты (1946–1952). Сотрудниками института были разработаны новые способы определения общей прозрачности атмосферы, установлены критерии ее оптической устойчивости, методы определения содержания водяных паров в атмосфере в направлении луча зрения, осуществлены спектральные и поляризационные исследования дневного неба.⁷³

В послевоенный период происходили изменения в численности, составе научной интеллигенции, совершенствовались формы и методы подготовки кадров. Однако количественный рост научных кадров не всегда последовательно сопровождался повышением качества их подготовки,

глубиной и оригинальностью диссертационных тем, связью с жизнью и производством.

Существенные недостатки были допущены в планировании подготовки научных кадров. Неравномерное развитие отраслей привело к избытку специалистов в одних отраслях и дефициту в других. Особенно это сказалось в подготовке специалистов для обрабатывающей промышленности, выпускающей конечную продукцию отрасли. Исследования в этом направлении практически не велись. Дело в том, что богатые природные ресурсы, предопределив место и роль Казахстана в общесоюзном разделении труда, требовали разработки, создания мощной индустриальной сырьевой базы. Эта тенденция поставила перед учеными ряд проблем в развитии производительных сил. Необходимо было разрабатывать новое направление в социально-экономическом развитии республики, готовить специалистов и научные кадры. «В Казахстане совершенно отсутствуют научные учреждения и высококвалифицированные научные кадры в области машиностроения, радиоэлектроники, радиотехники, автоматики, механики, несоразмерно мало представлены физико-математические и технические науки. Среди докторов наук больше половины — представители медицинских, сельскохозяйственных и биологических наук, 11,5% — геолого-географических наук, 10,9% — общественных наук, 9% — технических наук, 4,9% — химических наук и 4,5% — физико-математических наук. Такое структурное соотношение высших командных кадров науки находится в резком несоответствии с запросами народного хозяйства и культуры республики и должно быть планомерно выправлено»,⁷⁴ — отмечал К.И. Сатпаев на совещании научных работников Казахстана в 1961 году.

Имелись серьезные недостатки в деятельности аспирантуры. Отсутствие конкурсного приема, низкий процент своевременной защиты, большой отсев аспирантов были характерны для большинства научных учреждений и высших учебных заведений республики.

Научные учреждения и вузы неудовлетворительно занимались вопросами планирования и организации научно-исследовательских работ. Во многих институтах тематика исследований не увязывалась с насущными задачами развития народного хозяйства. Усилия ученых не всегда концентрировались на приоритетных направлениях науки. Наблюдалось отсутствие четкого соотношения и правильного сочетания фундаментальных и прикладных исследований.

В состав Отделения общественных наук АН КазССР в 1946 г. входили: Институт языка и литературы, Институт истории, археологии и этнографии и три сектора — искусствоведения, права и экономики. В 1952 г. в составе отделения был организован Институт экономики на базе Института экономики сельского хозяйства Казахского филиала ВАСХ-НИЛ и Сектора экономики АН КазССР.

В 1953 г. на базе ранее существовавшего Сектора философии был создан Институт философии и права, который начал разработку проблем философской и правовой науки. Первым директором Института философии и права стал академик АН Казахской ССР С.З. Зиманов. Разработкой философских и правовых проблем занимались ученые К. Бейсемби-

ев, Т.В. Нечитайло, Г. Сапаргалиев, М.А. Биндер, В.А. Ким, А.Е. Ере-
нов, Н.А. Мусабаева, М.А. Ваксберг, М.Т. Имашев и др.

Драматичные последствия имели постановления, принятые ЦК Ком-
партии Казахстана в послевоенный период: «О грубых политических
ошибках в работе Института языка и литературы АН КазССР» (1947 г.),
«О состоянии и развитии казахской советской литературы» (1948 г.), а
также реакция партийных, советских и научных органов и учреждений
на опубликованную в «Правде» статью «За марксистско-ленинское осве-
щение вопросов истории Казахстана» (1950 г.), после выхода которых
началась беспрецедентная кампания по изобличению «врагов народа»,
«идеологических противников», «националистов» и т.п.

Подвергся нападкам видный писатель, ученый
и общественный деятель М.О. Ауэзов, обвиненный
в национализме, пропаганде «антирусских, реакци-
онно-консервативных и пантюркистских взглядов
патриархального прошлого».

Сложным был путь становления исторической
науки. На ее становление в Казахстане оказали боль-
шое влияние видные ученые-историки, эвакуиро-
ванные в Казахстан в годы Великой Отечественной
войны: академики Б.Д. Греков, А.М. Панкратова,
Н.М. Дружинин, С.В. Юшков, профессора
М.П. Вяткин, М.П. Ким и другие. При их непосредственной помощи проходило становление целого поколения казах-
станских историков. В институте работали ученые А.Х. Маргулан,
С.Н. Покровский, Е.Б. Бекмаханов, А.Н. Нусупбеков, Г.Ф. Дахшлей-
гер, Б.С. Сулейменов и др. Они принимали участие в подготовке «Исто-
рии Казахской ССР», первое издание которой вышло в 1943 году.

Выход из печати «Истории Казахской ССР», охватывающей период с
древнейших времен до наших дней, явился заметным событием в истори-
ографии Казахстана. Однако, ряд ученых, среди которых были С.К. Бу-
шуев, А.В. Ефимов, Е.В. Тарле, отметил, что работа написана с национа-
листических позиций, особенно — раздел о восстании К. Касымова,
написанный Е. Бекмахановым. Эти нападки на Е. Бекмаханова особен-
но усилились после выхода в свет его монографии «Казахстан в 20—40-е
годы XIX в.». Однако «критики» Бекмаханова не были удовлетворены
обсуждением монографии и, используя демагогические приемы, продол-
жали травить ученого-историка. 26 декабря 1950 г.
в «Правде» была опубликована статья «За марксист-
ско-ленинское освещение вопросов истории Казах-
стана», в которой Т. Шоинбаев, Х. Айдарова,
А. Якунин вновь обвинили Е. Бекмаханова в бур-
жуазном национализме и фальсификации истории.
Е. Бекмаханов был исключен из партии и уволен с
работы. 5 сентября 1952 г. он был арестован, 3—4
декабря состоялся суд, приговоривший ученого по
статье 58, ч. 10, разд. 2 к 25 годам лишения свободы
(Социалистік Қазақстан, 1989, 18 января). Жертва-

М.О. Ауэзов.

Е. Бекмаханов.

ми несправедливых политических обвинений и незаконных стали талантливые ученые республики, среди которых А.Н. Самойлович, А.К. Жубанов, Е. Исмаилов, К. Джумалиев, Б. Сулейменов, П.Г. Галузо и многие другие. В «крупных политических ошибках» был обвинен первый президент АН Казахской ССР К.И. Сатпаев, который был подвергнут необоснованным преследованиям и травле. Ретивые сталинские эмиссары обвинили и его в национализме. К.И. Сатпаев вынужден был уехать за пределы Казахстана. Видные деятели науки республики, ставшие жертвами репрессий, рассматривались как предатели и враги народа, их заслуги начисто отрицались, имена нередко вычеркивались из истории как несуществующие, а деятельность замалчивалась.

Таким образом, в послевоенные годы, с одной стороны, советские ученые вышли на передовые рубежи мировой науки по ряду направлений математики и механики, квантовой электроники и физики твердого тела, ядерной энергетики, химии и науки о Земле, в освоении космоса. С другой стороны, серьезный урон был нанесен науке, как и всей культуре, культом личности И.В. Сталина. В результате в последующие десятилетия общественный статус науки и престиж научной деятельности снизились. Так, в застойные годы произошло отставание советской науки по ряду ведущих направлений, а преобладающим стало ее «догоняющее» развитие. Особенно в сложном положении оказались фундаментальные исследования, которые определяют перспективы науки и научно-технического прогресса. Здесь до сих пор сказываются многие тормозящие факторы, унаследованные от времени господства командно-административных методов руководства, когда науке навязывались нередко такие направления исследований, которые не вытекали из логики ее собственного развития. И, напротив, многие новые перспективные области исследований не получили своевременной поддержки или даже запрещались, как, например, генетика.

В Казахстане постановка ряда обоснованных задач не обеспечивалась материально и организационно, что компрометировало научную политику в целом. Наука не была включена в необходимой мере в общую государственную плановую систему. Ученые редко привлекались для экспертизы проектов, решений, планов, а их мнение, если оно расходилось с интересами ведомств, игнорировалось, а подчас преследовалось. Особое тяжелое положение сложилось в развитии общественных наук. Историческая наука была фальсифицирована в угоду культу личности. Возрастало администрирование научного процесса, в нем насаждались догматизм и начетничество, самостоятельные авторские выводы и исследования подменялись бесконечным цитированием, получил распространение «иллюстративный метод», формальный логизм, живая творческая мысль ученых наталкивалась на непреодолимую схоластику канонов, выработанных сталинским «Кратким курсом...». Усиливался разрыв между словом и делом. Возникли многие аномальные явления в социальной и духовно-нравственной сферах, которые искажали и деформировали принципы социальной справедливости. Росло расхождение между высокими принципами науки и повседневной реальностью жизни. С одной стороны, — организация научных учреждений, создание на-

циональной Академии, невиданный рост научной интеллигенции, с другой — незаконные репрессии, уничтожение лучших представителей науки и культуры, насаждение казарменного режима в творческой деятельности.

Образование. До начала 1946 г. в республике действовало 24 высших учебных заведения, среди которых Казахский государственный университет им. С.М. Кирова (основан в 1934 г.), Казахский педагогический институт им. Абая (1928 г.), Казахский горно-металлургический институт, затем политехнический им. В.И. Ленина (1934 г.), Казахский сельскохозяйственный (1930 г.), зооветеринарный институты (1929 г.) и др. В 1946—1960 гг. были организованы институты — Карагандинский политехнический, Усть-Каменогорский строительно-дорожный, Целиноградский сельскохозяйственный, Семипалатинский зооветеринарный, Карагандинский и Актюбинский медицинские и ряд педагогических вузов.

Крупным центром высшего образования стал Казахский государственный университет им. С.М. Кирова. История развития университета в первые послевоенные годы связана с преодолением ряда трудностей: неукомплектованность кафедр преподавателями, нехватка учебных аудиторий, отсутствие лабораторий, а также необходимой литературы, слабость материальной базы, особенно на биологическом и химическом факультетах. Штат профессорско-преподавательского состава в 1946—1947 учебном году составлял всего 147 человек.⁷⁵ Для развертывания преподавательской и научно-исследовательской работы привлекались ведущие ученые республики. В вузах работали 63 совместителя в основном из АН Казахской ССР. В университете, например, читали лекции такие крупные ученые, как действительные члены АН Казахской ССР М.О. Ауэзов, К.И. Сатпаев и др. В эти же годы здесь сложился основной костяк профессорско-преподавательского коллектива университета. Ведущие кафедры возглавили доктор технических наук, профессор А.Б. Бектуров; доктор филологических наук, профессор С.К. Кенесбаев; доктор исторических наук, профессор С.Н. Покровский; доктор физико-математических наук, профессор К.П. Персидский и др. Всего в первый послевоенный год на 5 факультетах имелось 27 кафедр, готовились специалисты по 14 специальностям.⁷⁶

В 1940—50-е годы в КазГУ сложились научные направления и школы, занимавшиеся разработкой проблем, имевших теоретическое и практическое значение. В университете в этот период впервые в республике начали проводиться исследования в области ядерной физики. На кафедре экспериментальной физики студенты под руководством преподавателей наладили измерения содержания радия в минералах. Затем по мере накопления опыта, роста кадров кафедры и улучшения ее материально-технического оснащения, круг исследований значительно расширился. Большая часть исследований проводилась под руководством профессора В.В. Чердынцева, возглавлявшего кафедру в 1946—1960 гг. На механико-математическом факультете разрабатывалась теория устойчивости решений дифференциальных уравнений. Она велась более 15 лет под руководством профессора

К.П. Персидского и при участии работников кафедр дифференциальных уравнений, математического анализа, высшей алгебры и вычислительной математики. Учеными университета И.Д. Мосюковым и В.А. Сапой были получены новые результаты по механике переменной массы. Эти работы имели общетеоретическое значение.

Из направлений научных исследований, которые велись в НИИ АН Казахской ССР — проблемы ботаники, фотосинтеза, генетики, микробиологии, анатомии, физиологии и биохимии растений, зоологии, морфологии и физиологии нервной системы, биохимии человека и животных, и др. — ученые КазГУ избрали для своих разработок разделы, имеющие прикладной характер. Такие направления стали исследоваться на кафедрах дарвинизма и генетики (зав. — профессор Г.З. Бияшев) и почвоведения (зав. — доцент Н.М. Дурасов), которые открылись в 1947 г. Изучение фауны Казахстана возглавил в 1934 г. А.Н. Бартенев. Под его руководством началась широкая борьба за ликвидацию очагов малярии в республике. Другое направление — биоморфологическое — исследовалось под руководством академика АН Казахской ССР Б.А. Домбровского.

У истоков научно-исследовательской работы на химическом факультете КазГУ стояли известные в стране ученые Н.Н. Ворожнов, Б.Н. Рутковский, А.В. Думанский, А.Б. Бектуров, Б.А. Беремжанов, Д.В. Сокольский, М.Н. Азербайев, Т.К. Чумбалов, М.Т. Козловский, А.Ш. Шарифканов, О.А. Сонгина.

Одной из ведущих кафедр филологического факультета КазГУ стала кафедра казахской литературы, основанная в 1940 г. В ее организации и укреплении большую роль сыграл академик АН Казахской ССР, классик советской литературы М.О. Ауэзов. Он участвовал в организации научной работы по изучению казахской и русской литературы и языков, истории казахской культуры и культур других советских народов.

В 1943 г. на филологическом факультете КазГУ было открыто историческое отделение, которое в 1948 г. преобразовали в самостоятельный факультет с 5-летним сроком обучения. За время своего существования истфак выпустил целую плеяду талантливых преподавателей-историков, некоторые из них включились в научно-исследовательскую работу. В разные годы исторический факультет закончили академики АН Казахской ССР М.К. Козыбаев, Р.Б. Сулейменов, К.Н. Нурпеисов, доктор исторических наук А.Р. Ахметов и другие.

Первым юридическим учебным заведением Казахстана были созданные в 1926 г. в Кызыл-Орде юридические курсы, преобразованные вскоре в 2-годичную юридическую школу, которая с некоторыми перерывами существовала до 1954 г. В 1933 г. в Казахстане был основан Институт советского строительства. 28 апреля 1938 г. его преобразовали в Алма-Атинский юридический институт, ставший главным учебным заведением, в котором готовились юридические кадры. На начало 1945/1946 учебного года в институте насчитывалось 42 преподавателя, из них 3 профессора, доктора наук — С.Я. Булатов, М.А. Чельцов-Бебутов, С.М. Сидоров, 12 доцентов, кандидатов наук — Л.В. Дюков, В.Н. Маркелов, А.Н. Агеев,

В.А. Хан, Г.М. Маслов и другие.⁷⁷ Первый прием в аспирантуру вуза состоялся в 1947/48 учебном году. Однако вскоре в 1955 г. юридический институт был реорганизован в факультет КазГУ. В становление и развитие юридической науки, ее основных направлений в республике внесли важный вклад академики АН Казахской ССР С.В. Юшков, С.З. Зиманов. Интенсивное развитие юридической науки началось с середины 1950-х годов. Значительное внимание уделялось правовым проблемам, играющим важную роль в советском обществе. Проблемы юридической науки исследовались коллективами кафедр в следующих направлениях: теоретические основы и методы государственного управления, вопросы истории государства и права, теоретические и практические проблемы борьбы с преступностью, применения и совершенствования законодательства, регулирующего гражданско-правовые и хозяйственные отношения и др.

Таким образом, Казахский государственный университет стал одним из научных центров республики, где на кафедрах и в лабораториях изучались как фундаментальные проблемы современной науки, так и проблемы, отвечающие насущным потребностям народного хозяйства.

Признанием заслуг вузовских ученых было избрание 11 ведущих ученых университета в состав АН Казахской ССР в период с 1946 по 1960 гг.

Первым техническим вузом республики стал Казахский горно-металлургический институт, организованный 22 сентября 1934 г. Он готовил инженерные кадры для народного хозяйства республики. Значение вуза возросло в послевоенные годы, когда стал происходить быстрый рост производительных сил республики, качественные изменения в промышленности и потребовались инженеры новых специальностей. Необходимо было овладеть сложными геофизическими методами поисков и разведки месторождений полезных ископаемых, участвовать в автоматизации и комплексной механизации производства в горной промышленности и транспортном строительстве. Однако институт имел слабую материально-техническую базу, плохо оборудованные лаборатории. В этих условиях организация высокоэффективного учебно-воспитательного процесса для подготовки современного специалиста, равно как и налаживание научно-исследовательской работы, вырастали в сложную проблему (в 1945–1948 гг. в институте всего 10 человек занимались научной работой).

На 1 июля 1950 г. в институте работало 96 преподавателей, в том числе 10 профессоров, 31 доцент, 14 старших преподавателей, 11 преподавателей, 30 ассистентов.⁷⁸ На трех факультетах функционировало 25 кафедр.

Научно-исследовательская работа осуществлялась в следующих направлениях: проблемы новой техники в горной промышленности Казахстана, усовершенствование существующих и изыскание новых методов разработки месторождений полезных ископаемых, коренное улучшение технологии производства цветных и редких металлов на базе заводов Казахстана, изучение геологического строения и организация научно обоснованной разведки полезных ископаемых.⁷⁹

Труд отдельных ученых института, идеи и открытия которых помогли формированию новых научных направлений, дал хорошие результаты. Становление и дальнейшее развитие института связано с именами ученых-академиков АН Казахской ССР И.И. Бока, Е.А. Букетова, О.А. Байконурова, Ш.Е. Есенова, А.С. Попова, Е.Д. Шлыгина, А.А. Пефта, членов-корреспондентов А.В. Бричкина, Л.Г. Кушева, Д.К. Кшибекова, А.Ш. Машанова, Г.Ц. Медоева, И.А. Онаева, Г.Г. Сергиева, В.В. Стендера, профессоров А.А. Ашимова, С.Г. Анкиновича, Е.А. Анкинович, Л.В. Гульницкого, А.А. Ермекова и других.

К 1960 г. Казахский горно-металлургический институт (с 1960 г. — Казахский политехнический институт им. В.И. Ленина) становится одним из крупных учебных и научных центров республики.

В подготовке научно-педагогических кадров большую роль сыграл Казахский педагогический институт им. Абая — старейший педагогический вуз республики. Он был создан в 1928 г., и многие его выпускники стали ведущими учеными республики: доктора филологических наук, профессора К.Д. Джумалиев, Е. Исмаилов, М. Габдуллин, М. Балакаев, доктор физико-математических наук, профессор О.А. Жаутыков, доктор педагогических наук А.И. Сембаев, доктор биологических наук, профессор М.Ф. Авазбакиева и др.

На кафедрах института в разное время работали такие крупные ученые, как академик Е.В. Тарле, И.И. Мешанинов, С.Я. Малов, П.Н. Баранский, М.О. Ауэзов, А.Б. Бектуров, А.К. Жубанов, С.К. Кенесбаев, К.П. Персидский, С.А. Аманжолов, В.И. Тимоско, М.И. Ритман-Фетисов.

В послевоенные годы над созданием учебников и хрестоматий по казахской литературе для школ работали К. Джумалиев, М. Габдуллин, Ш. Карибаев, Ш. Ахметов, М. Аманов, М. Хасенов, Т. Акчулаков, А. Шарипов, М. Базарбаев, М. Сармурзин и другие.

Более 30 лет работал заведующим кафедрой КазПИ академик АН Казахской ССР К.Д. Джумалиев. Он занимался исследованием казахского фольклора, письменных памятников истории казахского народа, творчеством Абая, Махамбета. В 1958 г. вышел капитальный труд К.Д. Джумалиева «Казахский эпос и проблемы истории казахской литературы» в 2-х томах.

Один из основоположников казахской диалектологической науки, член-корреспондент АН КазССР, языковед-тюрколог С.А. Аманжолов в 1948—1958 гг. заведовал кафедрой казахского языка. Его научно-исследовательские труды посвящены изучению алфавита и орфографии, лексике, грамматике, истории языка, им созданы многочисленные учебники для вузов и средних школ по казахскому языку.

В этой большой научной работе наряду с достижениями имелся серьезный отрыв фундаментальных исследований от практических нужд народного образования. Многие вопросы методики обучения и воспитания в школах решались на уровне органов просвещения, тогда как они требовали комплексного подхода в выработке рекомендаций с участием ученых-педагогов.

В научно-исследовательской работе, в т.ч. и в КазПИ, наблюдалась распыленность тематики, не было координации с другими научными учреждениями, связи со школой.

В 1959 г. началась реорганизация в управлении высшими учебными заведениями. Министерство высшего образования СССР было преобразовано в союзно-республиканское Министерство высшего и среднего образования. В августе 1959 г. был организован Государственный комитет по руководству вузами и техникумами республики, который через год был реорганизован в Министерство высшего и среднего специального образования Казахской ССР.

До образования Комитета высшего и среднего специального образования Казахской ССР высшие учебные заведения республики были в подчинении разных ведомств – Министерства высшего просвещения, Министерства здравоохранения, Совнархоза, Министерства сельского хозяйства, т.е. не было единого руководства и планирования подготовки специалистов. После образования Комитета ему были переданы от различных ведомств 1 вуз, 25 средних специальных заведений и 5 вузов от Министерства высшего образования СССР, всего 151 учебное заведение.⁸⁰

Указанные мероприятия несколько улучшили подготовку квалифицированных специалистов, а также способствовали повышению уровня научно-исследовательской работы в вузах.

Таким образом, высшая школа республики в поисках форм и методов подготовки прошла сложный путь развития, претерпела значительные качественные и количественные изменения.

¹ История советского крестьянства. Т. 4. М., 1988, с. 100.

² Там же, с. 101.

³ Зима В.Ф. Послевоенное общество: голод и преступность // Отечественная история. М., 1995. № 5, с. 45.

⁴ Там же, с. 48.

⁵ Правда, 1947, 5 июня.

⁶ Зима В.Ф. Послевоенное общество: голод и преступность, с. 46.

⁷ Там же, с. 49.

⁸ Там же, с. 58.

⁹ Динамика посевных площадей, урожайности и валовых сборов основных сельскохозяйственных культур по Казахской ССР. А.-А., 1989, с. 3.

¹⁰ Шевяков А.А. Советская продовольственная помощь странам народной демократии // Социологические исследования. 1996. № 8, с. 5–6.

¹¹ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 3. М., 1968, с. 368.

¹² Динамика посевных площадей, урожайности и валовых сборов основных сельскохозяйственных культур по Казахской ССР, с. 3.

¹³ Валовой Д. Экономика в человеческом измерении. Москва, 1988, с. 79.

¹⁴ Там же, с. 6.

¹⁵ Динамика посевных площадей, урожайности и валовых сборов основных сельскохозяйственных культур по Казахской ССР, с. 3.

¹⁶ Животноводство Казахстана. А.-А., 1989, с. 7.

¹⁷ Лацис О.Р. Выйти из квадрата. М., 1989, с. 46.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Труд в СССР. Статистический сборник. М., 1988, с. 166; Народное хозяйство Казахстана. А.-А., 1973, с. 288.

- ²⁰ История советского крестьянства. Т. 4. М., 1987, с. 179.
- ²¹ Там же.
- ²² Власов И. О советском патриотизме // Пропагандист и агитатор Красной Армии. – 1947. – №5. – С. 15.
- ²³ РГАСПИ. Ф.17. Оп. 121. Д. 458. Л. 85.
- ²⁴ Правда. – 1949. – 12 мая.
- ²⁵ РГАСПИ. Ф.81. Оп. 3. Д. 125. Л. 188; Ф. 17. Оп. 88. Д. 898. Л. 17; Оп. 121. Д. 572. ЛЛ. 142–143.
- ²⁶ Якунин А. О применении понятия «наименьшее зло» в оценке присоединения к России нерусских народностей. // Вопросы истории. 1951. №11. СС. 83, 86.
- ²⁷ Вестник АН КазССР. – 1948. – №3. – С. 36.
- ²⁸ Правда, 1950, 26 декабря.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Архив РАН. – Ф. 1577. – Оп. 2. – Д. 261. – Л. 4.
- ³¹ Архив РАН. – Ф. 1577. – Оп. 2. – Д. 261. – Л. 73.
- ³² Архив РАН. – Ф. 1577. – Оп. 2. – Д. 261. – Л. 162.
- ³³ Архив РАН. – Ф. 1577. – Оп. 2. – Д. 261. – Л. 13.
- ³⁴ Архив РАН. – Ф. 1577. – Оп. 2. – Д. 261. – Л. 40.
- ³⁵ См.: Вестник АН Казахской ССР, 1951, – № 6. – С. 24–25.
- ³⁶ Вестник АН Казахской ССР, 1951, № 11. – С. 7–21.
- ³⁷ Бекмаханов Е.Б. Заявление секретарю ЦК КПСС Хрущеву Н.С. 15 июля 1953 г. // Мәдениет және тұрмыс. 1989. – № 11. – С. 15,21. № 12. – С. 21–22.
- ³⁸ ОВА МОН РК. – Ф.23. – Оп. 1. – Д. 479. – Л. 17–18.
- ³⁹ ОВА МОН РК. – Ф.23. – Оп. 1. – Д. 447. – Л. 1.
- ⁴⁰ Аяулы түлға. //Жалын. 1988. – № 5. – С. 52.
- ⁴¹ ОВА МОН РК. – Д. 447. – Л. 4.
- ⁴² ОВА МОН РК. – Д. 481. – Л. 1.
- ⁴³ ОВА МОН РК. – Ф. 23. – Оп. 1. – Д. 529а. – Л. 2.
- ⁴⁴ Мажитов С.Ф. Жизнь, деятельность и исторические взгляды Е.Б. Бекмаханова: Автореф. ... канд. ист. н.: 07. 00. 02. – А.-А., 1992. – 24 с.; Мажитов С.Ф. Историк Ермухан Бекмаханов. – Аст., Фолиант, 2005. – 264 с.
- ⁴⁵ Правда, 1953, 18 января.
- ⁴⁶ Турсунова М., Малиновский А. Институт истории не справляется со своими задачами // Казахстанская правда, 1953, 25 января.
- ⁴⁷ Архив АН РК, ф. 2, оп. 1, д. 457, л. 1.
- ⁴⁸ Там же.
- ⁴⁹ Задачи идеологической работы в АН Казахской ССР // Вестник АН Казахской ССР. 1951, № 11, с. 23.
- ⁵⁰ Сарсекеев М. Сатпаев. А.-А., 1989, с. 366.
- ⁵¹ Сатпаев К.И. Избранные статьи. А.-А., 1989, с. 415.
- ⁵² Кунаев Д.А. От Сталина до Горбачева. А.-А., 1994, с. 80.
- ⁵³ Архив АН РК, ф. 2, оп. 1, д. 143, л. 1.
- ⁵⁴ Там же, д. 115, л. 269.
- ⁵⁵ Там же, л. 269.
- ⁵⁶ Там же, 269.
- ⁵⁷ Галузо И.Г. Итоги августовской сессии ВАСХНИЛ и состояние и задачи биологических наук в АН Казахской ССР // Вестник АН Казахской ССР, 1948, №9, с. 27.
- ⁵⁸ Архив АН РК, ф. 2, оп. 1, д. 115, л. 270.
- ⁵⁹ Запись беседы с академиком АН Казахской ССР Н.У. Базановой.
- ⁶⁰ Архив АН РК, ф. 2, оп. 1, д. 115, л. 270.
- ⁶¹ Там же.
- ⁶² Там же, л. 129, л. 32.
- ⁶³ Там же.
- ⁶⁴ ЦГА РК, ф. 1479, оп.1, д. 5, л. 126–129.
- ⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Кананин А.К., Варшавский Л.Н. Искусство Казахстана. А.-А., 1958, с. 110.

⁶⁷ Там же, с.112.

⁶⁸ Материалы обсуждения балета В. Великанова «Камбар и Назым» // Казахстанская правда, 10 апреля 1951 г.

⁶⁹ Очерки по истории казахской музыки. А.-А., 1962, с. 182.

⁷⁰ Там же, с.211.

⁷¹ Жубанов А.К., Ерзакович Б.Г. Развитие искусства Казахстана. А.-А., 1962, с. 13.

⁷² АН КазССР. Справочник. А.-А., 1987, с. 5.

⁷³ Октябрь и наука Казахстана. А.-А., 1967, с. 191.

⁷⁴ Из выступления на совещании научных работников Казахстана // Казахстанская правда, 1961, 22 июля.

⁷⁵ Казахский государственный университет им. С.М. Кирова. А.-А., 1984, с. 32.

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ КазГУ им. С.М.Кирова, с. 185.

⁷⁸ ЦГА РК, ф. 1972, оп. 17, д. 5, л. 91.

⁷⁹ Байконуров О.А. Казахский горно-металлургический институт // Сб. трудов КазГМИ. А.-А., 1959, с. 12.

⁸⁰ ЦГА РК, ф. 1982, оп. 1, д. 286, л. 5.

Глава десятая

КАЗАХСТАН В 1953–1964 гг.

1. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ «ХРУЩЕВСКОЙ ОТТЕПЕЛИ»

Со смертью Сталина, последовавшей в начале марта 1953 г., началось ожесточенное соперничество за власть в партийно-государственном аппарате. Оказавшись без вождя, кремлевский двор окунулся в тайны новых политических интриг и изощренной борьбы, находивших отражение в резолюциях партийных пленумов.

Н.С. Хрущев.

С марта страной стал править триумvirат — Н.С. Хрущев, Г.М. Маленков, Л.П. Берия. Но 26 июня, прямо на заседании Президиума Совета Министров СССР, последний был арестован и вскоре расстрелян. С этого момента формальным лидером являлся Г.М. Маленков. После осуждения ЦК партии «фракционной деятельности антипартийной группы» В.М. Молотова, Л.М. Кагановича и Г.М. Маленкова у руля государства встал Н.С. Хрущев.

Свои преобразования он начал с аграрного сектора. Именно здесь концентрировались «болевые точки» народного хозяйства. Хлебная проблема продолжала будоражить страну, перманентно выводя ее на грань продовольственного коллапса. Производство зерна хронически не поспевало за потребностями государства (добавим: и соцлагеря). К 1950 г. численность населения увеличилась на 20 млн человек, в том числе городского на 10 млн¹ (эти годы отмечены массовым бегством из деревни). В 1953 г. в стране заготовили 31 млн т зерна, израсходовав на потребление 32 млн. Дефицит пришлось востребовать из государственных резервов.

Жизнь настойчиво требовала пересмотра традиционной политики в отношении деревни. В марте 1953 г. органы Совета Министров СССР начали детальную разработку новой концепции. Ее основные положения были изложены в докладе Г.М. Маленкова на августовской сессии Верховного Совета.

На сентябрьском (1953 г.) Пленуме ЦК КПСС идеи трансформации аграрной политики получили закрепление в виде директивных установок. В соответствии с ними предусматривалось резкое увеличение инвестиций в сельскохозяйственное производство. Наряду с ростом капиталовложений существенно повышались закупочные и заготовительные цены на некоторые виды сельскохозяйственных продуктов, смягчалась налоговая политика, корректировались вопросы оплаты труда, актуализировались другие фрагменты экономического стимулирования развития агросферы.

Ориентация на качественно иное содержание в аграрной политике была пронизана верой, что стоит лишь вывести на колхозно-совхозные структуры инвестиционные артерии, как они тут же раскроют «заложенный в их природе огромный потенциал». Принцип «чем больше вложишь — тем больше получишь», абсолютный для рыночной экономики, стал экстраполироваться на невосприимчивое к этой аксиоме социалистическое хозяйство. С этого момента он наряду со сталинской колхозной максимой «чем крупнее — тем лучше», отражавшей идею всемерной концентрации производства и обобществления труда, начинал определять экономические приоритеты государства в области сельского хозяйства (и не только его).²

На начальном этапе в рамках нового курса были предприняты отдельные меры по ослаблению государственной практики в отношении крестьянских хозяйственных подворий. В частности, с личных хозяйств колхозников была списана задолженность прошлых лет по обязательным поставкам продуктов животноводства государству, снижена сумма исчисляемого с них сельскохозяйственного налога (по отношению к 1952 г. он уменьшился в 1954 г. в 2,5 раза).³ Изменения в аграрной концепции получили, естественно, свою реализацию и в Казахстане. Объемы капиталовложений в сельское хозяйство нарастали здесь еще более стремительно, чем по стране в среднем (в значительной мере это объяснялось ставкой на Целину). В 1953–1958 гг. они увеличились по сравнению с 1946–1952 гг. более чем в 4 раза. Если в 1953 г. в сельскохозяйственное производство было вложено 97,2 млн руб., то в 1960 г. — 814,1 млн. Капиталонасыщенность посевных площадей в расчете на один гектар с 1953 по 1960 гг. возросла в 2,5 раза.⁴

Расширение инвестиционных потоков в направлении аграрного сектора создало предпосылки для бурного роста его материально-технической базы. С 1958 г. в связи с реорганизацией МТС (их техника стала продаваться колхозам): у них формировался собственный парк тракторов и других сложных сельскохозяйственных машин. Произошло беспрецедентное увеличение энергетических мощностей сельского хозяйства Казахстана. Количество тракторов (в 15-кратном исчислении) возросло с 49 тыс. в 1950 г. до 264 тыс. в 1958 г., комбайнов — соответственно с 16 тыс. до 96 тыс., автомобилей грузовых — с 8 до 74 тыс. В 1960 г. энерговооруженность труда одного рабочего совхоза составила в пересчете на традиционные коэффициенты измерения 23 л.с.⁵

Поворот «лицом к деревне» дал весьма ощутимые результаты, причем, неожиданно для руководства страны, почти сиюминутные. За пе-

риод с 1954 по 1958 гг. прирост валовой продукции сельского хозяйства составил 35,3 процента. Таких темпов колхозно-совхозная система не знала со времени коллективизации.

Советская экономическая наука дружно заговорила о «золотой пятилетке», о том, что благодаря «мудрости партийно-государственного руководства» сельское хозяйство страны доказало свою организационную способность к интенсификации производства, к таким темпам роста, которые не доступны «постоянно болеющей кризисами капиталистической экономике» и т.д. В эйфорию впало и руководство страны. Под влиянием произошедших сдвигов на селе оно уверовало, что механизмы динамики производства найдены и запущены в постоянное действие. Из этих иллюзий родились самонадеянные лозунги типа «Догнать и перегнать Америку по производству мяса, молока и масла!», «Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме!» и т.п.

Но вряд ли принималось во внимание, что интенсификация суть не просто наращивание капиталовложений, энергетических мощностей, численности поголовья скота, посевных площадей и даже увеличение выпуска продукции, а именно повышение эффективности производства. В контексте же этого решающего критерия экономика СССР не шла ни в какое сравнение с развитыми капиталистическими странами.

Однако органы, призванные отслеживать тенденции в народном хозяйстве (Совмин, Госплан, ЦСУ, наука и т.д.), а по большому счету — и сам правящий режим, не нуждавшийся в рационализации своей деятельности, продолжали насаждать в общественном сознании инсинуации, пронизанные апологетикой «самого прогрессивного советского строя». Эзотеричность, мания засекречивания экономической и социальной информации на всех ее уровнях, присущие «закрытому обществу», не позволяли ему самоидентифицироваться на фоне реальных (а не идеологически надуманных) оппозиций к другим структурам, моделям и качествам развития. Сравнительный анализ, необходимый для критического осмысления и понимания хозяйственной ситуации (захоти того даже ЦК КПСС) не мог быть получен и в силу идеологической ориентации и заданности экономических теоретико-концептуальных конструкций, их методологического инструментария и понятийно-категориального аппарата. Отсюда благостные картины, рисовавшиеся в тот период развития страны.

Между тем по сравнительно более поздним альтернативным оценкам становится очевидным, что уровень интенсификации экономики, и особенно сельского хозяйства, оставался в рассматриваемые годы неадекватным широкомасштабности предпринятых мер.

Конечная продукция сельского хозяйства (валовая продукция за вычетом текущего потребления на производственные нужды в самой отрасли) в своих средних годовых показателях составила в стране в 1951–1955 гг. 50 млрд долларов, в 1961–1965 гг. — 79,5, тогда как в США — соответственно 118 и 137,5 млрд долларов. Годовая выработка на одного занятого в сельском хозяйстве в рассматриваемые пятилетия фикс-

сировалась в СССР в пределах 1600 и 2500 долларов (в США — 19 625 и 31 250 долларов, в ФРГ — 5300 и 9700, во Франции — 4750 и 8900, в Великобритании — 10 150 и 17 450 долларов). Уровень производительности труда в аграрном секторе США в это же время был выше, чем в СССР, в 12,3 раза, во Великобритании — в 7, в ФРГ — в 3,9, во Франции — в 3,6 раза.⁶

Вместе с тем СССР обгонял названные страны по темпам наращивания техники, масштабам пространственного расширения сельскохозяйственного потенциала (посевные площади и т.д.). Огромны были и трудовые ресурсы, задействованные в сельском хозяйстве. В 1951–1955 и 1961–1965 гг. здесь было занято 32 млн человек, в то время как в США — 6,0 и 4,4 млн., в ФРГ — 4,8 и 3,2, в Великобритании — 1,2 и 0,9 млн человек.⁷

Все эти цифры говорят о том, что в рассматриваемые годы подвижки в сельскохозяйственном производстве происходили не за счет качественных, а за счет количественных моментов. Другими словами, экстенсивный механизм колхозно-совхозной системы не был сломан. Более того, он продолжал раскручиваться, набирая все большие обороты.

Думается, однако, что и экстенсивные факторы по своей роли и значимости в беспрецедентном росте валовой продукции сельского хозяйства в 1954–1958 гг. уступали личным подсобным хозяйствам. Это становится очевидным, если учесть, что в 1958 г. в этом секторе было сосредоточено 43,6 процента всего крупного рогатого скота, 34,6 — поголовья коров, 23,7 — поголовья свиней, 17 — поголовья овец и 47,5 процента — поголовья коз. Личные подсобные хозяйства давали 36,2 процента всего производства мяса, 45,6 — мяса, 16,4 — шерсти. Ими обеспечивалось 27 процентов товарной продукции мяса, 16 — молока, 61 — яиц, 11 процентов — товарной продукции шерсти. Еще более высокие соотношения были в овощеводстве, садоводстве и т.д.⁸

Однако и в рассматриваемые годы Хрущев придерживался генеральной линии партии на выкорчевывание всяких проявлений частной собственности, тотальное обобществление сельского хозяйства. Даже колхозы с их якобы кооперативной формой собственности рассматривались как временная стадия перехода к более высоким общественным (читай: огосударствленным) структурам. Отсюда — во многом программные тезисы о стирании граней между городом и деревней, различий между промышленным и сельскохозяйственным трудом, идеи о создании агрогородов, поселков городского типа, индустриализации сельского хозяйства, понимаемой не только и даже не столько как его промышленная модернизация, а как средства придания колхозникам статуса, социального облика и стереотипов рабочего. В этом же ряду действовала и усилившаяся установка на преобразование колхозов в совхозы. Хотя здесь присутствовали экономические мотивы, они отлично вписывались в идеологическую доктрину о сближении государственной и колхозно-кооперативной форм собственности, в миф об общенародной собственности как неизбежном будущем социалистического развития.

Что касается личных подсобных хозяйств, то они еще со времен коллективизации рассматривались как вынужденное неудобство, с которым в критические моменты продовольственного напряжения приходится мириться, но которое рано или поздно надо будет ликвидировать, ибо без этого не достигнуть полного «раскрестьянивания», столь победно начатого в годы сталинского «великого перелома».

Уже в марте 1954 г. Совет Министров СССР принял постановление, в соответствии с которым уменьшались размеры приусадебных участков. Ровно через два года (6 марта 1956 г.) выходит постановление «Об уставе сельскохозяйственной артели и дальнейшем развитии инициативы колхозников в организации колхозного производства и управлении делами артели». За мудреным названием документа стояли новые запретительные акции, должны были сократить приусадебный земельный фонд, ибо «использование земель в общественном хозяйстве при наличии в МТС большего количества техники и высокой механизации будет несравненно выгоднее, и колхозники в конечном счете будут получать доход значительно больше...».⁹ Желаемое, однако, не стало действительным, и колхозники по-прежнему имели больше в своем бюджете от личного хозяйства, чем от общественного.

«Соединить личный и общественный интерес», т.е. сделать труд в колхозе экономически гораздо более выгодным, чем в личном подворье, пытались и путем введения авансирования, перехода на денежную гарантированную оплату труда.¹⁰ Но эти, а также и другие меры по совершенствованию распределительных отношений не смогли в полной мере компенсировать все более сужавшиеся возможности подсобного хозяйства как источника личного потребления.

Как полагают многие специалисты, свою эффективность аграрные реформы сохраняли где-то до 1957–1958 гг. Далее начинается очередной спад. В 1965 г. валовая продукция сельского хозяйства Казахстана составила по отношению к 1960 г. всего 92 процента. За вычетом действия экстенсивных факторов (целина и многократный рост численности занятых в аграрной сфере) падение темпов роста представляется еще большим.

Преобладающий упор на экстенсификацию продолжал оказывать деформирующее влияние и на развитие промышленности. Момент этот многократно усиливался действующими идеологическими установками, в рамках которых экономика рассматривалась не только как условие жизнеобеспечения общества, но и важнейшая область состязательности двух систем: социализма и капитализма.

При этом в качестве главного соперника видели США. В это время здесь под воздействием рыночных механизмов (конкуренции и конъюнктуры) произошли структурные передвижки в промышленности. Удельный вес добывающего сектора в валовом национальном продукте снизился до 5 процентов (1959 г.), тогда как обрабатывающего сектора составил более 20.¹¹ Но и внутри последнего менялись «полюсы роста». С трудозатратных отраслей переходили на менее материало-, энерго- и капиталоемкие. Наблюдалась заметная переориентация потоков труда и капиталовложений с традиционных видов производств (черной и

цветной металлургии, угольной промышленности и т.д.) на высокотехнологичные современные.

В СССР промышленная политика определялась субъективно-волевыми факторами, исходящими от руководства страны, которое продолжало верить, что исход соревнования будет определяться динамикой базисных отраслей (металлургии, добычи угля и железной руды и т.д.). Поэтому не случайно, когда Г. Маленков выдвинул довольно мягкий тезис о возможности опережающего развития легкой промышленности по сравнению с тяжелой индустрией, Н. Хрущев буквально зашелся в приступе идеологического гнева. Выступая на январском (1955 г.) Пленуме ЦК, он квалифицировал это как «отрыжку правого уклона, враждебных ленинизму взглядов, которые проповедовали Рыков, Бухарин и другие».¹²

Начинал раскручиваться очередной виток экстенсификации. Гигантские ковши шагающих экскаваторов врезались в породу, оставляя после себя «лунные» пейзажи горнодобывающих карьеров, дымы новых заводских труб еще больше окутывали города, партии заключенных отправлялись на «химию» (на поселения в места, где возводились химические комбинаты). «Стройки коммунизма» шагали по стране, которая «требовала еще больше руды, угля, стали, чугуна и т.д.».

В Казахстане только к 1960 г. было построено и введено в действие 83 крупных промышленных предприятия. В это время в республике получает развитие топливно-энергетическая база. В Карагандинском угольном бассейне было введено в действие более десятка крупных шахт и обогатительных фабрик. К 1955 г. свыше 2 млн т угля (добыча угля осуществлялась открытым способом) дал Экибастуз. В эти же годы началась эксплуатация Усть-Каменогорской гидроэлектростанции, тепловых электростанций в Жезказгане и Жамбуле. Увеличились мощности Карагандинской, Чимкентской и других ТЭЦ. Выработка электроэнергии возросла в республике в 2 с лишним раза, в том числе гидроэнергии — в 5 раз.

К 1960 г. общий объем промышленной продукции составил по отношению к 1940 г. 732 процента. В этом году вошел в строй действующих Иртышский химико-металлургический завод, на котором впервые в стране было налажено промышленное производство целого комплекса редкоземельных элементов и редких металлов. В 1957 г. начал отгрузку продукции крупнейший в стране Жезказганский комбинат, построенный на базе Соколовско-Сарбайского месторождения. На рудах Атасуских месторождений стал работать с полным производственным циклом Карагандинский металлургический завод.

По-видимому, именно здесь будет уместным вспомнить то трагическое событие, которое связано со строительством Карагандинского металлургического завода. Оно, пожалуй, впервые после XX съезда КПСС, осудившего Сталина, показало, что Система отреклась от его имени, но отнюдь не от сталинизма и продолжает оставаться тоталитарно-антиправовой, способной решать любые социальные и политические конфликты исключительно в контексте привычных репрессивных методов.

Сооружение Кармета (в г. Темиртау Карагандинской области) было объявлено всесоюзной молодежной стройкой. По линии ЦК комсомола сюда со всех концов страны прибывало огромное количество молодежи. В 1959 г. на Казахстанской Магнитке работало 25,5 тыс. человек, среди них несколько тысяч юношей и девушек, не достигших совершеннолетия.

Спекулируя на энтузиазме молодых, не зная проблем с рабочей силой, партийные и советские функционеры, а также чиновники-хозяйственники абсолютно игнорировали задачи усовершенствования организации труда на стройке, мало обращали внимание на решение вопросов культурно-бытового и жилищного строительства.

Многие рабочие не имели занятости или были задействованы на низкооплачиваемых операциях (земляные работы вместо простаивавших экскаваторов). Множество людей жило в палатках. На 31 тыс. строителей, проживавших в восточной части г. Темиртау, имелось столовых лишь на 1300 посадочных мест, на тысячу человек приходилось только 3,5 больничных койки (а травматизм на стройке превышал всякие нормы), 55 школьных и 6 дошкольных мест. Нередки были перебои с хлебом и питьевой водой.

...В субботу, 1 августа 1959 г. группа рабочих направилась в столовую, но так и не смогла пообедать (все столовые были закрыты). Это вызвало возмущение, а в последующем — и стихийные волнения рабочих (среди которых были и люди далеко не комсомольской репутации и даже судимые, именно они пытались направить толпу в русло противоправных действий).

Далее события развивались по закону действия постоянно возбуждаемой массы (погром отделения милиции, захват универсама и т.д.). По законам Системы развивались события и с обратной стороны: была стянута милиция, подтянуты войска. Непонятно кем санкционированная команда вызвала беспорядочный огонь милиции и солдат.

Когда 4 августа 1959 г., т.е. на следующий день после пика трагических событий, в Темиртау приехали тогдашний секретарь ЦК КПСС Л.И. Брежнев (его направил сюда Н. Хрущев) и руководство республики, уже можно было подводить кровавые итоги «умиротворения»: 16 убитых и свыше 50 раненых в результате незаконного применения милицией и военными оружия. Охрана порядка в городе передавалась армии, особое положение обеспечивали около двух полков (чуть ли не дивизия) военнослужащих.¹³ Таков был первый опыт, далее будут Новочеркасск (июнь 1962 г.), Алма-Ата, Тбилиси, Вильнюс, Баку и т.д.

... «Вот возведем еще один сталелитейный завод, освоим еще одну горно-обогатительную фабрику — и тогда полностью удовлетворим наши ресурсопотребности», — примерно так думалось в верхах. Но чем больше расширялась промышленная инфраструктура, тем острее становился дефицит. И в этом не было парадокса. Новые дети экстенсификации — стройки, заводы и фабрики, появившиеся на промышленной карте страны, увеличивали круг и без того уже многих потребителей, стучавшихся в кабинеты распределительных органов (Совмин,

Госплан и т.д.) с требованием своей доли в получении угля, чугуна, стали, электроэнергии и т.д.

А доли эти были огромны. Катастрофическое отставание в структурной и научно-технической политике порождало моральный износ оборудования, ресурсозатратные технологии и т.д. Попытки снять проблему директивным путем не увенчались успехом: доля народнохозяйственного эффекта от внедрения достижений науки и техники упала с 12 процентов в 1950—1960 гг. до 7,4 в 1961—1965 гг.¹⁴ Гигантские (для того времени) капиталовложения пропадали в черной дыре экономики. Экстенсивная природа социалистического хозяйства пожирала саму себя.

Тянули на себя одеяло союзники по соцлагерю, а также «прогрессивные режимы» и «антиимпериалистические» движения. Тяжелейшим прессом давили на бюджет страны лобби из непроизводительного военно-промышленного комплекса. Одинаково бедно одетый советский народ с подлинным чувством восторга рукоплескал первым космонавтам, а в это время в квадрат «А» тихоокеанской акватории один за одним запускались «эшелоны масла» в виде очередных учебных запусков баллистических ракет. Мы, наверное, уже никогда не узнаем, каких средств и напряжений стоили стране байконурский ракетно-космический комплекс или взрывы на Семипалатинском атомном полигоне (принесшем столь много трагического народу Казахстана). За каждой пионерской научно-технической идеей, способной реализоваться в военных целях, тут же следовала очередная мобилизация ресурсов общества, воздававшая взамен лишь гордость за супердержаву и осознание временного выхода страны на военно-промышленный приоритет. На путях гонки вооружений научно-технический прогресс противостественным образом работал не на благосостояние советского человека, а, наоборот, ущемлял его право на достойный уровень жизни.

Нельзя не сказать, что в годы правления Н. Хрущева государство впервые повернулось лицом к жилищной проблеме. До него миллионы и миллионы людей ютились в коммуналках (в каждой комнате по семье), обветшалых домах. Лишь немногие получали привилегию жить в отдельных квартирах в элитарных домах, построенных в канонах сталинской фундаментальной архитектуры. Массовое жилищное строительство осуществлялось по относительно дешевым типовым проектам. Сегодня эти микрорайоны и «хрущевские» поселки (двухэтажки) представляются архитектурным анахронизмом. Но тогда именно благодаря их массовому и быстрому строительству люди были вызволены из сырых подвалов и коммуналок, обретя счастье иметь собственную квартиру. По аналогии с новостроечным районом Москвы во всех городах стали появляться свои «Черемушки» (в Алма-Ате, например, это микрорайоны). Если в 1950 г. в Казахстане было построено жилья общей площадью 2103 тыс. кв. м., то в 1960 г. — 7447 тыс. Это был буквально жилищный бум.¹⁵

В этот же период, после десятилетий застоя, довольно широко развернулось производство предметов массового потребления, многие из которых были для населения в диковинку. Дворовые мальчишки целой

ватагой ходили к своему более счастливому другу смотреть телевизор, а его такая же счастливая мама одалживала подружке стиральную машину. Появились магнитофоны, на смену бабушкиным буфетам и этажеркам приходили супермодные тогда серванты, мужчины с гордостью шеголяли в «безразмерных» носках и отливавших белизной нейлоновых рубашках.

Говоря более строго, благодаря количественному и качественному росту производства потребительских товаров произошла диверсификация «законсервированного» до того времени общественного стандарта потребления. Тем не менее объемы выпускаемых в этой сфере (группа «Б») товаров далеко не отвечали масштабам спроса населения, доходы которого в результате ряда предпринятых мер существенно выросли. Так, в 1960 г. на почти 10-миллионное население в Казахстане было произведено всего 35,5 тыс. стиральных машин, 127 тыс. электроутюгов, 1,2 тыс. диванов-кроватьей, 14 тыс. сервантов, 0,6 тыс. деревянных кроватьей и т.д.¹⁶ Понятно, что производство некоторых товаров вообще отсутствовало в республике, а потому она ввозила их. Но дефицит наблюдался по всей стране.

Не удовлетворял людей и узкий ассортимент товаров. Они хотели приобретать более разнообразные и модные вещи. Рыночная экономика моментально отреагировала бы на такую «прихоть», ибо ее принцип — «спрос рождает предложение». Однако в директивно-плановом хозяйстве номенклатура товаров расписывалась по пятилеткам. А это значит, что общественный стандарт потребления как бы замораживался на пятилетие.

Иначе говоря, государство навязывало населению спрос: какие именно товары покупать. Естественно, только те, что в ту или иную пятилетку будет выпускать советская экономика. А чтобы эта, чисто тоталитарная претензия не выглядела слишком обнаженно, то включалась идеологическая машина.

Скажем, в кинопрокате запрещался показ пусть даже идеологически безобидных фильмов, где советские люди могли увидеть западную «красивую жизнь» и сделать сравнение своей обыденности с ней. Модные пиджаки и узкие брюки, джинсы и яркие рубашки, обувь на микропоре (производство которой до поры до времени просто не могла освоить советская промышленность) объявлялись вкусами буржуазной растленной культуры, а их носители — стилягами и тунеядцами (за ношение рубашки «Парагвай», где всего-то была нарисована пальма, дружинники на улице запросто могли забрать в отделение милиции). Но как только производство примерно таких же товаров (например, той же обуви на микропоре) налаживалось в СССР или соцстранах, они тут же выводились из-под идеологического огня. Другими словами говоря, потребительская конъюнктура и массовый спрос получали идеологическую санкцию.

В литературе уже много писалось, что именно в рассматриваемый период, т.е. при Н. Хрущеве, благосостояние и уровень жизни народа обрели тенденции к росту. Вряд ли кто будет оспаривать это положение, тем более люди того поколения, что познали голод и холод, безысходность и подавленность в сталинское время, страдания военного лихо-

летья. Но с позиций сегодняшнего критического переосмысления истории следует признать и то, что государство могло делать для своих граждан во много крат больше, в случае отказа от координат административно-командной системы.

2. ЦЕЛИНА: ДОСТИЖЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ

В начале 1950-х гг. страна испытывала достаточно острый продовольственный кризис. Вольно или невольно, но новое руководство должно было продемонстрировать обществу свое видение выхода из него.

Теоретически ситуация могла развиваться по двум направлениям. Первый вариант выхода из кризиса предполагал радикальную развязку, а именно: глубокую трансформацию системы производственных отношений, т. е. переход к рыночным механизмам, а также включение личного интереса, что было достижимо лишь по мере приватизации собственности, и прежде всего — на землю. Понятно, что подобное развитие событий не обсуждалось даже гипотетически. В целях самосохранения Система выбрала гораздо более привычную, так сказать экстенсивную модель решения проблемы. Смягчить (а затем устранить) продовольственный коллапс предполагалось за счет резкого увеличения зернового клина. В этой связи был взят курс на распашку гигантских земельных массивов на востоке страны, т. е. освоение целины. Для этого не надо было поступаться идеологическими догмами. Достаточно было собрать в единую армаду тракторы и, обыгрывая энтузиазм народа, совершить марш-бросок за Урал.

Надо сказать, что идея целины, выдвинутая Н. Хрущевым, не находила поддержки в высшем руководстве партии. По воспоминаниям Н. Мухитдинова (тогда первого секретаря ЦК Компартии Узбекистана), на одном из заседаний Президиума ЦК КПСС К.Е. Ворошилов заявил Хрущеву: «Никита, ты забываешь или не знаешь Россию. Посмотри, в каком положении исконно русские области! В бедственном! Целые деревни, хутора запущены, сплошь бездорожье. Люди не могут одеться, обуться! Многие страдают от безработицы, отсутствия условий для жизни, а ты хочешь государственные деньги еще больше закопать в песках Казахстана!». Более безапелляционно высказался В.М. Молотов, бросивший Хрущеву реплику: «Ты ломаешь себе шею на целине», на что Н.С. Хрущев твердо ответил: «Какие бы трудности и сопротивление ни были, мы добьемся цели!». ¹⁷

В известном смысле целина сыграла роль фактора, сработавшего на реанимирование входившей в состояние комы Системы, оттянув ее агонию еще на долгие годы (подобно тому, как чуть позже Самотлор позволит долгие годы держать страну на «углеводородном наркотике», создавая иллюзию благополучия). Можно предположить, что если бы не целинный маневр, то возможности для сохранения Системы в неизменном виде оказались бы еще более суженными.

Отвергая данный тезис, некоторые исследователи утверждают, что Н. Хрущев просто не имел другого выхода, ибо подъем зернового произ-

водства в традиционно сложившемся земледельческом ареале (Украина, юг России и т.д.) был в то время невозможен в силу недостаточного развития химической отрасли, т.е. промышленности удобрений.

Между тем даже за пределами рыночно-приватизационной возможности, т.е. в рамках примитивного экстенсивного варианта, имелись достаточно приемлемые, во всяком случае, альтернативные по отношению к «целинной идее» пути разрешения проблемы. Их просто не могло не быть, если учесть хотя бы ту данность, что из 300 млн га черноземных и черноземовидных почв мира 190 млн га, или две их трети, находилось в СССР. Это ли не гигантский резерв! Кроме того, можно вспомнить, что в 1954–1958 гг. средняя урожайность зерновых составила на целине всего 7,3 ц/га, а в 1962–1965 гг. и того меньше — 6,1 ц/га. Как справедливо утверждают экономисты, при таком положении прирост урожайности в целом по стране даже на один центнер по своему результату был бы фактически равносителен освоению всей целины. Добавим, что для поднятия урожайности на один центнер вовсе не требовалось «большой химии», достаточно было придерживаться технологической дисциплины или, допустим, провести на полях снегозадержание.

Наиболее масштабные распахивания предполагалось осуществить на севере Казахстана. С этого времени именно целина становится наиболее зримым символом восприятия образа Казахстана, предметом особой заботы руководства республики и страны в целом. Что касается Н. Хрущева, то для него она стала важнейшим критерием подбора и расстановки руководящих кадров в республике. Уже на сентябрьском (1953 г.) Пленуме ЦК КПСС он подверг резкой критике руководство Казахстана за недостаточную реализацию сельскохозяйственного потенциала. В этой связи руководителям партийной организации и правительству республики было предложено (в директивном порядке) разработать конкретный план подъема целинных земель. В конце ноября 1953 г. такой план был представлен в ЦК КПСС. В соответствии с ним предполагалось, что в течение 1954–1957 гг. посевные площади в Казахстане будут увеличены на 2,5 млн га.¹⁸

Ж. Шаяхметов.

Однако в правительстве СССР уже разрабатывался план гораздо более крупномасштабных распахиваний целины, и не за четыре, а за один-два года. Поэтому вскоре Москва снимает с должности секретаря Казахской партийной организации Ж. Шаяхметова, а затем и председателя Совета Министров Н. Ундасынова. Новым главой правительства был назначен Д. Кунаев, а для «укрепления партийной организации республики» Центр направил сюда одного из организаторов партизанского движения в годы войны, а тогда министра культуры СССР П. Пономаренко (первым секретарем республиканской партийной организации) и первого заместителя начальника Главного политического управления Советской Армии Л. Брежнева (вторым секретарем).

Трудно сказать, сколько раз бывал Л. Брежнев на западе, востоке или юге республики, но целину посещал часто, чем заслужил в даль-

нейшем расположении Н. Хрущева (после XX съезда партии в 1956 г. стал секретарем ЦК КПСС). Сам же лидер страны шесть раз приезжал в Казахстан, неизменно бывая при этом на целине. К 1962 г. по его инициативе пять северных областей республики были объединены в Целинный край (Н. Хрущев: «...Пора переходить на краевое управление народным хозяйством, а в перспективе исчезнут границы между республиками»)¹⁹ со «столицей» в г. Акмолинске, переименованном им же в Целиноград: «С этой могилой (Акмолу ему представили как «белая могила») надо кончать и город переименовать в Целиноград!».

Здесь будет уместным сказать, что в отношении целинного региона у Н. Хрущева было в разное время немало задумок, многие из которых были в духе его печально знаменитых волюнтаристских экспромтов. Так, он, например, поддерживал первого секретаря Целинного крайкома Компартии Казахстана Соколова, который инициировал идею создания 16-й «Целинной» союзной республики со своими ЦК и Советом Министров (в которые должны были быть преобразованы в Крайком Компартии Казахстана и Крайисполком).²⁰

Если рассматривать целину в призме современных социально-экономических и политических реалий, то ее роль для республики несомненна. Во многом благодаря ей Казахстан стал входить в так называемый зерновой пояс Земли — довольно узкую полосу в Северной Америке (Север США и Канада), Европе (Франция, Украина, юг России), в Южном полушарии (Аргентина и Австралия). Именно эти страны контролируют конъюнктуру мирового рынка зерна. Вследствие включения в хозяйственный оборот целинных распахов в Казахстане стало производиться на душу населения от 1,5 и более тыс. кг зерна. Между тем согласно мировой практике для снятия продовольственной проблемы достаточно иметь показатель в пределах 1 тыс. кг. Таких стран насчитывается в мире немного: Канада, Австралия, США, Франция, Венгрия и др. Следует также иметь в виду, что 90–95% мировых посевных площадей, отводимых под хлебные злаки, занимают мягкие пшеницы, тогда как целинный регион Казахстана производит преимущественно твердую пшеницу, ее сильные сорта, отличающиеся высоким содержанием белка. Именно в Казахстане находится один из крупнейших миро-

На целине.

вых массивов производства твердой пшеницы. (Для сравнения: из сотни килограммов муки, произведенной из зерна с низкими технологическими качествами, выпекают 91 кг хлеба, а из такого же количества муки из сильного зерна — 115 кг; 20–30% сильной пшеницы, добавленной к слабому зерну, уже позволяют получить качественный хлеб.) Следовательно, в результате освоения целинных земель республика получала все предпосылки не только для полного удовлетворения собственных потребностей, но и для выхода на мировой рынок в качестве страны-экспортера высокотехнологичного зерна. (Сегодня Казахстан поставляет высококачественное зерно почти в сорок государств.)²¹ Например, в период 1976–1985 гг. среднегодовой резерв зерна на экспорт составлял 14,4 млн т, что при мировой цене в 100 долл. за тонну было потенциально эквивалентно 1,4 млрд долл.

Однако для характеристики столь масштабной социально-экономической акции представляется важным рассмотреть здесь и другие ее аспекты. А именно: экологическую рациональность, экономическую целесообразность и социальную эффективность «целинной эпопеи».

Уже в первые годы (1957–1958 гг.) в результате беспрецедентных распахов начались пыльные бури на легких почвах в Павлодарской области, а в начале 1960-х гг. процессы выдувания почв охватили земли всего целинного региона. К 1960 г. в Северном Казахстане было подвержено ветровой эрозии более 9 млн га почв, что равнялось тогда примерно всей сельскохозяйственной площади такой страны, как Франция. Правда, в дальнейшем были разработаны почвозащитные системы земледелия, в частности, безотвальная обработка почвы (отвальный плуг был заменен на плоскорез, что позволяло сохранить стерню и другие органические остатки). Однако, как отмечают специалисты-экологи, любые мероприятия в современных их формах смягчают негативные явления, но не обеспечивают необходимой защиты окружающей среды. Следовательно, даже шадящие системы обработки почв не решают проблемы, а что касается основы степного целинного земледелия — паров, то, как известно, чистый пар наиболее подвержен ветровой и особенно водной эрозии и, следовательно, является сильным источником потерь почвенного плодородия.

Советский Союз терял больший объем верхнего слоя почв, чем любая другая страна. Подробная информация о масштабах эрозии в стране отсутствовала, однако, по самым осторожным оценкам Института всемирного наблюдения Лестера Брауна (США), потери верхнего слоя почвы на пахотных землях бывшего СССР составляли почти 2,3 млрд т в год,²² причем значительная часть их приходилась на целинные районы Казахстана. За период освоения целинной пашни потери гумуса из пахотного горизонта превысили 1 млрд т, или 1/3 его исходных запасов в черноземах и каштановых почвах. Наблюдались не только дегумификация, но и существенное ухудшение структуры и водных свойств, что неизбежно вело к снижению устойчивости почв к эрозии.

Гумусный слой разрушался, а вместе с гибелью его каждого миллиметрового слоя на одном гектаре терялось 76 кг азота, 240 кг фосфора,

800 кг калия, и никакая «большая химия» не способна была компенсировать эти потери. Слой этот весьма тонкий: если представить Землю в виде футбольного мяча, то гумусный слой почвы должен быть изображен ободочкой тоньше человеческого волоса.

Гигантские распашки повлекли за собой и региональное нарастание засушливости. Так, из 25 лет (с 1960 по 1985 г.) 23 года оказались в районах целинного Казахстана, Нижней Волги и других районах засушливыми.

На современном уровне эколого-географического прогноза предугадать региональные и глобальные последствия масштабных антропогенных (в данном случае — агрогенных) воздействий на природную среду трудно, но не вызывает сомнения, что такое воздействие вызывает деградацию отдельных компонентов биосферы Земли, приводит к разбалансировке исторически сложившихся круговоротов и общему качественному перерождению. Разрушение же эволюционно возникшей качественной определенности и специфичности делает проблематичным дальнейшее развитие цивилизации.

Таким образом, целинные земельные распашки в Казахстане (в 1954—1960 гг. здесь было поднято 25,5 млн га) не могли не дать масштабных негативных проекций. Приняв курс на освоение целины, отражавший стратегию глобально расширяющегося (экстенсивного) природопользования, партийно-государственное руководство проигнорировало общегуманитарный принцип «Земля — наш общий дом», взяв тем самым на себя моральную ответственность за грядущие экологические катаклизмы. Гигантская зона рискованного земледелия, формировавшаяся на пространствах Востока, была рискованна не только по отношению к урожаям, но, прежде всего и главным образом, в плане экологии нашего общего дома — планеты Земля.

Что касается экономической целесообразности, то этот аспект трудно иллюстрируется, поскольку такие подсчеты статистика просто не вела. Поэтому вряд ли кто точно знает, какова действительная цена экономических издержек легендарных казахстанских миллиардов пудов хлеба.

Тем не менее, если учесть, что в целинный гектар засеивалось от 1 до 2 ц зерна, а собиралось не более 6—9 ц (в 1954—1958 гг. средняя урожайность была на уровне 7,3 ц/га, а в 1961—1965 гг. — 6,1 ц/га),²³ то вопрос об экономической целесообразности предстает весьма актуальным. На величину издержек производства влияли и масштабы привлечения трудовых ресурсов. Ежегодно на целину прибывала огромная масса студентов, городских жителей, комбайнеров и механизаторов из других областей и республик. Так, в 1956 г. (первый случай, когда Казахстан дал 1 млрд пудов хлеба) на уборку урожая со всех концов страны было стянуто около 12 тыс. комбайнеров, 20 тыс. шоферов с соответствующей техникой, десятки тысяч студентов (как пелось в комсомольских песнях, это был их «третий трудовой семестр»). Кроме того, на «хлебный фронт» регулярно посылались десятки армейских автомобильных батальонов, тысячи солдат срочной службы и воинов резерва. Порой число занятых на хлебной ниве достигало более 1 млн человек. Все это, безусловно, сказыв-

валось на рентабельности зернового производства, его себестоимости. Огромны были и энергетические затраты, которые росли в силу поистине бескрайних просторов целинных совхозных земель (только транспортировка хлеба с полей до совхозного зернотока требовала огромного количества энергоносителей).

Ориентировавшаяся на методологию экстенсификации, советская агроэкономическая наука считала, что для решения продовольственной проблемы важно достигнуть такого положения, чтобы на душу населения приходился как минимум гектар пашни. В этом плане в 1950-х гг. в СССР отмечался дефицит в 50 млн га. Поэтому цифра в 42 млн га распаханной в стране целинной нови отнюдь не случайна. Задача, поставленная научными авторитетами, была решена — каждый советский человек «получил» по гектару. На долю СССР приходилось 16 % всех зерновых площадей на земном шаре (для сравнения: КНР — 13, Индия — 14, США — 8,5%). Однако проблема осталась.

Располагая гигантским сельскохозяйственным потенциалом, страна тем не менее стабильно входила в пятерку крупнейших мировых импортеров зерна (наряду с Японией, Китаем, Саудовской Аравией и др.). За 10 лет (1976—1985 гг.) его было закуплено более 308 млн т на сумму в 50 с лишним млрд долл. Причем это были «нефтедоллары»: в 1960 г. было продано 17,8 млн т нефти, куплено 200 тыс. т зерна, в 1985 г. — экспортировано 117 млн т нефти, импортировано 44,2 млн т зерна. Попросту говоря, зерно обменивали на невосполняемые ресурсы — нефть. В этой связи один из экономистов справедливо заметил: «Не будь нефти Самотлора, жизнь заставила бы начать перестройку лет 10—15 назад»²⁴ (в этой связи в качестве ремарки заметим, что СССР был объективно заинтересован в ближневосточном кризисе, поскольку его незатухающие коллизии позволяли держать курс «нефтедоллара» на достаточно высоком уровне, а следовательно, решать внутренние проблемы страны; в этом интересы «социалистического интернационализма» и «американского империализма» смыкались).

Жизнь доказала, что в условиях НТР природный фактор сам по себе еще не есть решающее условие. Взять хотя бы Нидерланды, которые крайне ограничены в земельных площадях и вынуждены метр за метром отвоевывать польдеры у моря. Однако СССР — одна шестая часть земли — не шел с ней в силу экстенсивного характера экономики ни в какое сравнение. В Голландии площадь пашни составляла всего 0,9 млн га (в СССР — 233 млн). Продукция на один гектар пашни оценивалась здесь в 8900 долл. (в СССР — 300). Один гектар пашни кормил 16,5 человек (в СССР — 1,2), один работник сельского хозяйства обеспечивал продовольствием 60 человек (в СССР — 13). Между тем на гектаре пашни в СССР было занято людей в 15—20 раз больше, чем в Голландии.²⁵

Итак, целина как экстенсивный маневр экономически не оправдала себя. Страна оставалась импортером зерна, а выход на вынужденную интенсификацию был заблокирован. Целина породила ряд негативных моментов и в контексте социальных опосредований. Конечно, она сыграла большую роль в создании в регионе обширной социальной и производственной инфраструктуры, возникновении новых и разви-

тии старых городов. С 1954 по 1975 гг. протяженность автодорог с твердым покрытием возросла в 14 раз, а железнодорожная инфраструктура увеличилась на две с половиной тысячи километров. Только в сельской местности было протянуто 85 тыс. километров линий электропередачи. Для обеспечения целинного региона водой были введены в действие такие магистральные водопроводящие коммуникации, как Булаевский водопровод (протяженностью 1400 км), Ишимский (1100 км), Целиноградский и Павлодарский (суммарной протяженностью около 670 км). В сельской местности были построены сотни школ, больниц и поликлиник, других объектов социально-бытового и культурного назначения.²⁶

Не следует забывать и то, что освоение целины осуществлялось главным образом путем привлечения трудовых ресурсов из других республик (в 1960–1965 гг. рост населения Северного Казахстана на 61% обеспечивался за счет межреспубликанской миграции) – выходцев из РСФСР, Украины, Молдавии, Белоруссии и т.д.²⁷ (Во время встречи с Мао Цзэдуном Н. Хрущев обсуждал даже возможность широкомасштабного привлечения на целину китайской рабочей силы.)²⁸ В результате здесь сформировалась широкая этноконтактная социокультурная зона, сильно динамизировавшая процессы интернационализации общественной жизни.

В то же время обширность и неконтролируемость миграционного потока имели и отрицательные последствия. Так, регионы-доноры, т.е. районы – источники миграционного потока, превратились из трудоизбыточных в трудонедостаточные территории и уже тогда стали ощущать острейший дефицит рабочей силы (например, Нечерноземье). В то же время неконтролируемая миграция привела к тому, что удельный вес титульного этноса в национальной структуре населения Казахстана снизился до 30%. В результате возникла объективная угроза языку (ареал функционирования казахского языка еще более сузился: более 700 школ были переведены с казахского языка обучения на русский), социокультурным и другим институтам системы жизнеобеспечения казахского этноса. А это не могло не отразиться на всем комплексе межнациональных отношений, вызывая потенциальные проблемы и напряжения.

В ходе освоения целины еще более обострилась проблема региональных противоречий в развитии производительных сил Казахстана. Согласно советской экономической доктрине централизованные капиталовложения должны были направляться прежде всего туда, где создавались полюсы экстенсивного роста. А потому в этот период именно целина, как и промышленный Восток, стала основным центром притяжения государственных инвестиций в ущерб другим регионам республики. В результате производственные и социальные инфраструктуры развивались в последних гораздо менее динамично, а производительные силы чуть ли не стагнировали, порождая вопросы занятости и пауперизации населения, демографические и экологические проблемы и т.д. Все это служило базой для возникновения проблемы «Север–Юг» (отсталые в плане развития производительных сил западный и южный регионы и относительно более динамичные развитые Север, Восток и отчасти Центр),

чреватой негативными последствиями в самых разных проекциях, многие из которых отчетливо высвечиваются сегодня.

Не было и быть не может никаких сомнений, что история освоения целины навсегда останется вписанной в славную летопись трудового подвижничества советского народа и казахстанцев. Однако следует признать, что в условиях глубоко иррациональной советской модели экономического развития целина не могла раскрыть до конца свой огромный потенциал. Сегодня это делает рынок, к парадигме которого республика движется в своем реформаторском устремлении. Уже сейчас интенсификация зернового производства, все более уверенно вытесняющая «совковую» идеологию бесконечно расширяющегося природопользования, дает такие результаты, которые заставляют верить в позитивное будущее казахстанской целины. И это, наверное, есть лучший обелиск памяти всем тем, кто делал ее героической страницей нашей истории.

3. ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ РЕСПУБЛИКИ

Перспективные политические решения, предлагавшиеся в период разоблачения культа личности И.В. Сталина в середине 1950-х годов, были отвергнуты. Иначе и быть не могло в условиях функционирования командной системы, принижения роли республик, приверженности догматам марксистского учения. Правительство республики не сумело воспрепятствовать экстенсивному, затратному характеру экономики, превращению Казахской республики в сырьевой придаток более развитых в экономическом отношении регионов. Центральные ведомства, союзные министерства, сооружая новые промышленные гиганты на территории республики, не заботились о развитии социальной базы, бережном сохранении экологического баланса. В мае—июне 1954 года произошло восстание политических заключенных в Кенгире (Жезказган), подавленное с помощью танков.

Такое хроническое пренебрежение к социальным проблемам не могло пройти бесследно. Следующий крупный взрыв недовольства произошел летом 1958 года в Центральном Казахстане. Строящийся в Темиртау металлургический комбинат был объявлен ударной комсомольской стройкой и до конца 1958 года в область прибыли 132 тысячи человек. На следующий год прибыло еще 70 тысяч.

Для вновь прибывших строились дома, но ввиду их недостатка рабочих приходилось размещать в палатках. Трудности акклиматизации, недостаток питьевой воды, плохо налаженное питание вызывали у людей законное недовольство. Нередки были простои. Для социального взрыва нужен был какой-то повод. Поводом для начала волнений в Темиртау послужили события 1 августа, когда группа молодежи напала на объекты общепита. Первые противоправные действия постепенно перешли в беспорядки. К сожалению, в целом, естественным недовольством рабочих воспользовались уголовные элементы. Толпа грабила магазины, рынок, универмаг, столовую, осадила городской отдел милиции. Беспорядки

продолжались около трех дней. Для пресечения бесчинств были привлечены войска, применено оружие. Среди участников беспорядков появились погибшие, но и среди военнослужащих и милиции были пострадавшие. Над зачинщиками беспорядков состоялся суд. К сожалению, события, произошедшие в Новочеркасске, в Темиртау и в ряде других мест не заставили руководство республики, страны пересмотреть свои взгляды на дальнейшее развитие общества. Как и прежде, вновь были найдены отдельные виновники: руководители местного звена, милиционеры.

В то же время центральные ведомства по-прежнему очень внимательно, по-своему относились к подбору и выдвижению кадров, особенно из числа казахской национальности. В случае какой-либо самостоятельности или нежелания следовать указаниям Москвы наиболее энергичные и перспективные кадры под благовидным предлогом переводились на другую работу, или же с рассмотрением персональных дел и выговорами снимались с работы. Например, по специальному указанию ЦК ВЛКСМ в феврале 1960 года был освобожден от должности очень авторитетный и целеустремленный первый секретарь ЦК комсомола республики Сагындык Кенжебаев. Причем, формулировка звучала так: «...за слабую организацию комсомольцев в период уборки урожая 1959 года, провал обязательств в первом году пятилетки по культурно-бытовому строительству, по откорму свиней, выращиванию птицы и кроликов, контрактации телят и т.д.». И такие случаи были не единичны. В январе 1961 года был отстранен от должности на Бюро ЦК Компартии прекрасный организатор и профессионал своего дела Председатель Совета Министров республики Жумабек Ташенев. Причем, в вину Ж. Ташеневу вменили, что «он отвлекает для участия в различных совещаниях работников совнархозов и облисполкомов, вмешивается в работу обкомов партии, пытается расставлять на руководящую партийную и советскую работу угодных ему людей». Подобные стандартные обвинения были лишь предлогом для устранения неугодных лиц.

Огромное воздействие на общественную жизнь республики оказало освоение целинных и залежных земель. Она стала насыщенной и потребовала большей отдачи от работы государственных органов. В преддверии освоения целинных земель произошли и кадровые изменения. В 1954 году вместо Жумабая Шаяхметова руководителем Компартии Казахстана становится П.К. Пономаренко, а затем с августа 1955 г. — Л.И. Брежнев. Вопрос о смещении Ж. Шаяхметова был решен в Кремле, без объяснения причин и какого-либо согласования с местными коммунистами.

В феврале 1956 года в Москве состоялся XX съезд КПСС. Ключевым вопросом на съезде был вопрос о преодолении культа личности Сталина. Партия коммунистов во главе с тогдашним Первым секретарем ЦК КПСС Н. Хрущевым, попыталась проанализировать причины возникновения, сущность и характер проявления культа личности И.В. Сталина и его последствия. В критике культа личности Н.С. Хрущев опирался на труды К. Маркса и В.И. Ленина. В докладе приводились многочисленные факты злоупотребления властью И. Сталиным,

Н.И. Ежовым, Л. Берией, аресты и массовая гибель тысяч и тысяч людей. Указывалось на то, что И. Сталин не терпел критики в свой адрес, занимался фальсификацией истории в целях возвеличения своей роли. При нем и при его участии погибло немало коммунистов, честных и порядочных людей. Огромная вина лежит на соратниках И. Сталина за аресты и истребление коммунистов-антифашистов, искавших политического убежища в СССР. Миллионы советских граждан погибли в начале войны из-за излишней самонадеянности И. Сталина, не принявшего достаточных мер для подготовки обороны страны.

Отмечая мужество и смелость Н.С. Хрущева, его сподвижников, нашедших в себе силы для борьбы с культом И.В. Сталина, неограниченной властью узкого круга лиц, следует подчеркнуть, что наметившийся слом авторитарной системы не был доведен до конца. Дело ограничилось критикой и развенчанием культа нескольких лиц, приближенных к «вождю». Съезд принимает решение не обнажать перед широкой общественностью пагубность функционирующей системы власти. Было подготовлено лишь постановление ЦК КПСС «О культе личности и его последствиях» (июнь 1956 г.) в котором подчеркивалось, что «ошибки и извращения, порожденные культом личности, не могли изменить и не изменили глубоко демократического характера советского строя». Только 33 года спустя журнал «Известия ЦК КПСС» (1989 г.) напечатал полный текст доклада, произнесенного Н.С. Хрущевым, хотя за рубежом данный текст был растиражирован буквально через несколько недель после XX съезда.

Выпустив тысячи невинно заключенных из лагерей, реабилитировав некоторых видных деятелей партии, государственный и партийный аппарат вскоре свернул эти реформы. Многие продолжали томиться в тюрьмах, не получила объективной политической оценки деятельность многих лидеров и участников небольшевистских организаций, оппозиции 1930–40-х годов. Замалчивались или преподносились односторонне трагические страницы прошлого: история Октябрьской революции 1917 года, истоки и характер Гражданской войны, голод 1930-х годов и истребление крестьянства. Половинчатость шагов после сталинского руководства проявилась и в том, что, вернув на Родину чеченцев, ингушей, калмыков, балкарцев, она не восстановила в правах корейцев, немцев, крымских татар и турок-месхетинцев. Предпринятые попытки анализа причин экономического отставания страны были быстро пресечены партийной элитой. Советское правительство, проведя в 1954–1956 годах целый комплекс мер, направленных на устранение излишней централизации и расширение прав союзных республик, с другой стороны, целым рядом принятых актов свело на нет провозглашенный суверенитет. Выработка общей линии в области экономики и политназначение и смещение кадров, и многое другое оставались в руках узкого круга лиц кремлевских вождей. Права республик оставались крайне ограниченными. Но отчужденными от управления обществом оставались и сами трудящиеся. По-прежнему, структура общества была построена таким образом, что действовал в целом только принцип «сверху вниз», при котором людям оставалось выполнять только те решения, которые вырабатывались в верхах. У людей появилась апатия к политической жизни. Энтузиазм, рожденный победой над фашистской Германией, стал сменяться усталостью, некото-

рые всплески общественной активности наблюдались, как правило, только в период выборов в Верховные Советы республик и СССР. Тесно встроенными в командно-административную систему и лишенными прав, инициативы оказались профсоюзы и комсомол. Но сам народ не терял веры в будущее и надежды на лучшую жизнь.

В скором времени стало жестко подавляться и политическое инакомыслие. Людей, открыто указывавших на пороки общества, стали преследовать. Но пресекать инакомыслие прежними методами было невозможно, поэтому политические обвинения стали более скрытыми. В Казахстане значительным документом, выразившим политику ужимания свободных дискуссий стало Постановление ЦК Компартии Казахстана «Об ошибках газеты «Казак әдебиеті» в освещении некоторых вопросов развития культуры в республике».

Недовольство партийного руководства вызвали опубликованные газетой в течение 1956 г. статьи «Самое большое богатство культуры», «Уважать родной язык», «Вопрос, требующий пересмотра», «Культура языка» и др. Критикуя их содержание, ЦК сформировал ряд концептуальных установок, которыми в дальнейшем следовало руководствоваться «заблудившейся» интеллигенции.

«Редакция газеты, — подчеркивалось в постановлении, — должна была строго научно, с марксистско-ленинских позиций показать читателям, как благодаря мудрой национальной политике Коммунистической партии... казахский народ за годы Советской власти добился невиданных успехов в развитии своей экономики, науки, литературы, искусства и народного образования», однако «вместо конкретной, всесторонней и объективной критики имеющихся отдельных недостатков и ошибок в развитии некоторых сторон культуры казахского народа, газета в их освещении допустила тенденциозность, однобокость, крикливость и шумиху».

Из дальнейшего текста партийного документа следовало, что «шумихой» являлась тревога интеллигенции за судьбу казахского языка, а как «тенденциозность и однобокость» клеймились попытки вернуть народу отнятые у него сталинскими идеологами сокровища многовековой культуры. Но как показало будущее, тревога интеллигенции Казахстана была вполне оправданной и своевременной.

Выводы постановления формулировались до боли знакомым интеллигенции языком послевоенных политических кампаний: как, например, обвинения такого типа: «...выступая под флагом защиты наследия акынов и поэтов прошлого, независимого от идейно-политической направленности их произведений, авторы некоторых статей объективно толкают казахское литературоведение на возврат к давно осужденной теории «единого потока». Поборником феодализма был признан великий Абай, и наиболее ретивые писатели даже требовали закрытия публикации его стихов и философских размышлений».

В феврале 1957 г. внимание партийного штаба республики привлекла статья Рахманкула Бердыбаева, опубликованная журналом «Әдебиет және өнер» и областной газетой «Көкшетау правдасы» — «Некоторые вопросы истории казахской литературы». Автор статьи выступил против «политиканства в литературе», против «огульно нигилистического подхода»

к ценнейшим пластам казахского литературного наследия. Он взял на себя смелость сказать правду о том, что в официальном литературоведении было принято объявлять антинародным любое произведение, где имелось «хоть одно слово против русских колонизаторов». Секретариат ЦК обвинил Рахманкула Бердыбаева в том, что он «повторяет доводы давно разоблаченных буржуазных националистов» и добился наказания талантливого ученого.

Осенью 1966 г. интеллигенцией Казахстана был остро поставлен вопрос о повышении роли казахского языка в общественно-политической и культурной жизни республики. Выступая на сессии Верховного Совета Казахской ССР, Сабит Муканов заявил: «Иные республиканские руководители думают, что казахский язык можно употреблять лишь в таких районах..., где живет только казахское население. Неправильно такое мнение. Никто никому не давал права делать казахский язык бедным соседом в Казахской республике и употреблять его как подавание людям... Независимо от того, какой процент от общего населения составляют казахи, они должны иметь возможность связываться со всеми учреждениями республики на своем языке, говорить на своем языке, выступать на собраниях на своем языке».

16 ноября 1965 г. С. Муканов выступил на совещании в ЦК КП Казахстана, посвященном развитию казахского языка, а еще через две недели направил в ЦК пространную записку, в которой языковая проблема ставилась уже в более широком контексте национальной политики. С. Муканов с тревогой констатировал, что в северных областях Казахстана «казахский язык, как язык государственный, уже перестал существовать, оставаясь только чисто бытовым языком». Писатель настойчиво предостерегал, что такая ситуация способна в короткое время распространиться на всю республику. С. Муканов подробно обрисовал причины кризиса казахских школ, главной из которых являлось крайне ограниченная возможность применения казахского языка практически во всех сферах экономической, общественно-политической и культурной жизни Казахстана.

В заключении письма С. Муканов сформулировал целый перечень мер по спасению казахского языка, включавших реальное восстановление его государственного статуса, повсеместное ведение делопроизводства на двух языках — казахском и русском, установление обязательного знания казахского языка для руководящих работников и специалистов, работающих с людьми, улучшение преподавания казахского и русского языков в школах, расширение и повышение уровня подготовки кадров преподавателей-языковедов.

Обсуждение в Бюро ЦК письма С. Муканова состоялось через несколько месяцев после его получения. Постановление, принятое 11 апреля 1957 г., состояло из двух пунктов. В первом отмечалось наличие в письме ряда «ошибочных и политических вредных положений», во втором принималось к сведению раскаяние С. Муканова в собственных выводах.

В 1950-х — начале 1960-х годов тоталитаризм в духовной сфере остался прежним, проводя политику идеологической унификации всех сфер общественной жизни, имея главной целью абсолютную идентификацию

интересов любой части общества с интересами государства. Гонения коснулись и других областей науки. В частности, были подвергнуты критике и ошельмованы ученые-естественники Андрей Бессонов, А. Гухман, Михаил Брякин, Муслим Ермеков, Араб Габбасов, как не принявшие «научных идей» академика Лысенко. Так, например, ученый Гухман был обвинен в «отходе от принципа партийности в науке, в безыдейности», а также в том, что «обошел молчанием идеологическую борьбу в области термодинамики».

Сохранению системы в немалой степени способствовала и новая иллюзия того, что достаточно устранить крайние проявления сталинского режима и освобожденная энергия советских людей приведет к зримым рубежам коммунизма. Об этом свидетельствуют решения XXI съезда КПСС (1959 г.), где Н.С. Хрущев провозгласил достижение полной и окончательной победы социализма и заявил о наступлении периода «развернутого строительства коммунистического общества». Дальнейший курс «десталинизации» мог продолжить XXII съезд КПСС, прошедший в октябре 1961 года. На этом съезде Н. Хрущев, ловко используя тезис борьбы с культом И. Сталина устранил с политической сцены своих политических конкурентов: К. Ворошилова, В. Молотова, Г. Маленкова. В знак памяти Н. Хрущев даже предложил воздвигнуть памятник коммунистам—жертвам сталинизма. Но первый секретарь Коммунистической партии Советского Союза Н. Хрущев при этом умолчал, что большинство репрессированных составляли не столько члены партий, а вообще ни в чем неповинные граждане страны. Ни словом не были упомянуты и погибшие во время коллективизации и насильственного переселения.

В программе, принятой съездом, были объявлены некие ненаучные способы перехода к коммунизму, для достижения которого требовались двадцать лет, из которых десять (1961—1971 гг.) отводились на «создание материально-технической базы коммунизма» и еще десять (1971—1981 гг.) — на «вступление в коммунизм».

Испытывавшие страшную нужду послевоенных лет, еле сводящие концы с концами простые люди скептически приняли программу построения коммунизма. Но людей все же привлекала светлая идея построения сытого и справедливого общества, к тому же Коммунистическая партия умело направила всю мощь своих пропагандистских ресурсов. Для разъяснительной работы были использованы все каналы средств массовой информации: газеты, радио, кино, нарождающееся телевидение; везде проводились партийные и комсомольские собрания, работала налаженная система партийной учебы. Улицы городов и сел запестрели плакатами, пропагандирующими решения съезда и выступления на нем руководителей Советского государства.

Советская политическая система, предприняв ряд попыток обновления, все же должна была логически вернуться к своим истокам. Вскоре была усилена цензура, начались нападки на интеллектуалов, а 18 марта 1963 года Н. Хрущев лично призвал интеллигенцию руководствоваться в своем творчестве принципом партийности. Этот призыв по сути означал конец короткого периода хрущевской «оттепели». Время показало, что во многом были правы, осуждая утопические взгляды марксистов и их последователей, такие авторы, как Н. Бердяев, М. Чока-

ев, С. Садвакасов, С. Смагулов и др. Не столь значительным и широким оказалось демократическое движение в СССР: большинство людей продолжало верить пустым лозунгам и обещаниям, щедро раздаваемым с партийных трибун.

Начавшиеся политические реформы совершенно не изменили экономическую базу административной системы, не получили развития разнообразные формы собственности, не говоря уже о создании полноценной рыночной экономики. По-прежнему строго контролировалась КПСС работа Советов. КПСС единолично направляла работу хозяйственных, научных, учебных, армейских, общественных учреждений и организаций. И даже выборы в высшее законодательное собрание проходили чисто формально, как правило, по заготовленным заранее спискам.

На общественных началах при местных Советах призваны были работать многочисленные организации: постоянные комиссии, уличные и квартальные комитеты, комиссии содействия при домоуправлениях, товарищеские суды и т.д. При исполкомах городских и районных Советов депутатов трудящихся создавались внештатные отделы, куда для работы привлекались наиболее активные граждане. К 1960-м годам профсоюзные комитеты объединили в своих рядах миллионы людей. На 1 января 1966 года в профсоюзах Казахстана состояло 4 млн человек. Профсоюзные организации участвовали в решении вопросов народного хозяйства, организации социалистического соревнования, движения рационализаторов. Начиная с 1960 года, профсоюзам было передано управление всеми санаториями и домами отдыха, многими вопросами охраны труда, социального страхования. В конце 1961 года в распоряжение к ним перешли такие участки культурного обслуживания населения, как государственные клубы, библиотеки, киноустановки в совхозах. Одной из главных задач профсоюзов были вопросы улучшения социально-бытовых условий трудящихся. В целях успешного выполнения производственных планов, улучшения бытового и культурного обслуживания трудящихся, профсоюзы стали заключать с администрациями предприятий коллективные договоры. Профсоюзные комитеты использовали и такую форму работы, как постоянно действующие производственные совещания. Но зачастую профсоюзы выполняли подсобные функции, находились в подчиненном положении по отношению к партийным комитетам. Этому отвечал и традиционный образ профсоюзов как специализированных «рычагов», «приводных ремней» между государством и обществом.

Другой массовой организацией оставался комсомол. К концу 1965 года единственная молодежная организация республики объединяла в своих рядах почти 1 млн юношей и девушек. Около половины из них трудились в промышленности, на транспорте и в строительстве, в сельском хозяйстве.

Одним из основных направлений работы комсомола Казахстана в этот период было шефство над важнейшими стройками. По его путевкам на эти стройки были направлены свыше 18 000 юношей и девушек. Молодые строители Джезказганского горно-металлургического комбината, Карагандинского металлургического завода, Чимкентского завода фосфорных солей стали победителями Всесоюзного соревнования коллективов ударных строек.

В 1962 году на V съезде ЛКСМ Казахстана комсомол республики взял шефство над животноводством. За короткий период в животноводство были направлены тысячи юношей и девушек. По инициативе комсомольских комитетов проводились слеты молодых чабанов. Лучшие из них награждались по линии молодежной организации. Поднялась роль молодежи в развитии спорта, охране общественного порядка. Но все эти кампании были, как правило, скоротечными, слабо подготовленными и не решали многих социальных проблем в жизни молодежи: обеспечения их культурно-нравственных запросов, потребностей в обеспечении жильем, продуктами и качественной одеждой.

¹ Народное хозяйство СССР за 70 лет. М., Финансы и статистика, 1987, с. 373, 378.

² Шанин Т. Четыре модели развития советского сельского хозяйства // Великий незнакомец, с. 147.

³ Заседание Верховного Совета СССР (пятая сессия). 5–8 августа 1953 г. Стенограф. отчет. М., 1953, с. 317.

⁴ Колодин Ф.И. Торжество ленинского плана социалистического преобразования сельского хозяйства Казахстана. А.-А., 1971, с. 64–68.

⁵ Народное хозяйство Казахстана в 1961 г. А.-А., 1962, с. 265; Народное хозяйство Казахстана в 1971 г. А.-А., 1972, с. 266.

⁶ Болотин Б.М. Состояние и перспективы двух систем // Соревнование двух систем. Москва, 1988, с. 134–135.

⁷ Там же, с. 132.

⁸ История советского крестьянства. Т. 4. М., 1988, с. 273.

⁹ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т.4, с. 295.

¹⁰ Безнин М.А. Колхозный двор в Российском Нечерноземье. Автореф. дисс. к.и.н. М., 1991, с. 19.

¹¹ Современные Соединенные Штаты Америки. М., 1988, с. 167.

¹² XX съезд КПСС и его исторические реалии. М., Наука, 1991, с. 141.

¹³ Горизонт, 1991. № 21, 22, 24, 26.

¹⁴ Юзуфович Г.К. Наука при социализме. М., 1970, с. 148.

¹⁵ Народное хозяйство Казахстана в 1973 г. А.-А., 1975, с. 178.

¹⁶ Народное хозяйство Казахстана в 1960 г.; Народное хозяйство Казахстана в 1973 г. Алма-Ата, 1975.

¹⁷ Мухитдинов Н. Годы, проведенные в Кремле. Ташкент, 1994, с. 268.

¹⁸ Очерки истории Коммунистической партии Казахстана. Алма-Ата, 1963, с. 498.

¹⁹ Кунаев Д.А. О моем времени. Алма-Ата, 1992, с. 149.

²⁰ Пыжиков А. Хрущевская «оттепель». 1953–1964 гг. Москва, 2002, с. 164.

²¹ Доклад Н.А. Назарбаева на торжественном заседании, посвященном 50-летию освоения целинных и залежных земель // Казахстанская правда, 2004. 7 февраля.

²² Лестер Браун. Предотвращение эрозии земли // Мир восьмидесятых годов. Москва, 1989, с. 303.

²³ Динамика посевных площадей, урожайности и валовых сборов основных сельскохозяйственных культур, с. 4.

²⁴ Аргументы и факты, 1989. № 24.

²⁵ Там же.

²⁶ Доклад Н.А. Назарбаева на торжественном заседании, посвященном 50-летию освоения целинных и залежных земель // Казахстанская правда, 2004. февраль – 7.

²⁷ Ковалев С.А., Любомырский А.Н. Естественный прирост населения Северного Казахстана и миграции // География и производительные силы Северного Казахстана. Москва, 1971, с. 48.

²⁸ Бурлацкий Ф. Воспоминания. Москва, 2004, с. 147.

Глава одиннадцатая

КАЗАХСТАН В ПЕРИОД НАРАСТАНИЯ КРИЗИСА СОВЕТСКОЙ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ (1964–1985 гг.)

1. ПРОДОЛЖЕНИЕ КУРСА НА ЭКСТЕНСИВНУЮ МОДЕЛЬ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ

Аппаратный партийный переворот, осуществленный в октябре 1964 г., стал финалом насыщенного противоречивыми исканиями и дискуссиями, надеждами и утраченными иллюзиями хрущевского периода. Предав анафеме «субъективистско-волютаристскую политику Хрущева», новые лидеры партийно-государственной иерархии во главе с Л.И. Брежневым принялись за санацию хронически больной социалистической экономики.

На мартовском и сентябрьском (1965 г.) пленумах ЦК КПСС были приняты, как писалось в партийных документах, «исторические директивы по совершенствованию хозяйственного механизма». В них нашли отражение теоретические концепции, наработанные «марксистско-ленинской экономической наукой».

Игнорируя фатум исторической тупиковости социалистической утопии, предаваясь иллюзиям возможности реформирования экономики аномальной административно-командной системы, ведущие научные авторитеты страны пытались решить проблему кризиса путем изменения отдельных фрагментов экономических отношений, не затрагивая при этом их фундаментальной основы — отношений собственности. Философия реформ допускала некоторое вторжение в частности, но не в природу сущностного целого (так называемой социалистической собственности). Естественно, что такая методология уже изначально обрекала реформы на провал.

Объективно не могли увенчаться успехом и частные решения, поскольку в условиях неизменной общественно-политической и социально-экономической системы они становились абсолютно иррациональными. Как, например, можно было достигнуть расширения прав и самостоятельности предприятий (за что ратовал сентябрьский (1965 г.) Пленум ЦК КПСС), если параллельно этой ключевой установке реформ было принято решение о воссоздании взамен совнархозов мини-

стерств (в Казахской ССР было 9 совнархозов), на которые возлагались ответственность за распределение материалов и оборудования, оперативное руководство отраслью, финансирование, отслеживание качественных и количественных показателей и многие другие функции, совокупность которых собственно и означала контроль за всем производством. Получив такие сверхполномочия (в дальнейшем они еще более расширились), министерства превратились в отраслевых супермонстров, подмявших под себя права, инициативу и самостоятельность предприятий. Например, только Министерство тракторного и сельскохозяйственного машиностроения в 1985 г. направило на предприятия своей отрасли 140 тыс. официальных бумаг, получив от них 520 тыс. справок, отчетов, объяснений и т.д. На 1 января 1966 г. в Союзе ССР действовало около 600 союзных и республиканских министерств, госкомитетов и других ведомств, в которых было занято 15 млн служащих (далее их численность возросла до 18 млн).

По большому счету и сами предприятия были не заинтересованы в самостоятельности. Если последняя и требовалась, то до определенных пределов. И это понятно, так как при отсутствии рыночных механизмов и тотальном господстве директивно-распределительных принципов организации экономики поиск ресурсов, каналов реализации продукции, установление смежных связей, финансирование и многое другое могли вызвать у руководителей предприятий лишь головную боль, которую удобнее было переложить на министерства. И все же, несмотря на очевидные изъяны, реформы вызвали определенное оживление экономики. Выросли показатели среднегодового роста промышленности и сельскохозяйственного производства, валового продукта и национального дохода, повысилась эффективность труда. В годы восьмой пятилетки (1966–1970 гг.) народнохозяйственный комплекс достиг наивысших со времен введения плановой экономики индексов роста. Однако вскоре инерция реформ была исчерпана, а сами они, обретая все более половинчатый характер, были окончательно заблокированы.

Достаточно динамично шли в 1965–1985 гг. индустриализационные процессы в Казахстане. Он превратился в один из развитых промышленных регионов СССР. По объему ВВП республика занимала 3 место в СССР (после России и Украины). Здесь находилась одна из основных баз цветной металлургии страны, действовали обширный топливно-энергетический комплекс, развитая химическая отрасль, угледобывающая промышленность, имелся огромный (даже по мировым стандартам) потенциал нефтедобычи.

В республике добывалось 95 процентов союзного производства хрома, производилось 83 процента баритов, 90 — желтого фосфора, 40 — кормовых фосфатов, более 30 — меди, 50 процентов серебра. Потребности СССР в свинце и цинке на 70–80 процентов покрывались из казахстанских месторождений. Доля в союзном производстве каменного угля составляла 20 процентов: к энергетическим углям Казахстана были традиционно привязаны ТЭС на Урале и в Сибири. Каждая 8-я тонна товарной железной руды была казахстанского происхождения. Так называемая железорудная полоса Тургая (Лисаковский, Соколово-Сар-

байский, Качарский горно-обогатительные комбинаты) поставляла сырье на Магнитогорский, Орско-Халиловский, Нижнетагильский, Западносибирский металлургические заводы России. Обширная рудная база позволила расширить собственно казахстанскую металлургию (заводы в Караганде, Актюбинске, Темиртау, Ермаке). В рассматриваемый период до союзного значения наращивались мощности в производстве ферросплавов, титана, магния, молибдена, вольфрама и других редкоземельных элементов.

На территории Казахстана функционировал весьма заметный фрагмент союзной военно-промышленной инфраструктуры. Здесь располагался мощный ядерный научно-производственный комплекс, включивший почти все циклы создания ядерного оружия — от добычи урана до испытания боезарядов (1 июня 1995 г. на Семипалатинском испытательном ядерном полигоне был уничтожен последний ядерный боезаряд, подготовленный к испытаниям в тоннеле длиной 592 м на глубине около 130 м).

До распада СССР в Казахстане насчитывалось около 50 предприятий оборонного значения, большая часть которых входила в КЭМПО — Корпорацию электротехнических и машиностроительных предприятий оборонного комплекса. На этих заводах производилось до 18% всех боевых машин пехоты, поступивших в армию, 11% всех артиллерийских систем, стрелковое оружие, оборудование для ВМС (по отдельным компонентам — до 95% всего производящегося в СССР), торпеды и донные авиационно-корабельные мины, пусковые установки для тактических ракет SS-21 (по натовской терминологии), ракетные комплексы береговой обороны, бортовая аппаратура для крылатых ракет, системы управления подводных лодок, химическое и биологическое оружие (за пределами России это были единственные производства в Союзе) и т.д.

В Казахстане находились военные базы и испытательные полигоны стратегического значения. Так, в Северном Казахстане и Семипалатинской области базировались самые тяжелые в мире межконтинентальные баллистические ракеты (каждая из них была оснащена 10 ядерными боеголовками мощностью по 550 кг), на боевом дежурстве стояли 104 ракеты «РС-20» (по натовской классификации — «SS-18»). На военных аэродромах размещались 40 стратегических бомбардировщиков Ту-95 МС с 240 крылатыми ядерными ракетами.

Гигантским объектом, раскинувшимся в периметре примерно 70×70 км, стал космодром «Байконур». Со стартовых площадок этого комплекса было осуществлено около 2,5 тыс. пусков ракет, на различные орбиты (высотой 20—40 тыс. км), выведено свыше 1380 аппаратов военного, научного и социально-экономического назначения. На территории Казахстана находились и другие полигоны, имевшие экстерриториальный статус. К ним относились, например, Семипалатинский испытательный ядерный полигон (общая площадь 18 500 км²), Капустин Яр (объединял три полигона, включая Тайсоган, предназначенный для падения первых ступеней баллистических ракет SS-20), полигон Азгир, объект «Ли́ра» (Карачаганак), где с 1983 по 1984 гг. было произве-

дено несколько подземных ядерных взрывов. На Сарышаганском полигоне (с центром в Приозерске) проходили испытания стратегические системы ПРО и ПВО, а также лазерное вооружение, тактические системы ПВО проходили испытания на полигоне в Эмбе, а боевые авиационные системы — на полигоне во Владимирове.

Если рассматривать промышленность региона в структурном разрезе, то нетрудно будет заметить ее сохранявшуюся сырьевую направленность. Преимущественное развитие получили топливно-энергетический комплекс, цветная и черная металлургия, химическая и нефте-химическая отрасли. В результате сложился относительно высокий удельный вес добывающего сектора промышленности (14–16 процентов против 9 по СССР), тогда как, например, доля машиностроения в общем объеме промышленного производства составляла 7 процентов (27,4 по СССР). При этом в общем объеме продукции республиканского машиностроения около $\frac{1}{3}$ приходилось на тракторное производство и сельскохозяйственное машиностроение, тогда как удельный вес производств химического и нефтяного оборудования составлял всего 3,6 процента, станкостроения — 2,8, а машиностроения для легкой и пищевой промышленности — 1,3 процента. Здесь почти отсутствовали предприятия, производящие гражданскую высокотехнологическую продукцию. За пределы казахстанского экономического района вывозилось, как правило, дешевое сырье (хотя на мировых рынках оно стоило как раз дорого), а поступала дорогостоящая конечная продукция с высокой добавленной стоимостью. Отсюда — перекосящий стоимостной баланс ввоза—вывоза: Казахстан вывозил продукции на 8, а ввозил — на 16 млрд руб.

Нельзя не отметить, что в структуре промышленности Казахстана по-прежнему доминировало производство средств производства (группа «А»), тогда как группа «Б» (производство предметов потребления) имела удельный вес, равный чуть более 20 процентам. В соответствии с характерным для советской социальной политики так называемым «остаточным», или правильнее будет сказать, «побочным» принципом, производство товаров народного потребления вытеснялось на периферию планов промышленного развития. В результате это производство в Казахстане достигало только половины среднесоюзного уровня, его объемы были в 3,6 раза меньше, чем, например, в Литве, в 4,2, — Латвии и Эстонии.¹

Располагая почти 8 процентами крупного рогатого скота от его общесоюзной численности, 56 — поголовья овец и коз, производя 23 процента общесоюзного производства шерсти, Казахстан имел лишь 5,7 процентов в производстве трикотажных изделий, 4,1 — шерстяных тканей и обуви. Армения, которая производила шерсти в 23 раза меньше, чем Казахстан, изготавливала в 1,3 раза больше носочно-чулочных изделий. В целом же товаров народного потребления в расчете на одного жителя выпускалось в Казахстане в 1,9 раза меньше, чем в среднем по СССР, почти в 2 раза меньше, чем в Грузии, 2,1 — Армении, 3,6 — Литве, 4,1 — Эстонии, 4,3 — Латвии, 2,3 раза меньше, чем в Молдавии. Из 15 союзных республик Казахстан по этому показателю занимал лишь

12-е место, оставляя позади себя только Узбекистан, Таджикистан и Туркмению.

В 1975–1985 гг. число построенных и введенных в действие только крупных промышленных предприятий достигло в республике 117 единиц, в 1981–1985 гг. — 60. Заметное развитие получила производственная инфраструктура. Протяженность железных дорог достигла 15 тыс. км. Разрослась сеть шоссейных автодорог, многие из которых имели магистральный характер.²

Концентрированным выражением казахстанского индустриального бума стало увеличение доли промышленности, строительства, транспорта и связи в произведенном национальном доходе. В середине 1980-х гг. их удельный вес составил 59%. За двадцать пять лет (с 1960 по 1985 гг.) численность рабочих увеличилась на 2,4 млн человек, или более чем в два раза (это, кстати, говорило о том, что подъем промышленного производства обеспечивался главным образом за счет экстенсивных факторов: рост промышленной продукции многократно отставал от роста численности занятых). Удельный вес населения, занятого в промышленности и строительстве, к середине 1980-х гг. достиг 30 процентов.³

Промышленное развитие вызвало рост численности городов. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г., в Казахстане насчитывалось более 30 городов с населением свыше 50 тыс. человек, 19 городов — свыше 100 тыс. чел. и пять городов с населением свыше 300 тыс. человек. В 1970 г. впервые в истории народонаселения Казахстана удельный вес городских и сельских жителей уравнился, а с 1980-х гг. горожане стали преобладать в структуре населения республики.⁴

Из приведенных выше данных, взятых из статистических народнохозяйственных отчетов, вырисовывалась достаточно благополучная картина развития промышленности. Поэтому общество не видело не то что явных симптомов, но и каких-то косвенных, статистически фиксируемых опосредований кризиса. Ведь долгие десятилетия единственным критерием функциональности и эффективности экономики был рост валового продукта, приучивший оценивать любую динамику только с количественной стороны: если объемы продукции по сравнению с предшествовавшей базой хоть как-то возрастали — значит отрасль в динамике, если нет — производство стагнирует. А цифры говорили о перевыполнении на миллионы тонн планов по стали, чугуну, нефти, углю и т.д.

Между тем быстрыми темпами рос и импорт. Такая симметричность тенденций могла означать только одно: промышленность, выпуская огромное количество, скажем, стали самой по себе, испытывала огромный дефицит ее сортамента (электростали, проката из низколегированной стали и т.д.; в 1985 г. из 155 млн т стали, выплавленной в стране, 85,5 млн, т.е. значительно больше половины, приходилось на «дедовский» мартеновский способ).⁵ Следовательно, если в количественном отношении валовое предложение продукции подчас перекрывало спрос, то по качеству сильно отставало. Вместе с тем динамика в производстве той же стали при ее относительно незначительном экс-

порте свидетельствовала о гипертрофированной металлоемкости промышленности: только в машиностроении излишний вес продукции достигал 12–15 млн т, что в 2,5 раза перекрывало годовой объем сталелитейной промышленности Казахстана.⁶

Непроизводительная ресурсоемкость была характерна для всех отраслей экономики республики. В Казахстане в расчете на душу населения производилось и потреблялось электроэнергии больше, чем во многих высокоразвитых странах. По логике, согласно которой экономическое благосостояние и производительность труда во многом определяются среднечеловеческими показателями потребления производства энергии, республика должна была представлять собой процветающий регион. Но в действительности индексы энергопотребления и развития экономики были более чем неадекватны. И это могло говорить только о том, что экономика оставалась сверх всяких норм расточительно энергозатратной.

Огромные масштабы ресурсоемкости экономики, помимо всего прочего, прямо стимулировались и действовавшей системой централизованного фондового обеспечения предприятий. В ходе подготовки реформ 1965 г. высказывалась идея о необходимости перехода от централизованного фондирования (т.е. распределения) материальных ресурсов и прикрепления потребителей к поставщикам на оптовую торговлю средствами производства. Об этом писал, например, ученый-экономист Е. Либерман — один из деятельных инициаторов реформаторских новаций. Однако многие «корифеи от науки» и практики увидели в замыслах ученого лишь «смешную либерманию» (тогда как западные наблюдатели, обыгрывая термин «либерализация экономики», с иронией называли реформы «либерманизацией советской экономики»). Настаивая на сохранении жесткого лимитирования, они утверждали, что отход от него возможен лишь после достаточного накопления материальных ресурсов и, следовательно, ликвидации их дефицита.

Между тем именно сохранявшаяся система централизованного фондового обеспечения предприятий и порождала дефицит. В Казахстане функционировали десятки тысяч предприятий, и все они безотказно брали то, что им отпускалось распредорганами, и в любых количествах. Дело доходило до того, что иное предприятие сдавало в счет металлолома первоклассную катанку, которая ему никогда и не была нужна, но которую оно когда-то взяло, исходя из принципа «свой карман не тянет», или когда оперный театр давал объявление в газете о распродаже материалов, свойственных не учреждению культуры, а скорее промышленному производству. Промышленность довела сверхнормативные запасы материальных ресурсов буквально до астрономических цифр. Разорвать заколдованный круг могла лишь структурная перестройка промышленности с ее ориентацией на ресурсосберегающие технологии. Но тут все опять упиралось в то самое сущностное целое, поскольку без радикальной трансформации отношений собственности и перехода к рыночной парадигме развития остановить затратный механизм экономики было попросту невозможно. Экономика в ее социалистическо-плановом виде была просто обречена пожирать саму себя.

Итак, в статистической казуистике, нагроможденной директивными ведомствами, можно было обнаружить, что в экономике развивались негативные тенденции. Хотя сделать это было не просто, ведь насквозь идеологизированная система национального учета, умело манипулируя цифрами, выстраивала динамические ряды таким образом, что отрицательные индексы обретали только знак «плюс». В целях фальсификации действительной картины разрабатывались особо изощренные методики. Например, Продовольственной программой СССР до 1990 г., декларированной на майском (1982 г.) Пленуме ЦК КПСС, была поставлена задача обеспечить подушевое потребление мяса до 70 кг. И статистика делала все, чтобы «подтянуть потребление» до этой партийно-санкционированной цифры. С этой целью в категорию мяса стали засчитывать кости, субпродукты, внутренний жир (лярд) и т.д., были введены различные коэффициенты пересчета (например, иные «креативщики» от статистических инсинуаций предлагали засчитывать 1 кг жира в счет нескольких килограммов мяса, поскольку, дескать, его калорийность в «разы» выше мясных продуктов).

Через так называемый множественный счет определялись объемы валового продукта. Например, на заводе сделали деталь стоимостью 100 руб. и передали ее смежному предприятию, на котором в ходе операций с этой деталью произвели стоимость в 50 руб., но в отчетах этого предприятия указывалось не 50, а уже 150 руб., в результате чего получался рост не на несколько процентов, а в несколько раз. И так по всей цепочке продвижения продукта.

Подобным образом фальсифицировались и стоимостные показатели плана. Последний, судя по официальной статистике, всегда выполнялся и перевыполнялся, хотя 61 процент предприятий, например, машиностроительного комплекса, 42 процента металлургического и т.д. не выполняли договорных обязательств (стоимость продукции, не полученной по договорным обязательствам, определялась в сотни и сотни миллионов рублей).⁷ Все объяснялось просто: недовыполнение в одном сегменте производства перекрывалось перевыполнением в другом. Допустим, где-то трехкратно превысили плановое задание по производству ведер. И вот этим излишком закрывался эквивалент равных по стоимости, но не созданных других продуктов, скажем, электромоторов. В суммарном же зачете получалось, что электротехническая, в данном случае, отрасль выполняла план.

Нередко в величину валовой продукции засчитывались объемы, которые де-факто не существовали. По всей стране имели место приписки, когда с целью получения премий или каких-то морально-идеологических поощрений (грамот, орденов, «переходящих Красных знамен», занесения на «Почетную доску героев труда» и т.д.) фактические показатели произведенной продукции существенно завышались, т.е. фальсифицировались. Феноменом советских неформальных экономических отношений были так называемые «несуны», которые выносили за ворота предприятий готовую продукцию, будь то колбаса и сосиски, или электрические лампы и коленвалы.

Несметное количество продукции, уже засчитанной в показатели ВВП, пропадало на стадии ее движения от производителя к потребителю. Скажем, машинисты роторного экскаватора и электропоезда, работавшие на угольном разрезе и величина зарплаты которых зависела от натуральных объемов загруженного и вывезенного с карьера угля, засыпали его в открытые вагоны сверх всяких параметровых пределов. Естественно, что когда электричка набирала в пути достаточную скорость, весь уголь, засыпанный сверх технически допустимой нормы просто выдувался ветром, оставаясь лежать вдоль железнодорожного полотна (но на бумаге он числился уже в ВВП).

В общий объем ВВП шла и так называемая «загубленная», или «испорченная» стоимость. Например, в Казахстане производились высокосортные кожи, из которых, скажем, где-нибудь в Италии изготовили бы высоkokлассную модную обувь с высокой добавленной стоимостью. Но, к сожалению, эти кожи поступали отнюдь не в Италию, а, допустим, на какую-нибудь фирму «Жетысу», где из них делали неприхотливую, но «практичную» отечественную обувь, которую мало кто покупал, и она штабелями затоваривала склады, т.е. оставалась неликвидной. Или на Каспии добывалась рыба ценных пород, из которой производились такие консервы, что их качество устраивало даже не всякую кошку.

Таким образом, если в рыночных экономиках ВВП являлся действительно объективным показателем, то в советской экономике им можно было манипулировать как угодно, точнее, как этого требовала политико-идеологическая пропаганда.

Сложное положение складывалось в аграрном секторе экономики. В 1981–1985 гг. капитальные вложения в сельское хозяйство Казахстана возросли по отношению к пятилетке 1966–1970 гг. в 1,6 раза. Фондообеспеченность сельского хозяйства в расчете на 100 га угодий увеличилась за этот же период в 2,3 раза, фондовооруженность труда на одного работника — в 1,8, потребление электроэнергии на производственные цели — в 2,2, электровооруженность труда — в 1,9 раза.⁸ Численность работников, занятых в аграрной сфере материального производства, за десять лет (с 1975 по 1985 гг.) выросла на 15 процентов (это не считая «дармовой» рабочей силы — студентов, городских служащих, школьников, армию — регулярно привлекаемую к сельхозработам).⁹

Между тем темпы роста валовой продукции аграрного сектора были, мягко говоря, не адекватны нараставшим из года в год затратам. Так, в самые благополучные 1966–1970 гг. темпы роста сельскохозяйственного производства были зафиксированы на уровне 28 процентов, но уже в 1971–1975 гг. — 15, а в 1981–1985 гг. — 0,1 процентов. Если же учесть, что немалая доля валовой продукции аграрного комплекса приходилась на личные подсобные хозяйства населения (в среднем в год за 1981–1985 гг.: по картофелю — 56 процентов, овощам — 32, бахчевым — 35, плодово-ягодным культурам — 53, мясу — 31, молоку — 44, яйцам — 35, шерсти — 22 процентов), то динамика валового производства в колхозно-совхозных структурах обретает в рассматриваемые годы еще более удручающую картину.¹⁰

По официальным оценкам, производительность труда в сельском хозяйстве росла от пятилетки к пятилетке. Согласно же современным расчетам, в 1985 г. по отношению к 1970 г. она выросла всего на 2 процента, а по отношению к 1980 г. даже упала на 9 процентов. О крайне низкой эффективности труда говорят сравнительные данные по странам. Так, чистый результат от всей деятельности в расчете на одного работника в Казахстане составлял всего 11 тыс. руб., или по нереальному валютному курсу тех лет что-то около 25 тыс. долл., тогда как в США этот показатель составлял 59 тыс. долл., Великобритании — 42 тыс., Германии — 32 тыс. долл. Один работник в среднем гипотетически «кормил» лишь 13 человек (в США — 80, Швейцарии — 100, Нидерландах — 60 чел.).¹¹

В свое время Сталин следующим образом раскрывал «преимущества» социалистического сельского хозяйства: «У капиталистов крупные хозяйства имеют своей целью получение максимума прибыли. У нас, наоборот, крупные хозяйства, являющиеся вместе с тем государственными хозяйствами, не нуждаются для своего развития ни в максимуме прибыли, ни в средней норме прибыли, а могут ограничиваться минимумом прибыли, а иногда обходятся и без всякой прибыли... Наконец, при капитализме не существует для крупных хозяйств ни особых льготных кредитов, тогда как при советских порядках, рассчитанных на поддержку социалистического сектора, такие льготы существуют и будут существовать. Обо всем этом забыла distinguished «наука». Такая идеология порождала иждивенческие тенденции в совхозах и колхозах, которые в условиях государственного патернализма, выражавшегося прежде всего в огромнейших дотациях на сельскохозяйственное производство и многомиллиардных кредитах, которые ежегодно просто списывались, мало задумывались о рентабельности своих производств.

В результате в 1981–1985 гг. только в Казахстане 53 процентов совхозов и колхозов были убыточны, а размеры убытка вылились в миллиард рублей (в Талды-Курганской области были убыточными 72 процентов совхозов и колхозов, Уральской — 78, Семипалатинской — 68, Целиноградской — 60 процентов и т.д.).¹²

Продолжал действовать затратный механизм. Так, в животноводстве затраты на производство 100 руб. валовой продукции составили в 1981–1985 гг. 120 руб.¹³ В рассматриваемые годы цена реализации не возмещала даже себестоимости в производстве мяса крупного рогатого скота, овощей, сахарной свеклы, молока и молочных продуктов, свинины, шерсти и т.д. Все это свидетельствовало о том, что колхозно-совхозная организация производства была нерентабельной и, в случае ее гипотетического функционирования в пространстве плотной рыночной конкуренции рухнула бы в одночасье.

Таким образом, колоссальные объемы целевых финансовых вливаний в сельское хозяйство не давали адекватной отдачи. Механизм действовавших организационно-хозяйственных структур, несмотря на обильные мультимиллионные ассигнования, постоянно пробуксовывал, обнаруживая неспособность трансформировать гигантские затра-

ты в нужный результат. Возникал порочный круг: для рывка структур была необходима широкомасштабная интенсификация, для которой, в свою очередь, требовались, наряду с прочим, огромные средства, однако последние, поступив в те же структуры, ими же и блокировались.

Глубоко иррациональную природу структурных образований эпохи «великого перелома» (колхозов и совхозов) обнаруживала их неспособность обеспечить общество продовольствием. Располагая на своей территории 2/3 мировых черноземов, занимая первое место в мире по площади сельхозугодий (603 млн га в СССР, 431,5 — в США, Канаде — 78, Нидерландах — 2,0 млн га), являясь абсолютным лидером по поголовью крупного рогатого скота, овец, свиней и птицы, обладая стадом коров, в 10 раз большим, чем Великобритания, и 40 с лишним раз, чем Дания (крупнейший экспортер масла), имея 23 млн человек, занятых в сельском хозяйстве (в США — 3 млн), страна оставалась крупнейшим импортером продовольствия. Советский импорт сельхозпродукции вырос со среднегодового уровня в 2,6 млрд долл. (20% всего импорта) в 1970—1972 гг. до 19 млрд долл. (24 %) в 1981—1985 гг. Если в 1970 г. было закуплено на мировых рынках 165 тыс. т мяса и мясопродуктов, то в 1985 г. — 857 тыс., животного масла — соответственно 2,2 и 276 тыс. т, сахара-песка — 2745 и 4125 тыс. т.¹⁴

Из года в год стремительно росли импортные закупки зерна. И дело было не только в его дефиците. Главным стимулятором импорта выступали затратный характер экономики и магнетизм пресловутого вала. Это становится очевидным, если учесть, что в стране, даже в неурожайные годы, собиралось в среднем 70—75 млн т пшеницы (в благополучные — до 80 млн), тогда как, скажем, в США — 55—60, а в странах ЕЭС, вместе взятых, — 70—75 млн т. Куда же исчезало зерновое изобилие? Если даже принять во внимание несбалансированную структуру питания населения, где основными энергетиками выступали картофель и хлеб (подушевое потребление хлебопродуктов в 1985 г. составляло в СССР 132 кг, в США — 96, Дании — 71, Канаде — 69, Нидерландах — 64 кг),¹⁵ то все равно масштабы производства зерна должны были оставаться достаточными для удовлетворения собственных потребностей и даже для экспорта.

Однако это в теории. На практике все сводилось на нет все тем же затратным механизмом. Гигантские объемы зерна ежегодно исчезали в пропасти под названием «экстенсивное животноводство». В погоне за валовыми показателями было наращено огромное, но малопродуктивное поголовье скота. В Казахстане породистым было только чуть более 30 процентов крупного рогатого скота. В результате средний вес одной единицы крупного рогатого скота увеличивался всего на 3 кг в год, а средние удои составляли 1800 кг, тогда как, например, в Дании — 5700 кг. Понятно, что в такой ситуации сельское хозяйство постоянно упиралось в кормовую проблему. При сохранении деформированной структуры сельскохозяйственного производства (в рекордный по урожаю 1987 г. из 211 млн т зерновых на такой мощный кормовой энергетик, как кукуруза приходилось всего 14,8 млн т, сою — 0,7 млн т) потребности животноводства решались главным образом за счет грубых

кормов и зерна. Последнего ежегодно скармливалось до 40–45 млн т.¹⁶ Где-то в таких пределах и фиксировались его импортные поставки.

Первые крупные импортные операции с зерном стали проводиться в 1963 г. Но на постоянную, так сказать плановую, основу они были поставлены в 1972–1973 гг., когда цены на нефть по сравнению с ценами мирового продовольственного рынка резко возросли, создав у руководителей страны иллюзию выгодности обмена невосполняемых сырьевых ресурсов на зерно. Если в 1970 г. было закуплено 2,2 млн т зерновых, то в 1980 г. – 29,4 (из них 14,7 млн т пшеницы), а в 1985 г. – 45,6 млн т (21,4 – пшеницы). По данным ФАО (Продовольственная организация при ООН), с 1971 по 1988 г. СССР закупил за рубежом (в основном в США, Канаде, Аргентине, Турции) 483 млн т зерна на сумму 70 млрд долл. В 1985 г. каждая третья булка хлеба и каждая вторая пачка макарон, поступавшие в потребление населения, были импортного происхождения.¹⁷

Таким образом, огромный и разнообразный комплекс мер, постоянно расширявшийся, абсорбировавший гигантские ресурсы общества, периодически «встряхивал» экономические структуры, но не сообщал им поступательного движения. Говоря образно, структуры, созданные в ходе масштабного социального эксперимента, испытывали сильнейшую аритмию, которая выписывала кардиограмму, близкую к предынфарктному кризу. И именно кризис определял состояние общества, а не застой – термин, надуманный официальной пропагандой для обоснования и оправдания новых утопических экспериментов.

2. ОСОБЕННОСТИ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

Политический курс, открытый решениями 1964 года, рождался на базе не оправдавших себя в прошлом подходов к осуществлению реформ. На октябрьском (1964 г.) Пленуме ЦК КПСС произошла смена руководства партии и страны. Группа деятелей высшего политического руководства СССР в глубокой тайне подготовила смещение Н.С. Хрущева. Наибольшую активность в организации переворота сыграли Л.И. Брежнев, П.Н. Игнатов, А.Н. Шелепин, М.А. Суслов и председатель Комитета государственной безопасности СССР В.Б. Семичастный. После неожиданного отзыва Н.С. Хрущева с отдыха 14 октября 1964 года состоялся Пленум ЦК КПСС, на котором с обвинительным докладом против Хрущева выступил М.А. Суслов. В работе этого Пленума принимал участие и ряд коммунистов из Казахстана. Пленум ЦК КПСС освободил Н.С. Хрущева от обязанностей Первого секретаря, члена Президиума и Председателя Совета Министров СССР. Первым секретарем ЦК КПСС был избран Л.И. Брежнев, а несколько позже главой Советского правительства Верховный Совет назначил А.М. Косыгина. Вскоре хрущевские кадры были смещены со своих должностей, и Первым секретарем ЦК КП Казахстана после отстранения И. Юсупова в 1960 году вновь стал Д. Кунаев.

Реформаторская лихорадка 1962–1969 гг. свидетельствовала, что к середине 1960-х годов уже достигнут тот предел перемен, который был реален на пути частичных изменений и усовершенствований. Проводимые мероприятия не предусматривали крупных радикальных преобразований, затрагивающих экономические связи и отношения. Возникавшие проблемы решались путем субъективистских импровизаций, рассчитанных в основном на эффект организационных перестроек. Положения не облегчила и идея построения в стране коммунистического общества.

Д.А. Кунаев.

В 1967 году на торжественном заседании в честь 50-летия Октября Л.И. Брежнев заявил, что главным итогом пройденного советским народом исторического пути является построение «развитого социалистического общества». Отличие этой концепции от предшествовавших теоретических построений заключалось в признании того факта, что «социализм — относительно длительный этап» в развитии общества, а данная парадигма произрастала на почве преувеличений экономических и социальных достижений Советского государства, лакировки действительности. Она не вскрывала причин нарастающих противоречий общества, застойности, бюрократизма, поскольку процессы развития общества рассматривались лишь под одним углом зрения, что было достигнуто в сравнении с прошлым. В результате поиск путей совершенствования социализма, если и мог вестись, то только в рамках устаревших представлений.

В 1970-е годы реальные рычаги власти все в большей мере сосредотачивались в рамках партийно-государственного аппарата, который решал все повседневные и текущие вопросы управления, подмывая под себя советские и хозяйственные органы. Ограничение демократии, отчуждение трудящихся от собственности и от власти, подавление личности — вот характерные черты политической системы советского общества. Приверженность к шаблонам и стереотипам, усилила закостенелость и формализацию демократических институтов. И хотя за эти годы были приняты десятки и сотни постановлений руководящих органов об улучшении, например, деятельности Советов, сдвигов не происходило, да и не могло произойти. Процесс огосударствления распространился и на профсоюзы, комсомол, общественные организации. Сращивание общественных организаций с партийно-государственным аппаратом свело на нет их самостоятельное начало.

Характерная для данного периода обстановка разрыва между словом и делом, принимаемыми решениями и их исполнением привели к апатии и безразличию советских людей. Неудачи реформ 1956–1965 гг., отсутствие ощутимых результатов породили неверие в провозглашенные цели и намерения. «Синдром усталости» от перемен, тяготение к более устойчивым формам жизни в немалой степени способствовали расцвету механизма торможения в 1970–80-е годы. Более того, появились признаки почти физической деградации значительной части на-

селения на почве усилившегося социального иждивенчества и пьянства.

Массовое нарушение гражданских прав, безответственность властей, отчуждение широких слоев населения от управления государством были тем более нетерпимыми, что ключевой идеей КПСС и в 1960-е годы, после известной либерализации сталинского режима, по-прежнему был тезис о СССР как государстве рабочих и крестьян, в котором трудящиеся массы прямо осуществляют политическую власть. Но подобное утверждение в этот период начинает вызывать критику даже самих европейских марксистов. В частности, один из руководителей ЦК Компартии Югославии Милован Джилас писал: «Современный коммунизм — это такой тоталитаризм, где три основных фактора господства над людьми — власть, собственность, идеология — представляют собой монополию одной-единственной политической партии, или... нового класса, а в конкретной сегодняшней ситуации — верхушки (олигархии) этой партии или же этого класса». Еще более жесткую оценку характеру советского правления дал известный политолог, диссидент Абдурахман Авторханов, который утверждал, что в СССР не было Советской власти, а существовал режим, называвший себя «Советской властью» по традиции, и основанный на диктатуре трех ведомств: КПСС, КГБ и Вооруженных Сил, неподконтрольный общественности, не подотчетный широким слоям населения.

Социальной и духовной основой недовольства политикой КПСС все более становилась ее двойственность: партийные комитеты официально провозглашая интернационализм, и в то же время любое проявление национального достоинства, интерес и историческому прошлому, языку рассматривали как проявление национализма. И даже для времен хрущевской «оттепели» была характерна политика активной русификации и идеологической унификации, и в отличие от национальных республик, главным образом, «оттепель» коснулась Москвы и Ленинграда.

С проведением политики освоения целинных и залежных земель была достигнута и цель создания перевеса русскоязычного населения в Казахстане; энергичные и волевые руководители из числа казахов под различными предлогами вытеснялись с руководящих должностей. В этот период в политике травли и репрессий властей стало доминирующим не прямое физическое уничтожение, а проведение многолюдных собраний представителей «интеллигенции», студенчества, рабочих, где осуждались «ошибочные» взгляды и научные концепции тех или иных авторов; практиковались исключение из рядов КПСС, отстранение от работы, навешивание ярлыков и т.д. В частности, жертвами такой плановой травли в этот период стали К. Сатпаев и М. Ауэзов.

В отличие от прежних времен, в 1960-е годы носителем альтернативных идей стала студенческая молодежь, обучавшаяся прежде всего в Москве (М. Татимов, С. Баймуханов, Б. Тайжанов). Впоследствии один из лидеров молодежной студенческой организации «Жас тулпар» Мурат Ауэзов признавал, что они испытали освежающее дыхание «оттепели» политической либерализации именно в столице СССР.

Обучающаяся молодежь, пожалуй, одна из первых обратила внимание на отстающее положение казахского аула, скрытую дискриминацию в отношении казахского языка и культуры и выдвинула ряд социальных инициатив по вопросам возрождения духовности и развития народа. В 1962 году студенты создали неформальную (не оформленную в официальных структурах) организацию «Жас тулпар», которая просуществовала до 1966 года.

В отличие от российских диссидентов, основным требованием которых стали лозунги либерализации режима, пересмотра основных постулатов сталинизма, участники группы «Жас тулпар» выдвигали идеи расширения пределов национальной автономии, повышения статуса республик. В ряде случаев участники группы выходили за рамки разрешенного, критикуя официальную политику.

С целью проведения культурно-просветительной работы сторонники неформального объединения «Жас тулпар» выезжали в аулы, устраивали дискуссии и беседы на политические темы.

Факт создания самостоятельных неформальных групп, к тому же в национальной республике, попытки рассмотрения внутренней политики КПСС с несколько нелегитимированной позиции вызвали озабоченность и тревогу партийных комитетов и спецслужб. Следует подчеркнуть, что «Жас тулпар» не представляла собой прямую оппозицию властям, члены группы, допуская свободомыслие, не затрагивали основ существующего режима. Тем не менее, после обсуждения деятельности «Жас тулпара» в высшем партийном аппарате Казахстана были приняты «всесторонние» меры по ее расформированию. В сложившихся условиях потепления политического климата власти на этот раз ограничились не строгими мерами — их покритиковали, пожурили с помощью аксакалов (С. Муканов). Прямым репрессиям студенты подвергнуты не были, что дало им возможность окончить с успехом учебные заведения и приступить к работе по специальности. Однако их фамилии, естественно, стали достоянием спецслужб.

Тем не менее, разрозненные неформализованные, непартийные (имеется в виду КПСС) группы продолжали возникать в различных частях Казахстана. Так, например, значительно позже общественности стали известны данные о существовании в Караганде нелегальной партии «ЕСЕП» («Елін сүйген ерлер партиясы»), в Павлодаре — организации «Жас ұлан» («Молодая гвардия»). Обе организации имели программу, устав, и даже функциональные отделы и налаживали связь с регионами. Определенной целью этих немногочисленных организаций была защита казахской культуры и языка, требование территориальной целостности республики. Вскоре они были выслежены и разгромлены органами Комитета государственной безопасности.

В 1973—1974 годах среди студентов исторического факультета КазГУ возникает группа «Сары-Арка», имевшая свой устав и в качестве программных целей указавшая на повышение статуса Казахстана, возрождение языка и национальной культуры. Группой велась агитационная работа, нелегально распространялись листовки. Попав под наблюдение КГБ, группа распалась, лидеры подверглись преследованиям в

уголовном порядке по ст. 170 Уголовного кодекса Казахской ССР. По некоторым сведениям, таких молодежных организаций в 1970-е годы было около 20.

Собранные нами материалы опровергают миф о всенародной поддержке политики КПСС; даже в условиях жесточайшей цензуры находилось немало лиц, подвергавших сомнению тезисы о «решенности всех проблем в СССР». Согласно нормам Конституции, граждане СССР могли объединяться в общественные организации, и им были гарантированы свободы: слова, печати, собраний, митингов, уличных шествий и демонстраций. Но лишь несколько условий, а именно — норма о монопольной «руководящей и направляющей роли КПСС» и размытое «в интересах укрепления и развития социалистического строя» превращал эти права в фикцию.

Тезис о бесппроблемности развития советского общества и решенности национального вопроса в СССР был наиболее остро подвергнут испытанию в 1979 году. Деформации в области национальной политики, попытки ассимиляции и русификации советских народов под благовидными лозунгами интернационализма вызывали возмущение и недовольство многих граждан Казахстана. Но лишь немногие отважились выразить открыто свои протесты. Одним из тех, кто открыто подвергал критике национальную и социальную политику КПСС, был преподаватель высшего учебного заведения, философ Махмет Кулмагамбетов. В вину М. Кулмагамбетову, как сказано в обвинительном заключении, было поставлено то, что работая в качестве преподавателя в ряде учебных заведений, «проводил ревизионистскую линию по ряду вопросов марксистско-ленинских теорий политической экономии... по месту жительства и работы высказывал антисоветские измышления, порочащие существующий в СССР государственный и общественный строй, ...клеветал на КПСС, ее руководителей и на проводимые в СССР государственные мероприятия и политику. Распространял вредные националистические суждения, восхвалял жизнь в буржуазных странах, их демократию, государственный строй, а также капиталистическое производство и экономику США».

М. Кулмагамбетов был арестован в 1962 году и осужден 2 сентября 1963 года по статье 56, ч. 1 Уголовного кодекса КазССР на 10 лет. Свой срок он отбывал на строительстве газопровода Торжок—Ужгород и в Сургуте (Тюмень) вместе с известными правозащитниками Буковским, Синявским, Товмасыном. После освобождения эмигрировал за рубеж. Был постоянным сотрудником радиостанции «Свобода», часто выступал с аналитическими статьями. В 1983 году М. Кулмагамбетов давал показания на международных слушаниях по вопросу принудительного использования труда политических заключенных на различных стройках. Он сообщал, что в 1974 году на заводах «Главтюменгазнефтестроя» в тяжелых условиях работали 960 заключенных, впоследствии эта цифра выросла до 1500 человек.

Реакция партийных органов и средств массовой информации на выступления и показания М. Кулмагамбетова повторила методы прежних времен. Через печать, радио и телевидение была устроена настоящая обструкция казахскому диссиденту.

Вторым диссидентом, которого власти публично судили за убеждения и взгляды, был Хасен Кожаметов. В ноябре 1977 года он был осужден по статье 170-1 Уголовного кодекса КазССР к двум годам лишения свободы в исправительно-трудовой колонии «за распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй». Вторично осужден 22 апреля 1987 года за участие в событиях декабря 1986 г., по статьям 60 и 65 Уголовного кодекса Казахской ССР.

По мнению доктора исторических наук профессора Л. Гуревича, в новейшей истории Казахстана было совершено немало несправедливых судов за инакомыслие, политическую оппозицию над гражданами Казахстана; причем состав осужденных был интернациональным, но отсутствие конкретных архивных данных еще не позволяет шире раскрыть тему существовавшей скрытой оппозиции в Казахстане. И в борьбе с инакомыслием и политической оппозицией КПСС активно использовала не только суды, но и такие специфические органы, как КГБ и МВД, молодежные общественные организации.

Оппозиционные настроения казахстанцев, особенно казахского населения, наиболее остро проявились в 1979 году в Целинограде (ныне Астана) и в декабрьские дни 1986 года. Причинами событий стали многолетнее игнорирование социально-экономических, и особенно национальных чаяний казахского населения, привычки решать проблемы силовыми методами.

В основе целиноградского конфликта лежало постановление Политбюро ЦК КПСС за №153/XI от 31 мая 1979 г. «Об образовании немецкой автономной области», в котором было сказано: «В целях создания необходимых условий для развития национальной культуры немецкого населения и улучшения идейно-воспитательной работы среди него, а также для лучшего развития экономики и освоения природных богатств районов, входящих в область, считать целесообразным образовать Немецкую автономную область в составе Казахской ССР с непосредственным подчинением ее республиканским органам». Принятию же данного решения предшествовала записка группы ответработников ЦК КПСС за подписью Ю.В. Андропова, И.В. Капитанова, М.В. Зимянина, Н.А. Щелокова, В.М. Чебрикова и др. от августа 1978 г., в которой обосновывалась необходимость образования немецкой автономии в Казахстане и прилагались конкретные предложения о порядке образования данной автономии. Заметим, что среди «подписантов» не было ни одного представителя Казахстана, хотя речь шла о случае, который затрагивал интересы непосредственно и Казахстана, и миллионов его граждан. Лишь в одном месте вскользь упоминается, что «ЦК Компартии Казахстана (т. Кунаев Д.А.) к данному предложению относится положительно». В русле решений Политбюро ЦК КПСС были подготовлены указы проектов Президиума Верховного Совета Казахстана, СССР и даже проект закона Казахской ССР об образовании Немецкой автономной области в составе республики.

После выхода постановления Политбюро ЦК КПСС от 31 мая 1979 г. руководители Казахстана приступили к его реализации, в частно-

сти, к уточнению границ новой области, рассмотрению вопросов размещения областных организаций, стали утверждаться структуры и штаты нового образования.

Решение о создании автономии, принятое без должной разъяснительной работы, вызвало возмущение среди местного населения. 16 и 19 июня 1979 г. в городе стали распространяться рукописные листовки. В те же дни на улицах города стали происходить митинги и демонстрации, представленные главным образом молодежью казахской национальности. Главным лейтмотивом выступавших были лозунги о том, что «Казахстан един и неделим». Имели место также оскорбительные для немецкого населения высказывания: «Не отдадим землю отцов фашистам», «Выслать всех немцев в Сибирь», «Восстановить спецкомендатуры» и т.д., что показывает и невысокий уровень политической культуры части молодежи.

Вскоре волнения были локализованы и прекращены, а решение об открытии немецкой автономии отложено на поздний срок.

Следующая демонстрация состоялась 19 июня. К митингующим вышли председатель облисполкома Джумахметов и первый секретарь обкома партии Морозов. В своей долгой и пространной речи Морозов все же смог заверить людей, что в Целиноградской области никакой автономии создано не будет. Тем не менее, люди были взбудоражены. Волнения перекинулись на другие населенные пункты и области. Но через некоторое время страсти улеглись. Не произошло каких-либо крупных правонарушений, но у людей в душе остался какой-то тяжелый осадок, возникла настороженность. В административном порядке был наказан ряд демонстрантов.

Но руководство республики и КГБ приложили максимум усилий к тому, чтобы информация о демонстрациях не получила широкого распространения. Полным молчанием обошла происходящее и пресса. Но слухи о волнениях 1979 г. в Целинограде долго циркулировали по республике.

В целях погашения эмиграционных настроений в среде советских немцев партийные функционеры предлагали усилить антирелигиозную работу, всячески препятствовать выезду немцев, используя средства массовой информации, ограничивать квоты и т.д.

Таким образом, казахстанское общество с окончания Второй мировой войны и до конца 1980-х годов находилось в напряженном, наполненном конфликтами состоянии. Попытки десталинизации и некоторой либерализации политического режима, предпринятые Н.С. Хрущевым и его сторонниками, не привели к изменению системы. Страна продолжала жить в узких рамках классовых парадигм и строительства «светлого будущего», отторгая всеобъемлющие и неотъемлемые гражданские права: на свободу убеждений, совести, вероисповедания, на митинги, шествия и демонстрации. «Оттепель» лишь краем затронула Казахстан. Политическое инакомыслие и свободомыслие подавлялись с помощью репрессивного государственного аппарата и различных ухищрений и кампаний. Отсутствие цивилизованных и постоянно действующих каналов обратной связи между властью и обществом в массовом порядке порождало

недовольство и «оппозицию существовавшему режиму», накопившаяся критическая масса недовольства социальной и национальной политикой властей нередко порождала острые взрывы, наподобие событиям в Темиртау (1959 г.), Целинограде (1979 г.), в Алма-Ате (1986 г.) и др. городах республики.

Противоборство власти и оппозиции во второй половине XX века шло с переменным успехом. Перманентные аресты, репрессии, различные кампании, поражение в правах представителей оппозиции не усиливали мощь номенклатуры (бюрократии), а незаметно ослабляли ее и делали власть все более недееспособной, что наиболее ярко было продемонстрировано в 1979 и 1986 годах в процессах разрушения (деструкции, коллапса) СССР и в дни августовского путча 1991 г.

Физическое угнетение оппозиции и политического инакомыслия в конечном счете обусловило нравственный упадок и поражение самой власти.

Явно надуманным и не отвечающим интересам советских людей было решение о введении советских войск в декабре 1979 года в Афганистан. Такое важное решение было принято узким кругом советского руководства во главе с Л.И. Брежневым. Только из средств массовой информации о вводе войск в Афганистан узнали руководители среднеазиатских республик, в том числе и Казахстана. Но советские люди в подавляющей массе поверили в поданную официальными кругами информацию о необходимости и безотлагательности ввода войск в Афганистан. За исключением отдельных лиц открытого недовольства и несогласия с решениями властей не проявлялось. Тем временем в Афганистане гибли как советские солдаты, так и мирные жители этой горной страны. Одним из тех, кто решительно выступил, против этой авантюры, был академик Андрей Дмитриевич Сахаров. В открытом письме, обращениях к Президиуму Верховного Совета СССР, его Председателю Л.И. Брежневу он писал о бессмысленности ввода советских войск в Афганистан и требовал их вывода и решения этой проблемы в ООН. Кроме того, А.Д. Сахаров требовал кардинальным образом пересмотреть военные и ядерные концепции Советского Союза. В ответ брежневское руководство отправило его в административную ссылку из Москвы в г. Горький (Нижний Новгород).

Решение советского руководства о вводе войск в Афганистан значительно подорвало международный авторитет СССР. Другим крупнейшим и дорогостоящим просчетом советской внешней политики явилось решение о размещении ракет среднего радиуса действия в Европе. Оно резко дестабилизировало международную обстановку и вызвало волну недоверия к политике СССР за рубежом.

Теоретическая модель социализма, которой придерживались первые большевики — В.И. Ленин, Л.Д. Троцкий, затем строительство сталинской концепции в СССР не решили основные противоречия, изначально присущие советскому обществу. Экономика страны в 1940–50-е годы продолжала развиваться на экстенсивной основе; кризисные явления в политическом секторе, репрессии, бюрократизм, консерватизм, удушение политических свобод стали ее неотъемлемыми и характерными

признаками. Запущенная через идеологические машины теория «развитого социализма» с аномально-преувеличенными достижениями в экономике и социальной жизни общества порождала атмосферу всеобщего благодушия и неистощимого самодовольства, прямо указывая, что «большевизм есть третье явление русской великодержавности, русского империализма, — первым явлением было московское царство, вторым явлением петровская империя. Большевизм — за сильное, централизованное государство... Большевизм вошел в русскую жизнь, как в высшей степени и милитаризованная сила» (с. 99). И в целом, Н. Бердяев постоянно подчеркивал глубокую связь между Российской империей и Советской властью. А Казахстан, как известно, долгое время был составной частью этого образования.

В конце 1970-х — середине 1980-х годов в Советском Союзе создавалась парадоксальная ситуация. Никогда ранее он не имел столь могучего оборонного потенциала, но близость войны, опасность быть подвергнутым ядерному нападению стала от того еще более значительной.

Умершего в ноябре 1982 года Л.И. Брежнева заменил тяжело больной Ю.В. Андропов, бывший председатель КГБ. Его попытки административными методами навести порядок и дисциплину успеха не имели. После его скорой кончины в феврале 1984 года руководство Политбюро перешло к Константину Устиновичу Черненко, тоже очень больному человеку и не обладавшему качествами лидера государства. К.У. Черненко руководителем СССР был чуть более года.

3. ОБОСТРЕНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ

Экологическая безопасность населения является неперенным условием нормального состояния общества. Однако в 1960-е гг. стали во все возрастающих масштабах проявляться тенденции создания негативных условий для жизнедеятельности человека, образования неблагоприятной окружающей природной среды.

Экстенсивная экономика, предполагающая чисто потребительское, а точнее будет сказать — хищническое отношение к природной среде, растущая урбанизация, негативные последствия индустриализации и ресурсоемкой технологизации порождали в Казахстане обширнейший ареал экологического напряжения.

Источниками беспрецедентно разрушительных экологических потрясений выступали военно-промышленные и оборонные объекты. В их ряду, прежде всего, следует назвать Семипалатинский испытательный ядерный полигон (СИЯП).

Строительство СИЯП развернулось в соответствии с решением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 1 августа 1947 года на территории Семипалатинской (54% общей площади полигона), Павлодарской (39%) и Карагандинской (7%) областей. С 1949-го по 1963 год здесь произвели 124 наземных ядерных взрыва, а после подписания СССР международного договора о запрещении ядерных испытаний в атмосфере (1963 г.) были осуществлены подземные испытания — 354 взрыва.

Как теперь стало известно, во время проведения наземных испытаний в целом ряде случаев ядерные следы выходили за пределы полигона, заражая прилегающие к нему районы. Из 354 подземных взрывов в 30% радиоактивный газ вырывался наружу, становясь источником заражения территории. Имело место локальное заражение и при проведении воздушных ядерных испытаний (в 11 случаях из 87 взрывов): масса продуктов радиационного распада выбрасывалась в атмосферу, откуда они постепенно выпадали на землю, заражая почву, воду, воздух.

Около 3 млн га территории Казахстана отводилось к полигону Капустин Яр, где было произведено 11 воздушных ядерных взрывов на высоте от 5,5 до 30 км (их суммарная мощность была равна 65 бомбам, сброшенных на Хиросиму). Здесь же было испытано и взорвано около 24 тыс. управляемых ракет и уничтожено по договору о разоружении 619 ракет.

С 1966 по 1979 гг. 17 подземных ядерных испытаний было осуществлено на полигоне Азгир (объект «Галит») на массивах каменных солей Прикаспийской низменности. Взрывы проводились в скважинах на глубине от 160 до 1500 метров, известно, что только из четырех таких скважин произошел выброс на поверхность земли более 10 млн кюри радиоактивных веществ.¹⁸ Шесть подземных ядерных взрывов было произведено с 1983 по 1984 гг. на объекте «Ли́ра» (Карачаганак).

Различные мониторинги, проводившиеся с целью выяснения масштабов последствий ядерных испытаний на прилегавшие к полигонам территории, выявили здесь катастрофическую ситуацию. Так, в районах Семипалатинского испытательного ядерного полигона содержание радиоактивных элементов цезия-137 к глобальному фону оказалось выше в 8 раз, плутония-239 превышало ПДК (предельно допустимую концентрацию) в сотни раз. В районах, прилегавших к Капустину Яру, содержание цезия-137 по отношению к глобальному фону было выше в 220 раз, а плутония-239 приближалось к 240 ПДК.

Радиоактивные выбросы и, как их следствие, заражение территории разрушительно сказывались на здоровье населения. В радиусе СИЯП около 100 тыс. чел. подверглись радиоактивному облучению дозой от 100 до 160 бэр. С 1969 г. уровень смертности, связанный с лейкозами, возрос в Семипалатинской области в три раза, почти так же увеличилась частота рождения детей с умственной отсталостью и различными физическими аномалиями. Кроме того, резко снизилась рождаемость.

Печальную знаменитость получил «феномен Кайнара». Еще в 1957 г. группа ученых, возглавлявшихся директором НИИ краевой патологии Казахской ССР Б.А. Атшабаровым и главным радиологом Минздрава республики С.Б. Балмухановым, провела обследование населенных пунктов Каскабулак, Саржал и Кайнар Абайского района Семипалатинской области. Исследования состояния здоровья жителей поселков Кайнар и Саржал выявили болезни, которые по своей симптоматике, характеру и прецедентной частотности намного превышали количество аналогичных случаев в других населенных пунктах района. И причина в этом была одна: влияние атомных испытаний на СИЯПе. Как выяснилось, в

поселках Кайнар и Саржал радиоактивный фон достигал 150–200 рентген, тогда как в нормальных условиях он не должен превышать 0,5 рентген, в радиоактивной среде — 5, а за всю жизнь человек получает не более 35 рентген.

По результатам медицинского обследования населения на территориях, прилегающих к полигону, проведенного в 1957–1959 годах Саимом Балмухановым и Бахией Атшабаровым, был составлен отчет о губительном влиянии ядерных испытаний на экологию всего региона, на основе которого в Кремль пошла докладная записка за подписью 1-го секретаря Семипалатинского обкома КП Казахстана М.А. Сужикова. В ней впервые была представлена систематизированная картина увеличения заболеваний неведомой ранее симптоматики, а также лучевого воздействия на наследственность проживающих там казахов. Как впоследствии вспоминал академик Балмуханов, после выполнения этой миссии секретарь обкома «слетел со своего поста как шапка с головы».¹⁹

Нарушение режима секретности в отношении полигона в данном случае не играло существенной роли при достаточно развитых средствах технической разведки. Основанием для беспокойства явился сам поступок, когда демарш представителей казахской интеллигенции против brutальных методов, какими реализовывалась стратегия ядерного превосходства СССР, мог возбудить общественное мнение. Норберт Винер говорил о тоталитарном государстве, что в ответ на сигналы обратной связи оно реагирует уничтожением их носителя.

Пример Сужикова примечателен и с точки зрения того, какой метод применила коммунистическая политехнология для дезавуирования своих строптивых периферийных руководителей. Прецедент с докладной запиской по поводу смертоносного влияния Семипалатинского полигона на местное население, являясь истинной причиной недовольства Москвы и Алма-Аты, тем не менее, не мог выступить в качестве повода для смещения областного руководителя. События должны были развиваться по отлаженному уже номенклатурному сценарию. В качестве традиционного предлога для аутодафе выдвигалось обвинение в срыве обязательств по производству сельскохозяйственной продукции. Сначала рупор ЦК КПСС «Правда» дал жесткую критику положению дел в сельском хозяйстве в области.²⁰ Затем был проведен 3-й пленум Семипалатинского обкома КП Казахстана, где Сужиков критиковался за то, что «урожайность сельскохозяйственных культур не повышается, а в ряде хозяйств собирают низкие урожаи» (Д.А. Кунаев).²¹ 3 сентября 1960 года Сужиков был снят с поста 1-го секретаря Семипалатинского обкома партии за срыв мероприятий по зернодобывающим отраслям.

Однако парадокс заключался в том, что лишь неделю спустя новое руководство области торжественно объявило о том, что «труженики сельского хозяйства Семипалатинской области досрочно к 10 сентября выполнили план продажи хлеба государству».²² Тут был очевиден как политический подлог в проведенной акции, так и ее скрытый смысл: зона имперских интересов в Казахстане была вне компетенции республики.

Как бы там ни было, но с конца 1958 года по январь 1961 года испытательных взрывов ядерного оружия на полигоне не производилось, за исключением гидроядерных экспериментов. Докладная записка все-таки возымела свое действие: Министерство среднего машиностроения СССР произвело отселение аулов из опасной зоны и частично компенсировало местному населению вывод земель полигона из хозяйственного оборота, на систематической основе начали проводиться медицинские освидетельствования.

Нельзя не сказать и о той негативной роли, которую сыграл в экологии Казахстана ракетно-космический проект. В середине 1950-х гг. началось строительство Байконура. Гигантский комплекс вместе с главными и вспомогательными объектами расположен на площади, которая равна территории 12 таких городов, как современная Москва. К космическому комплексу относятся также территории для сбрасывания отработанных ступеней ракет по трассе их движения: 4,6 млн га — в Казахстане, 1,2 млн га — в Туркменистане, 5,3 млн га — в России. При ударе этих частей ракет о землю происходит взрыв и остатки горючего разбрасываются на значительные расстояния, попадают в приземные слои атмосферы. Специальные исследования выявили наличие гептила (компонент ракетного топлива) в грунтовых водах и заражение им кормовых трав. Только в Казахстане вследствие этого из хозяйственного оборота должны быть выведены более 180 тыс. га кормовых угодий.²³

Кроме того, космодром являлся крупнейшим потребителем воды и энергии в этом районе. Его ежедневный расход воды составлял 160 тыс. кубометров. И это в маловодной местности вблизи высыхающего Аральского моря и снижающей свой уровень р. Сырдарьи.

Что касается техногенного воздействия от производств, не связанных с военно-промышленным комплексом, то их экологически деструктивный эффект был так же масштабен. Лозунг общенародной собственности на землю, недра, леса и воды оказался на поверку не более чем пропагандистской демагогией. Действительными хозяевами природных ресурсов выступали министерства и ведомства, крупные промышленные предприятия и объединения, которые, сосредоточив в своих руках огромную власть и большие материально-технические средства, проводили антиобщественную политику уничтожения природы. Сотни зараженных и загрязненных водных ресурсов, миллионы гектаров уничтоженных плодородных земель, бездумное истребление гигантских лесных массивов, исчезновение многих видов растений и животных, загрязнение воздушного бассейна — таков неприглядный итог их хозяйственной деятельности.

По прямой вине Министерства мелиорации и водного хозяйства СССР Аральский регион превратился в мертвую зону. Уровень Аральского моря понизился на 14 м, площадь акватории сократилась на 40%, объем воды — на 65%. Если еще в 1950-х гг. здесь водилось 24 вида рыбы, 12 из которых представляли промышленную ценность, а уловы достигали 500 тыс. т в год, то к концу 1980-х гг. 20 видов рыбы полностью исчезли и море утратило свое рыбохозяйственное значение.²⁴ Высохшее

морское дно превратилось в гигантский очаг соленакопления и зарождения солепылевых бурь.

С поверхности солончаков, которые занимают огромные площади высохшего дна Аральского моря, в атмосферу ежегодно поднимается около 65 млн т ядовитой тонкодисперсной соли. Распространяясь на запад, она образует пылесолевые облака, дальность переноса которых неограниченна. В последние годы более чем в два раза увеличенное содержание солей в дождевой воде отмечалось под Ташкентом, в Беларуси и Литве. В непосредственной же близости от Аральского моря — в семь раз!²⁵

Понятно, что все это сказалось на жизни населения Приаралья и его здоровье. Специалисты зафиксировали здесь 30-кратный рост заболеваемости брюшным тифом, 7-кратный — вирусным гепатитом, количество онкологических больных превышало союзный показатель в 15 раз.²⁶

Примерно с начала 1970-х гг. в связи с дальнейшей экстенсификацией сельхозпроизводства в Казахстане начал применяться так называемый кочевой метод земледелия. Поля, утратившие естественное плодородие почв, выводились из хозяйственного оборота, а вместо них распахивались пастбища на свободных землях. В свою очередь, чтобы восполнить дефицит пастбищ, сжигались реликтовые леса в поймах рек Сырдарья, Жанадарья, Колгандарья и Кувандарья. Вследствие этого лесные массивы в Приаралье почти полностью были уничтожены. Например, по берегам Сырдарьи сохранилось менее 1/5 их первоначальной площади. В дельте этих рек исчезли и обширные площади тростника, он вырубался для производства бумаги. Приаральская дельта превратилась в болота и такыры. Из обитавших здесь 173 видов животных, значительная часть которых была занесена в Красную книгу СССР, осталось лишь 38. Антропогенная экологическая катастрофа, вызванная безвозвратным изъятием вод рек Амударьи и Сырдарьи, до сих пор сопровождается химическим загрязнением главных источников питьевой воды региона, сбросами в реки минерализованных дренажных вод, загрязненных ядохимикатами, продуктами распада минеральных и органических удобрений, что делает практически невыносимыми условия жизни в низовьях этих рек.

Из года в год в различных программах по «аграрной политике КПСС» неизменно присутствовал пункт о дальнейшем наращивании мероприятий по орошению земель. Минводхоз получал и распределял в этой связи астрономические средства. Но вследствие все той же экстенсивной экономической парадигмы эффект от этого не обретал ожидаемой адекватности: вода, как и деньги, буквально уходила в песок. Согласно статистическим данным, в Казахстане в 1985 году около 20% всего забора терялись при транспортировке до точек выдела. «Общенародная» собственность на воду превратила ее, по сути, в бесплатный ресурс. А потому мало кто был озабочен его столь масштабным растранижением. Обследования, проведенные в середине 1980-х годов в Алма-Атинской и Кзыл-Ординской областях, показали, что дефицит водоизмерительной аппаратуры составлял 237 единиц. Не случайно из 20 сельскохозяйственных предприятий, выборочно обследованных в этих областях, 16 превышали

нормы полива, а общий объем перерасхода воды при орошении земель составил суммарно около 30 млн куб. м.

Негативное воздействие оказывали на окружающую природную среду вредные газообразные, жидкие и твердые отходы промышленных предприятий. Отчетливо заметным это стало с конца 1950-х гг., когда в республике в широких масштабах развернулось промышленное строительство. Только в первой половине 1960-х гг. вследствие ввода в эксплуатацию крупнейших предприятий тяжелой индустрии количество источников, загрязняющих атмосферный воздух, увеличилось в Казахстане в 2,5 раза. При этом из 959 предприятий, производство которых было связано с загрязнением окружающей среды, только 76 были оборудованы газоочистными сооружениями и 97 — только частично.²⁷ Для охраны окружающей природной среды применялись большей частью технически устаревшие, паллиативные решения: более высокие дымовые трубы, создание и расширение «санитарных», «зеленых» зон, предоставление компенсационных льгот для работающих на вредном производстве и т.д. Эффект от этих простейших мер все больше обесценивался по мере экстенсивного роста производства, создания новых природофобных производств, ошибок в территориальном и отраслевом управлении, не принятия в большинстве случаев необходимых, более сложных решений, отсутствия своевременной корректировки технической и экономической политики согласно требованиям экологии.

Среди негативных экологических последствий особую тревогу вызывало загрязнение воздушного бассейна республики. С конца 1960-х годов предприятия только цветной металлургии, расположенные в городах Балхаше, Чимкенте, Лениногорске, Усть-Каменогорске и поселке Глубокое выбрасывали в атмосферу 3,6 млн куб. м в час технологических газов, 3,1 млн куб. м вентиляционных выбросов, а общая величина пылегазовых выбросов в атмосферу составляла 14 155 тонн в месяц.²⁸

Одним из наиболее экологически неблагополучных регионов являлась Восточно-Казахстанская область. Высокая концентрация предприятий цветной металлургии, несовершенство технологий, недостаточная оснащенность средствами очистки, изношенность, частые аварийные выбросы приводили к интенсивному загрязнению окружающей среды вредными веществами, содержащимися в выбросах и отходах промышленности. Загрязнение в основном распространяется по господствующей «розе ветров» — вдоль р. Иртыш с одинаковой повторяемостью с северо-запада и юго-востока. Поэтому в течение года в городах области регистрировалось до 50 случаев экстремально высокого загрязнения воздушной среды. В атмосферу области ежегодно выбрасывалось около 10 млн тонн загрязняющих веществ.

Специальные замеры выявили, что в атмосферном воздухе городов области содержалось более 100 вредных химических веществ. Наибольший ущерб качеству окружающей среды в Восточно-Казахстанской области наносили загрязнения воздушного бассейна выбросами Усть-Каменогорского свинцово-цинкового комбината.

Весьма высоких концентраций в воздушной среде достигали тяжелые металлы. Так, содержание свинца равнялось в среднем за 3 года

$0,018 \pm 0,004$ мг/м³ (ПДК—0,0003), цинка— $0,20 \pm 0,05$ мг/м³ (ПДК—0,05). А в г. Усть-Каменогорске содержание свинца равнялось в среднем за 3 года $0,026 \pm 0,006$ мг/м³ (ПДК—0,0003), цинка— $0,28 \pm 0,07$ мг/м³ (ПДК—0,05), марганца— $0,006 \pm 0,0004$ мг/м³ (ПДК—0,01).²⁹

Следовательно, почти во всех случаях содержание металлов в атмосферном воздухе значительно превышало допустимые нормативы. Причем наблюдаемые показатели в различные годы незначительно отличались друг от друга, т.е. были постоянны.

По степени загрязненности воздушного бассейна свинцом г. Усть-Каменогорск занимал одно из первых мест в списке наиболее загрязненных городов СССР. Среднегодовой уровень загрязнения свинцом в этом городе составляет 7–8 ПДК, максимально-разовая концентрация свинца доходит до 50 ПДК. В городе отмечалось систематическое превышение установленных нормативов загрязнения воздуха сернистым газом (3–4 ПДК), двуокисью азота, а также хлором и пылью. Наблюдалось превышение ПДК по цинку, меди, селену, кадмию, бериллию, кобальту, ванадию. Превышение содержания свинца в воздухе было стабильным, а содержание сернистого газа и двуокиси азота периодически превышало предельно допустимые концентрации.

К категории наиболее неблагоприятных по загрязнению промышленных центров относится и г. Лениногорск, расположенный в замкнутой межгорной долине, насыщенной крупными промышленными предприятиями цветной добывающей и перерабатывающей металлургической промышленности (свинцовый и цинковый заводы, обогатительная фабрика, четыре рудника и т.д.), которые создавали условия для интенсивного загрязнения окружающей среды рядом специфических химических компонентов. Наличие на некоторых предприятиях (в частности, на свинцовом заводе) устаревшей технологии производства, когда сутками завод простаивал, а потом в течение смены (особенно в ночное время) наверстывал «упущенное», выбрасывая в атмосферу огромное количество вредных веществ, значительно усугубляло экологическую ситуацию в городе. Не случайно в воздушной атмосфере города обнаруживались повышенные концентрации свинца, цинка, кадмия, мышьяка, пыли, окислы азота, сернистых и других вредных соединений.

Еще одним серьезным последствием хищнической эксплуатации природных ресурсов Казахстана стало истощение минеральных ресурсов, происходившее из-за потерь при разработке полезных ископаемых. По ориентировочным данным, в процессе добычи терялось около 50% ресурсов полезных ископаемых. При этом половина потерь являлась экономически неоправданной.

Горнодобывающие и перерабатывающие предприятия не были заинтересованы в комплексном использовании минерального сырья, добываемого из недр, они не несли никакой ответственности за образующиеся потери и как следствие — не принимали мер по их сокращению, а зачастую добивались выполнения плана за счет сверхнормативных потерь. Большие потери полезных ископаемых допускались на всех стадиях производственного процесса, от добычи до потребления гото-

вой продукции. Так, значительные потери в 20–25% на протяжении десятилетий допускались на Лениногорском, Зыряновском, Иртышском комбинатах. В целом только на рудниках цветной металлургии терялось ежегодно в среднем более 7 млн тонн ценных руд. Основное количество ценных руд терялось в процессе обогащения. Так, на Зыряновской обогатительной фабрике потери сырья составляли 14%, на Лениногорской – 20%, в том числе с отвальными хвостами терялось 40% таллия, 90% индия и германия, 70% селена и 80% теллура.³⁰

Одной из важнейших проблем мирового масштаба является загрязнение природных вод, ухудшение естественной среды их формирования под воздействием современной цивилизации. Показательным в этом плане может быть Казахстан, где острый дефицит водных ресурсов и их загрязненность создавали ряд проблем для республики. Вплоть до конца 1960-х годов в республике не проводилось активной и системной работы по охране и рациональному использованию водных ресурсов. К 1966 году всего 69 предприятий имели очистные сооружения, только в бассейны рек Иртыш, Урал, Тобол, Ишим, Каратал, Бадам ежегодно сбрасывалось свыше полумиллиарда куб м сточных вод, из них подвергались предварительной очистке только 20 проц.³¹

На грань исчезновения были поставлены лесные массивы республики. В Казахстане в общей площади территории леса занимают всего 3,5%. На территории Восточно-Казахстанской области расположено 60,5% всех лесов республики. Нерациональная вырубка лесов, пренебрежение посадками новых деревьев привели буквально к критическому положению. Между тем, планы по лесозаготовкам увеличивались из пятилетки в пятилетку.

Угрожающей стала проблема ядерных отходов. В Казахстане было выявлено около 100 мест их складирования. Общий вес ядерных отходов составляет примерно 419 млн т. Из них 8 млн т насыщено радионуклидами активностью около 13 млн кюри и 225 млн т – 233 тыс. кюри. Площадь радиоактивного техногенного загрязнения превышает 35 кв. км. Крупными очагами загрязнения являлись и предприятия, задействованные на реализации атомного проекта: Целинный и Прикаспийский горно-металлургические комбинаты, Мангышлакский энергокомбинат, Ульбинский металлургический завод в Восточном Казахстане, который являлся в СССР монополистом в производстве топливных элементов для ядерных реакторов, содержащих низкообогащенный уран. Ядерная инфраструктура привела к радиоактивному заражению огромных территорий, к серьезным и многочисленным отклонениям в здоровье проживающего здесь населения.

Не решались проблемы захоронения отработанных источников ионизирующего излучения и остатков промышленных радиоактивных шлаковых отходов объемом 1100 м³ с мощностью экспозиционных доз от 10 до 100 миллирентген/час.

Эти и другие техногенные факторы существенно сказываются на санитарно-демографических показателях здоровья населения, негативная динамика которых установлена по результатам ряда специальных исследований.

Нельзя не сказать, что в рассматриваемый период для выправления положения принимались десятки нормативных актов по рациональному использованию природных ресурсов и охране окружающей природной среды, обеспечению экологической безопасности. Однако по преимуществу они носили декларативный характер без соответствующего механизма реализации провозглашенных положений. Существенный недостаток законов, регулировавших отношения по организации, охране и рациональному использованию природных ресурсов, заключался также в том, что в них не в достаточной мере учитывались особенности отдельных регионов, природно-географические и экономические условия Казахстана. Унитарный характер Советского государства заранее обуславливал необходимость текстуального воспроизведения норм союзных законов без каких-либо коррекций в соответствии с местными особенностями.

В декабре 1973 года ЦК КПСС и СМ СССР приняли Постановление «О дополнительных мерах по усилению охраны окружающей среды и улучшении использования природных ресурсов». В постановлении предусматривались меры по усилению государственного контроля по проведению в жизнь мероприятий по охране окружающей среды, устранению в кратчайшие сроки имеющихся недостатков в деле рационального использования природных ресурсов и улучшения состояния окружающей природной среды. Особое внимание при этом было обращено на создание технологических процессов и оборудования, снижавших производственные вредные выбросы в атмосферу.

В постановлении говорилось, что министерства и ведомства СССР и Советы Министров союзных республик, отдельные объединения, предприятия, учреждения и организации несут полную ответственность за своевременное осуществление природоохранных мероприятий.

Для совершенствования государственной системы наблюдения и контроля за состоянием окружающей природной среды на Государственный комитет СССР по гидрометеорологии и контролю природной среды были возложены следующие обязанности: 1) ответственность за организацию и деятельность государственной системы наблюдения и контроля за состоянием природной среды; 2) регулирование использования воздушного бассейна городов и промышленных центров, контроль над источниками его загрязнения, соблюдение норм допустимых выбросов загрязняющих веществ в атмосферу; 3) разработка и утверждение совместно с Министерством здравоохранения СССР и другими заинтересованными министерствами и ведомствами норм предельно допустимых выбросов в атмосферу загрязняющих веществ; 4) рассмотрение представленных на согласование министерствами и ведомствами схем размещения объектов производственного и иного назначения и проектов на строительство и реконструкцию таких объектов по соблюдению требований предотвращения загрязнения атмосферы; 5) определение совместно с заинтересованными министерствами и ведомствами номенклатуры приборов и аппаратуры для контроля за состоянием окружающей природной среды, источниками загрязнения атмосферного воздуха, а также разработка технических требований на это оборудование.³²

В те годы Д.А. Кунаев отмечал: «Очень важно резко усилить борьбу против загрязнения воздушных бассейнов промышленных центров, в том числе столицы республики, улучшить охрану почв от загрязнения различными отходами, водной и ветровой эрозии, вторичного засоления, активизировать борьбу за чистоту рек и других водоемов, расширить лесоразведение, обеспечить защиту от селей и наводнений, поставить надежную преграду браконьерству, оградить природу и ее защитников от любых посягательств».³³

С 1974 г. стали разрабатываться перспективные и годовые планы по рациональному использованию природных ресурсов и охране природы, являвшиеся составной частью перспективных и годовых планов развития народного хозяйства. Государство наконец-то стало вкладывать средства в строительство природоохранных объектов. За период 1975–1980 гг. на эти цели было израсходовано около 700 млн рублей.

В эксплуатацию были введены искусственно-биологические очистные сооружения в городах Усть-Каменогорске и Алма-Ате, сооружения механической очистки в Караганде и мусороперерабатывающий завод в г. Алма-Ате и другие природоохранные объекты. В целях защиты воздушного бассейна от вредных выбросов на промышленных предприятиях республики были введены в эксплуатацию установки для улавливания и обезвреживания вредных веществ и отходящих газов общей мощностью 15 миллионов 819 тысяч куб м в час.

В работу по усилению защиты окружающей среды от производственных выбросов включились предприятия Южного Казахстана. Так, главной задачей объединения «Фосфор» была определена организация охраны воздушного и водного бассейнов путем сокращения выбросов вредных веществ в атмосферу и водоемы.

Многочисленные постановления, решения и резолюции по вопросу охраны окружающей среды не давали должного эффекта, конечно же, отнюдь не потому, что они игнорировались местными органами или хозяйствующими субъектами. Их «пробуксовка» имела куда более фундаментальную обусловленность. И ее сущностное начало генетически исходило из императивов экстенсивного характера экономической политики, которая предполагала в качестве своей всепоглощающей ориентации стратегию бесконечно расширяющегося природопользования. А потому принцип экологической рациональности, базировавшийся на идее гармонизации взаимопроникающих информационных связей между обществом и природой, попросту не отвечал действительным, а не публично декларируемым агитпропом, интересам государства. Идеология перманентного (из пятилетки в пятилетку) наращивания количественного производственного вала вступала в конфликт с природоохранительной концепцией организации экономики, который разрешался примитивным путем «снятия» последней с повестки дня.

Кроме того, нерыночный характер советской экономики обрекал все ее сегменты и взаимосвязи на абсолютную иррациональность. Кажущаяся дешевизна природных ресурсов, опосредованная «общенародной» собственностью, превращала общество в их бездумного рентополу-

чателя. И никакие идеологические кампании или апелляции к морально-нравственным ценностям, напыщенно провозглашенным в «Кодексе строителя коммунизма», не могли рассчитывать на адекватный отклик в общественной рефлексии. Ведь десятилетиями взращивавшаяся в массовом сознании иждивенческая психология предусматривала чисто потребительское отношение к природе только как к бесконечно продуктивной производительной силе.

На Западе, т.е. в развитых рыночных обществах, такая «хищническая» ментальная установка была сломлена объективными факторами частной собственности и реалиями жестко конкурентного рынка, в пространстве которого за все и вся надо платить. Первоначально именно материальные стимулы «воспитывали» здесь идеологию бережливого отношения к природе. Но со временем она трансформировалась в культуру энвайронментализма, т.е. общественно широко освоенную экологическую культуру, в носителей которой превращались все субъекты социума: от отдельной семьи до производственных корпораций. В Советском Союзе же пропаганда о «величии страны и ее гегемонии в мировом сообществе», а также всеобщий государственный патернализм (иждивенческое покровительство) невольно воспроизводили во всех нишах структур повседневности обыденную моральную рационализацию (оправдание) по принципу «государство богатое — не обеднеет». Отсюда спокойное «списывание» лесов и чистых рек, городских воздушных бассейнов, почв, фауны и флоры. Именно поэтому благовидные лозунги оставались не более чем «гласом вопиющего в пустыне».

4. УРОВЕНЬ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ

Катастрофические провалы в народном хозяйстве неминуемо проецировались на качество и уровень жизни населения. Вопреки декларациям, экономика работала не на человека. Об этом, в частности, свидетельствовала и структура промышленности, т.е. соотношение двух ее основных подразделений — производства средств производства (группа «А») и производства предметов потребления (группа «Б»). Если в 1970 г. удельный вес группы «А» (тяжелая индустрия, капитальное строительство, военно-промышленный комплекс и т.д.) в общем объеме продукции промышленности составил в Казахстане 73,3 процента, то группы «Б» — 26,7.³⁴ В 1985 г. доля потребительских товаров в ВВП упала до 25 процентов. Деформированные пропорции, заданные еще в годы сталинской индустриализации, обнаруживали, что динамика промышленности обеспечивалась главным образом за счет первого подразделения. Следовательно, увеличение валового продукта, а через него и национального дохода, весьма слабо влияло на уровень жизни населения, коррелируя больше в сторону военно-промышленного и индустриального потенциала, нежели благосостояния общества.

Об относительно низком уровне жизни свидетельствовало и состояние здравоохранения, социального обеспечения, жилищная проблема, экология, норматив физического износа населения, условия труда и его оплата, культурные и духовные потребности и т.д.

Стереотипы политэкономии социализма насаждали в общественном сознании уверенность в том, что инфляция в условиях социалистического планового хозяйства не может иметь места, ибо она есть атрибут исключительно стихийной рыночной экономики. Внешне как будто так и было: десятилетия цены на товары оставались стабильными. Однако на самом деле инфляционные процессы, подчиняясь объективным законам экономики, развивались весьма бурно, но выступали в скрытой форме. О высоком уровне инфляции говорил сильнейший дисбаланс спроса и предложения. При социалистической (деформированной) модели цены низки и стабильны, но товары в дефиците и, следовательно, малодоступны или, наоборот, товаров много, но в силу убогости их ассортимента и качества они становятся попросту никому не нужными.

Все годы существования советского планового хозяйства сохранялся острейший дефицит по большинству групп товаров, и прежде всего — товаров широкого потребления, выпуск которых в силу блокирования группы «Б» даже отдаленно не отвечал спросу. Например, в 1985 г. производство предметов потребления на душу населения в стоимостном выражении составляло в республике всего 468—480 руб. Теоретически среднестатистический житель мог выкупить этот объем товаров за свою двух-трехмесячную заработную плату, зарплата же оставшихся девяти месяцев, не находя реализации, откладывалась в сберегательные банки, формируя так называемый «отложенный спрос». Следовательно, увеличение вкладов от населения в сберегательных кассах говорило не о росте благосостояния (как это всегда интерпретировалось пропагандой), а о росте инфляции. Если в 1975 г. вклады населения в сберегательном банке определялись в Казахстане в сумме 3653 млн руб., то в 1985 г. — 7870 млн, т.е. всего за десять лет они возросли более, чем в 2 раза.³⁵

В результате дефицита товаров неудовлетворенный покупательский спрос в масштабе страны составлял 21—25 млрд руб. (явно заниженные оценки). Население в очередях за товарами потеряло (на середину 1980-х гг.) 65 млрд человеко-часов, не считая время на поиск нужных товаров, что соответствовало годовому фонду рабочего времени 35 млн человек, занятых в народном хозяйстве.³⁶ Все названные цифры и выступали внешне невидимым проявлением инфляции. Ее же явным обозначением были длинные очереди в магазинах, даже не говорившие, а «кричавшие» о гипертрофированном разрыве между платежеспособным спросом и производственной способностью ресурсов.

На индекс стоимости жизни оказывало скрытое воздействие и такое специфически советское явление, как «инфляция качества» товаров и услуг. В условиях административно-командной плановой экономики, предполагавшей в целях своего самосохранения закрытость потребительского рынка от внешней товарной интервенции и узурпацию его немногими государственно-монопольными производителями, отечественный покупатель был лишен возможности выбора в ассортименте и качестве приобретаемых продуктов.

В отсутствие конкуренции товаров и их всеобщего дефицита, он вынужденно приобретал, например, некачественные обувь и одежду, срок

службы которых оказывался весьма кратким (не случайно нынешние работники по ремонту обуви с ностальгией вспоминают советские времена, когда у них не было отбоя от заказов). В результате покупатель приобретал нужное ему изделие во много раз чаще, чем это диктовалось необходимостью или, скажем, запросами моды.³⁷ Следовательно, формально цены на ту же обувь могли оставаться стабильно низкими, но де-факто гораздо более высокими и «скачущими», если учесть, что потребитель в силу ее быстрого износа был вынужден покупать далеко ни одну пару ботинок или сапог, регулярно затрачивая деньги, к тому же, еще и на их починку. Или возьмем ситуацию с телевизионной техникой. Согласно статданным, ремонтировался каждый третий цветной телевизор, а затраты потребителей на ремонт составили на середину 1980-х годов 118 млн руб., или 13 процентов от стоимости продукции.

То же самое можно сказать о продовольственных товарах. Например, некая домохозяйка задумала попотчевать свою семью жареной картошкой. Но для этого она должна была купить не два, а, допустим, пять килограммов картофеля, ибо из последних три непременно оказывались гнилым или с червоточинной плесенью продуктом. И такой вынужденный перебор требовался при покупке почти всех, «сияющих» с показушных витрин, овощей и фруктов. Не будем здесь тривиально вспоминать о дешевом мясе, до 60 процентов которого при его разделке шли в виде сухожилий или костей в мусорный бачок или на корм собакам и кошкам.

Данный аспект реальной инфляции можно проиллюстрировать и конкретными выкладками. Например, по данным ЦСУ СССР, цена на цельномолочную продукцию поднялась с 1961 по 1968 гг. на 14,9 процентов. Но при этом игнорировалось то обстоятельство, что согласно инструкциям, нормативная жирность была понижена с 3,68 процента до 3,2, что было эквивалентно повышению цены на молоко на 15 процентов. С 1967 г. вместе с обезжиренным молоком появилось так называемое 6-процентное молоко, цена которого была повышена с 30 до 48 коп. за литр, т.е. на 60 процентов (технология его производства сводилась к тому, что жирность повышалась до нормального уровня посредством введения под высоким давлением эмульсии из низкокачественных жиров). Отсюда следовало, что с учетом качественных изменений цена на молоко возросла за этот период не на 15 процентов, а в 2,1 раза.³⁸

Механизм подавленной инфляции обнаруживался и в исчезновении и сокращении доли более дешевых и ходовых товаров. Согласно данным ЦСУ СССР, с 1961 по 1968 гг. цены на рыбу возросли всего на 3,2 процента.³⁹ Но произошло это потому, что из продажи исчезли не только качественные, но и привычные для покупателя сорта рыбы (каarp, судак, сазан и т.д.), но зато прилавки были завалены дешевой килькой в прямом посоле или мойвой. Доля дешевого ассортимента в общем объеме реализации продукции с 1968 по 1980-е годы сократилась по овощам с 83 до 54 процентов, говядине — с 65 до 35, баранине — с 72 до 37, конфетам — с 35 до 22, тканям — с 66 до 26, обуви — с 56 до 31 процента и т.д.⁴⁰

Проявлением инфляции служили и опережающие темпы динамики оплаты труда по сравнению с ростом его производительности (в ре-

гионе это была устойчивая тенденция), так называемый долгострой, когда гигантские заводы возводились десятилетиями, не давая отдачи, а их строители исправно из года в год получали высокие зарплаты. Так нарастала денежная масса, не имевшая товарного обеспечения, что также приводило к инфляции. Сплошь и рядом работники производства аккуратно получали денежное вознаграждение за труд и даже премии за перевыполнение планов, хотя их продукция была неликвидной. Другими словами, это тоже были «пустые» деньги. Нельзя также не сказать о дотациях, широко практиковавшихся в рамках политики государственного патернализма. Только дотации в потребительском секторе (на поддержание сколько-нибудь приемлемых цен) составляли свыше 20 процентов всех расходов бюджета.⁴¹ Известная формула экономического равновесия, при которой масса денег, находящаяся в обращении, помноженная на скорость их обращения, должна равняться объему массы товаров, помноженной на уровень цен на них, не давала желаемого тождества. А потому денежный печатный станок работал, что говорится, 24 часа в сутки. Итак, несмотря на сверхиррациональную политику государственного дирижества и контроля, инфляция была жесткой реальностью советской экономики, пускай и в своей деформированной, подавленной форме.

Советская пропаганда упоенно обыгрывала тему о динамике доходов населения как подтверждении роста благосостояния советского общества. Среднегодовые темпы роста доходов населения в восьмой (1966–1970 гг.) и девятой пятилетках (1971–1975 гг.) составили около 3,3 процента. Но уже в 1976–1980 гг., когда политика сдерживания цен все более утрачивала свою эффективность, темпы прироста реальных доходов упали по сравнению с 1970–1975 гг. до 2 процентов, а в одиннадцатой пятилетке (1981–1985 гг.) — до 1,2 процента.⁴² На самом же деле, учитывая фактор подавленной инфляции, можно с большой долей уверенности предположить, что к середине 1980-х годов рост реальных доходов населения был вообще нулевым, ибо темпы прироста доходов и индексы стоимости жизни были одинаковыми.

Индекс динамики номинальной (здесь было бы уместнее применить термины «виртуальной») заработной платы, согласно официальной статистики, в девятой пятилетке составил у рабочих и служащих 122 процента, а у колхозников — 135, но если перевести это в индекс реальной заработной платы по средним розничным ценам, а не номинальным, то эти показатели трансформировались бы, соответственно, в 103,8 и 114,9 процента. В десятой пятилетке индекс номинальной заработной платы у рабочих и служащих равнялся 113,9 процента, а реальной — 105,1, у колхозников — 122,6 и 113,1 процента, в одиннадцатой (1981–1985 гг.) — у рабочих и служащих 113,3 и 109,2, у колхозников — 119,7 и 114,9 процента.⁴³ Но если бы можно было тогда проследить все реально действовавшие факторы, в том числе, конечно, и подавленную инфляцию, то этот разрыв между идеологически аффилированной статистикой и реальностью структур повседневности стал еще более существенным. Ведь, допустим, покупка килограмма мяса в магазине по госцене или в торговых точках системы кооперации и на базаре требовало разных кошельков, равно как далеко неодинаковы-

ми по цене оказывались товары, купленные с прилавков магазина и с его «черного хода» по блату или у спекулянтов.

Среди таких многочисленных утопий Н. Хрущева, как «стереть грань между городом и деревней», «устранить различия между умственным и физическим трудом», «нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме» и т.д. была и такая: «Догнать и перегнать Америку по производству молока, мяса, масла!».

В 1980-х гг. уровень потребления мяса в СССР по отношению к США, по оценкам ряда независимых экспертов, составил всего 34,2%, жиров и масла — 29,8, рыбы — 67, овощей — 19,3, фруктов — 19,7%. Хотя средняя калорийность питания в СССР и США фиксировалась примерно на одинаковом уровне — 3300 ккал в день на душу населения, у советского потребителя 46% дневного рациона приходилось на картофель и хлеб, а на мясо и рыбу — только 8% (в США соответственно — 22 и 20%). В потребительских расходах семьи из четырех человек, работавших и получавших доход в 380 руб. в месяц (до вычета налогов), расходы на питание составляли 59%, тогда как в США этот показатель равнялся 15,2%. Фактические объемы потребления были в стране значительно ниже физиологически рациональных норм, рекомендованных специалистами. Если допустить выход на эти рациональные нормы, то доля расходов на питание составила бы в расходах среднестатистической советской семьи не 59, а 71%, для достижения же количественных норм питания американской семьи потребовалось бы 90% бюджета семьи, а если учесть стандарты качества — 180%.⁴⁴

Оценки экономической доступности, выводимые через количество рабочего времени, необходимого для того, чтобы заработать на покупку продуктов питания, показали следующее: советскому работнику для того чтобы купить условную единицу мяса, в 1980-е гг. приходилось трудиться больше, чем американцу, в 10–12 раз, птицы — в 18–20, молока — в 3, сливочного масла — в 7, яиц — в 10–15, хлеба — в 2–6, водки — в 18 раз.

В 1965 г. жители городов потребляли мяса (с учетом его качества) почти на 50% меньше, чем в 1913 г. и 1927 г. (причем для покупки 1 кг мяса нужно было отработать по времени в 1,5 раза больше, чем в те годы).⁴⁵

По расчетам Академии медицинских наук СССР, норма необходимого потребления мяса на душу населения должна была составлять 82 кг. В середине 1980-х годов этот показатель равнялся в Казахстане всего 58 кг (а у непосредственных производителей мяса — сельских жителей — и того меньше — 55 кг). Еще хуже положение было в областях республики, многие из которых были традиционно животноводческими. Так, в Гурьевской области на душу населения потребление мяса составляло 53 кг, Джамбулской — 50, Кзыл-Ординской — 40, Чимкентской — 36 кг. Для сравнения можно привести здесь данные по другим союзным республикам. Так, например, в Белоруссии этот показатель равнялся 70 кг, Латвии — 85, Литве — 87, Эстонии — 89 кг.⁴⁶

И это при том, что Казахстан являлся крупнейшей животноводческой базой страны. Но в данном случае слово «база» как раз соответствует ее смыслу как некоему транзитному пункту для последующей

отправки продукции. Мясная продукция совхозов, колхозов, а также населения продавалась государству в три адресата: в основной союзный фонд, республиканский и направляемое на внутриобластное перераспределение. Например, Кокчетавская область в 1985 г. из всего произведенного мяса около 42 процентов отправила в союзный фонд и 28 — в республиканский, Целиноградская область направила в союзный фонд 27 процентов всего закупленного в аграрном секторе мяса, Актюбинская — 36, Восточно-Казахстанская — 24, Талды-Курганская — 22 процента и т.д.⁴⁷

Высокая инфляция спроса (разбалансированность покупательных фондов и товарных ресурсов) привела к полному разрушению механизма распределения мясо-молочных продуктов, резким диспропорциям в территориальной дифференциации потребления мяса и молока не только на уровне союзных республик, но и отдельных экономических районов. Согласно научно выверенным нормам, потребление белка на душу населения должно было составлять 105–110 гр., белков животного происхождения — 77 г., жиров — 100 г. в сутки. Из проведенных в 1980 г. обследований 2554 семейных бюджетов следовало, что в Казахстане в этот период потребление белков находилось на уровне 70 процентов от нормы, белков животного происхождения — 48, жиров — 75 процентов.⁴⁸

Как известно, важнейшим показателем качества жизни населения является структура расходов совокупного дохода. В благополучных обществах большая его часть тратится на досуг и отдых, сферу услуг, культурно-духовные потребности и гораздо меньшая часть — на питание. Согласно уже упомянутым выше бюджетным обследованиям, в совокупном доходе казахстанцев на питание тратилось более трети его суммы, алкогольные напитки и табак — около 5 процентов, предметы санитарии и гигиены — 1,5, культтовары — 3, культурно-бытовые услуги — 9,2 процента⁴⁹ (естественно, главной составляющей последних являлись отнюдь не театры или музеи, концерты или кино, а необходимо вынужденные «походы» в парикмахерскую или баню). Структура же питания была также больше характерна для твермондистской модели, нежели для «самого передового советского научно-индустриального гегемона». Судя по тем же бюджетам, средний казахстанец в год потреблял 134,2 кг хлеба, 88 — картофеля, 67,5 — овощей, 58 — мяса и мясопродуктов, 4,7 — масла животного, 3,1 — масла растительного, 7,2 — рыбы и рыбопродуктов, 2,4 кг — творога.⁵⁰ Не трудно заметить, что это была «холестериновая» структура питания и неблагоприятная для здоровья модель тяжелого углеводистого типа с преобладанием хлеба и хлебопродуктов, сахара и картофеля. За счет потребления хлеба и хлебопродуктов обеспечивалось до 45 процентов калорийности суточного рациона и до 90 процентов поступления белков растительного происхождения, что отражало дефицит в рационе овощей и фруктов. Дефицит витаминов в среднестатистическом потреблении оценивался в 30–50 процентов, а уровень их потребления с продуктами питания был в 2–4 раза ниже, чем в США.

Но и это всего лишь усредненная «продуктовая разбивка». В период транзитного кризиса в Польше шутили, что «в среднем» все поляки едят

голубцы, правда, одни — мясо, другие — капусту. Так было и здесь. Потребление, например, мяса и колбас, рыбы в малообеспеченных семьях рабочих и служащих, многодетных семьях снизилось с 1968 по 1985 гг. на 17 процентов. Особенно это было заметно в группах населения со среднедушевым совокупным доходом в месяц до 75 руб. и от 75 до 100 руб. А эти две группы составляли вместе в 1985 г. около 38 процентов населения.⁵¹ В семьях со среднедушевым совокупным доходом до 75 руб. потреблялось на середину 1980-х годов 32 кг мяса и мясопродуктов, тогда как в группе со среднедушевым доходом от 100 до 150 руб. — 66 кг, молока и молочных продуктов соответственно — 224 и 363 кг, яиц 139 и 363 шт., рыбы и рыбопродуктов 7 и 15 кг, фруктов — 34 и 48 кг. Но вот хлеба и хлебопродуктов в малообеспеченных семьях потреблялось 146 кг, а в группе со среднедушевым доходом от 100 до 150 руб. — 112 кг.⁵²

Не отвечало менявшимся стандартам и качество потребления непродовольственных товаров и услуг. Удельный вес новых товаров в общем объеме производства не превышал 8–10 процентов, обновление ассортимента сложной бытовой техники (холодильники, телевизоры, пылесосы, магнитофоны и пр.) происходило не за 3–4 года, как в передовой мировой практике, а через 10–15 лет. Например, удельный вес стиральных машин-автоматов составлял всего 6 процентов (в США — 95, ФРГ и Италии — 88), лишь 8 процентов общего объема выпуска холодильников имели в низкотемпературном отделении обязательную для новых стандартов температуру — 18°С. Но даже и такой морально устаревшей бытовой техникой население было обеспечено далеко не в полной мере. Так, на середину 1980-х годов в Казахстане на 100 семей приходилось телевизоров черно-белых 48 шт., цветного изображения — 42 (в США — 182), холодильников — 91, электропылесосов — 51, фотоаппаратов — 8, магнитофонов — 42 шт.⁵³ Это в городе, а в сельской местности положение с обеспеченностью предметами культурно-бытового назначения было еще более удручающим. Здесь на 100 семей приходилось 17 телевизоров цветного изображения, 25 магнитофонов, 21 электропылесос, 81 холодильник и столько же стиральных машин, фотоаппаратов — 2 шт.⁵⁴

Только в 1980-х годах начался этап перехода от традиционного набора одежды к более разнообразному гардеробу, подобранному применительно к различным видам жизнедеятельности — работе, развлечениям, отдыху, туризму, спорту. И в этой диверсификации СССР отставал от США и европейских стран на 25–30 лет, поскольку там такой переход завершился уже в 1950–1960-е годы.⁵⁵

Стагнация сервисной сферы и крайне низкое качество платных услуг обуславливали их незначительный удельный вес в расходах семейного бюджета — менее 10 процентов, который оставался неизменным на протяжении почти всего рассматриваемого нами периода (с 1965 по 1985 гг.).⁵⁶

Крайне острой продолжала оставаться проблема жилищного строительства. В ее решении продолжала доминировать ориентация на так называемый «остаточный принцип» выделения ресурсов на непроизводственное строительство. В результате такого подхода темпы жилищного строительства обрели застойный характер. Если с начала реализа-

ции «хрущевской установки» на создание массового типового и дешевого жилья, в расчете на 1000 жителей приходилось 12,0 построенных квартир (1960 г.), то в 1985 г. — 7,1. В Казахстане средняя обеспеченность жильем на одного городского жителя составляла в 1965 г. 11,1 квадратных метра, а в 1985 г. — 8,1.⁵⁷

Жилищное строительство катастрофически не поспевало за характеристиками демографических изменений в народонаселении. Даже при том, что нормы распределения жилья не изменялись десятилетиями. Они предполагали, что семье должна предоставляться квартира из расчета 9 кв м на человека и числом комнат на одну меньше числа членов семьи. Городские семьи, имевшие такую обеспеченность, не могли даже рассчитывать на улучшение своих жилищных условий, их попросту не ставили на распределительный учет. Но и без них очередь на жилье была нескончаемой. По данным статистики, число семей, остро нуждающихся в квартире, составляло к середине 1980-х годов около 14 млн (это примерно 40–50 млн человек). Это означает, что около четверти всех городских семей проживали в общежитиях, домах барачного типа, снимали жилье в частном порядке.

Экстенсивное наращивание промышленного потенциала оттягивало на себя огромные капиталовложения, в значительной мере за счет абсорбции их из сферы социального развития. Это сказывалось, конечно, и на качестве образовательной инфраструктуры. В плачевном состоянии продолжало оставаться детское дошкольное образование. Обеспеченность детскими садами не могла угнаться за возрастающими из года в год потребностями населения. Не помогали в этом и всякие «благобразные ухищрения». Например, в середине 1980-х годов дети-шестилетки были выведены из детских садов и зачислены в нулевые (первые) классы школы. Однако при этом острота дефицита свободных мест в детских садах не смягчилась. В Казахстане лишь половина детей соответствующих возрастов была охвачена детскими дошкольными учреждениями.⁵⁸ И решение этой проблемы не имело обнадеживающей перспективы. К середине 1980-х годов в Казахской ССР темпы ввода детских дошкольных учреждений упали на 11,4 процента.

Стагнацию переживала и сфера народного образования. Причем обострившиеся здесь проблемы не только не устранялись, но и наоборот, все более усугублялись. Сменность занятий в школе возросла до 23 процентов, классы были переполнены, что, естественно, сказывалось на качестве учебно-воспитательного процесса. Неудовлетворительной оставалась школьная материальная база. Здесь доходило буквально до парадоксов. В Казахстане, почти сто процентов средних школ были охвачены курсом «Основы информатики и вычислительной техники». Однако из них лишь около одного процента имели электронно-вычислительную технику.⁵⁹

Заметно ухудшились условия труда учителей. Марксистская установка на то, что производительным трудом следует считать только труд, создающий материальные ценности, предопределяла «классово-высокомерное» отношение к труду интеллектуальному. В то время как на Западе давно поняли, что труд, обеспечивающий здоровье или интеллект

нации, знание общества, должен цениться гораздо выше элементарного физического или малоквалифицированного, советская политика оплаты труда продолжала оставаться в плену идеологических догм. Рабочий завода или водитель троллейбуса, получавшие кратно больше, чем врач или инженер, сочувственно посматривали на них как на неудачников.

Несмотря на известное ленинское обещание, что советский народный учитель будет поставлен на такую высоту, на которой он никогда не стоял и стоять не может в буржуазном обществе, школьный педагог имел крайне низкий социальный статус (на этот счет была даже шуточная поговорка «Кто обижен богом — будет педагогом»). Учитель затрачивал невероятное количество умственной и нервно-физической энергии на обучение и воспитание детей, был как никто завален различными общественными поручениями, нес административную и моральную ответственность за все и вся, но его зарплата была одной из самых низких в народном хозяйстве. Коэффициент отношения среднемесячной денежной заработной платы учителей к средней по народному хозяйству был самым высоким в 1960 г. — 0,897. Но после этого постоянно снижался: в 1970 г. — 0,886, 1980 г. — 0,805, 1985 г. — 0,789.⁶⁰

Нарастание проблем было характерно и для здравоохранения. Оно было, главным образом, связано с качеством лечения населения. Статистика бодро рапортовала об увеличении обеспеченности больничными койками. Но в развитых странах этот показатель, наоборот, снижался. Пропаганда, играя на этом фоне, заговорила о торжестве советской здравоохранительной системы и о кризисе ее западной модели. Между тем она умалчивала, что снижение «койко-мест» в развитых странах объяснялось ростом качества лечения, быстрым выздоровлением, а потому и ротацией больных по мере внедрения в здравоохранительную практику новейших достижений НТР в области медицины. В СССР же даже после обыденно-рутинной операции больной проводил на больничной койке 2—3 недели, а то и месяц.

Экстенсивный подход был перенесен и на подготовку врачей. По расчетам экспертов Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) ООН в целях организации удовлетворительного медицинского обслуживания достаточно иметь обеспеченность врачами из расчета 28,0 на 10 тыс. чел. населения. Учитывая это, можно констатировать, что в СССР было явное перепроизводство врачей. В Казахстане в 1985 г. на 10 тыс. чел. населения приходилось 37,2 врача.⁶¹ Однако в силу того же экстенсивного подхода врачей не хватало в силу их неправильного перераспределения. При их дефиците в сельской местности и отдельных городах и поселках городского типа (особенно на отдельные врачебные специальности) избыток врачей наблюдался в крупных городах и столицах. Если в среднем по Казахской ССР на 10 тыс. человек населения в 1985 г. приходилось 28 врачей, то, например, в Алма-Ате — 159,3 врача.⁶² Такая неравномерность не могла быть выправлена никакими Госпланом и Государственным комитетом по трудовым ресурсам, поскольку сфера трудовых ресурсов может быть сколько-нибудь оптимально регулироваться только объективным функционированием рынка труда, которого в СССР как раз и не было.

В еще более худшем положении находилась социальная сфера и качество социальной жизни в сельской местности. Именно здесь формировался самый мощный фактор относительного аграрного перенаселения и нарастания потоков сельско-городской миграции. Последняя в основном захватывала в свою стремнину сельскую молодежь, которая, движимая присущими этой возрастной когорте повышенными жизненными ожиданиями (ожиданиями), устремлялась в города. К середине 1980-х годов объемы исхода из села стали столь обширными, что процессы маргинализации стали всеобъемлющим явлением. Прибывавшие в город сельчане, будучи объективно неспособными адаптироваться в субкультуру урбанизированного пространства, а также присущие ему социальные связи, оказывались его отчужденными субъектами. Пребывая же на периферии урбанизированного социума, бывшие сельчане не только не повышали качество своей жизни, но, напротив, очень часто еще более снижали его.

Догмы «научного коммунизма» и «политэкономии социализма» трактовали в качестве «основного закона социализма» идею «неуклонного роста благосостояния общества». Однако советская экстенсивная экономика с такими ее базовыми принципами, как «экономика во имя экономики» и «экономика ради роста военного потенциала» объективно была не способна решить эту задачу. Человек, как и во время откровенного сталинизма, продолжал выноситься за скобки социалистической мотивации и все так же рассматривался лишь как фактор созидания тоталитарной мощи государства, как материал для обеспечения его непомерных претензий на роль мирового гегемона.

5. КУЛЬТУРА И ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ ОБЩЕСТВА

Кратковременное проявление демократических тенденций в конце 1950-х — начале 1960-х годов не могло изменить к лучшему состояние культуры. Элементы демократизации имели место, но это нельзя признать системой, устойчивой тенденцией общественного развития.

Гонения и преследование интеллигенции прекратились после политических перемен в стране, последовавших с марта 1953 г., и смены руководства Казахстана в феврале 1954 г. Решения XX съезда КПСС, состоявшегося в феврале 1956 г., Пленума ЦК КПСС от 30 июня 1956 г. положили начало процессу десталинизации общества и имели большое общественно-политическое значение.

После XX съезда КПСС, а также в начале 1960-х годов были отвергнуты надуманные теоретические положения вроде «теории бесконфликтности» в советской литературе и искусстве. Несмотря на ограниченные пределы «культурной оттепели», в Казахстане начали издаваться новые журналы. В 1956 г. вышел первый номер сатирического журнала Союза писателей «Шмель» («Ара») на казахском и русском языках. С 1958 г. стал издаваться детский журнал «Балдырган».

В декабре 1956 г. вышло постановление ЦК Компартии Казахстана «Об ошибках газеты «Казак әдебиеті» в освещении некоторых вопросов развития культуры в республике».⁶³

Недовольство партийного руководства вызвали опубликованные газетой в течение 1956 г. статьи «Самое большое богатство культуры», «Уважать родной язык», «Вопрос, требующий пересмотра», «Культура языка» и др. Критикуя их содержание, ЦК сформулировал ряд концептуальных установок, которыми в дальнейшем следовало руководствоваться.

«Редакция газеты, — подчеркивалось в постановлении, — должна была строго научно, с марксистско-ленинских позиций показать читателям, как благодаря мудрой национальной политике Коммунистической партии... казахский народ за годы Советской власти добился невиданных успехов в развитии своей экономики, науки, литературы, искусства и народного образования», однако «вместо конкретной, всесторонней и объективной критики имеющихся отдельных недостатков и ошибок в развитии некоторых сторон культуры казахского народа, газета в их освещении допустила тенденциозность, однобокость, крикливость и шумиху».⁶⁴ Тревога интеллигенции за судьбу казахского языка называлась в постановлении всего лишь «шумихой». Выводы постановления формулировались в духе послевоенных политических кампаний: «Выступая под флагом защиты наследия акынов и поэтов прошлого, независимо от идейно-политической направленности их произведений, авторы некоторых статей объективно толкают казахское литературоведение на возврат к давно осужденной теории «единого потока».

25 декабря 1960 г. на имя секретаря ЦК КП Казахстана Н. Жандильдина поступило письмо «О серьезных недостатках печатных органов Союза писателей Казахстана» за подписью заведующего отделом науки, вузов и школ ЦК КП Казахстана С. Бейсембаева. В нем отмечалось, что газета «Қазақ әдебиеті» (редактор Сатыбалдиев) продолжает публиковать «идейно невыдержанные материалы, уводящие читателей к смутному далекому прошлому. Под видом дискуссии газета в №30–33 (Б. Кенжебаев, М. Акынжанов, К. Курышжанов) поместила статьи, восхваляющие религиозно-мистических поэтов прошлого. Задуманная дискуссия, по заверению редакции, имела целью выяснить начало зарождения казахской письменной литературы. В действительности же она являлась надуманной, научно необоснованной. О проведении этой дискуссии редакция газеты ни с кем не согласовывала. Отдел был вынужден вмешаться и приостановить бесплодную и вредную дискуссию на страницах газеты «Қазақ әдебиеті». Газета «Қазақ әдебиеті» 29 июля поместила заметку, посвященную литературному наследию, в ней без указания фамилий авторов приводятся пьесы буржуазно-националистических писателей М. Дулатова, Ж. Аймаутова, К. Кеменгерова. Журналы («Қазақ әдебиеті», «Жұлдыз», «Простор») продолжают ориентировать своих читателей в основном на историческую тематику. За последние два года на их страницах опубликованы следующие крупные произведения на историческую тему: романы Г. Мустафина «После бури», А. Нурпеисова «Кровь и пот», Х. Есенжанова «Яик — светлая река», поэма Х. Ергалиева «Курмангазы», Т. Жарокова «Буря в песках» и др.»⁶⁵

«Новый облик советского человека, его коммунистическая мораль и мировоззрение утверждаются в постоянной, бескомпромиссной борьбе с пережитками прошлого... Борьба с тем, что мы называем пережитками

прошлого в сознании и поступках людей, — это дело, которое требует к себе постоянного внимания партии, всех сознательных передовых сил нашего общества». ⁶⁶ Партия считала, что задачу борьбы с пережитками прошлого нельзя ограничивать лишь чисто культурной, идеологической деятельностью. Здесь необходимы более широкий подход, более систематическая «осада». Поэтому июньский (1963 г.) Пленум ЦК КПСС поставил проблему преодоления старых предрассудков и «родимых пятен» не в качестве задачи «отдаленного будущего», а как задачу, «которую надо решать сегодня всеми средствами, имеющимися у нашей партии, у всех советских и общественных организаций».

В 1961 г. был организован Институт литературы и искусства, которому было присвоено имя М. Ауэзова.

В поэзии напряженные нравственные поиски, острота рассмотрения и анализа моральных и этических вопросов были характерны для творчества А. Тажибаева, А. Токмагамбетова, Т. Жарокова, Г. Орманова, Д. Абилева, К. Мырзалиева, М. Макатаева, С. Жиенбаева, Ж. Кадырова. Они не ограничивались лишь лирикой, все острые проблемы того времени находили отклик в их произведениях.

В апреле 1961 г. на страницах «Комсомольской правды» было опубликовано стихотворение Олжаса Сулейменова «Земля, поклонись человеку!», написанное в честь полета в космос Юрия Гагарина, переросшее позже в поэму. Произведения О. Сулейменова «Аргамаки», «Солнечные ночи», «Доброе время восхода», «Ночь-парижанка», «Глиняная книга» получили высокую оценку читателей. Философские проблемы бытия были подняты в поэме Жубана Молдагалиева «Я — казах». Для творчества обоих поэтов характерны яркая образность, смелая символика и масштабность обобщений.

Тема Великой Отечественной войны нашла свое отражение в произведениях Т. Ахтанова, Б. Момыш-улы, А. Нурпеисова, С. Бакбергенова, У. Канахина. Тема интернационализма освещалась в работах К. Исабаева, Ж. Тлекова. В эти годы были созданы историко-биографические романы о Ч. Валиханове, о композиторе Д. Нурпеисовой, о С. Торайгырове. З. Шашкин в романах «Токаш Бокин», «Темиртау», «Доктор Дарханов» поднял вопросы истории, формирования казахской научно-технической интеллигенции, движения за обновление всех сфер жизни.

«После «Абая» Мухтара Ауэзова казахскому писателю нужен не только талант, но и смелость, чтобы взяться за исторический роман, — писал в предисловии к первой книге Абдижамила Нурпеисова «Сумерки» Юрий Казаков. — Потому что «Абай» для казахской литературы стал тем эталоном, которым всегда будут измеряться эпические произведения других писателей. И, может быть, Нурпеисов не взялся бы написать свою трилогию, но любовь его к своему народу, к жизни рыбаков из бедных аулов, его восторженное пристрастие к степям своей родины были так велики, а история казахов — как древняя, так и новая — освещена в литературе еще так скупо, что Нурпеисов решил стать на какое-то время писателем именно историческим». ⁶⁷

В 1967 г. Г. Мусрепов закончил работу над лирической повестью «Образ, так и не встретившийся», сюжетную основу которой составили события первых лет Советской власти в Казахстане, судьба поэта-коммуниста Сакена Сейфуллина в революции. Роман Н. Анова «Выборгская сторона» о первых шагах социалистической революции в стране, о встречах, совместной работе с деятелями партии и Советского государства. Тему современности освещали в своих произведениях Т. Алимкулов в романе «Белый конь», Т. Ахтанов «Сауле», «Печаль любви», «Буран», А. Тажибаев в пьесе «Приятель», Х. Бекхожин в поэме «Устойчивая судьба», И. Есенберлин в романе «Золотая птица» и многие другие.

Для детей было создано более двух десятков повестей. Среди них — «Меня зовут Кожа» Б. Сокпакбаева, «Детство Чокана» С. Бегалина. В это время в литературе появились имена А. Кекилбаева, Ш. Муртазаева, А. Тарази, А. Нурманова, Исхакова и др.

На встрече руководителей партии и правительства с деятелями литературы и искусства отмечалось, что «из-под пера нашей писательской молодежи начали выходить произведения, которым не хватает гражданского пафоса. В этом отношении, особо выделяется республиканская молодежная газета «Лениншил жас», щедро предоставляющая свои страницы молодым авторам незрелых, а порой ошибочных произведений. Молодой поэт Абиш Кекилбаев, который, объездив недавно Западный Казахстан, решил поделиться своими впечатлениями. Но что же напечатала «Лениншил жас» из увиденного поэтом? Спящие курганы, молчаливые могилы предков, он буквально тоскует по прошлым временам, не скрывая своей грусти и печали — пессимистическая поэзия».⁶⁸ На Пленуме ЦК КП Казахстана первый секретарь ЦК Юсупов в своем докладе подверг критике пьесу молодого драматурга Калтая Мухамеджанова «Мои недуги».

В деле руководства искусством, указывал Н.С. Хрущев, «партия не собирается ни с кем делить это руководство. У нас был, есть и будет один духовный вождь народа, всей художественной интеллигенции — наша великая Коммунистическая партия. Главное в партийном руководстве художественным творчеством — это постоянно следить, чтобы наше острое идейное оружие, каким является литература и искусство, никогда не ржавело, всегда находилось в боевой готовности, чтобы оно верно служило советскому народу и партии, метко разило врагов. Говоря о партийном руководстве, следует особо отметить, что многие недостатки в области литературы и искусства происходят от того, что партийные комитеты все еще робко вмешиваются в работу творческих союзов. Стоят в стороне от споров, которые имеют место среди творческой интеллигенции. Наш долг — следить за идейной направленностью творческой работы, повседневно интересоваться, как протекает жизнь людей творчества, направлять споры в нужную сторону, приглашать к себе или идти к ним».

Вмешательства в научное и художественное творчество в 1960-е годы приобрели характер ненавязчивых, в то же время настойчивых «советов», корректировок со стороны партийных работников. Интеллигенции ясно давалось понять, что с оттепелью покончено, что повторений ее ни в ка-

кой форме ожидать не следует. Поэтому полной неожиданностью для партийно-идеологического аппарата было выступление видных ученых-филологов с требованием полной реабилитации выдающегося казахского поэта Магжана Жумабаева и издания его произведений. Инициатором смелого выступления казахстанских ученых стал заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы КазГУ Х. Махмудов. В конце 1967 г. он направил письмо министру культуры Казахской ССР И. Омарову с предложением о переиздании сборника «Соколиные песни», впервые изданного в 1924 г. и содержащего переводы произведений М. Горького, сделанные М. Жумабаевым. С просьбой о поддержке своих предложений Х. Махмудов обратился к председателю Союза писателей РСФСР Л. Соболеву и известному литературоведу З.С. Кедриной.

В декабре 1967 г. Х. Махмудов обнародовал свои, противоречившие официальной точке зрения, взгляды на творчество М. Жумабаева во время встреч в Казахском государственном университете с московскими писателями и сотрудниками «Литературной газеты».⁶⁹

10 января 1968 г. на заседании филологических кафедр КазГУ Х. Махмудов выступил с докладом «О литературном наследии Магжана Жумабаева». Х. Махмудов подчеркнул: «Высокохудожественная поэзия Магжана Жумабаева ни на секунду не прекращала своей жизни, преодолевая все преграды. Она подобна серебристой тянь-шаньской ели, которая иногда прорезает даже гранитную скалу... Без Магжана Жумабаева нет курса истории казахской литературы XX в.».⁷⁰ На объединенном заседании филологических кафедр КазГУ Х. Махмудова поддержали писатель Т. Ахтанов, критик Н.С. Ровенский, ученые Б. Кенжебаев, Т. Нуртазин, А.Л. Жовтис. В принятом постановлении содержалась просьба к правлению Союза писателей СССР оказать содействие во включении произведений М. Жумабаева в планы казахстанских издательств.⁷¹

Эти выступления не могли пройти незамеченными партийными функционерами. 14 марта 1968 г. было принято постановление Бюро ЦК КП Казахстана «О неправильном решении филологических кафедр Казгосуниверситета в оценке поэтического наследия Жумабаева М.». В нем приводились официальные оценки поэта, шедшие со сталинских времен. В частности, утверждалось, что М. Жумабаев «был ярким последователем декаденса, являлся сторонником и ярким представителем упаднического и формалистического направления в литературе. Его поэтическое наследие в своей идейной основе носило буржуазно-националистический, контрреволюционный характер». Х. Махмудову и поддержавшим его участникам заседания филологических кафедр указывалось, что они «вместо принципиальной партийной оценки идеологически вредного литературного наследия Жумабаева, всячески возвеличивали его роль в становлении и развитии казахской литературы».⁷² Изучение материалов к этому заседанию Бюро ЦК дает возможность проследить механизм оценок идеологическим аппаратом тоталитаризма деятельности выдающихся представителей интеллигенции. Партийные работники обратились в КГБ республики за соответствующими справками. В них сообщалось, что М. Жумабаев 8 июля 1960 г. был реабилитиро-

ван по делу 1938 г., поскольку не подтвердилась версия его причастности к японской разведке.⁷³ Однако по делу 1930 г. (по которому поэт был осужден на 10 лет), Военный трибунал Туркестанского военного округа оставил приговор в силе.⁷⁴ Моральная реабилитация исключалась без полной реабилитации юридической. Таков был жесткий государственный стандарт.

В 1970–1980-е годы в жизни литературы произошло много важных общественных и политических событий. Проходили съезды писателей СССР и Казахстана, издавались постановления ЦК КПСС о литературно-художественной критике, работе с творческой молодежью. Все эти события оказывали свое влияние на творчество казахстанских писателей. В стихах С. Мауленова, Х. Ергалиева, Г. Орманова, А. Тажибаева получила дальнейшее развитие ленинская тематика. В творчестве Х. Бекхожина, А. Сарсенбаева, Ж. Молдагалиева, М. Алимбаева звучала тема патриотизма и интернационализма. Вечные вопросы бытия, места человека в мире, историческим судьбам народа были посвящены произведения М. Макатаева, А. Тажибаева, К. Мырзалиева, О. Сулейменова, К. Салыкова. В 1974 г. Ж. Молдагалиев за поэмы «Орлиная степь» и «Сель» был удостоен Государственной премии СССР. В этот период жанр романа обогатился содержательным разнообразием, значительно поднялся художественный уровень романов. Много романов было посвящено исторической теме. Это романы И. Есенберлина «Ярость», «Алмазный клинок», А. Кекилбаева «Плеяды», А. Алимжанова «Стрела Махамбета», А. Абишева «Молния», М. Магауина «Вешние снега» и другие. Трилогия И. Есенберлина «Кочевники» показывает жизнь казахов XV–XVIII веков. А. Кекилбаев в произведении «Плеяды» повествует о присоединении Казахстана к России. Трилогия А. Нурпеисова «Кровь и пот» рассказывающая о жизни аральских рыбаков до октября 1917 г., в 1974 г. была удостоена Государственной премии СССР.

Литераторы создали много интересных произведений для сцены. Наряду с М. Ауэзовым и Г. Мусреповым, на театральных сценах шли постановки пьес Т. Ахтанова, С. Шаймерденова, К. Мухамеджанова, Д. Исабекова, Р. Сейсенбаева, С. Жунусова, О. Бокеева.

19 января 1979 года состоялся Пленум Союза писателей Казахстана с повесткой дня «Писатель. Издатель. Читатель», обсудивший проблемы взаимоотношений писателей с издательствами, а также об ответственности писателей и издателей перед читателями. С докладом выступил секретарь правления Союза писателей Казахстана, главный редактор газеты «Казак әдебиеті» С. Муратбеков, с содокладом — заместитель председателя Госкомиздата Казахской ССР У.К. Садыкова. В прениях выступили 16 человек. Среди них О. Сулейменов, И. Есенберлин, В. Ларин, Х. Абдуллин, Н. Корсунов, Хан Дин и др. Выступления на съездах, пленумах, совещаниях, конференциях в рассматриваемый период обязательно заранее сдавались в оргкомитет для «ознакомления». Выступление С. Муратбекова было отражением «противостояния» двух групп в руководстве Союза писателей Казахстана: группы А. Алимжанова и группы «западников» (Т. Ахтанов, А. Нурпеисов, З. Кабдолов). Отдел культуры, предварительно ознакомившись с докладом С. Муратбекова, «предложил»

исключить из него «необоснованные утверждения о якобы существующей некой западной группировки писателей, которая злоупотребляет издательскими планами в ущерб другим авторам». Это замечание было учтено руководством Союза писателей и соответственно тезисы доклада были сняты. Однако, как указано в протоколе Пленума, в заключении выступления докладчик Муратбеков С. «допустил грубый выпад в адрес известных писателей, лауреатов Государственных премий СССР и Казахской ССР гг. А. Нурпеисова и Т. Ахтанова, обвинив их в переиздании незаслуживающих якобы этого своих произведений. Это мнение было поддержано в заключительной речи первого секретаря правления Союза писателей республики А. Алимжанова. В содокладе заместителя председателя Госкомиздата Садыковой, директора издательства «Жазушы» т. Жумабекова на фактах доказана несостоятельность подобных утверждений».⁷⁵

Важным событием в литературной жизни второй половины 1980-х годов стало возвращение в научный и читательский оборот творческого наследия репрессированных писателей. В духовную жизнь современников были возвращены произведения Ш. Кудайбердиева, Ж. Аймаутова, М. Жумабаева, А. Байтурсынова, М. Дулатова.

В общественно-политической и культурной жизни тех лет книга О. Сулейменова «АЗиЯ» вызвала неоднозначную реакцию. В журналах «Звезда», «Москва», «Молодая гвардия» была высказана резкая критика. Книгу называли националистической. М.А. Суслов, контролировавший идеологические вопросы в ЦК КПСС, назвал ее книгой «с явно антирусской и националистической направленностью». Суслов долгие годы держал на контроле всю литературу, искусство, общественные науки, периодическую печать. Он неусыпно следил, чтобы в этих сферах не были допущены к публикации художественные произведения и научные труды, а также театральные спектакли, кинофильмы, содержащие что-либо, идущее вразрез с официальной идеологией.⁷⁶

В апреле 1976 г. состоялось заседание Бюро ЦК КПК, на котором в жесткой манере было отмечено, что издательство «Жазушы» допустило «безответственность, издав книгу, содержащую идеологические и методологические ошибки. По заключениям ведущих советских ученых, в этой книге с внеклассовых, ненаучных позиций рассматриваются некоторые историко-филологические проблемы, вопросы взаимосвязи русской и тюркской культур, место тюркских народов в истории мировой культуры, предпринимаются попытки заново истолковать содержание «Слова о полку Игореве», опровергнуть принятые в науке представления об этом выдающемся литературном памятнике. Контакты между славянами и тюрками в период Киевской Руси, история взаимоотношений тюркских племен с другими сопредельными народами рассматриваются односторонне, с крайне объективистских позиций... Преувеличивается роль семитов в распространении культуры, в искаженном виде освещаются важные вопросы взаимодействия культур разных народов». Современному человеку, сформировавшемуся в условиях плюрализма мнений, трудно представить себе, что подобные документы были нормой в высших эшелонах партийной власти. ЦК постановил: «Осудить ошиб-

ки идеологического и методологического характера, принять к сведению заявление Олжаса Сулейменова, что он признает допущенные в книге серьезные ошибки и выступит с признанием их в печати».⁷⁷

История с книгой «АЗиЯ» в те годы благополучно разрешилась, а О. Сулейменов был избран членом ЦК Компартии Казахстана.

В 60–80-е годы XX в. неоднократно рассматривался вопрос о журнале «Простор». На «серьезные» ошибки журнала обращалось внимание в Постановлении ЦК КП Казахстана «О работе журнала «Простор» в 1966 г., на Пленуме ЦК КП Казахстана в 1972 г. 26 февраля 1974 г. вышло Постановление ЦК КП Казахстана «О некоторых публикациях журнала «Простор», в котором говорилось: «Редколлегия журнала и его главному редактору Шухову И.П. не раз указывалось на отсутствие четких идейных и художественных позиций в отборе и публикации материалов. Редакция журнала увлекается публикацией материалов, отвергнутых в московских редакциях, как это, в частности, было с публикацией отдельных произведений Б. Пастернака, О. Мандельштама, М. Цветаевой, И. Эренбурга, В. Каверина и др. О неправильной позиции редакции журнала «Простор» говорит публикация произведений И. Щеголихина «Другие зори» (№ 1–2, 1971 г.) и «Пятый угол» (№ 9, 1972 г.), И. Шухова «Трава в чистом поле» (№ 11, 1971 г.) и др.».⁷⁸

«На страницах журнала появляются произведения, авторы которых проявляют политическую близорукость, беспринципность руководства редакции журнала привела к тому, что в некоторые его номера проникли публикации, содержащие грубые политические ошибки, наносящие серьезный ущерб проводимой партией работе по патриотическому и интернациональному воспитанию».⁷⁹ В качестве подтверждения приводится стихотворение А. Кодарова «Казах вчера и сегодня», якобы проникнутое «ностальгией по ушедшему в прошлое родоплеменному укладу жизни казахов, оскорбляющих честь и достоинство нации», опубликованное в № 11 за 1986 г. Резкой критике подвергнуто стихотворение поэта Б. Канапьянова, опубликованное в № 1 журнала «Простор» за 1986 г. Автор говорит: «Думаю, что выражу настроение многих моих ровесников, родившихся в городе, следующими строками:

Позабывтый мной с детства язык,
Пресловутое двуязычие,
При котором теряю свой лик
И приобретаю двуличие.
Я пойму неизвестного мне
Уходящего аборигена,
Но когда я среди ночи во сне
Перед предком склоняю колено,
Сознаю, что не верит он мне,
Как пришельцу из тяжелого плена.
Усмехнется он в той тишине —
Ты меня недостойная смена.

Это стихотворение, даже взятое в контексте, звучит сегодня более чем неуместно, в то время, когда в республике ведется работа по лик-

видации последствий хулиганской национальной вспышки, когда проблема двуязычия ставится как необходимая норма межнационального общения».

В упрек известным в республике авторам — А. Кекилбаеву, М. Симашко, П. Косенко, М. Магауину и др. ставилось то, что их произведения «обращены в прошлое». Тем самым якобы «проявляется тенденция тематического перекоса в журнале, что в свою очередь способствует искажению межнациональных отношений».⁸⁰

Алма-Атинскому горкому партии было поручено рассмотреть вопрос о партийной ответственности Толмачева Г.И. — редактора журнала и Михайлова В.Ф. — секретаря парторганизации за «тематические просчеты и серьезные ошибки в публикациях, ослаблении воспитательной работы в коллективе, проявленную беспринципность и несамокритичное отношение к оценке своей деятельности».⁸¹

Необходимо отметить, что в литературе, изобразительном искусстве, в музыке, кинематографе, театре у нас есть своя классика советского периода, сохранившая лучшие традиции национального мировосприятия и обогатившая их новыми открытиями в области формы, в постижении проблем человека и его судьбы. Роль художественной мысли, художественного знания в общественной жизни республики неуклонно возрастала.

Однако, как бы ни были значительны достижения нашей культуры, чувство неудовлетворенности оставалось. Нельзя отрицать царившего тогда чувства благодушия, гражданской пассивности, рапортования о достижениях культуры по случаю юбилейных торжеств и праздников. Количественные показатели зачастую подменяли качественные, господствовал бюрократический стиль.

Театр. 20 февраля 1969 года вышло постановление коллегии Министерства культуры Казахской ССР «О серьезных недостатках в деятельности театров и концертных организаций республики». Совет Министров Казахской ССР постановлением от 31 января 1969 года № 57 «О серьезных недостатках в деятельности театров и концертных организаций республики», отметил, что Министерство культуры Казахской ССР и его органы на местах неудовлетворительно выполняют постановление Совета Министров КазССР от 4 июня 1966 года «О работе Министерства культуры Казахской ССР в части улучшения руководства деятельностью театрально-зрелищных предприятий, устранения безхозяйственности, незаконных расходов государственных средств, выделяемых на содержание театров и концертных организаций, и улучшение их производственно-финансовой деятельности». В постановлении отмечалось, что театрами республики в 1967 и 1968 годах не выполнен план по количеству постановок спектаклей и по охвату зрителей; допущен перерасход государственных средств против сметных назначений в сумме 431 тысяча рублей. Из 23 театров допустили сверхплановые убытки в 1967 году — 14, а в 1968 году — 15 театров. Недостаток собственных оборотных средств театров на 1 января 1968 года составлял 150 тысяч рублей, а к концу 1968 года — 120 тысяч рублей. План загрузки зрительных залов на стационаре многими театрами ежегодно не выполняется. Далее в постановлении го-

ворилось, что руководители театров не обеспечивают равномерной загрузки творческих работников, вследствие чего многие артисты и работники художественно-руководящего состава систематически не выполняют установленные нормы выступлений в спектаклях, концертах и выпуске новых постановок. В то же время другим артистам, режиссерам и художникам за переработку установленных норм выплачиваются большие суммы денег. «В Казахском государственном драматическом театре им. М. Ауэзова, республиканском русском драматическом театре им. М. Лермонтова, Уральском областном драмтеатре им. Островского и ряде других театров при незагруженности штатных режиссеров и художников для постановки и оформления спектаклей приглашались творческие работники со стороны, которым выплачивались вознаграждения в завышенных размерах».⁸²

Директор и главный режиссер Казахского академического театра драмы им. М. Ауэзова Азербайжан Мамбетов в 1976 году в своем выступлении на одном из совещаний отмечал: «Мы испытываем недостаток высококвалифицированных творческих кадров соответственно масштабам и значению нашей республики, а подготовка ведется слабо. У нас нет театрального института, института изобразительных искусств, нигде не готовятся работники художественно-производственных цехов. Видимо, следует шире внедрять опыт некоторых братских республик по введению в школьные программы художественных дисциплин. Единственный в республике театр юного зрителя даже внешним видом не соответствует задачам эстетического воспитания. В еще более сложном положении находится республиканский кукольный театр для детей, показывающий свои спектакли в непригодных помещениях кинотеатра».⁸³ Лишь в 1978 г. был открыт Алма-Атинский театрально-художественный институт, который стал готовить кадры актеров и режиссеров для республики.

Надо отметить, что Советское государство и Компартия за годы осуществления культурной революции накопили «богатый опыт борьбы с пережитками прошлого в сознании людей». В арсенале средств были различные отработанные на практике меры воспитания: от убеждения и общественного воздействия до принуждения и уголовной ответственности.

В 1970–80-е годы театры республики все свое внимание обращают, как это требовали вышестоящие органы, проблемам современности. В эти годы на сценах театров шли пьесы «Неожиданная встреча» (1970, реж. Мамбетов), «Жеребенок мой» О. Бокеева (реж. Джетписбаев), «Карьера и совесть» Абишева (1975 г., реж. Мамбетов) в Казахском театре драмы; «Печаль любви» (1971, реж. Пусурманов, казахская труппа ТЮЗа), «Свет за окнами» Н.М. Оразалина (1977, реж. И.Ф. Ким, казахская труппа ТЮЗа).

Одним из значительных высокохудожественных сценических произведений казахского театра драмы стал спектакль «Кровь и пот» по А. Нурпеисову (1973). Гос. премия СССР в 1974 г. была присуждена режиссеру А. Мамбетову, художнику А.С. Кривошеину, актерам А. Ашимову, Ф. Шариповой, И. Ногайбаеву.

Кино. В 1958 году постановлением Совета Министров Казахской ССР № 458 от 9 июня было образовано Оргбюро Союза работников кинематографии, которое в 1958—1963 гг. проводило огромную работу по вовлечению творческой интеллигенции в кинопроцесс и общественно-политическую работу по пропаганде достижений советского и казахского кинематографа, оказанию практической помощи в реализации творческих замыслов кинодеятелей. В состав Оргбюро Союза кинематографистов входило 9 человек: Айманов Ш.К. — председатель, Семенов Р.А. — заместитель председателя, Саввин И.М., Бегалин М.С., Сатыбалдин К., Смирнов Я.К., Брусиловский Е.Г., Аранышев М.Ф., Федудин А.С.

В 1960 г. Алма-Атинская киностудия художественных и хроникальных фильмов приказом Министерства культуры Казахской ССР № 8 от 9 января 1960 года была переименована в киностудию «Казахфильм». С этого года «Казахфильм» ежегодно выпускал 7 художественных, более 50 документальных фильмов и 24 номера киножурнала «Советский Казахстан», дублировал на казахский язык до 70 фильмов.⁸⁴

В справке, направленной в ЦК КП Казахстана «О состоянии проката фильмов в республике» от 27 марта 1961 г., отмечалось, что в фильмофонде республики имеется 1 324 названия художественных, научно-популярных и учебных фильмов. Из 228 фильмов, поступивших в 1960 г. — 116 названий фильмов киностудий зарубежных стран. Из них 65 названий «производства демократических стран и 51 название производства капиталистических стран». «В Алма-Ате в кинотеатре «Алатау» в 1960 г. фильмы буржуазных стран посетило около 60% зрителей, а советские фильмы только 29%. В сентябре т.г. здесь демонстрировались 3 советских широкоэкранных фильма, которые посмотрели 1 760 человек, а 5 фильмов иностранного производства просмотрели 122 000 человек. Аналогичное положение и в других городах республики».⁸⁵

На объединенном пленуме писателей и кинематографистов выступил известный казахский писатель И. Есенберлин, который в своем выступлении отметил: «Я казахский автор, и еще не привлечен к работе в киностудии. Сценарии для фильмов должны писать казахи. Есть два пути — либо «Казахфильм» будет студией национальной республики, либо она превратится в филиал, придаток, дополнительную съемочную базу «Мосфильма». Хорошо будем делать фильмы о русских, украинцах, узбеках, а кто же будет снимать картины о казахском народе? Может Одесская или Свердловская киностудии?».⁸⁶

Творческой удачей казахского кинематографа стали детские фильмы «Меня зовут Кожа», «Безбородый обманщик». Фильмы «Сказ о матери», «Земля отцов», «Ангел в тибетейке» свидетельствовали о росте и зрелости кинематографа. Блистательная игра Амины Умурзаковой, Алимгазы Райымбекова, Шолпан Алтайбаевой способствовали огромному успеху этого фильма, который смотрится с интересом и по сей день. В фильме «Ангел в тибетейке» в кинематографическую жизнь включились выпускники ВГИКа М. Бегалин, А. Карпов, А. Карсакбаев, Ф. Абсалямов, А. Нугманов, С. Ходжиков и другие. Были созданы документальные кинопортреты Махамбета, Абая, Жамбыла, Кене-

на Азербайева, Мухтара Ауэзова, Дины Нурпеисовой, Курмангазы, К. Байсеитовой, К. Сатпаева. Музыка к фильмам писали Е. Брусиловский, А.К. Жубанов, Е. Рахмадиев, М. Тулебаев, Н. Тлендиев, Л. Хамиди и др.

В 1963 году на экраны страны вышла картина киностудии «Казахфильм» «Сказ о матери». Главную роль исполнила Амина Умурзакова, которая создала образ казахской матери не только в отдельно взятом фильме, но и в целом в кинематографе. «Эта роль мне дороже всего. Вот после фильма «Ангел в тибетейке» меня узнавали на улицах, бежали вслед. В фильме «Песнь Абая» я сыграла красавицу Ажар. Были и другие очень интересные роли. И каждая из них мне по-своему дорога. Но вот мать — особенно. И картина эта особенная. В ней очень остро передаются все чувства героев, даже оттенки чувств, хотя сюжетная линия довольно простая, незакрученная. Но все мы вложили столько души в «Сказ о матери», что зрители это сразу почувствовали и картину полюбили».⁸⁷ В фильме играли такие звезды казахского кино, как Серке Кожамкулов, Мухтар Бахтыгереев, Канабек Байсеитов, Бикен Римова.

В истории казахского киноискусства особое место принадлежит талантливому актеру и режиссеру Ш. Айманову. С его именем связано как становление казахского театра, так и национальной кинематографии. У Шакена Айманова был особый дар открывать актеров. В его фильмах сыграли свои первые главные роли Ф. Шарипова, А. Ашимов, Р. Мухамедьярова. К историко-революционной теме Ш. Айманов впервые обратился в фильме «Конец атамана» (1970 г.). Лучшие роли Айманова-актера — Шарип в фильме «Песни Абая»; Джамбул в одноименном фильме; лучшие фильмы Айманова-режиссера — «Мы здесь живем», «Наш милый доктор», «Земля отцов», «Конец атамана» — все они вошли в сокровищницу национальной культуры. Творческой удачей Ш. Айманова как кинорежиссера стала музыкальная комедия «Наш милый доктор» — фильм светлый, добрый, феерический, богатый на юмор. Создание этого фильма связано у режиссера не только с безграничной любовью к музыке, но и с пониманием ее огромной выразительной силы в кино, а также особым отношением Шакена к острому слову, веселой шутке. Первый опыт экранизации эпоса на «Казахфильме» — «Кыз Жибек» (писатель Г. Мусрепов, режиссер С. Ходжиков, оператор А. Ашрапов, композитор Н. Тлендиев). Автор сценария гармонично соединил драму, поэзию, исконно казахское искусство импровизации, бережно отнесся к образному миру эпоса. В фильме собрана целая плеяда звезд — Канабек Байсеитов, Идрис Ногайбаев, Ануар Молдабеков, Камал Кармысов, Сейфулла Тельгараев, Сабира Майканова, Мантай Сыздыков, Кененбай Кожобеков. Художественным оформлением фильма занималась Гульфайрус Исмаилова. Каждый костюм — Тулегена, Жибек, Каршиги или Айгоз был сшит ею собственноручно, они содержали глубоко национальные мотивы, отражали эпоху и характеры героев. Автор сценария Габит Мусрепов после просмотра уже готовой картины признался: «Я был противником Султана, не принимал многие его взгляды и творческие принципы, не верил в успех снимаемой им кар-

тины, но сегодня признаю, что был не прав — фильм получился ярким и убедительным. Я искренне поздравляю режиссера Ходжикова с победой».⁸⁸

8—9 января 1963 года состоялся 1-й учредительный съезд Союза кинематографистов Казахстана. На этот период на учете состояло 87 человек. Съезд избрал правление в составе 17 человек. Первым секретарем был избран Ш.К. Айманов.

Однако не все снятые фильмы доходили до большого экрана. В Казахстане, например, фильмом, который в свое время замалчивали, был фильм «Тревожное утро», снятый замечательным режиссером Абдоллой Карсакбаевым в 1966 году. В нем прозвучала не просто историко-революционная тема, была попытка показать, что происходящие в ту эпоху социальные, классовые размежевания резали по живому. Появись оно в широком прокате в свое время, это стало бы точкой отсчета для нашего кино и в художественном смысле и в концептуальном.⁸⁹ Хотя судьба других его фильмов сложилась удачно — «Меня зовут Кожа» — призер Каннского фестиваля, «Алпамыс идет в школу», «Путешествие в детство» — это фильмы, высоко оцененные и зрителями и критиками. Любой фильм в условиях партийного руководства мог оказаться «полочным», живая жизнь с ее массой непредвиденных и удивительных подробностей вносила хаос даже в условиях партийного государства. Как отмечает в своей статье «Будем считать, что такого фильма не было» Е. Марголит, количество запрещенных картин сталинской эпохи приближается к 100, и трудно назвать кого-либо из общепризнанных классиков эпохи, в чьей биографии не обнаружилась бы запрещенная картина, поскольку все, что не совпадало с каноном, официальным мифом, отсекалось. Откровенно антисоветских картин не могло быть создано по определению — такова была организация произведения. Отсечение вариантов — вот главная функция «полки».

В 1970-е годы были созданы ленты «Конец атамана», «Кровь и пот», «Погоня в степи», «Транссибирский экспресс», «Вкус хлеба».

Вопросы развития кино поднимались на совместном заседании Государственного Комитета Совета Министров Казахской ССР по кинематографии и правления Союза кинематографистов с участием ведущих писателей-драматургов, режиссеров, операторов, киноведов, которое состоялось 12 января 1968 года.

¹ Народное хозяйство СССР за 70 лет. М.: Финансы и статистика, 1987, с. 410—415.

² История Казахской ССР. Т. 5. Алма-Ата, 1979, с. 140.

³ Труд в СССР. Статистический сборник. Москва, 1988.

⁴ Народное хозяйство СССР за 70 лет, с. 378.

⁵ СССР и зарубежные страны. 1987. Статистический сборник. Москва, 1988, с. 130—131.

⁶ Научно-технический прогресс в СССР. Статистический сборник. Москва, 1990, с. 127—128.

⁷ Известия, 1984, 20 декабря.

⁸ Сельское хозяйство СССР. Статистический сборник. Москва, 1988, с. 17—21.

⁹ Там же, с. 140—143.

- ¹⁰ Там же, с.138–139.
- ¹¹ Аргументы и факты, 1984, №38.
- ¹² Совхозы и колхозы Казахстана. Статистический сборник. Алма-Ата, 1989, с. 27–29.
- ¹³ Рентабельность и себестоимость сельскохозяйственного производства в Казахской ССР. Статистический сборник. Алма-Ата, 1989, с.30-33.
- ¹⁴ СССР и зарубежные страны. Статистический сборник, с. 131–138.
- ¹⁵ Там же, с. 68–75.
- ¹⁶ Известия, 1990, 21 мая.
- ¹⁷ Зайченко А.С. США–СССР: личное потребление // США: экономика, политика, идеология, 1988, №12.
- ¹⁸ Казахстанская правда, 1998, 6 октября.
- ¹⁹ Ұлылардың суретін ұлтаратына жасырған. // Дала мен Кала. №39 (№116), Жұма, 30 қыркүйек 2005 ж.
- ²⁰ Слова расходятся с делом. // Правда. 1960, 21 августа.
- ²¹ Третий пленум Семипалатинского обкома КП Казахстана. // Прииртышская правда. 1960, 6 сентября.
- ²² Хлеб – Родине. // Казахстанская правда, 1960, 13 сентября.
- ²³ Зеленый мир. 1993. № 28; Казахстан: реалии и перспективы независимого развития. М., 1995, с. 108.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Нургисаев С.Н. Главные аспекты экономической безопасности Кызылординской области. /Аль Пари, 2000, № 4, с. 17.
- ²⁶ Новиков Ю.В. Природа и человек. М., 1991, с. 142–143.
- ²⁷ ЦГА РК, ф. 1974, оп. 2, д. 176, л. 39.
- ²⁸ ЦГА РК, ф. 1137, оп. 25, л. 826, с. 40.
- ²⁹ ЦГА РК, ф. 2258, оп. 1, л. 490, л. 17.
- ³⁰ ЦГА РК, ф. 2258, оп. 1, л. 494, л. 31.
- ³¹ ЦГА РК, ф. 1137, оп. 20, д. 813, с. 248, 249.
- ³² Правда, 10 января 1973 г.
- ³³ Кунаев Д. А. Отчетный доклад Центрального Комитета Компартии Казахстана XV съезду Коммунистической партии Казахстана. Алма-Ата, 1981, с. 64.
- ³⁴ Народное хозяйство Казахстана в 1985 году. Статистический сборник. Алма-Ата, 1986, с. 120–121.
- ³⁵ Казахстан в цифрах. Алма-Ата, 1986, с. 131.
- ³⁶ Пацис О. Цена равновесия // Знамя, 1988, №2, с. 181.
- ³⁷ Социальные ресурсы и социальная политика. Москва: Наука, 1990, с. 73.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ Там же, с. 85.
- ⁴⁰ Там же, с. 89.
- ⁴¹ Там же, с. 73.
- ⁴² Там же, с. 87.
- ⁴³ Зайченко А.С. США–СССР: личное потребление // США: экономика, политика, идеология, 1988, №12; Болотин Б.М. Состояние и перспективы соревнования двух систем // Соревнование двух систем. Москва, 1988.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ Зайченко А.С. США–СССР: личное потребление, с. 141.
- ⁴⁶ Производство, продажа и потребление продуктов питания в Казахской ССР. Статистический справочник. Алма-Ата, 1989, с. 23-24.
- ⁴⁷ Казахстанская правда, 1989, 4 февраля.
- ⁴⁸ Животноводство Казахстана. Алма-Ата, 1988, с. 14–15.
- ⁴⁹ Основные показатели жизненного уровня обследуемых семей рабочих, служащих и колхозников за 1980, 1985-1988 годы. Алма-Ата, 1981, с. 14–17.
- ⁵⁰ Там же, с. 18–24.
- ⁵¹ Аргументы и факты, 1990, №45.

- ⁵² Социальное развитие СССР. Статистический сборник. Москва, 1990, с. 137.
- ⁵³ Там же, с. 144.
- ⁵⁴ Там же, с. 145.
- ⁵⁵ Социальные ресурсы и социальная политика, с. 120.
- ⁵⁶ Коммунист, 1988, №5, с. 14.
- ⁵⁷ Социальное развитие СССР. М: Финансы и статистика, 1990, с. 209–210.
- ⁵⁸ Народное хозяйство СССР за 70 лет, М: Финансы и статистика, 1987, с. 542.
- ⁵⁹ Вестник статистики, 1977, №8.
- ⁶⁰ Социальные ресурсы и социальная политика, М: Наука, 1990, с. 177.
- ⁶¹ Социальное развитие СССР. М: Финансы и статистика, 1990, с. 247.
- ⁶² Там же, с. 250.
- ⁶³ АП РК, ф. 708, оп. 32, д. 185, л. 93.
- ⁶⁴ Хрущев Н.С. Высокое призвание литературы и искусства. М., 1963, с. 237.
- ⁶⁵ О литературе. М., 1960, с. 242.
- ⁶⁶ Пленум ЦК КПСС. 18-21 июня 1963 г. Стенографический отчет. М., 1964, с. 287–288.
- ⁶⁷ ГАРФ, ф. 9604, оп. 2, д. 1609, л. 51–53.
- ⁶⁸ Постановление Госкомиздата //Социалистическая индустрия, 1974, 14 сентября.
- ⁶⁹ АП РК, ф. 708, оп. 29, д. 170, л. 44–48.
- ⁷⁰ АП РК, ф. 708, оп. 34, д. 152, л. 63–66.
- ⁷¹ Материалы XXIV съезда КПСС, М: Политиздат, 1974, с. 84.
- ⁷² Михайлов В. Образ его существования... // Казахстанская правда, 2003, 15 февраля.
- ⁷³ АП РК, ф. 708, оп. 36, д. 234, л. 57.
- ⁷⁴ Материалы XXIV съезда КПСС, М: Политиздат, 1974, с. 245.
- ⁷⁵ Кунаев Д.А. Создавать произведения, достойные великой советской эпохи. // Простор, 1966, №6, с. 4,5.
- ⁷⁶ АП РК, ф. 708, оп. 44, д. 35, л. 129.
- ⁷⁷ Там же, л. 150.
- ⁷⁸ Там же, л.16.
- ⁷⁹ Там же, л.16.
- ⁸⁰ Там же, л. 132.
- ⁸¹ Там же, л. 2.
- ⁸² ЦГА РК, ф. 1841, оп. 1, д. 248, л. 74.
- ⁸³ Там же.
- ⁸⁴ Нурпеисова Т. «Сказ о матери» – фильм-легенда // Казахстанская правда, 2003 г. 22 мая.
- ⁸⁵ Кенжетеев К. Дархан дарын. Алматы, 1980. 206.
- ⁸⁶ ЦГА РК, ф. 1679, оп. 1, д. 259, л. 17–18.
- ⁸⁷ АП РК, ф. 708, оп. 26, д. 1820, л. 203.
- ⁸⁸ Кино Казахстана. Справочник. Алматы, 2000, с. 298.
- ⁸⁹ АП РК, ф. 708, оп. 36, д. 234, л. 28.

Глава двенадцатая

ИСТОРИКО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ В РАЗВИТИИ НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ КАЗАХСТАНА В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

1. НАСЕЛЕНИЕ КАЗАХСТАНА В 1917–1939 гг.

Начало основным тенденциям демографического развития Казахстана в советский период было положено задолго до установления Советской власти в крае. Для понимания особенностей социально-демографических процессов в республике, проанализируем исходные характеристики народонаселения Казахстана в предшествующий период.

Казахи, русские и украинцы в начале XX века составляли более 86,1% всего населения края, где проживали и представители других этносов. Наметилась четкая тенденция сокращения удельного веса казахов в общей численности населения и одновременного роста численности русских, украинцев и их доли в составе населения Казахстана. Это объяснялось более высоким уровнем их естественного прироста и продолжавшимся переселением из регионов России, Украины, Белоруссии. Так, еще в дореволюционный период, было положено начало демографическим процессам по превращению казахов в меньшинство на своей исконной территории.

В конце XIX века Казахстан представлял собой аграрный край. Согласно Первой Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., численность населения в нем составляла 4 млн 333 тыс. человек, подавляющее большинство которого были жителями сельской местности — 3 882 350 чел., или 93,6 %. В 22 городах проживало чуть больше 6% жителей Казахстана. Города в основном были небольшие, в самом крупном по тому времени — Уральске проживало 36,4 тыс. человек; в г. Верном (ныне Алматы) — 22,7 тыс., Семипалатинске — 20,2 тыс., Петропавловске — 19,7 тыс., Аулие-Ате — 11,7 тыс., Чимкенте — 11,2 тыс., Акмолинске — 9,7 тыс., Гурьеве — 9,3 тыс., Павлодаре — 7,7 тыс., Перовске (ныне Кызылорда) — 5,0 тыс., Актюбинске — 2,8 тыс. Удельный вес казахов в составе горожан был незначителен — 15,4%, что составило в абсолютных цифрах чуть более 40 тысяч человек. В процессе присоединения к России, а затем — переселенческого движения, в Казахстане постепен-

но складывалась многонациональная структура населения. По данным Первой Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., в крае проживало более 60 национальностей, из которых казахи составляли большинство — 3 392,7 тыс. чел., или 81,7%, русские — 454,4 тыс. (10,9%), украинцы — 79,5 тыс. (1,9%), татары — 55,9 тыс. (1,34%), уйгуры — 55,8 тыс. (1,34%), узбеки — 29,5 тыс. чел. (0,75%) и т.д.

Наиболее высокий удельный вес казахов в 1897 году был отмечен в Семипалатинской (90,6%) и Тургайской (88,3%) областях; 71,3% всего населения приходилось на долю казахов в Уральской, 62,6% — в Акмолинской, 60,4% — в Сырдарьинской, 52,1% — в Семиреченской областях. Доля русского населения в это время была уже достаточно высока в Акмолинской (25,5%) и Уральской (25%) областях.¹

В конце XIX века почти у всех народов, населявших Российскую империю, преобладал традиционный тип рождаемости, характеризующийся многодетностью. Об однотипности демографического поведения представителей различных национальностей косвенно могут служить данные Первой Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. о наличии детей (в возрасте до 10 лет) у женщин в возрасте от 20 до 49 лет (в расчете на 100 женщин) по вероисповеданию: у православных — 144; у католиков — 142; у мусульман — 142; у иудеев — 153; у лютеран — 116 детей.² Высокая рождаемость у казахов была обусловлена ранней брачностью. Регулирование деторождаемости каралось по мусульманскому закону, основных канонов которого придерживалась казахская семья. Бездетность ставилась основным, открытым мотивом в полигамии, само юридическое и сословное положение семьи требовало наличия определенного количества детей.³

На рубеже XIX—XX вв. смертность в Казахстане была очень высока. Именно по этой причине рост населения шел медленно, а в некоторые годы наблюдалось даже некоторое снижение естественного прироста. Так, в 1883 году число умерших превысило число родившихся в Каркаралинском уезде Семипалатинской области на 384 чел.⁴ Структура причин смерти была глубоко архаична, она формировалась под решающим воздействием экзогенных (внешних) факторов, что было причиной высокой смертности в детских и молодых возрастах. Ученые объясняют этот факт нищетой и обездоленностью больших групп населения, кочевым образом жизни, отсутствием медицинской помощи.⁵ Главными болезнями населения были туберкулез, пневмония, инфекционные желудочные заболевания. Большое распространение имели дизентерия, брюшной тиф, скарлатина.

Данные Первой Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года свидетельствуют о том, что общий процент грамотности населения Казахстана в то время был незначительным. Так, доля грамотных в возрасте от 9 до 49 лет в общей численности населения составляла всего 8,1%, причем среди мужчин — 12%, среди женщин — 3,6%. Анализ показателей грамотности по возрастным группам свидетельствует о том, что показатели ее возрастают по мере понижения возрастов и достигают максимума в юношеской группе, что явилось следствием начала мероприятий в образовательной сфере. Вместе с тем, статистические данные о гра-

мотности отдельных групп населения по вероисповеданию свидетельствуют о том, что наименее грамотными были казахи.

В начале XX века социально-демографическое развитие Казахстана проходило в русле присутствия Российской империи и носило отпечаток предшествующего периода: продолжалось проникновение российского и иностранного капитала, заселение благоприятных участков для земледелия, оттеснение казахов с земель и разложение их традиционного хозяйства.

Сравнение материалов Первой Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. с материалами выборочных статистических обследований начала XX века показывает, что в крае до Октябрьской революции наблюдался усиленный приток населения из центральных областей России и Украины. В шести областях Казахстана в период 1897–1916 гг. механический прирост населения составил 1301,4 тыс. человек. За эти годы сюда прибыло 24,9%, или четвертая часть всех, желающих переселиться на окраины Российской империи. Анализ данных о мигрантах, прибывших в ходе осуществления Столыпинской аграрной реформы (1906–1912 гг.) на территорию Казахстана, показывает, что 83,1% поселившийся являлись выходцами из Украины, остальные прибыли из южных регионов России (16,8%). Среди приехавших из Украины преобладали жители Полтавской, Харьковской, Киевской и Черниговской губерний. Юг России был представлен Воронежской, Саратовской и Самарской губерниями. Это была политика системной миграционной экспансии, результатом которой стал быстрый рост населения Казахстана. Так, в 1917 г. численность населения края увеличилась до 6228,3 тыс. чел., или, по сравнению с 1897 г. — на 50,2%. Изменился и национальный состав населения Казахстана: численность русских увеличилась в 2,4 раза, а их удельный вес в составе населения достиг 17,5%; численность украинцев увеличилась в 8,2 раза, их удельный вес достиг 10,4%. Территориальное размещение русских и украинцев отличалось неравномерностью. Более одной трети этих народов — 33,6%, сосредоточилось в Северном Казахстане, в том числе и в Акмолинской области, где их удельный вес в составе населения составил 29,6% и 20,8% соответственно, в Западном Казахстане славянские этносы составляли уже более 41% жителей региона, в Уральской области — 44,4%, Тургайской — 37,6%; в Центральном и Восточном Казахстане — 21,7%. На юге Казахстана (включая Семиречье), миграционный поток был сравнительно слабым, а переселенцы были представлены семиреченским казачеством и незначительным числом пришлых крестьян, численность русских и украинцев увеличилась здесь в 2,8 раза, а удельный вес в составе населения достиг 20,9%. Наименее заселенной переселенцами оставалась Сырдарьинская область, где доля неказахов составляла всего 6% населения.⁶

События Первой мировой войны, военной интервенции, Гражданской войны также не могли не отразиться на особенностях демографического развития края. У населения без всякого учета его реальных возможностей силой изымались скот, хлеб и другие продукты. В 1916 г. военное ведомство произвело массовые принудительные заготовки лошадей. Только в четырех уездах Акмолинской области было забито и угнано бо-

лее двух миллионов голов скота. Негативную роль сыграли также последствия восстания казахов 1916 г., когда в результате карательных экспедиций царизма погибли десятки тысяч участников этого национально-освободительного движения, но и мирные жители (старики, женщины и дети). Тогда значительная часть казахов вынуждена была спасаться бегством за пределы Российской империи в Китай, Афганистан, Турцию и другие страны. Только из Семиреченской области в 1916 г. бежали 150 тыс. человек. По подсчетам ученых, общее число казахов-эмигрантов достигло в этот период примерно 300 тыс. человек.

В результате этих событий резко сократились темпы абсолютного прироста казахов. Так, за период с 1897 по 1917 гг. численность казахов увеличилась всего на 6,5%, составив в абсолютных цифрах 3615,0 тыс. человек, а их доля в составе населения Казахстана снизилась до 58%. Это стало следствием низкого естественного прироста у казахского населения. Высокая смертность, особенно детская (до года) достигала в кочевых районах порой 60%. В этой связи интересно сопоставить уровень естественного прироста оседлого и кочевого населения края. Так, например, в Акмолинской области в 1900 г. естественный прирост кочевого населения был в 2,6 раза ниже, чем у русских и украинцев, в 1910 г. — в 5,1 раза; в 1914 г. — в 3,5 раза. С некоторыми колебаниями эта тенденция наблюдалась в Тургайской, Уральской, Семиреченской и других областях края.⁷

Доля казахов в составе населения края значительно сократилась и в ранее компактно населяемой ими Внутренней Орде (с 96,5% в 1897 г. до 84,3% в 1917 г.) и Мангышлакском уезде (с 93% в 1897 г. до 82,7% в 1917 г.). Только в этих двух областях казахи составляли подавляющее большинство, а в Акмолинской и Семиреченской их стало меньше половины (40,5% и 42,4% соответственно). В трех областях — Сырдарьинской, Тургайской и Уральской казахов осталось немного больше половины (59,7%, 58,2%, 52,5% соответственно); в Семипалатинской области — 67,3%. Особенно заметно было сокращение удельного веса казахов в Петропавловском и Кокчетавском уездах Акмолинской и Уральской областей (25%, 24,1%, 25,3% соответственно).

Процесс усиления многонациональности и сокращения удельного веса казахов в этнической структуре края получил более интенсивное продолжение в советский период. Анализ материалов Первой советской переписи населения 1920 г., сельскохозяйственной переписи, материалов единовременных учетов промышленных предприятий и различных документов начала 1920-х годов дает нам картину социально-экономического и политического кризиса Казахстана и его регионов в этот период. Продовольственная разверстка, проводимая по всей стране новой властью во время и после окончания иностранной военной интервенции и Гражданской войны, оказала отрицательное воздействие на экономику сельского хозяйства. Вместе с тем, 1920 год оказался неурожайным и отдельные территории постиг джунт, а в следующий, 1921 год — сильная засуха. Особенно тяжело это сказалось на кочевых регионах. В результате стихийного бедствия в республике голодало более 2 млн 300 тыс. человек. Наблюдался рост смертности и миграция из районов бедствия.⁸ В

результате этих событий за период между 1917 и 1920 гг. население Казахстана сократилось с 6 218,3 тыс. чел.⁹ до 4 679 795 чел., а в 1923 г. — до 3 786 910 чел.¹⁰ Таким образом, за период с 1920 по 1923 гг. численность населения Казахстана сократилась на 892 885 чел.

В последующие годы стихийная миграция в Казахстан не прекращается. В 1922—1925 гг. из различных районов страны в Казахстан переселялись не только крестьяне из России и Украины, но и казахское население. Возвращающиеся беженцы из Восточного Туркестана, согласно Декрету о земле, получали наделы. Только в Семиреченской области в 1920 г. 10 167 казахским и киргизским хозяйствам было возвращено 123 тыс. десятин земли, а в один Зайсанский уезд прибыло 1,5 тыс. семей.

В 1923—1924 гг. отток населения из Казахстана почти прекратился, за период с 1925 по 1926 гг. определился миграционный баланс, постепенно перешедший в положительное сальдо миграции. Большая часть мигрантов прибывала из Украины, Поволжья, севера, запада и центральной части РСФСР; меньшая — из Урала, Дальнего Востока, Сибири, Белоруссии и Средней Азии. Более 80% прибывших в республику поселились в сельской местности, большей частью в районах богарного земледелия. Так, в Кустанайском округе разместилось 15%, в Акмолинской и Актюбинской губерниях — 40%, Семипалатинской — 24% мигрантов. Это объясняется тем, что районы богарного земледелия в лесостепной и степной зонах были близки по климатическим и почвенным условиям в районах выхода мигрантов. К тому же приехавшие из европейской части России в этих зонах попадали в близкую этническую среду. Миграция в этот период носила стихийный характер, так как республика еще не включилась во всесоюзную систему организованных переселений в восточные районы страны.

Итоги демографических изменений, происшедших в годы создания и становления казахской государственности, подвела Всесоюзная перепись населения 1926 г. В 1926 г. в границах Казахстана проживало 6 198 467 чел., что почти на 800 тыс. чел. (на 14,8%) больше, чем в 1920 г. Республика стала более многонациональной (до 86 национальных групп). Казахи оставались доминирующим этносом, хотя их удельный вес в составе населения снизился до 58,5%, а абсолютная численность по сравнению с 1897 г. увеличилась всего на 6,5%. Численность русского населения, напротив, увеличилась в 2,8 раза, а удельный вес — до 20,6%. Также увеличился удельный вес украинцев (на 13,9%), немцев (на 0,8%), узбеков (на 2,1%).

Ареал расселения этнических групп изменился незначительно. Казахи преобладали в Сырдарьинской, Уральской, Актюбинской и Джетысуйской губерниях, русское население — в Акмолинской и Семипалатинской областях. Значительная часть украинцев проживала в Кустанайском округе, в Акмолинской губернии их доля увеличилась с 18,7% до 25,8%. Расселение остальных групп осталось прежним. В связи с присоединением к Казахстану Сырдарьинской и Джетысуйской губерний в этнической структуре края появились уйгуры, узбеки и другие национальности.

Казахстан в этот период продолжал оставаться аграрным краем. Численность городского населения была по-прежнему незначительной — 519 тыс. человек, или 8,4% от общей численности населения республики. Уровень урбанизации в два с лишним раза был ниже общесоюзного (17,9%). В крае существовало 50 городов и поселков городского типа. В 33 поселках городского типа с населением от 500 до 10 тыс. чел. проживало 125,2 тыс. человек, или более одной трети городского населения. В республике имелось 27 небольших городов, крупных же городов пока не было.¹¹

Городское население в большей степени состояло из русских (52,8%) и украинцев (5,9%). Казахи в составе горожан составляли всего 14,4%. Их доля в общей численности городских жителей была представлена неравномерно: от 1,6% в Кустанайском, до 70,1% — в Адаевском уездах (в Акмолинской губернии — 12,8%, Актюбинской — 13,7%, Семипалатинской — 21,6%, Сырдарьинской — 21,9%, Уральской — 18,8%, Джетысуйской губернии — 6,9%).¹² Неравномерное расселение казахов в городах Казахстана наложило отпечаток на города южного региона, которые делились на две части: «новый город», где обычно проживали русские и др. национальности, и «старый город», где селились казахи — это окраины, тесно смыкающиеся со степью, которые несли на себе довольно четкий отпечаток родового и племенного членения.

Сельское население республики численно преобладало над городским и составляло 91,6% всех жителей Казахстана. Казахи были преимущественно аграрным этносом. Их доля в составе жителей сельской местности составляла в среднем 61%, в том числе в Адаевском уезде — 97,4%, Сырдарьинской губернии — 81%, Уральской — 73,3%, Актюбинской — 72,1%, Джетысуйской — 67,7%, Семипалатинской — 58,2%. Самый низкий удельный вес казахов среди сельчан был в Кустанайском округе — 33,8%.

Естественный прирост населения по сравнению с предыдущим периодом значительно повысился. Так, в 1924 г. естественный прирост русских и казахов составил 25 и 16,2 промилле соответственно, в 1927 г. — 32,9 и 27,1%. Разница естественного прироста у казахского и русского населения объясняется разницей в уровне деторождения у казахов и русских, которая была вызвана большей смертностью детей в условиях кочевого быта. На повышение этого показателя в целом влияло снижение заболеваемости и смертности, чему способствовала успешная борьба советских медиков с острозаразными эпидемиями. Только за 1922–1925 гг. заболеваемость брюшным тифом сократилась в 15 раз, дизентерией — в 2 раза, сыпным тифом — в 25 раз и т.д. Фактически массовые эпидемические заболевания в целом по республике к 1926 г. были побеждены.¹³

В материалах Всесоюзной переписи населения 1926 г. отразилось крайне неблагоприятное положение с грамотностью в целом среди населения страны, особенно среди казахов в национальных окраинах. Об этом свидетельствуют показатели уровня грамотности по этническому признаку. Среди русских процент грамотных в возрасте от 9 до 49 лет составлял 64,3%, от 50 лет и старше — 27,9%. Среди казахов в возрасте от 9 до 49

лет грамотных было 9,9%, от 50 лет и старше — 5,3%. Уровень грамотности женщин-казашек был гораздо ниже, чем мужчин. Так, если в возрасте от 9 лет и старше грамотных мужчин-казахов было 15,9%, то среди женщин — только 1,3%.¹⁴

Таким образом, Всесоюзная перепись населения 1926 г. зафиксировала продолжающийся рост многонационального состава Казахстана, сокращение доли казахского и увеличение славянского этноса в составе жителей республики. Большая часть казахов проживала в сельской местности, их удельный вес в составе городских поселений был незначителен. Этнические процессы способствовали, наряду с естественным и миграционным приростом, росту абсолютной численности основных этносов.

В конце 1920—1930-х годов в стратегии большевиков по превращению Советского Союза из страны аграрной в индустриальную Казахстан стал одной из стратегических составляющих, где ему отводилась роль основной производственно-сырьевой базы страны. В этой связи здесь планировалась реконструкция сельского хозяйства и намечены мероприятия, которые позволяли вовлечь в хозяйственный оборот полезные ископаемые и энергетические ресурсы региона.

Высокие темпы экономического развития требовали постоянного притока рабочей силы. Проблема трудовых ресурсов решалась с одной стороны, путем разрушения традиционного кочевого уклада казахского этноса в ходе седентаризации и коллективизации, с другой — активизацией миграционной политики и организацией различных подчиненных ГУЛАГу структур, специальных трудовых поселений, тюрем, исправительно-трудовых лагерей и колоний.

Первый удар по традиционной хозяйственной структуре казахского этноса был нанесен в конце 1920-х годов, когда была проведена кампания по ликвидации хозяйств так называемых баев-полуфеодалов, переросшая вскоре в массовые антикрестьянские репрессии. Конфискации подверглось 696 хозяйств, из них 619 семей было выслано за пределы округа проживания. Позже, в ходе коллективизации, политика ликвидации кулачества и байства стала проводиться еще жестче. Было установлено, что удельный вес ликвидируемых кулацких дворов по отношению к общей массе хозяйств составляет 3—5%, поэтому численность раскулаченных должна была этому соответствовать. В действительности во многих районах подобного количества кулаков никак не набиралось, в результате «раскулачивались» зажиточные и середняцкие хозяйства. Только в 1930—1931 гг. численность отправленных в «кулацкую ссылку» за пределы республики достигла, по далеко не полным данным, 6765 человек.¹⁵

Кампания по раскулачиванию баев вылилась в массовые антикрестьянские репрессии. За период с 1929 по 1933 гг. тройкой ПП ОГПУ в КазАССР, по не полным данным, было рассмотрено 9805 дел и приняты решения в отношении 22 933 лиц, из которых к высшей мере наказания — расстрелу было приговорено 3386 чел., заключено в концлагеря на срок от 3 до 10 лет — 13 151 чел.¹⁶

Ликвидация байских и зажиточных хозяйств, выполнявших вполне определенную функциональную роль в наработанной системе вос-

производственных связей, вызвало нарастание хаотических процессов в традиционной структуре хозяйства. Для нормального ведения хозяйства распределения конфискованного имущества «поровну» до приемлемых размеров не хватало, не изменяло и социальный статус получивших его, а также обернулось не ростом благосостояния населения, напротив, — нарастающей пауперизацией аулов и разрушением хозяйства.¹⁷

Усугубили положение населения заготовительные кампании, которые с самого начала приняли характер чрезвычайных мер: размеры заготовки скота проводились без учета реальной его численности, хлебозаготовки распространялись и на несееущие, сугубо животноводческие хозяйства. Кроме того, в ходе заготовительных кампаний были проведены масштабные антикрестьянские репрессии: к административно-уголовной ответственности было привлечено 56 498 жителей села, из них 34 121 чел. был осужден; за период с 1 октября 1928 г. по 1 декабря 1929 г. было приговорено к расстрелу 125 чел., по линии ГПУ — 152 чел.¹⁸ В результате возросшая норма налогообложения стала причиной откочевки многих скотоводческих хозяйств целыми общинами за рубежи республики и страны.

Сильнейший удар по казахскому хозяйству нанесла силовая политика по переводу скотоводов-кочевников и полукочевников на так называемую оседлость, или седентаризацию. В результате была деформирована и искажена сформировавшаяся в ходе длительной социокультурной эволюции хозяйственная структура кочевого скотоводческого общества, которая на том доиндустриальном уровне развития производительных сил являлась именно тем типом хозяйственно-культурной деятельности, который был оптимален на территории Казахстана. Тем не менее, аул и деревня Казахстана продолжали втягиваться в ритм стремительной коллективизации. Нарушения принципа добровольности и элементарной законности в животноводческих районах перешагнули всякие допустимые пределы. В результате к февралю 1932 года в Казахстане 87% хозяйств колхозников и 51,8% единоличников полностью лишились своего скота. Обобществленный скот концентрировался на колхозно-товарных фермах в огромнейших количествах и попросту погибал, так как не мог прокормиться. В результате животноводство понесло беспрецедентный урон. Так, если в 1928 г. в республике насчитывалось 6509 тыс. голов крупного рогатого скота, то к 1932 г. осталось 965 тыс. голов, из 18 566 тыс. овец к 1932 г. — 1386 тыс.; от 3516 тыс. конского поголовья в 1941 г. к 1928 г. — лишь 885 тыс. голов; от 1042 тыс. голов верблюдов к 1935 году — 63 тыс. голов.¹⁹

Следствием коллективизации стал голод 1931–1933 гг. Это была страшная трагедия для казахстанцев. В 1932 году Т. Рыскулов, работавший заместителем председателя СНК РСФСР, лично неоднократно информировал Сталина: «...в Балхашском районе (по данным местного ОГПУ) было населения 60 тыс., ...откочевало 12 тыс., умерло 30 тыс., ...в Каркаралинском районе в мае 1932 г. было 50 400 чел., а с ноября месяца осталось 15 900 чел., ...в Караганде в прошлую зиму умерло около 1500 казахов, ...среди них рабочие от голода и эпидемий, ...голодные казахи

массами скапливаются около промышленных пунктов (Караганда, Балхаш, Карсакпай и др.) и не могут устроиться и нарушают нормальный ход работы этих промышленных пунктов, ...в ряде пунктов оседания казахи побросали постройки и ушли в поисках пропитания, в Карагандинской области 4100 построек пустует...».

Тревожные сведения были изложены в письме № 60 от 1932 г. (август) председателя СНК КАССР У. Исаева Сталину: «Во многих казахских районах, по сравнению с 1929 годом, не осталось и половины населения. Общее количество крестьянских хозяйств края сейчас меньше, чем в 1931 г. на 23—25%». В Информационной записке ПП ОГПУ в Казкрайком ВКП(б) говорится, что в «Атбасарском районе продзатруднения принимают крайне острые формы. На почве голода наблюдаются массовые случаи опухания и смерти. С 1 апреля по 25 июля (1932 г. — *авт.*) зарегистрировано 111 случаев смертей, из них в июле месяце 43. За это время отмечено 5 случаев людоедства...».²⁰

Однако темпы коллективизации отнюдь не были замедлены. За период с 1930 по 1935 гг. в Казахстане процент коллективизации (по числу хозяйств) вырос с 30,3% до 90,5%.²¹ Весь Казахстан охватили народные волнения, переходящие в вооруженные выступления. За период с 1929 по 1931 г. в Казахстане имело место 372 восстания, в которые было вовлечено около 80 тыс. человек. Особо трагическую известность получили крестьянское движение в Сузакском, Шемонаихинском, Бухтарминском, Иргизском, Казалинском, Кармакчинском, Самарском, Абралинском, Биен-Аксуйском, Чингистауском, Барибаевском, Кастекском, Балхашском, Чубартауском, Мангистауском и других районах. Восстания сопровождались массовыми откочевками за пределы республики, в том числе за границу. Только с начала 1930 г. до середины 1931 г. с территории Казахстана откочевало 281 230 крестьянских хозяйств, значительная часть — на территорию Китая, Ирана и Афганистана. Всего за пределы республики в период голода откочевало 1130 тыс. человек, из них 676 тыс. безвозвратно и 454 тыс. впоследствии вернулось в Казахстан. Силами регулярных войск и органов ОГПУ против мятежного населения проводились жестокие карательные акции. За участие в крупных восстаниях и волнениях в 1929—1931 гг. был осужден 5551 человек, из них 883 расстреляны.²² Фрагментарные данные о численности заключенных свидетельствуют о значительном пополнении контингента лагерей. Так, в Карлаге число заключенных возросло за период 1935—1936 гг. на 12 тысяч человек (с 25 127 до 37 958 чел.), что явилось результатом процесса завершения коллективизации в районах Средней Азии и Казахстана, усилением борьбы со всеми видами преступлений накануне принятия Конституции 1936 года.²³

О масштабах этой трагедии в Казахстане свидетельствует динамика численности его населения за 1930—1936 гг., составленная Управлением народно-хозяйственного учета республики: 1930 г. — 5873,0 тыс. чел., 1931 г. — 5114,0 тыс. чел., 1932 г. — 3227,0 тыс. чел., 1933 г. — 2493,5 тыс. чел., 1934 г. — 2681,8 тыс. чел., 1935 г. — 2926 тыс. чел., 1936 г. — 3287,9 тыс. чел.²⁴ Итого, численность населения Казахстана сократилась за 1930—1936 гг. на 2585,1 тыс. человек.

Демографический анализ архивных документов и материалов переписей населения 1937 и 1939 гг. показывает, что казахский этнос подвергся жесточайшему геноциду и понес тяжелые потери. По данным Комиссии Президиума Верховного Совета Республики Казахстан, от голода и его последствий казахский народ потерял примерно 2 млн 200 тыс. человек, т.е. около 42% от общей численности.²⁵

Кочевники-казахи, лишенные скота, чтобы не погибнуть от голода, стали стекаться в городские центры, на строительство промышленных объектов, на рудники и шахты в поисках работы. Мотивируя тем, что для осуществления индустриализации нужна была квалифицированная рабочая сила, а местное население не отвечало этим требованиям, советское руководство проводило мероприятия по привлечению трудовых ресурсов извне. Еще 13 февраля 1929 года по решению Бюро Казкрайкома ВКП(б) было создано Переселенческое управление и утвержден план проведения переселенческих работ в крае. Главной задачей деятельности Переселенческого управления было создание «рабочей, продовольственной, фуражной и гуже-транспортной базы промышленного строительства». В миграционной политике Советского правительства сразу возникло два направления — добровольное и принудительное. К добровольной миграции можно отнести сельскохозяйственное переселение из центральных областей России и Украины, а также вербовку специалистов и рабочей силы из промышленных районов России и Украины — коммунистов и комсомольцев. Важную роль в осуществлении этих планов сыграла пропагандистская и агитационно-массовая работа. Так, в течение 1931–1933 гг. только для работы на шахтах Караганды были мобилизованы 1500 коммунистов и 3000 комсомольцев.

Основной приток населения в Казахстан был отнюдь не добровольным. Форсированная индустриализация, громадный объем капитального строительства, отсутствие инфраструктуры требовали огромного количества рабочей силы: дешевой, а лучше бесплатной, дисциплинированной, покорной, неприхотливой, готовой к перегону с места на место в любой день, не требующей устроенного жилья, больниц, школ и т.д. В этот период была сформулирована экономическая потребность привлечения к строительству социализма «врагов народа» и в гигантских, немыслимых ранее масштабах, были воспроизведены печальные традиции дореволюционного заселения Сибири каторжниками и ссыльными. Практика насильственных переселений в эти годы становится нормой. В балансе рабочей силы, требуемой для освоения восточных регионов страны, так называемый «спецконтингент» стал играть важную, а в реализации ряда народохозяйственных задач — и решающую роль. Исправительно-трудовые лагеря и колонии, спецпоселения возникали по всей стране и стали неизменным компонентом советской действительности.

Население, подвергнувшееся насильственной миграции в Казахстан, переписывалось в ходе Всесоюзных переписей 1937 и 1939 гг. Но в них не был учтен спецконтингент — трудпоселенцы. Заключенные же, все были учтены как таковой спецконтингент. Одной из главных причин неполноты зачисления трудпоселенцев в спецконтингент НКВД при проведении переписи 1937 г. было, по мнению В.Н. Земскова то, что «за все 30-е

годы именно на это время приходится пик либерализации режима в труд-ссылке. В соответствии с принятой 5 октября 1936 г. Конституцией СССР, трудпоселенцы были объявлены полноправными гражданами, и значительные их массы при последовавшей переписи населения учитывались, как обычные свободные люди». ²⁶ Поэтому определение количества спецпереселенцев не представляется возможным, имеющиеся сведения носят фрагментарный характер.

По данным В.Н.Земскова, численность этой категории населения в отдельные годы была следующей: на 1 января 1932 г. на учете состояло 180 708 чел., 1933 г. — 140 383 чел., 1934 г. — 134 579 чел., на 1 июля 1938 г. — 134 655 чел., на 1 января 1939 г. — 120 395 чел. 1940 г. — 137 043 чел. ²⁷ По сведениям отдела по спецпереселенцам ГУЛАГа ОГПУ—НКВД, в республику были выселены 46 091 семья, или свыше 180 тыс. человек. ²⁸

Советская власть, чтобы обеспечить форсированные темпы индустриализации, пошла на то, чего никогда не позволяло себе даже не очень церемонившееся с «инородцами» царское правительство — на депортацию целых народов. Весной 1936 года Совнарком принял постановление о выселении с территории Украины в Казахстан 15 000 польских и немецких хозяйств, как неблагонадежных. Трагически сложилась судьба советских немцев. В конце 30-х годов власти стали исподволь нагнетать антинемецкие настроения. В 1936—1938 гг. были произведены первые депортации немцев (наряду с поляками) из приграничных районов, появились ограничения на службу в армии. Правда, советско-германский пакт 1939 года заставил на некоторое время несколько приглушить эти настроения, — советское руководство демонстрировало дружелюбие к своим новым зарубежным партнерам и прекратило не только антинемецкие акции, но даже антифашистскую пропаганду вплоть до начала войны.

В Казахстан также были депортированы корейцы. В 1933 году В. Арсеньев, знаменитый путешественник и писатель, направил доклад в Дальневосточный крайком ВКП(б), в котором обосновал необходимость выселения живших на советском Дальнем Востоке корейцев: «...Корейцы — народ совершенно отличный от нас по характеру, по укладу жизни и по миросозерцанию... Они антропологически, этнографически, психически и по своему миросозерцанию стоят ближе к японцам, чем к нам. Рассчитывать, что корейцы скоро превратятся в советских граждан, нельзя. Нам некогда ждать, когда они изменят свои убеждения, характер и миросозерцание», — поэтому, утверждал Арсеньев, корейцы «должны быть отодвинуты в глубь страны, на Запад и на Север от Амура». ²⁹ В 1937 году все жившие на советском Дальнем Востоке корейцы были «отодвинуты» в Казахстан, за ними последовали иранцы из Азербайджанской ССР, курды, во время Великой Отечественной войны — ингуши, чеченцы и другие.

Трагедию, развернувшуюся на территории Республики, красноречиво показывает сравнительный анализ итогов переписей населения 1926 и 1939 гг. Несмотря на бурные миграционные потоки в регион в это межпереписное десятилетие, население Казахстана увеличилось всего на 1,3%

(с 6 073 979 в 1926 г. до 6 151 102 в 1939 г.).³⁰ По этому «показателю» Казахстан занимает последнее место среди всех республик Советского Союза. Население Украины за этот же период увеличилось на 6,6%, РСФСР — 16,0%, Белоруссии — 11,8%, в то же время в Киргизии — на 45,6%, Таджикской ССР — 43,8%, Армении — 45,5%, Грузии — 32,2%, Азербайджане — 38,5%, Туркмении — 25,4%. Всего по Союзу численность населения за этот период увеличилась на 16,0%.³¹

Численность казахов согласно Всесоюзной переписи населения 1939 г. составила 2 327 625 чел., или сократилась по сравнению с 1926 годом на 1 299 987 чел., или в 1,6 раза. Удельный вес казахов в национальной структуре республики составил 37,8%, т.е. снизился на 19,3 %, или в 1,5 раза. Большинство населения стали русские (2 458 687 чел.), их численность увеличилась в 2 раза, а удельный вес стал равен 40%. Увеличилась численность всех национальностей, кроме казахов, украинцев, узбеков и уйгуров, а также доля «других национальностей» — до 3,2%.³²

В исследуемый период произошли коренные изменения в расселении населения. В ходе индустриализации появились новые города и рабочие поселки — их стало теперь 81. Согласно Всесоюзной переписи населения 1939 г. городское население Казахстана составляло теперь 1 710 027 чел., то есть увеличилось более, чем в три раза, а удельный вес достиг 27,8%. 47,5% городского населения было сосредоточено в городах численностью свыше 50 тыс. чел. Если в 1926 г. в республике таким был только город Семипалатинск, то в 1939 г. их стало семь, в Алма-Ате, Караганде и Семипалатинске проживало более 100 тыс. человек в каждом, что составляло 29% всего городского населения республики. В составе жителей городов, согласно Всесоюзной переписи населения 1939 г., удельный вес казахов составлял всего 16,1%. В урбанизационные процессы была вовлечена, главным образом, та часть казахского населения, на территории проживания которой создавались промышленные индустриальные объекты.

Так, например, наиболее урбанизированными были казахи Карагандинской области — 33,3%. 29,7% казахов были жителями городов и городских поселений в Семипалатинской области, 26,5% — в Гурьевской, 18,2% — в Кызыл-Ординской, 16,9% — в Алма-Атинской, 14% — в Актюбинской. 13,6% — в Жамбулской, 13% — в Южно-Казахстанской, 12,4% — в Павлодарской, 11,4% — в Северо-Казахстанской, 10,8% — в Восточно-Казахстанской, 6,4% — в Кустанайской, 4% — в Западно-Казахстанской.³³

Доля сельчан в общей численности населения республики сократилась, по сравнению с 1926 г., на 19,4 пункта и составила 72,2%. Казахи оставались аграрным этносом — 83,9% всего народа были сельскими жителями. Наименее урбанизированными были казахи Западно-Казахстанской области — 96% из них проживали в сельской местности. Высок удельный вес сельских жителей казахов и в других областях Казахстана: в Кустанайской — 93,6%, Восточно-Казахстанской — 89,2%, Северо-Казахстанской — 88,6%, Павлодарской — 87,6%, Южно-Казахстанской — 87%, Жамбулской — 86,4%, Актюбинской — 86%, Алма-Атинской — 83,1%,

Акмолинской — 82,5%, Гурьевской — 73,5%, Семипалатинской — 70,3%. Наименьший удельный вес казахского сельского населения был в Карагандинской области — 66,7%.

В целом доля казахского населения в общей численности сельских жителей сократилось до 44%. Это произошло в результате значительного притока в сельские населенные пункты русских, украинцев, немцев и других национальностей в ходе насильственных миграций.

Колоссальные изменения в условиях жизни людей в этот период дали толчок качественной смене типов воспроизводства населения у различных национальностей. Различие генеративного поведения людей было обусловлено различием «ролей» коренного и пришлого, «европейского» населения, степенью его урбанизированности. Промышленное строительство и городское развитие шли в основном за счет притока людских ресурсов извне. Использование принудительного труда спецконтингента на промышленных объектах препятствовало росту численности рабочих из местного казахского населения, о чем свидетельствует низкое представительство коренного населения в промышленности. В результате большая часть казахов оставалась сельскими жителями, их удельный вес в составе горожан был незначителен. В результате происходила консервация уклада жизни коренных жителей, что способствовало сохранению традиционных институциональных форм, неравноправного положения женщин и многодетности. Только благодаря сверхвысокой рождаемости на первых стадиях демографической эволюции казахам удалось сохранить себя как этнос, несмотря на сверхсмертность во время страшных испытаний в ходе коллективизации и насильственного оседания. Представители других национальностей были преимущественно горожанами. В демографическом поведении славянских народов повсеместно распространялось планирование семьи и резко сократилась рождаемость.

Всесоюзная перепись населения 1939 г. зафиксировала в двух областях — Карагандинской и Кустанайской значительную разницу в уровнях рождаемости городских (32,0 промилле) и сельских (65,9 промилле) жителей, тогда как в среднем по республике она оставалась пока одинаковой.³⁴ Эта тенденция в последующие годы распространилась на все население республики.

Необходимо отметить, что в республиках Союза ССР разрыв в плане рождаемости между городом и селом был больше, чем где либо. Сохранению традиционных репродуктивных установок жителей сельской местности способствовала, во-первых, экономическая структура этих стран, когда все промышленные предприятия находились в городской местности, в том числе и перерабатывающая промышленность, а село занималось сельскохозяйственным производством; во-вторых, идеологическая ориентация этих государств, когда рабочий класс был объявлен гегемоном; в третьих, стратегия развития этих стран, ориентированная в основном на развитие промышленности в сочетании с низкими дотациями в сельское хозяйство; и последнее — система прописки в сельской местности, ограничивающая мобильность населения.

Что касается показателей смертности населения Казахстана, то к существующим причинам смертности кочевого населения в этот период, помимо неблагоприятной эпидемиологической обстановки, добавились и другие факторы внешнего порядка: массовая гибель от голода в период коллективизации и насильственного оседания; неурожай и джун; вынужденные массовые откочевки за пределы Казахстана; гибель на каторгах, высылках и в концентрационных лагерях. Добавив к этому сверхсмертность прибывшего на территорию республики спецконтингента, можно только представить, какая цена была заплачена за превращение страны из аграрной в индустриальную. Сколько погибло людей на территории края в начале 1930-х годов, до сих пор не выяснено.

Лишь со второй половины 1930-х годов смертность начала снижаться за счет улучшения положения в рабочих поселках в результате проведения эпидемиологических мероприятий, вакцинации населения и некоторого улучшения с продовольственным снабжением. И все же показатели смертности в Казахстане были очень высоки. Так, в 1940 г. общий коэффициент смертности достиг 21,4 промилле. Высокий показатель смертности в большинстве своем сложился за счет неблагоприятной ситуации с детской смертностью, особенно детей в возрасте до 1 года. Средний показатель смертности детей в возрасте от 0 до 4 лет — 86 промилле, от 5 до 9 лет — 78 промилле. Эта тенденция была характерна как для городской, так и для сельской местности. Самое неблагоприятное положение с детской смертностью было в Алма-Атинской области, где из 1000 родившихся в 1937 году умерло 189 детей; Северо-Казахстанской — 202; в Карагандинской — 166 детей, хотя и наблюдалась тенденция к ее снижению. К этому нужно добавить, что политические репрессии, непосильные экономические нагрузки, идеология жертвенности этих лет не способствовали сохранению здоровья и жизни человека. Смертность коренного сельского населения оставалась по-прежнему очень высокой. Естественный прирост как фактор повышения численности населения начал проявлять себя лишь со второй половины 1930-х годов, до этого естественный прирост был отрицательным.

На процессы воспроизводства населения определенное влияние оказал половозрастной состав жителей. Своеобразие и последствия социально-экономических процессов определили и особенности этих демографических характеристик. Так, если в целом по Союзу соотношение мужчин и женщин было 47,9% и 52,1% (в городах — 47,9% и 52,1%; в сельской местности — 47,8% и 52,2% соответственно), то в Казахстане, в результате промышленной миграции, призванной обеспечить объекты индустриализации мужской рабочей силой в трудоспособном возрасте, половозрастная структура к 1939 г. имела совершенно иную картину. Всесоюзной переписью 1939 г. зафиксировано процентное соотношение мужчин и женщин 52,1% к 47,9%. В том числе, в городской местности — 52,1% к 47,9%; в сельской — 52,0% к 48,0%. То есть, мужское население преобладало.³⁵

Происходили изменения и в возрастном составе населения края. К 1939 г. доля детей в возрасте до 14 лет уменьшилась до 33,9%, сократился

также удельный вес молодежи в возрасте от 15 до 19 лет до 8,5% и старших возрастов (от 50 лет и старше) — до 11%. Одновременно существенно увеличилось в населении доля молодежи в возрасте от 20 до 29 лет — до 20,7% и людей в трудоспособном возрасте от 30 до 49 лет — 25,8%. Это было результатом миграции на территорию республики большого количества людей трудоспособного возраста.³⁶

Индустриальное преобразование общества требовало широкого распространения культуры, первоначальной составляющей которой была ликвидация неграмотности. Ликвидация безграмотности в короткие сроки по праву относится к числу наиболее высоких достижений тех лет. Согласно данным Всесоюзной переписи населения 1939 г., процент грамотных в Казахстане достиг (в возрасте от 9 лет и старше) 76,3%, в том числе в возрасте от 9 до 49 лет — 83,5%; от 50 лет и старше — 31,4%. Это было связано не только с проведенными мероприятиями по ликвидации безграмотности, но и с прибытием в регион, в результате добровольной и принудительной миграции, большого числа людей не только грамотных, но и квалифицированных рабочих, специалистов различных профессий, представителей интеллигенции. Грамотность среди мужчин (86,6%) была более распространена, чем среди женщин (70,5%), причем уровень грамотности у мужчин и женщин в городах и городских поселениях был значительно выше, чем в сельской местности. Так, если средний показатель грамотности среди мужчин городской местности составлял в Казахстане 92,8%, то в селах — 83,2%. Среди женщин этот показатель составлял в городской местности 77,6%, в селах — 63,3%.³⁷

Уровень грамотности среди казахов отставал от других этносов, например русских. Так, если среди русских процент грамотности в 1939 г. составил 93,7% среди мужчин и 74,4% среди женщин, то среди казахов — 71,2% и 51,5% соответственно. Это было связано, прежде всего, с тем, что большая часть казахского населения была жителями сельской местности, где мероприятия по ликвидации безграмотности проводились менее интенсивно, чем в городах и городских поселениях. Немаловажным фактором было и отсутствие должного количества учителей-казахов, а также все усиливающаяся тенденция сужения сферы функционирования казахского языка.³⁸

Итак, пополнение численности населения Казахстана во второй половине 20-х — 30-е годы XX в. шло, главным образом, за счет миграции из центральных областей России, Украины и депортированных народов. Динамично продолжались процессы интернационализации и урбанизации населения. Сократилась численность казахского населения и его доля в составе населения Казахстана, и впервые на своей исторической родине казахи стали меньшинством. Большая часть коренного населения была представлена сельскими жителями, их удельный вес в составе горожан был незначителен. Напротив, представители других национальностей были преимущественно горожанами. Весь рассмотренный период характеризовался снижением рождаемости, ростом смертности и уменьшением воспроизводства населения.

2. ИЗМЕНЕНИЯ В СОСТАВЕ НАСЕЛЕНИЯ КАЗАХСТАНА В 1940–1958 гг.

События Великой Отечественной войны, первого послевоенного десятилетия, коренным образом изменили экономическое, политическое и культурное развитие Казахстана. Они привели к кардинальным изменениям демографической структуры населения республики.

В Великой Отечественной войне Казахстан участвовал как часть единой страны. На фронт и в оборонную промышленность был отправлен каждый четвертый житель республики. Экономика была переведена на военные рельсы. Составной частью перестройки тыла стал прием и размещение эвакуированных предприятий. Только в июне–декабре 1941 г. более 200 крупных предприятий и цехов были размещены в Казахстане. На военные нужды были перестроены предприятия легкой и пищевой промышленности, на которые в создавшихся условиях перемещался центр тяжести по продовольственному обеспечению армии и населения. Ценой огромного перенапряжения выполняли задания труженики села Казахстана. За годы войны они дали фронту продукции больше, чем за последние пять довоенных лет: хлеба — на 30,8 млн пудов, мяса — на 15,8 тыс., картофеля и овощей — на 14,4 тыс., шерсти — на 176 тыс. центнеров.

Одной из составляющих изменений абсолютной численности населения являются потери на фронтах Великой Отечественной войны. Победа над фашистской Германией стоила больших жертв. К сожалению, исчерпывающего ответа на вопрос, сколько погибло за Родину по годам войны, о их национальном и возрастном составе дать невозможно. Число убитых в боях, умерших от ран и болезней и в плену, а также пропавших без вести казахстанцев составило 601 011 чел. Это означает, что с полей сражений не вернулась почти половина призванных к оружию. Погибшие составили 11,2% всего населения Казахстана.³⁹ Приблизительные данные о погибших воинах-казахстанцах можно извлечь из материалов научно-методического центра объединенной редколлегии Книг Памяти стран Содружества Независимых Государств. Из них явствует, что на всех фронтах Великой Отечественной войны погибло 130 тыс. фронтовиков-казахов. С учетом того, что за годы войны четверть казахского населения СССР жила за пределами нашей Республики, на долю Казахстана приходится примерно 97,5 тыс. из общего числа погибших казахов. Казахи составляли 1,5% всех погибших военнослужащих, и по своей численности они уступали только пяти народам: русским (погибло 5747,1 тыс. чел., или 66,3%); украинцам (1376,5 тыс. и 15,4%), белорусам (251,4 тыс. чел., или 2,9%), татарам (183,3 тыс. чел., или 2,2%) и евреям (138,7 тыс. чел., или 1,6%).⁴⁰

В процессе привлечения людей к военным действиям в Казахстане существовали специфические особенности. Карагандинский историк А.А. Абдакимов считает, что в некоторых областях республики удельный вес мобилизованных на войну казахов составлял 50–60% всего взрослого коренного населения, а иногда и того больше. По предположениям М. Козыбаева и К. Алдажуманова, с войны не вернулось 350 тысяч казахов; по данным на начало 1943 г. потери составляют 410 тыс. человек. В

это число не вошли те, кто призывался в армию за пределами Казахстана, не вернувшиеся из трудармии, умершие после войны вследствие полученных ран. Согласно сведениям научно-методологического центра объединенной редколлегии, на 1 января 1943 г. в Вооруженных Силах СССР служило 177 455 казахов, из них в госпиталях находилось 21 714 воинов-казахов, всего числилось 199 169 человек. Это было наибольшее за военные годы количество казахов в Вооруженных Силах. На 1 января 1945 г. их уже было 120 182 чел. (107 в строю и 12 202 — в госпиталях). Таким образом, на 1 января 1943 г. в Вооруженных Силах СССР служило около 150 тыс. казахов, на 1 января 1945 г. — 90 тыс. человек.⁴¹

Смертность населения в тылу вообще не подвергалась тщательному изучению. Прямые потери среди мирного населения республики приблизительно составили 300 тыс. чел., косвенные потери — 592 038 чел. В среднем за каждый год войны умирало 104 445 чел. Высокая смертность населения тыла была связана с длительным ухудшением условий для нормальной жизнедеятельности всех категорий населения: неполноценным питанием или вовсе его отсутствием, что вызывало истощение, дистрофию, желудочно-кишечные заболевания, отравления и т.д.; тяжелыми условиями труда и быта. Ситуация усугублялась недостатком или отсутствием вообще квалифицированной медицинской помощи в связи с мобилизацией медиков на фронт и дефицитом лекарственных препаратов, так как фармацевтические предприятия страны оказались на оккупированной территории, что при ситуации, благоприятной для распространения инфекционных и хронических заболеваний, является немаловажным фактором. Общие людские потери в Казахстане составили 1 202 000 чел. Эта цифра уступает потерям только в тех бывших союзных республиках и областях России, где происходили военные действия.⁴²

Главным фактором изменений общей демографической ситуации в республике были миграционные процессы. Миграционная экспансия Казахстана в ущерб интересам коренных жителей республики, начавшая в 30-е годы XX в., получила свое дальнейшее развитие. В годы войны, кроме 536 тыс. чел. эвакуированных из западных регионов страны в Казахстан, были депортированы целые народы, автономные образования которых предварительно ликвидировались. 27 августа 1941 года по линии НКВД был распространен приказ «О мероприятиях по проведению операции по переселению немцев из автономии немцев Поволжья, Саратовской и Сталинградской областей». Была составлена и разослана соответствующая «Инструкция по проведению переселения»,⁴³ а 28 августа 1941 г. был обнародован Указ Президиума Верховного Совета СССР №21-160 «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья». Большинство из них должно было разместиться в Казахстане. К 25 октября 1941 г. в республике планировалось принять 467 тыс. немцев Поволжья.⁴⁴ Кроме немцев, высылке со своих территорий во время войны подверглись в 1943–1944 гг. народы Северного Кавказа и Калмыкии: всего в восточные районы СССР было выселено 650 тыс. чеченцев, ингушей, калмыков и карачаевцев.⁴⁵ Кроме того, насильственной депортации подверглись и другие народы. Так, в 1944 г. в Казахстан прибыло 1 268 семей или 4 501 чел. крымских татар, около 7 тыс. болгар и греков.⁴⁶ Согласно

телеграмме Л.П. Берии от 7 мая 1944 г. «разрешалось» также выселить 330 чел. немцев, австрийцев, венгров, румын, итальянцев, проживающих в Крыму, на курортах и в городах Черноморского побережья». ⁴⁷ В Казахстан было выселено также 6300 семей турок из Грузии, общей численностью 27 833 чел. ⁴⁸

В результате этих мероприятий темпы роста абсолютной численности населения в первые годы войны были очень высоки. В среднем по республике в 1941 г. численность населения возросла по сравнению с 1940 г. на 5,3%, а в 1942 г., по сравнению с 1941 г. — на 11%. Несмотря на большое количество убитых в связи с мобилизацией населения на фронт, для всех населенных пунктов Казахстана как городских, так и сельских было характерно положительное сальдо механического движения.

В ходе промышленного строительства в годы войны в Казахстане быстро росли города, строились рабочие поселки. По данным 1945 г., в республике было 33 города и 107 городских поселений. За период с 1939 по 1945 гг. абсолютная численность городского населения выросла на 30%, а его удельный вес в составе населения Казахстана стал равен 37,7%. Это было результатом миграции на территорию республики огромного количества людей. Так, механический прирост горожан за 1941—1945 гг. составил 13,3% от числа всех жителей городов на 1 января 1945 г. На первом месте по числу городских жителей была Карагандинская область, удельный вес горожан в которой возрос с 58,3% до 67,3%. ⁴⁹

После войны реэвакуация и воссоздание численности рабочих в районах, освобождавшихся от оккупации, вызвали огромный отток населения из Казахстана, одновременно продолжалось миграционное движение в республику. Считалось, что после войны, почти вплоть до середины 1950-х годов организованное переселение в Казахстан проводилось слабо. Ныне возможность изучения материалов, хранящихся ранее в архивах под грифом «секретно» кардинально изменила это мнение. В потоке прибытий, как и прежде, спецконтингент занимал большую часть. Это были заключенные лагерей НКВД со всей страны, с началом войны в массовом порядке переводившиеся в лагеря Казахстана, а также военнопленные и интернированные. Причем динамика численности заключенных имела возрастающую тенденцию и в 1939—1954 гг. выросла в 7,8 раза. Так, численность заключенных КарЛАГа в 1939 году составляла 26 229 чел., в 1941 г. — 39 513 чел., в 1944 г. — 50 541 чел., в 1945 г. — 53 179 чел., в 1947 г. — 60 745 чел., в 1948 г. — 63 044 чел., в 1949 г. — 65 662 чел., 1953 г. — 196 800 чел., в 1954 г. — 204 259 чел. ⁵⁰

В лагерях Казахстана находились представители многих наций и народностей не только Советского Союза, но и стран Европы и Азии. Например, только в Карагандинском лагере в 1947 г. были представители более 19 национальностей СССР и 4749 человек представителей десяти иностранных государств. Более того, в лагере находились иностранные подданные более 12 стран, с общей численностью 887 человек. ⁵¹ После смерти Сталина количество заключенных в лагерях постепенно сокращалось. Исправительно-трудовые лагеря продолжали свою деятельность до начала 60-х годов XX столетия.

В 1957 г., после восстановления автономии чеченского и ингушского народов, началось их возвращение на Северный Кавказ. Интенсивно шло возвращение карачаевцев, балкарцев, калмыков. Возвращались в места прежнего жительства часть греков, турков-месхетинцев, крымских татар, поляков, корейцев, немцев Поволжья. Однако их основная масса оставалась в Средней Азии и Казахстане. Интенсивно возвращались латыши, эстонцы и литовцы в республики Советской Прибалтики.

Наиболее крупный миграционный поток в республику произошел в связи с освоением целинных и залежных земель, которое по времени совпало с крупными промышленными стройками. В этот период Казахстану отводилась главная роль в борьбе за быстрый подъем зернового хозяйства, в связи с чем в республике стала создаваться материально-техническая база сельскохозяйственного производства. Остро встала задача укрепить сотни новых совхозов, а также колхозы и МТС квалифицированными кадрами. Всего на освоение целинных и залежных земель в Казахстан в 1954–1962 гг. прибыло около 2 млн человек, в основном из европейской части страны.

Почти во всех областях создавались крупные промышленные объекты. Так, только за период с 1954 по 1958 гг. было построено и введено в эксплуатацию 730 новых промышленных предприятий. Высокие темпы развития народного хозяйства, интенсивное использование естественных ресурсов при огромном дефиците рабочей силы вызвали массовое перемещение людских ресурсов из других районов страны в создаваемые промышленно-территориальные комплексы. По республиканскому организованному набору рабочей силы для промышленности, строительства и транспорта в 1954–1965 гг. прибыло почти 0,5 млн человек, что составляет почти 80% всего оргнабора республики.

В результате бурных миграционных потоков за период с 1939 по 1959 гг. численность населения Казахстана выросла почти в полтора раза и составила 9 294 741 чел. Произошли значительные изменения в расселении населения. В 1959 г. в Казахстане было зафиксировано уже 182 городских поселения, в том числе 43 города и 139 поселков городского типа. Количество горожан, по сравнению с 1939 г., возросло в 2,4 раза, а их удельный вес увеличился с 27,7% до 43,7%, или в 1,6 раза. Таким образом, Казахстан по удельному весу городского населения приблизился к общесоюзному показателю (48%).

Наблюдается некоторый рост темпов урбанизации казахского населения. Удельный вес казахов среди городского населения повысился за период с 1939 по 1959 г. всего на 0,8 пунктов и стал составлять 16,9%. Лишь 24,3% казахского населения были жителями городов и городских поселений.

Миграция сказалась на росте сельского населения, особенно в областях Северного Казахстана — центре целины. Механический прирост населения в 1955 г., по сравнению с 1953 г. в Целиноградской области увеличился в 96 раз, в Кустанайской — в 23 раза. В целом, согласно переписи населения 1959 г., сельское население республики увеличилось на 19%, а в Целинном крае за это же время — на 83%.⁵² В то же

время удельный вес сельского населения в общей численности населения Казахстана снизился до 56,3%.

Численность казахов-сельчан, по сравнению с 1939 г., увеличилась на 163 425 чел., или на 7,7%. Казахи оставались аграрным этносом, хотя их доля в составе жителей сельских населенных пунктов стала меньше половины — 40,4%. Долевое участие казахов в национальной структуре сельских населенных пунктов по регионам выглядела следующим образом. Их удельный вес в составе сельских жителей был высок в Гурьевской (90,7%) и Кзыл-Ординской областях (87%). Больше половины составляли казахи в сельских населенных пунктах Западно-Казахстанского края — 66%; Актюбинской области — 57,6%; Уральской — 61,4%; в Джамбулской — 52%; Чимкентской — 56,7%. Наименьший их удельный вес в составе сельских жителей был зафиксирован в Северо-Казахстанской — 16,1% и Целиноградской — 19,5% областях.

В результате миграционных процессов 1939–1959 гг. Казахстан превратился в многонациональную республику. Вместе с тем численность казахского населения, по данным всесоюзной переписи населения 1959 г., составила 2 794 966 чел., то есть увеличилась всего на 474 тыс. человек, или на 20%, тогда как доля русских возросла на 62%, татар — на 79%, узбеков — на 32%, белорусов — увеличилась в 3,4 раза, уйгуров — на 69%, численность других национальностей — в 2,6 раза⁵³. Удельный вес казахов в национальной структуре республики уменьшился на 8 пунктов и составил всего 30%. Это был «пик» снижения данного показателя в Казахстане, в последующие годы он неуклонно повышался. Доля русских в составе населения достигла 42,7%, украинцев — 8,2%, немцев — 7,1%, татар — 2,1%, узбеков — 1,5%, белорусов — 1,2%, уйгуров — 0,6%, корейцев — 0,8%, азербайджанцев — 0,4%, других национальностей — 5,5%.

Население республики в этот период росло, главным образом, благодаря миграции, меньше — за счет естественного прироста. Тем не менее, в конце 1950-х — начале 1960-х гг. показатели рождаемости по Казахстану превышали среднесоюзные почти в два раза, что можно объяснить более благоприятным соотношением мужчин и женщин (47,6% и 52,4%) находящихся в брачном возрасте и высоким удельным весом молодых людей в целинных областях. В последующие годы рождаемость резко падает,⁵⁴ остается значительной разница между уровнем рождаемости населения в городской и сельской местности.

С конца 40-х — в 50-х годах XX века заметно снизилась смертность населения в Казахстане — почти в три раза, коэффициент смертности стал равен 7,3 промилле. Внедрение в медицинскую практику антибиотиков позволило поставить под контроль многие экзогенные факторы и ускорить формирование новой структуры причин смерти, характерных для относительно поздних стадий эпидемиологического перехода. На первое место среди причин смерти вышли болезни кровообращения и новообразования. К 1960-м годам резко сократилась младенческая смертность. Число умерших в расчете на 1000 детей в возрасте 0–4 года уменьшилось до 15 промилле, то есть почти в 6 раз,

по сравнению с 1939 г.; в возрасте 5–9 лет – до 1,6 промилле, или почти в 5 раз.⁵⁵ Однако, это относительно благоприятное положение сохранилось недолго. Остаточный принцип финансирования здравоохранения не соответствовал масштабам новых задач, связанных с охраной и восстановлением здоровья. Совершенно опускались из виду загрязнение промышленными и радиоактивными отходами среды обитания, недостаточными были мероприятия, связанные с профилактикой заболеваемости.

Значительно возросший уровень рождаемости детей в 1950-е годы и общие тенденции снижения смертности изменили возрастную структуру населения Казахстана. Численность детей в возрасте до 10 лет увеличилась на 89% и их доля в возрастной структуре населения достигла 30%, чего не было ни до этого, ни в последующие периоды в истории развития народонаселения Казахстана. Возросло число жителей старших возрастов – в 3,8 раза, среди которых большинство составляли женщины.⁵⁶

Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. показали также, что Казахстан, как и весь Советский Союз, в очень короткий срок превратился в страну с высоким уровнем грамотности: доля неграмотного населения (в возрасте от 9–49 лет) составила лишь 3,1%. В расчете на каждые 1000 человек населения Казахстана приходилось по 12 человек с высшим образованием и по 239 человек с незаконченным высшим, средним и неполным средним образованием. За период с 1939 по 1959 гг. число лиц с высшим образованием в Казахстане увеличилось в 4 раза, лиц с незаконченным высшим, средним и неполным средним – в 6 раз. Однако, по сравнению с другими республиками СССР, Казахстан значительно отставал по показателям высшего образования. Так, в целом по СССР этот показатель составил 18 промилле, в РСФСР – 19, Украинской ССР – 17, Грузинской ССР – 38, Азербайджанской ССР – 21, Латвийской ССР – 21, Армянской ССР – 28, Эстонской ССР – 21.

3. ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В РЕСПУБЛИКЕ В 1959–1989 гг.

В последующие 30 лет основные тенденции демографического развития Казахстана фиксируют переписи населения 1970, 1979 и 1989 гг. В этот период многоотраслевая индустрия Казахстана решала крупные народнохозяйственные задачи. Наряду с планомерным развитием существующих, активно формировались новые промышленные узлы республиканского и общесоюзного значения. При жесткой централизации управления экономикой неизменно сохранялась отраслевая структура промышленности, характеризующаяся сырьевой направленностью. Более половины промышленности находилось в ведении союзных министерств, и они в республику отчисляли 0,2%.

Сельское хозяйство развивалось неравномерно. Темпы прироста сельскохозяйственной продукции стабильно снижались, многие хлебные области – Кустанайская, Кокчетавская, Акмолинская, Северо-Казахстанская и Тургайская значительно сократили производство зерна.

Животноводство в эти годы так и не вышло на запланированные рубежи, а его качественные показатели даже ухудшились.

Серьезные недостатки накопились во всех сферах жизнедеятельности. К концу периода явно проявились пороки командно-административной системы управления: игнорирование экономических стимулов и интересов Казахстана в подготовке национальных кадров, медленное развитие отраслей социальной инфраструктуры. Остро встали проблемы окружающей среды, в предкризисном состоянии оказалась вся сфера социальной жизни, в особенности здоровье населения.

Общая численность населения за эти годы возросла на 78%, тогда как в среднем по СССР прирост населения составил 37%. Самый высокий прирост населения республики приходится на 1960-е годы, затем темпы роста стабильно снижаются. Так, в период с 1959 по 1969 гг. среднегодовой темп прироста населения был равен 3,1%; с 1970 по 1978 гг. — 1,4%; с 1979 по 1988 гг. — 1,2%.

В абсолютных цифрах население росло во всех областях. Однако темпы роста численности населения в них были различными, что было обусловлено общими темпами роста экономики областей и, прежде всего, промышленности.

Таблица 6

Численность населения Казахстана (1959–1989 гг.) тыс. чел.⁵⁷

№	Общая численность (тыс.чел.)	1959	%	1970	%	1979	%	1989	%
1	Все население	9259	100	13009	100	14685	100	16537	100
2	Городское	4067	43,8	6539	50,3	7921	53,9	9466	57,1
3	Сельское	5228	56,2	6470	49,7	6764	46,1	7071	42,9

Как видно из таблицы, все эти годы продолжалась быстрая урбанизация республики. Росла как абсолютная численность городского населения, так и его удельный вес в структуре населения республики. В 1970 г., по сравнению с 1959 г., численность городского населения выросла почти на 40%, в последующие десятилетия темпы роста значительно снизились: с 1970 по 1979 гг. численность городского населения выросла на 21%; в 1979–1989 гг. — на 19,5%. Доля горожан в общей численности населения республики стабильно повышалась: в 1959 г. — 43,8%, в 1970 г. — 50,3%, в 1979 г. — 53,9%, в 1989 г. — 57,1%. Среднегодовые темпы прироста численности городского населения в эти годы были равны: в 1959–1969 гг. — 4,4%, в 1970–1979 гг. — 2,2%, в 1979–1989 гг. — 1,8%. Таким образом, городские жители стали преобладать в составе населения республики, а их удельный вес в составе населения (57,1%) к концу периода приблизился к общесоюзному показателю (66%). В этом отношении Казахстан значительно опередил другие республики: Узбекскую (41%), Киргизскую (38%), Таджикскую (32%), Туркменскую (45%), Грузинскую (56%), Азербайджанскую (54%) и Молдавскую (47%).⁵⁸ На 1 января 1989 г. в республике было 84 города, в том числе 32 города с населением

50 тыс. человек и 1 город (Алма-Ата) с населением свыше миллиона человек.⁵⁹

Быстрый рост урбанизации в период 1959—1970 гг. произошел в результате значительного миграционного оттока жителей из сел в города, что объясняется существенной разницей качества жизни в городах и в сельской местности, а также тем, что в 1960-х годах в разряд городов и городских поселков были формально переведены более 70 крупных сел (в том числе около 20 центров сельских районов), хотя многие из них так и остались обыкновенными сельскими населенными пунктами. Сальдо миграции в сельской местности имело устойчивое положительное сальдо для всех областей республики. Наиболее высокий прирост в результате миграции был в Гурьевской, Павлодарской, Кзыл-Ординской, Кустанайской областях, они же отличались наибольшей интенсивностью миграции из сел в городскую местность. Таким образом, географически районы наивысшей интенсивности миграции совпадают с наиболее быстро развивающимися промышленными районами республики. В основном это районы горнодобывающей, металлургической и машиностроительной промышленности. Здесь мигранты из сел и аулов имели наилучшие условия для получения специальности и дальнейшего образования. Кроме того, промышленные города являлись крупными центрами строительной индустрии, имели необходимый комплекс культурно-бытовых условий. Все это привлекало сюда население из сельской местности, особенно молодежь.

Темпы урбанизированности казахского населения в исследуемый период выглядели следующим образом. Согласно Всесоюзной переписи населения 1970 г. в городской местности доля казахского населения составляла всего 17,2%. Наиболее урбанизированными были казахи Гурьевской (Атырауской) и Кзыл-Ординской областей, где их доля среди городского населения составляла 56% и 51% соответственно. Затем по степени уменьшения этого показателя шли Мангистауская (34,6%), Актюбинская (26,1%), Джамбулская (17,7%), Алма-Атинская (15%), Восточно-Казахстанская (13,9%), Павлодарская (12,4%), Западно-Казахстанская (12,1%), Целиноградская и Карагандинская (по 11,6%) области, а также Северо-Казахстанская (7,9%) область. Самые низкие показатели урбанизированности казахов были в Кустанайской (5,6%) и Южно-Казахстанской (2,6%) областях.

За межпереписное десятилетие 1970—1979 гг. урбанизированность казахского населения выросла на 3,7 процентных пункта и составила 20,9%. Этот показатель увеличился во всех областях Казахстана, особенно в Южно-Казахстанской области, где доля городского казахского населения выросла в 12,1 раза и составила 31,4%. По-прежнему самыми урбанизированными были казахи Гурьевской (63,7%) и Кзыл-Ординской областей (63,2%), где этот показатель вырос на 7,7 и 12,2 процентных пунктов соответственно. Урбанизированность казахов в других областях была следующей по степени уменьшения показателя: в Мангистауской — 37,2%, Актюбинской и Южно-Казахстанской — по 31,4%, Джамбулской — 22,2%, Западно-Казахстанской — 18,9%, Алма-Атинской — 17,1%,

Восточно-Казахстанской — 16,4%, Карагандинской — 13,9%, Павлодарской — 13%, Целиноградской — 12,7%, Северо-Казахстанской — 9,2%.

Тенденция увеличения доли казахского населения среди городских жителей Республики Казахстан в последующее десятилетие развивалась более высокими темпами. Так, к 1989 году доля казахов среди городских жителей выросла до 27,1%, то есть увеличилась на 6,2%. Самый высокий показатель урбанизированности казахов был зафиксирован в Кызылординской области, где доля казахского населения среди горожан достигла 81,4%. Произошло увеличение этого показателя во всех областях Казахстана: в Гурьевской — на 5,9% (69,9%), Мангистауской — на 7,5% (44,7%), Южно-Казахстанской — на 9,5% (40,9%), Актюбинской — на 8,9% (40,3%), Джамбулской — на 10% (32,2%), Западно-Казахстанской — на 9,3% (28,2%), Алма-Атинской — на 7,2% (24,3%), Восточно-Казахстанской — на 4,4% (20,8%), Карагандинской — на 4,3% (18,2%), Павлодарской — на 4,4% (17,4%), Целиноградской — на 3,5%. Самый низкий показатель урбанизированности казахов был зафиксирован в Северо-Казахстанской области, где их удельный вес в составе городских жителей не превышал 12,3%, хотя и здесь произошло увеличение, по сравнению с прежним периодом — на 3,1%.⁶⁰

Что касается сельского населения, то его численность росла, но не такими темпами, как городское. Так, среднегодовой темп прироста численности сельского населения в период с 1959 по 1970 гг. составил 2%, с 1970—1979 гг. — 0,5%, с 1979—1989 гг. — 0,5%. 1959 год — последний, когда доля сельского населения в общей численности населения республики составляла большинство — 56,2%, затем началось снижение этого показателя: в 1970 г. — 49,7%, в 1976 г. — 47,2%, в 1979 г. — 46,1%, в 1981 г. — 45,1%, в 1989 г. — 42,9%. Появились целые урбанизированные регионы, где доля сельских жителей была наименьшей: в 1989 г. в Мангистауской области жители сельской местности составляли 11,4%, в Карагандинской — 15,3%, Джезказганской — 21,9%.

На динамику численности населения значительное влияние оказывали миграционные процессы. До начала 1970-х годов население Казахстана формировалось в основном за счет механического прироста. Так, в 1959—1969 гг. 20% прироста всего населения Казахстана (740 тыс. чел.) произошло за счет прибытий, хотя с каждым годом темпы роста численности населения за счет миграции сокращаются, и начинается миграционный отток: в 1970 г. миграционный отток составил 35 тыс. чел., а в 1988 г. — уже 95 тыс. За период 1970—1990 гг. убыль населения Казахстана составила свыше 1,5 млн чел. в результате миграций в Россию, Украину, Белоруссию и Прибалтийские республики. В конце периода резко возросло число выезжающих из Казахстана за пределы СССР. За межпереписной период 1979—1989 гг. в Казахстан прибыло 5 521 912 чел., убыло 4 910 939, миграционное сальдо составило 610 973 чел.⁶¹ Из 17 областей в 1989 г. только Восточно-Казахстанская дала положительное сальдо — 0,6 тыс. чел. Наибольший отток населения наблюдался в Джамбулской, Павлодарской и Чимкентской областях. Уезжали в основном в РСФСР — 20,5%, Украину — 2,0%. На долю горожан приходилось 67,7% убытий, жители сел в общем числе убытий из республики составляли

22,3%. Уезжали из республики, главным образом, немцы, русские, украинцы, белорусы. В тоже время с 1989 г. начался интенсивный процесс возвращения казахов из Каракалпакии, Узбекистана, Туркменистана и отдельных регионов России, а также киргизов, узбеков и туркмен — из РСФСР и Средней Азии.⁶²

Происходила и международная миграция. В 1989 г. в республику прибыло 7,6 тыс. чел., убыло 34,2 тыс. чел, что составляет отрицательное сальдо 26,6 тыс. чел. Число выбывших из республики за границу составило 8,8% всех убытий из Казахстана. В 1987 г. эмигрировало 7113 чел., в 1988 г. — 23 579, в 1989 г. — 52 927, в 1990 г. — 92 700. Наибольшее число мигрантов дала Карагандинская область (четвертая часть всех мигрантов региона), на втором месте — Чимкентская область, на третьем — Алма-Атинская. Этот процесс шел в основном за счет граждан немецкой национальности, а также греков, поляков, евреев и др.

До начала 1980-х годов в межобластной миграции наблюдалось движение с севера и северо-востока на юг республики. К концу 1980-х годов миграционные потоки стали направляться с юга на север (не считая Алма-Аты и одноименной области). Различия миграции по областям были обусловлены неодинаковыми темпами экономического развития каждой из областей республики, степенью остроты дефицита рабочей силы, особенно в промышленности. Большими масштабами миграции отличались развитые в промышленном отношении Карагандинская, Павлодарская, Восточно-Казахстанская области, на которые, например в 1980—1984 гг., приходилось 27,7% всей валовой величины миграции.⁶³

На численность населения Казахстана большое влияние оказал естественный прирост жителей. Уровень рождаемости в Казахстане в рассматриваемый период претерпел два периода подъема и падения: если в начале 1960-х годов коэффициент рождаемости превышал 37 промилле (на 1000 человек населения), к концу 1970-х годов он упал до 21,7, затем вновь увеличился до 25,1 в 1985 г., и в 1989 г. этот показатель снижается до 20,3.

Повышение общего коэффициента рождаемости происходит в основном за счет сельских жителей, причем разница между уровнем рождаемости городских и сельских жителей была значительной. Так, в 1980 г. разница между коэффициентами рождаемости городских и сельских жителей составляла 2,9 пунктов, в 1984 г. — 1 пункт, в 1989 г. — 6,2 пункта, в 1990 г. — 7 пунктов. Наибольший коэффициент рождаемости наблюдался в Чимкентской (31,0), Кызыл-Ординской (29,8) областях, наименьший — в Карагандинской (17,5) и Восточно-Казахстанской (18,9).⁶⁴

В 1980-е годы наблюдался некоторый рост рождаемости у казахов (с 30,3% в 1980 г. до 31,1% в 1990 г.) и небольшое снижение общей смертности (6,6% и 6,3% соответственно), что способствовало их естественному приросту: с 23,7% в 1980 г. до 24,8% в 1990 г. при снижении этого показателя в целом по республике с 15,9% до 14,0%.

На характер репродуктивного поведения населения Казахстана влиял целый ряд факторов, связанных с условиями жизни, своеобразием системы социальных установок и ценностных ориентаций различ-

ных социально-демографических групп, существенно различающихся генеративной активностью, традиционными установками по отношению к семье, браку и наличию детей.

Важным социально-экономическим фактором, влияющим на генеративную деятельность женщин, является занятость их общественным трудом. Участие женщин в общественном производстве — фактор комплексный. Он включает в себя многие условия, прямо или косвенно влияющие на снижение рождаемости. Занятость женщин, прежде всего, связана с психологическим, экономическим и другими моментами. Рождение каждого последующего ребенка увеличивает затраты времени на воспитание детей, тем самым влияет на снижение ее экономической активности. Наряду с этим появление на свет нового члена семьи снижает размер среднедушевого дохода и увеличивает потребность в дополнительном заработке. Данные проводимых исследований показывают, что женщины, занятые оплачиваемым трудом, имеют в среднем меньше детей, чем занятые только в домашнем хозяйстве. Это проблема рождения вторых, третьих и т.д. детей в семье. Данные Всесоюзных переписей населения позволили проследить закономерности влияния общественного положения женщины на многодетность. В частности, замечены существенные различия в очередности рождения детей в семьях, в зависимости от того, к какой социальной группе относится женщина. Так, интенсивная генеративная деятельность характерна для колхозниц, их семьи в среднем имели три — четыре ребенка; женщины-работницы ограничивались двумя — тремя детьми; женщины-служащие — одним или двумя.

Одним из важных социально-экономических факторов, влияющих на рождаемость, является уровень образования. Чем выше уровень образования, тем ниже частота рождений. Неблагоприятное положение в рождаемости во многом связано с состоянием здоровья женщин, на которое отрицательно влияют сложные условия быта, низкое медицинское обслуживание и его дороговизна, экологическая обстановка, занятость женщин на тяжелых и вредных работах.

Динамика естественного прироста в этот период существенно зависела от смертности населения, коэффициент которой имел тенденцию к росту, как среди детей, так и среди взрослого населения республики. Так, в целом по Казахстану детская смертность в возрасте до года (на 1000 родившихся) за 1970—1988 гг. возросла с 25,9 до 29,8 промилле, превысив общесоюзный показатель (24,0). Ускоренно росла смертность и среди взрослых, особенно у сельских жителей. Социальным бедствием стали туберкулез, бруцеллез, желудочно-кишечные инфекции, сосудистые заболевания и рак. Общий коэффициент смертности в 1989 г. составил 7,6 промилле, среди городского населения — 7,7, среди сельчан — 7,4. Наибольший коэффициент смертности дали Восточно-Казахстанская (9,5) и Северо-Казахстанская (9,3) области, наименьший — Гурьевская (6,6) и Актюбинская (6,8) области.⁶⁵

Советское общество до последнего дня существования СССР так и не смогло продолжить организационную перестройку системы здравоохранения, определяющую уровень общественного здоровья, структуры

медицинской патологии и причины смерти. С одной стороны, не были до конца решены основные задачи ранних этапов эпидемиологического перехода и сохранялась высокая экзогенная смертность от инфекционных заболеваний, болезней органов дыхания и пищеварения, несчастных случаев и травм; с другой стороны, общество не выработало эффективных средств борьбы с типичной для всех индустриальных стран эндогенной смертностью, она в СССР была намного более ранней, чем в Европе, Северной Америке или Японии.⁶⁶

За рассматриваемый период произошли изменения в половозрастной структуре населения Казахстана. Несколько сгладилась половая диспропорция: доля мужчин увеличилась на 1 процентный пункт, на столько же уменьшилась доля женщин и соотношение стало 48,5% к 51,5%. Соотношение мужчин и женщин в селах более благоприятное, чем в городах. Так, по городскому населению в 1979 г. оно было равно 47,4% и 52,6%, по сельскому — 49% и 51%; в 1989 г. — 47,6% и 52,4% и 49,6% и 50,4% соответственно.

Средний возраст жителей Казахстана на фоне всего населения СССР был сравнительно молодым (в СССР — 32,7 лет, в Казахстане — 27,7 лет в 1979 г.), хотя тенденция постарения населения продолжалась. Так, средний возраст жителей республики стал составлять 28,5 лет. По этому показателю Казахстан находился на шестом месте после республик Средней Азии и Азербайджанской ССР. Самое молодое население — жители Южного экономического района, средний возраст которых 26,6 лет, затем идет Западный экономический район — 27,0, Северный — 29,2 и Восточный — 30,1 лет. Средний возраст жителей села значительно ниже среднего возраста городских жителей. Так, в Западном экономическом районе разница составляет 2,6 процентных пункта, в Северном — 1,7, Южном — 3,0, Восточном — 4,1, Центральном — 3,8.

Прогрессирующую тенденцию постарения населения дает анализ возрастной структуры населения за период с 1959 по 1989 гг., в которой резко уменьшился удельный вес детей в возрасте до 9 лет (на 5,7 пункта); удельный вес 20–49 летних увеличился всего на 0,6%; на 1 процентный пункт возросла доля лиц старшего возраста. Причем, снижение удельного веса лиц брачного возраста (16–25 лет) с 19,5% до 17% в 1989 г. явилось одним из факторов резкого снижения рождаемости в последующие годы.

В национальной структуре республики в период с 1959–1989 гг. произошли кардинальные перемены. Увеличивалась численность всех национальностей (кроме украинцев и белорусов), различались лишь темпы их прироста.

В конце 1960-х годов произошел перелом в демографическом развитии казахского народа. Наметилась тенденция неуклонного роста не только общей численности казахов, но и их удельного веса в составе населения республики. Этому способствовал ряд факторов: сравнительно высокий естественный прирост, снижение интенсивности миграционной экспансии, отрицательное миграционное сальдо. Так, по данным Всесоюзной переписи населения 1970 г. абсолютная численность казахов выросла, по сравнению с 1959 г., на 1 443 429 чел., а удельный вес достиг 32,6%, то есть увеличился на 2,6 процентных пункта. По удельному весу

Таблица 7

Динамика численности основных национальностей Казахстана (1959–1989 гг.).

Население	1959	%	1970	%	1979	%	1989	%
Всего	9294741	100	13008726	100	14684283	100	16464,4	100
Казахи	2787309	37,9	4234166	32,6	5289349	36,0	6534,6	39,7
Русские	3972042	40,2	5521917	42,5	5991205	40,8	6227,5	37,8
Украинцы	761432	8,2	933461	7,2	897964	6,1	896,2	5,4
Немцы	660000	7,1	858077	6,6	900207	6,2	957,5	5,8
Татары	191680	2,1	287712	2,2	313460	2,2	328,0	2,0
Узбеки	135932	1,4	216340	1,7	263295	1,8	332,0	2,1
Белорусы	107348	1,2	198275	1,5	181491	1,2	182,6	1,1
Уйгуры	60000	0,6	120881	0,9	147943	1,0	185,3	1,1
Корейцы	74000	0,8	81598	0,6	91984	0,6	103,3	0,6
Азербайджанцы	38000	0,4	57699	0,4	73345	0,5	90,1	0,6
Другие	508000	5,5	498600	3,8	534040	3,6	627,3	3,8

казахов в национальной структуре областей на первом месте, согласно переписи, стояли Гурьевская и Кызыл-Ординская области, где коренные жители составляли соответственно 70,5% и 70,1% населения. Затем по степени сокращения этого показателя шли Западно-Казахстанская (49,3%), Актыбинская (47,5%), Южно-Казахстанская (47,3%), Мангистауская (45,3%), Джамбулская (40,7%), Алма-Атинская (38,3%), Восточно-Казахстанская (32,6%), Павлодарская (25,2%), Кустанайская (19,1%), Карагандинская (18,9%), Северо-Казахстанская (17,6%) области. В городах Алма-Ата и Целинограде удельный вес казахов составлял соответственно 13,6% и 12,7%.⁶⁷

Численность казахского населения согласно Всесоюзной переписи населения 1979 г. составила 5 293 377 чел., т.е. увеличилась по сравнению с предыдущей переписью на 1 054 982 чел., а удельный вес возрос на 3,4 процентных пункта и достиг 36%. По удельному весу казахского населения в национальной структуре областей на первом месте стояли Гурьевская (76,3%) и Кызыл-Ординская (76,1%) области. Затем по степени уменьшения этого показателя шли Актыбинская (52,1%), Западно-Казахстанская (51,5%), Южно-Казахстанская (51,1%), Джамбулская (44,1%), Мангистауская (43,5%), Алма-Атинская (41,4%), Восточно-Казахстанская (36,0%), Павлодарская (26,8%), Целиноградская (23,0%), Карагандинская (21,8%), Кустанайская (21,1%), Северо-Казахстанская (20,3%) области.

К 1989 г. численность казахов в Казахстане возросла по сравнению с 1939 г. в 2,8 раза, с 1959 г. — в 2,3 раза, с 1970 г. — в 1,5 раза, с 1979 г. — в 1,2 раза и составила 6 496 858 чел. В 1989 г. по сравнению с 1979 г. прирост казахов увеличился на 23,6%, а их доля в общем приросте населения стала равной 70,0%. Доля казахского населения в национальной структуре рес-

публики составляла 39,7%, и они впервые после 1926 г. стали преобладающим этносом на своей исторической родине. По удельному весу казахского населения в национальной структуре на первом месте стояли Кзыл-Ординская (87,8%) и Гурьевская (79,8%) области. Затем, по степени уменьшения этого показателя шли Южно-Казахстанская и Западно-Казахстанская (55,8%), Актюбинская (55,6%), Мангистауская (50,9%), Джамбулская (48,8%), Алма-Атинская (45,1%), Восточно-Казахстанская (38,9%), Павлодарская (28,5%), Карагандинская (25,8%), Целиноградская (25,1%) и Кустанайская (22,9%) области. В городах Алматы и Астана удельный вес коренного населения составлял соответственно 23,8% и 17,7%.⁶⁸

Необходимо отметить, что в целом темпы роста населения в Южном экономическом районе определялись в основном казахским этносом. Самые низкие темпы роста численности коренного населения (15,1%) были зафиксированы в Восточном Казахстане. В целом прирост казахов в эти годы обеспечивался за счет высокого естественного прироста и возвращения казахов из России, Узбекистана, Каракалпакстана, Туркменистана. Прирост остальных тюркоязычных этносов происходил исключительно за счет естественного прироста. Высокие темпы роста численности были у узбеков, уйгуров, турков: в 1970–1979 гг. 9,1%, в 1979–1989 годы – 15%.⁶⁹ Это же можно сказать и об азербайджанцах.

Доля русских в национальной структуре республики постоянно сокращается: 1970 г. – 42,5%, 1979 г. – 40,8%, 1989 г. – 37,8%. Показатель роста численности населения русских и русскоязычных во всех бывших союзных республиках по переписи населения в 1979 г. достиг апогея. По итогам этой переписи сложилась следующая картина: в Узбекистане численность не узбеков составила 31,3%, в Казахстане не казахов – 64,0%, в Грузии не грузин – 32,2%, в Кыргызстане не кыргызов – 52,1%, в Таджикистане не таджиков – 41,2%.⁷⁰ В то же время, по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г., в самой РСФСР граждане нерусского происхождения составили всего лишь 17,4%.⁷¹ В 1989 г. русские стали вторым по численности этносом в Казахстане и продолжали составлять крупную группу населения.

По материалам Всесоюзной переписи населения 1989 г., в Казахстане постоянно проживали представители почти 130 национальностей и народностей, среди которых на долю девяти из них: казахов, русских, немцев, украинцев, узбеков, татар, уйгур, белорусов и корейцев приходилось более 95,6% всего населения. При этом удельный вес представителей двух основных многочисленных этносов – казахов и русских составлял 77,5%, а их общая численность превысила 12 млн 760 тыс. человек.

Всесоюзные переписи населения 1970, 1979, 1989 гг. наглядно отражают стремительную динамику уровня образованности населения в течение трех десятилетий. Политика всеобщего бесплатного образования и ежегодные отчисления в поддержку и на развитие народного образования дали положительные результаты. В конце 1970 – начале 1980-х годов высшие и средние специальные учебные заведения республики ежегодно выпускали несколько тысяч специалистов. В результате произошел прогресс в уровне образованности населения. В 1989 г., по сравнению с 1959 г. в расчете на каждые 1000 чел. населения республики в возрасте от 15 лет

и старше, число лиц, получивших образование выше начального уровня, возросло в 2,2 раза, число лиц, имеющих среднее и среднее специальное образование — в 4,6 раза, а высшее образование — в 5,1 раза. Численность специалистов, занятых в народном хозяйстве и имеющих высшее образование, увеличилось в 4,7 раза, среднее специальное образование — в 3,5 раза. Почти выровнялся образовательный уровень городского и сельского населения: в 1989 г. на каждые 1000 человек городского населения (в возрасте 15 лет и старше) приходилось по 868 человек с высшим и средним образованием, в сельской местности — 795 чел.

Актуальной оставалась задача подтягивания уровня высшего и среднего специального образования для коренного населения республики, особенно для сельского. Так, в 1980 г. удельный вес специалистов-казахов с высшим образованием, занятых в народном хозяйстве республики, составлял 35,3%, среди специалистов со средним образованием и средним специальным образованием — 25,5%, тогда как удельный вес специалистов с высшим и средним специальным образованием русских, украинцев и белорусов составлял около 60%.⁷²

Таким образом, демографическое развитие Казахстана в советский период было обусловлено бурными социально-политическими, экономическими процессами и событиями этого времени. Весь советский период можно охарактеризовать как время широкомасштабной миграционной экспансии, которая оправдывалась особой миссией Казахстана как индустриально-сырьевого придатка в задаче превращения страны из аграрной в индустриальную, а при решении этой задачи — в форпост военно-промышленного комплекса СССР. Именно в результате осуществления этих задач в известный период на территории республики возникла разветвленная сеть концентрационных лагерей, и она стала местом многочисленных депортаций целых народов, именно поэтому в годы Великой Отечественной войны сюда были передислоцированы многие отрасли промышленности и эвакуированы огромные людские ресурсы, были осуществлены грандиозные по своим масштабам миграционные мероприятия в годы целинной эпопеи и строительства индустриальных гигантов. Это привело к резкому сокращению коренного населения, многократному росту некоренного, в основном европейского, особенно — русского населения.

Стратегическое значение Казахстана в экономике СССР естественным образом сказалось на формировании качественных характеристик населения республики: сравнительно благоприятной половозрастной структурой и высоким уровнем образования населения.

¹ Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. Т. 2, с. 42–43; Т. 81, с. 1–3; Т. 82, с. 2–3; Т. 84, с. 5; Т. 85, с. 5; Т. 86, с. 4; Т. 87, с. 4; Т. 88, с. 2–3.

² Воспроизводство населения СССР. М., 1983, с. 135.

³ Байжомартов У.С., Нуркатова З.А. //Тезисы докладов и сообщений Всесоюзной научной конференции «Демографические процессы на Урале, в Сибири, Средней Азии и Казахстане XIX–XX вв.» (Целиноград, 9–11 июля 1991 г.). Целиноград, 1991. 226 с.

⁴ Обзор Семипалатинской области за 1883 г. Семипалатинск, 1884, с. 4.

- ⁵ Асылбеков М.Х., Галиев А.Б. Социально-демографические процессы в Казахстане (1917–1980 гг.). А.-А.: Гылым, 1991. 185 с. (43).
- ⁶ Асылбеков М.Х., Жаркенова А.М. Население Казахстана (1897–1917). А., Оркениет, 2001. 35 с. (14).
- ⁷ Там же, с. 8–9.
- ⁸ Дахилейгер Г.Ф. Социально-экономические преобразования в ауле и деревне Казахстана (1921–1929 гг.) А., Наука, 1965. 536 с. (72–73).
- ⁹ Асылбеков М.Х., Жаркенова А.М. Население Казахстана (1897–1917). А.: Оркениет, 2001. 35 с. (8).
- ¹⁰ Алексеенко Н.В., Алексеенко А.Н. Население Казахстана за 100 лет (1887–1997 гг.). Усть-Каменогорск, 1999. 158 с. (45).
- ¹¹ Всесоюзная перепись населения 1926 г. М., 1928, Т. 8, с. 15–45.
- ¹² Там же, с. 15–45.
- ¹³ Асылбеков М.Х., Галиев А.Б. Социально-демографические процессы в Казахстане (1917–1980). А.-А.: Гылым, 1991. 192 с. (52–53).
- ¹⁴ Всесоюзная перепись населения 1939 года. Основные итоги. М., Наука, 1992. 256 с. (83).
- ¹⁵ Насильственная коллективизация и голод в Казахстане в 1931–33 гг. Сборник документов и материалов. Алматы: Фонд XXI век, 1998. 263 с. (13).
- ¹⁶ Там же, с. 14.
- ¹⁷ Там же, с. 6.
- ¹⁸ Там же, с. 8.
- ¹⁹ Там же, с. 11–12.
- ²⁰ Голод в Казахской степи. А.-А., 1991, с. 171, 140–141, 157.
- ²¹ Социалистическое строительство Казахской АССР. Экономико-статистический справочник за 1920–1935 гг. Москва–Алма-Ата: ЦУНХУ Госплана СССР – В/О «Союзоргучет», 1936. 409 с. (96).
- ²² Насильственная коллективизация и голод в Казахстане в 1931–33 гг. Сборник документов и материалов. Алматы: Фонд XXI век, 1998. 263 с. (14).
- ²³ Дильманов С.Д. Исправительно-трудовые лагеря НКВД–МВД СССР на территории Казахстана (30–50-е годы XX века). А., 2002. 344 с. (114).
- ²⁴ Поляков Ю.А., Жиромская В.Б., Киселев И.Н. Полвека молчания (Всесоюзная перепись населения 1937 г.) // Социологические исследования. 1990. №6.
- ²⁵ Насильственная коллективизация и голод в Казахстане в 1931–33 гг. Сборник документов и материалов. А., Фонд XXI век, 1998. 263 с. (15).
- ²⁶ Земсков В.Н. Об учете спецконтингента НКВД во всесоюзных переписях населения 1937 и 1939 гг. // Социс. 1991. №2. 74–75 с. (74).
- ²⁷ Земсков В.Н. «Кулацкая ссылка» в 30-е годы // Социологические исследования. 1991. №10, с. 4–5, 8–9.
- ²⁸ Насильственная коллективизация и голод в Казахстане в 1931–33 гг. Сборник документов и материалов. А., Фонд XXI век, 1998. 263 с. (13).
- ²⁹ Арсеньев В.К. Доклад Далькрайкому ВКП(б). 8 января 1933 г. // Вестник Дальневосточного отделения РАН. 1955. с. 97.
- ³⁰ Всесоюзная перепись населения 1939 года. Основные итоги. М., Наука, 1992. 256 с. (22).
- ³¹ Там же, с. 21.
- ³² Там же, с. 75–76.
- ³³ Всесоюзная перепись населения 1926 года. Казахская АССР. Отдел I. Народность. Родной язык. Возраст. Грамотность. Издание ЦСУ Союза ССР. М., 1928, с. 153–189; Всесоюзная перепись населения 1939 года. Основные итоги. М., Наука, 1992. 256 с. (75–78).
- ³⁴ ЦГА РК, ф. 698, оп. 14, л. 233, л. 10.
- ³⁵ Всесоюзная перепись населения 1939 года. Основные итоги. М., Наука, 1992. 256 с. (27).
- ³⁶ Жумасултанов Т.Ж., Ибраев А.Т. Население Казахстана с древнейших времен до наших дней. А., 2000, с. 30.

- ³⁷ Всесоюзная перепись населения 1939 года. Основные итоги. М., Наука, 1992. 256 с. (47)
- ³⁸ Там же, с. 84.
- ³⁹ Книга Памяти Казахстана. Сводный том. А., Казахстан, 1995. 480 с. (283)
- ⁴⁰ Бектурганов Н., Абдакимов А. Казахстан в годы Великой Отечественной войны. Караганда, 1995, с. 9–10.
- ⁴¹ Книга Памяти Казахстана. Сводный том. А., Казахстан, 1995. 480 с. (282)
- ⁴² Там же, с. 281–285.
- ⁴³ Оразов К. Мобилизация трудовых ресурсов Казахстана для обеспечения промышленности кадрами в 1941–1945 гг. Известия АН КазССР, серия общественных наук. А.-А., 1964, вып. II, с. 17
- ⁴⁴ Депортированные в Казахстан народы: время и судьбы. А., Арыс — Казакстан, 1998. 428 с. (195–196)
- ⁴⁵ Там же, с. 214.
- ⁴⁶ Там же, с. 295.
- ⁴⁷ Там же, с. 299.
- ⁴⁸ Там же, с. 302.
- ⁴⁹ Административно-территориальное деление Казахской ССР на 1 января 1945 г. А.-А., 1945, с. 6–7.
- ⁵⁰ Дильманов С.Д. Исправительно-трудовые лагеря НКВД–МВД СССР на территории Казахстана (30-е — 50-е годы XX века). А., 2002. 344 с. (125, 326).
- ⁵¹ Там же, с. 129.
- ⁵² Погодин С. О некоторых изменениях в численности городского населения Казахской ССР в 1949–1959 гг. Известия АН КазССР, серия общественных наук, 1980, № 5, с. 46.
- ⁵³ Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. Казахская ССР. М., ЦСУ СССР, 1962, с. 162–185.
- ⁵⁴ М.Х. Асылбеков, А.Б. Галиев. Социально-демографические процессы в Казахстане (1917–1980 гг.). А.-А., Ылым, 1991. 192 с. (30)
- ⁵⁵ Жумасултанов Т.Ж., Ибраев А.Т. Население Казахстана с древнейших времен до наших дней. Алматы, 2000, с. 33.
- ⁵⁶ Там же, с. 34.
- ⁵⁷ Там же.
- ⁵⁸ Брук С. Население мира. М., 1981. С. 192.
- ⁵⁹ Народное хозяйство Казахстана (Статистический сборник). Алма-Ата, 1990. С. 10.
- ⁶⁰ Рассчитано по: Национальный состав населения Республики Казахстан. Том 1. Итоги переписи населения 1999 года в Республике Казахстан. Статистический сборник. Алматы, 2000. 202 с.
- ⁶¹ Рассчитано по материалам текущего архива Государственного комитета по статистике и анализу РК. Ф. 698, оп. 14, д. 4, л. 70.
- ⁶² Козина В.В. Социально-демографические процессы в Казахстане в межпереписной 1979–1989 гг. период. Автореф. канд. наук. Алматы, 1994. С. 14–15.
- ⁶³ Текущий архив Государственного комитета по статистике и анализу РК. Ф. 698, оп. 14, д. 2847, л. 13.
- ⁶⁴ Демографический ежегодник Казахской ССР 1989 г. Алма-Ата, 1990. С. 21.
- ⁶⁵ Там же, с. 21.
- ⁶⁶ Вишневский А.Г. Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. М.: ОГИ, 1998. 432 с. (121).
- ⁶⁷ Рассчитано по: Национальный состав населения Республики Казахстан. Том 1. Итоги переписи населения 1999 года в Республике Казахстан. Статистический сборник. Алматы, 2000. 202 с. (6–200).
- ⁶⁸ Там же, с. 6–200.
- ⁶⁹ Пресс-бюллетень, №3, 1998.
- ⁷⁰ Население СССР. Справочник. М., 1983, с. 185; Население СССР. 1987. М., 1987. С. 98–106.
- ⁷¹ Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 г. Алма-Ата, 1992. Т. 3. С. 19–27.
- ⁷² Народное хозяйство Казахстана в 1981 г. Алма-Ата, 1982. С. 143.

Глава тринадцатая

КАЗАХСКАЯ ДИАСПОРА В XX ВЕКЕ

1. ОБЩИЕ И СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ КАЗАХСКОЙ ДИАСПОРЫ

В современной политической науке понятие «диаспора» относится к одной из шести категорий этнической политики и характеризует «группу этнического меньшинства, переселившуюся, проживающую и действующую в принявшей ее стране, но имеющую сильные сентиментальные и материальные связи со страной происхождения».¹ Диаспора создается миграциями, которые, в свою очередь, зависят от исторических событий, породивших, сформировавших и развивших ее.

Казахская диаспора была создана миграциями на длинные расстояния, имевшими временную, затем перешедшую в постоянную продолжительность; с пересечением внешних границ, сначала из Казахстана в Китай, государства Средней Азии, Афганистан и Иран, а затем далее по всему миру. Начиная с 1960-х гг., представители казахской диаспоры практикуют миграции из сельскохозяйственных районов в города страны проживания, вследствие изменений в их социально-экономической и профессиональной ориентации.

Казахская диаспора на протяжении всей своей истории имела насильственный или вынужденный характер миграций вследствие политических и религиозных причин, вплоть до 1960-х гг., когда начала развиваться трудовая иммиграция в страны Западной Европы, Америки и региона Персидского залива, не изменившая коренным образом насильственный характер миграций на добровольный, а явившаяся следствием экономических причин, в отличие от вышеуказанных. Кроме того, до начала 1960-х гг. миграции казахов в странах мира отличались массовостью, а в современный период более характерными являются индивидуальные перемещения с практикой вызова своих семей в страну-реципиент.

При рассмотрении казахской диаспоры можно констатировать следующее: ее представители являются составной частью всего казахского народа, имеют единую прародину или историческую Родину — Казахстан, в большинстве своем исповедуют мусульманскую религию, относятся к тюркоязычным народам, но вследствие внут-

ри- и внешнеполитических событий в прошлом, в настоящий момент проживают за его пределами, чаще всего в странах Азии, Западной Европы и Америки.

Казахская диаспора не относится к многочисленным, ее численность не превышает 800 тысяч человек, не наблюдается и компактного проживания этнических казахов в странах-реципиентах Западной Европы и США. Но данная характеристика не относится к казахам, населяющим страны Востока (Турция, Иран, Афганистан), где обычно наблюдается их компактное проживание, вызванное не только желанием в совместном проживании, но и политикой страны реципиента по отношению к ним.

Казахская диаспора обладает некоторыми чертами, представляющими исторический и теоретический интерес. Диаспоральные казахи никогда не составляли большинства в тех областях, где они проживали, тем самым являясь этническим меньшинством, не имели и до сих пор не обладают значительным весом в политической структуре страны проживания, практически не обладая политической автономией, чтобы доминировать над остальным населением.

Однако характерной чертой казахской диаспоры является успешное функционирование в стране пребывания, благодаря превосходной способности к адаптации, генетически заложенной кочевым образом жизни, который вели казахи и их предки на протяжении тысячелетий, и повлиявшей на их социально-психологические, физиологические и мировоззренческие способности, используя которые, в свою очередь, они могут успешно функционировать в так называемых имперских странах, т.е. в странах с высокоразвитой экономикой, полиэтнической, мультикультурной и мультирелигиозной структурой.

Казахская диаспора неоднородна и разнотипна, складывавшаяся на протяжении не одного столетия и имевшая в разные исторические периоды свои причины для формирования и развития. Следовательно, характер данных причин дифференцируется как политический, религиозный и экономический.

К политическим причинам можно отнести такие события, породившие и развившие казахскую диаспору, как джунгарско-казахские войны XVIII в., национально-освободительные восстания и войны казахов против царского самодержавия XVIII–XIX вв., национально-освободительное движение в Центральной Азии против царизма в 1916 г., установление Советской власти и Гражданская война в Казахстане, проведение политики геноцида по отношению к казахам в период коллективизации, борьба казахов против коммунистов Китая в Восточном Туркестане (Синьцзяне), события Второй мировой войны.

Экономические причины, побудившие казахов к миграции, являются следующими: разрушение традиционной кочевой системы хозяйствования в Казахстане после присоединения его к России и в советский период во время коллективизации; проведение Столыпинской аграрной политики в Казахстане в царский период; трудовая иммиграция в страны Западной Европы и Америки в 1960–1990-х гг.; нестабильность в экономике Казахстана сразу после развала социалистической системы в эконо-

мике СССР и находившегося в начале 1990-х гг. в состоянии перехода к рыночным отношениям.

Религиозные причины существовали, в основном, в царский и советский периоды, когда, практически, был затруднен выезд верующих для совершения хаджа в Мекку и Медину, святые места для всех мусульман. Поэтому некоторые казахи, совершавшие хадж, старались оставаться в странах Востока для беспрепятственного совершения религиозных обрядов ислама. До сих пор, возможно, в вилайете Шекер-кой и Ахун-кой проживают около 20-30 семей казахов — потомков тех, кто совершал хадж в Мекку в XIX в. и остался в Турции.²

В XX в. казахи в СССР, республики которого были созданы на основе комплекса колониальных моделей территориальных захватов Российской империи, а также большевистских национально-территориальных разграничений в Казахстане и Средней Азии в 1924 г. и в 1950–1960-е гг., проживали во всех союзных республиках. Наглядно показывают динамику численности казахов, проживавших в союзных республиках, статистические данные 1939–1989 гг.

В 1924 г. было принято решение о национально-государственном размежевании Казахской ССР от соседних центральноазиатских территорий. Некоторые населенные казахами территории Сырдарьи, Ташкента, Чирчика, Кызылкумов, Мырзашола были присоединены к Узбекистану. В 1925 г. в составе Казахской АССР была образована Каракалпакская автономная область.

В 1932 г. имело место очередное национально-территориальное размежевание Казахской АССР: Каракалпакская автономная область стала Автономной советской социалистической республикой и была передана в 1936 году из Казахской АССР в состав Узбекской ССР.³

Таким образом, во время Всесоюзной переписи населения 1939 г. в Узбекской ССР было зафиксировано 305 416 казахов (с семьями).⁴

Кроме того, в конце 1950 — начале 1960-х годов отдельные районы Южного Казахстана были присоединены к Узбекистану. Однако после возвращения этих районов Казахстану часть территории была оставлена в составе Узбекской ССР.⁵ Поэтому Всесоюзная перепись населения 1959 г. зафиксировала следующее количество казахов: в Узбекской ССР — 335 267 человек и в Каракалпакской Автономной ССР — 133 844 чел.⁶ К 1970 г. количество казахов, проживавших в Узбекистане, увеличилось до 476 310 человек,⁷ а ко времени Всесоюзной переписи населения 1979 г. их численность достигла 620 136 чел.⁸

Казахи в России проживали на сопредельных с Казахстаном территориях Астраханской, Оренбургской, Саратовской, Челябинской, Курганской, Омской областей и Горно-Алтайской автономной области. Они оказались в составе РСФСР также вследствие колониальных захватов и присоединения исконных казахских территорий к Российской империи на протяжении веков, начиная с XVI в., со времен захвата Сибирского ханства Ермаком, а также необоснованным отторжением территории вдоль северной границы Западного, Северного и Восточного Казахстана в пользу РСФСР в 1924 г., во время так называемого наци-

онально-государственного размежевания Средней Азии в советский период.⁹

Таким образом, во время Всесоюзной переписи населения 1939 г. в РСФСР было зафиксировано 356 646 казахов (с семьями).¹⁰ Всесоюзная перепись населения 1959 г. зафиксировала следующее количество казахов, проживающих в РСФСР – 382 431 чел., в Калмыцкой автономной ССР – 8550 чел., и Горно-Алтайской автономной области – 4745 казахов.¹¹

К 1970 г. количество казахов, проживавших в России, увеличилось до 477 820 человек,¹² а во время Всесоюзной переписи населения 1979 г. казахов насчитывалось 518 060 чел.¹³

Кроме того, казахская диаспора сформировалась и в других союзных республиках. Например, в Киргизской ССР в 1989 г. проживало 37,7 тыс. казахов, в Туркменской ССР – 87,8 тыс., Таджикской ССР – 11,3 тыс., Украинской ССР – 10,5 тыс. казахов. Сведения о численности казахов, проживавших в республиках СССР приведены в нижеследующей таблице:

Таблица 8

Численность казахов по союзным республикам

Союзные республики	1979 г.		1989 г.	
	Число лиц	В % к итогу	Число лиц	Удельный вес к общей численности населения (в %)
Казахская ССР	5 289 349	80,7	6 534 616	36,0
Узбекская ССР	620 136	9,5	808 227	4,1
РСФСР	518 060	7,9	635 865	0,4
Туркменская ССР	79 539	1,2	87 802	2,5
Киргизская ССР	27 442	0,4	37 318	0,9
Таджикская ССР	9 606	0,1	11 376	0,2
Украинская ССР	7 171	0,1	10 505	0,02
Белорусская ССР	1 355	0,02	2 266	0,02
Азербайджанская ССР	1 010	0,02	1 639	0,02
Грузинская ССР	802	0,01	2 631	0,05
Литовская ССР	567	0,01	663	0,02
Молдавская ССР	533	0,01	1 108	0,03
Латвийская ССР	447	0,01	1 044	0,04
Эстонская ССР	226	0,003	424	0,03
Армянская ССР	199	0,003	334	0,01

*Источник: Численность и состав населения СССР (по данным Всесоюзной переписи населения 1979 г.). М., 1984, с. 139; Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 г. Алма-Ата, 1992. Т. II, с. 5–9, 15–17.

Исторические и современные проблемы казахов, проживающих в бывших союзных республиках СССР, требуют отдельных крупномасштабных научных исследований, необходимых при скрупулезном и осмысленном изучении.

2. ИСТОРИЯ МИГРАЦИЙ КАЗАХСКОЙ ДИАСПОРЫ

В XX в. вследствие многих исторических событий часть казахов покинула свои родные места жизнедеятельности. К таким событиям относятся последствия Столыпинской аграрной реформы для Казахстана, национально-освободительное движение в Центральной Азии 1916 г., установление Советской власти и Гражданская война 1918–1920 гг., неприкрытый явный этноцид против казахского народа, проводившийся в период коллективизации в Казахстане, приведший к бегству, крупномасштабным людским жертвам и окончательной потери Родины для многих из них. Кроме того, во время Второй мировой войны часть казахов, попавшая в плен по тем или иным причинам, не смогла вернуться на Родину. Они вошли в категорию невозвращенцев, также пополнили ряды представителей казахской диаспоры.

В начале XX в. на территории Российской империи крупномасштабно проводилась Столыпинская аграрная реформа, приведшая к изменению демографической картины, социально-экономических отношений, ухудшившей и без того тяжелое положение казахов. В дореволюционный Казахстан, кроме добровольных, негосударственных мигрантов, хлынули потоки государственных переселенцев из Европейской части России, Украины, Белоруссии, являвшихся, по существу, разорившимися мелкими крестьянами, остро нуждавшихся в земле.¹⁴

Если в 1870-е гг. русские крестьяне старались хоть как-то завуалировать незаконные захваты казахских земель, то в начале XX в. такие действия стали излишними, так как деятельность Переселенческого управления не нуждалась ни в каких прикрытиях. Только в Степном крае к 1 января 1908 г. было нарезано 80 тыс. душевых долей (душевая доля — 15 десятин) из земель казахского пользования, что вызвало на местах сильные протесты.¹⁵ Около 19 млн гектаров земли было отобрано у казахов, использовавших их под пастбища, и отдано под заселение около 3 млн переселенцев.¹⁶

В период с 1897 г. по 1916 г. в Казахстан только официально было переселено 1 474 319 чел. или 29,5% русских крестьян из Европейской России.¹⁷ Все время растущий поток русских переселенцев и незаконные изъятия земель Переселенческим управлением, чинимые произволом чиновников, вынудили казахов тысячами мигрировать в Китай.

Следует отметить, что за 1902–1913 гг. численность казахского населения сократилась на 8–9 %, ¹⁸ что составляет около 286 тыс. человек. Можно справедливо заметить, что национально-освободительное движение 1916 г. в Казахстане и Средней Азии было подготовлено произволом Переселенческого управления, изъывшего у казахов земли их предков, отдав их переселенным из центральных областей России кре-

ствиям и казакам, спровоцировавшего казахов и другие народы Центральной Азии сначала на бессловесный уход на земли соседнего государства, а затем и на вооруженную борьбу.

Большинство казахов пришли в Или и Алтайские просторы Синьцзяна. В 1911 г. в Китае казахи насчитывали 224 тыс. 900 человек.¹⁹ Для упрочения всеподданнических идеалов в казахской среде китайские чиновники заставляли обучать детей в школах на китайском языке, а учителей присылали специально не исповедующих мусульманскую религию. Так дело обстоит со всеми представителями неханьских этнических групп: казахами, уйгурами, кыргызами, монголами, татарами, узбеками и др. Такими мерами китайские чиновники пытались разединить мусульманское население Синьцзяна и превратить их в послушных верноподданных.

В 1914 г. китайские власти Синьцзяна и русский консул в Урумчи достигли соглашения, в котором ставилось условие, что казахи, иммигрировавшие до июля 1911 г. (до начала Синьхайской революции в Китае — *авт.*) и оставшиеся в Синьцзяне, становились китайскими подданными, те же, кто прибыли после этой даты, возвращались в Российскую империю. Китайские власти в Пекине, опасаясь, что русские будут использовать казахов в своих политических требованиях на Или, решили, что число репатриантов не может превышать 6 тыс. человек.²⁰

Дальнейшая эскалация напряжений между Россией и Китаем в отношении Центральной Азии была сдержана внутренними трудностями, что предотвратило каждое государство от дальнейшей консолидации их главенства над владениями в данном регионе. Если в Китае сдерживающим фактором стала Синьхайская революция 1911 г.,²¹ установившая номинальный контроль над Синьцзяном, то в Российской империи таким событием явилось национально-освободительное движение народов Казахстана и Средней Азии 1916 г. и его последствия.

В XX в. мощная перекочевка казахов в пределы Восточного Туркестана (Синьцзяна) имела место во время национально-освободительного движения в Центральной Азии 1916 г. Миграции казахов из Семиреченской области в Китай начались еще в июле 1916 г., а к сентябрю достигли широких размеров. Одна часть казахов, направлявшаяся в Кашгар, вследствие рано наступивших холодов и отсутствия подножного корма для их стад, потеряла на сыртах почти весь скот и пришла в китайские владения совершенными бедняками. Другая часть казахов, направившаяся на Текес, более удачно сохранила свой скот, хотя и среди их стад имел место крупный падеж.²² Обе группы беженцев были подвергнуты нападению со стороны кочевых калмыков, которые отобрали у них оставшийся скот и имущество. Так, по свидетельствам очевидцев, нападения на казахов со стороны китайцев и некоторых разбойничьих банд продолжалось на всем пути от границы до Алманы—Сазы—Атыдын—Тюе, где жили казахи, ранее сбежавшие в Китай.²³ По данным военного губернатора Семиреченской области А.И. Алексеева, только из этой области к январю 1917 г. откочевавших в Китай казахов насчитывалось свыше 150 тыс. человек.²⁴ Кроме того, в делах царского

Министерства иностранных дел сохранились свидетельства об откочевках казахов в Афганистан и Персию.²⁵

Около 300 тыс. казахов и кыргызов из Казахстана и Кыргызстана перешли через русско-китайскую границу в Кульджинский край и Кашгарию, спасаясь от карательных акций русской армии.²⁶ Пограничные области Синьцзяна, такие как Тайчен на севере, Или на западе, Кашгар и Аксу на юге, стали центрами казахских беженцев,²⁷ в которых их насчитывалось: в Алтайском округе — около 100 тыс., Тарбагатайском — 60–70 тыс. и более 100 тыс. — Илийском.²⁸

Губернатор Синьцзяна Ян Цзэнсинь хотел как можно быстрее закончить как с проблемой поддержки этих беженцев, так и с проблемой безопасности своих границ, так как количество казахских беженцев намного превышало войска, находившиеся в его подчинении. Кроме того, он не хотел давать ни малейшего повода русским войскам для проведения карательных акций, от которых могли пострадать жители Синьцзяна.²⁹ Поэтому губернатор Ян Цзэнсинь решил урегулировать вопрос с казахскими беженцами мирным путем. Кроме того, по обеим сторонам границы доминировало казахское население, и Ян не хотел рисковать лояльностью казахов, которые могли оказаться полезными в случае русского нападения.³⁰

Русские власти требовали от Яна немедленно «выдворить проживающих в Китае дунган, таранчей, киргизов (казахов — *авт.*) и других рабочих-инородцев в возрасте от 19 до 31 года и потребовать от китайских властей добросовестного отношения к этому».³¹ В ходе переговоров с русскими властями он добился подписания договора об амнистии казахских и кыргызских беженцев при условии возвращения их домой. В конце мая 1917 г., по данным, приводимым в своих мемуарах самим Яном Цзэнсинем, на основе которых была написана статья Ричарда Яна, около 160 тыс. казахов было репатриировано в Казахстан. Благодаря его действиям, последние казахские беженцы покинули Синьцзян осенью 1918 г.³²

Эти события явились новым толчком для миграций казахов за пределы своей Родины. В советской историографии даже упоминание данного факта могло привести к приданию автора «социалистической анафеме», поэтому в учебниках и монографиях, посвященных этой проблеме, лишь упоминалось, что неграмотные или несознательные массы, поддавшись на провокации феодально-байских элементов, покидали свои земли и перегоняли свой скот через границу. В основном, казахи бежали на восток в Китай, на юг в Узбекистан и далее — в Афганистан и Персию (современный Иран).

Вскоре после начала Великой Октябрьской социалистической революции казахи небольшими группами стали переходить границу с Китаем. Они перегоняли свой скот, в основном, в районе пограничной Кульджи, через Тарбагатайские горы и долину Черного Иртыша. Многие из них оставались в Синьцзянском Алтае и Илийском крае. Годфри Лиас упоминает о нескольких сотнях тысяч беженцев из Казахстана в Китай во время установления Советской власти и Гражданской войны,³³ тем не менее, не конкретизирует национальную принадлежность бежавших. Думается, что с этой цифрой можно согласиться толь-

ко в том случае, если считать, что в нее включены белогвардейцы и беженцы других национальностей, а не только казахи. Тем более, что в «Кашгарском ежедневнике» указывается, что в 1920-е гг. в Или насчитывалось примерно 60 тыс. белогвардейцев.³⁴

Весной 1920 г. с ликвидацией Уральского фронта остатки белогвардейцев и часть казахов Младшего жуза бежали в Иран из Закаспия.³⁵ С ликвидацией Семиреченского фронта разрозненные белогвардейские части и представители имущих слоев казахского, уйгурского и кыргызского общества бежали в Синьцзян, пополнив количество неханьских народов в Китае.

Мустафа Чокаев и создание первого туркестанского эмиграционного центра в Европе. В изучении данного периода истории казахского народа особняком стоит одна важная проблема, получающая с каждым днем все большее освещение в казахстанской историографии — проблема изучения жизни и деятельности Мустафы Чокаева — одного из первых лидеров туркестанской эмиграции и одного из создателей эмиграционного туркестанского центра в Западной Европе.³⁶

Интересно высказывание доктора Тахира Чагатая по поводу эмиграции Мустафы Чокаева в Западную Европу, напечатанное в юбилейном номере «Яш Туркестан», посвященного 60-летию со дня рождения и к 8-летию со дня смерти главы Кокандской автономии: «Русские большевицкие организации, в руках которых оказались сильные гарнизонные формирования царской эпохи, легко одержали верх над военными силами Национального Туркестана, которые только что организовались. Таким образом, Тюркская Национальная борьба Туркестана, начавшаяся против царской России, вылилась в движение против Большевицкой России.

Туркестанские националисты, рассмотревшие детально эту последнюю форму положения, почувствовали необходимость, переправив главу их правительства за границу, превратиться в такую организацию борьбы, голос которой смог бы быть услышанным и за границей и которая сумеет встать на его защиту в свободном мире. И вот таким образом пробравшийся в Европу через Кавказ и Истамбул и поселившийся в Париже Мустафа Чокай первым долгом обратился к Версальской Конференции. Начавшаяся таким образом деятельность вне родной страны продолжалась 20 с лишним лет».³⁷

Находясь на чужбине, Мустафа Чокаев считал наиважнейшей целью своего бытия привлечение внимания мировой общественности к событиям, происходившим в Советском Туркестане. Он писал политически актуальные статьи о тяжелом положении туркестанских народов³⁸ и научные заметки об историческом прошлом Туркестана,³⁹ публично выступал с лекциями и в прессе. За годы эмиграции им было написано более 117 статей, напечатанных в журнале «Ени Туркестан» в Стамбуле с июля 1917 г. до сентября 1931 г. Затем он стал редактором журнала «Яш Туркестан», выходившего в Берлине в 1929–1939 гг.

С именем Мустафы Чокаев связано создание Туркестанского легиона из военнопленных во время Второй мировой войны для ведения военных действий против СССР. Война с СССР, начатая 22 июня 1941 г. гит-

леровской Германией, пробудила большие надежды среди национальных эмиграционных кругов. Многие лидеры эмиграционных центров сблизились с немцами и снабжали их памятливыми записками, различными документами и т.д. Идея вовлечения национальных военных соединений, сформированных из тюрков Советского Союза и боровшихся в германских вооруженных силах против СССР, принадлежала Мустафе Чокаев, и была воплощена в жизнь после его странной смерти 27 декабря 1941 г. его заместителем Вали Каюмханом.⁴⁰ Мустафа Чокаев был похоронен в г. Берлине 2 января 1942 г.

Коллективизация и казахская диаспора. Одним из трагических событий XX в. для Казахстана стало проведение насильственной коллективизации 1928–1932 гг., являвшейся, по сути своей, геноцидом против казахского народа, разрушением сложившейся хозяйственной системы с ее отработанными социокультурными традициями и механизмами регуляции, не сопровождавшегося заменой экологически, экономически и технологически более приемлемой, перспективной альтернативой.⁴¹ Этот процесс сопровождался в Казахстане огромными человеческими жертвами, которые сказываются до сих пор во всех сферах жизни казахстанского общества. По данным, извлеченным из Центрального Государственного архива Республики Казахстан (ЦГА РК), можно судить о том, как чиновники разных уровней пытались обставить и объяснить дело с возникшими откочевками из Казахстана, говоря о том, что: «В первые откочевки шли, главным образом байско-кулацкие элементы, которые самочинно забирали скот и уходили за пределы [Степного – *авт.*] края.

Так, в августе 1931 г. из разных районов (большинство из Аягузского района), близ границы Китая, на реке Эмил собралось 2,5–3 тысячи хозяйств откочевщиков с 15–20 тысячами скота, пытаясь перебраться через границу. При содействии ОГПУ часть скота с частью населения была отбита, большая часть сумела перебраться через реку. Главари откочевщиков были главным образом старшины рода, муллы, бай-кулаки – имели оружие и оказывали сопротивление».⁴²

Так же объяснялась массовая откочевка в Китай и в пограничных районах Семипалатинской губернии: «В приграничных районах Кузунь, Хабарасу Тарбагатайской, Майкапчагай Сталинской, Алкабек Дарственной волостей байством возбуждено казнаселение за переход в Китай. Человек несколько баев ушли в Китай. Пытавшиеся бежать задержаны, арестовано 27 человек погранохраной. Имущество пытавшихся бежать описано, подлежит конфискации. Развита сильно байская агитация за переход в Китай».⁴³ Данная цитата воспроизведена из записи разговора по прямому проводу секретаря Зайсанского укома ВКП(б) Савченко с членом Семипалатинского губкома ВКП(б) Резниковым о попытках откочевки казахского населения в Китай от 22 марта 1928 г.

Попытки объяснить любой факт откочевки и сопротивления властям смиренной покорностью родичей своим старшинам, применением оружия для устрашения, а массовость откочевки населения Казахстана в соседние регионы и страны списывать лишь за счет байско-кулацких

элементов не выдерживают никакой критики, тем более, когда речь идет о члене ВЛКСМ и председателе союза «Кошчи».

25 октября 1928 г. вышло постановление Президиума ВЦИК «О незаконных мероприятиях, допущенных при проведении сельскохозяйственных кампаний в бывшей Семипалатинской губернии Казахской АССР» за подписью М.И. Калинина, в котором было сказано о нарушении революционной законности и директив вышестоящих советских органов при проведении кампании по сбору сельхозналога, хлебозаготовкам, самообложении, размещению крестьянского займа, а также при проведении выселения баев и конфискации их имущества и постановлялось немедленно исправить допущенные ошибки.

Вместо того чтобы прекратить беззакония, творимые на территории всего Казахстана, 3 апреля 1930 г. выходит постановление СНК Казахской ССР «О мерах по борьбе с нелегальными откочевками кулацко-байских хозяйств из пограничных районов в Китай», в котором сказано следующее:

«В целях предупреждения и борьбы с нелегальной перекочевкой кулацко-байских хозяйств из пограничных районов Казахстана в Китай Совет Народных Комиссаров Казахской АССР постановляет:

1. Выселить за пределы 100-километровой пограничной полосы:

а) всех баев и кулаков, задержанных в момент сборов для нелегальной перекочевки в Китай или уличенных точными данными в намерениях организовать перекочевку;

б) всех баев и кулаков, семейства которых или их имущество уже переправлены ими за границу;

в) всех членов семейств баев и кулаков, если глава семейства уже перекочевал за границу.

2. Выселение во всех этих случаях проводить по постановлениям районных и исполнительных комитетов по представлению и материалам органов пограничной охраны, с утверждения этих постановлений соответствующими окружными исполнительными комитетами.

Председатель Совнаркома Казахской АССР Исаев».⁴⁴

Так как меры были приняты совершенно противоположные к постановлению, откочевки продолжались. Уже 7 августа 1932 г. председатель Алма-Атинского облисполкома Молдажанов писал: «По неполным данным из 14 районов Алма-Атинской области откочевало в Китай — 11 530 хозяйств».⁴⁵

Об откочевках казахов за пределы Казахстана в своем письме к И.В. Сталину, которое было датировано мартом 1933 г., Турар Рыскулов писал: «Откочевки казахов из одного района в другой из пределов Казахстана, начавшиеся в конце 1931 г., с возрастанием к весне и возвращением части откочевников (благодаря принятым мерам) летом 1932 г., вновь теперь усиливаются... Откочевки по отдельным районам доходят до 40—50 процентов всего количества населения районов... В прошлую весну в казахских районах среди откочевников наблюдалась большая смертность на почве голода и эпидемии. Это явление вновь усиливается сейчас, с приближением весны».⁴⁶

Из-за голода и перегибов в процессе коллективизации начались массовые переселения казахов, исчисляемые в 1 млн. 30 тыс. в Россию, Узбекистан, Туркменистан, Таджикистан, Каракалпакию, Китай, Иран и Афганистан.⁴⁷ Из них 616 тысяч откочевали безвозвратно, в том числе около 200 тысяч казахов ушли в Китай, Монголию, Афганистан, Иран, а 414 тысяч казахов впоследствии вернулись в Казахстан.⁴⁸

От коллективизации — в Афганистан. В 1935 г. шведский востоковед и дипломат Гуннар Ярринг находился в Афганистане, где в северной части страны встречался с казахами Младшего жуза. По его сведениям, казахи проживали в районах Акчи и Андхой, но в большинстве случаев их можно было найти восточнее, в округе Ханабад. Так, на западе от реки Кундуз, по свидетельству Бурхан-уд-Дина Кушкеки, около 200 домов казахов насчитывалось в сельской местности, которая называется Чахар-дара.⁴⁹

О наличии казахского населения, проживавшего на севере Афганистана недалеко от Ходжа Салара (*Khwaja Salah*), упоминали еще англичане Вильям Муркрофт и Джордж Вильсон Требек, совершившие путешествие в Афганистан, Центральную Азию и Индию в 1819–1825 гг.,⁵⁰ но, к сожалению, это было только упоминание и никакой больше информации приведено не было.

Более подробную информацию о казахах Афганистана приводит Франц Шурманн в монографии «Монголы Афганистана»,⁵¹ где он пишет: «Большинство казахов в Афганистане являются беженцами из СССР»,⁵² основная часть которых проживала в городах Ханабад и Андхой и относилась к категории городского люмпен-пролетариата. Более 500 казахов проживали в Герате в местечке, именуемым Казахсарай. Данная группа казахов бежала из Кызыл-Рабата, около Кара-Коля и Дивани Багх, недалеко от реки Амударья, во времена коллективизации, о чем конкретно говорили информаторы Шурманну. В Каракумском регионе данная группа казахов кочевала еще в середине XIX в., имея постоянные конфликты с туркменским племенем — иомудами.⁵³

С началом проведения коллективизации группа казахов покинула Кызыл-Рабат и пришла в населенный пункт Керки, рядом с афганской границей, где они оставались около года, чтобы лучше узнать обстановку в Афганистане. Перейдя афганскую границу по караванным тропам, казахи пришли в Андхой, откуда после годичного проживания, в 1929 г., афганские власти направили их на юг к Чахансуру в провинции Нимруз, где им выделили земли. В Чахансуре преобладают пустынные песчаные земли с солеными озерами и жарким климатом. Это было «идеальное» место для выделения земли для «непрощенных гостей», абсолютно ненужных афганскому правительству. По сведениям информатора, значительное число казахов отказалось ехать на юг и вернулось в Туркестан. Многие из тех, кто поехал в эти страшные (по климатическим условиям) места в Чахансуре, погибли от жары⁵⁴. После одного-двух лет пребывания в Чахансуре казахи получили разрешение вернуться в Гератский район, где и прожили много лет. В Герате они занимались обработкой и продажей шерсти, а также в малом количестве ремеслами. Однако основная масса

казахов проживала на грани нищеты в Гератской провинции. Перед апрельской революцией 1978 г. некоторые казахи в Кабуле держали в своих руках всю бакалейную торговлю.

К 1960-м гг. казахи проживали в Афганистане небольшими группами в районах Акчи, Андхоя, Ханабада, Кундуза, Баглана, также в Гератской провинции и Фарахской области.⁵⁵ В советских источниках лишь упоминается о проживании казахов в районах Афганистана, но не приводится их количество. Очень трудно говорить о точности в исчислении казахского населения Афганистана из-за отсутствия таких данных в стране, где все население было записано как афганцы.

В американских источниках упоминается, что к 1978 г. казахов в Афганистане насчитывалось около 20 тысяч.⁵⁶ По данным шведского Центра по мультиэтническим исследованиям в университете Упсалы, проводившего научные изыскания по современному положению тюркских народов в мире, в 1978 г. казахов в Афганистане проживало 24 тыс. человек, но с введением советских войск с эту страну и началом военных действий большая группа их покинула вместе с кыргызами обжитые в течение ряда десятилетий районы Афганистана и оказалась в лагерях беженцев в Пакистане или иммигрировала, по первоначальным данным, количеством около 70 семей в Турцию.⁵⁷ Затем данное число увеличилось до 500 семей, а в настоящий момент, после репатриации в Казахстан 300 семей, около 200 семей остались в Стамбуле.⁵⁸

От коллективизации бежали казахи и в Иран, где проживали, в основном, в северо-восточной части страны.⁵⁹ В 1968 г. их количество насчитывало около 400 семей.⁶⁰ По данным Искандера Аманжолы, в современном Иране в уезде Забул, что в юго-восточной провинции Систан и Белуджистан, есть кишлак, называемый Дехэ-казок, в котором живут 3—4 тыс. человек, называющих себя казахами. Для них слово «казах» — не просто национальная принадлежность, но и фамилия. Кроме того, в провинции Гулистан можно найти населенные пункты — «казокмахалля», в которых живут казахи из рода адай, не утратившие казахских традиций и родной язык.⁶¹

Рост советского присутствия в Восточном Туркестане (Синьцзяне) в 1930—1940-х гг. Одной из малоприводимых причин переселения некоторых советских (в том числе и казахских) семей в Китай в 1930—1940-х гг. (отдельно от коллективизации — *авт.*) являлось проведение политики направления советских кадров военных, инженеров, учителей, врачей и т.п. в Синьцзян на работу для повышения профессионально-образовательного уровня населения, что западными исследователями рассматривается как наличие мощного советского контроля и влияния в данной пограничной с СССР области Китая в вышеназванный период во время правления Шэн Шицая. Однако некоторые из них забывают ту историческую обстановку, в которой находилось центральное правительство Китая, вынужденное искать протекции и материальной помощи у СССР.

1 октября 1931 г. было подписано секретное торговое соглашение между китайским комиссаром по иностранным делам Чен Чи-шаном и генеральным консулом СССР в Табризе Славутским (позже ставшего послом СССР в Японии), результатом которого явилось проведение интенсивно-

го курса на советизацию Синьцзяна путем военного, политического и экономического влияния.⁶² В Синьцзяне были открыты 8 советских торговых представительств — в Урумчи, Чугучаке, Кульдже, Кашгаре, Аксу, Куче, Яркенте и Хотане.⁶³ Безусловно, началось не только торговое, но и, что важнее, военно-политическое внедрение СССР в Восточный Туркестан.

Думается, что проблема советизации данной провинции стояла перед Советским правительством, как следствие безопасности своих границ и наличия хорошего союзника на востоке страны перед надвигающимися событиями в годы Японо-китайской и Второй мировой войн. Для китайских правителей Синьцзяна СССР был оплотом их власти над этническим большинством в данном регионе, о чем упоминал еще в 1931–1932 гг. Мустафа Чокаев в своей записке о дунганском восстании 1931 г. в Хами, к которому присоединились и казахи.⁶⁴

Российский историк В. Бармин справедливо отмечает, что в 1931–1934 гг. Синьцзян сотрясал очередной социально-политический кризис, что повлияло на многосторонние отношения данной северо-западной провинции Китая и СССР. Поэтому Политбюро ЦК ВКП(б) в августе 1933 г. решило: «...произвести специальную проверку деятельности наших торговых, финансовых и других организаций в Синьцзяне...» и тщательно проверить личный состав работников всех советских учреждений и усилить эти учреждения ответственными и надежными людьми, а для развертывания экономической работы хозорганов СССР в Синьцзяне предоставить им материальные ресурсы.⁶⁵

Другой важной причиной посылки советских специалистов в Синьцзян были восстания мусульманских народов провинции против китайских властей в 1931–1934 гг. Так как в синьцзянские события стали активно вмешиваться западные, да и восточные державы, Советский Союз не мог не отслеживать их, тем более что вопрос стоял и о защите его собственных интересов в этом районе. Кроме того, в эти же годы началось репатриационное движение казахов, кыргызов и представителей других национальностей, как в Казахстан, так и в соседние с Синьцзяном союзные республики. Репатриантов необходимо было обустроить, что переставало быть только внутриполитической проблемой китайского провинциального правительства.⁶⁶

В Восточном Туркестане (Синьцзяне) советские специалисты работали в медицинских учреждениях, на противочумных станциях, открытых и содержащихся за счет СССР. Кроме того, рост советского влияния в Восточном Туркестане характеризуется следующими показателями: в стране было открыто пять советских консульств, 9/10 всей иностранной торговли Синьцзяна велось с СССР, неограниченное перемещение должностных лиц или просто граждан из Советского Союза для совершения торговых операций, посылка советских технических экспертов для развития Синьцзяна.⁶⁷ Так, например, в 1938 г. возникла необходимость в проведении и строительстве автомобильного шоссе, которое бы связало Синьцзян с центральными районами Китая, вместо существовавшей небольшой проселочной дороги, местами переходившей в верблюжью тропу.

Реконструктивные работы были проведены от Сарыозека в Казахстане до главного города провинции Ганьсу — Ланьчжоу, что составило 2925 километров по землям казахов, уйгуров и дунган, которые, в большинстве своем, негативно восприняли это строительство. Особенно трудно проводились работы в районе горного хребта Кенсай, которые были завершены в 1939 г.

Вследствие необходимости иметь Китаю военную авиацию, в Синьцзяне в конце 1939 г. в 40 км от Урумчи начались строительные работы авиасборочного завода для военных целей, сопровождавшиеся также строительством кирпичного завода, больницы, деревообделочного центра, жилого поселка, клуба и подсобного животноводческого хозяйства. На Алтае работали советские геологи в поисках полезных ископаемых, в том числе и урана.⁶⁸ Для проведения этих крупномасштабных работ в Синьцзяне и посылались советские специалисты, из которых многие (с семьями) оставались на китайской территории вплоть до апреля — августа 1962 г., а некоторые — до сих пор.

Казахи в странах Западной Европы во время Второй мировой войны. В казахстанской историографии изучение проблемы участия казахов во Второй мировой войне в странах Западной Европы оставляет желать лучшего. Данная проблема является комплексной, состоящей из нескольких отдельных вопросов: участие казахов в Великой Отечественной войне, участие их в Туркестанском легионе, участие казахов в движениях Сопротивления, а также проблема невозвращенцев и др. Если вопросу участия казахов и Казахстана в Великой Отечественной войне в советской историографии были посвящены капитальные труды,⁶⁹ то по остальным трем положение довольно таки плачевное. Существовавшее *status quo* имело объяснения, связанные с идеологическим запретом в советский период, и отсутствием доступа к архивным документам, хранящимся как в нашей стране, так и за рубежом. Сегодня исследователи независимого Казахстана имеют возможность внести свою лепту в освещение данных проблем.

Туркестанский легион и проблема невозвращенцев. Вторая мировая война принесла много бед, изменила судьбы народов, многих лишила Родины, а миллионы людей — жизни. Более 350 тыс. казахов не вернулось домой с фронтов Великой Отечественной войны,⁷⁰ будучи убитыми или плененными. Казахская пословица гласит: «Человек может быть без отца и матери, но не может быть без Родины». Это — небольшое эссе о людях, у которых война отняла Родину, родных и близких, кардинально изменила судьбу, принесла горечь потерь и разлук, наказала «каторжным» трудом в битве за жизнь в экстремальных условиях концентрационных лагерей для военнопленных.⁷¹

Особое место в казахстанской историографии занимает проблема Туркестанского легиона, отношение к которому, несмотря на прошедшие более чем полувек, остается неоднозначным в нашем обществе.⁷² Историческая правда о Туркестанском легионе, в рядах которого, возможно, находились некоторые представители казахской диаспоры, ныне проживающие за рубежом, все еще ждет своих исследователей. Так как из-за отсутствия доступа к документальным источникам, храня-

щихся в специальных закрытых отечественных и зарубежных архивах, приводятся лишь те скудные сведения, которые собраны в исследовательской литературе.

Кроме того, по разным причинам люди попадали в плен, а затем записывались в легион, используя любую возможность вернуться на советскую сторону или участвовать в Движении Сопротивления в странах Европы. Однако, были и другие, которые «из идеологических соображений» шли на сговор с фашистами и даже после окончания Второй мировой войны продолжали бороться с Советским Союзом. Поэтому эти причины характеризуют неоднородность и разнопричинность поступков туркестанских легионеров, определивших их дальнейшую судьбу.

Итак, 30 декабря 1941 г.⁷³ высшее командование вермахта распорядилось организовать:

а) Туркестанский легион, состоящий из представителей следующих национальностей: туркмен, узбеков, казахов, кыргызов, каракалпаков и таджиков;

б) Кавказско-мусульманский легион, включавший в себя азербайджанцев, дагестанцев, ингушей, лезгин и чеченцев;

в) Грузинский легион; и г) Армянский легион.

Волго-татарский и Северокавказский легионы были сформированы в 1942 г.⁷⁴

Туркестанцев содержали в лагерях на территории Польши и других восточноевропейских стран. В одном из таких лагерей – Вениаминово – комендантом лагеря туркестанцы были организованы в роту «Туркестан СС», состоящую из трех взводов: первый и второй – политические, третий – взвод радистов. Таким образом, это были военные подразделения, готовившиеся как по политическим, так и разведывательно-диверсионным вопросам. В лагерях, кроме военной подготовки, туркестанцев обучали немецкому языку, государственным законам фашистской Германии, уставу и программе партии НСДАП.⁷⁵

У истоков организации Туркестанского легиона стоял Мустафа Чокаев, который поставил неперемное условие, что войска восточных туркестанцев будут участвовать в военных действиях против СССР только после перехода Уральских гор, т.е. непосредственно на территории Казахстана и Средней Азии. Однако со смертью Мустафы Чокаева 27 декабря 1941 г.⁷⁶ и приходом к руководству легионом Вали Каямхана, данное условие выполнено не было и Туркестанский легион был послан на советский фронт. 2 мая 1942 г. он вступил в бой с Красной армией, по одним данным – в Брянских лесах,⁷⁷ по другому источнику сражался против партизан около Ямполья в Сумской области Украины.⁷⁸

По воспоминаниям Патрика фон цюр Мюлена, в середине 1943 г. численность туркестанских легионеров исчислялась от 110 до 180 тысяч человек⁷⁹. В 1943 г. германское командование стало чаще использовать легионеров в тылу, на охране объектов, в борьбе с партизанами и т.п., а не на Восточном фронте. Кроме того, 29 сентября 1943 г. Гитлер подписал распоряжение о переброске восточных (не только турке-

станских) военных соединений в страны Западной Европы, а командование мусульманских легионов вообще было переведено на юг Франции в г. Мийо.⁸⁰

По свидетельству Б. Хайита, к концу 1944 г. туркестанские легионеры, сражавшиеся на фронтах, насчитывали 181 402 человека и обслуживающий их персонал, не принимавший участия в военных действиях, — около 85 тыс. человек, что составляло около 267 тыс. легионеров.⁸¹ Известно, что казахи по численности занимали второе место после узбеков в Туркестанском легионе.⁸² К концу того же 1944 г. около 65 тыс. туркестанцев было убито, и примерно 900 легионеров бежали в партизанские отряды, действовавшие на территории Польши, Франции, Голландии, Югославии, Италии, Словакии и других государств.⁸³

Побеги из Туркестанского легиона участились в 1943—1944 гг.,⁸⁴ что было вызвано разными причинами: во-первых, кто-то попал в плен по ранению и использовал любую возможность, чтобы покинуть стан легионеров; во-вторых, внутри легиона под руководством Вали Каюма постоянно велись как политические, так и межличностные интриги, из-за чего там была тяжелая, очень сложная морально-психологическая обстановка;⁸⁵ в-третьих, победы Красной армии на фронтах войны являлись самой важной причиной массовых побегов из легиона; в-четвертых, действия советской внешней разведки, которая специально готовила и засылала советских разведчиков в стан врага, и т.д. Только за 1943—1944 г. в Туркестанский легион, Германию и другие эмиграционные центры было заслано около 40 советских разведчиков.⁸⁶

Разная судьба была у туркестанских легионеров на войне и после нее. Кто-то вернулся после войны в Отчизну, которая его не ждала, не доверяла, проверяла, содержала в лагерях, а затем, проверив и поверив, отпускала на свободу. Кто-то, предчувствуя свою горькую судьбину на Родине, не возвращался туда, выживал, жил на чужбине с незаживающей раной в сердце, которую нанесла ему судьба, да и его же собственное решение. Такие люди в списках Родины долго не значились⁸⁷ ... Следует отметить, что в 1960-х гг. в США переехало 13 семей казахов — бывших военнопленных вермахта,⁸⁸ обосновавшихся в метрополии Нью-Йорка, Вашингтона (округ Колумбия) и в штате Калифорния.

По словам Халифы Алтая, около 20 казахов — бывших легионеров проживали в середине 1950-х гг. в Турции. Во Франции и ФРГ после войны проживали несколько легионеров, которые не шли на контакты с представителями СССР и суверенного Казахстана по вполне понятным причинам.

Участие казахов в Движении Сопротивления. Факты участия казахов во французском Движении Сопротивления стали известны в середине 1960-х годов. В наше время они стали широко известны казахстанскому обществу благодаря усилиям посольства Казахстана во Франции, сотрудники которого занимались поисками документов в архивах страны о героическом прошлом наших соотечественников, воевавших вместе с французскими патриотами. По сведениям французской газеты «Уэст Франс», опубликовавшей материал «Казахи в Движении фран-

цузского Сопротивления», более ста казахов участвовали в освободительных боях на юге Франции в районе города Тулуза. Среди них — известные своим героизмом партизанские отряды, возглавлявшиеся казахами К. Жуманиязовым и З. Жаманкуловым.⁸⁹ Здесь имеет место небольшая неточность: Зунум Жаманкулов — герой кыргызского народа, плечом к плечу сражавшийся со своими казахскими братьями. В книге «Падение «Большого Туркестана» С. Шакибаев упоминает о факте побега к французским партизанам одного из заместителей председателя Туркестанского комитета Алмантаева.⁹⁰ Кроме того, один из участников французского Движения Сопротивления Ахмет Бектаев, проживающий в Шымкенте, выпустил книгу-мемуары «Под небом Франции», в которой рассказывал об участии казахов в боях с фашистами на юге Франции и о своей судьбе на фронтах Второй мировой войны.

В начале 1944 г., после распоряжения Гитлера, туркестанских легионеров погрузили в вагоны и привезли во Францию. Здесь их разместили в лагерях близ городов Кармо и Альби, где они работали в шахтах. В лагере близ города Кармо, где содержался Ахмет Бектаев, была создана подпольная организация коммунистов, которую возглавлял украинец Петр Дьячук. Данная организация установила связи с французскими партизанами — маки, и 16 июня 1944 г., убив охранников, бежала в лес к партизанам и присоединилась к Движению Сопротивления.⁹¹

Судя по документам, переведенным и опубликованным Б. Садыковой, данное событие произошло не в июне, а в ночь с 15 на 16 июля 1944 г., свидетельством тому является докладная записка от 21 июля 1944 г. полковника Фернана о переходе на сторону французских партизан 47 человек: 27 узбеков, 17 казахов, 6 туркмен, одного кыргыза и одного таджика. Полковник Фернан докладывал о том, что в ночь на 16 июля 47 человек дезертировали из немецкого гарнизона, их утром 16 июля группами по три человека направили в Кармо. Через два дня им уже было выдано оружие и они участвовали в боевых действиях.

По воспоминаниям Гастона Лароша, 53 туркестанца, 98 грузин и 30 поляков в августе 1944 г. из Кармо направляются к французским маки в деревню Жукевиель, где в одном бою с фашистами погибли девятнадцать человек.

По воспоминаниям Кадема Жуманиязова, в октябре 1944 г. казахи участвовали в освобождении городов и деревень, расположенных на юге Франции, таких как: Тулуза, Альби, Кармо, Монтобан, Каркасон и других. В декабре 1944 г. в г. Тулузе располагался Первый советский партизанский полк, состоявший в основном из казахов и грузин.⁹²

В своих мемуарах Ахмет Бектаев рассказывает, что в 1944 г. он боролся с фашизмом вместе с друзьями-интернационалистами: украинцем Петром Дьячуком, кыргызом Зунумом Жаманкуловым, каракалпаком О. Журымбаевым, казахами М. Курмашевым, Д. Битановым, Б. Утетилеуовым, У. Досовым, М. Бейсенбиевым и другими.⁹³ В 1994 г. французский режиссер Жан Шарль снял документальный фильм «Ради горстки земли» об участии воинов-интернационалистов в освобождении юга Франции от немецко-фашистских захватчиков.

В мае 1995 г. в деревне Жукевиель департамента Тарн, благодаря помощи ветеранов Французского движения Сопротивления, посольство Республики Казахстан установило мемориальную доску «в честь казахов и всех тех, кто пал за освобождение Франции».⁹⁴

Исторические события XX в. действительно повлияли на судьбы народов мира и казахов в том числе, глобально-коренным образом изменив существующий уклад жизни, менталитет, государственные границы, ареал распространения народов Казахстана и Центральной Азии, вынудив покинуть свои родные земли и сформировать диаспору на чужбине.

Участие казахов в национально-освободительном движении в Восточном Туркестане (Синьцзяне) в 1930–1950-х гг. Трагические события, произошедшие в Восточном Туркестане (Синьцзяне) в 1930–1950-х гг., являются основополагающими для истории и развития казахской диаспоры в мире. В течение 1930–1940-х гг. казахи в Восточном Туркестане (Синьцзяне) принимали участие в нескольких восстаниях против китайских властей, а в Илийском восстании 1944–1949 гг. играли доминирующую роль.⁹⁵ Казахи всегда занимали значительное положение в политической жизни Синьцзяна, и в прошлом каждый правитель или тот, кто хотел управлять провинцией, пытался или заручиться поддержкой, или подавить казахских кочевников, так как среди всех кочевых народов Восточного Туркестана они отличались многочисленностью и огромным весом в синьцзянском обществе, вследствие чего игнорировать их было очень опасно.⁹⁶

Политические мотивы борьбы казахов Синьцзяна были различными, но главная причина была экономической — вопрос о пастбищах. Казахи Синьцзяна занимались, в основном, кочевым скотоводством, продукция которого играла важную роль в экономике данного региона.⁹⁷ Однако, постоянно возникали споры о пастбищах, водоемах, ирригационных каналах между кочевниками и оседлыми земледельцами, доходившие до вооруженной борьбы. Так было, когда во время маньчжурского правления основные права на пастбища были отданы монголам, а казахи стали рассматриваться как арендаторы этой земли.

На протяжении 1930–1940-х гг. провинциальное правительство в Урумчи было заинтересовано в передаче пастбищ кочевников китайским крестьянам-хань, так как вооруженные казахские отряды представляли весомую угрозу властям,⁹⁸ и благодаря миграции крестьян из центральных областей Китая, правительство пыталось стабилизировать политическое положение путем изменения национального состава подчиненного населения в регионе.

Вследствие поражений антикитайских восстаний неханьских народов в 1936 г. началась миграция около 18 тыс. казахов из района Барколя, ушедших в Газколь. Это была первая волна миграций казахов со своих родных земель на Алтае и Тарбагатае в район Барколя, а затем в Газколь, Цинхай, Гансю и Монголию. 5 тысяч казахов решили перейти Тибет и обосноваться в Индии.⁹⁹

Выйдя из Барколя и перейдя через Кумул (Хами), в 1939 г. группа казахов дошла до дунганского военачальника Ма Бофана, который хо-

тел использовать казахов в своих политических играх, чтобы стать правителем Синьцзяна. Казахи, не согласившиеся стать «разменной монетой» чьей бы то ни было политической игры, начали сражаться с дунганями. По сведениям, извлеченным из письма одного казаха, адресованного Мао Цзэдуну и обнаруженного автором в британском архиве Public Record Office, в результате кровавой бойни, организованной Ма Бофаном в Цинхае, в живых остались только 34 казахские семьи.¹⁰⁰

После многочисленных кровопролитных событий часть казахов решила уйти в Индию. В 1940 г. на дорогу в Тибет вышли две группы казахов: первая под руководством Елисхана-батыра в количестве 200 семей, среди которых находились Саутбай, Беги, Ильяс, Хаджи Идрис молла и другие; вторая — под руководством Сабырбая в количестве 300 семей.¹⁰¹ Эти две группы объединились с казахами под руководством Заипа тайджи, и в сентябре 1940 года пять тысяч казахов, среди которых находились Халифа Алтай и Хамза Инан, пришли в Тибет,¹⁰² где больше года воевали с тибетскими племенами. На Тибете от холода, голода, горной болезни и пуль непреклонных тибетцев погибло около 2 тыс. казахов, что составило 40% от общей численности вышедших в путь людей.¹⁰³ В Тибете в 1941 г. Заип тайджи умер от болезни, сопровождающейся отсутствием кислорода в высокогорье,¹⁰⁴ и казахи трех объединенных групп продолжили свое продвижение к границам Британской Индии под руководством Елисхана-батыра.

В сентябре 1941 г. через Тибет к границе Индии прибыла группа казахских беженцев из Синьцзяна под руководством Елисхана тайджи, в количестве около 1000 семей и состоящая из 3039 казахов.¹⁰⁵ Из докладной записки английского дипломата Х.Е. Ричардсона следует, что казахи пришли к кашмирской границе в местечке Демчок, где пограничники сначала открыли по ним огонь и убили несколько человек. 25 сентября 1941 г. казахами была создана группа представителей для переговоров с британскими властями с целью получения разрешения перейти границу. После длительных переговоров британские власти разрешили казахам пересечь границу, разоружили их и под вооруженной охраной отвезли в Ладак — провинциальный город в Кашмире, где составили списки и разместили в лагере для беженцев Музаффер Абаде, оцепленным со всех сторон войсками.¹⁰⁶

Непривычный климат, ограничение свободы передвижения, отсутствие возможности работать, незнание английского и языков народов Индии усугубляло положение казахов, размещенных в палаточном городке в Музаффер Абаде, где каждодневно погибало 10–15 человек. Оставшийся у них скот умирал от бескормицы. Для спасения своих соотечественников в марте 1942 г. Елисхан-батыр, Ахмет Али молла Мардан и Садей сбежали из лагеря и добрались до Пенджаба, где британский губернатор сэр Фрейзер принял Елисхана-батыра и дал разрешение переехать из Музаффер Абада в лагерь, находящийся в Пенджабе.¹⁰⁷

В апреле 1942 г. британские власти на грузовых машинах перевезли казахов в деревню Тернава близ Равалпинди. Начавшиеся еще в Музаффер Абаде инфекционные болезни продолжали преследовать казахов и в лагере для беженцев в Тернаве. Об антисанитарной ситуации и

инфекционных заболеваний, свирепствовавших в лагерях беженцев в Индии, вследствие которых погибли многие казахи, писал в докладной записке правительству Великобритании в 1945 г. английский дипломат из Индийской политической службы Х.Е. Ричардсон.¹⁰⁸ Из-за постоянных ливней трудно было хоронить умерших. Поэтому казахи подали прошение покинуть Тернаву. По свидетельству Халифы Алтая, количество беженцев менее чем за год сократилось с 3000 до 1200 человек.¹⁰⁹

Казахам было разрешено покинуть Тернаву, и власти предложили им на выбор переехать в центральные районы страны, включая Хайдарабад¹¹⁰ или Бхопал. В конечном итоге казахи решили выбрать Бхопал, в который переехали в марте 1943 г.

450 казахов уехали в Бхопал, расположенный в Центральной Индии. Около 250 человек, поехавших в Бхопал, остались в самом городе, половина из них расселилась в деревне, построенной для них местными властями в июле 1943 г. и расположенной в джунглях в местечке Матар. Трудности не покидали казахов и в Матаре: начался сезон дождей и около 100 казахов погибли за короткий срок. Информаторы – Халифы Алтай, Мухамедди Кылыш, Джалиль Инан, Омир Жигит сообщают, что казахи погибали и от соседства диких животных и змей, кишевших в районах их проживания. Поэтому казахи покинули местность Матар и вернулись в Бхопал. Кроме того, большие трудности выпали на долю казахов, решивших поселиться в горах на севере Индии, за короткий срок здесь также погибло несколько сотен казахов.¹¹¹

Около двух лет казахи прожили в Бхопале, в районе, которому позднее дали название Казахабад, где занимались шитьем шапок и одежды. В Бхопале казахам разрешено было создать «Казахский центр», была открыта казахская школа, в которой преподавали языки казахский, арабский и урду. Начиная с 1944 г., казахи группами начинают покидать Бхопал и переезжать в Лахор, Дели и Калькутту.¹¹²

В 1948 г. казахи были вынуждены покинуть Дели, Калькутту и переселиться в новое исламское государство – Пакистан. Здесь они расселились по всей стране, видимо, надеясь на улучшения в жизни. Казахи зарабатывали себе на жизнь, в основном, ремеслами; шили шапки и одежду из шкур, обрабатывали войлок. Некоторые, купив швейные машины, неплохо начали зарабатывать. По свидетельству Мухаммеда Кылыша, после нескольких лет лишений и каторжного труда некоторым казахам удалось открыть свои магазины для торговли текстилем и кожаными изделиями. Казахи просили предоставить гражданство Пакистана, но власти им отказали. Поэтому они стали задумываться о переезде в другие страны, чтобы обеспечить будущее своим детям.

Оставшиеся в Восточном Туркестане (Синьцзяне) казахи испытали также горести и трагические события, вынудившие их покинуть эту землю. В 1950-е гг. после трех десятилетий непрекращающейся борьбы они были вынуждены через пустыни Лобнор и Такла-Макан, снежные вершины Тибета искать убежища в качестве политических беженцев в Пакистане.

Период с 1934 по 1944 гг. во время правления губернатора Шэн Шицая характеризуется сильным советским влиянием и использо-

ванием Синьцзяна в экономическом и военном отношениях с согласия и прямого участия Шэн Шицай, который получал не только экономическую и военную помощь, он также попытался внедрить советскую систему национальной политики в Синьцзяне. Как она проводилась на неханьских народах, хорошо видно на примере казахов, которых, по сведениям Годфри Лиаса, в 1930-е гг. насчитывалось в Восточном Туркестане около 800 тыс. Из данного количества казахов к 1950-м гг. более 100 тыс. погибло¹¹³ во время восстаний в Синьцзяне и во время их ухода в Индию: от голода и засухи в пустыне Такла-Макан, холода и горной болезни в горах Тибета, а также последовавших за потерей родины многочисленных горестей на чужбине.

В статистическом источнике «China Handbook» приводятся следующие показатели количества населения Китая с 1937 по 1943 гг.: в Синьцзяне проживало 4 360 020 человек, из которых 930 тысяч были казахи,¹¹⁴ т.е. даже больше, нежели указывал Г. Лиас. По статистическим данным, приводимым Г.П. Сердюченко и извлеченным из материалов Всекитайской переписи 1953–1954 гг., в провинции Синьцзян к 1953 г. проживало 509 тыс. казахов.¹¹⁵

В 1938 г. Шэн Шицай начал проект под названием «Очистка», в ходе которого руководители неханьских народов, образованные люди, лучшая часть интеллигенции без причины были арестованы, посажены в тюрьмы и бесследно исчезали.¹¹⁶ Объяснялись данные репрессии тем, что арестованные были якобы пособниками империалистов, нарушителями мира и спокойствия в стране, выступали против Советского Союза, с которым Шэн подписал договор о дружбе в 1938 г., минуя центральное китайское руководство.

В 1942 г., когда ситуация на фронтах Великой Отечественной войны была крайне тяжелой для СССР (немецкие войска дошли до Волги и Сталинграда, где шли ожесточенные бои), китайский губернатор провинции Синьцзян Шэн Шицай решил выйти из-под советского влияния. Последствия этого шага проявились в ослаблении советских позиций в Синьцзяне и открытии американского и британского консульств в Урумчи.¹¹⁷

В отношении СССР провинциальное правительство начало проводить кардинальные действия. 5 октября 1942 г. Шэн послал меморандум советскому правительству с требованием вывести советский военный и технический персонал из Синьцзяна в течение трех месяцев.¹¹⁸ Кроме того, в январе 1943 г. Шэн разрешил Гоминьдану открыть провинциальное главное управление в Урумчи, в июне этого же года он был провозглашен председателем синьцзянского отделения Гоминьдана.

В это же время Чан Кайши отказался от заключения соглашения на строительство и эксплуатацию авиасборочного завода, уже построенного и выпускавшего продукцию; началось преследование купцов, имевших торговые связи с советскими партнерами; создавались невыносимые условия для советских дипломатов в Синьцзяне, что привело к отзыву большинства советских дипломатических и торговых представительств в Советский Союз весной 1943 г.¹¹⁹ Весной 1943 г. в Урумчи Шэн разрешил открыть американское консульство. Осенью этого же

года советские войска, находящиеся в Хами (Кумул), были выведены с территории Синьцзяна в СССР.¹²⁰

В июне 1943 г. среди казахов Алтая вспыхнуло новое восстание из-за решения Шэна насильственно переселить их на юг Синьцзяна. Казахи бежали в Казахстан, а также на монгольские территории, преследуемые китайскими войсками. Так, в марте 1944 г. большая группа казахов из Алтайского округа перешла на монгольскую сторону границы. Китайские военные отряды попытались остановить их, но ввязались в бой с монгольскими пограничниками, поддержанными с воздуха советской авиацией.¹²¹ Данный пограничный конфликт имел широкую огласку, подтверждаясь официальными нотами МНР и СССР. Оставшихся на Алтае восставших казахов возглавлял Оспан-батыр,¹²² получивший поддержку Советского Союза,¹²³ так как после предательства Шэна СССР нуждался в сильном союзнике в Синьцзяне. Около двадцати семей казахов под руководством Тунгушбая, Кобдабая и Раки моллы ушло через Тибет в Индию.¹²⁴

Однако самым важным событием для казахов стало национально-освободительное движение 1944–1949 гг., создание Восточно-Туркестанской Республики (ВТР), в которых они являлись доминирующей силой. Причин для этого национально-освободительного движения, захлестнувшего весь северо-запад Китая и имевшего значительные, а для казахов – трагические последствия, было несколько, среди которых одной из важнейших было переселение китайских беженцев на казахские пастбища в конце лета 1944 г., что спровоцировало восстание среди казахов Алтая.¹²⁵

Другая важная причина восстания казахов связана с прекращением торговых отношений с СССР, так как сельскохозяйственное сырье Синьцзяна и, в особенности, продукты животноводства, основными поставщиками которых были казахские номады, потеряли рынки сбыта.¹²⁶ Данная причина была настолько значительна для казахов, что необходимость ее разрешения внесли в 9 пункт Политической платформы Восточно-Туркестанской Республики 1944–1945 гг.

В ходе успешной борьбы восставших казахов и их соратников в 1944–1945 гг. к весне все традиционные казахские пастбищные земли на Алтае, Тарбагатае, Кульдже, северных отрогах Тянь-Шаня были освобождены от китайских войск. В августе 1945 г. было провозглашено создание армии Восточно-Туркестанской Республики, которую возглавляли генерал-лейтенант Исхакбек Мунинов, а по некоторым данным – и Оспан батыр.¹²⁷ Армия ВТР насчитывала около 40 тысяч человек, в которой значительную часть составляла казахская кавалерия.¹²⁸ Эта армия состояла из казахских войск трех районов: Или, Тарбагатай и Алтай, успешно освобождавших и контролировавших данные территории.

Далее следуют события, связанные с историей деятельности и гибели Восточно-Туркестанской Республики, в нескольких правительствах которой участвовали казахские лидеры. 20 июня 1946 г. был объявлен список новых членов Синьцзянского провинциального правительства под руководством Чжан Чжичжуна, членами которого стали три казаха: первым заместителем генерального секретаря – Салис Ермекулы,

министром здравоохранения — Далелхан Сугурбайулы и военным министром без портфеля — Оспан-батыр,¹²⁹ 4 июля 1946 г. мэром города Урумчи была назначена казашка из рода Абак-керей Хадиша Кадван Ханым (Хатеван),¹³⁰ избранная на этот высокий пост вторично 5 октября 1947 г. уже при администрации Максуда Сабри.¹³¹

Особым выдался в истории казахов Восточного Туркестана 1948 год, когда несколько казахов были делегированы, а затем избраны в Национальную Ассамблею Китая (Юань) в составе пятидесяти пяти прогомьндановски настроенных представителей народов провинции, членство в которой спустя десятилетия позволило извлечь определенную пользу для предоставления возможности получения высшего образования международного уровня казахской и восточно-туркестанской молодежи. Среди казахов, делегированных в Юань, были Шерзиман Оспанбатырулы (от района Коктогай), Хамза Учар Кумисбайулы (от района Сауан), Коксеген Карипулы (от района Кутуби), Туркан (от района Барколь) и Далелхан Жаналтай Жанымханулы (от района Шингиль).¹³²

Одним из трагических событий в истории Восточно-Туркестанской Республики была гибель в авиакатастрофе 27 августа 1949 г.¹³³ членов правительства Восточно-Туркестанской Республики, среди которых находился Далелхан Сугурбайулы, в течение пятилетнего срока работавшего министром здравоохранения.

1 октября 1949 г. на сессии Народно-Политического консультативного совета Китая было провозглашено создание Китайской Народной Республики. 20 октября 1949 г. части Народно-Освободительной армии Китая вошли в Урумчи. Руководители Восточно-Туркестанской Республики Мохаммед Эмин Бура, Иса Юсуф Алптекин и дунганский генерал Ма Шиншан (Мохаммед Оспан) покинули Восточный Туркестан, но казахи решили продолжать борьбу под руководством Оспана батыра и Жанымхана Тилеубайулы, которые имели непосредственные связи с американским вице-консулом в Урумчи Дугласом Маккернаном,¹³⁴ проводившим активную деятельность среди гоминьдановских офицеров, призывая к выступлениям против китайских коммунистов.

11 сентября 1949 г. тысяча хорошо вооруженных казахов вместе с семьями под предводительством Нургожай-батыра и Далелхана Жаналтая покинули горы Нансан около Урумчи и спустя 18 дней 29 сентября присоединилась к Оспан-батыру в районе озера Барколь. С октября 1949 г. в Барколь к Оспан-батыру и Жанымхану ходжи стали прибывать казахские отряды под руководством Алтынбека, Машана тайджи, Мукадила аксакала, Султаншарипа тайджи, Кытайбая, Аббас-батыра, Кашапат-батыра, Хусаина Уяна, Жамад-батыра и Селахатта.¹³⁵ К ним же присоединились Йолбарс бек со своими людьми, бывшие белогвардейцы, а также дунгане во главе с полковником Ханом.¹³⁶

В начале 1950 г. Жанымхан хаджи и Оспан-батыр бросили клич собраться на совет в Барколе для обсуждения дальнейших действий и чтобы наметить перспективы на будущее. 28 марта 1950 г. состоялся большой курултай казахских лидеров и старшин, на котором обсуждался вопрос о дальнейшей судьбе казахов Восточного Туркестана (Синьцзяна). Боль-

шинство приняло решение покинуть Синьцзян и продвигаться на юг по направлению к Индии.¹³⁷ Оспан батыр и Жанымхан Тилеубайулы хаджи решили продолжать борьбу. Вскоре они погибли. Отдельными группами часть казахов, решившая покинуть пределы Синьцзяна преодолевая тяготы пути, достигла границ Индии и Пакистана.

Видя бесперспективность жизни в Пакистане и Индии вследствие отказа властей выдать разрешение на получение гражданства, бытовой необустроенности и т.д., казахские аксакалы в Сринагаре стали обсуждать проблемы миграций в: 1) Саудовскую Аравию, где казахи имели единую мусульманскую веру с населением; 2) на Тайвань, где в тот момент находился Чан Кайши, с которым работали некоторые казахи; 3) США, так как американские власти предложили казахам переехать в Калифорнию или Техас; 4) остаться в Индии и Пакистане; и 5) переехать в Турцию.

По разным причинам казахские аксакалы отклонили четыре предложения. И только Турция была идеальной страной для переезда казахских политических беженцев на постоянное местожительство, благодаря единству исторических и культурных корней: тюркской основы языка и мусульманской религии.

17 октября 1951 г. в Пешаваре была создана «Восточно-Туркестанская Ассоциация казахских беженцев», организовавшая эмиграцию казахов группы Елисхан-батыра в Турцию. Благодаря деятельности ассоциации были зарегистрированы более 1400 казахов, в числе которых насчитывалось: взрослых — 1150 человек и около 400 детей, выживших в течение 12-летнего пребывания в Индии и Пакистане.¹³⁸ 13 марта 1952 г. Кабинет министров Турции принял решение о переселении восточно-туркестанских и казахских беженцев из Индии, Пакистана и Саудовской Аравии.¹³⁹

Благодаря деятельности «Восточно-Туркестанской Ассоциации казахских беженцев», в особенности ее активных членов Хамзы Инана и Халифы Алтая, в период с 12.09. 1953 г. до 26.12. 1953 г. из Пакистана в Турцию переехало 1379 казахов¹⁴⁰ из группы, пришедшей в Индию в 1941 г. По данным, приведенным в «Бюллетене казахских тюрков в Европе», в 1953 г. в Турцию из Индии и Пакистана переехало еще 1450 казахов.¹⁴¹

«The Times» от 27 октября 1952 г. в статье «Синьцзянские беженцы покидают Кашмир. Новый дом в Турции» сообщила, что турецкое правительство дало разрешение на постоянное местожительство в Турции 1850 беженцам из Синьцзяна, с тем условием, что они смогут найти средства на дорогу из Индии и Пакистана в Турцию.¹⁴² Турецкое правительство, благодаря средствам, выделенным ООН, действительно взяло на себя расходы по обустройству в своей стране казахских политических беженцев, которые к тому же являлись и мусульманскими беженцами, приехавшими из Пакистана и Индии. Тем не менее, транспортные расходы казахам были оплачены из фондов Всемирной службы церкви, представляемой Национальным Советом церковью Христа в США, а также частично кашмирским и индийским правительствами.¹⁴³

3. ПРОЦЕСС СОХРАНЕНИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ У КАЗАХОВ В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

Процесс сохранения этнической идентичности в инонациональной среде трудоемок и долгосрочен. Он усугубляется в современных урбанизированных условиях и учащенных ритмах жизни, действующих разъединяюще на членов человеческого общежития, тем более что для представителей казахской диаспоры в любой стране мира характерно проживание в городах, индустриальных центрах и никогда в сельской местности, что также разобщающе действует на них. Проживание в урбанизированной среде является одной из характерных особенностей казахской диаспоры. Оно накладывает свои отпечатки на жизнедеятельность человека, и поэтому сохранение традиций культуры и быта мигрантов в современных условиях следует рассматривать на начальных этапах пребывания в инонациональной среде как необходимость в налаживании жизни в новой стране, а некоторые организационные формы жизни мигрантов (объединения на религиозной, образовательной, культурной, этноязыковой основах) помогают и способствуют адаптации вновь прибывших.

Данные организационные формы предоставляют иммигрантам возможность удовлетворять их специфические потребности, связанные с этническим происхождением, а также оказывают помощь в трудоустройстве, обучению языку страны проживания, тем самым являясь мощной морально-психологической поддержкой. Процесс сохранения этнической идентичности у казахской диаспоры характеризуется по нескольким критериям: наличие, и в какой стадии развития находятся в казахских общинах: брак и семья, этнические общества, школы и язык.

Казахская диаспора в разных странах мира неоднородна в социальном, экономическом, правовом, культурном и образовательном отношении. Чаще всего она формируется из трех стран выхода или бывшего места проживания: Казахстана, Турции и Китая, а затем далее распространяется по всему миру. Так как язык является одним из существенных признаков этноса, исследование вопроса языковой идентичности показывает, что для казахов, проживающих в разных странах мира, более характерен трилингвизм или полилингвизм: для представителей Казахстана — русский, казахский и язык страны пребывания, для выходцев из Синьцзяна — китайский, казахский и язык страны пребывания, для представителей казахской общины в Турции, соответственно, турецкий, казахский и язык страны пребывания. Из числа таких людей можно назвать Халифу Алтая, Далелхана Жаналтая, Абдулхака Малкоша из Турции, Бешира Жаналтая из Великобритании, Чингиза Чагатая из Швеции и других. Кроме казахского языка казахи дальнего зарубежья владеют китайским, английским, турецким, шведским, французским, немецким и другими языками.

Следует отметить, что употребление казахского языка вторым и третьим поколениями казахской диаспоры, проживающих в европейских странах, США и Канаде, оставляет желать лучшего. Очень часто у них казахский язык остается не востребуемым, так как говорят они, прежде всего, на языках страны выхода и пребывания. Старшее поколение (кото-

рое трудно назвать старшим, так как в основном их возраст составляет 50–55 лет, за редким исключением старше 60 лет) знает казахский язык. Среднее поколение казахов предпочитает разговаривать в обиходе на языке страны-выхода. Казахский язык практически очень редко употребляется у младшего поколения, так как оно предпочитает изучать иностранные языки. Только отдельные молодые люди стремятся выучить казахский язык. Опять же стимулом для этого процесса стал факт многогранного развития суверенного и независимого Казахстана.

Данная ситуация с использованием и развитием казахского языка в диаспоральной среде вызывало тревогу у старшего поколения, которое стало инициатором организации школ для обучения казахскому языку и казахской культуре среди подрастающего поколения. Среди созданных в зарубежье школ по изучению казахского языка следует отметить казахские общества в Турции, Великобритании, отсутствие таковых во Франции, США и др. Кроме того, языковая проблема связана с тремя разными алфавитами, используемыми казахами из различных стран мира. Казахи, проживающие в Казахстане, используют кириллицу, турецкие казахи — латинский алфавит, а казахи Китая употребляют при написании и чтении арабскую вязь. Все это приводит к затруднению понимания той литературы и печатных материалов, которые посылаются, например, из Казахстана казахским общинам в странах Западной Европы. С казахами Китая и представителями старшего поколения дела обстоят несколько лучше, так как в Казахстане издается газета «Шалкар», публикующая материалы на казахском языке, написанные арабской вязью, которой они обучены. Очевидно, что эта огромная проблема также не способствует объединительным процессам в среде казахов, которую необходимо решить быстро, мудро, взвешено.

Попытка сохранения этнической идентичности четко прослеживается в семейных отношениях представителей казахской диаспоры. Семья как социальный институт выполняет разнообразные и важные функции. Это — ячейка организации быта и потребления, регулирования взаимоотношений и поведения взрослых, воспитания детей. Через изучение семьи и быта можно исследовать многие аспекты этнокультурных процессов в современную эпоху, таких как пути трансформации традиционных элементов культуры и быта, возникновение, степень развития новых черт быта в его разных сферах — внутрисемейной и общественной жизни, в материальной и духовной культуре и т.д.

Кроме того, семья является микросредой этнических процессов. Именно через семью реализуется процесс воспроизводства населения в его этническом своеобразии, передача новым поколениям характерных свойств этносов и этнической идентичности. В структуре семьи, семейно-брачных отношениях и семейном быту обычно наиболее устойчиво сохраняются черты этнической специфики. Поэтому нас заинтересовал вопрос семьи и брака у представителей казахской диаспоры.

У казахов, проживающих в странах Западной Европы и Северной Америки, преобладает простая (нуклеарная) малая семья, состоящая из одной семейной пары и их детей, что является следствием тех причин,

по которым казахи иммигрировали в эти страны. В Турции и странах Востока казахи предпочитают жить сложными (неразделенными) семьями, когда родители живут с неженатыми (незамужними) детьми и с не выделившимися из родительской семьи женатыми сыновьями, невестками и внуками. Наличие сложной неразделенной семьи у казахов происходит вследствие дороговизны жилья и земли, как, например, в Турции, когда экономнее и удобнее проживать и вести хозяйство совместно или в случае, когда нет финансовой возможности приобрести дом для женатого сына и его семьи.

При преимуществе моноэтнических браков у казахов старшего и среднего поколения, при встречах и интервьюировании представителей казахской диаспоры в разных странах автором подмечена одна особенность, характерная для большинства из них: в казахской среде старшим поколением не приветствуются межэтнические браки. Более или менее спокойно казахи относятся лишь к бракам с представителями тюркских народов, что объясняется родственными корнями происхождения, которые, в свою очередь, приводят к наибольшей совместимости и прочности в браке.

Оправдывается в их глазах межэтнический брак только в случае крайней необходимости, как, например, когда казахские женщины из группы Елисхана-батыра, находясь в Индии, после бегства от китайских националистов, во время которого многие из них погибли в пустыне Такла-Макан и на снежных высотах Тибета, а оставшиеся в живых, вследствие перенесенных трагедий, лишений и последовавшего за этим физиологического и психологического стрессов, а также климатического дискомфорта, не смогли несколько лет беременеть и рожать детей. Поэтому казахские старшины решили послать нескольких джигитов — съездить посвататься на Афганский Памир к кыргызам, которых в то время возглавлял Рахманкул хан. Только в таких критических случаях казахские старшины признавали полиэтнические браки.

Такую этнодифференцирующую роль, проявляющуюся в семейно-брачных отношениях, играет самосознание, которое дает казахам возможность попытаться обособить себя от других этносов в инонациональном окружении и подчеркнуть связь или принадлежность к казахскому этносу. Кроме того, наличие родоплеменного деления у заграничных казахов имеет важное значение для сохранения этнического самосознания и осознания общности происхождения к той или иной генеалогической группе. Проживая в инонациональной среде, такая подсознательная попытка казахов старшего поколения сохранить свою этническую принадлежность поддается психологическому пониманию.

Думается, что еще одной немаловажной причиной неприветствия смешанных браков является религиозный фактор, как отголосок воспоминаний казахов, живших в Синьцзяне, где ислам играл одну из важнейших ролей в жизни того общества. По мусульманской религии, каждый верующий должен стараться вступать в брак со своими единоверцами. Если нет, то предпочтение отдается верующим, исповедующим христианство и иудаизм, т.е. имеющим Священную Книгу. Одна-

ко, по возможности, детей от таких браков стараются приводить в мусульманскую веру.

Совершенно другой точки зрения придерживаются представители казахской диаспоры молодого — второго и третьего поколений, с 1990-х гг. проживающие в странах Западной Европы, для которых этнико-религиозные мотивы не столь важны как для старшего поколения. Традиция моноэтнических браков среди казахов начала заменяться полиэтнической (или межэтнической) в 1990-е гг. по разным причинам: получение гражданства данной страны или, действительно, по велению сердца, а не разума.

Анализ межэтнических браков в среде казахской диаспоры показывает, что, прежде всего, в них вступают казахские мужчины, что обусловлено их профессиональной и трудовой деятельностью в странах Западной Европы, куда они выезжают без семей, или в качестве трудовых иммигрантов или будучи студентами, в раннем возрасте, когда у них еще своих семей нет, т.е. холостыми.

Итак, после вышесказанного, можно констатировать, что: «Осознанная и сильная казахская групповая идентичность продолжает свое существование даже при условии изменения в новом окружении части ежедневных ритуалов, применении другой технологии, другого способа ведения хозяйства, новых темпов работы, всего образа жизни, также как и культуры питания. Другими словами, можно говорить о существовании «казахства», аналогичного, например, «шведству», которое выживает, несмотря на изменения и перемены в жизни».¹⁴⁴ Приведенная цитата характеризует казахское общество в Турции, но она также распространяется и на другие казахские общества, проживающие в различных странах мира.

Казахи в Турции. В Турции существовало две категории беженцев, по которым дифференцировались и прибывшие из Пакистана казахи. Группа переселившихся в 1952 г. из Индии и Пакистана казахов в Турцию, не состоявших в списках, поданных на рассмотрение турецким властям, получила статус «*serbest göçmen*», что означает «свободный (независимый) мигрант» и была расселена в Джейранпинаре в провинции Урфа,¹⁴⁵ где они получили работу на самой большой государственной ферме в стране.¹⁴⁶ Свободному мигранту в Турции выдавали паспорт или вид на жительство, но никакой помощи в отличие от официально расселенного мигранта турецкие власти ему не оказывали. По турецкому законодательству, в частности по закону о расселении № 2510, свободный мигрант мог получить заем на строительство дома, выделения земли или открытия своего дела с погашением его в течение шести лет и оплатой в течение двадцати лет. Кроме того, он освобождался от уплаты налогов.¹⁴⁷

Большинство же казахов, составляющих 564 семьи количеством 1892 человека, прибыли в Турцию в 1952–1958 гг. как «*öskan göçmen*», т.е. официально расселенные мигранты,¹⁴⁸ которым по турецким законам предоставлялось турецкое гражданство в первые годы, выделялись земля, жилье и скот. Эти казахи освобождались на пять лет от несения военной службы.¹⁴⁹

Прибывших казахов турецкие власти разместили в трех лагерях для беженцев под Стамбулом: Тузле, Серкеджи, Зейтинбурну, где их трижды в день кормили, обучали читать и писать по-турецки и некоторым профессиональным занятиям, таким как ремесла и работы по текстилю для юношей и ковроткачество для девушек. В этих лагерях казахи оставались около полутора лет, некоторые всего несколько месяцев. После проживания в лагерях беженцев под Стамбулом казахам, приехавшим как официально расселенные мигранты, турецкие власти разрешили выбрать места, куда бы они хотели переехать. Они высказались за предоставление им горных и пастбищных мест для того, чтобы заниматься скотоводством. По этой причине их расселили в Западной Анатолии.

В Салихли проживали казахи количеством около 300 семей,¹⁵⁰ как официально расселенные, так и независимые мигранты. В этом местечке проживали Калибек Хаким и Хамза Учар со своими семьями. В Девели — небольшом городке в самом сердце Турции была расселена другая группа казахов, вместе с салихлинской составляющая около 700–800 человек.¹⁵¹ В Девели проживали Карамолла, Хусаин тайджи и др. Родственники Султаншарипа тайджи переехали в 1954–1955 гг. в провинцию Ниде, где ими был создан Алтай-кёй. Там проживало 163 казахские семьи.¹⁵² Везде во всех первичных поселениях казахи занимались сельским хозяйством и ремеслами.

В 1960-е гг. казахи стали перебираться в Стамбул, Измир, Анкару и другие города, так как в те годы возросла миграция из сельскохозяйственных районов в урбанизированные, основная причина которой заключалась в наличии рабочих мест в городах, а также неудовлетворение казахских кочевников, вынужденных заниматься земледелием на плохо обработанных и оскудевших почвах, так как достаточного количества пастбищных земель им выделено правительством не было.

Кроме того, в 1960-е гг., благодаря казахам, в турецкой экономике начала развиваться новая отрасль — обработка кож и пошив кожаных изделий. Обратив внимание на то, что в Турции имеется достаточное количество необработанных овечьих шкур, помня навыки в ведении традиционного кочевого хозяйства, казахи взялись за обработку кож сначала в домашних мастерских, а затем, получив определенный капитал, начали расширять кожаное производство до мануфактур. Полученный капитал вкладывался в производство, а также использовался в качестве необходимых средств для переезда и обустройства в крупных городах страны. В эти годы казахи переезжают в Зейтинбурну, Сафра-кёй, Кучук Чекмеджи, основывают «Казахкент» в районе Гунешли Стамбула.

1970-е гг. для казахов Турции стали успешными в деле интеграции в экономику страны и получения хороших капиталов благодаря производству и сбыту кожаных изделий, таких как дубленые, замшевые и кожаные пальто и плащи, всевозможные аксессуары. На смену мануфактурам пришли небольшие фабрики с наемными рабочими. В районах Зейтинбурну, Казахкента, а также на рынках Стамбула, Анкары и других городов появились ателье и фирменные магазины казахов по

шитью и продаже кожаных изделий. В торгово-производственный мир мелких и средних предпринимателей, торговцев и ремесленников Турции вступили многие казахи. Среди благополучных казахских бизнесменов можно назвать Токтобая Торлу, имевшего несколько магазинов в Зейтинбурну, Мухаммеди Кылыша, имевшего фабрику по производству пластиковых изделий, которая называлась «*Turkistanlilar Plastök Sunö Kergö Fabrikası*», Омир Жигита, возглавляющего «*Derö Göyöm Ömalat ve Tортan Satös*», братьев Кара, имеющих магазины в Зейтинбурну по продаже компьютеров и запасных частей,¹⁵³ и др.

В ходе трудовой иммиграции в страны Западной Европы казахи познакомились с новейшими достижениями 1970-х гг., такими как: производство виниловых плиток, кожзаменителей, пластиковых изделий, в развитие производства которых стали вкладываться деньги казахских трудовых иммигрантов. Именно так возникли небольшие фабрики «Алтайлилар», «Алтай Пластик», «Туркестан Алтай», «Туркестан Каучук», «Барколь Пластик» и другие.

Постепенно налаживались социально-экономические и культурные условия жизни бывших казахских беженцев, нашедших в Турции свою вторую родину и ставшие полноправными членами ее общества. Как отмечает И. Сванберг, в 1970-е гг. казахи в отличие от других мигрантов из анатолийских деревень достигли относительно высокого жизненного уровня, который проявляется в проживании в больших домах в хороших районах и пригородах Стамбула и других городов, в относительно высоком уровне потребления и возможности давать своим детям высшее образование.¹⁵⁴

В ходе миграций казахов в урбанизированные зоны Турции в 1960-х гг., где начинается процесс адаптации бывших кочевников, казахских беженцев из Синьцзяна к городской жизни. В 1980 г.¹⁵⁵ в Турции проживало 855 казахских семей или 4325 человек. В 1990-е гг.¹⁵⁶ в Турции проживало 1083 казахских семей, состоявших из 5415 чел. Кроме того, в 1980-е гг. в Турцию эмигрировали афганские казахи в качестве беженцев из Афганистана вместе с представителями других народов: кыргызами, узбеками, туркменами в 1982 году и были размещены в провинциях Газиантеп, Хатай, Малатай, Сивас и Урфа. Последующие данные показали, что в Турцию в 1980-х гг. переселилось около 500 семей казахов, из которых около 300–350 семей репатриировалось в Республику Казахстан, начиная с 1991 г.

Во многих отношениях казахская община в Турции стала примером для представителей казахской диаспоры, что стало возможным не только благодаря усилиям казахов, но и ответным действиям турецкого правительства, вследствие которых казахские беженцы из Синьцзяна нашли там свою вторую Родину. Можно констатировать следующие моменты в процессе сохранения этнической идентичности, заложенные старшим поколением казахов еще в 1970-х гг., плоды которого пожинаются сегодня.

В 1960-х гг. казахи были расселены в разных районах городов, дети стали посещать турецкие школы, что не способствовало процессу сохранения казахской идентичности, а наоборот, привело к тому, что часть

казахской молодежи подверглась процессу «отуречивания», против которого выступили казахские аксакалы Далелхан Жаналтай, Хамза Учар, Кыйзат Койчигит и др. Чтобы как-то остановить процесс «отуречивания» казахов, у старшего поколения возникла идея поселиться вместе, в одном районе, где впоследствии можно было бы открыть казахскую начальную и среднюю школы.

Поэтому в 1972 г. собрались казахи и решили в районе Гунешликёй выкупить землю и построить себе дома.¹⁵⁷ Официальное открытие произошло 15 августа 1973 г. На открытие нового района под названием «Казахкент» были приглашены мэр Стамбула, районное начальство и журналисты. Первые дома были построены на улице «Алтай», как воспоминание или напоминание о Родине.

Однако кроме домов, следовало бы подумать и о духовном будущем своих детей, которое могло быть связано только с образованием. После обращения казахов к министру сельского хозяйства и кооперации Турции с просьбой построить в Казахкенте школу для казахских детей и обустроить дороги, к 1 сентября 1977 г. дороги были проложены, и в Казахкенте была открыта первая казахская школа, на церемонию открытия которой были приглашены местная администрация и пресса.

В Турции в декабре 1986 г. было организовано культурно-просветительское общество турецких казахов «Вакиф», как резонанс на декабрьские события в Алма-Ате. Учредителями этого общества стали 10 человек, и первым председателем был избран Токтоубай Топлу. В марте 1988 г. начал выходить «Бюллетень общества турецких казахов «Вакиф».¹⁵⁸ В свет вышло всего два номера «Бюллетеня». В них помещались материалы по этнографии и истории казахского народа, новости о жизни казахских общин в Турции и странах Западной Европы, публиковались интервью с видными деятелями и предпринимателями из среды казахской диаспоры.

Семья у казахов в Турции в большинстве своем по форме сложная (неразделенная) и моноэтническая, хотя не так редки браки с представителями других тюркских народов: крымскими татарами, кыргызами, уйгурами.

Возрастной ценз у казахских мужчин для вступления в брак несколько завышен. Чаше всего казахи женятся к 30 годам, когда заложены материальные основы для создания и полной ответственности за семью. Традиционно в Турции вся ответственность за семью ложится на плечи мужчины. Девушки, не получившие высшего образования, зачастую выходят замуж сразу после наступления совершеннолетия и помогают своим мужьям в семейном производстве.

Общеизвестно, что высшее образование в Турции стоит очень дорого, поэтому оно недоступно для большинства казахской молодежи. Из всех желающих поступить на обучение в высшие учебные заведения Турции только 10% проходят по конкурсу, так как никаких льгот в системе высшего образования данной страны не существует.

Казахи на Тайване. Одним из абсолютно неизученных в казахстанской историографии вопросов в истории казахской диаспоры является проблема обучения в университетах в 1970-е гг. на Тайване груп-

пы казахской молодежи. Автором были проинтервьюированы организатор учебы казахских детей на Тайване Далелхан Жаналтай и некоторые учащиеся.

Первый раз Далелхан Жаналтай поехал на Тайвань в 1960 г. еще из Индии. Как известно, после победы коммунистов правительство Гоминьдана под руководством Чан Кайши бежало на Тайвань, куда стали стекаться некоторые бывшие члены правительства, такие как Йолбарс Хан. Чан Кайши пожизненно включил их в состав Национальной Ассамблеи (Законодательный Юань) Гоминьдана. Далелхан Жаналтай также был включен в данный состав, который просуществовал до сентября 1991 г.

По инициативе Далелхана Жаналтая, Чан Кайши выделил средства на обучение казахских и восточно-туркестанских детей. В январе 1971 г. была отправлена первая группа казахских и уйгурских детей на Тайвань. По казахскому обычаю, чтобы поездка была удачной, казахи зарезали жертвенного барана и благословили своих детей на учебу. Обучение, транспортные, жилищные и другие расходы финансировались тайваньской стороной. Обучение велось в трех университетах: Тайваньском (Тай Даашэ), Джинда (политических наук) и Культурном (Вынха Даашэ).

Следующая группа казахской молодежи была отправлена на Тайвань, по свидетельствам Бешира и Хаджимы Жаналтай, в составе 20 человек в феврале 1978 г.¹⁵⁹ В составе этих двух групп за несколько лет 26 казахов получили высшее образование на Тайване, что послужило прекрасным подспорьем в деле повышения интеллектуального, социального и образовательного уровня для второго поколения казахской диаспоры. Со смертью Чан Кайши прекратилось финансирование обучения казахов на Тайване.

Казахи в Федеративной Республике Германии. До 1960-х гг. в Германии, со времен Второй мировой войны, проживали несколько казахов — бывших легионеров, имевших немецкое и турецкое гражданство.¹⁶⁰ В 1960-е гг. начался интенсивный процесс трудовой иммиграции в страны Западной Европы и Северной Америки, в котором участвовали и казахи, как составная часть турецкой трудовой иммиграции. Казахи, проживавшие в Алтай-кее, первыми начали свою стезю трудовой иммиграции. Одними из первых трудовых мигрантов в казахской среде были Арыстан Тосун и Шарип Найман, выехавшие в ФРГ на работу в качестве гастарбайтеров.

Казахские иммигранты, проходившие через пункты вербовки, направлялись в Кельн, затем в Западный Берлин, а также в некоторые мощные индустриальные города в Рурской долине и близлежащей области вдоль нижнего течения Рейна.¹⁶¹

В ФРГ казахи, кроме работы на производствах промышленной зоны Рура и Рейна, занимались общественно-политической деятельностью. Так, в Мюнхене на радиостанции «Свобода» долгое время работал, а затем и возглавлял казахскую редакцию Хасен Оралтай.

По сведениям исследователя Абдулуахапа Кара, казахи в ФРГ проживают в: Мюнхене — 60 семей или 300 человек, Кельне — 90 или 450, Гамбурге — 4 или 20, Западном Берлине — 20 или 100, Хайдельберге — 1

или 5, Майнце — 2 или 10, Франкфурте-на-Майне — 1 или 5. Итого: 178 семей или 890 казахов.

В ФРГ было организовано два казахских общества в Мюнхене и Кельне для проведения культурно-образовательных мероприятий среди подрастающей казахской молодежи. Неактивная деятельность данных обществ в ФРГ объясняется отсутствием практического опыта в ведении дел и скоординированных действий.

Одним из самых злободневных вопросов казахской диаспоры в ФРГ является языковая проблема. В основном, казахи в семьях говорят на турецком языке, дети — чаще всего на немецком.

Думается, что отличительной чертой казахов, проживающих в ФРГ, является наличие более высокого образовательного уровня и социального статуса, так как первое поколение казахских иммигрантов сумело дать прекрасное образование своим детям, которые сейчас работают юристами, стоматологами, инженерами. В семейных отношениях казахи ФРГ отличаются большим консерватизмом, чем, например, во Франции. Стараются привозить невест из казахских семей, проживающих в Турции. Часты браки на турчанках, и практически не имеют места браки с нетюрскими народами. Среди представителей казахской диаспоры, проживающих в ФРГ, следует назвать Абдрахмана Четина, Хасена Оралтая, Арыстана Тосуна, Шарипа Наймана, Алихана Жаналтая, Мухабая Энгина, преподающего в одном из вузов страны, инженера Мутелла Пынара, бизнесменов Каби Сумера, Насыра Жаналтая, Фазыла Кая и других.

Казахи в Соединенных Штатах Америки. Соединенные Штаты Америки справедливо называют страной мигрантов, так как в истории народонаселения этого государства миграции играли и играют первостепенную роль.

В Соединенные Штаты Америки казахи начали эмигрировать после Второй мировой войны. В основном, казахское население в США можно разделить на несколько групп: 1) бывшие граждане СССР, во время Второй мировой войны попавшие в плен и содержавшиеся в концентрационных лагерях на территории Германии, освобожденные союзническими войсками и после проверок отправленные на место жительства в Турцию по их собственной просьбе, а затем из Турции иммигрировавшие в Штаты, где на сегодняшний день проживают их второе и третье поколения; 2) казахи из Турции, являвшиеся составной частью турецкой трудовой иммиграции, получившие работу, а после пяти лет постоянного (безвыездного) пребывания в стране и статус граждан США; 3) казахи из КНР, приезжающие в США через Японию, Тайвань, пересекающие Тихий океан, остающиеся на учебу или работу на Тихоокеанском побережье, а затем получающие возможность жизнедеятельности в стране; 4) казахи из Республики Казахстан, приезжающие на учебу или работу и 5) получившие гражданство вследствие межэтнических браков с гражданами США.

США как мультикультурная и полиэтническая страна стала привлекать внимание казахских мигрантов только с середины 1960-х гг., после либерализации иммиграционных законов 1965 г. Сведения о ко-

личестве переехавших казахов приводятся только в статье А. Беннигсена «Туркестанцы», помещенной в «Гарвардской энциклопедии американских этнических групп», в которой написано: «Туркестанское сообщество в США насчитывает около 150 семей. Больше 100 семей насчитывают узбеки, 20 — казахи, 10 — таджики, 6 — уйгуры, и по две семьи кыргызов, туркмен и каракалпаков».¹⁶² Из этих 20 семей, по сведениям, собранным автором при личных встречах с ветеранами войны осенью 1994 г. в США, 13 были семьями бывших военнопленных вермахта,¹⁶³ переехавших в эту страну в середине 1960-х гг. и обосновавшихся в метрополии Нью-Йорка, Вашингтона (округ Колумбия) и в штате Калифорния. Выбор данных областей расселения мотивировался следующими показателями: 1) возможность получения работы; 2) наличие представителей их этнической группы, уже проживающих там; 3) климатические условия, имеющие хотя бы отдаленное сходство со страной происхождения и 4) наличие высших учебных заведений.

У казахов США наблюдаются моноэтнические и межэтнические браки. Например, Мухтар Карабай женат на крымской татарке, его дочь вышла замуж за крымского татарина. Кунтуган Байзелбек женат на этнической немке. Данные полиэтнические браки стали возможными из-за отсутствия в свое время казахов и казашек в Турции во второй половине 1940-х гг. и в США — до 1991 г., а также сильными и хорошо развитыми общетюркскими традициями в среде диаспоры крымских татар в Америке. В отличие от старшего поколения казахская молодежь старается найти себе спутника жизни из казахской среды, в чем проявляется стратегия на сохранение этнической идентичности.

Казахи в США, вследствие малочисленности и отсутствия влияния на все сферы жизнедеятельности американского общества, в отличие от представителей других диаспор, не имеют даже своего общества, где они могли бы совместно решать насущные проблемы. Для американских казахов так же характерна разобщенность, как, например, и для британских.

Казахи в Великобритании. Следствием правовых мероприятий британской иммиграционной политики 1960—1990-х гг. явилась малочисленность представителей казахской диаспоры на берегах Туманного Альбиона. В Великобритании казахи проживают, в основном, в Лондоне и Рединге, что обусловлено их профессиональной ориентацией и сферой деятельности. Так, например, Бешир Жаналтай и его жена Хаджима получили высшее образование на Тайване, в составе 26 молодых людей из Турции, которые были приглашены правительством Чан Кай-ши, начиная с 1971 г.¹⁶⁴ После окончания университета «Джинда» Бешир Жаналтай был приглашен на работу в редакцию BBC World Service в Лондон, где проработал около двенадцати лет. Он проживает с семьей в городе Рединг (Великобритания), где находится одна из редакций BBC.

Марат Бисенгалиев — скрипач-виртуоз, известный всему миру, также проживает в Великобритании и руководит собственной школой, в которой обучаются одаренные молодые скрипачи со всего мира.

Трех сестер Накипбековых на Западе лучше знают как трио сестер Бековых, исполняющих не только шедевры мировой музыкальной клас-

сики, но и произведения современных, в том числе и казахстанских композиторов, чьи концерты проходят в лучших залах Лондона с аншлагами, чему автор сама была свидетелем.

Абдусселама Саваш во время турецкой трудовой иммиграции в страны Западной Европы приехал в Лондон в 1979 г. со своим старшим братом из Турции, где до сих пор проживают его родители. Не имея высшего образования, он работал в различных кафе и небольших ресторанах Лондона, что позволило ему в 1992 г. стать совладельцем ресторана «Poppins». В настоящий момент Абдусселама Саваш является председателем казахского общества в Великобритании. Дети обучаются в школе и колледже, говорят по-турецки, по-английски и немного по-казахски.

Представители казахской диаспоры в Великобритании предпочитают моноэтнический брак и для них характерен привоз своих семей в страну проживания. Поэтому очень важно для них не потерять этнические корни и приобщать своих детей к изучению казахского языка и традиций казахского народа.

К сожалению, отличительной чертой казахской общины в Великобритании является ее сильная разобщенность, до сих пор не налажены тесные связи между казахами, прибывшими из КНР, Турции и Казахстана. По данным, зафиксированным казахским обществом, в Лондоне проживают 65 представителей казахской диаспоры, выходцы из Турции. В это число не включены казахи, прибывшие из КНР, Казахстана и других стран мира.

Казахи в Швеции. В середине 1960-х гг. турецкие рабочие начали трудовую иммиграцию в скандинавские страны, среди которых предпочтение отдавалось Швеции. В 1981 г. шведский этнолог Ингвар Сванберг напечатал статью в журнале «Nord Nytt»,¹⁶⁵ посвященную казахским рабочим, проживавшим в Швеции, и которых он попытался сравнить с казахской общиной в Западном Берлине. В ней, в частности, И. Сванберг вкратце описал миграционные пути казахов, приведших их в столь далекую от их Родины страну. Но, в основном, данная работа была посвящена исследованию этнографических проблем этой небольшой этнической группы, пытавшейся сохранить отдельные традиции своего этноса.

Швеция, как и Германия, открыла свое бюро по найму в Турции. Часть казахов через это бюро, часть напрямую из ФРГ переехали в Швецию в середине 1960-х гг. Бюро выплачивало казахам 7000 турецких лир на дорогу Стамбул — Стокгольм. Из Стокгольма они направлялись в Корснес-Магма и Евле, где получили работу. По данным И. Сванберга, в 1967 г. в Швецию переехало 5—6 семей казахов, за которыми вскоре последовала целая цепь миграций, основанных на родственных отношениях, что очень характерно для казахской трудовой иммиграции. Небольшая группа казахов работала в шведской компании Джeneral Электрик (АСЕА) в Вастерасе.¹⁶⁶ До сих пор несколько семей казахов работают в Вастерасе на заводе, изготавливающем кабели для электронного оборудования и производства.

Согласно сведениям, полученным от казахских информаторов, в настоящий момент в Швеции проживают около 30 семей казахов, в ос-

новном, выходцы из Турции. Они проживают в Стокгольме, Евле, Вастерасе, Гетеборге. Практически, с первой волной казахской иммиграции в Швецию приехал Чингизхан Аксакал, затем перевезший туда свою семью из Стамбула. Он по праву считается одним из аксакалов шведских казахов. В последнее время их число пополняется за счет прибывших казахов, вступивших в брак с гражданами этой страны.

Итак, большая часть казахов, проживающих в странах Западной Европы и США, являются служащими в государственных учреждениях или имеют свой бизнес, владеют одним или несколькими иностранными языками, имеют высшее образование, полученное в колледжах и университетах Китая, Тайваня, Турции, Франции, США и т.д.¹⁶⁷

При накоплении определенной суммы казахи начали открывать свои собственные (или на паритетных началах) предприятия, в основном, мелкого или среднего бизнеса. Так происходило зарождение и развитие этнического бизнеса у казахских иммигрантов, который, безусловно, сыграл роль адаптера к новым условиям трудовой деятельности. Предприятия этнического бизнеса позволяли сохранять этническую самобытность иммигрантов, как на бытовом, так и на производственном уровнях. Казахи, в основном, занимались и открывали предприятия мелкого и среднего бизнеса по обработке кож и пошиву кожаных изделий. Кое-кто из них открывал небольшие кафе, в которых готовились национальные или восточные, чаще всего турецкие блюда. Такие небольшие кафе и рестораны пользовались и пользуются огромным спросом не только у выходцев из Турции, но и у местных жителей в стране проживания.

Следует отметить, что те казахские трудовые иммигранты, которые в 1960–1980-е гг. переехали в страны Западной Европы и Северной Америки, в отличие от турецких реэмигрантов, остаются в странах-донорах, получают гражданство или вид на жительство, а в Турцию приезжают лишь в период отпусков, на отдых. Думается, это еще одно подтверждение прекрасной адаптационной способности бывших кочевников, ставших волею судьбы рабочими и ремесленниками, а затем клерками в общественных учреждениях, банках, гостиничных комплексах, а кое-кто и совладельцами или владельцами предприятий малого и среднего бизнеса. Чтобы не быть голословной, хочется назвать некоторых представителей казахской диаспоры — бизнесменов, успешно функционирующих в экономике страны проживания, таких как Кадыр Карабай (США), Абдуссалам Саваш (Великобритания), Насыр Жаналтай (Турция), Мамет Зенгин (Франция), Каби Сумер, Фазыл Кая (ФРГ), Рахметбек Гогче (Сингапур, Южная Корея, Турция) и многие другие.

Особенностью, характерной для казахских общин за рубежом, в основном, до 1991 г., являлось отсутствие объединенных организаций и устройства казахских обществ, которое может быть объяснено, во-первых, их малочисленностью, что приводило, во-вторых, к вступлению казахов в объединения и этнические организации турецких ассоциаций. Поэтому не было особой необходимости для создания казахских центров, в которых они могли работать для улучшения своего социально-экономического положения и политико-правового статуса в стране про-

живания и пытаться привить молодому поколению лучшие традиции казахской культуры, далее развивая их в инонациональной среде, где они проживают.

Ситуация изменилась после провозглашения суверенитета и независимости Республики Казахстан, что вызывает у всех казахов, проживающих в мире, огромную гордость из-за принадлежности к казахскому этносу. Именно начиная с 1990-х гг., после возникновения на карте мира Республики Казахстан, развитие которой идет семимильными шагами, давая возможность в скором будущем войти в число наиболее конкурентноспособных государств мира, стало отправной точкой в деле создания казахских обществ в разных странах мира. Эти общества в настоящий момент пытаются чаще встречаться, организовывать совместные культурные и спортивные мероприятия, в чем проявляется стратегия казахской диаспоры — сохранить этническую идентичность.

¹ Modern Diasporas in International Politics. Edited by Gabriel Sheffer. — London & Sydney, 1986. — С. 3.

² Полевые материалы, собранные автором во время научной командировки в Турцию в октябре — ноябре 1996 г.

³ Казахская ССР. М., 1941. (Общее описание Казахской ССР), с. 90.

⁴ Всесоюзная перепись населения 1939 г. Основные итоги. М., 1992, с. 73.

⁵ Центральный Государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК), ф. 698, оп. 4, д. 932, лл. 8, 13, 30, 40, 57; ф. 698, оп. 14, д. 455, лл. 2, 6—7.

⁶ Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. СССР. М., 1962, с. 206.

⁷ Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. М., 1973. Т. 4. Национальный состав населения СССР, с. 13.

⁸ Численность и состав населения СССР (по данным Всесоюзной переписи населения 1979 г.). М., 1984, с. 139.

⁹ Мендикулова Г.М. Казахская диаспора: история и современность. — Алматы: Реиз, 2006. — 342 с.; Мендикулова Г.М. Казахская ирредента в России (история и современность) // Евразийское сообщество. 1995. № 8, с. 70-80.

¹⁰ Всесоюзная перепись населения 1939 г. Основные итоги. М., 1992, с. 59.

¹¹ Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. СССР. М., 1962, с. 202—204.

¹² Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. М., 1973. Т. 4. Национальный состав населения СССР, с. 12.

¹³ Численность и состав населения СССР (по данным Всесоюзной переписи населения 1979 г.). М., 1984, с. 139.

¹⁴ Более подробно об этом см.: Столыпин П.А. Нам нужна великая Россия...: Полн. собр. речей в Государственной думе и Государственном совете. 1906—1911 гг. М.: Мол. гвардия, 1991. 411[5] с. (86-96).

¹⁵ Бекмаханова Н.Е. Многонациональное население Казахстана и Киргизии в эпоху капитализма. М.: Наука, 1986. 243 с. (159).

¹⁶ Demko, G.J. The Russian Colonization of Kazakhstan, 1866-1917. — Bloomington IN, 1969. Mouton and Co., The Hague, The Netherlands. — Vol. 99. — 271, с. 121—122.

¹⁷ Сборник статистико-экономических сведений за 1901—1922 гг., сельское хозяйство России в XX веке. М., 1923, с. 48—51; Итоги переселенческого движения за время с 1896 по 1909 гг. СПб., 1910, с. 48—53; Итоги переселенческого движения за время с 1910 по 1914 гг. СПб., 1916, с. 48—53 и др.

¹⁸ Шарова П.Н. Переселенческая политика царизма в Средней Азии // Исторические записки. Кн. 8. 1940. — С. 3—36 (36).

- ¹⁹ Казак елі. — Маусымның 21-і, 1996, — 25 (49). — С. 2.
- ²⁰ Benson L. & Svanberg I. The Kazakhs of China: Essays on an Ethnic Minority. — Uppsala: Ubsaliensis S. Academiae; Stockholm: Distributor, Almqvist & Wiksell International, 1988. — 250 p. (114).
- ²¹ Более подробно об этом см.: Талипов К.Т. Социально-экономическое положение коренного населения Восточного Туркестана после Синьхайской революции // Исследования по уйгуроведению. Алматы, 1999, с. 99-109.
- ²² Российский Государственный Военно-исторический архив (РГВИА), ф. Главный штаб. Азиатская часть, 1917 г., д. 26. л. 18-34.
- ²³ Восстание 1916 года в Казахстане. Документы и материалы. — Алма-Ата: Издательство АН КазССР, 1947. — 213 с. (140).
- ²⁴ РГВИА, ф. Главный штаб. Азиатская часть, 1917 г., д. 26. л. 30-34.
- ²⁵ Синяя книга. Сборник тайных документов, извлеченных НКВД из Архива бывшего МИД. М., 1918, с. 91.
- ²⁶ История КазССР в 2-х томах. Т. 1, с. 578.
- ²⁷ Yang Richard. Sinkiang under the Administration of Governor Yang Tseng-hsin, 1911-1928 // Central Asiatic Journal, 6, 1961, 1-4, 270- 316 (305).
- ²⁸ Данные, извлеченные из «Касакэззу цзянши» (Краткая история казахов). — Урумчи, 1987 — С. 223, приводятся в монографии: Сыроежкин К.Л. Казахи в КНР: очерки социально-экономического и культурного развития. Алматы: Институт развития Казахстана, 1994. — 118 с. (7).
- ²⁹ Yang Richard. Sinkiang under the Administration of Governor Yang Tseng-hsin, 1911-1928, с. 306.
- ³⁰ Lattimore Owen. Pivot of Asia. Sinkiang and the Inner Asian Frontiers of China and Russia. — Boston, 1950. — 288 с. (55).
- ³¹ Центральный Государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК), ф. Семипалатинское областное правление, оп. 2, д. 16921, л. 158.
- ³² Yang Richard. Sinkiang under the Administration of Governor Yang Tseng-hsin, 1911-1928, с. 308.
- ³³ Lias Godfrey. Kazak Exodus. — London, 1956. — 230 p. (61).
- ³⁴ Public Record Office (PRO). Files of the British Foreign Office (FO). Foreign Office General Correspondence Since 1906: Political FO. 371. (Великобритания, Лондон). PRO. FO. 371/5318 — F 1867/24/10: Kashgar Diary. May 20.
- ³⁵ История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней. В 5-ти томах. Алма-Ата: Наука, 1977. — Т. 4. 639 с. 176.
- ³⁶ Чокаев Мустафа. Туркестан под властью Советов. Алма-Ата: Ғылым, 1993. 79 с.; Мұстафа Шоқай Мария Шоқай естеліктер. — Istanbul: Turk Dunyasi Arastirmalari Vakfi, 1997. — 271 с. (С. 86); Қара А. Мұстафа Шоқай. — Алматы: Арыс, 2004. — 317 с.; Чокай М. Я пишу Вам из Ножана... Алматы: Кайнар, 2001. 208 с.; Есмағамбетов К.Л. Әлем таныған тұлға. — Алматы, 2008. — 504 б.
- ³⁷ Яш Туркестан. Сборник к 60-летию со дня рождения Мустафы Чокая. — Париж: Издательство Madame Tchokay. 7, sq. de la Fontaine, Nogent sur Marne (Seine), 1949-1950. — 33 с. (22).
- ³⁸ Чокаев Мустафа. Туркестан под властью Советов; Chokayev Mustafa. The Basmachi Movement in Turkestan // Asiatic Review, 1928, № 24, pp. 273-288.
- ³⁹ Чокай Мустафа. Туркестан // Яш Туркестан. Сборник к 60-летию со дня рождения Мустафы Чокая, с. 9-17.
- ⁴⁰ Hostler, Ch.W. Turkism and the Soviets. (The Turks of the World and Their Political Objectives). — London, 1957. — 244 p. (177-178); Kafum-Khan, Veli. Recollection of the Last Years of Mustafa Chokai // Millij Turkistan, № 70-71 B., March, 1951, p. 21.
- ⁴¹ Козыбаев М.К., Абылхожин Ж.Б., Алдажуманов К.С. Коллективизация в Казахстане: трагедия крестьянства. Алма-Ата, 1992, 35 с.
- ⁴² ЦГА РК, ф. 44, оп. 14, д. 549, л. 63-82.
- ⁴³ Под грифом секретности. Откочевки казахов в Китай в период коллективизации. Резмиграция. 1928-1957 гг. Сборник документов. Усть-Каменогорск, 1998 г. — 100 с. (14).

- ⁴⁴ Под грифом секретности. Откочевки казахов в Китай в период коллективизации. Реэмиграция. 1928–1957 гг. С. 23–24.
- ⁴⁵ ЦГА РК, ф. 1179, оп. 1, д. 17, л. 32.
- ⁴⁶ Козыбаев М.К. История и современность. — Алма-Ата: Ғылым, 1991. — 254 с.
- ⁴⁷ Козыбаев М.К. Там же, с. 226.
- ⁴⁸ Козыбаев М.К., Абылхожин Ж.Б., Алдажуманов К.С. Коллективизация в Казахстане: трагедия крестьянства, с. 30.
- ⁴⁹ Jarring Gunnar. On the Distribution of Turk Tribes in Afghanistan (Lunds Universitets Arsskrift 35:4). — Lund, 1939. — 104 p. (69).
- ⁵⁰ Moorcroft W. and Trebeck G.W. Travels in the Himalayan Provinces of Hindustan and the Penjab from 1819 to 1825. — Oxford University Press. — Vol. 2. — 504 c. (500).
- ⁵¹ Schurmann Franz. The Mongols of Afghanistan: an Ethnography of the Mongols and Related Peoples of Afghanistan. — Gravenhage, Mouton, 1962. (Central Asiatic Studies, 4). — 435 p. (106–108).
- ⁵² Там же, с. 107.
- ⁵³ Там же, с. 94.
- ⁵⁴ Там же, с. 108.
- ⁵⁵ Современный Афганистан. М.: Издательство восточной литературы, 1960, 502 с. (39).
- ⁵⁶ Penrose G.L. Kazakh // Muslim Peoples. A World Ethnographic Survey. — Westport, CO. 1978. — С. 210–212 (210).
- ⁵⁷ Ethnicity, Minorities and Cultural Encounters. — Uppsala: Center for Multiethnic Research, Uppsala University, 1991. — 143 с. (85); Andrews Peter Alford. Ethnic Groups in the Republic of Turkey — Wiesbaden: Reichert, 1989. — 659 p. (81).
- ⁵⁸ Полевые материалы автора, собранные в Турции в 1996, 2007, 2008 гг.
- ⁵⁹ Hostler Ch. Turkism and the Soviets. — С. 81.
- ⁶⁰ Ethnicity, Minorities and Cultural Encounters. — С. 85.
- ⁶¹ Аманжол И. Казахи «ядерного» Ирана // Литер, 2005. 24 августа, с. 5.
- ⁶² Более подробно см.: Li Chang. The Soviet Grip on Sinkiang // Foreign Affairs, 1954, № 32 (April). pp. 491–503.
- ⁶³ Forbes Andrew D.W. Warlords and Muslims in Chinese Central Asia: a Political History of Republican Sinkiang 1911–1949. — Cambridge, New York, 1986. — 376 с. (98).
- ⁶⁴ PRO. FO. 371/17113-F. 1063/466/10: Letter from Mr. W.E. Allen, Salzburg, 3.2.1932. p. 136b.
- ⁶⁵ Бармин В.А. Советский Союз и Синьцзян 1918–1941 гг. (Региональный фактор во внешней политике Советского Союза). — Барнаул, 1998. — 190 с. (81–82).
- ⁶⁶ Более подробно об этом см.: Мендикулова Г.М. Казахская диаспора: история и современность. — Алматы: Реиз, 2006. — 342 с.; Мендикулова Г.М. Исторические судьбы казахской диаспоры. Происхождение и развитие. С. 222–224; Бармин В.А. Советский Союз и Синьцзян 1918–1941 гг. (Региональный фактор во внешней политике Советского Союза). С. 112–114.
- ⁶⁷ Hostler Ch. Turkism and the Soviets. — С. 76; Li Chang. The Soviet Grip on Sinkiang. — С. 493.
- ⁶⁸ Об этом более подробно см. в следующем подразделе.
- ⁶⁹ Абишев Г. Казахстан в Великой Отечественной войне. Алма-Ата, 1958; Козыбаев М.К. Казахстан — арсенал фронта. Алма-Ата, 1970; Козыбаев М.К. История и современность. — Алма-Ата: Ғылым, 1991; Казахстан в Великой Отечественной войне. Очерки. Вып. I. Алма-Ата, 1968; Вып. II. 1974; Белан П.С. Казахстанцы в боях за Ленинград — Алма-Ата, 1973; и другие.
- ⁷⁰ Тәтімов Мақаш. Казак әлемі. Алматы: Казакстан — Атамұра, 1993. — 160 б. (4).
- ⁷¹ Как известно, СССР не подписал Гаагскую Конвенцию (1907 г.) в отношении военнопленных, поэтому советские военнопленные содержались в нечеловеческих условиях, без медицинской помощи, в антисанитарных условиях, подвергались как моральному, так и физическому унижению и уничтожению.
- ⁷² Шәкібаев С. Үлкен Түркстанның күйреуі. Алматы: Жазушы, 1968; Шакибаев С. Падение «Большого Туркестана». Алма-Ата, 1972; Белан П.С. Правда о «Грос-

туркестане» и «Туркестанском легионе» // История Казахстана: белые пятна. Алматы, 1991; Садыкова Б. История Туркестанского легиона в документах. Алматы, 2002.

⁷³ Б. Садыкова, опираясь на документ «Первый экземпляр приказа ОКВ (Верховного главнокомандования вооруженными силами Германии) относительно состава Туркестанского и Кавказско-магометанского легионов из числа советских военнопленных» (РА, 965), называет другую дату – 22 декабря 1941 г. См.: Садыкова Б. История Туркестанского легиона в документах. С. 70, 156–157.

⁷⁴ Hostler Ch. Turkism and the Soviets. – С. 178.

⁷⁵ Шәкібаев С. Үлкен Түркстанның күйреуі. – С. 54, 61.

⁷⁶ Яш Туркестан. Сборник к 60-летию со дня рождения Мустафы Чокая. С. 5.

⁷⁷ Хайым Б. Түркістан II дүниежүзілік соғыс жылдарында (1939–1945) // Казак елі. – Мамырдың 30-ы, 1997. – С. 5.

⁷⁸ Hostler Ch. W. Turkism and the Soviets. – С. 178–179; Шәкібаев С. Үлкен Түркстанның күйреуі. – С. 92.

⁷⁹ Мюлен П. фон Цюр. Между свастикой и советской звездой // Чокай М. Я пишу Вам из Ножана... – С. 197.

⁸⁰ Садыкова Б. История Туркестанского легиона в документах. – С. 84.

⁸¹ Казак елі – Мамырдың 30-ы, 1997. С. 5.

⁸² Мендикулова Г.М. Международный симпозиум «Казахская диаспора: проблемы и перспективы» // Вестник Министерства науки, Академии наук Республики Казахстан, Алматы, 1996. № 2. – С. 75–78 (77).

⁸³ Казак елі. – Мамырдың 30-ы, 1997. – С. 5; Алдажұманов К. Қазақстанда кенестік дәуірді зерттеу // Казак тарихы, 2004. – № 2. – С. 22–25.

⁸⁴ Достаточно привести пример, как 130 легионеров 6 сентября 1943 г. под командованием Турамысова перешли на сторону Красной Армии. Такие побег легионеров на советскую сторону или в партизанские отряды были распространены. См.: Шәкібаев С. Үлкен Түркстанның күйреуі. – С. 116 и другие.

⁸⁵ Об этом более подробно см.: Шәкібаев С. Үлкен Түркстанның күйреуі.

⁸⁶ Алдажұманов К. Қазақстанда кенестік дәуірді зерттеу. – С. 25.

⁸⁷ Мендикулова Г.М. А война отняла Родину... // Вечерний Алматы, 1995. 31 мая. № 75. – С. 2; Иманбайұлы Тлеген. Америка асқан Ата Бек // Жалын. 1996. № 5–6. – С. 58–81.

⁸⁸ Мендикулова Г.М. А война отняла Родину... – С. 2; Ghayur M. Muslims in the United States: Settlers and Visitors // America as a Multicultural Society. – Philadelphia: American Academy of Political and Social Science, 1981. – С. 150–163.

⁸⁹ Атамұра. Столичное обозрение, 25 мая 1995 г. – С. 5.

⁹⁰ Шәкібаев С. Үлкен Түркстанның күйреуі. – С. 232.

⁹¹ Казак елі. – Мамырдың 13-і, 1996. – С. 2.

⁹² Садыкова Б. История Туркестанского легиона в документах. – С. 196–221.

⁹³ Казак елі. – Мамырдың 13-і, 1996. – С. 2.

⁹⁴ Садыкова Б. История Туркестанского легиона в документах. – С. 83.

⁹⁵ Benson Linda. The Ili Rebellion: the Muslem Challenge to Chinese Authority in Xinjiang, 1944–1949. – Armonk, New York: M.E. Sharpe, 1990. – 265 с.

⁹⁶ McLean, N. L. D. The Much-Courted Kazaks// The Geographical Magazine. Vol. 21 (1948). pp. 257–263 (263).

⁹⁷ Benson L. & Svanberg I. The Kazakhs in China. – С. 1.

⁹⁸ Lattimore O. Pivot of Asia. – С. 54–55.; Lias, Godfrey. Kazak Exodus. – С. 71–126.

⁹⁹ PRO. FO. 371/101142. Entry of Kazakh Refugees from Tibet into Kashmir; Resettlement of 102 Kazakhs in Turkey; more Kazakhs from Srinagar and India Destined for Turkey (1952). Extract from Government of India «Tibetan Precip» (For Official Use Only) by H.E. Richardson of Indian Political Service 1945. The Kazak Migration. 1936–1942. – Л. 1; Benson Linda. The Ili Rebellion. – С. 27, 211; Жанаатай Дәлелхан. Қылы заман – қиын күндер. – Алматы: Дүниежүзі қазақтардың қауымдастығы, 2000. – 160 б. (36); Из материалов и интервью казахских респондентов, собранных автором во время

- командировки в Турцию в 1996, 2007, 2008 гг.; *Altay Halife. Anayurttan Anadolu'ya.* — Istanbul. 1981. — 480 p. (288-296).
- ¹⁰⁰ PRO. FO. 371/92897. Reports of the Escape of a Party of Kazakh-Russians from Sinkiang to India and the Repercussions in China (1951). Survivors of Kazakh Tribe Write to Chairman Mao. Sian, Nov., 28.
- ¹⁰¹ *Altay Halife. Anayurttan Anadolu'ya.* — С. 310.
- ¹⁰² *Oraltay Hasan. Kazak Turkleri.* — Istanbul, 1976. — 285 p. (93).
- ¹⁰³ Из интервью с Халифой Алтаем 16. 07. 1997 г. в г. Алматы.
- ¹⁰⁴ Данную информацию подтвердил автору Далелхан Жаналтай во время интервью, данного им 11.03. 2006 г. в поселке Раимбек Алматинской области.
- ¹⁰⁵ *Altay Halife. Anayurttan Anadolu'ya.* — С. 344.
- ¹⁰⁶ PRO. FO. 371/101142. Entry of Kazakh Refugees from Tibet into Kashmir; Resettlement of 102 Kazakhs in Turkey; more Kazakhs from Srinagar and India Destined for Turkey (1952). Extract from Government of India «Tibetan Precise» (For Official Use Only) by H.E. Richardson of Indian Political Service 1945. The Kazak Migration. 1936-1942. — Л. 1; *Altay Halife. Anayurttan Anadolu'ya.* — С. 348-349.
- ¹⁰⁷ *Altay Halife. Anayurttan Anadolu'ya.* — С. 353.
- ¹⁰⁸ PRO. FO. 371/101142. Entry of Kazakh Refugees from Tibet into Kashmir; Resettlement of 102 Kazakhs in Turkey; more Kazakhs from Srinagar and India Destined for Turkey (1952). Extract from Government of India «Tibetan Precise» (For Official Use Only) by H.E. Richardson of Indian Political Service 1945. The Kazak Migration. 1936-1942. — Л. 1.
- ¹⁰⁹ *Altay Halife. Anayurttan Anadolu'ya.* — С. 359.
- ¹¹⁰ PRO. FO. 371/101142. Entry of Kazakh Refugees from Tibet into Kashmir; Resettlement of 102 Kazakhs in Turkey; more Kazakhs from Srinagar and India Destined for Turkey (1952). Extract from Government of India «Tibetan Precise» (For Official Use Only) by H.E. Richardson of Indian Political Service 1945. The Kazak Migration. 1936-1942. — Л. 2.
- ¹¹¹ *Altay Halife. Anayurttan Anadolu'ya.* — С. 360-362.
- ¹¹² *Altay Halife. Anayurttan Anadolu'ya.* — С. 363-364.
- ¹¹³ *Lias Godfrey. Kazakh Exodus.* — С. 9, 10.
- ¹¹⁴ China Handbook 1937 to 1943, compiled by the Chinese Ministry of Information; *Kao Shi-Ping. Sinkiang.* — С. 168-174; *Hostler, Ch. Turkism and the Soviets.* — С. 78.
- ¹¹⁵ Сердюченко Г.П. К вопросу о классификации народов и языков Китая // Советское востоковедение. 1957. № 4. — с. 117-124 (121).
- ¹¹⁶ *Жаналтай Далелхан. Қилы заман — қиын күндер.* с. 35.
- ¹¹⁷ *McLean N. L. D. The Much-Courted Kazaks.* — С. 263; *Bray William G. Russian Frontiers: From Moscow to Khrushchev.* — Indianapolis, New York, 1963. — 273 p. (52-53).
- ¹¹⁸ *Whiting Allen S. & Sheng Shih-ts'ai. Sinkiang: Pawn or Pivot?* — s.l. Michigan State University Press, 1958. — 314 p. (255).
- ¹¹⁹ *Сладковский М.И. Знакомство с Китаем и китайцами.* — М.: Мысль, 1984. 381 с. (276).
- ¹²⁰ *Benson L. The Ili Rebellion.* с. 28.
- ¹²¹ *Бармин В.А. Синьцзян в советско-китайских отношениях 1941-1949 гг.* Барнаул, 1999, с. 37-38.
- ¹²² По другим данным, в монгольско-китайском пограничном конфликте участвовали казахи под предводительством Оспана-батыра и Далелхана Сугурбаева, которых поддерживали как монгольские, так и советские власти. После данного пограничного конфликта Оспан-батыр вернулся на Алтай. Данную информацию подтвердил мне Далелхан Жаналтай во время интервью, данного им 11.03. 2006 г. в поселке Раимбек Алматинской области.
- ¹²³ *Benson L. & Svanberg I. The Kazakhs in China; Svanberg I. Kazak Refugees in Turkey. A Study of Cultural Persistence and Social Change.* — Uppsala, 1989. — 211 p. (49).

- ¹²⁴ *Altay Halife. Anayurttan Anadolu'ya.* — с. 419.
- ¹²⁵ *McLean N.L.D. The Much-Courted Kazaks.* — с. 263.
- ¹²⁶ *Мингулов Н.Н.* Национально-освободительное движение народов Синьцзяна как составная часть общекапиталистической революции (1944–1949 годы) // Вопросы истории Казахстана и Восточного Туркестана. — Алма-Ата: Издательство АН КазССР, 1962. с. 68–102. (72).
- ¹²⁷ Данная информация приводится Линдой Бенсон, со ссылкой на файлы Американского национального архива. Однако Далелхан Жаналтай не подтверждает это.
- ¹²⁸ *Lattimore O. Pivot of Asia. Sinkiang and the Inner Asian Frontiers of China and Russia.* — с. 87.
- ¹²⁹ *Altay Halife. Anayurttan Anadolu'ya.* — с. 446; *Benson L. The Ili Rebellion.* с. 70; *Жаналтай Далелхан.* Килы заман — кийн күндер. с. 60.
- ¹³⁰ *Benson L. The Ili Rebellion.* — с. 74; *Altay Halife. Anayurttan Anadolu'ya.* с. 449–450.
- ¹³¹ *Altay Halife. Anayurttan Anadolu'ya.* — с. 449–450; *Benson L. The Ili Rebellion.* — с. 161.
- ¹³² *Altay Halife. Anayurttan Anadolu'ya.* с. 449; Из интервью с Далелханом Жаналтаем в Стамбуле в октябре 1996 г.; *Benson L. The Ili Rebellion.* с. 161; *Жаналтай Далелхан.* Килы заман — кийн күндер. с. 74.
- ¹³³ *Forbes, Andrew D.W. Warlords and Muslims in Chinese Central Asia: a Political History of Republican Sinkiang 1911–1949.* с. 240.
- ¹³⁴ *Laird Thomas. Into Tibet. The CIA's First Atomic Spy and His Secret Expedition to Lhasa.* New York, 2002. 364 p. (44).
- ¹³⁵ *Altay Halife. Anayurttan Anadolu'ya.* с. 456; *Жаналтай Далелхан.* Килы заман — кийн күндер. с. 85–86.
- ¹³⁶ *Lias, Godfrey. Kazak Exodus.* — С. 172; *Жаналтай Далелхан.* Килы заман — кийн күндер. с. 90.
- ¹³⁷ *Clark Milton J. How the Kazakhs Fled to Freedom* // *National Geographic Magazine*, 1954, № 106. pp. 621–644 (622).
- ¹³⁸ *Altay Halife. Anayurttan Anadolu'ya.* с. 375–376.
- ¹³⁹ *Altay Halife. Anayurttan Anadolu'ya.* с. 381–382; *Zafer Selvi, Mansur Teyci, Abduvahap Kara. Kazakların Dogu Turkistan'dan Anadolu'ya Gocu ve Osman Tastan. Kazak Turkleri Vakfi Yayini.* Istanbul, 1996. 62 с. (55); Документы из архива Мансура Тайджи (Турция).
- ¹⁴⁰ *Altay Halife. Anayurttan Anadolu'ya.* с. 387–388.
- ¹⁴¹ *Avrupa Kazak Turkleri Bulteni*, 1993, № 1. с. 1.
- ¹⁴² PRO. FO. 371/101142. Entry of Kazakh Refugees from Tibet into Kashmir; Resettlement of 102 Kazakhs in Turkey; More Kazakhs from Srinagar and India Destined for Turkey (1952) FL 1821/3; Sinkiang Refugees Leave Kashmir. New Homes in Turkey.
- ¹⁴³ UN Archive and Library (UNA&L) — Архив и библиотека ООН (США, Нью-Йорк). UNA&L. UNHCR. A/2648/ Add. 1. Financial Report of the United Nations High Commissioner for Refugees and Accounts for the period 1 March 1952 to 31 December 1953 and Report of the Board of Auditors. — с. 10; UNA&L. UNHCR. A/2126 and Addendum. The UNHCR Report to General Assembly. — с. 19; PRO. FO. 371/101142. Entry of Kazakh Refugees from Tibet into Kashmir; Resettlement of 102 Kazakhs in Turkey; More Kazakhs from Srinagar and India Destined for Turkey (1952) FL 1821/3; Sinkiang Refugees Leave Kashmir. New Homes in Turkey; *Lias, Godfrey. Kazak Exodus.* — с. 226.
- ¹⁴⁴ *Svanberg I. Kazak Refugees in Turkey.* с. 22.
- ¹⁴⁵ *Andrews P.A. Ethnic Groups in the Republic of Turkey.* с. 594.
- ¹⁴⁶ *Svanberg I. Kazak Refugees in Turkey.* с. 83.
- ¹⁴⁷ *Adatepe Galip. Settlement Measures Taken in Turkey and Improvements made in that Field* // *Integration*, 1959, 6:3, 190–197; *Svanberg, I. Kazak Refugees in Turkey.* с. 97.
- ¹⁴⁸ *Gayretullah H. Altaylarda Kanli Gunler.* Istanbul, 1977. 345 p. (152); *Andrews, P.A. Ethnic Groups in the Republic of Turkey.* с. 594.
- ¹⁴⁹ *Gayretullah H. Altaylarda Kanli Gunler.* с. 152; *Svanberg I. Kazak Refugees in Turkey.* с. 97.

- ¹⁵⁰ *Lias Godfrey. Kazak Exodus.* с. 14.
- ¹⁵¹ *Lias Godfrey. Kazak Exodus.* с. 16.
- ¹⁵² *Svanberg I. Kazak Refugees in Turkey.* с. 109.
- ¹⁵³ По материалам, собранным автором в Турции в октябре 1996 г.
- ¹⁵⁴ *Казахская диаспора: Проблемы этнического выживания.* с. 157–159.
- ¹⁵⁵ *Andrews, Peter Alford. Ethnic Groups in the Republic of Turkey.* – Wiesbaden, 1989. с. 81–82, 302–304.
- ¹⁵⁶ Сведения, собранные автором во время командировок в Турцию осенью 1996 г. и скорректированные при интервьюировании казахов, проживающих там.
- ¹⁵⁷ *Жаналтай Дәлелхан. Қилы заман – қиын күндер.* с. 140–141.
- ¹⁵⁸ *Kazak Turkleri Vakfi Bulteni, Navriz (Mart), 1988, № 1.*
- ¹⁵⁹ *Жаналтай Дәлелхан. Қилы заман – қиын күндер.* с. 137.
- ¹⁶⁰ *Мендикулова Г.М. Международный симпозиум «Казахская диаспора: проблемы и перспективы».* с. 77.
- ¹⁶¹ *Svanberg I. Kazak Refugees in Turkey.* – С. 60; *Becker C. Description of Large-Scale Migration in German Federal Republic with the Aid of Data on Centers of Population // Informationen, Bonn: Godesberg, № 22. pp. 675–692, 1970; Caught Up in Conflict: Women's Responses to Political Strife.* – Basingstoke, 1986. 246 с.
- ¹⁶² *Bennigsen Alexandre. Turkestanis // Harvard Encyclopedia of American Ethnic Groups.* – Cambridge, Mass., 1980. – с. 991–992 (991).
- ¹⁶³ *Мендикулова Г.М. А война отняла Родину.* с. 2; *Ghayur M. Muslims in the United States: Settlers and Visitors // America as a Multicultural Society.* – Philadelphia: American Academy of Political and Social Science, 1981. с. 150–163.
- ¹⁶⁴ Материалы из личных бесед и интервью автора в Турции, Казахстане и Великобритании.
- ¹⁶⁵ *Svanberg I. Kazakiska arbetare i Sverige.* с. 55–66.
- ¹⁶⁶ *Svanberg I. Kazak Refugees in Turkey.* с. 19.
- ¹⁶⁷ Автором использованы материалы интервьюирования представителей казахской диаспоры и ирреденты, собранные при личных встречах в Казахстане, США, Турции, Великобритании, ФРГ, Канаде, КНР, Норвегии, Франции и других странах.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

- 1917 г., 25 октября — Свержение временного правительства России в Петрограде. Приход к власти большевиков.
- 1917 г., конец октября — 1918 г., февраль — Установление Советской власти в Перовске, Аулие-Ате, Чимкенте, Оренбурге, Петропавловске, Урде, Павлодаре, Акмоле, Кустанае, Атбасаре и других городах Казахстана.
- 1917 г., 27 ноября — IV чрезвычайный Всетуркестанский съезд. Провозглашение Туркестанской (Кокандской) автономии.
- 1917 г., 5–12 декабря — В Оренбурге состоялся II Всеказахский съезд, провозгласивший автономию Алаш и временный народный совет (правительство) Алаш-Орды.
- 1918 г., январь — Провозглашение партии «Уш жуз» во главе с М. Айтпеновым и К. Тогусовым.
- 1918 г., 3 марта — Установление Советской власти в г. Верный (Алматы).
- 1918 г., 20 марта — Переговоры Х.А. Габбасова по телеграфу из Семипалатинска от имени центрального правительства Алаш-Орды с И. Сталиным.
- 1918 г., март-апрель — Переговоры представителей Алаш-Орды Х. Досмухамедова и Ж. Досмухамедова с советским правительством о будущей автономии казахов.
- 1918 г., 20 апреля–1 мая — Чрезвычайный V краевой съезд Советов Туркестана, провозгласивший образование Туркестанской Автономной Советской Социалистической Республики в составе РСФСР, куда входили Сырдарьинская и Семиреченская области.
- 1918 г., май — Мятеж Чехословацкого корпуса, начало гражданской войны в СССР.
- 1918 г., 14 мая — Назначение А.Т. Джангильдина Совнаркомом РСФСР Чрезвычайным комиссаром Степного края.
- 1918 г., июль — Образование Актюбинского фронта.
- 1918 г., сентябрь-октябрь — Контрнаступление Красной Армии на Восточном фронте.
- 1919 г., 11 января — Введение продовольственной разверстки на хлеб.
- 1919 г., март — Приход к власти адмирала Колчака.
- 1919 г., 10 июля — Декрет СНК РСФСР «О революционном комитете по управлению Киргизским краем».
- 1919 г., октябрь-ноябрь — Окончательное поражение Колчака и Деникина, ликвидация Уральского фронта.
- 1919–1920 гг. — Открытие институтов народного образования в городах Оренбурге, Урде, Семипалатинске.
- 1919 г., 3 декабря — Декрет ЦИК Советов Туркеспублики о введении обязательного обучения среди взрослого населения.

- 1919 г., 26 декабря — Декрет Совнаркома РСФСР «О ликвидации неграмотности среди населения РСФСР».
- 1920 г. — Первая советская перепись населения.
- 1920 г. — Промышленная перепись.
- 1920 г. — Начало создания чрезвычайных комиссий по ликвидации неграмотности при местных отделах народного образования.
- 1920 г., 3–11 января — Первая советская краевая конференция в Актюбинске.
- 1920 г., январь–март — Ликвидация Уральского, Закаспийского, Семиреченского фронтов.
- 1920 г., 30 апреля — Постановление ЦК РКП(б) об организации областного бюро РКП(б) (Кироблбюро, Киробком) в Казахстане.
- 1920 г., апрель — Амнистия участникам движения Алаш и Алаш-Орды.
- 1920 г., 26 августа — Декрет ВЦИК и СНК РСФСР «Об образовании Автономной Киргизской Социалистической Советской Республики» (Казахской АССР).
- 1920 г., 4–12 октября — Учредительный съезд Советов Казахской АССР.
- 1920 г., 9 декабря — Декрет Совнаркома КазАССР об отмене куна.
- 1920 г., 28 декабря — Декрет ЦИК КазАССР об отмене калыма.
- 1921 г., 20–31 января — Съезд казахской и киргизской бедноты ТуркАССР в Аулие-Ате.
- 1921 г., 2 февраля — Декрет ЦИК КазАССР о возвращении казахским трудящимся всех земель, отлученных царской администрацией под крупные поместья дворян и помещиков, а также земель монастырских и колонизационного фонда.
- 1921 г., февраль — Начало земельно-водной реформы в Семиреченской и Сырдарьинской областях.
- 1921 г., 14 марта — Переименование города Верного в Алма-Ату.
- 1921 г., 21 марта — Постановление ВЦИК о замене продразверстки продовольственным налогом. Переход к новой экономической политике.
- 1921 г., 19 апреля — Декрет ЦИК КазАССР о возвращении земель, отчужденных царской властью в собственность Уральского (левобережная полоса р. Жаик) и Сибирского (десятиверстная полоса по р. Иртыш) казачьих войск.
- 1921 г. — Открытие первого рабфака в Казахстане (Оренбург).
- 1921 г. — Приказ Наркомпроса КазАССР об охране памятников старины.
- 1921–1922 гг. — Массовый голод в северных и северо-западных областях Казахстана.
- 1922 г., декабрь — Принятие «Основного закона о трудовом землепользовании».
- 1922 г., 30 декабря — Образование СССР.
- 1923 г., 9–12 июня — IV совещание ЦК РКП(б) с ответственными работниками национальных республик и областей.
- 1923 г. — Начало открытия школ для малограмотных.
- 1924 г., февраль — Открытие Казахстанского отделения общества «Долой неграмотность!».
- 1924 г., 12 мая — Образование двух союзных республик — Узбекской ССР и Туркменской ССР.
- 1924 г., 16 сентября — III Чрезвычайная сессия ТурЦИКА.
- 1924 г., 19 сентября — Пятый курултай Бухарских Советов.
- 1924 г., 27 сентября — II сессия ЦИК Союза ССР.

- 1924 г., 21 ноября — Положение о революционном комитете по управлению районами.
- 1924 г. — Национально-территориальное размежевание республик Средней Азии и Казахстана.
- 1924 г. — Решение о переносе столицы КазАССР из Оренбурга в Кзыл-Орду.
- 1925 г. — Образование Каракалпакской автономной области в составе КазАССР.
- 1925 г., 6 апреля — Выход Оренбургской губернии из состава Казахской АССР.
- 1925 г., 15–19 апреля — V съезд Советов Казахстана, восстановление исторически правильного наименования казахского народа.
- 1925 г., декабрь — XIV съезд ВКП(б), курс на индустриализацию Советского Союза.
- 1925 г. — Певец А. Кашаубаев выступает в этнографическом концерте на Всемирной выставке в Париже.
- 1925 г. — Назначение Ф. Голощекина первым секретарем Казкрайкома ВКП (б).
- 1926 г. — Перепись населения в КазАССР.
- 1926 г., 13 январь — Открытие первого казахского профессионального театра драмы.
- 1926 г., 20 мая — Постановление ЦИК и СНК КазАССР о переделе пахотных и сенокосных угодий.
- 1927 г., апрель — Начало строительства Туркестано-Сибирской магистрали.
- 1928 г., сентябрь — Открытие первого высшего учебного заведения Казахстана: Казахского государственного университета (ныне Казахский Национальный Педагогический Университет им. Абая).
- 1928–1932 гг. — Выполнение первого пятилетнего плана развития народного хозяйства.
- 1928 г., 27 августа — Декрет КазЦИК о конфискации скота, имущества и выселении крупных баев-полufeодалов.
- 1928 г., 20 декабря — Постановление КазЦИКа о переводе казахской письменности с арабской графики на латинскую.
- 1928 г., декабрь — 1930 г., апрель — Арест и осуждение видных деятелей движения Алаш (А.Байтурсынова, М.Дулатова, Х.Габбасова и др.).
- 1929 г., май — Перенесение столицы Казахской АССР из Кзыл-Орды в Алма-Ату.
- 1929 г., сентябрь — Открытие Алма-Атинского зооветеринарного института.
- 1930 г., январь — Организация при СНК КазАССР Комитета по оседанию кочевого и полукочевого населения.
- 1930 г., 1 февраля — Постановление ЦИК и СНК СССР «О мероприятиях по укреплению социалистического переустройства сельского хозяйства в районах сплошной коллективизации и по борьбе с кулачеством».
- 1930 г., февраль-март — Массовые крестьянские восстания и бунты в районах сплошной коллективизации.
- 1930 г., 1 мая — Открытие Турксиба.
- 1930 г., июль — Открытие Казахского сельскохозяйственного института.
- 1930 г., 27 августа — Постановление ЦИК и СНК КазАССР о введении всеобщего обязательного начального обучения.
- 1930 г. — Создание Казахского управления гражданско-воздушного флота СССР.
- 1931 г., апрель — Открытие Казахского медицинского института.
- 1931–1933 гг. — Массовый голод в Казахстане.
- 1932 — Организована Казахстанская база АН СССР.

- 1932 г., октябрь — Открытие Уральского педагогического института.
- 1933 г., февраль — Снятие Ф. Голощекина с должности первого секретаря Казкрайкома и избрание на его место Л. Мирзояна.
- 1933–1934 — Появление первых откликов о бедствиях в Казахстане в американской периодической печати.
- 1934 г., 19 января — Открытие Казахского государственного университета (ныне Казахского национального университета имени аль-Фараби).
- 1936 г. — Выселение 15 000 польских и немецких хозяйств из Украины в Казахстан и Сибирь.
- 1936 г., май — Декада казахского искусства и литературы в Москве.
- 1936 г., 5 декабря — Принятие Конституции СССР. Преобразование Казахской Автономной ССР в союзную республику.
- 1936 г., декабрь — Пленум ЦК ВКП(б), обсудивший вопрос о борьбе с троцкистами и правыми и другими контрреволюционными элементами.
- 1937 г., февраль-март — Пленум ЦК ВКП(б), продолживший обсуждение вопроса о борьбе с «врагами народа».
- 1937 г. — Депортация корейцев из Дальневосточного края.
- 1937 г., август-сентябрь — Депортация в Казахстан из приграничных районов Закавказья курдов, иранцев, персов, ассирийцев и других этнических групп.
- 1937 г. — Всесоюзная перепись населения, результаты которой аннулированы.
- 1937–1938 гг. — Массовые политические репрессии в СССР, в т.ч. в Казахстане.
- 1938 г. — Преобразование Казахской базы Академии наук СССР в Казахский филиал АН СССР.
- 1939 г. — Выходит на экран первый казахстанский художественный фильм «Амангельды».
- 1939 г. — Повторное проведение Всесоюзной переписи населения.
- 1939 г., август — Заключение советско-германского пакта.
- 1939 г., 1 сентября — Начало Второй Мировой войны.
- 1940 г., 10 ноября — Введение нового казахского алфавита на основе русской графики.
- 1941 г., 22 июня — Начало Великой Отечественной войны Советского Союза.
- 1941 г., 30 июня — Создание Государственного Комитета Обороны СССР.
- 1941 г., 27 августа — Ликвидация Автономной Республики Немцев Поволжья и начало депортации немецкого населения.
- 1941 г., июнь-август — Формирование на территории Казахстана крупных войсковых соединений, впоследствии прославившихся на фронтах войны.
- 1941 г., 16 ноября — Героический подвиг 28 гвардейцев-панфиловцев у разезда Дубосеково под Москвой.
- 1941 г., 17 ноября — Преобразование 316-й стрелковой дивизии в 8-ю гвардейскую дивизию.
- 1942 г., 28 мая — Письмо Президиума Верховного Совета и СНК КазССР к героическим защитникам Ленинграда.
- 1943 г., 6 февраля — Опубликовано письмо казахского народа фронтовикам-казахам.
- 1943 г. — Вышло в свет первое издание «Истории Казахской ССР».
- 1943–1944 гг. — Депортация в Казахстан калмыков, балкарцев, чеченцев и ингушей, карачаевцев и др.

- 1944 г., 18 августа — Решением правительства КазССР и ЦК КП(б)К начались подготовительные работы к открытию Академии наук Казахской ССР.
- 1945 г., 8 мая — Капитуляция фашистской Германии.
- 1945 г., 9 мая — День Победы в Великой Отечественной войне СССР.
- 1945 г., октябрь — Создана Академия наук Казахской ССР.
- 1946 г., 1 июня — Первая научная сессия, посвященная открытию АН Казахской ССР.
- 1946 г., июль — Избрание Ж. Шаяхметова первым секретарем ЦК КП(б) Казахстана.
- 1949 г., август — Первое ядерное испытание на Семипалатинском ядерном полигоне.
- 1953 г., 15 марта — Смерть И. Сталина.
- 1953 г., сентябрь — Избрание Н. Хрущева первым секретарем ЦК КПСС.
- 1954 г., февраль — Снятие Ж. Шаяхметова с должности первого секретаря ЦК КП Казахстана и избрание на его место П.К. Пономаренко.
- 1954 г. — Начало освоения целинных и залежных земель в Казахстане.
- 1956 г., февраль — XX съезд КПСС, осуждение культа личности И. Сталина.
- 1956 г. — Начало реабилитации жертв массовых политических репрессий сталинского периода.
- 1956 г. — Вышел первый номер сатирического журнала Союза писателей Казахстана «Ара» — «Шмель».
- 1957 г., октябрь — Запуск первого искусственного спутника Земли с космодрома Байконур.
- 1959 г. — Всесоюзная перепись населения.
- 1959 г., август — Восстание молодых рабочих в Темиртау.
- 1961 г. — Был организован Институт литературы и искусства, которому было присвоено имя М. Ауэзова.
- 1964 г., октябрь — Смещение Н. Хрущева с поста первого секретаря ЦК КПСС и председателя Совета Министров СССР и избрание Л. Брежнева первым секретарем ЦК КПСС.
- 1964 г. — Избрание Д.А. Кунаева первым секретарем ЦК КП Казахстана.
- 1970 г. — Всесоюзная перепись населения.
- 1979 г. — Всесоюзная перепись населения.
- 1979 г., июнь — Протест в Целинограде против создания немецкой автономии в Казахстане.
- 1979 г., декабрь — Ввод советских войск в Афганистан.
- 1984 г. — Назначение Н.А. Назарбаева Председателем Совета Министров Казахской ССР.
- 1986, 17–18 декабря — Митинги и протесты населения в Алма-Ате и других городах Казахстана, недовольных решением Москвы назначить вместо Д.А. Кунаева Г.В. Колбина.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абай — 404, 413, 422, 564
Аблакимов А.А. — 669
Абдильдин Ж.М. — 27
Абдиров Н. — 482
Абдрахманов Г. — 466
Абдулгафаров М. — 292,
Абдуллин М. и Р. — 422
Абдуллин Х. — 644
Абдыбеков Т. — 468
Абдыкалыков М. — 35, 452, 461, 526
Абжанов Х. — 9, 10
Абилев Д. — 641
Абишев А. — 421, 645, 649,
Абишев Альжаппар — 522, 564
Абишев Г. — 35,
Абишев С. — 503
Абишева Б.Н. — 22, 38, 39
Аблаев С. — 117,
Аблайханов — 154,
Абланов С. — 101
Абылхожин Ж.Б. — 10, 25, 27, 239, 448
Авазбакиева М.Ф. — 574
Авдеев А. — 171, 174,
Авербух Р.А. — 521
Аветисян Х.К. — 566
Авсентьев Н. — 157, 158
Автандилов А.М. — 470
Агадилов Ж. — 509
Агапов — 113
Агеев А.Н. — 572
Агзамходжаев С. — 99
Адилев Д. — 433
Адилов Б. — 117,
Адильбеков Кожахмет — 312,
Адильгереев Х. — 39
Азербайев Кенен — 420, 422, 520, 564, 650
Азербайев М.Н. — 572
Азизов Тюлеген — 291,
Айдарова Х. — 21, 553, 569
Айманов Ш.К. — 523, 564, 649, 651
Аймаутов Ж. — 27, 33, 62, 413, 415, 419,
425, 429, 433, 640, 646
Аймуханов Б. — 515
Айсаев А.Ш. — 508
Айтаков Н. — 230
Айтжанов Демеген — 310
Айтиев А. — 111, 112, 134, 171, 174,
Айтмурза — 302
Айтпаев Г. — 422
Айтпенов М. — 116, 116
Акбаев Ж. — 104, 105, 128, 161
Акимина А.Г. — 511
Аккулыулы С — 20
Акпаев — 20, 92, 96, 103, 226, 429, 433
Акулов И.А. — 177
Акчулаков Т. — 574
Акынжанов М. — 640
Алагузов — 289,
Алгинбаев К. — 489
Алдажуманов К. — 9, 10, 25, 28, 37, 39,
40, 448, 669
Алдамжаров З.А. — 17
Алданазаров А. — 39
Алдасугуров Коюбай — 310
Алдияров К. — 291
Алексеев В.М. — 520
Алексеев П.А. — 452
Алехин Н.Б. — 491
Алибеков А.М. — 171, 172,
Алибеков Г. — 113
Алиев А.М. — 488
Алиев И.М. — 486
Алиев Т. — 310,
Алижанов Н. — 503
Алимбеков Г. — 157
Алимбеков И. — 101, 161
Алимгазинов К. — 10
Алимжанов А. — 645
Алимкулов Т. — 642
Алмазов А. — 135,
Алманиязов А. — 498
Алманов Б. — 177
Алмантаева — 703
Алмасов О. — 91
Алниязов Тобанияз — 304, 305, 306
Алтаев А. — 10

- Алтай Халифа — 701, 704, 706
 Алтыбаев Мадияр — 295
 Алтынбаев К. — 384
 Алыланский — 301
 Альжанов О. — 105, 126, 128,
 Альжанов Ш. — 116
 Алькенов К. — 488
 Амангельдиев Р. — 475
 Амангельды — 475, 488
 Аманжолов К. — 39, 522, 550
 Аманжолов С. — 104, 105, 128, 574
 Аманжолова Д. — 20, 66
 Ананьева М.Ф. — 437
 Ангелина П. — 457, 463
 Андреев А. — 243, 280, 283, 547
 Андропов Ю.В. — 610, 617
 Андрусенко К.М. — 470
 Анкинович Е.А. — 574
 Анкинович С.Г. — 574
 Анов Н. — 642
 Антипов П.В. — 510
 Антоновский Е. — 515
 Арабаев И. — 59
 Аралбаев Салыкпай — 295
 Аралбаев Т. — 320
 Аранышев М.Ф. — 649
 Аргыншиев С. — 135, 171, 174, 195
 Арсеньев В. — 664
 Арынгазиев — 195
 Асаинов Ж. — 484, 485
 Асауов О. — 112, 134
 Асимов Ж. — 421
 Асимов И. — 101
 Аспаев Б. — 353,
 Астафьев В. — 499
 Асфендияров С.Т. — 104, 107, 231, 403,
 413, 414, 415, 444, 447
 Асылбеков А. — 101, 309, 310, 430, 444,
 445, 448
 Асылбеков К. — 497
 Асылбеков М.Х. — 9, 10, 22, 23
 Асылбекова Ж. — 9, 10
 Атарбеков — 307
 Атшабаров Б.А. — 661, 662
 Атчибаев И. — 165
 Ауэзов М. — 66, 413, 420, 421, 422, 520,
 522, 523, 550, 551, 564, 565, 566, 569,
 571, 572, 574, 614, 641, 664, 648, 649
 Ахан-сере — 413, 564
 Ахмедьяров Г. — 504, 505
 Ахмет Али Молла Мардан — 705
 Ахметжанов К. — 127
 Ахметов А.Р. — 572
 Ахметов К. — 509
 Ахметсафин У.М. — 415
 Ахтанов Т. — 641, 642, 644, 645
 Ахтямов И.А. — 92
 Ахунбабаев Ю. — 288
 Ашимов А.А. — 574, 648
 Ашимова А.А. — 649
 Аширбеков К. — 503
 Аширов С. — 381
 Аяган Б.Г. — 9
 Бабаев Ж. — 97, 98, 111
 Бабаян Г.О. — 471
 Бадыров К. — 421, 423, 564
 Баевский Д.А. — 22
 Базанова Н.О. —
 Базанова Н.У. — 415, 422, 561, 566
 Базарбаев М. — 574
 Баимбетов Джумагазы — 299, 300, 301
 Баишев С. — 22, 31, 32, 356
 Байбулов Е.К. — 497
 Байганин Н. — 420, 520
 Байдаулетов Д. — 503
 Байдашев Кудайберген — 313
 Байдильдин А. — 433
 Байжанов М. — 413
 Байзаков И. — 420, 421
 Байконуров О.А. — 574
 Баймаханов М. — 65
 Баймухамедов — 565
 Байсалбаева Ж. — 28
 Байсеитов Канабек — 650
 Байсеитова К. — 422, 6509
 Байсеитова Н. — 508
 Байтулаков О. — 353
 Байтурсынов Ахмет — 14, 18, 20, 27, 30,
 34, 41, 47, 54, 62, 65, 101, 103, 104,
 105, 106, 121, 125, 127, 153, 157, 161,
 162, 163, 164, 168, 171, 172, 173, 176,
 292, 398, 399, 400, 403, 413, 415, 419,
 424, 429, 433, 444, 645
 Бакараев П.И. — 484, 485
 Бакбергенев С. — 641
 Бакина Н.С. — 498
 Баксин К. — 312
 Балакаев М. — 574
 Балакаев Т. — 36, 37, 39
 Балгаев Д. — 354
 Баранский П.Н. — 574
 Барвинский С.С. — 489, 498
 Бардин И.П. — 415
 Бариков Г. — 515
 Бармас А. — 298, 301
 Бармин — 698
 Бартеньев А.Н. — 572
 Бархоткин А.С. — 476
 Басин В. — 36

- Баумштейн В.Г. — 481
 Бахрушин С.В. — 22
 Баширова Л.Ш. — 37
 Баяк П.К. — 485
 Баядилов У. — 307
 Бегалин М.С. — 649
 Бегалин С. — 642
 Беги — 704
 Бегиметов Н. — 101
 Бегишев З. — 312
 Беда Л. — 35, 493, 494
 Безголосов В.М. — 468
 Безсонов А.И. — 561, 566
 Бейсекбаев Б. — 466
 Бейсекова Ш. — 422
 Бейсембаев С. — 17, 21, 295, 296, 641
 Бейсембиев К. — 33, 568
 Бекбосынов Б. — 493
 Бекбосынов С. — 488
 Бекежанов Н. — 422
 Бекишев К. — 493
 Бекишев О. — 488
 Бекмаханов Е. — 521, 552-556, 569
 Бекмухамедов Е. — 97, 101
 Бектаев А. — 702
 Бектасов А. — 497
 Бектурганов Б. — 496
 Бектуров А. — 566, 571, 572, 574
 Бектуров А.Б. — 415, 417
 Бектуров Ж. — 441
 Бекхожин Х. — 117, 425, 642
 Белан П. — 9, 38, 39, 40, 533, 534, 535
 Белоусов Г.А. — 498
 Беляев Г.А. — 501
 Беннигсен А. — 43, 45, 49, 52, 720
 Берг А.Б. — 441
 Берг А.Я. — 437
 Бердяев Н. — 600, 620
 Березин — 351
 Беримжанов А. — 104, 157
 Берия Л.П. — 26, 440, 557, 578, 596, 671
 Беркинбаев Е. — 303
 Бернадский В.И. — 415
 Берсиев Ч. — 457, 516
 Бехбуди М. — 99
 Бжезинский З. — 11, 52
 Бигельдинов Т. — 35, 483, 484
 Бизюкин Д.Д. — 354
 Бизянов Т. — 96
 Биндер М.А. — 21, 569
 Биржан — 413
 Биримжанов Г. — 121, 128, 433
 Бисенбаев А. — 37
 Бисенгалиев М. — 719
 Бисенов Х. — 32, 425
 Битыбаев Коскан — 319
 Бияшев Г.З. — 572
 Бланшар Л. — 50
 Боголюбский С.Н. — 566
 Бойко — 490
 Бок И.И. — 567, 574
 Бокеев О. — 644, 649
 Бокеев Ш. — 127
 Бокий Г. — 228
 Бокин Т. — 111
 Бокмашев Рахмен — 310
 Болдакбаев А. — 313
 Болотов А.Ф. — 475
 Бондаренко А. — 508
 Борисов В.П. — 478
 Борукаев Р.А. — 331, 524, 566-567
 Ботт Л. — 50
 Бочагов А. — 19, 59
 Бочигалиев — 318
 Боштаев М. — 92
 Брагина П.И. — 470
 Брайнин С. — 19, 59
 Брежнев Л.И. — 584, 588, 595, 612, 619
 Бреммер Я. — 53
 Брехунец Н. — 356
 Бричкин А.В. — 566, 574
 Броксап М. — 45
 Брун А. — 44
 Брусиловский Е.Г. — 422, 564-565, 649, 651
 Брэкер Г. — 45
 Букаткин П. — 39
 Букеева Х. — 564
 Букейханов А. — 18, 20, 41, 59, 62, 65, 90, 91, 92, 101, 102, 103, 104, 106, 121, 125, 127, 128, 129, 130, 133, 152, 153, 154, 156, 157, 158, 159, 164, 167, 169
 Букейханов Г.Х. — 445
 Букейханов Н. — 422, 444
 Букетов Е.А. — 574
 Булаев И. — 504
 Буланов К. — 313
 Булатов Г. — 497
 Булатов С.Я. — 572
 Булкишев Б. — 520, 522
 Булкышев Б. — 420
 Бурабаев М. — 33, 66
 Бурков А.А. — 471
 Бурханов К. — 9
 Бурханов М. — 312
 Бутнев Г.Н. — 481
 Бутубаев Р. — 312
 Бутырин С.М. — 460
 Бухарин Н.И. — 191, 237, 243, 250, 443

- Бухарин П.И. —
 Бушуев С.К. — 569
 Бэкон Е. — 47
 Бэрман Г. — 49
- Вавилов Н.И. — 560
 Вагенленер Г. — 50
 Вагина Варвара — 436
 Ваксберг М.А. — 569
 Валидов Заки — 153, 429
 Валиханов М. — 117
 Валиханов Ч. — 564, 641
 Вандушев К.Н. — 476
 Варламов И.П. — 134
 Васильев Л. — 21
 Великанов В. — 565
 Величенко Г.И. — 498
 Величко П.А. — 511
 Велт Г. — 53
 Вербо Алла — 436
 Вернадский В. — 264
 Видмайер Р. — 49
 Виннер И. — 47
 Вичкуткин И.П. — 510
 Владимирский Л.А. — 476
 Воронцов-Вельяминов Б.А. — 567
 Вяткин М.П. — 22, 553, 569
- Габбасов А.М. — 566
 Габбасов Х. — 92, 96, 104, 127, 129, 167, 169, 174, 292, 433
 Габдуллин М. — 35, 474, 480, 522, 550, 574
 Гаврилов П.И. — 492
 Гагарин Ю. — 641
 Галиев Н.С. — 474
 Галков И. — 380
 Галузо И.Г. — 19, 550, 570
 Галушкин Б. — 506
 Гальдер Ф. — 469
 Гаражес Н. — 436
 Гастелло Н.Ф. — 466
 Гатаулин М. — 430
 Гейер Д. — 43
 Гейне — 419
 Гениевский П.П. — 474
 Георгиев А.Н. — 474
 Гете — 419
 Гизатов Б. — 425
 Гизе Э. — 47
 Гитлер А. — 467, 469, 477, 485, 701, 703
 Глагольев — 489
 Гладышев Т. — 112
 Глебов В.С. — 486, 488, 495, 496
 Глисон Г. — 53
- Гобль П. — 53
 Говоров Л.И. — 560
 Гоголь Н.В. — 420, 421
 Голошекин Ф. — 34, 47, 58, 223, 226, 228, 239, 248, 251, 252, 260, 261, 276, 278, 279, 286, 299, 288, 300, 308, 335, 336, 337, 338, 339, 351, 419, 430, 442
 Голубев В.И. — 489
 Голубев Г.А. — 497
 Гольдман М. — 51
 Гончаров Ф.М. — 460
 Гончарук Н.И. — 486
 Горбачев К.О. — 341
 Горбунова П.М. — 282
 Гордиенко К.М. — 474
 Горшенин Д.Г. — 558
 Горький М. — 146, 419, 420, 549, 643
 Горянов В. — 466
 Горячев — 447
 Градов Г. — 565
 Греков Б.Д. — 415, 569
 Григорьев А.А. — 413
 Григорьев В. — 15, 17, 20, 25, 26, 229, 237
 Гринько — 503
 Гувер Т. — 11
 Гудзь П.М. — 482
 Гудков Д.В. — 480
 Гульницкий Л.В. — 574
 Гумаров Е. — 125
 Гумыров Е. — 101
 Гундилович П.М. — 473
 Гуревич Л. — 617
 Гусманов Г. — 488
- Давиденко В.И. — 479
 Далабаев Б. — 39
 Далелхан Жаналтай — 708, 717
 Даллин А. — 53
 Даниловский — 310
 Даниэльс Р. — 44
 Данияров А. — 504
 Данн С. — 49
 Данн Э. — 49
 Дарвин Ч. — 561
 Дахшлейгер Г.Ф. — 17, 239, 569
 Дацкова А. — 516
 Де Витт Н. — 49
 Дегтяр Ф.П. — 492
 Дейвис Р. — 242
 Дейли Э. — 45
 Дементьев Д.А. — 474
 Дементьев И.И. — 466
 Демский И. — 132
 Демочкин П.П. — 474

- Деомидов А.М. — 437
 Джалилов К. — 165
 Джамалитдинов А. — 320
 Джандильдин Н. — 33
 Джандосов О. — 67, 98, 111, 289, 444
 Джанибеков У. — 27
 Жансугуров И. —
 Жансугуров И. — 30, 61, 444, 445
 Джантилеуов Койшигал — 310
 Джанысов Утебай — 310
 Жармагамбетов К. — 31
 Джахандамов Б.А. — 157
 Жексенбаев Ш. — 492
 Жетписбаев — 649
 Жисенбаев С. — 39
 Джумабаева Т. — 508
 Джумалиев Х.Д. — 550, 551, 559-560, 565,
 570, 566, 574
 Джунусбеков К. — 296
 Дзевановский М. — 44
 Дикомбаев Д. — 474
 Дильманов С. — 9, 28, 448
 Дмитриев П.А. — 134
 Дмитриенко В.П. — 238
 Добровольский Ф.Г. — 486, 488
 Довжук Е.А. — 474
 Докучаев Г. — 38
 Домашев — 90, 93
 Домбровский Б.А. — 572
 Дониц А.Н. — 268
 Досжанов С. — 127
 Доскалиев К. — 39
 Доскей — 420
 Досмухамбетов А. — 485
 Досмухамедов Ж. — 92, 104, 105, 115,
 127, 128, 129, 157, 158, 165, 167, 168,
 433
 Досмухамедов Х. — 59, 91, 104, 105, 115,
 127, 128, 157, 158, 165, 167, 168, 403,
 415, 433, 444
 Досмухаметов Д. — 515
 Досов А. — 116, 175, 177, 444
 Досов У. — 703
 Досымов Бекдильда — 302
 Доценко Н.П. — 478
 Дошанов С.Д. — 157
 Дружинин Н.М. — 22, 553, 569
 Дубынин И. — 151
 Дуйсебаев Т. — 126
 Дулатов А. — 59, 91, 291, 292
 Дулатов М. — 18, 20, 27, 33, 62, 65, 92,
 96, 101, 103, 104, 105, 121, 125, 127,
 129, 168, 291, 292, 313, 413, 419, 429,
 433, 444, 640, 646,
 Думанский А.В. — 572
 Дутов А. — 129, 133, 150, 152.
 Дюков Л.В. — 572
 Евсеев Н. — 298, 300,
 Егоров А.С. — 503, 511
 Егоров В.В. — 508
 Егоров М. — 497
 Едыге — 555, 559
 Едыгенов Н. — 9, 36, 37, 40, 537
 Ежов Л. — 596
 Ежов Н.И. — 442
 Елагин А.С. — 15, 16, 17, 236,
 Елеуов Т.Е. — 14, 15,
 Елеусизов Чокан — 314
 Елисеев С.Н. — 474
 Елихан Батыр — 704
 Елшинов М.С. — 486
 Ембердиев Демберген — 310
 Ембердиев Карамурза — 307, 310
 Емелев М.П. — 133
 Ералиев Ш. — 305
 Еренов А.Е. — 569
 Ержанов А.Е. — 22
 Ержанов Манарбек — 422, 564
 Ермаков Б.Г. — 564
 Ермаков А. — 20, 96, 104, 105, 125, 127,
 153, 157, 158, 168, 176, 574
 Ермолаев А. — 109
 Ерназаров Е. — 315, 320
 Ерошенко И.А. — 504
 Ершураев У. — 307
 Есболов М. — 91, 105, 153, 292
 Есенберлин И. — 642, 645
 Есенгельдин М. — 445
 Есенжанов Х. — 640
 Есенов Ш.Е. — 37, 503, 567, 574
 Ескараев С. — 444
 Есмагамбетов Ж. — 498
 Есмагамбетов К. — 9, 40
 Еспергенов Ибрагим — 295
 Етенов К. — 510
 Ефименко П.Ф. — 487, 495
 Ефимов А.В. — 569
 Ефремов М. — 510
 Ешмухамедов Г. — 127
 Жабаев Жамбыл — 420, 520, 522
 Жайнаков И.Т. — 104, 105, 126
 Жакаев И. — 516
 Жакишева С.А. — 28
 Жакупбеков С.К. — 23
 Жакупова М. — 37
 Жаманкулов З. — 702, 703
 Жаманмурынов Т. — 91
 Жанбосынов Абдулгафар — 292

- Жанбосынов С. — 292
 Жангельдин А. — 60, 111, 160, 161, 162, 170, 171, 172, 174, 175, 176, 177, 195, 300, 304, 321
 Жангельдин Т. — 507, 508
 Жандарбеков К. — 421
 Жандарбекова Ш. — 423
 Жансугуров И. — 420, 445, 447
 Жантлеуов К. — 422
 Жапсарбаев К. — 422
 Жароков Т. — 640, 641
 Жаутыков О.А. — 574
 Желтяков К. — 37
 Жиенбаев С. — 642
 Жизневский Ф. — 558
 Жиренчин А. — 553
 Житников В.И. — 470
 Жовтис А.Л. — 643
 Жолдасбеков М. — 425
 Жолдыбаев М. — 444
 Жубанов А.К. — 417, 422, 425, 559, 560, 564, 565, 566, 570, 574, 650
 Жубанов К. — 299, 414, 415, 444
 Жубанова Г. — 565
 Жуков — 471
 Жумабаев М. — 27, 33, 62, 104, 419, 429, 433, 444, 643, 644, 645, 646
 Жумагалиев А. — 503
 Жуманиязов К. — 702
 Жуматов Г. — 466
 Жумашев Р.М. — 34, 37, 40
 Жундибаев Г. — 121
 Жунин С.Г. — 508
 Жунусов С. — 645
 Журавлев — 480
 Журавлева М. — 498
 Жургенов Т. — 30, 34, 195, 431, 444, 445, 447, 448
 Жылкайдарова С. — 91
 Завадовский — 560
 Зайцев А.А. — 475, 488
 Закарян А. — 31
 Заки Уалиди То?ан А. — 41
 Замировский Н.М. — 467, 475
 Заплетняк М.П. — 476
 Засулич В. — 209
 Затаевич А.В. — 60, 413, 421, 425, 564
 Захаров И.К. — 505
 Звездов А. — 112, 133
 Зебницкий Н.В. — 506
 Зеленский И.А. — 336, 337, 338
 Земсков В.Н. — 664
 Зеньковский С. — 42
 Зиккеев Г.А. — 510
 Зиманов С.З. — 15, 17, 21, 573
 Зиновьев — 443
 Зубков А.Н. — 474
 Зубков Г.П. — 468
 Зыбинский И.П. — 474
 Ибенов А. — 488
 Ибрагимов А. — 294, 295, 296, 312
 Ибрагимов Т. — 91, 105, 129
 Ибрагимов Т. —
 Ибрагимов Х. — 99
 Иванов В. — 164, 423, 490
 Ивановская П. — 283, 290
 Иващенко — 315
 Игнатов П.Н. — 613
 Игнатушкин С.Ф. — 474
 Идирисов Алдияр — 295
 Идрисов Г. — 151
 Иерусалимов — 320
 Избасов Ж. — 493
 Измайлов М.П. — 497
 Изотова С.А. — 460
 Илларионов — 289
 Ильяс — 704
 Иманкулов К. — 466
 Иманов А. — 60, 61, 111, 134
 Иманов Шарип — 488
 Имашев М.Т. — 569
 Иолбарс бек — 718
 Иоффе И. — 228
 Ипмагамбетов М. — 112, 115, 134
 Иса Юсуф Алптекин — 709
 Исабаев К. — 641
 Исабеков Д. — 644
 Исаев — 308
 Исаев М.А. — 487
 Исаев У. — 287, 288, 335, 429, 444, 662, 696
 Исатаев Ж. — 309
 Исенгулов Г. — 115
 Искандер Аманжол — 698
 Исмагулов Х. — 504
 Исмаилов А. — 423
 Исмаилов Е. — 550, 551, 570
 Исмаилов К. — 507
 Исмаилова Г. — 650
 Итбаев Е. — 96
 Итбаев Н. — 37
 Ихласов Б. — 382
 Ишмухамедов Б.Е. — 556
 Кабдоллов З. — 664
 Кабулов И. — 447
 Каганович Л. — 243, 280, 287, 288, 578
 Кадерниязов — 560